

Евразийский юридический журнал

№ 2 (165) 2022

Редакционный совет журнала

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камилль Абдулович, д.ю.н., профессор, член Постоянной палаты третейского суда (г. Гаага)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)
БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке
БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)
БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет)
БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)
ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет)
ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российского философского общества)
ЗОПОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан
КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, д.ю.н., профессор, (Северо-западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ)
КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)
КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)
ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)
ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)
МАУЛЕНОВ Касым Сырбаевич, д.ю.н., профессор (Международный университет информационных технологий, г. Алматы, Республика Казахстан)
МИШАПЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
МУХАМЕТШИН Фаим Баязитович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет)
НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет)
РАГУЛИН Андрей Викторович, доктор юридических наук, доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
САЛИХОВ Гафур Губаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный университет)
СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)
СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
СМАГУЛОВ Асылбек Айжарыкович, д.ю.н., профессор (Институт законодательства Республики Казахстан)
СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)
ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)
ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва), Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)
ФАРХУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)
ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)
ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)
ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)
ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)
ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России
ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

С 1 марта 2010 международный научно-практический журнал «Евразийский юридический журнал» был включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по юридическим наукам.

С 1 декабря 2015 года «Евразийский юридический журнал» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по трем специальностям: 12.00.00 Юридические науки 08.00.00 Экономические науки 09.00.00 Философские науки (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации).

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежит Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2022

Подписано в печать 28.02.2022
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д. И.,
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<http://www.eurasialaw.ru>,
<https://www.eurasialegal.ru>

Eurasian Law Journal

№ 2 (165) 2022

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH Igor Mikhailovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Vice-Chairman

BEKYASHEV Kamil Abdulovich, Ph.D. in Law, Professor, member of the Permanent Court of Arbitration (Hague)

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia)

BATKHIEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University)

BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

FAKHRUTDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FROLOVA Evgeniya Evgenjevna, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia)

GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

GUSEINOV Abdusalam Abdulkherimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)

ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)

KHAYKIN Mark Mikhaylovich, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg))

KIRILENKO Viktor Petrovich, Ph.D. in Law, Professor (North-West Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation)

KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)

LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MAULENOV Kasim Syrbaevich, Ph.D. in Law, Professor (Saint Petersburg State University of Economics)

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)

MUKHAMETSHIN Faim Bayazitovich, Ph.D. in Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

NECHEVIN Dmitriy Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

RAGULIN Andrey Viktorovich - Ph.D. in Law, associate professor, Editor-in-chief of the journal "Eurasian Advocacy"

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

SALIKHOV Gatur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State University, Ufa)

SEVALNIKOV Andrey Yurievich, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)

SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

SMAGULOV Asylbek Yarymowich, Ph.D. in Law, Professor (Institute of the legislation of the Republic of Kazakhstan)

SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)

TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Russian Economic Academy of G.V. Plekhanov (REA))

VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia)

ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

Journal published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

On December 1, 2015 international scientific and practical journal «Eurasian Law Journal» is included to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of the Ph.D. have to be published, in the fields of:
12.00.00 Legal sciences
08.00.00 Economic sciences
09.00.00 Philosophical sciences
(a List of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

Published since October 2007.

Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2022

Signed for printing 28.02.2022

Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –

Farkhutdinov D. I.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasialaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<http://www.eurasialaw.ru>,

<https://www.eurasialegal.ru>

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Институт государства и права Российской академии наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:

ФАРХУТДИНОВ Линар Ипшатович, к.ф.н.

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич, д.ю.н., доцент

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович, к.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

МЕХДИЕВ Эльнур Таджидинович, к.и.н.

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

СОДИКОВ Шарбатулло Джаборович, к.ю.н.

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, к.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

ШАЙДУЛЛИНА Венера Камилевна, к.ю.н., доцент

руководитель интернет-проектов:

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:

FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Igbal Adil ogy, Ph.D. in Economics

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences,
Associate Professor

MEHDIEV Elnur Tadjhadinovich, Ph.D. in History

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaiaz Gabelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

SHAYDULLINA Venera Kamilevna, Ph.D. in Law, associate professor

head of the internet-projects:

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

А. Л. Сергеев:

Уроки кубинского социализма: доктрина политики и права

Интервью с кандидатом юридических наук, доцентом кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) Александром Леонидовичем Сергеевым 14

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Абукарова М. У.

Актуальные проблемы международного права в ракурсе современного международного правопорядка 17

Важенина И. В.

Проблема единого подхода в правовом оформлении теоретического инструментария при противодействии экстремизму 19

Водянов А. В.

Центр по борьбе с финансовыми преступлениями и коррупцией как ответ Интерпола на современные угрозы отмывания денежных средств 23

Емельянов С. В.

Основы организации и взаимодействия Российского Национально центрального бюро Интерпол с международным сообществом 25

Норбоева Т. В.

Ключевые аспекты международно-правового управления в сфере обращения с химическими веществами: учет уроков прошлого 27

Аль-муттаири Фурат Заки Салих

Роль международного права в регулировании отношений между оккупирующей державой и оккупированной территорией в случае оккупации 31

Беляева Ю. Л.

Актуальные направления деятельности Европола в сфере борьбы со спортивной коррупцией 35

Нуреева Л. Р.

Некоторые проблемы современной практики отстранения от должности федеральных судей в США 37

Спиридонов С. А.

Значение международно-правового регулирования трансграничного банкротства в рамках Европейского Союза 39

Юсифова П. Н.

Генезис международно-правовой охраны здоровья человека и окружающей среды от вредного воздействия ртути и ее соединений 41

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Ивлиев П. В., Кондрашов С. В.

Основные проблемы определения и применения понятия «статус» в доктрине международного частного права 47

Омран Мохамед Агяд

Основания для расторжения договора аренды недвижимого имущества в Сирийской Арабской Республике 50

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Тюменцев В. О.

Правовое регулирование отношений в сфере здравоохранения в Договоре о функционировании Европейского Союза (ДФЕС) 53

ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Хайсам Н. М. Шакарна

Актуальный правовой механизм ответственности членов правления перед третьими лицами в ФРГ 55

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Байниязова З. С.

Правовая система и вопросы обеспечения единого правового пространства в Российской Федерации 59

Владимирова Г. Е.

Особенности формирования гражданского общества России в 20-х годах XXI века (теоретический аспект) 61

Глоба М. В.

Основные обстоятельства (причины) становления и эволюции правовых позиций высших судебных органов России 63

Золотухина Т. А.

О роли Президента РФ в российском законотворческом процессе 65

Ларинбаева И. И., Васильев А. В.

К вопросу о юридической природе экономических прав 69

Маликова А. Х.

Соотношение форм государственности и форм права 71

Мифтахов А. М.

Борьба против молодежного экстремизма как путь к осознанию ингерентности религии, государства и общества 73

Янкин Г. Н.

Актуальные правовые аспекты таможенного регулирования в ЕАЭС на этапе формирования экономического союза 76

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Бурукин В. В., Федотова И. Н.

Михаил Николаевич Галкин-Враской: ученый-пенитенциарист и реформатор российской тюремной системы 78

Прохоров В. В.

Организационно-правовые основы командирской учебы начальствующего состава РКМ Крыма во второй половине 1930-х годов 82

Сыпченко А. В.

Политический процесс по делу «Волжской контрреволюционной организации «Трудовой крестьянской партии» в контексте новых архивных материалов и подходов 84

Шамурзаев Т. Т., Ардашев Р. Г.

Ложная информация о работе спецслужб, встречающаяся в литературе, кино и СМИ 87

Сергеев А. Л.

Политико-правовая доктрина кубинского социализма: стадии формирования 89

Магдилов М. М., Ханмагомедов Х. Г.

Политико-правовые взгляды античных мыслителей как основа теории правового государства 91

Гасанов О. Б.

Институт изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд в Канаде: исторический анализ 93

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Курбатова Г. В., Иванова О. В.

Современные дискуссии о проблемах правового регулирования и реализации выборов в Российской Федерации 96

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Андрюхина И. Ю., Карама Л. Л.

Современные подходы в оценке эффективности служебной деятельности государственных гражданских и муниципальных служащих 98

Берлизов М. П.

Проблематика использования, сохранения и государственной охраны искусственных водоемов (водохранилищ) и гидротехнических сооружений, являющихся объектами культурного наследия народов РФ 100

Бирюкова Э. Р.

Мотивация государственных служащих и ее связь с результативностью их деятельности 103

Закопырин В. Н.

Допустимость словесных доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях 105

Кузнецов А. К.

К вопросу о правовом обеспечении создания регуляторных «песочниц» в Российской Федерации 107

Погомий И. Н., Ермолина М. А.

Временный запрет деятельности и административное приостановление деятельности: проблемы правоприменения в отношении опасных производственных объектов 110

Урусов З. Х. К вопросу применения ст. 14.17.1 КоАП РФ	112	Огородник В. Ф. Принудительный выкуп незначительной доли в праве общей долевой собственности: вопросы правоприменительной практики.....	174
Федина Л. М. Анализ поступательного реформирования нормативно-правового регулирующего правоотношений в сфере государственных (муниципальных) закупок.....	114	Рыхлетский П. Л. Актуальные проблемы и новеллы института представительства в отечественном гражданском прав	177
Филин В. В., Феткулов А. Х., Рахимгулова М. Б., Байкенжина К. А. Административно-правовые аспекты обеспечения безопасности и охраны труда в Республике Казахстан	116	Спектор А. А. Добросовестный приобретатель: понятие, правовое положение, проблемы реализации.....	180
Заруба Д. С., Догадина Д. С., Очак П. К., Чернов Ю. И. Актуальные проблемы административно-правового противодействия девиантному поведению несовершеннолетних.....	120	Пермяков М. В., Рачева Н. В., Килин А. Г. Правовые методы решения семейных споров	182
МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО		Порфирьев А. А. Система договоров энергоснабжения.....	185
Абазов А. Б., Файрушин Т. А. О формах непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления (на примере Кабардино-Балкарской Республики)	122	Селюнин П. С., Терещенко И. А. Освобождение от долгов в процедуре несостоятельности (банкротства) гражданина: новые вызовы	188
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО		Семенов А. В., Симонова О. В., Амири А. Э. Правовое регулирование определения искусственного интеллекта как объекта или субъекта гражданского права	191
Алиева А. А. Программа самозанятости как новая форма трудоустройства лиц из уязвимых групп: правовые проблемы и перспективы	125	Ступина С. А. Участие дознавателей органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы в защите гражданских прав.....	194
Аллахвердиев А. Х. Комплаенс и юридические уловки в исламском праве	132	Шильдина М. В. Модели расчетного правоотношения с использованием цифрового рубля в режимах онлайн и офлайн	197
Антонова Л. И., Колесникова Е. С., Корнева К. А., Основные вызовы современному праву: цифровизация нормотворчества.....	134	Белоусова Е. В. Защита прав строительных подрядчиков по государственному контракту.....	199
Ананьева Е. О., Абовян Э. П. Проблемные вопросы завещательного договора: сравнительный анализ норм законодательства	136	Фарафонтова Д. С. Особенности межотраслевого регулирования алиментных обязательств.....	202
Бабошкин А. А., Кошелюк Б. Е. Актуальные аспекты правового статуса стейкхолдера в странах общего права.....	139	Шевчук С. С., Петров Н. В. Институт субституции в наследственном праве: история и современность.....	205
Башилов Б. И. Снятие ареста с денежных средств как обеспечительной меры в делах о несостоятельности (банкротстве): проблемные аспекты правоприменительной практики	143	Берман А. М. Унификация правового регулирования в сфере использования цифровых технологий в Европейском союзе: блажь или необходимость?	208
Гафиуллин Х. И., Гаврилюк Р. В., Носаненко Г. Ю. «Аффилированность»: понятие и методологическое значение.....	146	Мараховская К. Г., Карпец С. И., Ермоленко К. И. Харассмент. Как бороться с дискриминацией на работе?	211
Гутиева И. Г. Понятия и правовые основания остановки и задержания транспортного средства	148	Полина-Сташевская А. Л. Институт злоупотребления правом в страховых спорах: судебный аспект.....	213
Ивлиев П. В., Кошелюк Б. Е. Основания прекращения факультативных обязательств	150	ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	
Коваль М. И., Веселова Д. В. Изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд (гражданско-правовой аспект)	153	Китаева А. В., Поливцева А. А. К вопросу о цифровых доказательствах в гражданском и арбитражном процессах.....	217
Косенко О. А., Сафаров В. Р., Абрамова В. А. Некоторые особенности развития и ограничения трудовых прав человека и гражданина в период коронавирусной инфекции (сovid-19).....	156	Могилевский Г. А., Комиссаров А. В. Актуальные вопросы осуществления правосудия военно-судебными органами Российской Федерации: история и современность.....	219
Курбатова Г. В., Ананьева Е. О. Эффективность правовых стимулов и правовых ограничений в гражданско-правовом регулировании.....	158	ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО	
Лысенко Н. А., Буряк В. А. Перспективы применения «умных договоров» в российском законодательстве	160	Гончарова Л. Н., Синенко В. С. Нотариальное установление юридических фактов.....	222
Колесникова М. М., Максимова Е. В., Мишина Е. В., Саченко А. Л. Особенности законодательного регулирования оборотоспособности объектов, созданных искусственным интеллектом.....	162	Мальшев С. Я., Киселев Н. Н. Процесс допуска и предоставление заинтересованным лицам доступа к информации, составляющей коммерческую тайну	225
Матыцин Д. Е. Превенция конфликтов участников инвестиционных отношений в информационном пространстве: методологический инструментарий	166	Ткачева Н. Г. К вопросу об установлении содержания категории «Правовой режим приемки товаров»	228
Махиборода М. Н. Некоторые вопросы специфики гражданско-правовой ответственности в обязательствах по перевозке морским транспортом.....	170	ТРУДОВОЕ ПРАВО	
		Китаева А. В. К вопросу правового регулирования организации дистанционного труда.....	231

Малкеров В. Б. Проблематика регулирования трудовых отношений преподавательского состава высшего учебного заведения.....	233	Манукян А. Р. Аспекты уголовной ответственности за неисполнение родительских обязанностей.....	287
ФИНАНСОВОЕ ПРАВО		Магомедов Б. Г., Демиров К. К. Современные проблемы использования специальных познаний в раскрытии и расследовании преступлений.....	
Анисимова М. А. Особенности российского регулирования ESG-банкинга с учетом мирового опыта.....	235	Марианов А. А., Мирзаев З. М., Мирзаева З. З. Особенности личности несовершеннолетнего преступника.....	291
Богуславская Н. А. Финансовая основа федеральной территории «Сириус».....	237	Семченков И. П., Сорокин И. С., Бурдейный В. В. Объект преступления: общественные отношения или возможность?.....	293
Комарова Л. В., Фарикова Е. А. Место института финансового контроля в системе российского права.....	239	Таова Л. Ю., Толгурова З. Х. Статья 106 УК РФ, как объект криминологического исследования.....	299
Коробова А. П., Сайгашкин Я. В. К вопросу о формировании финансово-правовой политики государства в условиях цифровизации.....	242	Ущекин С. Н. Совершенствование уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней).....	301
Шарудинова И. Д., Алиева Э. Б. Схемы уклонения от уплаты налогов.....	244	Осадчая Н. Г. Принудительные работы и ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы.....	304
Ильина К. Е., Курганская А. А., Чернов Ю. И. Финансовый контроль в области миграции населения.....	246	Петрова Г. О. Война – преступление против человечества.....	306
НАЛОГОВОЕ ПРАВО		Еремина А. А., Пережогина Г. В. К вопросу о квалификации неоконченного разбоя: теоретические и практические проблемы.....	
Магомаев А. А., Алиева Э. Б. Особенности налогообложения самозанятых в РФ.....	248	Бадамшин И. Д., Литвина А. В., Кулиев И. Б. О сущности и содержании целей наказания в современном уголовном праве России.....	308
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО		Бийсолтанов А., Таилова А. Г. Причины и условия совершения насильственной преступности против личности и направления по ее профилактике.....	
Зубкова М. Н., Бродецкая М. А. Досрочное прекращение права пользования недрами как обеспечение государственной защиты и охраны недр.....	250	Гусейнов А. А., Карелкин Е. Н., Шаббаев В. В. Понятие о Киберпреступлении.....	318
Клюканова Л. Г. Обеспечение экологической безопасности городской среды: актуальные проблемы правового регулирования.....	253	Никифоров И. А. Уголовное наказание в виде ограничения свободы: законодательные и правоприменительные проблемы.....	320
УГОЛОВНОЕ ПРАВО		Оссама Кади Е. А. Предупреждение киберпреступлений в США и России: криминологическая характеристика личности киберпреступника в США.....	
Абдулаев А. М., Таилова А. Г. Добровольный отказ от совершения преступления: вопросы правоприменительной практики.....	258	Хаджиев Б. Х. Характеристика субъективных признаков уклонения от исполнения или неисполнения судебных актов.....	326
Алиев А. М., Алиева А. И., Марианов А. А. Пути повышения эффективности профилактики преступности среди несовершеннолетних.....	261	Мартыненко А. И., Трахова Ф. А., Кривенко Ю. А., Чернов Ю. И. Вопрос об установлении ответственности за новые виды мошенничества.....	329
Ахтамьянов Р. Р., Нелюбин Р. В., Жуков Н. И. Актуальные проблемы раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.....	263	УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	
Бадамшин И. Д., Литвина А. В., Кулиев И. Б. Преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: тенденции и противодействие.....	265	Гриценко Н. С. Тенденции развития коллегиального рассмотрения уголовных дел в современном уголовном судопроизводстве РФ.....	
Бондарь А. Г., Теунаев А. С. Криминальный аспект использования отдельных видов инфокоммуникационных инструментов.....	267	Домовец С. С. О некоторых способах совершения хищений в сфере экспресс-доставки товаров и грузов по России и миру и механизмах их выявления и расследования.....	
Войкова Н. А. Фишинг и иные методы социальной инженерии как инструмент мошенничества в сети.....	269	Доросинская А. М. Механизм действий и решений дознавателя, предусмотренный статьей 427 Уголовно-процессуального кодекса РФ, касающийся прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетних с применением принудительной меры воспитательного воздействия.....	
Гусейнов А. А., Карелкин Е. Н., Шаббаев В. В. К вопросу о тактических действиях по борьбе с киберпреступлениями.....	272	Зайцева Е. В. Уголовно-процессуальные и организационно-тактические аспекты расследования фальшивомонетничества.....	
Давлетов В. И., Милютин Р. В., Жабкин А. С. Анализ уголовно-правовой характеристики должностных преступлений на примере статьи 293 УК РФ.....	274	Корнакова С. В., Каак А. П. К вопросу о понятии «сообщение о преступлении».....	
Захарова С. А., Кузьмин С. С., Лакеев А. А. Уголовно-правовое противодействие распространению COVID-19.....	276	Масленникова Е. А. Осуществление уголовного преследования в сфере международного сотрудничества.....	
Кади Осам И. А., Манна Аммар Абдуль Карим Тенденции борьбы и предупреждение с мошенничествами, совершенными с использованием информационных технологий.....	279		
Комиссаров А. Е. Значение (роль) принципов открытости и гласности в процессе предупреждения взяточничества в образовательных организациях высшего образования России.....	282		
Магомедова А. И., Билалов Б. А. Субъективная сторона заведомо ложного доноса.....	284		

Мусина К. Р. К вопросу о сущности обыска как следственного действия.....	345	Становая О. В., Четвероус А. Н. Особенности работы с вещественными доказательствами, содержащими следы биологического происхождения, связанные с последующим назначением и проведением ДНК-экспертиз	395
Погорельский А. А. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и невменяемых: эволюция становления усложненных дифференцированных форм	348	Юсупов А. М. Взаимодействие следователя с органами и лицами, участвующими в процессуальных действиях при проверке сообщения о преступлении в кредитно-финансовой сфере	397
Попов Д. П. Функциональная характеристика современного уголовного судопроизводства	350	Нагоева М. А. Актуальные вопросы исследования следов перчаток	399
Пыленко И. П., Куликовская И. С., Григорьев А. В. Уголовно-процессуальные особенности осуществления предварительного расследования капитанами морских и речных судов	353	ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ	
Степаненко Ю. С. Применение ареста как вида уголовного наказания	357	Ахияров Р. А., Николаев Н. Ю., Кошевец Г. В. О вопросах готовности сотрудника органов внутренних дел к чрезвычайным ситуациям	401
Смолина М. М., Сосновский А. А. Преступления экстремистской направленности, совершенные в молодежной сфере: причины и профилактика	359	Богданов А. В., Кочнев А. А. Роль современного программного обеспечения в процессе оптимизации информационно-аналитической работы в органах внутренних дел Российской Федерации	403
Сулейманов Т. А., Назаркин Е. В., Данилова И. Ю., Масленникова Е. А. Возбуждение уголовного дела и уголовное преследование: вопросы теории и практики	361	Гончаренко Е. В., Тайсаева С. Б., Деев А. А. Психологический портрет (profile) ситуативного растлителя в психолого-криминалистической практике	405
Сухинин А. В., Цебекова Г. В., Басанов В. В., Мушинов Б. Ц. Реабилитация как форма восстановительного правосудия	363	Каримова Г. Ю. Роль участкового уполномоченного полиции в реализации мер предупреждения беспризорности и правонарушений несовершеннолетних	408
Цебекова Г. В., Нактанов К. К., Басанов В. В., Адыева С. О. Роль судебно-медицинского эксперта в уголовном процессе	366	Кумышева М. К., Абазова Е. Х. Особенности и порядок применения мер административного принуждения полицией	410
Давыдовская М. В. Судебно-следственные действия как способ собирания доказательств	369	Масейчук Ю. М., Байрамов С. А., Марченко К. С. Актуальные проблемы огневой и тактико-специальной подготовки на современном этапе	412
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО		Степанова А. А. Содержание контрольно-надзорной деятельности органов внутренних дел в сфере миграции	414
Бякина С. И., Карханина Л. В. Проблемы реализации уголовно-исполнительными инспекциями мер пресечения и наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества	373	Телигисова С. С. Процесс формирования ценностных ориентиров личности сотрудника правоохранительных органов для эффективного выполнения ими профессиональной деятельности	416
Овсянникова Т. А., Сайфуллин Р. Р. Ресоциализация осужденных как необходимое условие по предупреждению рецидива преступлений	376	Урусов З. Х. Особенности привлечения к административной ответственности граждан при распространении ими информации в социальных сетях в отношении должностных лиц (полиции)	419
Назаркин Е. В., Сулейманов Т. А., Захарова С. С., Масленникова Е. А. Особенности подготовки и проведения опознания в ходе расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества	378	Гончаренко Е. В., Тайсаева С. Б., Банников Д. В. Ложь как психотравмирующий фактор у несовершеннолетнего в практике психолога и следователя	421
Роман Е. М., Юнусов С. А. Коррупция в уголовно-исполнительной системе: статистика, детерминанты, меры нивелирования	380	БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО	
Репина А. А. Некоторые особенности привлечения осужденных к исправительным работам по законодательству Республики Казахстан	383	Ахтамьянов Р. Р., Байрамов С. А., Якушев А. В. Основные угрозы в сфере информационно-коммуникационных технологий	424
Титова О. З. К вопросу о прохождении адаптации сотрудников исправительных учреждений ФСИН России	385	Жуков А. З., Ингушев Ч. Х., Шкахова Ф. А., Махов И. А. Актуальные вопросы развития кибербезопасности экосистемы Сбербанка	426
СУДОПРОИЗВОДСТВО		Каноква Л. Ю. Проблемы применения поисковой техники для обеспечения безопасности граждан	429
Корнакова С. В., Самойлова Ж. В. Так ли несовместимы идеи поиска истины и состязательности в уголовно судопроизводстве?	387	Кодзокова Л. А., Кумышева М. К. Международно-правовые механизмы противодействия терроризму	432
Манукян А. Р. Проблемы применения общих правил производства следственных действий	389	Коркмазов А. В. Противодействие экстремизму и терроризму, как приоритетное направление обеспечения национальной безопасности	435
КРИМИНАЛИСТИКА		Кучмезов Р. А. Экстремизм в сети интернет: правовые основы и проблемы противодействия	437
Гаужаева В. А., Прокофьева Е. В. К вопросу о роли криминалистической характеристики личности преступника в расследовании нарушений правил охраны окружающей среды	391	Носатов Ю. Н., Уваров М. А. Вновь к вопросу выборов как правового основания для неправового достижения государственной власти	439
Нагоева М. А. О получении криминалистически значимой информации в ходе осмотра места происшествия	393		

Романов А. А., Соболев А. Г. О некоторых методах выявления потенциальной угрозы снайпера в деятельности подразделений госзащиты	442
Таран А. Н., Огрыза А. В., Таран К. А. Проблема характеристики самообороны в законодательстве России.....	444
Тхазеплов Т. М. Приемы получения информации о внешнем облике человека при расследовании преступлений террористической направленности.....	446
Шогенов Т. М., Бураева Л. А., Кучмезов А. Н. Об актуальных вопросах пресечения деятельности радикальных сообществ, вовлекающих молодежь в совершение преступлений террористической направленности	448
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРЫ	
Яковлев Н. М. Правозащитная работа органов прокуратуры по восстановлению исторической справедливости и доброго имени П.А. Ойунского, государственного и общественного деятеля, депутата Верховного Совета СССР от Якутии.....	451
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА	
Юнусов А. А., Юнусов М. А., Ахвердян А. Г. Философское понимание свободы в фокусе обязанностей человека и гражданина.....	454
ПЕДАГОГИКА И ПРАВО	
Зорина Н. С. Причины и педагогическая профилактика противоправного поведения в подростковом возрасте	456
СПОРТИВНОЕ ПРАВО	
Васькина А. А., Монахов Г. Д., Коваленко Е. В. Антидопинговые организации: понятие, цели, структура	459
СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО	
Гайсина Л. М., Баранов Е. Ю. Правовые основы коммуникационного взаимодействия местных органов власти и населения как объект социологического исследования (на примере администрации муниципального района Бирский район Республики Башкортостан).....	463
Садыкова Х. Н., Пуртова И. А. Мотивация трудового поведения: мнение работников нефтяной компании	466
Хайруллина Н. Г., Гольцова Е. В. Взаимосвязь глобальных и региональных воздействий в системе современных обществ.....	468
ЭКОНОМИКА. ПРАВО. СОЦИУМ	
Блаженкова Н. М., Байрушина Ф. Ф. Цифровизация как фактор обеспечения мониторинга социально-экономического развития региона.....	470
Быстров А. В., Талатин Е. А. Устойчивое развитие как стратегический императив развития предприятий топливно-энергетического комплекса.....	473
Васильев А. Ю. Внедрение риск-ориентированного подхода при проведении контрольных и экспертно-аналитических мероприятий за расходами на реализацию национальных проектов.....	476
Галяутдинов Р. Ф., Чембарисов Т. И. Современные схемы мошенничества с использованием информационных технологий.....	478
Зайцев А. Г., Машегов П. Н., Полторыхина С. В. Институциональная и производственная системы региона: теоретическая модель возникновения нелинейной динамики	480
Кот Е. М., Ручкин А. В., Рущицкая О. А. Учебно-опытные производственные подразделения аграрных образовательных учреждений: анализ рисков и предложения по государственной поддержке	482
Куприков Н. М., Доронин Д. О., Екимов А. И., Куприкова Е. М., Куприков М. Ю. Сфера туризма и сопутствующих услуг: актуальность фонда документов по стандартизации	486
Нуриев Б. Д., Доган С. Правовые аспекты применения искусственного интеллекта и робототехники в сфере выездного туризма между Россией и Турцией	488
Скворцова В. А. Совершенствование организационно-экономического механизма выбора объектов контроля на этапе после выпуска товаров.....	491
Галяутдинов Р. Ф., Насыров Р. Р. Влияние современных информационных ресурсов на социализацию и социальную адаптацию несовершеннолетних подростков	493
Кружилин П. А. Валюта и ее влияние на ценообразование и перспективы нефтегазовой отрасли в Азии.....	495
ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО. СОЦИУМ	
Гайдай М. К., Гальцев С. А., Курило С. Н. Роль семьи в охране прав несовершеннолетних	499
Гуторов Ю. А., Пешков А. А., Плаксин В. А. Восприятие личности Александра Невского в историософии евразийцев	501
Колганов С. В., Глухов П. С. Мир как компьютерная симуляция.....	503
Костина О. В., Шугуров М. В. Апофатические основы восточно-христианской эстетики: актуальность традиции	506
Урядов А. В. Философский анализ жизни и смерти.....	510
Хассан Али Церковная структура доапостольской эпохи и гонения на христиан.....	512
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	515

PERSONA GRATA

A. L. Sergeev:

- Lessons of Cuban socialism: the doctrine of politics and law**
Interview with Aleksandr Leonidovich Sergeev, Ph.D. in Law,
associate professor of History of state and law sub-faculty
of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)..... 14

INTERNATIONAL LAW

Abukarova M. U.

- Actual problems of international law in the perspective
of modern international law and order* 17

Vazhenina I. V.

- The problem of a unified approach in the legal design
of theoretical tools in countering extremism* 19

Vodyanov A. V.

- Financial Crime and Anti-Corruption Centre
as Interpol's response to modern money laundering threats* 23

Emelyanov S. V.

- Fundamentals of the organization and interaction
of the Russian National Central Bureau
of Interpol with the international community* 25

Norboeva T. V.

- Key aspects of international legal governance
of chemical substances: learning from the past*..... 27

Al Mutairi Forat Zaki Salih

- The role of international law in regulating
the relationship between the occupying state
and the occupied land in the event of the occupation* 31

Belyaeva Yu. L.

- Current directions of Europol's activity
in the field of combating sports corruption*..... 35

Nureeva L. R.

- Some problems of modern practice of removal from
office of federal judges in the USA*..... 37

Spiridonov S. A.

- Significance of international legal regulation
of cross-border bankruptcy within the European Union* 39

Yusifova P. N.

- Genesis of international legal protection
of human health and the environment from
the adverse effects of mercury and its compounds*..... 41

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Ivliev P. V., Kondrashov S. V.

- The main problems of defining and applying the concept
of "statute" in the doctrine of private international law*..... 47

Omran Mohamad Aghyad

- Grounds for terminating a real estate lease agreement
in the Syrian Arab Republic*..... 50

EUROPEAN LAW

Tyumentsev V. O.

- Legal regulation of the relations in the health care sphere
in the Treaty of functioning of the European Union (TFEU)*..... 53

LAW OF THE FOREIGN COUNTRIES

Haytham N. M. Shakarna

- The current legal mechanism of responsibility
of members of the Management Board
to third parties in Germany*..... 55

THEORY OF STATE AND LAW

Bayniyazova Z. S.

- The legal system and issues of ensuring
a unified legal space in the Russian State* 59

Vladimirova G. E.

- Features of the formation of civil society
in Russia in the 20-s of the XXI century (theoretical aspect)* 61

Globa M. V.

- The main circumstances (reasons) of the formation
and evolution of the legal positions of the highest
judicial bodies of Russia*..... 63

Zolotukhina T. A.

- On the role of the President of the Russian Federation
in the Russian legislative process*..... 65

Larinbaeva I. I., Vasiljev A. V.

- On the question of the legal nature of economic rights*..... 69

Malikova A. Kh.

- Correlation of forms of state and forms of law* 71

Miftakhov A. M.

- The fight against youth extremism as a way
to realize the inherentness of religion, the state and society*..... 73

Yankin G. N.

- Current legal aspects of customs regulation
in the EAEU at the stage of formation of the Economic Union*..... 76

HISTORY OF STATE AND LAW

Buruikin V. V., Fedotova I. N.

- Mikhail Nikolayevich Galkin-Vrasky:
a penitentiary researcher and a reformer
of the Russian prison system* 78

Prokhorov V. V.

- Organizational and legal bases of commander education
of the official staff of the RKM of the Crimea
in the second half of the 1930s*..... 82

Sypchenko A. V.

- Political process in the case of the «Volga counter-revolutionary
organization of the «Labor peasant party»» in the context
of new archival materials and approaches* 84

Shamurzaev T. T., Ardashev R. G.

- False information about the work
of special services found in literature, cinema and the media* 87

Sergeev A. L.

- Political and legal doctrine of cuban socialism:
stages of formation*..... 89

Magdilov M. M., Khanmagomedova H. G.

- Political and legal views of ancient thinkers
as the basis of the theory of the rule of law*..... 91

Gasanov O. B.

- The institute of land acquisition for state
and municipal needs in Canada: a historical analysis*..... 93

CONSTITUTIONAL LAW

Kurbatova G. V., Ivanova O. V.

- Modern discussions on the problems of legal regulation
and implementation of elections in the Russian Federation* 96

ADMINISTRATIVE LAW

Andryukhina I. Yu., Karama L. L.

- Modern approaches to assessing the effectiveness
of official activities of state civil and municipal employees*..... 98

Berlizov M. P.

- Problems of use, preservation and state protection
of artificial reservoirs (water reservoir) and hydraulic
structures that are objects of cultural heritage
of the peoples of the Russian Federation* 100

Biruykova E. R.

- Motivation of public officers
and its communication with the efficiency of its performance* 103

Zakopyrin V. N.

- The admissibility of verbal evidence in proceedings
on administrative offenses*..... 105

Kuznetsov A. K.

- Legal regulation of the creation of regulatory «sandboxes»
in the Russian Federation*..... 107

Pogomiy I. N., Ermolina M. A.

- Suspension of activities and administrative suspension
of activities: enforcement issues in regarding hazardous facilities*..... 110

Urusov Z. K.

- On the issue of the application of Article 14.17.1
of the Administrative Code of the Russian Federation*..... 112

Fedina L. M.

- Analysis of the progressive reform of the legal regulation
of legal relations in the field of state (municipal) procurement*..... 114

Filin V. V., Fetkulov A. H., Rakhimgulova M. B., Baykenzhina K. A. <i>Administrative and legal aspects of occupational safety and health in the Republic of Kazakhstan</i>	116	Spector A. A. <i>Bona fide acquirer: concept, legal status, problems of implementation</i>	180
Zaruba D. S., Dogadina D. S., Ochak P. K., Chernov Yu. I. <i>Actual problems of countering deviant behavior of minors</i>	120	Permyakov M. V., Racheva N. V., Kilin A. G. <i>Legal methods of resolving family disputes</i>	182
MUNICIPAL LAW		Porfirjev A. A. <i>The system of energy supply contracts</i>	185
Abazov A. B., Fayrushin T. A. <i>On the forms of direct participation of the population in the implementation of local self-government (on the example of the Kabardino-Balkarian Republic)</i>	122	Selyunin P. S., Tereshchenko I. A. <i>Release from debts in the procedure of insolvency (bankruptcy) of a citizen: new challenges</i>	188
CIVIL LAW		Semenov A. V., Simonova O. V., Amiri A. E. <i>Legal regulation of the definition of artificial intelligence as an object or subject of civil law</i>	191
Aliyeva A. A. <i>Self-employment program as a new form of employment for vulnerable groups: legal challenges and perspectives</i>	125	Stupina S. A. <i>Participation of investigators of the state fire supervision bodies of the Federal Fire Service in the protection of civil rights</i>	194
Allakhverdiev A. K. <i>Compliance and legal stratagems in Islamic law</i>	132	Shildina M. V. <i>Models of settlement legal relations using the digital ruble in online and offline modes</i>	197
Antonova L. I., Kolesnikova E. S., Korneva K. A. <i>The main challenges to modern law: digitalization of rule-making</i>	134	Belousova E. V. <i>Protection of the rights of construction contractors under a state contract</i>	199
Ananjeva E. O., Abovyan E. P. <i>Problematic issues of testamentary agreement: comparative analysis of the norms of legislation</i>	136	Farafontova D. S. <i>Features of intersectoral regulation of alimony obligations</i>	202
Baboshkin A. A., Koshelyuk B. E. <i>Current aspects of the legal status of a stakeholder in common law countries</i>	139	Shevchuk S. S., Petrov N. V. <i>Institute of substitution in inheritance law: history and modernity</i>	205
Bashilov B. I. <i>Release from attachment of funds as an interim measure in insolvency (bankruptcy) cases: problematic aspects of law enforcement practice</i>	143	Berman A. M. <i>Unification of the legal regulation of digital technology use in the European Union: a boon or a necessity?</i>	208
Gafullin H. I., Gavrilyuk R. V., Nosanenko G. Yu. <i>"Affiliation": concept and methodological significance</i>	146	Marakhovskaya K. G., Karpets S. I., Ermolenko K. I. <i>Harassment. How to fight discrimination at work?</i>	211
Gutieva I. G. <i>Concepts and legal grounds for stopping and detaining a vehicle</i>	148	Polina-Stashevskaya A. L. <i>Institution of abuse of law in insurance disputes: judicial aspect</i>	213
Ivliev P. V., Kosheluk B. E. <i>Grounds for termination of facultative obligations</i>	150	CIVIL PROCESS	
Koval M. I., Veselova D. V. <i>Seizure of a land plot for state or municipal needs (civil law aspect)</i>	153	Kitaeva A. B., Polivtseva A. A. <i>Digital evidence in civil and arbitration proceedings</i>	217
Kosenko O. A., Safarov V. R., Abramova V. A. <i>Some features of the development and restrictions of human and civil labor rights during coronavirus infection (covid-19)</i>	156	Mogilevskiy G. A., Komissarov A. V. <i>Topical issues of the administration of justice by the military courts of the Russian Federation: history and modernity</i>	219
Kurbatova G. V., Ananyeva E. O. <i>Efficiency of legal incentives and legal restrictions in civil regulation</i>	158	ENTREPRENEURIAL LAW	
Lysenko N. A., Buryak V. A. <i>Perspectives of "smart contracts" applying in Russian legislature</i>	160	Goncharova L. N., Sinenko V. S. <i>Notarial certification of legal facts</i>	222
Kolesnikova M. M., Maksimova E. V., Mishina E. V., Sachenko A. L. <i>Features of legislative regulation of turnoverability of objects created by artificial intelligence</i>	162	Malyshov S. Ya., Kiselev N. N. <i>The process of admission and granting interested parties access to information constituting a trade secret</i>	225
Matytsin D.E. <i>Prevention of conflicts between participants in investment relations in the information space: methodological tools</i>	166	Tkacheva N. G. <i>On the issue of establishing the content of the category "Legal regime of acceptance of goods"</i>	228
Makhiboroda M. N. <i>Some issues of the specifics of civil liability in the obligations for transportation by sea</i>	170	LABOUR LAW	
Ogorodnik V. F. <i>Compulsory purchase of a minor share in the right of common shared ownership: issues of law enforcement practice</i>	174	Kitaeva A. V. <i>On the issue of legal regulation of the organization of distance labor</i>	231
Rykhletskiy P. L. <i>Actual problems and novelties of the Institute of representation in domestic civil law</i>	177	Malkerov V. B. <i>Problems of regulation of labor relations of the teaching staff of a higher educational institution</i>	233
		FINANCIAL LAW	
		Anisimova M. A. <i>Regulation of ESG-banking in Russia based on international experience</i>	235
		Boguslavskaya N. A. <i>Financial basis of the federal territory "Sirius"</i>	237

Komarova L. V., Farikova E. A. <i>The place of the financial control institute in the system of Russian law</i>	239	Ushchekin S. N. <i>Improving criminal legislation providing for liability for organizing a criminal community (criminal organization) or participation in it (her)</i>	301
Korobova A. P., Saigashkin Ya. V. <i>On the issue of the formation of the financial and legal policy of the state in the conditions of digitalization</i>	242	Osadchaya N. G. <i>Forced labor and re-socialization of prisoners: problems and prospects</i>	304
Sharudinova I. D., Alieva E. B. <i>Tax avoidance schemes</i>	244	Petrova G. O. <i>War is a crime against humanity</i>	306
Iljina K. E., Kurganskaya A. A., Chernov Yu. I. <i>Financial control in the field of population migration</i>	246	Eremina A. A., Perezhogina G. V. <i>On the question of the qualification of an attempted robbery: theoretical and practical Problems</i>	308
TAX LAW		Badamshin I. D., Iltvina A. V., Kuliev I. B. <i>On the essence and content of the purposes of punishment in modern criminal law of Russia</i>	313
Magomayev A. A., Alieva E. B. <i>Features of the taxation of the self-employed in Russia</i>	248	Biysoltanov A., Tailova A. G. <i>Causes and conditions of violent crime against the individual and directions for its prevention</i>	314
ECOLOGICAL LAW		Guseynov A. A., Karelkin E. N., Shabaev V. V. <i>The concept of cybercrime</i>	318
Zubkova M. N., Brodetskaya M. A. <i>Early termination of the right to use the subsoil as ensuring state protection and protection of the Subsoil</i>	250	Nikiforov I. A. <i>Criminal punishment in the form of restriction of freedom: legislative and law enforcement problems</i>	320
Klyukanova L. G. <i>Ensuring the environmental safety of the urban milieu: modern problems of the legal regulation</i>	253	Ossama Qadi E.A. <i>Cybercrime prevention in the US and Russia: Criminological characteristic identity of a cybercriminal in the US</i>	324
CRIMINAL LAW		Hadzhiev B. Kh. <i>Characteristics of subjective signs of evasion from execution or non-execution of judicial acts</i>	326
Abdulaev A. M., Tailova A. G. <i>Voluntary refusal to commit a crime: issues of law enforcement practice</i>	258	Martynenko A. I., Trakhova F. A., Krivenko Yu. A., Chernov Yu. I. <i>The question of establishing responsibility for new types of fraud</i>	329
Aliev A. M., Alieva A. I., Marianov A. A. <i>Ways to increase the effectiveness of juvenile crime prevention</i>	261	CRIMINAL PROCESS	
Akhtamyranov R. R., Nelyubin R. V., Zhukov N. I. <i>Actual problems of detecting crimes arising from drug trafficking</i>	263	Gritsenko N. S. <i>Trends in the development of collegial consideration of criminal cases in modern criminal proceedings of the Russian Federation</i>	331
Badamshin I. D., Iltvina A. V., Kuliev I. B. <i>Crimes in the field of information and telecommunication technologies: trends and counteraction</i>	265	Domovets S. S. <i>About some methods of committing theft in the field of express delivery of goods and cargo across Russia and the world and mechanisms for their detection and investigation</i>	334
Bondar A. G., Teunaev A. S. <i>The criminal aspect of using certain types of infocommunication tools</i>	267	Dorosinskaya A. M. <i>The mechanism of actions and decisions of the interrogating officer, provided for by Article 427 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, regarding the termination of criminal prosecution against minors with the use of a compulsory measure of educational influence</i>	336
Voykova N. A. <i>Phishing and other social engineering techniques as a tool for online fraud</i>	269	Zaytseva E. V. <i>Criminal procedural features and organizational and tactical aspects of counterfeiting investigation</i>	339
Guseynov A. A., Karelkin E. N., Shabaev V. V. <i>On the issue of tactical actions to combat cybercrime</i>	272	Kornakova S. V., Kaak A. P. <i>On the question of the concept of «reporting a crime»</i>	341
Davletov V. I., Milyutin R. V., Zhabkin A. S. <i>Analysis of the criminal-legal characteristics of official crimes on the example of Article 293 of the Criminal Code of the Russian Federation</i>	274	Maslennikova E. A. <i>Implementation of criminal prosecution in the field of international cooperation</i>	343
Zakharova S. S., Kuzmin S. S., Lakeev A. A. <i>Criminal law opposition to the spread of COVID-19</i>	276	Musina K. R. <i>To the question of the essence of the search as an investigative action</i>	345
Ossama Qadi E. A., Manna Ammar Abdul Karim (A.A.K. Manna) <i>Trends in combating information technology fraud</i>	279	Pogorelskiy A. A. <i>Criminal proceedings against minors and the insane: the evolution of the formation of complicated differentiated forms</i>	348
Komissarov A. E. <i>The meaning (role) of the principles of openness and publicity in the process of preventing bribery in educational institutions of higher education in Russia</i>	282	Popov D. P. <i>Functional characteristics of modern criminal proceedings</i>	350
Magomedova A. I., Bilalov B. A. <i>The subjective side of a knowingly false denunciation</i>	284	Pilenko I. P., Kulikovskaya I. S., Grigorjev A. V. <i>Criminal procedure of preliminary investigation by the captains of sea and river vessels</i>	353
Manukyan A. R. <i>Aspects of criminal liability for failure to perform parental duties</i>	287	Stepanenko Yu. S. <i>The use of arrest as a type of criminal punishment</i>	357
Magomedov B. G., Demirov K. K. <i>Modern problems of using special knowledge in the detection and investigation of crimes</i>	289		
Marianov A. A., Mirzaev Z. M., Mirzaeva Z. Z. <i>Peculiarities of the personality of a juvenile delinquent</i>	291		
Semchenkov I. P., Sorokin I. S., Burdeyny V. V. <i>The object of the crime: public relations or possibility?</i>	293		
Taova L. Yu., Tolgurova Z. H. <i>Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation as an object of criminological research</i>	299		

Smolina M. M., Sosnovskiy A. A. <i>Extremist crimes committed in the youth sphere: causes and prevention</i>	359	Goncharenko E. V., Taysaeva S. B., Deev A. A. <i>Psychological portrait (profile) of a situational molester in psychological and forensic practice</i>	405
Suleymanov T. A., Nazarkin E. V., Danilova I. Y., Maslennikova E. A. <i>Initiation of criminal proceedings and criminal prosecution: questions of theory and practice</i>	361	Karimova G. Yu. <i>The role of the district police commissioner in the implementation of measures to prevent homelessness and juvenile delinquency</i>	408
Sukhinin A. V., Tsebekova G. V., Basanov V. V., Mushinov B. T. <i>Rehabilitation as a form of restorative justice</i>	363	Kumysheva M. K., Abazova E. K. <i>Features and procedure for the application of administrative coercion measures by the police</i>	410
Tsebekova G. V., Naktanov K. K., Basanov V. V., Adyaeva S. O. <i>The role of a forensic expert in criminal proceedings</i>	366	Maseychuk Yu. M., Bayramov S. A., Marchenko K. S. <i>Actual problems of fire and tactical-special training at the present stage</i>	412
Davydovskaya M. V. <i>Forensic investigative actions as a way of collecting evidence</i>	369	Stepanova A. A. <i>The content of the control and supervisory activities of the internal affairs bodies in the field of migration</i>	414
CRIMINAL-EXECUTIVE LAW		Teligisova S. S. <i>The process of forming the value orientations of the personality of a law enforcement officer for the effective performance of their professional activities</i>	416
Byakina S. I., Karhanina L. V. <i>Problems of implementation by penitentiary inspections of preventive measures and punishments not related to the isolation of convicts from society</i>	373	Urusov Z. Kh. <i>Features of bringing citizens to administrative responsibility when they disseminate information on social networks in relation to officials (police)</i>	419
Ovsyannikova T. A., Sayfullin R. R. <i>Corruption in the penal system: statistics, determinants, leveling measures</i>	376	Goncharenko Ye. V., Taysaeva S. B., Bannikov D. V. <i>Lie as a psychotraumatic factor in a minor in the practice of a psychologist and investigator</i>	421
Nazarkin E. V., Suleymanov T. A., Khamizova S. A., Maslennikova E. A. <i>Features of the preparation and conduct of identification during the investigation of the disorganization of the activities of institutions providing isolation from society</i>	378	SECURITY AND LAW	
Roman E. M., Yunusov S. A. <i>Corruption in the penal system: statistics, determinants, leveling measures</i>	380	Akhtamyaynov R. R., Bayramov S. A., Yakushev A. V. <i>The main threats in the field of information and communication technologies</i>	424
Repina A. A. <i>Some features of attracting convicts to correctional labor under the legislation of the Republic of Kazakhstan</i>	383	Zhukov A. Z., Ingushev C. K., Shkakhova F. A., Makhov I. A. <i>Topical issues in the development of cybersecurity in the Sberanka ecosystem</i>	426
Titova O. Z. <i>The adaptation process of correctional officers of the Russian Federal Penitentiary Service</i>	385	Kanokova L. Yu. <i>Problems of using search equipment to ensure the safety of citizens</i>	429
JUDICIARY		Kodzokova L. A., Kumysheva M. K. <i>International legal mechanisms for countering terrorism</i>	432
Kornakova S. V., Samoylova Zh. V. <i>Are the ideas of the search for truth and competition in criminal proceedings so incompatible?</i>	387	Korkmazov A. V. <i>Countering extremism and terrorism as a priority for ensuring national security</i>	435
Manukyan A. R. <i>Problems with the application of general rules for investigative actions</i>	389	Kuchmezov R. A. <i>Extremism on the Internet: legal basis and problems of counteraction</i>	437
CRIMINALISTICS		Nosatov Yu. N., Uvarov M. A. <i>Back to the issue of elections as a legal basis for the unlawful achievement of state power</i>	439
Gauzhaeva V. A., Prokofjeva E. V. <i>To the question of the role of the criminalistic characteristics of the criminal's personality in the investigation of violations of environmental protection rules</i>	391	Romanov A. A., Sobolev A. G. <i>About some methods of revealing a potential threat of a sniper in the activities of state protection units</i>	442
Nagoeva M. A. <i>About obtaining criminally significant information during the inspection of the scene</i>	393	Taran A. N., Ogrzya A. V., Taran K. A. <i>The problem of self-defense characteristics in Russian legislation</i>	444
Stanovaya O. V., Chetverous A. N. <i>Features of working with material evidence containing traces of biological origin, associated with the subsequent appointment and conduct of DNA examinations</i>	395	Tkhazeplov T. M. <i>Techniques for obtaining information about a person's appearance in the investigation of terrorist crimes</i>	446
Yusupov A. M. <i>Interaction of the investigator with the authorities and persons involved in the procedural actions when checking the report of a crime in the credit and financial sphere</i>	397	Shogenov T. M., Buraeva L. A., Kuchmezov A. N. <i>On topical issues of suppressing the activities of radical communities involving young people in the commission of terrorist crimes</i>	448
Nagoeva M. A. <i>Topical issues of glove trace research</i>	399	ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE	
LAW ENFORCEMENT AGENCIES		Yakovlev N. M. <i>Human rights work of the prosecutor's office to restore historical justice and the good name of P.A. Oyunsky, a statesman and public figure, deputy of the Supreme Soviet of the USSR from Yakutia</i>	451
Akhiyarov R. A., Nikolaev N. Yu., Koshevets G. V. <i>On the issues of readiness of an employee of the internal affairs bodies for emergency situations</i>	401		
Bogdanov A. V., Kochnev A. A. <i>The role of modern software in the process of optimizing information and analytical work in the internal affairs bodies of the Russian Federation</i>	403		

HUMAN RIGHTS

- Yunusov A. A., Yunusov M. A., Akhverdyan A. G.**
*Philosophical understanding of freedom in the focus
of human and citizen responsibilities*..... 454

PEDAGOGY AND LAW

- Zorina N. S.**
*Causes and pedagogical prevention
of illegal behavior in adolescence* 456

SPORTS LAW

- Vaskina A. A., Monakhov H. D., Kovalenko E. V.**
Anti-doping organizations: concept, goals, structure 459

SOCIOLOGY AND LAW

- Gaisina L. M., Baranov E. Yu.**
*Legal basis communicative interaction
of government bodies and population as an object
of sociological research (on the example
of the administration of the municipal district
of the Birsy district of the Republic of Bashkortostan)* 463
- Sadykova Kh. N., Purtova I. A.**
*Motivation of work behavior: opinion
of oil company employees* 466
- Khairullina N. G., Goltsova E. V.**
*Interrelation of global and regional impacts
in the system of modern societies* 468

ECONOMY. LAW. SOCIETY

- Blazhenkova N. M., Bakhrushina F. F.**
*Digitalization as a factor in monitoring the socio-economic
development of the region* 470
- Bystrov A. V., Talatin E. A.**
*Sustainable development as a strategic imperative
for the development of enterprises in the fuel
and energy complex*..... 473
- Vasiljev A. Yu.**
*Introduction of a risk-based approach when conducting
control and expert-analytical measures for the costs
of implementing national projects*..... 476
- Galyautdinov R. F., Chembarisov T. I.**
Modern fraud schemes using information technologies 478
- Zaytsev A. G., Mashegov P. N., Poltorykhina S. V.**
*Institutional and production systems of the region:
a theoretical model of the emergence of nonlinear dynamics* 480
- Kot E. M., Ruchkin A. V., Ruschitskaya O. A.**
*Training and experimental production units
of agrarian educational institutions: analysis
of risks and proposals for state support*..... 482
- Kuprikov N. M., Doronin D. O., Ekimov A. I.,
Kuprikova E. M., Kuprikov M. Yu.**
*Tourism and related services: relevance
of the fund of standardization documents*..... 486
- Nuriev B. D., Doğan S.**
*Legal aspects of the use of artificial intelligence
and robotics in the field of outbound tourism
between Russia and Turkey*..... 488
- Skvortsova V. A.**
*Improving the organizational and economic mechanism
for selecting objects of control at the stage
after the release of goods* 491
- Galyautdinov R. F., Nasyrov R. R.**
*Influence of modern information resources
on socialization and social adaptation of minor teenagers*..... 493
- Kruzhilin P. A.**
*Currency and its impact on pricing and prospects
for the oil and gas industry in Asia* 495

PHILOSOPHY. LAW. SOCIETY

- Gayday M. K., Galtsev S. A., Kurilo S. N.**
The role of the family in protecting the rights of minors..... 499

Gutorov Yu. A., Peshkov A. A., Plaksin V. A.

- The understanding of the personality of Alexander Nevsky
in the historiography of the Eurasians* 501

- Kolganov S. V., Glukhov P. S.**
The world as a computer simulation 503

- Kostina O. V., Shugurov M. V.**
*Apophatic foundations of oriental Christian aesthetics:
the relevance of tradition*..... 506

- Uryadov A. V.**
Philosophical analysis of life and death..... 510

- Hassan Ali**
*The church's structure of the sub-apostolic era
and Christian persecution* 512

INFORMATION FOR AUTHORS..... 515

А. Л. СЕРГЕЕВ:

УРОКИ КУБИНСКОГО СОЦИАЛИЗМА: ДОКТРИНА ПОЛИТИКИ И ПРАВА

Интервью с кандидатом юридических наук, доцентом кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Александром Леонидовичем Сергеевым.

A. L. SERGEEV:

LESSONS OF CUBAN SOCIALISM: THE DOCTRINE OF POLITICS AND LAW

Interview with Aleksandr Leonidovich Sergeev, Ph.D. in Law, associate professor of History of state and law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA).

Сергеев А. Л.

Визитная карточка:

Сергеев Александр Леонидович - кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), докторант кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Автор монографий: «Российская государственность в 21 веке: основные проблемы», «Современная Южная Осетия: уроки и вызовы», «Приднестровье сегодня: проблемы и перспективы жизнедеятельности».

– Александр Леонидович, Вы занимаетесь крайне редким и оригинальным отечественной гуманитарной науки направлением кубанистики, или, говоря по-американски, кубанологии. Что Вас на это сподвигло?

– Интерес к Кубе у меня возник с детства. Оба моих деда – один по линии Госплана, другой – по линии Министерства черной металлургии СССР – долгое время работали на острове. Из их рассказов я многое узнал о кубинской послереволюционной действительности, о переживаемых островом социальных трансформациях.

На сегодняшний день, в эпоху переживаемого миром «социалистического ренессанса», кубинская проблематика представляется особенно актуальной. Кубинский социализм – возникший как региональный проект в рамках социального пространства, развитие которого оказалось ограниченным жесточайшей многолетней североамериканской блокадой и ограниченностью доступа к целому ряду необходимых природных ресурсов, демонстрирует потрясающую устойчивость, успешно решая многочисленные проблемы создания систем высококачественной медицины, образования, культурного строительства, спорта, иных институтов социального развития. Если в плане потребления на острове все еще существуют заметные проблемы, то в аспекте жизнеобеспечения и гуманитарного роста островная социалистическая модель демонстрирует весьма внушительные результаты, и это – в условиях тридцатилетнего отсутствия мировой социалистической системы во главе с Советским Союзом.

– Не могли бы Вы пояснить, в чем секрет устойчивости кубинского социалистического проекта, который, несмотря на все переживаемые островом трудности, самотрансформируется, саморазвивается и с уверенностью смотрит в будущее?

– Социализм на Кубе имеет глубинные почвенные корни. Он не был там навязан извне. Марксизм выступил на острове в качестве внешнего структурообразующего слагаемого, который помог оформить его ментальную островную основу.

Устойчивость национально-государственного островного проекта во многом обоснована патриотизмом как живой фундаментальной ценностью, имеющей основательные исторические корни. Ныне живущие поколения кубинцев прошли своеобразный, если удобно так выразиться, «генетический отбор».

Жесточайшие действия войск испанской метрополии, погубившие каждого пятого островитянина в 19 веке, фактическая полувекровая американская оккупация острова в первой половине 20 века, достижение стратегического национально-освободительного успеха в результате борьбы фиделевского повстанческого движения, и затем – как уже было сказано выше – жизнь в течение уже шести десятилетий в условиях жесточайшей экономической блокады со стороны США – все это воспитало в кубинцах исключительную мужественность и стойкость.

У кубинцев нет выбора – отказ от социализма приведет их общество к потере национального достоинства, социальной пауперизации, утрате множества послереволюционных достижений – социальные язвы многих современных латиноамериканских государственно-организованных социумов не перестают кубинцам об этом напоминать.

– Какие основополагающие черты кубинского общества способствовали успеху его национально-освободительного, а затем и социалистического проекта?

– Как уже подчеркивалось выше, кубинцам присуще совершенно особое «островное мироощущение». В осознании себя островитянином во многом кроется свободолюбие кубинца, его желание сохранять автономность по отношению к любой, даже самой дружественной внешней среде. Кубинский остров для проживающего здесь населения – маленькая Вселенная, наполненная необъятным количеством смыслов. Указанное обстоятельство является причиной особого патриотизма кубинцев, который легче всего увидеть в их общении с иностранцами, характеризующимся сплавом внимательно-дружелюбия с подчеркнутой выраженностью чувства собственного достоинства. Факт рождения на острове Свободы сам по себе представляет для кубинца предмет величайшей гордости.

Стремление к постижению глубинных смыслов бытия, созерцательность как вид деятельности очень роднит кубинцев с представителями российско-евразийской цивилизации. В то же время, взгляд кубинца менее подвержен общинному влиянию окружающей среды, нежели взгляд обитателя. Одним из примеров, иллюстрирующих данный социокультурный код – чрезвычайная развитость на Кубе символизма как жанра искусства. Кубинец стремится к иносказанию, образному отображению реальности, позволяющему ему переходить на новый уровень осмысления мира.

Автономность и ответственность личности, ее способность в одиночку браться за крупные дела породила большое количество блестящих военных, политиков, ученых, деятелей искусства. Это ментальное свойство прививается кубинцам с детства.

В отношениях между мужчиной и женщиной на Кубе предусмотрена значительная степень свободы и отсутствие каких бы то не было неоправданных регламентаций. В то же время сами эти отношения, будь то простая дружба, легкая симпатия или отношения брака и семьи, имеют под собой прочную духовную основу, одухотворенность соответствующих поступков и действий.

Свобода является внутренним идеалом и постоянным устремлением кубинской души. Именно кубинцам свойственно особое понимание свободы, которое невозможно отделить от обостренного чувства личной и социальной справедливости. Защитить слабого и угнетенного, освободить себя и другого от власти гнетущих внешних обстоятельств – неотделимый элемент кубинской натуры. Для полноценного ощущения жизни кубинцу также необходим идеал служения, высший духовный ориентир, питающий его и наполняющий его жизнь смыслом. Кубинец долго приглядывается, раздумывает, прежде чем взяться за какое-то дело, однако, разглядев в нем движущую духовную силу, смело бросается в бой и часто творит в нем чудеса.

Особый тип свобододолюбия не мог не породить ярко выраженной мужественности и стойкости кубинцев. Указанный аспект касается как поведения кубинского народа в целом в различных исторических обстоятельствах, так и относится к отдельно взятым кубинцам при их столкновении с индивидуальными жизненными трудностями. Цельность натуры, последовательность действий, предельная мобилизация сил при отстаивании личных и национальных ценностей – качества, являющиеся важнейшими кубинскими моральными ориентирами. Именно они помогли кубинскому народу выстоять в тяжелейшие времена «особого периода» 90-х годов и перейти к дальнейшему устойчивому поступательному развитию.

– Не могли бы Вы рассказать об основных структурных элементах – базовых принципах кубинской политико-правовой доктрины?

– Для Кубы характерна весьма основательная политико-правовая традиция. Только за 19 век на острове было подготовлено около полудтора десятка конституционно-правовых проектов и множество трактатов соответствующего содержания. За 20-21 вв. в стране сменилось 5 основных законов, весьма различных по концептуальной наполненности, что говорит о весьма специфической национальной модели кубинского конституционализма.

Ибероамериканская традиция политического лидерства очень характерна для Кубы: многие идеи, сформулированные политическими лидерами, затем находят отражение в партийных документах, и кристаллизуются в конституционных нормах.

Охарактеризуем базовые, краеугольные основы политико-правовой философии Фиделя Кастро – многолетнего кубинского лидера, в существенной степени легшие в основу динамично формировавшейся политико-правовой кубинской социалистической доктрины.

Особое значение отводится **государственному суверенитету**. Фидель Кастро в своих статьях и выступлениях неоднократно подчеркивал, что стратегические цели Революции не могут быть достигнуты вне государственного механизма, а потому суверенитет как неотъемлемое свойство государства должен быть всесторонне и всемерно оберегаем. С потерей суверенитета неизбежно будет потеряна революция, а с потерей революции погибнут все народные завоевания.

Революция является точкой отсчета новой кубинской народной государственности, однако ее временные рамки не

заканчиваются первичным взятием власти и даже первичными общественными преобразованиями. Революция осуществляется в течение долгих лет и представляет собой ход и движение общества к последовательной реализации его подлинных идеалов. Процесс Революции вечен и не знает завершения.

Христос является «первым революционером» с исключительной исторической миссией. Ф. Кастро осознавал необходимость фундаментального стратегического союза коммунистов и христиан как общностей с единой этической базой, прикладывая серьезные усилия к выстраиванию соответствующего глубинно-синтезивного диалога.

Фидель подчеркивал священную обязанность политического лидера служить народу, быть кровью и плотью связанным с ним, чувствовать каждую вибрацию глубинного биения народной жизни. Девизами Фиделя и его многочисленных последователей было «быть рабами, а не господами страны», и «превращать политику в священнодействие».

Ф. Кастро, приводя цитату Хосе Марти «Куба – республика для всех», подчеркивает, что революционное руководство с первых дней прихода к власти последовательно вело борьбу со всеми формами социальной и, в особенности, национальной дискриминации. По мнению Фиделя, подобная дискриминация бывает двух видов: субъективной (законодательно закрепленной) и объективной (непосредственно существующей в обществе). Побороть субъективную дискриминацию можно, изменив действующее право. Побороть же дискриминацию объективную намного труднее – для этого требуется изменение веками складывавшихся социальных установок.

Ф. Кастро нередко подчеркивает, что народная поддержка революционного процесса – «важнее ядерного оружия». Революцию невозможно уничтожить извне, ее способны погубить только «мы сами».

Социальный опыт определяет судьбу революционера, а лидеров – «национальных личностей» – порождают исторические эпохи. Ф. Кастро отмечает, что его революционную судьбу определило то, что он был «сыном, а не внуком землевладельца». Пограничная среда социальной среды, в которой он формировался как личность, привела его к общественной роли, которую он впоследствии сыграл в кубинской истории.

Проект революционных преобразований общества, по мнению Фиделя, является плодом деятельности немногочисленных накаленных социальных групп. По мнению Ф. Кастро, Революцию творит народ. В то же время проект Революции имеет матричный характер. Донести его до народа в широком значении этого слова способна небольшая группа людей, горящая идеей и способная на великое самопожертвование.

Взгляды Фиделя в самом общем виде напоминают учение В.И. Вернадского о Ноосфере – новом строении Космоса, основанном на всестороннем возвышении и развитии Человека. Только постановка человеческого измерения во главу угла способна решить сегодняшний масштабный комплекс социально-политических и духовно-культурных проблем, порожденных мондиалистским глобализмом. Кубинский революционный проект – проект глобальный и всесторонний. Указанный аспект касается размышлений Фиделя о необходимости коренного перестраивания Организации Объединенных Наций, о смене дискурса Западного Мира в отношении развивающихся стран, а также о целом комплексе иных общемировых идейно-смысловых и организационных проектов социально-экономического и духовно-культурного характера.

Главной целью Революции является всестороннее развитие Человека. Кубинское руководство, как уже говорилось выше, претворяя в жизнь указанный постулат, стало вкладывать невероятные усилия в гуманитарное строитель-

ство, медицинскую образовательную и иные отрасли, достигнув в этом весьма существенных успехов

Адресуя к идеологии «естественного права», Фидель наделяет естественно-правовыми свойствами народный и государственный суверенитет. В то же время он подчеркивает, что «естественного права» можно и нужно добиваться, и Куба смогла добиться его в результате двух войн 19-го века за свою независимость.

Этика партизана – борца за будущее народное счастье, ежеминутно сражающегося с оружием в руках – заимствована им из трудов Хосе Марти. По мнению Ф. Кастро, именно точное, четкое и бесспорное следование ей позволило немногочисленной поначалу Повстанческой кубинской армии добиться большой стратегической победы над системой, управляемой диктатурой Фульхенсио Батисты и находящейся в руках крупного американского капитала.

Кубинскому социализму свойственно **последовательное и абсолютное отторжение в политико-идеологической практике методов терроризма вообще и индивидуального террора в частности**. Революционная Куба в течение полувека оказывалась жертвой многих десятков террористических актов, и негативное отношение к террору вошло в плоть и кровь каждого кубинца. Неприемлемость подобного рода действий неоднократно подчеркивал в своих выступлениях и сам Фидель.

По мнению Фиделя, залог любого революционного успеха состоит в четком прислушивании политических лидеров к идеям и процессам, зарождающимся в народной жизни и адекватном реагировании на них, исходя из требований текущей современности. Каждый идеал способен найти в определенном промежутке времени верную для себя форму, а их последовательная смена на основе верных революционных ценностей способна привести человечество к подлинному Будущему.

– Опишите, пожалуйста, с какими базовыми проблемами сталкивается сегодня кубинский социум? Какие пути решения указанных проблем вам видятся наиболее актуальными?

– Теоретическое наследие кубинского социализма до сих пор не сведено воедино и не систематизировано должным образом. На сегодняшний день подобная задача стоит ребром перед островным социумом, ибо Кубе еще долго будет сложно соревноваться по макроэкономическим показателям с западными странами, чего нельзя сказать о наработанной ею за несколько последних десятилетий идейно-смысловой основе.

Негативное воздействие американской блокады на кубинскую экономическую систему переоценить едва ли возможно. Мало того, что она создает огромные трудности для осуществления двусторонних экспортно-импортных операций, любая третья сторона (государство либо частное предприятие), вступающая в двусторонние отношения с Кубой, рискует подвергнуться со стороны США серьезным экономическим санкциям.

Величие Фиделя и всей кубинской Революции можно по-настоящему оценить, лишь в полной мере увидя путь, пройденный Кубой в революционную эпоху, а также сравнив кубинскую модель с реалиями подавляющего большинства стран сегодняшней Латинской Америки. Многие туристы из сегодняшних сопредельных стран Латинской Америки смотрят с восхищением на кубинские заслуги. В тоже время современная передовая кубинская молодежь, выезжая за границу, сравнивает свою страну не с соседями по континенту, а с ведущими западными странами, часто задавая вопрос, почему Куба по ряду параметров отстает в развитии от многих развитых стран. Перед сегодняшней кубинской властью стоит сложнейшая задача адекватной трансляции исторических заслуг кубинского социализма исходя из объективной обусловленности современного положения сегодняшней

Кубы и налаживание «диалога поколений» относительно ее будущего.

Вышеуказанный комплекс проблем требует для их решения базового, чрезвычайно сложного и творчески ориентированного подхода.

Современное кубинское правительство уделяет огромное внимание вопросам экономического развития и административного строительства. В то же самое время строительство идеологическое – не менее востребованная и необходимая область и отрасль кубинской жизнедеятельности, в которую должны быть вложены серьезные интеллектуальные ресурсы.

Кубинская Революция дала миру мощнейшее новое идейно-смысловое знание, вдохновившее сотни миллионов людей и заставившее их поверить в будущее. У современной Кубы – носительницы вышеуказанного проекта – имеется в связи с этим огромный нематериальный капитал, реализовав который должным образом, Куба способна получить огромную поддержку. Новое слово с острова Свободы, новые идеи и смыслы, вынесенные через полувековую революционную борьбу, ждут сегодня миллионы людей как в развитых так и в развивающихся странах.

Необходимо стремиться создавать такой социально-экономический режим, при котором кубинец, затратив должные трудовые усилия, смог получить желаемый результат. Достижение указанного постулата невозможно без максимального раскрытия частной инициативы миллионов людей. Синтез братской суверенной кубинской общинности, надежной социальной защищенности при полноценном раскрытии личного потенциала – реалистичная основа будущего, в котором Куба сможет создать процветающее и по-настоящему социалистическое общество

– Александр Леонидович, большое спасибо за интервью! Что бы Вы пожелали Евразийскому юридическому журналу, как международному научно-практическому изданию?

– Желаю редакции журнала огромных успехов в реализации поставленных целей и задач. Идейно-смысловая интеграция евразийского научно-гуманитарного пространства является важнейшим аспектом, позволяющим России как многонациональной и поликонфессиональной цивилизации уверенно смотреть в Будущее. Ваш журнал делает очень многое, чтобы указанный аспект оказался максимально расширен и интеллектуально наполнен, что заслуживает особого уважения и благодарности.

Интервью брал:

Бондаренко Александр Викторович
заместитель главного редактора
Евразийского юридического журнала,
кандидат философских наук,
доцент

АБУКАРОВА Мейрам Узеровна

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В РАКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОПОРЯДКА

XX век стал веком ослабления моральных норм. Это стало самоцелью под ярким прикрытием идей свободы. XXI век продолжает эту традицию. Уровень культуры мирового сообщества сводится к культу силы, преобладания, возобладания над другими. Реальная картина мира – это пренебрежение признания государствами друг друга равноценными партнёрами, желание доминировать над остальными. Ситуация доведена до абсурда тем, что уже ставится под сомнение идея суверенитета.

Ключевые слова: международный правопорядок, геополитическая карта мира, международная безопасность, информационный ресурс, экстерриториальный, институциональное устройство, международное право, декларация, конвенция.

ABUKAROVA Meiram Uzerovna

senior lecturer of State and legal disciplines sub-faculty of the Dagestan State University of National Economy

ACTUAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW IN THE PERSPECTIVE OF MODERN INTERNATIONAL LAW AND ORDER

The twentieth century has become a century of weakening moral norms. This has become an end in itself under the bright cover of the ideas of freedom. The 21st century continues this tradition. The level of culture of the world community is reduced to the cult of strength, dominance over others. The real picture of the world is the neglect of recognition by states of each other as equal partners, the desire to dominate the rest. The situation is brought to the point of absurdity by the fact that the idea of sovereignty is already being questioned.

Keywords: international legal order, geopolitical map of the world, international security, information resource, extraterritorial, institutional structure, international law, declaration, convention.

Современный мир – это мир бесконечного поиска нового, нового и нового, прежде всего, своего рода различных форм институционального устройства, способность обеспечивать эффективное управление экономическими и общественными процессами. К тому же это время неординарных и ярких решений и ни одна страна в мире не уступает в этом друг другу. Но, заметим, что XX век стал веком ослабления моральных норм. Это стало самоцелью под ярким прикрытием идей свободы. XXI век продолжает эту традицию. Уровень культуры мирового сообщества сводится к культу силы, преобладания, возобладания над другими. Реальная картина мира – это пренебрежение признания государствами друг друга равноценными партнёрами, желание доминировать над остальными. Ситуация доведена до абсурда тем, что уже ставится под сомнение идея суверенитета. Представители ряда теорий, выдвигают назовём не иначе как абсурдной свою позицию, согласно которой суверенитет государства может быть благом, а может и приносить вред. Но и на этом они не останавливаются. Согласно точке зрения так называемых идеологов глобализации, суверенитет – это привилегия, которую необходимо заслужить. Представляется, что это некая новая форма этатизма, при которой «сильная сторона» навязывает «правила игры» [3, с. 582]. Миролюбие как человеческая категория, как мы можем наблюдать, утрачивается государствами. Конечно, Российская Федерация – великое государство и наше государство никогда не сходило на какие бы то ни было низменные приставки. Российская Федерация всегда была, есть и будет достойным государством. Однако, мы не можем не обозначить и не развить имеющиеся в мире настроения глобальных конструктивистов, для которых анархия или глобальный беспорядок – это самая подходящая характеристика международной системы. Вот в таких реалиях современного мира, необходимо обозначить как же обеспечивать международную безопасность. Ведь есть большая надежда, что не пойдут на поводу таких персон. Быть может, не совсем встраивается в данный контекст следующий контент, но тем не менее позволим себе отметить следующие умозаключения. В нашем мире, как вытекает из всего выше сказанного остро стоит одна основная проблема, не трудно

догадаться, что это проблема обеспечения международного правопорядка.

Проблема обеспечения международного правопорядка – это проблема, имеющая решающее значение для всех государств. Определение «международная безопасность» часто употребляется в Уставе ООН, а также во всех международных правовых актах. Международная безопасность в самых разных своих формах – это некое определённое состояние международных отношений, при котором не допускается, чтобы начинались войны, а споры разрешались бы мирными средствами.

Прямо или косвенно, но с этим вопросом соотносится географическое положение государства. Приведём немного интересных фактов. Впервые геополитическую карту мира предложил Х. Макиндер. Общеизвестно, что для государства самое выгодное положение – это центральное положение, в соответствии с принципами цивилизованного дуализма Суши и Моря. С планетарной точки зрения, в центре мира располагается Евразийский континент. Всю Евразию, которая и занимает центральное положение, Макиндер назвал «мировым островом». Вокруг которого расположены два полуострова – «большой полуостров», океанический, совпадающий в общих положениях с охватом британского мирового господства и «малый полуостров». Немного эта история напоминает сказочную, но это далеко не так. Не случайно мы рассказываем про теорию Макиндера. Геополитическая карта мира, предложенная им фундаментальна по своей сути. Высокую значимость эта карта получила благодаря тому, что она одновременно имеет географический, исторический, но и не только, а ещё, что немаловажно, стратегический, цивилизационный, политический смысл. Дело в том, что Макиндер очертил зону «внешнего полуострова», то есть зону «талосократии», тем самым наметил границы, в которых разворачивались все основные и политические, и стратегические, и международные события в течение XX и начала, точнее первого десятилетия XXI века. Аналогично можно сказать, и о «сердечной земле» – это противоположная зона, именно здесь располагается ядро «цивилизации Суши». Вот именно здесь и находится Россия в зоне географической оси истории. То

есть, мы хотим подвести к мысли о том, насколько выгодное в мире геополитическое положение у России и это вызывает огромное беспокойство у наших «партнёров». Кроме того, на нынешнем этапе развития человечества теоретически обозначим целый ряд некоторых процессов и явлений, которые напрямую коррелируют устойчивости международного миропорядка. Исконно то, что мы называем международным правопорядком, сложился в процессе становления международного права. Создание Организации Объединённых Наций явилось главным маяком мира и международной безопасности. Ну и, если проследить эту цепочку событий, отметим, что вслед за победой над фашизмом начался новый этап международных отношений в мире, когда был задан вектор на мирное сосуществование обитателей мира, конечно были исключения в лице некоторых государств, возмнивших себя гегемонами мира. Эта ситуация коренным образом не изменилась и сейчас. И по сей день некоторые государства, а вернее некое государство предпочитает называться самым сильным, самым цивилизованным, самым правовым, самым-самым...И всё же если обойти эту ситуацию, в целом, целенаправленно все государства направляют свои условия на мирное сотрудничество. Однако одного желания недостаточно для того, чтобы достичь международной безопасности. Новые оттенки стали присущи процессу обеспечения международного правопорядка сразу после окончания «холодной войны», казалось, что появились проблески для укрепления безопасности в мире. Но не тут-то было. В XX веке получили своё развитие локальные вооружённые конфликты, отягощённые очень агрессивным национализмом и этнической нетерпимостью. Всё это вызывало острые проблемы в миропорядке, не позволяя выровнять ситуацию. Даже факт распада колониальной системы и приобретение вслед за этим суверенитета молодыми государствами, не привело к расцвету международного правопорядка.

Современные реалии мира таковы, что сформировалась целая клубная сетка глобальных угроз. Эти угрозы нависли над каждым государством, поэтому обольщений не должно возникать ни у одного государства. К одной из таких угроз однозначно отнесём информационную инфраструктуру. Затронув вопросы обеспечения всеобщей безопасности, первое, что мы должны обозначить – современный мир погружён в потоки информационных ресурсов, а это повлекло то, что перед международным правом встала задача совершенствования электронных средств. Современный мир живёт в потоке информационных механизмов. Данная сфера глобализована до невероятных масштабов и находится в поле действия не только государств, но и международных организаций. То есть характер информационно-коммуникационных технологий становится экстерриториальным. Если прибегнуть к раскладке более свежих международно-правовых актов, то следует упомянуть Декларацию принципов построения информационного общества [1, с. 527]. Это документ 2003 года. Но поскольку наша цель, не просто констатировать факты, а подвести под заданную проблему обеспечения международной безопасности, отметим далее следующие аспекты. Доктринальная практика современной науки рассматривает Интернет как угрозу безопасности государства, ведь в неумелых руках террористов, будучи использована в преступных целях, информационный ресурс превратится в глобальную угрозу, могущую подорвать безопасность любого государства. Вот потому то неизбежно на повестку встает проблема обеспечения безопасности и на международном уровне, и на внутригосударственном, то есть национальном уровне. Правовое регулирование в сфере информационных отношений осуществляется государством при помощи различных правовых средств, в первую очередь, конечно, путём нормативно-правового регулирования. Универсальное правило в данной сфере содержит универсальное требование – обеспечение свободы информации. Это правило получило регламентацию в международных актах специального характера. Наиболее значимые из них, которые следует упомянуть – это Международная конвенция об уничтожении всех форм расовой дискриминации 1956 года. Несмотря на давность принятия данной конвенции, она ничуть не утратила своей актуальности. Да и в целом все международные акты, принимаемые в разные периоды истории, сохраняют новизну и актуальность, что само по себе уникально. Также в данном контексте хотелось бы назвать ещё одну Конвенцию – эта

Конвенция о правах ребёнка 1989 года. Следует также подчеркнуть, что в международном праве сложился целый комплекс норм, регламентирующих сферу информации, в том числе содержащую механизмы защиты. Здесь тоже не обходится без общеизвестного правового императива, при котором принимаемые государствами законы должны соответствовать международным стандартам. Сделаем небольшую оговорку: в свете внесённых в Конституцию РФ поправок мы будем исполнять только те международные соглашения, которыми не противоречат национальным интересам. Но даже с учётом этих поправок в нашу Конституцию в данном вопросе, по всей вероятности, не должно быть расхождений. Хотя следует заметить, что международные нормы ни коим образом, не входят в расхождение с нашими национальными нормами, по крайней мере те нормы, которые констатируют межгосударственное сотрудничество. Тем более что именно на основе международных норм индивид становится носителем материальных прав и, следовательно, получает возможность реализовывать свои права в международном процессе [2, с. 216]. К примеру, право на подачу индивидуальной жалобы в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

Достаточно большой имеется перечень угроз, в отношении которых государствами достигается универсальный консенсус. Однако ещё много прослоек, в которых не удаётся достигнуть согласия. Приведём пример, обеспечение кибербезопасности. На современном этапе пока не достигнуто согласия по обеспечению кибербезопасности. И это большой пробел как в национальном праве, так и в международном праве. Даже если во внутригосударственном праве действует ряд нормативно-правовых актов, регулирующих информационную безопасность, они достаточно многокомпонентны, всё же обеспечить информационную безопасность в глобальных масштабах эти меры не позволяют. Хотя надо отдать должное нашему законодателю, угрозы национальным интересам России в информационной сфере поставлены в один ряд с угрозами в военной, пограничной, международной, экологической сферах. Впервые правовое закрепление вопросы информационной безопасности получили в «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации», принятой 9 сентября 2000 года. Цели, задачи, способы обеспечения информационной безопасности нашли отражение в этой Доктрине. Кроме того, были обозначены источники угроз информационной безопасности. Угрозы подразделяются на внешние и внутренние. Определим некоторые аспекты внешних угроз. К внешним источникам относятся, прежде всего, конечно же, деятельность международных террористических организаций, затем – деятельность разведки иностранных государств.

Невозможно оставить без внимания целый ряд внутренних источников угроз. В данной области угрозы исходят от сращивания государственных и криминальных структур в информационной сфере. Здесь опасность кроется в том, что криминальные структуры получают доступ к информации конфиденциального характера. Можно также отметить имеющую место недостаточную разработанность нормативной правовой базы, которая также может влиять на процесс обеспечения информационной безопасности.

Информация – это продукт цивилизации, причём ценный продукт, который нуждается в надёжной защите и охране и надлежащим образом эту охрану может обеспечить только государство, в том числе и путём повышения уровня информатизации.

Пристатейный библиографический список

1. Костарева И. И. Государственное регулирование информационных отношений: международные стандарты // Государство в меняющемся мире: материалы VI Международной школы-практикума молодых учёных-юристов. - М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2012.
2. Витцум В. Граф и др. Международное право – *Volkerrecht* / пер. с нем. В. Бергман; пред., сост. науч. ред. и сост. указ. Т. Ф. Яковлев. - М., 2011.
3. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. М.: АСТ, 2011. - С. 582.

ВАЖЕНИНА Ирина Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, полковник полиции.

ПРОБЛЕМА ЕДИНОГО ПОДХОДА В ПРАВОВОМ ОФОРМЛЕНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ

Для теории государства и права имеет огромное значение оптимизация новых правовых институтов и технологий в сфере противодействия экстремизму, понятие которого в международном праве не определено. Серьезная проблема заключается в двойственности этого понятия, поскольку трактовка понятия экстремизма весьма подвержена манипулированию.

Актуальность и необходимость данного направления подтверждается огромным количеством нормативных правовых актов на государственном и международном уровнях, направленных на борьбу с исследуемым явлением, при этом содержащих в себе принципиально отличающиеся подходы, что указывает на отсутствие единой позиции о содержании экстремизма. В связи с тем, что растущая волна экстремистских движений угрожает дестабилизировать гражданское общество во всем мире, требуется дальнейшее теоретическое осмысление этой проблемы.

Наличие единой правовой дефиниции понятия «международный экстремизм» и единообразный международный подход к данной проблеме позволили бы обеспечить реальное противодействие проявлениям экстремизма на международном и межгосударственном уровнях. Сложности правового оформления теоретического и профилактического инструментария из-за нерешенности различных смежных проблем в настоящее время влекут за собой отсутствие эффективной координации противодействия и профилактики экстремизма.

Ключевые слова: государство, право, безопасность, международное сотрудничество, экстремизм, терроризм, джихадизм.

VAZHENINA Irina Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Organization of the activities of the internal affairs bodies of the center for command staff trainings sub-faculty of the Academy of Management of the MIA of Russia

THE PROBLEM OF A UNIFIED APPROACH IN THE LEGAL DESIGN OF THEORETICAL TOOLS IN COUNTERING EXTREMISM

Optimization of new legal institutions and technologies in the field of countering extremism, the concept of which is not defined in international law, is of great importance for the theory of state and law. A serious problem lies in the duality of this concept, since the interpretation of the concept of extremism is very susceptible to manipulation.

The relevance and necessity of this direction is confirmed by a huge number of regulatory legal acts at the state and international levels aimed at combating the phenomenon under study, while containing fundamentally different approaches, which indicates the absence of a unified position on the content of extremism. Due to the fact that the growing wave of extremist movements threatens to destabilize civil society around the world, further theoretical understanding of this problem is required.

The existence of a single legal definition of the concept of "international extremism" and a uniform international approach to this problem would make it possible to ensure real counteraction to manifestations of extremism at the international and interstate levels. The difficulties of legal registration of theoretical and preventive tools due to the unresolved nature of various related problems currently entail the lack of effective coordination of countering and preventing extremism.

Keywords: state, law, security, international cooperation, extremism, terrorism, jihadism.

Полноценное удовлетворение потребностей человека невозможно без обеспечения его безопасности, без абсолютной уверенности, что жизнь, здоровье, свобода, имущество не будут подвергнуты противоправным насильственным действиям со стороны кого-бы то ни было. Английский мыслитель Т. Гоббс полагал, что, «исключительно государство, обладая соответствующими средствами, способно обеспечить своим гражданам эту безопасность» [2, с. 96-97].

Французский философ А. Камю, проанализировав сознание человека, сделал вывод о том, что на протяжении последних двух веков люди утратили важнейшие нравственные и религиозные ценности. В подобном случае, когда новые этические ориентиры еще не сформировались, отрицание своих истоков и потеря веками сформированных жизненно-важных опор неизбежно повлечет за собой их подмену тоталитарными идеологиями, возникающими на фоне социальных катаклизмов, нестабильности и хаоса синхронно с призывами к борьбе с несправедливостью [6]. Впоследствии данная борьба неизменно перерождается во «вседозволен-

ность» в стремлении к идеалу любой ценой – переход в высшее качество, «сверхчеловека» (Ф. Ницше), в основе которого свобода от морали, могущество и воля к власти.

Кризис морально-нравственных и правовых ценностей в современной ситуации обострил проблему экстремизма, в стороне от которой практически не осталось ни одно государство, включая Российскую Федерацию.

Сегодня в мире, где насильственный экстремизм широко признан определяющим вызовом нашей эпохи, и каждый понимает, что это такое, нет единого юридического определения этого понятия. В академических кругах предлагаются различные дефиниции, что влечет огромные последствия в реальности. Экстремизм в современных условиях выступает объектом исследования философов, социологов, политологов и, конечно же, юристов.

Философский словарь В.Т. Круга впервые в 1838 г. вводит термин «экстремисты», относя к ним тех, кто «не хотят признавать середину и находят удовольствие в крайностях...». В словаре современного русского языка С.И. Ожегова, толко-

вом слове живого великорусского языка В.И. Даля и Энциклопедическом слове Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона данного слова не содержится. Большая Советская Энциклопедия говорит нам о том, что «экстремизм (от фр. *extremisme*, от лат. *extremus* – крайний) – приверженность к крайним взглядам и, в особенности, мерам (обычно в политике)». Таким образом, изначально в русском языке данное понятие не было наделено каким-либо негативным или противоправным смыслом и не несло какого-либо правового содержания.

В Оксфордском слове юридических терминов данное понятие также отсутствует. В середине XIX века термин «экстремизм» появился в прессе Великобритании как политологическое понятие применительно к премьер-министру лорду Пальмерстону. Оттуда его переняли журналисты США, называя «экстремистами» представителей воюющих сторон Севера и Юга (1861-1865 гг.). Во Франции журналисты этим термином в конце XIX в. обозначали крайне левые и крайне правые политические силы. В середине XX в. термин «экстремизм» появился в научной литературе в работах американского политолога немецкого происхождения Теодора Адорно в значении отрицания демократии в ее либеральном понимании и крайней формы «радикализма», ведущей общество к «тоталитаризму». Вскоре его стали применять ко всем радикальным идеологиям, не вписывающимся в либеральную демократию.

В Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма, принятую Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1994 г. № 49/60, термин «экстремизм» впервые был включен исключительно во взаимосвязи с терроризмом: «все чаще совершаются акты терроризма, в основе которых лежат нетерпимость или экстремизм»¹, однако дефиниция понятия «экстремизм» не была официально сформулирована и закреплена.

В последующих международных актах ООН, это понятие также официально не выработано, а в некоторых документах термин «экстремизм» выступает как синоним к терминам «расизм»², «ксенофобия»³ и «нацизм»⁴. В документах ООН список противоправных деяний, которые государствам – членам ООН следует признать экстремистскими, тоже отсутствует. В то же время терроризм в международных актах постулирован наиболее радикальным проявлением экстремизма, что свидетельствует о формировании и закреплении позиции ООН о неразделимости данных понятий.

По мнению профессора П. Ньюманна, спецпредставителя Председателя ОБСЕ в Офисе по противодействию радикализации и насильственному экстремизму, «отсутствие

закрепленного в международных правовых актах, в широком порядке признанного понятия «экстремизм» продиктовано исключительно политическими мотивами и спекулятивным отношением государств к данному понятию. Одни и те же люди или группы людей для одних государств могут быть безоговорочно террористами, а для других – идейными борцами за демократию, самоопределение или гендерное равноправие.» [8]. Интерпретация действий тех или иных субъектов зависит от того или иного политического либо исторического контекста.

В 2001 г. впервые Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом официально сформулировала понятие ««экстремизм» – какое-либо деяние, направленное на то, чтобы осуществить насильственный захват власти, насильственное удержание власти или насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в указанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон»⁵.

Через год определение экстремизма, приравненное к экстремистской деятельности, было закреплено в Федеральном законе Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁶, а через пять лет существенно скорректировано Федеральным законом Российской Федерации № 211-ФЗ, путем внесения в ряд нормативных правовых актов новых квалифицирующих признаков экстремизма. Так, примечание к статье 282.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации было изложено в новой редакции: «под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом «е» части первой статьи 63 настоящего Кодекса»⁷.

В развитие вышеназванной Шанхайской конвенции, заключена Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 г., ратифицированная Россией в 2019 г.⁸, которая наиболее удачно сформулировала понятие экстремизма в качестве «идеологии и практики, направленной на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституци-

1 Декларации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdec1.shtml (дата обращения: 25.02.2021).

2 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 08.09.2000 № 55/2 «Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 25.04.2021).

3 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 04.12.2000 № 55/59 «Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/vendec.shtml (дата обращения: 25.04.2021).

4 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.1967 № 2331 «Меры, которые должны быть приняты против нацизма и расовой нетерпимости». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakonodavstvo.com/pravovi-akti-mijnarodni/rezolyutsiya-2331-xii-generalnoy-assamblei225121.html> (дата обращения: 25.04.2021).

5 Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, 14 июня 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 25.02.2021).

6 Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О противодействии экстремистской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.04.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://consultant.ru> (дата обращения: 25.04.2021).

7 Федеральный закон от 24.07.2007 № 211-ФЗ (ред. от 22.02.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://consultant.ru> (дата обращения: 25.04.2021).

8 Федеральный закон от 26.07.2019 № 196-ФЗ «О ратификации Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://consultant.ru> (дата обращения: 25.04.2021).

онных действий» и установила единое скоординированное членами ШОС понимание экстремизма. Правовые нормы о различных видах юридической ответственности (административной, уголовной, гражданско-правовой) за совершение указанного правонарушения предложено имплементировать в национальное законодательство государств – членов ШОС.

Не смотря на достигнутый прогресс в рамках ШОС, правовое понятие «экстремизм» по-прежнему остается специфичным для небольшого ряда государств, в основном СНГ, а в остальном мире рассматривается как социально-политическое явление. Конечно, стоит учитывать не только обособленное развитие отечественной и зарубежной научных традиций, но и то, что юридическая терминология, применяемая законодателями в нормативных правовых актах различных государств, зависит от национальных правовых традиций.

Анализ нормативных правовых актов стран Европы: Великобритании, Германии, Италии, Франции показывает, что в них нет юридически закрепленного понятия «экстремизм». Конечно же, отсутствие точного эквивалента, не значит, что отсутствует термин со схожим содержанием, например, во Франции используется термин «радикализм». В Великобритании обычно данный термин отождествляется с термином «терроризм».

Ряд чрезвычайных законов о предотвращении терроризма был принят парламентом Великобритании после обострения ситуации в Северной Ирландии, когда полиция предоставила неограниченные права для арестов «причастных к терроризму» и «подозрительных» лиц [3, с. 279]. Ужесточение норм антитеррористического законодательства произошло после взрывов в метро столицы Великобритании в 2005 г. Законом «О терроризме»⁹ был расширен перечень деяний, отнесенных законодателем к террористическим, а министру внутренних дел предоставлены полномочия запрещать деятельность групп, причастных к пропаганде терроризма или имеющих террористическую направленность. Законом «О безопасности границ и борьбе с терроризмом» введены новые квалифицирующие признаки терроризма: нападение с применением взрывного устройства, с причинением тяжких телесных повреждений, отравление¹⁰.

В уголовном законодательстве ФРГ включено значительное количество правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение правонарушений с признаками экстремизма. Их расположение в разделах и главах уголовного закона, касающихся различных видов правоотношений, свидетельствует о реальной существующей угрозе экстремизма не только безопасности самого государства и конституционного строя, но и значимых общественных отношений.

Во Франции противодействие экстремистской деятельности основано на международных документах, регулируется множеством законов, в т. ч. связанных с миграцией, где указаны уголовно-правовые и административные запреты противоправных деяний [1].

В законодательстве Соединенных Штатов Америки также нет единого понятия «экстремизм», термин «экстремист» часто используется вне контекста. Правовой основой борьбы с экстремизмом некоторые исследователи считают уголовное законодательство США (федеральное и штатов), где закреплена ответственность за совершение преступлений на почве религиозной, национальной, расовой, сексуальной и иной ненависти (hate crimes).

После 11 сентября 2001 г. в США возникла исламофобия, которая подпитывается средствами массовой информации, включая кино, телевидение, газеты, книги и интернет-блоги. В некоторых странах Европы и США распространено мнение, что вся религия ислама по своей сути является экстремистской.

Вопрос понимания экстремизма, по мере распространения джихадистского движения, становится все более разнообразным, спорным и запутанным. В работах ученых США и Европы (Д.М. Бергера, Ч.Р. Листера, Д. Стерна, К. Бунзеля и других) а также средствах массовой информации для описания воинствующих исламских движений встречается термин джихадизм (джихадистское движение). В западных государствах данный термин также ассоциируется с экстремизмом и терроризмом, в то время как в Российской Федерации такой аналогии не проводится.

Внутри самого ислама бушуют яростные дебаты о том, какая секта, движение или нация является нормативной, а какая экстремистской. В Сирии внутри оппозиции идет ожесточенная борьба вокруг вопроса о том, какие повстанцы являются благородной оппозицией, а какие – джихадистскими экстремистами [9]. И даже истинные джихадисты в Сирии расколоты на более и менее радикальные лагеря, постоянно обвиняя друг друга в экстремизме и оправдывая себя. Повстанцы настроены против друг друга и одновременно против Исламского государства, которое является смертельным врагом для большинства из них, несмотря на большое сходство в идеологии [7].

Отсутствие единого подхода к понятию «экстремизм» ведет к «двойным стандартам» в противодействии экстремизму, значительно ограничивает возможности заинтересованных государств в достижении позитивных результатов и исключает возможность координации действий в целях его профилактики. С учетом происходящих процессов глобализации и необходимости усиления международного сотрудничества в сфере противодействия международному экстремизму на основе понятия, выработанного ШОС, возможно сформулировать дефиницию понятия «международный экстремизм» как состояние политической, социальной, идеологической, расовой, национальной, религиозной вражды (ненависти), которая направлена на подрыв безопасности мирового сообщества путем насильственных и антиконституционных действий.

История дает множество свидетельств того, что экстремизм (национальный, религиозный, политический, социальный, культурный и т.д.) – это часть человеческого существования, а не исключительная предрасположенность какой-либо отдельной расы, религии или нации. «На различных ступенях общественного развития борьба между оспаривающими друг у друга власть группами людей (начиная от момента зарождения истории родовых кланов и существования племенного общества вплоть до периода возникновения высших видов устройств государственной власти) нередко обретала форму ... физического устранения противников» [4, 70-74]. Но не всякое насилие,

9 Terrorism Act 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/11/contents/> (дата обращения: 10.03.2021).

10 Counter-Terrorism and Border Security Act 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2019/3/contents/enacted> (дата обращения: 10.03.2021).

равно как и не все бесчисленные войны, конфликты и зверства человечества, является экстремизмом. Разнообразие и повсеместность проблемы можно увидеть в исторических всплесках насилия, вызванного идеологической верой.

Механизм защиты государства от проявлений экстремизма в международном праве в современных условиях не определен, в результате чего последствия от противоправных действий некоторых государств крайне негативны. Так, проведение под различными предлогами, по надуманным основаниям, в отношении воображаемых террористов военных операций на территории сторонних государств и другие злоупотребления с полным пренебрежением к нормам международного права, неизменно влекут существенные нарушения прав граждан на жизнь, здоровье, личную безопасность, суверенитета государств, на что следует обращать внимание Совету Безопасности Организации Объединенных Наций, отвечающему за поддержание международного мира и безопасности. Однако этот постоянно действующий орган ООН не использует в полной мере имеющиеся возможности и механизмы по защите государств от проявлений экстремизма и терроризма.

Для глобальной международной координации действий по защите государств от проявлений экстремизма во всех его видах и обеспечения международной безопасности важна подготовка и совместные усилия мирового сообщества. В настоящее время борьба с экстремизмом успешно ведется лишь в рамках двусторонних государственных отношений, где выработан определенный правовой механизм по реализации совместных мероприятий.

Опыт миротворческой операции сил ОДКБ в январе 2022 г. в Казахстане можно признать эффективным в качестве не только противодействия международному терроризму, но и превентивной меры на случай попыток реализации плана «цветных революций» в республиках бывшего СССР.

Институт международной защиты государств от проявлений экстремизма и терроризма в существующей ситуации безусловно востребован, в том числе для теории государства и права [5], но негативные примеры, вызывающие массу вопросов в международной правоприменительной деятельности, не только требуют разрешения, но и вызывают небеспокойные опасения по поводу его возможностей в оказании поддержки диссеминации экстремистских проявлений.

Правовое закрепление терминов «экстремизм» и «международный экстремизм» является важным вопросом, особенно в мире, в котором ход истории неоднократно менялся в результате экстремистского насилия. Наличие данных дефиниций позволило бы более эффективно осуществлять координацию в области противодействия экстремизму в различных его проявлениях, как на международном, так и на межгосударственном уровнях.

Модернизация теоретических и правовых основ в современном Российском государстве в рассматриваемой тематике реализуется в полной мере в связи с отсутствием нормативных ограничений. Основные смежные вопросы включают в себя необходимость международного сотрудничества, сближения через нахождение взаимоприемлемого баланса интересов, гармонизации и унификации.

Пристатейный библиографический список

1. Беджанова Т.Е. Противодействие религиозному экстремизму во Франции: законодательное регулирование, взаимодействие органов власти // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2014. № 3.
2. Гоббс Т. Соч. Т. 2. М., 1991.
3. История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов: В 2 ч. Ч. 2 / Под общ. ред. д.ю.н., проф. О. А. Жидкова и д.ю.н., проф. Н. А. Крашенинниковой. – 2-е изд., стер. – М.: Издательство НОРМА, 2003.
4. Киреев М.П., Акиев М.Х. Исторические этапы развития и понимания терроризма // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 4 (24).
5. Миц Д.С. Антитеррористическая функция государства и проблемы «профилактической» координации // Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://j.jvolsu.com/index.php/ru/archive-ru/512-legal-concept-pravovaya-paradigma-2019-vol-18-no-3/teoriya-i-praktika-gosudarstvenno-pravovogo-razvitiya/2273-mits-d-s-antiterroristicheskaya-funktsiya-gosudarstva-i-problemy-profilakticheskoy-koordinatsii> (дата обращения: 05.07.2021).
6. Сенин Ю.Н. Государство как объект и субъект экстремизма // Юридический вестник ДГУ. 2018. Т. 26. № 2. С. 39-45.
7. Lister Ch.R. The Surian Jihad: al-Qaeda, the Islamic State and the Evoition of an Insurgency. New York: Oxford University Press, 2016.
8. Neumann P.R. Countering Violent Extremism and Radicalisation that Lead to Terrorism: Ideas, Recommendations, and Good Practices from the OSCE Region / Report by Professor Peter R. Neumann. London, 2017. P. 14-15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.osce.org/chairmanship/346841?download=true>; Chang B. From Internet Referral Units to International Agreements: Censorship of the Internet by the UK And EU // Columbia Human Rights Law Review. 2018. P. 120, 122.
9. Tom Miles. Syrian Opposition Fed Up with Terrorists, Seeks Haеip against Assad. Reuters? Mach 26, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-opposition> (дата обращения: 18.11.2021).

ВОДЯНОВ Андрей Викторович

кандидат юридических наук, кафедра прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ЦЕНТР ПО БОРЬБЕ С ФИНАНСОВЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ И КОРРУПЦИЕЙ КАК ОТВЕТ ИНТЕРПОЛА НА СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ ОТМЫВАНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

В статье рассматриваются тенденции развития компетенции Международной организации уголовной полиции (Интерпола) в сфере противодействия коррупции и легализации денежных средств, полученных преступным путем. Показано, что в условиях пандемии COVID-19 процессы глобализации и цифровизации активно используются организованными преступными группами для разработки новых схем совершения транснациональных финансовых преступлений. Автор обосновывается необходимость совершенствования институциональных механизмов международного сотрудничества правоохранительных органов в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: Интерпол, отмывание денежных средств, коррупция, международное сотрудничество, финансовая преступность, влияние COVID-19.

VODYANOV Andrey Viktorovich

Ph.D. in Law, Human rights and international law sub-faculty of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

FINANCIAL CRIME AND ANTI-CORRUPTION CENTRE AS INTERPOL'S RESPONSE TO MODERN MONEY LAUNDERING THREATS

The article discusses the trends in the development of the competence of the International Criminal Police Organization (Interpol) in the field of combating corruption and money laundering. It is shown that in the context of the COVID-19 pandemic, the processes of globalization and digitalization are actively used by organized criminal groups to develop new schemes for committing transnational financial crimes. The author substantiates the need to develop the institutional mechanisms for international cooperation of law enforcement agencies in this area.

Keywords: Interpol, money laundering, corruption, international cooperation, financial crimes, the impact of COVID-19.

В последние годы транснациональная финансовая преступность росла в геометрической прогрессии, подрывая глобальные финансовые системы, препятствуя экономическому росту и причиняя огромные убытки предприятиям и частным лицам во всем мире. Согласно данным социальных опросов частных предприятий 99 государств, более половины респондентов стали жертвами финансовых преступлений с начала пандемии COVID-19, а общий ущерб составил 42 млрд долларов США [1, с. 7]. Наиболее распространенной формой преступной деятельности стало мошенничество.

Используя преимущества процессов глобализации и цифровизации, преступники получают возможность модифицировать методы совершения финансовых преступлений, например, путем телефонного мошенничества, мошенничества с инвестициями и платежными картами, «фишинга» посредством отправления поддельных электронных уведомлений от банков, платежных систем и других организаций с целью получения доступа к идентификационным данным пользователей, таким как пароли, номера кредитных карт и банковских счетов. При этом коррупция усложняет ландшафт преступности, создавая благоприятную почву для роста организованной преступной деятельности. Мошенничество и коррупция неразрывно связаны, а преступники все чаще используют аналогичные механизмы для перемещения и отмывания незаконных средств.

Исследования, проведенные Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее – ФАТФ), показали прямое влияние пандемии COVID-19 на возрастание рисков отмывания денежных средств. Государственные финансовые учреждения столкнулись с уязвимыми секторами, связанными с изменением финансового поведения клиентов, в частности с увеличением удаленных транзакций, что негативно повлияло на их способность обнаруживать аномалии, проводить эффективную проверку клиентов и финансовый мониторинг. С ростом безработицы и увеличением числа граждан, проводящих транзакции удаленно, также возросли

риски их использования преступными группами в качестве денежных мулов. Другие факторы уязвимости связаны с повышенной финансовой волатильностью, вызванной глобальным экономическим спадом на фоне мер по ограничению распространения COVID-19. К ним относятся увеличение количества наличных денег в обращении и использование виртуальных активов [2, с. 18].

Вышеуказанные обстоятельства обуславливают необходимость совершенствования институциональных механизмов международного сотрудничества правоохранительных органов в противодействии финансовой преступности.

Две операции «НАЕСНІ», координируемые Интерполом в 2021 г., объединили специализированные полицейские подразделения из 20 государств с целью борьбы с финансовыми киберпреступлениями, такими как мошенничество на сайтах знакомств, инвестиционное мошенничество и отмывание денег от онлайн-мошенничества и незаконных азартных игр в Интернете, и привели к тысячам арестов и перехвату нелегальных денежных средств в размере 100 млн долларов США.

В ходе операции «НАЕСНІ-II» официальные лица Интерпола опробовали новый глобальный механизм прекращения платежей, известный как «Протокол быстрого реагирования по борьбе с отмыванием денег», позволяющий государствам-участникам подавать и обрабатывать запросы на отслеживание, перехват или временное замораживание незаконных доходов от преступлений. Этот механизм оказался критически важным для успешного перехвата значительных сумм незаконных средств в нескольких случаях в ходе операции [3].

Как подчеркивает Ю. В. Пузырева, «Интерпол стремится постоянно развивать свои возможности, стратегии и партнерские отношения в соответствии с региональными приоритетами и растущими потребностями своих государств-членов [4, с. 176].

С целью расширения компетенции и оптимизации усилий в сфере противодействия финансовой преступности 15 марта 2022 г. в рамках Интерпола был создан специальный Центр по борьбе с финансовыми преступлениями и коррупцией (англ. Interpol's financial crime and anti-corruption centre (далее – IFCACC, Центр)) [5]. Сфера деятельности IFCACC сосредоточена на трех основных направлениях: 1) борьба с мошенничеством, включая также виды с использованием социальной инженерии, и преступлениями с платежными картами; 2) борьба с отмыванием денежных средств и возврат незаконных доходов; 3) противодействие коррупции.

Применяя межведомственный подход Центр будет тесно взаимодействовать с ключевыми заинтересованными сторонами для укрепления совместных усилий по охватываемым направлениям деятельности, такими как ФАТФ, региональные органы по типу ФАТФ, подразделения финансовой разведки группы «Эгмонт», правоохранительные органы, полицейские организации и финансовый сектор. IFCACC будет оказывать поддержку государствам-членам Интерпола в транснациональных финансовых расследованиях и делиться ключевыми методами работы с соответствующими заинтересованными сторонами [6, с. 1].

Применяя междисциплинарные меры борьбы с глобальными незаконными финансовыми потоками, Центр сосредоточится на различных типах схем отмывания денег и использования виртуальных активов, а также на способах выявления преступных активов и конфискации. Усилия по борьбе с коррупцией будут охватывать широкий спектр коррупционных преступлений, включая допинг в спорте, коррупцию среди государственных служащих и коррупцию с участием высокопоставленных политических деятелей, что будет способствовать укреплению возможностей государств-членов Интерпола бороться с крупномасштабной коррупцией как на национальном, так и на международном уровне.

Центр будет оказывать следственную поддержку 195 государствам-членам Интерпола посредством перекрестной проверки по базам данных Интерпола, обеспечения наставничества и координации расследований в нескольких юрисдикциях через Национальные центральные бюро Интерпола.

Оперативная поддержка Центра будет заключаться в координации региональных и глобальных специальных операций против транснациональных угроз финансовых преступлений. Группы оперативной поддержки Интерпола будут немедленно отправляться в государства-члены для поддержки текущих расследований. В том числе IFCACC будет координировать новые операции «НАЕСН», направленные на борьбу с финансовыми преступлениями с использованием киберсредств.

С помощью специального Файла анализа финансовых преступлений IFCACC центр будет оказывать аналитическую поддержку государствам-участникам по вопросам исследования возникающих криминальных угроз и транснациональных организованных преступных групп с целью усиления общего тактического реагирования на международную организованную преступность.

Для наращивания потенциала IFCACC будет проводить специальные учебные мероприятия, направленные на получение сотрудниками правоохранительных органов и подразделений финансовой разведки новых знаний, навыков и передового опыта для противодействия современным угрозам финансовых преступлений.

В дополнение к существующим универсальным и региональным конференциям Интерпола Центр будет публиковать отчеты и рекомендации с целью ознакомления с передовыми методами расследования, а также использовать цветные уведомления Интерпола для распространения информации о новых и существующих криминальных тенденциях, связанных с финансовыми преступлениями, отмыванием денег и коррупцией в крупных размерах.

Следует отметить, что при поддержке международных партнеров Интерпола возглавляет многолетние региональные и глобальные инициативы, направленные на борьбу с незаконными финансовыми потоками, связанными с различны-

ми преступлениями, предикатными к отмыванию денежных средств [9, с. 123]. Предоставление Центром экспертизы таким проектам позволит дать комплексный ответ на конкретные вопросы и создать эффективные сети для борьбы с актуальными угрозами, связанными с финансовыми преступлениями и отмыванием денег.

Таким образом, в рамках своей деятельности Интерпол, как единственная в мире глобальная полицейская организация, вносит неопределимый вклад в построение универсальной системы безопасности. В связи с тем, что розыск, конфискация и возврат преступных активов являются одним из безусловных приоритетов для международного правоохранительного сообщества, предполагается, что новая инициатива Интерпола будет способствовать эффективному противодействию легализации преступных доходов, полученных преступным путем и борьбе с коррупцией. Возможности нового Центра по борьбе с финансовыми преступлениями и коррупцией позволят максимально обеспечить скоординированное глобальное реагирование правоохранительных органов на новые угрозы транснациональных финансовых преступлений, вызванные пандемией COVID-19.

Пристатейный библиографический список

1. PwC's Global Economic Crime and Fraud Survey. Fighting fraud: A never-ending battle. – PwC, 2020. – 14 с.
2. FATF. Update: COVID-19-related Money Laundering and Terrorist Financing – Risks and Policy Responses. – Paris: FATF, 2020. – 32 с.
3. Financial crime operations. // Official website of Interpol. [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.interpol.int/Crimes/Financial-crime/Financial-crime-operations>.
4. Пузырева Ю. В. Укрепление международного полицейского сотрудничества в свете вызовов и угроз со стороны транснациональной организованной преступности // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 6. – С. 173–176.
5. Interpol launches centre against financial crime and corruption [Electronic resource] // Official website of Interpol. [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2022/INTERPOL-launches-centre-against-financial-crime-and-corruption>.
6. INTERPOL'S Financial crime and Anti-corruption Centre (IFCACC). – Lyon: Interpol, 2022. – 2 с.
7. Пузырева Ю. В. Историко-правовые вопросы создания и деятельности Интерпола // Право, общество, государство: проблемы теории и истории: Сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции, п. Старотеряево, 15 апреля 2021 года / Под общ. ред. С. Г. Куликовой, М. В. Конопликовой. – М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2021. – С. 180–182.
8. Пузырева Ю. В. Тенденции развития транснациональной организованной преступности под влиянием пандемии COVID-19 // Актуальные проблемы медицины и биологии. – 2021. – № 1. – С. 143-146.
9. Котляров И. И., Пузырева Ю. В. Международная организация уголовной полиции: история и современность // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 8. – С. 120-124.

ЕМЕЛЬЯНОВ Сергей Владимирович

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России

ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ИНТЕРПОЛ С МЕЖДУНАРОДНЫМ СООБЩЕСТВОМ

В статье анализируется актуальный вопрос взаимодействия правоохранительных органов, в рамках централизованной борьбы с преступностью в международных масштабах. Устанавливаются основные положительные моменты сотрудничества между странами-участницами организации Интерпол, а также рассматриваются задачи и специфика действия данной организации на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: Интерпол, НЦБ, правоохранительная деятельность, международное сотрудничество, правоохранительные органы, база данных, международные организации, преступные элементы.

EMEL'YANOV Sergey Vladimirovich

Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of Constitutional law sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

FUNDAMENTALS OF THE ORGANIZATION AND INTERACTION OF THE RUSSIAN NATIONAL CENTRAL BUREAU OF INTERPOL WITH THE INTERNATIONAL COMMUNITY

The article analyzes the topical issue of interaction between law enforcement agencies, within the framework of a centralized fight against crime on an international scale. The main positive aspects of cooperation between the member countries of the Interpol organization are established, as well as the tasks and specifics of the operation of this organization on the territory of the Russian Federation are considered.

Keywords: Interpol, NCB, law enforcement, international cooperation, law enforcement agencies, database, international organizations, criminal elements.

В современном мире постоянного тесного общения и развития больше нет определенных рамок ни в одной сфере деятельности. Модернизируются не только безопасные, правовые формы взаимодействия человека, общества и государства, но и криминальные структуры. В настоящее время преступность вышла на новый уровень развития и довольно часто приобретает статус трансграничности. Появляются новые пути поставки оружия, боеприпасов, наркотических средств, минуя легальные транзитные межгосударственные пограничные посты. Наравне с поставкой изъятых из свободного оборота средств, веществ и предметов, сами преступные элементы пересекают границу другого государства в попытке избежать заслуженного уголовного наказания в своей стране. Во избежание такого неконтролируемого потока миграции преступности на международном уровне существуют не только определенные акты договоренности, но и действуют специализированные правоохранительные органы, главной задачей которых является обеспечение безопасности граждан всех стран, путем непрерывного координирования сотрудничества в борьбе с общеуголовной преступностью [1]

Одним из таких международных специализированных правоохранительных органов является Интерпол. Интерпол, в настоящее время, по своим масштабам является самой крупнейшей полицейской организацией за всю историю международного сотрудничества, включая в себя 194 страны-участницы, в том числе и Российскую Федерацию с 1990 года [3]. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 30.07.1996 г. за номером 1113 «Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции – Интерпола» в России был учрежден новый орган исполнительной власти – Национальное центральное бюро при Министерстве вну-

тренних дел РФ (далее НЦБ), который будет осуществлять взаимодействие не только с национальными правоохранительными ведомствами государств, но и непосредственно с Генеральным секретариатом Организации [3]. Начальником НЦБ Интерпола России на сегодняшний день является генерал-майор полиции Прокопчук Александр Васильевич.

Специфика осуществления правоохранительной деятельности выражается в исключительной сфере борьбы лишь в рамках общеуголовных преступлений, без акцента на политические, религиозные, военные, а также расовые преступные посягательства.

НЦБ Интерпола осуществляет обмен информацией между правоохранительными и иными государственными органами Российской Федерации. Организующими борьбу с преступностью, с правоохранительными органами иностранных государств-членов Интерпола и Генеральным секретариатом Интерпола.

На сегодняшний день подразделения НЦБ России ведут активную работу на территории 80 субъектов Российской Федерации, имея в своем штате квалифицированных сотрудников, прошедших специализированную подготовку и имеющих опыт работы в сфере правоохранительной деятельности. Главными профессиональными задачами работы таких подразделений являются:

- 1) совместное, согласованное осуществление деятельности непосредственно между правоохранительными органами иностранных государств и Российской Федерации;
- 2) оперативный обмен информацией, имеющей значение в рамках противодействия преступным элементам;
- 3) направление специализированных запросов органам НЦБ Интерпола другим государствам по вопросам престу-

плений, скрывающихся лиц, находящихся в розыске предметов, документов;

4) прием, регистрация и исполнение в особом порядке аналогичных запросов от других государств [4].

Деятельность Интерпола происходит в круглосуточном режиме.

Еще одной характерной особенностью данной организации является отсутствие на территориях зарубежных стран-участниц представительств или центров НЦБ Интерпола МВД России.

Стоит отметить, что не всегда взаимодействие между странами-участницами было беспроблемным – остро встал вопрос безоговорочной потребности в переводе. К счастью, данная проблема была разрешена и в настоящее время проблем с языковым барьером нет, так как организация несения службы в данных подразделениях, а также обмен информацией осуществляется на четырех официально зарегистрированных языках: английском, арабском, испанском и французском.

Основным положительным моментом такого сотрудничества является наличие возможности доступа ко всем базам данных Генерального секретариата Интерпола. Данный обмен информацией осуществляется оперативно и круглосуточно на базе новейших телекоммуникационных и технологичных разработок. Главным связующим каналом является глобальная информационная система I-24/7 защищенная от взломов, хакерских атак и заражения компьютерными вирусами и червями.

На основе поступающей информации из НЦБ Интерпола разных стран производится формирование баз данных. Объектами учёта являются юридические и физические лица, автотранспорт, различное оружие, культурные ценности и прочее.

Более опасными уголовными преступлениями международного характера являются:

- незаконное производство и распространение наркотических средств и психотропных веществ;
- пиратство на море (морской разбой);
- незаконный захват воздушных судов и другие незаконные акты, направленные против безопасности гражданской авиации;
- международный терроризм (в различных формах);
- хищение ядерных, химических и иных опасных веществ массового поражения.

Наряду с международными преступлениями имеются и преступления международного характера, выходящие за пределы национальных границ. В целях их пресечения и предотвращения распространения требуются соглашения о сотрудничестве на основе международных договорённостей по трём основным направлениям:

- борьба с отдельными преступлениями;
- правовая помощь по уголовным делам;
- выдача преступников.

Субъектами ответственности за эти преступления являются физические лица, а наказания применяются как на основе международных соглашений, так и на основе проведённого расследования в соответствии с уголовным законодательством государств-участников соглашений.

Борьба с преступностью-внутренняя компетенция государств. Однако, имеют место быть криминальные деяния, борьба с которыми требует объединённых усилий многих государств. Эти преступления называются международными. К ним относятся:

- преступления против мира;
- преступления против человечности;
- военные преступления.

Эти деяния имеют общественно - политический характер и борьба с ними требует объединённых усилий различных государств.

Таким образом, стоит отметить, что заинтересованность каждого государства в таком сотрудничестве вполне обоснована, так как в настоящих реалиях борьба с международной преступностью является одним из приоритетных направлений работы международных правоохранительных организаций. Решение вопросов в данной области будет достаточно эффективно лишь при рассмотрении их всем мировым сообществом. Наличие открытого (для стран-участниц) доступа к аналитическим и автоматизированным базам данных Интерпола поможет оперативно координировать совместные действия и операции правоохранительных органов со странами-партнерами, а также получать своевременно необходимую информацию в режиме реального времени.

Пристатейный библиографический список

1. Троицкий С.В. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 349 с.
2. Дробот Г.А. Мировая политика. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 232 с.
3. Официальный сайт МВД РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola (дата обращения: 17.12.21).
4. Боярских А.Е. Взаимодействие органов МВД РФ с международными организациями и правоохранительными органами зарубежных государств по вопросам противодействия преступности // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 2. – 7 с.

НОРБОВЕВА Туяна Владимировна

аспирант кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Куцафина (МГЮА)

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ С ХИМИЧЕСКИМИ ВЕЩЕСТВАМИ: УЧЕТ УРОКОВ ПРОШЛОГО

Международно-правовое управление, представляя собой деятельность по целенаправленному воздействию на отношения в сфере обращения с химическими веществами между государствами, международными организациями, международными неправительственными организациями, является комплексным и малоизученным предметом исследования. В статье обосновывается необходимость тщательного анализа международного режима управления в сфере обращения с химическими веществами в условиях формирования новой модели глобальной экологической политики, улучшения качества окружающей среды, необходимости соответствия целям устойчивого развития. Автор подчеркивает применимость процессов синергии в рамках международного режима в сфере обращения с химическими веществами, позволяющих обеспечить наибольшую координацию и взаимодействие внутри режима. Предлагается использовать опыт смежных экологических программ в целях управления в сфере обращения с химическими веществами.

Ключевые слова: международное управление в сфере обращения с химическими веществами, химические вещества, международное управление, международно-правовое управление, ЮНЕП, СГМРХВ, цели устойчивого развития, синергия.

NORBOEVA Taryana Vladimirovna

postgraduate student of International law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

KEY ASPECTS OF INTERNATIONAL LEGAL GOVERNANCE OF CHEMICAL SUBSTANCES: LEARNING FROM THE PAST

International legal governance, as an activity of purposeful influence on the relations in the sphere of chemical substances management between states, international organizations, international non-governmental organizations, is a complex and understudied subject of research. The article proves the need for a comprehensive analysis of the international regime of governance in the field of chemicals management in the context of the formation of a new model of global environmental policy, environmental quality improvement and the need to meet the goals of sustainable development. The author emphasizes the applicability of synergy processes within the international regime in the field of chemicals management, which allow to ensure the greatest coordination and interaction within the regime. It is proposed to use the experience of environmental programs for the purposes of chemical management.

Keywords: international legal governance of chemical substances, chemicals, international governance, international legal governance, UNEP, SAICM, sustainable development goals, synergy.

Вступление

Химические вещества играют ключевую роль в мировом экономическом развитии, они используются в различных секторах общественной жизни, таких как сельское хозяйство, транспорт, промышленная деятельность, трудовая деятельность. По данным доклада Программы ООН по окружающей среде (далее - ЮНЕП) «Глобальная перспектива в области химических веществ-II», в 2017 году объем мировой химической промышленности превысил 5 трлн. долл. США и эта цифра возрастет вдвое к 2030 году¹. Всего же в торговом обороте находится от 40 000 до 60 000 промышленных химических веществ, это количество растет за счет увеличения числа и расширения применения таких изделий, как мобильные телефоны, мебель, предметы личной гигиены. Рациональное обращение с химическими веществами является сложной и одновременно крайне важной задачей, поскольку в области

устойчивого развития необходимо, чтобы риски от использования химических веществ были снижены или устранены. В особенности следует подчеркнуть, что задачи 12.4 и 3.9 Целей устойчивого развития (далее - ЦУР) имеют прямое отношение к обращению с химическими веществами, хотя ими не ограничиваются. Задача 3.9 ЦУР касается сокращения к 2030 году количества случаев смерти и заболеваний от химических веществ, задача 12.4 ЦУР определяет направление к 2020 году добиться экологически рационального использования химических веществ и отходов.

Еще в 2002 году в Плане выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию², принятом Резолюцией № 2 на 17-м пленарном заседании 4 сентября 2002 г., предусматривалось сведение к минимуму вреда, причиняемого использованием и производством химических веществ здоровью людей и окружающей среде к 2020 году. В целях реализации решений Всемирной встречи была создана специальная платформа, носящая доброволь-

1 Глобальная перспектива в области химических веществ – II. От наследия к инновационным решениям. Обобщающий доклад. Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде. 2019 г. С. 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/27651/GCOIIS_RU.pdf?sequence=6&isAllowed=y (дата обращения: 22.02.2021).

2 План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. A/CONF.199/20. С. 19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/en/A/CONF.199/20> (дата обращения: 22.02.2022).

Норбоева Т. В.

ный характер – Стратегический подход к международному регулированию обращения с химическими веществами (далее – СПМРХВ). В настоящее время ведутся переговоры относительно будущего программы СПМРХВ. Одним из поводов для этого послужило невыполнение цели о сведении к минимуму связанных с химическими веществами вредных последствий. У современного поколения имеется возможность проанализировать уроки, извлеченные из опыта международного регулирования использования химических веществ и отходов в прошлом³.

Международно-правовое управление в сфере обращения с химическими веществами: становление и развитие

Понятие «международное управление» в настоящее время широко применяется в отношении ряда сфер международной жизни: противодействие изменению климата и загрязнению окружающей среды [Соколова 2010:18], борьба с нелегальной миграцией [Ustubici 2018:17; Betts 2011], контроль над вооружениями [Lodgaard 2019:5], борьба с терроризмом [Чернядьева 2018:12]. Регулирование обращения химических веществ также соответствует свойствам объектов международного управления⁴. Во-первых, регулирование химических веществ затрагивает различные сферы общественной жизни, в их этих процессах задействовано значительное количество международных институтов и субъектов как невластных, так и наделенных властными полномочиями. Во-вторых, «глобальность» проблемы нерационального использования химических веществ опосредована свойствами самих веществ⁵. В-третьих, некоторые из 169 задач, вытекающих из 17 ЦУР, имеют прямое отношение к обращению с химическими веществами. В их числе находятся задачи, касающиеся здравоохранения, ликвидации голода, обеспечения чистой водой и санитарии, осуществления перехода к рациональным моделям потребления и производства и другие (ЦУР 2.1, 3.9, 6.3, 11.6, 12.4, 12.5, 14.1, 16.1), что подчеркивает всеобщую значимость рационального обращения химических веществ, в том числе в политическом контексте.

В условиях тесной взаимозависимости и взаимосвязи между уровнем и качеством существующих сегодня правовых мер и механизмов в сфере обращения с химическими веществами и необходимостью разработки более действенных мер в целях обеспечения экологической (химической) безопасности, здоровья населения, защиты окружающей среды от негативного воздействия химических веществ необходимо

констатировать что правовое регулирование в сфере обращения с химическими веществами перешло в новую форму – форму международно-правового управления⁶.

Сегодня международно-правовое управление в сфере обращения с химическими веществами нацелено не только на регулирование межгосударственных отношений по поводу соблюдения и реализации концепции обращения с химическими веществами с учетом всего их жизненного цикла. В широком смысле это деятельность по целенаправленному воздействию на отношения в сфере обращения с химическими веществами между государствами, международными организациями, международными неправительственными организациями. Таким образом, в управлении соединяются правовые нормы и институциональные механизмы, их реализующие. При этом, помимо «властных» субъектов, в управлении в исследуемой сфере принимают участие и неправительственные организации.

Еще в 1980–1990-е годы в исследовании глобальных проблем использовалось понятие «международный режим», под которым понимались «нормы, правила, принципы и процедуры принятия решений, определяющие поведение государств в той или иной сфере» [Krasner 1982:185]. Международный режим в сфере обращения с химическими веществами структурно отличается от многих других режимов, в отношении которых применен подход «конвенция-и-протокол» (convention-cum-protocol) [Selin 2010:4]. Указанный подход предполагает создание рамочной конвенции, обозначающей основные цели политики и сопровождается формированием более конкретного регулирования в форме принятия дополнительных протоколов. Такой подход, в частности, применен в отношении режима озонового слоя. В свою очередь, становление международного режима в сфере обращения с химическими веществами обусловлено созданием ряда самостоятельных международных соглашений, не являющихся подчиненными друг другу. Сегодня международный режим в сфере обращения с химическими веществами охватывает четыре основных международных соглашения [Норбоева 2021: 68-75].

В международном праве были и более ранние попытки закрепления «опасного статуса» химических веществ, восходящие к началу XX века [Коровин 1928:3-4]. Однако наиболее активной фазы развития международного режима в сфере обращения с химическими веществами достиг уже после образования Организации Объединенных Наций (далее – ООН) в 1945 г., за которым последовало создание большинства межправительственных организаций (далее – МПО), включая специализированные учреждения (Продовольственная и сельскохозяйственная организация (далее – ФАО), Международная организация труда (далее – МОТ), Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ)), органов и программ ООН (ЮНЕП). Деятельность этих международных структур косвенно сопряжена с вопросами обеспечения химической безопасности в соответствующих сферах. Так, например, в рамках МОТ разработаны специальные правила об охране

3 Глобальная перспектива в области химических веществ – И. Указ. Соч. С. 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/27651/GCOIS_RU.pdf?sequence=6&isAllowed=y (дата обращения: 22.02.2021).

4 Чтобы стать объектом управления, объект, во-первых, должен быть четко обозначен. Мир должен быть классифицирован и упорядочен таким образом, чтобы климат отличался от погоды, пол от пола и так далее. Во-вторых, объект должен быть переведен в глобальное измерение, посредством которого объект можно перенести из аналитического контекста или социальной ситуации, в которой он возник, в политический контекст. Он должен быть достаточно абстрактным или формальным, чтобы быть понятным одинаково во всем мире, и в то же время достаточно гибким, чтобы быть значимым в различных культурных контекстах и группах. В-третьих, объект должен быть связан с дискурсом управления или находиться в рамках политики, которая определяет, как следует управлять объектом. См.: [Bentley 2017:137-138].

5 10 chemicals of public health concern. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.who.int/news-room/photo-story/photo-story-detail/10-chemicals-of-public-health-concern> (дата обращения: 21.12.2021)

6 Так, К.А. Бекашев использует формулировку «международно-правовое управление» применительно к вопросам управления морским рыболовством. На наш взгляд, данная формулировка подчеркивает приверженность участников управления к соблюдению взятых на себя международно-правовых обязательств. К.А. Бекашев в числе элементов управления указывает те из них, которые прямо связаны с международным правом в целом. Это, например, заключение международных конвенций по сотрудничеству государств в морском пространстве, учреждение международного контроля за надлежащим выполнением правил рыболовства и др. См.: [Бекашев 1986:25-26].

труда при использовании химических веществ: Конвенция о безопасности при использовании химических веществ на производстве №170 (1990 г.), Конвенция об использовании свинцовых белил в малярном деле №13 (1921 г.) и мн. др. ВОЗ, МОТ и ЮНЕП координируют свою деятельность в рамках специальных программ: Международная программа химической безопасности (далее - МПХБ) для оценки рисков здоровью и окружающей среде, причиняемых химическими веществами и укрепления национального потенциала в предотвращении и устранении вредного воздействия химических веществ.

Важной вехой, положившей начало комплексному подходу к международному управлению в сфере обращения химических веществ, стало принятие в 1992 году на саммите в Рио-де-Жанейро Повестки дня на XXI век (далее – Повестка дня). Глава 19 Повестки дня посвящена экологически безопасному управлению использованием токсичных химических веществ, включая предотвращение незаконного международного оборота токсичных и опасных продуктов. Новаторской особенностью главы 19 Повестки дня является продвижение всеобъемлющего подхода к управлению химическими веществами, охватывающего различные стадии жизненного цикла химических веществ - от производства, транспортировки и использования до утилизации. Эта парадигма дополнила традиционный подход к решению проблемы химических веществ с помощью секторальных подходов, например, в области сельского хозяйства, транспорта и т.д. путем учреждения новых международных координационных структур, повышающих согласованность действий. Пункт 19.6 Повестки дня определил основы международного сотрудничества в области экологически безопасного управления использованием токсичных химических веществ, куда вошли ЮНЕП, а также ВОЗ и МОТ в рамках МПХБ. В 1994 году в ответ на рекомендации главы 19 Повестки дня был создан Межправительственный форум по химической безопасности (далее - Межправительственный форум). Межправительственный форум сыграл важную роль в разработке Стокгольмской конвенции (2001 г.), создав в 1996 году специальную Рабочую группу по оценке стойких органических загрязнителей, а также разработал Бахийскую декларацию по химической безопасности и Приоритеты действий на период после 2000 года. Межправительственный форум как внеинституциональная структура, площадка для обсуждения вопросов, представляющих общий интерес, а также иных возникающих вопросов в области рационального использования химических веществ, был переименован в Международный форум по химической безопасности (далее - МФХБ) в 2008 году и стал консультативным органом Международной конференции по регулированию использования химических веществ. Согласно п.8 Дакарской резолюции о будущем Межправительственного форума (2008 г.)⁷ за МФХБ как независимым, объективным источником всей имеющейся информации по вопросам регулирования химических веществ сохранилась функция подготовки докладов по всем вопросам, касающимся рационального использования химических веществ.

В целом международный режим в сфере обращения с химическими веществами создает основы международно-правового управления в сфере обращения с химическими веществами. Подобно остальным международным экологическим соглашениям, он состоит из нескольких элементов,

установленных для управления действиями государств и иных субъектов с целью смягчения экологических рисков и рисков здоровью человека от опасных химических веществ. Следуя старой традиции, эти элементы могут быть сведены к группе принципов, норм, правил и процедур принятия решений [Selin 2010:31]. При этом не последнее место среди элементов международного режима в сфере обращения с химическими веществами занимают программные документы. В условиях глобализации программное регулирование и программно-управленческая деятельность, программный менеджмент становятся незаменимыми общественными механизмами [Бабин 2012:53].

Укрепление синергетических связей как необходимое условие построения международно-правового управления в сфере обращения с химическими веществами

В рамках четвертой сессии Международной конференции по управлению химическими веществами был начат процесс разработки рекомендаций относительно будущей модели СПМРХВ (Beyond 2020)⁸. К настоящему времени, исходя из информации, предоставленной на официальном сайте СПМРХВ, было проведено три совещания межсессионного процесса, последнее состоялось в 2019 году, а следующее было запланировано на март 2020 года, но отложено по известным причинам⁹. Одной из рекомендаций относительно будущего СПМРХВ является необходимость участия всех субъектов, которые должны предпринять необходимые усилия для рационального обращения с химическими веществами и отходами для достижения цели 12.4 Повестки дня на период до 2030 года и тем самым внести вклад в достижение многих других ЦУР¹⁰. Фундаментальным элементом будущего СПМРХВ и иных программных документов должно стать сотрудничество всех участвующих субъектов: государств, международных межправительственных и неправительственных организаций, частного сектора, научных и промышленных кругов, а также тесная взаимосвязь и взаимозависимость с иными существующими международными экологическими программами.

Примером призыва к координации усилий в управлении химическими веществами является доклад Директора-исполнителя ЮНЕП «Глобальная перспектива в области химических веществ – II» (2017 г.), в котором отмечено: «Необходимо разработать глобальный механизм рационального регулирования в сфере обращения химических веществ и отходов на период после 2020 года, который бы носил амбициозный и всеобъемлющий характер и создавал стимулы для укрепления приверженности и участия всех соответствующих субъектов в производственно-сбытовой цепочке». В до-

8 Report of the International Conference on Chemicals Management on the work of its fourth session. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.saicm.org/Portals/12/documents/meetings/IP1/K1606013_e.pdf (дата обращения: 21.12.2021).

9 Fourth meeting of the intersessional process considering the Strategic Approach and sound management of chemicals and waste beyond 2020 - [Postponed]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.saicm.org/Beyond2020/IntersessionalProcess/FourthIntersessionalmeeting/tabid/8226/language/en-US/Default.aspx> (дата обращения: 21.12.2021).

10 Compilation of recommendations regarding the Strategic Approach and the sound management of chemicals and waste beyond 2020, for consideration by the fifth session of the International Conference on Chemicals Management. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.saicm.org/Portals/12/documents/meetings/IP4/Docs/SAICM_IP4_2_compilation-recommendations-SAICM-consideration-ICCM5.pdf (дата обращения: 21.12.2021).

7 Дакарская резолюция о будущем Межправительственного форума по химической безопасности (МПХБ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.who.int/Ifcs/saicm/conference-chemicals/letterunep_ru.pdf?ua=1 (дата обращения: 21.12.2021).

кладе предлагается принять во внимание опыт, накопленный в рамках международного управления по биоразнообразию - Стратегического плана в области сохранения и устойчивого использования биоразнообразия на 2011-2020 годы. Вопрос соотношения двух стратегий управления был рассмотрен в рамках неофициального семинара, организованного ЮНИТАР в 2018 году. Участники семинара выразили свое согласие относительно того, что международное управление биоразнообразием несет в себе схожие черты с управлением в области обращения с химическими веществами и отходами, поскольку включает в себя самостоятельные юридически обязательные международные соглашения и ряд добровольных подходов¹¹. Во многом достоинства Стратегии по биоразнообразию перекликаются с характеристиками, присущими СПМРХВ: добровольность, множество участников, связь науки и политики. Между тем вызывает интерес система индикаторов для отслеживания прогресса в достижении целей в рамках Стратегии по биоразнообразию, сформированных Айтинскими целевыми задачами.

В свете необходимости координации предпринятых усилий по регулированию обращения с химическими веществами именно синергетические усилия всех акторов должны стать основным драйвером построения и развития международного экологического управления. Синергия понимается как следствие согласованных взаимодействий, которые порождают результат больший, чем была бы арифметическая сумма результатов автономного функционирования каждого из взаимодействующих феноменов [Крейк 2014:63]. По своей природе синергия является результатом кооперативного характера взаимодействий внутри феномена.

Процесс синергии следует рассматривать как важный первый шаг на пути к большей согласованности в целях обеспечения международно-правового управления в области обращения с химическими веществами и отходами, а также как столь необходимый сигнал миру международной политики о том, что перемены возможны и их можно достичь новыми беспрецедентными путями [Kummer 2014:176]. К слову, термин «синергия» уже знаком процессу управления в области обращения с химическими веществами. В 2008 году, учитывая общую цель Базельской, Роттердамской и Стокгольмской конвенций, правительства государств-участников трех конвенций усилили координацию и сотрудничество путем создания совместного исполнительного секретариата для контроля за соблюдением конвенций. Безусловно, такое сотрудничество является важным средством повышения эффективности международно-правового регулирования защиты окружающей среды [Солнцев 2015:69].

В целом следует отметить, что международно-правовое управление в области обращения с химическими веществами по сей день носит секторальный характер. На это указывает, в частности, тот факт, что международный режим в области обращения с химическими веществами не основан на едином международном соглашении или ином рамочном документе в сфере обеспечения химической безопасности и не обладает централизованным институциональным механизмом. Между тем с учетом опыта смежных программных стратегий представляется возможным добиться полной координации

всех компонентов стратегии путем синергизма действующих контрольных механизмов.

Пристатейный библиографический список

1. Бабин Б.В. Программное регулирование в современном международном праве: теоретические проблемы и практический опыт // *NB: Международное право*. – 2012. – № 1. – С. 36-75.
2. Бекашев К.А. Международно-правовое управление морским рыболовством (на примере деятельности межправительственных рыбохозяйственных организаций): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Ленинград, 1986.
3. Коровин Е.А. Химическая война и международное право // *Советское право*. – 1928. – № 2 (32). – С. 3-23;
4. Крейк А.И. Использование обществом синергии в повседневной деятельности // *социальная онтология России: сборник научных статей по докладом VIII Всероссийских Копыловских чтений / Под ред. В.В. Крюкова, В.Г. Новоселова* – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. – С. 63-83.
5. Лукашук И.И. Международно-правовое регулирование международных отношений. – М.: Междунар. отношения, 1975. – 176 с.
6. Норбоева Т.В. Международно-правовые основы обращения с химическими веществами: в поисках оптимальной модели управления // *Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер»*. – 2021. – № 7. – С. 68-75.
7. Соколова Н.А. Международно-правовые аспекты управления в сфере охраны окружающей среды: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2010. – 320 с.
8. Солнцев А.М. Дефекты международно-правового регулирования охраны окружающей среды: некоторые пути преодоления // *Евразийский юридический журнал*. – 2015. – № 3. – С. 67-69.
9. Чернядьева Н.А. Современное состояние и тенденции развития международно-правовой борьбы с терроризмом: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2018. – 60 с.
10. Bentley V.A. Producing the Climate: States, Scientists, and the Constitution of Global Governance Objects // *International Organization*. – Vol. 71. – № 1. – P. 131-162.
11. Betts A. Introduction: Global migration governance. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – P. 1-33.
12. Krasner S.D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // *International Organization*. – 1982. – Vol. 36. – № 2. – Pp. 185-205.
13. Kummer K. The Chemicals and Waste Regime as a Basis for a Comprehensive International Framework on Sustainable Management of Potentially Hazardous Materials? // *RECIEL*. – 2014. – № 23 (2). – Pp. 172-180. DOI: 10.1111/reel.12084
14. Lodgaard S. Arms Control and World Order // *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*. – 2019. – Vol. 2:1. – P. 1-18.
15. Henrik S. Global Governance of Hazardous Chemicals: Challenges of Multilevel Management. – Cambridge: MA: MIT Press, 2010. – 235 p.
16. Ustubici A. The Governance of International Migration. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. – 249 p.

11 Brief summary report prepared for regional meetings on SAICM and sound management of chemicals and waste beyond 2020- The Aichi Biodiversity Targets: Are approaches and lessons from the biodiversity cluster relevant for the management of chemicals and waste beyond 2020? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.saicm.org/Portals/12/documents/meetings/ICCM5/RegMeet-docs/RM2018_6_AichiTargets.pdf (дата обращения: 21.12.2021).

АЛЬ-МУТТАИРИ Фурат Заки Салих

аспирант кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В РЕГУЛИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ОККУПИРУЮЩЕЙ ДЕРЖАВОЙ И ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИЕЙ В СЛУЧАЕ ОККУПАЦИИ

Автор статьи анализирует правовой режим военной оккупации, обращая внимание на роль международного права в регулировании взаимоотношений между оккупирующей державой и непосредственно оккупированной территорией. Особое внимание уделяется оценке международной нормативно-правовой базы, регламентирующей права граждан территории, которая временно попала под режим военной оккупации. В статье подчеркивается, что основная цель реализации права военной оккупации заключается в сохранении статуса-кво на оккупированных территориях на время вооруженного конфликта, с тем чтобы обеспечить безболезненное возвращение таких территорий соответствующему государству в будущем. В качестве конкретного кейса проведен краткий анализ режима оккупации Ирака.

Ключевые слова: военная оккупация, международное право, международное гуманитарное право, оккупирующая держава, оккупированная территория.

AL MUTAIRI Forat Zaki Salih

postgraduate student of International law sub-faculty of the Institute of Law of the People`s Friendship University of Russia

THE ROLE OF INTERNATIONAL LAW IN REGULATING THE RELATIONSHIP BETWEEN THE OCCUPYING STATE AND THE OCCUPIED LAND IN THE EVENT OF THE OCCUPATION

The author of the article analyzes the legal regime of military occupation, paying attention to the role of international law in regulating the relationship between the occupying Power and the directly occupied territory. Special attention is paid to the assessment of the international legal framework regulating the rights of citizens of the territory that temporarily fell under the regime of military occupation. The article emphasizes that the main purpose of the implementation of the right of military occupation is to preserve the status quo in the occupied territories during the armed conflict in order to ensure the painless return of such territories to the relevant State in the future. As a concrete case, a brief analysis of the regime of occupation of Iraq is carried out.

Keywords: military occupation, international law, international humanitarian law, occupying state, occupied land.

Military occupation is the temporary occupation by the armed forces of one State of all or part of the territory of another State with the assumption of management functions. Military occupation does not extend the sovereignty of the occupying State to the territory occupied by its troops. After the entry into force of the Geneva Conventions I - IV (1949) [9], the regime of military occupation is not conditioned by either the declaration of a state of war or the absence of armed resistance to the occupier (Article 2 is common to the four Geneva Conventions).

On the other hand conquest, in international law, the acquisition of territory through force, especially by a victorious state in a war at the expense of a defeat state. An effective conquest takes place when physical appropriation of territory (annexation) is followed by "subjugation [12]" (i.e., the legal process of transferring title).

Conquest is associated with the traditional principle that states may resort to war at their discretion and that territorial and other gains achieved by military victory will be recognized as legally valid. The doctrine of conquest and its derivative rules were challenged in the XX century by the development of the principle that aggressive war is contrary to international law, a view that is expressed in the covenant of the League of Nations, the Kellogg-Briand Pact of 1928, the charters and judgments of the international military tribunals created at the end of World War II to try those accused of war crimes, the Charter of the United Nations, and numerous other multipartite treaties, declarations, and resolutions.

The emergence and development of the law of military occupation is dictated by the need for international legal

regulation of relations between the occupying Power, on the one hand, and the occupied State and its inhabitants, including refugees and stateless persons, on the other. The right of military occupation is applicable only in international armed conflicts.

Occupation should be distinguished from the conquest of territory. Conquest presupposes the complete submission of the defeated to the victor, entailing the end of the war and the termination of the existence of the defeated state. Occupation, on the contrary, is characterized by the preservation of the power structures (even in exile) of the defeated state and the continuation of resistance and military actions against the occupying State.

The right of military occupation gradually developed in the second half of the 19th century during discussions between the governments of European States, mainly during the peace conferences in Brussels (1874) and The Hague (1899 and 1907) [7].

The principle of protecting civilians and their property is conditioned by the earlier distinction between combatants and non-combatants and the obligation to protect the latter from the scourge of war. The obligation to respect the sovereign rights of the occupied State is a reflection of the last stages of the crystallization of the concept of sovereignty as the supreme authority of the State over its territory and citizens of the country. This dual concept of occupation became part of general international law by the beginning of the 20th century.

During the XX century, the right of occupation was often violated. Many occupiers either did not recognize the right of occupation at all, or interpreted its provisions for their own purposes.

The orders established during the Second World War by the Nazi invaders and their allies in the occupied territories of Europe and the former USSR were accompanied by unprecedented cruelty. Most of the overthrown Governments in exile or after their return also had little respect for the right of occupation, refusing to recognize the validity of regulations adopted by the occupier.

Another type of problem that arose after the end of the cold war concerns UN peacekeeping missions in the framework of post-conflict settlement, in countries such as Kosovo and East Timor (1999), or missions of international forces under the auspices of the UN, in countries such as Somalia (1992), none of which recognized the applicability of the law of occupation to these missions, with the exception of the Australian unit in Somalia.

The norms relating to the law of military occupation are contained in the following international legal acts:

- Section III «On Military Authority in the Territory of an Enemy State» of the Hague Regulations on the Laws and Customs of Land Warfare of 1907;

- section III, Part III «Occupied Territories» of the Geneva Convention (IV) of 1949 on the Protection of Civilians in Time of War;

- Part IV, section II «Assistance to the civilian population», section III «Treatment of persons in the power of a party to the conflict» of Additional Protocol I to the Geneva Conventions of 1949, concerning the Protection of Victims of International Armed Conflicts of 1977.;

- universal and regional human rights treaties;
- other documents related to the law of armed conflict, in accordance with the subject of these documents;

- judicial rulings, doctrinal sources (primarily coming from the International Committee of the Red Cross (hereinafter – the ICRC)).

The legal conditions for the entry into force of the military occupation regime are determined by Article 42 of the Regulations on the Laws and Customs of the Land War of 1907, which is considered a reflection of international customary law. This text, which has remained unchanged since its initial appearance in Article 1 of the Brussels Declaration (1874) [2] (Draft International Declaration on the Laws and Customs of War), reads:

- The territory is recognized as occupied if it is really in the power of the enemy army.

- Occupation extends only to those areas where this authority is established and is able to exercise its activities [9].

According to the ICRC, occupation takes place under the following conditions:

- the armed forces of the State are physically present on foreign territory without the consent of an effective local government;

- the local Government cannot exercise its powers due to the presence of foreign forces;

- foreign forces can exercise power in a given territory instead of the local Government.

Since occupation is a matter of fact, an official declaration of occupation or the establishment of an occupation administration is not required, and their absence does not affect the status of the occupied territory in any way.

The determination of whether the conditions for the validity of the occupation regime are met at a given time and place should be based on an actual analysis of the situation in each specific case. Effective control does not require the presence of occupation forces in all places. It is generally accepted that it is enough for

the occupying forces to send military detachments to maintain power in the occupied territory within a reasonable time. The number of troops needed to carry out the occupation depends on various factors, such as the location of the inhabitants, the number and density of the population, as well as the nature of the terrain [7]. Battle areas cannot be considered occupied, but sporadic local resistance, even at times successful, does not make the occupation ineffective.

Occupation does not entail the transfer of sovereignty, but entails the transfer of territorial jurisdiction and, accordingly, the assignment of State functions and obligations to protect human rights to the occupier.

The basic rules for the treatment of Civilians, the rights and obligations of the occupying Power in accordance with international humanitarian law can be summarized as follows:

- The population of the occupied territory enjoys humane treatment and basic human rights: the right to private and family life [9], the right to a fair trial, freedom of religion, etc.

- The occupying Power must take measures to restore and ensure, as far as possible, civilian life, public order and security.

- The laws of the occupied Territory remain in force if they do not pose a threat to the security of the occupying Power or hinder the application of international law of occupation.

- The occupying Power is obliged to maintain health care and public hygiene in the Occupied Territory with all the means at its disposal, as well as to ensure the supply of food and sanitary materials to the civilian population. If the supply of the population is insufficient, the occupier must agree to the provision of assistance by other States or humanitarian organizations.

- The occupying Power is prohibited from forcing local residents to serve in its armed or auxiliary forces.

- Forced displacement of the population in the occupied territory is prohibited, unless it is required for reasons of its security.

- The deportation of civilians from the occupied territory to the territory of the occupying Power is absolutely prohibited.

- Forced labor is allowed only if it is necessary to meet the needs of the occupation army or the functioning of household infrastructure. At the same time, the occupying army cannot use the population at military facilities and defensive works.

- Collective punishments, acts of intimidation and terror are not allowed.

- Taking hostages is prohibited.

- The confiscation of private property by the occupier is prohibited.

- Destruction of property that is not absolutely necessary for military operations is prohibited.

- The deliberate seizure, destruction or damage of cultural property is prohibited and must be prosecuted.

- The occupier can collect taxes from the population.

- The occupying Power may requisition food supplies and sanitary materials only to meet the needs of the army and taking into account the needs of the civilian population.

- The occupier can only take possession of State funds, weapons depots, vehicles, food supplies and all movable property of the State that can serve for military operations.

- Private property is not subject to confiscation, but paid requisitions are allowed to meet the needs of the army. In addition, communications equipment, vehicles and military supplies may be seized from private individuals, but they must be returned with damages after peace is concluded [1].

Thus, occupation is a form of foreign domination over the territory of a sovereign state, and this fact predetermines

the inevitability of rather harsh conditions for the civilian population living in the occupied territories. However, the norms of international humanitarian law still soften the situation of protected persons as much as possible, limiting the previously unlimited power of the occupying power. Actions of the occupation authorities at the present time are controlled through special international institutions designed to ensure the rights of protected persons.

On the other hand, occupation should be distinguished from the conquest of territory. Conquest presupposes the complete subordination of the defeated to the victor, entailing the end of the war and the termination of the sovereignty of the defeated state, the elimination of its state-legal institutions. Occupation, on the contrary, is characterized by the preservation of the power structures (even in exile) of the defeated state and the continuation of resistance and military actions against the occupying State. The norms relating to occupation do not apply to conquest (subjugation). Accordingly, if the occupation of the territory the complete and unconditional surrender of the enemy follows, as in the case of fascist Germany on May 8, 1945, then the complete subordination of the territory, the cessation of the existence of the army and government, as well as the cessation of any forms of struggle change the occupation regime, and the right of occupation no longer applies.

At the same time, modern international humanitarian law proceeds from the provision that the right of occupation may not be applied only if the conquest is the result of a struggle with an aggressor State. This provision, in particular, was fixed in one of the decisions of the Nuremberg Tribunal. Responding to the argument put forward by the defendant, who claimed that the German Reich was not bound by the law of military occupation in relation to the territories captured by Germany, the court stated that the doctrine of conquest does not apply to the situation of aggressive war. «In the opinion of the Tribunal», the verdict notes «in this case there is no need to decide whether the doctrine of seizure is applicable... where conquest is the result of aggressive warfare» [8].

Thus, international law does not recognize the conquest alienation of a territory or part of a territory carried out as a result of an aggressive war, because this contradicts the *jus contra bellum*. Conquest, in principle, can only be carried out by the state, speaking out against the aggressor.

The basic idea of the right of military occupation is to preserve the status quo ante in the occupied territories for the duration of the armed conflict, in order to ensure the painless return of such territories to the relevant State in the future.

According to article 43 of the Hague Convention IV of 1907, the enemy occupying the territory is obliged to take all measures depending on him to restore and ensure public order and public life as far as possible, and at the same time he must respect «the laws existing in the country, if by that time there is no insurmountable obstacle» [7].

At the end of our article we will conduct a brief legal case analysis of the regime of occupation of Iraq.

The legal assessment of the US war against Iraq is based on the discrepancy between the norms of international law and a number of provisions of American analysts justifying the US leadership's war against Iraq.

The US leaders proceed from a number of facts that, in their opinion, justify the use of military force to «stabilize» the situation in the Middle East, including in Iraq. A review of the statements of US officials and experts allows us to highlight the following facts:

1. Iraq has violated 16 UN resolutions, has been ignoring them for 12 years, and therefore must be attacked.

2. Iraq produces weapons of mass destruction (WMD) and is going to use it to attack the United States.

3. Russia and France object to the war in Iraq only because they buy cheap Iraqi oil and do not want to lose a source of income.

4. Russia and France object to the war in Iraq only because they have sold Iraq a lot of weapons, including WMD, so they have always been at one with the dictator.

5. The Iraqis will be much better off after the war, they hate S. Hussein, and when the United States removes the dictatorship, Iraq will rise thanks to oil, and all Iraqis will be able to use the oil revenues that are now appropriated by Hussein.

6. It is absolutely unprofitable for the United States to fight, because the revenues from Iraqi oil will be much less than the costs of the war. So the US is fighting for altruistic reasons.

7. The USA uses modern high-precision weapons. There will be no civilian casualties in the war.

8. The United States does not want war, there is simply no other way out.

9. The UN is not effective enough in ensuring the implementation of international legal acts, so someone has to play the role of a «world policeman»

10. Iraq does not cooperate with UN inspectors, does not let them into important facilities, in addition, expelled them from the country in 1998

11. Iraq violates the zones prohibited for flights of Iraqi combat aircraft.

12. Iraq supports and arms terrorists.

13. Iraq is dangerous for its neighbors.

An assessment of these statements from the point of view of the norms of international law, as well as some US legal norms for each of the above provisions can be presented in the next version.

Iraq, in fact, does not comply with almost all the resolutions adopted by the UN. But the norms of international law do not foresee that a military operation against Iraq should be organized for this. For example, Israel has violated 68 UN resolutions, this has been going on for 50 years, but no one is going to bomb Tel Aviv yet.

UN resolutions have been violated, however, by what means to do this, according to the UN Charter, only the UN Security Council and no one else can decide. As a rule, groups of UN inspectors monitor the implementation of UN Security Council resolutions. A simple analogy is that if a court finds a person guilty of murder, it does not mean that any passerby can punish this person. The definition of punishment is the competence of the court, not the executor.

In this case, the actions of the United States can be qualified as unauthorized and not authorized by the UN. Thus, the United States violated the provision of the UN Charter, which states that war cannot be considered a means of solving international problems, and is justified only in two cases:

a) as a means of self-defense; i.e., the attacked State has the right to defend itself.

b) a State has the right to start a war if another State is actively preparing to attack it.

It is clear that Iraq has not committed and is not committing any actions to attack the United States; moreover, Iraq does not have any military means that could attack US territory. Consequently, US military actions against Iraq cannot be justified by references to the UN Charter.

It should be noted that the norms of international law, including the UN Charter, provide for the possibility to use any means, including military intervention in specially specified cases, for example, to stop genocide or in case of danger to world peace. However, the decision on the use of military forces can be made by the UN Security Council and no one else.

UN Resolution No. 1441, the provisions of which, according to the US leadership, justify their actions as sanctions against Iraq provided for by this resolution if it violates it. However, the 12th paragraph of this resolution states that if Iraq does not fulfill its obligations, the UN Security Council should immediately meet and decide on further actions. Nevertheless, in violation of this norm, the United States made the decision independently, without contacting the UN Security Council.

Moreover, the Congress and the US President violated the Constitution of their country. The US Constitution recognizes all ratified international treaties, including the UN Charter, as having a higher priority than any US laws, including the Constitution. However, Congress authorized the President's actions to unleash military action against Iraq even if the UN refuses to grant America a mandate to conduct a «peacekeeping operation». Thus, the highest authorities of the United States deliberately ignored the fundamental legal law of international law – the UN Charter.

In the peace terms signed by the United States and Iraq on 28.02.1991, no zones were provided for the flights of Iraqi combat aircraft. Of course, UN resolutions require strengthening the security of the Kurdish national minority, but there are no restrictions on the flights of Iraqi aviation. The creation of zones prohibited for flights of Iraqi combat aircraft was announced by the United States, Great Britain and France 18 months after the end of the war. The UN has never sanctioned this decision. France later also changed its mind and condemned the creation of such zones.

The creation of such zones clearly contradicts Article 51 of the UN Charter, which states that every state has the right to protection on its territory, without providing for any exceptions in the form of zones prohibited from flying its own (In this case, Iraqi) combat aircraft. Despite this, targets in Iraq that did not even cause a direct threat to the patrolling aircraft of the United States and Great Britain (whose presence in those zones is a violation of Iraqi airspace) were regularly shelled and destroyed.

As already mentioned, the Iraqi army (according to experts, including the United States) was not even able to defend itself, let alone attack. Attention is drawn to the fact that the very neighbors of Iraq, whom the United States seems to be protecting from Iraq, do not support the war. Saudi Arabia, Jordan, Syria, the United Arab Emirates, Bahrain, Iran and even Turkey have called for a political solution to the conflict. If Iraq's neighbors felt that Iraq was dangerous for them, they could at any time appeal to the UN General Assembly with a request to take measures to maintain security and peace in the region. However, over the past 12 years, none of the neighboring countries of Iraq has done this. It seems that only the United States and the United Kingdom saw the danger to the region.

The totality of the facts presented allows us to conclude that from a legal point of view, it is very difficult for the United States of America to justify its «good intentions» to establish peace and tranquility in the Middle East, as well as to convince the world community that democracy delivered to Iraq on tanks is a guarantee of equality of all before the law.

It should also be noted that the United States, by taking military action against a sovereign state, has dealt a significant

blow to international law, which will force many international organizations to reconsider some norms of international law.

The article bibliographic list

1. Artsibasov I. N. Armed conflict: law, politics, diplomacy / I. N. Artsibasov, S. A. Egorov. - Moscow: International Relations, 1989. - 245 p.
2. Kalugin V. Yu. Course of international humanitarian law / V. Yu. Kalugin. - Mn.: Theseus, 2006. - 311 p.
3. Pictet J. Development and principles of international humanitarian law / J. Pictet. - Moscow: ICRC, 2000. - 157 p.
4. Boucher-Saulnier F. Practical dictionary of Humanitarian law / F. Boucher-Saulnier. - M.: Publishing House «MIC», 2004. - 552 p.
5. Kalshoven F. Limitations of methods and means of warfare / F. Kalshoven. - 2nd ed., ispr. - M.: ICRC, 1999. - 232 p.
6. David E. Principles of the law of armed conflicts: A course of lectures of the Law Faculty of the Open University of Brussels / E. David. - M.: International Committee of the Red Cross, 2000. - 720 p.
7. The Hague Convention of 1907 on the Laws and Customs of land Warfare // Conduct of military operations: Collection Hague Conventions and other Agreements. - Moscow: ICRC, 1999. - 557 p.
8. The United Nations. [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.un.org/russian>. (access date: 19.07.2007).
9. Geneva Convention of 1949 on the Protection of Civilian Persons in Time of War (4th Geneva Convention) // Geneva Conventions of 12 August 1949 and the Additional protocols thereto. - M.: ICRC, 1997. - S. 137-211.
10. Geneva Convention of 1949 on the treatment of prisoners of war // the Geneva conventions of 12 August 1949 and the Additional protocols thereto. - M.: ICRC, 1997. - P. 57-136.
11. Protocol additional to the Geneva conventions of 12 August 1949, relating to the protection of victims international armed conflicts (Protocol I) // the Geneva conventions of 12 August 1949, and Additional Protocols to them. - Moscow: ICRC, 1997. - P. 212-295
12. Vienna Convention on the succession of States in respect of treaties in 1978.

БЕЛЯЕВА Юлия Леонидовна

соискатель кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикота

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПОЛА В СФЕРЕ БОРЬБЫ СО СПОРТИВНОЙ КОРРУПЦИЕЙ

В статье рассматриваются современные тенденции коррупционной преступности в сфере спорта в Европейском Союзе. Автором обосновывается связь между спортивной коррупцией, в частности договорными матчами, и организованной преступностью в ЕС. Показано, что для борьбы со спортивной коррупцией в ЕС создаются дополнительные институциональные механизмы полицейского сотрудничества государств-членов ЕС в рамках Европола.

Ключевые слова: спортивная коррупция, договорные матчи, отмывание денежных средств, организованная преступность, право Европейского Союза, Европол.

BELYAEVA Yuliya Leonidovna

postgraduate student of Human rights and international law sub-faculty of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

CURRENT DIRECTIONS OF EUROPOL'S ACTIVITY IN THE FIELD OF COMBATING SPORTS CORRUPTION

The article discusses the current trends in corruption crimes in the field of sports in the European Union. The author substantiates the connection between sports corruption, in particular match-fixing, and organized crime in the EU. It is shown that in order to combat sports corruption in the EU, there are being created additional institutional mechanisms for police cooperation of EU member states within the Europol.

Keywords: sports corruption, match-fixing, money laundering, organized crime, European Union law, Europol.

Организация спортивных мероприятий, требующая привлечения крупных объемов инвестиций, давно стала объектом коррупционной преступной деятельности с участием организованных преступных групп (далее – ОПГ) в Европейском Союзе (далее – Евросоюз, ЕС). Например, одним из самых масштабных расследований спортивной коррупции в Европе является операция с кодовым названием ВЕТО (англ. VETO), предмет которой – договорные матчи. Расследование проводилось в период с июля 2011 г. по январь 2013 г. В ней участвовали Агентство Европейского Союза по сотрудничеству правоохранительных органов (далее – Европол) и представители полицейских органов 13 государств-членов ЕС, при поддержке Агентства ЕС по сотрудничеству в области уголовного правосудия (Евроюст) и Интерпола. В ходе операции была выявлена крупная ОПГ, которая обеспечивала широкое распространение договорных матчей. В результате преступной деятельности было получено около 8 млн евро от прибыли по итогам спортивных ставок и более 2 млн евро было выплачено коррумпированным лицам, непосредственно участвующим в матчах. В ходе операции более 450 должностных лиц спортивных организаций, футбольных клубов, футбольные игроки, а также опасные преступники из 15 государств были задержаны по подозрению в организации попытки фальсификации более 380 профессиональных футбольных матчей, включая квалификационные матчи Кубка мира и Чемпионата Европы, две Лиги чемпионов УЕФА, а также некоторые топ-матчи в европейских национальных лигах [1, с. 270].

Указанное расследование выявило масштабы распространения спортивной коррупции на территории ЕС, в итоге в 2013 г. Европейский парламент принял специальную резолюцию «О договорных матчах и коррупции в спорте»¹, где призвал государства-члены ЕС принять ряд мер, включая сбор, обмен, анализ и распространение разведанных о договорных матчах, спортивном мошенничестве и иных формах коррупции в спорте. В ней была подчеркнута необходимость тесного сотрудничества между всеми заинтересованными

сторонами (например, спортивными организациями, лицензирующими органами, правоохранительными органами) как в ЕС, так и за его пределами, что привело к созданию в 2014 г. специального Аналитического проекта Европола по спортивной коррупции, который поддерживает расследования государств-членов ЕС по делам о коррупции в спорте, фальсификациям и связанной с ними преступной деятельностью [2]. Также в проекте участвует Интерпол.

Как подчеркивает Европол, в правоохранительных органах ЕС нет единого мнения по поводу определения спортивной коррупции. Это явление может охватывать широкий спектр различных коррупционных практик и включает взятничество, договорные матчи, допинг, мошенничество со ставками, отмывание денежных средств, влияние на организацию и проведение международных спортивных мероприятий (и последующие процедуры государственных закупок) [3, с. 4]. Можно заключить, что указанные коррупционные практики имеют общий элемент, так или иначе негативно влияющий на сферу спорта. Общепринятое определение «манипулирования спортивными соревнованиями» содержится в ст. 3 Конвенции Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями от 18 сентября 2014 г. и включает «преднамеренные договоренности, действие или бездействие, направленные на изменение ненадлежащим образом результата или хода спортивного соревнования для полного или частичного устранения присущей указанному спортивному соревнованию непредсказуемости в целях обеспечения неправомерного преимущества для себя или других лиц»².

Исходя из практической деятельности Европола [3, с. 18] можно сделать вывод, что спортивная коррупция в ЕС распространена в форме договорных матчей, используемых криминальными сетями для управления результатами спортивных мероприятий. Мотив договорных матчей заключается в получении прямых или косвенных финансовых выгод от ставок. В основном незаконная деятельность связана с подкупом участвующих спортсменов, однако также возможен подкуп других ключевых участников матчей, таких как судьи и официальные лица. Ежегодные мировые преступные до-

1 European Parliament resolution of 14 March 2013 on match-fixing and corruption in sport (2013/2567(RSP)) // OJ C 36. - 29.01.2016. - P. 137-140.

2 Собрание законодательства РФ. – N 38. – 22.09.2014, ст.5085.

ходы от договорных матчей, связанных со ставками, оцениваются примерно в 120 млн евро. Во всем мире 65 % общего оборота по ставкам приходится на азиатских букмекеров, 21 % на европейских и 14 % на остальных [4, с. 67]. Европол продолжает поддерживать расследования, направленные на ликвидацию преступных сетей, которые отмывают преступные доходы посредством спортивной коррупции или увеличивают свои незаконные активы, манипулируя спортивными мероприятиями по всему миру. Например, 26 ноября 2019 г. Национальная полиция Испании при поддержке экспертов Европола по спортивной коррупции арестовала девять человек в связи с договорными матчами и отмыванием денег в ходе операции «Oikos». Подозреваемые заключали сделки с целью организации результатов матчей второго дивизиона, чтобы команда могла выйти в плей-офф и войти в первый дивизион Национальной футбольной лиги Испании.

Несмотря на глобальное закрытие профессионального спорта во время пандемии COVID-19, ОПГ проявляют гибкость и используют новые возможности во время кризиса для совершения преступной деятельности в данной сфере. В отчете Европола от 30 апреля 2020 г. «Помимо пандемии, как COVID-19 изменит ландшафт серьезной и организованной преступности в ЕС» [5, с. 5] отмечено, что несмотря на кризис, связанный с пандемией COVID-19, и отмену большинства спортивных мероприятий, преступные группы стали использовать новые методы спортивной коррупции. В некоторых государствах-членах ЕС зарегистрированы футбольные «матчи-призраки», когда преступники ложно рекламировали в социальных сетях, блогах или на поддельных веб-сайтах несуществующие матчи с целью получения прибыли от рынков ставок обманным путем. В таких случаях создавались фальшивые составы игроков, статистика и результаты матчей.

Широкое использование недавно разработанных приложений для онлайн-ставок на спорт превращает спортивную коррупцию в преступную деятельность, на которую напрямую влияют онлайн-технологии. Онлайн-гемблинг — самая быстрорастущая услуга в этом секторе. Ставки на сфальсифицированные матчи, происходящие на онлайн-рынке, стали обычным явлением. Влияние цифровизации очевидно, независимо от того, какой рынок ставок является целевым (например, азиатский, европейский и т.д.).

Помимо того, ряд спортивных клубов столкнулись со значительными финансовыми трудностями в связи с введенными ограничениями для сдерживания распространения пандемии COVID-19. Многие из этих клубов находятся в низкоуровневых дивизионах и могут становиться все более уязвимыми для проникновения или подкупа преступными сетями, стремящимися использовать клуб для договорных матчей и других преступных дел, что повышает коррупционные риски в данной сфере [4, с. 67].

Подобно другим видам серьезной и организованной преступности, спортивная коррупция представляет собой преступление, связанное с получением прибыли, которое преследуют опытные члены ОПГ, действующих в глобальном масштабе. В частности, спортивное манипулирование ставками требует непрерывного потока больших денежных сумм для финансирования деятельности по ставкам и компенсации затрат, необходимых для ведения общей преступной деятельности (например, подкупа спортсменов, платежных агентов и курьеров, логистики и т.д.). Выделенные средства предоставляются высшими эшелонами ОПГ для достижения целей преступной организации. Такая преступная деятельность может привести к быстрому получению больших доходов за счет ставок и превращения незаконно полученных средств в предположительно законные выигрыши на ставках. Таким образом, коррупция, связанная со ставками на спорт, служит платформой для дальнейших крупномасштабных схем отмывания денег, которые могут использоваться как ОПГ, непосредственно занимающимися спортивной коррупцией, в собственных интересах, так и иными ОПГ, специализирующимися на услугах по отмыванию денег.

Растущее число дел о коррупции в спорте ясно указывает на важность проведения финансовых расследований

наряду с расследованиями договорных матчей. Параллельные финансовые расследования, направленные на выявление большого числа причастных к преступной деятельности лиц, в том числе тех, кто находится на более высоком уровне ОПГ и несет ответственность за финансирование коррупционных операций в спорте, имеют решающее значение. Такой подход способствует более успешному и всестороннему расследованию связанных со спортивной коррупцией схем отмывания денег и отслеживанию незаконных активов для последующих действий по их возвращению.

Взросшие криминальные угрозы коррупции способствовали созданию в июне 2020 г. нового Европейского центра по противодействию финансовым и экономическим преступлениям (англ. European Financial and Economic Crime Centre (EFEC); далее – ЕФЭК) в рамках Оперативного департамента Европола [6]. Один из оперативных отделов ЕФЭК по противодействию финансовым преступлениям непосредственно занимается вопросами противодействия коррупции и отмыванию денег.

Центр оказывает поддержку в расследованиях коррупционных преступлений посредством: предоставления данных хранящихся отчетов; организации оперативных и координационных совещаний; развертывания мобильных офисов для проведения криминалистических экспертиз на местах; оперативного и стратегического анализа; специальной подготовки и обучения. Помимо того, ЕФЭК развивает сотрудничество с частными и публичными организациями, способствует политическим обсуждениям с ключевыми заинтересованными сторонами, такими как Европейская комиссия и Совет ЕС, ОЭСР и Евроюст, а также поддерживает разработку стратегических продуктов в области противодействия финансовым и экономическим преступлениям. Представляется, что расширение сотрудничества и координации между различными заинтересованными сторонами будет способствовать повышению осведомленности и решению проблем, связанным с ограниченным опытом в области расследования спортивной коррупции.

Можно заключить, что вследствие влияния пандемии COVID-19, использование онлайн-технологий является основным фактором, способствующим совершению всех преступлений спортивной коррупционной направленности. Совершенствование институциональных механизмов полицейского сотрудничества государств-членов ЕС в рамках Европола позволит обеспечить адекватный ответ на возникающие вызовы и современные угрозы спортивной коррупции.

Пристатейный библиографический список

1. Dark Web Investigation / Ed. by B. Akhgar, M. Gercke, S. Vrochidis, H. Gibson. - Cham: Springer Nature, 202. - 288 с.
2. Europol Analysis Projects // Official website of Europol. [Electronic recourse]. - Access mode: <https://www.europol.europa.eu/operations-services-and-innovation/europol-analysis-projects>.
3. The involvement of organised crime groups in sports corruption: situation report. - Hague: European Union Agency for Law Enforcement Cooperation, 2020. - 22 с.
4. EU Serious and Organised Crime Threat Assessment (SOCTA) 2021 - Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2021. - 105 с.
5. Europol. Beyond the pandemic how COVID-19 will shape the serious and organised crime landscape in the EU: report. - Hague: European Union Agency for Law Enforcement Cooperation, 2020. - 15 с.
6. Europol launches the European Financial and Economic Crime Centre / Europol press release of 05.06.2020. [Electronic recourse]. - Access mode: <https://www.europol.europa.eu/news-room/news/europol-launches-european-financial-and-economic-crime-centre>.

НУРЕЕВА Ляйсан Рустамовна

аспирант кафедры конституционного и международного права Университета управления «ТИСБИ», г. Казань

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКИ ОТСТРАНЕНИЯ ОТ ДОЛЖНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ СУДЕЙ В США

В статье рассматривается процедура применения импичмента в отношении федеральных судей в Соединенных Штатах Америки. Приведена статистика проведения процедуры импичмента за всю историю существования Соединенных Штатов Америки. Анализируется право и современная практика применения импичмента, а также альтернативных импичменту процедур отстранения от должности судьи.

Ключевые слова: импичмент, отстранение от должности, импичмент судей США, судебский иммунитет, ответственность судей, механизм, независимость судебной системы США, привилегии, требования, судебный конституционный контроль.

NUREEVA Laysan Rustamovna

postgraduate student of Constitutional and international law sub-faculty of the University of Management "TISBI", Kazan

SOME PROBLEMS OF MODERN PRACTICE OF REMOVAL FROM OFFICE OF FEDERAL JUDGES IN THE USA

The article discusses the procedure for impeaching federal judges in the United States of America. The statistics of the impeachment procedure for the entire history of the existence of the United States of America is given. The law and modern practice of applying impeachment, as well as alternative impeachment procedures for removing a judge from office, are analyzed.

Keywords: impeachment, removal from office, impeachment of US judges, judicial immunity, liability of judges, mechanism, independence of the US judiciary, privileges, requirements, judicial constitutional review.

Как известно, федеративное устройство Соединённых Штатов Америки представляет собой уникальную, порой – единственную в своём роде, систему [1, с. 44]. Основу судебной системы США составляют фундаментальные принципы государственного устройства – принцип разделения властей с механизмом сдержек и противовесов и принцип федерализма [6, с. 44-45].

Принцип разделения властей привел к историческому признанию за судебной властью такого права, как конституционный надзор. Принцип федерализма позволяет штатам иметь свою законодательную, исполнительную и судебную ветвь власти [9, с. 82].

Конституционный надзор (контроль) включает в себя следующие полномочия Верховного суда: властное толкование Конституции, проверка конституционности законов конгресса и законодательств штатов, нормативных правовых актов исполнительной власти, а также установление норм права в форме судебных прецедентов. Своей деятельностью, толкуя и дополняя по своему усмотрению Конституцию 1787 года, Верховный суд создает новые правовые установки [7].

В случае если Верховный суд признает закон неконституционным, он теряет юридическую силу, тем самым он создает общеобязательный судебный прецедент. За всю свою историю Верховный суд признал неконституционными более 122 положений федеральных законов.

Судебный конституционный контроль в США служит способом реализации системы «сдержек и противовесов» в государственном механизме страны.

Практически всем правовым системам мира известна норма о прекращении полномочий судей. Аналогичное положение применяется также и в международных судебных органах [3, с. 91], [4, с. 112-115]. Более того, ряд специалистов полагают, что право на отвод или прекращение полномочий судей может рассматриваться как составная часть принципа справедливого судебного процесса [2, с. 116-125]. Можно рассматривать данный принцип и в более широком контексте [5, с. 25-34].

Все федеральные судьи назначаются президентом (с утверждением Сената) пожизненно и могут быть смещены со своих постов только Конгрессом в порядке импичмента за совершение преступлений или аморальных поступков [8, с. 202, 235].

Согласно статье III Конституции, судебная власть США принадлежит одному Верховному суду и такому количеству нижестоящих судов, которое Конгресс может при необходимости установить и учредить. Судьи как верховного, так и нижестоящего суда занимают свои должности, пока ведут себя безупречно, и в установленные сроки получают за свою службу компенсацию, которая не может быть уменьшена во время их пребывания в

должности¹. Указанные конституционные положения призваны обеспечить независимость судей. Формулировка «пока ведут себя безупречно» практически обеспечивает судьям пожизненное пребывание на должности. Сместить Верховного судью или других Федеральных судей можно только с помощью импичмента.

Всего за весь период существования Конституции США в отношении шестидесяти шести федеральных судей проведены расследования на предмет импичмента, пятнадцать из которых привлечены к ответственности; из них восемь были осуждены и смещены Сенатом².

На федеральных судей распространяется то же положение об импичменте Конституции США, что и на президентов. Статья II, раздел 4 Конституции предусматривает смещение «президента, вице-президента и всех гражданских служащих Соединенных Штатов... в связи с импичментом и осуждением за государственную измену, взяточничество или другие тяжкие преступления и проступки». Хотя термин «гражданские служащие» не определяется Конституцией, под ним и понимаются члены судебной системы. Как и в случае с президентами, применяется тот же двухэтапный конституционный процесс импичмента. В соответствии со статьей I Конституции большинство Палаты представителей должно сначала одобрить процедуру импичмента, а затем квалифицированное большинство в 2/3 Сената должно признать судью виновным с лишением должности. Есть одно ключевое отличие: на суде в Сенате.

Конституция Соединенных Штатов недостаточно конкретизирует, какие правонарушения служат основанием для импичмента федеральных судей. Судьи могут быть отстранены от должности после импичмента и осуждения за «государственную измену, взяточничество или другие тяжкие преступления и проступки». Но это положение противоречит статье III, разделу 1 Конституции, которая гарантирует, что судьи «должны занимать свои должности при безупречном поведении». Разработчики позаимствовали термин «безупречное поведение» из Закона о британских поселениях 1701 года, в котором предписывалась защита английским судьям. Ни у одного должностного лица исполнительной власти нет такого бессрочного срока пребывания в должности. Как правило, право импичмента исторически использовалось Конгрессом против судей в случаях серьезных этических или уголовных проступков.

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitutionus.com/>.

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_impeachment_investigations_of_United_States_federal_judges.

Из пятнадцати федеральных судебных импичментов в американской истории наиболее распространенными обвинениями были ложные заявления, демонстрация какого-либо покровительства по отношению к одной из сторон судебного процесса или специальным назначенным лицам, нахождение в состоянии опьянения на рабочем месте и злоупотребление (превышение) своей властью. Из восьми судей, осужденных Сенатом и отстраненных от должности, семь были окружными судьями. Другим был Роберт Арчбальд, который работал в Апелляционном суде Соединенных Штатов по третьему округу и в ныне несуществующем Торговом суде Соединенных Штатов до своего отстранения в 1913 году.

Только один судья Верховного суда подвергся импичменту. Сэмюэл Чейз, судья-федералист, назначенный президентом Джорджем Вашингтоном, в 1804 году подвергся импичменту Палатой демократов-республиканцев за «произвольные, репрессивные и несправедливые» решения суда. В 1805 году Сенат оправдал Чейза, отказавшись отстранить Чейза от должности, создав прецедент, подтверждающий независимость судебной системы. Как отметил бывший судья Уильям Ренквист в своей книге 1992 года об этом деле, «гарантировал независимость федеральных судей от надзора Конгресса за решениями, которые они принимали по рассматриваемым им делам» [10, с. 112]. Эта норма способствует тщательной сбалансированной трехветровой системе власти США, которая требует, чтобы судьи оставались изолированными от политического давления при рассмотрении дел. Эта гарантия является одним из важных факторов, способствующих сохранению независимости судебной системы: судьи выносят решения по делам, исходя из своего понимания закона, внутреннего убеждения, и не должны беспокоиться о том, что их могут отстранить от должности, если влиятельные политические деятели не согласятся с их решениями.

Осуждение Сенатом по любой статье об импичменте является достаточным основанием для вынесения обвинительного приговора в ходе судебного разбирательства по делу об импичменте. В случае вынесения обвинительного приговора Сенат должен определить наказание. Конституция ограничивает наказание либо отстранением от должности, либо отстранением и запретом на назначение любых будущих должностей, связанных с «честью, доверием или государственным обеспечением в Соединенных Штатах». В соответствии с прецедентом Сената с 1936 года отстранение от должности автоматически следует из осуждения по статье об импичменте. Однако необходимо отдельное голосование. Для вынесения обвинительного приговора требуется 2/3 голосов в Сенате. Затем человек может предстать или не предстать перед судом по уголовным делам перед коллегией присяжных. Часто эти две процедуры происходят вместе. В уголовном процессе ему может быть назначен судебный штраф и/или лишение свободы³.

В зарубежной литературе, множество споров вызвала статья профессоров Сайкришны Пракаш и Стивена Д. Смита «Как сместить федерального судью», в которой было предложено руководство о том, каким образом можно сместить федерального судью, не прибегая к процедуре импичмента. В ней утверждается, что положение Конституции, гласящее, что федеральные судьи и судьи «должны занимать свои должности при безупречном поведении», неверно трактуется массами.

Они утверждают, что плохое поведение широко понималось английскими судьями и первыми американцами. Он может включать «осуждение за такое правонарушение, которое лишает осужденного права занимать государственную должность», но также может включать и гораздо более мелкие правонарушения. Два профессора цитируют выдающегося юриста 17-го века сэра Эдварда Коука за утверждение, что неправомерное поведение может также включать «злоупотребление служебным положением, неиспользование служебного положения и отказ занимать должность».

По этой причине Пракаш и Смит утверждают, что было бы ошибкой толковать Конституцию как препятствующую отстранению судьи от должности, кроме как в порядке импичмента. Они отмечают, что Конституция допускает отстранение от должности только гражданских служащих за «государственную измену, взяточничество или другие тяжкие преступления и проступки». Но термин «безупречное поведение» понимался, как позволяющий отстранить чиновника за гораздо более мелкие правонарушения. Таким образом, использование этого

термина в Конституции предполагает, что федеральные судьи могут быть смещены с должности в рамках процесса, отличного от импичмента.

При назначении в 2018 году Бретта Кавано (Brett Kavanaugh) на пост судьи ВС США против него были выдвинуты обвинения в сексуальных домогательствах, а также было подано множество жалоб (83) в дисциплинарный орган. Однако Конгресс утвердил его кандидатуру (50 голосов против 48), а дисциплинарный орган в итоге отказался рассматривать жалобы по существу.

Предположим, что прокуратура доказала бы, что судья лжесвидетельствовал на слушании по его делу и его приговорили к некоторому сроку тюремного заключения. Если он мог быть отстранен от должности только через процедуру импичмента, это бы означало, что он по-прежнему был бы членом Верховного суда, даже когда отбывает наказание.

Как основные функции Верховного суда, такие как конференции, на которых все девять судей собираются в одной комнате, чтобы решить, какие дела рассматривать, будут продолжать действовать, когда один из этих судей находится за решеткой? Потерпят ли это федеральные судьи, что такой человек взвешивает судьбу других подсудимых по уголовным делам?

Таким образом, приведенный в статье анализ позволяет сделать вывод о том, что Конгресс может принять меры, чтобы помочь палатам объявить импичмент и осудить. Но Конгресс может пойти дальше и принять закон, который отстраняет судей от должности в случае доказательства судебного проступка. Любые такие процедуры должны предоставлять обвиняемому судье право на надлежащую правовую процедуру, связанную с осуждением за серьезное правонарушение. Но процедура, отвечающая этим строгим требованиям, может завершиться увольнением — без необходимости в полностью независимой процедуре импичмента.

Пристатейный библиографический список

1. Акчуринов Т. Ф., Федеральная избирательная система США: проблемы и их возможные решения // Казанский журнал международного права и международных отношений. - 2020. - № 11. - С. 25-34.
2. Мезяев А. Б. Презумпция невиновности во внутригосударственном и международном праве // Вестник ТИС-БИ. - 2012. - № 3. - С. 116-125.
3. Мезяев А. Б. Процесс против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале: некоторые международно-правовые проблемы // Российский ежегодник международного права. - 2004. - Т. 2005. - С. 91.
4. Международное гуманитарное право: война, память, справедливость (юридические и исторические аспекты). Игнатенко Г. В., Первалов В. Д., др. Учебное пособие. - Москва, 2020. - Сер. 76 Высшее образование (1-е изд.)
5. Мингазов Л. Х. Некоторые проблемы обеспечения безопасности личности в международном праве // Казанский журнал международного права и международных отношений. - 2020. - № 11. - С. 25-34.
6. Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики // Материалы V Национальной научно-практической конференции. - Казань, 2021.
7. Практикум по международному праву. Толстых В. Л., Варламов Ю. Е., Должиков А. В., Канашевский В. А., Кожеуров Я. С., Кулинов А. С., Лифшиц И. М., др. - Москва, 2021.
8. Сафонов В. Е., Миряшева Е. В., Конституционное право зарубежных стран. Углубленный курс. - Москва: Юрайт, 2016.
9. Хохлаков М. А., Сушина Т. Е., Осипов А. Л., Гольцов А. Т. Судебные системы зарубежных стран. - Москва: Норма Инфа-М, 2019.
10. Rehnquist, William H. (1992). Grand Inquests: The Historic Impeachments of Justice Samuel Chase and President Andrew Johnson. - New York: Knopf Publishing Group. ISBN 0-679-44661-3.

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedbar.org/blog/washington-watch-when-federal-judges-are-impeached> Bruce Moyer is government relations counsel for the FBA.

СПИРИДОНОВ Сергей Андреевич

аспирант Университета управления «ТИСБИ», г. Казань

ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО БАНКРОТСТВА В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Статья посвящена значению международно-правовых норм по делам о трансграничной несостоятельности (банкротстве) в рамках Европейского Союза.

По мнению автора, определение юрисдикции по месту нахождения центра основных интересов должника актуально не только для стран, входящих в Европейский союз. Прогрессивность такого критерия позволяет судам и другим государствам, не находящимся территориально в Европейском союзе, применять его для решения вопроса о надлежащей компетенции и применимом праве.

Ключевые слова: трансграничное банкротство, Европейский союз, центр основных интересов должника, *lex fori concursus*.

SPIRIDONOV Sergey Andreevich

postgraduate student of the University of Management «TISBI», Kazan

SIGNIFICANCE OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF CROSS-BORDER BANKRUPTCY WITHIN THE EUROPEAN UNION

The article is devoted to the significance of international legal norms in cases of cross-border insolvency (bankruptcy) within the framework of the European Union. According to the author, the definition of jurisdiction at the location of the center of the main interests of the debtor is relevant not only for countries that are members of the European Union. The progressiveness of this criterion allows the courts and other states not located territorially in the European Union to apply it to decide on the issue of proper competence and applicable law.

Keywords: cross-border bankruptcy, European Union, center of main interests of the debtor, *lex fori concursus*.

Отсутствие правового регулирования трансграничного банкротства требует поиска наиболее развитой модели в существующих правопорядках. В этом плане интерес представляет правовая система Европейского Союза, регламентировавшая на международно-правовом уровне вопросы трансграничной несостоятельности (банкротства). Как известно, в рамках Европейского союза принят 20 мая 2015 года Регламент ЕС №2015/848 о процедурах несостоятельности. Как отмечает П. Р. Квашнин «история регулирования международного банкротства в европейских странах носит давний характер и, как следствие, именно в законодательстве Европейского союза и государств-членов ЕС накопился уникальный опыт разрешения споров о трансграничном банкротстве, то для отечественных практикующих юристов и исследователей кажется целесообразным обращение к европейскому опыту разрешения дел о трансграничном банкротстве» [1, с. 106].

Сфера применения Регламента 2015/848 была расширена за счет разбирательств, которые могут быть инициированы ситуациями, когда должник сталкивается с нефинансовыми трудностями, при условии, что такие трудности создают реальную и серьезную угрозу фактической или будущей способности должника погасить свои долги.

Регламент может применяться к разбирательствам, в ходе которых должник не полностью избавляется от своих активов и которые не обязательно предусматривают назначение судом арбитражного управляющего.

Производство по делу о несостоятельности в соответствии с Регламентом 2015/848 не обязательно предполагает вмешательство судебного органа.

Регламент ЕС № 2015/848 распространяется на публичные коллективные процедуры, в том числе, основанные на законодательстве о несостоятельности, при которых:

- должник полностью или частично лишен своего имущества и назначен управляющий,
- имущество и деятельность несостоятельного лица подлежат контролю или надзору со стороны судебного органа,
- по закону или судом предоставлена временная приостановка принудительных процедур с целью переговоров между должником и кредиторами.

Регламент применяется только к производству по делу о несостоятельности, открытому в отношении должника с территориальным местом нахождения центра основных интересов в границах государства-члена ЕС. Центр основных интересов определяется по основному месту нахождения должника с возможностью опровержения при помощи «критерия управления» и «критерия очевидности».

Регламент предусматривает возможность возбуждения нескольких производств в отношении одного должника. Основное производство по делу о несостоятельности в отношении должника возбуждается судом государства-члена ЕС, на территории которого должник на регулярной основе осуществляет управление своими активами.

При наличии у должника представительства на территории государства-члена ЕС, находящегося вне государства, в котором находится центр основных интересов должника, суды такого государства обладают возможностью открыть вторичное производство по делу о несостоятельности. Вторичное производство ограничивается активами должника, расположенными на территории такого государства-члена ЕС. Вторичное производство не является специальным, это

обычное производство по делу о несостоятельности, к которому применяется национальное законодательство и которое сводится к реализации имущества должника.

Вторичное производство лишь дополняет основное и не имеет правовых последствий, статуса банкрота, в отношении должника. Последствия, влияющие на статус должника и на судьбу его обязательств, могут быть установлены только решением по основному производству.

При осложнении банкротства международной составляющей первоначальным практическим вопросом является выбор подсудности для разрешения возникших перед кредиторами вопросов, направленных на распределение активов должника.

В качестве критерия для разграничения компетенции между судами стран Европейского союза при рассмотрении дел по несостоятельности (банкротству) выступает территория места нахождения центра основных интересов должника (Center of Main Interests of the Debtor, сокращенно – COMI) – место осуществления управления своими интересами.

Для юридического лица таким местом признается место его нахождения, для индивидуального предпринимателя – место осуществления деятельности, направленной на извлечение прибыли, для физического лица – место его жительства.

В качестве факультативных критериев определения места осуществления управления своими интересами можно указать юрисдикцию, на которой находится большая часть имущества или реализуется деятельность должника. При невозможности установления страны, отвечающей таким признакам такой территорией может быть признана юрисдикция, в которой находится основной офис или осуществляется деятельность должника-предпринимателя, а для физического лица центром основных интересов признается та территория, в которой он обычно или преимущественно пребывает.

В вышеуказанном Регламенте ЕС международная подсудность будет определяться по территории места нахождения центра основных интересов должника, если за 3 месяца до начала процедуры банкротства не произошло изменение местонахождения юридического лица на территорию другого государства.

В отношении физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, данное правило также применяется, то есть определение вопросов подсудности от стабильности места осуществления деятельности. Предприниматель не должен изменять место своей деятельности за 3 месяца до начала банкротных процедур.

В отношении физического лица возможность определения международной подсудности поставлено в зависимость от нахождения этого лица на территории одного из стран ЕС за 6 месяцев до начала банкротных процедур.

На суд, который рассматривает дело возложена обязанность по самостоятельному определению оснований для рассмотрения дела именно в рамках его юрисдикции. Это должно быть отражено в решении суда.

В тех случаях, когда процедура банкротства была открыта в рамках национального законодательства без решения суда, определение надлежащей компетенции в рамках Европейского союза возложено на арбитражного управляющего.

Надлежащей юрисдикцией обладают суды того члена Европейского союза, где открыта процедура банкротства в отношении любых исковых требований, связанных с ней.

Определение надлежащей юрисдикции позволяет в дальнейшем определить применимое право, которая зависит от нее. К процедуре банкротства применяется право того члена Европейского союза, в котором оно открыто. Именно коллизивная привязка *lex fori concursus*, то есть законодательство суда,

начавшего процедуру банкротства, позволяет нам получить ответ на наличие должников, имущество, составляющее конкурсную массу, соответствующие полномочия арбитражного управляющего, возможные условия взаимозачета, правовые последствия для действующих договоров и другие вопросы.

Следует заметить, что определение юрисдикции по месту нахождения центра основных интересов должника актуальна не только для стран, входящих в Европейский союз. Прогрессивность такого критерия позволяет судам и другим государствам, не находящимся территориально в Европейском союзе применять его для решения вопроса о надлежащей компетенции и применимом праве. В частности, интерес представляет дело из практики Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа, инициировавшего реструктуризацию долгов гражданки Украины. Так, по заявлению гражданки Украины, проживающей на территории России, она была признана банкротом. В доводах судьи отмечается, что при отсутствии в отечественном законодательстве норм, регулирующих вопросы трансграничного банкротства суд допускает обращение к «общепризнанным подходам, выработанным в международной практике». В части же распространенных в международной практике собственно критериев подсудности судам дел о банкротстве с иностранным элементом (в частности, при определении т.н. «центра основных интересов» (*centre of main interests*)) принимается во внимание в том числе место жительства должника [2].

В данном случае обращение российского суда к Регламенту Европейского Союза о процедурах несостоятельности несмотря на то, что он не является источником права свидетельствует о приравнивании его к обычаям. В данном случае их применение схоже с применением источников *lex mercatoria* судами для восполнения пробелом в регулировании обязательственных отношений, осложненных иностранным элементом [3, с. 32].

О важности и значимости выработанных в рамках Регламента ЕС о процедурах несостоятельности положений о международной подсудности, о применимом праве, о предотвращении мошеннических действий и смены юрисдикции в преддверии банкротства свидетельствует формирующаяся российская практика. Конечно же, такая практика не должна выступать в качестве альтернативы правовому регулированию трансграничного банкротства в российской правовой системе. Авторитет источников Европейского Союза о трансграничном банкротстве позволяет рассмотреть возможность использования его отдельных положений в отечественном законодательстве, в частности, пересмотреть концепцию территориализма в пользу концепции смягченного универсализма.

Пристатейный библиографический список

1. Квашнин П. Р. Об эффективности метода смягченной универсальности для целей регулирования трансграничного банкротства в Европейском Союзе // Теория и практика общественного развития. - 2020. - № 8 (150). - С. 106-112.
2. Определение АС Ямало-Ненецкого автономного округа 23.06.2016 № 81-6187/15 дело № А81-6187/2015. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://nalogcodex.ru/sud_pract/arbitrazh/opredelenie-as-yamalo-nenetskogo-ao-ot-23.06.2016_-_a81-6187_15 (дата обращения: 4.02.2021).
3. Тагаева С. Н. К правовой природе *lex mercatoria* // Международное публичное и частное право. - 2017. - № 3. - С. 30-33.

ЮСИФОВА Парзад Низами кызы

аспирант кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ГЕНЕЗИС МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА И ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ОТ ВРЕДНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ РТУТИ И ЕЕ СОЕДИНЕНИЙ

Ртуть – это уникальный металл, являющийся естественным компонентом природной среды, который наряду со многими достоинствами имеет существенные недостатки: способен ввиду своего токсического свойства негативным образом влиять на здоровье человека, в результате процесса метилирования может нанести вред живым организмам, повышенный уровень концентрации паров ртути в окружающей среде способен нанести вред всей природной среде. Предметом широкого обсуждения на международной арене данная тема стала лишь во второй половине XX века. В рамках настоящей статьи подробно анализируется исторический процесс принятия и осуществления государствами на национальном и международном уровне правовых мер, направленных на охрану здоровья человека и окружающей среды от вредоносного воздействия ртути и ее соединений.

Ключевые слова: ртуть, ртутные соединения, вредоносное воздействия, здоровье человека, окружающая среда, ЮНЕП, Межправительственный форум по химической безопасности, Конвенция Минамата.

YUSIFOVA Parzad Nizami kyzy

postgraduate student of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples` Friendship University of Russia

GENESIS OF INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF HUMAN HEALTH AND THE ENVIRONMENT FROM THE ADVERSE EFFECTS OF MERCURY AND ITS COMPOUNDS

Mercury is a unique metal that is a natural component of the natural environment, which, along with many advantages, has significant disadvantages: it is likely to have adverse effect on human health due to its toxic effects; as a result of the methylation process, it can harm living organisms; increasing vapor concentration of mercury in the environment would harm to the entire of natural environment. That subject had been much debated in the international arena only in the second half of the 20th century. Under this article the historical process of adoption and implementation are analyzed by the states on the national and international levels of legal measures aimed at protecting human health and the environment from the adverse effects of mercury and its compounds.

Keywords: mercury, mercury compounds, adverse effects, human health, environment, UNEP, Intergovernmental Forum on Chemical Safety, Minamata Convention.

Юсифова П. Н.

Ртуть является особым и уникальным металлом известным человечеству еще с древнейших времен. Ртуть вызывала особый интерес из-за своего уникального свойства - она является единственным металлом, находящимся в жидком состоянии при обычной температуре и в то же время считается самой тяжелой жидкостью [12].

В эпоху Средневековья ртуть получила широкое распространение, наиболее часто она стала использоваться в лечебной практике. Однако, постепенно наряду со многими достоинствами, которые были выявлены, обнаружился ее существенный недостаток – токсическое воздействие на организм человека. Эта проблема наиболее остро стала обсуждаться, начиная с XV-XVI вв., когда ученые стали уделять больше внимания исследованию вопроса возможности негативного влияния ртути и ее соединений на организм человека. Однако более ясное понимание уровня опасности и вредности ртути произошло несколько столетий спустя.

Впервые органические соединения ртути были описаны в 1800-х годах, а сообщения об отравлении метилртутью поступили в 1865 году [22]. Однако, предметом широкого обсуждения на международной арене данная тема стала лишь во второй половине XX в., когда ртутные соли

стали использоваться при производстве бумажной массы, пластмасс, медицинских приборов и терапевтических средств, а также когда государства неожиданно столкнулись с массовыми отравлениями ртутью в Канаде, Иране, Швеции и массовой интоксикацией метилртутью в Японии, в связи, с чем огромное количество людей, в том числе и детей, оказались пораженными ранее не известной болезнью, получившей в дальнейшем название «болезнь Минамата» (по названию японского города, где произошло массовое отравление). Последствием развития данной болезни является возможность поражения центральной и периферической нервной системы, пищеварительной и иммунной системы, что может стать причиной летального исхода [16]. В случае контакта человека с ртутью и ее соединениями посредством вдыхания, телесного соприкосновения возможно развитие неврологических и поведенческих расстройств, которые станут причиной бессонницы, потери памяти, моторной дисфункции и т.д. [4].

Во второй половине XX века ученые отметили также увеличение уровня концентрации паров ртути в окружающей среде в несколько десятков раз по сравнению с естественным уровнем. Несмотря на тот факт, что ртуть

является естественным компонентом природной среды, который содержится в земной коре, основных типах горных пород, она и ее соединения существенным образом способны загрязнять и атмосферу, и литосферу, однако наибольший отрицательный эффект от такого загрязнения наблюдается именно в гидросфере, где происходит процесс метилирования ртути в результате взаимосвязанных биохимических процессов, что может стать причиной серьезной угрозы живым организмам [19].

Отравления, произошедшие в ряде стран во второй половине XX века, стали главной причиной для беспокойства и дальнейшего обсуждения возникшей проблемы на международном уровне. Представители различных отраслей науки пришли к пониманию о необходимости проведения обширного исследования с целью анализа основных путей негативного воздействия ртути на здоровье человека. Было установлено, что в первую очередь отравление человека ртутью и ее соединениями может произойти в результате употребления пищевых продуктов и питьевой воды, пораженных элементами ртути, а также при дыхательном процессе, если уровень концентрации паров ртути в воздухе не соответствует нормативным показателям [9]. В отдельную категорию было отнесено воздействие, полученное в результате выполнения сотрудниками своей профессиональной деятельности, в процессе производства ртути, как сырья для ряда отраслей промышленности. Этот фактор имеет особое значение в таких отраслях промышленности, как химическая, электротехническая, приборостроительная [11].

Начиная с 1970-х государства стали принимать конкретные законодательные меры, направленные на регулирование вопросов обращения с ртутью с целью снижения риска негативного воздействия ртути и ее соединений на здоровье человека. Правительство Швеции и Японии запретило применение ртутных соединений, а затем утвердило, так называемый черный список озер и водоемов, опасных для людей и животного мира вследствие повышенного уровня концентрации ртути, куда в дальнейшем вносились определенные коррективы [25]. Также в это время более тридцати штатов США и восемь провинций Канады ввели полный запрет на продажу определенных медикаментозных средств, изготовленных из пораженной ртутью печени тихоокеанских тюленей [31]. Беременным женщинам, проживающим в том регионе, рекомендовалось приобретать морепродукты, выловленные только из определенных водоемов, где был подтвержден факт отсутствия заражения водных объектов ртутью. Соответствующие действия были предприняты и в СССР (в дальнейшем - в Российской Федерации). Так, в 1983 г. был утвержден ГОСТ, посвященный системе безопасности труда при работе с ртутью [8], в 1998 году был принят ФЗ № 89 «Об отходах производства и потребления» [18], согласно которому ртуть была отнесена к классу чрезвычайно опасных отходов.

Осуществленные на национальном уровне государствами мероприятия помогли осознать необходимость проведения глобальной оценки ртути Программой Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП) с целью установления примерного объема выбросов ртути в окружающую среду и определения потенциальных рисков, которые могут возникнуть в данной ситуации.

В 2001 году Совет управляющих ЮНЕП¹ предложил провести глобальную оценку ртути и ее соединений с целью установления примерного объема концентрации ртути в окружающей среде, выявления особо подверженных групп населения и определения основных источников воздействия [14]. Данная идея была поддержана со стороны Европейского Союза и Арктического Совета. В то же время «Норвегия, Исландия, Нидерланды и Чешская Республика предложили также, чтобы оценка дополнительно охватывала и другие тяжелые металлы, вызывающие определенное беспокойство» [23]. В результате было принято решение провести глобальную оценку ртути и сообщить о полученных результатах на 22-й сессии Совета управляющих ЮНЕП и на ней же решить вопрос о необходимости проведения оценки других тяжелых металлов, которые вызывают определенное беспокойство.

Для реализации поставленной цели ЮНЕП составила план работы, который распространили среди правительств, межправительственных и неправительственных организаций, где было предложено представить любую имеющуюся информацию, находящуюся в их распоряжении, которая может быть полезной в период подготовки доклада [10]. С целью обеспечения открытого и общедоступного процесса ЮНЕП предложил правительствам, межправительственным и неправительственным организациям создать веб-сайт, по глобальной оценке, ртути, представить кандидатуры экспертов для включения их в состав рабочей группы [34]. В поддержку подготовки доклада ЮНЕП также учредил общий целевой фонд, позволивший ускорить процесс оценки ртути, путем увеличения количества сотрудников, принимающих участие в этом процессе [5].

Подготовленный проект глобальной оценки ртути был распространен среди членов рабочей группы, где были высказаны замечания, которые впоследствии были учтены экспертами. Участники совещания рабочей группы с учетом внесенных поправок подготовили окончательный отчет «Глобальная оценка выбросов ртути» [7], который представили на 22-ой сессии Совета управляющих ЮНЕП [1] в 2003 году. После ознакомления с основными положениями отчета Совет Управляющих ЮНЕП пришел к выводу о необходимости консолидации усилий всех государств в связи с глобальным масштабом проблемы. Было принято решение о начале проведения мероприятий на национальном, региональном, международном уровне с целью сокращения выбросов ртути и выявления основных рисков, вызванных деятельностью человека. На международном уровне «...обязательство, касающиеся сокращения глобального неблагоприятного воздействия загрязнения ртутью, было подтверждено правительствами на 23-й сессии Совета Управляющих в феврале 2005 г.» [6].

В 2003 году Норвегия и Швейцария выступили с инициативой о создании юридически обязательного документа по ртути, эту идею поддержали Европейский Союз, некоторые страны Латинской Америки и Африки. Противниками данной идеи выступили Канада, США и Австралия, которые утверждали, что выработка юридически обязательного документа потребует большого количества времени и финансовых затрат, и по своей сути он будет менее эффективным, чем осуществление государствами добровольных действий и мер.

1 С 2013 года Совет Управляющих ЮНЕП был преобразован в Ассамблею ООН по окружающей среде.

Кроме того, «Китай и Индия утверждали, что юридически обязательный документ может ограничить право на экономическое развитие, в процессе которого добыча ртути неизбежна» [35].

По результатам проведенных переговоров было принято решение обратиться к Исполнительному директору ЮНЕП с просьбой предложить государствам выразить свою позицию о необходимости осуществления краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных мер по добыче и использованию ртути, а к 23-ей сессии ЮНЕП подготовить на основе сбора данных, мониторинга, исследования и анализа доклад, позволяющий решить вопрос о разработке юридически обязательного документа или документа, не имеющего обязательную юридическую силу, или о принятии других мер или действий, направленных на борьбу с предотвращением негативного воздействия ртути и ее соединений.

При изучении позиций государств о необходимости принятия и осуществления краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных мер в отношении ртути были «... выявлены противоположные взгляды в отношении необходимости принятия юридически обязательного документа» [40]. США, Канада, Япония, Австралия выступали против начала ведения переговоров по созданию юридически обязательно документа по ртути. Группа этих стран предлагала осуществлять регулирование этой проблемы на основе добровольных мер. Противоположной точки зрения придерживался Европейский Союз, который призывал к созданию международного договора. Ряд государств таких, как Швейцария, Норвегия, Исландия выдвинули идею о создании имеющего обязательную юридическую силу документа, регламентирующего вопросы, не только связанные с ртутью, но и с другими тяжелыми металлами (кадмий, свинец). В поддержку своей идеи Швейцария организовала мероприятие в 2006 году перед 5-й сессией Межправительственного форума по химической безопасности [33].

Организация и проведение Швейцарией такого рода мероприятия дало положительный результат: некоторые страны Африканской и Азиатско-Тихоокеанской группы согласились и поддержали идею создания юридически обязательного документа по ртути и другим тяжелым металлам на международном уровне. Представители США, стран Латинской Америки и Карибского бассейна продолжали настаивать на возможности регулирования проблемы исключительно в рамках национальных законодательств.

В сентябре 2006 г. в Венгрии (г. Будапешт) на пятой сессии Межправительственного Форума по химической безопасности было принято *Будапештское заявление по ртути, свинцу и кадмию* [13], в соответствии с которым признавалось негативное воздействие ртути, свинца, кадмия на окружающую среду и здоровье человека. Было установлено, что принимаемые меры и действия для сокращения уровня выбросов ртути и уменьшения рисков, связанных с использованием тяжелых металлов, являются недостаточными. Обращалось особое внимание на необходимость принятия глобальных, региональных и национальных добровольных мер для осуществления процесса контроля. ЮНЕП предлагал оценить необходимость проведения дальнейших действий, рассмотрев при этом ряд вариантов, включая возможность создания юридически обязательного документа [24].

К 2007 г. идею о необходимости создания и подготовки документа по ртути, имеющего обязательную юридическую

силу, поддерживали ЕС, Япония, Россия, Бразилия, Уругвай, а также страны Африки. США, Канада, Китай, Индия и Австралия продолжали настаивать на том, что более эффективным методом является осуществление добровольных национальных мер. Идея создания глобального документа по ртути получила еще большую поддержку на 24-й сессии Совета Управляющих ЮНЕП [2].

К февралю 2007 г. была создана и функционировала программа по ртути в отделе ЮНЕП по химическим веществам. Норвегия, Швейцария и ряд других государств снова выдвинули предложение расширить программу, так, чтобы она охватывала не только ртуть, но и другие опасные химические вещества, но выдвинутое предложение опять не получило должной поддержки. В этом же году Совет Управляющих ЮНЕП принял решение о дальнейшем укреплении своей программы по ртути, принятии долгосрочных мер и создании рабочей группы открытого состава.

Создание рабочей группы открытого состава дало новый виток для обсуждения вопроса о необходимости создания глобального документа по ртути. К 2007 г. было предложено несколько вариантов решения данной проблемы:

- внесение поправок в одно из приложений Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях 2001 г. в раздел списка химические вещества;
- принятие Протокола по ртути к Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях 2001 г.;
- разработка и принятие отдельной конвенции по вопросам обращения с ртутью и ее соединениями.

По прошествии времени стало ясно, что наилучшим вариантом в сложившейся ситуации является разработка отдельной конвенции по ртути. Основная причина принятия такого решения заключалась в выдвигании предположения рядом государств о возможной неэффективности двух других подходов и сложности их реализации. Вдобавок к этому ряд стран посчитали, что принятие новой конвенция может стать основой для будущего регулирования других химических веществ, вызывающих глобальную озабоченность, таких как свинец и кадмий [26].

В создание и принятие самостоятельного юридически обязательного документа по ртути в тот исторический момент слабо верилось в связи отказом и не желанием принятия такого рода документа рядом ведущих стран мира, такими как США, Аргентина, Мексика, Китай, Индия, Австралия и Канада [36]. Эта группа стран продолжала настаивать на возможности регулирования процесса добычи, импорта, экспорта и использования ртути в производственных процессах за счет осуществления добровольных национальных мер. В поддержку своей позиции они представили на втором заседании рабочей группы открытого состава программу, направленную на регулирование процессов выброса ртути и ее соединений, на основе осуществления добровольных мер [36].

Ситуация кардинальным образом изменилась в 2009 г., когда по итогам президентских выборов в США победу одержал Барак Обама [21], и в Белый дом пришла новая администрация президента (демократы, которые поддерживают идею чистой энергетики, защиту экологии в отличие от республиканцев). Эти события стали поводом для изменения позиции США на международной арене. США поддержал идею создания юридически обязательного документа по ртути.

На 25-й сессии Совета Управляющих ЮНЕП в 2009 г. [3] было принято решение о начале ведения переговоров по разработке глобального документа по ртути. Идея распространения сферы применения конвенции на другие химические вещества, в частности на кадмий и свинец, не была поддержана со стороны большинства государств, в связи с неготовностью ряда стран осуществить конкретные ограничительные мероприятия в отношении других тяжелых металлов.

В 2009 г. специальная рабочая группа открытого состава начала подготовку к работе межправительственного комитета для ведения переговоров [38], который в 2010 году начал свое функционирование и за три года до начала 27-ой сессии Совета Управляющих ЮНЕП должен был ее завершить. На основе принципа 7 Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию [15], докладов подготовленных к сессиям с 22-ой по 25-ую Совета Управляющих ЮНЕП Исполнительным директором ЮНЕП было предложено комитету разработать глобальный документ по ртути, текст, которого должен был включать положения, направленные на ограничение и сокращение ртути в технологии производства определенных продуктов, разработку системы, направленную на ликвидацию выбросов ртути в атмосферу, и методов контроля, регулирующих процесс выброса ртути, отдельно нужно было осветить вопросы, направленные на установление производственных процессов, в которых применение ртути являлось бы возможным, и мер финансовой и технической поддержки [39]. Разработка такого рода конвенции менее чем за четыре года, которая удовлетворяла бы интересы всех государств, было не простой задачей.

Переговоры шли достаточно успешно, было принято решение о проведении заседаний каждые 7-8 месяцев с целью обсуждения спорных вопросов. Решение о проведении заседаний с таким интервалом было обусловлено необходимостью обобщения результатов и подготовкой документов на основе анализа собранных материалов. Особый вклад в процесс подготовки конвенции внесла Швейцария, которая на протяжении всего процесса переговоров организовывала неофициальные консультации между ключевыми участниками [29]. Тем не менее, практически по каждому обсуждаемому вопросу между странами возникали определенные разногласия.

Среди числа самых обсуждаемых вопросов в процессе проведения переговоров было выдвижение предложения группой стран о введении полного запрета на добычу ртути. Однако эта идея не была поддержана всеми странами. Китай настаивал на том, что не будет отказываться от добычи ртути, тем самым нанося вред своей экономике, до того момента пока не сможет найти должного аналога ртути, способного заменить ее в производственном процессе [20].

При обсуждении вопроса о международной торговле возникла проблема, заключающаяся в отказе США устанавливать торговые ограничения на импорт. В целях решения проблемы США предложили ввести запрет на торговое ограничение импорта ртути от государств, не являющихся сторонами конвенции, и при этом установить для принимающей стороны полный запрет на экспорт ртути и обеспечить должную меру экологической безопасности при импорте. Это предложение не получило поддержки, тогда Швейцария выдвинула идею о введении процедуры получения письменного согласия со стороны государства о готовности в процессе импорта обеспечить охрану здоровья человека и окружаю-

щей среды, и при этом ввести ограничение на использование импортируемой ртути только в целях, установленных конвенцией. Идея, предложенная Швейцарией, была поддержана и включена в текст договора.

Основная часть переговорного процесса по созданию положений конвенции была нацелена на формирование списка, который должен был установить категории продукции, товаров и услуг, производство и предоставление, которых запрещалось. Было предложено несколько вариантов решения:

- 1) установить «... запрет на определенную продукцию (“положительный список”);
- 2) наложить общий запрет с исключениями (“отрицательный список”);
- 3) найти компромисс между двумя списками (“гибридный подход”» [27].

Африканская группа стран совместно с Норвегией и Швейцарией придерживались позиции создания «отрицательного списка», США и Канада выступали за установление «положительного списка», страны Латинской Америки и Карибского бассейна были за формирование «гибридного подхода». Межправительственный комитет для ведения переговоров, посчитал, что наилучшим вариантом в сложившейся ситуации является создание «положительного списка», ввиду его большей практичности, рентабельности, а также возможности применить и реализовать в более короткие сроки. Для эффективной реализации принятого подхода было решено ввести поэтапные меры отказа.

Ключевым вопросом в переговорном процессе было установление объема выбросов ртути в атмосферу. Это было связано в первую очередь с тем, что данная категория выбросов выступает в качестве основного загрязнителя окружающей среды. В целях удовлетворения интересов всех государств было принято решение об установлении гибкого подхода. В результате чего выделились две группы источников: соответствующие и новые. Для «соответствующих источников» установилось 5 мер, направленных на регулирование процесса контроля и сокращения выбросов, где каждой стороне договора предоставляется возможность выбора одной или нескольких мер с учетом национальной ситуации и включение этих мер в свой национальный план. Для «новых источников» сторонам одновременно необходимо будет осуществлять поэтапное сокращение выбросов, и применять наилучшие методы и виды природоохранной деятельности в процессе контроля.

После четвертого раунда переговоров по некоторым положениям, которым уделялось особое внимание и значение, не удалось достичь компромисса. Так, нерешенными оставались вопросы, касающиеся регулирования процесса кустарной и мелкомасштабной золотодобычи, механизма финансирования, оценки эффективности и соблюдения положений конвенции. «Для достижения консенсуса Председатель Межправительственного комитета для ведения переговоров подготовил предложение по компромиссному тексту» [32]. Швейцария, в свою очередь, организовала и провела неофициальную встречу между ключевыми участниками в Глионе за два месяца до 5-го Межправительственного комитета для ведения переговоров, где удалось найти возможные решения на большинство не урегулированных и спорных вопросов [28].

12 января 2013 г. возобновились переговоры по согласованию положений глобального договора по ртути. После недели интенсивных обсуждений 19 января 2013 г. Межправитель-

ственный комитет для ведения переговоров завершил свою пятую сессию утверждением текста Минаматской конвенции о ртути. 10 октября 2013 г. текст конвенции был принят в Японии (город Кумамото), и с этого момента она стала открытой для подписания [37]. В итоге Конвенция получила свое название в честь японского города Минамата, где в 1956 года у некоторых жителей города была обнаружена странная болезнь, впоследствии получившая названная «болезнь Минамата». Однако символическое название вызвало не однозначную реакцию со стороны жертв болезни Минамата: одни поддерживали такое название, другие критиковали, так как считали, что Конвенция «...несовершенна, потому что не регулирует вопросы ответственности загрязнителей и, таким образом, позорит жертв «болезни Минамата»» [30]. Вступила в силу Минаматская конвенция по ртути 16 августа 2017 года после того, как ее ратифицировали 50 государств. На сегодняшний день Конвенцию ратифицировали 137 государств [17], к числу не ратифицировавших стран относится Россия, Казахстан, Венесуэла, Новая Зеландия, большая часть стран Африки и др.

Таким образом, начиная с XV-XVI вв. ученые стали осознавать возможность негативного влияния ртути и ее соединений на организм человека и на окружающую среду, однако международное сообщество пришло к пониманию о необходимости осуществления международно-правовой охраны здоровья человека и окружающей среды от вредоносного воздействия ртути и её соединений только в начале XXI в. В целом принятая Минаматская конвенция продемонстрировала готовность международного сообщества объединиться во имя общего блага, несмотря на целый ряд противоречий в процессе переговоров по ее созданию.

Приставленный библиографический список

1. 22 сессия Совета Управляющих ЮНЕП - Глобальный форум по окружающей среде на уровне министров (Найроби, 3-7 февраля 2003 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: file:///C:/Users/pariy/Downloads/K0360657_R_GC22_Proceedings.pdf (дата обращения: 02.05.2021).
2. 24 сессия Совета Управляющих ЮНЕП - Глобальный форум по окружающей среде на уровне министров (Найроби, 5-9 февраля 2007 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unepcom.ru/unep/unep-bodies/gc/sessions/200-gc24.html (дата обращения: 02.05.2021).
3. 25 сессия Совета Управляющих ЮНЕП - Глобальный форум по окружающей среде на уровне министров (Найроби, 16-20 февраля 2009 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unepcom.ru/unep/unep-bodies/gc/sessions/29-gs25.html (дата обращения: 02.05.2021).
4. Ермаченко А. Б., Денисенко В. П., Капранов С. В., Котов В. С. Ртуть и здоровье. - Луганск: ВГУ, 1998. - С. 12.
5. Борзых М. Н. Проблемы загрязнения окружающей среды ртутью переработка ртутьсодержащих отходов. - М.: Оружие и технологии, 2008. - 21 с.
6. Борзых М. Н. Проблемы загрязнения окружающей среды ртутью переработка ртутьсодержащих отходов. - М.: Оружие и технологии, 2008. - 28 с.

7. Глобальная оценка выбросов ртути (ЮНЕП, 2002). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurocbc.org/final-assessment-report-25nov02.pdf (дата обращения: 02.05.2021).
8. ГОСТ 12.3.031-83 Система стандартов безопасности труда (ССБТ). Работы со ртутью. Требования безопасности (10 октября 1983). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/1200008484 (дата обращения: 24.01.2022).
9. Добровольский Л. А. Загрязнение ртутью, её влияние на здоровье и окружающую среду // Информационный обзор о Региональном семинаре по проблеме загрязнения ртутью – глобальная проблема, требующая разрешения. Гигиена труда, 20–23 июля 2004 г. - С. 560–563.
10. Доклад Директора-исполнителя на двадцать первой сессии Совета управляющих Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде, Найроби, 5-9 февраля 2001 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: file:///C:/Users/pariy/Downloads/UNEP_GC_21_9-EN.pdf (дата обращения: 05.05.2022).
11. Ларионов Т. К. Ртуть в организме людей и условиях загрязнения окружающей среды ртутьсодержащими промышленными отходами // Гигиена и санитария. – 2000. - № 3. - С. 8–10.
12. Оганесян Э. Т., Попков В. А., Щербакова Л. И., Брель А. К. Химия элементов. - Москва: Юрайт, 2020. - С. 251.
13. Пятая сессия Межправительственной форму по химической безопасности, Будапешт, Венгрия, 25-29 сентября 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.who.int/ifcs/documents/forums/forum5/02w_a_agenda_ru.pdf (дата обращения: 20.04.2021).
14. Решение 21/5 от 9 февраля 2001 года Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП) о глобальной оценке ртути, принятое на 8-м заседании 9 февраля 2001 года Комитетом полного состава, UNEP/GC.21/CW/L.6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: file:///C:/Users/pariy/Downloads/UNEP_GC_21_9-EN.pdf (дата обращения: 05.01.2022).
15. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 07.01.2022).
16. Солнцев А. М. Роль международного права в борьбе с ртутными загрязнениями // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2015. - N 10. - С. 211-213.
17. Стороны Минаматской конвенции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mercuryconvention.org/en/parties (дата обращения: 05.01.2022).
18. Федеральный Закон «Об отходах производства и потребления» от 24.06.1998 № 89-ФЗ [Электронный ресурс] (24 июня 1998). [Электронный ресурс]. – Режим

- доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/ (дата обращения: 24.03.2009).
19. Филатов Б. Н., Чарова Т. А. Особенности диагностики и экспертизы поражений ртутью // Загрязнение ртутью окружающей среды: эмиссия в атмосферу, восстановление территорий и влияние на здоровье. Международный семинар. - 2007. - С. 43-44.
 20. Ashton M., Briefing Note on the Mercury OEWG // International Institute for Sustainable Development (October 2009). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://mercuryolicy.org/wp-content/uploads/2009/10/brief_mercury.pdf (дата обращения: 08.01.2022).
 21. Barack Obama The 44 the president of the United States. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/about-the-white-house/presidents/barack-obama/> (дата обращения: 02.05.2021).
 22. Barrett J.R. An Uneven Path Forward: The History of Methylmercury Toxicity Research // Environmental Health Perspectives. - 2010. - V. 118. - No. 8. - P. 352.
 23. C. Bai et al., 'Summary of the 21st Session of the UNEP Governing Council and Second Global Ministerial Environment Forum, 5-9 February 2001' // Earth Negotiations Bulletin. - V. 16. - No. 6. - 2001. - P. 9.
 24. Daryl Ditz and Baskut Tuncak Bridging the Divide between Toxic Risks and Global Chemicals Governance // Special Issue: International and European Chemicals Regulation. - Vol. 23. - No. 2. - 13 August 2014. - P. 187.
 25. Donna Mergler, Henry A Anderson, Laurie Hing Man Chan, Kathryn R Mahaffey, Michael Murray, Mineshi Sakamoto, Alan H Stern Methylmercury exposure and health effects in humans: a worldwide concern // Ambio. - Vol. 36. - No. 1. - February 2007. - P. 7.
 26. Franz Xaver Perrez Emerging Issues in Global Chemicals Policy // Chemicals, Environment. - Health: CRC Press, August 2011. - P. 694.
 27. Henrik Hallgrim Eriksen and Franz Xaver Perrez The Minamata Convention: A Comprehensive Response to a Global Problem // Review of European Community & International Environmental Law. - Vol. 23. - No. 2. - July 2014. - P. 201.
 28. Henrik Hallgrim Eriksen and Franz Xaver Perrez The Minamata Convention: A Comprehensive Response to a Global Problem // Review of European Community & International Environmental Law. - Vol. 23. - No. 2. - July 2014. - P. 195-210.
 29. Henrik Selin Global Environmental Law and Treaty-Making on Hazardous Substances: The Minamata Convention and Mercury Abatement// Global Environmental Politics. - Vol. 14. - 1 February 2014. - P. 9.
 30. Hisashi Yokoyama Mercury Pollution in Minamata // Springer Briefs in Environmental Science, 2018. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-981-10-7392-2.pdf> (дата обращения: 08.01.2022).
 31. Kevin M. Rice, Ernest M. Walker, Jr, Miaozong Wu, Chris Gillette, Eric R. Blough Environmental Mercury and Its Toxic Effects // Journal of preventive medicine and public health. - Vol. 47. - No. 2. - March 2014. - P. 79.
 32. Noelle E. Selin. Global change and mercury cycling: Challenges for implementing a global mercury treaty // Environmental Toxicology and Chemistry. - Vol. 33. - No. 6. - June 2014. - P. 1206.
 33. P. Poldervaart Mercury Convention: Persistence Makes a Breakthrough Possible. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.bafu.admin.ch/bafu/en/home/documentation.html> (дата обращения: 06.01.2022).
 34. Rebecca Kessler The Minamata Convention on Mercury: A First Step toward Protecting Future Generations // Environmental Health Perspective. - V. 121. - No. 10. - 1 October 2013. - P. 306.
 35. S. Andresen, K. Rosendal and J.B. Skjærseth, Why Negotiate a Legally Binding Mercury Convention? // International Environmental Agreements. - V. 13. - No 4. - 2013. - P. 432.
 36. T. Akanle, M. Ashton, W. Mwangi and K. Xia Second Meeting of the Ad Hoc OEWG to Review and Assess Measures to Address the Global Problem of Mercury, n. 28 above, at 3 and 7, 6-10 October 2008, 16:72 Earth Negotiations Bulletin (2008). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://enb.iisd.org/events/2nd-meeting-ad-hoc-open-ended-working-group-oewg-review-and-assess-measures-address-global-5> (дата обращения: 06.01.2022).
 37. UN environment programme: The Minamata Convention On Mercury. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.mercuryconvention.org/en/about> (дата обращения: 02.05.2021).
 38. UNEP GC, Decision 25/5, Chemicals Management, including Mercury (20 February 2009), n. 31 above, at paragraphs 26 and 32. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/10623/K0950890%20GC-25-17-Proceedings-FINAL.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 07.01.2021).
 39. UNEP GC, Decision 25/5, Chemicals Management, including Mercury (20 February 2009), at paragraphs 27, 28. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/10623/K0950890%20GC-25-17-Proceedings-FINAL.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 07.01.2021).
 40. UNEP, State of the Environment and Contribution of the United Nations Environment Programme to Addressing Substantive Environmental Challenges, Report of the Executive Director, Addendum: Chemicals Management (UN Doc. UNEP/GC.23/3/Add.1, 6 November 2004), p. 11.

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

КОНДРАШОВ Сергей Вячеславович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ПОНЯТИЯ «СТАТУТ» В ДОКТРИНЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

В данном исследовании рассматривается понятие статута как одной из основных категорий международного частного права. Указывается на значение статута в развитии доктрины международного частного права. Содержится критический анализ мнения ученых о понятии статута и его роли в теоретических построениях. Предлагаются собственные критерии для определения понятия статута, позволяющие избежать системных ошибок в теоретических изысканиях.

Ключевые слова: статут, вещно-правовой статут, частно-правовые отношения, коллизонная норма, коллизонное регулирование.

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

KONDRASHOV Sergey Vyacheslavovich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Training State and Municipal Staff of the Academy of the FPS of Russia

THE MAIN PROBLEMS OF DEFINING AND APPLYING THE CONCEPT OF "STATUTE" IN THE DOCTRINE OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW

In this research examines the concept of a statute as one of the main categories of private international law. The significance of the statute in the development of the doctrine of private international law is pointed out. Contains a critical analysis of the views of scientists on the concept of a statute and its role in theoretical constructions. Own criteria are proposed for defining the concept of a statute, which allow avoiding systemic errors in theoretical research.

Keywords: statute, proprietary statute, private law relations, conflict rule, conflict regulation.

Ивлиев П. В.

Кондрашов С. В.

В основе любой науки лежат предельно обобщающие понятия, которые могут быть родами по отношению к другим понятиям, а видами быть не могут. Такие понятия в формальной логике называются категориями. Теория любой науки должна быть основана на непротиворечивой системе категорий. Объем и содержание каждой категории должны отвечать формально-логическим законам, в том числе закону тождества, который гласит, что объем и содержание мысли о каком-либо предмете должны быть строго определены и оставаться постоянными в процессе рассуждения о нем. Изучение доктрины международного частного права позволяет сделать вывод, что некоторые её понятия-категории требуют уточнений. К таким понятиям можно отнести понятие «статута». Актуальность данного исследования заключается том, что разные исследователи вкладывают разное содержание в понятие «статут», что негативно сказывается как на развитии теории, так и на преподавании дисциплины МЧП. Цель исследования состоит в новом осмыслении понятия «статут».

Термин «статут» имеет несколько значений, например: 1) название актов парламентов Великобритании и других стран; 2) устав организации или территориального образования; 3) положение о чем-либо, например

статут ордена, определяющий порядок награждения им; 4) в международном праве положение о деятельности органа. Общим для всех представленных дефиниций является то, что статут представляет собой правовой акт, описательного характера. В различных вариациях термин «статут» часто используется в учебной литературе при рассмотрении институтов особенной части международного частного права (далее – МЧП). Авторы, описывая те или иные аспекты регулирования частно-правовых отношений, осложненных иностранным элементом используют такие термины как «личный статут», «вещно-правовой статут», «обязательственный статут», «деликтный статут», «наследственный статут» и т.д. Но вследствие того, что в общей части МЧП не дается однозначного определения статута, это порождает ряд проблем, включая неопределенность в вопросе о задачах, которые решает это понятие.

Разнообразные воззрения теоретиков МЧП относительно статутов, сформулированные в научной и учебной литературе по МЧП, можно свести к нескольким типичным теоретическим построениям.

Во-первых, под статутом понимается категория, используемая для определения правового статуса лиц в

МЧП, в т.ч. юридического лица. Смысл такого значения статута состоит в возможности этого понятия определять правовой статус юридического лица в трансграничной сфере.

Во-вторых, статут понимается как право государства, которое компетентно регулировать определенный круг отношений. Данная трактовка используется для определения вещно-правового статута.

В-третьих, под статутом понимается право, подлежащее применению к обязательствам, вытекающим из сделок (договоров).

Отсутствие единого понимания статута обуславливает развитие теории МЧП в неправильном направлении, появлении разного рода ошибок. Одним из ошибочных направлений в теории МЧП является проблема расщепления статутов. Так, О. В. Луткова пишет: «Для отношений, регулируемых МЧП, типичной является ситуация, когда для разных «частей» отношения приходится выбирать применимое право, руководствуясь подходящими для каждой такой «части» самостоятельными правовыми механизмами» [3]. В свою очередь, Л. Б. Забелова отмечает: «В одном правоотношении имеется система различных статутов: личный, вещно-правовой, обязательственный, формальный, деликтный, валютный, наследственный, брачный и др. ...к каждому отдельному статуту применяется самостоятельное право – право... государства... существа отношения» [2]. Эти цитаты являются воспроизведением системной ошибки, обусловленной неверным пониманием статута. Приведенные цитаты являются воспроизведением системно ошибки, обусловленной неверным пониманием статута. Очевидно, что в случае есть неточности в понимании механизма правового регулирования в МЧП

Дело в том, что нормы, регулирующие коллизионные отношения, т.е. определяющие право, подлежащее применению могут состоят из различных формул прикреплений и одни и те же привязки, могут определять право, подлежащее применению к разным по правовой природе отношениям. По причине того, что формул прикреплений не так много, право, подлежащее применению к вещным, договорным, деликтным отношениям может определяться одинаковыми привязками. Так, закон автономии воли может применяться для определения права, подлежащего применению при возникновении и прекращении права собственности на движимое имущество, а также к договорным и деликтным отношениям. Но из этого обстоятельства нельзя делать вывод о расщеплении статутов, о различных «частях» отношений. Речь лишь идет о регулировании различных отношений с помощью одних и тех же коллизионных привязок.

Что же касается идеи о различных статутах в правоотношении, то она вносит путаницу в понятие правоотношения. Правоотношение обладает устойчивой структурой. Но, если допустить мысль о наличии такого правового явления как расщепление статутов, то это влечет необходимость усложнения структуры коллизионного правоотношения, лишними понятиями, что чревато системными ошибками в теории МЧП.

Ученый-правовед И. В. Гетьман-Павлова отмечает: «Вещно-правовой статут решает вопросы классификации вещей, их деление на движимые и недвижимые, способ-

ность выступать в качестве объекта вещных прав их содержания, порядок и способы возникновения, перехода и прекращения вещных прав, момент перехода права собственности» [1]. В нем выражен главный признак статута – выделение группы правоотношений, на которые распространяется коллизионная норма, определяющая право, подлежащее применению. То же самое и в определении обязательственного статута, где указывается, что объем обязательственного статута – это сфера действия права, подлежащего применению к договору. Однако, И. В. Гетьман-Павлова не всегда придерживается этого признака. Так, затрагивая вопросы личного статута юридического лица, автор пишет: «Правовая категория «личный статут» определяет «личный статут» компании. Категория личного статута – это совокупность правовых норм, определяющий «генетический статут» субъектов, которые имеют тенденцию к выходу на наднациональный уровень». Иными словами, понятие «личный статут» раскрывается через задачу, которую он решает, а именно: определение правового статуса юридического лица. По нашему мнению, это является ошибкой, т.к. правовой статус означает установленное нормами права положение его субъектов, совокупность их прав и обязанностей. Правовой статус юридического лица определяется нормами гражданского права, но не коллизионными нормами МЧП, т.к. у этих отраслей разные предметы и методы регулирования.

Можно сделать вывод об отсутствии единого системного подхода в отношении установления объема и содержания понятия «статут». Понятия, содержащиеся в особенной части МЧП должны быть связаны с понятиями общей части, т.е. находиться в отношении рода и вида. В противном случае в особенной части будут присутствовать неопределенные термины, которые делают теорию метрологически несостоятельной.

Необходимо сформулировать метрологически состоятельное понятие статута МЧП, выступающее по отношению к таким категориям МЧП в качестве рода и вида.

Мнение о том, что статут представляет собой выделение группы правоотношений, на которые распространяется коллизионная норма, можно считать состоятельным. В ГК РФ перечислены отношения, которые, после применения к ним коллизионной нормы, будут регулироваться как отношения корпоративные, вещно-правовые, договорные, деликтные и т.д. Но прежде чем применять к отношениям, осложненным иностранным элементом, нормы коллизионного права, необходимо квалифицировать отношения, к которым будет применена та или иная коллизионная норма. ГК РФ устанавливает, что стороны могут применить к возникновению или прекращению права собственности закон автономии воли, без ущерба для прав третьих лиц. И это будет вещно-правовой статут. А при отсутствии соглашения сторон о выборе применимого права к договору о создании юридического лица, такой договор следует классифицировать как договор с иностранным элементом и к такому договору будет применено право, определенное на основании личного закона юридического лица в соответствии с теорией инкорпорации. Эти примеры показывают, что статут в МЧП определяет границы действия коллизионных норм и обусловлен нормами частного права, образующие институты.

Таким образом, говоря о личном, вещно-правом, договорном, деликтном, наследственном статуте, мы имеем группы отношений, которые будучи осложненными иностранным элементом обусловили возникновение коллизии, которые следует разрешать согласно соответствующей группе коллизионных норм.

Ст. 1205 ГК РФ регулирует вопрос, в случае если необходимо применить право к оборотоспособности объектов вещных прав той страны, в которой находится данная вещь физически. П.п. 2, абзаца 1 ст. 1205.1 устанавливает, что оборотоспособность объектов вещных прав относится к вещно-правовому статуту, и как следствие такое отношение будет урегулировано привязкой, которая содержится в ст. 1205 ГК РФ по нахождению вещи. Но если возникнет коллизионная проблема, связанная с возникновением или прекращением вещных прав то необходимо применять ст. 1206 ГК РФ, устанавливающая гибкое регулирование отношений.

Таким образом, статья 1205.1 ГК РФ детерминирует область действия коллизионного регулирования вещно-правовых правоотношений, и экономит нормативный материал, что позволяет формировать коллизионные нормы, не зафиксированные в тексте ГК РФ.

Ст. 1205 ГК РФ не указывает на защиту вещных прав. Можно было бы сказать, что вещное право, являясь подотраслью гражданского права, предполагает наличие способов защиты, являющиеся институтом подотрасли.

Однако этот вопрос сразу становится дискуссионным, т.к. в отношениях по виндикации имущества предметом спора является именно истребование имущества из несанкционированного владения, а не признание права собственности. Необходимо отметить, что ст. 1205 ГК РФ не устанавливает такого рода отношения.

С учетом того, что коллизионная норма, это норма носящий абстрактный характер, которая разрешает проблему о применимом праве, которая отсылающая к целой правовой системе и проблема заключается в возможности коллизионного урегулирования указанных отношений.

Если согласиться с тем, что нормы МЧП можно применять по аналогии, несмотря на то, что в общих положения МЧП такое не предусмотрено, есть некоторые правовые установления не относятся к подотрасли вещного права.

Например, оборотоспособность объектов гражданских прав, урегулирована ст. 129 ГК РФ, которая содержится в главе 3 «Общие положения» подраздела 3 «Объекты гражданских прав». Применяя аналогию права оборотоспособность объектов гражданских прав не получила бы коллизионного регулирования. Законодательство эти данные отношения относит к сфере вещно-правового статута, создавая основу для формулирования коллизионной нормы, которая выражается «оборотоспособностью объектов вещных прав определяется по праву именно той страны, где данное имущество находится». Эта особенность предоставляет возможность не допустить лишней регламентации каждого отношения в отдельности. Законодатель использует прием правового регулирования, которым формулируются отношения, являющиеся объектом коллизионной нормы, и детерминирует область

действия норм, которые регулируют коллизионные правоотношения, возникающие посредством осложнением вещно-правовых, деликтных наследственных договорных и иных отношений осложненных иностранным элементом.

Ст. 1205.1 ГК РФ содержит 7 коллизионных норм, в которых указанные отношения являются объемами коллизионной нормы, а формула прикрепления определяется с помощью отсылочной материально-правовой нормой.

Для каждого отношения выбирается характерное для него коллизионное урегулирование. Было бы не верным регулировать коллизионные отношения, возникающие в связи с вещными правами на основании автономии воли. Подобное коллизионное урегулирование ошибочное, т.к. не учитывает правопорядок страны места нахождения вещи и влечет невозможность исполнения судебных решений в отношении вещи находящейся за рубежом. Статут в МЧП представляет собой обособленную на основании норма материального права определенную группу отношений, объединенных принадлежностью к институтам гражданского или семейного права или процессуального права, порождающие коллизии посредством осложнения данных отношений иностранным элементом и требуют одинакового регулирования. Указанное определение, по нашему мнению, согласуется с общеправовым понятием статута.

Пристатейный библиографический список

1. Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право. В 3 томах. Т. 2. Особенная часть: учебник для вузов. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 470 с.
2. Забелова Л. Б. Международное частное право: курс лекций. – М., 2010. – С. 23.
3. Луткова О. В. Расщепление статута в международном частном праве // Журнал российского права. – 2016. – № 4. – С. 133-142.

ОМРАН Мохамад Агяд

аспирант кафедры гражданского права и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА АРЕНДЫ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА В СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ*

В статье рассматривается проблема регулирования гражданских правоотношений, возникающих по поводу выселения арендатора из арендуемого недвижимого имущества. Рассматривается генезис сирийского законодательства об аренде недвижимого имущества в части регулирования отношений, возникающих в связи с досрочным прекращением договорных правоотношений. Рассматриваются положения Гражданского Кодекса Сирии, устанавливающие основания для досрочного расторжения договора аренды в одностороннем порядке. Выделяется проблема определения степени ущерба, нанесенного арендованному имуществу. Выделяется два основных вида ущерба недвижимого имущества, наличие которых может стать основанием для досрочного прекращения договорных правоотношений: физический и правовой. Рассматриваются гарантии сторон договора аренды недвижимого имущества, в случае повреждения или гибели предмета соглашения по форс-мажорным обстоятельствам. Рассматривается вопрос о юридической ответственности собственника за повреждение арендуемого имущества по его вине. Рассматривается судебная практика по делам о досрочном расторжении договора аренды в случае причинения арендуемому имуществу физического ущерба.

Ключевые слова: аренда, договор аренды, расторжение договора, прекращение договора, арендатор, арендодатель, ущерб.

OMRAN Mohamad Aghyad

postgraduate student of Civil law and process and private international law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples Friendship University of Russia

Омран Мохамад Агяд

GROUND FORS FOR TERMINATING A REAL ESTATE LEASE AGREEMENT IN THE SYRIAN ARAB REPUBLIC

The article discusses the problem of regulation of civil legal relations arising from the eviction of the tenant from the leased real estate. The genesis of the Syrian legislation on the lease of real estate in terms of regulation of relations arising in connection with the early termination of contractual relations is considered. The article considers the provisions of the Civil Code of Syria, establishing the grounds for early termination of the lease agreement unilaterally. The problem of determining the degree of damage caused to rented property is highlighted. There are two main types of damage to real estate, the presence of which may become the basis for the early termination of contractual relations: physical and legal. We consider the guarantees of the parties to the lease of real estate in case of damage or destruction of the subject of the agreement due to force majeure. The issue of the owner's legal liability for damage to the leased property through his fault is being considered. The article considers the judicial practice in cases of early termination of a lease agreement in the event of physical damage to the leased property.

Keywords: lease, lease agreement, termination of the agreement, termination of the agreement, lessee, lessor, damage.

Основной объем норм сирийского законодательства об аренде направлен на регулирование отношений, складывающихся по поводу аренды недвижимого имущества. Общие правила договора аренды, закрепленные в Гражданском Кодексе Сирийской Республики, распространяются как на договор аренды недвижимости, так и на соглашение об аренде движимого имущества. Именно на положения Гражданского Кодекса об аренде ссылаются при возникновении спорных правоотношений.

Последующие законодательные акты по аренде недвижимости, должны были соответствовать положениям Гражданского Кодекса Сирии. Последним актом, регулирующим отношения в сфере аренды недвижимости, является Закон № / 20 / от 2015 года, который устанавливает порядок выселения

жильцов из арендованного имущества в случае сноса здания. Данным законодательным актом не установлены основания расторжения договора аренды недвижимого имущества и прекращения соответствующих правоотношений.

В данном случае мы обращаемся к Гражданскому Кодексу Сирии, статьей 537 которого установлены основания прекращения договора аренды:

«1 – Если арендуемое имущество полностью погибает во время течения срока аренды, договор автоматически расторгается.

2 – Если уничтожение арендованного имущества является частичным уничтожением, или если имущество переходит в состояние, не подходящее для целей его использования, для которых арендованное имущество было передано в аренду, не по вине арендатора, то он вправе требовать уменьшения арендной платы, либо расторгнуть договор аренды в одностороннем порядке.

3 – В двух предыдущих случаях арендатор не может требовать компенсации, если убыток или повреждение возникли по причине, не зависящей от арендодателя» [1].

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

Приведенная редакция ст. 537 ГК Сирии устанавливает два основания для расторжения договора аренды без применения санкции к какой-либо из сторон соглашения: полное уничтожение арендуемого имущества, либо его частичное повреждение. Данное правило применяется как к недвижимому, так и движимому имуществу.

Несмотря на довольно детальное регулирование вопроса расторжения договора аренды в случае его гибели или частичного повреждения имущества, возникает вопрос о критериях оценки нанесенных имуществу повреждений. Проблемой определения степени ущерба, нанесенного арендуемому имуществу, обусловлена неспособность сторон самостоятельно определить наступление оснований для расторжения договора аренды. Также, ст. 537 ГК Сирии установлен обязательный судебный порядок расторжения договора аренды недвижимого имущества, заключенного на длительный срок.

Помимо физического ущерба имуществу, сирийское гражданское законодательство предусматривает также правовой ущерб, который заключается в негативном влиянии новых законов на возможность использования имущества арендатором, например в случае запрета на инвестирование в отдельные категории недвижимости, и запрета на их эксплуатацию.

Профессор Абдул Раззак аль-Санхури указывает, что арендованное имущество может быть полностью физически повреждено из-за пожара, утопления, удара молнии, разрушительной войны и т.д. [2]. Общий ущерб заключается в том, что здание ликвидируется физически, даже если земля, на которой построено здание, и некоторые стены остаются стоять. Юридический ущерб арендованному имуществу добавляется к физическому ущербу, например, если арендованное имущество отчуждается для общественного блага, или оно конфисковано на основании закона, решения органа публичной власти в случае возникновения чрезвычайной ситуации или введения режима чрезвычайного положения.

Полный ущерб арендованному имуществу в течение срока действия договора аренды, по общему правилу, приводит к автоматическому расторжению договора. Таким образом, для прекращения арендных правоотношений в данном случае не требуется вынесение соответствующего судебного решения.

Сирийским законодательством установлено правило, гарантирующее защиту обеих сторон договора аренды в случае гибели имущества по форс-мажорным обстоятельствам. Арендодатель не вправе требовать возвращения арендатора в ранее поврежденное недвижимое имущество после его реконструкции. Арендатор, в свою очередь, не вправе требовать от арендодателя восстановить ущерб и вернуть имущество в исходное состояние, которое было зафиксировано на момент заключения соглашения.

Немного иные правила установлены в случае гибели или повреждения арендуемого имущества по вине одной из сторон. Арендатор все также не вправе требовать от арендодателя вернуть недвижимость в исходное состояние в случае, если гибель/повреждение имущества произошли по вине его собственника. Однако, теперь арендатор может рассчитывать на выплату компенсации от арендодателя за негативные последствия, вызванные гибелью/повреждением имущества. В случае, если доказана вина арендатора, то на него возлагается обязанность за возмещение причиненного ущерба.

Договор аренды недвижимости также автоматически прекращается в случае нанесения ущерба имуществу дей-

ствиями третьих лиц. В данном случае обе стороны имеют право требовать от третьего лица возмещения причиненного ущерба и выплаты соответствующих компенсаций.

Судебная практика в отношении физического повреждения арендуемого имущества.

Реконструкция арендованного имущества, в отличие от его порчи, хоть и приводит зачастую к существенным изменениям объекта недвижимости, не влечет за собой прекращение договора аренды. Особенно, в случаях, когда реконструкция арендованного имущества осуществляется за счет арендатора [3].

Ущерб, причиненный арендованному имуществу при его перестройке арендатором с согласия арендодателя, также не является основанием для автоматического расторжения договора аренды. Суды исходят из того, что положения ст.537 ГК Сирии не направлены на наложение дополнительного материального обременения на стороны договора аренды или предоставления собственнику оснований для уклонения от исполнения обязательств по [4].

Перечисленные выше правила не содержатся в нормах сирийского гражданского законодательства, а были выработаны судебной практикой на основании базовых принципов естественного права и правосудия.

Помимо исключений из правил об автоматическом прекращении действия договора аренды имущества в случае его повреждения, судебной практикой также были выработаны правила, уточняющие случаи расторжения соглашения об аренде. Например, если по решению органа местной администрации за счет бюджетных средств арендованное имущество подверглось воздействию, вследствие которого оно были ликвидировано или изменено, договор аренды считается расторгнутым.

Также, в случае изъятия арендованного имущества в общественных интересах и передаче права собственности от арендодателя к органу публичной власти, религиозной организации или иному учреждению, договор аренды считается расторгнутым по правилам полного ущерба.

Развитие законодательства Сирии об аренде недвижимости

Первым законодательным актом, которым стали регулироваться отношения по прекращению договора аренды, стал Гражданский Кодекс Сирии, а именно ст. 537. После принятия ГК Сирии, сирийским законодателем были разработаны и приняты ряд других нормативных правовых актов:

1. Закон об аренде № 111 от 1952 года. Данным актом были установлены особенности договора аренды недвижимого имущества: введение правил об автоматическом продлении договора аренды недвижимости с добросовестным арендатором, о выселении арендатора из арендованного объекта недвижимого имущества, о преимущественного праве арендатора на заключение нового договора аренды по объекту недвижимого имущества, которое было снесено и отстроено заново.

2. Закон об аренде недвижимого имущества № 6 от 2001 года дублирует положения Закона об аренде №111 от 1952 года в части закрепления правил об автоматическом продлении договора аренды с добросовестным арендатором и правил по восстановлению снесенного здания. Помимо повторения норм более раннего закона, новый акт об аренде недвижимости установил новое правило для расторжения договора аренды в одностороннем порядке. В соответствии

с положениями Закона об аренде недвижимого имущества № 6 от 2001, арендодатель наделяется правом по собственному желанию расторгнуть договор аренды с добросовестным арендатором по истечении срока его действия с выплатой компенсации в размере 40 % от стоимости арендуемого здания. Таким образом, законодатель ввел исключение из правила об обязательном продлении договора аренды с добросовестным арендатором.

3. Закон № 20 от 2015 года, который также касается арендной платы за недвижимость и действует в настоящее время.

Данным законом было сохранено право арендатора на возвращение в арендованное имущество, которое было освобождено для сноса и восстановления после его строительства. В том же случае, если по каким-либо причинам возврат арендованного имущества становится невозможным, то арендатор вправе требовать от арендодателя денежной компенсации на основании положений ст.8 данного нормативного правового акта.

Считаем необходимым остановиться на двух положениях рассматриваемого законодательного акта.

Статьей 7 Закона № 20 от 2015 года предусмотрены исключения из правила об освобождении арендатором арендуемого имущества по истечении срока действия соответствующего соглашения: «Если собственник недвижимого имущества желает возвести полностью новое здание вместо старого, за исключением имущества, сданного в аренду государственным органам, за исключением случаев полного или частичного повреждения арендуемого имущества, если арендуемое имущество переходит в состояние, которое не подходит для использования, для которого оно было выделено, или если возможности эксплуатации объекта значительно сокращаются»¹.

Статьей 8 Закона № 20 от 2015 года предусмотрены гарантии обеспечения прав и законных интересов арендатора, в случае его выселения из арендованного имущества по причине сноса здания и строительства нового объекта недвижимости на его месте. Так, арендатор обладает правом на получение во владение и пользование имущества в новом здании, которое должно быть аналогичным или схожим по параметрам с имуществом, которым он владел по предыдущему договору аренды. В том случае, если собственник не может предоставить арендатору возможность реализации данного права, он несет юридическую ответственность в виде выплаты компенсации в размере 40% от стоимости арендованного имущества, которое являлось предметом предыдущего договора аренды.

Договорная свобода ограничивается и требованиями разумности, справедливости и добросовестности. Так, по мнению одного из судов, принцип общего дозволения, характерный для гражданского права, не означает, что участники гражданского оборота вправе совершать действия, нарушающие закон, а также права и законные интересы других лиц [5].

Помимо перечисленных выше правил, законодатель также предусмотрел дополнительные гарантии для арендаторов, которые являются субъектами, наделенными публич-

но-властными полномочиями. Если в случае, когда арендатором недвижимого имущества выступает частное лицо, собственник обладает правом на снос и восстановление здания по собственному желанию, то при наличии публично субъекта как стороны договора аренды, основанием для осуществления указанных действий может стать только заключение уполномоченного органа о ненадлежащем состоянии объекта недвижимости.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодательство Сирии об аренде постоянно совершенствуется и дополняется гарантиями обеспечения прав и законных интересов сторон договора аренды недвижимости имущества и в особенности арендатора, как наименее защищенного участника рассматриваемых правоотношений.

В рамках правового позитивизма, господствующего в цивилизованных странах, из всего каталога общих принципов права юридическое значение придается только позитивизированным принципам, т. е. только тем, которые явно закреплены в действующем законодательстве [6].

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский Кодекс Сирийской Арабской Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.parliament.gov.sy/arabic/index.php?node=201&nid=12162&ref=tree&> (дата обращения: 5.01.2022).
2. AL SANHOURI. A.-A. L'intermédiaire du commentaire du code civil, Les contrats sur la jouissance de la chose, le bail et le prêt à usage. – Vol. 2, Dar Ihya AL Tourath AL Arabi, Beyrouth, pas de date précise. – P. 636. (дата обращения: 6.01.2022).
3. Судебная практика в отношении физического повреждения арендуемого имущества (Журнал Адвокаты за 1975 год. – База 963. – С. 771).
4. Судебная практика в отношении физического повреждения арендуемого имущества (Журнал Адвокаты за 1976 год. – С. 238).
5. Панченко П. В., Фролова Е. Е. Соотношение принципа содействия сторон обязательства с принципами обязательственного права // Вестник Академии права и управления. – 2018. – № 2 (51). – С. 122-129.
6. Korolev S. V., Shulzhenko Yu. L., Rusakova E. P., Batyaeva A. R., Dudin M. N. Wrong price tag' at a supermarket in the focus of general principles of law // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2018. – Т. 9. – № 3. – С. 1004-1010.

¹ Закон № 20 от 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.syrian-lawyer.club/%D9%86%D8%B5-%D9%82%D8%A7%D9%86%D9%88%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D9%8A%D8%AC%D8%A7%D8%B1%D8%A7%D8%AA-%D8%B1%D9%82%D9%85-20-%D9%84%D8%B9%D8%A7%D9%85-2015-doc-pdf/>.

ТЮМЕНЦЕВ Владислав Олегович

аспирант 3 курса Института аспирантуры и докторантуры Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), младший научный сотрудник НОЦ международного права НИИ МГЮА

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ДОГОВОРЕ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА (ДФЕС)*

В настоящей статье рассматривается правовое регулирование здравоохранения в Европейском Союзе в рамках Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС). Анализируются особенности источника правового регулирования, который занимает руководящую роль в системе европейского права в данной сфере. Также в статье рассмотрены такие аспекты как исторические особенности и значение в системе компетенции. Определено значение источника в функционировании права здравоохранения ЕС.

Ключевые слова: Европейский Союз, интеграционная организация, наднациональное регулирование, право здравоохранения.

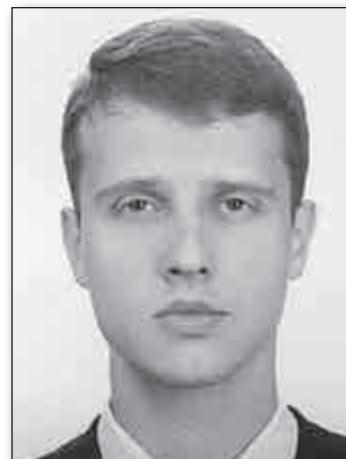
TYUMENTSEV Vladislav Olegovich

postgraduate student of the 3rd course of the Institute of postgraduate and doctoral study of the Moscow State Law University (MSAL), junior researcher of the Scientific and educational center of the International law of the Research Institute of the Moscow State Law University (MSAL)

LEGAL REGULATION OF THE RELATIONS IN THE HEALTH CARE SPHERE IN THE TREATY OF FUNCTIONING OF THE EUROPEAN UNION (TFEU)

This article concerns the legal regulation of healthcare in the EU within the framework of the Treaty of functioning of the European Union (TFEU). The features of the source of legal regulation that has a leading role in the system of European law in this area are analyzed. The article also concerns such aspects as historical features and significance in the competence system. The importance of the source in the functioning of the EU healthcare law is determined.

Keywords: European Union, integration organization, supranational regulation, healthcare law.

Тюменцев В. О.

Предметом рассмотрения данной статьи является регулирование отношений в сфере здравоохранения в праве Европейского Союза на уровне первичных правовых актов, наиболее значимым из которых применительно к праву здравоохранения является Договор о функционировании Европейского Союза (ДФЕС).

Договор о функционировании Европейского Союза (ДФЕС) является одним из самых важных и базовых документов Европейского Союза. Данный договор, как и отображено в его названии, имеет важную функцию правового регулирования всех тех институтов и механизмов, которые составляют структуру Европейского Союза. Исключением не является и сфера здравоохранения правовому регулированию которой в Европейском Союзе посвящена данная работа.

В рамках правового регулирования здравоохранения ДФЕС имеет особенность, которая состоит в том, что в данном договоре охрана здоровья регулируется двумя способами: как непосредственно право здравоохранения и как аспект охраны здоровья в рамках других отношений, регулируемых в источнике.

Это отображено в ДФЕС что является особенностью данного Договора и в настоящем правовом источнике аспект здравоохранения также затрагивается двумя способами: в одном случае затрагивается непосредственно само здравоохранение, во втором случае охрана здоровья имеет место быть в рамках регулирования каких-либо иных отношений. Второй тип регулирования преобладает равно количеству затраги-

ваемых отношений. По этому признаку возможно провести своеобразное разделение в структуре регулирования права здравоохранения в ДФЕС. В данной работе затрагивается та часть Договора, в которой уделяется внимание непосредственно правовому регулированию здравоохранения и эту часть составляет единственная статья 168 раздела 14 «Здравоохранение» ДФЕС.

В настоящей работе регулирование Договором охраны здоровья будет рассмотрено как регулирование непосредственно права здравоохранения ЕС. Как отмечено выше в рамках регулирования права здравоохранения ДФЕС имеет особенность, которая состоит в том, что правовые положения Договора, регулирующие данную отрасль права заключены в одной статье 168 что не редко отмечается различными авторами.

«Раздел XIV «Здравоохранение» того же Договора, посвященный деятельности ЕС в рассматриваемой сфере, состоит из единственной статьи — 168 (часть третья «Внутренняя политика и деятельность Союза»)» [3].

Статья 168 ДФЕС имеет самое важное значение во всей системе права здравоохранения ЕС будучи источником правового регулирования первичного уровня, определяя общие черты права охраны здоровья и подчиняя себе все нижестоящие отраслевые правовые акты вследствие чего появление раздела 14 ДФЕС означало «установление законодательства в области здравоохранения на пути к тому, чтобы стать признанным аспектом законодательства ЕС.» [4, р. 5-6].

Поскольку первоначально Европейское сообщество было экономической организацией, лишь позднее ставшей универсальной то соответственно раздел, посвященный здравоохранению появился в первичном договоре не сразу, а в

* Настоящая статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-311-90015.

процессе развития компетенции интеграционной организации, при этом появление регулирования здравоохранения в первичном договоре является значимым для охраны здоровья в европейском праве. «Развитие того, что стало статьей 168 ДФЕС, знаменует расширение компетенции ЕС в области законодательства и политики в области здравоохранения.» [4, р. 5-6].

Как говорилось за рамками [2] настоящей статьи основная компетенция в сфере здравоохранения принадлежит странам-членам что не означает отсутствие у ЕС полномочий в области охраны здоровья. Европейский Союз имеет вспомогательную компетенцию что означает действия ЕС, направленные на поддержку действий стран-членов в различных формах. Правовые положения статьи 168 полностью соответствуют данному распределению компетенции и отображают это.

Из такой особенности компетенции исходит также и то, что полномочия ЕС, определенные в 168 статье жестко ограничены и определены, не всеобъемлюще определяя только самое основное. «Различные подразделы статьи 168 ДФЕС демонстрируют, что, хотя компетенция ЕС в области общественного здравоохранения может расширяться, несомненно, существуют пределы ее охвата, определяемые наиболее очевидно с точки зрения запрета на гармонизацию и нового акцента на субсидиарность. Также очевидно, что аспекты, обнаруженные в других областях законодательства ЕС, особенно в отношении форм управления, также присутствуют в здравоохранении, что может привести к выводу, что здоровье не является особым случаем. Действительно, похоже, что статья 168 ДФЕС жестко ограничена и что четкие статьи Договора, уполномочивающие ЕС принимать меры, влияющие на здоровье, являются лишь второстепенным элементом законодательства и политики ЕС в области здравоохранения.» [4, р. 30].

Следует рассмотреть положения данной статьи Договора и проанализировать их. В рамках настоящей статьи представляются интересом ряд пунктов, отображающих особенности регулирования.

Защита здоровья является одной из целей политики Европейского Союза и определяет действия ЕС, направленные на способствование достижению данной цели. В частности, в пункте 1 статьи 168 ДФЕС сказано о том, что в «деятельности Европейского Союза обеспечивается высокий уровень охраны здоровья.»

«При определении и осуществлении всех направлений политики и деятельности Союза обеспечивается высокий уровень охраны здоровья людей. Деятельность Союза, которая дополняет собой национальную политику, направлена на улучшение здравоохранения, профилактику болезней и недугов людей и предупреждение причин, создающих опасность для физического и психического здоровья. Эта деятельность в равной мере включает борьбу с крупными бедствиями, содействуя исследованию их причин, путей их распространения и способов их предотвращения, информирование и просвещение в вопросах здравоохранения, а также наблюдение за серьезными трансграничными угрозами здоровью, раннее предупреждение об их появлении и борьбу с ними.

Союз дополняет деятельность, проводимую государствами-членами в целях сокращения патогенных воздействий наркотических средств на здоровье, в том числе путем информирования и профилактики.» [1, п. 1].

Также следует обратить внимание на то, что компетенция в сфере здравоохранения является национальной и принадлежит странам-членам, а не самому ЕС что определяет действия ЕС как дополнительные к действиям стран-членов что также отображено в том же первом пункте рассматриваемой статьи, где сказано, что Союз дополняет деятельность стран-членов.

Необходимо рассмотреть также и следующий второй пункт настоящей статьи Договора.

«Союз поощряет сотрудничество государств-членов в сферах, указанных в настоящей статье, и, если необходимо, оказывает поддержку их деятельности. В частности, Союз поощряет сотрудничество государств-членов, направленное на улучшение взаимодополняемости их служб здравоохранения в пограничных регионах.

Государства-члены во взаимосвязи с Комиссией координируют друг с другом свою политику и свои программы в сферах, указанных в пункте 1. Комиссия в тесном контакте с государствами-членами может предпринимать любые инициативы, полезные для содействия этой координации, в частности инициативы по установлению ориентиров и указателей, по организации обмена передовой практикой и по подготовке необходимых материалов для периодических наблюдений и оценок. Европейский парламент подлежит информированию в полной мере.» [1, п. 2].

Здесь сказано о том, что Европейский Союз в рамках дополнительной компетенции имеет действия, направленные на стимулирование действий стран-членов и способствуя реализации ими своей компетенции в интересах развития европейского права здравоохранения. Также статья 168 предусматривает контроль со стороны ЕС который реализован в установлении стандартов качества, о чем сказано в пункте 4 [1, п. 4].

О поощрительных мерах говорится также и пункте 5 настоящей статьи, где уточняется что поощрение стран-членов ЕС возможно в рамках таких угроз здоровью как «крупные бедствия трансграничного характера» [1, п. 5] под которыми подразумеваются, в том числе, и пандемии что актуально в условиях распространения коронавируса.

Говоря в целом о статье 168 ДФЕС следует отметить, что она определяет базовый уровень взаимодействия ЕС и стран-членов в сфере здравоохранения. Определена вспомогательная функция наднационального уровня, имеющая различные механизмы реализации, например поощрения. На положениях, закрепленных в данной статье первичного договора основано все регулирование здравоохранения в ЕС включая все вторичные и иные правовые акты что усиливает значимость данной составляющей ДФЕС.

Пристатейный библиографический список

1. Договор о функционировании Европейского Союза (ДФЕС), разд. XIV, ст. 168.
2. Тюменцев В. О., Компетенция Европейского Союза в сфере здравоохранения // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. – 2021. – № 7 (83). – С. 87-92.
3. Четвериков А. О. От Европейского сообщества здравоохранения к Европейскому союзу здравоохранения: проект наднациональной медико-санитарной и исследовательской организации стран Европы и его историческая судьба // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 6. — С. 138-153. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.138-153.
4. The History and Scope of EU Health Law and Policy., TILEC Discussion Paper, Mary Guy, Wolf Sauter. - 18.01.2016.

ХАЙСАМ Н. М. Шакарна

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

АКТУАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧЛЕНОВ ПРАВЛЕНИЯ ПЕРЕД ТРЕТЬИМИ ЛИЦАМИ В ФРГ

Введение: актуальность исследования вопросов ответственности членов СД перед третьими лицами в ФРГ определяется различными факторами принципиального, объективного и правоприменительного содержания, поэтому автором поставлена цель исследования в обобщении актуальных особенностей правового механизма ответственности членов правления перед третьими лицами в немецком праве. **Методы** исследования определяются совокупностью методов научного познания, среди которых выделяются методы системности, формального и сравнительного правового анализа. **Результаты:** представленная авторская позиция обоснована нормами законодательства и тезисами правоведов по вопросу регулирования в Германии ответственности членов правления перед третьими лицами. На основании проведенного анализа систематизированы категории третьих лиц в корпоративном праве и классификация видов ответственности членов правления перед третьими. **Выводы:** в рамках исследования обоснована классификация третьих лиц как субъектов ответственности членов правления по правовому признаку предмета регулирования отношений (субъекты общей, договорной и пр. ответственности) и по функциональному признаку участия третьего лица в корпоративных отношениях (физические, юридические лица, органы власти и пр. субъекты корпоративных отношений, стейкхолдеры, за исключением акционеров, компании и ее органов управления). Систематизированы виды гражданско-правовой ответственности членов правления перед третьими лицами: внешняя и внутренняя ответственность коллективного и личного содержания, публичная ответственность, специальная ответственность за нарушения банкротного законодательства, протекционная ответственность за нарушения прав третьих лиц, установленных законом. Вместе с этим определены некоторые проблемы регулирования гражданско-правовой ответственности членов правления перед третьими лицами и аргументированы предложения по их решению путем коррекции законодательства.

Ключевые слова: члены правления; гражданско-правовая ответственность; совет директоров; акционерное общество; третьи лица.

HAYTHAM N. M. Shakarna

postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

THE CURRENT LEGAL MECHANISM OF RESPONSIBILITY OF MEMBERS OF THE MANAGEMENT BOARD TO THIRD PARTIES IN GERMANY

Introduction: the relevance of the study of the issues of responsibility of members of the Board of Directors to third parties in Germany is determined by various factors of principled, objective and law enforcement content, therefore, the author aims to generalize the actual features of the legal mechanism of responsibility of board members to third parties in German law. Research **methods** are determined by a set of methods of scientific cognition, among which the methods of systematic, formal and comparative legal analysis are distinguished. **Results:** the presented author's position is justified by the norms of legislation and the theses of legal scholars on the issue of regulation in Germany of the responsibility of members of the management board to third parties. Based on the analysis carried out, the categories of third parties in corporate law and the classification of types of liability of members of the Management Board to third parties are systematized. **Conclusions:** within the framework of the study, the classification of third parties as subjects of responsibility of members of the management board on the legal basis of the subject of regulation of relations (subjects of general, contractual, etc. responsibility) and on the functional basis of the participation of a third party in corporate relations (individuals, legal entities, authorities, etc. subjects of corporate relations, stakeholders, with the exception of shareholders, the company and its management bodies). The types of civil liability of members of the management board to third parties are systematized: external and internal liability of collective and personal content, public liability, special liability for violations of bankruptcy legislation, protective liability for violations of the rights of third parties established by law. At the same time, some problems of regulating the civil liability of members of the management board to third parties are identified and proposals for their solution by correcting legislation are reasoned.

Keywords: members of the management board; civil liability; board of directors; joint stock company; third parties.

Введение

Актуальность исследования современного правового механизма ответственности членов правления, которым в Германии выступает совет директоров (далее – СД) акционерного общества, обусловлена различными факторами.

Во-первых, общее правило индивидуальной ответственности за нарушение установленной обязанности члена СД реализует общий принцип немецкого обязательственного и корпоративного права, что закреплено в § 823 Гражданского кодекса ФРГ («Bürgerliches Gesetzbuch, BGB [2]»), в § 43 Закона о корпорациях с ограниченной ответственностью («Gesetz

betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung, GmbHG [3]»), в § 93 Закона ФРГ об акционерных обществах («Aktien-gesetz, AktG [1]»).

Во-вторых, представляется важной проблема обеспечения баланса интересов всех участников корпоративных отношений, среди которых выделяются интересы компании, акционеров, членов правления и третьих лиц, которыми могут выступать кредиторы, государство и другие заинтересованные субъекты (стейкхолдеры), поскольку в Германии несколько крупнейших акционеров владеют более чем 50% капитала. Акционерные коммерческие общества привлека-

ют на работу внушительное число трудоспособного населения Германии. Так в 2020 году в Германии функционировало 764904 корпораций акционерного типа, из них в 10808 таких компаний число работников превышало 250 человек [15]. Это увеличивает возможности для злоупотребления правами третьих лиц, которые могут устраняться с помощью сбалансированного применения соответствующих мер ответственности органов управления [12, с. 5].

В-третьих, в последние годы в нескольких делах ответчик в лице управленца - члена СД столкнулся с невыполнимым для него размером иска [4], [5], [6], связанного с недостатками в корпоративном руководстве, что стало причиной интенсивных споров об ограничении личной ответственности директоров в немецком корпоративном праве [14].

Таким образом, актуальность исследования вопросов ответственности членов СД перед третьими лицами в ФРГ определяется различными факторами принципиального, объективного и правоприменительного содержания.

Основное содержание

В начале анализа современного правового механизма ответственности членов правления перед третьими лицами в ФРГ следует обозначить ключевые признаки третьих лиц (нем. «Dritte») для последующей систематизации актуальных аспектов регулирования, применения этого вида ответственности в Германии, установления соответствующих проблем и обоснования предложений по их решению.

В отношении третьих лиц как субъектов корпоративного права и личной ответственности членов правления С. Вагнер отмечает, что третьим лицом может выступать не только физическое лицо, но, например, налоговое ведомство, орган социального страхования и др. субъекты гражданско-правовых отношений, которые реализуются в рамках обязанностей по управлению бизнесом, включающих: организацию коммерческой и пр. деятельности компании, проверку страхового покрытия деятельности компании, выплату налогов и обязательных сборов, выполнение решений НС, управление данными акционеров и др. участников корпоративных отношений, составление отчета о деятельности компании и пр. [16]

Томас Эдековен в этой связи отмечает, что правовые основы корпоративной ответственности перед третьей стороной обозначены нормами § 31, § 328 и пр. нормами BGB. При этом положения § 31 BGB предусматривают общую категорию ответственности компании за вред, причиненный акционеру, третьему лицу или другому субъекту членом Правления, другим уполномоченным субъектом в результате соответствующего действия. Нормы § 328 BGB устанавливают специальный вид ответственности любого контрагента перед третьим лицом – бенефициаром за ущерб, причиненный несоблюдением условий поименного договора, заключенного в пользу третьего лица, которое приобретает право требовать исполнения [17].

Вместе с этим, стоит обратить внимание на нормы отраслевого законодательства AktG, определяющих полномочия третьих лиц в рамках корпоративных отношений, поскольку нормы этого закона включают более 30 положений, непосредственно связанных с третьими лицами (см. § 26 об особых преимуществах; § 39 об условиях регистрации; § 67a об информации о корпоративных событиях; § 71d о приобретении акций третьими лицами; и т.д.).

Представленные данные позволяют привести соответствующую классификацию третьих лиц как субъектов корпоративных отношений и ответственности членов правления.

Относительно особенностей правового механизма ответственности членов правления перед третьими лицами в ФРГ следует указать, что санкции общего гражданско-правового характера в отношении компании в лице членов правления регламентированы различными нормами BGB. В этой связи Т. Эдековен аргументирует важность § 31 BGB о внешней коллективной гражданско-правовой ответственности компании за ущерб, нанесенный в рамках деятельности СД лицу, установленному по уставу третьей (заинтересованной) стороной [17]. В условиях общего представительства СД для реализации ответственности члена правления перед третьей стороной достаточно задолженности представителя от СД. При этом компания несет ответственность:

1) по юридическим основаниям возникновения обязанности по возмещению ущерба, которые отражают общеправовой обязательственный (формальный) признак рассматриваемой ответственности;

2) в случае активных противоправных виновных действий члена СД и в результате его халатного бездействия, что характеризует субъективный признак внешней коллективной гражданско-правовой ответственности перед третьим лицом;

3) за действия: по нарушению членами СД договорных обязательств компании, преддоговорных обязанностей сторон; по проведению несанкционированных мероприятий корпоративного характера; по формированию организационных недостатков внутри компании и в рамках непосредственно деятельности СД; и т.д. Эти виды неправомерных действий образуют объективные признаки анализируемой ответственности.

Схожие формальные, субъективные и объективные признаки гражданско-правовой ответственности членов правления перед третьими лицами

Как правило, правление в Германии подвергается претензиям со стороны компании (так называемая внутренняя ответственность). Однако возможна также прямая ответственность перед третьими лицами. Возможными заявителями являются кредиторы компании, инвесторы, акционеры и налоговые органы в условиях корпоративного кризиса.

Так называемая общая ответственность правления также имеет особое практическое значение для ответственности правления. В принципе, каждый член правления в Германии несет ответственность за действия каждого другого члена правления. Это приводит к широкому спектру сценариев ответственности.

Одновременно с внешней коллективной гражданско-правовой ответственностью компании за действия членов СД перед третьими лицами, как отмечает Т. Эдековен [17], может реализовываться внешняя личная ответственность членов СД согласно п. 2 § 840 BGB в случае наличия обязанности возмещения членом СД такого ущерба, а также налоговая ответственность членов правления и специальный вид ответственности в сфере банкротных корпоративных отношений.

В исследовании Б. Саласке обобщаются особенности регулирования солидарной ответственности членов СД, если закон, устав компании определяет соответствующее распределение и дублирование полномочий управленцев [11], что предполагает соответствующие корректировки действующего законодательства.

В мюнхенских комментариях [18, с. 101] и в совместном исследовании Е. Джексон и С. Уилсон [13] аргументируется вывод о том, что по отношению к третьим лицам, таким как кредиторы компании, правление несет ответственность в соответствии с общими положениями, предусмотренными законодательством о правонарушениях. Согласно закону

может быть предусмотрена ответственность перед третьими лицами, если правление нарушает правовые положения, которые являются «защитными законами» (англ. «protective laws») в пользу определенной группы людей. Например, положения, касающиеся мошенничества и нарушения фидуциарных обязанностей, и запрещение в соответствии с законом об акционерных обществах ложного представления о положении компании представляют собой нормы «защитных законов». Кредиторы могут ссылаться на личную ответственность руководства, если, например, директор намеренно организует публикацию неправильных годовых или полугодовых финансовых отчетов или промежуточных управленческих отчетов, или если директор заставляет компанию публиковать необязательную ложную информацию и т.д.

Следовательно, можно обозначить специальный (протекционный) вид внешней личной ответственности членов СД за нарушение прав третьих лиц, непосредственно установленных императивными нормами закона, реализация которого предопределяет целесообразность включения в нормы закона презумпцию вины ответчика при нарушении права, обозначенного законом.

В рамках обзора теоретико-правовых аспектов немецкого корпоративного права в контексте ответственности членов правления перед третьими лицами стоит указать на практические разъяснения экспертов научной службы Правительства ФРГ сферы корпоративного управления (Corporate Governance Kommission [10]). По исследуемым вопросам указанная экспертная комиссия разработала рекомендации по регулированию ответственности членов СД [9], которые среди прочего определяют:

- 1) актуальные аспекты личной внутренней и внешней ответственности членов СД перед третьими лицами в лице инвесторов, кредиторов, акционеров;
- 2) основные условия регулирования ответственности членов СД перед третьими лицами и др. субъектами корпоративных правоотношений по масштабу, по пределам регулирования, по уровню риска, по различным подходам к содержанию ответственности членов СД.

Результаты/обсуждение.

Обозначенные тезисы о внутренней и внешней ответственности членов СД перед третьими лицами позволяют провести их классификацию, определить соответствующие проблемы и аргументировать предложения по их решению.

В частности, представленные данные о категориях третьих лиц, применяемых в нормах законодательства, позволяют представить соответствующую классификацию третьих лиц как субъектов корпоративных отношений и ответственности членов правления, которую можно проводить по правовому признаку предмета регулирования отношений согласно § 31, § 328 BGB и др. нормам закона (субъекты общей, договорной и пр. ответственности) и по функциональному признаку участия третьего лица в корпоративных отношениях (физические, юридические лица, органы власти и пр. субъекты корпоративных отношений, стейкхолдеры, за исключением акционеров, компании и ее органы управления).

Из представленных исследований зарубежных авторов можно выделить внешнюю коллективную гражданско-правовую ответственность компании за действия членов СД перед третьими лицами и внешнюю личную ответственность членов СД в рамках соответствующих обязательств.

Следует полагать, что внутренняя коллективная компании за действия членов СД и личная гражданско-правовая ответственность этих управленцев перед третьими лицами

может реализовываться в рамках договорных внутрикорпоративных отношений.

Кроме этого стоит обратить внимание на публичную ответственность корпоративного органа управления перед третьими лицами, например, в рамках налоговых обязательств, поскольку члены СД берут на себя значительные налоговые обязательства компании, включая обязательства по налоговому и бухгалтерскому учету, обязательства по формированию, подаче налоговой декларации, обязательства по проведению обязательных платежей, обязательства по расчету и снятию налоговых вычетов и т. д.

Специальным видом ответственности членов правления перед третьими лицами можно выделить санкции за невыполнение обязанностей по предупреждению несостоятельности, своевременного оповещения о банкротстве.

К специальной ответственности членов правления перед третьими лицами также стоит отнести протекционную внешнюю личную ответственность членов СД за нарушения прав третьих лиц, установленных законом.

При анализе содержания и видов гражданско-правовой ответственности членов правления перед третьими лицами следует выделить поддерживаемые немецкими правоведами общие категории внешней и внутренней ответственности в рамках корпоративных отношений различного содержания. При этом целесообразно расширить выводы о протекционной внешней личной ответственности членов СД с учетом содержания норм законодательства, поскольку положения BGB непосредственно права третьих лиц в 45 параграфах, а содержание AktG – в 9 параграфах (см. § 115, § 134, § 149, § 162, § 216, § 243, § 255, § 278, § 322).

Например, положения § 216 AktG устанавливают правовой механизм защиты прав акционеров и третьих лиц (нем. «§ 216. Wahrung der Rechte der Aktionäre und Dritter»), который применяется в 12 других параграфах AktG и включает следующие нормы о статусе третьих лиц в контексте роста уставного капитала:

- 1) общий статус третьих лиц не зависит от изменения корпоративных активов, та как отношения прав различных субъектов, связанных с акциями, между собой не касаются увеличения капитала компании;
- 2) корпоративный статус третьих лиц, приобретающих акции, определяется индивидуальными правами в объеме оплаченных акций;
- 3) полномочия третьих лиц в рамках текущих обязательств не изменяются из-за коррекции объема корпоративного капитала, поскольку экономическая сущность договорных отношений, которые компания поддерживает с третьими сторонами, не затрагиваются увеличением капитала.

Резюмируя, можно обозначить следующие виды гражданско-правовой ответственности членов правления перед третьими лицами: внешняя коллективная и личная ответственность в рамках определенных обязательств корпоративной сферы отношений, внутренняя коллективная и личная ответственность за нарушения договорных обязательств субъектов компании, публичная ответственность за нарушения соответствующих обязательств перед субъектами власти, специальная ответственность за нарушения требований банкротного законодательства, специальная (протекционная) ответственность за нарушения прав третьих лиц, установленных законом.

Представленные тезисы характеризуются правоприменительными проблемами. Так в исследовании Б. Саласке, как отмечалось ранее, обобщаются особенности регулирования солидарной ответственности членов СД, если закон,

устав компании определяет соответствующее распределение и дублирование полномочий управленцев [11], что предполагает соответствующие корректировки действующего законодательства. В этой связи в первом предложении абз. 2 § 117 AktG установлено, что члены правления и наблюдательного совета несут ответственность как солидарные должники, если они действовали в нарушение своих обязанностей. Содержание указанных обязанностей не детализировано, что вызывает вопросы при установлении вида ответственности и разъясняется в судебных решениях [7], [8].

Поэтому предлагается дополнить первое предложение второго абзаца § 117 AktG следующими словами: «, установленных законом или уставом компании.».

Вместе с этим, при анализе тезисов о применении норм «защитных законов» отмечалось, что реализация протекционной внешней личной ответственности членов СД за нарушение прав третьих лиц, непосредственно установленных императивными нормами закона, предопределяет целесообразность включения в нормы закона презумпцию вины ответчика в случае нарушении подобного права, обозначенного законом. В этой связи в п.2 § 149 AktG установлены формальные нормы об уведомлении по иску, которые не отражают указанной презумпции.

Поэтому для обеспечения эффективного регулирования протекционной ответственности, предполагающей нарушение прав третьего лица, установленных законом, представляется логичным дополнить нормы п.2 § 149 AktG шестым предложением: «6 Третьи лица пользуются презумпцией вины ответчика в случае подачи иска о нарушении прав третьих лиц, установленных нормами настоящего закона.»

Заключение/выводы

Проведенный краткий анализ актуальных аспектов внутренней и внешней ответственности членов СД перед третьими лицами позволили обосновать их классификацию, определить соответствующие проблемы и аргументировать предложения по их решению путем коррекции законодательства.

В частности, классификацию третьих лиц как субъектов ответственности членов правления целесообразно проводить по правовому признаку предмета регулирования отношений (субъекты общей, договорной и пр. ответственности) и по функциональному признаку участия третьего лица в корпоративных отношениях (физические, юридические лица, органы власти и пр. субъекты корпоративных отношений, стейкхолдеры, за исключением акционеров, компании и ее органы управления).

Вместе с этим систематизированы виды гражданско-правовой ответственности членов правления перед третьими лицами: внешняя и внутренняя ответственность коллективного и личного содержания, публичная ответственность, специальная ответственность за нарушения банкротного законодательства, протекционная ответственность за нарушения прав третьих лиц, установленных законом.

Пристатейный библиографический список

1. Aktiengesetz (AktG). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.buzer.de/gesetz/4702/index.htm> (дата обращения 12.02.2022).
2. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.buzer.de/BGB.htm> (дата обращения 12.02.2022).
3. Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung GmbHG. [Электронный ресурс]. – Режим

- доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/gmbhgf/> (дата обращения 12.02.2022).
4. BGH, vom 15.09.2014 - II ZR 112/13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://openjur.de/u/759252.html> (дата обращения 12.02.2022).
 5. BGH, vom 12.10.2016 - 5 StR 134/15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://openjur.de/u/2115868.html> (дата обращения 12.02.2022).
 6. BGH, vom 12.03.2020 - IX ZR 125/17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://openjur.de/u/2201095.html> (дата обращения 12.02.2022).
 7. BGH, vom 30.06.2020 - II ZR 8/19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://openjur.de/u/2271130.html> (дата обращения 12.02.2022).
 8. LG München I, 21.10.2021 - 5 НКО 1687/19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://openjur.de/u/2362939.html> (дата обращения 12.02.2022).
 9. WD 7 - 3000 - 212/08. Wissenschaftliche Dienste des Deutschen Bundestages. Persönliche Managerhaftung. Das Privatvermögen von Managern als Haftungsobjekt. Ausarbeitung
 10. WD 7 - 3000 - 082/20. 8 Juli 2020. Die Haftung von Vorstand, Aufsichtsrat und Wirtschaftsprüfern gegenüber Aktionären.
 11. Burkhard Salaske. Haftung für Vereine und deren Organe. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vb-mittelhessen.de/content/dam/f0603-0/downloads/wir_fuer_sie/Engagement/VereinsLiebe/volksbank-mittelhessen--vereine.pdf (дата обращения 12.02.2022).
 12. De La Cruz, A., A. Medina and Y. Tang (2019), "Owners of the World's Listed Companies", OECD Capital Market Series, Paris. – 46 p.
 13. Jackson, Eugenia and Wilson, Sarah, Directors' Liability Discharge Proposals - The Implications for Shareholders (July 8, 2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cerhahempel.com/fileadmin/docs/publications/Birkner/Directors_Liabilities_-June_2008.pdf (дата обращения 12.02.2022).
 14. Mock, Sebastian. (2016). Limitation of the Personal Liability of Directors in German Corporate Law. SSRN Electronic Journal. 10.2139/ssrn.2887541.
 15. Rechtliche Einheiten nach zusammengefassten Rechtsformen im Berichtsjahr 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Branchen-Unternehmen/Unternehmen/Unternehmensregister/Tabellen/unternehmen-rechtsformen-wz08.html> (дата обращения 12.02.2022).
 16. Stefan Wagner Haftungsfragen rund um die Vorstandarbeit im Verband. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.schachbund.de/files/recht/downloads/haftungsfragen.pdf> (дата обращения 12.02.2022).
 17. Thomas Oedekoven. Haftung der Vorstandsmitglieder eines Vereins. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.daniel-hagelskamp.de/standpunkte/haftung-vorstand-verein> (дата обращения 12.02.2022).
 18. Wirth, Gerhard, Michael Arnold, Ralf Morshäuser and Mark E. Greene. Corporate law in Germany. Beck München. 2017. – 611 p.

БАЙНИЯЗОВА Зульфия Сулеймановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА И ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

В статье анализируются вопросы развития отечественной правовой системы и обеспечения единого правового пространства. Исследуется значение правовой системы в рамках осмысления ценностного аспекта ее организации и функционирования для выстраивания параметров единого правового пространства. Автором обосновывается положение о том, что правовая система выступает организующим фактором обеспечения единого правового пространства. Должная организация элементов правовой системы определяет характер национального правового пространства, влияет на проявление им требований системности, что в условиях динамично развивающихся общественных отношений является весьма актуальной задачей. В конце статьи приводятся аргументированные выводы о важности исследования дальнейшего развития правовой системы и единого правового пространства.

Ключевые слова: правовая система, правовое пространство, правовое регулирование, нормы права, правотворчество, правоприменение.

BAYNIYAZOVA Zulfya Suleymanovna

Ph.D. in Law, associate professor of State and law theory sub-faculty of the Law Faculty of the N. G. Chernyshevskiy Saratov National Research State University

THE LEGAL SYSTEM AND ISSUES OF ENSURING A UNIFIED LEGAL SPACE IN THE RUSSIAN STATE

The article analyzes the issues of the development of the domestic legal system and the provision of a unified legal space. The significance of the legal system is investigated within the framework of understanding the value aspect of its organization and functioning for building the parameters of a single legal space. The author substantiates the position that the legal system acts as an organizing factor in ensuring a unified legal space. The proper organization of the elements of the legal system determines the nature of the national legal space, affects the manifestation of the requirements of consistency, which is a very urgent task in the conditions of dynamically developing social relations. At the end of the article, reasoned conclusions are given about the importance of following the further development of the legal system and the unified legal space.

Keywords: legal system, legal space, legal regulation, legal norms, law-making, law enforcement.

Современный этап развития Российского государства характеризуется динамично развивающимися общественными отношениями и вместе с этим актуальность приобретает вопрос обеспечения единого правового пространства, на что, в частности, обращает внимание Указ Президента РФ от 10.08.2000 № 1486 (ред. от 26.12.2016) «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации»¹.

Единство правового пространства – необходимое условие развития экономического, информационного пространства, один из ключевых факторов общественного, правового и государственного развития. В особенности в современных условиях, когда динамизм общественных отношений становится неотъемлемой чертой социального развития, вопрос обеспечения единого правового пространства вызывает повышенный интерес, что, в свою очередь, объясняет необходимость обращения к исследованию роли правовой системы, как фактору, определяющему должные параметры организации правового пространства. Вопросы организации правового пространства с точки зрения параметров развития правовой системы важны и в условиях потребностей време-

ни вызывают большой интерес. Правовое пространство и правовая система тесно связаны между собой. Единство правового пространства представляет собой один из основных ориентиров развития отечественной правовой системы, в соответствии с которым в значительной степени должны определяться параметры ее организации и функционирования. На современном этапе развития Российского государства, обусловленном задачей своевременного и адекватного реагирования на вызовы времени, продиктованные, в частности, вопросами обеспечения и укрепления единства правового пространства, возникает объективная потребность в осмыслении качественно иных форм самоорганизации правовой системы. Изменение общественных условий, ориентиров государственно-правового развития вызывает необходимость совершенствования правовой системы, ее улучшения в качественном отношении. Вопрос о том, какой должна быть отечественная правовая система по своему характеру и уровню развития и, соответственно, как она должна реагировать на вызовы современности, представляет большую значимость.

Должная организация элементов правовой системы определяет характер национального правового пространства, влияет на проявление им требований системности. Полноценное правовое пространство представляет собой системное образование, в котором правовые явления образуют единство и направлены на решение общих задач. Обеспечение состояния системности в правовом пространстве страны

Байниязова З. С.

¹ Указ Президента РФ от 10.08.2000 № 1486 (ред. от 26.12.2016) «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2000. – № 33. – Ст. 3356; СЗ РФ. – 2017. – № 1 (Часть I). – Ст. 144.

позволяет решать проблемы реализации нормативно-правовых актов на всей территории государства, совершенствовать национальную правовую систему. Одним из основных условий достижения и сбалансированного правового пространства является устойчивая и сбалансированная правовая система общества, которая обеспечивает упорядочивание общественных отношений на основе права. Степень реализации норм права предполагает устойчивость и сбалансированность правовой системы на всех уровнях ее организации и функционирования. Выделяя то немаловажное обстоятельство, что, как подчеркивается в литературе, «понятие правовой системы позволяет синтезировать различные правовые явления, лучше отразить и представить общую картину...» [1, с. 98], в целом возникает необходимость в рассмотрении правовой системы с точки зрения ее возможностей, функциональных свойств эффективно воздействовать на общественные отношения, придавать им устойчивость. В исследовании вопроса о влиянии правовой системы на упорядочение общественных отношений, учитывая то, что обеспечение единства правового пространства во многом связано с правовым регулированием, большое внимание должно уделяться вопросам оптимизации правового регулирования. Прежде всего речь должна идти о преодолении дисбалансов и неустойчивости в правовом регулировании, что позволит на должном уровне упорядочить систему общественных отношений. Правовое регулирование должно обеспечивать координацию норм права, правоотношений, правовых актов, правотворчества, толкования права, правореализации и других составляющих правовой системы. Ухудшение правового регулирования может привести к дезинтеграционным процессам в отечественной правовой системе, к нарушению согласованности правовых явлений. В такой ситуации нелегко развивать правовую жизнь.

Эффективность правового регулирования заключается в достижении высокого уровня упорядоченности общественных отношений, что возможно путем должного функционирования правовой системы, использования необходимых правовых средств. В этой связи следует подчеркнуть, что эффективное обеспечение действия норм права возможно в правовой системе, в которой существует высокая степень согласованности ее элементов. В то же время правовое регулирование, выполняя различные функции в рамках правовой системы, позволяет ей быть динамичной.

В достижении динамичного правового регулирования важна согласованность правотворчества и правоприменения. Учитывая задачу обеспечения единства правового пространства страны, достижение скоординированного механизма действия правотворчества и правоприменения следует рассматривать в качестве одной из приоритетных задач отечественной правовой системы. Укрепление ценностных основ взаимодействия правотворчества и правоприменения является необходимым фактором, обеспечивающим эффективность правового регулирования, системное воздействие норм права на регулирование общественных отношений, укрепление правового пространства страны. В связи с усложнением общественных отношений, появлением новых вызовов в различных сферах жизни общества, в особенности в экономической сфере, возникает запрос на устойчивое развитие правовой системы, сбалансированное состояние правовой жизни общества посредством взаимосогласованного развития правотворчества и правоприменения в соответствии с их общими ценностными ориентирами. В литературе по этому поводу подчеркивается то, что «отечественная правовая система призвана закреплять и поддерживать стабильные отношения в государственно-организованном обществе» [2, с. 145]. В этой связи повышенное внимание государства состоянию национальной правовой системы, характеру взаимодействия в ней правовых явлений в целях оптими-

зации правового регулирования, усиления реализации права будет способствовать укреплению основ правового пространства.

Между правотворчеством и правоприменением важен именно сбалансированный механизм их сосуществования. В формате тесного взаимодействия правотворчества и правоприменения создаются необходимые условия реализации норм права. В то время как нарушение единства данных видов юридической деятельности приводит к тому, что воздействие правовой системы на жизнь общества будет недостаточно эффективным. В данном случае вопросы оптимизации правового регулирования связаны с реализацией норм права. Нормы права – это основное правовое средство, которое позволяет привести механизм правового регулирования в эффективное состояние.

Анализируя вопросы обеспечения единства правового пространства, следует подчеркнуть, что до сих пор нерешенными остаются вопросы организации отечественной правовой системы с точки зрения соотношения федеральных и региональных начал, прежде всего на правотворческом и правоприменительном уровнях. Выстраивание параметров механизма взаимодействия федерального и регионального уровней российской правовой системы – важный ключевой вопрос устройства правовой системы, так и в целом правового пространства страны, в особенности это связано с определением регионального аспекта организации правовой системы. Осмысление параметров организации отечественной правовой системы должно происходить с учетом регионального аспекта. Учет региональной составляющей является необходимым условием выстраивания согласованного механизма действия федерального и регионального уровней российской правовой системы, а также в целом укрепления единства правового пространства. Отечественная правовая система определяется единством составляющих ее территориальных уровней (федерального и регионального), каждый из которых обеспечивает основы ее функционирования, и только в своем системном единстве выражают параметры, необходимые для укрепления единства правового пространства страны.

Очевидно, что сегодня правовая система российского общества выступает в новой своей интерпретации с точки зрения параметров своей организации и функционирования. В современных условиях наблюдаются процессы возрастания ее юридической и социальной значимости, во многом связанное с тем, что правовая система выступает организующим фактором обеспечения единого правового пространства.

Исходя из приведенных положений, можно подчеркнуть, что несмотря на динамизм общественных отношений, тем не менее задача обеспечения единого правового пространства, укрепления его основ всегда относится к числу приоритетных задач, в реализации которой важна роль правовой системы. В рамках такого системного осмысления социальной ценности правовой системы и вопросов организации правового пространства можно определить факторы, необходимые для поступательного общественного, правового и государственного развития.

Пристатейный библиографический список

1. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2003. – 512 с.
2. Оксамытный В. В. Правовые системы в компаративистском измерении: история и современность // Вестник Брянского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 145-148.

ВЛАДИМИРОВА Галина Евгеньевна

доцент кафедры теории и истории государства и права Сургутского государственного университета

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ В 20-Х ГОДАХ XXI ВЕКА (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В данной статье будут рассмотрены особенности формирования гражданского общества в России, в частности в 20-х годах XXI века. Отмечается, что гражданское общество является неотъемлемой частью правового государства, а правовое государство – это один из главных признаков государства с демократической формой правления. Сделан вывод, что в настоящий момент в стране в целом существует снижение интереса общества ко многим элементам демократии. Подчеркивается, что, в отличие от западных стран, в России, вследствие отсутствия устойчивых исторических демократических традиций, сильна связь гражданского общества с государством, которое оказывает существенное влияние на процесс его формирования и развития, а иногда пытается поставить этот процесс под свой контроль. Рассматриваются динамика взаимодействия последних с органами государственной власти и местного самоуправления, а также основные проблемы, препятствующие их нормальному функционированию в российских регионах. Автор приходит к выводу, что зарождение гражданского общества в Российской Федерации проходило достаточно специфически. Специфичность формирования заключалась в том, что государство имело больший вес и значительную роль, формирование гражданского общества происходило в замедленном темпе, а также существовали различия по территориальному распространению постулатов гражданского общества в сознании людей. Как следствие – процесс формирования гражданского общества не был завершен и его институты развивались неравномерно.

Ключевые слова: гражданское общество, демократия, правовое государство, самоуправление, общество в России, политическая сфера.

VLADIMIROVA Galina Evgenjevna

associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Surgut State University

FEATURES OF THE FORMATION OF CIVIL SOCIETY IN RUSSIA IN THE 20-S OF THE 21ST CENTURY (THEORETICAL ASPECT)

This article will examine the features of the formation of civil society in Russia, in particular in the 20s of the 21st century. It is noted that civil society is an integral part of the rule of law, and the rule of law is one of the main features of a state with a democratic form of government. It is concluded that at the moment in the country as a whole there is a decrease in public interest in many elements of democracy. It is emphasized that, unlike Western countries, in Russia, due to the lack of stable historical democratic traditions, there is a strong connection between civil society and the state, which has a significant impact on the process of its formation and development, and sometimes tries to put this process under its control. The dynamics of the latter's interaction with state authorities and local self-government bodies, as well as the main problems hindering their normal functioning in the Russian regions, are considered. The author comes to the conclusion that the emergence of civil society in the Russian Federation was quite specific. The specificity of the formation was that the state had more weight and a significant role, the formation of civil society took place at a slow pace, and there were also differences in the territorial distribution of the postulates of civil society in the minds of people. As a result, the process of formation of civil society was not completed and its institutions developed unevenly.

Keywords: civil society, democracy, rule of law, self-government, society in Russia, political sphere.

Владимирова Г. Е.

Уже три десятилетия подряд Российская Федерация в соответствии с Конституцией преобразует все сферы общественной жизни в условиях новой социально-политической системы. В том числе это касается построения гражданского общества и правового государства. Большое количество ученых правоведов и социологов за эти годы исследовали гражданское общество.

Ни для кого не секрет, что гражданское общество – это совокупность множества элементов, среди которых можно назвать институты, коммуникации и ценности и его формирование проходит множество этапов и становление считается достаточно трудным. В процессе становления гражданского общества отсеиваются ненужные элементы и ценности и на свои места встают демократические механизмы.

Множество людей, в том числе в Российской Федерации, а также лидеры государств убеждены, что невозможно выстроить развитие страны и всех ее сфер без гражданского общества.

Власть представляет собой отношения между властвующим и подвластным, при этом властвующий навязывает свою волю подвластному и направляет его поведение. Она необходима для управления коллективом, так как является одним из главных средств обеспечения порядка в социальной общности.

Впервые идея ограничения государственной власти появилась в Древней Греции. Там начала формироваться современная модель государственности. Именно в Древней Греции была создана система политико-правовых категорий и принципов, которые сейчас составляют основу современного мировоззрения.

Древнегреческие представления о власти сформировались на основе мифологии.

Считалось, что государство и законы имеют божественное происхождение и имеют высшую справедливость. Источником возникновения системы ценностей древнегреческой цивилизации является демократическое устройство первых государств, основанных на принципе справедливости.

На наш взгляд, взаимосвязь гражданского общества и принципа разделения властей – это очень важная часть жизни демократического государства.

На протяжении многих веков общество по-разному видело идеальную модель государственного устройства. В процессе поиска идеальной модели была создана теория разделения властей. В теории государства и права, как и в других науках рассматриваются проблемы разделения властей. Исследуемый принцип закреплён в Конституции Российской Федерации [8, с. 41].

Основной мировой тенденцией XX века являлся приоритет модели правового государства, создание которого невозможно без принципа разделения властей. Стоит отметить, что принцип разделения властей может реализовываться лишь в правовом государстве, а правовое государство в свою очередь может реализовываться только в государствах с демократическим политическим режимом.

На наш взгляд, формирование гражданского общества в большей степени зависит от государства, которое определяет все пути развития.

В чем же заключается принцип разделения властей? Главная его цель – это недопущение захвата власти каким-либо органом или лицом, ведь это приведет к нарушению прав и свобод человека и гражданина. Каждая из ветвей власти должна быть независима друг от друга и не иметь возможности оказывать какое-либо влияние или давление.

Каждый сотрудник государственных органов может занимать определенные посты лишь в одной ветви власти, иначе принцип сдержек и противовесов потеряет смысл.

Вмешательство одной ветви власти не допускается под властью другой. Сферы реализации всех трех ветвей власти должны быть четко разграничены и не должны быть помехой друг для друга [4, с. 26].

Также принцип разделения властей прежде всего должен основываться на таком сотрудничестве, которое сдерживало бы каждую ветвь власти и ставило в определенные рамки. Этому способствует система сдержек и противовесов.

Разделение властей является сущностной характеристикой и результатом степени развития права, а также условием и предпосылкой для организации и функционирования государства, законности. Как известно, без разделения властей с эффективной системой сдержек и противовесов не может быть построено правовое государство, а вследствие этого не могут быть реализованы права и свободы человека и гражданина [5, с. 151].

Некоторые ученые высказывали свою точку зрения о том, что в стране формируется квазигражданское общество. Это связано со следующими обстоятельствами: глубокое расслоение общества на богатых и бедных, финансовая пропасть между регионами и центром, большое количество проблем с распределением ресурсов, плохо развитый средний класс и многое другое.

В настоящий момент в стране в целом существует снижение интереса общества ко многим элементам демократии, таких как низкая гражданская культура, политическая инертность.

Одной из особенностей Российской Федерации в построении гражданского общества является то, что данный процесс исходит от «верхов» и влечет за собой зависимость всех уровней. Конструктивная модель взаимодействия власти и гражданского общества в современных условиях становится преобладающей.

Безусловно, нельзя игнорировать действия органов государственной власти, ведь без должного управления невозможно построить государство и контролировать его жителей на любом уровне. Государство должно стимулировать развитие гражданского общества и с каждым годом совершенствовать его механизмы [6, с. 144].

Но стоит отметить, что безусловно существуют государства, которые всячески препятствуют построению гражданского общества и выступают за авторитарные режимы управления. На наш взгляд, гражданское общество и правовое государство должны действовать в единстве, на благо народа и не вступать в борьбу между собой.

Проблемы гражданского общества находят свое отражение в сознании граждан России. Они проявляются в отсутствии доверия к институтам государства и в том числе, к институтам гражданского общества [7, с. 100].

Гражданское общество, каким бы все хотели его видеть в стране невозможно без публичной сферы коммуникации субъектов.

Политические взгляды, человеческие идеалы начинают формироваться в публичной сфере. Таким образом граждане хотят установить полное равноправие и получить возможность управления обществом в максимальном количестве человеческих проблем.

Доверие граждан очень сильно повышает возможность взаимодействия их между собой. При этом оно помогает высказывать собственную позицию по каким-либо вопросам. Еще один важный элемент гражданского общества – это автономия. Она означает прежде всего признание прав и свобод человека и гражданина. Одним из факторов обновления и развития гражданского общества является использование некоммерческих организаций [2, с. 98].

Если рассматривать продвижение интересов населения, то можно отметить, что чаще в нашей стране используются негласные способы, чем легальные и публичные. Средства массовой информации не сильно озабочены жизнью граждан, в большей степени их внимание приковывает власть и бизнес, у которых есть свои ресурсы.

Возможно, сложности с участием граждан возникают в связи с тем, что в XX веке возможности участвовать в жизни страны фактически не было, и гражданское общество при СССР не имело реализации в области социальной политики. На сегодняшний день, наоборот, возможности участвовать закреплены на

нормативном уровне, но люди не всегда готовы посвятить этому время и силы [3, с. 83].

В Российской Федерации наблюдается довольно низкий уровень самоорганизации механизма социального регулирования общества. Отмечается специфика социокультурной модели взаимодействия общества и индивида в России. А именно: приоритет интересов общества над интересами личности. Многие правоведы высказали свою точку зрения на этот счет, что большинство граждан нашей страны в первую очередь заботятся об интересах личности.

На наш взгляд, следует создать активно действующий механизм, который сможет позволить гражданам активно реализовывать свои права в управлении обществом и государством. Необходимо создать активное взаимодействие между гражданами и организациями во всех сферах жизни общества.

Подводя итоги данной работы, можно сделать вывод, что гражданское общество в Российской Федерации – это не миф, а реальность, которая требует от государства и общества большой и сложной работы.

На наш взгляд, для формирования гражданского общества в России необходимо: формирование большого количества негосударственных организаций и групп, интеграция институтов гражданского общества, повышение заинтересованности средств массовой информации в освещении дел негосударственных организаций.

Также необходимо формирование у населения такие качества, которые позволили бы свободно мыслить, действовать в своих интересах и интересах государства.

В Российской Федерации необходимо формировать собственную систему гражданского общества, которая не будет ориентироваться на опыт зарубежных стран.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Бякина М. М., Качаева Т. А., Чекушкин А. Н. Проблемы взаимодействия институтов гражданского общества с органами государственной власти // Юность. Наука. Культура: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, Саранск, 18 декабря 2020 года. – Саранск: ООО «ЮрЭкспресс»; Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. – С. 96-100.
3. Висханова П. Г. Особенности формирования гражданского общества в России // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 3 (159). – С. 82-93.
4. Жинкина Т. Ю., Бапун Я. В. Особенности формирования гражданского общества в России // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. – 2015. – № 2-3 (66-67). – С. 25-30.
5. Ибатов Р. А. К вопросу о формировании гражданского общества в современной России // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сборник статей XX Международной научно-практической конференции: в 2 ч., Пенза, 10 июня 2019 года. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2019. – С. 150-153.
6. Котова В. В., Працко Г. С., Исакова Ю. И. Государство и гражданское общество // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы право применения: сборник статей по материалам XXIX международной научно-практической конференции, Москва, 01 ноября 2019 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Интернаука», 2019. – С. 143-148.
7. Курбанова С. А. Основные тенденции и проблемы взаимодействия гражданского общества и государства // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – № 4. – С. 99-101.
8. Попова А. Д. Особенности формирования гражданского общества в России в условиях догоняющей модернизации // Исторический журнал: научные исследования. – 2016. – № 1. – С. 40-50.

ГЛОБА Мария Викторовна

Исследователь. Преподаватель-исследователь. Ведущий юрист ООО «КОНСАЛТПРО», г. Москва

ОСНОВНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (ПРИЧИНЫ) СТАНОВЛЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ РОССИИ

Центральной задачей настоящего научного исследования является наиболее полное осмысление сущности правовых позиций высших судебных органов нашей страны* (по тексту – «судебных правовых позиций»). Выполнение данной задачи достигается путем рассмотрения в данной статье основных обстоятельств (причин) становления и эволюции судебных правовых позиций. Автор выделяет три ключевые группы таких обстоятельств: объективные или внешние, не зависящие от сознания и воли конкретного создателя судебных правовых позиций – социально-экономический, политический, культурно-исторический и техногенный; субъективные или внутренние, относящиеся к личности создателя судебных правовых позиций – правосознание и внутреннее убеждение судьи и специально-юридические, увеличивающие возможность возникновения судебных правовых позиций, – степень конкретизации законодательного регулирования определенного правового института и законодательное требование о вынесении мотивированного судебного решения. Выполненный анализ не направлен на определение исчерпывающего перечня обстоятельств (причин) становления и эволюции судебных правовых позиций, тем не менее он позволил более четко уяснить «суть» судебных правовых позиций.

Ключевые слова: судебная правовая позиция, судебные органы, причины эволюции судебных правовых позиций, правовое регулирование, судебное решение, общественные отношения.

GLOBA Mariya Viktorovna

Scientific investigator. Lecturer-scientific investigator. Leading lawyer LLC «KonsaltPro», Moscow

THE MAIN CIRCUMSTANCES (REASONS) OF THE FORMATION AND EVOLUTION OF THE LEGAL POSITIONS OF THE HIGHEST JUDICIAL BODIES OF RUSSIA

The central objective of this research is the fullest comprehension of the essence of the legal positions of the highest judicial bodies of our country¹ (hereinafter – “judicial legal positions”). The fulfillment of this task is achieved by considering in this article the main circumstances (reasons) of formation and evolution of judicial legal positions. The author identifies three key groups of such circumstances: objective or external, independent of the consciousness and will of a specific creator of judicial legal positions – socio-economic, political, cultural-historical and technogenic; subjective or internal, relating to the personality of the creator of judicial legal positions - legal consciousness and internal conviction of the judge and special-legal, which increase the possibility of judicial legal positions, the degree of specific legislative regulation of a particular legal ins The analysis performed is not aimed at determining the exhaustive list of circumstances (reasons) of formation and evolution of judicial legal positions, nevertheless, it allowed us to understand more clearly the “essence” of judicial legal positions.

Keywords: judicial legal position, judicial authorities, reasons of evolution of judicial legal positions, legal regulation, judicial decision, social relations.

Становление и эволюция правовых позиций высших судебных органов нашей страны не может происходить в отрыве от конкретных обстоятельств (причин). Данные причины в силу своих специфических особенностей в некоторой степени определяют правовую «суть» судебных правовых позиций. При этом процесс становления и эволюции судебных правовых позиций носит многоплановый характер. Это связывается с влиянием на них целой совокупности различных обстоятельств:

I. Объективные (внешние), не зависящие от сознания и воли конкретного создателя судебных правовых позиций: социально-экономический, политический, культурно-исторический, техногенный;

II. Субъективные (внутренние), относящиеся к личности создателя судебных правовых позиций: правосознание судьи и внутреннее убеждение судьи;

III. Специально-правовые, увеличивающие возможность возникновения судебных правовых позиций: уровень и степень детализации законодательного регулирования того или иного правового института, а также требование о вынесении обоснованного судебного решения [1, с. 140].

I. Объективные (внешние) обстоятельства (причины) становления и эволюции судебных правовых позиций:

1. Социально-экономические.

Закономерно, что от социально-экономических условий зависит не только качество жизни в стране, но и уровень работанности законодательства, качество нормотворчества, развитость судебной системы и др.

2. Политические.

Бесспорным считается, что политическая атмосфера, идеология, политическая активность населения, возмож-

* К ним автор относит Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации.

Глоба М. В.

ность существования различных политических партий, общественных движений и объединений влияет в т.ч. на судебную систему.

3. Культурно-исторические.

Сформировавшиеся в обществе в результате исторического развития ценности, взгляды, положения, обычаи и др. неизбежно воспринимаются судьями высших судов различных инстанций. Данные «идеи» могут быть положены в содержание судебных правовых позиций.

4. Техногенное.

Появление и усложнение научно-технических разработок вызывает необходимость внесения изменений в законодательство. Это связывается в т.ч. с появлением новых правоотношений, требующих правового регулирования. Судебные правовые позиции выступают наиболее гибким и быстрым средством, при помощи которого достигается такое правовое регулирование.

Указанные причины в той или иной степени влияют на содержание правовых позиций.

II. Субъективные (внутренние) обстоятельства (причины): правосознание и внутреннее убеждение судьи.

Стоит различать понятия «правосознание судьи» и «внутреннее убеждение судьи».

С. С. Алексеев, что под правосознанием стоит понимать такое средство регулирования общественных отношений, которое действует через сознание и волю людей и от которого зависит эффективность и результативность права [2, с. 68].

В. В. Ярков под внутренним убеждением понимает уверенность в правильности выводов о традиционных требованиях, предъявляемых к доказательствам [3, с. 198].

При создании правовой позиции и вынесении судебного решения, очевидно, что судья руководствуется правосознанием и внутренним убеждением.

III. Специально-юридические причины становления и развития судебных правовых позиций.

- Уровень и степень детализации законодательного регулирования того или иного правового института.

Объяснимо, что содержание и роль судебных правовых позиций зависит от качества законодательства: наличия пробелов, противоречий, неясностей и пр. Некоторые ученые указывают, что праву необходимо иметь такие инструменты, которые помогали бы устранять возможные ошибки в законодательстве [4, с. 4]. Полагаем, что одним из таких инструментов способны быть судебные правовые позиции.

- Законодательное требование о вынесении обоснованного судебного решения.

Хорошо известно, что в законодательстве и судебной практике России закреплено положение, согласно которому решения судов должны отвечать требованию обоснованности¹. Это означает, что судья не может принять судебный акт, не указав в нем достаточную аргументацию. Так как судебная правовая позиция всегда является частью судебного решения, то логичным представляется, что указанное выше зако-

дательное требование в полной мере распространяется и на нее.

Согласно пункту 3 Постановления Пленума Верховного Суда «О судебном решении»: «решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (статьи 55, 59-61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов»².

Рассмотренные в настоящей статье обстоятельства (причины) становления и эволюции правовых позиций высших судебных органов России помогли лучше понять содержание и значение судебных правовых позиций в правовом регулировании.

Пристатейный библиографический список

1. Глоба М. В. К вопросу о факторах формирования и развития правовых позиций высших судебных органов России // Научные исследования и современное образование. - 2021. - С. 139-141.
2. Алексеев С. С. Теория государства и права. - М.: Юрид. лит., 1985. - 480 с.
3. Ярков В. В. Гражданский процесс. - М.: Волтерс Клувер, 2000. - 224 с.
4. Овчинникова Н. О. Пробелы в уголовно-процессуальном праве России. - М.: Юрлитинформ, 2018. - 168 с.

¹ См: ст. 176 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ / Российская газета, 2015. - 11 марта. - № 49; ст. 176 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018) / Российская газета, 2002. - 27 июля. - № 137; ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ / Российская газета, 2001. - 22 декабря. - № 249; ст. 195 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ / Российская газета, 2002 г. - 20 ноября. - № 220.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» / Российская газета, 2003 г. - 26 декабря. - № 260.

ЗОЛОТУХИНА Татьяна Александровна

доктор юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Таганрогского института управления и экономики

О РОЛИ ПРЕЗИДЕНТА РФ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Законотворческий процесс является одним из центральных конституционно-правовых институтов современного российского государства, поскольку обеспечивает основное направление деятельности одной из ветвей власти — законодательной власти. При этом особое внимание автором статьи обращено на институт Президента РФ и его участие в законотворческом процессе, поскольку указанный субъект традиционно выступает ключевым звеном действующего государственного аппарата, что позволяет ему оказывать заметное влияние на деятельность законодательной власти.

В статье предпринят анализ роли и места Президента РФ в законотворческом процессе. Президент РФ обладает широкими полномочиями по участию в работе законодательных органов, а одной из основных сфер общения Президента РФ с Федеральным Собранием является область законотворчества, в рамках которой присутствуют такие формы взаимодействия, как реализация Президентом РФ права законотворческой инициативы, «право вето», согласительные процедуры по вопросам преодоления разногласий палат Федерального Собрания с главой государства, промульгация закона, восполнение пробелов в законодательстве.

В заключении делается вывод о том, что Президент РФ является важным субъектом законотворческой деятельности и может принять участие на любой стадии законотворческого процесса. Для повышения эффективности механизма законодательного сотрудничества Президента РФ и Федерального Собрания, а также уточнения и конкретизации пределов участия Президента России в законотворческом процессе целесообразно разработать и принять закон о правовом регулировании законотворческого процесса в Российской Федерации.

Ключевые слова: законотворческая деятельность, законотворческий процесс, полномочия, законодательные органы, Президент РФ, законотворческая инициатива, право вето, согласительные процедуры, промульгация закона.

ZOLOTUKHINA Tatyana Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Taganrog Institute of Management and Economy

ON THE ROLE OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE RUSSIAN LEGISLATIVE PROCESS

The legislative process is one of the central constitutional and legal institutions of the modern Russian state, since it provides the main direction of activity of one of the branches of government — the legislature. At the same time, the author of the article pays special attention to the institution of the President of the Russian Federation and his participation in the legislative process, since this subject traditionally acts as a key link of the current state apparatus, which allows him to exert a noticeable influence on the activities of the legislature.

The article analyzes the role and place of the President of the Russian Federation in the legislative process. The President of the Russian Federation has broad powers to participate in the work of legislative bodies, and one of the main areas of communication between the President of the Russian Federation and the Federal Assembly is the area of lawmaking, within which there are such forms of interaction as the implementation by the President of the Russian Federation of the right of legislative initiative, the “right of veto”, conciliation procedures for overcoming disagreements between the chambers of the Federal Assembly and the head of state, the promulgation of the law, filling gaps in legislation.

In conclusion, it is concluded that the President of the Russian Federation is an important subject of legislative activity and can take part at any stage of the legislative process. To increase the effectiveness of the mechanism of legislative cooperation between the President of the Russian Federation and the Federal Assembly, as well as to clarify and specify the limits of the participation of the President of Russia in the legislative process, it is advisable to develop and adopt a law on the legal regulation of the legislative process in the Russian Federation.

Keywords: legislative activity, legislative process, powers, legislative bodies, President of the Russian Federation, legislative initiative, veto, conciliation procedures, promulgation of the law.

Золотухина Т. А.

Исследуя правовой институт участия Президента РФ в законотворческом процессе следует, в первую очередь, обратиться к понятиям «законотворческая деятельность», «законотворческий процесс» и их соотношению.

Законотворческая деятельность (законотворчество) представляет собой работу, носящую творческий характер и состоящую из совокупности последовательных мероприятий по разработке, принятию, одобрению (отклонению), опубликованию и введению в действие федеральных консти-

туционных и федеральных законов. При этом в Российской Федерации главным элементом законотворчества выступает законотворческий процесс (порядок деятельности по созданию закона), то есть регламентированный нормами Конституции РФ, законов и иных нормативно-правовых актов процесс, связанный с внесением в нижнюю палату парламента проекта закона, его рассмотрением в обеих палатах парламента, принятием, одобрением (отклонением), опубликованием и введением в действие в качестве закона [11; 1; 7, с. 154].

Законотворческий процесс включает три основополагающие стадии: начальная (предпарламентская), в рамках которой в порядке законотворческой инициативы проект закона вносится в Государственную Думу; парламентская, на которой происходит предварительное рассмотрение и обсуждение внесенного проекта последовательно двумя палатами Федерального Собрания (сначала Государственной Думой, а затем Советом Федерации), его принятие в качестве закона Государственной Думой и последующее одобрение или отклонение Советом Федерации; послепарламентская, которой охватываются этапы утверждения закона главой государства, опубликования закона и введения его в действие.

Согласно Конституции Российской Федерации (статьи 94 и 105) высшим органом законодательной власти, принимающим все федеральные и в том числе федеральные конституционные законы, и ведущим законотворческую деятельность, выступает Федеральное Собрание, состоящее из двух палат - Государственной Думы и Совета Федерации. Принимаемые Федеральным Собранием законы обладают высшей юридической силой и имеют прямое действие на всей территории нашей страны. Актуальной целью законотворческой работы, осуществляемой Федеральным Собранием, является разработка и принятие законов как прямо предписанных Конституцией, так и законов, которые направлены на регулирование запросов общественного и государственного развития, охватывающих все области человеческого существования.

В законотворческом процессе участвует значительное количество субъектов, среди которых одним из важнейших является Президент РФ. Характер участия в законотворческом процессе данного субъекта определяют принадлежащие ему права и полномочия, установленные Конституцией. Осуществляя предоставленные ему права и обязанности, глава российского государства способен оказывать влияние на деятельность Федерального Собрания, входящего в единую систему государственной власти, и должен сопоставлять свои решения с нормативными подходами, сформулированными палатами парламента. В свою очередь, при осуществлении законодательного регулирования общественных отношений правовой позицией Президента РФ, выраженной в ежегодных посланиях Федеральному Собранию (в которых определяются основные направления внутренней и внешней политики государства и формулируется потребность их нормативного обеспечения), в бюджетных посланиях Правительству России, в таком концептуальном документе как доктрина национальной безопасности и др., должны руководствоваться как Федеральное Собрание в целом, так и каждая из его палат в отдельности.

В законотворческом процессе права Президента РФ сосредоточены на начальном и завершающем его этапах [6]. К ним относятся:

- право законотворческой инициативы, то есть право внести в нижнюю палату парламента, именуемую Государственной Думой, проекты законов по различным вопросам государственного значения, которые в обязательном порядке должны быть рассмотрены на ее заседаниях (ст. 104 Конституции). Это обусловлено статусом Президента РФ, являющегося главой государства и представителем Российской Федерации как внутри страны, так и на международной арене. Это проекты федеральных конституционных и федеральных законов, в том числе законов о внесении изменений в Конституцию РФ. Как отмечается в исследовании Н.В. Чубаковой и У.И. Соболя, путем законотворческих инициатив Президент

РФ регулирует наиболее значимые общественные отношения и решает стратегические вопросы [12]. По некоторым вопросам Президент наделен исключительным правом законотворческой инициативы: только он может внести на рассмотрение Федерального Собрания проект федерального конституционного закона об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта (ст. 12 Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ (ред. от 31.10.2005) «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»). В ряде случаев законотворческая инициатива Президента РФ представляет собой не право, а обязанность. Так, подписание Президентом РФ договора о разграничении полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъекта РФ влечет его обязанность внести в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проект федерального закона об утверждении данного договора (п. 8 ст. 26.7 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»). Такая же обязанность Президента РФ наступает при подписании международных соглашений, что следует из п. 1 ст. 16 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (ред. от 08.12.2020). Кроме того, в качестве специфического полномочия Президента РФ в рамках правовых позиций Конституционного Суда РФ рассматривается и право законотворческой инициативы по вопросу принятия федерального закона о роспуске законодательного (представительного) органа субъекта РФ (п. 4 ст. 9 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»). В ст. 104 Конституции РФ российский Президент назван первым в перечне субъектов права законотворческой инициативы и в последние годы активно поставляет законопроекты в Государственную Думу. В этой связи российский Президент участвует во всех без исключения стадиях законотворческого процесса, когда представляется и обсуждается либо отзывается инициативный им законопроект; вступает во взаимодействие с палатами Федерального Собрания в процессе прохождения своей законотворческой инициативы; сотрудничает с Правительством РФ, другими акторами законотворческой инициативы, а также с иными участниками, которые влияют на процесс правотворчества. Вместе с тем С.Е. Дробот указывает на определенную юридическую проблему, заключающуюся в том, что законопроекты, внесенные в Государственную Думу Президентом, палата рассматривает в первоочередном порядке и без предварительного контроля Конституционного Суда РФ. Однако в случае признания в последующем неконституционными отдельных положений таких законов и необходимости приведения их в соответствие с судебным актом Конституционного Суда РФ, может снижаться авторитет президентской власти [3]. Как справедливо утверждает Е.С. Сторожева, законотворческая инициатива позволяет Президенту РФ определять основные направления внутренней и внешней политики (ч. 3 ст. 80 Конституции РФ) [10]. Законотворческая инициатива Президента РФ является обязательным и действенным инструментом в реализации его конституционного статуса как активного участника в государственном управлении страной, так и «арбитра» [6];

• право подписывать и обнародовать в течение 14 дней с момента поступления федеральные законы, принятые Федеральным Собранием (ч. 2 ст. 107 Конституции). При этом «необходимо закрепить на уровне Конституции императивную норму, содержащую перечень вопросов, которые требуют принятия федеральных законов» [8]. В Основном законе Российской Федерации установлено правило о том, что законы, которые не были опубликованы, не подлежат применению. (Иногда мероприятия по подписанию закона главой государства рассматриваются как отдельная стадия в законодательном процессе либо как один из этапов, входящих в стадию принятия закона [1]).

Согласно порядку, предусмотренному ст. 107 Конституции РФ, федеральный закон вступает в силу лишь когда он одобрен Президентом России. Однако глава государства вправе возвратить законодательный акт в одну из палат Федерального Собрания в случае нарушения установленного в Конституции России порядка принятия федерального закона, и допущенные нарушения ставят под сомнение результаты волеизъявления палат Федерального Собрания и само принятие закона [см.: пункты 4 и 5 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 1996 г. № 10-П по делу о толковании отдельных положений статьи 107 Конституции Российской Федерации]. Таков ещё один механизм влияния Президента РФ на процесс законотворчества, который прямо не установлен в Конституции, но сформирован его практической деятельностью. Если Президент усматривает в ходе принятия или одобрения федерального закона нарушение установленной Конституцией процедуры его принятия или одобрения, он, будучи гарантом Конституции, не может считать такой закон принятым и подписывать его.

Наделение главы российского государства данным правомочием предоставляет ему возможность давать оценку законам, а также активно вмешиваться в законодательский процесс и существенно влиять на него, путем выражения несогласия с законодательным актом в полном объеме или с его отдельными статьями, и с соответствующим обоснованием возвращать его на новое рассмотрение в надлежащую палату Федерального Собрания. При этом как указывают Н.В. Чубакова и У.И. Соболев, в случае подписания своего закона он не сможет объективно и справедливо дать оценку его содержанию [12]. Вместе с тем С.Е. Дробот отмечает, что Конституция РФ не устанавливает правил на случай отказа Президента РФ от подписания и обнародования федерального закона. При этом на данный момент отсутствует и механизм ответственности Президента РФ на конституционном уровне за уклонение от обязанности подписания и обнародования федерального закона и не предусмотрен иной вариант санкционирования федерального закона, который не был подписан Президентом РФ [3];

• право отклонения федерального закона, который принят Федеральным Собранием, представляющее собой отлагательное вето, которое заключается в том, что главе российского государства предоставляется право отклонить принятый и одобренный палатами Федерального Собрания федеральный закон, который, однако, не вступил в силу. Данное право является особенно важным способом участия Президента РФ в законодательном процессе и представляет собой колоссальный инструмент его влияния на законодательскую работу парламента. Наделение Президента РФ как одной из ветвей власти в системе разделения властей правом отлагательного вето направлено на недопущение вступления в силу федеральных законов низкого качества юридической

техники. Сущность отлагательного вето заключается в том, что федеральный закон, принятый парламентом, Президент РФ не подписывает, а возвращает в соответствующую палату парламента для повторного рассмотрения. Вместе с тем ч. 3 ст. 107 Конституции РФ допускает возможность преодоления парламентом подобного вето. Конституционный Суд РФ ввел требование, согласно которому Президент РФ обязан сообщить парламента мотивы неподписания принятого федерального закона [см.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 1996 г. № 10-П «По делу о толковании отдельных положений статьи 107 Конституции Российской Федерации»]. Сообщая мотивы отклонения федерального закона, Президент может либо рекомендовать парламента снять закон с рассмотрения, либо предложить собственную редакцию этого закона как в целом, так и отдельных его статей, а также направить полномочного представителя Президента в специальную согласительную комиссию для выработки компромиссного решения с целью урегулирования разногласий между ветвями власти, возникших при подписании закона. Если вето Президента преодолено Государственной Думой, Президент РФ имеет право изложить свои мотивы отклонения закона Совету Федерации. Е.С. Сторожева верно отмечает, что использование Президентом РФ отлагательного вето оказывает заметное влияние на существо законов, которые принимает Федеральное Собрание [10]. Если Федеральное Собрание соглашается с доводами главы государства, то в законопроект вносятся соответствующие изменения, и он направляется в Государственную Думу на повторное рассмотрение и принятие в качестве закона, а если доводы Президента не приняты, то закон проходит процедуру одобрения в редакции, принятой первоначально. При повторном рассмотрении закона для его одобрения в ранее принятой редакции требуется квалифицированное большинство голосов членов парламента, равное 2/3 от общего их числа. И в этом случае федеральный закон в течение пяти дней должен быть направлен Президенту РФ для безусловного подписания в 7-дневный срок (пусть даже Президент с ним вновь не согласен, поскольку повторное вето на законодательный акт наложить нельзя), после чего опубликован и введен в действие;

обязанность подписания и обнародования федеральных конституционных законов, принятых Федеральным Собранием, установленная в ст. 108 Конституции РФ. Запрет Президенту в наложении вето на федеральные конституционные законы вполне логичен, ибо для преодоления президентского вето в Федеральном Собрании необходимо, чтобы данный закон был поддержан менее строгим (2/3) квалифицированным большинством голосов, чем для его принятия (3/4). Вето Президента здесь было бы бессмысленным и практически невозможным [4, с. 39];

• право внесения предложений о поправках и пересмотре положений Конституции РФ, установленное в ее ст. 134;

• право присутствовать через своих полномочных представителей на заседаниях палат в процессе рассмотрения и обсуждения законопроектов и вносить поправки к ним, что регламентируется Указом Президента РФ от 7 ноября 2005 г. № 1277 «О внесении изменений в Положение о порядке взаимодействия Президента Российской Федерации с палатами Федерального Собрания Российской Федерации в законодательном процессе, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 1996 г. № 549» (в редакции Указа Президента РФ от 15.07.2008 № 1095), а также Указом Президента РФ от 22 июня 2004 г. № 792 (в редакции Указа

Президента РФ от 12.02.2015) «О полномочных представителях Президента Российской Федерации в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации». Полномочные представители доводят на заседаниях до сведения членов палат парламента позицию Президента РФ по спорным положениям обсуждаемых законопроектов и разъясняют ее.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что Президент РФ играет важнейшую роль в законотворческом процессе. Он вправе принимать участие на любых стадиях процесса принятия закона: предпарламентской, парламентской и послепарламентской, и обладает обширными возможностями регулярно влиять на законотворческую деятельность, ведущуюся обеими палатами парламента, чтобы продвигать свои политические идеи и проекты в законодательной сфере (право законотворческой инициативы) и чтобы активно противодействовать проектам законов своих политических оппонентов (право отлагательного вето). Российский Президент может также участвовать в парламентских процедурах, предусмотренных как Конституцией РФ, так и регламентами палат Федерального Собрания, а также подробно описанных в специальной монографической и периодической юридической литературе [7, с. 155-156; 9, с. 121-129; 1]. Так, в случае наложения Советом Федерации отлагательного вето по федеральному закону и при создании согласительной комиссии [5] для преодоления разногласий между палатами парламента (что является наиболее эффективным способом выработки согласованного решения между двумя основными участниками законотворческого процесса), в ее работе принимает участие представитель Президента России, обладающий правом совещательного голоса. В то же время Президенту РФ как субъекту права законотворческой инициативы предоставлено право вносить поправки в законопроекты, рассматриваемые Государственной Думой на этапе второго чтения, а также право вносить им свои законопроекты как срочные и подлежащие рассмотрению во внеочередном порядке.

Как отмечает Е.Б. Бондарец, с целью генерации единообразного политического курса страны и поиска компромиссных решений по спорным вопросам в области законотворчества Президент РФ сотрудничает с палатами парламента как напрямую, так и с привлечением своих совещательных и вспомогательных органов [2].

Этот процесс осуществляют следующие органы: 1) Главное управление внутренней политики и 2) Главное государственно-правовое управление Президента России. Цель деятельности первого заключается во взаимодействии с членами обеих палат парламента, чтобы обеспечить поддержку в Федеральном Собрании предлагаемых Президентом РФ законопроектов и формулируемых им стратегических направлений развития внутри страны и на международной арене. В свою очередь, второе управление является юридико-правовым центром власти президента в сфере законотворчества, где готовятся законопроекты с целью внесения их в нижнюю палату парламента Президентом РФ.

Чтобы повысить эффективность механизма сотрудничества Президента РФ и российского парламента в законодательной сфере, а также уточнить и конкретизировать пределы деятельности Президента России в процессе законотворчества, целесообразно поддержать предложение К.А. Ковалевой о необходимости разработать и принять закон о

правовом регулировании законотворческого процесса в Российской Федерации [6].

Итак, Президент, которому Конституцией РФ предоставлены соответствующие права и полномочия в сфере законотворчества, является важной персоной процесса принятия законодательных актов. Он может реализовывать свои полномочия на любой стадии законотворческого процесса. При этом наиболее значима его роль на послепарламентской стадии процесса принятия закона при осуществлении мероприятий по санкционированию и подписанию закона либо наложению на принятый закон отлагательного вето главы государства.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамова А.И. Современный законодательный процесс Российской Федерации: стадии и проблемы их совершенствования // Журнал российского права. 2007. № 2.
2. Бондарец Е.Б. Анализ конституционно-правовых полномочий Президента Российской Федерации в сфере правотворчества // Закон и право. 2012. № 11.
3. Дробот С.Е. Президент РФ и Федеральное Собрание: некоторые аспекты разделения и взаимодействия властей в законодательной сфере // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 8. С. 25-30.
4. Законодательство России в XXI веке / Под ред. Ю. А. Тихомирова. По материалам 318 научно-практической конференции. Москва, 17 октября 2000 г. М.: Городец-издат, 2002.
5. Кистринова О. В. Согласительные процедуры в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 8.
6. Ковалева К.А. Реализация Президентом Российской Федерации права вето на «экономические законы» как форма опосредованного участия в управлении социально-экономической сферой // Современное право. 2015. № 9. С. 38-43.
7. Кочетков А. В. Стадии законодательного процесса как формы проявления правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 4.
8. Литвинов С. С., Крумина А. Д. Проблемные точки взаимодействия Президента РФ и Федерального Собрания РФ // Молодой ученый. 2018. № 31 (217). С. 69-71.
9. Нисневич Ю. А., Платонов В. М., Слизовский Д. Е. Законодательная деятельность: Политико-правовой анализ. Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2007.
10. Сторожева Е.С. Участие Президента Российской Федерации в законотворческом процессе // Отечественная юриспруденция. 2017. № 5 (19). Том 2. С. 7-10.
11. Хамуков А. В. Законотворческий процесс и законодательный процесс: разграничение и соотношение // Российская юстиция. 2010. № 6.
12. Чубакова Н.В., Соболев У.И. Особенности правового регулирования участия Президента Российской Федерации в законодательном процессе // Молодой ученый. 2021. № 10 (352). С. 135-139.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-2-165-69-70

ЛАРИНБАЕВА Ильмира Ишмурзовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета

ВАСИЛЬЕВ Александр Викторович

кандидат политических наук, доцент кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ

Авторы обращаются к дискуссионному вопросу о месте прав, характеризующихся как экономические, в общей совокупности прав и свобод человека и гражданина. Так, указывается, что в юридической литературе существует несколько подходов в решении указанного вопроса, причем диаметрально противоположных. Авторы присоединяются к позиции ученых, дополнительно аргументируя вывод о том, что экономические права следует рассматривать как самостоятельную группу ввиду отличительных особенностей, присущих экономическим правам.

Ключевые слова: социальные права, экономические права, социально-экономические права, глобализация.

LARINBAEVA Ilmira Ishmurzovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Bashkir State University

VASILJEV Aleksandr Viktorovich

Ph.D. in political sciences, associate professor of Social and political communications sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Bashkir State University

ON THE QUESTION OF THE LEGAL NATURE OF ECONOMIC RIGHTS

The authors address the debatable issue of the place of rights, characterized as economic, in the totality of the rights and freedoms of man and citizen. Thus, it is indicated that in the legal literature there are several approaches to solving this issue, and diametrically opposed. The authors join the position of scientists, additionally arguing the conclusion that economic rights should be considered as an independent group due to the distinctive features inherent in economic rights.

Keywords: social rights, economic rights, socio-economic rights, globalization.

Глобализация как процесс, затрагивающий экономику, политику, культуру, религию, неизбежно влечет изменения и в национальных правовых системах. «Глобализация как объективный показатель развития человечества затрагивает все аспекты современной жизни [4], в том числе под влияние попадают и экономические права граждан. В научной литературе справедливо отмечается, что право наряду с иными формационными элементами, такими как государство и экономика, являются значимыми ценностями, существование которых – важнейшая ступень на пути к цивилизованному обществу [9]. Не являются исключениями правовая и экономическая системы России. Последние, претерпевая влияние мирового культурного прогресса, развиваются, в том числе, посредством реализации экономических прав граждан.

Экономические права, закрепленные в международных документах и перцепированные национальным законодательством, являются одним из основных элементов экономической системы страны, устанавливая пределы свободы граждан и оказывая влияние на политический курс в экономической сфере. К основным экономическим правам относят: возможности применять свои способности и использовать имущество с целью осуществления любой экономической деятельности, не запрещенной законом; возможности иметь имущество на законном основании, а также возможности реализовывать правомочия собственника либо самостоятельно, либо с привлечением третьих лиц; возможность иметь землю в собственности; возможности выбирать среди множества видов профессию, свободно трудиться.

Вопрос, касающийся места экономических прав в единой совокупности прав и свобод личности, относится к числу дискуссионных. Отметим, что независимо от того, что международное и национальное законодательство рассматривает экономические права в качестве отдельной группы прав, путем их упоминания среди гражданских, политических и иных прав, некоторые исследователи отрицают их самостоятельный характер, утверждая, что исследуемые права следует рассматривать в ряду социально-экономических прав вместе с иными правами, входящими в группу последних [3], [2]. Как справедливо отмечается в юридической литературе, если в качестве критерия обратиться к субъектам и целям прокламирования, можно говорить о признаках, позволяющих разграничить социальные и экономические права [3].

В то же время в юридической литературе встречается и иной подход, в рамках которого экономические права рассматриваются как относительно обособленная группа в общей системе прав и свобод личности. Например, А. М. Вагина считает, что исследуемую группу прав следует рассматривать как самостоятельную подгруппу прав, относящихся к числу основных, и которая представляет собой взаимозависимые звенья осуществления субъективных прав, которые обеспечивают свободу предпринимательской деятельности, гарантируют частную собственность, предоставляют возможности для проявления способностей и в конечном итоге направлены на удовлетворение имущественных потребностей [1]. Применительно к анализируемым правам Д. Н. Дружинин отмечает, что последние являются правовой формулой, определяющей юридический статус субъектов в экономиче-

ском обороте, а также определенные возможности любого лица принимать активное участие в экономической жизни страны, в связи с чем, углубленное научно-практическое исследование с целью выработки предложений эффективной реализации экономических прав, видится актуальным направлением для изысканий [5].

Достаточно аргументированной выглядит позиция Н. В. Путило о целесообразности рассмотрения экономических прав с точки зрения самостоятельной группы. Ученый в качестве последней выделяет группу «рыночно-экономических» прав и свобод, которые обеспечивают свободу любой, приносящей доход, деятельности, при этом в качестве дополнительного аргумента указывает на существенные различия экономических и социальных прав [7]. Например, Н. В. Путило обращает внимание на легальное закрепление рассматриваемых прав и отмечает, что социальные права были введены в законодательство позже, чем право частной собственности [7].

На наш взгляд, подход, в рамках которого обосновывается самостоятельность экономических прав, заслуживает поддержки. Несмотря на то, что и социальные и экономические права направлены на удовлетворение имущественных потребностей, тем не менее и первые и вторые характеризуются отличительными особенностями. Так, благодаря наличию экономических прав, лицо, пользуясь социальными благами, удовлетворяет имущественные и неимущественные потребности. Например, занимаясь предпринимательством, субъект извлекает прибыль, которую в дальнейшем, после внесения обязательных платежей, использует по своему усмотрению; реализует правомочия собственника, аналогично, по своему усмотрению.

В то время как социальные права реализуются с целью получения каких-либо благ обществом в целом. Так, государство всегда выделяет группу лиц, которым предоставляется льготный режим в чем-либо. Справедливым представляется также положение о том, что экономические права влияют на юридический статус личности в экономическом обороте и больше зависят от индивидуальных личностных признаков, в то время как социальные всегда зависят от общества, стремящегося к социальному благополучию каждого гражданина, и которое в большей степени зависит от участия государства в этих процессах [8].

В завершение хотелось подчеркнуть, что основные экономические права играют значимую роль в создании эффективной политической и экономической системы в России, являются важным элементом юридического статуса личности, они обеспечивают свободу человека в экономической сфере, предоставляют ему возможность осуществления и защиты своих основных имущественных потребностей. В связи с чем, дальнейшее теоретическое осмысление, анализ сущности и содержания основных экономических прав и свобод представляется перспективным направлением научно-практических исследований.

Пристатейный библиографический список

1. Вагина А. М. Экономические права человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2005. – С. 5.
2. Соловьев А. А. К вопросу о разграничении экономических и социальных прав граждан как самостоятельных групп конституционных прав и их защита средствами прокурорского надзора // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 1. – С. 38-42.
3. Гаврилова Ю. В. Экономические права в системе прав человека // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2008. – № 1 (21). – С. 9.
4. Гатилов С. М. Глобализация, диалог культур и ООН // Диалог культур в условиях глобализации: XI Международные Лихачевские научные чтения, 12-13 мая 2011 г. Т. 1: Доклады. – СПб.: СПбГУП, 2011. – С. 46.
5. Дружинин Д. Н. Экономические права и свободы граждан РФ: конституционно-правовой аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2003. – С. 3.
6. Плотникова И. Н. Основные экономические права человека и гражданина: особенности конституционного регулирования // Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей. Выпуск 17. – 2018. – С. 134-144.
7. Путило Н. В. Социальные права граждан: история и современность. – М.: Юриспруденция, 2007. – С. 99-100, 185.
8. Рудинский Ф. М., Гаврилова Ю. В., Крикунова А. А., Сошникова Т. А. Экономические и социальные права человека и гражданина: современные проблемы теории и практики / Под общ. ред. Ф. М. Рудинского. – М., 2009. – С. 51-52.
9. Стремоухов А. В. Экономические права человека в России как результат мирового культурного развития // Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения, 17-18 мая 2012 г. Т. 1: Доклады. – СПб.: СПбГУП, 2012. – С. 435.

МАЛИКОВА Азиза Хорисовна

доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета

СООТНОШЕНИЕ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ФОРМ ПРАВА

В статье обоснован тезис о том, что формирование социально-правового государства возможно при условии закрепления его признаков в социальных нормах, а именно в правовых нормах. Вместе с тем, расположение или иерархичность источников (форм) права определяет эффективность реализации наилучших на сегодня форм государственности. Настоящая научная статья представляет практическую ценность для законодателей, политиков, исследователей, интересующихся вопросами естественного, объективного совершенствования институтов государства и права.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, правовое государство, социальное государство, источники (формы) права.

MALIKOVA Aziza Khorisovna

Ph.D. in Law, professor of Theory of law and philosophy sub-faculty of the Samara State University of Economics

CORRELATION OF FORMS OF STATE AND FORMS OF LAW

The article substantiates the thesis that the formation of a socio-legal state is possible if its features are enshrined in social norms, namely in legal norms. At the same time, the location or hierarchy of sources (forms) of law determines the effectiveness of implementation of the best current forms of statehood. The present scientific article is of practical value for lawmakers, politicians, researchers interested in the issues of natural, objective improvement of the institutions of state and law.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, rule of law, social state, sources (forms) of law.

Согласно Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 г., основами конституционного строя являются: демократия, правовое государство, социальное государство, светское государство, государственное устройство – федеративное, форма правления – республиканская, неприкосновенность частной собственности, равенство всех форм собственности, суверенитет и пр.¹

Остановимся на понятии правового и социального государства. Названные две формы государственности не могут состоять друг без друга.

В основе основ конституционного строя лежит, или, наоборот, перечень базовых принципов, характеристик устройства государства и общества возглавляет одна из главных категорий юридической науки – государство правовое, которое на сегодня является наилучшей концепцией государственности. Теоретические разработки о правовом государстве встречаются уже в трудах Платона и Аристотеля. Научные исследования, посвященные правовому государству, велись непрерывно, продолжают по настоящее время, и совершенствоваться названная концепция будет в дальнейшем пока существует правовая наука. Россия провозглашается ч. 1 ст. 1 Конституции РФ правовым государством.

Среди главных признаков правового государства следует обозначить:

- 1) официальное закрепление и обеспечение прав и свобод человека;
- 2) верховенство правового закона;
- 3) обособление властей законодательной, исполнительной и судебной.

Современное правовое государство предполагает и соответствующую степень развитости гражданского общества, под которым можно понимать, помимо прочего, относительно независимую от государства саморегулирующуюся сферу жизнедеятельности людей. Научную разработку по вопросам отождествления и, наоборот, различения гражданского общества и государства начали проводить раннебуржуазные мыслители XV-XVI вв. Несомненным сегодня является то, что

гражданское общество может работать в условиях плюралистического, открытого общества.

Конституция страны (ч. 1 ст. 7) провозглашает себя как социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Резко критикуя теорию социализма и коммунизма в решении социальных вопросов, немецкий ученый Лоренц фон Штейн (1850 г.) в противовес ей разработал для преодоления резкой поляризации между богатством и бедностью концепцию социального государства [4].

Главными признаками современного социального государства является законодательное оформление:

- разницы в оплате труда, которая не должна превышать 10 раз (как, например, в странах, признанных социальными);
- дифференцированного налогообложения доходов (прогрессивного налогообложения) [3];
- минимальных размеров стипендий, заработных плат, пенсий и т.п., которые должны обеспечивать прожиточный минимум;
- конституционное закрепление не только права на труд, но и обязанности трудиться (как это закреплялось в советских конституциях). Государство таким образом будет нести ответственность за создание рабочих мест;
- ответственности государственных органов, учреждений, должностных лиц за необеспечение социально-экономических, культурных прав граждан; и др. [1].

Важно отметить, что формирование социального государства возможно только в правовом, светском, демократическом государстве, где функционирует гражданское общество, и в котором, как было отмечено выше, требования социального государства должны быть закреплены в социальных нормах, а точнее в правовых нормах. Эффективность развития социально-правового государства зависит от оформления его признаков в источниках (формах) права.

Цивилизация выработала множество норм, правил, регуляторов общественных отношений. Данные нормы получили наименование социальных. Юриспруденция, руководствуясь критериями: способ формирования, сфера действия, социальная направленность, подразделяет социальные нормы на различные виды. Таким образом, норма права является единственным регулятором общественных отношений. Развивающиеся общественные отношения регулируют и охраняют существующие ранее и обогащающиеся нормы неправовые, тоже имеющие важную значимость.

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 14.02.2022 г.)

Нарушение социальных норм, за исключением правовых, может влечь только одно наказание – сильное общественное осуждение (порицание).

Признаками норм права (данними признаками не обладают другие социальные нормы) являются, выраженные в нормативно-правовых актах:

- системность (нормативно-правовые акты находятся в определенной системе, т.е. имеют иерархию; каждый нижестоящий акт должен соответствовать вышестоящему; и т.п.);

- общеобязательность (обязательны для всех, кому они адресованы; действуют, не ограничиваясь кругом определенных лиц, во времени и в пространстве);

- формальная определенность (выступают всегда только в письменной форме; излагаются точно, однозначно, лаконично; рассчитаны на многократное применение; являются результатом деятельности законодательных и других государственных органов власти и управления; принимаются в установленном законом порядке);

- санкционированность (в случае их нарушения предполагают применение государственного воздействия в виде санкций в отношении нарушителей).

В юридической науке выделяют виды норм права в зависимости от различных оснований их классификации, например:

- по форме (категоричности) предписания:

- императивные, т.е. нормы публичного права (одной из сторон здесь всегда выступает государство, поэтому нормы публичного права представляют собой категорические, властные предписания, допускают только один вариант трактовки, отступления от них не допускаются. Публично-правовые отношения носят вертикальный характер, так как связаны с подчинением императивным нормам. Императивными являются нормы в основном конституционного, уголовного, административного, финансового, уголовно-процессуального, гражданско-процессуального, экологического права и нормы других отраслей права);

- диспозитивные, т.е. нормы частного права (субъектами частноправовых отношений являются лица – физические и юридические. Диспозитивные нормы предписывают определенный вариант поведения, но при этом предоставляют субъектам возможность выбора другого варианта в законных пределах, поэтому частноправовые отношения основаны на равноправии сторон, т.е. имеют горизонтальный характер. В этих нормах, как правило, содержится дополнение «если иное не установлено договором». Диспозитивные нормы содержатся, по большей части, в гражданском, семейном, предпринимательском, трудовом, банковском и других отраслях права);

- в зависимости от цели:

- регулятивные, т.е. материальные правовые нормы (предписания, непосредственно устанавливающие права и обязанности участников правоотношений, структуру государственных органов, строй государства и т.д.);

- охранительные, т.е. процессуальные правовые нормы (предписания, регулирующие порядок, процедуру, процесс уголовного, гражданского, арбитражного, административного, конституционного судопроизводства, закрепляя таким образом формы и порядок реализации и защиты материального права);

- в зависимости от отраслей (предмета и метода) права: конституционные; гражданско-правовые; уголовно-правовые; административные; трудовые; семейные; финансовые; экологические и другие нормы;

Другими критериями для классификации норм права являются:

- субъект, издавший нормы;

- время действия;

- круг лиц, на которые нормы права распространяются;

- форма (характер) предписываемого поведения;

- способ изложения.

Правовые нормы выражаются, закрепляются, оформляются в источниках (формах) права.

Источники права можно выделить следующие:

- 1) общепризнанные принципы и нормы международного права и ратифицированные международные договоры;

- 2) нормативный правовой акт;

- 3) делегированное законодательство (издают исполнительные органы. Данные полномочия делегируются им высшими законодательными органами);

- 4) правовой обычай (т.е. санкционированное государством правило поведения);

- 5) внутригосударственные договоры (договоры нормативного содержания);

- 6) судебный прецедент (решение высших судебных органов, имеющее обязательный характер для нижестоящих судов или того же суда при разбирательстве аналогичных дел);

- 7) правовая доктрина (как источник права – это учения, теории выдающихся, авторитетных ученых-юристов, которые оформляются в виде учебников, монографий, научных статей, комментариев к законам, экспертных заключений (например, в суде));

- 8) религиозные нормы; и др. [2, с. 28-37].

Источники права выполняют множество функций: регулятивную; охранительную; карательную; воспитательную; функцию социального контроля; культурно-историческую; политическую, экономическую и пр.

Иерархия источников права определенного государства, т.е. их расположение по юридической силе, зависит от места правовой системы этого государства на правовой карте мира.

В компаративистике нет и не может быть окончательного разделения национальных правовых систем на правовые семьи. К тому же любая отпочковавшаяся правовая семья с неизбежностью будет иметь относительный характер. Тем не менее, большинство компаративистов определяют место правовой системы России в романо-германской правовой семье.

Систему источников права определяет также наличие установок в основном законе страны о закреплении места международных ратифицированных актов в национальной правовой системе.

Новые поправки, касающиеся международного права, закрепляют незыблемость положений первой главы Конституции РФ 1993 г.

В условиях катастрофически быстрого, масштабного распространения коронавирусной инфекции усугубляются экономические, социальные, культурные проблемы. Пандемия и разрешение названных проблем обозначили важность цивилизованного, взаимовыгодного, мирного, международного диалога методом унификации, приведения к единообразию правовых норм, совершенствования правовых аспектов, в том числе, путем конституционного провозглашения суверенными государствами примата международного права в интересах граждан с учетом национальных особенностей каждой страны.

Расположение или иерархичность источников (форм) права определяет эффективность реализации наилучших на сегодня форм государственности. Поэтому важно понимание того, что конституционная установка о примате международного права, соответствующая целеполаганию современной юридической науки (в частности, международному праву, сравнительному правоведению и др.) является одним из принципов естественного развития цивилизованного общества.

Пристатейный библиографический список

1. Иванова С. В., Маликова А. Х. Особенности правового регулирования аудиторского финансового контроля в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 3 (154). - С. 220-221.
2. Маликова А. Х. Теория государства и права: учебное пособие / Самарский государственный экономический университет. - Самара: Изд-во СГЭУ, 2021. - 92 с.
3. Маликова А. Х., Янкин Г. Н. Налоговая политика как фактор становления социального государства // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 8 (147). - С. 62-63.
4. Штейн фон Лоренц. Учение об управлении и право управления со сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. Руководство, изданное Лоренцем Штейном, профессором Венского университета, как основание его лекций / Пер. с нем. под ред. И. Е. Андреевского, орд. профессора С.-Петербургского университета. Издание А. С. Гиероглифова. - СПб.: типография В. В. Платц, 1884. - 594 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-2-165-73-75

МИФТАХОВ Алмаз Мансурович

докторант Болгарской исламской академии

БОРЬБА ПРОТИВ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА КАК ПУТЬ К ОСОЗНАНИЮ ИНГЕРЕНТНОСТИ РЕЛИГИИ, ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

В статье проведен анализ прямой нераздельной взаимосвязи религии, государства и общества. Исследованы вопросы, связанные с причинами возникновения молодежного экстремизма и других преступлений, способы противодействия. Разбирается вопрос о склонности человека к реализации личных целей, невзирая на вред, наносимый обществу. Религия рассматривается как неотъемлемая часть воспитания в человеке высокого уровня правосознания. Предлагаются способы профилактики и борьбы против экстремизма и других видов преступлений с указанием на то, что работа в данном направлении будет наиболее эффективной при условии понимания ингерентности и работы трех составляющих: религии, государства, общества. Методы исследования: аналитический метод, обзорный метод.

Ключевые слова: религия, государство, общество, экстремизм, преступление.

MIFTAKHOV Almaz Mansurovich

doctoral student of the Bulgarian Islamic Academy

THE FIGHT AGAINST YOUTH EXTREMISM AS A WAY TO REALIZE THE INHERENTNESS OF RELIGION, THE STATE AND SOCIETY

The article analyzes the direct inseparable relationship of religion, state and society. Issues related to the causes of youth extremism and other crimes, ways of counteraction are investigated. The question of a person's inclination to realize personal goals, regardless of the harm done to society, is being analyzed. Religion is considered as an integral part of educating a person of a high level of legal awareness. Methods for preventing and combating extremism and other types of crimes are proposed, indicating that work in this direction will be most effective if the integrity and work of three components is understood: religion, state, society. Research methods: analytical method, survey method.

Keywords: religion, state, society, extremism, crime.

Мифтахов А. М.

Крошка сын к отцу пришёл, и спросила кроха:

– Что такое хорошо и что такое плохо? [1]

На этот вопрос без религии ответить невозможно! Именно Всевышний определил, что есть хорошо, а что есть плохо. Сам же человек в основном склонен, оправдывать свои преступления, развращать понятия «хорошо» и «плохо». Государство и его право не учитывают внутренние желания, эмоции, но это учитывают религиозные нормы, в частности, Ислама. Также на проявление внеправовых чувств реагирует и общество.

Почему важен ответ на этот вопрос? И почему важно, чтобы он был от Всевышнего? Это просто: если человек знает ответы на эти вопросы, верует в Создателя и знает об ответственности в Судный день, он приложит все усилия, чтобы не совершать преступлений, среди которых насилие, воровство, грабеж, террор, экстремизм и др. Знание – это очень важно, так как одной из основных причин совершаемых преступлений является взаимосвязанная совокупность таких качеств, как безграмотность религиозная и светская, отсутствие веры в Создателя, в День воздаяния (Судный день), на что, в том числе, влияет разделение между религией, государством и обществом.

Приведем пример для более глубоко понимания данного пункта, в религиях: действия верующих должны соответствовать их словам. Взглянем на приветствие ведущих религий:

– Христианство:

«Иисус (мир ему), посылая учеников Своих на проповедь, наставлял: «В какой дом войдете, сперва говорите: «мир дому сему» [2].

– Ислам:

مَاعِطَلًا اَوْ مُعْطَاوً، مَا لَسَلَّا اَوْ شَفَا سَانَ لَ اِهْيَا: ﴿هللا لوسر لاقو (يذمرتال)﴾ [3] «مَا لَسَبَّ عَنْ جَلَا نَوْلُ خُذْتُ؛ مُاِيَن سَانَ لَ اَوْ اَوْلَصَو،

Пророк Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует) оповестил:

«О люди распространяйте саям (с араб.яз.: мир), кормите, молитесь, когда все снят, – и войдет в Рай с миром» (в сборнике Тирмизи)

– Иудаизм: «Шалом», что означает Мир.

Например, Ислам говорит о том, что слова человека должны соответствовать его действиям – раз человек пожелал мира при встрече – значит его действия должны быть исключительно мирными, невзирая на возможный спор до этого. Соответственно, зная эту элементарную истину, верующий человек уже будет понимать, что его религия против различного рода преступлений, в том числе и экстремизма. Поэтому не бывает христианского, исламского или иудейского экстремизма. Совершающий преступление своими действиями противоречит основам любой религии, лишь прикрываясь ею.

Справедливость – это то, к чему призывает религия. Отсутствие же справедливости ведет к дестабилизации общества. Молодежь особенно чувствительна ко всем

социальным изменениям. Она не только замечает, но и остро реагирует на то, что ей кажется несправедливым, на то, что не совпадает с ее общим мнением, будь то на улице, в телевизоре или на страницах газет и журналов. Они сравнивают не книги, а теорию в книгах с реалиями.

Кризисные явления в экономической, социальной и политической сферах государства тоже влияют на возникновение различных крайних движений, которые используют молодежь, не окрепшие умы, не обладающие твердой идеологией, оправдывая свои противоправные действия этими кризисами. Имущественное расслоение населения, где большинство находятся обычно в очень тяжелом финансовом положении, отсутствие уверенности в будущем – все это приводит к тому, что социум перестает функционировать как единая система с общими ценностями, и, как следствие, увеличивается преступность среди молодежи, появляется отрицательное отношение к органам власти.

Семейное и школьное неблагополучие. Нездоровая обстановка в семье, в школе могут способствовать деморализации ребенка с последующей криминализацией личности подростка. Семья и школа – оздоровление этой микросреды приведет к эффективному предупреждению правонарушений несовершеннолетних. Социализация человека начинается в семье. Именно в семье подросток получает первые представления об окружающем мире, об окружающих людях, о том, что дозволено, а что нет, он также перенимает модель поведения родителей. Низкий уровень образования родителей подростка, их занятость, тотальный контроль над подростком или его полное отсутствие; безнравственность родителей, низкая материальная обеспеченность, плохие жилищно-бытовые условия некоторых семей, отрицательная нравственно-психологическая обстановка в семье, халатное отношение родителей к своим обязанностям по его воспитанию, отсутствие диалога, – это все в совокупности может стать катализатором к преступным действиям подростка. Сложность отношений в семье, чувство обиды и отчужденности побуждают подростка искать удовлетворения на стороне среди сверстников с такой же неудачной судьбой. Подросток в этот период как никогда подвержен неблагоприятным влияниям.

Религия изучает и обучает высоконравственным отношениям, учит ценить семью, родителей, детей, накладывает обязанности на родителей перед детьми и, наоборот, на детей перед родителями.

Безделие часто становится причиной совершения преступления подростками – «от нечего делать». Именно такие ребята больше склонны втягиваться в различного рода противозаконные действия, так как хочется найти «приключений»... А однажды встав на «преступную тропу» свернуть с нее трудно. Стоит только предложить взорвать кого-нибудь, и они готовы будут это сделать, так как внутренне в своих несчастьях подобные индивидуумы в основном обвиняют не себя, а других людей, все общество. Поэтому воспитание подростков трудом должно стать вновь актуальным – эта мера является одной из профилактической против экстремизма.

Воспитание, связанное с трудом, почитанием семейных, общественных ценностей закладывает религия.

Отличие хулиганских действий подростков от противоправных действий экстремистских группировок заключается в том, что вторые осуществляют свои, базируясь на определенной идеологии. Сюда же примешиваются ненависть к существующей власти, которая, по мнению экстремистов, поддерживает «виновников» всех бед страны. Взгляды экстремистов являются привлекательными для некоторых молодых людей в силу простоты и однозначности, обещаний незамедлительно увидеть результат своих пусть и агрессивных действий. Понятие личного участия, личного вклада в сложный процесс экономического, политического и социального развития подменяется примитивными призывами к полному разрушению существующих устоев и замены их утопическими проектами.

Легкий доступ к аудитории, обеспечение анонимной коммуникации, слабое регулирование этого вопроса, глобальное распространение, высокая скорость передачи информации, дешевизна и простота в использовании, мультимедийные возможности наиболее – вот почему сегодня интернет является эффективным средством массового информационного воздействия террористов на молодежь. Террористические организации используют Интернет для вербовки новых членов, а также для формирования лояльно настроенной среды, играющей активную роль в поддержке террористических организаций.

Дезинформация, запугивание, манипуляция общественным сознанием, подмена понятий и фактов – это все средства психологической войны, которые используют экстремисты.

Невинные люди не могут дать сдачи, легкая жертва... Террористов раздражает спокойная жизнь людей. В большинстве своем террористы руководствуются своими мотивами. Мотивами считается то, что побуждает человека на действия, то, ради чего оно совершается. Они могут быть не только у экстремистских организаций, но и у отдельных лиц.

Для борьбы против экстремизма и других видов преступлений необходимо единение религии, государства, общества. Как бы некоторые не хотели признавать, но религия, общество и государство всегда были тесно взаимосвязаны и не разделимы. Пора это принять и предпринять меры для возвращения высоконравственного, идеологически твердого поколения, которое будет нашим будущим, которое сможет довести наше общество до уровня далекого от преступлений, ущемления прав, бедности, несправедливости. Да, это, возможно, долгий путь, но его необходимо начать как можно раньше – тогда и результаты будут быстрее.

Поэтому позвольте предложить некоторые способы профилактики и борьбы против молодежного экстремизма и других видов преступлений необходимо:

– Внедрение системных лекций основ религий в лице духовных лиц. Это поможет в формировании высокого уровня правосознания, что в свою очередь повлияет на развитие у молодого поколения чувства уважения к правам и свободам других лиц, в том числе к их жизни, здоровью и достоинству.

– Воспитание у молодежи толерантного мировоззрения, терпимого отношения ко всем людям, вне зависимости от их национальности, религии, социального, имущественного положения и иных обстоятельств.

– Привлечение и поддержка организаций, направленных на социальные нужды людей, например, таких как АНО ЦРА (Автономная некоммерческая организация «Центр социальной реабилитации и адаптации»), в рамках которой реализуются такие программы как социализация заключенных, среди которых есть молодежь и которые могут вновь совершить преступления, в том числе экстремистского характера, если их не поддержать и не направить в нужное русло.

– Совершенствование вопросов досуга и отдыха молодежи. Необходимо позаботиться о том, чтобы не только в крупных городах, но и в самых небольших населенных пунктах активно действовали спортивные секции, кружки, музеи и другие социально-культурные заведения. Необходимо активнее пропагандировать в молодежной среде здоровый образ жизни, занятия спортом и физической культурой путем проведения соревнований с дорогими подарками. Важно заметить, что перечисленные мероприятия должны быть доступны всей молодежи и в материальном плане.

– Необходимо вовлекать несовершеннолетних в общественно полезные виды деятельности. Также необходимы и более объективные меры со стороны государства, которые, казалось бы, непосредственного отношения к борьбе против экстремизма не имеют, но могут стать ключевыми к тому, чтобы подросток не совершил действие экстремистского характера. Это внедрение и реализация государственных программ, направленных на:

- разрешение экономических, духовных, правовых проблем несовершеннолетних,
- решение проблем материнства, безнадзорности, беспризорности подростков в малообеспеченных семьях;
- материальная поддержка детского спорта, творчества, ремесленничества, досуга;
- нравственно-духовная основа воспитания несовершеннолетних подростков;
- организация правового просвещения через средства массовой информации;
- укрепление способов и методов индивидуальной профилактики девиантного поведения подростков с психическими отклонениями и т.д.
- повышение уровня социальной и материальной защищенности молодежи, помощь в трудоустройстве молодых специалистов, поддержка жилищных программ для молодежи.

Необходимо знать: когда мы говорим о религии, в частности, Ислам – это не только идеология, это каждый шаг в жизни человека: спорт, взаимодействие с окружающими, с родителями, знание религиозное, светское и так далее. Поэтому вышеуказанные предложение в борьбе против экстремизма и различного рода преступлений – это все меры, указывающие и воплощающие в себе ингерентность религии, государства и общества.

Пристатейный библиографический список

1. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Худож. лит., 1955-1961. – Т. 10.
2. Евангелие от Луки, 10 глава, 5 стих.
3. يزورم لارصن نب دمحم ،ليللالمايق باتك رصتخم ،مايق باتك رصتخم هيليو لليللمايق باتك رصتخم ،تأخفصلال ٣٤٨ ،تبرعال ،رتولاباتك رصتخم وناضمر ،ءاشنالالخيرات ،ص.٥١ ،٢٠٠٦.٠٦.٢٦ء
4. Антонян Ю. М. Природа экстремизма // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: Сборник научных трудов / Под. ред. Н. А. Лопашенко. – Саратов, 2008.
5. Головин А. Ю., Давыдов В. О. Криминальные технологии использования социальных компьютерных сетей в экстремистских целях. // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 3.2. – Тула, 2012.
6. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Парадоксальный молодой человек // Социс. – 2006. – № 6.
7. Воронцов С. А. Понятие экстремизма и его существенные признаки // Философия права. – 2007. – № 4.
8. Волков Н. В. Экстремизм как крайняя форма сепаратизма: проблема определения социально-правовой сущности феномена // История государства и права. – 2006. – № 9.
9. Пономаренков В. А., Яворский М. А. Сущностная характеристика современного экстремизма // Юридический мир. – 2008. – № 2.

ЯНКИН Георгий Николаевич

аспирант Самарского государственного экономического университета

АКТУАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЕАЭС НА ЭТАПЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

В рамках статьи рассмотрены наиболее значимые вопросы таможенного регулирования в ЕАЭС как форме межгосударственной экономической интеграции. На основании стадийного подхода к перспективам дальнейшей эволюции ЕАЭС от экономического к политическому объединению обозначена роль надгосударственного законодательства в части обеспечения эффективного таможенного регулирования. Сделан вывод о наличии ряда проблем унификации таможенного законодательства ЕАЭС. Для решения проблем правового обеспечения таможенного регулирования в ЕАЭС предлагается разработка общего нормативного акта ЕАЭС, регламентирующего порядок организации совместной работы таможенных органов различных стран-членов ЕАЭС при осуществлении пограничного таможенного контроля. Предлагается создание в рамках ЕАЭС агентства по классификации товаров с размещением его подразделений в странах-членах и определить порядок его взаимодействия с таможенными органами и установить пределы ответственности перед участниками ВЭД.

Ключевые слова: контроль, таможенно-тарифное регулирование, Евразийская экономическая комиссия, внешнеэкономическая деятельность, интеграционное объединение.

YANKIN Georgiy Nikolaevich

postgraduate student of the Samara State Economic University

CURRENT LEGAL ASPECTS OF CUSTOMS REGULATION IN THE EAEU AT THE STAGE OF FORMATION OF THE ECONOMIC UNION

The article considers the most significant issues of customs regulation in the EAEU as a form of interstate economic integration. Based on the stadium approach to the prospects for the further evolution of the EAEU from an economic to a political union, the role of supranational legislation in terms of ensuring effective customs regulation is outlined. It is concluded that there are a number of problems of unification of the customs legislation of the EAEU. To solve the problems of legal support of customs regulation in the EAEU, it is proposed to develop a common regulatory act of the EAEU regulating the procedure for organizing joint work of customs authorities of various EAEU member states in the implementation of border customs control. It is proposed to create within the framework of the EAEU an agency for the classification of goods with the placement of its divisions in the member countries and to determine the procedure for its interaction with customs authorities and to establish limits of responsibility to the participants of foreign economic activity.

Keywords: control, customs and tariff regulation, Eurasian Economic Commission, foreign economic activity, integration association.

Янкин Г. Н.

Интеграция России в мировое хозяйство, необходимость сокращения времени таможенных процедур одновременно с необходимостью усиления таможенного контроля существенно повышает значение таможенного законодательства. Сегодня большинство этих вопросов решается через формирование и развитие Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Практика международных отношений на современном этапе выдвигает на первый план наиболее эффективную форму межгосударственного взаимодействия – международные (межправительственные) организации, прежде всего обеспечивающие сотрудничество в области экономики. Интеграционные процессы в современной международной экономике давно перестали быть чем-то необычным; международное разделение труда стало не только реальностью, но и своего рода фундаментом современной экономики – и последние события, связанные – с пандемией коронавируса COVID-19, только подтверждают внезапную хрупкость этой системы и ее неготовность к проблемам, вызванным – не системными недостатками, но внешними, независимыми факторами [6, с. 545-549].

Международное экономическое и другие формы сотрудничества основаны на интеграции в той или иной форме. Опыт успешных региональных интеграционных группировок и мегарегиональных соглашений подталкивает участников международных экономических отношений к расширению данных форматов сотрудничества. На каждой из ступеней интеграции происходит устранение определенных экономических барьеров. В результате появляются раз-

личные виды межгосударственного пространства, которое обладает большими экономическими возможностями, чем совокупность входящих в него элементов. Качественно более высокой ступенью интеграции является единый рынок. Формирование единого рынка решает многочисленные задачи за рамками непосредственно таможенного регулирования – в других областях экономики. Поэтому все существующие сегодня экономические союзы или основываются на таможенном союзе, или включают его образование как обязательный подготовительный этап [3, с. 15].

Финальной стадией интеграционного процесса становится политическое объединение государств, предполагающее переход к осуществлению единой внешней политики, включающей обеспечение вопросов безопасности и внутренние института единого гражданства. Политический союз, предполагающий максимальное объединение государств. Комментировать эту ступень интеграции сложнее всего, так как единственным межгосударственным блоком, его реализовавшим, является Европейский Союз, столкнувшийся именно на этом этапе со столь большими затруднениями, которые вызывают один общесоюзный кризис за другим.

В современных международных отношениях международная экономическая интеграция является неотъемлемым элементом, оказывающим, влияние на экономический рост, как отдельного государства, так и в целом интеграционного объединения. Независимо от этапа международной интеграции, на котором находится интеграционное объединение, ему присущи трансформации, как в линейно-стадийном

развитии, так и в многомерном, многоуровневом и многовекторном развитии.

Стратегические цели ЕАЭС можно разделить на две последовательные взаимосвязанные задачи. Первая - это активизация и приумножение скрытого потенциала экономик его членов благодаря заложенному в основу их коллективного договора принципу «четырёх свобод»: перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. Вторая: создание на этой базе новых стимулов и возможностей для роста и модернизации каждой из входящих в ЕАЭС экономик с ускорением общего движения к более высокому уровню интеграции [2, с. 51].

Целевая установка всего проекта сформулирована в «Основных направлениях экономического развития ЕАЭС до 2030 года» (сокращенно «ОНЭР»), утвержденных решением Высшего евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 28 [1]. Разумеется, от сегодняшнего дня до 2030 г. пролегал долгий путь. К тому же он начался с осложнений геополитической обстановки и проблем экономического роста во всей постсоветской Евразии, начиная с лидера ЕАЭС - России. Тем не менее, эти установки важны, поскольку в них перспективные задачи рассматриваются через призму нынешних проблем членов Союза и обрисовываются способы их общего решения. А потому яснее становится, в какой мере ход событий сейчас и в ближайшей перспективе отвечает условиям, которые необходимы для продвижения членов Союза к поставленным целям с предлагаемыми инструментами.

Формирование законодательства (а именно это является основой таможенного регулирования в ЕАЭС) относится к наднациональному уровню. Но сама технология обеспечения таможенного контроля регламентируется на уровне таможенных служб стран-членов ЕАЭС. Комиссия ЕАЭС старается не вмешиваться непосредственно в вопросы таможенного контроля. Первичным звеном в системе правового регулирования таможенной сферы в законодательстве ЕАЭС выступает совокупность юридических норм, регламентирующих порядок таможенно-тарифного регулирования, его основные формы и методы.

Значимым элементом организационно-правового регулирования таможенной деятельности в ЕАЭС остаются таможенные процедуры, одной из функций которых выступает обеспечение экономической безопасности государств, входящих в состав ЕАЭС. Проблемы ускорения процессов помещения товаров под таможенные процедуры во многом возникают в силу недостаточной развитости информационных технологий [4, с. 10]. Опыт Европейского союза может оказаться достаточно полезным в части, касающейся унификации законодательства государств-участников ЕАЭС относительно возможностей применения информационных технологий в сфере таможенного регулирования.

Вместе с тем представляется необходимым подчеркнуть, что процесс унификации таможенного законодательства государств-участников ЕАЭС не может носить тотальный характер. Не следует подвергать унификации правовые положения, закрепляющие конкурентные преимущества национальных экономик. Реальные перспективы развития процесс унификации должен получить благодаря принципиально новым направлениям правового регулирования, предметом которого может выступать, например, интернет-торговля. Международная электронная торговля получила в последние годы значительный импульс развития и сегодня настоятельно требуются изменения в праве ЕАЭС, регламентирующие данную сферу торгового оборота. Данный процесс, тем не менее, осложняется отсутствием единого видения данной сферы правового регулирования со стороны участников ЕАЭС [5, с. 41].

Перспективным направлением также является унификация законодательства о совместных проверках Евразийской экономической комиссии и таможенных служб государств-участников ЕАЭС. Подобного рода институт позволил бы разрешать возникающие разногласия между национальными таможенными службами, однако такой механизм до настоящего времени не утвержден.

Как видим, данная проблема таможенного регулирования назрела в ЕАЭС достаточно давно и необходимо разработать общий нормативный акт ЕАЭС, регламентирующий порядок организации совместной работы таможенных органов различных стран-членов ЕАЭС при осуществлении пограничного таможенного контроля.

В целях совершенствования и дальнейшего развития таможенного регулирования в ЕАЭС можно предложить следующие действия:

1. Разработка общего нормативного акта ЕАЭС, регламентирующего порядок организации совместной работы таможенных органов различных стран-членов ЕАЭС при осуществлении пограничного таможенного контроля.

2. Создание в рамках ЕАЭС агентства по классификации товаров с размещением его подразделений в странах-членах и определить порядок его взаимодействия с таможенными органами и установить ответственность перед участниками ВЭД в случае неправильной квалификации товара, если это повлекло привлечение участника ВЭД к ответственности.

Можно сделать вывод, что в современных международных отношениях международная экономическая интеграция является неотъемлемым элементом, оказывающим влияние на экономический рост, как отдельного государства, так и в целом интеграционного объединения. Основными результатами создания ЕАЭС являются гармонизация межгосударственных стандартов с международными и региональными стандартами, применение единого таможенного регулирования, применение единых технических регламентов, ветеринарно-санитарных, карантинных фитосанитарных мер, реализация общей транспортной инфраструктуры, функционирование внутреннего рынка товаров, прямой запрет на осуществление таможенного декларирования и государственного контроля на внутренних границах ЕАЭС и недопущение установления избыточных барьеров для ведения предпринимательской деятельности. Разумеется, совершенствование процедур свободного движения товаров - не единственная задача в рамках ЕАЭС. В ходе реализация принципа «четырёх свобод» также приобретает новые черты проблема обхода установленных законов и правил трансграничного перемещения товаров, услуг и рабочей силы. Развитие нормативно-правовой базы ЕАЭС будет способствовать повышению эффективности таможенного регулирования и защите интересов экономической безопасности государств-участников данного интеграционного объединения.

Пристатейный библиографический список

1. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 28 «Об Основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.eaeunion.org (дата обращения: 01.02.2022).
2. Dragneva R. The Eurasian Economic Union: Balancing Sovereignty and integration // Post-soviet constitutions and challenges of regional integration. - 2018. - P. 48-70.
3. Tarr D. G. The Eurasian Economic Union of Russia, Belarus, Kazakhstan, Armenia, and the Kyrgyz Republic: Can it succeed where its predecessor failed? // Eastern European Economics. - 2016. - № 54(1). - P. 11-22.
4. Киченина В. С. Правовое регулирование перемещения через таможенную границу ЕАЭС продукции высоких технологий // Международное публичное и частное право. - 2020. - № 3. - С. 9-12.
5. Кудрова Н. А., Завгородний А. Ф. Некоторые проблемы совершенствования мер таможенного регулирования на территории стран-членов ЕАЭС // Проблемы современной экономики. - 2021. - № 3 (79). - С. 40-42.
6. Янкин Г. Н., Маликова А. Х. Влияние пандемии на Евразийский экономический союз: экономические последствия и пути выхода из кризиса // Международная и межрегиональная интеграция в условиях пандемии: экономические, социокультурные и правовые проблемы: сборник научных статей Всероссийской научно-практической онлайн-конференции с международным участием, 25 июня 2020 года / редколлегия: С. И. Ашмарина, А. В. Павлова (ответственные редакторы) [и др.]; Самарский государственный экономический университет. - Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2020. - С. 545-549.

БУРУКИН Вадим Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Академии права и управления ФСИН России

ФЕДОТОВА Ирина Николаевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ГАЛКИН-ВРАСКОЙ: УЧЕНЫЙ-ПЕНИТЕНЦИАРИСТ И РЕФОРМАТОР РОССИЙСКОЙ ТЮРЕМНОЙ СИСТЕМЫ

В статье представлена характеристика деятельности Михаила Николаевича Галкина-Враского как ученого-пенитенциариста и первого в истории руководителя российского тюремного ведомства. Актуальность избранной темы обусловлена тем, что вплоть до настоящего времени внимание исследователей в основном было обращено на работу М. Н. Галкина-Враского в качестве начальника Главного тюремного управления Министерства внутренних дел. В гораздо меньшей степени на страницах литературы освещаются научные идеи, которые были сформулированы им и отчасти апробированы в 1860 – 1870-е гг. Авторы предприняли попытку рассмотреть пенитенциарную концепцию М. Н. Галкина-Враского в конкретно-историческом контексте ее формирования, а также проанализировать примеры экспериментальной реализации данных концептуальных положений, относящиеся к периоду, который предшествовал образованию Главного тюремного управления. В статье показано, что под руководством М. Н. Галкина-Враского были выработаны организационно-правовые принципы функционирования отечественной уголовно-исполнительной системы, основу которых составлял передовой пенитенциарный опыт западноевропейских стран.

Ключевые слова: Михаил Николаевич Галкин-Враской, Главное тюремное управление Министерства внутренних дел, пенитенциарная наука, тюремная реформа, труд заключенных.

BURUKIN Vadim Valerjevich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Philosophy and history sub-faculty of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia

FEDOTOVA Irina Nikolaevna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Humanitarian, social and economic studies sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

MIKHAIL NIKOLAYEVICH GALKIN-VRASKY: A PENITENTIARY RESEARCHER AND A REFORMER OF THE RUSSIAN PRISON SYSTEM

The article describes the activity of Mikhail Nikolaevich Galkin-Vrasky as a penitentiary scientist and the first-ever head of the Russian Prison Department. The relevance of the chosen topic is due to the fact that until now the attention of researchers has mainly been drawn to the work of M. N. Galkin-Vrasky as the head of the Main Prison Department of the Ministry of Internal Affairs. To a much lesser extent, the pages of literature highlight scientific ideas that were formulated by him and partially tested in the 1860s and 1870s. The authors made an attempt to consider the penitentiary concept of M. N. Galkin-Vrasky in the concrete historical context of its formation, as well as to analyze examples of experimental implementation of these conceptual provisions relating to the period that preceded the formation of the Main Prison Department. The article shows that under the leadership of M. N. Galkin-Vrasky, organizational and legal principles of the functioning of the Russian penal enforcement system were developed, and the basis of those principles was the advanced penitentiary experience of Western European countries.

Keywords: Mikhail Nikolayevich Galkin-Vrasky, the Main Prison Department of the Ministry of Internal Affairs, penitentiary science, prison reform, prison labor.

Имя Михаила Николаевича Галкина-Враского неразрывно связано с событиями тюремной реформы, проведенной в нашей стране во второй половине XIX в. Он получил широкую известность как первый начальник Главного тюремного управления (далее – ГТУ) Министерства внутренних дел. М. Н. Галкин-Враской занимал эту должность в течение семнадцати лет (1879 – 1896) и по продолжительности службы на своем посту не имеет равных среди руководителей отечественного тюремного ведомства за весь период его существования. Однако вклад М. Н. Галкина-Враского в развитие пенитенциарной сферы был не только административно-управленческим. Михаил Николаевич относится к числу первых в нашей стране ученых-пенитенциаристов, которые концептуально обосновали ключевые направления рефор-

мирования российской уголовно-исполнительной системы (далее – УИС).

Пенитенциарная деятельность М. Н. Галкина-Враского достаточно подробно охарактеризована в трудах таких авторов, как А. П. Саломон, Н. Ф. Лучинский, С. Л. Гайдук, М. Г. Детков, А. П. Печников, С. В. Зубов, Л. Ф. Пертли и др. [1; 2; 8; 9; 12; 15; 16; 18] Вместе с тем следует признать, что главное внимание исследователей, как правило, обращено на работу М. Н. Галкина-Враского в качестве начальника ГТУ. В гораздо меньшей степени на страницах литературы освещены научные идеи, которые были сформулированы им и отчасти апробированы в 1860 – 1870-е гг. Этим обстоятельством обусловлена актуальность темы настоящей статьи.

Бурукин В. В.

Федотова И. Н.

Новизна исследования состоит в том, что авторы приняли попытку рассмотреть пенитенциарную концепцию М. Н. Галкина-Враского в конкретно-историческом контексте ее формирования, а также проанализировать примеры экспериментальной реализации данных концептуальных положений, относящиеся к тому периоду деятельности Михаила Николаевича, который предшествовал образованию ГТУ.

Общеизвестно, что кардинальный пересмотр содержания карательной политики произошел после таких значимых в истории нашей страны событий, как отмена крепостного права и введение новых принципов судопроизводства. Если в предшествующий период среди уголовных наказаний были широко распространены каторга, ссылка, смертная казнь и телесные наказания, то с середины XIX в. основным видом наказаний стало тюремное заключение. Стремительный рост численности заключенных и соответственно количества тюремных учреждений потребовал от государства, во-первых, выработать новую доктрину исполнения уголовных наказаний, а во-вторых, создать единый механизм управления местами лишения свободы.

К подготовке проекта тюремной реформы правительство приступило в 1860-е гг., и именно к этому времени относится начало пенитенциарной деятельности М. Н. Галкина-Враского. Вначале следует привести краткие биографические сведения о Михаиле Николаевиче. Его отец Николай Алексеевич Галкин по происхождению был разночинцем, работал военно-морским врачом, а после увольнения с флота в течение четверти века возглавлял Казанскую мужскую гимназию. Мать Надежда Николаевна происходила из старинного польского дворянского рода Враских. Чтобы сохранить память о своих предках, она обратилась к императору Александру II с просьбой разрешить ее детям носить двойную фамилию. После удовлетворения этого ходатайства Михаил Николаевич и его братья стали именоваться Галкиными-Враскими [7, д. 81, л. 11 об.-12; д. 135, л. 3].

Михаил Николаевич родился в сентябре 1832 г. в селе Полянки Спасского уезда Казанской губернии. Образование он получил в Казани: окончил гимназию, а затем – юридический факультет Казанского университета. В 1854 г. начал службу в должности чиновника по дипломатической части Министерства иностранных дел, а спустя восемь лет был переведен в Министерство внутренних дел [7, д. 331, л. 2].

Интерес к пенитенциарной сфере возник у М. Н. Галкина-Враского в силу неожиданного и не связанного со службой стечения жизненных обстоятельств. Как свидетельствует формулярный список Михаила Николаевича, сохранившийся в фондах Государственного архива Саратовской области, вскоре после перевода в МВД ему экстренно пришлось брать отпуск, чтобы сопровождать свою супругу, которой врачи назначили курс лечения на западноевропейских курортах; через некоторое время отпуск был продлен. Пребывание в странах Запада Михаил Николаевич решил использовать как возможность для изучения европейского пенитенциарного опыта. Его ходатайство о выполнении соответствующего поручения было поддержано министром внутренних дел, в результате чего отпуск стал командировкой, которая продолжалась два года (1862–1864) [7, д. 331, л. 1–6].

В ходе командировки М. Н. Галкин-Враской осмотрел крупнейшие тюрьмы Великобритании, Франции, Пруссии и Бельгии, составил подробное описание их устройства и функционирования. Результаты проведенного исследования были изложены им в нескольких публикациях на страницах периодической печати [3; 5; 6]. Интерес к этим материалам со стороны специалистов оказался настолько велик, что министр внутренних дел П. А. Валуев принял решение издать статьи М. Н. Галкина-Враского отдельной книгой и рекомендовать ее местным властям в качестве справочного руководства. Эта книга вышла в свет в 1868 г. под названием «Материалы к изучению тюремного вопроса»; ее использовали в своей работе попечительные о тюрьмах комитеты, администрация мест заключения, служащие губернских и уездных полицейских управлений [4].

Содержание книги включает в себя характеристику различных видов тюремного заключения, существовавших к

тому времени в западноевропейских странах, а также исторический очерк, посвященный становлению пенитенциарной науки на Западе. Михаил Николаевич подробно проанализировал идеи западноевропейских правоведов, в первую очередь Чезаре Беккариа, автора трактата «О преступлениях и наказаниях». Ключевое положение его концепции, как известно, состояло в том, что наказание должно иметь своей целью перевоспитание правонарушителя и предотвращение новых преступлений, а труд следует использовать не как карательную, а как исправительную меру воздействия на заключенного.

М. Н. Галкин-Враской признавал, что реализация этих идей в нашей стране будет длительным и сложным процессом, поскольку российские места заключения значительно отставали от западноевропейских тюрем по всем основным параметрам, таким как бытовые условия, питание осужденных и охрана их здоровья, организация труда [4, с. 161–163].

Предметом особого интереса для М. Н. Галкина-Враского была западная тюремная архитектура. Он досконально изучил планы крупнейших тюрем, в частности, план Лондонской Пентонвильской тюрьмы. Следует уточнить, что эта тюрьма имела лучевую схему расположения зданий, которая в то время считалась наиболее совершенной (по соображениям широты обзора и эффективности охраны территории). Впоследствии по инициативе М. Н. Галкина-Враского уже как начальника ГТУ план Пентонвильской тюрьмы был использован в качестве основы для проекта образцовой одиночной тюрьмы. Построенная в Санкт-Петербурге в начале 1890-х гг., она получила название «Кресты» [13, с. 33].

Одновременно с изданием книги в служебной карьере М. Н. Галкина-Враского произошло еще одно важное событие: он был назначен заведующим новой экспериментальной тюрьмой, созданной в Санкт-Петербурге [7, д. 331, л. 1–6]. Это была вторая в стране экспериментальная тюрьма наряду со смирительно-рабочим домом в Москве, которым заведовал граф В. А. Соллогуб. Смысл эксперимента состоял в том, чтобы обеспечить полноценную трудовую занятость заключенных при условии их разъединения в ночное время по одиночным камерам. Труд в данном случае рассматривался как основное средство перевоспитания правонарушителей. Следует уточнить, что вплоть до середины 1880-х гг. труд заключенных в тюрьмах не был обязательным согласно российскому законодательству. Порочность этой практики проявлялась в том, что, во-первых, в обстановке праздного времяпрепровождения исправление личности преступника было невозможно, а во-вторых, тюремные учреждения отягощали государственный бюджет бременем непроизводительных расходов [14, с. 18–19, 154–159, 237–239].

Под руководством М. Н. Галкина-Враского в Санкт-Петербургской тюрьме была введена система обязательных работ, подразделявшихся на три категории: «черные», «серые» и «белые». Данная градация определялась степенью квалифицированности труда. К «черным» относились земляные и огородные работы, уборка тюремного двора, заготовка дров, к «серым» – стирка белья, плетение пенковых и мочальных матов, изготовление канатов и веревок. «Белыми» работами считались приготовление пищи и ремесла. По поводу ремесел следует отметить, что в тюрьме были устроены столярные, кузнечные и слесарные мастерские, ткацкая, где выделяли парусину, и швейная мастерская, в которой производилось армейское обмундирование.

Главным нововведением было то, что впервые в российской тюремной практике заключенные стали получать денежное вознаграждение за свой труд. «Серые» и «белые» работы оплачивались из расчета 1/3 и 1/2 от суммы заработка соответственно. На «черных» работах зарплата не начислялась, поэтому, чтобы предотвратить несправедливость в оплате труда, начальник тюрьмы распорядился, что заключенные, занятые на «серых» и «белых» работах, должны ежедневно на определенное количество времени привлекаться к «черным» работам. В качестве штрафной санкции за дисциплинарные проступки предусматривалось снижение зарплаты на 10 %. Половиной своего заработка заключенный

мог воспользоваться, находясь в тюрьме, а остальные деньги получал при освобождении [1, с. 86–87].

Важное значение имел тот факт, что по инициативе М. Н. Галкина-Враского была организована выдача аттестатов заключенным, которые в период отбывания наказания обучались какому-либо ремеслу. Более того, заведующий тюрьмой сумел объединить столичных мастеров-ремесленников в общество, которое помогало заключенным, получившим аттестаты, трудоустроиться после освобождения.

Проведенный под руководством М. Н. Галкина-Враского эксперимент оказался успешным. Михаилу Николаевичу удалось на практике доказать, что труд при условии его эффективной организации и справедливой оплаты может выступать в качестве инструмента мотивации осужденного к общественно полезной деятельности и правопослушному поведению [10, с. 83–87].

С октября 1868 г. на протяжении десяти с лишним лет М. Н. Галкин-Враской служил на поприще местного управления, возглавляя сначала Эстляндскую (1868 – 1870), а затем – Саратовскую губернии (1870 – 1879). В Саратове Михаил Николаевич продолжил экспериментальную работу, начатую в столице. Он инициировал коренную реорганизацию Саратовской городской тюрьмы. Во-первых, по аналогии с Санкт-Петербургской тюрьмой осужденных стали привлекать к оплачиваемым работам. Во-вторых, было улучшено продовольственное снабжение заключенных, причем исключительно за счет использования внутренних ресурсов учреждения. В тюрьме открыли свою хлебопекарню, выделили помещение под продовольственный склад, наладили строгий учет денежных средств, поступавших в качестве пожертвований, за счет чего появилась возможность закупать дополнительное количество продуктов на рынке. Благодаря этим мерам улучшился рацион питания и возросла его калорийность. Саратовская городская тюрьма представляла собой крайне редкий в Российской империи пример, когда осужденные могли свободно получать добавку к порции, а хлеб выдавался вообще без ограничений. Это особенно удивляло поступавших в Саратов пересыльных арестантов, которые в остальных тюрьмах на этапе своего маршрута питались впроголодь.

Работающим осужденным дополнительно к пайку ежедневно выдавался горячий чай, причем пить его разрешалось не в общей столовой, а в камерах. Чайная посуда была у каждого своя и хранилась вместе с другими личными вещами. Помимо прочего, следует отметить совершенно беспрецедентный факт, что для заключенных мусульманского вероисповедания пищу готовили в отдельном котле и только из продуктов, разрешенных к употреблению в соответствии с нормами шариата [17, д. 364, л. 10–11 об.].

В-третьих, администрация стала уделять внимание профилактике инфекционных заболеваний, особую опасность среди которых представлял туберкулез. Чахоточных больных размещали в отдельных камерах, кормили их тоже отдельно от остальных заключенных.

В-четвертых, по инициативе губернатора в тюрьме были проведены капитальный ремонт и благоустройство. В связи с этим следует отметить, что М. Н. Галкин-Враской внес огромный вклад в благоустройство Саратова и уездных городов губернии. Достаточно сказать, что именно при нем в Саратове был построен водопровод, снабжавший город водой из Волги и оснащенный не деревянными, как делалось до сих пор, а чугунными трубами. Это позволило не только доставлять горожанам воду в неограниченном количестве, но и украсить городские площади фонтанами. Улицы были вымощены булыжным камнем, в городе появились скверы и парки.

Аналогичным образом было проведено благоустройство территории тюрьмы: устроен водопровод, вымощен булыжником двор, вокруг зданий высажены деревья. В ходе ремонтных работ во всех корпусах обустроили новое печное отопление и вентиляцию. Камеры оснастили мебелью (шкафчиками для одежды, вешалками для головных уборов); у каждого заключенного была своя тумбочка, где хранились предметы гигиены, белье и другие личные вещи [11, с. 77–83].

Обобщая вышесказанное, можно с полным основанием сделать вывод, что под руководством М. Н. Галкина-Враского Саратовская городская тюрьма была реорганизована в соответствии с передовыми гуманистическими идеями западноевропейской пенитенциарной науки. Итоги этой работы высоко оценил министр внутренних дел А. Е. Тимашев, посетивший Саратов в 1873 г. Глава ведомства поручил М. Н. Галкину-Враскому подготовить докладную записку с подробной характеристикой устройства тюремного замка, чтобы «эти письменные сведения могли бы служить для соображений и руководства в этом деле другим губернаторам» [17, д. 364, л. 1]. Составленная Михаилом Николаевичем докладная записка по указанию министра была разослана в виде циркуляра во все губернские города; оригинал документа сохранился в фондах Российского государственного исторического архива [17, д. 364, л. 10–11 об.].

С учетом изложенного представляется вполне логичным, что в 1879 г. после образования в составе МВД Главного тюремного управления возглавить новую структуру император Александр II поручил именно М. Н. Галкину-Враскому. Выбор его кандидатуры для назначения на должность начальника ГТУ объясняется тем, что к тому времени он успел зарекомендовать себя и как талантливый ученый-пенитенциарист, и как прекрасный администратор. Теперь ему предстояло взять на себя ответственную миссию руководства проведением тюремной реформы в стране [15, с. 145].

В деятельности ГТУ Михаил Николаевич обозначил несколько приоритетных направлений, каждое из которых следует коротко охарактеризовать. В качестве одной из важнейших задач он рассматривал организацию трудового использования заключенных. Результаты пенитенциарных экспериментов, проведенных в Санкт-Петербурге и Саратове, привели М. Н. Галкина-Враского к твердому убеждению в том, что, во-первых, именно труд является наиболее эффективным инструментом исправления личности преступника, и во-вторых, осужденные должны окупать свое содержание в тюрьме, а не паразитировать за счет законопослушных членов общества. По предложению начальника ГТУ в 1886 г. был принят закон «О порядке занятия арестантов работами и подучаемом от сего доходе». В соответствии с данным нормативным актом вводилась практика обязательного привлечения осужденных к оплачиваемому труду, что позволяло им не только содержать себя, но и зарабатывать средства, необходимые на первое время после освобождения. Кроме того, трудовое использование заключенных становилось доходной статьей госбюджета. Сохранившиеся статистические материалы свидетельствуют, что если в 1886 г. доход, полученный государством от труда заключенных, составил около 350 тыс. руб., то к 1895 г., когда М. Н. Галкин-Враской завершал службу на посту руководителя пенитенциарного ведомства, сумма этих ежегодных поступлений в казну выросла втрое и превысила 1 млн. руб. [15, с. 147–151]

Еще одно важное начинание М. Н. Галкина-Враского состояло в повышении социального статуса тюремной администрации. В 1887 г. начальник ГТУ инициировал принятие закона «О тюремной страже», согласно которому в местах заключения были расширены штаты служащих и увеличены оклады их денежного содержания [15, с. 147–151].

Предметом особого внимания М. Н. Галкина-Враского было управление тюрьмами. Он инициировал учреждение новых органов – губернских тюремных инспекций, которым были отведены надзорные функции. Работники инспекций контролировали размещение заключенных, их питание, лечение, соблюдение режимных требований. За годы службы М. Н. Галкина-Враского в должности начальника ГТУ в стране были созданы 24 губернских тюремных инспекции, деятельность которых позволила повысить качество управления местами лишения свободы и усилить контроль за условиями содержания заключенных.

Отдельного упоминания заслуживает то, что в составе инспекций стали работать специалисты-медики, силами которых осуществлялось переустройство тюремных больниц в целях борьбы с инфекционными заболеваниями, вводились обязательные гигиенические нормы, устанавливались меди-

ко-санитарные требования к пищевому рациону, организации питания, перевозке арестантов разными видами транспорта. Становление отечественной пенитенциарной гигиены происходило при активном, заинтересованном участии руководителя тюремного ведомства М. Н. Галкина-Враского [19, с. 478–480; 20, с. 179].

Михаил Николаевич внес большой личный вклад в налаживание сотрудничества между нашей страной и другими государствами в пенитенциарной сфере. Как исследователь, концептуальные взгляды которого сформировались под влиянием западного тюремоведения, он считал необходимым научный анализ и практическое использование передового европейского опыта. Вскоре после назначения М. Н. Галкина-Враского на должность начальника ГТУ Российская империя присоединилась к Международной тюремной организации. Под ее эгидой проводились пенитенциарные конгрессы, в перерывах между которыми на постоянной основе действовала Международная тюремная комиссия. С 1880 г. М. Н. Галкин-Враской входил в ее состав в качестве официального представителя России, а в 1890 г. возглавил оргкомитет IV Международного тюремного конгресса в Санкт-Петербурге. Этот форум стал одной из самых ярких страниц в служебной карьере Михаила Николаевича: он был избран почетным пожизненным председателем Международных тюремных конгрессов [15, с. 151]. Тем самым мировое научное сообщество высоко оценило теоретико-методологический и практический вклад М. Н. Галкина-Враского в развитие пенитенциарной сферы.

Обобщая результаты его деятельности, можно с полным основанием сказать, что именно под руководством Михаила Николаевича были выработаны организационно-правовые принципы функционирования отечественной УИС, основу которых составляли передовые идеи пенитенциарной науки. Как отмечается в исследовании Н. Ф. Лучинского, тюремное дело в России было поставлено «едва ли не на одинаковый уровень с тюремными учреждениями других стран... Можно смело сказать, что благодаря М. Н. Галкину-Враскому наши тюремные учреждения как бы вошли в общую пенитенциарную семью европейских государств и стали полноправными ее членами» [12, с. 25]. Михаил Николаевич Галкин-Враской представляет собой редкий пример человека, которому удалось всесторонне раскрыть свой талант в качестве как ученого-теоретика, так и практика в определенной профессиональной области.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов об увековечении памяти Михаила Николаевича. Над местом его захоронения в г. Санкт-Петербурге установлена мемориальная доска; на территории Академии ФСИН России в г. Рязани открыт памятник М. Н. Галкину-Враскому. Центральная постоянно действующая экспозиция по истории УИС, созданная в Москве на территории бывшей Бутырской тюрьмы, включает специальный раздел, посвященный его деятельности. На Историческом портале ФСИН России представлены его развернутая биография, живописные и фотографические портреты, ознакомиться с которыми могут все посетители официального сайта Федеральной службы исполнения наказаний.

Признанием заслуг этого выдающегося государственного деятеля стало учреждение медали его имени согласно приказу ФСИН России от 8 августа 2008 г. № 513. Медаль Михаила Галкина-Враского представляет собой ведомственный знак отличия, которым награждаются сотрудники и федеральные государственные гражданские служащие ФСИН России, граждане России и иностранные граждане за значительный вклад в организацию работы учреждений и органов УИС, обеспечение исполнения уголовных наказаний, а также за укрепление международного сотрудничества в пенитенциарной сфере. Так нынешнее поколение работников УИС сохраняет благодарную память о первом руководителе своего ведомства.

Пристатейный библиографический список

1. Аладыгина Л. С., Ковалев О. Г., Шабанов Г. Х. Российская уголовно-исполнительная система: исторические этапы формирования. – М., 2007.
2. Гайдук С. А. Тюремная политика и тюремное законодательство пореформенной России: дис. ...канд. юр. наук. – М., 1987.
3. Галкин М. Н. Исправительная тюрьма в Лозанне // Северная почта. – 1863. – №№ 20, 21.
4. Галкин М. Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. – СПб., 1868.
5. Галкин М. Н. Места заключения во Франции // Русский вестник. – 1864. – №№ 11, 12.
6. Галкин М. Н. Обзор состояния тюремного вопроса в Западной Европе // Северная почта. – 1867. – №№ 223–225.
7. Государственный архив Саратовской области. Ф. 1221. Оп. 1.
8. Детков М. Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. – М., 1999.
9. Зубов С. В. Михаил Николаевич Галкин-Враской: государственная и общественная деятельность. – 3-е изд., испр. и доп. – Саратов, 2017.
10. Зубов С. В. Пенитенциарная деятельность М. Н. Галкина-Враского до учреждения Главного тюремного управления // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы России: материалы II Всеросс. науч.-практ. конф. – М., 2019. – С. 83–87.
11. Зубов С. В. Преобразования М. Н. Галкина-Враского в Саратовской городской тюрьме в 1872 – 1873 гг. // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы России: материалы IV Всеросс. науч.-практ. конф. – М., 2021. – С. 77–83.
12. Лучинский Н. Ф. Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования. 1879–1914 гг. – СПб., 1914.
13. Материалы к истории тюремной реформы в России. Письма графа В. А. Соллогуба и К. К. Грота к М. Н. Галкину-Враскому. – СПб., 1901.
14. Материалы по вопросу о преобразовании тюремной части в России. – СПб., 1865.
15. Пертли Л. Ф. Деятельность Главного тюремного управления (1879–1895 гг.) // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы России: материалы II Всеросс. науч.-практ. конф. – М., 2019. – С. 145–151.
16. Печников А. П. Главное тюремное управление Российского государства, 1879 – октябрь 1917 г.: автореф. дис. ...д-ра юр. наук. – М., 2002.
17. Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 34.
18. Саломон А. П. Тюремное дело в России. – СПб., 1898.
19. Хабриев Р. У., Спасенников Б. А., Пертли Л. Ф., Копыткин С. А. Алексей Петрович Доброславин и отечественная пенитенциарная гигиена // Гигиена и санитария. – 2018. – № 5 (97). – С. 475–480.
20. Шубочкина Е. И., Александрова И. Э., Курганский А. М. К истории формирования тюремного знания и создания тюремной медицины и гигиены // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы России: материалы IV Всеросс. науч.-практ. конф. – М., 2021. – С. 175–179.

PROKHOROV Vladimir Vladimirovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor, associate professor of State and civil law disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КОМАНДИРСКОЙ УЧЕБЫ НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА РКМ КРЫМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ

В статье рассматриваются организационно-правовые основы командирской учебы начальствующего состава РКМ Крыма во второй половине 1930-х годов. Командирская учеба способствовала повышению специального и общеобразовательного уровня начсостава органов милиции. Автор раскрывает комплекс причин, повлиявших на процесс развития данного вида профподготовки руководящего состава РКМ. Освещает организацию учебно-воспитательного процесса этой части профессиональной подготовки сотрудников ОВД, направленного на всестороннее изучение основ оперативной работы, норм, регулирующих уголовно-правовые отношения, овладение табельным оружием.

Ключевые слова: горрайорганы, УРКМ Крыма, РОМ, УНКВД Крымской АССР, командирская учеба, ОВД, начальствующий состав, учебный план, НКВД СССР, отдел милиции, слушатели, обучаемые, ГОМ, строевые части.

ПРОХОРОВ Владимир Владимирович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

Прохоров В. В.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASES OF COMMANDER EDUCATION OF THE OFFICIAL STAFF OF THE RCM OF THE CRIMEA IN THE SECOND HALF OF THE 1930S

The article deals with the organizational and legal foundations of the commander's studies of the commanding staff of the RCM of Crimea in the second half of the 1930s. Commander's studies contributed to an increase in the special and general educational level of the command staff of the police. The author reveals a set of reasons that influenced the process of development of this type of professional training for the leadership of the RCM. It highlights the organization of the educational process of this part of the training of police officers, aimed at a comprehensive study of the basics of operational work, the norms governing criminal law relations, mastery of service weapons.

Keywords: city district authorities, URCM of Crimea, ROM, UNKVD of the Crimean ASSR, command training, police department, commanding staff, curriculum, NKVD of the USSR, police department, students, trainees, GOM, combat units.

На протяжении второй половины 30-х гг. XX в. непрерывно расширялись задачи рабоче-крестьянской милиции. Одновременно с этим, в ее составе образовывались новые структурные подразделения. По мере усложнения задач и создания новых подразделений увеличивалась и численность их личного состава. Интенсивное комплектование органов милиции кадрами требовало и особого отношения к их служебной и боевой подготовке. Именно в этот период больше внимания стало уделяться дальнейшему развитию ведомственных учебных заведений и повышению качества обучения в них. Вместе с этим совершенствовалась профессиональная подготовка сотрудников РКМ [1].

Профессиональная подготовка личного состава рабоче-крестьянской милиции в 1930-е гг. осуществлялась в самых различных формах. В горрайорганах республиканских НКВД регулярно осуществлялась чекистская учеба, проводились учебные сборы, семинары, краткосрочные курсы с работниками различных служб, а начальствующий и оперативный состав управлений РКМ повышал свою квалификацию в системе командирской учебы [2].

Командирская учеба начальствующего состава органов внутренних дел Крымской АССР проводилась со второй половины 1930-х вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Первым шагом в этом направлении стал приказ НКВД СССР № 0109-1935 г. «О развертывании командирской учебы

начальствующего состава РК милиции». На повышение качества профессиональной подготовки начсостава был направлен и Циркуляр Управления НКВД Крымской АССР № 781 «О командирской учебе начальствующего состава РКМ Крыма». В принятом 15 сентября 1935 г. циркуляре говорилось, что к командирской учебе привлекается весь средний, старший и высший начальствующий состав, давший, согласно приказу НКВД СССР № 037, техминимум. Вместе с этим в принятом документе указывалось, что командирская учеба начиналась во всех органах, частях, аппаратах городских и районных отделах РКМ и курсах милиции с 1 октября текущего года и заканчивалась 1 июня следующего года.

Для прохождения программы командирской учебы, начальствующий состав горрайорганов РКМ сводился в учебные группы по 15-20 человек. В свою очередь группы комплектовались по службам и категориям должностей.

Так, группы, укомплектованные работниками уголовного розыска – преимущественно осваивали основы оперативной работы, следствия, криминалистики, изучали нормы Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов [3]. Политработники – изучали вопросы организации политической и воспитательной работы в органах РКМ. У строевых командиров – упор делался на военно-стрелковую подготовку. Группы слушателей комплектовались не только по категориям должностей, но и по уровню знаний специальной подготовки и марксистско-ленинской учебы [4].

По общеобразовательным дисциплинам: русскому языку, математике и географии – начсостав, в зависимости от общеобразовательной подготовки, также разбивался по группам, с условием, что за год учебы каждый работник повысит свою подготовку на 1 год средней школы, т.е. если работник имел образование 5 классов, то через год обучения он должен был показывать знания на уровне 6-го класса средней школы и т.д.

Командирскую учебу проводили в подразделениях ОВД Крыма без отрыва от службы в течение календарного года, по утвержденному учебному плану. Согласно плану, марксистско-ленинская учеба предусматривала 90 часов работы с преподавателем в классе и 220 часов отводилось на самостоятельную работу в домашних условиях. Общеобразовательная учеба (русский язык, математика, география) предполагала 100 часов работы с преподавателем и 240 часов самостоятельной работы. На специальную подготовку отводилось 80 часов работы с преподавателем в аудитории и 180 часов самостоятельной работы. Таким образом, учебный план командирской учебы включал 270 аудиторных, 640 внеаудиторных и 18 резервных часов.

Обучение начсостава организовывалось по типовым программам ГУРКМ НКВД СССР, марксистско-ленинская учеба – по программам Политотдела УРКМ Крыма; спецподготовка, осуществлялась на основе программ Центральной высшей школы – для групп высшего начальствующего состава, старших школ РКМ – для старшего начсостава и средних школ милиции для среднего начсостава.

В зависимости от местных условий службы, руководители ОВД, для командирской учебы выделяли специальные дни – один в пятидневную неделю по 4 часа с 8-и часов утра до 12-и часов дня. Начальники районных отделов милиции, собирали весь начсостав на один день в декаду или на 3-и дня в месяц для проведения классных занятий, в эти же дни проводилась и общеобразовательная подготовка. Военно-стрелковая подготовка для них проводилась на базе общества «Динамо», а для командиров строевых частей – по расписанию спецподготовки.

Командирская учеба осуществлялась в 2 этапа. На первом – проводились занятия с преподавателем, в часы, отведенные для работы в классе, на втором – выполнялась самостоятельная работа на дому по индивидуальным заданиям. При этом каждый начальник ГОМ-РОМ или командир строевой части обязан был предоставить сотруднику РКМ необходимые часы в вечернее время для домашней подготовки к следующему занятию.

За каждой группой обучаемых, приказом начальника отдела или управления РКМ закреплялся преподавательский состав. Который обеспечивался учебниками и учебными пособиями и не менее 2-х раз в месяц собирался на инструктивно-методические занятия-совещания.

Для ведения точного учета посещаемости и успеваемости в группах назначали старост. Заводились дневники учебных групп с отражением в них: списочного состава группы, отметок о посещаемости занятий, отметок преподавателей о пройденных темах и об успеваемости слушателей.

Лица начсостава сельской местности и других местностях, где нельзя было организовать групповую подготовку, изучение программы командирской учебы проводили в порядке заочного обучения с обязательной сдачей зачетов при выездах в горрайорганы или в УРКМ Крыма – имея при себе рабочие записи или конспекты по изученным темам. Зачеты у слушателей из территориальных ОВД принимали проверочные комиссии в составе начальников городских и районных управлений и отделов милиции, а в центральном аппарате – начальник УРКМ Крыма и его заместитель [5].

В циркуляре УНКВД республики особо подчеркивалось, что начальники ГОМ-РОМ и командиры строевых частей РКМ, всю подготовительную и организационную работу –

формирование групп, закрепление преподавателей и классов, составление графиков и расписание занятий, обеспечение учебных групп учебниками и учебными пособиями и т.п. – должны были закончить к началу учебного года. При этом вся ответственность за организацию и методическую часть подготовки начсостава, осуществление контроля, а равно за хорошую и отличную успеваемость слушателей непосредственно возлагалась на начальников горрайорганов и командиров строевых частей РКМ.

Финотдел УРКМ Крыма обеспечивал командирскую учебу необходимыми средствами и покрывал расходы на весь учебный год. Средства выделялись на:

а) оплату работы преподавателей и специалистов, привлекаемых для проведения специальных занятий или общих лекций (оплата производилась в соответствии с приказом ОГПУ СССР № 66 для групп высшего начсостава – по нормам ЦВШ, для старшего начсостава – по нормам старших школ РКМ и для среднего начсостава – по нормам школ среднего начсостава РКМ);

б) расходы по приобретению учебных, наглядных и канцелярских принадлежностей.

Начальники органов милиции и командиры строевых частей РКМ, к первому числу каждого месяца обязаны были предоставлять дневники учебных групп в Командно-строевой отдел УРКМ Крыма – для контроля и подведения итогов учебы за месяц. Кроме того, начальникам горрайорганов надлежало обращать особое внимание на посещаемость начсоставом командирской учебы, проверяя каждый случай неявки на занятия и принимая соответствующие меры воздействия. Все вызовы слушателей с занятий на оперативные мероприятия, должны были осуществляться исключительно с разрешения начальника или командира подразделения или его заместителя [6].

Руководство УНКВД Крымской АССР обязывало также начальников подразделений не допускать срывов занятий по командирской учебе. О каждом несостоявшемся занятии и его причинах следовало немедленно докладывать начальнику УРКМ автономии.

Для успешного выполнения приказа НКВД СССР № 0109-1935 г., начальнику Политотдела УРКМ Крыма и всему политсоставу на местах предписывалось незамедлительно развернуть разъяснительную работу среди всего начальствующего состава ОВД, нацелив последний на прохождение всего комплекса командирской учебы, а также на качественное выполнение учебного плана.

Пристатейный библиографический список

1. Прохоров В. В. Организационно-правовые основы профессиональной подготовки кадров крымской милиции в предвоенные и послевоенные годы // Евразийский юридический журнал. - 2019. - № 6 (133). - С. 341.
2. Власов А. В. Советская милиция: история и современность (1917-1987). - М.: Юридическая литература, 1987. - С. 192.
3. Архив МВД по Республике Крым (далее – Архив МВД по РК). - Ф. 1. - Оп. 10. - Д. 83. - Л. 257.
4. Архив МВД по РК. - Ф. 1. - Оп. 2. - Д. 46. - Л. 334.
5. Архив МВД по РК. - Ф. 1. - Оп. 3. - Д. 47. - Л. 257.
6. Архив МВД по РК. - Ф. 1. - Оп. 2. - Д. 46. - Л. 336.

СЫПЧЕНКО Алла Викторовна

доктор исторических наук, профессор кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ «ВОЛЖСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ТРУДОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ»» В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ И ПОДХОДОВ

Статья посвящена исследованию одного из крупнейших политических процессов 1930-х годов в СССР, - политического процесса по делу «Волжской контрреволюционной организации «Трудовой крестьянской партии»». Автор вводит в научный оборот широкий круг различных по видам архивных источников, характеризуя степень достоверности каждого из них.

В контексте новых архивных материалов и подходов автор выстраивает свою концепцию исследуемой проблемы. Автор обобщены основные положения исследования и сделан вывод о том, что дело Волжской контрреволюционной организации «Трудовой крестьянской партии» велось параллельно с делом А. В. Чаянова и Н. Д. Кондратьева в Москве. Этот процесс был крупнейшим политическим процессом в Среднем Поволжье, в результате которого была фактически разгромлена аграрная наука. Кроме того, подчеркнуто, что политический процесс негативно сказался в целом на развитии экономической мысли в стране, существенно ограничив масштабы исследований.

Ключевые слова: политический процесс, дело «Волжской контрреволюционной организации «Трудовой крестьянской партии»», В. П. Арапов, Г. И. Баскин.

SYPCHENKO Alla Viktorovna

Ph.D. in historical sciences, professor of Professional disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

POLITICAL PROCESS IN THE CASE OF THE «VOLGA COUNTER-REVOLUTIONARY ORGANIZATION OF THE «LABOR PEASANT PARTY»» IN THE CONTEXT OF NEW ARCHIVAL MATERIALS AND APPROACHES

The article is devoted to the study of one of the largest political trials of the 1930s in the USSR - the political trial in the case of the "Volga counter-revolutionary organization" Labor Peasant Party". The author introduces into scientific circulation a wide range of archival sources of various types, characterizing the degree of reliability of each of them.

In the context of new archival materials and approaches, the author builds his own concept of the problem under study. The author summarizes the main provisions of the study and concludes that the case of the Volga counter-revolutionary organization of the Labor Peasant Party was conducted in parallel with the case of A. V. Chayanov and N. D. Kondratyev in Moscow. This process was the largest political process in the Middle Volga region, as a result of which agrarian science was actually defeated. In addition, it is emphasized that the political process had a negative impact on the overall development of economic thought in the country, significantly limiting the scope of research.

Keywords: political process, the case of the Volga counter-revolutionary organization of the Labor Peasant Party, V. P. Arapov, G. I. Baskin.

В 30-е годы XX века в СССР ряд деятелей были обвинены по делу Трудовой Крестьянской партии (ТКП) и репрессированы. При этом, согласно следственным делам, выстраивалась структура единой весьма разветвленной организации: Заграничная ТКП - ЦК ТКП в Москве - Краевые организации (Волжская организация ТКП, Дальневосточный комитет ТКП и другие комитеты) - местные организации. Организаторами и идеологами ТКП в СССР объявлялись Н. П. Макаров, А. В. Тейтель, А. В. Чаянов и Н. Д. Кондратьев. Политический процесс по делу ЦК ТКП уже получил достаточное освещение в исторической литературе. Немало публикаций было написано историками и экономистами о лидерах этой организации А. В. Чаянове и Н. Д. Кондратьеве. Однако до сих пор почти нет сведений о политических процессах над краевыми организациями ТКП, отсутствуют работы и о Заграничной ТКП. Эти материалы лишь косвенно затрагивались нами в предыдущих работах [2], [3]. Целью настоящей публикации является освещение на основе новых архивных материалов политического процесса по делу одной из крупнейшей (согласно материалам следствия) краевой организации ТКП - Волжской организации ТКП, выявление имен тех людей, которые проходили по этому процессу, чьи судьбы были перечеркнуты этим процессом.

Источниковую базу исследования составили документы ТКП в составе Пражского архива, хранящиеся в

настоящее время в Государственном архиве Российской Федерации; материалы следственного дела «Волжская контрреволюционная организация «Трудовой крестьянской партии» в составе Архива ФСБ по Самарской области; эмигрантская периодика; переписка и мемуары политических деятелей. Эти источники существенно различаются по степени своей достоверности. О существовании «разветвленной ТКП в СССР» мы знаем лишь из протоколов допросов обвиняемых по делу ТКП и, конечно, можем предполагать, что это дело было сфабриковано на Лубянке. В существовании же заграничных групп Трудовой крестьянской партии «Крестьянская Россия» сомнения быть не может, так как об их деятельности свидетельствуют весьма разноплановые документы самой организации: «Информационные бюллетени» Центрального бюро заграничных групп Трудовой Крестьянской партии «Крестьянская Россия» и Центрального комитета этой партии, устав и программа ТКП, переписка членов партии, сообщения Информационного бюро партии «Крестьянская Россия», протоколы заседаний Совета партии «Крестьянская Россия» и др.¹ Кроме того, неопубликованные ранее переписка и мемуары некоторых политических деятелей, публикации в различных эмигрантских изданиях (то есть, те документы, которые не могли быть

1 Государственный архив Российской Федерации (далее - ГА РФ). - Ф. 9105. - Оп. 1. - Д. 1-29.

сфабрикованы) содержат упоминания о «Крестьянской России»². Изученные нами документы ТКП, хранящиеся в составе Пражского архива, показывают, что эта организация имела свою агентурную цепь в СССР. За границу постоянно поступали сообщения из разных регионов СССР³. Официальные документы ТКП «Крестьянская Россия» показывают, что членом ЦК ТКП был известный экономист организационно-производственного направления Челищев, близкий к Чапанову⁴.

Трудовая крестьянская партия «Крестьянская Россия» была образована в эмиграции в 1921 году с целью организации русского крестьянства для борьбы за его политические и экономические интересы. Лидерами партии являлись известные эмигрантские деятели С. С. Маслов, А. А. Аргунов, Д. И. Иванцов. Партия входила в «Республиканско-демократическое объединение». Она издавала журналы «Вестник крестьянской России» (Прага, 1925-1933) и «Знамя России» (Прага, 1933-1939), сборник «Крестьянская Россия» (Прага, 1922-1924). Партия действовала до начала второй мировой войны⁵. Народные социалисты поддерживали тесные контакты с Трудовой крестьянской партией. При непосредственном участии народных социалистов в конце 1923 года в Праге состоялся съезд республиканско-демократических организаций, на котором было достигнуто соглашение об образовании «Союза» для объединенных политических действий между «Крестьянской Россией» и демократическими группами партии «Народной свободы»⁶.

ТКП поддерживала связи с Россией: переправляла туда сборники «Крестьянская Россия», оказывала материальную помощь⁷.

Дело Волжской контрреволюционной организации «Трудовой крестьянской партии» было крупнейшим политическим процессом в Среднем Поволжье, в результате которого была фактически разгромлена аграрная наука⁸. Это дело велось параллельно с делом А. В. Чапанова и Н. Д. Кондратьева в Москве. По всей стране по делу «Трудовой крестьянской партии» было арестовано около 1300 человек [1, с. 646]. В том числе десятки подозреваемых подверглись аресту в Среднем Поволжье. По профессиональной принадлежности члены организации являлись в большинстве своем научными работниками в области сельского хозяйства. Из научных учреждений наиболее пострадали Безенчукская опытная станция, Самарский сельскохозяйственный институт и Самарский планово-экономический институт, которые являлись крупнейшими научными центрами в области сельского хозяйства в Среднем Поволжье. На Безенчукской опытной станции было привлечено по этому делу большинство ведущих научных работников, многие из которых были «старыми беспартийными специалистами, начавшими свою трудовую деятельность на станции еще до революции: С. М. Тулайков, К. Ю. Чехович, Г. В. Иванов, Д. М. Шукин, М. И. Ожарко, Д. А. Бомбин, И. И. Ишаков, В. Н. Харчиков, С. А. Добровидов⁹. В сельскохозяйственном институте пострадали многие преподаватели, в том числе профессор Г. А. Студенский. В планово-экономическом институте - профессор Г. И. Баскин. Многие из членов данной организации принимали ак-

тивное участие в политической жизни страны еще до революции. Так, известный экономист профессор Г. И. Баскин и последний председатель Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания профессор В. П. Арапов, обвиненные по этому делу, были лидерами Самарской группы Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП). В 1917 г. Г. И. Баскин стал членом ЦК ТНСП, активно участвовал в революционном процессе не только в Самаре, но и в стране.

Это были известные ученые, пользующиеся большим авторитетом в научной среде. Среди них выделялся своей неординарностью Г. И. Баскин. Он имел обширные научные связи с известными советскими экономистами А. В. Чапановым и Н. Д. Кондратьевым, которые высоко оценивали его научную деятельность и активно использовали материалы его исследований в своей работе. Им был проведен обширный анализ деятельности различных типов крестьянских хозяйств и определен оптимальный размер сельскохозяйственного предприятия. Г. И. Баскин внес большой вклад в методологию статистики. Он разработал и применил новый метод группировки статистического материала – дистанционный. Им была создана оригинальная методика количественного определения земельной ренты и ставок рентного обложения. Большое значение имели его исследования в качестве теоретика прогнозов урожаев будущих лет¹⁰.

По материалам следствия, данная организация возникла в середине 1920-х годов и функционировала в Самаре, Оренбурге, Пензе, Безенчуке¹¹. При этом в самих материалах следствия содержатся показания В. П. Арапова, арестованного как руководителя Самарского филиала «Трудовой крестьянской партии», в которых он подчеркивал, что «рассматривать нашу группу как вполне оформленное объединение и, тем более, как политическую партию с определенной, ясно сформулированной программой, с определенными задачами было совершенно неправильно. Она представляла собой конгломерат различных мнений и взглядов и объединяла вокруг себя лиц, диапазон политических взглядов которых чрезвычайно широк»¹². Это был «блок различных политических течений: народников, неонародников, социалистов-революционеров, меньшевиков». Единственным исключением были монархисты и церковники разных толков, как сила явно реакционная»¹³. Тем не менее, было фальсифицировано дело о Волжской контрреволюционной организации «Трудовой крестьянской партии». К концу следствия большинство подозреваемых признало намерение свержения Советской власти военным путем (по материалам следствия!)¹⁴. Однако они до последнего подчеркивали отсутствие у них практических действий по свержению власти, ограничиваясь несогласием с проводимой политикой в области теории¹⁵. Даже в ходе следствия арестованные, признавая свое негативное отношение к проводимой политике власти, не признали себя виновными в какой-либо вредительской деятельности.

Арапову было предъявлено обвинение в создании и руководстве Самарской контрреволюционной организацией «Трудовая крестьянская партия», а Баскину – в участии в ней. Как следует из обвинения по делу ТКП, цель данной организации заключалась в свержении советской власти и установлении буржуазно-демократической формы правления, в восстановлении капиталистических отно-

2 Российская национальная библиотека (далее – РНБ). – Отдел рукописей (далее – ОР). - Ф. 581. - Оп.1. - Д.69. - Л.30-31; Письмо А. Ф. Изюмова к В. А. Мякотину от 22 декабря 1929 г. // ГА РФ. - Ф. 5962. - Оп. 1. - Д. 2. – Л. 3; Маслов С. «Крестьянская Россия» и А. В. Пешехонов // Дни. – 1922. – 30 декабря.

3 ГА РФ. - Ф. 9105. - Оп. 1. - Д. 14. – Л. 1-30.

4 ГА РФ. - Ф. 9105. - Оп. 1. - Д. 19. – Л. 12-13; ГА РФ. - Ф. 9105. - Оп. 1. - Д. 20. – Л. 29 об.

5 ГА РФ. - Ф. 9105. - Оп. 1. - Д. 19. – Л. 11-17; ГА РФ. - Ф. 9105. - Оп. 1. - Д. 1. – Л. 1-83; ГА РФ. - Ф. 9105. - Оп. 1. - Д. 3. -Л. 1-7.

6 ГА РФ. - Ф. 9105. - Оп. 1. - Д. 19. – Л. 1-7.

7 ГА РФ. - Ф. 9105. - Оп. 1. - Д. 3. – Л. 1-7.

8 Архив Управления Федеральной службы безопасности по Самарской области (далее – Архив УФСБ по Самарской области). - Ф.П-88.44. - Д. 3632. - Т. 1, 2, 3.

9 Архив УФСБ по Самарской области. - Ф.П-88.44. - Д. 3632. - Т. 1. – Л. 270-278.

10 Архив УФСБ по Самарской области. - Д.П-67.15; Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). - Ф.Р-4535. - Оп. 1. - Д. 267.

11 Архив УФСБ по Самарской области. - Ф.П-88.44. - Д. 3632. - Т. 2. – Л. 334 об.

12 Архив УФСБ по Самарской области. - Ф.П-88.44. - Д. 3632. - Т. 3. – Л. 46.

13 Архив УФСБ по Самарской области. - Ф.П-88.44. - Д. 3632. - Т. 3. – Л. 121.

14 Архив УФСБ по Самарской области. - Ф.П-88.44. - Д. 3632. - Т. 3. – Л. 121.

15 Архив УФСБ по Самарской области. - Ф.П-88.44. - Д. 3632. - Т. 3. – Л. 121-122.

ШАМУРЗАЕВ Таалайбек Турсунович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юридического факультета Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина

АРДАШЕВ Роман Георгиевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России

ЛОЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ О РАБОТЕ СПЕЦСЛУЖБ, ВСТРЕЧАЮЩАЯСЯ В ЛИТЕРАТУРЕ, КИНО И СМИ

В статье авторы рассматривают возможность архивной проверки сведений о работе спецслужб, так как некоторые популярные книги и кинофильмы, посвященные деятельности разведки и контрразведки, носят откровенно вымышленный характер. При изучении литературных произведений и СМИ, посвященных деятельности работников спецслужб, нужно учитывать фактор авторского вымысла, не основанного на событиях, действительно имевших место. Авторами показаны результаты некоторых архивных проверок по объективности содержания СМИ и произведений литературы. Отмечено, что подобные произведения формируют у читателей и зрителей ложное представление о деятельности спецслужб и их представителей.

Ключевые слова: литература и кино, работа специальных служб, ложная информация, архивные исследования.

SHAMURZAEV Taalibek Tursunovich

Ph.D. in Law, professor, Head of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Faculty of Law of the B. N. Yeltsin Kyrgyz Russian Slavic University

ARDASHEV Roman Georgievich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia

FALSE INFORMATION ABOUT THE WORK OF SPECIAL SERVICES FOUND IN LITERATURE, CINEMA AND THE MEDIA

In the article, the authors consider the possibility of archival verification of information about the work of special services, since some popular books and films on the activities of intelligence and counterintelligence are frankly fictional. When studying literary works and the media devoted to the activities of intelligence officers, it is necessary to take into account the factor of the author's fiction, which is not based on events that actually took place. The authors show the results of some archival checks on the objectivity of the content of the media and works of literature. It is noted that such works give readers and viewers a false idea about the activities of special services and their representatives.

Keywords: literature and cinema, work of special services, false information, archival research.

В жизни разведчиков многое порой происходит совсем не так, как в кино или на страницах романов, что объяснимо разными причинами, и в первую очередь – сохранением секретной информации. Так, большая часть биографии самого известного советского разведчика послевоенного периода В. Г. Фишера, вошедшего в историю, как резидент советской разведки в США Рудольф Абель, до сих пор остается под грифом «совершенно секретно» [1]. Аналогично обстоит дело и с жизнеописанием других знаменитых сотрудников отечественных спецслужб (Рихард Зорге, Николай Кузнецов и др.) [2]. Советский разведчик А. П. Святогоров, например, стал прототипом разведчика Александра Белова, главного героя романа «Щит и меч», по которому создан кинофильм, но из 17 оперативных псевдонимов А. П. Святогорова до сих пор рассекречен только один – «Майор Зорич» [3, с. 6-7].

Вместе с тем при изучении литературных произведений и СМИ, посвященных деятельности работников спецслужб, нужно учитывать фактор авторского вымысла, не основанного на событиях, действительно имевших место. Такие произведения могут формировать у читателей и зрителей искаженное представление о фактах, ставших уже историей.

Так, по роману А. И. Солженицына «В круге первом» создан многосерийный художественный фильм. Действие происходит в Москве в течение декабря 1949 года. Советский дипломат Иннокентий Володин, работающий в Министер-

стве иностранных дел СССР, анонимно звонит в посольство США и сообщает, что советской разведкой готовится похищение сведений, касающихся производства атомной бомбы. Работники МГБ СССР, прослушивающие телефоны посольства, записывают этот разговор на магнитную ленту. Для установления личности звонившего (идентификация голоса) полученную фонограмму передают в секретный институт, где работают заключенные (талантливые инженеры).

Сам А. И. Солженицын в одном из интервью утверждал, что данный факт имел действительно место, и он получил о нем сведения из достоверного источника. Однако в специальной литературе мы не находим соответствующих подтверждений [4]. Заместитель начальника Центрального архива ФСБ РФ Н. А. Иванов сообщил нам: «Центральный архив ФСБ документальным подтверждением сюжета романа А. Солженицына «В круге первом» о том, как советский дипломат пытался предупредить власти США о работе советских разведчиков по получению ядерных секретов, не располагает» [5].

Известный российский журналист А. Караулов создал фильм-расследование под громким названием «Шпионы Гитлера в Кремле». В качестве источников информации журналист пригласил для интервью докторов исторических наук И. Линдера, А. Мартиросяна и «писателя» В. Малеванного. Не демонстрируя ни одного документа, ни одного фотосним-

ка, эти комментаторы сообщили, что, якобы, с середины 1942 года заседания Государственного Комитета Оборона (ГКО), на которых присутствовал И. В. Сталин, протоколировал ответственный сотрудник ЦК ВКП (б) Владимир Минишский (или Мышинский), который в начале Великой Отечественной Войны попал в плен к немцам, был завербован ими и ему организовали «побег» на советскую территорию. Предатель некоторое время передавал гитлеровцам информацию о заседаниях ГКО, а потом насовсем ушел к немцам.

Настораживает, что комментаторы не могли назвать точно ни фамилию предателя, ни время его действия, ни подтверждающие документы. Сама данная история очень туманно и противоречиво изложена в книге журналиста Э. Кукриджа, и никакого доверия не заслуживает [6]. Заместитель начальника Центрального архива ФСБ РФ Н. А. Иванов сообщил нам: «Центральный архив ФСБ России сведениями и материалами в отношении Владимира Мышинского (Минишский) не располагает» [7].

Мы обратились за помощью в поиске документов о гитлеровском агенте Мышинском в Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Заместитель директора архива М. С. Астахова сообщила: «Сотрудниками архива поиск велся по документам Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП (б), а также Государственного комитета обороны (РГАСПИ, фонд17. Описи 3, 78, 116; фонд 644). Данных о В. Мышинском не обнаружено. Уведомляем, что ГКО не имел своего технического аппарата, и его работу обслуживал Особый сектор ЦУ ВКП (б), являвшийся канцелярией Политбюро и одновременно секретариатом И. В. Сталина. Возможность внедрения и долгосрочной работы в подобных структурах человека, находившегося в плену у немцев и ими завербованного, представляется крайне маловероятной» [8]. Таким образом была развенчана версия о гитлеровском шпионе в окружении И. В. Сталина.

В числе художественных произведений, формирующих у читателей и зрителей искаженное представление о важнейших событиях рассматриваемой эпохи, можно отнести сценарий И. Болгарина и Г. Северского «Адъютант его превосходительства», по которому в 1969 году был выпущен мини-сериал, принесший авторам и актерскому коллективу Государственную премию СССР. В основе сюжета рассказ о том, как киевские чекисты внедрились своего агента под видом белогвардейского капитана Кольцова в ставку генерала Ковалевского. В титрах к каждой серии фильма указано: «Первым чекистам посвящается».

Миллионы советских зрителей были убеждены в том, что основу фильма составляют героические действия сотрудников ВЧК периода гражданской войны. Постепенно выяснилось, что в период выхода фильма на экраны в стране еще жил прототип главного героя – Макаров Павел Васильевич (1897 – 1970 гг.), который еще в 20-х годах издал книгу воспоминаний, как он работал адъютантом у командующего Добровольческой армией генерала В. З. Май-Маевского [9]. Книга выдержала пять изданий, одновременно вызвала ряд «разоблачительных» писем от бывших подпольщиков. Автор книги в 1937 г. был арестован, осужден, но вскоре оправдан определением судебной коллегии Верховного суда РСФСР и ему вернули персональную пенсию. Впоследствии П. В. Макаров был участником Великой Отечественной войны, награжден орденами и медалями.

В 1966 г. писатель И. М. Росохватский на основе мемуаров П. В. Макарова издал повесть «И все-таки это было», последовала книга И. Болгарина и Г. Северского, в которых о са-

мом Макарове и его мемуарах практически не упоминалось. Его обращения в разные инстанции с претензиями о плагиате названных авторов – были безрезультатными.

В 2005 году ученый-криминалист М. А. Михайлов опубликовал свое исследование, в котором отозвался о П. В. Макарове положительно, однако отметил: никаких заданий советских спецслужб этот человек не выполнял [10]. Одним из авторов был сделан соответствующий запрос о возможной связи П. В. Макарова с ВЧК в период его работы адъютантом белогвардейского генерала. Заместитель начальника Центрального архива ФСБ РФ Н. А. Иванов сообщил нам: «Ваше обращение в отношении Макарова Павла Васильевича рассмотрено. Сообщаем, что Центральный архив ФСБ России сведениями и документальными материалами в отношении интересующего лица не располагает» [11].

Таковы результаты некоторых архивных проверок по объективности содержания СМИ и произведений литературы, посвященных деятельности спецслужб.

Пристатейный библиографический список

1. Долгополов Н. М. Абель-Фишер. - М. 2016. - С. 363.
2. Болтунов М. Е. Разведчики, изменившие мир. - М., 2009.
3. Барыкин И. Щит и меч майора Зорича // Тайны XX века. - 2015. - № 6. - С. 6-7.
4. Чернявский В. Операции советской разведки: вымыслы и реальность. - М., 2016.
5. Письмо № 10/А/А-4503 от 18 сентября 2020 г. Личный архив Р. Г. Ардашева.
6. Кукридж Э. Гелен: шпион века. - Смоленск, 2001.
7. Письмо № 10/А/А-4970 от 30 сентября 2021 г. Личный архив Р. Г. Ардашева.
8. Письмо № 6102-з 8187 от 16 декабря 2021 г. Личный архив Р. Г. Ардашева.
9. Макаров П. Адъютант генерала Май-Маевского. - Л., 1927.
10. Михайлов М. А. Адъютант Май-Маевского: чекист-нелегал или миф советской пропаганды? // MILITARY КРЫМ. - 2005. - № 2. - С. 46-50.
11. Письмо № 10/А/А – 4900 от 1 октября 2021 г. Личный архив Р. Г. Ардашева.

шений. Возникновение и оформление ТКП в Оренбурге, Пензе, Безенчуке относилось к 1922-1923 годам, в Самаре – к 1924 году. В это время, как показывают материалы дела, данные организации «представляли слабо связанные между собою группы, состоящие из представителей буржуазных и социалистических партий». Затем эти группы трансформировались в четко оформившиеся политически и организационно контрреволюционные организации. Указывалось, что их члены пытались восстановить свои дореволюционные связи в Москве с организаторами и идеологами ТКП – Н. П. Макаровым, А. В. Тейтелем, А. В. Чайновым и др. В материалах следствия приводились доказательства таких связей: протоколы допросов руководителей Московского центра Н. Д. Кондратьева, А. В. Тейтеля и Н. П. Макарова, в которых они признавались в своих контактах с представителями Поволжского отделения ТКП. В 1923 году, после организации Средневолжской области, Самарский филиал ТКП, согласно следственному делу, становится краевым руководящим контрреволюционным центром и проводником директив ЦК ТКП в низовые организации. Следствие выявило два периода в деятельности организации. Первоначально, когда члены организации были уверены в скором и неизбежном падении советской власти под действием «хозяйственных и политических кризисов», они сконцентрировали свои усилия на вредительстве в различных областях народного хозяйства, главным образом в сельском хозяйстве, расшатывании устоев господства пролетариата. Затем, когда надежды на быстрый успех рухнули, началась подготовка к вооруженному восстанию¹⁶.

Следует отметить, что Арапов и Баскин в ходе следствия обращали внимание на то, что к созданию ТКП подтолкнула политика Советской власти. Факты советской действительности заставляли усомниться в провозглашенных лозунгах о справедливости и равенстве строившегося в СССР социалистического общества. Арапов отмечал, что «кадры для нашей контрреволюционной организации» черпались из той интеллигенции, среди которой «на первых порах было твердое решение продолжать работу вместе с взявшим в свои руки власть пролетариатом и партией ВКП(б)»¹⁷. В показаниях Арапова говорилось об униженном положении интеллигенции при Советской власти: «Политические свободы, о которых грезила интеллигенция при полицейском строе, которые она считала столь необходимыми, оказались и в условиях диктатуры пролетариата только мечтой. Зато отношение к интеллигенции стало не лучше, а пожалуй даже хуже, чем раньше»¹⁸. В таком же бесправном положении оказалось, по мнению Арапова, и крестьянство: «Кроме того, нам казалось, что кроме нас, интеллигенции, в таком же неполноправном положении оказалось и многомиллионное крестьянство. Рабочий класс, объединенный в профсоюзы, имеющий свою партию, захвативший в руки всю политику власти – осуществляет диктатуру над крестьянством, распыленным, не имеющим своей организации, не могущим проявить свою волю, заявить о своих нуждах и потребностях. А между тем не только по количеству крестьянского населения, но и по той роли, которую оно играет в экономике страны, являясь главным производителем товарных ценностей, казалось бы, оно имеет больше прав на доминирующее положение в управлении страной... К общей предпосылке о преобладающей роли крестьянства в нашем народном хозяйстве, что должно было привести к большему удельному весу его в политической жизни по сравнению с чис-

ленно значительно меньшим пролетариатом, фактически осуществляющим всю полноту власти над страной, прибавились для нашего края ужасы пережитого голодного 1921-1922 года, наиболее сказавшемся на крестьянстве ... Только объединенное, сплоченное крестьянство может противопоставить свои требования диктатуре пролетариата, отстаивать свои интересы, которые представлялись прежде всего в виде необходимости поднятия общей культурности и экономического благосостояния крестьянства и освобождения хозяйственной инициативы...»¹⁹.

Таким образом, дело Волжской контрреволюционной организации «Трудовой крестьянской партии» велось параллельно с делом А. В. Чайнова и Н. Д. Кондратьева в Москве. Следствие по делу Волжской контрреволюционной организации «Трудовой крестьянской партии» продолжалось около года. В результате десятки человек были отправлены в тюрьму, высланы в другие регионы или уволены с работы. Многие из тех ученых, которые были арестованы по этому делу, умерли от болезней в лагерях. В частности, в 1933 году погиб С. М. Тулайков, который на протяжении 15 лет был директором Безенчукской опытной станции. От ареста его не спасли ни научные заслуги, ни заступничество брата Н. М. Тулайкова, который был вице-президентом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ) и главным соратником Н. И. Вавилова. Часть из осужденных вышли на свободу в середине 1930-х годов, однако вскоре были вновь арестованы органами НКВД в 1937 году по новому делу. Так, Г. И. Баскин был арестован в 1930 г., а затем в 1937 г. вторично арестован и расстрелян. В 1937 г. был расстрелян и В. П. Арапов²⁰. В ходе процесса были арестованы и расстреляны и другие известные экономисты в области сельского хозяйства, а их работы объявлены «контрреволюционными» и «мелкобуржуазными». Фактически были ликвидированы последние очаги оппозиции в экономической сфере, отстранены от научной деятельности те, кто в той или иной степени были не согласны с большевистской политикой. Лишь немногие смогли продолжить научную деятельность. Политический процесс по делу «Волжской контрреволюционной организации «Трудовой крестьянской партии»» был крупнейшим политическим процессом в Среднем Поволжье, в результате которого была фактически разгромлена аграрная наука. Кроме того, политический процесс негативно сказался в целом на развитии экономической мысли в стране, существенно ограничив масштабы исследований.

Пристатейный библиографический список

1. Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки. - СПб., 2003.
2. Сыпченко А. В. Трудовая народно-социалистическая партия: теория и практика. - Самара: Изд-во СГПУ, 2004. - 516 с.
3. Сыпченко А. В. Народные социалисты в эмиграции (20-30-е годы XX века) // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Гуманитарные исследования». - Самара, 2005. - С. 138-139.

16 Архив УФСБ по Самарской области. - Ф.П-88.44. - Д. 3632. - Т. 1, 2, 3.

17 Архив УФСБ по Самарской области. - Ф.П-88.44. - Д. 3632. - Т. 3. - Л. 121.

18 Архив УФСБ по Самарской области. - Д.П-67.15. - Л. 124.

19 Архив УФСБ по Самарской области. - Ф.П-88.44. - Д. 3632. - Т. 3. - Л. 122-124.

20 Архив УФСБ по Самарской области. - Д.П-67.15.

СЕРГЕЕВ Александр Леонидович

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА КУБИНСКОГО СОЦИАЛИЗМА: СТАДИИ ФОРМИРОВАНИЯ

Настоящая статья посвящена стадиям формирования политико-правовой доктрины кубинского социализма как самобытного идейно-смыслового феномена.

Доктрина кубинского социализма формировалась как до кубинской Революции 1959 года, так и после нее, при разрешении целого ряда комплексных задач, обусловленных как внешними, так и внутренними факторами. Истоки доктрины кубинского социализма лежат в национально-освободительной борьбе 19 века против испанской метрополии. В первой половине 20 века оформившийся мартианский компонент приобрел социал-революционный характер. Первые десятилетия, прошедшие после кубинской Революции, в значительной степени усилили марксистский компонент доктрины, однако распад СССР и социалистического лагеря заставил кубинские правящие группы провести курс на «ректификацию» и «возвращение к корням» кубинской национально-государственной идеологии с новым усилением в нем патриотической мартианской составляющей.

Ключевые слова: кубинский социализм, доктрина кубинского социализма, Фидель Кастро, Хосе Марти, мартианство, марксизм, социализм, коммунизм, мировое коммунистическое движение.

SERGEEV Aleksandr Leonidovich

Ph.D. in Law, associate professor of History of state and law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

POLITICAL AND LEGAL DOCTRINE OF CUBAN SOCIALISM: STAGES OF FORMATION

This article is devoted to the stages of the formation of the political and legal doctrine of Cuban socialism as an original ideological and semantic phenomenon. The doctrine of Cuban socialism was formed both before the Cuban Revolution of 1959 and after it, when solving a number of complex tasks caused by both external and internal factors. The origins of the doctrine of Cuban socialism lie in the national liberation struggle of the 19th century against the Spanish metropolis. In the first half of the 20th century, the formed Martian component acquired a social revolutionary character. The first decades that passed after the Cuban Revolution greatly strengthened the Marxist component of the doctrine, but the collapse of the USSR and the socialist camp forced the Cuban ruling groups to pursue a course of "rectification" and "return to the roots" of the Cuban national-state ideology with a new strengthening of the patriotic Martian component in it.

Keywords: Cuban Socialism, the doctrine of Cuban socialism, Fidel Castro, Jose Marti, Martianism, Marxism, socialism, communism, world communist movement.

Тематика кубинского социализма имеет исключительную актуальность. Мировой социализм имел на протяжении последних полутора веков различную судьбу. Триумф социализма пришелся на первую половину 20 века, крушение мировой социалистической системы – на конец двадцатого столетия. В то же время, на сегодняшний день заметны черты, говорящие о мировом социалистическом ренессансе.

Кубинский социализм ни на день не переставал существовать после распада социалистического лагеря. Выживая в сложнейших условиях североамериканской торгово-экономической блокады, он, начиная с 90-х годов, параллельно проводил кардинальную экономическую диверсификацию и стремился к взятию современных постиндустриальных рубежей. Высококачественная и бесплатная медицина, образование, высокий уровень культурного развития, борьба с бедностью и ряд иных социально значимых статистически измеряемых параметров свидетельствуют о том, что кубинский социалистический строй, несмотря на жесточайшую североамериканскую блокаду, длящуюся уже более шести десятилетий, демонстрирует серьезные достижения. Из сказанного выше следует, что феномен кубинского социализма имеет не только стратегические перспективы собственной позитивной трансформации, но и возможность сказать новое слово в теории и практике сегодняшнего мирового социалистического движения.

Кубинский социализм – доктрина, складывавшаяся эволютивным путем. На каждом этапе ей сопутствовали определенные стадии – этапы, которым были свойственны определенные генеральные принципы и совокупность исторически обусловленных факторов, а также четкие временные границы, в которых решалась совокупность определенных задач. Необходимо выделить следующую совокупность стадий:

I стадия. Оформление мартианства – национально-освободительной и социальной доктрины (конец 19

века). Складывание указанного политико-правового учения способствовали: спор кубинских автономистов и сепаратистов первой половины 19 века; три антиколониальные национально-освободительные войны второй половины 19 века против испанской метрополии и породившие их конституционно-правового характера; опыт общественной деятельности самого Хосе Марти, погибшего в бою с войсками испанской метрополии и ставшего «апостолом» кубинской независимости».

У мартианства как вновь оформленной доктрины было немало общего с европейскими доктринами утопического социализма. Акцент в нем делался на этике и нравственных принципах, а не на анализе совокупности производительных сил и производственных отношений. В силу этой причины мартианство можно назвать основой и первообразом доктрины кубинского и латиноамериканского социализма, но социализма, с сильным преобладанием утопического компонента.

Основными принципами, сформированными указанной эпохой, были:

– самоценность государственного суверенитета как средства и способа глубокой и долговременной революционной трансформации общества;

– мартианская этика партизанской и революционной войны;

– патриотизм; гуманизм; панлатиноамериканизм; «всечеловечность»; доктрина кубинской нации; программа строительства общества социальной справедливости [1, с. 1].

II стадия. Обретение мартианством социал-революционного дискурса (с начала 20 века – до провозглашения социалистического характера кубинской революции в 1961 года). Его акцент в нем перемещается от собственно национально-освободительного пафоса к необходимости проведения внутренних коренных революционных преоб-

разовый и решению острейших социальных проблем современности.

В указанную эпоху колониальная эксплуатация уходит в прошлое, уступая место эксплуатации неоколониальной, сопровождаемой острейшими социальными проблемами. Фидель Кастро, а также некоторые другие деятели революционного сопротивления (Франк Паис, Хосе Антонио Эчеверрия и др.) развивают мартианские взгляды делая акцент на его социал-революционной сущности. В 20-е годы 20-века на Кубе появляется собственная коммунистическая партия, что вносит в формирование кубинской социальной доктрины существенный марксистский компонент

Для указанной стадии развития кубинской социалистической доктрины характерны следующие генеральные принципы:

- определение Революции в качестве священного символа и одновременно процесса, развертываемого во времени и представляющего собой постоянное обновление всех сфер национальной жизни (правоохранительной деятельности, экономики, культуры и т.д.) [2, с. 41-42.];

- осознание положения о том, что проект революционных преобразований общества является плодом деятельности немногочисленных накаленных социальных групп;

- разрабатывается программа конкретных масштабных социальных преобразований в различных сферах жизнедеятельности кубинского общества.

III стадия. Оформление кубинской национально-ориентированной социалистической доктрины (с 1961 – до 1975 года – I съезда Коммунистической партии Кубы). Именно в указанное время – период доминирования марксистского идейно-смыслового компонента – кубинская социалистическая доктрина проходит стадию своего окончательного оформления. В то же время, кубинский социализм и в данный временной промежуток сохраняет значительную самобытность, опираясь на собственные национальные корни. Неудачи, вызванные «Великой Сафрой» и попыткой решения экономической проблемы на основании тростниковой монокультурности, привели к осознанию необходимости диверсификации структуры островной экономики, приводят новую островную политическую элиту к пониманию необходимости стремления взятия индустриального, а затем и постиндустриального рубежей в качестве базовых и основных принципов развития.

«Советизация» кубинского конституционного права, принятие совокупности советских идеологических постулатов; выработка соответствующих основ экономической политики – все это во многом стало следствием нарастающей экономической блокады со стороны США, а также различных форм силового и иного давления, в результате чего СССР становился для острова единственной гарантией сохранения его суверенитета и иных достигнутых на тот момент революционных завоеваний. В то же время, в кубинских условиях стремительно оформляется доктрина социалистического гуманизма:

- всестороннее развитие человека ставится во главу угла и подчеркивается как основа социалистической революции;

- формируется особая этика и идеология кубинского политического лидерства;

- растет понимание важности поддержки социалистического проекта народными массами, что способствовало активизации механизмов «прямой демократий» во взаимоотношениях между обществом и властью.

IV стадия. Оформление доктрины «победившего социализма» в условиях экономической блокады и международной напряженности (1975 – начало 90-х годов). К середине 70-х годов на Кубе были построены основы социалистической системы управления обществом. Благополучие масс и отдельно взятых людей стремительно росло. В то же самое время, североамериканская блокада и иные враждебные действия со стороны США не ослаблялись, а только нарастали. Исходя из этого, политической властью на вооружение брались идеи, которые могли бы поддержать монолитность общества и дальнейшую решимость развивать и защищать социалистические идеи:

- Принцип антиимпериализма подучает прямое выражение в интернационализме и международной солидарности, которые, в свою очередь, должны строго опираться на международное право;

- «Концепция всенародной войны», базирующаяся на всеобщем вооружении народа;

- Диалог Ф. Кастро с лидерами «Теологии Освобождения», отразившийся в разработке Фиделем концепции «Хри-

стос-первый революционер и необходимости стратегического союза коммунистов и христиан.

V стадия. Оформление гуманистической альтерглобалистской доктрины (начало 90-х – конец 2000-х годов). Распад СССР заставил Кубу во многом возвратиться к корням и вернуться к доминированию в нем мартианского идейно-смыслового компонента. В сложившихся условиях, в режиме очередного усиления североамериканской экономической блокады, происходит стремительная диверсификация кубинской экономической модели с постепенным усилением доминирования в ней постиндустриальных отраслей хозяйственной деятельности. В плане стратегической повестки дня на Кубе во главу угла ставится вопрос о противодействии системе неолиберальной глобализации, главенство которой в перспективе становится опасным для существования не только развивающихся, но и развитых стран, а также человечества в целом.

VI стадия. Оформление доктрины «Национально-государственный суверенитет на службе человека» (конец 2000-х годов 21 века – по настоящее время). За последние полтора десятилетия на Кубе произошли фундаментальные социально-политические и политико-правовые изменения:

- трансформация политической элиты вследствие смены поколений (официальный уход с руководящих постов Фиделя Кастро в 2010 году и его смерть в 2016 году; эпоха Рауля Кастро и его уход со всех постов к 2021 году;

- формирование и функционирование новой политической команды, отвечающей за принятие островом коренных стратегических решений);

- стремительная общепланетарная информатизация, поставившая перед островом задачу очередной коренной диверсификации ее технико-информационной сферы с необходимостью соответствующих социальных трансформаций;

- стремительная активизация принципа защиты и охраны государственного суверенитета в условиях глобальной мировой турбулентности первой четверти 21 века;

- необходимость расширения и параллельного гарантирования широкого спектра прав человека как необходимое отражение глубинной сущности кубинской социалистической доктрины.

Императив «коллективного естественного права» на государственный суверенитет, которого надо самоотверженно добиваться и защищать параллельно с антиимпериалистической критикой доминирующей ныне модели либеральной глобализации, стал стержнем кубинской идейно-смысловой общественной трансформации. Как пример, важнейшим отражением указанного процесса стало закрепление в кубинской конституции 2019 года доктрины «информационного суверенитета», позволившей острову создать в указанном аспекте значимый задел на будущее и по-новому подойти ко многим аспектам современного мирового политико-правового процесса. Заявленные выше императивы нашли свое фундаментальное отражение в работе восьмого съезда Коммунистической партии Кубы в апреле 2021 года, многие из которых были развиты и углублены в соответствии с требованиями времени.

Доктрина кубинского социализма стремительно развивается и продолжает свое формирование. Стратегический контент Острова Свободы говорит о том, его общество с оптимизмом смотрит в будущее, готов защищать достигнутые ценности и брать новые рубежи политико-правового развития. Выражаем надежду, что современное отечественное научное сообщество будет с большим вниманием относиться к идейно-смысловым трансформациям политико-правовой действительности, что неизбежно обогатит как знание о текущих трансформациях идейной основы мирового социализма, так и о самобытном латиноамериканском политико-правовом контенте, ставшим результатом столкновения общества с совокупностью глобальных проблем современности и осуществлением им поиска их фундаментального и системного решения.

Пристатейный библиографический список

1. Jose Marti. Nuestra America. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.josemarti.cu/publicacion/nuestra-america-2/> (дата обращения: 15.10.2021).
2. История меня оправдает // Фидель Кастро. Речи и выступления. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – С. 5 – 90.

МАГДИЛОВ Мажид Магдилович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Юридического института Дагестанского государственного университета

ХАНМАГОМЕДОВА Ханзада Гаджимурадовна

магистрант 2 года обучения Юридического института Дагестанского государственного университета

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ АНТИЧНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ КАК ОСНОВА ТЕОРИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

В данной статье рассмотрены истоки доктрины правового государства и процесс формирования его основных принципов, а также роль личности в античном государстве-полисе на основе анализа политико-правовых взглядов таких гигантов античной политической мысли, как Сократ, Платон, Аристотель, Цицерон. На основании их тезисов сделаны выводы о масштабах влияния философии античного мира на становление концепции правового государства.

Ключевые слова: правовое государство, личность, право, полис, гражданское общество, верховенство закона, идеальное государство.

MAGDILOV Mazhid Magdievich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

KHANMAGOMEDOVA Khanzaday Gadzhimuradovna

magister student of the 2nd course of the Institute of Law of the Dagestan State University

POLITICAL AND LEGAL VIEWS OF ANCIENT THINKERS AS THE BASIS OF THE THEORY OF THE RULE OF LAW

In this article we will return to the origins of the doctrine of the rule of law and examine the process of forming its basic principles, as well as examine what role was assigned to the individual in the ancient polis-state. The political and legal views of such giants of ancient political thought as Socrates, Plato, Aristotle and Cicero are the subject of the study. On the basis of their theses, conclusions are drawn about the extent to which the philosophy of the ancient world influenced the formation of the concept of the rule of law.

Keywords: rule of law, personality, law, policy, civil society, ideal state.

Проблема формирования и развития идеи политического устройства с приоритетом права была актуальна на протяжении нескольких веков и остается таковой на сегодняшний день. Общеизвестно, что правовым можно назвать только то государство, в котором непреложно следует принципу верховенства закона. Верховенство закона было важным идеалом в политической традиции на протяжении тысячелетий, и невозможно уловить и оценить его современное понимание без понимания его исторического наследия. Основопологающие идеи правового государства были сформулированы в поисках идеального государства в трудах великих мыслителей Древней Греции и Древнего Рима, именно философы античности установили крепкий фундамент для последующего развития концепции правового государства.

Давая характеристику греческому полису, можно назвать его гражданской общиной с второстепенной ролью личности в ней. В системе полисной организации прослеживался четкий принцип – приоритет интересов государства над интересами личности. Главнейшую роль играли законы, которым были подчинены абсолютно все сферы, включая политические институты и гражданское общество.

Традиционно считалось, что конституции и законы греческих городов вдохновлены богами: конституция Спарты, например, была подарком дельфийского Аполлона. Но софисты разрушили этот общепринятый порядок. Их доводы показывали, что человек не может довольствоваться повиновением закону как внешнему авторитету и необходимости, но должен убедить сам себя, своим собственным размышлением в том, что правильно или, по крайней мере, необходимо. Столкнувшись с наступлением софистов на традиционные ценности, Сократ и его последователи поставили перед собой задачу восстановить уважение к законам. Вопреки теориям естественного права, он требует абсолютного подчинения закону. Но, вопреки юридическому позитивизму, Сократ не признал бы закон справедливым просто потому, что он закон. Он ищет истинной справедливости. Однако, как это часто бывает в философии Сократа, он не может согласиться с тем, что два одинаково оправданных и законных права или моральных ценности противоречат друг другу.

По мнению Сократа, даже если законы неправильно толкуются теми, кто должен их обеспечивать, даже если их применение может привести к несправедливости, даже если повиновение может привести к потере собственной жизни, все равно необходимо их соблюдать. «Везде в Элладе, – отмечает Сократ, – установлен закон, чтобы граждане приносили клятву в единомыслии... Это делается для того, чтобы они повиновались законам. Когда граждане сохраняют это повиновение, государства бывают самыми счастливыми и сильными» [3, с. 135]. При этом, принцип подчинения закону у Сократа имеет несколько условий: 1. Правило, к которому оно применяется, должно быть действительным законом, а не указом суда или приказом Государя, которое противоречило бы закону. 2. Гражданин всегда имеет право покинуть город и, таким образом, расторгнуть договор. 3. Гражданин имеет абсолютное право обсуждать законы. Хотя Сократ больше подчеркивает обязанности чем права, связанные с гражданством, эти права необходимы для правильного понимания его мысли: Сократ, безусловно, требует абсолютного послушания, но послушания, которое можно было бы назвать «критическим».

При этом, Сократ придает немалое значение и роли личности в полисе. Особое внимание он уделяет такому важнейшему фактору политического устройства общества как самосовершенствование человека. На сегодняшний день мы можем увидеть, что этот фактор переплетается с гражданским обществом, как необходимым условием становления правового государства.

Самый известный автор идеального государственного устройства Платон подчеркивал важность права во многих своих работах. В «Критоне», диалоге между Сократом и его другом Критоном, Критон предлагает Сократу способ избежать надвигающейся казни. Сократ отказывается, объясняя это тем, что, когда гражданин решает жить в государстве, он «заключил подразумеваемый договор, что он будет поступать так, как велют законы...». Потрясенный смертью своего учителя Сократа, Платон принялся за разработку идеального государственного строя, в котором бы все классы общества чувствовали себя комфортно. Он видел, что сосуществование

бедных и богатых на фоне перенаселения и разорения грозит государству социальными взрывами. По мнению Платона, в основе идеального государства лежит принцип справедливости, который воплощается в законах.

Он считал, что лишь правовые законы могут сохранить целостность государства и способствовать развитию человеческих добродетелей: «Нарушение законов причиняет именно тот вред, что, мало-помалу внедряясь, потихоньку проникает в нравы, а оттуда, уже в более крупных размерах, распространяется на деловые взаимоотношения граждан и посягает даже на сами законы и государственное устройство» [4, с. 194]. В то же время Платон утверждал, что ни один писанный закон не может с идеальной точностью охватить все ситуации, к которым может потребоваться его применение, и, следовательно, необходима мудрая суверенная власть, стоящая над законом. Идеальный правитель – сильная личность, обладающая научными познаниями в искусстве управления, причём города, которыми не управляют непосредственно философы, должны соблюдать писанный закон.

В «Законах» Платон резюмирует свою позицию: «там, где закон подчинен какой-либо другой власти и не имеет своей собственной, крах государства не за горами; но если закон является господином правительства, а правительство его рабом, тогда ситуация полна надежд, и люди пользуются всеми благословениями, которые боги изливают на государство» [4, с. 568].

Достаточно много писал о верховенстве закона и Аристотель. В своем труде «Политика» он поставил вопрос о том, что лучше: лучший лидер или лучшие законы. Изучая этот вопрос, он обнаружил преимущества и недостатки обоих методов управления. Его вывод предполагает, что законы подходят для большинства обществ, поскольку они тщательно продуманы и могут применяться в большинстве ситуаций. Поэтому люди должны руководствоваться лучшими законами [1, с. 187].

В своих трудах он пытается объяснить, что там, где законы не имеют силы, нет конституции. Закон должен быть выше всего. Аристотель, подчеркивал, что эти законы должны поддерживать справедливые принципы, так что истинные формы правления неизбежно будут иметь справедливые законы, а извращенные – несправедливые.

Аристотель считал демократию и олигархию самыми опасными формами правления. В демократиях без закона к власти придут демагоги, а в олигархии, где у правителя большое богатство и многочисленные друзья, такой семейный деспотизм приближается к монархии; правят люди, а не закон. Поэтому Аристотель утверждал: «верховенство права... предпочтительнее чем любой человек». Так как люди обладают недостатками и могут приспосабливать правительство к своим личным интересам, тогда как верховенство закона объективно. «Тот, кто настаивает на правлении закона, может считаться настаивающим на правлении только Бога и разума, но тот, кто настаивает на правлении человека, добавляет элемент зверя; ибо желание есть дикий зверь, а страсть извращает умы правителей, даже если они лучшие из людей. Закон есть разум, не затронутый желанием» [1, с. 114].

Стоит отметить, что Аристотель критиковал отсутствие частной собственности в платоновских проектах. По его мнению, лучше всего мы заботимся о своем собственном имуществе. Если все вокруг общее, то это то же самое что ничье и никто о таком имуществе заботиться не будет, оно придет в упадок очень быстро. Исходя из этого, мы делаем вывод, что такой важнейший признак правового государства как частная собственность первым выделил именно Аристотель.

Огромнейший вклад в становление теории правового государства внес Марк Туллий Цицерон. Для него закон – это больше, чем просто сила, это правильный разум в согласии с природой. Он утверждал, что государство существует для того, чтобы поддерживать законы, находящиеся в гармонии с универсальными принципами природы. Без ключевого элемента справедливости, воплощенного в законе, государство не может быть сформировано. Он отмечал, что «в человеческих сообществах принято много пагубных мер, которые не приближаются к законам больше, чем если бы банда преступников согласилась сделать некоторые правила» [6, с. 189].

Цицерон в то же время настаивал на примате нравственных норм (которые известны как естественное право) над государственными законами. Он заявлял, что правительство прежде всего обязано защищать человеческую жизнь и частную собственность. Когда правительство выходит из-под контроля, люди имеют право на бунт. Очевидно, что для него главная цель закона – улучшение жизни граждан: «Вер-

до установлено, что законы были придуманы ради блага граждан, целостности государств и спокойной и счастливой жизни людей, и что те люди, которые впервые приняли постановление такого рода, объявили народам, что напишут и предложат такие постановления, одобрив и приняв которые, народы будут жить в почете и счастье. И те постановления, которые были так составлены и приняты, они, по-видимому, и назвали законами» [6, с. 113].

Он, как и Платон считал, что для создания идеального государства нужно прежде всего создать лучшие правовые законы для управления гражданами, «Ведь мы должны разъяснить природу права, а ее следует искать в природе человека» [6, с. 94].

Цицерон выделяет достаточно много важных признаков правового государства и некоторые из них были принципиально новыми для своего времени. Во-первых, это участие народа в выборах и управлении делами полиса, «но если будет надобность в каком-либо управлении вне полномочий магистрантов, то народ да изберет лицо, которое будет управлять» [6, с. 136]. Во-вторых, «впервые в истории Цицерон постулирует правовой характер государства, а также вводит термины «народ» и «общность интересов», которые отсутствуют в рассуждениях Аристотеля» [2, с. 64]. Цицерон убежден необходимости гражданского общества, отмечая, что идеальное государство с верховенством права возможно создать лишь в обществе, которое готово принять и дать ему развитие: «Государство есть достоинство народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общности интересов» [6, с. 20]. В-третьих, всеобщность права: «дабы каждый нес наказание в соответствии со своим поступком...» [6, с. 148]. Впервые в истории Цицерон постулирует правовой характер государства, а также вводит термины «народ» и «общность интересов», которые отсутствуют в рассуждениях Аристотеля.

Также, по его мнению, одна из главных целей создания государства и конституционных порядков это обеспечение личных прав собственности. Ожидается, что каждый человек присвоит себе и своей семье то, что ему нужно для выживания. Хотя собственность и не является естественным правом, но она является логическим продолжением нашей природы. И если государство аутентично в своем поведении, то оно формализует и защитит то, что каждый человек законно присвоил у природы.

Подводя итоги, нам становится очевидно – трудно переоценить вклад античных философов в развитие идеи правового государства. Из анализа первоисточников вытекает, что в полисе верховенству права отводится системообразующая роль, а также, что именно согласованное взаимодействие государственной политики и верховенства права является одним из самых необходимых для правильного развития государства. Что касается личности в системе полисной организации, то можно заметить, что несмотря на утверждения о приоритете интересов государства, философы высоко ценят человеческие добродетели и считают достаточно значимым самосовершенствование человека в полисе. Политико-правовые взгляды античных мыслителей оказали глубокое влияние на цивилизации по всему миру и дали невероятно мощный импульс дальнейшему развитию доктрины правового государства.

Пристатейный библиографический список

1. Аристотель. Политика. – М.: Юрайт, 2019. – 297 с.
2. Бученков Г. А. Эволюция государственно-правовых воззрений на сущностные характеристики государства // Образование и право. – 2020. – № 9. – С. 61-66.
3. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. – М.: Рипол-классик, 2018. – 379 с.
4. Платон. Законы. – М.: АСТ, 2020. – 704 с.
5. Платон. Государство. – М.: Рипол-классик, 2021. – 536 с.
6. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – М.: Академический проект, 2016. – 249 с.

ГАСАНОВ Орхан Бабекоглы

аспирант кафедры административного и финансового права Российского университета дружбы народов

ИНСТИТУТ ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД В КАНАДЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В этой статье рассматривается развитие института изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд в Канаде с самого его появления по настоящее время. Освещены функции принудительного отчуждения земельных участков. Выявлены положительные аспекты в правовом регулировании изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд. Также автором выделены основные нормативные акты, которые регулируют принудительное отчуждение (экспроприацию) в Канаде.

Ключевые слова: изъятие земельных участков, принудительное отчуждение, частная собственность.

GASANOV Orkhan Babekogly

postgraduate student of Administrative and financial law sub-faculty of the People's Friendship University of Russia

Гасанов О. Б.

THE INSTITUTE OF LAND ACQUISITION FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS IN CANADA: A HISTORICAL ANALYSIS

This article discusses the development of the institution of land acquisition for state and municipal needs in Canada from its very inception to the present. The functions of expropriation of land plots are highlighted. Positive aspects in the legal regulation of the land acquisition for state and municipal needs are revealed. The author also highlights the main regulations that govern the expropriation in Canada.

Keywords: eminent domain, expropriation, private property.

На сегодняшний день правовой механизм изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд является одним из основных инструментов современных государств в устойчивом развитии своих городов. Принудительное отчуждение активно применяется при изъятии земель с целью строительства транспортной инфраструктуры (автомобильные и железные дороги, метрополитен), нового жилья (Фонд реновации), объектов социальной инфраструктуры (школы, детские сады, больницы), и прочих объектов. Без изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд невозможно представить реализацию вышеперечисленных объектов, так как зачастую земельные участки находятся в частной собственности физических или юридических лиц.

В отличие от Российской Федерации в Канаде институт принудительного отчуждения зародился достаточно давно, тем самым это дает почву для проведения анализа его развития, на примере которого можно выделить определенные тенденции необходимые для положительного развития данного правового механизма.

В Канаде право на экспроприацию является древним правом, тесно связанным с созданием государства и его развитием. Дistinguished судья Йержо в своей работе представляет собой важный исторический обзор, который контекстуализирует право на экспроприацию, напоминая о трех его основных компонентах, а именно о наличии государственной власти, общественной полезности и компенсации полной стоимости [1].

Есть много примеров. Библия, например, дает очень древнюю иллюстрацию в Первой книге Паралипоменон. В Древней Греции выгравированные надписи

сообщают нам, что право на экспроприацию в общественных целях уже существовало. И трудно себе представить, чтобы крупные работы римлян могли быть осуществлены без экспроприации. Позже указ Филиппа Красивого, изданный в 1303 году, установил право государства экспроприировать частную собственность projustopretio compellidebent. В последующие века было издано несколько французских королевских указов, в которых, например, появилась дополнительная оплата к полной рыночной стоимости, как некая гарантия справедливой компенсации [1, с. 57].

Судья Йержо пишет, что эти три компонента также существуют в старом французском праве и встречаются в статье 17 Декларации прав человека 1789 г. [2], в Кодексе Наполеона 1804 г. [3], Гражданском кодексе Нижней Канады 1866 г. [4], Немецком Гражданском кодексе и конституционном праве Италии. Точно так же в общем праве, где нет конституционного принципа, провозглашающего неприкосновенность частной собственности, сложилась презумпция против присвоения собственности безвозмездно. Правила экспроприации были, так сказать, кодифицированы только в 19 веке в Англии посредством Закона о консолидации железнодорожных пунктов [1, с. 58-63].

Право на экспроприацию также было важным компонентом роста канадского государства с момента его основания. Автор Джордж С. Чаллис пишет интересную картину истории экспроприации в Канаде и Квебеке [5]. Одним из первых законодательных актов, касающихся права экспроприации, был Закон об общественных работах провинции Канада 1841 года, который был принят в период Объединенной Канады. Этот закон дал Совету по работам право изы-

мать любую землю, необходимую или полезную для общественных работ. Компенсацию определяли три арбитра.

Это законодательство было улучшено в 1859 году и стало Законом об общественных работах в 1867 году с появлением Канадской федерации. Процесс компенсации был изменен по сравнению с методом 1841 года, когда министр предлагал денежную компенсацию, и, если в этом было отказано, решение затем передавалось на рассмотрение коллегии из трех арбитров [5, с. 5].

Право на экспроприацию также было важным компонентом развития канадских железных дорог. В 1850 году законодательный орган Соединенных Штатов Канады принял Закон о железных дорогах, который разрешил обязательное изъятие земли для строительства и эксплуатации железных дорог. В этот закон также были внесены поправки в 1867 году, и компенсация снова определялась коллегией из трех арбитров. В 1919 году в Закон о железных дорогах были внесены дополнительные поправки, согласно которым юрисдикция в отношении компенсации была предоставлена единолично-му арбитру в лице судьи местных судов. В Квебеке это было поручено судье Верховного суда.

Первый закон об экспроприации в Канаде был принят в 1886 году, в основном на основе Закона об общественных работах 1867 года. Закон об экспроприации также предоставил юрисдикцию в отношении компенсации трем арбитрам. В этот закон несколько раз вносились поправки, чтобы повысить степень точности на различных этапах экспроприации, и юрисдикция компенсации постепенно была передана одному судье, а не трем арбитрам [5, с. 6].

Один из первых законов об экспроприации в Квебеке был принят законодательным собранием Нижней Канады в 1796 году, что дало штату право в принудительном порядке приобретать землю для строительства дорог с компенсацией, определяемой семью оценщиками. Муниципалитеты Квебека очень рано в своих уставах имели право экспроприировать землю для общественных целей [6].

В 1856 году Квебек-Сити получил право брать любую землю, необходимую для строительства акведука, при условии выплаты компенсации, а в случае отсутствия соглашения компенсация определялась двумя экспертами при возможной поддержке арбитра. Еще в 1851 году городу Монреаль было разрешено проводить экспроприацию с компенсацией, определяемой специальным жюри из 12 человек, созданным мировым судьей города.

Практика и принципы были кодифицированы в статье 407 Гражданского кодекса Нижней Канады 1866 года, в которой говорится: «Никто не может быть принужден отказаться от своего имущества, кроме как для общественной пользы и в обмен на ранее уплаченную справедливую компенсацию» [7].

Первый закон Квебека об экспроприации был принят в 1890 году и регулировал споры о компенсации, которые не попадали под действие другого провинциального или федерального законодательства. Решение определяла коллегия из трех арбитров. Если сторона не назначала арбитра, генеральный прокурор становился единственным арбитром. После 1937 года было определено, что судья Верховного суда будет выступать в качестве единоличного арбитра.

Юрисдикция Верховного суда в отношении экспроприации была недолгой. В 1939 г. юрисдикция в отношении компенсации в вопросах экспроприации, не предусмотренных Муниципальным кодексом, была возложена на провинциальное управление транспорта и связи, которое в 1940 г.

было заменено Советом коммунальных служб [8]. Этот Совет сохранял за собой юрисдикцию по вопросам экспроприации до 1973 года, очень важного года в развитии закона об экспроприации.

В 1973 году был принят новый закон, который привел к созданию Трибунала по экспроприации, в который заседали судьи провинциальных судов, предшественника Суда Квебека. Закон 1973 г. ознаменовал серьезное изменение в том смысле, что с этого момента все муниципальные и провинциальные экспроприации попадали под юрисдикцию единого суда, что положило конец деятельности Монреальского управления по экспроприации и объединило споры об экспроприации, за исключением тех, под федеральной юрисдикцией - в едином суде [9].

Трибунал по экспроприации был упразднен в 1998 году с созданием Административного трибунала Квебека, где теперь споры об экспроприации рассматриваются в Отделе недвижимости коллегией, состоящей из судьи, юриста и сертифицированного оценщика, как это предусмотрено в разделе 33 Закона.

В Канаде широко используется принудительное отчуждение в качестве инструмента для реализации масштабных проектов по благоустройству городов. Так было и исторически, и в настоящее время. Со временем в Канаде, что начиналось как более узкое направление об устранении «упадочных районов» расширилось до юридического признания проектов, которые обещают экономическое развитие или обновление.

Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд в целях для реконструкции пришедших в упадок районов достигло своего пика в Северной Америке в 1950-х гг. Проекты по обновлению городов, осуществленные посредством экспроприации, были в тенденции в течение этих десятилетий, и волна проектов (и предлагаемых проектов) захлестнула городские центры Канады [10]. Как отмечает Холм, городские обновления этого времени «служили примером идеологии функциональных городов в эпоху Формализма», разрушающий старое, чтобы заменить его чем-то совершенно новым, более последовательным и целенаправленным [11]. Социальные болезни и экономическая слабость, присущая первоначальным соседям, должна была быть смыта новой физической средой, которая вызовет социальные изменения.

В Канаде, так же как и у американских соседей, наблюдалась аналогичная тенденция к сносу аварийного или заброшенного жилья. Национальный жилищный закон, был принят в 1944 г. и впоследствии изменен в 1949, 1956 и 1964 гг. [12], и закрепил роль федерального правительства в расчистке предполагаемых трущоб и поощрял реконструкцию городов. Вслед за ростом использования официальных планов канадских муниципалитетов – и рост городского планирования в Канаде в целом [13]– Закон поощрял муниципалитеты, чтобы те участвовали в крупномасштабных проектах реконструкции как способ устранить аварийное жилье и убрать бедные кварталы [14]. Один из самых громких исторических примеров экспроприации для обновления городов в Канаде в послевоенные годы – это Африквилль на окраине Галифакса. Африквилль был афроамериканским сообществом, основанным бывшими рабами, прибывшими из США через Подземную железную дорогу с 1700 года, которая была экспроприирована и снесена в начале 1960-х годов в целях обновления городов и «для улучшения жилищных условий жителей Африквилля [15]. Расчистка Африквилля была лишь

одним из нескольких таких проектов, которые проводились в рамках амбициозного плана реконструкции в Галифаксе [16].

В последние годы в Канаде наблюдается новая волна проектов обновления городов. В своем исследовании «морализации» городов, Рупперт пишет, что ранее всплески популярности проектов обновления городов в Северной Америке отражало «утопическое изображение» хорошего города [17]. Она утверждает, что, в то время как Северная Америка и Западная Европа в значительной степени отошли от грандиозных и идеализированных теорий о том, что делает город хорошим, эти взгляды по-прежнему задают то, как осуществляется городское планирование. Крупномасштабные проекты обновления городов продают «видение» того, каким город или даже район должен стать, зачастую требующее обширных приобретений частной собственности для реализации этих идей, являются неотъемлемой частью этого движения.

Точно так же Карпентер и Росс отмечают, что новое внимание к принудительному отчуждению как инструмент городского обновления совпадает с «третьей волной» джентрификации ((англ. gentrification) — реконструкция (ревитализация) пришедших в упадок городских кварталов путём благоустройства и последующего привлечения более состоятельных жителей). В то время как джентрификация обычно относится к типу преобразования района, посредством которого «люди со средним уровнем дохода получают контроль, с помощью самого рынка, а не принудительного расселения государством района, который переживал трудные времена», в передовой третьей волне джентрификации государство выступило сильным катализатором для таких изменений рынка [18]. В этих рамках неудивительно, что изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд (экспроприация) стала широко используемым инструментом перепланировки или реконструкции: здесь государство также берет на себя ведущую роль в осуществлении городских изменений, даже когда генеральный план в значительной степени разворачивается под руководством и финансированием частного сектора.

Таким образом, можно заключить, что изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд несмотря на свое давнее появление в Канаде не теряет своей актуальности и по сей день. Многовековая практика показала, что полномочия и перспективы принудительного отчуждения лишь увеличиваются, получая все большие возможности и цели, для которых оно осуществляется. С дальнейшим развитием городов не исключено, что экспроприация может обрести новую роль в глобальной урбанизации.

Пристатейный библиографический список

- 8811571 Canada Inc. c. Procureure générale du Québec, 2018 QCCS 4554.
- France: Declaration of the Right of Man and the Citizen, 26 August 1789. [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.refworld.org/docid/3ae6b52410.html>.
- The Code Napoleon and the Common-Law World; the Sesquicentennial Lectures Delivered at the Law Center of New York University, December 13-15, 1954. - New York: New York University Press, 1956.
- Kavanagh, Henry John. and Quebec (Province). Civil code of Lower Canada: with the amendments effected by imperial, federal and provincial legislation, up to and including the first session of the ninth legislature of the province of Quebec, 61 Victoria 1898: also, the Federal Bills of Exchange Act 1890, as amended up to and including the Dominion Act, 60-61 Victoria 1897 / by Henry J., Kavanagh J., Lovell Montreal 1898.
- Georges S. Challies, The Law of expropriation, Wilson Lafleur, 1963.
- Blanchette, Nikolas. "Introduction to Expropriation Law." Fasken, Fasken, 8 Sept. 2021. [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.fasken.com/en/knowledge/2020/12/15-introduction-droit-expropriation-quebec>.
- C.C.L.C. s. 407.
- Régie des services publics, Bibliothèque et archives nationales du Québec, consulted online. [Electronic resource]. - Access mode: http://pistard.banq.qc.ca/unite_chercheurs/description_fonds?p_anqid=20140826080226285&p_centre=06M&p_classe=E&p_fonds=35&p_numunide=895699.
- Dorion, Guy and Savard, Roger, Loicommentée de l'expropriation, 1979, Presse de l'Université Laval, Québec, p. 1.
- Marquis, G., 2010. Uneven Renaissance: Urban Development in Saint John, 1955-1976. Journal of New Brunswick Studies [online], 1, 91-112. [Electronic resource]. - Access mode: <http://journals.hil.unb.ca/index.php/JNBS/article/view/18194>.
- Holm, A., 2006. Urban renewal and the end of social housing: the roll out of neoliberalism in East Berlin's Prenzlauer Berg: urban renewal, urban policy, and modes of regulation. Social Justice, 33 (3), 114
- Lowden, J., 1970. Urban Renewal in Canada: a post-mortem [online]. Thesis (MA). University of British Columbia. [Electronic resource]. - Access mode: https://circle.ubc.ca/bitstream/handle/2429/34916/UBC_1970_A8%20L68.pdf?sequence=1.
- Valiante, M. and Smit, A., forthcoming 2015. Introduction. In: Public Interest, Private Rights: Law and Planning Policy in Canada. Vancouver: UBC Press.
- Cross, K.J., and Collier, R.W., 1967. The Urban Renewal Process in Canada: An Analysis of Current Practice. Vancouver: University of British Columbia.
- Byers, P.F.C., 1962. Letter, 26 November 1962. RE: Subject: Africville. Letter to J.E. Lloyd and Members of City Council. Document D862 [online]. [Electronic resource]. - Access mode: <http://halifax.ca/archives/documents/102-4A.5.D8620001.pdf>.
- Paterson, M., 2009. Slum Clearance in Halifax: the Role of Gordon Stephenson [online]. Thesis (PhD). Dalhousie University. [Electronic resource]. - Access mode: http://theoryandpractice.planning.dal.ca/_pdf/history/mpaterson_thesis.pdf.
- Ruppert, E.S., 2006. The Moral Economy of Cities: Shaping Good Citizens. University of Toronto Press.
- Carpenter, D.M. and Ross, J.K., 2009. Testing O'Connor and Thomas: Does the Use of Eminent Domain Target Poor and Minority Communities? Urban Studies, 46 (11), 2449.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-2-165-98-99

КУРБАТОВА Галина Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИВАНОВА Ольга Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя

СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ВЫБОРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена проблемам правового регулирования и сопутствующим им недостаткам реализации выборов в России, рассматриваются наиболее острые и разнородные проблемы, вокруг которых ведутся доктринальные дискуссии, актуализируется важность эффективной реализации избирательных прав граждан в контексте повышения интереса населения к выборам и искоренения абсентеизма.

Ключевые слова: выборы, правовое регулирование, проблемы, дискуссии, совершенствование, развитие избирательных процедур.

KURBATOVA Galina Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor, senior lecturer of Civil Law and process sub-faculty of the Institute of Training of State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

IVANOVA Olga Vyacheslavovna

Ph.D. in Law, associate professor of State and civil law disciplines sub-faculty of the Ryazan branch of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

MODERN DISCUSSIONS ON THE PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND IMPLEMENTATION OF ELECTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the problems of legal regulation and the accompanying shortcomings in the implementation of elections in Russia, the most acute and diverse problems are considered, around which doctrinal discussions are being conducted, the importance of the effective implementation of citizens' electoral rights in the context of increasing public interest in elections and eradicating absenteeism is updated.

Keywords: elections, legal regulation, problems, discussions, improvement, development of electoral procedures.

Курбатова Г. В.

Иванова О. В.

В условиях современной правовой действительности, учитывая демократические основы построения современного человеческого социума, наличие у граждан возможности напрямую принимать участие в делах государства и реализовывать принадлежащие им по закону властные полномочия на практике обладает фундаментальным значением. В Российской Федерации реализуются две формы демократии – непосредственная и представительная. Именно в рамках реализации институтов непосредственной демократии граждане получают законную возможность напрямую, а не через представителей во власти, принять участие в общественной, политической и правовой жизни государства.

В таких условиях развития демократических начал формирования государственности, выборы и референдум являются основными формами, с помощью которых граждане имеют законную возможность принять непосредственное участие в делах государства, реализовать свои властные полномочия и проявить активную гражданскую позицию [1, с. 186]. Государство, в свою очередь, в лице специализированных уполномоченных органов, организаций и должностных лиц обязано обеспечить эффективную реализацию гражданами принадлежащих им избирательных прав. В Российской Федерации вопросами, касающимися организации и проведения выборов, занимается Центральная Избирательная Комиссия РФ.

Тем не менее, несмотря на то, что вопросам организации и проведения выборов в Российской Федерации на различных уровнях государственной и муниципальной власти традиционно уделяется повышенное внимание со стороны законодателя и общественности, в этой сфере по-прежнему существует ряд проблем, относительно правовой природы которых ведется множество дискуссий в современной конституционно-правовой и избирательной доктрине [3, с. 21].

Одной из основных проблем правового регулирования и реализации выборов в Российской Федерации является нестабильность избирательного законодательства [4, с. 62]. Об этом говорят специалисты и ученые уже не один год, однако ситуация до сих пор остаётся проблемной. В избирательное законодательство Российской Федерации на постоянной основе вносится множество изменений, большинство из которых отнюдь не исправляет имеющиеся проблемы и не корректирует ситуацию к лучшему, а лишь дестабилизирует ситуацию. Кроме того, ввиду того, что современный избирательный процесс в Российской Федерации регулируется огромным массивом федерального и регионального законодательства, изменения в одном нормативно-правовом акте неизменно приводят к изменениям в другом, так как между ними имеется устойчивая взаимосвязь, а региональное законодательство и вовсе должно соответствовать и не может противоречить федеральному законодательству. Все это не-

гативным образом сказывается на систематизации, стабильности и постоянности действующего избирательного закона, так как некоторые правила и требования по проведению выборов меняются.

Актуальной остается проблема в сфере конституционных гарантий судебной защиты избирательных прав граждан. Количество подобных обращений в суд, постоянно увеличивается, а процедура и сроки принятия решений по ним оставляют желать лучшего. В связи с этим жалобы от граждан рассматриваются крайне долго, что порождает еще большие недовольства и противоречия. К тому же, бюрократическая процедура, которая предписывает особый порядок подготовки и направления жалобы в суд по нарушению избирательных прав граждан, так же нуждается в корректировке в связи со сложным, не всегда понятным и логичным порядком, который предписывает предоставление абсолютно не нужных документов.

Не менее остро применительно к современному институту выборов в Российской Федерации стоит проблема абсентеизма – отказа избирателей от участия в выборах, характеризующегося крайне низкой электоральной активностью. Абсентеизм в избирательной системе возникает не случайно, его причины и истоки уже давно изучены и проанализированы. В частности, одной из причин абсентеизма применительно к выборам называют наличие политико-правовых противоречий между избирателями и государством, недовольственность избирательной системой, отсутствие достойных уважения и симпатии избирателей кандидатов. Проблема абсентеизма актуальна во всем мире, однако в нашей стране она наиболее актуально возникла в начале XX века [2, с. 34]. Безусловно, многое уже удалось исправить, однако и в наши дни проблема повышения избирательной активности имеет место быть, особенно на различных муниципальных выборах. Абсентеизм оказывает негативное влияние на реализацию института выборов, затрудняет его фактическое функционирование.

Особую актуальность в контексте современных технологий приобрела проблема неограниченного доступа кандидатов к средствам массовой информации в целях политической агитации. В настоящий момент действующее избирательное законодательство не предусматривает никаких ограничений по использованию кандидатами на выборах средств массовой информации и иной политической рекламы. В результате кандидаты с более существенными финансовыми возможностями в неограниченном количестве могут использовать платные выступления на телевидение, иных ресурсах и привлекать потенциальных избирателей, тогда как другие более скромные по финансовым возможностям кандидаты, в условиях ограниченных ресурсов, оказываются в неравном положении, так как они не способны оплатить подобное количество эфирного времени в СМИ.

В рамках повышения доверия избирателей к результатам и процедуре выборов важно задуматься о разработке механизмов снижения возможных фальсификаций в избирательном процессе. К сожалению, ежегодно при проведении выборов на различных уровнях государственной власти специалисты, избиратели, кандидаты и наблюдатели фиксируют ряд нарушений и фальсификаций, которые существенным образом подрывают авторитет избирательной кампании и доверие самих избирателей [5, с. 44]. Безусловно, ЦИК РФ и иные компетентные органы, в том числе, независимые наблюдатели, прилагают усилия для искоренения фальсификаций, однако только человеческих усилий явно недостаточно. Необходимо продолжать наращивать технический потенциал систем контроля и наблюдения на избирательных участках, использовать иные современные разработки на благо прозрачности и честности выборов. Иначе проблему абсентеизма, которая отчасти является следствием выявления фальсификаций, решить будет крайне затруднительно.

Не менее важно задуматься о вопросах безопасности выборов и недопущение фальсификаций при многодневных выборах. Если в условиях традиционного многодневного голосования только один день необходимо уделять пристальное внимание избирательным участкам и всему, что на них происходит, то, например, в рамках 3, 5 или 7-дневного голосования эта работа удлинится пропорционально количеству дней. Соответственно, степень ответственности и сложности так же увеличиваются. Многодневный формат проведения голосования с применением дополнительных форм, таких, как голосование на придомовых территориях и в населенных пунктах, где отсутствуют избирательные участки, существенно усложнили работу наблюдателей, которых, к слову, могли назначать только общественные палаты. Мы убеждены в том, что в этом отношении кроется потенциальная угроза для всего избирательного процесса, ведь именно институт наблюдателей, являясь одним из самых молодых элементов избирательной системы, представляет собой неотъемлемую часть демократически развивающегося государства. Легальность избирательного процесса не всегда свидетельствует о его легитимности, поэтому введение многодневного голосования и дополнительных форм досрочного голосования в условиях недостаточного доверия граждан к избирательной системе способно лишь усложнить возможности общественного контроля над проведением выборов, что, в конечном счете, может привести к снижению доверия россиян к институтам власти.

Выборы в новейшей истории Российской Федерации являются неотъемлемым элементом социально-правовой действительности, без которого представить современные общественные отношения крайне сложно. Выборы уже давно вышли за рамки избирательного права и процесса, став по-настоящему глобальным процессом, который касается каждого гражданина. В рамках института выборов основными проблемами являются следующие: нестабильность действующего избирательного законодательства, абсентеизм, неограниченность доступа к политической рекламе, наличие фальсификаций (несмотря на улучшения в последние годы). Помимо этого, по нашему мнению, крайне важно обратить пристальное внимание на то, чтобы всем участникам предвыборной гонки, независимо от принадлежности к той или иной политической партии, выделялось одинаковое количество агитационных ресурсов, связанных с использованием средств массовой информации. Следовательно, необходимо установить конкретные барьеры в действующем федеральном и региональном законодательстве.

Пристатейный библиографический список

1. Авдеев Д. А. Институты непосредственной демократии в Российской Федерации // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. - 2020. - № 44. - С. 186-189.
2. Качанов А. В. Электоральный абсентеизм в современной России // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. - 2020. - № 1. - С. 33-37.
3. Майкова Э. Ю., Симонова Е. В. Институт муниципальных выборов в современной России: проблемы и перспективы развития // *Власть*. - 2019. - № 5. - С. 19-27.
4. Пономарёва Ю. Ю. Причины изменений российского избирательного законодательства // *Образование и право*. - 2016. - № 5. - С. 60-65.
5. Росс Камерон Российские выборы и электоральное сигнализирование // *Политическая наука*. - 2017. - № 4. - С. 34-60.

АНДРЮХИНА Ирина Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Западного филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, г. Калининград

КАРАМА Лариса Львовна

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Западного филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, г. Калининград

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ В ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

В статье рассматривается применение в коммерческих организациях ключевых показателей эффективности деятельности персонала и эффективности деятельности компании в целом и анализируется возможность их использования в оценке эффективности деятельности государственных гражданских и муниципальных служащих и органов государственной власти и местного самоуправления. Авторами предлагается проводить оценку эффективности кадрового состава в системе государственной гражданской и муниципальной службы на основе расчета индекса эффективности профессиональной служебной деятельности каждого служащего и формирования на основе полученных значений рейтинга служащих органа государственной власти или местного самоуправления.

Ключевые слова: ключевые показатели эффективности деятельности персонала, государственные гражданские и муниципальные служащие, органы государственной власти и местного самоуправления, индекс эффективности профессиональной служебной деятельности, рейтинг.

ANDRYUKHINA Irina Yurjevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of State and municipal administration sub-faculty of the Western branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation, Kaliningrad

KARAMA Larisa Lvovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Head of State and municipal administration sub-faculty of the Western branch of the RANEPa under the President of the Russian Federation, Kaliningrad

MODERN APPROACHES TO ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF OFFICIAL ACTIVITIES OF STATE CIVIL AND MUNICIPAL EMPLOYEES

The article examines the application of key performance indicators of personnel and the efficiency of the company as a whole in commercial organizations and analyzes the possibility of their use in assessing the effectiveness of the activities of state civil and municipal employees and public authorities and local self-government. The authors propose to evaluate the effectiveness of personnel in the system of state civil and municipal service based on the calculation of the index of efficiency of professional performance of each employee and the formation on the basis of the obtained values of the rating of employees of a public authority or local self-government.

Keywords: key performance indicators of personnel, state civil and municipal employees, public authorities and local self-government, professional performance index, rating.

Оценка персонала, безусловно, это одна из важнейших функций управления персоналом. Насколько объективно она проводится, настолько эффективно работают органы власти и в целом - то любая организация, настолько эффективно работают люди, составляющие персонал данной организации или органа власти.

По мнению В. В. Травина, В. А. Дятлова, оценка персонала позволяет выявить профессиональные и личностные качества сотрудников, а эта работа должна проводиться по заранее разработанным на основе должностных требований критериям (полномочиям, закрепленными в должностных регламентах) [1].

В последнее время широкое распространение приобрели ключевые показатели эффективности, под названием KPI (Key Performance Indicator) – ключевые метрики, на которых базируется система оценки эффективности выполнения бизнес-процессов в коммерческой компании. Данные переменные могут относиться не только к оценке качества работы сотрудника, но и к оценке эффективности работы компании, в целом [2].

Например, оценку бизнес-компании можно провести используя показатели прибыли, рентабельности, капитализации и других, а сотрудников, в зависимости от характера профессиональной деятельности (например, для маркетолога – можно использовать такой показатель, как цена привлечения подписчика на аккаунт в соцсети).

Безусловно, мы не можем взять матрицу ключевых показателей коммерческой компании и наложить ее на органы государственной власти и местного самоуправления. Специфика деятельности государственных и гражданских и муниципальных служащих диаметрально отличается от деятельности работников организаций.

В то же время, интерес вызывает то обстоятельство, что система KPI разрабатывается для того, чтобы переводить стратегические цели организации в четкий план действий.

Поэтому введение системы оценки ключевых показателей эффективности позволяет сделать все бизнес-процессы компании: – прозрачными и прогнозируемыми; – оценить качество работы каждого сотрудника, проекта, компании;

Андрюхина И. Ю.

Карам Л. Л.

– сконцентрировать работу всех подразделений на работу над приоритетными задачами; создать честную и эффективную систему мотивации персонала на достижение сверхрезультата;

– повысить ответственность за результат каждого участника проекта.

Вот эти положения и вызывают особый интерес у авторов настоящей статьи.

Пытаясь тиражировать указанный выше опыт бизнес-структур на государственную гражданскую и муниципальную службу, при разработке ключевых показателей следует учесть, что все они, должны быть:

- измеримыми;
- выполнимыми и реалистичными;
- ограниченными временными рамками;
- понятными, не имеющими двусмысленной трактовки;
- качественными, т.е. иметь четкую систему оценки качества результатов.

В качестве примера можно попытаться проанализировать деятельность служащих, исполняющих контрольно-надзорные и административные функции.

Одним из показателей оценки эффективности служебной деятельности первых можно считать количество составленных протоколов о выявленных нарушениях, и в случаях, когда речь идет о выявленных финансовых нарушениях, протоколов, составленных на определенную сумму.

Рассматривая эффективность деятельности вторых, на первый план выступает качество исполняемых полномочий в установленные сроки.

Можно подсчитать количество таких исполненных поручений и провести сравнение по данному показателю всех служащих органа государственной власти или местного самоуправления.

Безусловно одним из показателей выступает показатель дисциплины, предусматривающий недопустимость опозданий, прогулов сотрудников и проявления грубого отношения в подразделении (органе власти или местного самоуправления).

Следуя логике анализируемого подхода, следует задавать определенные плановые (количественные) и стоимостные ориентиры для каждого служащего.

Конечно, управленческий труд в сфере государственной и муниципальной службы трудно представить в виде конкретных цифр и денежных сумм.

В то же время идея разработчиков КРП - подхода о целевом показателе может быть интересна с точки зрения оценки эффективности выполнения служащими должностных обязанностей (отдельных поручений).

Следует обратить внимание, что на сегодняшний день понятие «нормирование» отсутствует в нормативной правовой базе, регулирующей деятельность в сфере государственной и муниципальной службы.

И одна из нерешенных проблем – это отсутствие объективности распределения дополнительной нагрузки в системе гражданской и муниципальной службы.

Речь идет о нагрузке в виде подготовки ответов на жалобы и обращения граждан, разработке нормативных правовых или локальных актов. Указанные поручения распределяются между служащими конкретного подразделения без учета норм, которые сегодня отсутствуют, руководителем данного подразделения, безусловно исходя из положений должностного регламента, но по его личному усмотрению.

В результате отдельные служащие перегружены, что является одним из факторов стремительно приближающегося профессионального выгорания.

Безусловно, профессиональная служебная деятельность – это управленческая деятельность, результатом которой является выполнение в установленный срок поставленных задач и должностных обязанностей персоналом.

В отечественной литературе в части описания процедур проведения оценок эффективности деятельности кадрового состава можно отметить их деление на оценку кандидатов на вакантную должность и текущую периодическую оценку персонала органа государственной власти (местного самоуправления) [3].

Авторов статьи больше интересует второй вид оценки персонала государственной гражданской службы, т.е. текущую оценку результативности служащих.

Сотрудники должны понимать, как оценивается их труд, а руководители на основе оценки эффективнее использовать их потенциал.

Необходимо понять, что необходимо выбрать, измерить и оценить, исходя из особенностей служебной деятельности служащих, и как это может повлиять на результативность органа государственной власти.

Одним из объективных подходов к оценке государственных гражданских служащих, предлагаемом авторами статьи, является формирование рейтинга служащих на основе расчета Индекса эффективности их деятельности (далее – ИЭД).

Основными критериями (показателями) для расчета ИЭД являются должностные обязанности служащих, зафиксированные в должностных регламентах.

В целях объективности оценки результативности служащего в отчетном и предыдущем периодах авторами предлагается использовать индекс Пааше, широко применяемым для сравнения цен товаров текущего и предыдущего периодов [5].

Анализируя должностные регламенты, следует отметить, что у большинства государственных гражданских и муниципальных служащих, в число должностных обязанностей входит подготовка:

- аналитических материалов (в курируемой сфере);
- проектов нормативных правовых и локальных актов;
- ответов на жалобы и обращения граждан;
- информации для проведения приемов граждан руководителем органа власти или его заместителем и другие.

Проводя количественный и качественный анализ исполнения указанных выше поручений по каждому служащему подразделения (органа власти), следует учесть не только сколько подготовлено материалов, а сколько из них выполнено результативно.

Не просто разработано проектов, а сколько из них утверждено на отчетную дату, не просто формальный ответ на жалобу или обращение граждан, а какие из них являются результативными, т.е. граждане удовлетворены ответом на свое обращение.

Такой анализ будет способствовать повышению исполнительской дисциплины в органе власти и добросовестности кадрового состава, особенно при условии формирования рейтинга служащих, на основе полученных значений результатов их профессиональной служебной деятельности.

В то же время, делая вывод о невозможности тиражирования в целом КРП – подхода при проведении оценки как результатов деятельности кадрового состава органов власти так и органов государственной власти и местного самоуправления в целом, следует отметить, что отдельные элементы, в виде определений целевого показателя в цифровой и даже в стоимостной форме могут быть уместны как в ходе оценки служащих, исполняющих контрольно-надзорные, так и административные или технические функции.

Проведение оценки персонала на основе расчета индекса эффективности деятельности работников и формирования рейтинга их результатов с установлением целевых показателей по отдельным поручениям (например количества проектов нормативных правовых или локальных актов) можно использовать как для оценки персонала государственной гражданской и муниципальной службы, так и кадрового состава государственных и муниципальных организаций.

Пристатейный библиографический список

1. Травин В. В., Дятлов В. А. Кадровый резерв и оценка результативности труда управленческих кадров. - М.: Дело, 2015. - 176 с.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lazymarketer.pro/chto-takoe-kpi-prostimislovami/>
3. Веснин В. Р. Практический менеджмент персонала: Пособие по кадровой работе. - М.: Юрист, 2014. - 496 с.
4. Андрюхина И. Ю. Роль оценки персонала в профессионально-должностном продвижении кадров в системе муниципальной службы. // Вестник экспертного совета. Научный журнал. - 2020. - № 2-3 (21-22). - С. 38-42.
5. Андрюхина И. Ю., Карама Л. Л. Совершенствование оценки государственных гражданских служащих как условие успешности управления регионом. // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. - 2021. - № 3 (57). - С. 15-22.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-2-165-100-102

БЕРЛИЗОВ Михаил Павлович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Кубанского государственного университета, г. Краснодар

ПРОБЛЕМАТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ ИСКУССТВЕННЫХ ВОДОЕМОВ (ВОДОХРАНИЛИЩ) И ГИДРОТЕХНИЧЕСКИХ СООРУЖЕНИЙ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ ОБЪЕКТАМИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РФ

Автор исследует в настоящей статье особенности административно-правового статуса таких объектов культурного наследия, которые являются искусственными водоемами (водохранилищами) и гидротехническими сооружениями. На примере Краснодарского края, Республики Адыгея и Кабардино-Балкарской Республики демонстрируются возможные виды памятников истории и культуры, к которым относят такие объекты и сооружения, анализируется разница в их статусе и возможность перехода из одного вида в другой, демонстрируются проблемы правоприменительной практики в отношении таких объектов и сооружений.

На основе анализа законодательства РФ и сложившейся правоприменительной практики указанных регионов делается вывод о необходимости корректировки действующего законодательства РФ в этой части путем внесения в него изменений и дополнений.

Ключевые слова: законодательство, объект культурного наследия, гидротехническое сооружение, водохранилище, использование, сохранение, реконструкция, государственная охрана, ансамбль, достопримечательное место.

BERLIZOV Mikhail Pavlovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Kuban State University, Krasnodar

PROBLEMS OF USE, PRESERVATION AND STATE PROTECTION OF ARTIFICIAL RESERVOIRS (WATER RESERVOIR) AND HYDRAULIC STRUCTURES THAT ARE OBJECTS OF CULTURAL HERITAGE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The author explores in this article the features of the administrative and legal status of such cultural heritage objects, which are artificial reservoirs (reservoirs) and hydraulic structures. On the example of the Krasnodar Territory, the Republic of Adygea and the Kabardino-Balkarian Republic, possible types of historical and cultural monuments are demonstrated, to which such objects and structures belong, the difference in their status and the possibility of transition from one type to another are analyzed, the problems of law enforcement practice in relation to such objects and structures are demonstrated.

Based on the analysis of the legislation of the Russian Federation and the established law enforcement practice of these regions, it is concluded that it is necessary to adjust the current legislation of the Russian Federation in this part by making changes and additions to it.

Keywords: legislation, object of cultural heritage, hydraulic structure, reservoir, use, conservation, reconstruction, state protection, ensemble, landmark.

Берлизов М. П.

Актуальность проблематики в сфере сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия народов РФ не вызывает сомнений, как ввиду большого количества научных публикаций по данной тематике, так и объявления 2022 года – Годом культурного наследия народов России¹. При этом спектр освещаемых проблем в данной области, очень широк – от исторических аспектов [1] и соотношения с международным законодательством [2], до анализа отдельных институтов [3].

В рамках настоящей работы хотелось бы обратить внимание на один узкоспециализированный вопрос, который не получил широкого освещения в научной литературе, однако является не просто важным, – его актуальность нарастает с каждым днем все больше и больше. Речь идет о гидротехнических сооружениях и (или) связанных с ними водных объектах (водохранилищах), которые в советские годы в массовом порядке получили статус памятников истории и культуры, а сейчас, спустя годы, требуют модернизации или хозяйствен-

ного освоения прилегающей территории. Необходимо отметить, что на территории России достаточно большое количество регионов с такими сооружениями и (или) объектами. И, естественно, такие объекты всегда являются социально-значимыми.

В настоящей статье будет говориться лишь о тех объектах, с которыми непосредственно сталкивался сам автор. Однако, освещаемые проблемы являются шаблонными, одинаковыми для абсолютного большинства из них.

Основным аспектом рассматриваемой проблематики является определение надлежащего вида объекта культурного наследия для таких сооружений и (или) объектов, а также возможная смена уже закрепленного вида.

Так, обычно рассматриваемые сооружения и (или) объекты имеют вид ансамбля или достопримечательного места.

Например, на территории Краснодарского края и Республики Адыгея, в 1974 году², в качестве памятников истории и культуры были признаны: Читукское водохранилище, Шапсугское водохранилище, Федоровское водохранилище,

1 О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России: Указ Президента РФ от 30.12.2021 года № 745 // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112310115>.

2 О признании водных объектов памятниками природы или культуры: Решение Исполнительного комитета Краснодарского краевого совета народных депутатов трудящихся от 27.11.1974 года № 845 // СПС «КонсультантПлюс».

Краснодарское водохранилище. В последствии, исходя из уточненных в ходе историко-культурных исследований наименований, при регистрации указанных объектов в Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов РФ (далее – Реестр), они получили вид – достопримечательное место (Краснодарское водохранилище – «Памятное место: Краснодарское водохранилище – ударная комсомольская стройка», 1973 г.³; Федоровское водохранилище – «Памятное место: Федоровское водохранилище», 1967 г.⁴; и т.д.). И действительно, исходя из определения «достопримечательное место», которое содержится в ст. 3 Федерального закона от 25.06.2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»⁵ (далее – Закон об ОКН), указанные водные объекты можно признать «совместными творениями человека и природы», «памятными местами».

В противовес вышеуказанному, на территории Кабардино-Балкарской Республики (и не только), в 1983 году⁶, в качестве памятников истории и культуры были признаны: Баксанская ГЭС, Мало-Кабардинский оросительный канал. В последствии, исходя из уточненных в ходе историко-культурных исследований наименований, при регистрации указанных объектов в Реестре, они получили вид – ансамбль (например: Мало-Кабардинский оросительный канал – «Головные сооружения Мало-Кабардинской оросительной системы», 1924-1929 годы⁷). Т.е., в данном случае, исходя из определения «ансамбль», содержащегося все в той же ст. 3 Закона об ОКН, объектом культурного наследия был признан весь комплекс сооружений, без привязки ко всему водному объекту, с одновременным взятием под государственную охрану еще и каждого составляющего его сооружения как самостоятельного памятника (3-й вид объекта культурного наследия). Это также выглядит вполне логичным, так как гидротехническое сооружение подобного типа действительно состоит из ряда элементов (плотина, водозабор, здание насосной станции и т.д.) и именно все они в совокупности образуют объект.

В чем же наглядная разница административно-правового статуса в данном случае между достопримечательным местом и ансамблем и каковы последствия различия в подходах для объектов.

Во-первых, для достопримечательного места отсутствует обязательное наличие внутри составных памятников, в отличие от ансамбля. Т.е., например, для Федоровского водохранилища, определяя его территорию и предмет охраны, не является обязательным учет расположенных там гидротехнических сооружений. Так как они не стоят на самостоятельном учете в Реестре в качестве памятников, то включать ли их в территорию и предмет охраны или не включать остается на усмотрение разработчика и государственного органа (естественно, с учетом фактических исторических событий, послуживших основанием для определения историко-культурной ценности всего объекта [5]). Такая дискретность позволяет как уменьшать, так и увеличивать и территорию, и предмет охраны таких памятников истории и культуры.

3 Приказ Министерства культуры РФ от 01.11.2017 года № 120661-п // Официальный сайт Министерства культуры РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://culture.gov.ru/documents/article/prikazy/>.

4 Приказ Министерства культуры РФ от 11.08.2017 года № 98831-п // Официальный сайт Министерства культуры РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://culture.gov.ru/documents/article/prikazy/>.

5 Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ (в ред. от 21 декабря 2021 г. № 418-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 26. – Ст. 2519; Российская газета. – 2021. – 27 декабря.

6 О мерах по дальнейшему улучшению охраны и использования памятников истории и культуры в КБАССР: Постановление Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР от 12 апреля 1983 года № 158 // СПС «КонсультантПлюс».

7 Приказ Министерства культуры РФ от 09.11.2016 года № 49818-п // Официальный сайт Министерства культуры РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://culture.gov.ru/documents/article/prikazy/>.

Ансамбль же, помимо собственной территории и предмета охраны, включает в себя еще и расположенные внутри него самостоятельные памятники. Например, «Головные сооружения Мало-Кабардинской оросительной системы», 1924 – 1929 годы, включает в себя: левобережная оградительная дамба, промывное отверстие с сегментным затвором, водозабор в отстойник, низовой шлюз с двумя промывными отверстиями по Юме, техническое помещение на шлюзе водоприемника в оросительный канал⁸). Каждый из них имеет свою территорию и правовой режим использования занятого им земельного участка. Естественно, что территория ансамбля не может не включать в себя его составные памятники (быть меньше). Аналогичная ситуация и с предметом охраны.

Учитывая, что ст. 5.1 Закона об ОКН позволяет новое строительство или реконструкцию существующих объектов (а также прочее хозяйственное освоение) на территории достопримечательного места, в отличие от территории ансамбля, то первый вариант видится наиболее экономически выгодным (как с точки зрения стоимости проектной документации и производственных работ, так и возможного освоения земель), но при этом, и коррупционно-опасным.

Вторая проблема напрямую вытекает из первой. Статьи 40-45 Закона об ОКН предусматривают, что в отношении объекта культурного наследия могут осуществляться исключительно работы по сохранению в виде: ремонт, реставрация, консервация, воссоздание и приспособление для современного использования. Соответственно, выполнять такие работы в отношении достопримечательного места (водохранилища), у которого в качестве предмета охраны определен исключительно участок берега и, возможно, часть акватории (бассейна) объекта (без зданий, строений, сооружений), нет никакой ни возможности, ни необходимости. В случае же с ансамблем необходимо выполнять указанные виды работ в отношении каждого его составляющего памятника. Учитывая и физическое и моральное старение большинства таких объектов на сегодняшний день, их владельцы (пользователи) сталкиваются практически с неразрешимой проблемой по их реконструкции (если в ходе нее предполагается увеличение габаритов). Формально-юридически, если в предмет охраны включены исторические объемно-пространственные характеристики (габариты) и изначальные материалы объекта (а это всегда так – так как это и есть основная ценность памятника архитектуры или памятника истории), то реконструкцию произвести просто невозможно. Попытки воспользоваться институтом приспособления для современного использования также не находят отклика со стороны историко-культурных экспертов и уполномоченных государственных органов по тем же причинам – изменение исторических характеристик влечет утрату первоначальной ценности (на сегодняшний день приспособление под современное использование подразумевает под собой пристройку крыльца или пандуса, переделку двери в окно и наоборот, иные незначительные изменения). При этом современные стандарты для гидротехнических сооружений, а также новые типы оборудования для них (насосы и пр.) весьма сильно могут отличаться от тех, которые действовали на момент строительства объекта. Кроме того, зачастую, речь идет об увеличении мощности, что невозможно без увеличения габаритов сооружения.

В-третьих, ст. 34.1 Закона об ОКН предусматривает отсутствие защитной зоны у достопримечательного места. Более того, если внутри него даже находятся иные объекты культурного наследия (например, на территории Краснодарского водохранилища есть целый ряд объектов археологического наследия, которые частично были затоплены во время строительства водохранилища), то у них, в таком случае, также нет защитной зоны. Указанное позволяет свободно осваивать земли, прилежащие к границам утвержденных территорий достопримечательного места. В случае же с ансамблем и расположенными на его территории памятниками, такого положения нет. Т.е., даже если «ужать» грани-

8 Приказ Управления по государственной охране объектов культурного наследия Кабардино-Балкарской Республики от 09.09.2020 года № 138-ОД/2020 // Официальный сайт государственного органа. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nasledie.kbr.ru/documents/prikazy/>.

цы территории ансамбля только до основных исторических сооружений гидротехнического сооружения, то у ансамбля все равно будет защитная зона не менее чем в 150 м по его периметру, что, опять же, не позволит осуществлять новое строительство или реконструкцию существующего объекта (если она влечет изменение его объемно-пространственных характеристик) на граничных земельных участках. Разработка же и утверждение зон охраны для ансамбля в большинстве случаев приведет к наложению вокруг него охранной зоны или зоны охраняемого природного ландшафта, которые не допускают нового строительства (ни эксперты, ни государственный орган никогда не согласятся с установлением зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности рядом с ансамблем, если там планируется новое масштабное строительство, так как это противоречит и требованиям обеспечения физической сохранности объекта и его визуального восприятия в исторической среде).

Все вышесказанное поставило вопрос о том, что многие проектировщики, историко-культурные эксперты, а также государственные органы начали пытаться (и не безуспешно) менять вид объекта культурного наследия с ансамбля на достопримечательное место (справедливости ради необходимо сказать, что это началось еще в 2000-х годах на других объектах, не относящихся к предмету данного обсуждения). При этом в качестве способа изменения вида объекта культурного наследия был избран механизм проведения историко-культурной экспертизы по уточнению сведений об объекте культурного наследия, предусмотренный ст. 28 Закона об ОКН. Однако, Министерство культуры РФ в своем циркулярном письме от 11.04.2017 года № 106-01.1-39-01⁹ указало на то, что уточнение сведений об объекте означает «уточнение наименования объекта, сведений о его времени возникновения или дате создания, датах основных изменений (перестроек) или датах связанных с ним исторических событий». Иного механизма в действующем законодательстве РФ по изменению вида объекта культурного наследия не предусмотрено.

Таким образом, ситуация с реконструкцией таких объектов, а также их должной государственной охраной по сей день остается вне рамок надлежащего правового регулирования. Видится, что возможным выходом из данной ситуации (которая с каждым годом будет только усугубляться) может стать внесение дополнений в главу VII «Сохранение объекта культурного наследия» Закона об ОКН, путем введения статьи с оговоркой о возможных особенностях проведения работ по сохранению в отношении объектов культурного наследия, являющихся гидротехническими сооружениями и (или) искусственными водоемами (водохранилищами). В частности, в ст. 44 «Приспособление объекта культурного наследия для современного использования» целесообразно предусмотреть возможность изменения объемно-пространственной структуры гидротехнических сооружений, включенных в предмет охраны ансамбля или являющихся самостоятельными памятниками, с оговоркой об обязательном соблюдении общих пропорций, стилистических решений и первоначальных материалов. Кроме того, возможно стоит рассмотреть вопрос о том, какие именно разделы проектной документации в данном случае необходимо выполнять именно специализированной лицензированной организацией в сфере объектов культурного наследия, на какие проводить историко-культурную экспертизу и согласовывать в уполномоченном государственном органе. Техническое оснащение и конструктивные характеристики (параметры) гидротехнических сооружений вряд ли должны сюда попадать, так как являются слишком специфичной областью и, в любом случае, будут предметом рассмотрения государственной экспертизы проектной документации, а также уполномоченных в данной сфере государственных органов.

Что же касается, водохранилищ – достопримечательных мест, то здесь также все «не безоблачно». Во-первых, некоторые объекты включены в Реестр как один вид водного объекта, а реально, на сегодняшний день, являются совершенно

другим видом или вообще гидротехническим сооружением, из-за чего возникает вопрос о том, что именно включать в их территорию и предмет охраны. Так, Федоровское водохранилище было поставлено на государственную охрану в качестве памятника истории и культуры именно как «водохранилище». Однако, в ходе подготовки на него научно-проектной документации по определению предмета охраны и границ территории, было установлено, что такого не существует¹⁰ (есть «Федоровский гидроузел на р. Кубань»¹¹). Во-вторых, в силу характера объекта, границы их территории могут занимать большие пространства (площади), включать в себя и населенные пункты, расположенные около объекта, и элементы инженерной и транспортной инфраструктуры и т.д. Все это накладывает ограничения на использование и хозяйственную деятельность таких территорий и расположенных там объектов, что вызывает не только проблемы правоприменительной практики, но социальное недовольство проживающих там людей [4]. В-третьих, некоторые водохранилища и аналогичные им объекты располагаются сразу на территории нескольких субъектов РФ (например: Краснодарское водохранилище находится на территории Республики Адыгея и Краснодарского края), в связи с чем утверждение каждым субъектом границ территории только в своей части, да еще и с временным разрывом, является неразрешимой проблемой на сегодняшний день.

В связи с этим, представляется необходимым: во-первых, путем издания циркулярного письма министерством культуры РФ, обязать включать в предмет охраны таких объектов исторические сохранившиеся гидротехнические сооружения, неразрывно связанные как с самим объектом, так и с самим историческим фактом, послужившим основанием для постановки объекта на государственную охрану (т.е. если это была ударная стройка, то нельзя не включать в нее ту же дамбу, шлюз и т.д., а только чашу бассейна, ее местоположение и вид на нее) при этом не обходясь включать в границы территории всю акваторию (бассейн, чашу и т.д.) водохранилища; во-вторых, внести изменения в Закон об ОКН в части закрепления полномочий за министерством культуры РФ по утверждению границ территорий таких объектов, если они находятся одновременно на территориях нескольких субъектов РФ (по аналогии с Градостроительным кодексом РФ).

Пристатейный библиографический список

1. Карапетян Л. А. Охрана культурного наследия в России в начале XX в.: к вопросу о законопроекте «Об охране древностей» // Культурная жизнь Юга России. – 2017. – № 1 (64). – С. 44-49.
2. Ружицька Н.Е. Європейський досвід збереження об'єктів культурної спадщини в структурі міського середовища // Лісове і садово-паркове господарство. – 2019. – № 15. – С. 13.
3. Круглякова В. М., Кравцова П. И. Охранные зоны объектов культурного наследия и их влияние на экономическую оценку объектов недвижимости // Строительство и недвижимость. – 2021. – № 1 (8). – С. 148-155.
4. Сурикова А. М. Особенности правового режима земельных участков в границах достопримечательных мест // Бизнес. Образование. Право. – 2021. – № 2 (55). – С. 254-258.
5. Шевченко Э. А., Лукашов А. В., Никифоров А. А. Правовые аспекты феномена достопримечательного места // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2020. – № 10 (229). – С. 67-77.

10 Письмо Главы Федоровского сельского поселения Абинского района Краснодарского края от 20.10.2021 года № 1126/02-21.1 // Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края, переписка.

11 Решение Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся от 11 августа 1966 года № 563 // Размещено на официальном сайте ФГБУ «Управление «Кубаньмелиоводхоз». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kmvh.ru/fedorovskiy2.html>.

9 Письмо Министерства культуры РФ от 11.04.2017 года № 106-01.1-39-01 // Официальный сайт Министерства культуры РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://culture.gov.ru/documents/article/informatsionnye-pisma/>.

БИРЮКОВА Эвелина Робертовна

старший преподаватель кафедры управления и административно-правовых дисциплин Юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России

МОТИВАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ И ЕЕ СВЯЗЬ С РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬЮ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается вопрос взаимосвязи мотивации государственных служащих и результативности их деятельности. Акцент делается на то, что мотивация играет огромную роль в жизни каждого человека. Выполняя ежедневную работу, получая определенный результат своей деятельности, государственный служащий желает быть по достоинству оценен. Мотивация сотрудника способна определить правильное направление, границы и формы деятельности, направленные на получение результата. На сегодняшний день, только осознавая, что побуждает государственного служащего к выполнению деятельности, что движет им изнутри, какая мотивация лежит в основе его деятельности, можно создать эффективную систему управления.

Ключевые слова: государственный служащий, мотивация, поощрение, результативность, стимулирование.

BIRUYKOVA Evelina Robertovna

senior lecturer of Management and administrative and legal disciplines sub-faculty of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

Бирюкова Э. Р.

MOTIVATION OF PUBLIC OFFICERS AND ITS COMMUNICATION WITH THE EFFICIENCY OF ITS PERFORMANCE

The article examines the issue of the relationship between the motivation of civil servants and the effectiveness of their activities. The emphasis is on the fact that motivation plays a huge role in the life of every person. Performing daily work, receiving a certain result of his activities, a civil servant wants to be appreciated. Employee motivation is able to determine the correct direction, boundaries and forms of activity aimed at obtaining a result.

Keywords: civil servant, motivation, encouragement, performance, incentive.

Важнейшим направлением повышения эффективности государственной службы РФ на современном этапе является создание гибкой системы стимулирования и мотивации служащих.

Государственные служащие являются основой всей системы государственного управления, фундаментом государственного аппарата, функционирование которого зависит от эффективной работы каждого государственного служащего. Достижение поставленных государственных и общественных задач зависит от заинтересованности в этом государственных служащих.

Предлагаем разобраться, что такое стимулирование и мотивация для государственных служащих. Зачем нужны меры поощрения государственных служащих, есть ли связь поощрения и эффективности деятельности сотрудников.

Стимулирование служащих – это внешние рычаги активизации персонала, то есть побуждение с помощью материальной, моральной и статусной (организационной) заинтересованности. Эффективность работы организаций, во многом зависит от качества работы сотрудников.

Мотивация сотрудника – один из способов повышения производительности труда. Мотивация труда сотрудников является ключевым направлением кадровой политики любого предприятия.

По мнению российских ученых Гавриловой С. В. и Захаровой Т. И., мотивация – это совокупность внутренних и внешних движущих сил, которые побуждают человека к деятельности, задают границы и формы деятельности и придают этой деятельности направленность, ориентированную на достижение определенных целей [1, с. 264].

Мотивация играет огромное значение в жизни каждого человека. Мотивируя себя на получение результата, на

эффективную работу, хочется, чтобы твой труд был по достоинству оценен. Ведь одно и то же задание человек может выполнять по-разному, затрачивая на это разное количество усилий, быть более упорным, настойчивым, проявлять больше инициативы.

Результативность труда – действенная, оперативная, плодотворная, эффективная работа, дающая определенный результат деятельности государственных служащих.

Взаимосвязь мотивации и результата очевидна, именно мотивация влияет на настойчивость продолжать начатое дело и добиваться результата.

Мы считаем, что без мотивации нет действий, а без действий нет результата. Эта цепочка связана так же, как взаимосвязаны мотивация и результативность служащего. Труд работника будет эффективен тогда, когда его личные и профессиональные интересы не противоречат целям и миссии организации. Если сотрудник мотивирован, значит он заинтересован, тем самым создана ситуация, при которой достигаются цели организации, следовательно, путем поощрения за хорошую службу удовлетворяются личные потребности сотрудника.

Исходя из правильного понимания эффективного управления, необходимо понимать мотивацию управляемых. Только осознавая, что побуждает работника к выполнению деятельности, что движет им изнутри, какие цели и мотивы лежат в основе деятельности, можно создать такую систему управления, которая будет эффективной со всеми возможными приемами, способами, формами и методами управленческого воздействия на сотрудников.

Чтобы был результат, нужно стимулировать работника к росту в определенной сфере, мотивировать для дальнейшей, качественно проделанной работы. Мы считаем, что без

мотивации человек может быстро устать от однотипной работы. На рабочем месте его интерес к процессу будет угасать, согласитесь, ежедневно, одна и та же работа не каждому будет по душе, следовательно, никакого эффективного результата от такого сотрудника ждать не стоит. Поэтому, в какой-то мере, поощрения важны.

Касаемо метода наказания, мы считаем, что данный случай рассматриваться на постоянной основе не может, такой способ воздействия на сотрудника никаким образом не повлияет, а ещё быстрее приведёт к его выгоранию.

Однако, что постоянные поощрения недопустимы, это может привести к тому, что человек заранее будет знать, что все цели вскоре будут достигнуты, какой смысл будет работать? Работать ради вознаграждения? Или работать ради работы? Безусловно, связь между мотивацией и результативностью работы имеется. Но, возникает вопрос, в каком виде?

Мы считаем, что система стимулирования в РФ имеет свои недостатки. Неприятно осознавать, что в современной России встречаются такие сотрудники на государственной службе, которые выполняют свою работу ради какой-то своей выгоды. Безусловно, данные сотрудники вычисляются и наказываются по закону.

Отметим, что, невзирая на это, есть множество случаев, когда государственный служащий эффективно и результативно выполняет свою работу, достигая определенных высот в деятельности, решая государственные и общественные задачи, работая ради идеи, а не ради выгоды. Объявление благодарности, вручение определенных грамот, наград и иные виды поощрения, только мотивируют государственных служащих быть лучше, работать эффективнее.

Ноздрачев А.Ф. понимает под поощрением меры морального и материального характера, связанные с публичным признанием заслуг государственных служащих, за успешное и добросовестное исполнение должностных обязанностей и достигнутые результаты в государственной службе [2, с. 373].

Бельский К.С. выделил три группы поощрений [5, с. 25]:

1. Моральные (награждение почетными грамотами, объявление благодарности, присвоение почетных званий и т.п.),
2. Материальные (денежные премии, ценные подарки, вознаграждения по итогам года),
3. Организационные (продвижение по службе).

Для формирования стабильного кадрового состава необходимо создать систему мотивации государственных служащих. Каждый государственный служащий должен четко понимать, что от него требуется, за что могут поощрить, а за что наказать. В органе, где проходит службу работник, должны быть установлены критерии оценки деятельности. Для того, чтобы построить эффективную систему мотивации персонала, необходим анализ потребностей работников.

Система должна быть достаточно гибкой, способной подстроиться под особенности государственных служащих, такие, как: возраст, особенности профессионального развития.

За безупречную и эффективную гражданскую службу применяются следующие виды поощрения и награждения:

- 1) объявление благодарности с выплатой единовременного поощрения;
- 2) награждение почетной грамотой государственного органа с выплатой единовременного поощрения или с вручением ценного подарка;
- 3) выплата единовременного поощрения в связи с выходом на государственную пенсию за выслугу лет;
- 4) поощрение Президента и Правительства Российской Федерации;
- 5) награждение государственными наградами Российской Федерации.

В вопросах материального стимулирования государственных служащих возникает ряд сложностей, поскольку заработная плата и все выплаты материального характера

строго регламентированы в законодательства, дополнить поощрить сотрудника не представляется возможным.

Остаются немонетарные способы мотивации.

Также не стоит забывать о закрепленных в законодательстве государственных гарантиях государственных служащих.

В качестве дополнительного способа мотивации может выступать возможность профессионального роста государственного служащего. Однако не во всех государственных органах в полном объеме используется планирование карьерного роста в качестве фактора мотивации сотрудников.

Некоторые сотрудники не имеют представления о том, какие перспективы у них есть, что говорит о некачественной работе кадровых службы в сфере формирования резерва.

Мотивированный сотрудник заинтересован в дальнейшей работе, им достигаются поставленные руководством цели и задачи организации. Работая на результат, повышается профессионализм сотрудника, он становится более ответственен к выполнению дальнейших, поставленных руководством задач. Командиры (начальники) или иные должностные лица и органы государственного управления воздействуют на сотрудников, поощряя и, следовательно, удовлетворяя потребности, интересы, сознание, волю и практическое поведение военнослужащего.

Это непременно влияет на результаты его военной служебной деятельности. Поощрение (стимулирование) обеспечивает воинскую дисциплину, способствует улучшению качества исполнения военно-служебных обязанностей, воспитывает инициативу и ответственность военнослужащих.

Эффективность работы государственных служащих повышает результативность их деятельности, что позволяет повысить престижность работы государственного служащего. Только сотрудник может решить, хочет ли он повышать свой профессиональный навык или хочет остаться в тени.

Пристатейный библиографический список

1. Захарова Т.И., Гаврилова С.В. Мотивация трудовой деятельности: учебно-методический комплекс. – М.: Изд. центр ЕАОИ, 2010. – 264 с.
2. Ноздрачев А.Ф. Государственная служба: Учеб. для подгот. гос. служащих. – М.: Статут, 1999. – 591 с.
3. Овсянко Д.М. Государственная служба. – М.: Юрист, 1996. – С. 167.
4. Ремезов А.А. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности государственных служащих. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 11 (115). – С. 930-933. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/115/31115/> (дата обращения: 13.02.2021).
5. Тюрин А.И. Теоретические вопросы обоснования необходимости стимулирования исполнения обязанностей военной службы // Российский военно-правовой сборник. – 2004. – № 1. – С. 23-26.

ЗАКОПЫРИН Владимир Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России

ДОПУСТИМОСТЬ СЛОВЕСНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

В настоящее время в законодательстве об административных правонарушениях не в полной мере прописаны порядок собирания и закрепления словесных доказательств, что приводит к неоднозначной реализации законодательства об административных правонарушениях органами власти и управления, к коллизиям при использовании указанных доказательств в процедуре доказывания.

Ключевые слова: доказательства, допустимость доказательств, словесные доказательства, законность, свойства доказательств.

ZAKOPYRIN Vladimir Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

Закопырин В. Н.

THE ADMISSIBILITY OF VERBAL EVIDENCE IN PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES

Currently, the legislation on administrative offenses does not fully prescribe the procedure for collecting and securing verbal evidence, which leads to ambiguous implementation of legislation on administrative offenses by authorities and management, to collisions when using this evidence in the evidentiary procedure.

Keywords: evidence, admissibility of evidence, verbal evidence, legality, properties of evidence.

Для привлечения к административной ответственности, как известно, необходимо наличие состава административного правонарушения, включающего четыре элемента: объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону [1, с. 38]. Данные обстоятельства подлежат установлению на основании собранных уполномоченным органом, должностным лицом соответствующих доказательств.

Лицо, совершившее правонарушение, привлекается к установленной законом ответственности, с учетом принципа презумпции невиновности. Одним из постулатов данного принципа является, то, что лицо считается невиновным, до тех пор, пока его вина не будет доказана в установленном порядке. Доказательство вины, является одним из основных оснований привлечения лица, совершившего правонарушение к административной ответственности [2, с. 27].

Доказательства по делу об административном правонарушении должны быть собраны и закреплены в соответствии с процессуальными нормами. Это конституционный принцип, в части 2 ст. 50 Конституции России провозглашено: «При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона». На необходимость выполнения этого конституционного положения указывает и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (п. 16). В этом Постановлении Верховный Суд РФ, ведя речь о свойствах доказательств, в основном делал акцент на недопустимость доказательств в уголовном процессе. Однако, это можно в полной мере распространить и на административно-деликтные производства, в том числе и на производство по делам об административных правонарушениях [3, с. 297].

Несоблюдение формы закрепления доказательств является нарушением закона и влечет за собой признание его недопустимым. Соответственно, недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания

обстоятельств, имеющих значение для дела об административном правонарушении [4].

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) устанавливает формы закрепления доказательств по делам об административных правонарушениях. В ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ прописано, что формами закрепления доказательств являются: протокол об административном правонарушении; иные протоколы, составленные в соответствии с КоАП РФ; объяснение лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении; показания потерпевшего, свидетелей; заключения эксперта; показания специальных технических средств; документы и вещественные доказательства. В 2018 году в этот список была добавлена еще одна форма – объяснения участников производства по делу об административном правонарушении, полученные путем использования систем видео-конференц-связи. Утвержденный, законом, перечень форм закрепления доказательств носит исчерпывающий характер и расширительному толкованию не подлежит.

В то же время, в определенных случаях, реализация данных положений КоАП РФ органами власти вызывает определенные сомнения в законности закрепления доказательств. Это относится, прежде всего к словесным процессуальным документам.

Так, приказ МВД России от 23.08.2017 № 664 «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения» в качестве рекомендуемого образца фиксирования устных доказательств предлагает общий бланк, независимо от источника доказательства (приложение № 3). В соответствии с приказом МВД России, лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, и потерпевший и свидетель дают объяснение. Письмо

ГТК РФ от 18.11.2002 № 01-06/45305, приводя формы процессуальных документов, предлагает закреплять словесные доказательства лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении и свидетеля протоколами опроса (приложения 13, 14). В то же время, в ч. 2 ст. 26.2, ст. 26.3 КоАП РФ прямо установлено, что форма закрепления словесных доказательств потерпевшего и свидетелей показание, а не объяснение или опрос. Это очень важный момент, так как юридическая сила любого официального документа, определяется его оформлением в установленном порядке (ГОСТ Р 7.0.8-2013, утв. Приказом Росстандарта от 17.10.2013 № 1185-ст), т.е. правильным оформлением его реквизитов. Одним из обязательных реквизитов, является наименование документа. Следовательно, устанавливая форму закрепления словесных показаний свидетелей и потерпевших, приказ МВД РФ, письмо ФТС России нарушают требования КоАП РФ, что, по нашему мнению, влечет недопустимость использования этих доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях.

Многие органы власти и управления (см, например, Приказ Казначейства России от 28.11.2017 № 328, Приказ Росприроднадзора от 30.04.2014 № 262, Приказ ФАС России от 19.07.2019 № 980/19 и др.), утверждая довольно большое количество процессуальных документов (более трех-четырёх десятков), вообще отказались от приведения форм закрепления словесных доказательств. Думается, что это не способствует обеспечению единообразного подхода к применению законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях даже в пределах отдельно взятого государственного органа.

Доказательства признаются недопустимыми и том случае, если были допущены нарушения установленного административно-процессуальным законодательством порядка их собирания. КоАП РФ, требует перед взятием объяснений с лица, привлекаемого к административной ответственности, показаний со свидетелей и потерпевших разъяснить им под роспись их права. Кроме того, свидетелей и потерпевших предупредить об административной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, отказ от них или уклонение. После фиксации данных фактов можно приступать к непосредственному опросу указанных лиц. Обязательность предварительного разъяснения прав и обязанностей свидетелям и потерпевшим по делам об административных правонарушениях, предусматривает ФТС РФ, о чем свидетельствуют реквизиты бланков протоколов опроса свидетелей и лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении (Письмо ГТК РФ от 18.11.2002 № 01-06/45305). О факте таких разъяснений указанные лица ставят свою подпись. Однако, если мы обратимся к приказу МВД от 23.08.2017 № 664, то увидим, что он не предусматривает процедуру фиксации факта разъяснения прав, обязанностей и ответственности свидетелям и потерпевшим перед непосредственным отбором показаний, ограничиваясь лишь записью об этом факте. В то же время, МВД РФ, утверждая бланк объяснения в дисциплинарном производстве (Приказ МВД России от 26.03.2013 № 161), перед взятием объяснения у сотрудника, устанавливает обязательность фиксации разъяснения обязанностей и прав сотруднику, в отношении которого ведется дисциплинарное производство, предусмотренные Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», путем проставления подписи последним. Дисциплинарное производство и производство по делам об административных правонарушениях являются административными производствами [5], но в одном случае МВД России выполняет требования закона, а в другом нет. Думается, что необходимо всем органам, уполномоченным на ведение производства по делам об административных правонарушениях, устанавливая форму фиксации словесных показаний, необходимо предусмотреть обязательные реквизиты ознакомления лиц, дающих показания, со своими правами, обязанностями и ответственностью до дачи показаний.

Касаясь форм фиксации словесных доказательств, следует отметить, что в части 2 ст. 26.3 КоАП РФ установлено четыре формы их фиксации: 1) запись в протоколе об административном правонарушении, 2) запись в протоколе о применении меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, 3) запись в протоколе рассмотрения дела об административном правонарушении, 4) отдельный процессуальный документ. На практике и в установленных ведомственными НПА образцах процессуальных бланков используются две последние формы фиксации рассматриваемых доказательств. По нашему мнению, это правильно, мы вообще за оставление в законе только двух форм фиксации словесных доказательств: запись в протоколе рассмотрения дела об административном правонарушении или составление отдельного процессуального документа. Проблема в том, что КоАП РФ, в отличие от УПК РФ не называет формы отдельного процессуального документа что и влечет за собой отмеченные выше коллизии. УПК РФ все словесные доказательства, во избежание неоднозначности трактовки, называет показаниями (ст. 74 УПК РФ), устанавливая, что показания – это сведения, сообщенные на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде (ст. 76 – 79 УПК РФ). Порядку проведения допроса и способу фиксации рассматриваемых доказательств (протокол) в УПК РФ отводится целая глава (глава 26).

Подробно урегулированы процедуры получения и фиксации словесных доказательств по делам об административных правонарушениях в некоторых иностранных государствах. Так, в Кодексе Республики Беларусь от 06.01.2021 № 92-3 «Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» устанавливается, что к источникам доказательств относятся объяснения лица, в отношении которого ведется административный процесс, потерпевшего, свидетеля (ст. 6.3 ПИКоАП РБ), а формой фиксации этих доказательств является протокол (ст. 6.10 ПИКоАП РБ).

Думается, что в целях выполнения конституционных требований к свойствам доказательств, принципа законности следует в КоАП РФ закрепить, что в качестве доказательств допускаются опросы лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, а также потерпевшего и свидетеля. Необходимо так же прописать, что формой фиксации этих доказательств является протокол опроса и установить общие правила его ведения.

Пристатейный библиографический список

1. Ответственность работников уголовно-исполнительной системы за передачу либо попытку передачи запрещенных предметов лицам, содержащихся в местах лишения свободы: учеб. пособие / авт. колл.: Дазмарова Т. Н., Закопырин В. Н., Сулейманов Т. А. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – С. 118.
2. Закопырин В. Н. Процессуально-правовые гарантии прав и свобод граждан при применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении // Права и свободы человека и гражданина в уголовном и административном судопроизводстве. – Рязань, 2020. – С. 27-31.
3. Закопырин В. Н. Вопросы приоритета прав потерпевшего в производстве по делу об административном правонарушении // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения). – Санкт-Петербург, 2021. – С. 296-302.
4. Осинцев Д. В. Административная ответственность: учебник. – М.: Юрайт, 2019. – С. 399.
5. Каплунов А. И. Современные подходы к пониманию административного процесса как результата и основа развития отечественного административно-процессуального законодательства // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18. – № 3. – С. 261-276.

КУЗНЕЦОВ Антон Константинович

кандидат исторических наук, доцент кафедры публичного права Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЗДАНИЯ РЕГУЛЯТОРНЫХ «ПЕСОЧНИЦ» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В условиях пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, высоких темпов роста рынка цифровых решений важной представляется адекватная реакция государства. Статья посвящена анализу законодательных и подзаконных актов, регламентирующих создание экспериментальных правовых режимов (регуляторных, регулятивных, цифровых «песочниц») в Российской Федерации. Рассмотрены требования к участникам, направления цифровых инноваций, перспективные проекты в сфере транспорта и медицинской деятельности, реестр экспериментальных правовых режимов. Представлена краткая характеристика изменений отраслевого законодательства в связи с введением экспериментальных правовых режимов.

Ключевые слова: регуляторные песочницы, цифровые инновации, правовое регулирование, экспериментальный правовой режим, сквозные технологии.

Кузнецов А. К.

KUZNETSOV Anton Konstantinovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Public law sub-faculty of the I. N. Ulyanov Chuvash State University

LEGAL REGULATION OF THE CREATION OF REGULATORY «SANDBOXES» IN THE RUSSIAN FEDERATION

In the context of the spread of the new coronavirus infection COVID-19, the high growth rates of the digital solutions market, an adequate response of the state is important. The article is devoted to the analysis of legal regulation the creation of experimental legal regimes (regulatory, digital “sandboxes”) in the Russian Federation. The requirements for participants, areas of digital innovation, promising projects in the field of transport and medical activities, a register of experimental legal regimes are considered. A brief description of the changes in sectoral legislation in connection with the introduction of experimental legal regimes is presented.

Keywords: regulatory sandboxes, digital innovation, legal regulation, cross-cutting technology, experimental legal regime.

Стремительное проникновение новых технологий практически во все сферы нашей жизни приводит к возникновению большого количества вопросов, требующих внимания и адекватной реакции государства. Искусственный интеллект, робототехника, виртуальная и дополненная реальность, большие данные, квантовые технологии, блокчейн, смарт-контракты, интернет вещей, нейротехнологии и др., с одной стороны, становятся неотъемлемой частью нашей жизни, с другой – приводят к новым рискам.

Модели правового регулирования отношений, возникающих в связи с использованием цифровых данных и применением цифровых технологий, вопросы юридической ответственности, баланса развития инновационных технологий и необходимости защиты интересов государства, общества и личности, правосубъектности электронных лиц получили отражение в работах J. Buyers, R. Calo, J. E. Cohen, R. Leenes, F. Lucivero, A. Levin, O. Lobel, U. Pagallo, J. McCarthy, M. L. Minsky, N. Rochester, C. E. Shannon, G. G. Parker, W.V.-A. Marshall, S. P. Choudary, N. Petit, M. U. Scherer, A. В. Алтухова, Е. Ю. Баракиной, Г. А. Гаджиева, С. Н. Гринь, С. Ю. Капкина, А. В. Минбалева, П. М. Морхата, В. Б. Наумова, А. В. Незнамова, А. В. Нестерова, И. В. Понкина, А. И. Редькиной, А. В. Поповой, О. А. Серовой, О. А. Степанова, Е. Д. Сурагиной, Ф. В. Ужова, О. А. Ястребова и многих других.

Лебедев А. О. называет регулирование новых отношений как «jump in the dark», указывает на ряд сложных вызовов для регулятора: высокая скорость изменений и непредсказуемость инновационных технологий, отсутствие единого терминологического аппарата, невозможность «расчета», полноценной оценки выгоды или издержки, отсутствие системного видения вопроса детализации регулирования и т.д. [4].

Многие страны мира разработали и утвердили национальные стратегии развития отдельных цифровых технологий, принимаются «точечные» законы, направленные на регулирование конкретных вопросов, например, в части использования «умных» роботов [3]. Мировая практика предлагает несколько возможных моделей правового регулирования цифровой среды:

- передача ответственности отраслевому регулятору (регулирование посредством разъяснений и рекомендаций – soft law),
- саморегулирование (договорное регулирование),
- создание регуляторной «песочницы» (экспериментальных правовых режимов) [2].

Одним из эффективных и распространенных по всему миру инструментов в арсенале законодателя стали цифровые (регуляторные, регулятивные) «песочницы». Первая регуляторная «песочница» появилась в 2016 году в Великобритании, сегодня такие «песочницы» созданы в нескольких десятках стран и предпринимаются попытки организации транснациональных «песочниц». Планируется подписание международного договора о применении специальных режимов в евразийском экономическом союзе.

В Российской Федерации первым законом в сфере правового регулирования цифровых технологий стал Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ, в соответствии с которым в Москве была создана одна из первых российских регуляторных «песочниц» в целях стимулирования использования технологий искусственного интеллекта и определения дальнейших мер по корректировке действующего законодательства [1].

31 июля 2020 г. был принят федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых

инноваций в Российской Федерации». Целью данного закона явилось создание правовой основы ускоренного введения новых цифровых сервисов, продуктов и услуг. Для придания гибкости механизму правового регулирования цифровых правоотношений Правительство РФ наделено полномочием устанавливать изъятия из отдельных требований законодательства, препятствующих появлению и внедрению цифровых инноваций (но с временным ограничением и на определенной территории)¹.

Данный закон определяет экспериментальный правовой режим как применение в отношении его участников в течение определенного периода времени специального регулирования по следующим направлениям использования цифровых инноваций: медицинская сфера, транспорт, сельское хозяйство, финансовый рынок, продажа товаров, работ, услуг дистанционным способом, строительство, предоставление государственных и муниципальных услуг и осуществление контроля (надзора), промышленное производство, связь (по данному направлению принято отдельное постановление Правительства РФ от 18.12.2020 № 2149), а также иные направления, установленные Правительством Российской Федерации².

Отдельно необходимо выделить финансовые технологии. Кроме того, первые цифровые «песочницы» появились именно в этом направлении. Полномочиями по установлению экспериментальных правовых режимов в сфере FinTech наделен Банк России. Необходимо отметить, что и субъектам РФ также предоставлены полномочия по установлению экспериментальных правовых режимов субъекта РФ.

Законом определены требования к участникам экспериментального правового режима, условия инициирования, установления, реализации, мониторинга, определения результатов регуляторной «песочницы».

Принимая решение об организации цифровой «песочницы», Правительство РФ основывается на заключениях Минэкономразвития России (обеспечивает координацию реализации и мониторинг экспериментального правового режима), регулирующего органа (оценивает риски вреда для охраняемых законом ценностей), высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации (в случае установления такого режима на территории конкретного субъекта РФ) и организации предпринимательского сообщества (распоряжением Правительства РФ от 28 октября 2020 г. № 2790-р такой организацией определена АНО «Цифровая экономика»)³.

Приказом Банка России от 31 мая 2021 г. № ОД-994 организациями, представляющими предпринимательское сообщество по вопросам экспериментальных правовых режимов на финансовом рынке, определены: Ассоциация банков России, Национальная ассоциация участников фондового рынка, Некоммерческое партнерство «Национальный совет финансового рынка», саморегулируемая организация «Национальная финансовая ассоциация», Ассоциация развития финансовых технологий, Всероссийский союз страховщиков.

1 Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/922869-7> (дата обращения: 13.02.2022).

2 Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 31.07.2020.

3 Экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Экспериментальные_правовые_режимы_\(песочницы\)_в_сфере_цифровых_инноваций_в_России](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Экспериментальные_правовые_режимы_(песочницы)_в_сфере_цифровых_инноваций_в_России) (дата обращения: 13.02.2022).

Минэкономразвития России провело работу по выявлению потенциальных и перспективных проектов инновационных компаний и барьеров для них, подготовило решения по отмене или изменению подзаконных нормативных правовых актов, препятствующих запуску экспериментального правового режима (в рамках «регуляторной гильотины»), а также законопроект с такими корреспондирующими правками в отраслевое законодательство.

2 июля 2021 г. был принят федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»», в соответствии с которым внесены изменения в Воздушный кодекс Российской Федерации, федеральные законы «О безопасности дорожного движения», «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», «О связи», «О персональных данных», «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта», «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁴.

На официальном сайте проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения (<https://regulation.gov.ru>) размещены проекты постановлений Правительства РФ об утверждении программ регуляторных «песочниц» по различным направлениям.

Анализ сведений реестра экспериментальных правовых режимов, опубликованном на официальном сайте Минэкономразвития России, позволяет сделать следующие выводы. На сегодняшний день в реестре содержится 68 записей, в том числе 47 инициативных предложений (45 коммерческих организаций и 3 федеральных учреждений) были рассмотрены Минэкономразвития России и направлены в органы власти и АНО «Цифровая экономика» для подготовки соответствующих заключений, 21 заявителю было отказано. Основными направлениями разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций являются: строительство, транспорт, медицинская деятельность, продажа товаров, работ, услуг дистанционным способом, предоставление государственных и муниципальных услуг и осуществление контроля (надзора), финансовый рынок⁵.

Тем не менее, перспективными, с точки зрения Минэкономразвития России, названы инициативы в сфере транспорта и медицинской деятельности, некоторые из них уже получили положительное заключение о возможности установления экспериментального правового режима⁶. Перечислим некоторые инновационные проекты:

4 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»: федер. закон от 02.07.2021 № 331-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 02.07.2021; Шувалова М. Экспериментальные правовые режимы: перспективы введения в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/article/1315582/> (дата обращения: 13.02.2022).

5 Реестр экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/reestr_eksperimentalnyh_pravovyh_rezhimov/ (дата обращения: 13.02.2022).

6 Правительство РФ выбрало 7 IT-проектов для «регуляторной песочницы». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru-bezh.ru/gossektor/news/21/03/17/pravitelstvo-rf-vybralo-7-it-proektov-dlya-regulyatornoj-pesoch> (дата обращения: 13.02.2022).

1) Проекты оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий (АО «Группа компаний «Медси», ООО «Клиника на Петроградской стороне», ООО «МК Доктор рядом», ООО «Хорошее настроение», ООО «КЛИНИКА НА МАРОСЕЙКЕ», ООО «БЕРКАНАМЕДИКА», АО «НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ СЕРВИС», ООО «ИННОВАЦИОННАЯ МЕДИЦИНА», ООО «М-Лайн»). Предлагается создать условия для расширения возможностей проведения телемедицинских консультаций⁷.

2) Проект исследований рутинной клинической практики на основе обезличенных данных из электронных медицинских карт (ООО «Дата МАТРИКС»). Предлагается разработка платформенных решений для сбора, валидации, подготовки и анализа данных из государственных, муниципальных и иных информационных систем, в том числе информационных систем в сфере здравоохранения, с целью проведения исследований рутинной клинической практики с помощью технологий искусственного интеллекта и (или) работы с большими данными.

3) Проект использования высокоавтоматизированных транспортных средств (ООО «Яндекс.Испытания»). Предлагается осуществлять эксплуатацию высокоавтоматизированных транспортных средств двух категорий:

– транспортное средство, осуществляющее движение с водителем-испытателем на переднем пассажирском сидении;

– транспортное средство, осуществляющее движение без водителя (в том числе водителя-испытателя) в салоне, при удаленных маршрутизации и диспетчеризации со стороны оператора⁸.

4) Проекты использования беспилотных авиационных систем, являющихся одной из разновидностей высокоавтоматизированного транспорта:

– на территории Томской области с целью доставки широкого спектра грузов, выполнения аэрофотосъемки, проведения сельскохозяйственных работ (ООО «Региональный оператор «Беспилотные системы», ООО «ПЛАЗ», ООО «Аэромакс», ООО «Тайбер», АО «НПП Радар ММС», АО «Национальный центр вертолетостроения им. М. Л. Миля и Н. И. Камова», ООО «ТАИП», ООО «КБ Русь», ООО «Индустриальные дроны», ФГБУН Институт теплофизики СО РАН, ООО «СибАэроКрафт», ФГУП СибНИА им. Чаплыгина, АО «Авиационный сертификационный Центр «СибНИА-ТЕСТ»);

– на территориях Камчатского края, Ханты-Мансийского автономного округа, Чукотского автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа с целью доставки широкого спектра грузов, выполнения аэрофотосъемки (АО «Почта России», АО «Уральский Завод Гражданской Авиации», ООО «Аэромакс», АО «Научно-производственное предприятие «Радар ММС», АО «Национальный центр вертолетостроения им. М. Л. Миля и Н. И. Камова», ООО «КБ Русь», ООО «Аэрокон», ООО «Сумус», ООО «Глори Эйр», ФГУП СибНИА им. Чаплыгина, АО «Авиационный сертификационный Центр «СибНИА-ТЕСТ», ООО «VR-Технологии», ПАО «Авиационная холдинговая компания «Сухой», ФГАУ ДПО «Центр подготовки и сертификации авиационного персо-

нала», ООО «Газпромнефть-Снабжение», АО «Эколибри», ООО «Школа беспилотной авиации», ООО «КЛЕВЕР»⁹.

Таким образом, законодателем проведена значительная работа по правовому обеспечению использования на территории Российской Федерации такого инструмента тестирования и создания благоприятных условий для внедрения цифровых инновационных технологий, как регуляторные «песочницы» (в нашей стране они получили название экспериментальные правовые режимы). Разработаны требования к участникам «песочницы», регламенты взаимодействия, алгоритм осуществления мониторинга, оценки результатов реализации «песочницы» и т.д. Тем не менее, считаем целесообразным оптимизировать ряд процедур, сократить сроки рассмотрения инициативных предложений, более оперативным сопровождать введение экспериментальных правовых режимов, поддерживать и вовлекать субъекты РФ. Предстоит дальнейшая работа по анализу барьеров, соблюдению баланса интересов и принципов регуляторных «песочниц», совершенствованию правового регулирования использования цифровых технологий.

Пристатейный библиографический список

1. Кузнецов А. К. Актуальные вопросы правового регулирования технологии искусственного интеллекта // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Экономика и право. – 2020. – № 10. – С. 152-154.
2. Кузнецов А. К. Экспериментальный правовой режим («регуляторные песочницы») в контексте развития внедрения цифровых инноваций // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов XI Междунар. науч.-практ. конф., посв. 30-летию юрид. факультета (3 декабря 2021 г., Чебоксары). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, – 2021. – С. 178-184.
3. Кузнецов А. К. О правовом регулировании новых цифровых технологий // Правовые и нравственные аспекты функционирования гражданского общества: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В. П. Малкова: в 2 ч. – Чебоксары, – 2020. – С. 411-418.
4. Лебедев А. О. Регулирование цифровой экономики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cdto.ranepa.ru/podcast2-5> (дата обращения: 13.02.2022).

7 Сазонова М. Здоровье и технологии: правовые проблемы взаимодействия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/article/1453970/> (дата обращения: 13.02.2022).

8 Новый В. Беспилотные такси начнут ездить по Москве в феврале. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2022/01/10/904183-bespilotnie-taksi> (дата обращения: 13.02.2022); Сазонова М. Беспилотные автомобили: как планируется регулировать их эксплуатацию в России? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/article/1471258/> (дата обращения: 13.02.2022).

9 Реестр экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/reestr_eksperimentalnyh_pravovyh_rezhimov/ (дата обращения: 13.02.2022).

ПОГОМИЙ Илья Николаевич

магистрант Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы
Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета, доцент
Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого

ВРЕМЕННЫЙ ЗАПРЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ОПАСНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ

В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы, возникающие при применении меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении как временный запрет деятельности и назначении административного наказания в виде административного приостановления деятельности в отношении опасных производственных объектов. В данной работе акцентируется внимание, прежде всего, на проблемах, возникающих в правоприменительной практике; предлагаются некоторые пути решения проблем.

Ключевые слова: временный запрет деятельности, административное приостановление деятельности, угроза загрязнения окружающей среды, суд, Ростехнадзор.

POGOMIY Ilya Nikolaevich

magister student of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of the
Humanitarian Institute of the St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great

ERMOLINA Marina Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor of the World Politics sub-faculty, associate professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic
Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

SUSPENSION OF ACTIVITIES AND ADMINISTRATIVE SUSPENSION OF ACTIVITIES: ENFORCEMENT ISSUES IN REGARDING HAZARDOUS FACILITIES

The article discusses some of the problematic issues that arise when applying a measure to ensure proceedings in a case of an administrative offense as a temporary ban on activities and the imposition of an administrative penalty in the form of an administrative suspension of activities in relation to hazardous production facilities. This paper focuses, first of all, on the problems that arise in law enforcement practice; some ways of solving problems are suggested.

Keywords: temporary ban on activities, administrative suspension of activities, hazardous production facility, the threat of environmental pollution, court, Rostekhnadzor.

Административное приостановление деятельности как вид административного наказания было впервые введено принятым в 2001 году Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) в ответ на бурно развивающуюся рыночную экономику и как рычаг воздействия на юридических лиц, не соблюдающих установленные законом запреты при ведении предпринимательской или иной экономической деятельности.

Сущностью административного приостановления деятельности является временное прекращение деятельности юридического лица (его филиалов, представительств, структурных подразделений, производственных участков, а также эксплуатации агрегатов, объектов, зданий или сооружений, осуществления отдельных видов деятельности (работ), оказания услуг) путем опломбирования и опечатывания помещений и имущества, находящегося в них, и которое, в контексте нашего исследования, налагается судьей или руководящими должностными лицами Ростехнадзора при угрозе жизни или здоровью людей, а также наступлении радиационной аварии или техногенной катастрофы, причинения существенного вреда состоянию или качеству окружающей среды [1]. Административное приостановление деятельности являет собой весьма суровое наказание, влекущее крайне неблагоприятные последствия для хозяйствующего субъекта. Не случайно в правоприменительной практике сложилось устойчивое мнение о возможности назначения данного вида наказания

при наличииотячающих обстоятельств. Так, Калтанский районный суд Кемеровского области, назначая организации в качестве наказания административное приостановление деятельности, отметил, что, ввиду совершения данным юридическим лицом повторно однородного административного правонарушения, что является обстоятельством, отягчающим административную ответственность, справедливым будет назначить административное наказание в виде административного приостановления деятельности [2].

Как известно, процессуальные действия, принимаемые судами и иными уполномоченными органами при производстве по различным категориям дел, нередко способствуют исполнению судебных актов (например, заключение под стражу при производстве по уголовному делу, наложение ареста на имущество ответчика как обеспечительная мера в гражданском или арбитражном процессе). Не исключением является и производство по делам об административных правонарушениях.

Сущностью и качественными характеристиками, как административного приостановления деятельности, так и временного запрета деятельности, являются прекращение деятельности юридического лица (его филиалов, представительств, структурных подразделений, производственных участков, а также эксплуатации агрегатов, объектов, зданий или сооружений, осуществления отдельных видов деятельности (работ), оказания услуг), путем опломбирования и

опечатывания помещений и имущества, находящегося в них. Роднит их и то, что их применение должно быть обязательно обусловлено наличием угрозы жизни или здоровью людей, а также наступлением аварии или катастрофы, причинением существенного вреда состоянию или качеству окружающей среды (в контексте освещаемой нами темы). Кроме того, временный запрет деятельности может применять лишь тогда, когда в санкции статьи КоАП РФ закреплен такой вид административного наказания как административное приостановление деятельности. Все эти положения КоАП РФ указывают на неразрывную связь между данными мерой обеспечения и административным наказанием.

В судебной практике существуют случаи, когда отказ от назначения административного наказания в виде административного приостановления деятельности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 9.1 КоАП РФ, обосновывается затруднительностью исполнения данного вида наказания. Так, Находкинский городской суд Приморского края счел нецелесообразным назначение наказания в виде административного приостановления деятельности в отношении одного из филиалов юридического лица ввиду «значительных временных и финансовых затрат на исполнение наказания и устранение выявленных нарушений», назначив в качестве наказания административный штраф [3]. Из этого примера следует, что некоторые суды не рискуют назначать должное наказание, ввиду отсутствия необходимого обеспечения такого наказания на стадии производства по делу, что в последующем может привести к негативным последствиям.

В связи с этим авторами акцентируется внимание на необходимости активизации работы органов Ростехнадзора в направлении применения должных мер обеспечения при производстве по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 9.1 КоАП РФ. Необходим комплексный подход к оценке ситуации и всех рисков при обнаружении признаков данного административного правонарушения и принятии законного и обоснованного решения о применении мер обеспечения. Неясности при решении вопроса о необходимости применения мер по временному запрету деятельности устранил бы внутриведомственный акт Ростехнадзора информационного характера, посвященный организации работы при производстве по таким категориям дел. Целью данного предложения является установление последовательности, чтобы временный запрет (как мера обеспечения) преобразовывался в приостановление деятельности (как наказание) на основании акта, разрешающего дело по существу, а у правоприменителя не оставалось сомнений в затруднительности исполнения наказания, так как оно, по сути, переносится на стадию производства по делу об административном правонарушении (для соблюдения данной последовательности представляется необходимым указывать о законности и обоснованности применения временного запрета деятельности в итоговом постановлении по делу). Кроме того, внутриведомственный акт позволил бы инспекторам качественно и быстро реагировать на выявляемые нарушения. Таким образом будет достигнут баланс между интересами юридического лица и соблюдением прав граждан на жизнь, здоровье и благоприятную окружающую среду.

Немаловажным средством достижения указанной выше цели, а также качественного производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 9.1 КоАП РФ, в том числе и решения при этом вопроса о необходимости применения временного запрета деятельности, является административное расследование, призванное как раз способствовать установлению всех обстоятельств правонарушения и осуществлению всех необходимых процессуальных действий. Согласно ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ, в случае обнаружения признаков правонарушения, предусмотренного ст. 9.1. КоАП РФ может быть возбуждено административное расследование. Пред-

ставляется, что вынесение законного и обоснованного итогового постановления по данным категориям дел без данной процедуры невозможно. Процессуальные возможности и адекватные сроки, предоставляемые административным расследованием, являются незаменимым инструментом для достижения объективной оценки возможности применения мер по временному запрету деятельности, ввиду сложности этого вопроса в данных категориях административных правонарушений.

Кроме всего прочего, представляется справедливым оставить правомочие наложения наказания в виде административного приостановления деятельности лишь за судьями. По нашему мнению, это обуславливают различные нормы КоАП РФ, дающие при системном анализе основание выдвигать такое предложение, прежде всего это положения ст. 27.16 и 28.7 КоАП РФ, которые предоставляют возможность без итогового акта приостановить деятельность без наступления общественно опасных последствий ввиду промедления. Это будет способствовать более качественному исследованию всех материалов и сведений в условиях самостоятельности и независимости органа (суда), принимающего решение по существу, при этом не скованного рамками срочности, ведь, как мы уже говорили ранее, суровость наказания и заблаговременный запрет деятельности как мера обеспечения устраняют срочность в решении вопроса, так как суд, по сути, лишь «указывает» уже приостановленную деятельность, облачая это в административное наказание. Данное предложение находит поддержку среди ученых [4, с. 198].

В заключение отметим несколько важных вопросов, которые могут вытекать из высказанных нами предложений, и дадим на них ответы.

Возможно, главным вопросом по итогам исследования может послужить наличие возможности снятия временного запрета деятельности до вынесения итогового акта по результатам рассмотрения дела по существу. На наш взгляд, справедливым будет являться наличие возможности досрочной отмены данной меры обеспечения, путем вынесения определения об отмене меры обеспечения в случае, если необходимость в ней устранена хозяйствующим субъектом или отпала по независящим от него обстоятельствам. Для этого необходимо внести соответствующие изменения в ст. 27.16 КоАП РФ.

Вопрос о признании несоразмерности применения временного запрета деятельности на стадии производства по делу в итоговом постановлении и правовых последствиях такового, по нашему мнению, также является краеугольным. Считаем, что несоразмерность меры обеспечения предопределяет ее незаконность и необоснованность. Таким образом, если постановлением о назначении наказания будет установлена несоразмерность примененного временного запрета деятельности, то организация приобретет право требовать возмещения вреда, причиненного незаконными действиями органа власти, в соответствии с гражданским законодательством.

Пристатейный библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
2. Постановление Калтанского районного суда Кемеровской области от 12 ноября 2020 г. № 5-225/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Находкинского городского суда Приморского края от 18 июня 2020 г. № 5-350/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Бучакова М. А., Вершило Н. Д. Административное приостановление деятельности по статье 9.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: проблемы теории и практики // Правоприменение. – 2021. – Т. 5. – № 3. – С. 195-204.

УРУСОВ Замир Хасанович

старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 14.17.1 КОАП РФ

Проведя анализ ст. 14.17.1 КоАП РФ, автор делает вывод об отсутствии системности ее применения, несмотря на то, что она повсеместно вменяется правонарушителям, незаконно реализующим алкоголь или иную спиртосодержащую продукцию физическим лицам. В отсутствие детальной проработки и тщательного изучения ст. 14.17.1 КоАП РФ остается «не рабочей».

Новизна статьи видится в авторском подходе к изложению имеющегося материала, которого к настоящему времени недостаточно, что актуализирует интерес к данной теме.

Ключевые слова: алкогольная продукция, незаконная продажа, спиртосодержащая продукция, административные нарушения, административная ответственность.

URUSOV Zamir Khasanovich

senior lecturer of Law enforcement organization sub-faculty of the North Caucasus Institute (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

Урусов З. Х.

ON THE ISSUE OF THE APPLICATION OF ARTICLE 14.17.1 OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Having analyzed Article 14.17.1 of the Administrative Code of the Russian Federation, the author concludes that there is no systematic application of it, despite the fact that it is universally imputed to offenders who illegally sell alcohol or other alcohol-containing products to individuals. In the absence of a detailed study and careful study of Article 14.17.1 of the Administrative Code of the Russian Federation, it remains "dead".

The novelty of the article is seen in the author's approach in the presentation of the available material, which is currently not enough, which actualizes interest in this topic.

Keywords: alcohol products, illegal sale, alcohol-containing products, administrative violations, administrative responsibility.

Борьба с незаконным распространением алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции является одним из приоритетных направлений правоохранительных органов. Данная проблема усугубляется не желанием граждан отказаться от употребления поддельного алкоголя или отсутствием страха у торговцев фальсифицированной алкогольной продукцией перед штрафными санкциями. Подобная тенденция характерна для любого региона нашей страны. Данный факт стал катализатором изменений, внесенных в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [1], который в 2017 году был дополнен ст. 14.17.1, усиливающей ответственность за незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции физическими лицами.

С того периода как ст. 14.17.1 была введена в КоАП РФ она систематически, в разных регионах, вменяется правонарушителям. Однако анализ сайтов правовой информации позволяет утверждать, что статистическая информация по данной статье разрозненная и не позволяет проследить динамику по делам данной категории. Например, в Соль-Илецком Городском Округе за не полный 2019 год привлечено к ответственности по данной статье всего 3 человека, а в отчете по Абзелиловскому району (Республика Башкортостан) речь идет о выявлении 75 нарушений и вменении данной статьи 58 гражданам с последующим привлечением их к административной ответственности. Анализ статистических данных по Республике Адыгея за 2020 год не позволил обнаружить ни одного административного дела, заведенного по исследуемой статье КоАП РФ. Статистика по другим регионам не значительно отличается от представленной. В большинстве случаев это от 3 до 10 административных материалов по ст. 14.17.1 КоАП РФ, которые ежегодно передаются в судебные инстанции. Например, к административной ответственности в рамках ч. 1 ст. 14.17.1 КоАП РФ был привлечен С., который не состоял в трудовых отношениях с ра-

ботодателем, при этом смог реализовать товар, находящийся под запретом. Речь идет о бутылке водки «Парламент» за 150 руб. за бутылку, емкостью 0,5 литра. Вину С. признал и в содеянном раскаялся. В итоге суд приговорил его к штрафу в размере 30 000 руб., с конфискацией алкогольной продукции [2]. В другом примере виновному индивидуальному предпринимателю пришлось заплатить штраф в размере 50 000 руб. за реализацию алкоголя без правоустанавливающих документов и уничтожить 12 бутылок водки «Родник Сибири» по 0.5 литра, которые были изъяты в результате проверки деятельности магазина, ему принадлежащему [3].

Учитывая масштабы нашей страны и рынок алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, представленная статистика чрезмерно мала. Выскажем убеждение о том, что алкогольная и спиртосодержащая пищевая продукция в нелегальном обороте находится в масштабах больших, чем это может представить обычный гражданин, поверхностно интересующийся данной темой. Возможно, данная проблема связана с тем, что введенная в КоАП РФ ст. 14.17.1 требует более тщательного изучения и проработки.

Нередко административные правонарушения подпадают одновременно под признаки нескольких административных составов, зачастую противоречащих друг другу. С данной проблемой сталкиваются и правоохранители в повседневной работе, в том числе и при квалификации нарушений в области розничной торговли алкогольной продукцией. Озвученная автором проблема имеет прямое отношение и к применению ст. 14.17.1 КоАП РФ, которая, будучи изначально вмененной, в процессе судебного разбирательства переqualифицируется. Сказанное иллюстрирует пример, из которого следует, что О. незаконно реализовывал спиртосодержащую жидкость, крепостью 33,4%. Учитывая, что действия О. образуют объективную сторону ч. 1 ст. 14.17.1 КоАП РФ, суд вменил виновного данную норму. Однако суд не учел некоторые обстоятельства, способствующие переqualификации с

вмененной статьи на ст. 14.2 КоАП РФ. В итоге виновный отделался штрафом в размере 1500 руб. [4] В контексте данного примера уместно сказать, что правильная квалификация – это гарант соблюдения законности применяемых санкций.

В отсутствие детальной проработки и тщательного изучения ст. 14.17.1 КоАП РФ она остается «недостаточно проработанной». Данный факт подтверждает и анализ официальных правовых сайтов, на которых представлены материалы административных дел, в рамках изучаемого состава. Большая часть административных дел либо приостанавливалась, возвращалась для устранения недостатков или правоприменитель ограничивался устным замечанием, что является правом судьи, при малозначительности совершенного административного правонарушения. Именно устным замечанием ограничился судья «исследовав характер совершенного П. правонарушения и степень его общественной опасности, а также учитывая незначительное количество товара (1 бутылка объемом 510 куб.см. и отсутствие сведений о его не ответственности) [5].

Исходя из положений действующего законодательства у суда есть право, в случае выявленных нарушений, вернуть материалы административного правонарушения должностному лицу, для устранения всех выявленных неточностей. В рамках одной статьи нет возможности представить все проблемы, которые встречаются в аспекте применения ст. 14.17.1 КоАП РФ. Однако на некоторые проблемы нельзя не обратить внимание, особенно учитывая, что зачастую именно эти проблемы и способствуют тому, что виновный не привлекается к ответственности. Работая над статьей, обращаем внимание, что в большей части материала по применению ст. 14.17.1 КоАП РФ должностные лица не направляли в адрес лица, привлекаемого к административной ответственности, определение о назначении экспертизы. Часто встречается такое нарушение, как отсутствие сведений о разъяснении прав и обязанностей лицу, в отношении которого ведется дело об административном правонарушении. В одном из дел обращаем внимание на то, что должностное лицо указало на факт производимой на камеру мобильного телефона съемки, однако в графе «К протоколу прилагается:» данные сведения отсутствуют, следовательно ничего не прилагалось и как результат - доказательств виновности нет.

Не является редкостью, когда дела анализируемой категории не рассматриваются в связи с тем, что истек срок давности. Этот вопрос правоприменителями решается неоднозначно, при этом алкогольная продукция почти всегда изымается. Так, суд отказал в удовлетворении требований о привлечении индивидуального предпринимателя к ответственности по ч. 2 ст. 14.17.1 КоАП РФ в связи с истечением срока давности. Но учитывая, что предприниматель действительно занимался реализацией алкоголя, не имея на это разрешительной документации, суд обязал уничтожить алкоголь, изъяв его из незаконного оборота [6].

К представленным правовым и организационным проблемам добавим еще одну, не менее значимую. Эта проблема касается выявления точек, где может незаконно в розницу реализовываться алкогольная и спиртосодержащая пищевая продукция. Все мы многократно встречались с мелкими продуктовыми магазинами, которые есть в любом спальном районе любого региона, реализующими свои товары круглосуточно. Почти в каждом таком ларьке реализуют алкоголь из-под прилавка, особенно в ночное время суток. Выявить такую продажу достаточно проблематично. Как правило, для таких точек продажи реализация алкоголя — это не способ подзаработать, а основная бизнес-схема. В своем большинстве подобные ларьки и создают именно с такой целевой направленностью, иначе бы они не смогли конкурировать с крупными торговыми сетями. Каждый продавец подобного ларька проходит продолжительный инструктаж, где обучается интуитивному фейс-контролю, чтобы не «наткнуться» на проверку. При наличии любых подозрений, со стороны продавца нелегальным товаром, в продаже спиртного категорически отказывается.

Продажа алкогольной продукцией из-под прилавка частое явление, за которое владельцы магазина не желают брать ответственность, заблаговременно предупреждая продавцов незаконным товаром о том, что в случае полицейских рейдов (контрольных закупок) они должны брать ответственность на себя, как бы реализуя свой личный товар, без ведома директора. Если такие проверки все-таки происходят, не конфискованный товар просто перевозят в другой магазин. Получается замкнутый круг.

В настоящее время, когда вся страна ориентирована на борьбу с пандемией, участились случаи заказов еды онлайн. Не является редкостью, когда онлайн заказывают и алкогольную продукцию. Фирм, реализующих алкоголь онлайн, десятки, и существуют они в каждом городе. Для того чтобы в сказанном убедиться, достаточно в гугл строку ввести необходимый запрос. По бумагам лицо может приобретать любую безделицу, а алкоголь, как правило, идет в качестве подарка. Приобретающие такую алкогольную продукцию заинтересованы в ней и вряд ли будут сообщать в контролирующие органы или воспользуются специальными мобильными приложениями, ориентированными на борьбу с незаконной торговлей алкогольной продукцией (например, «АнтиКонтрафакт Алко»), следовательно, выявить законность реализации такой алкогольной продукции практически невозможно.

Реализовывать алкогольную продукцию было прибыльно во все времена. Эта одна из причин, почему продавцы магазинов, особенно те, которые не имеют лицензии, незаконно в розницу реализуют алкогольную и спиртосодержащую пищевую продукцию физическим лицам. Несмотря на усилия оперативных сотрудников, принятие правительственных мер и контроль со стороны контролирующих органов, ситуация не меняется в лучшую сторону. Несмотря на то, что средства массовой информации красочно и подробно рассказывают о рейдах и изъятиях огромного количества «паленой продукции», верить сказанному следует с большой долей условности. Особенно принимая во внимание тот факт, что в действительности лица, незаконно реализующие алкогольную или спиртосодержащую пищевую продукцию, либо не боятся штрафных санкций, либо понимают, что ст. 14.17.1 КоАП РФ, в отсутствие детальной проработки «недостаточно рабочая».

Если всмотреться в статистику, то можно увидеть, что она ужасающая. Только за 2020 год было реализовано 9,6 млрд. литров алкогольной продукции, в числе которой пиво, водка и другая спиртосодержащая жидкость, составляющая в перерасчете на каждого жителя страны примерно 67 литров. Если учесть, что не все эти литры реализуются законно и могут представлять угрозу для жизни населения, можно говорить о сверхпроблеме, которая нуждается в незамедлительном решении. Снижение точек продаж алкоголя не решит проблему, как считают некоторые аналитики, нужно «оживлять» статью 14.17.1 КоАП РФ, отслеживать ее в действии и при необходимости улучшать, исходя из потребностей современной практики. Нельзя допускать, чтобы недобросовестные продавцы, после визита оперативных сотрудников и заведения материалов административного дела, могли отделаться уплатой штрафных санкций и продолжали незаконно реализовывать алкоголь или иную спиртосодержащую продукцию физическим лицам.

Пристатейный библиографический список

1. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СПС КонсультантПлюс.
2. Официальный сайт судебного участка № 3 Соль-Илецкого района Оренбургской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://si3.kodms.ru/index/> (дата обращения: 07.09.2021).
3. Официальный сайт Арбитражного суда Саратовской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://saratov.arbitr.ru/node/17270> (дата обращения: 07.09.2021).
4. Решение по делу № 7-25/2018 от 16 марта 2018 г. Вынесено 24 апреля 2018 года. г. Биробиджан // База данных судебных решений «Судебные решения». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://судебные.решения.рф/33348568/print> (дата обращения: 07.09.2021).
5. Постановление суда по ч. 1 ст. 14.17 КоАП РФ № 5-105/2017 // База данных судебных решений «Судебная практика». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sud-praktika.ru/precedent/466561.html> (дата обращения: 07.09.2021).
6. Бондарчук Д. Конфискация и изъятие алкоголя, а также оборудования. В каких случаях эти санкции грозят при совершении правонарушений? // ЭЖ-Юрист. - 2018. - № 38. - С. 118.

ФЕДИНА Любовь Михайловна

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

Федина Л. М.

АНАЛИЗ ПОСТУПАТЕЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ (МУНИЦИПАЛЬНЫХ) ЗАКУПОК

В настоящей статье дана правовая оценка такому явлению отечественного гражданского права как контракт на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных или муниципальных нужд, в перспективе последнего реформирования законодательства. С этой целью в исследовании приведены некоторые статистические данные, а также позиции органов исполнительной власти Российской Федерации. Автором сформировано мнение по поводу самых значительных изменений нормативного регулирования и осуществлен прогноз будущего развития.

Ключевые слова: гражданское право, административные процедуры, предпринимательское право, государственный контракт, заказчик, поставщик, госзакупка.

FEDINA Lyubov Mikhaylovna

Ph.D. in Law, lecturer of Law enforcement organization sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

ANALYSIS OF THE PROGRESSIVE REFORM OF THE LEGAL REGULATION OF LEGAL RELATIONS IN THE FIELD OF STATE (MUNICIPAL) PROCUREMENT

This article gives a legal assessment of such a phenomenon of domestic civil law as a contract for the supply of goods, performance of works and provision of services for state or municipal needs, in the perspective of the latest legislative reform. For this purpose, the study provides some statistical data, as well as the positions of the executive authorities of the Russian Federation. The author formed an opinion about the most significant changes in regulatory regulation and made a forecast of future development.

Keywords: civil law, administrative procedures, business law, government contract, customer, supplier, public procurement.

Продолжающееся поступательное реформирование системы государственных (муниципальных) закупок в России, принятие, так называемых, «оптимизационных поправок» нормативной базы регулирования с 1 января 2022 года, так или иначе подтверждает сложность и комплексность данного правового явления. Многие научные труды [1] сформированы в попытке анализа и исследования этого особого правового механизма, сочетающего в себе административные, предпринимательские признаки в рамках традиционных гражданских правоотношений по поставке товара, оказания услуг и выполнения работ. Правоприменитель же со своей позиции старается существовать в данных реалиях, повышать эффективность собственной предпринимательской деятельности, увеличивать получение прибыли с одной стороны, и приобретать по наиболее выгодным условиям качественный предмет госконтракта с экономией бюджетных средств, с другой.

В настоящем исследовании предпримем попытку анализа последних изменений законодательства в указанной области, а также оценки эффективности их введения.

Итак, вступление в законную силу Федерального закона от 02.07.2021 № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] (далее – закон 44-ФЗ), а также издание в его реализацию подзаконных нормативных правовых актов, ознаменовало несколько значительных нововведений.

В первую очередь, на наш взгляд, стоит обратить внимание на предоставление преимуществ субъектам малого предпринимательства и социально ориентированным некоммерческим организациям. В целом, новая система государственных (муниципальных) закупок ориентирована на обеспечение здоровой конкуренции и достижения равенства между поставщиками товаров (работ, услуг), что подтверж-

дает строгая система контроля независимого проведения торгов, а также включение принципа обеспечения конкуренции в качестве одной из концептуальных идей основополагающего в данной сфере Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [3]. Указанный принцип провозглашает необходимость создания и обеспечения равных условий для всех участников закупок. Вместе с тем, законодатель отдает явные преимущества и льготные условия для таких категорий поставщиков (подрядчиков, исполнителей) как учреждения и предприятия уголовно-исполнительной системы, социально ориентированные некоммерческие организации, малое и среднее предпринимательство. Проанализировав данные преимущества, приходим к выводу, что рассматриваемые привилегии являются не противоречием или исключением принципа обеспечения конкуренции, а частью социально-экономической политики государства и защиты более слабых участников правоотношений.

Вместе с тем, законодатель идет по пути увеличения преференций для указанной категории поставщиков (подрядчиков, исполнителей). В том числе возложение на государственного (муниципального) заказчика обязанности заключения четверти, от общего числа контрактов, с субъектами малого бизнеса, вместо порогового значения в 15%, существовавшего ранее. Кроме того, по новому законодательству предусмотрено императивное сокращение сроков оплаты по контрактам, контрагентами по которым являются социальные некоммерческие учреждения и субъекты малого и среднего предпринимательства. Таким образом, обязательная оплата по вышеуказанным государственным (муниципальным) контрактам должна быть произведена в срок до 10 дней, если извещение о проведении закупки размещено в Единой информацион-

ной системе в сфере закупок в течение 2022 года, а после 1 января 2023 года – до 7 дней.

Следующим весомым дополнением существующей правовой системы представляется дальнейшая легитимизация типовых контрактов и типовых условий. Разработанные изначально как добровольное подспорье обеих сторон сделки, в настоящее время представляют собой готовые соглашения, которые госзаказчики обязаны использовать для разработки проекта госконтракта в конкурентных процедурах и в закупках у единственного поставщика. Однако правовая коллизия состоит в том, что данные типовые соглашения не успевают подстраиваться под стремительно меняющееся законодательство и условия экономической среды. Таким образом, эти документы сохраняют свою силу и должны использоваться заказчиками до утверждения правительством РФ новых типовых условий, что в некоторых случаях приводит к противоречиям действующему законодательству. При этом Министерство финансов Российской Федерации в своем разъяснении [4] по этому поводу допускает возможность возникновения противоречий условий типовых контрактов законодательству о контрактной системе, например, в разделе согласования сроков заключения и исполнения контракта. В подобных случаях Министерство советует заказчикам корректировать типовые контракты и типовые условия в соответствии с нормами закона 44-ФЗ, что, по нашему мнению, нивелирует значение такого правового механизма, как типовой государственный (муниципальный) контракт.

Так или иначе обязанность заказчика использовать типовые условия или типовые контракты, а также навязывание законодателем определенного контрагента по контракту, а именно 25 % соглашений с малым предпринимательством, социально ориентированными организациями и иными субъектами всё больше приводит и без того императивно урегулированные отношения в полностью подконтрольные государству. Духа гражданского законодательства и его принципов регулирования в данных правоотношениях становится всё меньше. Мы не оцениваем это с точки зрения негативных последствий, но и развития капиталистической, саморегулируемой экономики в данной сфере не наблюдаем.

По-настоящему оптимизационными, на наш взгляд, являются поправки связанные с сокращением числа видов закупочных процедур, сроков их проведения, электронизацию и автоматизацию различных этапов проведения государственных (муниципальных) закупок.

В результате, в настоящее время госзаказчик имеет возможность проводить закупочные процедуры тремя конкурентными способами, вместо существовавших ранее одиннадцати процедур. Речь идет о конкурсе, аукционе и запросе котировок, и при этом их проведение предусмотрено только в электронной форме. Если обратиться к данным официальной статистики [5], то напрашивается вывод об упрощении таких закупочных процедур как запрос предложения в связи с их невостребованностью. Так, исходя из приведенных данных, в 2021 году наиболее распространенными способами определения поставщика (подрядчика, исполнителя) являются:

- электронный аукцион – 89% в количественном и 66% в стоимостном выражении;
- запрос котировок в электронной форме – 4,5% в количественном и 0,2% в стоимостном выражении;
- открытый конкурс в электронной форме – 2,1% в количественном и 25% в стоимостном выражении.

Сущность функционирующих в настоящее время конкурентных способов определения поставщика заключается в том, что информация о закупке товаров, работ или услуг, то есть потребности государственного (муниципального) заказчика сообщается неограниченному кругу лиц путем размещения в единой информационной системе извещения о проведении данного вида закупки, с оглашением основных условий будущего контракта.

В связи с этим, рассматриваемая новелла, предусматривающая укрупнение и уменьшение количества способов проведения закупок, отказ от архаических и невостребованных правовых механизмов представляется наиболее удачным.

В числе прочих законодательных нововведений отметим актуальное, на наш взгляд, формирование обязательной стоимостной предквалификации поставщиков (подрядчиков, исполнителей). Речь идет о дополнительном защитном механизме государственных и муниципальных органов и учреждений от недобросовестных контрагентов. Так, с начала 2022 года при проведении любого конкурентного способа определения поставщика с начальной ценой контракта не менее 20 миллионов рублей заказчик вправе требовать от поставщика (подрядчика, исполнителя) подтверждения успешного опыта реализации госконтрактов в течение трех предыдущих лет. При этом общая сумма исполненных контрактов должна составлять не менее 20% от цены проводимой закупки.

Представляется, что данное положение, с одной стороны, приведет к ещё большему ограничению конкуренции и возможному отстранению от участия в закупке добросовестного поставщика с наиболее оптимальным соотношением цены и качества товара (работы, услуги). Но вместе с тем, дополнительная защита заказчика позволит уменьшить количество нереализованных контрактов, теневых мошеннических схем, и как следствие приведет к наиболее рациональному использованию бюджетных средств.

Подводя итог, необходимо отметить, что рассматриваемый проект оптимизационных поправок был подготовлен к началу 2020 года в связи с назревшей необходимостью реформирования системы государственных (муниципальных) закупок, однако, в силу известных объективных причин, был полностью реализован только к началу 2022 года. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о его частичной рентабельности и положительной динамики правоприменения. Вместе с тем, ретроспективный взгляд на становление правовой регламентации правоотношений в сфере удовлетворения государственных (муниципальных) нужд в товарах, работах и услугах, начиная с постсоветского периода, приводит к заключению о необходимости дальнейшего поступательного реформирования данной нормативно-правовой базы.

Пристатейный библиографический список

1. См. также: Кабытов П. П. Анализ содержания и структуры контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. – 2020. – № 3; Варавенко В. Е. Перспективы применения в России типовых договоров международной федерации инженеров-консультантов (FIDIC) в практике публичных закупок // Право и политика. – 2020. – № 8; Умнова М. Г. Оценка рисков компаний-поставщиков при участии в госзакупках // ЭПП. – 2019. – № 4; Саяпина П. А. Управление рисками государственных закупок и их характер // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 6-2.
2. Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. № 27 (часть II) ст. 5188.
3. Собрании законодательства Российской Федерации от 8 апреля 2013 г. № 14 ст. 1652.
4. Письмо Минфина России от 14.02.2022 № 24-01-09/10138 «О применении положений Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ в редакции Федерального закона от 02.07.2021 № 360-ФЗ, а также изданных в его реализацию нормативных правовых актов.
5. Аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам 2021 года. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/05/main/ANALITICHESKIY_OTCHET.pdf.

ФИЛИН Владимир Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры общеправовых и специальных дисциплин Карагандинского университета Казпотребсоюза, Республика Казахстан, г. Караганда

ФЕТКУЛОВ Аликжан Халелович

кандидат юридических наук, доцент кафедры общеправовых и специальных дисциплин Карагандинского университета Казпотребсоюза, Республика Казахстан, г. Караганда

РАХИМГУЛОВА Маншук Булатовна

доктор Ph.D., заведующая кафедрой общеправовых и специальных дисциплин Карагандинского университета Казпотребсоюза, Республика Казахстан, Караганда

БАЙКЕНЖИНА Кулбагила Алиакпаровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры общеправовых и специальных дисциплин Карагандинского университета Казпотребсоюза, Республика Казахстан, г. Караганда

Филин В. В.

Феткулов А. Х.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И ОХРАНЫ ТРУДА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

В статье рассматривается административное законодательство Казахстана, которое на протяжении последних лет претерпевает глубокий процесс реформирования. С позиции научно-теоретического и правового комментария к отдельным видам административных составов правонарушений, авторами показаны административно-правовые аспекты механизма обеспечения безопасности и охраны труда в Казахстане.

Ключевые слова: трудовые отношения, обеспечение безопасности, охрана труда, административная ответственность, правонарушение, состав административного правонарушения.

FILIN Vladimir Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of General legal and special disciplines sub-faculty of the Karaganda University of Kazpotrebooyuz, Republic of Kazakhstan, Karaganda

FETKULOV Alikzhan Halelovich

Ph.D. in Law, associate professor of General legal and special disciplines sub-faculty of the Karaganda University of Kazpotrebooyuz, Republic of Kazakhstan, Karaganda

RAKHIMGULOVA Manshuk Bulatovna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of General legal and special disciplines sub-faculty of the Karaganda University of Kazpotrebooyuz, Republic of Kazakhstan

BAYKENGINA Kulbagila Aliakparovna

Ph.D. in Law, associate professor of General legal and special disciplines sub-faculty of the Karaganda University of Kazpotrebooyuz, Republic of Kazakhstan, Karaganda

Рахимгулова М. Б.

Байкенжина К. А.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL ASPECTS OF OCCUPATIONAL SAFETY AND HEALTH IN THE REPUBLIC OF KAZHSTAN

The article examines the administrative legislation of Kazakhstan, which has been undergoing a deep process of reform and expansion in recent years. From the standpoint of scientific, theoretical and legal commentary on certain types of administrative structures, the authors show the administrative and legal aspects of the mechanism for ensuring safety and labor protection in Kazakhstan.

Keywords: labor relations, safety, labor protection, administrative responsibility, offense, the composition of an administrative offense.

Тренды современного «слышащего» государства требуют кардинального обновления соответствующих механизмов правового регулирования. Первостепенной задачей ставится повышение уровня обеспечения правосубъектности граждан, защита их прав и свобод [1, с. 148]. Каждый гражданин имеет конституционное право на условия труда отвечающие

требованиям безопасности и гигиены¹. Данное положение конкретизировано и в других нормативно-правовых актах.

1 Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 21 октября 2021 года).

Деятельность государственных органов сосредоточена на обеспечение безопасности и охране труда граждан вовлеченных в сферу трудовых отношений. Тем не менее, принимаемые государством меры не позволяют снизить уровень травматизма в Республике Казахстан. Так, например, в 2020 году уровень производственного травматизма на предприятиях и организациях увеличился на 5,1 % в сравнении с аналогичным периодом прошлого года, а количество пострадавших от производственных травм со смертельным исходом увеличилось на 15,5 %².

Трагическая динамика не изменилась и в 2021 году. 07 ноября 2021 года на шахте «Абайская» АО «АрселорМиттал Темиртау» в Карагандинской области произошел непредвиденный взрыв и выброс метана. Из восьми находившихся в забое шахтеров погибли шесть. Трое получили увечья. Специальной комиссией идет расследование данного чрезвычайного происшествия. По предварительным данным Министерства чрезвычайных ситуаций Республики Казахстан основной причиной является непринятие руководством предприятия в необходимом объеме мер по обеспечению безопасности и охраны труда на производстве³. Спустя несколько дней, 25 ноября произошла трагедия на шахте «Листвяжная» Кемеровской области Российской Федерации, унесшая жизни десятков людей⁴. Средства массовой информации сообщают об аналогичных Казахстанскому происшествию причины.

Сфера трудовых отношений остается менее защищенной. Обеспечение безопасности и охрана трудовых отношений – это целый комплекс правовых норм направленных на создание благоприятных условий труда, являющихся безопасными для жизни и здоровья работников [2, с. 105]. С помощью правовых норм реализуются конституционные права граждан на труд и безопасные условия труда, то есть создания государством условий соответствующих всем требованиям безопасности. Нормами административного законодательства охраняются трудовые отношения граждан, тем самым обеспечиваются безопасные условия труда, а в случае их нарушения, предусмотрена административная ответственность. Административное и трудовое законодательство в сфере обеспечения безопасности и охраны труда требуют постоянного совершенствования.

Государственно-правовой механизм регулирования трудовых отношений в Республике Казахстан достаточно динамичен. С даты принятия нового кодифицированного законодательства, регулирующего трудовые отношения, прошло без малого шесть лет его правоприменения. Со дня вступления Трудового кодекса Республики Казахстан в законную силу порядка тридцати законов внесли изменения в его со-

держание⁵. Последняя оптимизация трудового законодательства вызвана расширением сферы социального партнерства, механизма гарантирования трудовых прав работников, а также обеспечения правил безопасности и охраны труда в современных условиях (цифровизация государственных услуг, пандемия и др.).

Одним из таких наиболее важных и существенных изменений в трудовое законодательство по вопросам обеспечения безопасности и охраны труда являются дополнения, внесенные законом от 4 мая 2020 года⁶. С учетом новелл в трудовом законодательстве оптимизирована система администрирования⁷. Закреплены нормативные общеобязательные требования по разработке и внедрению новой системы управления охраной труда. Обязательное внедрение работодателями электронного механизма аттестации производственных объектов по условиям труда, а также декларирования деятельности работодателя по обеспечению трудовых прав работников с использованием платформы единой информационной системы «Охрана труда». Это значительно усовершенствовало контрольно-надзорный механизм.

Кроме того, новые административно-правовые рычаги служба охраны труда получила в сфере профилактики несчастных случаев на производстве. В частности введена норма об обязательной координации генеральным подрядчиком соблюдения требований охраны труда в условиях проведения работ несколькими организациями. Вместе с тем, вопрос об ответственности последнего пока остается открытым. Тем не менее, следует заметить, что в законодательство об административных правонарушениях (ч. 4 ст. 93) уже введена ответственность за неисполнение работодателем требований трудового законодательства Республики Казахстан по проведению обучения, проверок знаний по вопросам безопасности и охраны труда работников, руководителей и лиц, ответственных за обеспечение безопасности и охраны труда⁸.

Административно-правовой механизм обеспечения безопасности и охраны труда в Казахстане достаточно сложный и разветвленный (не смотря на простоту государственного, административно-территориального устройства), имеет много структурных элементов, частей, институтов, инструментов и т.п. Вместе с этим, неоспоримым в важности и значении нам представляется институт административной ответственности в системе административно-правовых методов государственного управления сферы труда и социальной

2 Безопасность и охрана труда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/lspm/activities/292?lang=ru> (дата обращения: 29 октября 2021 года).

3 Юрий Ильин назвал причину аварии на шахте «Абайская». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.kz/6000404-iurii-ilin-nazval-prichinu-avarii-na-shakhte-abaiskaia.html> (дата обращения: 26 ноября 2021 года).

4 В Кемеровской области простились с погибшими на шахте «Листвяжная». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2021-11-28/417111-v_kemerovskoy_oblasti_prostilis_s_pogibshimi_na_shakte_listvyazhnaya (дата обращения: 26 ноября 2021 года).

5 Кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414 ЗРК «Трудовой кодекс Республики Казахстан» *Доступ из Информационно-правовой системы нормативных правовых актов РК «Әділет»*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000414> (дата обращения: 10 ноября 2021 года).

6 Закон Республики Казахстан от 04 мая 2020 года № 321 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам труда» *Доступ из Информационно-правовой системы нормативных правовых актов РК «Әділет»*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000321> (дата обращения: 15 ноября 2021 года).

7 «Трудовой кодекс изменился в Казахстане». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uchet.kz/week/trudovoy-kodeks-izmenilsya-v-kazakhstan/> (дата обращения: 19 ноября 2021 года).

8 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (дата обращения: 25 ноября 2021 года).

защиты. На примере предлагаемого научно-правового комментария выборочных составов административных правонарушений мы хотим показать, как в целом структурирован наш национальный правовой механизм в области обеспечения безопасности и охраны труда, каковы основные государственно-правовые требования и условия их реализации.

В главе 10 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее КРКобАП) объединены отдельные составы (ст.ст. 93, 94, 95 и 96) в области обеспечения безопасности и охраны труда, охватывающие в целом основу правовых предписаний рассматриваемой сферы.

Согласно данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам⁹ практика по делам об административных правонарушениях рассматриваемой категории, за период 9-ти месяцев 2020 года, складывается следующим образом: зарегистрировано 705 правонарушений по ст. 93 КРКобАП, по ст.ст. 94, 95 и 96-38, 15 и 72 случаев соответственно. Из них рассмотрено по существу 694, 38, 14 и 71 соответственно. В судебном порядке рассмотрено 3, 0, 0 и 1 материалов. Количество лиц, привлеченных по данным составам к ответственности 695, 38, 14 и 71 соответственно, из них физических лиц 314, 2, 4 и 10, юридических лиц 381, 36, 10 и 61 по соответствующим четырем составам. Вынесено постановлений о прекращении производства 4, 1, 2 и 1. Наложено взысканий: по ст. 93 – 629 предупреждений, административных штрафов – 62; по ст.ст. 94, 95 и 96 – 21, 16; 12 и 70 соответственно. Общая сумма наложенных штрафов составила – порядка 25 млн. тенге, взыскаемость около 70 % от общей суммы наложенных штрафов, из них по сокращенному производству уплачено порядка 30 %.

Данная административно-правовая статистика показывает, что, в основном, к административной ответственности привлекали за нарушения правил обеспечения безопасности и охраны труда (ст. 93 КРКобАП) или за нарушения требований законодательства по проведению аттестации производственных объектов по условиям труда (ст. 94 КРКобАП), где было привлечено 116 должностных лиц, двое из которых иностранные граждане.

Ограничиваясь объемом нашей публикации, мы не ставим целью подробный анализ сложившейся практики. Отметим лишь в качестве особенности внесудебный порядок рассмотрения дел (практически все дела рассматривались в рамках специальной административно-юрисдикционной компетенции органов инспекции труда), а также снижением количества указанных совершенных правонарушений в связи со сложной эпидемиологической обстановкой (удаленность работников, мораторий на проверки и т.п.).

Проведем анализ состава административно-правовой нормы в области обеспечения безопасности и охраны труда. Непосредственный объект административного правонарушения, предусмотренного ст. 93 (Нарушение правил обеспечения безопасности и охраны труда) КРКобАП является установленный трудовым законодательством порядок обеспечения безопасности и охраны труда. В соответствии со ст. 202 Трудового кодекса Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года (далее – ТК), в целях осуществления

внутреннего контроля за соблюдением требований безопасности и охраны труда в организациях, осуществляющих производственную деятельность, с численностью более пятидесяти работников, работодатель создает службу безопасности и охраны труда, которая подчиняется непосредственно первому руководителю организации или лицу, им уполномоченному.

Работодатель, с численностью работников до пятидесяти человек, вводит должность специалиста по безопасности и охране труда с учетом специфики деятельности, либо обязанности по обеспечению безопасности и охране труда возлагает на другого специалиста. Организация безопасности и охраны труда у субъектов малого предпринимательства может осуществляться на договорной основе с физическими или юридическими лицами. Таким образом, исходя из вышеуказанных нормативных установлений, объективная сторона комментируемого состава определяется формой бездействия и выражается в неисполнении работодателем вышеуказанной обязанности.

Если рассматривать субъективную сторону данного правонарушения, то она выражается умышленной формой вины работодателя (в целях экономии на оплате труда по соответствующей должности). Тем не менее, может быть и форма неосторожности. В качестве субъектов правонарушения выступают юридические лица, являющиеся субъектами малого предпринимательства или некоммерческие организации, а также юридические лица, являющиеся субъектами среднего или крупного предпринимательства.

Работодатель обязан организовать за счет собственных средств проведение обязательных периодических (в течение трудовой деятельности) медицинских осмотров и предсменного медицинского освидетельствования работников в случаях, предусмотренных законодательством Республики Казахстан, а также при переводе на другую работу с изменениями условий труда либо при появлении признаков профессионального заболевания.

Работники, занятые на тяжелых работах, работах с вредными (особо вредными) и (или) опасными условиями труда должны проходить периодические медицинские осмотры и обследования в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан. Работники, занятые на работах, связанных с повышенной опасностью, машинами и механизмами, должны проходить предсменное медицинское освидетельствование.

Таким образом, исходя из вышеуказанных нормативных установлений, объективная сторона комментируемого состава определяется формой бездействия и выражается в неисполнении работодателем вышеуказанной обязанности.

В соответствии со ст. 182 ТК работодатель обязан создать работникам необходимые санитарно-гигиенические условия, обеспечить им выдачу и ремонт специальной одежды и обуви, снабжение их средствами профилактической обработки, моющими и дезинфицирующими средствами, медицинской аптечкой, молоком или равноценными пищевыми продуктами, и (или) специализированными продуктами для диетического (лечебного и профилактического) питания, средствами индивидуальной и коллективной защиты в соответствии с нормами, установленными уполномоченным государственным органом по труду. Например, указанные

⁹ Данные Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/pravstat?lang=ru> (дата обращения: 30 ноября 2021 года).

нормативы устанавливаются Приказами Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан¹⁰.

Также, данной нормой (ч. 4, ст. 93 КРКобАП) предусмотрена административная ответственность за неисполнение работодателем требований трудового законодательства Республики Казахстан по проведению обучения и подготовки работников, проверки знаний руководителей и специалистов по вопросам безопасности и охраны труда, предусмотренных пп. 2, 3 ч.2 ст. 182 ТК.

Согласно таких норм работодатель обязан:

– проводить обучение, инструктирование, проверку знаний работников по вопросам безопасности и охраны труда, а также обеспечивать документами по безопасному ведению производственного процесса и работ за счет собственных средств;

– организовать обучение и проверку знаний по вопросам безопасности и охраны труда руководителей и лиц, ответственных за обеспечение безопасности и охраны труда, периодически не реже одного раза в три года в организациях, осуществляющих повышение квалификации кадров, в порядке, определенном уполномоченным государственным органом по труду, согласно списку, утвержденному актом работодателя.

Порядок и сроки проведения обучения и проверок знаний работников по вопросам безопасности и охраны труда определен Приказом Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 25 декабря 2015 года «Об утверждении Правил и сроков проведения обучения, инструктирования и проверок знаний по вопросам безопасности и охраны труда работников, руководителей и лиц, ответственных за обеспечение безопасности и охраны труда» (далее Приказ от 25 декабря 2015 года)¹¹.

Часть шестая комментируемой статьи предусматривает административную ответственность за неисполнение работодателем требований трудового законодательства Республики Казахстан по проведению инструктирования (кроме вводного инструктажа) и отсутствие документов по безопасности и охраны труда. Согласно подпункту 2 части 2 статьи 182 ТК работодатель обязан проводить инструктаж, обеспечивать документами по безопасному ведению производственного процесса и работ. Порядок и сроки проведения инструктирования работников по вопросам безопасности и охраны труда определен Приказом от 25 декабря 2015 года.

Дела об административных правонарушениях, в соответствии с ч. 1 ст. 693 КРКобАП, по правонарушениям, предусмотренным частями 1, 3, 4, 5, 6, 7 ст. 93 КРКобАП рассматриваются государственными инспекторами труда. Части 2 и 5 комментируемой статьи, в соответствии со ст. 701 КРКо-

бАП в подведомственности уполномоченных органов в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Рассматривать дела об административных правонарушениях и налагать административные взыскания вправе руководитель государственного органа в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения, его заместители, руководители территориальных подразделений и их заместители.

Рассматривая состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 93 КРКобАП диспозиция данной административно-правовой нормы является отсылочной к трудовому законодательству. Отсюда возникают трудности в судебной-следственной практике при обращении к тому или иному правовому акту при квалификации данного состава правонарушения, так как некоторые пункты нормативно-правовых актов не раскрывают всех признаков правонарушения.

Во-вторых, следует согласиться с тем, что настала потребность в исследовании проблем формирования административно-наказательной политики в сфере разработки, применения, исполнения и совершенствования системы административных наказаний [3, с. 146-148]. Ужесточения мер, особенно в области трудовых отношений показавших себя крайне неэффективными в механизме обеспечения безопасности и охраны труда.

Пристатейный библиографический список

1. Филин В.В., Феткулов А.Х., Рахимгулова М.Б., Байкенжина К.А. О некоторых вопросах совершенствования административного законодательства Республики Казахстан в свете Послания Президента // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 2 (153). – С.148.
2. Цындра В.Н. Административная и уголовно-правовая ответственность за правонарушения в сфере охраны труда в образовании // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 2. – С. 105.
3. Цындра В.Н. Административно-наказательная политика в Российской Федерации: актуализация проблемы // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 9 (124). – С. 146-148.

¹⁰ Приказ Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 8 декабря 2015 года «Об утверждении норм выдачи специальной одежды и других средств индивидуальной защиты работникам организаций различных видов экономической деятельности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/search/docs/ddt=2015-12-08> (дата обращения: 25 ноября 2021 года).

¹¹ Приказ Министра здравоохранения и социального развития Республики Казахстан от 25 декабря 2015 года «Об утверждении Правил и сроков проведения обучения, инструктирования и проверок знаний по вопросам безопасности и охраны труда работников, руководителей и лиц, ответственных за обеспечение безопасности и охраны труда». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/search/docs/ddt=2015-12-25> (дата обращения: 25 ноября 2021 года).

ЗАРУБА Даниил Сергеевич

студент Экономического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ДОГАДИНА Дарья Сергеевна

студент Экономического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ОЧАК Павел Константинович

студент Экономического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ЧЕРНОВ Юрий Иванович

кандидат юридических наук, доцент Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В настоящей статье мы рассмотрим вопросы, которые раскрывают актуальные проблемы административно-правового противодействия девиантному поведению несовершеннолетних лиц органами власти. Формулируется значение государственных органов власти. Определяется роль органов внутренних дел и государственных органов во взаимосвязи по противодействию отклонений в поведении среди несовершеннолетних лиц. Перечисляется совокупность определенных мер, используемых органами власти для решения проблем, связанных с девиантным поведением несовершеннолетних лиц.

Ключевые слова: девиант, органы власти, поведение, проблемы, несовершеннолетние.

ZARUBA Daniil Sergeevich

student of the Faculty of Economics of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

DOGADINA Darya Sergeevna

student of the Faculty of Economics of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

OSCHAK Pavel Konstantinovich

student of the Faculty of Economics of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

CHERNOV Yuriy Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

ACTUAL PROBLEMS OF COUNTERING DEVIANT BEHAVIOR OF MINORS

This article discusses the issues that reveal the actual problems of countering the deviant behavior of minors by the authorities. The meaning of state authorities is formulated. The role of internal affairs bodies and state bodies in the relationship to counteract deviations in behavior among minors is determined. The set of certain measures used by the authorities to solve problems related to the deviant behavior of minors is listed.

Keywords: deviant, internal organs, behavior, problems, minors.

Девиантное поведение — это поведение, отклоняющееся от общепринятых, социально одобряемых, наиболее распространенных и устоявшихся норм в определенных сообществах в определенный период их развития. Негативное девиантное поведение приводит к применению обществом определенных формальных и неформальных санкций (изоляция, лечение, исправление или наказание нарушителя). Это поведение трактуется как отклонение от принятых нравственных, в определенных случаях и правовых норм.

К видам отклоняющегося поведения относят: антидисциплинарные, антисоциальные, деликвентные (противоправные), аутоагрессивные (суицидальные и самоповреждающие) поступки.

Для органов власти проблема противодействия девиантному поведению несовершеннолетних остается актуальной, но с определенными проблемами они сталкиваются и сейчас:

Имеется общая государственная база данных по статистике на безнадзорных несовершеннолетних [2], которая требует некоторого обновления. На заседаниях межведомственных комиссий данная проблема поднималась ни один раз. При этом меры, осуществляемые субъектами России по противодействию девиантного поведения несовершеннолетних, представились неудовлетворительными.

Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав являются постоянно действующими органами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, обеспечивающими единый подход к решению проблем предупреждения правонарушений, беспризорности, безнадзорности, защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. Они осуществляют свою деятельность как на краевом, так и на районном (муниципальном) уровнях, выполняя такие задачи как: принимают участие в разработке нормативных правовых актов по вопросам защиты прав и охраняемых законом интересов несовершеннолетних; координируют и направляют деятельность органов и учреждений, входящих в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; обеспечивают выявление причин и условий, способствующих беспризорности, безнадзорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, определяют меры по их устранению и другие.

2. Целостная система защиты детей от наркотиков, насилия, алкоголя долгие годы работает без каких-либо сбоев, однако процента роста количества несовершеннолетних, совершивших противозаконные действия, продолжает расти. Узковедомственные решения при данной государственной программе в этом направлении не в силах решить проблему

роста таких случаев. Необходима качественная реформа органов власти, служб и отделений.

3. Как и писалось выше, происходит рост подростковой и детской виктимологии и беззакония, фиксируемых увеличением ситуаций с насилием касательно несовершеннолетних. Имеется расширение жестокого отношения к детям и безразличия к их потребностям в семьях, в средних и высших учебных заведениях, при том, что психологи и лица, на которых по закону возложены обязанности воспитывать и обучать делают свою работу на основе не обновленных программ, установленных еще несколько лет назад. Создается мнение о необходимости совершенствования программ социализации детей.

4. Создается действенная индивидуально-профилактическая работа с детьми и подростками, которые уже учиняли незаконные действия и которые были пойманы за данные действия. При этом к таким детям, подросткам нужно особое внимание и помощь, которое должно оказываться не только в специальных для этого учреждениях. Это значит, что роль уголовной ответственности и наказания присутствует в регулировании норм права, но для несовершеннолетних она выглядит несерьезной. По статистике деятельность органов власти нацелена на несовершеннолетних, которые только склонны и подвержены девиантному поведению. Необходимо выявлять несовершеннолетних, склонных к отклоняющемуся поведению, для предотвращения совершения самого действия в будущем путем профилактики. Для этого нужно привить определенные компетенции внутренним органам власти и службам по выявлению и постановке на учет несовершеннолетних, которые были замечены за отклоняющимся поведением. Однако, положительный результат будет в случае, если вышеперечисленные проблемы будут решены, а именно предоставлена полная и достоверная информация о девиантах и применены действия к решению проблем с ними. Также необходимо соответствующее отношение органов власти и служб (сотрудников) к потенциальному девианту. Данная проблема несет в себе долговременный характер, для противодействия которой необходима координирующая работа внутренних органов власти и служб, правильная оценка применяемых и профилактических мер, а также качественная и постоянная работа на развитие культурного и социального мировоззрения несовершеннолетних. Соответственно, данные меры составляют существенную роль в жизни несовершеннолетних детей [1]. Как было отмечено ранее, предупреждение характеризуется рядом признаков: во-первых, основано на предотвращении «выпадения» несовершеннолетнего из процесса социализации, который оказывает большое влияние на формирование подростка, как личности; во-вторых, ориентировано на использование и применении мер психологического и педагогического характера общей направленности, что является основной частью воспитательного процесса. Таким образом, необходимо выделить критерии антисоциального поведения несовершеннолетних, которыми могли бы руководствоваться и пользоваться органы внутренних дел, патрули, для временного задержания подростков и отправления их в органы социальной защиты, где бы проводилось расследование с учетом различных факторов, присущих данному случаю, и вынесение решения. В качестве примеров могут быть: мелкое хулиганство; состояние алкогольного, наркотического или психотропного опьянения; вандализм; токсикомания, попытки суицида и т.д. Подводя итог, отметим, что ранее предупреждение преступности несовершеннолетних должно было быть направлено не только на собственное предупреждение, но и на ресоциализацию подростка, которая рассматривается как социальная основа раннего предупреждения.

5. Дефицит высокой эффективности в работе органов и учреждений по профилактике и предотвращению преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Стоит отме-

тить, что за последние годы с помощью административной реформы, начал решаться вопрос взаимодействия, путем составления административных регламентов. Для предотвращения на начальных этапах и устранения данной проблемы, необходимо при утверждении регламентов на федеральном уровне отправлять их в порядке уведомлений и в другие ведомства, а при наличии разногласий разрешать их на собраниях комиссий. Подводя итог, можно отметить, что на основе рассмотрения комплекса конкретных мер, осуществляемых государственными органами, они являются ограниченными и законодательно не закрепленными. Явным примером могут выступать мероприятия, проведенные в ведомствах, например органах внутренних дел, которые описываются при проведении определенных акций, такие как «Семья», «Подросток», «Быт», «Надзор» и др. или во внутриведомственных инструкциях. Поэтому органы внутренних дел, в соответствии с ведомственными нормативно-правовыми актами, должны принимать участие: - в профилактике преступлений несовершеннолетних (т.е. обеспечение субъектов криминологической информацией о причинах и условиях девиации несовершеннолетних); - вносить и устанавливать определенные меры по устранению причин совершения правонарушений и преступлений несовершеннолетними. Данные предложения должны быть обоснованными, законными, конкретными и социально целесообразными. К сожалению, за последнее время таких предложений практически нет, в связи со сложившимся стереотипом по отношению к правонарушителям, где нет разграничения на взрослого и несовершеннолетнего. Психологию сотрудников органов внутренних дел резко изменить невозможно, поэтому законодательство наметило тенденцию по направлению к формированию ювенальной юстиции. Основной эффективной мерой профилактики девиантного поведения у несовершеннолетних, является повседневная борьба с девиацией во всех ее проявлениях. Поэтому правоохранительным органам следует обратить внимание на привлечение подростков к образовательным, оздоровительным учреждениям, объектам, способствующими развитию физической культуры и спорта, а также творческой деятельности и занятости несовершеннолетних. На основе изучения направлений деятельности полиции по борьбе и предрасположенности несовершеннолетних к девиантному поведению, можно сделать вывод о том, что в деятельности органов внутренних дел остается много проблем, которые требуют глубокого изучения, анализа и рассмотрения.

Пристатейный библиографический список

1. Вызулин Е. А. Государственные органы по поддержанию правопорядка как субъект контртеррористической деятельности: место, роль, направления превенции террористических угроз // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. Научный журнал. – 2015. – № 2.
2. Родных Л. В. Программа «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [Текст] // Работа социального педагога в школе и микрорайоне. – 2015. – № 2. – С. 28-41.
3. Самойлюк Р. Н. Проблемы девиантного поведения несовершеннолетних // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 2 (30). – С. 222.

АБАЗОВ Андемиркан Борисович

кандидат юридических наук, доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

ФАЙРУШИН Тимур Аликович

старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, капитан полиции

О ФОРМАХ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Местное самоуправление, как известно, является одним из значимых компонентов народовластия, которое формируется из общности граждан, проживающих в границах соответствующего муниципального образования. Органы местного самоуправления благодаря близости к населению выполняют функции государственного управления на эффективных началах. Установлено, что между органами публичной власти и обществом должен быть выстроен долгосрочный диалог с вовлечением граждан в процесс выработки и принятия решений по вопросам определения стратегии развития муниципального образования. Такая концепция является залогом формирования полноценного, самостоятельного и ответственного гражданского общества. Также выявлено, что участие граждан в осуществлении местного самоуправления преследует главную цель – улучшение качества жизни населения муниципальной территории. Проанализировав ситуацию в Кабардино-Балкарской Республике, были проанализированы наиболее востребованные формы непосредственного народовластия и сделаны выводы о том, что для реализации форм непосредственной демократии требуется дальнейшее совершенствование муниципально-территориального устройства, нормативно-правового закрепления компетенций местного самоуправления и расширение форм взаимодействия с органами государственной власти.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное образование, гражданское общество, гражданская инициатива, форма участия.

ABAZOV Andemirkan Borisovich

Ph.D. in Law, associate professor of Activities of internal affairs bodies in special conditions sub-faculty of the North-Caucasian Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

FAYRUSHIN Timur Alikovich

senior lecturer of Fire and tactical and special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, captain of police

ON THE FORMS OF DIRECT PARTICIPATION OF THE POPULATION IN THE IMPLEMENTATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT (ON THE EXAMPLE OF THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC)

Local self-government, as you know, is one of the significant components of democracy, which is formed from a community of citizens living within the boundaries of the corresponding municipality. Local self-government bodies, due to their proximity to the population, perform the functions of public administration on an effective basis. It has been established that a long-term dialogue should be built between public authorities and society with the involvement of citizens in the process of developing and making decisions on determining the strategy for the development of the municipality. Such a concept is the key to the formation of a full-fledged, independent and responsible civil society. It was also revealed that the participation of citizens in the implementation of local self-government pursues the main goal - improving the quality of life of the population of the municipal territory. After analyzing the situation in the Kabardino-Balkarian Republic, the most popular forms of direct democracy were analyzed, and conclusions were drawn that in order to implement the forms of direct democracy, further improvement of the municipal-territorial structure, regulatory and legal consolidation of the competencies of local self-government and expansion of forms of interaction with state bodies are required authorities.

Keywords: local self-government, municipal formation, civil society, civil initiative, form of participation.

Успешному социально-экономическому развитию страны, ее регионов и муниципальных образований способствует совершенствование местного самоуправления в контексте гармоничного сочетания публичной власти и современного гражданского общества, осуществляемого в рамках конституционного принципа самостоятельного решения гражданами вопросов местного значения. Выступая одним из значимых компонентов народовластия, местное самоуправление формируется из общности граждан, проживающих в границах соответствующего муниципального образования.

Успешному социально-экономическому развитию страны, ее регионов и муниципальных образований способствует совершенствование местного самоуправления в контексте гармоничного сочетания публичной власти и современного гражданского общества, осуществляемого в рамках конституционного принципа самостоятельного решения гражданами вопросов местного значения. Выступая одним из значимых компонентов народовластия, местное самоуправление формируется из общности граждан, проживающих в границах соответствующего муниципального образования.

Между органами публичной власти и обществом должен быть выстроен долгосрочный диалог с вовлечением граждан в процесс выработки и принятия решений по вопросам определения стратегии развития муниципального образования. Такая концепция является залогом формирования полноценного, самостоятельного и ответственного гражданского общества, осуществляемого в рамках конституционного принципа самостоятельного решения гражданами вопросов местного значения. Выступая одним из значимых компонентов народовластия, местное самоуправление формируется из общности граждан, проживающих в границах соответствующего муниципального образования.

данского общества. Однако, на современном этапе мы имеем дело с недостаточно высоким уровнем гражданской инициативы, который становится значительной помехой в развитии местного самоуправления [4], [8].

Институт местного самоуправления в представлении россиян чаще всего фигурирует в качестве низового уровня государственной власти, но не как форма народовластия. Вообще многими специалистами местное самоуправление рассматривается как составная часть государственной власти, которое они так и называют – местные органы государственной власти. Есть и другая категория специалистов – противники первой теории, которые считают местное самоуправление формой организации догосударственного общества, которое появилось до образования государства. Отсюда, опровергается идея об исключительно государственной природе местного самоуправления. Так, формируется мнение о том, что в основе идеи местного самоуправления лежит демократизация власти в государстве, ее децентрализация в разумных пределах.

Среди зарубежных авторов часто можно встретить мнение о местном самоуправлении, как органе, возлагающем на себя часть административных функций в целях уменьшения нагрузки на органы государственной власти, с тем, чтобы дать последним возможность сосредоточить усилия на стратегических задачах общенационального значения и обеспечении условий для их решения.

По нашему мнению, более точным определением местного самоуправления будет его дефиниция в качестве формы народовластия, с решающим участием населения городов и сел в организации местной жизни, т.е. так называемая пролонгация государственной деятельности на местах.

Местное самоуправление, как форму народовластия, в нашей стране гарантируется Конституцией РФ, федеральными законами и законами субъектов РФ, в которых излагается: самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций [1], [2]. Вследствие этого можно заключить, что местное самоуправление является наиболее приближенным к населению муниципального образования уровнем публичной власти. Иными словами, это осознанно и самостоятельно созданный жителями муниципального образования народный орган для решения вопросов местного значения при реализации их активного участия.

Формы реализации местного самоуправления в качестве деятельности граждан по осуществлению народовластия отражены в Законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [2]. Этот перечень носит открытый характер, и закон допускает применение и других форм непосредственного участия граждан в осуществлении местного самоуправления.

Следует обратить внимание, что большая часть перечисленных форм осуществления местного самоуправления подразумевает высокий уровень гражданской активности социальной направленности в решении местных проблем. Если брать в сравнение активность граждан в процессе из-

бирательных кампаний в 2019 и 2020 гг., то можно увидеть значительное снижение. Объяснением этому является неблагоприятная эпидемиологическая обстановка, не располагающая к публичным мероприятиям. В целом же некоторые формы осуществления местного самоуправления в 2020-2021 гг. ни разу не применялись (например, отзыв депутатов выборных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления) [3], [8].

Если говорить о востребованности, то чаще всего при решении вопросов местного самоуправления использовались такие формы, как территориальное общественное самоуправление и сельские старосты, роль которых с каждым годом только возрастает.

Выше мы отмечали о необходимости роста гражданской инициативы. Это необходимо для обеспечения потребностей и интересов населения. Низкая социальная активность граждан приводит к тому, что местное самоуправление детерминируется в управление, осуществляемое с низкой эффективностью и самостоятельностью. В то же время муниципалитеты также не готовы делать обращения к населению как к равноправному партнеру, с их стороны не оказывается достаточная поддержка гражданских инициатив, а вместе с тем, не изъясняется желание оказать должное содействие институтам гражданского общества.

Однако, в ряде субъектов РФ и муниципальных образованиях сегодня мы можем наблюдать некоторую тенденцию роста социальной активности граждан. Например, в Кабардино-Балкарской Республике одной из популярных форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления является сход граждан, который на уровне подсознания воспринимается гражданами в качестве наиболее традиционной формы непосредственной демократии, уходящей своими корнями в глубину традиций титульных народов данной территории. Посредством схода граждан реализуется возможность коллективного обсуждения вопросов местного значения и принятия решений с личной активностью граждан. На сходах чаще всего решаются назревшие проблемы, а также проводятся отчетные мероприятия о выполненной работе и достигнутых результатах местных органов исполнительной власти и полиции [5].

Еще одной формой, пользующейся популярностью у жителей Кабардино-Балкарской Республики, является обращение граждан в органы местного самоуправления. Основные вопросы обращений касаются социального обеспечения, предоставления жилищно-коммунальных услуг, здравоохранения и т.п.

Со своей стороны хотим отметить, что рассмотренная нами выше территориальное общественное самоуправление как одна из форм участия населения в осуществлении местного самоуправления выступает способом самоорганизации граждан по месту их жительства для реализации собственных инициатив по местным вопросам, не получившим достаточного развития в Республике. Причиной тому служит недооцененность данной формы населением, а там, где местное население проявляет должную активность при не меньшей активной поддержке со стороны региональных органов власти и должностных лиц местного самоуправления, тер-

риториальное общественное самоуправление развивается. Особенно это касается грантовых программ поддержки социальных проектов и предпринимательства на основе местных инициатив. На наш взгляд расширение возможностей данного вида поддержки станет еще одной ступенью успешной практики участия населения в местном самоуправлении [7], [8].

Еще одной формой, подтвердившей свою эффективность и жизнеспособность, является институт сельских старост. Роль сельского старосты сложно переоценить для общественной жизни поселений, поскольку они выполняют функции посредника между населением и органами местного самоуправления [6], [7].

Таким образом, эффективное взаимодействие между органами публичной власти и обществом возможно только на основе вовлечения граждан в процесс выработки и принятия решений по вопросам определения стратегии развития муниципального образования.

В целом обобщая наше исследование, отметим, что местное самоуправление призвано для осуществления части административных функций в целях уменьшения нагрузки на органы государственной власти, с тем, чтобы дать последним возможность сосредоточить усилия на стратегических задачах общенационального значения и обеспечении условий для их решения. Улучшение качества жизни населения муниципальной территории является главной целью участия граждан в осуществлении местного самоуправления. Для достижения указанной цели на законных основаниях могут применяться самые различные способы и формы участия граждан. Конечно, уровень гражданской инициативы в нашей стране еще не достиг тех показателей, которые позволяют говорить об их эффективности. Как отмечают сами граждане, проблема в данном случае заключается в новеллах Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», лишь формально создающих условия для участия граждан в местном самоуправлении. Проанализировав ситуацию в Кабардино-Балкарской Республике, мы установили наиболее востребованные формы непосредственного народовластия, и пришли к выводу: для реализации форм непосредственной демократии требуется дальнейшее совершенствование муниципально-территориального устройства, нормативно-правового закрепления компетенций местного самоуправления и расширение форм взаимодействия с органами государственной власти.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 08.01.2022).
2. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской

Федерации». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 05.01.2022).

3. Абазов А. Б. Представительные органы местного самоуправления в системе муниципально-правовых отношений // диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность: 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право / Московский гуманитарный университет. - Москва, 2013. - 206 с.
4. Александров А. А., Тарбеева И. С. Гражданское участие в местном самоуправлении // Управление. - 2016. - № 12 (96). - С. 63-71.
5. Гамидов С. С. Современные проблемы гражданского участия в осуществлении местного самоуправления в России // Управление. - 2019. - Т. 7. - № 2. - С. 5-10.
6. Кайсинов А. Э. Модернизация организационно-правовых форм и направлений участия населения в осуществлении местного самоуправления // В сборнике: Актуальные проблемы права. Сборник научных статей магистрантов. - Владикавказ, 2017. - С. 161-171.
7. Суворов Н. А. Участие населения в местном самоуправлении: проблемы взаимодействия граждан с местной властью // В сборнике: Молодежный муниципальный форум. Материалы всероссийской научной интернет-конференции. Отв. редактор Е. И. Васильева. - Екатеринбург, 2021. - С. 233-237.
8. Финадеева О. Н. К вопросу о совершенствовании участия населения в осуществлении местного самоуправления // В сборнике: Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. Сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией С. С. Чернова. - 2017. - С. 180-186.

АЛИЕВА Айгюн Али кызы

диссертант Института Права и Прав Человека Национальной Академии Наук Азербайджана

ПРОГРАММА САМОЗАНЯТОСТИ КАК НОВАЯ ФОРМА ТРУДОУСТРОЙСТВА ЛИЦ ИЗ УЯЗВИМЫХ ГРУПП: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В данной статье рассматривается программа самозанятости как новая форма трудоустройства уязвимых групп, анализируются правовые проблемы и перспективы в этой сфере. В статье самозанятость характеризуется как самостоятельная форма организации социально значимой экономической деятельности. Подчеркивается, что в современный период правовое положение лиц, самостоятельно занимающихся самозанятостью, в законодательном порядке полностью не урегулировано и предлагается принятие отдельного рамочного закона «О самозанятости», в котором должны быть отражены понятие, права и гарантии самозанятых лиц, вопросы защиты от безработицы, вопросы, связанные с государственной поддержкой самозанятости. Обосновывается необходимость устранения пробелов в правовом регулировании вопросов, связанных с социальным страховым стажем и пенсионным обеспечением лиц, относящихся к указанным категориям, внесением соответствующих изменений и дополнений как в трудовое законодательство, так и в законодательство о социальном обеспечении. Кроме того, автор обращает внимание на определенные расхождения между статьей 24 Закона Азербайджанской Республики «О занятости» и «Порядком организации самозанятости безработных», утвержденного согласно Постановлению за № 168 Кабинета Министров Азербайджанской Республики от 13 мая 2020 года, разработанного на основе этой же статьи и предлагает способы их преодоления.

Ключевые слова: занятость, трудоустройство, самозанятость, программа самозанятости, уязвимые группы, индивидуальный предприниматель, рынок труда, альтернативные формы занятости.

ALIYEVA Aygun Ali

the researcher of the Institute of Law and Human Rights National Academy of Sciences of Azerbaijan

SELF-EMPLOYMENT PROGRAM AS A NEW FORM OF EMPLOYMENT FOR VULNERABLE GROUPS: LEGAL CHALLENGES AND PERSPECTIVES

This article considers the self-employment program as a new form of employment of vulnerable groups, analyzes legal problems and prospects in this area. In the article, self-employment is characterized as an independent form of organizing socially significant economic activities. It is emphasized that in the modern period, the legal situation of self-employed persons is not completely regulated by law and it is proposed to adopt a separate framework law "On self-employment," which should reflect the concept, rights and guarantees of self-employed persons, issues of protection against unemployment, issues related to state support for self-employment.

The need to fill gaps in the legal regulation of issues related to the social insurance and pension benefits of persons belonging to these categories is justified by the introduction of appropriate amendments and additions to both labor legislation and social security legislation. In addition, the author draws attention to certain discrepancies between article 24 of the Employment Act and the Procedure for Organizing Self-Employment of Unemployed Persons, approved by Cabinet of Ministers Decision No. 168 of 13 May 2020, which is based on the same article and proposes ways to overcome them.

Keywords: employment, employment, self-employment, program of self-employment, vulnerable groups, individual entrepreneur, labor market, alternative forms of employment.

Алиева А. А.

Самозанятость как одна из форм привлечения людей к труду рассматривается в качестве явления, которое способно обеспечить социальную интеграцию интересов общества и людей во всем мире. Такая интеграция может быть достигнута, прежде всего, через реализацию прав человека на труд, повышения его социального статуса и изменения отношения к труду. Такую занятость нельзя эффективно использовать применительно к каждому гражданину, потерявшему работу. Здесь могут преуспеть люди, обладающие определенным складом мышления и способностями, имеющие желание и интерес заниматься самостоятельной работой. Самозанятость требует от человека проявления особых, характерных черт, иной активности по сравнению с наемной работой. Переход к самозанятости связан с ломкой сформировавшихся ценностей и стереотипов. Для определения возможностей успешного развития самозанятости необходимо уточнить ряд моментов: способна ли та или иная часть населения за-

ниматься самозанятостью, в какой степени выбор вида занятости зависит от ценностного восприятия, какое влияние на поведение людей оказывает отношение государства и населения к самозанятости. Изучение концепции ценности не занятого населения имеет важное значение для управления этим процессом [13, с. 294]. Самозанятым лицам, как субъектам хозяйственной деятельности посвящено большое количество научных трудов. Еще с начала 2000-х годов самозанятые широко изучались экономистами. А юристы редко прибегали к исследованию этого явления. Однако, позднее принятие некоторых нормативных правовых актов в этой сфере привело к тому, что ученые-правоведы стали уделять данной теме более серьезное внимание [8, с. 131]. Самозанятость сегодня имеет важное значение и отражает экономические процессы, которые не полностью контролируются государственными институтами. Органы государственной власти видят в самозанятости, с одной стороны, предприниматель-

скую инициативу, а с другой – источник дополнительных доходов бюджета и экономического развития. Самозанятость в большей степени характерна для работников, вовлеченных в процессы обмена, распределения и использования товаров и услуг. Самозанятый гражданин объединяет в себе и предпринимателя, и работника, а также устраняет противоречие между капиталом и наемным трудом [22, с. 57].

М.С. Токсанбаев указывает на то, что реальной альтернативой наемному труду становится самозанятость. Наемный труд постепенно утрачивает свое значение, и на фоне проблем отчуждения труда позиции самозанятости становятся все более сильными [23, с. 32-45]. Развитие самозанятости и дальнейшее укрепление ее позиций – это показатель стремления общества к полной занятости. Стремление общества к полной занятости связано не только с тем, что труд создает материальные блага и услуги. Это также связано с тем, что право, которое получают люди, дает им возможность осознать свою социальную роль в обществе. Практически во всех важнейших международно-правовых актах, посвященных правам и свободам человека и гражданина, закреплены положения о взаимном обусловливании свободного труда, свободного выбора вида деятельности, профессии, рода занятий и места работы и защиты от безработицы [5, с. 18].

По своим общим характеристикам «самозанятый человек» означает лицо, которое занимается самозанятостью и свободно организует свою деятельность, которая является его / ее основным источником дохода. Такое широкое понятие самозанятости в странах постсоветского пространства охватывает достаточно большую часть населения, которая имеет личное подсобное хозяйство, занимается собственным трудом в свободное время, репетиторством и другими видами искусства во время отпусков. В условиях рыночной экономики самозанятость выступает как один из объективно необходимых элементов [25, с. 197]. Так, существует ряд причин, которые обуславливают существование самозанятости в обществе [14]:

- недостаточное количество средств существования;
- несвоевременная выплата заработной платы, задержка социальных выплат;
- потеря или отсутствие основного источника средств существования, то есть статус безработного;
- поиск другого, более высокого источника дохода;
- экономическая свобода;
- поиск работы, которая может дать возможность для самореализации.

Для рынка труда проблема правового регулирования альтернативных форм занятости имеет достаточно серьезное значение. Нестандартные формы занятости существовали и ранее. Однако сегодня, по причине развития интернет-технологий и средств мобильной связи, они получили более широкое распространение. В настоящее время наблюдается значительный рост объема нестандартной занятости. Это также обусловлено такими факторами, как обострение конкуренции, рост безработицы, развитие новых технологий и др. Альтернативные формы занятости начали получать широкое распространение со второй половины 70-х годов прошлого века. Именно в тот период на смену индустриального этапа экономического развития в развитых странах пришел постиндустриальный. Этот переход сопровождался внедрением в производство новых вычислительных технологий, заменой тяжелого физического труда робототехникой. В итоге, количество занятых сотрудников сократилось. Данные изменения привели к изменению традиционных форм занятости и появлению нестандартных ее форм, так как новые подходы к использованию рабочей силы требуют высокой гибкости в использовании рабочей силы [18, с. 197].

Н. В. Тонких и А. В. Бабинцева показывают, что самозанятость можно назвать одним из новых инструментов поддержки экономической и социальной стабильности в сфере занятости. Самозанятость можно отнести к нетрадиционным, нестандартным видам занятости. В её основе лежит инициатива гражданина проявлять инициативу в решении задач, необходимых для обеспечения себя основным и дополнительным доходом. Следует признать, что сегмент самозанятости в настоящее время является одним из наименее изученных аспектов социально-трудовых отношений. Часто этот вид занятости попадает в неформальную экономическую зону народного хозяйства [24, с. 173]. Люди, работающие в этой зоне, относятся к наиболее уязвимым слоям населения страны.

Рыночная система создает объективные основы для совершенствования присущих ей форм собственности, свободного предпринимательства и свободного выбора, мотивации личного интереса, различных организационно-правовых форм вовлечения трудоспособного населения в процесс активной трудовой деятельности в условиях конкуренции. В условиях рыночной экономики самозанятость становится необходимым и объективно существующим элементом. Его развитие зависит от влияния ряда экономических и социальных факторов. С другой стороны, всегда существовала самозанятость (личные подсобные хозяйства, работа во время отпусков и после окончания рабочего дня, репетиторство и др.). Рыночная экономика выводит самозанятость на новый уровень использования рабочей силы. Экономическая идеология рынка предполагает, прежде всего, переход каждого трудоспособного человека на самообеспечение. В системе национальной экономики всегда присутствует самостоятельная занятость населения. Она определяется, как правило, в виде одной из форм предпринимательства. Так, в современной экономической литературе предпринимательство характеризуется прежде всего как самостоятельная экономическая деятельность, осуществляемая гражданами с использованием собственных идей, труда и средств производства. Благодаря развитию самозанятости создаются дополнительные рабочие места, а также появляются возможности для личной инициативы и дохода. Такая форма занятости не требует государственных капитальных вложений, имеет мобильную организационную структуру, основана на социальной мотивации труда, ориентирована на потребности потребителей и оперативно их обеспечивает [15, с. 76-78; 7, с. 7]. Статья 1.1.15 Закона Азербайджанской Республики «О занятости населения» дает юридическое определение самозанятости как «обеспечении лица работой самостоятельным образом или при поддержке государства». Анализ понятий, представленных в юридической литературе, показывает, что данное понятие требует некоторого усовершенствования в соответствии с доктринальными подходами.

По определению И.В. Костюка, самозанятость – это «самостоятельная экономическая деятельность, приносящая доход, направленная на удовлетворение жизненно важных потребностей граждан» [16, с. 204]. По определению, приведенному в международной классификации статуса занятых лиц, самозанятость означает работу, выполняемую лицом на своем предприятии, и при этом оплата труда напрямую зависит от дохода, полученного от производства продукции и оказания услуг. По мнению Я.А. Бабайцевой, самозанятость представляет собой деятельность физического лица по самостоятельной реализации принадлежащих ему гражданских прав (без статуса индивидуального предпринимателя, без образования юридического лица или привлечения наемных работников), направленная на получение дохода от использования имущества, выполнения работ и оказания услуг в случаях, установленных законом [9, с. 206-209]. В целом, в юриди-

ческой литературе сформированы широкие и узкие подходы к концепции самозанятости. По мнению сторонников широкого подхода, суть этой концепции состоит в том, что это – независимая деятельность (то есть работа, выполняемая «лично»). Поэтому, в рамках этого подхода все работники, которые не работают в качестве нанятых по найму работниками, особенно владельцы малых микропредприятий, предприниматели, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью без создания юридического лица, и домашние работники относятся к категории самозанятых. Иногда к этой категории относят нотариусов, адвокатов, то есть лиц, имеющих частную практику, и это обосновывается тем, что эти субъекты самостоятельно обеспечивают себя работой [7, с. 6-15; 12, с. 22-31]. По мнению сторонников узкого подхода, следует различать индивидуальных предпринимателей и самозанятых лиц, не имеющих статуса индивидуальных предпринимателей [17, с. 21-26]. На наш взгляд, второй подход представляется более логичным, чем первый. На самом деле, более правильным подходом было бы охарактеризовать деятельность самозанятых лиц как промежуточное проявление между трудовой деятельностью и предпринимательской деятельностью, а самозанятых лиц – как промежуточное между наемными работниками и предпринимателями.

Исследователи из Глобального института МакКинси отмечают, что наличие разных концепций самозанятости затрудняет проведение межгосударственных сравнений в этой области. В рамках исследований, проведенных ими в 2016 году в Европе и США, были отмечены три основные характеристики независимых работников. Во-первых, высокая степень свободы. Независимые работники имеют возможность продемонстрировать достаточную гибкость в определении своей рабочей нагрузки. Они могут свободно выбирать клиентов, определять график работы по своему усмотрению. Во-вторых, оплата пропорциональна выполняемой работе. Независимые работники получают вознаграждение за выполненную работу или оказанные конкретные услуги. В отличие от наемных работников, самозанятые работники не получают оплату за время, не потраченное на работу. В-третьих, краткосрочность отношений между работником и клиентом. Независимые работники выполняют краткосрочные задачи. Если они продлевают контракт на месяц или год, то в этом случае внештатный работник ничем не отличается от нанятого по найму. Поэтому авторы исследования рассматривают работу, выполненную в течение не более 12 месяцев, как самостоятельную работу.

В процессе самостоятельной трудовой деятельности, человек получает вознаграждение за материальный результат своего труда. Материальный элемент действует как одна из необходимых свойств этой деятельности. Таким образом: первое, неправильно относить к самозанятости производственную деятельность различных форм натурального характера домашнего труда (выполняемая самими потребителями в домашнем хозяйстве и не направляемая на рынок: работа в личных подсобных хозяйствах, ремонт собственного жилья человеком, приготовление продуктов питания для личного потребления и т.д.). Самообслуживание производит все продукты для удовлетворения потребностей других людей, а не их личных потребностей. В соответствии с рекомендациями 19-й Международной конференции статистиков труда, «при учете самозанятых большое значение имеет ожидаемое основное назначение производимой ими продукции: предназначение ее для рыночных (сбытовых) целей или для личного пользования. Другими словами, это должна быть какая-то торговая операция или сделка. Для этого необходимо определить, был ли продукт изначально предназначен для использования семьей или другими лицами (то есть, ориентирован на рынок). В этом отношении самозанятость относится

к рыночным формам деятельности. Второе: доходы, полученные самозанятым лицом, используются не для оплаты труда наемных работников, а для удовлетворения личных и семейных потребностей. Здесь исключен наемный труд, так как всю работу самозанятый гражданин выполняет лично. Самозанятость – это индивидуальная трудовая деятельность [21, с. 20]. Одной из особенностей самозанятости является то, что здесь работодатель и работник объединяются в лице одного человека.

В юридической литературе указывается, что, как правило, самозанятыми считаются лица, имеющие собственное дело. Вследствие этого, такие лица по характеру своей деятельности и правовому положению относятся к категории предпринимателей. Отличие состоит в том, что самозанятые работают «сами по себе», то есть - в штате таких субъектов нет наемных работников. В настоящее время ряд индивидуальных предпринимателей мало чем отличаются от крупных коммерческих организаций, так как имеют большой штат наемных работников, недвижимость и обширные производственные ресурсы [23, с. 32-45; 25, с. 197].

М.В. Удальцов характеризует малое предпринимательство как наиболее распространенную форму самозанятости. Автор показывает, что такая форма занятости имеет достаточно положительные стороны. Таким образом, форма занятости в малом бизнесе приводит к уменьшению количества граждан, ищущих работу на рынке труда, а также к определенной стабилизации финансового положения гражданина, обеспечивающего свое трудоустройство по данной форме. После этого расширение бизнеса в результате успешного развития работы этого гражданина уже создает спрос на новую рабочую силу. Таким образом, общее количество безработных граждан на рынке труда снова сокращается [10, с. 13].

Многие авторы, занимающиеся теоретическим фундаментальным исследованием самостоятельной занятости населения, характеризуют ее как вид предпринимательства. А в зарубежной практике применяется альтернативный подход. Согласно этому подходу, понятие «самозанятый» гораздо шире, чем понятие «предприниматель». Предприниматели входят в число самозанятых, а все граждане, не являющиеся наемными работниками, считаются самозанятыми. Такой подход к определению правового статуса самозанятых лиц приводит к ряду расхождений в отношении социально-экономического содержания и сущности данной категории. В этом случае, в одну группу объединяются использующий наемный труд предприниматель и предприниматель, осуществляющий свою хозяйственную деятельность в самостоятельном и индивидуальном порядке [26, с. 36-50]. Естественно, это нельзя считать правильным.

В своем мнении Н.В. Тонких и А.В. Бабинцева склоняются к тому, что необходимо усовершенствовать и уточнить понятийный аппарат самостоятельной занятости. Они считают, что когда речь идет о самостоятельной занятости (самозанятости), необходимо понимать граждан, участвующих в общественно-полезном трудовом процессе на основе личной инициативы, самостоятельности и ответственности, получающих трудовой доход от своей личной трудовой деятельности, официально зарегистрированной в статусе «самозанятости» [24, с. 174-175].

По мнению А.Н. Покиды, самозанятость как форма экономической деятельности отражает предпринимательскую деятельность, но, при этом, имеет свои особенности. Самозанятость реализуется физическими лицами самостоятельно, на свой страх и риск, путем принятия решений по собственной инициативе, при условии использования собственных ресурсов, без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя и использования труда наемных работников [20, с. 176-183].

По определению Я.Н. Нестеренко, самозанятый – это физическое лицо, самостоятельно осуществляющее трудовую деятельность, выполняющее работы и оказывающее услуги, а также ставящее перед собой следующую цель: получение постоянного дохода. У него нет наемных работников, он использует свое имущество для достижения бизнес-целей, его отношения с заказчиками строятся на основе устного соглашения; при этом, размер вознаграждения зависит от размера полученного дохода [19, с. 78-89].

По мнению Н.Г. Аapresовой, по сути, самозанятые занимают промежуточное положение между индивидуальными предпринимателями и наемными работниками. Это представляет собой сочетание индивидуальных предпринимателей и самозанятых лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью (но с учетом присущей специфики). Важное различие между ними связано не только с их правовым статусом, но и с порядком реализации социального обеспечения [8, с. 132].

Выступая с аналогичной позиции, И.В. Костюк считает, что самозанятость представляет собой промежуточную категорию, включающую категорию лиц, получающих доход вне рамок трудовых отношений, но – по своей сути, не являющуюся предпринимательской деятельностью, направленной на систематическое получение дохода [16, с. 202-206].

Самозанятость в отличие от наемной работы – это форма занятости, при которой человек получает оплату за свой труд непосредственно от заказчиков. В этом случае, люди выбирают способ получения дохода путем независимого волеизъявления и деятельности на основании гражданско-правового договора, а не на основании трудового договора. Несмотря на то, что они занимаются деятельностью, аналогичной той, которая направлена на систематическое получение дохода, они не считаются предпринимателями. В отличие от предпринимательской деятельности, нехватка сотрудников является определяющим фактором самозанятости.

Однако, самозанятые могут заниматься коллективным трудом в рамках родственных отношений. Самозанятые самостоятельно несут бремя социальных расходов, уплаты налогов и обеспечения безопасности труда. На основании этого анализа можно сделать вывод, что самозанятость как промежуточная категория включает в себя категорию лиц, получающих доход вне рамок трудовых отношений, но по своей сути, не является предпринимательской деятельностью, направленной на систематическое получение дохода, а также использующих для этого наемный труд. Доходы от такой деятельности используются для удовлетворения самых основных и жизненно важных потребностей потребителей. Попытки увеличить доход обычно связаны с повышенным спросом. Вопросы, связанные с экономическими целями самозанятых граждан, методами их регистрации, регистрации и контроля в этой сфере, остаются спорными [16, с. 203-204].

Р. Педерсини и Д. Коллетто выделяют пять основных категорий самозанятых:

- предприниматели, которые реализуют свой бизнес через помощь, оказываемую своими сотрудниками;
- традиционные «свободные профессионалы», лица, которые должны соответствовать особым требованиям для работы по своей профессии, соблюдать правила и обязательные кодексы и часто сдающие экзамены для внесения в публичные реестры. Они могут нанимать работников, но, за некоторыми исключениями, как правило, реализуют свою деятельность самостоятельно или совместно с другими специалистами и, если таковые имеются, с помощью небольшого количества сотрудников;
- ремесленники, торговцы и фермеры, представляющие традиционные формы самозанятости. Эти наемные работни-

ки часто работают вместе с членами своей семьи, а иногда и с немногочисленными работниками;

- работники, не работающие по найму в квалифицированных, но нерегулируемых профессиях, и иногда называемые «новыми профессионалами»;

- самозанятые работники неквалифицированных профессий, которые реализуют свой бизнес без помощи сотрудников, но иногда им могут помочь члены их семей [27].

Таким образом, как видно из всего вышеперечисленного, самозанятые граждане по своему фактическому статусу:

- самостоятельно выполняют функции собственника капитала, работодателя и администратора;

- как правило, стремятся заработать достаточно, чтобы удовлетворить свои самые основные потребности и нужды;

- работают без регистрации как субъект предпринимательской деятельности;

- не используют в своей деятельности наемный труд.

Первая модель программ стимулирования самозанятости появилась во Франции. В 1979 году Франция осуществила экспериментальную программу самозанятости для безработных. В основе программы лежало формирование стартового капитала для индивидуального предпринимательства с помощью средств пособия по безработице. С учетом результатов эксперимента с 1980 года во Франции начала приниматься государственная программа «безработные предприниматели». Французская модель предусматривала единовременную выплату пособия по безработице, но размер этого пособия позволял безработному формировать свой первоначальный капитал и создавать новое частное предприятие без наемных работников.

Второй страной, реализовавшей национальную программу развития самозанятости, стала Великобритания. Участниками этой программы могут быть как получатели пособий по безработице, так и пользующиеся дополнительными социальными льготами. Британская модель основывалась на периодических выплатах по безработице. А это позволяло безработному постепенно получить необходимую квалификацию и создать свой бизнес. Как видим, в отличие от французской модели, в британской – пособие по безработице выплачивается не единовременно, а периодически, при этом от претендентов не требуется обширного бизнес-плана. Лица в возрасте от 18 лет и пенсионеры, которые были безработными не менее 8 недель или были уведомлены о сокращении, могут подать заявку на участие в программе самозанятости. Претенденты должны иметь депозит в размере не менее 1000 фунтов стерлингов, чтобы иметь возможность инвестировать в частное предприятие. Если деятельность создаваемого индивидуального предприятия соответствует региональным или местным приоритетам социально-экономического развития, то в этом случае могут быть предусмотрены дополнительные инвестиции в это предприятие из госбюджета [18, с. 199]. Позже аналогичные программы развития самозанятости стали внедряться и в других странах Европы. Сегодня эти страны постоянно совершенствуют и адаптируют свои национальные программы по развитию и поддержке самозанятости применительно к новым социально-экономическим условиям. Кроме того, можно отметить интересный опыт, накопленный законодательством США в этой сфере: там власти относят ветеранов Вооруженных сил и инвалидов к числу самозанятых [11]. Это в значительной степени расширяет понятие самозанятости. Для участия в программе самозанятости в Испании предпочтение отдается безработным и инвалидам, работникам старше 45 лет и эмигрантам, вернувшимся на родину. В Норвегии в рамках программы развития самозанятости предпочтение отдается тем безработным, которые не могут покинуть место жительства в поисках работы.

Несмотря на то, что программы самозанятости, реализуемые в разных странах, отличаются друг от друга, они также имеют общие черты:

- а) направленность на обеспечение занятости определенных (как правило, уязвимых) групп безработных;
- б) меры финансовой поддержки;
- в) оказание помощи соответствующим группам безработных в приобретении ими квалификации и трудовых навыков, востребованных на рынке труда.

В XXI веке сокращение участия государства в экономике, бурное развитие науки и техники, изменение уровня жизни создали необходимость разработки альтернативных механизмов борьбы с безработицей. В настоящее время, одним из эффективных механизмов в борьбе с проблемой безработицы считается поддержка самозанятости. Хотя в политике самозанятости каждой страны существуют разные аспекты, общая цель сводится к развитию возможностей, в том числе навыков, направленных на создание рабочего места для самого индивида. Первые инициативы по развитию самозанятости произошли в Азербайджане около 20 лет назад. А после 2016 года в этом направлении было обеспечено прямое государственное участие. Новые вызовы, сформировавшиеся после 2015 года в экономике Азербайджана как одной из богатейших углеводородными ресурсами стран, а также необходимость в совершенствовании фискальной политики привели к пересмотру политики занятости. В результате, согласно Указу Президента Азербайджанской Республики «О дополнительных мерах по обеспечению самозанятости населения» от 7 апреля 2016 года [3] впервые на государственном уровне начато применение программы самозанятости. Так, с целью развития самозанятости за счет государственного финансирования (Резервного Фонда Президента, предусмотренного в госбюджете на 2016 год) на основании настоящего Указа была выделена сумма в размере 6 миллионов манатов. Охватывающая всю территорию страны данная Программа нацелена на малообеспеченные семьи. Таким образом, реализация программы самозанятости на государственном уровне впервые в мире состоялась в Азербайджане [1].

Как известно, сегодня государственная политика нашей республики сконцентрирована на гражданском факторе, на вопросах социальной защиты и обеспечения особо уязвимых групп населения. В этом контексте, программа самозанятости имеет особое значение. Таким образом, программа самозанятости служит, прежде всего, благосостоянию уязвимых групп населения, улучшению уровня жизни. В нашей стране из года в год усиливаются активные программы занятости. В 2019 году по линии Министерства труда и социальной защиты населения были трудоустроены 103 028 человек, в первые два месяца 2020 года – около 15 тысяч человек. Подсистема «занятость» обеспечивает построение служб занятости на инновационной основе. Количество заявок на участие в программе самозанятости в настоящее время превышает 40 тысяч. Планируется начать сотрудничество со Всемирным Банком в расширении программы самозанятости, в 2020-2025 гг. в рамках проекта Всемирного Банка «Поддержка занятости в Азербайджане» дополнительно будет привлечено 22 тыс. безработных [4].

В «Стратегии занятости населения Азербайджанской Республики на 2019-2030 гг.», утвержденной согласно Указу Президента Азербайджанской Республики от 30 октября 2018 года, в качестве одного из основных приоритетов в области целенаправленных активных мер занятости обозначены меры, обеспечивающие «переход от пассивной социальной защиты (адресная государственная социальная помощь) к активной социальной защите (интеграция на рынок труда) с целью снижения зависимости трудоспособного населения расширением круга охвата мер поддержки самозанятости и

созданием семейных хозяйств» [2]. Это еще раз подтверждает важность, которую государство придает программе самозанятости. Основной структурой, осуществляющей реализацию программы самозанятости, является Министерство труда и социальной защиты населения Азербайджанской Республики.

В настоящее время основными условиями, установленными для участия в программе обеспечения самозанятости, являются:

- зарегистрироваться в Государственной службе занятости при Министерстве труда и социальной защиты Азербайджанской Республики в качестве безработного и соискателя работы;
- иметь статус семьи с низкими доходами в соответствии с законодательством;
- участвовать в курсах повышения квалификации, организованных Министерством труда и социальной защиты Азербайджанской Республики, и осваивать учебные материалы;
- представить считающийся практически возможным бизнес-план [1].

Согласно статье 24.1 Закона Азербайджанской Республики «О занятости» организация самозанятости безработных состоит из следующих этапов:

1. предоставление консультаций и информации безработным по вопросам организации самозанятости;
2. помощь в выборе и организации направления самозанятости по отраслям экономики на основе анализа рынка труда;
3. оказание помощи в подготовке бизнес-плана для организации самозанятости, в том числе, проведение тренингов и оценка их результатов;
4. предоставление безработным лицам материалов, оборудования и иного имущества в натуральной форме для организации выбранного направления самозанятости на договорной основе сроком на 1 (один) год;
5. мониторинг деятельности лица, занимающегося самозанятостью, в течение одного года.

При организации самозанятости предпочтение отдается получающим адресную государственную социальную помощь лицам, зарегистрированным как безработные в течение срока превышающего один год инвалидам, лицам, которым до достижения пенсионного возраста осталось менее двух лет, и безработным, освобожденным из мест лишения свободы (пункт 1.2 «Правил самозанятости безработных»). Реализуемая в нашей стране программа самозанятости высоко ценится на международном уровне как пример успешной практики. Об этом свидетельствует тот факт, что Международная ассоциация социального обеспечения, одна из ведущих мировых организаций, присудила Программе награду за «Лучшую практику» в Европе. Согласно единодушному мнению жюри конкурса, в котором приняли участие 76 социальных проектов из 20 стран, программа самозанятости является одной из самых успешных в европейском регионе. Такой опыт, приобретенный нашей страной, стал темой отдельного обсуждения на состоявшемся в Баку Европейском региональном Форуме социального обеспечения Международной ассоциации социального обеспечения.

Таким образом, на основе анализа и обобщения всех мнений, изложенных в данной статье, можно сделать следующие выводы:

1. Самозанятость – уникальный и исключительный социальный проект для малообеспеченных семей с точки зрения обеспечения стабильных доходов семейного бюджета, создания новых рабочих мест, сокращения безработицы и бедности.

2. Анализ доктринальных подходов, нашедших отражение в юридической литературе, показывает, что самозанятые не являются ни взятыми по найму работниками, ни индивидуальными предпринимателями. В связи с этим, юридически самозанятую деятельность нельзя в полной мере отнести ни к предпринимательской, ни к трудовой деятельности. Поэтой причине деятельность по самозанятости можно охарактеризовать как самостоятельную форму организации социально значимой экономической деятельности.

3. На наш взгляд, более целесообразным было бы привести статью 1.1.15 Закона Азербайджанской Республики «О занятости» в следующей редакции: «1.1.15. Самозанятость – самостоятельное обеспечение себя работой лица, которое не зарегистрировано *в качестве индивидуального предпринимателя и не нанимает работника* самостоятельно или при поддержке государства». Данное определение также может в значительной мере уточнить правовой статус самозанятых, дать полную ясность в абстрактных моментах, связанных с их смешением с работниками по трудовому договору и субъектами предпринимательской деятельности. Так, согласно нашему подходу, самозанятые выступают как самостоятельная категория, хотя и выступают промежуточной категорией между наемными работниками и предпринимателями, частично отражая некоторые их признаки. На наш взгляд, такой подход также может в существенной степени облегчить правовое регулирование, так как обеспечивает справедливость в отношении правового статуса.

4. В современный период правовое положение лиц, самостоятельно занимающихся самозанятостью, в законодательном порядке полностью не урегулировано.

По нашему мнению, в республике должен быть принят отдельный рамочный закон «О самозанятости», в котором в качестве принципиальных норм должны быть отражены понятие, права и гарантии самозанятых лиц, вопросы защиты от безработицы, вопросы, связанные с государственной поддержкой самозанятости. Для более подробного регулирования следует сделать ссылку на другие законы и подзаконные акты, так или иначе регулирующие вопросы, связанные с самозанятостью.

5. В правовом регулировании пенсионного обеспечения самозанятых граждан существуют значительные пробелы. Например, пенсионное законодательство не предусматривает назначения пенсий для самозанятого населения в связи с особыми условиями труда, в то время как в предусмотренных законом случаях пенсии отдельным категориям лиц могут назначаться при достижении пенсионного возраста, а иногда и при низком социальном страховом стаже. В отношении них не устанавливается льготный порядок исчисления социального страхового стажа, а также возможность получения ими пенсии по возрасту на льготных условиях. Существующие особенности правового положения самозанятых граждан ставят их в неравное положение по отношению к другим застрахованным лицам в системе государственного пенсионного страхования – наемным работникам. Это объясняется тем, что действующее трудовое и пенсионное законодательство не учитывает всех возможных форм реализации трудовых прав. В связи с этим считаем, что для устранения пробелов в правовом регулировании вопросов, связанных с социальным страховым стажем и пенсионным обеспечением лиц, относящихся к указанным категориям, необходимо внести соответствующие изменения и дополнения как в законодательство о труде, так и в законодательство о социальном обеспечении. Для граждан, официально перешедших в статус самозанятых, риск лишения социального обеспечения может быть выше по сравнению с благоприятными результатами достигнутыми ими.

6. Более тесное и активное участие банков в решении связанных с организацией самозанятости уязвимых групп населения вопросов является крайне важным исходя из полной реализации принципа распределения социальной ответственности в этой сфере и расширения программы самозанятости, которая удовлетворяет интересы уязвимых групп населения. В то же время, это может создать условия для более быстрого развития малого и среднего предпринимательства, снизить зависимость уязвимых групп населения от государственной поддержки и, следовательно, нагрузку на госбюджет (расходы на социальную защиту).

7. На фоне современной высокой инфляции и роста цен для построения бизнеса, а также для реализации этой работы лицами, впервые открывшими бизнес, не имеющими никакой материально-технической базы, деловых связей и опыта, суммы в четыре тысячи манатов может оказаться недостаточной. По этой причине, в этом вопросе необходимо применять принцип индивидуального подхода, не следует предусматривать конкретную сумму, и, проведя соответствующую оценку, требуется выделить ту сумму, которая окажется достаточной для того, чтобы на фоне сегодняшних реалий можно было построить бизнес, выраженный в конкретной сфере.

8. Учитывая уязвимость к конкуренции в бизнес-среде лиц, находящихся в социально опасном положении, создавших свой бизнес в рамках программы самозанятости, а также с целью обеспечения такой конкурентоспособности, целесообразно было бы применить к ним льготы по налогам и социальным выплатам сроком на 3 года.

9. Практика показывает, что в условиях рыночной экономики человек может более настойчиво работать и добиваться большего успеха в тех сферах, в которых у него есть интересы и которыми он хочет заниматься. С этой точки зрения, считаем целесообразным в пункте 5.3 «Порядка организации самозанятости безработных», утвержденного согласно Постановлению № 168 Кабинета Министров Азербайджанской Республики от 13 мая 2020 года, перед словом «образование» добавить слово «желание».

10. Существуют определенные расхождения между статьей 24 Закона Азербайджанской Республики «О занятости» и «Порядком организации самозанятости безработных», утвержденного согласно Постановлению № 168 Кабинета Министров Азербайджанской Республики от 13 мая 2020 года, разработанного на основе этой же статьи. Например:

– Несмотря на то, что статья 24.9 Закона определяет «детей в возрасте до 18 лет с ограниченными возможностями, членов семьи шехидов» среди лиц, для которых организация самозанятости безработных является приоритетной, в пункте 1.2 Правил, эта категория лиц не указана;

– Невзирая на то, что статья 24.1.3 Закона определяет «проведение обучения и оценку их результатов» как этап организации самозанятости, пункт 2 Правил, озаглавленный «Этапы организации самозанятости», не содержит положения об обучении;

– В то время как в статье 24.1.4 Закона установлено, что для организации выбранного направления самозанятости безработным предоставляется материал, оборудование и иное имущество в натуральной форме на договорной основе сроком на 1 (один) год, аналогичный срок в пункте 2.1.4, отражающем данный вопрос, определен как 2-х-(двух)-летний. По нашему мнению, для устранения этих расхождений, пункт 1.2 Правил необходимо привести в соответствие со статьей 24.9 Закона, а пункт 2 Положения – со статьей 24.1.3 Закона. Что касается сроков предоставления на договорной основе материалов, оборудования и другого имущества в натуральной форме безработным для организации выбранного направления самозанятости, то ни позицию закона, ни по-

зицию порядка по данному вопросу нельзя считать справедливой. Таким образом, период в один или два года, отведённый на то, чтобы человек мог утвердиться в малом и среднем бизнесе, реальным не кажется. В связи с этим, считаем более целесообразным предусмотреть 4-х (четырёх)летний срок для организации направления самозанятости, выбранного как в статье 24.1.4 Закона, так и в пункте 2.1.4 Правил, для предоставления на договорной основе безработным лицам материалов, оборудования и другого имущества в натуральной форме.

Пристатейный библиографический список

1. Современное состояние и перспективы развития политики самозанятости в Азербайджане. - Баку - 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cesd.az/new/wp-content/uploads/2018/04/EU_UNDP_CESD_Self_Employment_Paper.pdf (на азербайджанском языке).
2. «Стратегия занятости Азербайджанской Республики на 2019-2030 годы», утвержденная Распоряжением Президента Азербайджанской Республики за № 602 от 30 октября 2018 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-qanun.az/framework/40416> (на азербайджанском языке).
3. Распоряжение Президента Азербайджанской Республики от 7 апреля 2016 года «О дополнительных мерах по обеспечению самозанятости». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.az/articles/18718> (на азербайджанском языке).
4. Министерство труда и социальной защиты населения, Центральный банк и Ассоциация Банков подписали Меморандум о сотрудничестве по оказанию помощи в организации самозанятости уязвимых групп. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.social.gov.az/3259> (на азербайджанском языке).
5. Гасымов, А.М. Трудовые права и свободы являются неотъемлемой частью основных прав и свобод человека и гражданина // Новости Бакинского Университета. Серия «Социально-политические науки». - 2006. - № 2. - С. 5-21. (на азербайджанском языке).
6. Программа самозанятости высоко ценится на международном уровне как пример успешной практики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sitat.news/ozunumesguluk-programi-beynelxalq-seviyyede-ugurlu-tecrube-numunesi-kimi-yuksek-deyerlendirilir-xalqqazeticom> (на азербайджанском языке).
7. Абрамова Е.А. Кризисная самозанятость в России: классификация, структура и уровни развития // Современные наукоёмкие технологии. Региональное приложение. - Иваново: Изд-во Ивановского государственного химико-технологического университета. - 2012. - № 4. - С. 6-15.
8. Апресова Н.Г. Правовой статус самозанятых как налогоплательщиков // Вестник Университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА). - 2020. - № 7. - С. 130-137.
9. Бабайцева, Е.А. Гражданско-правовая природа самозанятости граждан // Бизнес. Образование. Право. - 2017. - № 1 (38). - С. 206-209.
10. Безработица и самозанятость / Н.Н. Абакумова, Н.М. Воловская, Л.К. Плюснина [и др.]; отв. ред. М.В. Удальцова. - Новосибирск: НГАЭИУ, 1997. - 196 с.
11. Бондаренко, В.А. Развитие самозанятости в странах Европейского Союза и США / В.А. Бондаренко. Москва: НП «Московский центр развития предприниматель-
- ства», 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.giac.ru/content/document_r_A4F92072-2395-4116-96E5-EE76169118C7.html.
12. Воловская Н.М. Безработица и самозанятость: ожидания и реалии (по материалам социологических исследований) / Н.М. Воловская, Л.К. Плюснина, А.В. Русина [и др.] // Теория и практика общественного развития. - 2018. - № 11. - 22-31.
13. Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В. Исследование динамики влияния социально-когнитивных регуляторов незанятого населения на выбор самозанятости // Вестник НГУЭУ. - 2015. - № 1. - С. 293-303.
14. Иляшова Г.К. Самозанятость как новое направление занятости в Республике Казахстан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/36_PVMN_2013/Economics/5_153587.doc.htm.
15. Исаев М.Х. Развитие самозанятости населения как путь решения проблемы занятости // Глобус. - 2019. - № 7 (40). - С. 76-78.
16. Костюк И.В. Занятость и самозанятость как форма доходной деятельности граждан // Российский журнал правовых исследований. - 2017. - № 2 (11). - С. 202-206.
17. Крюкова Е.С., Рузанова В.Д. Индивидуальный предприниматель и самозанятый гражданин: соотношение понятий // Законы России: Опыт, анализ, практика. - 2018. - № 3. - С. 21-26.
18. Кузьмина Ю. Альтернативные формы занятости и проблема их правового регулирования // Федерализм. - 2019. - № 3. - С. 197-204.
19. Нестеренко Ю.Н. Самозанятость в России: состояние и потенциал развития // Народонаселение. - 2019. - № 4. - С. 78-89.
20. Покида А.Н. Правовое сознание самозанятых граждан // Власть. - 2019. - № 2. - С. 176-183.
21. Покида А.Н., Зыбуновская, Н.В. Самозанятость на современном рынке труда // Социально-трудовые исследования. - 2019. - № 36 (3). - С. 18-29.
22. Прокофьева, А.Ю., Рузаева, Е.М. Правовое регулирование самозанятых граждан // Economics, politics, law: trends and prospects. - 2019. January. - Pp. 55-58.
23. Токсанбаева М.С. Самозанятость и ее противоречия // Экономическая наука современной России. - 1998. - № 3. - С. 32-45.
24. Тонких Н.В., Бабинцева А.В. Исследование самозанятости населения в Российской Федерации: общие и частные проблемы // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». - 2020. - Т. 18. № 1. - С. 172-183.
25. Цуканова Е.Ю., Придатко Е.А. К вопросу правового статуса самозанятых граждан // Вопросы российского и международного права. - 2016. - № 9. - С. 196-203.
26. Шевчук А.В. Границы автономии: феномен «зависимой» самозанятости // Социологический журнал. - 2010. - № 3. - С. 36-50.
27. Pedersini R., Coletto D. Self-employed workers: industrial relations and working conditions. - Dublin: European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, 2009. - 76 p.

АЛЛАХВЕРДИЕВ Арман Хатаи оглы

магистр юриспруденции, аспирант кафедры коммерческого права Юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

КОМПЛАЕНС И ЮРИДИЧЕСКИЕ УЛОВКИ В ИСЛАМСКОМ ПРАВЕ

В статье рассматриваются теоретические аспекты юридических уловок в исламском праве. Определяется понятие юридических уловок и их характерные черты. Указывается на необходимость научного исследования понятия юридической уловки с учетом специфики предпринимательской деятельности. Так же исследуется вопрос о применимости понятия комплаенса к юридическим уловкам.

Ключевые слова: юридическая уловка, комплаенс, предпринимательская деятельность.

ALLAKHVERDIEV Arman Khatai ogly

magister of jurisprudence, postgraduate student of Commercial law sub-faculty of the Law Faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University

COMPLIANCE AND LEGAL STRATAGEMS IN ISLAMIC LAW

The article examines the theoretical aspects of legal stratagems in Islamic law. The concept of legal stratagems and its characteristic features are determined. The necessity of scientific research of the concept of legal stratagems, taking into account the specifics of business activities is noted. The question of the applicability of the compliance to the legal stratagems is also investigated.

Keywords: legal stratagem, compliance, business activity.

Аллахвердиев А. Х.

Деятельность человека в эпоху Средневековья предпринималась в русле религиозных представлений. Неудивительно, что в то время юриспруденция стала выполнять служебную функцию по отношению к теологии. Однако применительно к Исламу такого жесткого подчинения не наблюдается: как отмечают *Craig R. Nethercott* и *David M. Eisenberg*, Ислам развивался в достаточно «коммерциализированном» обществе: пророк Мухаммед был торговцем, как и четыре его непосредственных «праведных» преемника (Абу Бакр, Умар, Усман и Али) – все вместе они сформировали то, что стало считаться «идеальным исламским обществом». Кроме того, на протяжении веков основные торговые пути находились под контролем Ислама; купцы играли центральную роль в распространении ислама в различных частях мира [6, p. 28].

Именно поэтому в исламском праве были разработаны юридические конструкции, которые позволяли удовлетворять экономические нужды, но в то же время обеспечивать соответствие требованиям Шариата. Эти конструкции стали именоваться «юридическими уловками» (*hiyal*). Первые упоминания о таких уловках содержатся в трудах аш-Шайбани (749-805) и аль-Хассафа (800-874) [7, p. 510-513]. В качестве примера такой уловки можно привести конструкцию «двойной продажи» (*bay'atayn fi bay'a*).

Как известно, в исламском праве установлен запрет на проценты (*riba*) и рискованные сделки (*harar*). Однако развитый экономический обмен требует накопления капитала в инвестиционных целях. А капитал, не приносящий проценты, вряд ли достигнет серьезного объема. Поэтому исламскими правоведом была предложена конструкция «двойной продажи»: покупатель получает предмет, который он через согласованный срок продает тому, у кого изначально купил,

но дороже. В действительности за этим скрывается займ под процент; процентная ставка рассчитывается в зависимости от времени, прошедшего между первым и вторым заключением договора, исходя из разницы между второй и первой ценой. Одновременно первоначальный покупатель получает в качестве функционального заемщика «предмет продажи» как гарантию [3, с. 137].

К сожалению, отношение научного сообщества к исламскому праву сегодня остается довольно скептическим и даже подозрительным. Вероятно, это связано с негативным восприятием Ислама как религии. Однако, как правильно отмечает Л. Р. Сюкияйнен, политика, право, социальные институты выступают интегральной частью ислама, отражают его природу, но они не носят непосредственно религиозного характера: «Исламский взгляд на неразделенность религии и политики (точнее — всего нерелигиозного) следует понимать как представление о том, что данные сферы не должны расходиться, хотя на самом деле и существуют нередко отдельно друг от друга. В то же время исламское восприятие слитности религиозного и мирского, по сути, означает, что ислам вмещает в себя обе эти стороны жизни и равным образом предлагает человеку рамки поведения в каждой из них» [4, с. 14]. Таким образом, отождествлять исламское право и Ислам как религию в корне неверно. Сам факт строгости запретов в Исламе не отменяет гибких разработок исламского правоведения.

На наш взгляд, юридические уловки, с точки зрения категориального аппарата современной западной юриспруденции, можно представить как частный случай комплаенс-практик. Так, Международная Ассоциация Комплаенса (ICA) предлагает понимать под комплаенсом «способность

действовать в соответствии с порядком, набором правил или запретом» [8]. Аналогично и юридические уловки направлены на обеспечение соответствия нормам Шариата.

Исламские правоведы, по сути, стали первыми в Евразии, кто поставил проблему разумности (целесообразности) действий субъектов предпринимательской деятельности. С одной стороны, если коммерсанты будут исходить из слепого конформизма, исполнять все предписания и соблюдать запреты, то они могут попросту проиграть своим более «гибким» конкурентам в борьбе за рынки сбыта. С другой стороны, если коммерсанты будут руководствоваться исключительно оппортунизмом, нарушая правовые нормы, они рискуют быть привлеченными к юридической ответственности. Данное диалектическое противоречие между чрезмерным конформизмом и оппортунизмом преодолевается с помощью юридических уловок, и современные комплаенс-практики, несомненно, можно отнести к их числу. Сказанное позволяет утверждать, что комплаенс (а значит, и юридические уловки), является примером реализации одного из основополагающих принципов права – принципа разумности (целесообразности).

Как указывает С. Н. Бизюков, юридические уловки применялись на протяжении многих веков во всех сферах жизни общества, начиная от исполнения религиозных обязанностей, брачно-семейных отношений и наследования, и заканчивая сделками. Наиболее известной уловкой, описанной во многих классических трудах по исламскому праву, является так называемый освобождающий брак, который использовался в случае окончательного (троекратного) развода с женой, когда отвергнутая жена могла вернуться к мужу только после того, как выйдет замуж за другого мужчину и разведется с ним. Так, муж, который хотел вернуть отвергнутую жену и избежать обязательного в этом случае ее замужества с другим мужчиной, после развода с которым она вправе возвратиться к нему, договаривается (зачастую — за деньги) с человеком о формальном заключении брака и немедленном разводе со своей женой.

Особенно интересным представляется и такой пример, основанный на комбинации коммерческого и семейного права: обход запрета прибытка путем женитьбы опекуна на находящейся под его покровительством девушке-сироте с целью уплаты выкупа в уменьшенном размере [1, с. 31-54].

Важно учитывать, что С. Н. Бизюков предлагает квалифицировать юридические уловки как фикции. Однако с такой позицией нельзя согласиться ввиду следующего. Фикция устанавливается законодателем (субъектом правотворчества), а не субъектом права. Механизм действия фикции состоит в приравнивании по правовым последствиям предполагаемых или желаемых событий (действий) к аналогичным реальным событиям (действиям) [2, с. 148]. По меткому выражению А. М. Ширвиндта, фикция – это «способ преодолеть зависимость субъекта правотворчества от объективной нормативной реальности» [5, с. 220]. Поэтому предлагается исходить из того, что в основе *юридических уловок* лежит не фикция, а демонстрация субъектом права своего добросовестного (правомерного) или разумного поведения.

Таким образом, можно прийти к следующему выводу. Комплаенс – это констатация соответствия нормативным требованиям, а юридические уловки – это один из способов обеспечения подобного соответствия. Именно такое соотно-

шение рассмотренных категорий и предлагается использовать юридической науке.

Итак, в исследовании выяснена природа, сущность и особенности юридических уловок в исламском праве; доказано, что нельзя отождествлять категории юридической уловки и фикции. Это совершенно разные по своему правовому значению категории. Только через призму категории комплаенса возможно осмысление юридических уловок.

Пристатейный библиографический список

1. Бизюков С.Н. Юридические уловки в исламском праве: путь от средневековья до XXI века // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 31-54.
2. Пугинский Б.И. Избранные труды: сборник к 75-летию юбилею. М., 2016. 522 с.
3. Роэ М. Исламское право: история и современность / Перевод с немецкого А. Мухаматчиной. М., 2019. 576 с.
4. Сюкияйнен Л.Р. Исламское право и диалог культур в современном мире. М., 2021. 684 с.
5. Ширвиндт А.М. Значение фикции в римском праве. М., 2013. 255 с.
6. Islamic Finance: Law and Practice / Edited by Craig R. Nethercott and David M. Eisenberg. Oxford University Press; 2nd edition (May 12, 2020). 416 p.
7. Schacht Joseph. Hiyal // Encyclopaedia of Islam. 2nd ed. Vol. III. Leiden: Brill, 1960. P. 510-513.
8. What is Compliance? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.int-comp.org/careers/your-career-in-compliance/career-in-compliance/> (дата обращения: 30.01.2022).

АНТОНОВА Лилия Игоревна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

КОЛЕСНИКОВА Елена Сергеевна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

КОРНЕВА Кристина Алексеевна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОМУ ПРАВУ: ЦИФРОВИЗАЦИЯ НОРМОТВОРЧЕСТВА

В статье поднимается проблема происходящего в настоящее время под воздействием множества факторов изменения системы права. Также в статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы о циклических правовых массивах; анализируются вопросы систематизации циклических правовых массивов в условиях цифровизации. Авторы объясняют место и значение концепции машиночитаемого права как одного из направлений цифровых трансформаций в праве и как одного из элементов регуляторных технологий LegalTech. Сделаны выводы о необходимости автоматизации нормотворческой деятельности.

Ключевые слова: система права, циклический нормативный массив, цифровизация, нормотворчество, машиночитаемое право.

ANTONOVA Lidiya Igorevna

student of the Law School of the Far Eastern Federal University

KOLESNIKOVA Elena Sergeevna

student of the Law School of the Far Eastern Federal University

KORNEVA Kristina Alekseevna

student of the Law School of the Far Eastern Federal University

THE MAIN CHALLENGES TO MODERN LAW: DIGITALIZATION OF RULE-MAKING

The article raises the problem of what is currently happening under the influence of many factors changing the system of law. The article also discusses some topical issues about cyclic legal arrays; the issues of systematization of cyclic legal arrays in the context of digitalization are analyzed. The authors explain the place and significance of the concept of machine-readable law as one of the areas of digital transformations in law and as one of the elements of LegalTech regulatory technologies. Conclusions are drawn about the need for automation of rule-making activities.

Keywords: system of law, cyclic normative array, digitalization, rule-making, machine-readable law.

Нельзя не согласиться, что в современных реалиях цифровизация нормотворчества является глобальной, а следовательно, существенные изменения претерпевает и система права. Так, внутреннее строение права меняется как в плане формальных характеристик, так и в плане своих неких содержательных черт. Если говорить про формальные отношения, то нужно отметить, что расширение действия права на виртуальную среду означает появление не только новых правовых норм и институтов, но и новых отраслей права. В частности, идут дискуссии в науке о такой новой отрасли как информационное право. Что касается содержательных отношений, то сейчас все больше ученых пишут о том, что под влиянием цифровизации в праве появляются такие новые явления, ранее в теории неразработанные, которые исследователи назвали циклическими правовыми массивами [1]. Эти массивы до конца еще не изучены, вопрос об их природе и месте в правовой системе остается дискуссионным. При этом нужно понимать, что данные массивы пронизывают собой почти все отрасли права, но при этом не входят ни в одну из них. И часть норм, образующих массивы, непосредственно связана именно с использованием новых цифровых технологий.

В качестве примера циклического правового массива можно привести антикоррупционное законодательство. Так, для борьбы с коррупцией помимо основополагающих норм, устанавливающих основные принципы, организационные основы противодействия коррупции принимается и огромный массив норм, охватывающий гражданское, трудовое, финансовое, административное, уголовное, налоговое и др. отрасли права. Но как уже упоминалось, такие правовые массивы следует отличать от отраслей права (правовых ин-

ститутов), так как они не обособляются по тем же принципам, что и отрасли (правовые институты), а проникают во все элементы системы права, определяя вектор дальнейшего развития.

Возник и уже начинает функционировать новый правовой массив, касающийся процессов цифровизации. Это связано прежде всего с нормативным закреплением такого объекта гражданских прав, как цифровые права, а также изменением правил о способах заключения письменных сделок (появились сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки). Данные факты подготовили почву для принятия таких актов как Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ [2] и Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 № 259-ФЗ [3].

Как уже было отмечено, в настоящее время процессы информатизации и новые технологии активно влияют на все отрасли общественной жизни, в том числе и на государственное управление, в частности, на деятельность должностных лиц по созданию правовых актов различных уровней.

С каждым годом растут объемы работы по подготовке нормативно - правовых актов, и существующие подходы, методики, инструменты осуществления этой деятельности уже недостаточны для того, чтобы обеспечить оперативную работу сотрудников государственных структур. Эта проблема осо-

бенно актуальна для федеральных и региональных субъектов права законодательной инициативы.

Направление воздействия цифровых технологий на право связано с теми изменениями, которые касаются источников права. В этой сфере хотелось бы отметить некоторые важные тенденции. Так, инфляция правовой материи в условиях цифровизации приводит к изменению соотношения между законами и подзаконными нормативными актами. Регулятивная роль законов несколько снижается, потому что резкое возрастание их количества снижает не только их качество, но и их практическую значимость в регулировании общественных отношений. Более того, под воздействием цифровизации отношения в обществе меняются так быстро, что законодательная деятельность неминусом отстает от темпов общественного развития, и можно даже сказать, что большинство законов устаревают в момент их принятия. Далее мы можем сказать, что развитие цифровых технологий приводит к появлению такой новой формы как электронный нормативный акт. В настоящее время он рассматривается как электронная форма обычного нормативного акта, но в перспективе развитие этой формы может привести к ее обособлению, и даже к прогнозируемому появлению цифрового закона, благодаря чему повысится диспозитивность правового регулирования.

Очевидным становится необходимость в легитимных базах, обновленных системах, на которые можно ссылаться юристам и давать качественный сервис компаниям и федеральным министерствам. Это поможет избавиться от довольно часто встречающихся на практике ситуаций, в которых юрист ссылается на федеральное законодательство, упуская из вида, что в соответствующем субъекте есть принципиально важное уточнение. Происходит это ввиду огромного массива законодательных актов, принимаемых ежегодно.

Подобного рода ситуации свидетельствуют о необходимости большой работы в этой части, ведь многие источники проблем сложились исторически. Решение этих вопросов требует комплексного подхода, где в улучшении нуждается не только техническая составляющая, но и правовой аспект. Например, в законодательстве Российской Федерации отсутствует официально закрепленное обозначение понятия «нормативный правовой акт», отсюда вытекает, что критерий нормативности часто определяется руководителем на муниципальном уровне. Важно понимать, что, если нет базовых моментов, так называемого «закона о законах», то невозможно описать жизненный цикл нормативно правового акта недвусмысленно. Одним из следствий указанной проблемы является образование правовой массивов, о которых мы упоминали в самом начале.

Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации призван обеспечить соблюдение конституционных прав граждан на получение полной и актуальной информации о нормативных правовых актах Российской Федерации [4]. Главная цель - цифровая трансформация Министерства юстиции Российской Федерации, включая обеспечение применения передовых цифровых технологий, среди которых технологии искусственного интеллекта, в нормотворческой и правоприменительной деятельности.

В настоящее время ведется активная работа по развитию и применению концепции машиночитаемого права. Изначально в инновационном центре в «Сколково» была разработана концепция машиночитаемого права, которая впоследствии была направлена на обсуждение в Минэкономразвития России, а затем и утверждена Правительственной комиссией [5].

В данном документе можно найти определение понятия «машиночитаемое право». Машиночитаемое право – это основанное на онтологии права изложение определенного набора правовых норм на формальном языке (в том числе языке программирования, языке разметки), а также технологии машиночитаемого права (инструменты применения таких норм в виде необходимых информационных систем и программного обеспечения).

Что касается нормотворчества, то документ содержит заявление о том, что технологии машиночитаемого права позволят регулятору быстрее реагировать и совершенствовать нормативное регулирование своей отрасли за счет непрерывного процесса мониторинга правоприменения, в том числе за счет автоматического сбора и оценки судебной практики

по наиболее неоднозначным и оспариваемым в судебном порядке предметам спора, а также в ходе выявления наиболее распространенных нарушений в рамках проведения мероприятий по контрольно-надзорной деятельности.

В то же время отмечается, что машиночитаемое право снизит влияние человека на процесс нормотворчества, что позволит уменьшить вероятность ошибки или трактовки лицом, участвующим в нормотворческой деятельности.

Также в Платформу «Нормотворчество» будут внедрены системы, позволяющие органам государственной власти повысить скорость и качество нормативно-правовой экспертизы. Одним из таких инструментов является ассистент федерального государственного гражданского служащего, созданного на базе технологий искусственного интеллекта (с использованием технологии обработки естественного языка), который сможет автоматически проверять текст проекта нормативного правового акта на соответствие актам большей юридической силы, оценивать юридическую технику и точность ссылок на другие правовые акты и др.

Поскольку текст, используемый НЦПИ является машиночитаемым, возникает справедливый вопрос: каким образом между собой соотносится машиночитаемое право и искусственный интеллект в сфере права? Сеем предположить, что машиночитаемое право понимается как формальное представление определённого набора правил и норм, основанное на искусственном интеллекте. А искусственный интеллект в праве – более широкое понятие. Его применяют не только для машиночитаемого права, но и для других процессов, которые происходят в юридических департаментах. Отсюда можно сделать вывод, что искусственный интеллект может использоваться не только для понимания норм.

Однако, справедливости ради, есть и другой подход. Если рассматривать машиночитаемое право как понятие более широкое, как объём более беспредметных направлений деятельности, то искусственный интеллект в сфере права также будет только одной из технологий, которая с этим машиночитаемым правом работает. Если искусственный интеллект рассматривать как транзакционную систему, то необходимо понимать, что она работает с данными, чем больше данных, тем более корректно искусственный интеллект выполняет свои функции. На данный момент база для работы искусственного интеллекта отсутствуют.

Но технологии LegalTech пока находятся в стадии развития, как отмечено на официальном сайте НЦПИ РФ.

Таким образом, автоматизация нормотворческой деятельности безусловно приносит свой эффект, а именно позволяет провести систематизацию информации из разных источников, иметь защищенную архивную базу, удобную систему поиска материалов, снижает долю ручного труда и влияния человеческого фактора.

Пристатейный библиографический список

1. Хабриева Т.Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. – 2019. – № 12. – С. 5-18.
2. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ (последняя редакция) – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
3. Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 № 259-ФЗ (последняя редакция) – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scli.ru/>.
5. «Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31) – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

АБОВЯН Эдгар Паргенович

кандидат юридических наук, начальник юридической службы Академии ФСИН России, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАВЕЩАТЕЛЬНОГО ДОГОВОРА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОРМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье рассматривается новый для отечественного законодательства вид договора – наследственный договор. Авторами проводится анализ данной нормы, которая объединяет в себе несколько отраслей права, а именно гражданское, наследственное и семейное право. Рассматривая функции подобной сделки, невозможно обойти стороной государства, в которых подобный договор уже действует на протяжении нескольких десятков лет и нашел свое применение в достаточно обширной аудитории граждан как европейских, так и азиатских государств.

Ключевые слова: гражданское законодательство, наследственное право, наследственный договор, двусторонняя сделка, завещание, наследодатель, круг наследников.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

ABOVYAN Edgar Pargenovich

Ph.D. in Law, Head of Legal service sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

PROBLEMATIC ISSUES OF TESTAMENTARY AGREEMENT: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE NORMS OF LEGISLATION

The article considers a new type of contract for domestic legislation – a hereditary contract. The authors analyze this rule, which combines several branches of law, namely civil, inheritance and family law. Considering the functions of such a transaction, it is impossible to bypass the states in which such an agreement has already been in force for several decades and has found its application in a fairly extensive audience of citizens of both European and Asian states.

Keywords: civil legislation, inheritance law, inheritance contract, bilateral transaction, will, testator, circle of heirs.

Проблема сохранения имущества и передача, а также его приумножение известны человечеству издревле. Так начал свое формирование институт наследования. Первые упоминания об этом можно найти в таких источниках как глиняные таблички Шумера, египетские папирусы и иные документально составленные грамоты. Проблема наследования касается и может коснуться каждого человека хотя бы раз в жизни.

Изначально вопросы передачи имущества, которым могли быть шкуры убитых зверей, орудия труда и производства, украшения и другие, регулировались традициями и обычаями, определенными нормами морали, сложившимися в обществе того периода времени. С позиции современности можно сказать, что в целях сохранения и экономического укрепления рода и общины не допускалась утрата имущества и его выход за пределы семьи (рода) умершего.

В Российской Федерации институт наследственного права в настоящее время регулируется нормами гражданского законодательства, а именно частью 3 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая включает в себя Раздел V, объединяющий пять глав, в состав которых входит семьдесят семь статей. Глава шестьдесят первая регулирует

общие положения о наследовании и дает нам определения основных понятий. Глава шестьдесят вторая рассматривает наследование по завещанию и раскрывает общие правила, касающиеся как формы, так и порядка совершения завещания. В шестьдесят третьей главе рассматриваются моменты, связанные со вступлением в наследство по закону. Здесь четко указаны очереди наследования, наличие обязательной доли в наследстве и способы его принятия. В главе 65 законодатель регулирует наследование отдельных видов имущества. Например, таких как предприятие, земельные участки, ограниченно оборотоспособные вещи, производственные кооперативы и другое.

Таким образом, в России наследование было возможно либо по закону, либо по завещанию. Такое положение всегда характеризовалось как односторонняя сделка, которая обычно совершается тайно. Однако относительно недавно гражданское законодательство пополнилось новой нормой, которая уже давно действует как в странах Европы, так и в странах Азии – это наследственный договор. Согласно ст. 1140.1 Наследодатель вправе заключить с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию, договор, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя по-

сле его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию. [1, с. 129]

Рассмотрим действие наследственного договора по законодательству Китайской Народной Республики.

В КНР наследственное право является самостоятельной отраслью. На территории государства, в отличие от России, гражданская кодификация принята относительно недавно, а именно 28 мая 2020 года на третьей сессии Тринадцатого Всекитайского собрания народных депутатов и вступила в силу только 1 января 2021 года.

Книга шестая «Преемственность» Состоит из четырех глав, включающих в себя сорок четыре статьи [2]. Построение данной книги очень схоже с Российским кодексом. В главе I «Общие правила» даются основные положения, касающиеся защиты государством права наследования физического лица, определения имущества, момента начала наследования, вопросы принятия и отказа наследников и посредников при наследственном договоре наследства, лишение наследника наследства и условия, при которых оно возможно. Интересным является норма ст. 1125, которая гласит, что если наследник раскаялся за свои деяния, изменил свои обычаи и был прощен умершим или впоследствии был назначен одним из наследников, то он не должен быть лишен наследства. В противовес этому посредник в договоре завещательного дара полностью теряет право на его получение [2].

Глава II «Наследование по наследству» практически полностью идентична с отечественным наследованием по закону. Она отображает равноправие мужчин и женщин в праве наследования, а также указывает очередность призываемых к наследованию.

В третьей главе Книга «Преемственность» рассматривает наследование по завещанию и завещательный дар. Далее следуют главы «Распоряжение имуществом» и «Дополнительные правила». Таким образом, наследственное право Китая знает три варианта наследования. Наследование по закону, по завещанию и по завещательному дару.

В последнем случае как правило получение завещательного дара связано с выполнением определенных обязательств. И лицо, получившее такой дар должно его исполнить. При неисполнении обязательства без уважительной причины народный суд может лишить такое лицо права на получение наследства [3]. Например, гражданин может составить подобный договор с физическим или юридическим лицом. За завещательный дар такой «опекун» обязуется обеспечивать гражданина всем необходимым, решать сопутствующие вопросы при жизни, оказывать услуги и организовать надлежащим образом похороны. Внешне такое определение напоминает отечественный договор пожизненной ренты, хотя и имеет национальные отличия. Соглашение о завещательном даре в КНР действует еще с прошлого века и не является новой структурой в наследственном праве данного государства.

Данная норма действует и в других странах мира. Например, в Германии. На случай смерти законодательство ФРГ допускает оформление распоряжений с помощью двусторонней сделки или наследственного договора. Он регламентируется параграфами с 2274 по 2300а Германского гражданского уложения.

Ученые – цивилисты в Германии определяют договор о наследовании как распоряжение о смерти, составленное двумя или более лицами в форме договора, в котором наследодатель назначает вторую договаривающуюся сторону или третье лицо своим наследником. Договоры о наследовании использовались у немцев еще в самый ранний период средневековой истории и в результате длительного развития были воплощены в современную юридически согласованную структуру [5].

Несмотря на двусторонность сделки, наследственный договор при жизни наследодателя в отличие от сделок с живыми не порождает никаких прав и обязанностей. Он имеет отложенную функцию действия. В нем можно выделить как договорные, так и односторонние распоряжения.

Гражданское уложение Германии закрепляет особенности наследственного договора. Ведь уложение еще включает в себя совместное завещание, на первый взгляд, схожее с нормами договора. Поэтому ГГУ определяет, что в соответствии с параграфами 2265 и 2274 наследственный договор может заключаться как между супругами, так и другими гражданами. Кроме того, наследственный договор становится договорным обязательством с момента его заключения.

Гражданское законодательство Германии разделяет наследственный договор и завещание еще одним интересным признаком. Им является дееспособность гражданина. По нормам ГГУ простое завещание может составить любой гражданин в возрасте от 16 лет. При этом в качестве завещателя по рассматриваемому договору может выступать лицо, достигшее совершеннолетия и полностью дееспособный (§2275 ГГУ). Это основывается, прежде всего, на том, что по наследственному договору сторона принимает распоряжения на случай смерти, а значит должна иметь возможность это осуществить.

Как уже упоминалось, содержание договора наследования может быть самым разнообразным и содержать указания как на смерть обеих сторон, так и для одной стороны (п. 1 § 2278, § 2298 ГГУ), что позволяет выделить два основных вида наследственного договора:

1) односторонний договор наследования - в нем только одна сторона выступает в качестве наследодателя, в то время как вторая принимает только наследство;

2) двусторонний договор наследования - обе стороны делают распоряжения на случай смерти, эти распоряжения имеют взаимосвязанный характер, аналогичный характеру взаимосвязанных распоряжений в совместном завещании, поскольку недействительность одного из распоряжений влечет недействительность договора в целом.

Следует отметить, что выделение описанных видов договоров наследования (двусторонних и односторонних) на практике не имеет большого значения. Немецкая юридическая литература отмечает, что договор о наследовании основан на идее его возмездного характера, поскольку никто не будет отдавать распоряжения в случае смерти без особой причины, отказываясь от права их отозвать [5].

Для гражданского общества Германии наибольший интерес представляет такой договор, по которому одна сторона совершает распоряжения на случай своей смерти, а другая, назначаемая наследником, делает встречное имущественное представление. Такой наследственный договор

будет являться возмездным и объединять в себе нормы наследственного права и сделок.

На первый взгляд и этот вид договора напоминает по характеру отечественный договор пожизненной ренты. Однако, в нем можно разглядеть принципиальные отличия. Они будут касаться, в первую очередь, предмета договора. Предметом наследственного договора является имущество без его разделения на конкретные виды, то есть наследственная масса, в которую входят и долги наследодателя. В договоре ренты имущество должно быть индивидуализировано. Это подразумевает, что на момент заключения договора указанное в нем имущество имеется в наличии.

Договор наследования в Федеративной Республике Германия имеет неоднозначный юридический характер – с одной стороны, это договор, а с другой – распоряжение о смерти. Поскольку договор наследования является двусторонней сделкой, к нему применяется правило о соблюдении договора (*pacta sunt servanda*), т.е. изменение или отмена содержащихся в нем распоряжений допустимы, в принципе, только по соглашению сторон: путем заключения другого наследственного договора или одностороннего завещания, но только с нотариально заверенного согласия другой стороны (п. 1 § 2290, параграф. 1 § 2291 ГГУ).

Итак, мы видим, что для отечественного законодательства норма о наследственном договоре является абсолютно новой, поскольку введена и действует с 1 июня 2019 года и ранее гражданским кодификациям была неизвестна.

Для заключения наследственного договора по отечественному гражданскому законодательству следует обратиться к нотариусу. Иные формы составления договора приведут к его недействительности. Такие же особенности заключения наследственной сделки можно наблюдать и в законодательстве рассмотренных нами государств. При заключении договора необходимо личное присутствие и подписание сторонами. Представительство не рассматривается, в отличие от других стран. Наследники должны быть ознакомлены с условиями сделки и быть согласны с ними. Такое положение упраздняет тайну завещания и не гарантирует, что наследник или душеприказчик в каких-либо условиях не разгласит положения договора. Что является негативным последствием для заинтересованных лиц.

Таким образом, введенная норма, наряду с уже действовавшими разделами о завещании и наследовании по завещанию пока в России не набирает популярности. Стоит отметить, что после ее введения на территории государства было составлено в 2019 году около 900 наследственных договоров. Далее официальной статистики в данном направлении найти сложно. При этом за 2019 год было зарегистрировано 523,8 тыс. завещаний. В 2021 году на основании завещаний было открыто 809204 наследственных дел [6]. Конечно, законодательство не должно останавливаться на определенном этапе. Стоит проводить анализ эффективности работы каждого из видов завещательных распоряжений, будь то обычное завещание, наследственный договор или совместное завещание супругов.

Пристатейный библиографический список

1. Миронова В. А., Ананьева Е. О. Особенности правового регулирования института наследования по закону и по завещанию // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». - 2021. - № 21. - С. 129-134.
2. Гражданский кодекс Китая: Книга VI о наследовании. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-vi-succession-20200528> (дата обращения: 18.01.2022).
3. Закон КНР «О наследовании». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chinahelp.me/notary/zakon-knr-o-nasledovanii> (дата обращения: 18.01.2022).
4. Германское гражданское уложение. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Германское_гражданское_уложение (дата обращения: 18.01.2022).
5. Наследственный договор в Германии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.studio/pravo-rossii-nasledstvennoe/nasledstvennyiy-dogovor-germanii145-89192.html> (дата обращения: 18.01.2022).
6. В России за год на 22 % выросло количество завещаний. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/28/07/2021/610021a89a7947c2eed77688> (дата обращения: 18.01.2022).

БАБОШКИН Антон Анатольевич

ведущий юрист ООО «Кинросс Дальний Восток»

КОШЕЛЮК Богдан Евгеньевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА СТЕЙКХОЛДЕРА В СТРАНАХ ОБЩЕГО ПРАВА

Автором представлены результаты сравнительного анализа действующих норм законодательства некоторых стран общего права, которые позволили установить общие и индивидуальные особенности статуса стейкхолдеров в правовой семье прецедентного права на основе рекомендованных элементов методологии исследования сравнительно-правового исследования особенностей защиты прав стейкхолдеров в США и Индии. Автор выделил общие элементы статусов стейкхолдеров, отражающие коммерческие интересы заинтересованных сторон в этих странах, а также индивидуальные особенности таких статусов, которые обусловлены некоммерческими целями, задачами стейкхолдеров и по-разному развиваются в отдельных юрисдикциях. При этом акцентировано внимание на трех тезисах: об отсутствии в корпоративном законодательстве США некоммерческих полномочий стейкхолдеров публично-общественного содержания, которые вынесены в различные отраслевые законы; о малой роли членства страны в международной организации (ОЭСР) и уровня ее социально-экономического развития для формирования новаторского национального законодательства, обеспечивающего баланс прав заинтересованных сторон, что подтверждают нормы индийского закона Companies Act 2013; о целесообразности отделения в англосаксонском корпоративном праве статуса стейкхолдеров публично-общественного содержания от статуса заинтересованных сторон коммерческо-корпоративного характера либо установления в законе и прецеденте стран общего права комплексного содержания статусов стейкхолдеров, которые обладают и коммерческим, и некоммерческим содержанием.

Ключевые слова: страны общего права, прецедент, корпоративное право, статус стейкхолдера, общественный интерес, коммерческий интерес.

BABOSHKIN Anton Anatoljevich

leading lawyer of the LLC «Kinross Far East»

KOSHELYUK Bogdan Evgenjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

CURRENT ASPECTS OF THE LEGAL STATUS OF A STAKEHOLDER IN COMMON LAW COUNTRIES

The author presents the results of a comparative analysis of the current legislation of some common law countries, which allowed us to establish general and individual features of the status of stakeholders in the legal family of case law on the basis of the recommended elements of the methodology of the comparative legal study of the features of the protection of the rights of stakeholders in the USA and India. The author has identified common elements of stakeholder statuses that reflect the commercial interests of stakeholders in these countries, as well as individual features of such statuses, which are determined by non-commercial goals, objectives of stakeholders and develop differently in individual jurisdictions. At the same time, attention is focused on three theses: the absence of non-commercial powers of public-public stakeholders in the US corporate legislation, which are included in various industry laws; about the small role of the country's membership in the international organization (OECD) and the level of its socio-economic development for the formation of innovative national legislation that ensures a balance of the rights of stakeholders, which is confirmed by the norms of the Indian Companies Act 2013; on the expediency of separating the status of public-public stakeholders in Anglo-Saxon corporate law from the status of interested parties of a commercial-corporate nature, or establishing in the law and precedent of common law countries a complex content of the statuses of stakeholders who have both commercial and non-commercial content.

Keywords: common law countries, precedent, corporate law, stakeholder status, public interest, commercial interest.

Исследование правового положения заинтересованных групп (стейкхолдеров) в корпоративном праве стран общего (прецедентного) права необходимо для успешного развития российских корпораций, поскольку важнейшую роль в условиях последовательной реформы российского гражданского законодательства играют механизмы реализации полномочий участников корпоративных отношений. При этом особенно значимым становится сравнительный анализ

корпоративного права тех государств, которые исторически определяют основы правового регулирования этой отрасли отношений [1, с. 10].

Важность анализа теоретической базы и практического опыта стран общего права с целью выявления особенностей регулирования прав стейкхолдеров определяется также активной интеграцией России в мировую экономику, что требует разработки конкурентных, современных правовых

Бабошкин А. А.

Кошелюк Б. Е.

механизмов корпоративного взаимодействия с учетом позитивного зарубежного опыта стран со схожими правовыми традициями и новаторским потенциалом [6, с. 12], а также с использованием унифицированных норм международного частного права, которые становятся ориентиром для регуляторов, инвесторов, корпоративных субъектов и других заинтересованных лиц [2].

В рамках эмпирического исследования проведено сравнение действующих норм законодательства некоторых стран общего права (США, Великобритании, Индии), что позволило установить общие и индивидуальные особенности статуса стейкхолдеров в правовой семье прецедентного права на основе следующих элементов методологии исследования: анализ национального законодательства о статусах соответствующих групп стейкхолдеров; сравнение интереса (целей, задач) заинтересованных групп; изучение, обобщение материальных и формальных норм о возможностях компании удовлетворить интерес стейкхолдера; исследование норм взаимодействия компании с определенной заинтересованной группой; анализ сбалансированности коммерческих и социально-публичных интересов статуса стейкхолдера; оценка влияния международного права на нормы национального законодательства о статусах соответствующих групп стейкхолдеров.

США является основным представителем стран общего права, где Р.Э. Фрименом были разработаны начала теории стейкхолдеров [14]. В США активно развиваются правовые механизмы защиты прав заинтересованных сторон, задачи которых официально представлены в стратегии развития корпоративных институтов (см. «Заявление о целях корпорации» 2019 года [9]).

Анализ корпоративного права США в контексте статусов различных групп стейкхолдеров показывает, что в сфере деятельности коммерческих корпораций («business corporations») на федеральном уровне с 1950 года действует весьма объемный регулярно корректируемый Модельный закон (Model Business Corporation Act, MBCA [16]), на основе которого законами штатов устанавливаются соответствующие законодательные акты о корпорациях, определяющие территориальные особенности статуса заинтересованных групп. Также стоит указать на закон штата Делавэр о корпорациях (Delaware General Corporation Law, DGCL) [11], обозначенный в разделе 8 Кодекса законов штата Делавэр, который рассматривается на уровне федерального закона *de facto*, поскольку большинство американских публичных корпораций зарегистрировано на территории этого штата, который с 1899 года считается важнейшей юрисдикцией корпоративного права США [7].

Структура Модельного закона (MBCA) не выделяет обособленной совокупности материальных или процедурных норм о стейкхолдерах, которые фрагментарно обозначены в различных положениях 17 глав MBCA. В частности, глава 1 этого закона определяет общие положения, в которых среди прочего обозначены элементы статуса государственного сотрудника, секретаря («Secretary of State»), наделенного полномочиями, необходимыми для реализации государственной политики в отношении корпораций, включая контроль отражения в уставе корпорации важных аспектов создания и поддержания отношений между всеми лицами, заинтересованными в деятельности корпорации или связанными с ней (см. § 1.25, 1.30 MBCA); дефиниции различных категорий стейкхолдеров (см. § 1.40 MBCA), например: «сотрудник, служащий» («Employee») включает в себя всех должностных лиц, работников компании, кроме директора, который формально также является работником; «регистрирующая организация» («Filing entity») означает не инкорпорированную организацию, отличную от товарищества с ограниченной ответственностью, которая относится к типу, который создается путем государственной регистрации (подачи публичной

органической записи), или требуется для подачи публичной органической записи. свидетельствующей о создании корпорации; и т.д.

Нормы других глав MBCA также включают разрозненные нормы, формирующие статус стейкхолдеров, среди которых стоит выделить положения главы 8 (§ 8.01 - § 8.70) о статусах директора и др. должностных лиц, которые определяют: требования к Совету директоров и к его функциям; нормы о квалификации директоров, о численности и выборах директоров, включая избрание директоров по определенным классам или сериям акций; элементы общего порядка работы директоров и отдельных его стадий; правовые механизмы отставки директоров, отстранения директоров от должности в судебном порядке, вакансий в Совете директоров и вознаграждения директоров; и т.д.

Стоит обратить внимание на нормы главы 16 (§ 16.01 - § 16.21) о полномочиях контролирующих лиц в рамках учета и отчетности корпорации, в том числе: обязательные требования к корпоративным отчетам, полномочия по проверке соблюдения прав акционеров, круг прав при инспекционной проверке, полномочия судебной инспекции, инспекционные права директоров, обязательные требования к финансовой отчетности и годовому отчету для государственного поверяющего (секретаря).

Вместе с этим, некоторые нормы DGCL дополняют статусные нормы стейкхолдеров новыми правилами, не обозначенными в MBCA. Например, в подразделе XIII (§321- §330) DGCL обозначены права заинтересованных сторон в исковом производстве против корпораций, директоров, должностных лиц или акционеров. Так, положения § 321 определяют основные процессуальные полномочия заинтересованных сторон в корпоративных спорах. Нормы § 325 устанавливают порядок действий в отношении должностных лиц, директоров или акционеров с целью принудительного исполнения обязательств корпорации в случае наличия неудовлетворенного судебного решения в отношении корпорации.

В завершении краткого анализа особенностей статуса стейкхолдера в США следует обратить внимание на то, что в американской судебной практике как основном источнике прецедентного права, равно как и в нормах законодательства, термин «Stakeholder» используется для решений по спорам в различных правовых отраслях, кроме сферы корпоративных отношений. В частности, по сведениям официального сайта ВС США [4] нормы, связанные с понятием «Stakeholder», используются в 59 документах, которые не связаны с нормами MBCA, DGCL и другими законами о корпорациях, например: в деле *Carolina v. North Carolina*, 138 U.S. (2008) [10] стейкхолдерами представлены стороны, заинтересованные в споре о праве на пользование ресурсом водохранилища; в деле *Florida v. Georgia*, 142 U.S. (2017) [13] стейкхолдерами отмечены рыбаки, фермеры, предприниматели и др. заинтересованные в речном бассейне стороны региона Апалачикола; в деле *Department of Commerce v. New York* 18-966, 588 U.S. (2019) [12] стейкхолдерами отмечены многочисленные заинтересованные стороны и учреждения, участвующие на самых высоких уровнях исполнительной власти; и т.д.

Проведенный краткий анализ содержания MBCA, DGCL позволяет сделать следующие выводы об особенностях статуса стейкхолдеров в США:

1) несмотря на публичность активного развития в США правовых механизмов защиты прав заинтересованных сторон (см. «Заявление о целях корпорации» 2019 года [9]), в статутных нормах актуального американского законодательства (MBCA, DGCL) эта «активность» пока не подтверждается, оставаясь потенциальной задачей [8]; при этом нормы о статусе заинтересованных сторон отличаются фрагментарностью, отсутствием их систематизации и опосредованным применением; положения законов штатов США детализируют Модельный федеральный закон (MBCA) и могут вно-

свить собственные правила, не противоречащие федеральным нормам;

2) интерес (цели, задачи) заинтересованных групп в США, отраженные в основных законах корпоративной сферы отношений (MVCA, DGCL), характеризуются имуществом, организационно-управленческим, контрольным и правоприменительным содержанием; однако публичный интерес заинтересованных сторон отражается в отраслевых законах о ценных бумагах, о страховании вкладов, о противодействии отмыванию противоправных доходов и т.д.; при этом термин «Stakeholder» не используется в прецеденте и в законодательных актах в сфере корпоративного права, но применяется в других правовых отраслях социально-публичного характера;

3) основные правовые механизмы взаимодействия корпорации со стейкхолдерами относятся к отношениям с директорами и служащими АО разных категорий, с кредиторами, с представителями государственных систем регистрации обществ и контроля их деятельности; при этом кредиторы четко не обозначены в нормах закона как приоритетные стейкхолдеры;

4) содержание американского законодательства далеко от сбалансированности коммерческих и социально-публичных интересов статуса стейкхолдеров, поскольку последние не обозначены в основных законах корпоративной сферы и регламентированы в отраслевых законах; при этом объем полномочий акционеров в нормах MVCA, DGCL существенно превышает объем статусных норм стейкхолдеров;

5) США с 1961 года является членом ОЭСР [3], что отражает определенную роль норм международного частного права о заинтересованных сторонах в корпоративном праве этой страны.

В Индии корпоративное право развивается на основе англосаксонского права с учетом многовекового колониального прошлого этой страны под управлением Великобритании. Основной закон в сфере корпоративных отношений (Companies Act 2013 [19]) соотносим по объему с американскими законами (MVCA, DGCL), поскольку включает 29 глав из 470 статей. Основные отличия Companies Act 2013 от законов других стран общего права определяются четырьмя характерными правовыми механизмами.

Во-первых, в ст. 135 этого закона установлен правовой механизм обязательной корпоративной социальной ответственности (далее – КСО, англ. «Corporate Social Responsibility», CSR) в виде взносов крупных компаний, что делает этот акт единственным в мире обязательным законом относительно КСО, поскольку все фирмы с чистым капиталом свыше 5 млрд рупий (примерно 75 млн\$), с оборотом более 10 млрд рупий (примерно 150 млн\$), или с чистой прибылью от 50 млн рупий (750000\$) должны выделить на цели КСО не менее 2 % от своей годовой прибыли; для этого закон требует, чтобы все указанные предприятия создали комитет КСО для контроля за расходованием выделенных средств; до принятия Companies Act 2013 требования о КСО применялись в Индии только к компаниям государственного сектора [17]; для реализации норм ст. 135 Центральным Правительством Индии в 2014 году утверждены соответствующие Правила о политике КСО, обязательные для применения в Индии [18].

Во-вторых, в ст. 203 Companies Act 2013 определен правовой механизм ключевых управленческих сотрудников с условиями их назначения, элементы которого включают: перечень трех категорий ключевых сотрудников управленческих кадров (директора-распорядителя, главного исполнительного директора или управляющего, а в их отсутствие, директора; секретаря компании; главного финансового директора); назначение в штат компании каждого ключевых управленческих сотрудников решением правления, содержащим условия назначения и вознаграждения; установление в подзаконном ведомственном акте [15] обязательного требования о

назначении корпоративного секретаря в компании с капиталом более 100 млн рупий (примерно 1,5 млн \$); и т.д.

В-третьих, в ст. 178 Companies Act 2013 регламентированы основы статуса Комитета по назначениям и вознаграждениям, а также Комитета по взаимоотношениям со стейкхолдерами, который рассматривает и разрешает жалобы владельцев ценных бумаг общества. Также в нормах Приложения IV к ст. 149 (8) Companies Act 2013 обозначены основы Кодекса независимых директоров, которые среди прочего обязаны: защищать интересы всех заинтересованных сторон («safeguard the interests of all stakeholders»), в частности миноритарных акционеров; обеспечивать сбалансированность противоречивых интересов заинтересованных сторон («balance the conflicting interest of the stakeholders»). Из этого следует, что понятие «Stakeholder» охватывает в Companies Act 2013 только владельцев ценных бумаг общества.

В-четвертых, нормами ст. 408 этого закона в судебную систему Индии введен специальный суд – Национальный трибунал по корпоративному праву («National Company Law Tribunal, India», NCLT), который рассматривает споры, касающиеся индийских компаний, и не использует в своих решениях термин «Stakeholder» [5].

Проведенный анализ содержания законодательства и прецедента Индии позволяет сделать некоторые выводы об индийских особенностях статуса стейкхолдеров:

1) нормы базового закона корпоративной сферы отношений Индии (Companies Act, 2013) можно охарактеризовать новаторскими и самодостаточными относительно схожих законов США, потому, что в этом документе развивающегося государства в первый раз законодатель признал основы института корпоративной социальной ответственности (далее – КСО), обозначил статус корпоративного секретаря, установил ключевые требования к Комитету по взаимоотношениям со стейкхолдерами и к Национальному трибуналу по корпоративному праву, установил одной из задач независимого директора в обеспечении сбалансированности противоречивых интересов стейкхолдеров; то есть, в отличие от корпоративного законодательства развитых стран нормы Companies Act, 2013 в текущий период времени наиболее полно отражают статусы заинтересованных сторон, которые помимо корпоративных обладают полномочиями общественного характера в случаях, связанных с публичным интересом (в частности, в рамках КСО);

2) интерес (цели, задачи) заинтересованных групп в Индии, отраженные в нормах Companies Act, 2013, характеризуются коммерческим содержанием, связанным непосредственно с акциями и с принятием решений корпорации, а также публичными интересами в рамках КСО и пр. полномочий; при этом термин «Stakeholder» упоминается в нормах Companies Act, 2013 в отношении миноритариев, других владельцев ценных бумаг и не используется в прецеденте специального судебного органа (Национальный трибунал по корпоративному праву, NCLT);

3) основные правовые механизмы взаимодействия корпорации со стейкхолдерами согласно правил Companies Act 2013 включают отношения с директорами, корпоративным секретарем и др. служащими АО разных категорий, с кредиторами, с представителями государства; при этом кредиторы четко не обозначены в нормах закона как приоритетные стейкхолдеры, но упоминаются гораздо чаще, нежели в схожих законах США, Великобритании;

4) содержание законодательства Индии отражает более высокий уровень сбалансированности коммерческих и социально-публичных интересов статуса стейкхолдера по сравнению с США, Великобританией, поскольку впервые в нормах Companies Act 2013 обозначен правовой механизм КСО, используется термин стейкхолдеры; при этом объем полномочий акционеров и участников компаний в положениях Companies Act 2013 превышает объем статусных норм

заинтересованных сторон (кредиторов, директоров, корпоративного секретаря, персонала, сотрудников госслужбы и пр.), но в меньшей мере, нежели в законодательстве США, Великобритании;

5) Индия не является членом ОЭСР [3], что не повлияло на формирование в этой стране новаторского законодательства, в котором использованы рекомендации международного частного права о заинтересованных сторонах в корпоративном праве (относительно КСО, статуса корпоративного секретаря, Комитета по взаимоотношениям со стейкхолдерами и Национального трибунала по корпоративному праву).

Резюмируя, можно отметить, что предложенные элементы методологии сравнительно-правового исследования особенностей защиты прав стейкхолдеров в США и Индии позволили выделить общие элементы статусов стейкхолдеров, отражающие коммерческие интересы заинтересованных сторон в этих странах, а также индивидуальные особенности таких статусов, которые обусловлены некоммерческими целями, задачами стейкхолдеров и по-разному развиваются в отдельных юрисдикциях. При этом следует обратить внимание на четырех правовых аспектах.

1. В США законодатель не внедряет в корпоративные право некоммерческие полномочия стейкхолдеров публично-общественного содержания и выносит их в различные отраслевые законы.

2. Отсутствие членства страны в международной организации и уровень ее социально-экономического развития не играют объективного значения и роли для формирования в этой стране новаторского законодательства, обеспечивающего баланс прав заинтересованных сторон, что подтверждают нормы индийского закона Companies Act 2013.

3. В практике правового регулирования США статус стейкхолдеров («Stakeholder»), активно используемый в законах социального, публичного содержания не соответствует корпоративным полномочиям заинтересованных лиц, которые характеризуются коммерческими целями, задачами и приоритетами. Это аргументирует целесообразность отделения в англосаксонском корпоративном праве статуса стейкхолдеров публично-общественного содержания от статуса заинтересованных сторон коммерческо-корпоративного характера либо установление в законе и прецеденте стран общего права комплексного содержания статусов стейкхолдеров, которые обладают и коммерческим, и некоммерческим содержанием.

Пристатейный библиографический список

1. Осипенко К.О. Договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ в российском и английском праве. М., Инфотропик Медиа. 2016. – 176 с.
2. Принципы корпоративного управления OECD (2016), G20/ОЭСР, OECD Publishing, Paris. – 79 с.
3. Сведения НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalcentre.hse.ru/members> (дата обращения: 14.07.2021).
4. Сведения сайта ВС США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.supremecourt.gov/search.aspx?Search=Stakeholder&type=Site> (дата обращения: 14.07.2021).
5. Сведения портала Национального трибунала по корпоративному праву Индии, NCLT. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20180321063535/https://nclt.gov.in/content/organisation> (дата обращения: 14.07.2021).
6. Трубина М.В. Гражданско-правовое регулирование акционерных соглашений в России и странах континентальной Европы: автореф. дис. ... канд. юрид.

7. About the Division of Corporations. Delaware Division of Corporations. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://corp.delaware.gov/aboutagency>.
8. Bainbridge, Stephen Mark, Corporate Purpose in a Populist Era. UCLA School of Law, Law-Econ Research Paper No. 18-09. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3237107> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3237107>.
9. Business Roundtable Redefines the Purpose of a Corporation to Promote 'An Economy That Serves All Americans'. AUG 19, 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.businessroundtable.org/business-roundtable-redefines-the-purpose-of-a-corporation-to-promote-an-economy-that-serves-all-americans>.
10. Carolina v. North Carolina, 138 U.S. (2008), 558 U.S. 256 (2010). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.supremecourt.gov/specmastrpt/orig138_112808.pdf.
11. Delaware General Corporation Law (DGCL, 2020 Revision). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://delcode.delaware.gov/title8/c001/>.
12. Department of Commerce v. New York 18–966, 588 U.S. (2019). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.supremecourt.gov/opinions/18pdf/18-966_bq7c.pdf.
13. Florida v. Georgia, 142 U.S. (2017). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.supremecourt.gov/specmastrpt/orig_142_report.pdf.
14. Freeman R. E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. Boston, 1984.- 276 p.
15. Ministry of Corporate Affairs Notification. New Delhi, the 31st March, 2014. G.S.R 249(E). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.indiacode.nic.in/show-data?actid=AC_CEN_22_29_00008_201318_1517807327856§ionId=49129§ionno=203&orderno=206.
16. Model Business Corporation Act (MBCA, 2016 Revision) (December 9, 2016). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.americanbar.org/content/dam/aba/administrative/business_law/corplaws/2016_mbcapdf.
17. Nandini Deo. A brief history of Indian CSR. Tracing the history of CSR in India, from Independence to the Companies Act (2013). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gatewayhouse.in/a-brief-history-of-indian-csr/>.
18. The Companies (Corporate Social Responsibility Policy) Rules, 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.indiacode.nic.in/show-data?actid=AC_CEN_22_29_00008_201318_1517807327856§ionId=1326§ionno=135&orderno=138.
19. The Companies Act, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nclt.gov.in/sites/default/files/All-PDF/the_companies_act_2013.pdf.

БАШИЛОВ Борис Игоревич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса и международного частного права
Юридического института Российского университета дружбы народов, адвокат

СНЯТИЕ АРЕСТА С ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ КАК ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНОЙ МЕРЫ В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ): ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВООБЪЕМНОЙ ПРАКТИКИ*

Наложение ареста на денежные средства, находящиеся на банковских счетах должника, является одной из самых распространенных обеспечительных мер в деле о несостоятельности (банкротстве). Однако, как и любая другая обеспечительная мера, арест с денежных средств может быть снят по ходатайству лица, участвующего в деле, или лица, чьи права и интересы нарушены в результате применения обеспечительных мер. Несмотря на то, что судебная статистика удовлетворения заявлений об отмене обеспечительных мер свидетельствует о том, что значительное число ранее наложенных арестов на денежные средства в дальнейшем снимаются судами апелляционной инстанции, такая отмена возможна только в случае надлежащего доказывания ее необходимости и обоснованности. В настоящей статье анализируется правообъемная практика арбитражных судов по вопросу отмены принятых в рамках дела о банкротстве должника обеспечительных мер в виде наложения ареста на его денежные средства, находящиеся на банковском счете.

Ключевые слова: арест денежных средств, снятие ареста денежных средств, обеспечительные меры, дела о несостоятельности (банкротстве), правообъемная практика.

BASHILOV Boris Igorevich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia, lawyer

RELEASE FROM ATTACHMENT OF FUNDS AS AN INTERIM MEASURE IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASES: PROBLEMATIC ASPECTS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE**

An attachment of funds held in the debtor's bank accounts is one of the most common interim measures in an insolvency (bankruptcy) case. However, like any other interim measure, an attachment of funds can be released by the request of a person participating in the case, or a person whose rights and interests are violated as a result of the application of interim measure. Despite the fact that judicial statistics on the satisfaction of applications for the release of interim measures indicate that a significant number of previously imposed attachments on funds are later released by the courts of appeal, such cancellation is possible only if it is properly proved necessary and justified. This article analyzes the law enforcement practice of arbitration courts on the issue of release from interim measures taken in the framework of the debtor's bankruptcy case in the form of attachment of his funds held in a bank account.

Keywords: attachment of funds, release from attachment of funds, interim measure, insolvency (bankruptcy) cases, law enforcement practice.

В отечественном арбитражном законодательстве обеспечительные меры выполняют роль срочных временных мер, направленных на обеспечение иска или имущественных интересов заявителя, применяемых по ходатайству заинтересованного лица на любой стадии арбитражного процесса, если их принятие может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта, в том числе если исполнение судебного акта предполагается за пределами страны, а также в целях предотвращения причинения значительного ущерба заявителю (часть 1 статьи 90 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). Таким образом, практический аспект обеспечительных мер в делах о несостоятельности (банкротстве) носит комплексный характер и нацелен как на сохранение имущества должника, так и на увеличение возможности погашения требований кредиторов в полном объеме [1, с. 104].

Согласно части 2 статьи 90 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации обеспечительные меры допускаются на любой стадии арбитражного процесса, если принятие этих мер может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта. Однако как показывает правообъемная практика, определения судов первой инстанции о принятии обеспечительных мер часто отменяются в апелляционной инстанции. Так, в силу пункта 1 статьи 97 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации обеспечение иска по ходатайству лица, участвующего в деле, может быть отменено арбитражным судом, рассматривающим дело.

В делах о несостоятельности (банкротстве) за последние несколько лет статистика удовлетворения заявлений о принятии обеспечительных мер и отмены ранее принятых обеспечительных мер выглядит следующим образом: в рамках рассмотрения банкротных дел арбитражными судами в среднем удовлетворяется около 60% заявлений об обеспечительных мерах, в отношении около половины из которых в дальнейшем подаются заявления об отмене, а по итогам их рассмотрения отменяется около 75% ранее принятых обеспечительных мер [2, с. 42-43]. Более подробно статистика рассмотрения заявлений о применении и отмене различных видов обеспечительных мер в делах о несостоятельности (банкротстве) представлена в таблице № 2 на примере первого полугодия 2020 года [3].

Представленная статистика свидетельствует о том, что вероятность отмены принятых обеспечительных мер в деле о банкротстве достаточно велика, однако не следует забывать, что основания для их отмены различаются в зависимости от вида примененной обеспечительной меры. Как видно из приведенных статистических данных самым распространенным видом обеспечительных мер является наложение ареста на денежные средства (в том числе денежные средства, которые будут поступать на банковский счет) или иное имущество, принадлежащее должнику и находящееся у него или других лиц (пункт 1 части 1 статьи 91 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Распространенность ареста денежных средств, находящихся на банковских счетах должника, как обеспечительной

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации № НШ-2668-2020.6 «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке».

** This work was financially supported by the Grant of the President of the Russian Federation No. NSh-2668-2020.6 «National-Cultural and Digital Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century».

Таблица 2. Рассмотрение заявлений (ходатайств) о применении, отмене обеспечительных мер, в первом полугодии 2020 года (ч. 1 ст. 91, ч. 3 ст. 199, 201.3 АПК РФ, ч. 2 ст. 46, ст. 213.11 Закона о банкротстве и др.)

	Рассмотрено заявлений (ходатайств)	Наложение ареста	Запрет совершать определенные действия	Обязанность совершить определенные действия	Передача спорного имущества на хранение	Приостановление взыскания по исполнительному документу	Приостановление реализации имущества	Приостановление действия ненормативного правового акта, решения	Запрет совершать сделки	Иные
Рассмотрено заявлений (ходатайств) о применении обеспечительных мер	9518	2210	5653	107	20	10	166	4	48	1627
Применены обеспечительные меры (удовлетворены заявления)	5483	1313	3390	47	8	2	81	3	30	847
Рассмотрено заявлений (ходатайств) об отмене обеспечительных мер	2847	654	1546	19	2	0	17	0	3	705
Из них: удовлетворено	2006	496	1233	33	1	0	7	0	2	344

меры в деле о несостоятельности (банкротстве) обусловлена тем, что в представлении кредиторов она позволяет оперативно получить денежные средства, на которые был наложен арест, путем предъявления в банк исполнительного листа по вступившему в силу судебному акту [4, с. 73]. В отличие от ареста имущества указанная мера позволяет избежать длительные и непредсказуемые процедуры по реализации арестованного имущества.

Как следует из разъяснений, изложенных в пункте 22 Постановления Пленума Высшего арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 года № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» ответчик, иные лица, участвующие в деле (часть 1 статьи 97 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации), а также лица, чьи права и интересы нарушены в результате применения обеспечительных мер (статья 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации), после получения определения арбитражного суда о применении обеспечительных мер вправе обратиться с ходатайством об их отмене в суд, их применивший, в порядке, предусмотренном статьей 97 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, представив объяснения по существу примененных мер, на основании которых суд повторно проверяет наличие оснований, установленных частью 2 статьи 90 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, и оценивает отношения на соответствие критериям, указанным в пункте 10 настоящего Постановления.

При этом стоит отметить, что перечень случаев, при которых обеспечительные меры могут быть отменены, процессуальным законодательством не предусмотрен. Однако анализ правовых норм, регулирующих порядок и основания применения обеспечительных мер, позволяет установить, что обеспечительные меры отменяются в случаях, когда основания, послужившие причиной их принятия, отпали, либо появились новые обстоятельства, обостряющие необходимость отмены обеспечительных мер¹.

Таким образом, вопрос отмены обеспечительных мер разрешается судом в каждом отдельном случае с учетом обстоятельств конкретного дела и доказательств, на которые

ссылается лицо, обратившееся с заявлением. В связи с этим, основываясь на анализе правоприменительной практики арбитражных судов, рассмотрим, какие обстоятельства могут способствовать снятию обеспечительных мер в ситуации, когда в деле о несостоятельности (банкротстве) принимаются обеспечительные меры в виде наложения ареста на денежные средства, находящиеся на счетах в банке.

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить различный подход судов в зависимости от категории банковского счета, на котором находятся денежные средства, в отношении которых заявлено ходатайство о снятии ареста. Условно можно выделить две категории таких счетов – зарплатные счета (или счета, на которые поступают пенсионные выплаты) и иные счета.

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что суды склонны к снятию ареста с банковских счетов, являющихся зарплатными или на которые поступают пенсионные выплаты². Связано это с тем, что наложение ареста на банковский счет, являющийся зарплатным, приводит к невозможности использовать заработную плату на обеспечение потребностей должника и потребностей лиц, находящихся на иждивении должника – в подобном случае суды снимают ограничительные меры в отношении счета должника, используемого для получения заработной платы, с остальных счетов ограничения не снимаются.

Стоит отметить, что зачастую при оспаривании определений об отмене принятых в рамках дела о банкротстве должника обеспечительных мер в виде наложения ареста на его денежные средства, находящиеся на банковском счете, на основании того, что именно этот счет должник использует для получения заработной платы, используются аргументы о том, что целью разблокировки зарплатного счета является вывод должником активов. Однако данный аргумент отклоняется судами в связи с тем, что, как это указано в Постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 19 августа 2020 года № Ф01-1110/2019 по делу № А43-19064/2018, арест снят только с зарплатного счета, при этом иные счета в пределах суммы долга остаются арестованными, в связи с

1 Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 6 ноября 2020 года № Ф06-27256/2017 по делу № А65-17461/2017.

2 Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 19 августа 2020 года № Ф01-1110/2019 по делу № А43-19064/2018.

чем перевод с них денежных средств на разблокированный счет невозможен до полной отмены обеспечительных мер.

Снятие ареста со счета, не являющегося зарплатным – значительно более сложный с точки зрения доказывания процесс. Снятие ареста с такого счета становится возможным только, если должник докажет, что в обратном случае будет лишен средств к существованию, то есть речь идет исключительно о счетах, на которых расположены средства для удовлетворения обычных ежедневных потребностей лица.

Для подтверждения факта лишения должника средств к существованию требуется доказать, что арест денежных средств, находящихся на банковских счетах и поступающих на них, полностью лишит должника возможности осуществлять безналичные расчеты по обычным ежедневным сделкам, направленным на удовлетворение обычных потребностей любого человека (покупка различных товаров и услуг, оплата коммунальных платежей, уплата налогов и т.п.). Наличие на иждивении несовершеннолетних детей, а также неработающего супруга является дополнительным аргументом, оцениваемым судом в пользу снятия ограничительных мер³.

При этом, как отмечается в Постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 6 октября 2020 года № Ф10-2272/2019 по делу № А84-1175/2018, отмена обеспечительных мер только в рамках величины прожиточного минимума гражданина, с учетом лиц, находящихся на его иждивении, недопустима на этапе рассмотрения временных обеспечительных мер, их применение возможно только в рамках исполнительного производства уже по вступившему в законную силу решению суда, а в деле о несостоятельности (банкротстве) наложение ареста рассматривается как временная обеспечительная мера в соответствии с главой 8 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

В обоих из указанных случаев можно выделить общий объем доказывания и раскрытия информации о действительном финансовом положении должника в целях частичного освобождения его банковских счетов от ареста:

- обосновать невозможность обеспечения разумного уровня потребления в условиях принятых обеспечительных мер, то есть доказать, что стоимость принадлежащего должнику имущества (в том числе денежных средств) и размер его доходов за вычетом суммы, в пределах которой наложен арест, не обеспечивают должнику ежемесячные средства к существованию;

- раскрыть свои доходы и счета, на которые они поступают, с указанием и обоснованием разумного размера доходов по конкретному расчетному (лицевому) счету, а также наименование и стоимость принадлежащего имущества, с предоставлением доказательств отсутствия иного имущества и доходов;

- обозначить всех лиц, находящихся на иждивении должника, а также неработающего супруга;

- представить расчет размера денежных средств, ежемесячно необходимых для удовлетворения жизненных потребностей, в том числе в лекарственных средствах и препаратах, обеспечении должного ухода и содержания детей, оплату посещаемых учебных заведений, обеспечение жизненно важных потребностей семьи и т.д.;

- доказать, что должником не совершались недобросовестные действия до и в ходе процедуры банкротства, в том числе поступление, перевод либо снятие значительных денежных средств, которые возможно квалифицировать как вывод денежных средств.

При этом как отмечается в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 22 сентября 2020 года № Ф09-4864/20 по делу № А60-56288/2019 довод о том, что «должник обладает иным имуществом, достаточным для погашения за его счет требований кредиторов, сам по себе не является безусловным основанием для отмены обеспечительных мер».

Вторым возможным способом частичного снятия ареста с денежных средств как обеспечительной меры в деле о несостоятельности (банкротстве) является ходатайствование о снятии ареста на денежные средства, которые могут поступить на счета должника в банках в будущем.

В случае, если арест на будущие поступления не накладывался, доводы о том, что принятыми обеспечительными мерами созданы препятствия для ежемесячного получения заработной платы или пенсии, могут быть признаны судом несостоятельными, как это было отмечено в Постановлении Восьмого арбитражного апелляционного суда от 22 мая 2020 года № 08АП-2683/2020 по делу № А81-9862/2018.

Третий способ заключается в ходатайствовании о наложении альтернативной обеспечительной меры. Для этого должнику следует указать судебному приставу имущество, на которое может быть наложен арест в первую очередь, в целях освобождения от ареста денежных средств на расчетных счетах, в порядке пункта 5 статьи 69 Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

Перераспределение возможно в связи с тем, что согласно пункту 16 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 года № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» арест поступивших денежных средств, находящихся на корреспондентском счете коммерческого банка (иного кредитного учреждения), а также средств, которые поступят на счета или корреспондентский счет банка в будущем, целесообразно производить, если другие меры, предусмотренные статьей 91 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, не смогут обеспечить исполнение принятого судебного акта. Из данного положения следует, что денежные средства, находящиеся на корреспондентских счетах банка (или которые поступят на них в будущем), являются не первостепенными объектами для наложения ареста.

Таким образом, снятие ареста с денежных средств, находящихся на банковских счетах должника, является возможным только при надлежащем уровне доказывания необходимости и обоснованности такого снятия. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что в условиях, когда перечень случаев, при которых обеспечительные меры могут быть отменены, процессуальным законодательством не предусмотрен, основания для снятия ареста с денежных средств различаются в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела. В связи с чем, приведенные в статье основания не являются исчерпывающим перечнем, однако могут быть использованы при доказывании как наиболее универсальные.

Пристатейный библиографический список

1. Сахорова Ю. В. Обеспечительный механизм в процессе несостоятельности (банкротства) // Вестник ВГУ. Серия: Право. - 2017. - № 2. - С. 104.
2. Смола А. А. Актуальные проблемы применения арбитражными судами обеспечительных мер // Вестник Арбитражного суда Московского округа. - 2019. - № 4. - С. 42-43.
3. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 1 полугодие 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5459>.
4. Чупахин И. М. Проблемы ареста денежных средств, находящихся на банковском счете // Вестник арбитражной практики. - 2019. - № 2. - С. 73.

3 Например, Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 6 октября 2020 года № Ф10-2272/2019 по делу № А84-1175/2018.

ГАФИУЛЛИН Харис Ильгизярович

старший преподаватель кафедры гражданского права Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова

ГАВРИЛЮК Руслан Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова

НОСАНЕНКО Галина Юрьевна

кандидат политических наук, доцент кафедры теории государства и права Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова

«АФФИЛИРОВАННОСТЬ»: ПОНЯТИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В статье исследуется понятие и методологическое значение дефиниции «аффилированность». Анализируются научные труды, отечественные правовые нормы и судебная практика, касающиеся аффилиации. Характеризуется термин – «аффилированность», его происхождение и признаки. По итогам работы даются обобщающие выводы касательно рассматриваемой дефиниции и обозначаются перспективы теоретического и нормативного характера в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: аффилированность, аффилиация, взаимосвязь, зависимость.

GAFIULLIN Haris Ilgizyarovich

senior lecturer of Civil law sub-faculty of the V. G. Timiryasov Kazan Innovative University

GAVRILYUK Ruslan Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the V. G. Timiryasov Kazan Innovative University

NOSANENKO Galina Yurjevna

Ph.D. in political sciences, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the V. G. Timiryasov Kazan Innovative University

“AFFILIATION”: CONCEPT AND METHODOLOGICAL SIGNIFICANCE

The article explores the concept and methodological meaning of the definition of “affiliation”. The article analyzes scientific works, domestic legal norms and judicial practice concerning the affiliation. The term “affiliation”, its origin and signs are characterized. Based on the results of the work, generalizing conclusions are given regarding the definition under consideration and prospects of a theoretical and normative nature in the field under consideration are outlined.

Keywords: affiliation, affiliation, relationship, dependence.

Нынешняя цивилистическая доктрина, обращаясь к правовым проблемам, однозначно констатирует факт появления большого количества информационных источников, характеризующих современные государственно-правовые реалии [1]. Такая направленность вполне объяснима цивилизационными процессами человека в окружающем мире. Ведь, как утверждает в своей научной работе Л. Г. Бакулина «приращение знаний достигается за счет уточнения, дополнения, обобщения, критики, переосмысления существующих теоретических категорий» [3, с. 29].

В связи с этим необходимо отметить, что актуальной проблемой для правовой науки во все времена является исследование наиболее фундаментальных вопросов (категорий понятийного аппарата и главных постулатов), которые формируют ее основание. Корректность и обоснованность этих инструментов, несомненно, влияет на правильное понимание их соответствующими субъектами и обществом в целом.

Методологический «хаос», присутствующий в науках социально-гуманитарного цикла, связанный с формированием постнеклассической доктрины [7], постулирующей многообразие мнений, взглядов, политических направлений, а также стоящей на позициях конституированности и человекообразности, предполагает возможность наличия диаметрально противоположных формулировок понятий, несовместимых концепций при изучении отдельных объектов, процессов и явлений. Большое количество имеющихся научных подходов дает нам возможность характеризовать одну из категорий юриспруденции – «аффилированность» (аффилиация), что позволяет выдвинуть предположение о целесообразности и необходимости обращения к исследованию смежных правовых констант, прямо соотносящихся с рассматриваемой дефиницией. Важность теоретического анализа характеризуемой нами категории обусловлена методологической ролью понятийно-категориального аппарата в науке. Это подтверждается уже в спорах древнеримских теоретиков по вопросам состава юридического лица.

Исследованию проблем правовых отношений основанных на аффилированности их субъектов, посвятили свои научные работы А. В. Ефимов [4], В. В. Тихонов [8] и другие отечественные ученые, однако, отдельные вопросы требуют уточнения, что предполагает возможность продолжения обсуждения данной тематики. Зарубежная наука также проявляет интерес к проблематике связности в среде юридических лиц, испытывающих зависимое состояние, так в своих научных трудах к проблемам аффилированности обращались М. Bainbridge [12], С. A. Witting [13] и др. Подчеркнем, что, несмотря на многочисленные исследования, однозначного определения термин «аффилированность» так и не получил.

Гражданский оборот предполагает субъективную самостоятельность его участника, но при этом невозможно предположить наличие полной самостоятельности такого индивидуума при отсутствии организационной взаимосвязи устойчивого характера с другими субъектами. Такая правовая корреляция наблюдается, например, в качестве зависимости юридического лица от аффилированного субъекта имущественного оборота, что уже давно отмечается за рубежом в договорных отношениях директоров и акционеров хозяйствующего субъекта, где развитие и изучение капиталистических отношений началось намного ранее феодальной России [6, с. 352]. Так одно, по сути, контролирует волю другого. Эти факторы отражают дела, рассмотренные отечественными судами, когда доминирующее положение первых по отношению ко вторым скрыто от общества и государства и со стороны наблюдается наличие равенства, которое, однако, формально¹.

1 Определение Верховного Суда РФ от 10.02.2021 № 308-ЭС20-23352 по делу № А53-42320/201. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=655745#OVzd5wSbflZmlUP> (дата обращения: 01.02.2022).

В научной литературе можно встретить понятия «экономическая зависимость», «экономический контроль», «аффилиация», «аффилированные лица» [11, с. 112]. Две последние дефиниции имеют англоязычные корни, однако семантика различных языковых групп за рубежом дает им различную трактовку, но при этом обнаруживается общность, унифицирующая их, выражающаяся в связности двух субъектов, где один испытывает зависимость от другого.

«Термин «аффилированность» произошел от английского «affiliate» – «филиал», «отделение», «компаньон», «присоединенный» и обозначает способность оказания процедур влияния на деятельность различных лиц (физических/юридических), осуществляющих предпринимательство»². Юридическое лицо может иметь особую правовую связь с определенными лицами, в силу которой последние прямо или косвенно, самостоятельно или совместно со своими связанными (аффилированными) лицами могут влиять на принятие решений этим юридическим лицом [10]. Наличие аффилированности определяется как юридическими признаками, так и фактическими обстоятельствами. Как свидетельствует судебная практика, аффилированность может возникать на основании родственных или семейных связей, фактической подконтрольности одного юридического лица другому³.

Представляется, что интерес к рассматриваемой категории испытывает не только чисто правовая доктрина, но и иные области науки. Так, например, философско-правовая оценка внутреннего содержания аффилированности говорит о нем, как об отношении, образующем многостороннюю связь между взаимодействующими объектами [9, с. 9]. Очевидно, что такая связность хозяйствующих субъектов предпринимательства однозначно формирует фактор экономически зависимых отношений. Отечественные цивилистика, в частности О. С. Иоффе [5, с. 527], характеризует в своих трудах общественные отношения в рамках правового регулирования, обозначал их как правоотношения, которым, присуще, в том числе состояние связности.

Аффилированность и зависимость А. В. Анисимов совершенно справедливо объявляет в своей научной работе тождественными явлениями [2, с. 9]. Дело в том, что, оценивая мнение отечественного законодателя, а также, учитывая лексику буквального понимания экономической зависимости как самостоятельной дефиниции родовой значимости, можно однозначно применять ее для определения фактора влияния и связи при правовом регулировании отношений аффилированных лиц.

В правовой теории экономической зависимости определяется как отношения двух экономических субъектов, при которых существование и деятельность одного субъекта полностью или частично обусловлены и подчинены воле другого, что, по сути, подразумевает осуществление контроля за его экономической деятельностью или так называемого корпоративного контроля – термина, используемого отечественной правовой доктриной и российским правосудием⁴.

Аффилированными лицами физического лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, являются:

- лица, принадлежащие к той группе лиц, к которой принадлежит данное физическое лицо;
- юридическое лицо, в котором данное физическое лицо имеет право распоряжаться более чем 20% общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции либо составляющие уставный или складочный капитал вклады, доли данного юридического лица.

При анализе современных отечественных правовых норм дефиницию «аффилированные лица» можно встретить в различных законах и подзаконных актах, позволяющих учитывать связь конкретного юридического лица. Впервые данный термин появился в начале 90-х гг. прошлого века в Законе РСФСР

от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (далее – Закон о конкуренции). Чуть позже понятие «аффилированность» появилось в Гражданском кодексе Российской Федерации. Но дело в том, что Закон о конкуренции конкретизирует различные признаки аффилированности и четко ограничивает круг лиц, вступающих в данные отношения, а гражданское законодательство закрепляет только лишь один признак – «связность» поскольку рассчитано только для простой формы аффилиации, что приводит к неопределенности правового регулирования.

В связи с этим предлагаем использовать межотраслевой подход гражданско-правовой доктрины к категории «аффилированность», который сформировал универсальные признаки рассматриваемого явления: зависимость, контролирующее влияние доминирующего лица, разнонаправленность интересов (латентного конфликта).

Резюмируя сказанное, отметим, что для достоверности любого исследования необходимо разобраться в терминологии и определиться с методологией. Аффилированность в хозяйственных отношениях необходимо определять как возможность влияния доминирующего субъекта на юридически зависимое лицо. Философско-правовая оценка внутреннего содержания рассматриваемого явления говорит о нем, как об отношении, образующем многостороннюю связь между взаимодействующими объектами. Такая связность хозяйствующих субъектов предпринимательства однозначно формирует фактор экономически зависимых отношений.

Это, собственно, определяет теоретическую и практическую необходимость продолжения обсуждения проблематики отношений аффилированности субъектов и выработке эффективных норм законодательства, способных положительно регулировать процессы, связанные с аффилиацией, предупреждая возникновение правонарушений в этой сфере.

Пристатейный библиографический список

1. Азизов Р. Ф. Правовое регулирование в сети Интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. - СПб, 2016. - 331 с.
2. Анисимов А. В. Сравнительно-правовой анализ форм зависимости хозяйствующих субъектов в РФ и ФРГ: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2010. - 213 с.
3. Бакулина Л. Т. Общая теория договорного правового регулирования: Дис. ... докт. юрид. наук. - Москва, 2019. - 440 с.
4. Ефимов А. В. Аффилированность юридических лиц и публично-правовых образований // Российское правосудие. - 2017. - № 7 (135). - С. 43-53.
5. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». - М.: Статут, 2009. - 780 с.
6. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. - Т. 3. - 630 с.
7. Степин В. С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. - 2013. - № 4. - С. 45-59.
8. Тихонов В. В. Категории заинтересованности и аффилированности в гражданском праве России: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Чеченский государственный университет. - Курск, 2018. - 26 с.
9. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. - М.: Мысль, 1978. - 272 с.
10. Шиткина И. С. Правовое регулирование экономической зависимости // Хозяйство и право. - 2010. - № 8 (403). - С. 29-47.
11. Юридические лица в российском гражданском праве: Монография. В 3 т. Общие положения о юридических лицах. Т. 1. / Отв. ред. Габов А. В., Гутников О. В., Синицын С. А. - М. ИНФРА-М, 2015. - 384 с.
12. Bainbridge S. M. Abolishing Veil Piercing // The Journal of Corporation Law. - 2001. - V. 26. - № 3. - P. 470-535.
13. Witting C. A. Liability of Corporate Groups and Networks. - Cambridge: Cambridge University Press, 2018. - 746 p.

2 Марина Красильникова. Аффилированность. Ответственность аффилированной компании // Ежемесячник «Верное решение». - выпуск № 01 (207) от 20.01.2020. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.consultant-dv.ru/periodika/gazeta-vernoe-reshenie/vypusk-01-20-01-20/affilirovannost-otvetstvennost-affilirovannoy-kompanii/> (дата обращения: 01.02.2022).

3 Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.08.2021 № Ф04-1646/2021 по делу № А45-4044/2020. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=178202#Y9li5wSi9dfGNJhH1> (дата обращения: 01.02.2022).

4 Постановление Президиума ВАС РФ от 06.09.2011 № 2929/11 по делу № А56-44387/2006. // Вестник ВАС РФ. - 2012. - № 3.

ГУТИЕВА Ирина Генриховна

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

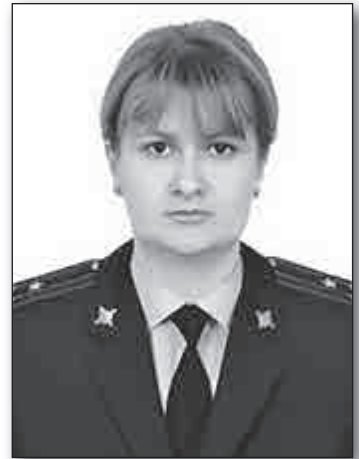
ПОНЯТИЯ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ОСТАНОВКИ И ЗАДЕРЖАНИЯ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА

В связи с ростом количества автомобилей увеличилось и количество нарушений, которые допускают водители. Для предотвращения ряда нарушений, преступлений и дорожно-транспортных происшествий, законодательством предусмотрен ряд процедур, к которым можно отнести остановку и задержание транспортного средства. В научной статье выделены теоретические вопросы и нормативные положения, регулирующие остановку и задержание транспортных средств, описаны полномочия и зона компетенций субъектов, уполномоченных останавливать и задерживать транспортные средства.

Ключевые слова: остановка, задержание, транспортное средство, безопасность дорожного движения, правила, преступления, правонарушения, неисполнение, полиция.

GUTIEVA Irina Genrikhovna

Ph.D. in Law, Deputy Head of State and civil law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

Гутиева И. Г.

CONCEPTS AND LEGAL GROUNDS FOR STOPPING AND DETAINING A VEHICLE

In connection with the growth in the number of cars, the number of violations committed by drivers has also increased. To prevent a number of violations, crimes and traffic accidents, the legislation provides for a number of procedures, which include stopping and detaining a vehicle. The scientific article highlights the theoretical issues and regulations governing the stopping and detention of vehicles, describes the powers and area of competence of entities authorized to stop and detain vehicles.

Keywords: stop, detention, vehicle, traffic safety, rules, crimes, offenses, non-compliance, police.

Сегодня сложно представить себе жизнь без различных транспортных средств, поскольку их наличие стало неотъемлемой частью жизни современного общества. Общественный транспорт, грузовые и сельскохозяйственные машины, спецтранспорт, кареты скорой помощи – все это жизненно-необходимые атрибуты современного человека, без которых уже сложно представить полноценное развитие промышленности, медицины, торговли и прочих отраслей.

Многие авторы в разные годы рассматривали такие вопросы, как перспективы реализации законодательных инициатив, международный опыт ужесточения наказания за нарушение ПДД, вопросы правового регулирования остановки и задержания, меры административного воздействия на нарушителей и прочие вопросы. У каждого свое субъективное мнение, однако, практически все авторы в своих работах отмечали несовершенство законодательства, и необходимости вносить некоторые поправки. Таким образом, несмотря на наличие научных работ, нельзя сказать, что избранная для изучения тема исчерпала себя. Более того, в связи с введением и реализацией новых Положений, которые начали действовать сравнительно недавно и прекратили действие всех предыдущих приказов и регламентов, данное направление всколыхнуло интерес с новой силой [3].

В связи с ростом количества автомобилей увеличилось и количество нарушений, которые допускают водители. Для предотвращения ряда нарушений, преступлений и ДТП, законодательством предусмотрен ряд процедур, к которым можно отнести остановку и задержание транспортного средства. Сказанное наглядно иллюстрируют данные статистики. Так, с января по ноябрь 2021 г. совершено 106 959 дорожно-транспортных происшествий, погибло 4 557 человек, ранено 22 732 человека [7]. ДТП с участием водителей грузовых автомобилей в состоянии опьянения 483 человека, погибло 162, ранено 594. ДТП, с участием водителей автобусов в состоянии опьянения – 57, погибло – 4, ранено – 89 человек. ДТП, с уча-

стием водителей тракторов и других самоходных механизмов в состоянии алкогольного опьянения – 76, погибло – 30, ранено – 66. Со стажем управления до 2-х лет – 7 345, в том числе в состоянии алкогольного опьянения – 353, отказавшихся от медицинского освидетельствования – 95. С водителями стран СНГ – 4 095, иностранных государств – 4 519, в состоянии алкогольного опьянения – 10 275 [4].

В Кабардино-Балкарской Республике за аналогичный период и по тем же категориям статистика выглядит следующим образом: с января по ноябрь 2021 г. совершено 398 дорожно-транспортных происшествий, погибло 88 человек, ранено 515 человек. Среди них 34 водителя легковых автомобилей находились в состоянии опьянения, при этом погибло 18 человек, ранено 44 человека. Водителей грузовых автомобилей, автобусов, тракторов и других самоходных механизмов в состоянии опьянения зафиксировано не было. Со стажем управления до 2-х лет – 23 человека, в состоянии алкогольного опьянения и отказавшихся от медицинского освидетельствования – не зафиксировано. С водителями стран СНГ – 1, иностранных государств – 2, в состоянии алкогольного опьянения – 17. По итогам за 11 месяцев 2019 г прирост аварий с неисправным транспортом составлял 6,9% [7].

Остановка – это прекращение движения транспортного средства, длительностью не более 5 минут, задержание – это принудительное прекращение движения и использования транспортного средства. Причина остановки – проверка документов. А основания для проверки – непосредственно остановка ТС. Задержание представляет собой временное принудительное прекращение использования транспортного средства, включающее, в случае невозможности устранения причины задержания на месте выявления административного правонарушения, помещение его на специализированную государственную стоянку – специально отведенное охраняемое место для хранения задержанных транспортных средств [5].

Данные мероприятия сопровождаются обычно целым рядом проблем, связанных с обоснованием вины нарушителя, доказательной базой, отсрочки получения результатов анализов при освидетельствовании, ну и «контрольным выстрелом» в этой ситуации является восприятие водителями остановок и задержания как нарушение их прав [2].

Причинами и основаниями для остановки ТС сотрудником ГИБДД являлись основания, перечисленные в п. 84 административного регламента (приказ 664) [6], который на данный момент утратил силу. Но они в последующем нашли свое место в обновленном документе.

Несмотря на принятие данного документа, он не внес существенных корректив, хотя некоторые из его положений заслуживают внимания. Новый приказ расширил полномочия сотрудников ГИБДД и расширил перечень ситуаций и оснований. Согласно предшествующему Регламенту основанием для проверки документов у водителя была остановка, связанная с одной из 4 причин: зафиксированное нарушение ПДД водителем, розыск ТС, спецмероприятие (например, «трезвый водитель» или «безопасность ребёнка»).

Приказ № 664 регламентировал обязательность выйти из авто лишь при досмотре, отстранении, задержании и ряда других процедур. Инспектор «предлагал» водителю выйти из автомобиля [6].

Согласно нового документа сотрудник ГИБДД вправе «потребовать» покинуть салон машины, а водитель обязан сделать это, если требуется пресечение преступления, которое совершил водитель или его пассажиры, а также нужно задержать водителя; если речь идёт об административном задержании водителя. Основанием для предложения инспектора выйти из автомобиля теперь является утомлённое (а не только болезненное) состояние водителя.

Законным основанием для остановки и проверки документов всегда были спецмероприятия или рейды ГИБДД. Однако на практике, многие сотрудники ДПС часто злоупотребляли данным мероприятием, и останавливая транспортное средство озвучивали причину, даже ввиду ее отсутствия. Обязанности подтвердить документально данный факт у инспекторов не было [3].

В новом Приказе (пункт 29) прописано право водителя ознакомиться с документами о таких рейдах в любом подразделении ГИБДД. Однако наличие данных документов на месте остановки не обязательно [1].

На практике существует острая проблема – отказ водителя остановиться либо невозможность это сделать в случае технической неисправности. В таком случае, при условии соблюдения безопасности всех участников движения, инспектор может применить спецсредства. В таких случаях сотрудниками применяются принудительная остановка при помощи технических средств: «шипы», «ежи», и огнестрельное оружие как крайний способ остановки, который признан не самым эффективным, однако допустимым в случае опасности.

Спецсредства подразделяются на: портативные – сущность данного устройства состоит в наличии различных шипов, которые при наезде на них прокалывают шины и делают невозможным дальнейшее движение, например «Лиана 6000»; мобильные – то есть такие средства могут оказывать дистанционное воздействие на автомобиль, который необходимо остановить. Различают, механические и электромеханические устройства, которые представляют собой метательные приспособления для блокирования вращения заднего колеса.

Известные устройства принудительной остановки транспорта, к сожалению, далеки от совершенства, поскольку их не всегда есть возможность применять, так как их установка требует помощи нескольких сотрудников, некоторые механизмы могут повлечь утрату управления автомобилем, а иногда эти средства не оказывают никакого эффекта и транспортное средство продолжает движение.

Остановка транспортного средства осуществляется всегда в безопасном месте, если данное условие невыполнимо,

то сотрудники ДПС полностью несут ответственность за безопасность участников дорожного движения. В этом случае должен включаться проблесковый маячок на патрульной машине.

Итак, останавливать транспортное средство инспекторы могут только при наличии основания, сюда можно отнести проверку наличия технического осмотра, заметные изменения технических неисправностей и конструкций ТС и прочие. Сотрудник в любом случае, обязан назвать причины остановки ТС. Задержание транспортного средства имеет место в ряде случаев: если транспортное средство снято с учета, в этом случае оно отправляется на специализированную стоянку, после проведения стандартных процедур; зафиксированное нарушение ПДД и другие факторы. В помощь инспекторам, для контроля дорожного движения, государство оснастило все дороги и трассы камерами видеонаблюдения. Чтобы уменьшить нагрузку на работников, и минимизировать бюрократический документооборот, водители периодически получают уведомления, с зафиксированными нарушениями и требованием оплатить штраф. Однако «личное» общение с сотрудником в случае остановки транспортных средств допустимо и необходимо в некоторых случаях. Остановка, а как следствие и задержание, применяется для предотвращения опасности и преступлений на дорогах, а также для сохранения порядка во время движения или оказания помощи участникам движения.

Пристатейный библиографический список

1. Информация МВД России от 16 июня 2021 г. «Госавтоинспекция разъясняет положения проекта ведомственного приказа по надзору за соблюдением требований в области безопасности дорожного движения». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400811983/> (дата обращения: 22.12.2021).
2. Кодзокова Л. А., Кумышева М. К. Штраф как вид наказания в административном и уголовном праве // Евразийский юридический журнал. - № 8 (159). - С. 238.
3. Новый Приказ ГИБДД о порядке надзора (взамен Приказа №664): сравнение изменений и текст. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://autotokosti.ru/q/novyy-prikaz-gibdd-o-poryadke-nadzora-vzamen-prikaza-no664-sravnenie> (дата обращения: 22.12.2021).
4. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 23.12.2021).
5. Правила задержания транспортного средства, помещения его на стоянку, хранения, а также запрещения эксплуатации (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2003 г. № 759). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/5753477/> (дата обращения: 22.12.2021).
6. Приказ МВД России от 23.08.2017 № 664 (ред. от 21.12.2017) «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения» (Зарегистрировано в Минюсте России 06.10.2017 № 48459). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280037/(дата обращения: 25.12.2021).
7. Показатели состояния безопасности дорожного движения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 23.12.2021).

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

КОШЕЛЮК Богдан Евгеньевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ФАКУЛЬТАТИВНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

В данной статье исследуются основания прекращения факультативных обязательств в гражданском праве. Рассматриваемое обязательство нацелено на надлежащее исполнение обязательств, исходя из этого тезиса, оно предполагается как гарантия исполнения. Проанализированы такие принципы факультативного обязательства, как принцип реального исполнения, который представляет собой возможность выполнения должником своих обязанностей путем исполнения предмета как обычного, так и факультативного обязательства. Изучаемое обязательство достаточно сложное понятие, но сложность возникает в виде специального правомочия, которое появляется у должника при замене основного обязательства факультативным.

Ключевые слова: факультативное обязательство; гражданское право; надлежащее исполнение обязательств; договор; кредитор; должник; предмет обязательства.

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

KOSHELYUK Bogdan Evgenjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

GROUND FOR TERMINATION OF FACULTATIVE OBLIGATIONS

This article discusses the basics of the emergence of facultative obligations in civil law. The alleged obligation entails the proper performance of obligations, based on this thesis, he considers as a guarantee of performance. Such conclusions of an optional obligation as practical implementation are analyzed, which is the possibility of the debtor fulfilling his accidental performance as an ordinary and optional obligation. The obligation under study is a rather complicated solution, but development arises in the form of a private privilege, which includes an action with the debtor when the main obligations are replaced by optional ones.

Keywords: optional obligation; civil law; proper fulfillment of obligations; agreement; creditor; debtor; the subject of the obligation.

Факультативное обязательство в первую очередь направлено на выполнение таких функций как надлежащее и своевременное исполнение обязательства, но при этом исполнении обязательства может осуществляться в натуре, соответственно в данном случае факультативное обязательство выполняет гарантийную функцию. Функциями, которые выполняет факультативное обязательство также является предварительное приобретение права на отказ от предоставления основного обязательства, например по сделке путем предоставления факультативного исполнения, путем приобретения права на освобождения от обязательства, в том числе оно должно выполнять функцию защиты добросовестной стороны обязательства. Факультативное обязательство выполняет функцию поддержания равновесия прав и обязанностей должника и кредитора.

Прекращение факультативных обязательств прямо противоположно их возникновению, так как в первую очередь прекращается юридическая связь субъектов обязательства,

обязанное лицо уже не соблюдает правила поведения, а кредитор не требует от должника определенного поведения.

Подразумеваемые гражданско-правовые условия могут применяться в дополнение к любым письменным условиям отдельного договора. Ответственность за прояснение любых конкретных требований до окончательного утверждения условий контракта лежит на сторонах договора. Целенаправленное воздействие по обеспечению исполнению контракта, где возможно проявятся сложности, следует предпринимать только после тщательного рассмотрения всех сопутствующих сложностей как должником, так и кредитором. Прекращение факультативных обязательств, в своей сущности, понимаются, как завершение гражданско-правового обязательства, где стороны хотят достичь правовых итогов, которые бы удовлетворяли участников обязательства.

Важной темой анализа договорного права является тема о заключении договора и прекращения факультатив-

Ивлиев П. В.

Кошелюк Б. Е.

ных обязательств. Основное правило заключения контракта состоит в том, что контракт признается заключенным, когда по всем основным вопросам обе стороны согласились на условия, которые прописаны в договоре. Это правило считается основным по нескольким моментам. Во-первых, дает возможность сторонам заключать договор. Во-вторых, оно защищает стороны от связывания против их воли из-за того, что они участвовали в переговорах; такая защита от нежелательных обязательств полезна, потому что без нее переговоры, ведущие к заключению контрактов, были бы затруднены.

Другой вопрос, связанный с заключением контрактов, который затрагивает определенное правовое основания по раскрытию информации. Проведенный анализ подчеркивает, что желательность раскрытия полной информации в договоре зависит от ситуации. Например, обнаружение существенного дефекта в доме, который владелец пытается продать, имеет тенденцию быть выгодным; поскольку, если покупатель знает о дефекте, он может принять меры по недопущению ущерба. Но следует ли требовать от нефтяной компании, которая узнает в результате дорогостоящих расследований, что нефть находится под земельным участком, раскрывать эту информацию продавцу участка, который взял кредит в банке? Возможно, нет: в результате такого обязательства по раскрытию информации нефтяные компании будут платить значительно больше за участки земли, проданные с торгов.

Могут возникать ситуации, когда кредиторы прощают долги должнику, тем самым прекращая его обязательство. Отсюда следует, что факультативное обязательство также может быть завершено в связи с тем, что кредитор простит задолженность. Но, в данном случае, результат договоренностей не был достигнут, так как основные его условия не были выполнены окончательно. Поэтому, прощение долга может выступать в качестве основания прекращения обязательства, в том числе и факультативного, но основной результат данного обязательства не достигнут [1].

Рассмотрим прекращение факультативного обязательства исполнением. Имущественный интерес кредиторов желательно удовлетворить исполнением обязательства. По мнению С.Ю. Филиппова, только исполнение является способом достижения целей прекращения обязательства и зафиксирована в нормах права, в качестве конечной правовой цели, представляется полезным для общества [2]. Таким образом, надлежащим исполнением следует признать исполнение основное и факультативное.

Прекращение факультативного обязательства также может осуществляться зачетом. В данном случае нельзя не согласиться с мнением научного сообщества, которое полагает, что такое комплексное понятие как «содержание факультативного обязательства» может определяться только элементарным составом юридических условий, которые регламентированы ст. 410 Гражданского кодекса РФ. Договорными условиями выступают единство требований кредитора, встречность его требований и их наличность.

Факультативные обязательства также могут прекращаться новацией. Эволюционные тенденции международной и российской науки гражданского права основываются на том, что регулирования этой сферы прекращения

обязательств на основании замены первоначального обязательства новацией. В соответствии с информационным письмом Президиума ВАС РФ «Обзор практики применения арбитражными судами ст. 414 Гражданского кодекса РФ» применение новации возможно только по соглашению сторон [3, 4].

Полезность получаемая от использования новации появляется при существовании и действительности первичного обязательства, возникает тогда, когда обязательство прекратилось или является недействующим, то новация не может быть принята.

Факультативное обязательство может быть прекращено невозможностью его исполнения. По нашему мнению, граничными требованиями исполнения обязательства представляется гибель предмета. Наличие обязательственного права в случае, когда факультативное обязательство действует на возмездной или безвозмездной основе, необходимо для того, чтобы правильно определять юридическую ответственность за неисполнение или недопустимое исполнение договоренностей и при каких ситуациях возможна ответственность.

Разберем поподробнее предмет исполнения при общих обязательствах и факультативных. По нашему мнению, данный предмет что в одном случае, что в другом является одинаковым, то есть, что при обычных обязательствах, что при факультативных, в качестве предмета исполнения выступает какая-либо вещь, которую обязанная сторона должна передать уполномоченному субъекту, или услуга, которую лицо, имеющее задолженность, обязано выполнять в пользу кредитора. Отличием между данными обязательствами является то, что факультативное обязательство вытекает из общего, то есть, если должник не может выполнить условия по обычному обязательству, то ему предоставляется возможность выбрать способ исполнения своих обязанностей путем возникновения факультативного обязательства.

Прекращение факультативного обязательства также возможно на основании актов органов государственной власти или местного исполнения.

Факультативное обязательство довольно непростое определение, но сложность возникает в виде специального правомочия, которое появляется у должника при замене основного обязательства факультативным. В том случае, когда факультативное обязательство завершается зачетом, тогда допустимо говорить лишь относительно прекращения основного обязательства, но не факультативного. В том случае если должник воспользуется своими правовыми полномочиями и будет исполнять факультативное обязательство, то можно говорить «о зачетоспособности факультативного исполнения обязательства».

Факультативное обязательство, по нашему мнению, является сложнее чем обычное, так как при обычном предусматривается один определенный способ исполнения своих обязанностей, а вот факультативное обязательство включает в себя несколько способов исполнения должником своих обязательств. В первом случае, кредитор понимает и принимает способ исполнения второй стороной обязательства своих обязанностей, так как первоначальные условия обязательства были согласованы между сторонами, а вот при факультативном обязательстве кре-

дитору приходится принимать удобный для должника способ исполнения его обязанностей, чтобы юридически грамотно решить вопросы кредитора. Поэтому, чтобы не потерять совсем выгоды с данного обязательства, кредитор принимает условия факультативного обязательства. Выбор способа исполнения обязательств обсуждается между сторонами, и следует отметить, что факультативное обязательство по своей структуре не отличается от обычного, единственное что в данном случае меняется, так это сам способ исполнения обязательства. Говоря о выборе, то при факультативном обязательстве такую возможность получает именно должник, кредитор лишь принимает данную ситуацию, так как в его интересах получить исполнения обязательств от должника. При обязательствах иногда бывают споры, которые разрешаются судом. В таком случае, в суд подается иск в отношении основного предмета обязательства.

В соответствии с проведенным анализом, могут быть сделаны следующие выводы:

1) Новированным факультативное обязательство учитывается в том случае, если данное обязательство соответствует действительности, его условия были оговорены между сторонами, возникает новое обязательство, стороны данного обязательства хотят его улучшать без основательных изменений;

2) Факультативное обязательство может прекратиться в том случае, если возникает невозможность его исполнения. Для данной ситуации характерны такие случаи, когда происходят обстоятельства по независящим от сторон данного обязательства причинам, условия обязательства предусматривают случаи прекращения обязательства без привлечения должника к юридической ответственности, возникают случаи, когда должник не может выполнить обязательства, так как для кредитора должна применяться юридическая ответственность;

3) можно сделать следующий вывод, что в настоящее время встречается много ситуаций на практике, которые непосредственно связаны со столкновением норм возникновения и прекращения факультативных обязательств. При это данный вопрос разрешается исключительно путем подробной умозрительной конструкцией, которая позволит добиться юридической чистоты при толковании норм, посвященных факультативным обязательствам и в последующем пресечь вероятные сложности в применении законодательства.

В данной статье были исследованы такие принципы факультативного обязательства, как принцип реального исполнения, который являет собой возможность выполнения должником своих обязанностей путем исполнения предмета как обычного, так и факультативного обязательства, а кредитор должен принять данное исполнение в любом из двух рассмотренных видов; принцип надлежащего исполнения, который являет собой выполнение условий обязательства в надлежащей форме, а именно в нужном месте, в определенный срок, конкретному лицу, специальным способом; принцип содействия сторон, который заключается в том, что должник обязан уведомить кредитора о том, что он приступает к выполнению своих обязанностей по факультативному обязательству.

Основаниями возникновения факультативных обязательств выступают договора и иные формы сделок. Существенными условиями являются: предмет основного исполнения и предмет факультативного исполнения. Юридические факты в виде нанесение вреда не порождают утрату факультативных обязательств, но в совокупности с договором, могут выступать элементом юридического состава, которое подразумевает появление факультативного обязательства.

Задачей законодательного закрепления принципа реального исполнения обязательств является правовая защита интересов сторон обязательства.

Пристатейный библиографический список

1. Клепикова О. Г. Особенности правового регулирования факультативного исполнения обязательства // Юридическая гносеология. 2017. № 3-4. С. 28-30.
2. Джумагулов Д. Д. Основные положения о факультативных обязательствах // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2018. № 10 (26). С. 52-54.
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения 20.01.2022).
4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 № 103 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 1414 Гражданского кодекса РФ» – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.01.2022).

КОВАЛЬ Михаил Иванович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

БЕСЕЛОВА Дарья Владимировна

студент Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИЗЪЯТИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД (ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

В статье анализируются отдельные проблемы применительно к правовому институту изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд как в правовой доктрине, действующем законодательстве Российской Федерации, так и в правоприменительной практике. Обращено внимание на недостатки, стабилизирующие социальные взаимоотношения, связанные с изъятием земельных участков для нужд государства и муниципальных образований. На основе проведенного исследования предлагается внесение некоторых изменений и дополнений в нормативно-правовые акты.

Ключевые слова: изъятие земельных участков, государственные или муниципальные нужды, интересы общества, частный и публичный интерес, недропользование, аренда, торги, гражданское законодательство, земельное законодательство.

KOVAL Mikhail Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Training of Public Servants of the Academy of the FPS of Russia

VESELOVA Darya Vladimirovna

student of the Institute of Training of State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

SEIZURE OF A LAND PLOT FOR STATE OR MUNICIPAL NEEDS (CIVIL LAW ASPECT)

The article analyzes individual problems in relation to the legal institution of the seizure of land plots for state and municipal needs both in the legal doctrine, the current legislation of the Russian Federation, and in law enforcement practice. Attention is drawn to the shortcomings that stabilize social relationships associated with the seizure of land plots for the needs of the state and municipalities. On the basis of the conducted research, it is proposed to introduce some amendments and additions to regulatory legal acts.

Keywords: seizure of land plots, state or municipal needs, public interests, private and public interest, subsoil use, lease, auctions, civil legislation, land legislation.

Институт изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд носит комплексный характер, в том числе регламентируется отнюдь не исключительно положениями норм земельного и гражданского законодательства, но и конституционного, административного, муниципального, градостроительного, жилищного и иных отраслей права. Вследствие этого на практике появляется несколько вопросов, предопределенных присутствием как недостатков законного регулирования данного института, в частности и существующих противоречий, а также коллизий. К сожалению, в функционирующем правовом поле Российской Федерации никак не зафиксировано конкретное определение понятия «государственные и муниципальные нужды».

Так некоторые авторы рассматривают нужды относящиеся к государственным или муниципальным, как справедливо образовавшуюся потребность Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования в использовании участка земли с целью предоставления общественно важных заинтересованностей и потребностей общества в полной их взаимосвязи с осуществлением международных обязательств, расположением объектов, которые обладают государственным и муниципальным значением, а также другими обстоятельствами, которые устанавливаются действующим законодательством [1, с. 11].

Другие ученые под государственными нуждами, а также муниципальными нуждами понимают «конкретизированные законодательством справедливо образовавшиеся соци-

ально важные потребности, потребность в удовлетворение которых определена интересами обширной области субъектов» и какие реализуются в определенном законодательством режиме публично-правовыми образованиями [2, с. 34].

Помимо всего вышеуказанного, в ст. 35 Конституции нашего государства предусмотрено, что право частной собственности охраняется законом. В ней указывается на то, что ни один гражданин в принципе не может быть лишен своего имущества не иначе как по решению суда, а в случае принудительного лишения права собственности в пользу государства имущество может быть изъято только в случае предварительного равнозначного возмещения его реальной стоимости¹.

Подробный анализ содержания статей Конституции Российской Федерации подводит к умозаключению о том, что право собственности лица на земельный участок сохраняется за субъектом правоотношений не только по его собственной воле, но и до тех пор, пока не будет принято мотивированное решение суда о принудительно проводимой и законной конфискации объектов имущества и прекращении на него права собственности. В ч. 2 ст. 235 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) приведен ориентированный список при-

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

чин, согласно которому по результатам судебного процесса управомоченный на то орган государственной власти в праве осуществить принудительное отчуждение частного имущества.² В данном списке перечислены большинство оснований, которые предусматривают законные причины для принудительного отчуждения прав собственности на земельный участок, которые согласуются с недобросовестным поведением собственника, то есть невыполнением им обязательств, которые закрепляются законодательно или на основании договора.

Уместно подчеркнуть, что согласно данного списка принудительное отчуждение (изъятие) имущества допустимо также в тех вариантах, если владелец данной собственности никак не про штрафилился, а напротив – поддерживал его, беспокоился о нем и применял данную территорию надлежащим образом. Одно из указанных выше оснований отчуждения объектов собственности сводится к принудительному изъятию земли для восполнения потребностей государства или муниципальных образований.

В ряде статей Земельного кодекса Российской Федерации (ЗК РФ) зафиксирован процесс отчуждения земли только с целью удовлетворения муниципальных либо государственных потребностей в ограниченных рамках.

Отчуждение собственности с целью удовлетворения муниципальных либо государственных потребностей возможно лишь в конкретных определенно-исключительных случаях, приведенных в ст. 49 ЗК РФ, среди которых отсутствует такое основание, как пользование недрами для добычи полезных ископаемых³. Логично умозаключение о том, что использование недр с целью добычи месторождений полезных ископаемых физически невозможно без использования земельных участков, на территории которых данные месторождения располагаются, в связи с вышеуказанным в ст. 25.1 Закона «О недрах» отдельно отмечен тот факт, что участки земли, которые, помимо всего прочего, находятся в собственности государства или муниципального образования, а также которые являются необходимыми для разработки полезных ископаемых и последующего недропользования, могут сдаваться в аренду пользователям недр. Следует отметить, что последнее возможно и без проведения торгов. Необходимо отметить, что список определенных поводов изъятия участков земли для государственных или муниципальных нужд, которые перечисляются в ст. 49 ЗК РФ, не является исчерпывающим и в отдельных конкретных случаях при соблюдении условий других нормативных актов может быть расширен.

В подпункте 3 указанной статьи содержится отсылка к другим смежным федеральным законам. Так, исходя из ст. 25.2 Закона «О недрах», становится ясно, что конфискация земли для подобных нужд, в том числе лесных территорий, допускается только в случае, если данные участки земли являются категорически необходимыми для проведения работ, направленных на использование недр⁴.

Буквальное толкование изложенной выше правовой нормы позволяет говорить о том, что она не является импе-

ративной, а, следовательно, при ее применении могут возникать споры, связанные с обязательностью отчуждения объекта собственности, а именно участка земли. Данный факт служит обоснованием нашего предложения о включении в статью 49 ЗК РФ нормы, предусматривающей принудительное изъятие земельного участка, необходимого для пользования недрами в целях добычи полезных ископаемых.

Представляется, что указанное основание, отчуждение участка земли, будет иметь исключительный характер, как и другие существующие положения в этой статье. Несомненно, это будет являться в полной мере гарантией прав недропользователей на земельный участок.

Помимо предложенного, в значительной степени, не последней по значимости выступает ситуация, при которой возникает заметная необходимость разделения участка земли для последующего недропользования. Рассматривая споры, которые возникают в процессе принятия решения о разделении земли, суды либо отказывают в удовлетворении требований истца о разделении, защищая интересы правообладателей земельных участков, либо же удовлетворяют интересы недропользователей в силу исключительного характера их деятельности [3, с. 99].

Наглядным примером является вполне обоснованное решение арбитражного суда ЗСО от 16.07.2018 г. по делу № А45-40495/2017, где общество обратилось к Росимуществу с иском о разделе исходного участка земли, предоставленного департаментом лесного хозяйства в аренду истцу, с выделением участка, который необходим для недропользования, а именно с целью последующего образования на его территории участка санитарно-защитной зоны в рамках проекта горного отвода.

Заинтересованная сторона Территориальное управление Федерального агентства по управлению государственным имуществом не предпринимала никаких активных действий для удовлетворения иска общества, в результате чего между последними возник спор касательно земельного участка. По итогам продолжительного судебного разбирательства было определено, что оспариваемый участок земли являлся собственностью Российской Федерации, но при этом отнесен к категории земель сельскохозяйственного назначения, помимо вышеуказанного отсутствуют притязания третьих лиц на данную территорию. В процессе проведения ряда судебных заседаний было принято законное решение о разделе земли, так как оснований для отказа в разделе оспариваемой территории суд не установил⁵.

Исследуя перечень способов, используемых органами государственной власти для отчуждения права собственности на земельные участки, мы считаем необходимым отметить национализацию, реквизицию, конфискацию, выкуп и изъятие участка земли у его собственника по причине его ненадлежащего, либо противозаконного использования, однако уместно отметить, что наиболее лояльный способ изъятия земель является выкуп участка. Указанная мера государственного отчуждения права собственности на объект осуществляется на основании норм законодательства, указанных в ст. 279-283 ГК РФ, а также на основании ст. 45, 46, 49, 55, 63 ЗК РФ. В своей сущности выкуп земли – это конкретные законодательно регламентированные действия уполномоченных на

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): на 28 июля 2021 год. - Москва: Издательство АСТ, 2021.

3 Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> - 30.12.2021.

4 Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 11.06.2021) «О недрах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. - 06.03.1995. - № 10. - Ст. 823.

5 Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 июля 2018 г. по делу № А45-40495/2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/KPDfEGo6WbLB/> (дата обращения: 04.12.2021).

муниципальных или государственных органов и служащих, направленных на прекращение права собственности у частного либо юридического лица на определённый земельный участок, а также других недвижимых объектов, которые расположены на нём, для удовлетворения публичных интересов государства, муниципального образования и общества в целом.

Одним из существенных условий выступает цена земли, определение которой производится путем заключения договоренности между собственником земли и публичным образованием в рамках ст. 281 ГК РФ. Отношения касательно выкупа участка земли могут развиваться в двух диаметрально противоположных направлениях: в одном случае при наличии полного согласия собственника стороны максимально оперативно и эффективно приходят к соглашению, в результате чего оформляется договор купли-продажи либо мены. В другом случае при несогласии собственника земельного участка процесс разрешения спора становится гораздо дольше и сложнее, как правило это может произойти в том случае, когда невозможно достигнуть взаимовыгодных условий соглашения о цене, либо иных условиях приобретения земли [4, с. 55].

Важно, однако, заметить, что даже в случае полного и категорического несогласия собственника участка земли согласно ст. 282 ГК РФ орган государственной власти либо должностное лицо органа государственной, либо орган местного самоуправления в праве предъявить иск о намерении осуществления выкупа права собственности на земельный участок по прошествии трех лет, с момента уведомления правообладателя об отчуждении права собственности на участок и объекты недвижимости, которые располагаются на нём. В результате судебного решения изъятие такого земельного участка может быть произведено и против воли собственника. По данной причине в основной массе ситуации у владельца имеется 2 выхода: выразить согласие на порекомендованные иные земельные участки, оптимальные по масштабам и удобству расположения, или выразить согласие на валютную оплату согласно рыночной стоимости участка.

В случае наличия несогласия собственника участка с высокой долей вероятности будет изъят из его собственности по решению суда.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, о том, что на стадии развития отечественного законодательства у владельца имеется не столь большое количество способов, направленных на правовую защиту собственного имущества. В частности, у государства имеется довольно большое количество рычагов давления с целью свершения собственных интересов, касательно отчуждения и использования земельных участков. Такой расхождение в сторону удовлетворения государственных интересов в земельном законодательстве, в определенной степени, оказывает негативное воздействие на желание и стремление граждан в приобретении земли в свою личную собственность с целью последующего использования с учетом личных интересов.

На наш взгляд, институт изъятия земли для удовлетворения нужд государства и муниципальных образований регулируется с помощью различных по своему характеру и правовой силе нормативных актов, что существенно затрудняет работу органов государственной власти, государственных служащих и судов.

На данный момент назрела необходимость и потребность привести действующее законодательство к общему «знаменателю». Логичнее в целом допустить то, что таким

единым нормативным актом должен быть только Земельный кодекс РФ. Но при этом необходимо отметить, что зачастую суды признают акты органов государственной исполнительной власти и органов местного самоуправления незаконными, если изъятие земельных участков идет в разрез с принципом исключительности, заложенному в ст. 49 ЗК РФ, и не подпадающая под основания изъятия земельного участка, указанные в ней.

В результате такого подхода, предлагается в статье 49 ЗК РФ пользование недрами для добычи полезных ископаемых зафиксировать как основу изъятия участков для удовлетворения государственных и муниципальных нужд. В соответствии с этими факторами считаем оправданным увеличить и список объектов государственного и муниципального значения, дополнив его объектами разработки месторождений полезных ископаемых.

В результате приведенного выше подхода, становится очевидным, что разрешение отмеченных вопросов в процессе законного регулирования процедуры конфискации земель будет предотвращать и значительно уменьшит многочисленные дискуссии и споры о правомерности прекращения права собственности на земельные участки.

Пристатейный библиографический список

1. Макаrchук Н. В. Спорные вопросы правового регулирования изъятия земельного участка для государственных и муниципальных нужд // *Законы России: опыт, анализ практика*. - 2017. - № 8. - С. 11-15.
2. Дибирдеев А. В. Проблемы определения государственных и муниципальных нужд при изъятии земельных участков // *Государственная власть и местное самоуправление*. - 2019. - № 1. - С. 34-37.
3. Якина А. В. Основания изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд // *NovaUm.Ru*. - 2020. - № 25. - С. 99-101
4. Азорин М. Ю. Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд при реализации проектов развития территорий // *Global and Regional Research*. - 2020. - Т. 2. - № 1. - С. 55-60.

КОСЕНКО Ольга Александровна

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета

САФАРОВ Владислав Раильевич

старший преподаватель кафедры гражданского и уголовного права и процесса Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета

АБРАМОВА Вероника Александровна

студент 4 курса Факультета экономики и права Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ ТРУДОВЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ПЕРИОД КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (COVID-19)

В статье рассматривается развитие удалённой работы на примере пандемии в России, также некоторые ограничения и изменения трудовых отношений между работодателем и работником в данный период. Рассмотрено российское законодательство касаясь принципов ограничения прав и свобод населения. Приведены примеры мер поддержки государства в отношении работодателей, граждан в период Covid-19. Произведен анализ, опирающийся на статистические данные по переводу сотрудников на удаленную работу, а также были рассмотрены и перечислены основные способы данного перевода.

Ключевые слова: пандемия, удалённая работа, трудовое законодательство, работник, работодатель, человек, гражданин, трудовые отношения.

KOSENKO Olga Aleksandrovna

senior lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty of the Sibai Institute (branch) of the Bashkir State University

SAFAROV Vladislav Railevich

senior lecturer of Civil and criminal law and process sub-faculty of the Sibai Institute (branch) of the Bashkir State University

ABRAMOVA Veronika Aleksandrovna

student of the 4th course of the Faculty of Economics and Law of the Sibai Institute (branch) of the Bashkir State University

SOME FEATURES OF THE DEVELOPMENT AND RESTRICTIONS OF HUMAN AND CIVIL LABOR RIGHTS DURING CORONAVIRUS INFECTION (COVID-19)

The article examines the development of remote work on the example of the pandemic in Russia, as well as some restrictions and changes in the labor relations between the employer and the employee during this period. The Russian legislation concerning the principles of restriction of the rights and freedoms of the population is considered. Examples of state support measures for employers and citizens during the Covid-19 period are given. An analysis was made based on statistical data on the transfer of employees to remote work, and the main methods of this transfer were considered and listed.

Keywords: pandemic, remote work, labor legislation, employee, employer, person, citizen, labor relations.

В 2019 году весь мир столкнулся с такой болезнью и вирусом как Covid-19 и связи с этим многие люди, работодатели, предприятия и различные организации перешли на удаленную работу. Это произошло в связи с массовой заболеваемостью, смертностью людей из-за данного вируса.

Для защиты своего населения большинство государств начали борьбу с вирусом, но при этом они постепенно ограничивали базовые права и свободы граждан. Примером данных ограничений будет являться обязанность не покидать своё место жительства, исключением будет выход за продуктами питания или в ближайшую аптеку, также примером будет служить запрет на проведение или посещение различных культурно-массовых мероприятий и т.д. [1, с. 53].

Ограничениями в данной ситуации возможны только в рамках федерального закона, чтобы они не противоречивали правам человека в Российской Федерации. Безусловно данная позиция оспорима не может быть, но на практике было выдвинуто мнение о том, что законодателю лучше обращаться к федеральным конституционным законам.

В Конституции РФ указаны принципы ограничения прав и свобод в рамках особых правовых режимах это относится только к ЧП, но также и в условиях военного положения. Согласно этому необходимым для граждан является предоставление им возможности их эвакуации на другую, более безопасную территорию. Также примером будет являться приостановление деятельности организаций, находящихся на территории, где происходят боевые действия и т.д.

Безусловно, государство не только ограничивало некоторые права своих граждан, но и способствовало их защите. Например, до пандемии удалённая работа была не особо актуальна, не пользовалась такой популярностью. Многим работодателям пришлось переходить на «удалёнку» для того, чтобы не останавливать свою трудовую деятельность [2, с. 367].

Во время пандемии коронавирусной инфекции была выделена проблема – не оказывалась поддержка предпринимательству, а государство в свою очередь предприняло меры поддержки, которые помогли устранить эту проблему. Например, со стороны государства были выделены субсидии для поддержки малого и среднего бизнеса в Российской Федерации, также была поддержка в виде налоговых каникул и т.д. Эти все действия помогли не пострадать российскому бизнесу, чтобы бизнес не потерял денежные средства, а наоборот развивался.

Обращаясь к статистическим данным приведённым на диаграмме 1 основанной на результатах исследования проведёнными РАЭК совместно с НИУ ВШЭ и Microsoft в России мы видим, что начиная с весны 2020 года большинство компаний, а именно 54 % начали переходить на «дистанционную» работу в связи с эпидемической ситуацией в стране и мире в целом. В свою очередь, когда до этого времени лишь 1% жителей был на удаленной работе, во время данной эпидемиологической ситуации произошёл скачек перехода на дистанционную работу сотрудников [6].

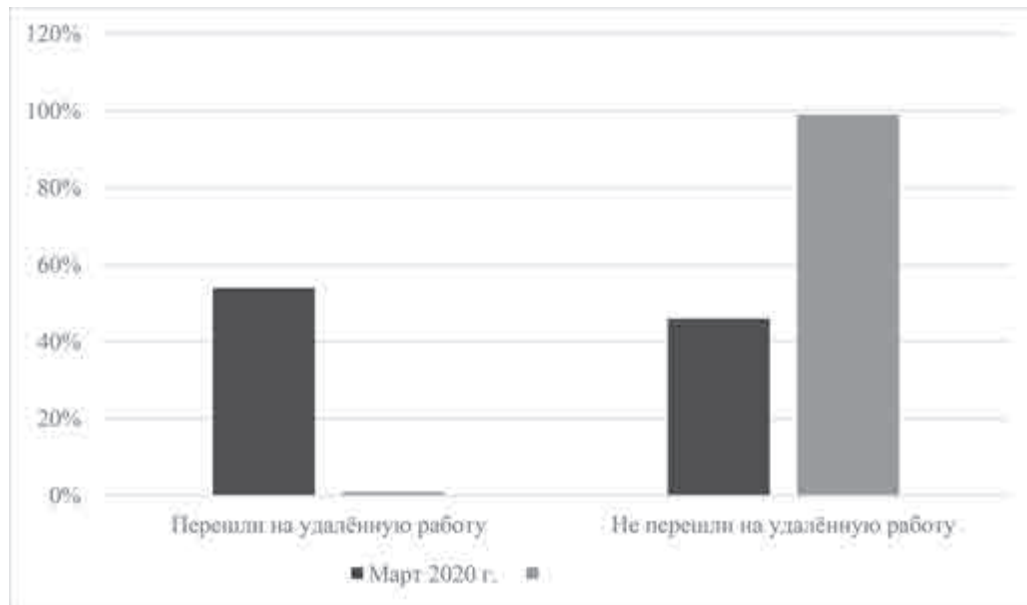

Диаграмма 1.

Был предпринят переход на «удалённую» работу по отношению к некоторым работникам, это было необходимо со стороны государства по предпринятию мер поддержки для своих трудоспособных граждан, ведь им нужно было продолжать работать, а также зарабатывать денежные средства на удовлетворение своих различных жизненных потребностей, а некоторые предприятия могли продолжить работу и удаленно. При переходе на удалённую работу работодатели столкнулись с таким вопросом как: «Какие необходимо оформить или переоформить документы, трудовые договора со своими сотрудниками, работниками?»

При переводе работника на перечисленные выше трудовые условия работодатель понимает, что действие трудового законодательства и иных актов аналогично используется и при удалённой работе, что не приведет к нарушению законодательства.

Регулирование и регламентацию труда дистанционных работников относится к главе 49.1 ТК РФ, где прописан регламент, порядок оформления и переоформления работника, принятие его на работу [3, с. 65].

Для работников кадров и работодателя возникают сложности при переоформлении трудоустроенного работника на условия дистанционной работы, так как трудовое законодательство, а именно ТК РФ не содержит нормы, которые помогли бы регулировать данное переоформление в период Covid-19. Таким образом, можно выделить способы перевода сотрудника на «удалёнку»:

Во-первых, заключить дополнительное соглашение к трудовому договору, так как происходят изменения условий данного договора. При этом способе необходимо соблюдение некоторых условий – наличие соглашения сторон трудового договора и заключение соглашения в письменном виде. Данные условия регламентируются статьёй 72 рассмотренного ранее нами кодекса.

С началом пандемии, которую признали массовым обстоятельством неопределимой силой, сотрудник может обратиться к своему работодателю с просьбой перевести его на удалённую работу, для этого ему нужно будет написать заявление на смену формата работы, если такой формат возможен, а также рекомендуется указать уважительную причину для перевода [4, с. 46].

Сотрудниками кадровой службой готовится дополнительное соглашение, где указываются условия работы и сроки, но бывает и такое, что в худшем случае данная работа может стать и постоянной. Работодатель при переводе на «удалёнку» безусловно должен убедиться в производственных возможностях своего сотрудника, который желает перевестись на такие условия труда, а это значит, что работодатель удостоверится в том, есть ли ресурсы у работника на выполнение своей работы удаленно либо должен предоставить ему всё необходимое для её выполнения.

Также работодатель обязан предусмотреть для работника помимо дополнительного соглашения – время отдыха и труда, размер заработной платы, обмен служебной документацией и т.д. [5, с. 296].

Во-вторых, оформить сотруднику временный перевод, но при условии, что срок не будет превышать один месяц, согласно абз. 2 ст. 72.2 ТК РФ в любых исключительных случаях перевод возможен и без согласия работника, но на срок не более одного месяца на необусловленную работу для предотвращения этих ситуаций.

Этот переход должен быть официально оформлен, т.к. на практике недобросовестные работодатели таким образом неофициально отправляют на такую форму работы, а потом за прогулы увольняют своих работников. Данная работа не может считаться отпуском по вынужденным обстоятельствам за свой счёт. Сотрудники должны также получать свою заработную плату в полном объёме.

При временном приостановлении работы в случае простоя рабочий процесс приостанавливается от независящих от работодателя и работника обстоятельств, например, по причине экономического или технологического характера. В этом случае работодатель должен издать приказ о простое указывая время начала и предположительного его завершения, причина возникновения и тому подобное.

Таким образом, пандемия дала мощный толчок в развитии удалённой работы работников и работодателей. Данный толчок рассмотрен на примере статистики 2020 года, также на сегодняшний день выделили два способа перехода на дистанционный формат работы сотрудников. Безусловно, рассмотренная нами трудовая сфера будет развиваться и совершенствоваться в будущем, конечно же, будут созданы новые этапы развития защиты и ограничения данных отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Алиев Д. Т. Право работника на защиту своего достоинства: проблемы реализации и перспективы развития // Научный поиск. – 2015. – № 1. – С. 53.
2. Амаглобель Н. Д. Трудовое право: учебник для вузов. – М.: УНИТИДАНА: Закон и право, 2012. – С. 367.
3. Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права. Т. 1. – М.: Проспект. – 2003. – С. 65.
4. Плотников С. И. Ограничение прав и свобод граждан в период распространения новой коронавирусной инфекции (covid-19): проблемы теории и практики // Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 6. – С. 46.
5. Скобелкин В.Н. Трудовые правоотношения. – М.: Вердикт-1М. – 2000. – С. 296.
6. Эксперты выяснили, сколько российских компаний перешли на удаленку. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20200818/1575920589.html> (дата обращения: 19.12.2021).

КУРБАТОВА Галина Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии и ФСИН России

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВЫХ СТИМУЛОВ И ПРАВОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

В статье затрагиваются вопросы, связанные с факторами эффективности правовых стимулов и правовых ограничений, анализируются причины и условия возникновения проблем на современном этапе регулирования, рассматриваются обстоятельства, способствующие наибольшей реализации ценности права, актуализируются препятствия в виде коррупционных факторов, исследуется взаимосвязь правовых стимулов и правовых ограничений.

Ключевые слова: правовые стимулы, правовые ограничения, гражданско-правовое регулирование, эффективность правоприменения, мотивация поведения.

KURBATOVA Galina Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor, senior lecturer of Civil Law and process sub-faculty of the Institute of Training of State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

EFFICIENCY OF LEGAL INCENTIVES AND LEGAL RESTRICTIONS IN CIVIL REGULATION

The article touches upon issues related to the factors of the effectiveness of legal incentives and legal restrictions, analyzes the causes and conditions for the emergence of problems at the present stage of regulation, considers the circumstances that contribute to the greatest realization of the value of law, actualizes obstacles in the form of corruption factors, examines the relationship of legal incentives and legal restrictions.

Keywords: legal incentives, legal restrictions, civil regulation, efficiency of law enforcement, motivation of behavior.

Курбатова Г. В.

Ананьева Е. О.

Общеизвестно, что общественные отношения в современном мире развиваются и функционируют не хаотично и разрозненно, а под влиянием предусмотренных законом механизмов регулирования, ведь именно при наличии специального регулирования можно рассчитывать на то, что общественные отношения будут эффективными и способствуют полноценному развитию человеческого социума. Вопросы, касающиеся механизмов регулирования общественных отношений, были актуальными на протяжении всех этапов развития человечества. И если в древние времена данные механизмы, как и сами общественные отношения, носили примитивный характер, то в современном мире ситуация кардинальным образом изменилась. Многообразие различных форм и проявлений современных общественных отношений делает необходимым наличие таких категорий, как правовые стимулы и ограничения, особенно применительно к гражданско-правовому регулированию, так как именно в этой отрасли права субъекты правоотношений изначально находятся в равном правовом положении.

Вопросы, касающиеся повышения эффективности правоотношений в современном обществе, являются актуальными на протяжении всего исторического этапа развития права. На разных временных промежутках были популярны различные механизмы повышения эффективности правоотношений, каждый из которых, безусловно, имел свой положительный эффект. Однако, по нашему мнению, многое в современных правоотношениях, независимо от конкретной отрасли права, зависит от того, насколько эффективно будут использоваться правовые стимулы и правовые ограничения, процесс разработ-

ки которых должен быть постоянным, планомерным и иметь цель – эффективное регулирование общественных отношений [1, с. 39].

Как уже было аргументировано и доказано в рамках данного исследования ранее, и правовые стимулы, и правовые ограничения в современном праве выполняют важную роль. Они гармонизируют общественные отношения, направляют субъектов на совершение правомерных поступков и воздерживают их от совершения правонарушений, формируют правильное правосознание у взрослеющих личностей. При этом, чтобы правовые стимулы и ограничения положительным образом влияли на общественные отношения, необходимо, чтобы они сами показывали высокие результаты в эффективности.

Как известно, и правовое регулирование и правовое ограничение должно начинаться с постановки цели, затем необходимо провести анализ мотивационных ценностей субъектов, на которых необходимо оказать воздействие с помощью права и понять, что именно для них является ценным в данный момент времени, далее следует детально проработать механизм претворения мотивационных направляющих субъектов сквозь призму правовых норм, после чего начать процесс стимулирования и ограничения, постоянно контролируя ситуацию с целью возможного вмешательства, если будет очевидно, что используемые ценностные ориентиры и мотивация не работают и надо вносить изменения.

Соответственно, право в механизме реализации стимулов и ограничений должно выступать в роли главного социального блага, общественной ценности, которая с помощью правового

стимулирования создает возможности для удовлетворения потребностей субъектов, а путем правовых ограничений сдерживает возможные незаконные проявления, тем самым оберегая одних лиц от нарушения их прав и наступления иных негативных последствий, а других от привлечения к ответственности. Исходя из этого, нам представляется вполне очевидным тот факт, что правовые стимулы и правовые ограничения только тогда будут признаны эффективными, когда в них самих будет отчетливо прослеживаться ярко выраженная социальная ценность.

Стоит разобраться с самим термином «эффективность», который так часто применяется в повседневной жизни применительно к тому или иному явлению. В наиболее общем понимании эффективность – это свойство того или иного предмета, позволяющее ему достичь того результата, для которого он и был создан [4, с. 935]. Эффективными в этой связи можно рассматривать в качестве показателя производительности труда социальной ценности правовых стимулов и ограничений, которая наглядно демонстрирует их КПД и продуктивность.

Так что же необходимо для того, чтобы сделать правовые стимулы и правовые ограничения наиболее эффективными? Как повысить их социальную ценность? Подобные вопросы уже не раз возникали в юридической науке и на них давались различные ответы. Несмотря на разрозненность точек зрения относительно механизмов достижения эффективности правовых стимулов и ограничений, подавляющее большинство исследователей сходится во мнении, что условиями эффективности являются обстоятельство, с одной стороны, способствующие наибольшей реализации ценности права, позволяющей полнее удовлетворять интересы людей, а с другой, сопутствующие факторы для действий индивида по достижению этой ценности, по ее использованию. Говоря конкретнее:

- все применяемые и используемые правовые стимулы и ограничения должны соответствовать мотивации и ценностям ориентирам субъектов, в отношении которых они направлены;

- совершенствование законодательства и правоприменительной деятельности, так как даже грамотно и продуманно составленные стимулы и ограничения будут показывать низкий уровень эффективности, если они будут нелогично применяться в правоприменительной деятельности;

- высокий уровень правовой культуры общества и отдельной личности – если уровень правовой культуры низок, то любые стимулы и ограничения будут игнорироваться и презираться как отдельным субъектом, так и всем обществом;

- общий уровень законности и правопорядка в обществе должен быть на высоком уровне, иначе любые усилия по стимулированию или ограничению будут сведены к нулю;

- все применяемые правовые стимулы и ограничения должны быть не разрозненны, а дополнять друг друга, создавать единый вектор общеправовой направленности и ни в коем случае не противоречить друг другу.

Помимо вышеизложенного, особо подчеркнем, что и правовые стимулы, и правовые ограничения, должны быть понятны и конкретны в своих формулировках, так как и те и другие выступают носителем юридической информации, посредством которой осуществляется воздействие на правосознание субъектов [3, с. 137]. Именно поэтому они должны содержать в себе максимум конкретики, отсутствие расплывчатости и явно показывать субъекту мотивационную составляющую его действий/бездействия.

Рассмотрев наиболее общие условия эффективности правовых стимулов и правовых ограничений, необходимо заострить внимание и на тех факторах, которые могут оказать отрицательное влияние на данный процесс. В частности, негативным образом на степени эффективности правовых стимулов и правовых ограничений может сказываться наличие различного рода препятствий, которые снижают ее, увеличивая затраты в разных сферах социальной деятельности. Кроме того, дополнительное освещение указанных препятствий может способствовать раскрытию сущности и содержания имеющихся проблемных моментов, что укажет направления возможного совершенствования имеющихся упущений и преобразования их в преимущества.

Говоря о препятствиях при реализации правовых стимулов и правовых ограничений, следует помнить, что они представляют собой некие барьеры объективной реальности, которые ввиду своей объемности и распространенности мешают реализации правовых стимулов и ограничений, что негативным образом сказывается на их эффективности [2, с. 87]. В качестве одного из основных препятствий на пути эффектив-

ной реализации правовых стимулов и правовых ограничений выступает недостаточность нормативно-правового регулирования. Зачастую на практике складывается ситуация, при которой тот или иной стимул или ограничение не могут найти должного отклика ввиду того, что для них не подготовлена нормативно-правовая основа, а та, что уже действует, не способна отвечать потребностям и принципам, заложенным в стимуле или ограничении. В этой связи недостаточность нормативно-правового регулирования выступает в роли антистимула, когда все упирается в то, что законы просто не успевают за развитием мотивационной составляющей стимулов и ограничений.

Также процесс эффективной реализации правовых стимулов и правовых ограничений затрудняет неправильно выбранная правовая политика законодателя, который может сконструировать некоторые правовые нормы таким образом, что стимул сделать одно действие будет противоречить стимулу совершить другое. Подобная недоработка часто встречается на практике, когда речь заходит о соотношении разнородных отраслей права. Следствием этого является возникновение коллизий, юридических конфликтов, при которых говорить об эффективности крайне затруднительно.

Не стоит забывать и о наличии препятствий в виде коррупционных факторов. Так, например, в практике нередки случаи, когда некоторые правовые стимулы не работают лишь потому, что субъекты, на которых они направлены, уверены в том, что у них не получится извлечь из этого выгоду ввиду того, что должностные лица, участвующие в данном процессе, будут удовлетворять личные интересы и склонять граждан к даче взятки или иного материального поощрения. В этом отношении также необходимо проводить слаженную работу.

Препятствия, затрудняющие эффективность реализации правовых стимулов и правовых ограничений весьма многогранным, и встречаются на самых различных уровнях. В этом отношении существенным подспорьем может стать внедрение процесса оптимизации. Оптимизировать процессы правового стимулирования и правового ограничения – значит максимально повысить их эффективность при данных условиях и существующих препятствиях. Поэтому оптимальность является своеобразной кульминационной точкой (апогеем) эффективности правовых стимулов и правовых ограничений.

Следовательно, между эффективностью правовых стимулов и правовых ограничений и их дефектностью существует тонкая грань, которая проявляется при столкновении интересов различных субъектов. В частности, далеко не каждый субъект правоотношения заинтересован в их гармоничном функционировании. Многие из субъектов преследует лишь личную выгоду, что тоже говорит об их низкой правовой культуре, на которую достаточно проблематично повлиять. Необходимо постоянно подстраиваться под изменения общественных отношений, чтобы уследить за тем, в чем проявляется мотивация субъектов, какого их ценностные ориентиры и потребности, на чем следует делать акцент законодателю и правоприменителю, учитывая тот факт, что в настоящий момент индивидуальные ценности явно преобладают над коллективными. Кроме того, следует бороться с имеющимися препятствиями, которые затрудняют реализацию правовых стимулов и правовых ограничений. Как показало проведенное исследование, они встречаются достаточно часто и проявляются в различных формах, что свидетельствует о необходимости проведения разноплановых мер противодействия.

Пристатейный библиографический список

1. Бял В. С., Трипутин С. Н. Юридическая техника как средство повышения эффективности правового регулирования общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2018. - № 1. - С. 36-41.
2. Борцов А. В., Кагдаков А. Ю. «Юридические препятствия» в понятийно-категориальном аппарате правовой науки // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». - 2017. - № 4. - С. 85-90.
3. Волкова Н. С. Эффективность права и модернизация экономики // Журнал российского права. - 2015. - № 2. - С. 135-139.
4. Штеле Е. А., Вечерковская О. Б. К вопросу о понятии «эффективность» // Экономический анализ: теория и практика. - 2017. - № 5. - С. 933-936.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-2-165-160-161

ЛЫСЕНКО Нелли Алексеевна

магистр права, старший преподаватель кафедры языкознания и иностранных языков Российского государственного университета правосудия

БУРЯК Виктория Анатольевна

доцент кафедры языкознания и иностранных языков Российского государственного университета правосудия

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ «УМНЫХ ДОГОВОРОВ» В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Статья посвящена исследованию перспектив применения смарт-контрактов. Исследуется понятие смарт-контракта и основные подходы к его пониманию. Отмечаются некоторые правовые проблемы, связанные с практическим использованием смарт-контрактов. Описывается специфика исполнения обязательств из смарт-контрактов. Автор предлагает поправки в действующее законодательство, необходимые для использования смарт-контрактов на практике.

Ключевые слова: смарт-контракт, сделка, блокчейн, договор, гражданское право, трудовое право.

LYSENKO Nelly Alekseevna

master in Law, senior lecturer of Linguistics and foreign languages sub-faculty of the Russian State University of Justice

BURYAK Viktoriya Anatoljevna

associate professor of Linguistics and foreign languages sub-faculty of the Russian State University of Justice

Perspectives of "smart contracts" applying in Russian legislature

The article is devoted to the perspectives of "smart contracts" application. The notion of 'smart contracts' and its general approaches are examined. Several legal issues concerning practical application of 'smart contracts' are mentioned. The author suggests amendments to the current legislature necessary for using smart contract in practice.

Keywords: smart contract, transaction, blockchain, agreement, civil law, labour law.

Лысенко Н. А.

Буряк В. А.

Смарт-контракты являются продуктом информационного общества. Их появление связывается с изобретением новых компьютерных алгоритмов, предоставляющих возможность сохранять и передавать информацию об обладании какими-либо цифровыми или иными правами. Впервые, по мнению современных исследователей, определение смарт-контракта было дано в 1994 г. Под смарт-контрактом тогда понимался «...компьютерный протокол, который самостоятельно проводит сделки и контролирует их исполнение с помощью математических алгоритмов» [2, с. 52]. В контексте этого определения предлагается разделять смарт-контракты на два вида: первые выполняют доказательственную функцию, т.е. не подменяют собой саму сделку, совершаемую в иной форме, а вторые – представляют собой разновидность сделок, полностью подменяющих собой документ, т.е. речь идёт о новой форме сделок. Во втором смысле предлагает понимать смарт-контракты Банк России: «Смарт-контракт – это сделка, исполняемая автоматически при наступлении заранее определенных сторонами условий» [4, с. 19]. Интерес, уделяемый Центральным Банком России смарт-контрактам, позволяет сделать вывод о высокой актуальности проблематики нормативного регулирования этой сферы общественных отношений.

Однако под смарт-контрактом может пониматься не только сделка. С точки зрения информатики смарт-контракт представляет собой компьютерную программу или фрагмент кода компьютерной программы, предназначенные для реализации определённой задачи. В этом случае поня-

тие «смарт-контракт» становится намного шире, однако по-прежнему охватывает и сделки [3].

Эта двойственность понимания приводит к необходимости нормативного определения содержания понятия смарт-контракта. Целесообразным, на наш взгляд, является дополнение статьи 160 Гражданского кодекса РФ в пункте 1: «Письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, а равно в форме смарт-контракта <...>» В целом подход к пониманию смарт-контракта как одного из вариантов письменной формы сделки является довольно распространённым. Обзор некоторых доктринальных взглядов на эту тему можно найти в статье «Смарт-контракты: как они работают и зачем нужны» на портале Право.ру [5].

Кроме того, необходимо включение в Гражданский кодекс РФ нормы-дефиниции, раскрывающей понятие смарт-контракта. В этом смысле можно использовать определение, предлагавшееся в рамках Проекта Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах»: «Смарт-контракт – договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределённом реестре цифровых транзакций в строго определённой таким договором последовательности и при наступлении определённых им обстоятельств» [1]. В окончательную

редакцию закона оно не вошло, однако в целом пригодно для целей гражданско-правового регулирования.

Исходя из специфики формы смарт-контракта также вытекают несколько правовых проблем. Так, смарт-контракт, являющийся договором, излагается с помощью языка программирования. Языки программирования имеют ряд существенных отличий от естественных языков. В силу этого для интерпретации текста смарт-контракта необходимо наличие специальных технических знаний, которыми юристы в большинстве своём не обладают. Поэтому целесообразным при внесении соответствующих поправок в законодательство в сфере регулирования правовых отношений в связи со смарт-контрактами предусмотреть механизмы их интерпретации на естественном языке как минимум в случаях возникновения судебных споров из таких сделок.

Смарт-контракты всегда имеют условный характер, поскольку программа выполняет определённые задачи только при наступлении одного или нескольких внешних условий. В этой связи законодателю стоит подчеркнуть специфический характер смарт-контракта и уточнить, в каких правовых отношениях он может применяться.

Смарт-контракты существуют в нематериальной форме, а подписываются с помощью электронной цифровой подписи. И если первое не вызывает существенных затруднений, то обязательность наличия электронной цифровой подписи в настоящее время может стать препятствием для их распространения. Поэтому стоит предусмотреть достаточно простые и ясные механизмы получения электронной цифровой подписи гражданами РФ.

Специфично и исполнение обязательств из смарт-контракта. Поскольку смарт-контракт является компьютерной программой, их выполнение осуществляется при посредничестве или с помощью этой программы. Возможно возникновение ситуаций, в которых сложно будет определить, является ли исполнение надлежащим. Так, если в результате программной ошибки или сбоя программа реализует заложенное в неё действие вопреки наступлению условий, будет ли являться полученное второй стороной неосновательным обогащением? Скажем, договор поставки, облечённый в форму смарт-контракта может предполагать, что денежные средства перечисляются поставщику только после фактического поступления товара на склад заказчика. В результате программной ошибки денежные средства были перечислены на счёт до фактического исполнения обязанности поставщиком. Если такое исполнение признать ненадлежащим, то поставщик будет обязан вернуть денежные средства заказчику, а последний – снова заплатить их поставщику. В этом случае само преимущество использования смарт-контракта будет нивелировано. Вероятно, законодателю следует предусмотреть наиболее вероятные спорные ситуации и урегулировать их соответствующими нормами.

Наконец, смарт-контракты существуют только в связи с открытыми базами данных (только с использованием технологии блокчейн), которые позволяют полностью исключить влияние человеческого фактора на договор, а также обеспечить его доказательную силу. В этой связи потребуются нормативно определить как требования к такой базе данных, так и требования к месту размещения оборудования, обеспечивающего её работу. Представляется целесообразным установить требование об обязательном размещении оборудования для обеспечения функционирования базы данных только на территории РФ.

Помимо гражданского права перспективным представляется внедрение технологии смарт-контракта в сфере трудовых отношений. В настоящее время созданы предпосылки для появления трудовых договоров в форме смарт-контрактов. В частности, Трудовой кодекс РФ в последние годы были внесены изменения, в связи с которыми существенно изменилось содержание статьи 65 кодекса. Она предусматривает,

что важнейшие документы, необходимые для заключения трудового договора, могут существовать и использоваться в электронной форме. Так, документ, подтверждающий регистрацию в системе индивидуального (персонифицированного) учета, может представляться в форме электронного документа. Помимо этого документа трудовая книжка также обретает электронную форму: закон позволяет представлять сведения о трудовой деятельности в электронном виде.

Оформление трудовых отношений путём заключения смарт-контракта позволит существенно изменить положение работников в части оплаты труда, так как она будет осуществляться автоматически. Кроме того, работодателям легче будет ознакомиться со сведениями о трудовом пути работника и его образовании, что сократит издержки на содержание отделов кадров. Наконец, внедрение смарт-контрактов в сфере трудовых отношений в целом будет способствовать уменьшению количества времени, необходимого для их оформления. Однако в настоящее время смарт-контракты в сфере трудовых отношений в России не используются.

По итогам проведённого исследования можно сделать следующие выводы. Внедрение в практическую правовую жизнь смарт-контрактов происходит в настоящее время, а их широкое распространение представляется неизбежным. В связи с этим необходима системная работа по приведению в соответствие норм законодательства с реально существующими общественными отношениями. Изменения должны затронуть прежде всего Гражданский кодекс РФ, так как смарт-контракты позволяют совершать прежде всего гражданско-правовые договоры. Не исключается использование этой технологии и в других сферах общественной жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах» (редакция, предложенная к рассмотрению в ГД ФС в первом чтении). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7>.
2. Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения. // Lex Russica. - 2019. - № 8 (153).
3. Дядькин Д. С., Усольцев Ю. М., Усольцева Н. А. Смарт-контракты в России: перспективы законодательного регулирования // Universum: экономика и юриспруденция. - 2018. - № 5 (50).
4. Концепция цифрового рубля. – М.: ЦБ РФ, 2021. - С. 19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/content/document/file/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 14.01.2022).
5. Смарт-контракты: как они работают и зачем нужны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/story/205151/> (дата обращения: 14.01.2022).
6. Nelly Alexeyevna Lysenko – Master in Law, senior teacher of the department of linguistics and foreign languages.
7. Buryak Viktoria Anatolyevna – Associate professor of the department of linguistics and foreign languages.

КОЛЕСНИКОВА Марианна Михайловна

кандидат юридических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

МАКСИМОВА Елена Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

МИШИНА Елена Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии имени В. Б. Бобкова

САЧЕНКО Алексей Леонидович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии имени В. Б. Бобкова

Колесникова М. М.

Максимова Е. В.

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТОСПОСОБНОСТИ ОБЪЕКТОВ, СОЗДАННЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

В представленном исследовании раскрываются отдельные аспекты и особенности правовой регламентации оборотоспособности объектов, созданных искусственным интеллектом. В процессе исследования формулируется вывод невозможности отождествления объектов, получаемых при использовании искусственного интеллекта, с результатами интеллектуальной деятельности и обосновывается вывод о применении аналогии оборотоспособности объектов, получаемых в ходе деятельности искусственного интеллекта и объектов гражданских прав.

Ключевые слова: искусственный интеллект, результат интеллектуальной деятельности, оборотоспособность, объекты гражданских прав.

Мишина Е. В.

Саченко А. Л.

KOLESNIKOVA Marianna Mikhaylovna

Ph.D. in Law, associate professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

MAKSIMOVA Elena Vyacheslavovna

Ph.D. in Law, associate professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

MISHINA Elena Vyacheslavovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the St. Petersburg branch of the V. B. Bobkov Russian Customs Academy

SACHENKO Aleksey Leonidovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the St. Petersburg branch of the V. B. Bobkov Russian Customs Academy

FEATURES OF LEGISLATIVE REGULATION OF TURNOVERABILITY OF OBJECTS CREATED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The present study reveals certain aspects and features of the legal regulation of the turnover of objects created by artificial intelligence. In the course of the study, the conclusion is made that it is impossible to identify objects obtained by using artificial intelligence with the results of intellectual activity and the conclusion is substantiated on the use of an analogy of the transferability of objects obtained in the course of the activity of artificial intelligence and objects of civil rights.

Keywords: artificial intelligence, the result of intellectual activity, turnover, objects of civil rights.

Категория «оборотоспособность», получившая выражение в нормах гражданского законодательства, опирается на способность имущества быть присвоенным, иметь определенного субъекта его присвоения [1, с.195]. Общеизвестным является тот факт, что легализация абсолютно любого

объекта гражданских правоотношений строится исходя из допустимости его участия в гражданском обороте. Именно юридически обусловленная способность введения объекта в гражданский оборот, априори без каких-либо ограничений, представляет собой оборотоспособность объекта граждан-

ских прав. Следуя критерию диспозитивности в гражданском праве, стоит отметить допускаемую законом возможность участия абсолютно любых объектов в гражданском обороте, когда только лишь прямые указания в виде ограничений или запретов могут либо существенно лимитировать, либо полностью нивелировать участие объектов гражданских прав в обороте. Данный критерий раскрывается в содержании положений пункта 1 статьи 129 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), согласно которым объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица) либо иным способом, если они не ограничены в обороте [2].

Рассматривая оборотоспособность с позиции доктрины гражданского законодательства стоит обратить внимание на тот факт, что оценка оборотоспособности объектов гражданских прав должна осуществляться не только согласно критерию их принадлежности определенным участникам оборота (часть 2 статьи 129 ГК РФ), но и, исходя из способности быть предметом сделок и перехода в порядке правопреемства либо иным способом.

При буквальном же толковании содержания статьи 129 ГК РФ целесообразно выделить два критерия оборотоспособности объектов гражданского права: во-первых – возможность свободного отчуждения и, во-вторых – допустимый законом переход от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства. При этом принадлежность объектов гражданских прав к участникам гражданского оборота, не является ключевым, а скорее производным признаком, поскольку таковой в норме статьи 129 ГК РФ не указан. В этой связи существенным критерием оборотоспособности объекта гражданских прав, на наш взгляд, является свобода его отчуждения, которая фактически презюмирует такой критерий как принадлежность объекта гражданского права к конкретному участнику гражданского оборота.

Рассматривая вышеуказанный критерий, стоит отметить, что отчуждение предусматривает переход права на объект по воле управомоченного лица, при этом данная воля должна иметь свободное изъяснение, что является одним из условий, прямо указанных в законе.

Таким образом, наличие воли субъекта гражданского правоотношения в субъективном смысле, объективно выражается в предоставленной законом возможности отчуждения – перехода субъективного права на объект от одного участника гражданского оборота к другому.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что наличие воли субъекта гражданского правоотношения на отчуждение объекта гражданских прав не единственное условие отчуждения как такового. Установленная законом, в объективном смысле возможность отчуждения по сути своей исключает субъективный критерий – наличие воли. То есть если субъект осуществил выражение своей воли на отчуждение объекта, но закон отчуждение такого объекта не предусматривает, то соответственно, отчуждение объекта не происходит.

Законом также предусматривается возможность отчуждения объекта гражданского оборота помимо воли его участника, например, при принудительном отчуждении объекта гражданских прав. Однако, по нашему мнению, данное явление выходит за рамки частноправового регулирования

гражданских правоотношений, а, следовательно, является проявлением императивных предписаний в гражданском законодательстве, и, таким образом, выходит за рамки диспозитивного содержания нормы статьи 129 ГК РФ.

Что касается второго критерия оборотоспособности объектов гражданских прав, а именно возможности перехода прав на объект от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства, то в данном случае очевидно отсутствие волевого характера перехода субъективного права и прямое указание оснований такого перехода – наследование или реорганизация юридического лица. По нашему мнению, именно волевой характер лежит в основе дифференциации критериев оборотоспособности объектов гражданских прав, таких как свободное отчуждение и переход права в порядке универсального правопреемства.

Рассматривая оборотоспособность объектов, созданных искусственным интеллектом, стоит отметить, что искусственный интеллект представляет собой комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [3]. Вышеприведенное определение понятия «искусственный интеллект» имеет целевую установку, выраженную в том, что в результате использования соответствующих технических решений можно получить результаты аналогичные результатам интеллектуальной деятельности. Таким образом, исходя из понятия «искусственный интеллект» очевидно условное юридическое отождествление результатов деятельности искусственного интеллекта с результатами интеллектуальной деятельности. Подобное явление, характерное для современной гражданско-правовой позиции законодателя, несколько корректирует привычные критерии оборотоспособности объектов гражданских прав.

Пожалуй, ключевым моментом в рассматриваемом сегменте отношений является тот факт, что согласно положениям пункта 4 статьи 129 ГК РФ результаты интеллектуальной деятельности носят неотчуждаемый характер и не могут переходить от одного лица к другому, поскольку могут отчуждаться только права на результаты интеллектуальной деятельности и их материальные носители. Обратим внимание, что в данном случае возникает закономерный вопрос относительно возможности полного отождествления объектов, созданных искусственным интеллектом и результатами интеллектуальной деятельности, поскольку по смыслу положений статей 1228, 1257 и 1259 ГК РФ в их взаимосвязи результатом интеллектуальной деятельности является только тот результат, который создан творческим трудом. Аналогичная позиция подкрепляется содержанием пункта 80 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [4]. Более того, указанное обстоятельство в данном постановлении свидетельствует о том, что результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека, объектами авторского права не являются.

Таким образом, исходя из содержания гражданского законодательства, подкрепленного позицией Верховного Суда Российской Федерации, отсутствие творческого труда в соз-

дании какого-либо объекта не позволяет отнести его к объекту авторского права, а соответственно и к результату интеллектуальной деятельности в целом. Ввиду вышеизложенной позиции, целесообразно утверждать о возможной сопоставимости результатов интеллектуальной деятельности с теми результатами, которые созданы искусственным интеллектом, но не об их отождествлении. Следовательно, объекты, созданные искусственным интеллектом, не могут являться результатами интеллектуальной деятельности, в том виде, в каком они позиционированы в рамках действующего гражданского законодательства.

В то же время, исходя из содержания и смысла Постановления Правительства Российской Федерации от 28 октября 2020 г. № 1750 «Об утверждении перечня технологий применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» [5] следует констатировать факт того, что в нем упомянута дефиниция «технологии в области искусственного интеллекта». Соответственно, технологии в области искусственного интеллекта, являются объектами права, пусть даже пока в рамках экспериментального правового режима, поскольку сам термин «правовой режим» упоминается только по отношению к объекту права.

Подобная позиция, на наш взгляд, вполне обоснованна и имеет право на существование, исходя из понимания искусственного интеллекта в самом обобщенном объективном выражении в качестве комплекса технологических решений, включающих в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [3].

Таким образом, можно заключить, что «искусственный интеллект» – это техническое явление, которое включает в себя совокупность объектов, позволяющих создавать другие объекты. Рассматривая искусственный интеллект в подобном контексте, можно сформулировать вывод о том, что применительно к результатам, получаемым в ходе использования искусственного интеллекта должны применяться общие критерии оборотоспособности объектов гражданских прав, которые содержатся в пункте 1 статьи 129 ГК РФ и были раскрыты ранее.

Однако и в этом случае возникает ряд вопросов, юридически сложно разрешаемых в рамках действующего гражданского законодательства. Ключевым, по-нашему мнению, является вопрос о волевом характере отчуждения объекта, созданного искусственным интеллектом, в связи с тем, что применение искусственного интеллекта, по сути, является процессом обезличенным, так как в данном случае отсутствует субъект права. Данное обстоятельство, соответственно, не позволяет говорить о самой возможности появления каких-либо субъективных прав на объекты, созданные искусственным интеллектом.

Согласно правовой конструкции положений абзаца 2 пункта 1 статьи 1228 ГК РФ, не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, которые не внесли личного творческого вклада в создание такого результата, в том числе оказавшие его автору только техническое, консультационное, организационное или материальное содействие, или помощь либо только способствовавшие оформлению прав на такой результат или его использованию, а также граждане, осуществлявшие контроль за выпол-

нением соответствующих работ. И пока это единственная норма ГК РФ, которая применима к пониманию так называемого субъектного состава объектов, созданных искусственным интеллектом. Исходя из анализа её содержания, любое техническое содействие в создании результата интеллектуальной деятельности не влечет за собой возникновения интеллектуальных прав. Исходя из прямого указания статьи 1226 ГК РФ, интеллектуальные права как разновидность гражданских прав возникают только в отношении созданных гражданином результатов интеллектуальной деятельности. Отсюда очевидно, что результат интеллектуальной деятельности не может быть создан искусственным интеллектом и то, что создается искусственным интеллектом не может порождать интеллектуальные права. Однако, несмотря на вышеуказанные очевидные обстоятельства, деятельность искусственного интеллекта может приводить к созданию объектов гражданских прав. Например, не стоит проводить параллели между объектами, созданными искусственным интеллектом и теми результатами интеллектуальной деятельности, которые уже созданы, но были переработаны в цифровую форму при помощи, в том числе с использованием возможностей и технологий искусственного интеллекта. В то же время переработанный искусственным интеллектом либо аналогичными технологиями объект, является новым объектом, пусть даже и находящимся в цифровой среде. Примечательно и то, что к подобного рода обстоятельствам невозможно применить нормы о переработке произведения, потому что, в частности, в пункте 1 статьи 1260 ГК РФ используется категория автор, переводчик, лицо и, по смыслу норм гражданского законодательства, данное лицо, осуществляющее переработку произведения является физическим лицом, то есть автором производного произведения. Содержание правил о переработке вещи, на основании положений статьи 220 ГК РФ, также в данном случае неприменимы, ввиду того обстоятельства, что в данной норме указано возникновение прав на вещь, то есть на предмет материального мира. В объективных реалиях переработанное в цифровую форму произведение представляет собой набор цифр, букв, символов и т.п. Поэтому в принципе невозможно отождествлять вещь и произведение, выраженное в цифровой форме. Доктринальное же развитие цифровых прав как таковых в системе современного гражданского законодательства также не способно однозначно ответить на поставленные вопросы, в частности, исходя из отсутствия обобщающей правоприменительной практики в анализируемой сфере и в целом, исходя из неурегулированности отдельных групп цифровых правоотношений.

По этой причине на данном этапе развития цифровой эволюции в системе частно-правовых отношений приходится руководствоваться теми правовыми конструкциями, которые имеются в арсенале действующего законодательства. В контексте анализа и оценки оборотоспособности объектов, созданных искусственным интеллектом, необходимо обратить внимание и на то обстоятельство, согласно которому подобные объекты не могут быть приравнены к результатам интеллектуальной деятельности, но при этом обладают самостоятельными свойствами, позволяющими рассматривать их в качестве разновидности объектов гражданских прав.

Делая отсылку к критериям оборотоспособности объектов, созданных искусственным интеллектом, представляется возможным учитывать их, но с определенной оговоркой.

Таким образом, целевым ориентиром в нашем случае являются только положения пункта 1 статьи 129 ГК РФ. В этой связи стоит констатировать тот факт, что каких-либо специальных режимов оборотоспособности объектов, созданных искусственным интеллектом, закон не предусматривает. Ввиду этого, необходимо основываться исключительно на двух критериях оборотоспособности таких объектов: возможности свободного отчуждения и допустимости перехода от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства. Однако при более детальном рассмотрении этих критериев особенностью является то, что и в первом, и во втором случаях основой является волеизъявление участника гражданского оборота. В предполагаемых условиях сам по себе искусственный интеллект, не являясь участником гражданского оборота, при этом способен получать результаты сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [3]. В этой связи еще раз обратим пристальное внимание на отсутствие четкого механизма гражданско-правового регулирования обозначенной сферы отношений на текущий момент, исходя из понимания, что искусственный интеллект не относится к субъектам гражданских правоотношений, а значит и не может быть оценен через призму анализа результатов его деятельности в рамках гражданских правоотношений. В сложившейся ситуации возникает вопрос относительно восприятия имеющихся обстоятельств, когда можно говорить о возникновении правоотношений вообще, либо о появлении квази-гражданских правоотношений, в конкретном, частном случае. Но безусловным является то, что применение искусственного интеллекта порождает объект, пусть даже имеющий «экспериментальный правовой режим».

В динамике развития современного отечественного законодательства, регулирующего сферу применения искусственного интеллекта, необходимо констатировать тот факт, что на сегодняшний день основой его применения, пусть даже с отдельной оговоркой, является гражданское законодательство, поскольку вне пределов гражданского оборота невозможно применять ни самостоятельные результаты, ни отдельные элементы объектов, созданных искусственным интеллектом. Более того, научным сообществом в последнее время все чаще обращается внимание на определенные недостатки законодательных формулировок и правотворческой техники, их неполноту и противоречие нормам «специального законодательства». Так, в частности, Винниченко Ю.В., отмечает, что оборотоспособность выступает характеристикой самих объектов реальной действительности наличия или отсутствия у них естественного свойства быть предметом оборота [6, с. 116], Рожкова М.А. аргументирует позицию, что правила ввода в гражданский оборот для названных объектов различны [7, с. 5], Борисова Л.В. указывает на необходимость расширения критерия ограничения оборотоспособности объектов гражданских прав [8, с. 126] и т. д.

Исходя из вышеобозначенной позиции, целесообразно сформулировать вывод о том, что критерии оборотоспособности объектов, созданных искусственным интеллектом, должны применяться по аналогии с общими критериями оборотоспособности объектов гражданских прав – такими как возможность свободного отчуждения и перехода от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства. Впрочем, как в дальнейшем будет развиваться граждан-

ское законодательство в данной сфере, покажет ближайшее будущее, основой которого является расширение цифровой среды в рамках национальной программы «Цифровая экономика».

Пристатейный библиографический список

1. Васильева Е.Н. Влияние вида интеллектуальной собственности на оборотоспособность исключительно права на нее // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2011. – № 4. – С. 195-204.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст.3301.
3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета № 96 от 06.05.2019.
5. Постановления Правительства РФ от 28 октября 2020 № 1750 «Об утверждении перечня технологий применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 44. – Ст. 7003.
6. Винниченко Ю.В. Оборотоспособность и правовой режим объектов гражданских прав: соотношение понятий // Известия ИГЭА. – 2013. – № 6 (92). – С. 116-120.
7. Рожкова М.А. О некоторых вопросах оборота исключительных прав и материальных носителей объектов интеллектуальной собственности // Журнал российского права. – 2014. – С. 5-11.
8. Борисова Л.В. О проблеме законодательного регулирования оборотоспособности объектов гражданских прав в контексте реформы гражданского кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 1 (74). – С. 126-131.

МАТЫЦИН Денис Евгеньевич

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник кафедры гражданского и международного частного права института права Волгоградского государственного университета; доцент кафедры гражданского права и процесса Волжского филиала Международного юридического института

ПРЕВЕНЦИЯ КОНФЛИКТОВ УЧАСТНИКОВ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ*

В статье представлена авторская методология предупреждения конфликтов участников инвестиционных отношений в информационном пространстве. Превентивно-профилактические меры интегрированы в единый методологический комплекс – смарт-комплекс, аргументировано, что должна применяться автоматически действующая, как специальная компьютерная программа, система профилактических методов недопущения конфликтов. Данный подход может быть реализован на основе развития предложенной ранее профессорами ВолГУ технологии полисубъектного юрисдикционного блокчейна. Выделены десять этапов совершения дистанционной инвестиционной сделки, предложено фиксировать факты по восьми этапам – с третьего по десятый. В дальнейшем при любом развитии событий зафиксированные в 6-ти узловой системе полисубъектного юрисдикционного блокчейна факты будут признаваться не требующими доказывания. Это, в свою очередь, обеспечит минимизацию количества спорных моментов и, как следствие, снижение вероятности конфликтов сторон до минимального предела.

Обосновано, что нейтрализация потенциальных конфликтов, предупреждение и избежание рисков суть позитивные содержательно-качественные признаки инвестиционного отношения, которое полностью совпадает с материальными интересами его участников. Доказано, что превентивно-профилактический методологический комплекс при его применении в инвестиционных отношениях обеспечивает: во-первых, предупреждение потенциальных конфликтов; во-вторых, управление объективными и субъективными рисками сторон; в-третьих, достижение материальных интересов участников при совершении ими дистанционно-цифровых инвестиционных сделок в информационном пространстве.

Ключевые слова: инвестор, инвестиционный посредник, получатель инвестиций, сделки, информационное пространство, конфликты, превенция, комплекс методов, интересы.

MATYTSIN Denis Evgenjevich

Ph.D. in economical sciences, senior researcher of Civil and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Volgograd State University; associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Volga branch of the International Law Institute

PREVENTION OF CONFLICTS BETWEEN PARTICIPANTS IN INVESTMENT RELATIONS IN THE INFORMATION SPACE: METHODOLOGICAL TOOLS

The article presents the author's methodology of preventing conflicts of participants of investment relations in the information space. The preventive and prophylactic measures are integrated into the single methodological complex - the smart complex. It is argued that the system of conflict prevention methods should be applied automatically as a special computer program. This approach can be implemented on the basis of the development of multisubject jurisdictional blockchain technology proposed earlier by VolSU professors. Ten stages of remote investment transactions were singled out, and it was proposed to fix the facts on eight stages - from the third to the tenth. In the future, in case of any development of events, the facts recorded in the 6-node system of the polysubject jurisdictional blockchain will be recognized as not requiring proof. This, in turn, will ensure the minimization of the number of controversial points and, consequently, reduce the likelihood of conflicts of the parties to a minimum limit.

It is proved that neutralization of potential conflicts, prevention and avoidance of risks are positive characteristics of investment relations which fully coincide with material interests of their participants. It is proved that the preventive-preventive methodological complex when applied in investment relations provides: firstly, prevention of potential conflicts; secondly, management of objective and subjective risks of the parties; thirdly, achievement of material interests of the participants when they make remote-digital investment transactions in the information space.

Keywords: investor, investment intermediary, investment recipient, transactions, information space, conflicts, prevention, set of methods, interests.

Введение

В юридической монографической и периодической литературе цивилисты пока не высказали своих суждений о проблематике потенциально возможных конфликтов субъектов, взаимодействующих в инвестиционном сегменте Интернета. Конфликты между участниками инвестиционных отношений, к сожалению, полностью исключить невозможно, вместе с тем, необходимо предпринимать превентивно-профилактические меры для их

нейтрализации, в идеале – для их исключения [1]. По нашему мнению, главное в этой связи – открыто-партнёрское взаимодействие в виде систематических контактов самих участников. При этом следует иметь в виду, что эффективность превенции прямо зависит от точности воздействия на «болевы точки», являющиеся источниками конфликтов участников инвестиционных отношений. Для достижения целенаправленности воздействия на источник проблемы и в итоге купирования потенциальных конфликтных ситуаций следует дифференцировать всю конструкцию инвестиционного отношения на дискретные этапы. Проблема всегда разрешается с меньшими затратами ресурсов и с большей скоростью, будучи раздробленной на несколько частей.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Трансформация общественных отношений в условиях индустрии 4.0: юридическая превенция» (проект № 20-18-00314).

Конструкция инвестиционного отношения предусматривает поэтапное взаимодействие нескольких участников. Логично выделить соответствующие этапы, двигаясь последовательно по алгоритму инвестиционной сделки, совершаемой в информационном пространстве. Первый этап: поиск и выбор инвестором инвестиционного предложения в информационном пространстве. Второй этап: установление инвестором контакта с инвестиционным посредником (с получателем инвестиций) через его веб-сайт и предварительные переговоры с представителем данной организации. Третий этап: переговоры инвестора с ответственным работником инвестиционного посредника (получателя инвестиций) по выбранному инвестиционному предложению. Четвертый этап: присоединение инвестора к договору, представленному на веб-сайте инвестиционного посредника (получателя инвестиций) либо заключение договора в индивидуальном порядке. Пятый этап: перевод и зачисление денежных средств инвестора на банковский счет инвестиционного посредника (получателя инвестиций). Шестой этап: регистрация договора, оформляющего инвестиционную сделку, регистрация прав инвестора на объект инвестирования (когда это предусмотрено законодательством). Седьмой этап: регистрация в случае необходимости особенностей владения инвестором объектом инвестирования. Восьмой этап: прекращение прав инвестора на объект инвестирования. Девятый этап: перевод и зачисление денежных средств от инвестиционного посредника (получателя инвестиций) инвестору на его банковский счет. Десятый этап: исполнение участниками публичных (налоговых и иных) обязанностей.

Исследование

Рассмотрим далее взаимодействие и состав участников на каждом этапе. Первый этап: поиск и выбор инвестором инвестиционного предложения в информационном пространстве. На данном этапе инвестор на свой риск и в силу своих интеллектуальных и физических способностей проводит поиск варианта приращения своего капитала. Данный поиск сопровождается исследованием инвестиционного рынка и анализом возможных инвестиционных сделок на множестве существующих в Интернете веб-сайтов. Явной стороны, конфликт с которой был бы потенциально возможен нет [2]. При этом риск выхода инвестора на фишинговый веб-сайт присутствует, что может повлечь перевод денег инвестора на банковский счет мошенника. В части превенции инвестору следует, прежде всего, много работать над собой, а именно – получить профильные знания об обороте объектов инвестирования на инвестиционном рынке и об информационном пространстве, в идеале – на уровне высшего учебного заведения. Кроме того, взаимодействие сторон через личные кабинеты: инвестора на веб-сайте «ГОСУСЛУГИ», инвестиционного посредника (получателя инвестиций), учетно-инфраструктурной компании инвестиционного рынка на веб-сайте ФНС полностью исключает потенциальную возможность указанной проблемы.

Второй этап: установление инвестором контакта с инвестиционным посредником (с получателем инвестиций) через его веб-сайт. Отыскание инвестором приемлемого объекта инвестирования предполагает совпадение его материального интереса с фактически имеющимся инвестиционным предложением в части суммы, срока и прибыльности вложений. Конфликт по сумме практически невозможен, поскольку большинство инвестиционных предложений имеют вполне приемлемую кратность, как правило, в 100 тыс. рублей и даже мельче. Каждый подготовленный инвестор также осознает, что риск иррациональных потерь снижается прямо пропорционально дроблению вкладываемого капитала между несколькими получателями инвестиций – объектами инвестирования. Принятие того или иного решения, которое заканчивается реальным денежным переводом суммы на банковский счет инвестиционного посредника (получателя инвестиций), ответственность за это решение – возлагается исключительно на самого частного инвестора.

Ко второму этапу следует отнести решение инвестора по сроку, на который помещается капитал в отобранный объект инвестирования. Конфликт по сроку возможен, но в относительно далекой перспективе, и в том случае, если инвестор невнимательно и легкомысленно отнесется к изуче-

нию представленного на веб-сайте инвестиционного предложения. Срок, на который получатель инвестиций привлекает капитал, является важнейшим параметром любого бизнес-проекта. Если инвестор потребует возврата своих вложений до установленного сделкой срока, получатель инвестиций может просто не иметь реальной возможности произвести возврат суммы, поскольку вещь ещё не создана и не продана покупателю (не передана заказчику). Если осуществляется оказание услуг, реализация имущественных прав, использование интеллектуальных прав, требуется тоже определенное время для того, что состоялся сам процесс их осуществления.

Для нейтрализации подобных конфликтов получателям инвестиций следует формировать страховые резервы, чтобы в соответствующих страховых продуктах факт подобного досрочного требования инвестора о возврате вложенного капитала признавать страховым случаем.

Также ко второму этапу следует отнести решение инвестора по планируемой прибыли, которая может быть получена в результате помещения капитала в отобранный объект инвестирования. Конфликт в этой связи может быть связан с несостоявшимися ожиданиями инвестора, с одной стороны, и с невыполненными обещаниями по прибыли от вложений, которые были даны получателем инвестиций. В рамках второго этапа все указанные выше условия должны в режиме открытого партнёрства обсуждаться на предварительных переговорах с представителем инвестиционного посредника (получателя инвестиций) с применением информационной технологии видео звонка, например, по электронной почте @mail.ru, @yandex.ru и фиксации данной видео трансляции.

Третий этап обязательно содержит окончательные переговоры инвестора с руководителем (ответственным лицом инвестиционного посредника (получателя инвестиций)), подписывающим договор) по выбранному инвестиционному предложению. Особенностью этапа является то, что частный инвестор (как мы это предлагаем) соединяется с контрагентом из своего личного кабинета на портале «ГОСУСЛУГИ» и после идентификации, аутентификации, биометрической проверки и тестирования осуществляет свою квалифицированную видео трансляцию. Контрагент встречно соединяется с инвестором из своего личного кабинета на сайте ФНС.

Четвертый этап: присоединение инвестора к договору, представленному на веб-сайте инвестиционного посредника (получателя инвестиций) происходит практически мгновенно по окончании третьего этапа путем нажатия инвестором компьютерной клавиши «Enter» после проставления личной электронной подписи. В том случае, когда сумма инвестирования составляет несколько миллионов рублей, как правило, заключение договора с инвестором осуществляется в индивидуальном порядке путем обмена электронными документами. При этом индивидуальный договор инвестирования по существу мало отличается от условий договора присоединения, но может содержать определенные нюансы, которые для взаимодействия с большинством розничных относительно небольших инвесторов не требуются. В обоих случаях превенция технологического риска ненадлежащего соединения (временного разъединения) между веб-сайтами должна предусматривать ведение видео записи переговоров, которые будут продолжены после паузы, именно с момента возникновения технологического разъединения сторон. Кроме того, технологический риск нейтрализуется современным качественным компьютерным оборудованием и передовым программным обеспечением.

Пятый этап: перевод и зачисление денежных средств инвестора на банковский счет инвестиционного посредника (получателя инвестиций). По нашему мнению, в реальной практике дистанционные инвестиционные сделки невозможны без владения инвестором навыками дистанционного банковского обслуживания. Очень многие частные инвесторы, имеющие банковские счета в Сбербанке, пользуются таким обслуживанием, имея регистрацию на веб-сайте Сбербанка и личный кабинет в СберБанк Онлайн.

Шестой этап: регистрация договора, оформляющего инвестиционную сделку, регистрация прав инвестора на объект инвестирования (когда это предусмотрено законодательством). По нашему мнению, дистанционная инвестиционная сделка должна автоматически получать уникальный идентификационный номер на портале «ГОСУСЛУГИ» в момент

проставления инвестором его личной электронной подписи. В дальнейшем этот уникальный идентификационный номер закрепляется и сохраняется за данной сделкой постоянно, на него стороны могут ссылаться при необходимости по тем или иным поводам. Хорошо известны и прекрасно отработаны функции депозитария (учет и удостоверение прав владельцев ценных бумаг), а также зеркальные функции регистратора по ведению реестра владельцев ценных бумаг. Эти две учетно-инфраструктурные компании созданы около 30 лет назад, чтобы разгрузить от рутинно-бухгалтерской работы, якобы несвойственной хозяйствующим субъектам. А также уберечь инвесторов от возможных недобросовестных действий этих же хозяйствующих субъектов как эмитентов. Однако современный уровень развития информационных технологий позволяет совершенно не дорого, не ресурсоемко и вполне эффективно одному эмитенту общаться даже со 100 млн. держателями его ценных бумаг. Вместе с тем, эти две классические учетно-инфраструктурные компании являются, на наш взгляд, прообразом технологии распределенного реестра (блокчейна). При которой ведется учет одних и тех же ценностей двумя независимыми субъектами: депозитарий учитывает сами ценные бумаги, и кому они принадлежат; регистратор учитывает поименно владельцев ценных бумаг, и что именно каждому из них принадлежит. Полагая, современный уровень развития информационно-коммуникационных технологий вполне позволяет обойтись без дальнейшего участия в инвестиционном обороте указанных громоздких учетно-инфраструктурных компаний. Их следует заменить единой депозитарно-регистрационной платформой, которая должна действовать как специальный сервис на веб-сайте Банка России. При этом депозитарно-регистрационному учету должны подлежать не только традиционные ценные бумаги, но и иные объекты инвестирования, включая утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы и др.

Седьмой этап: регистрация в случае необходимости особенностей владения инвестором объектом инвестирования. Владение объектом инвестирования ничем не отличается от владения обычным объектом гражданских прав. Объект может быть передан, например, в пользование, в залог, в депозит нотариуса, в депозит суда. На объект может быть наложен арест. В указанных ситуациях собственником остается прежний субъект, при этом дальнейшая судьба объекта инвестирования сопровождается специальной отметкой (обременением). Это необходимо юридически фиксировать (регистрировать) для обеспечения прозрачности и предсказуемости инвестиционного оборота, в частности, и гражданского оборота в целом. Здесь может скрываться потенциальный конфликт, если при отчуждении объекта инвестирования его новый владелец не будет уведомлен об особенностях правового режима данного объекта в текущий период времени. Указанная регистрация фактов, возникающих вследствие динамики владения инвесторами своими объектами и их обременения теми или иными правами третьих лиц, вполне может осуществляться на указанной выше депозитарно-регистрационной платформе, действующей в качестве специального сервиса на веб-сайте Банка России.

Восьмой этап: прекращение прав инвестора на объект инвестирования. В установленный сторонами день течение срока инвестирования прекращается и само инвестиционное отношение завершается. В идеале в гражданском обороте обязательства прекращаются исполнением. Получатель инвестиций, своевременно и в полном объеме исполнив то, что было обещано инвестору, тем самым создает условие для прекращения прав инвестора на объект инвестирования. Следует уточнить, что инвестор вправе прекратить владение объектом инвестирования по своему усмотрению в результате его продажи (отчуждения иным способом) другому субъекту – возможно, другому инвестору, бывают ситуации, что и самому получателю инвестиций. К сожалению, не всегда инвесторы по своей воле перестают владеть ценными бумагами, списание их со счета депо собственника в депозитарии может быть ошибочным, может быть противоправным. Подобный конфликт, как правило, разрешается в суде в уголовном процессе. Превенция указанного конфликта должна строиться на исключении возможности отчуждения объекта инвестирования без согласия владельца. Это вполне достижимо при

использовании указанной выше депозитарно-регистрационной платформы, действующей в качестве специального сервиса на веб-сайте Банка России, и полисубъектного юрисдикционного блокчейна.

Девятый этап: перевод и зачисление денежных средств от инвестиционного посредника (получателя инвестиций) инвестору на его банковский счет. Никаких технических проблем на современном этапе развития кредитно-финансовой сферы, которые могли бы помешать в течение 2-3-х дней осуществить денежный перевод на банковский счет инвестора не существует. Малейшая задержка с переводом денег может сигнализировать о финансовых проблемах плательщика и являться признаком надвигающегося конфликта. Самый негативный сценарий развития такого конфликта – невозврат вложенной инвестором суммы, а также непополненная им прибыль. Юридическая процедура для разрешения указанной проблемы существует – процедура банкротства должника в Арбитражном суде, по итогам которой конкурсный управляющий распределит кредиторам остатки имущества из конкурсной массы согласно установленной законом очередности¹. Избежать этого конфликта можно только с самого начала, соглашаясь с инвестиционным предложением инвестора, который должен являться в самой полной мере финансово состоятельным хозяйствующим субъектом. Однако, в силу целого ряда причин риск банкротства существует для большинства юридических лиц.

Десятый этап: исполнение участниками публичных (налоговых и иных) обязанностей. Указанный этап имеет большое юридическое значение, поскольку неисполнение установленных законом, в частности, налоговых обязанностей, может привести к конфликту с налоговыми органами. В рамках десятого этапа конфликт инвестора с налоговым органом возможен вследствие неаккуратности, невнимательности, легкомысленности инвестора в части ненадлежащего учета всех своих доходов и расходов. Во-первых, инвестор может вообще декларацию о доходах не подать в налоговый орган либо подать не в срок, во-вторых, может подать ее с неточными сведениями, которые не совпадут с данными налогового органа. Это повлечет весьма тяжелый конфликт. Превенция указанных проблем состоит опять же в личной инвестиционно-юридической подготовке каждого инвестора, в его сознательном и ответственном отношении к сложно-рисковой деятельности в инвестиционном сегменте Интернета, которая ко всему включает корректное исполнение публичных обязанностей.

Наряду с указанными выше публичными обязанностями отметим, что профессиональные участники рынка ценных бумаг, операторы инвестиционных, финансовых платформ, операторы обмена цифровых финансовых активов, в свою очередь, обязаны подавать установленные законом сведения об инвестиционных сделках и участвующих в них инвесторах в Росфинмониторинг².

Банк России в своем Информационном письме от 15.07.2020 № ИН-06-28/111 «О рекомендациях по реализации принципов ответственного инвестирования»³ раскрывает особую проблему. Имеется в виду активная роль инвестора в корпоративной жизни хозяйственного общества, в которое инвестор поместил свои вложения. В таком положении неизбежен конфликт интересов получателя инвестиций и самого инвестора. Полагаем, что проблематика корпоративных конфликтов с участием инвесторов выходит за рамки нашего исследования, требует формулировки своего отдельного объекта исследования и отдельного тщательного рассмотрения [8].

Результаты

- 1 Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета от 2 ноября 2002 г. № 209-210.
- 2 Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Российская газета от 9 августа 2001 г. № 151.
- 3 Информационное письмо Банка России от 15.07.2020 № ИН-06-28/111 «О рекомендациях по реализации принципов ответственного инвестирования» // Вестник Банка России. 2020. № 54.

По нашему мнению, все представленные выше превентивно-профилактические меры следует интегрировать в единый методологический комплекс предупреждения конфликтов участников дистанционно-цифровых инвестиционных сделок в информационном пространстве. Также полагаем, что это должен быть смарт-комплекс, то есть, автоматически действующая, как специальная компьютерная программа, система профилактических методов недопущения конфликтов. Данный подход может быть реализован на основе развития предложенной ранее профессорами ВолГУ технологии полисубъектного юрисдикционного блокчейна [6]. Развивая авторский подход уважаемых профессоров, упомянутых ниже, предлагается объединить в полисубъектный блокчейн 6 субъектов, действующих на территории Российской Федерации. А именно: частный инвестор; контрагент частного инвестора; Минцифры России (веб-сайт «ГОСУСЛУГИ» с личным кабинетом инвестора); Федеральная налоговая служба (веб-сайт ФНС с личным кабинетом юридического лица – инвестиционного посредника, получателя инвестиций); Банк России (веб-сайт Банка России с депозитарно-регистрационной платформой для учета объектов инвестирования и прав на них); Верховный Суд Российской Федерации (веб-сайт Суда со специальным сервисом хранения доказательств в электронной форме).

Методологически предложенный нами смарт-комплекс инструментов превенции конфликтов в инвестиционном обороте основан на полной невозможности изменения (фальсификации) зафиксированного в прошлом факта [5, 7]. Фиксация фактов, формируемых сторонами по итогам каждого этапа дистанционно-цифровой инвестиционной сделки, осуществляется в архивной папке, которая получает уникальный идентификационный номер для каждой дистанционно-цифровой инвестиционной сделки. Практически происходит сохранение в памяти компьютеров данных, одновременно и автоматически четырьмя субъектами, указанными выше, эти данные хранятся на четырех различных серверах на территории Российской Федерации. При этом применяемая специальная компьютерная программа позволяет только добавлять новые блоки информации в указанную уникальную архивную папку сделки, но при этом не содержит алгоритмов, позволяющих изменить либо удалить данные, которые были сохранены в этой папке сделки ранее [4]. Согласно представленной нами выше дифференциации конструкции инвестиционного отношения необходимо фиксировать факты по восьми этапам – с третьего по десятый. В дальнейшем при любом развитии событий зафиксированные в системе полисубъектного юрисдикционного блокчейна факты будут признаваться не требующими доказывания [3]. Что минимизирует количество спорных моментов и, как следствие, вероятность конфликтов сторон до минимального предела.

Заключение

Таким образом, должны быть интегрированы в методологический комплекс предупреждения потенциальных конфликтов участников дистанционно-цифровой инвестиционной сделки согласно ее этапам следующие меры. Во-первых, специальная предпринимательская подготовка частного инвестора к совершению дистанционно-цифровых сделок в информационном пространстве, включая наличие современных технических средств. Во-вторых, высокие интеллектуальные и физические способности частного инвестора принимать связанные с риском финансовые решения. В-третьих, высокие компетенции частного инвестора по ведению переговоров и оценке юридических последствий совершения сделок в инвестиционном сегменте Интернета. В-четвертых, наличие у частного инвестора достаточного для сделки капитала, уверенное владение технологией дистанционного банковского обслуживания. В-пятых, наличие у частного инвестора личного кабинета и личной электронной подписи на портале «ГОСУСЛУГИ», наличие у его контрагента электронной подписи и личного кабинета на веб-сайте ФНС. В-шестых, наличие депозитарно-регистрационной платформы, действующей в качестве специального сервиса на веб-сайте Банка России. В-седьмых, своевременное и полное исполнение участниками сделок установленных законом публичных обязанностей. В-восьмых, совершение инвести-

ционных сделок при взаимодействии 6-ти субъектов в системе полисубъектного юрисдикционного блокчейна.

Нейтрализация потенциальных конфликтов, предупреждение и избежание рисков суть позитивные содержательно-качественные признаки инвестиционного отношения его участников. В этой связи можно обоснованно утверждать, что превентивно-профилактический методологический комплекс при его применении в инвестиционных отношениях обеспечивает: во-первых, предупреждение потенциальных конфликтов; во-вторых, управление объективными и субъективными рисками сторон; в-третьих, достижение материальных интересов участников при совершении ими дистанционно-цифровых инвестиционных сделок в информационном пространстве.

Пристатейный библиографический список

1. Agnessa O. Inshakova, Alexander I. Goncharov, Elena I. Inshakova, Irina A. Stepanova (2020). Prerequisites for the Development and Popularization of Alternative Methods of Resolving Economic Conflicts. In Inshakova, A.O., Bogoviz, A.V. (Ed.) *Alternative Methods of Judging Economic Conflicts in the National Positive and Soft Law*. A volume in the series Popkova, E.G. (Ed.) *Advances in Research on Russian Business and Management*, Charlotte, NC, USA, Information Age Publishing. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.infoagepub.com/products/Alternative-Methods-of-Judging-Economic-Conflicts-in-the-National-Positive-and-Soft-Law>.
2. Agnessa O. Inshakova, Alexander I. Goncharov, Elena I. Inshakova, Yuliya A. Tumchuk (2020). Digital Technologies for Alternative Methods of Resolving Conflicts: The Prospects of Application in Russia and Other BRICS Countries. In Inshakova, A.O., Bogoviz, A.V. (Ed.) *Alternative Methods of Judging Economic Conflicts in the National Positive and Soft Law*. A volume in the series Popkova, E.G. (Ed.) *Advances in Research on Russian Business and Management*, Charlotte, NC, USA, Information Age Publishing. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.infoagepub.com/products/Alternative-Methods-of-Judging-Economic-Conflicts-in-the-National-Positive-and-Soft-Law>.
3. Agnessa O. Inshakova, Alexander I. Goncharov, Tatiana V. Deryugina, Irina A. Stepanova (2020). Mediation: Legislation and Law Enforcement Activities. In Inshakova, A.O., Bogoviz, A.V. (Ed.) *Alternative Methods of Judging Economic Conflicts in the National Positive and Soft Law*. A volume in the series Popkova, E.G. (Ed.) *Advances in Research on Russian Business and Management*, Charlotte, NC, USA, Information Age Publishing. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.infoagepub.com/products/Alternative-Methods-of-Judging-Economic-Conflicts-in-the-National-Positive-and-Soft-Law>.
4. Inshakova, A.O., Goncharov, A.I., Ershova, I.V. (2020) Digital blockchain registration of legally significant stages of complex good's export-import supplies by business entities of the EAEU and BRICS jurisdictions // *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2020, 110, pp. 328–336.
5. Inshakova, A.O., Goncharov, A.I., Salikov, D.A. (2020) Electronic-Digital Smart Contracts: Modernization of Legal Tools for Foreign Economic Activity // *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2020, 91, pp. 3–13.
6. Kalinina, A.E., Inshakova, A.O., Goncharov, A.I. (2019) Polysubject jurisdictional blockchain: Electronic registration of facts to reduce economic conflicts // *Studies in Computational Intelligence*, 2019, 826, pp. 205–213.
7. Rusakova E.P., Frolova E.E., Gorbacheva A.I. Digital rights as a new object of civil rights: issues of substantive and procedural law // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020. Vol. 1100. p. 665–673.
8. Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: Монография. 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Проспект, 2017.

МАХИБОРОДА Максим Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СПЕЦИФИКИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ПО ПЕРЕВОЗКЕ МОРСКИМ ТРАНСПОРТОМ

В статье автором анализируется нормативно-правовая база отечественного законодательства, регулирующая организацию, заключение соответствующих договоров и виды гражданско-правовой ответственности сторон при исполнении указанных соглашений на морском транспорте. Проводится исследование и дается краткая характеристика законодательства, которое применяется в данной области, с учетом международных нормативно-правовых актов и отечественных кодификаций. Выявляются проблемы правового регулирования в указанной сфере и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: морской транспорт, гражданско-правовая ответственность, перевозка, транспортное законодательство.

MAKHIBORODA Maksim Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor of civil law and process sub-faculty of the Institute of Training of State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

SOME ISSUES OF THE SPECIFICS OF CIVIL LIABILITY IN THE OBLIGATIONS FOR TRANSPORTATION BY SEA

In the article, the author analyzes the regulatory framework of domestic legislation regulating the organization, conclusion of relevant contracts and types of civil liability of the parties in the execution of these agreements on maritime transport. A study is conducted and a brief description of the legislation that is applied in this area is given, taking into account international normative legal acts and domestic codifications. The problems of legal regulation in this area are identified and ways to solve them are proposed.

Keywords: sea transport, civil liability, transportation, transport legislation

Одним из основных кодифицированных нормативно-правовых актов, регулирующих гражданско-правовую ответственность при осуществлении перевозок морским транспортом, является Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации (далее – КТМ РФ). Он закрепляет нормы в сфере торгового мореплавания, понимая под этим деятельность, связанную с использованием судов для различных целей, в том числе для перевозок грузов, рыболовства, лоцманской и ледокольной проводок, поисковых, спасательных и буксирных операций. Правила, предусмотренные КТМ РФ, распространяются на морские суда во время их плавания как по морским, так и по внутренним водным путям, если иное не предусмотрено международным договором или законом. Это касается также судов внутреннего и смешанного плавания по морским, по внутренним водным путям при перевозках грузов, пассажиров и их багажа с заходом в иностранный порт, во время спасательной операции и при столкновении с судном. КТМ РФ предусматривает несколько договоров, которые могут заключаться в данной сфере. Это договоры морской перевозки груза (пассажира), фрахтования без экипажа, буксировки, агентирования, посредничества, страхования. Вместе с тем, урегулированы вопросы ответственности за ущерб, причиненный собственником судна, в том числе в связи с перевозкой опасных и вредных веществ. Имеются главы, посвященные морским протестам, претензиям и искам, а также определен порядок их предъявления.

Необходимо отметить, что КТМ РФ один из транспортных кодексов, который достаточно обширно регулирует вопросы гражданско-правовой ответственности в данной сфере, закрепляя в себе не только множество подобного рода норм, но даже несколько отдельных глав. При этом некоторые из них создают трудности понимания и применения.

Важным имеет место быть понимание ущерба в следствии общей аварии в торговом мореплавании, под которыми признаются понесенные вследствие намеренно и разумно произведенных чрезвычайных расходов или жертвований ради общей безопасности, в целях сохранения от общей

опасности имущества, участвующего в общем морском предприятии, убытки, – судна, фрахта и перевозимого судном груза. При этом они должны является прямым следствием указанных действий [1]. К признакам общей аварии, исходя из смысла данного определения и анализа норм КТМ РФ можно отнести, например, убытки, причиненные выбрасыванием груза за борт судна; убытки, причиненные судну или грузу намеренной посадкой судна на мель, независимо от того, могло ли судно быть вынесено на мель само; убытки, причиненные судну повреждением двигателей, других машин или котлов судна при снятии судна с мели и другие.

Аварии и катастрофы – это самое страшное, что может произойти на транспорте. Вместе с тем, гражданско-правовая ответственность КТМ РФ предусмотрена по каждому виду регулируемого обязательства.

Представляет особый интерес договор морской перевозки груза [2], в частности, ответственность, предусмотренная в случае задержки судна свыше контрактального времени, которая возлагается на фрахтователя, причем не просто по возмещению перевозчику причиненных убытков, а еще и упущенной выгоды. Причем, например, законодательства Германии и Франции, не предусматривают возмещения убытков за задержку судна сверх контрактального, при этом не исключая возможность решения данного вопроса в договоре морской перевозки груза [3]. Основанием освобождения от гражданско-правовой ответственности в этом случае закон называет только причины, не зависящие от перевозчика. Необходимо отметить, что КТМ РФ достаточно подробно подошел к данному вопросу. Анализируя нормы права, можно встретить такие обстоятельства, как: судно погибнет или будет насильственно захвачено; судно будет признано непригодным к плаванию; погибнет груз, индивидуально определенный; погибнет груз, определенный родовыми признаками, после сдачи его для погрузки и отправитель не успеет сдать другой груз для погрузки. Указанные обстоятельства освободят от возмещения убытков любую из сторон по договору морской перевозки груза, который будет полно-

стью прекращен. Вместе с тем, согласно п. 1 ст. 166 КТМ РФ, перевозчик не несет ответственность за утрату или повреждение принятого для перевозки груза либо за просрочку его доставки, если докажет, что утрата, повреждение или просрочка произошли вследствие:

- 1) непреодолимой силы;
- 2) опасностей или случайностей на море и в других судходных водах;
- 3) любых мер по спасанию людей или разумных мер по спасанию имущества на море;
- 4) пожара, возникшего не по вине перевозчика;
- 5) действий или распоряжений соответствующих властей (задержания, ареста, карантина и других);
- 6) военных действий и народных волнений;
- 7) действия или бездействия отправителя или получателя;
- 8) скрытых недостатков груза, его свойств или естественной убыли;
- 9) незаметных по наружному виду недостатков тары и упаковки груза;
- 10) недостаточности или неясности марок;
- 11) забастовок или иных обстоятельств, вызвавших приостановление либо ограничение работы полностью или частично;
- 12) иных обстоятельств, возникших не по вине перевозчика, его работников или агентов [4, с. 73].

При этом данный перечень, несмотря на его объем, является открытым, поскольку всех случаев предусмотреть невозможно заранее.

В своем исследовании А.А. Воробьев также обращал на это внимание, указывая, например, на такое основание освобождения от гражданско-правовой ответственности как непригодность судна к плаванию [5, с. 14].

Общие положения, предусмотренные законодательством, а именно ст. 796 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), несколько иного содержания, хотя принцип ответственности, основанный на вине, закреплен аналогичный.

Следует четко разграничивать пределы ответственности перевозчика, который несет ее за утрату или повреждение принятого для перевозки груза либо за просрочку его доставки только с момента принятия груза для перевозки и до его выдачи [6, с. 20].

В судебной практике имеется интересный случай, где грузополучатель предъявил в арбитражный суд к морскому перевозчику иск о взыскании убытков от недостачи груза, обнаруженной в доставленном перевозчиком в порт назначения контейнере. Согласно коносаменту, перевозчик принял в порту отправления к перевозке 1 635 мест в контейнере, опечатанном одной пломбой грузоотправителя. В порту назначения при вскрытии контейнера была установлена недостача 20 мест, о чем составлен коммерческий акт, подписанный представителями грузополучателя и перевозчика, в котором было зафиксировано, что опечатанная пломба не повреждена, но она с другим оттиском, чем указано в коносаменте.

Недостача груза, посчитал суд, произошла вследствие обстоятельств, находившихся вне контроля перевозчика. Согласно коносаменту, груз принят перевозчиком для перевозки в контейнере, опломбированном пломбой с одним оттиском, а доставлен с другим.

Поскольку груз прибыл в порт назначения в контейнере с иной пломбой, нежели указанная в выданном перевозчиком коносаменте, правило ст. 168 КТМ РФ, освобождающее перевозчика от ответственности за утрату или повреждение груза, если грузополучатель не докажет, что утрата или повреждение груза произошли по вине перевозчика, неприменимо [7].

Норма, регулирующая исчисление размера ответственности перевозчика за утрату или повреждение груза, а имен-

но ст. 169 КТМ РФ практически полностью дублирует ст. 796 ГК РФ, что создает трудности в правоприменении [8, с. 68]. Предлагается также провести консолидацию норм права, путем поглощения, при этом специфика рассматриваемых правоотношений, оставить в рассматриваемом кодексе.

КТМ РФ имеет некоторые особенности правового регулирования в сфере гражданско-правовой ответственности. Так, согласно п. 2 ст. 170 КТМ РФ при просрочке морской доставки груза в пункт назначения и вручения его получателю ответственность перевозчика не может превышать размер фрахта независимо от того, какой убыток причинен второй стороне договора. При этом перевозчик не имеет права на ограничение предусмотренной законом ответственности, если доказано, что утрата или повреждение груза либо просрочка его действий явились результатом его собственного действия или бездействия, совершенных умышленно или по грубой неосторожности. Причем, кто конкретно должен доказывать данные обстоятельства остается не понятным. Видится, что в подобном случае должен быть закреплен принцип ответственности, основанный на вине, как это предусмотрено общими положениями гражданского законодательства Российской Федерации [9, с. 300].

Ограниченный характер ответственности перевозчика в КТМ РФ учеными-юристами исследовался не раз. Однако, практически во всех работах авторы критикуют данный подход [10, с. 132]. Исходя из того, что обязательства по перевозке связаны с источником повышенной опасности, учитывая гражданско-правовые принципы добросовестности и справедливости, а также положения о полном восстановлении нарушенных прав, закрепленные в ст. 1064 ГК РФ, необходимо пересмотреть установленные ограничения в соответствии с названными факторами.

В научной литературе можно встретить и иной подход. Например, В.В. Алтуний относительно ограничения гражданско-правовой ответственности, критикуя недостаточность в этой области национального регулирования, предложил унифицировать данные нормы на международном уровне в конвенции [11, с. 132]. А.Е. Егоров в своей работе указал, что принцип ограниченной ответственности за несохранность груза возможен только в условиях развитой конкуренции на рынке железнодорожных перевозок [12, с. 9]. Д.Д. Логофет, рассматривая в своей работе договор транспортировки нефти по магистральным трубопроводам, придерживался аналогичной позиции оставления принципа ограниченной ответственности [13, с. 9]. Вместе с тем, такой подход видится не совсем правильным, по той причине, что общими положениями гражданского законодательства Российской Федерации предусмотрено полное возмещение причиненного вреда.

Существуют и еще специфические институты, касающиеся гражданско-правовой ответственности в сфере торгового мореплавания, такие как мореходное состояние судна и навигационная ошибка [14]. В последнем случае ст. 167 КТМ РФ указывает на то, что перевозчик не несет ответственность за утрату или повреждение принятого для перевозки груза либо за просрочку его доставки, за исключением груза, перевозимого в каботаже, если докажет, что утрата, повреждение или просрочка произошли вследствие действия или бездействия в судовождении или управлении судном капитана судна, других членов экипажа судна либо лоцмана.

В работах цивилистов не раз высказывалась позиция относительно того, что данная норма противоречит требованию гражданского законодательства об исполнении обязательства надлежащим образом, а именно ст. 309 ГК РФ, и п. 1 ст. 393 ГК РФ, касающемуся возмещению убытков, причиненных их неисполнением и ненадлежащим исполнением [15, с. 166-171; 22, с. 322-323]. Вместе с тем, анализ судебной практики также показал на неоднозначность и сложность применения указанных выше институтов [16]. Таким обра-

зом, необходимо норму ст. 167 КТМ РФ исключить, возложив указанную гражданско-правовую ответственность на перевозчика. А последний уже, в свою очередь, если считает, что утрата, повреждение или просрочка произошли вследствие действия или бездействия в судовождении или управлении судном капитана судна, других членов экипажа судна либо лоцмана, взыскивает в порядке регресса согласно ст. 1081 ГК РФ, если иное не установлено законодательством.

В отличие от других транспортных уставов и кодексов морское законодательство детально регулирует ответственность за нарушение обязательств, в том числе за несоблюдение срока доставки груза при участии в перевозке фактического перевозчика. Им может быть любое лицо, которому перевозчик поручил осуществлять перевозку груза или ее часть. Несмотря на это, перевозчик все же несет ответственность за всю перевозку груза в соответствии с установленными правилами [17]. Вместе с тем, п. 1 ст. 173 КТМ РФ указывает на то, что в отношении перевозки груза, осуществленной фактическим перевозчиком, перевозчик несет ответственность за действия или бездействия фактического перевозчика.

Глава XVII КТМ РФ регулирует вопросы, касающиеся возмещения убытков от столкновения судов, нормы которой основаны на международных договорах [18]. Установленные правила распространяются как на суда внутреннего, так и на суда смешанного плавания. При не урегулировании каких-либо случаев в указанной главе будут применяться общие положения о гражданско-правовой ответственности при возмещении убытков от столкновения судов, установленные главой 59 ГК РФ.

Еще одной особенностью, которая существует в гражданско-правовой ответственности в сфере морского законодательства, являются нормы главы XVIII КТМ РФ, регулирующие отношения за ущерб от загрязнения с судов нефтью и содержащие специальные определения, и дефиниции, применяющиеся только к указанной главе. Установленные правила согласуются и с международными нормами, содержащимися в Протоколе об изменении Международной конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью, участницей которой является в том числе и Российская Федерация.

Из смысла нормы пп. 1 п. 2 ст. 316 КТМ РФ гражданско-правовая ответственность может быть возложена на любое судно, предназначенное или используемое для перевозки нефти наливом в качестве груза, при условии, что оно способно ее перевозить и фактически это делает в течение любого следующего рейса. Исключение составляет отсутствие на борту остатков от такой транспортировки нефти наливом. Таким образом, судно не должно быть специально оборудованным для такой перевозки. Количество перевозимого груза при этом не имеет особого значения. Под нефтью в настоящей главе настоящего исследования понимается любая стойкая углеводородная минеральная жидкость, в том числе сырая нефть, мазут, тяжелое дизельное топливо и смазочные масла.

Понятие «ущерб от загрязнения» с судов нефтью всегда трудно определялось, как в теории, так и на практике, причем как в нашей стране, так и за рубежом, несмотря на то что подобного рода дефиницию содержит норма пп. 5 п. 2 ст. 316 КТМ РФ.

Исходя из смысла закрепленных в главе XVIII КТМ РФ норм, международных договоров [19], а также анализа судебной практики, можно с уверенностью утверждать, что ущерб в рассматриваемом случае может включать в себя и потери, которые могут быть понесены в результате причинения вреда имуществу. Сюда можно отнести, например, и утрату рыбаков, которая может заключаться в невозможности ловли рыбы в результате загрязнения сетей нефтью. Это могут быть и гостиницы, которые потеряли своих клиентов в связи с тем,

что они не приехали из-за запрета нахождения на пляжах людей.

Анализ судебной практики, международных норм, в частности указанных конвенций, ст. 7, глав 40, 59 ГК РФ, а также глав I, III и XVIII КТМ РФ, показывает, что именно собственник судна, а не его работники или судовладелец, несет гражданско-правовую ответственность, за исключением случаев, предусмотренных статьями 317 и 318 КТМ РФ. Вместе с тем, если судно принадлежит государству и эксплуатируется организацией, которая зарегистрирована в качестве судовладельца, то собственником будет последняя. Рассматриваемая глава имеет так называемый принцип направленной ответственности. При этом он согласуется с концепцией настоящего исследования. Более того, ст. 325 КТМ РФ даже уточняет лиц, на которых не может возлагаться ответственность. Причем Международной конвенцией о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью предусмотрена аналогичная ответственность. В какой-то степени она немного отлична от той, что предусмотрено ГК РФ, но в любом случае суды должны руководствоваться общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, согласно Конституции РФ, являются составной частью нашей правовой системы. Кроме того, абз. 2 п. 2 ст. 7 ГК РФ указывает, что, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены гражданским законодательством, то необходимо применять первый. Таким образом, назрела необходимость в переосмыслении норм об ответственности в гражданском праве, в том числе в обязательствах по перевозке. Нормы в данной сфере в национальном законодательстве буквально устарели и не соответствуют тем реалиям и действительности, которая сформировалась не только в нашем обществе, но и за рубежом [20, с. 8].

Интерес для настоящей статьи представляет также норма п. 1 ст. 319 КТМ РФ, которая указывает на то, что, в случае причинения ущерба от загрязнения в результате инцидента с вовлечением двух или более судов собственники будут нести солидарную ответственность. Это определено для того момента, когда ее невозможно разумно разделить между ними. Данная норма соответствует ст. IV Международной конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью, при этом отличается от установленных гражданским законодательством норм, а именно п. 3 ст. 1079 ГК РФ и ст. 1080 ГК РФ. В последнем случае долевая ответственность к лицам не применима. Таким образом, следует нормы российского законодательства, в том числе о гражданско-правовой ответственности, закрепленные в ГК РФ, привести в соответствие с международными стандартами [21, с. 10].

Еще одним условием наступления гражданско-правовой ответственности следует признать ущерб в связи с морской перевозкой опасных и вредных веществ, общие положения которого закреплены в главе XIX КТМ РФ. Данные правила являются разновидностью внедоговорной ответственности и соответствуют международным стандартам. Вместе с тем, п. 2 ст. 326 КТМ указывает на неприменение главы XVIII к ущербу от загрязнения, как он определен в пп. 5 п. 2 ст. 316 КТМ РФ, как и причинение вреда радиоактивными веществами класса 7, что установлено международными и российскими нормами. Кроме того, не применение указанных правил относится и к судам вместимостью не более чем 200 тонн, которые перевозят опасные и вредные вещества только в упакованном виде при условии, если такие суда осуществляют рейсы между портами (сооружениями) Российской Федерации.

Перечень опасных и вредных веществ и материалов, перевозимых на борту судна в качестве груза, определен пп. 3 п. 2 ст. 327 КТМ РФ, причем он полностью соответствует международным нормам.

В случае невозможности разумно отделить ущерб, причиненный опасными и вредными веществами, от ущерба, причиненного вследствие других обстоятельств, такой ущерб в полном объеме считается причиненным первыми.

Освобождение собственника судна от гражданско-правовой ответственности, как и при загрязнении нефтью, определена только в прямо указанных в законе случаях. Вместе с тем, дополнительным обстоятельством в данном случае может служить тот факт, что собственник судна и его работники или агенты не знали и не должны были при разумных обстоятельствах знать об опасном и о вредном характере погруженных веществ. При такой ситуации также можно рассчитывать на освобождение от гражданско-правовой ответственности, поскольку это было не оговоре в обязательствах по перевозке между сторонами.

Ответственность за рассматриваемый ущерб может нести только собственник судна, который в свою очередь, может обратиться с регрессными требованиями к установленным виновным лицам, например, к членам экипажа, лоцману или любому другому, кто выполнял работу на судне, а также фрахтователю, спасателю и другим. Вместе с тем, собственник судна может быть полностью или частично освобожден от гражданско-правовой ответственности, если докажет, что ущерб полностью или частично причинен умышленно или по грубой неосторожности потерпевшего.

Резюмируя вышесказанное, можно с уверенностью утверждать, что морской транспорт является с точки зрения закрепления в законодательстве вопросов гражданско-правовой ответственности самым сложным и объемным по содержанию. Он регулируется большим количеством международных договоров, нормативно-правовыми и подзаконными актами Российской Федерации. Существует много разных правил, регламентов и стандартов. Вместе с тем, законодательство в данной сфере в некоторой части устарело, особенно с точки зрения технического прогресса, а некоторые документы до сих пор не приняты. Современные нормативно-правовые акты должны быть направлены на стимулирование разработки и применение инновационных технологий, соответствие мировым стандартам и правилам для этого вида транспорта, а также на создание условий для предотвращения загрязнения водной среды.

Пристатейный библиографический список

1. Иванов Г.Г. Правовое регулирование морского судоходства в Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.
2. Косовская В.А. Морская перевозка груза как частноправовой институт: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006; и другие.
3. Липавский В.Б. Договор морской перевозки груза с условием предоставления всего судна, части его или определенных судовых помещений (чартер) // Транспортное право. 2004. № 4. С. 19-24; Юридический справочник торгового мореплавания / Под ред. А.С. Кокина. М., 1998. С. 184.
4. Сергеева М.А. Гражданско-правовая ответственность перевозчика по договору морской перевозки пассажиров: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 72-81.
5. Воробьев А.А. Ответственность судовладельца, возникающая из международной перевозки грузов морем: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 14-15.
6. Демченко М.В. Гражданско-правовая ответственность перевозчика при перевозке грузов в прямом смешанном сообщении: Монография. М., 2011. С. 20.
7. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.08.2004 г. № 81 «Обзор практики применения арбитражными судами Кодекса торгового морепла-

8. Стригунова Д.П. Ответственность перевозчика за нарушение обязательств, связанных с перевозкой груза // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 5. С. 68.
9. Коваленко В.Н. Частноправовые основы коммерческого регулирования в современном российском законодательстве: дис. ... докт. юрид. наук. Волгоград, 2012. С. 300.
10. Григорьянц К.А. Договор лоцманской проводки в системе гражданских договоров: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 132.
11. Алтунин В.В. Ответственность морского перевозчика за невыполнение обязательств по перевозке грузов в международном сообщении: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 132.
12. Егоров А.Е. Обязательство по подаче транспортных средств и предъявлению грузов к перевозке и договор железнодорожной перевозки грузов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 9-10.
13. Логофет Д.Д. Договор транспортировки нефти по магистральным нефтепроводам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 9.
14. Гаврилов В.Н. Ограничение размера ответственности морского перевозчика за несохранность груза: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1976.
15. Витрянский В.В. Договор перевозки. М., 2001. С. 166-171.
16. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 27.05.2008 г. № Ф03-А51/07-1/3726 по делу № А51-4706/02-11-101 // СПС «КонсультантПлюс», 2022.
17. Приказ Минтранса России от 17.06.2015 г. № 190 (в ред. от 22.06.2020 г.) «Об утверждении Правил морской перевозки пассажиров» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2015. № 45.
18. Конвенция для объединения некоторых правил относительно столкновения судов (Заключена в г. Брюсселе 23.09.1910 г.) // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. Отдел второй. 1926. № 31. Ст. 188.
19. Международная конвенция о создании Международного Фонда для компенсации ущерба от загрязнения нефтью 1992 года (Дополнение к Международной Конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1992 г.) // СПС «КонсультантПлюс», 2022.
20. Малюков К.А. Основные направления развития правил о договоре морской перевозки груза: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 8.
21. Каминская Е.И. Ответственность морского перевозчика за девиацию и нарушение сроков доставки груза: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 10.
22. Гречуха В.Н. Транспортное право России: учебник для академического бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018. С. 322-323.

ОГОРОДНИК Вероника Федоровна

ведущий консультант отдела обеспечения судопроизводства по гражданским и административным делам 4-го кассационного суда

Огородник В. Ф.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ВЫКУП НЕЗНАЧИТЕЛЬНОЙ ДОЛИ В ПРАВЕ ОБЩЕЙ ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

В статье определены вопросы, возникающие в отечественной правоприменительной практике при рассмотрении споров о принудительном выкупе незначительной доли в праве общей долевой собственности на объект недвижимого имущества. Автором приводятся основные факторы, влияющие на признание доли незначительной в рамках статьи 252 Гражданского кодекса Российской Федерации. В работе дается оценка злоупотребления права со стороны собственника незначительной доли. На основании постановлений Верховного Суда Российской Федерации и решений нижестоящих судов первой инстанции сделан вывод о том, что выкуп незначительной доли в праве общей долевой собственности возможен на основании требований любого собственника.

Ключевые слова: долевая собственность, собственник, жилое помещение, доля, незначительность, принудительный выкуп.

OGORODNIK Veronika Fyodorovna

leading consultant of the Department for Proceedings in Civil and Administrative Cases of the 4th Court of Cassation

COMPULSORY PURCHASE OF A MINOR SHARE IN THE RIGHT OF COMMON SHARED OWNERSHIP: ISSUES OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

The article defines the issues arising in domestic law enforcement practice when considering disputes about the forced redemption of a minor share in the right of common shared ownership of an object of immovable property. The author presents the main factors influencing the recognition of the share as insignificant within the framework of Article 252 of the Civil Code of the Russian Federation. The paper assesses the abuse of rights by the owner of an insignificant share. Based on the decisions of the Supreme Court of the Russian Federation and the decisions of the lower courts of the first instance, it was concluded that the redemption of an insignificant share in the right of common shared ownership is possible on the basis of the requirements of any owner.

Keywords: shared ownership, owner, residential premises, share, insignificance, forced redemption.

В процессе гражданского оборота объекта недвижимости могут случаться ситуации, при которых площадь жилого помещения принадлежит на праве общей долевой собственности нескольким лицам. Несмотря на то, что современное гражданское право уделяет особое внимание защите права собственности, в частности общей собственности, в процессе осуществления лицами – собственниками своих прав и обязанностей нередко наступают случаи злоупотребления такими правами или недобросовестного поведения сособственников, владеющими несоразмерными долями имущества, что зачастую не позволяет реализовать право собственности другим собственникам.

Для разрешения такого рода конфликтов законодатель закрепил в статье 252 Гражданского кодекса Российской Федерации условия принудительного выкупа «незначительной» доли в праве общей долевой собственности. При этом признаки, при наличии которых долю в общей долевой собственности можно признать незначительной, так же установлены частью 4 статьи 252 ГК РФ.

К таким признакам гражданское законодательство относит невозможность реально выделить такую долю в

объекте недвижимости, доля не имеет существенного интереса в использовании общего имущества, «существенный интерес» устанавливается судом в каждом случае отдельно, наличие или отсутствие согласия собственника незначительной доли, обязательная выплата компенсации собственнику незначительной доли в праве общей долевой собственности другими собственниками. [1, с. 46]

Несмотря на то, что Гражданский кодекс Российской Федерации достаточно четко определяет механизм принудительного отчуждения незначительной доли в праве общей долевой собственности объекта недвижимости, в правоприменительной практике до сих пор отсутствует единообразный подход относительно наиболее актуальных вопросов, возникающих у собственников долей в общей долевой собственности объекта недвижимости.

Итак, как нами было указано ранее, «незначительность» доли является оценочной категорией. Ответственным за анализ фактических обстоятельств спора является суд, который в соответствии с материалами дела и на основании своих внутренних убеждений, решает является ли та или иная доля незначительной. В цивилистической

доктрине до сих пор остается спорным вопрос о зависимости признания доли незначительной от предельных минимальных и максимальных размеров земельных участков, минимального размера обеспеченности жильём. [2, с. 44] Подобного рода аргумент так же используется истцами при предъявлении исковых требований о признании доли ответчика незначительной и принудительном выкупе такой доли. Например, в одном из споров о прекращении права долевой собственности на доли жилого дома и земельного участка с выплатой компенсации за них, о признании права собственности на доли жилого дома и земельного участка, истец сослался на то, что для ответчика является незначительной по причине того, что она «в два раза меньше установленного государством минимального размера обеспеченности жильём на человека»¹.

Так же стоит отметить, что интервалы соотношения большей доли и, так называемой, микродоли в жилом помещении четко неопределёны. В судебной практике средним показателем признания доли незначительной является 3 кв.м., однако встречаются и более высокие показатели (например, по делу № 2-1320/2017 Ульяновский районный суд Ульяновской области признал незначительной 1/6 доли в праве общей долевой собственности на жилой дом общей площадью 80,1 кв.м. составляющей 9,68 кв.м.).

В правоприменительной практике особый интерес вызывает Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2017 года по делу № 56-КГ17-13, в котором спор между собственником 11/12 долей в праве общей долей собственности на квартиру и собственником 1/12 доли решился со ссылкой на положения част 4 статьи 252 ГК РФ. Несмотря на то, что общая площадь квартиры составляла 175,3 кв.м., а соответственно площадь спорной доли определялась в размере 14,6 кв.м., Верховный Суд Российской Федерации резюмировал, что так как изолированной комнаты по размеру, соответствующей принадлежащей ему доле, в квартире не имеется, апелляционное определение нижестоящего суда и решение суда первой инстанции, отказавших в удовлетворении исковых требований, подлежит отмене. Так же надзорная инстанция указала, что закреплённая за ответчиком комната размером 16,6 кв.м, а также переданная в совместное пользование сторон помещения общей площадью 77,3 кв.м, размер общей площади квартиры, приходящейся на долю ответчика (14,6 кв.м) был существенно превышен².

Так как практика определения размера доли для признания ее незначительной достаточно разнообразна, перед правоприменителем встал вопрос определения размера денежной компенсации как необходимого элемента механизма принудительного выкупа в соответствии с частью 4 статьи 252 ГК РФ. Стоит отметить, что данная проблема тесно связана с повышенным риском злоупо-

треблений со стороны собственника большей доли объекта недвижимости.

В настоящее время вопрос определения цены «принудительного выкупа» при не достижения согласия между сторонами, решается путем назначения определением суда независимой судебной оценочной экспертизы. При этом следует обратить внимание, что стороны процесса, не согласные с результатами проведенной оценки, имеют право ходатайствовать о проведении повторной или комиссионной экспертизы. В таком случае, судам необходимо руководствоваться положениями о необходимости назначения дополнительной экспертизы для установления фактов, без которых невозможно установить наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и (или) возражения лиц, участвующих в деле, и которые невозможно установить из материалов, имеющихся в деле, с целью недопущения затягивания процесса.

Доказательством добросовестного поведения лица, заявляющего исковые требования о принудительном выкупе «микродоли», может являться, например, внесения таким лицом денежных средств на депозит суда, в размере, установленном на основании предварительной оценочной экспертизы.

Критерий «существенного интереса» собственника микродоли достаточно активно рассматривался Верховным Судом Российской Федерации (далее по тексту – ВС РФ) как один из элементов, входящих в предмет доказывания по делам о принудительном выкупе доли. Сложившаяся правоприменительная практика резюмирует, что в основе существенного интереса стоит критерий нужды личности лица в использовании имущества (например, в силу возраста, состояния здоровья, профессиональной деятельности, наличия детей, других членов семьи, в том числе нетрудоспособных и т.п.)³. Данный перечень остаётся открытым и законодателем не установлен.

Возвращаясь к рассмотренному ранее Верховным Судом Российской Федерации делу о прекращении права собственности, оценка существенного интереса ответчика была связана с такими факторами как основание приобретения ответчиком права собственности на спорный объект недвижимости (в рассматриваемом случае, обязательная доля в наследстве), имущественное положение ответчика, наличие у него собственной семьи, с которой ответчик постоянно проживает по другому адресу, при отсутствии возможности достижения соглашения с истцом о порядке пользования общим имуществом квартиры, о поведении ответчика, направленном на умышленное разрушение и повреждение квартиры, попытке вселения в нее других лиц⁴.

1 Решение Скопинского районного суда Рязанской области по делу № 2-315/2017 от 05 октября 2017 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/qLLC3GtKchZJ/> (дата обращения: 29.01.2022).

2 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2017 года по делу № 56-КГ17-13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1556236 (дата обращения: 27.01.2022).

3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/10035675/> (дата обращения: 31.01.2022) – П. 36.

4 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2017 года по делу № 56-КГ17-13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1556236 (дата обращения: 27.01.2022).

Такой признак незначительности доли в праве общей долевой собственности, как невозможность реального выдела доли в судебной практике определяется через призму несопоставимого ущерба имуществу, находящегося в общей долевой собственности. Иными словами, иски о признании требований подлежат удовлетворению если одновременно с рассмотренными ранее факторами, существует невозможность использования имущества по целевому назначению, существенное ухудшение технического состояния, снижение материальной ценности, неудобство в использовании и т.п. [3, с. 155] Наиболее распространенным случаем невозможности реального выдела доли является отсутствие в жилом помещении изолированной части жилых и нежилых (подсобных) площадей в объекте недвижимости, оборудованного отдельного входа, так как при этом невозможно определить порядок пользования объектом недвижимого имущества.

В качестве несопоставимого ущерба хозяйственному назначению квартиры, жилому дому выступает существенное ухудшение технического состояния такого имущества, смена назначения жилой части помещения на нежилое, представление на долю помещений, которые не могут быть использованы лицом под жилье из-за малого размера площади или неудобства использования ими.

Указанные факторы в совокупности являются достаточным основанием для удовлетворения исковых требований о принудительном выкупе незначительной доли в общей долевой собственности несмотря на то, что в материалах дела может быть дана ссылка на обстоятельство, из которого следует, что ответчик не имеет в собственности другого жилого помещения. Вывод ВС РФ представляют особый интерес, так как один из первых закрепил принцип «допустимости применения пункта 4 статьи 252 ГК РФ». Прежде всего это связано с тем, что ранняя судебная практика во главе с Конституционным Судом Российской Федерации достаточно критично относилась к возможности лишения другого лица права собственности при незначительности его доли, по причине того, что действующее законодательство не предусматривает подобного механизма, в случаях, когда ответчик не заявлял требований о выделе ему доли в натуре. Позиция же Верховного Суда РФ кардинально отличалась от сформированной, и внесла различие в практику применения рассматриваемой нормы права.

На основании вышеизложенного, с уверенностью можем сделать вывод о том, что правоприменительная практика является фундаментом для определения возможности принудительного выкупа незначительной доли в праве общей долевой собственности объекта недвижимости. Для дальнейшего совершенствования рассматриваемого механизма необходимо продолжать работу законодателя с целью недопущения со стороны собственников большего размера долей своих прав, предотвратить приобретение «микродолей» в обход закона.

Так как основная нагрузка от недобросовестных действий собственников незначительных долей, в том числе собственников – «профессиональных мошенников» ложится на органы судебной власти, необходимо исключить разное толкование части 4 статьи 252 Гражданского кодекса Российской Федерации нижестоящими

судами. В рамках аналогичных споров судам следует давать оценку добросовестного и недобросовестного поведения со стороны участников спора, принимать решения, основываясь на совокупности обстоятельств каждого дела в отдельности и внутреннего убеждения судьи.

Разнообразие факторов, необходимых для признания доли в общей долевой собственности незначительной, не позволяет законодателю предусмотреть конкретный их перечень в одном нормативно-правовом акте, следовательно, множественные факты злоупотребления правом со стороны собственников как меньших, так и больших долей в жилых помещениях. Необходимо привести положения законодательства и правоприменительной практики к единообразию подходов для разрешения подобных категорий споров между собственниками объектом недвижимости при наличии условий, предусмотренных действующим гражданским правом в совокупности.

Пристатейный библиографический список

1. Аблятипова Н. А., Кравцова А. А. Незначительность доли в праве общей собственности как основание прекращения права собственности // Крымский научный вестник. - 2018. - № 1. - С. 45-51.
2. Дерницкая А. Э. Проблема злоупотребления правом собственниками «микродолей» в праве на жилые помещения // Научный журнал «E-Scio». - 2020. - № 9. - С. 42-46.
3. Фирсова Н. В., Юсупов Д. Р. К вопросу о принудительном выкупе незначительной доли в праве общей долевой собственности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2021. - № 12-3. - С. 155-157.

РЫХЛЕТСКИЙ Павел Леонидович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЕЛЛЫ ИНСТИТУТА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В статье выделены актуальные проблемы института представительства в действующем гражданском праве, решение которых на законодательном уровне положительным образом сказалось бы на правоприменителе. В работе отдельное внимание уделяется признакам, присущим институту представительства в отечественном гражданском праве. Автор исследует внесенные в Гражданский кодекс Российской Федерации изменения положений о доверенности. В частности, дается правовая характеристика предпосылок для изменения механизма отмены доверенности, совершенной в простой письменной форме.

Ключевые слова: представитель, доверенность, представляемое лицо, нотариус, реестр, сделка.

RYKHLETSKIY Pavel Leonidovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the North Caucasus branch of the Russian State University of Justice

ACTUAL PROBLEMS AND NOVELTIES OF THE INSTITUTE OF REPRESENTATION IN DOMESTIC CIVIL LAW

The article highlights the actual problems of the institution of representation in the current civil law, the solution of which at the legislative level would have a positive impact on the law enforcement officer. In the work, special attention is paid to the features inherent in the institution of representation in domestic civil law. The author examines the amendments to the provisions on power of attorney made to the Civil Code of the Russian Federation. In particular, the legal characteristics of the prerequisites for changing the mechanism of revocation of a power of attorney made in simple written form are given.

Keywords: representative, power of attorney, represented person, notary, registry, transaction.

Рыхлетский П. Л.

Одним из самых стабильных и фундаментальных институтов в действующем законодательстве Российской Федерации является институт представительства. Стоит отметить, что контракция действий, осуществляющихся одним лицом от имени другого лица, присущ не только гражданско-правовым правоотношениям, но и активно используется в каких отраслях права, как уголовное право, уголовно-процессуальное право, международное право с учетом своих особенностей, предусмотренных соответствующим нормативно-правовым актом.

Легальное понятие гражданско-правового представительства вытекает из положений статьи 182 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) и подразумевает совершение юридически значимых действий одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, в результате которых возникают, изменяются и прекращаются права и обязанности представляемого лица¹. Стоит отметить, что институт представительства в отечественном гражданском праве особенно популярен, так как в учетом активно развивающихся экономических отношений между субъектами предпринимательской деятельности и физическими лицами, невозможно представить совершение

юридически значимых действий без данного инструментария.

К основаниям возникновения таких полномочий гражданское право относит доверенность, указание закона, акт уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления. Так же закон устанавливает, что полномочие может явствовать из обстановки, в которой действует представитель. Данное положение в большей степени относится к профессиональной деятельности продавца в розничной торговле, кассира и т.п. [3, с. 115].

Комплексный анализ положений гражданского законодательства позволяет выделить следующие признаки представительства:

1. Так как правоотношения между представителем и представляемым возникают по поводу делегирования полномочий одного лица другому, а также действий представителя, призванных обеспечить возникновение, изменение или прекращение имущественных и неимущественных отношений представляемого с третьим лицом, можно с уверенностью сказать, что они лишены имущественного содержания. Из чего следует, что правоотношения, вытекающие из представительства, являются организационными.

2. Представительство реализуется только через правомерные действия как между представляемым и представителем, так и между представителем и третьим ли-

1 Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ / Российская газета, 1994. - 8 декабря. - № 238-239. - ч. 1 ст. 182.

цом относительно правоотношений представляемого. [2, с. 183]

3. Представитель действует от имени представляемого, следовательно, законодатель и правоприменитель регламентируют, что действия представителя приравниваются к действиям представляемого.

4. Представитель совершает юридические действия от имени представляемого лица. Стоит отметить, что несмотря на то, что статья 182 ГК РФ упоминает лишь возможность представителя совершать сделки, несомненным представляется факт того, что действия такого лица могут быть направлены и на иные юридически значимые действия.

5. Результат действий представителя направлен на возникновение, изменение и прекращение прав и обязанностей у представляемого лица. Иными словами, лицо, которому переданы соответствующие полномочия, своими фактическими действиями организует правоотношения между представляемым и третьими лицами.

6. В первую очередь представительство действует в интересах представляемого лица. На практике в качестве вторичного критерия действий представителя выступает удовлетворение собственных интересов, как например, желание получить вознаграждение, однако передача полномочий от одного лица другому служит для обеспечения интересов представляемого.

Обобщая вышеизложенное, явно выделяется одна из актуальных на сегодняшний день проблем института представительства в гражданском праве Российской Федерации. А именно необходимость трактовать положения части 1 статьи 182 ГК РФ гораздо шире, поскольку данная норма указывает, что представитель совершает сделки в интересах и в пользу представляемого им лица. Однако представитель зачастую совершает различного рода фактические действия в аналогичных целях, которые носят отличный от сделок характер.

Особое внимание предлагается уделить проблеме «двойного представительства». В части 3 статьи 182 ГК РФ законодатель четко выделил запрет на совершение сделки представителем от имени представляемого в отношении себя лично, а также в отношении другого лица, представителем которого он одновременно является, за исключением случаев, предусмотренных законом². Проблема «двойного представительства» в нотариальной практике существует достаточно давно и прежде всего касается таких ситуаций, при которых одним из супругов выдается доверенность на имя супруга для совершения по такой доверенности сделки с супругом представителя.

Согласно общим положениям отечественного законодательства о представительстве, нотариусам представляется право удостоверению такого рода доверенности по содержанию. При этом против данного положения действует требование, согласно которому нотариусу при удостоверении такой доверенности необходимо присутствие другого супруга.

Рассматривая проблему под таким углом невозможно согласиться с пунктом 2.1.1. Методических рекоменда-

ций по удостоверению доверенностей от 18.07.2016 года, который регламентирует, что рассматриваемый частью 3 статьи 182 ГК РФ запрет на совершение сделок представителем в отношении себя лично не распространяется на случаи приобретения имущества одним из супругов, действующим по доверенности от имени другого супруга, поскольку в данном случае отсутствует конфликт интересов, для предотвращения которого введена указанная норма³.

Как было замечено ранее, в рассматриваемом случае представитель осуществляет сделку от имени представляемого лица не только в отношении своего супруга, но и себя лично, обладая на праве общей совместной собственности супругом в рамках статьи 34 Семейного кодекса Российской Федерации, что прямым образом не допускается частью 3 статьи 182 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Обратная ситуация имеет место быть при выдаче одним из супругов доверенности на приобретение от его имени имущества. В таком случае предмет договора поступит в общую совместную собственность супругов. Следовательно, передавая полномочия своему супругу с целью приобретения от его имени имущества, другой супруг совершает одновременно два действия: юридически фиксирует в такой доверенности согласие на приобретение имущества и передает полномочия на совершение такой сделки от его имени. В научных трудах неоднократно указывалось, что наличие такого согласия исключает возможность признания сделки недействительной. [1, с. 100]

Таким образом, по нашему мнению, необходимо дополнить часть 3 статьи 182 ГК РФ запретом для представителя совершать сделки в отношении своих близких родственников (детей, родителей и др.), супругов. Предполагается, что данное предложение будет способствовать совершенствованию законодательной базы института представительства в Российской Федерации.

В последние годы законодатель внес значительные изменения в законодательство о представительстве, коснувшиеся в частности, расширения возможности фиксации полномочий представителя через такие формы как решение собрания, в которое включено полномочие представителя, письменное извещение, заявление и т.п. в адрес третьего лица (например, письменное уполномочие на распоряжение представителем гражданина в банке может быть совершено владельцем счёта непосредственно в банке) с соблюдением действующих положений о доверенности, а так же порядка отмены доверенности, зафиксировавший в пункте части 1 статьи 188 ГК РФ правило, по которому отмена совершается в той же форме, в которой была выдана доверенность, либо в нотариальной форме. Как следствие сведения о совершенной в нотариальной форме доверенности с 01.01.2017 г. вносятся нотариусом в реестр нотариальных действий и предоставляются Федеральной нотариальной палатой неограниченному кру-

2 Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ / Российская газета, 1994. - 8 декабря. - № 238-239. - ч. 3 ст. 182.

3 Письмо ФНП от 22.07.2016 г. № 2668/03-16-3 «О Методических рекомендациях по удостоверению доверенностей» (вместе с «Методическими рекомендациями по удостоверению доверенностей», утв. решением Правления ФНП от 18.07.2016, протокол № 07/16). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_202780/ (дата обращения: 28.01.2022). – П. 2.1.1.

гу лиц с использованием сети «Интернет»⁴. Указанная новелла положительно повлияла на общество, позволив любому заинтересованному лицу ежедневно и круглосуточно получить информацию о лице, удостоверившем доверенность, дате ее удостоверения и регистрационном номере в реестре нотариальных действий единой информационной системы нотариата, дате и времени внесения в этот реестр сведений об отмене доверенности.

На этом фоне особый интерес приобретает внесенные 29.12.2021 года изменения в статью 189 ГК РФ. Актуальность законодательной новеллы связана с тем, что ранее информация об отмене могла быть получена только в отношении доверенности, совершенной в нотариальной форме. Федеральный закон от 6 декабря 2021 г. № 402-ФЗ «О внесении изменений в статью 189 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» распространил алогичные правила и на доверенность, совершенную в простой форме.

Предпосылками к таким изменениям явились положения действующей в предыдущей редакции статьи 189 ГК РФ, согласно которым, если доверенность совершена в простой письменной форме, то сведения об ее отмене могут быть опубликованы в официальном издании, в котором опубликовываются сведения о банкротстве. При этом если сведения об отмене такой доверенности опубликованы в печатном издании, третьи лица считаются извещенными об отмене доверенности по истечении месяца со дня такого опубликования.

Однако такой подход не в полной мере учитывал актуальные потребности участников гражданского оборота, поскольку оставлял за пределами правового регулирования порядок публикации сведений об отмене доверенностей, совершенных в электронной форме и не удостоверенных нотариально, в то время как именно они составляют большую часть всех совершаемых гражданами доверенностей.

Кроме того, установленные ранее ГК РФ последствия публикации в печатном издании характеризовались существенными неудобствами для сторон, использующих электронные способы взаимодействия, так как формально прекращение полномочий представителя происходит лишь по истечении месяца со дня публикации соответствующих сведений в печатном издании. Этот срок явным образом не соответствовал потребностям цифровизации экономики Российской Федерации, в связи с чем, Правительством Российской Федерации ранее было принято решение о необходимости сокращения этого срока. Главной причиной изменения законодательства о представительстве является злоупотребление со стороны представителя своими полномочиями при отмене представляемым лицом доверенности, совершенной в простой форме, в период с публикации отмены до наступления факта прекращения полномочий.

Внесенные изменения позволили создать механизм, при котором, в случае отмены доверенности, совершенной в простой письменной форме, такие сведения могут быть внесены в реестр распоряжений об отмене доверенно-

стей⁵. При этом на такой реестр распространяются общие правила о доступности информации неограниченному кругу лиц в формате «онлайн», что так же ограничивает возможность злоупотреблений при недобросовестном поведении определенных лиц.

Вместе с тем, возможность публикации гражданами информации об отмене доверенности выступает действенным инструментом снижения издержек, связанных с уведомлением поверенного и всех заинтересованных лиц об отмене доверенности, поскольку позволяет избежать споров о дате получения сведений об отмене доверенности, снизить риски неполучения этих сведений в связи со сменой места нахождения адресата, избежать ошибок при доставке корреспонденции.

Исследование актуальных проблем и новелл отечественного гражданского законодательства о представительстве позволяет четко определить, что законодатель продолжает выработанные ранее тенденции развития права, одной из которых является создание необходимой для общества гибкости нормативно правового регулирования. Отраженные в работе выводы дают основания полагать, что произошедшая модернизация положений института представительства обоснована и соответствует реалиям времени, складывающейся в стране рыночной экономике, позволяет большему кругу лиц, участвующих в хозяйствующем обороте получать актуальную информацию о наличии или отсутствии полномочий у представителя, для предотвращения возможности признания заключенных с таким лицом сделок.

Пристатейный библиографический список

1. Белецкая В. А., Дыркачева О. Е. Современные тенденции развития института представительства // Научный журнал «Эпомен». - 2021. - № 56. - С. 96-101.
2. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический) к части первой, 5-е издание // под редакцией д.ю.н., профессора С. А. Степанова. - Москва: Проспект. Институт частного права. - 2021.
3. Масликова К. А. Понятие и виды представительства // Молодой ученый. - 2020. - № 38 (328). - С. 115-116.

4 Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ / Российская газета, 1994. - 8 декабря. - № 238-239. - ч. 1 ст. 189.

5 Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ / Российская газета, 1994. - 8 декабря. - № 238-239. - ч. 1 ст. 189.

СПЕКТОР Асия Ахметовна

доктор юридических наук, профессор Российского университета транспорта, г. Москва

ДОБРОСОВЕСТНЫЙ ПРИОБРЕТАТЕЛЬ: ПОНЯТИЕ, ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Автор, затрагивая такой аспект гражданско-правового регулирования, как добросовестное приобретение имущества, дает оценку понятию «добросовестный приобретатель» и определяет основные признаки его идентификации. В качестве примера надлежащей оценки такого состояния автор приводит исследования ученых по данному вопросу, а также ссылается на позицию высших судебных инстанций России. С учетом проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что на данный момент указанное понятие не имеет достаточного закрепления в законодательстве, а потому правовая практика в вопросе защиты законных интересов добросовестного приобретателя будет еще долгое время находиться в состоянии развития. С другой стороны, последовательное развитие указанного института позволяет более плотно приблизиться к пониманию его сущности и построить процесс правового регулирования максимально эффективно.

Ключевые слова: вещное право, законодательство, приобретательная давность, добросовестность.

SPECTOR Asiya Akhmetovna

Ph.D. in Law, professor of the Russian University of transport, Moscow

BONA FIDE ACQUIRER: CONCEPT, LEGAL STATUS, PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

The author, touching upon such an aspect of civil law regulation as bona fide acquisition of property, gives an assessment of the concept of "bona fide purchaser" and determines the main features of its identification. As an example of a proper assessment of such a state, the author cites research by scientists on this issue, and also refers to the position of the highest judicial instances of Russia. Taking into account the analysis carried out, the author comes to the conclusion that at the moment this concept is not sufficiently fixed in the legislation, and therefore the legal practice in the matter of protecting the legitimate interests of a bona fide purchaser will be in a state of development for a long time. On the other hand, the consistent development of this institution allows us to get closer to understanding its essence and build the process of legal regulation as efficiently as possible.

Keywords: property law, legislation, acquisitive prescription, conscientiousness.

Феномен такого явления в гражданском праве, как добросовестный приобретатель, разрешается путем определения его основных признаков, которые, как показывают различные исследования, пока еще не имеют четкой правовой регламентации. Это вполне логично, поскольку юридическая структура указанного элемента отношений, прежде всего связанных с переходом прав собственности на движимое или недвижимое имущество, достаточно противоречива и может зависеть не только от числа действующих принципов цивилистики, но и быть обусловлена наступлением определенных условий.

Исследователи, занимающиеся изучением проблем, связанных с защитой прав и интересов добросовестных приобретателей, отмечают, что причиной такого положения дел является крайняя неустойчивость законодательной логики в вопросах оценки поведения собственников, а также тех аспектов гражданско-правового регулирования, где затрагивается вопрос определения статуса жилого помещения либо вообще просто вещи [2, с. 5]. С другой стороны, как отмечает исследователь Д. А. Кикеева, на вопрос определения понятия «добросовестный приобретатель», а также его статуса в отечественной доктрине влияет и непрекращающаяся апробация новых правил перехода прав собственности (вещи) от одного субъекта к другому [1, с. 217].

В частности, если прибегнуть к простейшему анализу современных исследований по данному вопросу, а также оценке судебной практики, возможно установить, что главным условием возникновения положения добросовестного приобретателя является переход вещи (права) от одного собственника к другому.

В противовес выше представленной позиции выступает та, согласно которой добросовестность, к примеру, простой передачи вещи нельзя считать полноценной (наступившей), пока на такое действие не будет конкретного указания со стороны законодателя [3, с. 5].

Учитывая приведенные позиции, следует отметить, что последняя точка зрения, с учетом того, что положения гражданского законодательства разграничивают представление о добросовестном приобретателе как с позиции общего представления о данном феномене (ст. 302 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ))¹, так и с точки зрения понятия «добросовестное приобретение в виду давностного владения» (ст. 234 ГК РФ), несколько спорна, поскольку смывает установленные законом границы их различия. В свою очередь, давностное приобретение – это не просто положение, которое фундаментализирует идею владения в каком-то одном состоянии, это еще и комплекс отношений, зависящий от таких составляющих гражданско-правового регулирования, как открытость, добросовестность, отношение к вещи со стороны иных лиц, как к своей собственной.

Между тем, как показывает правовая практика, в основу успешного функционирования института защиты вещных прав, предусмотренного ст. 302 ГК РФ, положено представление о том, что переход вещи от одного владельца к другому обусловлен прежде всего добросовестным приобретением вещи, а не её длительным, пусть и таким же добросовестным владением. Здесь риск утраты добросовестности, в случае если переход спорной вещи был осуществлен без учета мнения действительного владельца (собственника), нивелируется действием принципа «*mala fides superveniens non nocet*» [4, с. 241], в соответствии с которым соблюдение процедуры приобретения вещи со стороны будущего собственника исключает возможность наступления последствий для него.

Ярким примером реализации вышеуказанного принципа является порядок применения правил добросовестного приобретения, принятый в такой стране, как Франция. В

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021) // Собрание законодательства РФ. - 05.12.1994. - № 32. - Ст. 3301.

частности, где в соответствии со ст. 2268 Гражданского Кодекса Франции добросовестность признается тогда, когда при заключении сделки о переходе права собственности на какую-либо вещь все условия предыдущего её использования были сообщены покупателю (приобретателю). В случае, если продавец сведения о том, что такая вещь является собственностью еще и другого лица, не сообщил, то сделка, совершенная при указанных основаниях, может быть признана незаконной².

Как мы видим, вопрос добросовестного приобретения достаточно гибок в своем выражении. Вместе с тем, давая оценку практической функциональности такого механизма, следует прибегнуть к логике Конституционного Суда РФ, который, рассматривая вопрос о конституционности положений ст. 302 ГК РФ, затронул вопрос эффективности действующего механизма защиты добросовестного приобретателя при оценке его использования в сфере оборота недвижимого имущества. Формальным поводом к такому выводу стало дело о приобретении права собственности на недвижимое имущество жителем Ангарска, который, купив квартиру, был не осведомлен, что объект недвижимости имеет еще одного собственника – жену продавца. Как следствие, имущество стало предметом спора, и суды, сославшись на положения ст. 302 ГК РФ, постановили признать заключенную сделку спорной. При этом ни одна из судебных инстанций не приняла во внимание, что правообладатель представил документы о том, что квартира была приобретена законно. Конституционный Суд РФ по результатам оценки доводов вынес решение о необходимости пересмотра вынесенных судебных актов, указав, что судами не была учтена прежде всего позиция ответчика и его доводы относительно того, что спорный объект недвижимости перешел в его собственность абсолютно законно³. Отдельно стоит обратить внимание на то, что Конституционный Суд РФ, определяя, что положения действующего законодательства в данном конкретном деле не могут обеспечить эффективную защиту прав, а также констатируя необходимость внесения законодательных изменений в положения ст. 302 ГК РФ, де-факто ввел новый критерий оценки такого понятия, как добросовестное приобретение – осмотнительное поведение. Кроме того, судом было указано на то, что система единой государственной регистрации недвижимости нашей страны обладает достаточной защитой указанных прав, поэтому сведения, предоставленные данной службой при условии, если такие сведения являются достаточными и верными, нужно признавать в качестве доказательства легитимности совершения сделки с объектом недвижимости.

Рассмотренная нами позиция наглядно свидетельствует о том, что именно от совершенства и состояния правового механизма зависит качественное разрешение вопроса с определением правового положения добросовестного приобретателя. И непосредственно механизмы, определяющие возможности конкретной защиты прав собственников, должны служить отражением истинного представления о том, что такое добросовестное приобретение вообще. Полагаем, что необходимо постоянно совершенствовать нормативные положения, которые определяют порядок действия данных механизмов, расширять правовые возможности (правомочия) субъектов отношений, а также вводить меры, которые в аналогичных ситуациях помогут нейтрализовать негативные последствия, связанные с незаконным приобретением. Наглядным примером совершенствования указанных механизмов стали последние изменения по части введения денежной компенсации для тех, кто стал жертвой нелегитимной реализации процедуры продажи недвижимости. В частности, внесены изменения в Федеральный закон № 218-

ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»⁴, в соответствии с которыми введена специальная компенсация для лиц, законно ставших владельцами недвижимости, но в силу дальнейшего обжалования утратившие право на ее владение. Как отмечается в данном законе, если объектом добросовестного приобретения стало спорное имущество, то указанная компенсация может быть выплачена на основании судебного решения, исключившего действительность сделки в соответствии с нормами права. Кроме того, добросовестный приобретатель вправе требовать по закону компенсации, если будет установлено, что он стал правообладателем объекта недвижимости именно по причине предоставления недостоверной информации со стороны продавца, а также со стороны тех органов, которые отвечают за регистрацию данных объектов.

Таким образом, мы видим, что добросовестное приобретение, как сегмент договорной логики и аспект гражданско-правовой модели регулирования договорных отношений, должного (достаточного) отражения в законодательстве страны не имеет. Более того, затронув проблему регулирования отношений, связанных с оборотом недвижимого имущества, мы наглядно смогли убедиться в том, что механизмы его использования на практике далеки от совершенства. Правовая природа указанного феномена носит производный характер, и если предметно оценивать его признаки, то можно убедиться в том, что указание на производность проистекает из того, каким именно образом нужно производить защиту прав собственников в принципе. Следовательно, именно в применении конкретного механизма защиты вещных прав правовое положение добросовестного приобретателя находит свое выражение, внесение изменений в который непременно влечет за собой и изменение его статуса.

Пристатейный библиографический список

1. Кикеева Д. А. Правовые аспекты защиты прав добросовестного приобретателя недвижимого имущества. В сборнике: Всероссийская конференция молодых исследователей с международным участием «Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации» (Социальный инженер-2020). сборник материалов Всероссийской конференции молодых исследователей с международным участием. - Москва, 2020. - С. 215-220.
2. Пушкина А. В. Тенденции судебной практики по оспариванию прав добросовестных приобретателей недвижимого имущества // Вестник арбитражной практики. - 2021. - № 4 (95). - С. 3-10.
3. Новоселова Л. А. Защита добросовестного приобретателя от претензий «конкурирующих» приобретателей // Хозяйство и право. - 2020. - № 8 (523). - С. 3-9.
4. Яковлева С. П. Защита интересов добросовестного приобретателя жилого помещения в России (влияние правовых позиций Европейского суда по правам человека) // Миссия современного государства и права в эпоху социальных перемен: материалы Международной научно-практической конференции. Электронный ресурс, Иркутск, 26 октября 2018 года. - Иркутск: Иркутский государственный университет, 2019. - С. 240-243.

2 Гражданский Кодекс Французской республики 1804 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/041401> (дата обращения: 25.01.22).

3 КС защитил добросовестных приобретателей имущества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://realty.rbc.ru/news/60ed80a99a79475899a1e449> (дата обращения: 26.01.22).

4 Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. - 20.07.2015. - N 29 (часть I). - Ст. 4344.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-2-165-182-184

ПЕРМЯКОВ Максим Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский государственный юридический университет

РАЧЕВА Нелли Витальевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета

КИЛИН Александр Григорьевич

старший преподаватель кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета

ПРАВОВЫЕ МЕТОДЫ РЕШЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ СПОРОВ

Рассмотрение вопросов защиты семейных прав в России обуславливается особым социальным аспектом. На сегодняшний день эта проблема остро прослеживается в законодательном аспекте, в частности с точки зрения тенденции нивелирования семейных ценностей, на основе которых и должна выстраиваться современная модель частноправовой защиты семейных прав и охраняемых законом интересов. Так же не следует забывать и про то, что не все отношения, возникающие в кругу семьи, поддаются четкой правовой регламентации. В таких случаях на первый план выходят ценностные, нравственно-правовые регуляторы семейных отношений, которые оказывают немаловажное значение на применение специальных методов и способов частноправовой защиты семейных прав. Таким образом, на первый план выходит задача правового урегулирования отношений современного гражданского и семейного законодательства и состоит она в том, чтобы создать рабочую, эффективную социальную направленную основу для поддержания и развития семьи, которая, в свою очередь, будет включать в себя эффективные методы защиты прав и законных интересов ее членов, условия для осуществления ими самостоятельных правомочий в личных неимущественных и имущественных отношениях, с применением механизма правоохранительного характера по обеспечению семейно-правовой защиты [12].

Ключевые слова: семья, брак, мораль, обычай, супруг, родственник, попечение, семейный спор, алименты, суд, родитель, совместная собственность, обязанность, взыскание, брачный договор, развод, конфликт.

PERMYAKOV Maksim Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor, The First President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University, Ural State Law University

RACHEVA Nelly Vitaljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminalistics sub-faculty of the Urals State University

KILIN Aleksandr Grigorjevich

senior lecturer of Criminology sub-faculty of the Ural state law University

LEGAL METHODS OF RESOLVING FAMILY DISPUTES

Consideration of issues of protection of family rights in Russia is conditioned by a special social aspect. Today, this problem is acutely traced in the legislative aspect, in particular from the point of view of the tendency to level family values, on the basis of which a modern model of private law protection of family rights and legally protected interests should be built. We should also not forget that not all relationships that arise in the family circle are amenable to clear legal regulation. In such cases, the value, moral and legal regulators of family relations come to the fore, which are of no small importance for the use of special methods and methods of private legal protection of family rights. Thus, the task of legal regulation of relations between modern civil and family legislation comes to the fore and it consists in creating a working, effective socially oriented basis for the maintenance and development of the family, which, in turn, will include effective methods of protecting the rights and legitimate interests of its members, conditions for their exercise of independent powers in personal non-property and property relations, with the use of a law enforcement mechanism to ensure family legal protection.

Keywords: family, marriage, morality, custom, spouse, relative, custody, family dispute, alimony, court, parent, joint property, obligation, recovery, prenuptial agreement, divorce, conflict.

Семья – это объединение людей, основанное на кровном родстве или браке, связанных бытом, взаимопомощью и ответственностью. Такой вид общественных отношений регулируется не только нормами морали и обычаями, но и нормами права, которые сохраняют права и интересы всех членов семьи и регулируют имущественные вопросы.

Брак с юридической точки зрения – разновидность актов гражданского состояния (статья 47 ГК РФ), подлежащих государственной регистрации в порядке, установленном Федеральным законом «Об актах гражданского состояния» [5].

Предметы регулирования семейного законодательства указаны в статье 2 СК РФ, а именно:

- условия и порядок вступления в брак,
- прекращение брака и признание его недействительным,

– личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи: супругами, родителями и детьми (усыновителями и усыновленными), а в случаях и в пределах, предусмотренных семейным законодательством, между другими родственниками и иными лицами,

– определяет порядок выявления детей, оставшихся без попечения родителей, формы и порядок их устройства в семью, а также их временного устройства, в том числе в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [1].

Второй статьей строго определены отношения, подлежащие правовому регулированию, все остальное, неопределенное законом, входит в сферу гражданского законодательства [3].

Как видно, основными предметами регулирования СК РФ являются семейные споры – разногласия между членами семьи, обусловленные противоположными мотивами, потребностями или интересами.

В судебной практике семейные дела являются непростыми, потому что они специфичны в психологическом и законном плане, из-за невозможности урегулировать каждый вид спора. Поэтому пунктом 1 статьи 8 СК РФ определяется, что приоритетным является судебная защита семейных прав по правилам гражданского судопроизводства (статьи 11, 12, 28 ГПК РФ) [4].

90 % супругов ограничиваются этими семейными спорами:

- расторжение брака;
- раздел имущества;
- определение места жительства ребенка;
- взыскание алиментов;
- лишение / ограничение родительских прав;

По итогам 2020 года в Арбитражных судах было рассмотрено 720000 споров, среди которых 51 % составляли расторжение брака и раздел имущества [9].

Рассмотрим каждый вид спора обособленно.

1. *Расторжение брака* может происходить в ходе взаимного и не взаимного согласия.

При взаимном согласии расторжение брака супругов, не имеющих общих несовершеннолетних детей, производится в органах ЗАГС по месту жительства одного из супругов или по месту государственной регистрации заключения брака (пункт 1 статья 19 СК РФ). Супруги лично подают совместное заявление о расторжении брака в письменной форме. Расторжение происходит при присутствии одного из супругов по истечению месяца.

Прекращение брака при его регистрации определяется правилами, закрепленными в статье 25 СК РФ, в соответствии с которой брак, расторгаемый в органах ЗАГС, прекращается со дня государственной регистрации расторжения брака в книге регистрации актов гражданского состояния. Супруги не вступают в новый брак пока не получают свидетельство о расторжении брака в органе ЗАГС [5].

При этом ЗАГС не выясняет причины расторжения брака, если возникают вопросы о разделе имущества, спорах о детях и т.д. расторжение производится в судебном порядке [6].

2. *Имущественные права* возникают также со дня государственной регистрации брака. Особенности правового регулирования имущественных отношений указаны в статье 256 ГК РФ, а конкретизированы в статьях 7, 8 СК РФ, помимо семейного законодательства может применяться жилищное, земельное, налоговое, гражданское и т.д.

Законодательство РФ предусматривает два правовых режима имущества:

- законный, т.е. режим совместной собственности супругов (пункт 1 статьи 33 СК РФ);
- договорный, соглашение, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке в случае его расторжения (статья 40 СК РФ).

Желательно рассмотреть процедуры проведения этих правовых режимов по отдельности.

Законный правовой режим представляет собой следующее: статьей 38 СК РФ предусмотрены правила разделения совместно нажитого имущества в судебном порядке.

– Суды, рассматривая споры о разделе имущества, применяют нормы гражданского права, указанные в статье 252 ГК РФ. Споры о разделе имущества супругов и определении долей рассматриваются в судебном порядке (пункт 3 статьи 38 СК РФ). Суд решает кому именно из супругов будет передано конкретное имущество.

– Вещи, приобретенные для удовлетворения исключительно потребностей несовершеннолетних детей, не подле-

жат разделу, они будут переданы супругу, с которым будут проживать дети. Дети никаких прав в отношении их имущества не приобретают, такое имущество остается собственностью каждого из родителей.

– При наличии разногласий по поводу имущества, приобретенного совместно родителями и детьми, раздел производится по правилам гражданского законодательства.

– Статьей 39 пункт 1 СК РФ установлен принцип равенства долей имущества, как правило, это ½ от общей доли. Суд может отступить от этого принципа согласно статье 39 пункту 2 СК РФ, если супруг по неуважительным причинам не получал доход или расходовал имущество, что повлекло разногласия интересов семьи.

Договорный правовой режим в свою очередь представляет собой следующее: в российском законодательстве есть возможность заключить брачный договор, в соответствии с которым «имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если договором между ними не установлен иной режим этого имущества». «было установлено в пункте 1 статьи 256 ГК РФ [7].

Правила, предъявляемые к форме брачного договора, устанавливаются семейным, гражданским, налоговым и нотариальным законодательством. Стороны вправе самостоятельно определять свои обязанности и имущественные права, и его судьбу, в браке или при его расторжении (статья 42 СК РФ). Взыскание может быть адресовано исключительно в отношении имущества этого супруга в силу статьи 45 пункта 1 СК РФ [5].

Таким образом, при разделе имущества в суде, суд будет руководствоваться положениями брачного договора, а что остается им не урегулированным – законом. Брачный договор имеет приоритет над общими положениями закона, потому что супруги конкретизируют положения закона по регулированию их имущественных отношений применительно к собственным правоотношениям.

3. *Споры о месте жительства ребенка* могут возникнуть по разным причинам, например, родители подали на развод или нахождения ребенка с родителями противоречит его интересам и т.д.

Если решение будет происходить по письменному соглашению сторон, то спор решается судом по статье 65 СК РФ. Осуществление родительских прав родителя, проживающего отдельно, приведено в статье 66 пункте 2 СК РФ.

Суд примет во внимание интересы ребенка и его возраст, личные качества родителей и их возможность создать ребенку необходимые условия по статье 6 пункту 3 СК РФ.

Родитель не должен препятствовать общению ребенка с другим родителем, если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию [10].

Если родители не могут прийти к взаимному соглашению (статья 66 пункт 2 СК РФ), то начинается разбирательство по таким же принципам. При необходимости назначается судебно-психологическая экспертиза

Когда общение ребенка с отдельно проживающим родителем может нанести вред, суд, согласно пункту 1 статьи 65 СК РФ, вправе отказать родителю в воспитании ребенка. За неисполнение решения на виновного может быть наложен штраф в размере до 200 установленных законом минимальных размеров оплаты труда, при повторных нарушениях размер удваивается.

В случае, когда нахождение ребенка с родителями противоречит его интересам, то также начинается судебное разбирательство. Если в ходе дела выясняется, что интересы нарушаются, происходит лишение возможности воспитания ребенка [11]. Ребенок передается органам опеки, а там, например, близким родственникам.

Требование родителей о возврате ребенка также может быть рассмотрено судом одновременно с иском заявлени-

ем родителей о восстановлении их в родительских правах (статья 72 пункт 3 СК РФ).

4. *Алименты* – материальные средства на содержание, которые обязательны предоставлять по закону. Главой 13 СК РФ регламентируются общие положения об алиментных обязательствах. Существует принудительный порядок оплаты по решению суда (глава 13-15, 17 СК РФ) и добровольный по соглашению сторон (глава 16, 17 СК РФ). Алименты предоставляются безвозмездно и не подлежат налогообложению.

Решение суда о взыскании алиментов в силу статьи 211 ГПК и пункту 2 статьи 13 «Закона об исполнительном производстве» подлежит немедленному исполнению в пределах платежей.

При неуплате алиментов без уважительных причин в силу вступает статья 157 УК РФ.

5. За несоблюдение родительских прав строгой ответственностью является лишение *родительских прав*, которое производится исключительно в судебном порядке с присутствием прокурора и органов опеки. Решение принимается по отдельности каждого из родителей и ребенка. Перечень оснований для лишения прав приведены в статье 69 СК РФ. Родители, которых лишили прав теряют все права, связанные с родством ребенка (на воспитание и образование, защиту прав, получение различных платежей и т.д.) [8].

Права можно вернуть, если родитель изменил свое поведение, образ жизни. Восстановление происходит в суде по заявлению лишенного прав родителя с присутствием прокурора и органов опеки. Суд может отказать, если это противоречит интересам ребенка (статья 72 пункт 4 СК РФ). Также учитывается мнение несовершеннолетнего ребенка, когда возраст составляет больше 10 лет, то только по согласию.

Ограничение родительских прав происходит при следующих обстоятельствах:

– оставлять ребенка с родителями опасно по обстоятельствам, от родителей независимым (тяжелое заболевание/обстоятельства);

– поведение родителей опасно для ребенка, но нет достаточных оснований для лишения.

Последствиями является утрата на личное воспитание ребенка, предусматривается возможность получения содержания от родителей.

Если основания, из-за которых родители были ограничены в родительских правах, отпали, суд по иску родителей может вернуть ребенка родителям и отменить ограничения, предусмотренные в статье 74 СК РФ. Право отказать в удовлетворении данного требования в случае, если это противоречит интересам ребенка (статья 76 СК РФ) [5].

Исходя из вышеперечисленного, неразрешимых конфликтов, в принципе, нет. Они либо решаются мирным путем, либо с привлечением суда, где уже в законном порядке рассматривается дело. Неразрешимыми могут казаться дела, доходящие до негативных эмоций из-за того, что стороны не хотят слышать друг друга.

Таким образом, судом решаются вопросы, в которых затрагиваются дети, нежелание делить имущество договорным путем, лишение/ограничение и возврат родительских прав – то есть все то, что касается закона решается судебным разбирательством, а неюрисдикционным путем решаются конфликты, в которых участники семейных отношений самостоятельно разбираются в своих семейных правах и интересах. Проще говоря, если не удается договориться о достижении согласия одной стороны с другой, необходимо обратиться в суд.

Пристатейный библиографический список

1. Семейный кодекс: Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. – 2021. – Глава 1 статья 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/kodeks/SK-RF/razdel-i/glava-1/statja-2/>.
2. Пчелинцева Л. М. Семейное право России: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2004. – 688 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://romanpirogov1.narod.ru/olderfiles/1/Semeinoe_pravo_Pchelinceva_L.M_Uc-8515.pdf.
3. Толстикова О. М. Семейные споры и способы их разрешения // Сибирский юридический вестник: вопросы гражданского права и процесса. – 2012. – № 1 (56). – С. 67-72. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-spory-i-sposoby-ih-razresheniya/viewer>.
4. Семейный кодекс: Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // КонсультантПлюс. – 2021. – Статья 8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/31a45e33698f5c0d150a8ca227997e2fcd8a217a/.
5. Семейное право: учебник и практикум для вузов / Л. М. Пчелинцева [и др.]; под редакцией Л. М. Пчелинцевой; под общей редакцией Л. В. Цитович. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 330 с. // Образовательная платформа Юрайт. – С. 107 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/431747/p.107> (дата обращения: 28.11.2021).
6. Семейный кодекс: Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // КонсультантПлюс. – 2021. – Статья 20. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/974960f401f0e5ec69cbd89c18917ea327f356d/.
7. Гражданский кодекс: «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // КонсультантПлюс. – 2021. – Статья 256. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ec0c88d23cfe0b75563d574872c1457827b3607f/.
8. Семейный кодекс: Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // КонсультантПлюс. – 2021. – Статья 71. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/af6f52258da40f83b95faf39cb7505068b7635e0/.
9. Верховный суд Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/29651/.
10. Семейный кодекс: Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // КонсультантПлюс. – 2021. – Статья 66. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/568c0dfec86adb4ffaa013f338d52b75e73a93a/.
11. Семейный кодекс: Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // КонсультантПлюс. – 2021. – Статья 68. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/e12d67ea7bf2bfa2d2320fb0099ec6d62a200f7f/.
12. Пермяков М. В., Гаскаров И. Ф., Ходасевич О. Н. Проблемы реализации личных прав и свобод человека и гражданина // Научный журнал «Евразийский юридический журнал». – 2021. – № 10. – С. 129-130

ПОРФИРЬЕВ Алексей Анатольевич

аспирант Ульяновского государственного университета

СИСТЕМА ДОГОВОРОВ ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ

В статье проведен анализ актуальных тезисов научно-прикладных исследований о системных свойствах различных договоров сферы энергоснабжения. В результате сформулировано понятие системы договоров энергоснабжения как совокупности взаимосвязанных видов договоров, содержание которой формируется нормами (элементами) различного характера, регулирующими комплекс действий по генерации, передаче, управлению, купле-продаже, использованию энергии на основе различных правовых источников, в основном, императивного содержания. Система договоров энергоснабжения включает родственные и другие договоры с признаками купли-продажи энергоресурса, технологического присоединения, передачи и управления энергоресурсом, интеграция (взаимодействие) которых характеризуются сущностными, дифференцирующими и общими договорными признаками.

Ключевые слова: договор энергоснабжения, система договоров, восстановление источников энергии, технологическое присоединение, энергосберегающие технологии.

PORFIRJEV Aleksey Anatoljevich

postgraduate student of the Ulyanovsk State University

THE SYSTEM OF ENERGY SUPPLY CONTRACTS

The article analyzes the current theses of scientific and applied research on the system properties of various contracts in the field of energy supply. As a result, the concept of a system of energy supply contracts is formulated as a set of interrelated types of contracts, the content of which is formed by norms (elements) of various nature regulating a set of actions for generation, transmission, management, purchase and sale, use of energy based on various legal sources, mainly imperative content. The system of energy supply contracts includes related and other contracts with signs of purchase and sale of energy resources, technological connection, transmission and management of energy resources, integration (interaction) which are characterized by essential, differentiating and common contractual features.

Keywords: energy supply contract, contract system, restoration of energy sources, technological connection, energy-saving technologies.

Значимость и актуальность исследования системы договоров энергоснабжения обусловлены объективной необходимостью использования человеком энергии как главного компонента поддержания жизнедеятельности всей нашей планеты и множества ее отдельных субъектов. Глобальное понятие энергии связывает воедино неопределенное множество всех природных и материальных явлений развития живых существ в силу различных форм движения материи, которые перетекают друг в друга и образуют соответствующие взаимосвязанные виды энергии: химическую, внутреннюю, механическую, электромагнитную, ядерную, тепловую, кинетическую, воздушную, молекулярную и др. [13]. Исходя из ключевой значимости энергии, актуальность постоянного исследования правовых аспектов интеграции элементов системы договоров энергоснабжения определяется спецификой формирования, применения, контроля, динамического развития энергоресурсов, которая характеризуется: объективным системным содержанием сферы энергоснабжения с использованием договоров с признаками купли-продажи, присоединения, передачи и управления энергопотоками; публичным, массовым характером повсеместного применения договорных энергетических отношений различного уровня и содержания [3, с. 13]; специфическими правовыми механизмами ответственности за нарушение договорных обязательств по различным видам договоров энергетической сферы [1] и т.д.

Рассматривая содержание системы договоров энергоснабжения, сперва целесообразно обобщить правовые при-

знаки энергии, затем обозначить правовую характеристику договоров сферы энергоснабжения, с помощью которых формируется система исследуемых договоров.

Правовые признаки энергии систематизированы в различных правовых концепциях, подходах к пониманию энергии. Наиболее распространенными считаются вещественно-имущественная, нематериально-имущественная, товарная, индивидуально-неимущественная концепции рассмотрения правовой характеристики энергии [3, с. 80].

Вещественно-имущественный подход к правовым признакам энергии характеризуется пониманием энергии вещью, имуществом особой категории, правовые аспекты которой отмечены рядом российских правоведов в виде самостоятельной ценности в обороте ключевых элементов правового режима телесной вещи, родовых признаков использования вещи, измеряемой абсолютными параметрами [11, с. 86].

Нематериально-имущественный подход к правовому содержанию энергии отражает ее как «бестелесное имущество», лишённое материальной внешней оболочки и обладающее специфическими признаками, не позволяющим использовать в полной мере энергию в гражданско-правовом обороте [2, с. 93].

Индивидуально-неимущественная концепция рассмотрения правовой характеристики энергии определяется отнесением энергии к вещи и к праву.

Обозначенные концепции правовой характеристики энергии вещественно-имущественного, товарного, нематери-

Порфирьев А. А.

ально-имущественного, индивидуально-неимущественного характера затрагивают лишь краткосрочные потребительские интересы, связанные с возможностями гражданско-правового оборота энергии, которые не учитывают фундаментального свойства энергии в ее сохранении путем перехода из одного вида в другой. Из постулата сохранения энергии следует, что использование потребителем какого-либо вида энергии должно сопровождаться адекватным восполнением источника энергии, которым выступает экология или внешняя среда обитания человека.

Следовательно, представленные концепции правовой характеристики энергии отличаются в целом потребительским характером, поскольку не отражают ущерба от временного порядка использования энергии, наносимого природе и популяции всех живых организмов планеты, минимизация которого осуществляется различными правовыми средствами, не включающими какие-либо гражданско-правовые механизмы сохранения энергии, используемой человеком.

Непонимание важности соблюдения фундаментального свойства сохранения энергии привело к различным глобальным изменениям экологии, которые сопровождаются реальными угрозами для жизни человечества. Однако до настоящего времени социально-правовая концепция понимания энергии, учитывающая обязательное восстановление источника энергии в рамках гражданско-правового оборота энергии четко не озвучена и формирует потенциальный вектор самостоятельных цивилистических исследований.

Поэтому представляется логичным добавить к четырем указанным концепциям социально-правовой подход к пониманию правовых признаков энергии, который в определенной мере отражен в работах С. А. Свиркова [12, с. 31]. С точки зрения фундаментального свойства сохранения энергии социально-правовую концепцию С. А. Свиркова целесообразно дополнить элементом обязательного восстановления источника энергии в рамках гражданско-правового оборота энергии, формирующим потенциальное направление последующих цивилистических исследований.

Таким образом, правовая характеристика энергии как ключевого предмета правоотношений системы договоров энергоснабжения определяется реализацией в том или ином договоре концепций понимания энергии вещественно-имущественного, товарного, нематериально-имущественного, индивидуально-неимущественного, социально-правового содержания.

Следует полагать, что обозначенные концепции соотносятся с основными закономерностями правового развития всей сферы энергетических правоотношений и, в частности, с содержанием системы договоров энергоснабжения.

Рассматривая правовую характеристику системы договоров энергоснабжения, следует обратить внимание на различные ее элементы имущественного, публичного (социального), коммерческого, технологического, системного и пр. характера, особенности которых исследованы в 21 веке российскими правоведами и обобщены в соответствующих комплексных, монографических исследованиях.

Так в диссертации Н. М. Зайченко [4, с. 16] отмечаются правовые особенности договора энергоснабжения электрической энергией имущественного, технологического, системного, публичного, классификационного и пр. содержания. При этом основные виды договорных отношений по производству, обороту электроэнергии строятся по двум моделям: договора купли-продажи энергии с элементами возмездного предоставления услуг в рамках исполнения обязательственных отношений по отчуждению, приобретению электроэнергии как особой категории имущества; договора возмездного оказания услуг передачи энергии в рамках исполнения технологических обязательств потребителя по использованию электрических сетей третьих лиц.

Из содержания тезисов другого комплексного исследования, проведенного С. Г. Ксиропулосом [5, с. 17] можно обобщить выводы о компонентах договоров энергоснабжения с применением возобновляемых энергетических источников, которые характеризуются имущественным, публичным, коммерческим, технологическим, системным содержанием.

Из выводов И. А. Лукьянцевой [6, с. 18] также можно выделить указанные выше элементы системы договора энергоснабжения:

1) правовая конструкция анализируемого договора энергоснабжения позволяет передать обязательства передачи электроэнергии от энергоснабжающей компании третьему лицу при отказе от публичных обязательств и наличии технологического присоединения энергопринимающего устройства к сети такой энергоснабжающей компании, что указывает на публичное, коммерческое, технологическое содержание договора энергоснабжения;

2) для эффективного регулирования условий договора о снабжении электроэнергией с помощью присоединенной сети целесообразно закрепить публичные принципы договорных обязательств присоединения в положениях 6 параграфа ГК РФ, это позволит обобщить отношения, предусмотренные отраслевым законодательством, что отражает важность социального и системного элементов исследуемого договора; и т.д.

Из положений комплексного исследования Е. Б. Огиренко [7, с. 16] следуют схожие выводы о коммерческих и прочих элементах договора энергоснабжения. В частности, автором обоснованы уровни правового регулирования коммерческих отношений сферы снабжения электроэнергией: на общем уровне норм ГК РФ следует регулировать понятие, предмет, статус субъектов договора энергоснабжения; на отраслевом уровне федеральных законов – специфику такого договора; на уровне подзаконных актов – специфику технических требований снабжения электроэнергией. Представленные Е. Б. Огиренко классификация иерархии правового регулирования договорных коммерческих отношений по энергоснабжению, публичные ограничения и поэтапное заключение договора характеризуют социально-экономическое, коммерческое, публичное, технологическое, системное содержание системы договора энергоснабжения.

В исследовании Е. Л. Осипчук [9, с. 17] обобщены комплексные аспекты договора энергоснабжения. В частности, договор энергоснабжения определен договорными отношениями в условиях функционирования розничных и оптового рынков электроэнергии с целью возмездной реализации энергии по сети присоединения и обеспечения розничного оборота энергии между потребителем и энергоснабжающей организацией, а также отношениями двустороннего договора, который заключается по условиям оптового рынка между крупным потребителем и поставщиком электроэнергии. При этом договор энергоснабжения с публичным содержанием следует отделять от коммерческого договора поставки между субъектами электроэнергетики, опосредующего покупку электроэнергии для ее перепродажи [8, с. 43].

Это авторское понятие Е. Л. Осипчук отражает коммерческое, рыночное, публичное, технологическое, системное содержание договора энергоснабжения с акцентом на систему различных договорных отношений в рамках общего договора энергоснабжения.

Сабилова Т. Р. в своей работе [10, с. 18] расширяет комплексный подход к пониманию договора энергоснабжения в объемной системе российских гражданско-правовых договоров. Так, автором было обозначено место анализируемого договора энергоснабжения в гражданско-правовой системе договоров, которое характеризуется сущностными и дифференцирующими признаками договора энергоснабжения внедоговорного и внутридоговорного содержания. В рамках общего подхода Т. Р. Сабировой выявлен ряд согласованных

элементов договора энергоснабжения с условиями родового договора купли-продажи и с учетом общих признаков обосновано отнесение исследуемого договора к группе договоров «купля-продажа», что представляется некорректным, поскольку все элементы анализируемой системы договоров обладают объективной и важной ролью. Отсутствие элементов присоединения, передачи, управления в системе договора энергоснабжения делает невозможным его реализацию, поскольку не обеспечены доставка, получение, использование потребителем соответствующего энергоресурса.

Обоснованная Т. Р. Сабировой позиция характеризует смешанное, коммерческое, рыночное, публичное, технологическое, системное содержание договора энергоснабжения. При этом характерные сущностные, дифференцирующие признаки места анализируемого договора по Т. Р. Сабировой целесообразно дополнить общими признаками, которые позволяют в текущий момент времени отнести договор энергоснабжения к договорной группе купли-продажи и отражают его интегративную связь с договорами различных видов.

То есть, правовое содержание системы договоров энергоснабжения формируется нормами (элементами) имущественного, публичного (социального), коммерческого, технологического, системно-интеграционного и пр. характера, которые регулируют комплекс действий с конечной целью использования потребителем энергии по условиям договоров с признаками купли-продажи, присоединения, передачи и управления энергоресурсом.

При этом системно-интеграционные нормы (элементы), определяющие место и связь договора энергоснабжения с другими видами родственных и прочих договоров, характеризуются сущностными, дифференцирующими и общими договорными признаками.

Рассматривая основные закономерности формирования, развития системы договоров энергоснабжения, следует дополнительно отметить нивелирование, минимальное присутствие в договорах энергоснабжения социально-правовых норм, несмотря на публичный характер большинства видов таких договоров.

Указанные современные аспекты научно-прикладных исследований и направления развития позволяют сформулировать общее понятие системы договоров энергоснабжения – это совокупность взаимосвязанных видов договоров, содержание которой:

1) формируется нормами (элементами) имущественного, публичного (социального), коммерческого, технологического, системного и пр. характера, которые регулируют комплекс действий по генерации, передаче, управлению, купле-продаже, использованию энергии на основе различных правовых источников, в основном, императивного содержания;

2) образует систему родственных и прочих договоров с признаками купли-продажи энергоресурса, технологического присоединения, передачи и управления энергоресурсом, интеграция (взаимодействие) которых характеризуются сущностными, дифференцирующими и общими договорными признаками;

3) регулируется и совершенствуется на основе избранных регулятором концепций понимания энергии (вещественно-имущественного, товарного, нематериально-имущественного, индивидуально-неимущественного и пр. характера) и критериев интеграции элементов системы договоров энергоснабжения;

4) в идеале обеспечивает приоритет концепции социально-правового содержания, предусматривающей реализацию принципов восстановления источников энергии, рачительного производства и оборота энергии, обеспечения безопасности на основе комплексных мер понуждения потребителей к сокращению потребления энергии, стимулирования

энергосберегающих технологий, развития ВИЭ, управления рисками и т.д.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 03.11.2015 № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с укреплением платежной дисциплины потребителей энергетических ресурсов» // СЗ РФ. – 2015. – № 45. – Ст. 6208.
2. Жанэ А. Д. Электроэнергия как особого рода вещь // Журнал российского права. – 2004. – № 5. – С. 93-94.
3. Желаев М. А. К вопросу о правовой природе энергии: основные концепции // Вестник экономики, права и социологии. – № 3. – 2018. – С. 80-82.
4. Зайченко Н. М. Предмет договора энергоснабжения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2007. – 32 с.
5. Ксиропулос С. Г. Правовое регулирование энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии: гражданско-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013. – 24 с.
6. Лукьянцева И. А. Договор энергоснабжения: теория, законодательство и правоприменительная практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Краснодар, 2009. – 27 с.
7. Огиренко Е. Б. Договор снабжения электрической энергией в предпринимательской сфере Российской Федерации: учеб. пособие: [для вузов] / Федер. агентство по образованию, Самар. гос. ун-т, Юрид. фак., Каф. гражд. процесс. и предпринимат. права. – Самара: Универс-групп, 2006. – 108 с.
8. Осипчук Е. Л. Договор энергоснабжения в свете нового законодательства об электроэнергетике // Энергетическое право. – 2004. – № 1. – С. 43-44.
9. Осипчук Е. Л. Договор энергоснабжения в системе договорных отношений на рынке электрической энергии России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2004. – 39 с.
10. Сабирова Т. Р. Договор энергоснабжения в системе гражданско-правовых договоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2013. – 25 с.
11. Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк / Пер. с фр. и вступ. ст. Р. О. Халфиной. – М.: Прогресс, 1972. – 440 с.
12. Свирков С. А. Гражданско-правовое регулирование доступа к электросети // Электроэнергия. Передача и распределение. – 2013. – № 1 (16). – С. 30-33.
13. Большая российская энциклопедия. «Энергия». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/physics/text/4935817> (дата обращения: 07.12.2021).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-2-165-188-190

СЕЛЮНИН Павел Станиславович

магистрант кафедры предпринимательского права Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

ТЕРЕЩЕНКО Игорь Александрович

руководитель направления правовых исследований и юридического сопровождения Центра компетенций НТИ по направлению «Технологии хранения и анализа больших данных» на базе МГУ имени М.В. Ломоносова

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ДОЛГОВ В ПРОЦЕДУРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) ГРАЖДАНИНА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

В статье рассматривается институт банкротства граждан, его основные особенности и тенденции развития. Обосновывается, что в условиях нарастающего экономического кризиса данный институт российского банкротного права будет развиваться в связи с его фактической простотой в реализации, относительной дешевизной и типичным характером судебной практики, связанной с освобождением или не освобождением граждан от долгов в процедуре банкротства. В статье высказывается идея, что в данной сфере возможно применение искусственного интеллекта для анализа оснований освобождения от обязательств гражданина.

Ключевые слова: банкротство, личное банкротство, внесудебное банкротство, гражданин, должник, экономический кризис, искусственный интеллект, предиктивная судебная аналитика

SELYUNIN Pavel Stanislavovich

magister student of Business law sub-faculty of the Faculty of Law of the M. V. Lomonosov Moscow State University

TERESHCHENKO Igor Aleksandrovich

Head of Legal Research and Legal Support for Big Data Storage and Analysis Center of the M. V. Lomonosov Moscow State University

RELEASE FROM DEBTS IN THE PROCEDURE OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF A CITIZEN: NEW CHALLENGES

The article considers the institute of bankruptcy of citizens, its basic features and tendencies of development. It is grounded that in the conditions of growing economic crisis the given institute of the Russian bankruptcy law will develop because of its actual simplicity in realization, relative cheapness and typical character of the judicial practice connected with release or not release of citizens from debts in procedure of bankruptcy. The article suggests the idea that in this area it is possible to apply artificial intelligence for the analysis of the grounds of release from obligations of the citizen.

Keywords: bankruptcy, personal bankruptcy, out-of-court bankruptcy, citizen, debtor, economic crisis, artificial intelligence, predictive judicial analytics

«Все мы живем за счет будущего.

*Не удивительно, что его ожидает банкротство» –
Кристиан Фридрих Хеббель, немецкий драматург,
лауреат премии Шиллера.*

Число банкротств физических лиц в России в 2021 году выросло на 62 %. В 2021 году число россиян (включая индивидуальных предпринимателей), признанных банкротами, составило 192,8 тысячи человек. Этот показатель на 62 % превышает данные 2020 года, свидетельствуют данные Федресурса.

В принципе, с момента введения в действие института банкротства граждан, наблюдается динамический рост соответствующих заявлений [1, с. 2].

Иными словами, сейчас наблюдается серьезный, практически на порядок, рост личных банкротств. Мы предполагаем, что, учитывая усугубляющееся экономическое положение Российской Федерации в условиях западных санкций, которые неминуемо затрагивают все сферы экономики и отражается на частной жизни граждан, число банкротств граждан будет расти в геометрической прогрессии. Предпосылок к нормализации ситуации в российской экономике в краткосрочной (и в среднесрочной перспективе) не наблюдаются. Экономические стимулы к кардинальному изменению положения граждан в нашей стране отсутствуют, государственная поддержка носит неоднородный и эпизодический характер.

Неминуемо растет закредитованность населения, увеличивается количество микрофинансовых организаций. По данным крупнейшей на рынке саморегулируемой организации микрофинансовых организаций «Микрофинансирование и Развитие», только за первые полгода 2021 года россияне набрали 11,2 миллиона микрозаймов на 150,9 миллиарда рублей [2]. В частности, согласно данным Росстата, во втором квартале 2021 года численность рабочей силы в России достигала 75,3 млн человек, то есть на заемщиков микрофинансовых организаций приходится 15,8 % экономически активного населения.

Условия кредитования в микрофинансовых организациях являются не настолько консервативными, как в банках – в частности, для получения кредита нужно всего лишь предоставить паспорт, без дополнительных документов, подтверждающих кредитоспособность гражданина. Такая легкость получения кредита связана с высокими процентами по кредитам и краткосрочностью предоставления займов широкому кругу населения. За невыплату долга предусмотрены серьезные штрафные санкции, в том числе направленные на скорейшую выплату долга – это также касается звонков коллекторских агентств, использование методов устрашения для выплаты долга и иные способы взыскания проблемной задолженности.

Более того, легкость получения кредитов и краткосрочность выплаты займа приводит к недооценке своих финан-

совых возможностей и в случае увольнения с работы или задержки зарплаты наступает просрочка кредита, что приводит к увеличению тела долга в два-три раза. Нести подобного рода финансовое бремя у простого гражданина, имеющего постоянный доход только от заработной платы, своими силами не выходит, что приводит к необходимости получения кредитов и займов для закрытия более ранних долгов. Такая череда кредитов усугубляется иным финансовым бременем, например, ипотекой, процентные ставки по которой постоянно растут.

Таким образом, наблюдается ситуация, когда значительная часть населения нашей страны закредитована и не может надлежащим образом нести свои финансовые обязательства и обслуживать долг.

Однако, российское право предполагает действенный механизм разрешения данной проблемы – в частности, потребительское банкротство. Данный институт приобретает всю большую популярность среди населения нашей страны. Это связано с простотой процедуры, дешевизной российского правосудия и однозначностью судебной практики по этому вопросу.

Институт потребительского банкротства способен привести к освобождению долгов гражданина, однако этого может и не произойти – несмотря на то, что доля случаев не освобождения от долгов в процедуре банкротства статистически незначительна, она все же довольно велика.

В результате банкротства не всегда наступает освобождение от долгов. В связи с этим процесс банкротства требует профессионального юридического сопровождения, которое многократно повышает шансы на это.

Согласно требованиям ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – «Закон о банкротстве»), для инициирования процедуры личного банкротства гражданин может (а в некоторых случаях и должен) подать заявления о несостоятельности (банкротстве).

По общему правилу, гражданин обязан подать заявление в арбитражный суд о признании себя банкротом, если совокупный долг гражданина составляет более 500 тыс. рублей, а просрочка – более 90 дней.

В то же время должник должен обратиться с таким заявлением раньше и при наличии меньшей задолженности, если гражданин по объективным причинам не может исполнять свои денежные обязательства. Для этого гражданин должен отвечать признакам неплатежеспособности и (или) признакам недостаточности имущества.

После законодательных нововведений 2020 года, гражданам доступна также процедура внесудебного банкротства (ст. 223.2 Закона о банкротстве).

Должник может пройти через процедуру бесплатного банкротства через МФЦ, если соответствуете следующим критериям:

- совокупный долг составляет более 50 000, но менее 500 000 рублей;
- в отношении должника завершено исполнительное производство, поскольку приставами не было найдено имущество для оплаты задолженности.

Иностранные законодательства также знают примеры упрощенных процедур банкротства, так что можно сказать, что опыт иностранных законодательств также применялся при конструкции модели внесудебного банкротства в нашей стране [3, с. 57].

Однако процедура внесудебного банкротства содержит определенные риски, главный из которых – это выявление

кредиторами должника имущества или иных денежных поступлений, за счет которых возможно погасить задолженность. Это может являться причиной обращения ими в арбитражный суд с заявлением о не освобождении от долгов гражданина.

Еще одним риском является затягивание процедуры банкротства. В частности, Закон о банкротстве не устанавливает предельных сроков процедуры банкротства гражданина. В связи с этим срок рассмотрения зависит от размера задолженности, количества кредиторов, количества имущества, загруженности арбитражного суда и иных факторов. В связи с этим банкротство может длиться от 6 месяцев до нескольких лет (но в среднем от 6 до 10 месяцев).

Банкротство – это комплексная и сложная процедура. По общему правилу, в стоимость процедуры входят:

- вознаграждение финансового управляющего;
- сообщения о ходе процедуры банкротства;
- государственные пошлины;
- услуги торговой площадки;
- почтовые расходы.

На стоимость банкротства прямо влияет количество кредиторов, общая сумма задолженности, поведение должника до и во время банкротства, количество принадлежащего ему имущества и количества и качества заключенных им сделок.

Процедура банкротства также накладывает ограничения на жизнедеятельность должника.

В процессе банкротства гражданин поражается в правах. Должник лишается возможности:

- открывать банковские счета / вклады;
- распоряжаться Вашим имуществом без разрешения финансового управляющего;
- выезжать за границу, в случае запрета на это арбитражным судом;
- лично получать денежные средства от третьих лиц;
- получать заработную плату и/или пенсию в полном размере.

Более того, все имущество должника, за рядом исключений, подлежит инвентаризации финансовым управляющим, а затем подлежит продаже на открытых торгах. Полученные деньги направляются на оплату долгов.

Законом о банкротстве предусмотрены исключения: имущество, стоимость которого не превышает 10 000 рублей и доход от продажи которого будет несущественным, а также деньги или имущество, которое необходимо для личного пользования граждан и их семей.

Также ст. 446 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – «ГПК РФ») предусмотрен закрытый перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание по Вашим долгам, в который входят:

- единственное жилье (кроме жилья в ипотеке);
- земельный участок с жильем;
- личные вещи, за исключением предметов роскоши;
- имущество, необходимое для профессиональных занятий, за исключением имущества, чья стоимость превышает десять тысяч рублей;
- домашние животные и скот, а также хозяйственные строения для них и сооружения, необходимые для их содержания; семена, необходимые для очередного посева;
- продукты питания и деньги на общую сумму не менее МРОТ, причитающуюся на гражданина и его семью;
- средства транспорта и другие вещи, необходимые гражданину в связи с его инвалидностью;
- призы, государственные награды, и т.д.

Тем не менее, по общему правилу, запрещено забирать у гражданина квартиру или жилой дом, если оно является для него и его семьи единственным пригодным для проживания местом. Данное правило не распространяется на квартиру или жилой дом, которые находятся в ипотеке.

Однако с апреля 2021 г. Конституционный Суд РФ разрешил отбирать единственное жилье, что ведет к повальным требованиям кредиторов об обращении взыскания на жилье.

Более того, серьезные последствия ожидают гражданина и после его банкротства.

После банкротства в отношении гражданина будут следующие ограничения:

- в течение 5 лет указывать на факт банкротства гражданина при получении кредитов или займов;
- в течение 5 лет должник не сможет самостоятельно подать на банкротство;
- на протяжении нескольких лет гражданин не сможет занимать управляющую должность: 3 года в обычной организации; 5 лет в страховой организации, НПФ, управляющей компании инвестиционного фонда, ПИФ или микрофинансовой компании; 10 лет в кредитных организациях;
- в течение 5 лет гражданин не сможет прибегнуть к процедуре освобождения от долгов.

Однако данные ограничения и риски процедуры банкротства не снижают популярность процедуры личного банкротства.

Тем не менее, на основании анализа судебной практики (помимо тех, что сформулированы в Законе о банкротстве), возможно выделить следующие основные причины не освобождения гражданина в процедуре несостоятельности:

- недобросовестное поведение должника до процедуры банкротства;
- разумность поведения физического лица при получении кредитов;
- сообщение суду недостоверных либо неполных сведений;
- у генерального директора или учредителя юридического лица имеется статус контролирующего должника лица (случай привлечения к субсидиарной ответственности);
- принятие должником заведомо неисполнимых обязательств;
- непринятие гражданином мер к погашению кредиторской массы, ее увеличение;
- наличие приговора суда в отношении гражданина о совершенном преступлении;
- ненадлежащее принятие мер к трудоустройству гражданином;
- получение лицом необоснованной налоговой выгоды, задолженность по выплате налогов;
- вывод активов должником в преддверии банкротства;
- сокрытие доходов в процедуре исполнительного производства;
- «банкротный туризм» (смена адреса регистрации, смена ФИО должника, изменение иных персональных данных и т.д.);
- отказ от мирового соглашения в случае исполнимости его условий.

Таким образом, подобного рода основания вполне можно выявить на основе анализа судебной практики при помощи искусственного интеллекта.

В частности, типизация судебной практики в области банкротства физических лиц, а также однородность оснований и причин отказа в освобождении от долгов позволяют

применить техническую выборку по словам, приведённым в судебных актах, выявить лингвистические формы, которые помогут достоверно установить основания освобождения от ответственности граждан.

В настоящий момент проектной командой, в которую входят и авторы настоящей статьи, разрабатывается система [4], позволяющая установить вероятность освобождения или неосвобождения от долгов гражданина в процедуре банкротства. Данная система в перспективе будет основана на искусственном интеллекте и будет полезна прежде всего для граждан, раздумывающих о банкротстве. С помощью технологий искусственного интеллекта (включая технологии обработки текстов на естественном языке (NLP)) планируется проанализировать тексты судебных решений и выявить наиболее распространенные (в процентном соотношении) основания неосвобождения от долгов гражданина. Помимо этого, планируется исследовать особенности применения данных оснований и автоматически выявить наиболее распространенные фактические обстоятельства, ведущие к неосвобождению гражданина от долгов. Данная система может быть полезна также и для юридических фирм, арбитражных управляющих, адвокатов и юристов, специализирующихся на сопровождении процедур несостоятельности (банкротства) граждан, обеспечивая поддержку в предварительном анализе исхода дела (предиктивная судебная аналитика).

Таким образом, процесс личного банкротства предполагает значительные ограничения для физических лиц, фактически потерю экономической дееспособности на период процедуры банкротства и серьезные личные последствия после завершения процедуры несостоятельности.

Личное банкротство – это крайняя мера, идти на которую стоит идти только при полной уверенности в отсутствии возможностей для выплаты долга. Однако, учитывая возможность полностью и легально списать долги, а также стремительно ухудшающуюся экономическую ситуацию, популярность данного инструмента будет неуклонно расти.

Данная ситуация неминуемо приведет к автоматизации анализа оснований для освобождения или неосвобождения от долгов гражданина, поскольку эти основания являются типичными и неоднократно встречаются в юридической практике. В этом поможет искусственный интеллект.

Таким образом, мы прогнозируем значительный рост развития информационных технологий в сфере личного банкротства граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Карелина С.А., Фролов И.В. Концепция моделей правового регулирования института банкротства гражданина в Российской Федерации // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2016. № 3.
2. Кошкина Ю. (2021) «Число россиян с микрозаймами за полгода выросло почти на четверть» // Сайт rbc.ru. 27 июля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/25/08/2021/6124f13c9a7947d271f4ad6b>. Просмотрено: 27.02.2022.
3. Смирных А.Г., Амелин А.В. Упрощенное банкротство граждан. Почему нужно заимствовать опыт Новой Зеландии // Арбитражная практика для юристов. 2018. № 7 (35). С. 54-61.
4. Платформа Bankrotplace. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bankrotplace.ru>.

СЕМЕНОВ Андрей Викторович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного права Государственного морского университета имени адм. Ф. Ф. Ушакова

СИМОНОВА Ольга Васильевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Государственного морского университета имени адм. Ф. Ф. Ушакова

АМИРИ Алина Эмильевна

курсант 4-го курса направления «Юриспруденция» Государственного морского университета имени адм. Ф. Ф. Ушакова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ОБЪЕКТА ИЛИ СУБЪЕКТА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

В данной работе была исследована проблема определения искусственного интеллекта как объекта или субъекта гражданского права. Рассматривался вопрос актуальности такой проблемы в современном обществе, а также рассматривались органы, которые имеют непосредственное отношение к правовому регулированию искусственного интеллекта. Был изучен вопрос соотношения искусственного интеллекта и интеллектуальной собственности. Проанализированы правовые позиции определения искусственного интеллекта как субъекта права. Изучались нормативно-правовые акты, направленные на эффективное регулирование, а также развитие искусственного интеллекта в РФ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, субъект права, объект права, действующее законодательство РФ, цифровизация.

SEMENOV Andrey Viktorovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil and international law sub-faculty of the F. F. Ushakov State Maritime University

SIMONOVA Olga Vasiljevna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the F. F. Ushakov State Maritime University

AMIRI Alina Emiljevna

cadet of the 4th course of the direction "Jurisprudence" of the F. F. Ushakov State Maritime University

LEGAL REGULATION OF THE DEFINITION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN OBJECT OR SUBJECT OF CIVIL LAW

In this paper, the problem of defining artificial intelligence as an object or subject of civil law was investigated. The question of the relevance of such a problem in modern society was considered, as well as the bodies that are directly related to the legal regulation of artificial intelligence. The issue of the relationship between artificial intelligence and intellectual property was studied. The legal positions of the definition of intellectual property to the subject of law are analyzed. The regulatory legal acts aimed at effective regulation, as well as the development of artificial intelligence in the Russian Federation, were studied.

Keywords: artificial intelligence, intellectual property, subject of law, object of law, current legislation of the Russian Federation, digitalization.

Сегодня можно заметить большие изменения в разных отраслях нашей жизни. Это связано с цифровизацией и информатизацией. Намечилась тенденция гармонизации права в соответствии с новыми вызовами и глобальными трендами развития информационного общества, внедрения информационно-коммуникационных технологий в общественные процессы.

Так как в настоящее время искусственный интеллект приобретает значимость для людей, актуальной проблемой становится его определение как объекта или субъекта гражданского права.

Естественно, что раз сегодня вопрос определения искусственного интеллекта является приоритетным, то необходимо и эффективное правовое регулирование вопросов, кото-

рые в той или иной мере будут касаться ИИ. Такой организацией и является ВОИС. Это Всемирная организация интеллектуальной собственности, которая занимается вопросами исследования ИИ.

Члены этой организации считают, что определение искусственного интеллекта необходимо для того, чтобы решать возникающие в процессе создания новых информационных технологий проблем с правовым регулированием новых технологий [1, с. 34].

Для того, чтобы иметь представление о том к чему именно следует относить искусственный интеллект, к объектам

Семенов А. В.

Симонова О. В.

Амири А. Э.

или субъекту гражданского права, следует понимать, что ИИ является своего рода интеллектуальной информационной системой, следовательно, его деятельность или производительность не может обходиться без участия человека. Искусственный интеллект является результатом плодотворной деятельности человека.

Многие люди представляют искусственный интеллект в виде робота или иной другой технически усовершенствованной машины, которая создана для того, чтобы заменить ручной труд.

Однако в своих суждениях они ошибаются, так как искусственный интеллект представляет собой способность компьютерных систем выполнять творческие и интеллектуальные функции, которые традиционно считаются человеческими.

Отличия искусственного интеллекта от роботизации следуют из того, что в основе создания каждого из них лежат разные цели.

Если искусственный интеллект создаётся с целью выполнения поставленных человеком задач, причём, эти задачи ИИ выполняет эффективно и бесперебойно, то в основе создания роботизации лежит применение аппаратных средств.

Определение искусственного интеллекта появилось ещё в 1956 году, но тогда оно не приобрело какой-либо значимости, так как на тот момент люди не обладали теми технологиями и возможностями применения информационных систем, как сейчас.

Согласно Указу Президента РФ от 10.10.2019 № 490, определение искусственного интеллекта было закреплено в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года¹.

Именно сегодня появилась возможность развивать технологии и активно их применять, так как искусственный интеллект приобрел значимость для людей из-за увеличения объемов данных, усовершенствования алгоритмов, оптимизации вычислительных мощностей и средств хранения данных.

Искусственный интеллект значительно облегчает и улучшает производительность работы людей. В экономической сфере жизнедеятельности людей он приносит непомерную пользу.

Для того, чтобы определить к чему следует относить искусственный интеллект, необходимо понимать, что является субъектом и объектом гражданского права.

В статье 128 Гражданского кодекса РФ перечислены объекты гражданского права. Согласно этой статье, к объектам гражданского права в первую очередь относят, вещи, результаты работ, интеллектуальную собственность, имущественные права, нематериальные блага и т.д.²

Участников гражданских правоотношений определяет действующее законодательство, а именно ст. 124 Гражданского кодекса Российской Федерации. К субъектам относят: РФ и её субъекты, физических лиц и юридических лиц.

Субъекты правоотношения главным образом определяют специфику правовых отношений, так как они обладают правосубъектностью.

Рассмотрев определение и виды объекта и субъекта гражданских правоотношений, можно уже сделать некоторые выводы относительно причисления искусственного интеллекта к объекту или субъекту права.

Исходя из признаков субъекта гражданских правоотношений, искусственный интеллект нельзя относить к субъекту права. Это связано с тем, что по своей специфике искусственный интеллект не является не физическим лицом, не юридическим.

Помимо этого, попытки сравнения искусственного интеллекта с физическими лицами не выдерживают критики с точки зрения физиологии.

Так как при использовании искусственного интеллекта необходимо участие человека для программирования системы, которая необходима для того чтобы правильно функционировать, это только подтверждает тот факт, что компьютерные технологии, какими бы они не были высокотехнологичными, не могут на данном этапе своего развития замещать людей в разных сферах жизнедеятельности. Следовательно, способности искусственного интеллекта довольно таки ограничены по сравнению с человеческими функциями мозга.

Способность искусственного интеллекта к самообучению и автономной деятельности не является достаточным основанием для наделения искусственного интеллекта правосубъектностью.

Подтверждая правовую необоснованность признания искусственного интеллекта субъектом гражданских правоотношений, необходимо сказать о том, что искусственный интеллект не обладает всеми теми важными для человека качествами, которые и определяют его личность: души, чувств, сознания, личных интересов и т.д.

Следовательно, несмотря на то, что искусственный интеллект обрабатывает огромный объём информации, который не способен выполнить человек, ИИ всё ещё остаётся лишь программой, которая выполняет только те задачи, на которые его запрограммирует человек. Без материального обеспечения работа искусственного интеллекта не представляется возможной.

Проанализировав всю вышесказанную информацию, следует сказать о том, что определение искусственного интеллекта как объекта гражданских правоотношений также вызывает множество вопросов.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490, искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Из этого определения можно сделать вывод о признаках искусственного интеллекта.

Признаками искусственного интеллекта являются: наличие технического устройства; способность к принятию, обработке и передаче информации; способность к автономной работе; самообучение на основе анализа информации и приобретенного опыта; способность к принятию самостоятельных решений [2. с. 23].

Итак, говоря об искусственном интеллекте как об объекте права необходимо его соотнести с интеллектуальной

1 Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // «Собрание законодательства РФ», 14.10.2019, № 41, ст. 5700.

2 «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

собственностью и понять какую роль интеллектуальная собственность играет в определении искусственного интеллекта как объекта права.

Статья 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет, что относится к объектам интеллектуальной собственности. Из всех перечисленных в этой статье объектов, следует обратить внимание на такой объект, как базы данных³.

Интеллектуальная собственность является объектом гражданских правоотношений, а базы данных в свою очередь имеют непосредственное отношение к искусственному интеллекту, так как базы данных являются алгоритмами, следовательно, что данные становятся объектом интеллектуальной собственности. Для того, чтобы найти необходимые ответы, которые содержатся в данных, необходимо будет обратиться к технологиям искусственного интеллекта.

Как известно, на сегодняшний день, информация является тем значимым элементом, который так необходим для развития любой отрасли жизни людей. Например, если затронуть экономику, то становится очевидным, что данные успешно обеспечивают конкурентное преимущество.

Рассматривая возможность определения искусственного интеллекта как объекта гражданских правоотношений, следует затронуть вопрос о собственнике искусственного интеллекта.

Если относить искусственный интеллект к объекту, то, следовательно, что такой интеллект должен иметь собственника, так как в таком случае искусственный интеллект является вещью.

Отсюда следует, что собственником искусственного интеллекта может быть физическое лицо, а также юридическое лицо [3, с. 112].

Однако, если рассуждать в подобном ключе, то необходимо сказать о том, что и ответственность за все действия, которые будут производиться искусственным интеллектом, должен будет нести собственник или владелец в пределах находящегося в их собственности имущества, переданного во владение или пользование искусственного интеллекта.

Причём, нести ответственность они будут до тех пор, пока не докажут, что основания для ответственности возникли в результате действий лица, осуществлявшего разработку, производство или настройку искусственного интеллекта.

Изучив всю имеющуюся информацию и проанализировав её, можно подвести итог о том, что определение искусственного интеллекта как объекта или субъекта гражданских правоотношений на сегодняшний день имеет приоритетное значение.

Так как на данный момент активно разрабатываются различные нормативно-правовые акты, которые направлены на правовое регулирование искусственного интеллекта.

Например, Распоряжение Правительства № 2129-р от 19.08.2020 об утверждении «Концепции регулирования искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» и многие другие нормативные акты, которые созданы для эффективного регулирования искусственного интеллекта.

Несмотря на некоторые преобразования в части стратегического нормотворчества, комплексное правовое регулирование искусственного интеллекта пока не выработано. Это

связано с тем, что на сегодняшний день нет чёткого понимания к чему следует относить искусственный интеллект.

Таким образом, можно сказать, что в ходе проведённого исследования по вопросу определения искусственного интеллекта как объекта или субъекта гражданского права, считая, что искусственный интеллект следует относить скорее к объектам гражданских правоотношений, а субъектом права он не может быть, так как это будет противоречить действующим правовым нормам.

Для того, чтобы в полной мере можно было относить искусственный интеллект к субъекту права, он должен обладать правосубъектностью. В свою очередь, одним из элементов правосубъектности является деликтоспособность, которая выражается в способности гражданина нести ответственность за совершённые правонарушения.

Граждане Российской Федерации обладают правоспособностью с рождения, а юридические лица, в соответствии с действующим законодательством могут иметь гражданские права только в соответствии с целями, которые прописаны в уставе организации и нести обязанности, которые связаны исключительно с деятельностью организации [4, с. 57].

ИИ должен обладать дееспособностью, которая предполагает способность распоряжаться своими правами и нести обязанности, что на данный момент представляется невозможным.

Следовательно, искусственный интеллект не может быть субъектом гражданского права, а вот в качестве объекта права его можно рассматривать.

Однако, в таком случае, необходимо будет урегулировать вопрос о том, кто будет нести ответственность за вред, который был причинён в процессе деятельности искусственного интеллекта.

Пристатейный библиографический список

1. Шахназарова Э. А. Правовое регулирование отношений, возникающих по поводу объектов интеллектуальной собственности, созданных технологией искусственного интеллекта, на примере опыта Великобритании, США и ЕС // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2021. – № 2 (32). – С. 34-45.
2. Васильев А. А., Печатнова Ю. В. Проблемы правового регулирования киберспорта в России и за рубежом // Актуальные проблемы спортивного права: российский и зарубежный опыт: Сборник материалов Всероссийского круглого стола (с международным участием), Барнаул, 04 июня 2021 года. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2021. – С. 23-31.
3. Коротаяев Е. Э., Степанян Ж. Правовая идентификация искусственного интеллекта как объекта гражданского права // Актуальные исследования. – 2020. – № 11 (14). – С. 112-114.
4. Тиунова А. И. Робот как субъект правоотношения - миф или реальность? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2020. – № 2 (28). – С. 57-59.

³ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // «Собрание законодательства РФ», 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.

СТУПИНА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железнодорожск

УЧАСТИЕ ДОЗНАВАТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЖАРНОГО НАДЗОРА ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ В ЗАЩИТЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

В статье на основе положений действующего уголовного процессуального, гражданского процессуального и гражданского законодательства рассматриваются вопросы защиты прав потерпевших от преступных посягательств, связанных с неосторожным обращением с огнем, а также от преступлений в сфере нарушения требований пожарной безопасности. В первую очередь, анализируется иск как основной способ обеспечения гражданских прав потерпевшего от преступления. Рассматриваются отдельные вопросы деятельности дознавателей органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы в части защиты частных прав потерпевших от преступлений, отнесенным к их подсудственности.

Ключевые слова: дознание, гражданско-правовая ответственность, вред, гражданский иск, уголовное судопроизводство, пожар, потерпевший от преступления.

STUPINA Svetlana Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

PARTICIPATION OF INVESTIGATORS OF THE STATE FIRE SUPERVISION BODIES OF THE FEDERAL FIRE SERVICE IN THE PROTECTION OF CIVIL RIGHTS

Based on the provisions of the current criminal procedural, civil procedural and civil legislation, the article examines the issues of protecting the rights of victims from criminal encroachments related to careless handling of fire, as well as from crimes in the field of violation of fire safety requirements. First of all, the lawsuit is analyzed as the main way to ensure the civil rights of the victim of a crime. Some issues of the activities of the investigators of the state fire supervision bodies of the federal fire service in terms of protecting the private rights of victims of crimes attributed to their jurisdiction are considered.

Keywords: inquiry, civil liability, harm, civil action, criminal proceedings, fire, victim of a crime.

Ступина С. А.

Существенные потери материального характера как государство в целом, так и конкретные лица, как юридические, так и физические, несут вследствие крупных промышленных аварий, взрывов, технологических катастроф, стихийных бедствий, а также обычных пожаров. Без обеспечения нормальной жизнедеятельности, включая пожарную безопасность, невозможно функционирование общества.

При этом, наряду с установлением виновных в произошедших пожарах и авариях, для конкретного лица, всегда остаются актуальными вопросы о возмещении причиненного вреда, о восстановлении его нарушенных прав в частно-правовой сфере.

На сегодняшнем уровне развития научно-технического прогресса проблемные вопросы всестороннего, включая и вопросы правового обеспечения пожарной безопасности, восстановления нарушенных прав пострадавших, возмещения им вреда, причиненного пожарами, а также преступными посягательствами в сфере нарушения требований пожарной безопасности, в Российской Федерации играют все более значительную роль.

Органы дознания осуществляют свою деятельность в структуре Управлений надзорной деятельности территориальных органов МЧС России. Дознаватели занимаются расследованием пожаров, а также проводят предварительное расследование в форме дознания по преступлениям, под-

следственным органам дознания Государственного пожарного надзора (далее – ГПН) Федеральной противопожарной службы.

Наибольшее количество дел дознавателями органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы возбуждается по ст. 168 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), затем идет ч. 2 ст. 261 УК РФ, ч. 1 ст. 261 УК РФ, и менее всего возбуждается дел по ч. 1 ст. 219 УК РФ.

Статья 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) установлено, что лицо, при наличии оснований полагать, что ему непосредственно преступлением причинен вред, вправе предъявить по уголовному делу гражданский иск, содержащий требование о возмещении такого вреда.

Именно предъявление гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства является одной из ведущих форм обеспечения восстановления нарушенных частных прав потерпевших.

В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» обращается внимание судов на то, что, с учетом требований ч. 1 ст. 54 УПК РФ в случаях предъявления гражданского иска по уголовному делу лицо, которое в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) несет ответственность за вред,

причиненный преступлением, должно быть привлечено в качестве гражданского ответчика.

В соответствии с ч. п. 1 ст. 1064 ГК РФ причиненный вред подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред, что предполагает, по общему правилу, что в качестве гражданского ответчика привлекается обвиняемый. Вместе с тем в случаях, когда законом обязанность возмещения вреда возлагается на лицо, не являющееся причинителем вреда, в качестве гражданского ответчика привлекается такое лицо, в том числе юридическое лицо.

При нарушении требований пожарной безопасности, при пожарах вследствие неосторожного обращения с огнем, страдает не только имущество потерпевшего, но и могут наступить более тяжкие последствия, связанные с причинением вреда жизни и здоровью.

Следует понимать, что умышленные нарушения требований пожарной безопасности, п поджоги могут выступать и способом совершения иных преступлений, объектом которых может выступать как жизнь и здоровье, так и собственность и общественная безопасность, и государственная власть.

Последнее уже не подпадает под подследственность дознавателей органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы.

Однако заметим, что вред, причиненный в рамках приемов и методов, используемых виновным при совершении преступления, также подлежит возмещению, независимо от его самостоятельной уголовно-правовой оценки по ст. 168 или 167 УК РФ в рамках квалификации содеянного.

Что касается дел о поджогах, то, нередко, в силу низкой раскрываемости таких преступлений, права потерпевших не могут быть в полной мере защищены.

Традиционно с позиции цивилистики следует установить основание – факт гражданского правонарушения и условия – факт причинения вреда потерпевшему, сам вред, который должен быть в причинной связи с деянием по причинению вреда и вина.

По преступлениям, связанным с нарушением требований пожарной безопасности или неосторожным обращением с огнем, основанием выступает, прежде всего, сам факт нарушения таких требований, либо факт неосторожного обращения с огнем, что находит непосредственное подтверждение в ходе проведения предварительной проверки или уже дознания по делам подследственным дознавателям органов государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы

В целом, расследование преступлений, связанных с пожарами, выяснение причин и обстоятельств их возникновения – процесс весьма трудоемкий. Сложность его связана в первую очередь с самой спецификой данного явления. В процессе неконтролируемого горения, каким и является пожар, исчезает либо видоизменяется подавляющее большинство необходимой информации, которая могла бы быть использована при расследовании причин и обстоятельств совершения преступления, при установлении размера причиненного ущерба. В связи с этим возможность обнаружения и восстановления многих информативных следов может практически отсутствовать.

Для того чтобы восстановить картину происшествия, отсутствующую по тем или иным объективным и субъективным причинам, необходимо систематизировано, всесторонне и полно исследовать место пожара и собрать все возможные материальные следы происшедшего. От того на сколько

полной и достоверной будет собранная информация зависит не только дальнейшая судьба расследования преступления, но и во многом последующее вынесение законного, обоснованного и мотивированного процессуального решения по результатам проведенных мероприятий, и, соответственно, решение вопроса о восстановлении прав пострадавших от пожара.

Проведенный анализ материалов практики позволил сделать вывод о том, что в основном массиве уголовных дел, подследственных органам дознания ГПН, по большинству из них происходит отказ в возбуждении уголовного дела, а дела, которые возбуждаются, очень редко доходят до суда. Нередко проблема кроется не только в сложности раскрытия дел, связанных с пожарами, но и в недостаточной скрупулезности дознавателей при работе с процессуально значимой информацией, в фактах неполной отработки дознавателями положений ст. 73 УПК РФ «Обстоятельства, подлежащие доказыванию», в неиспользовании всех процессуальных возможностей, что, в свою очередь, непосредственно определяет непринятие всевозможных мер со стороны дознавателя по защите прав потерпевших.

Более эффективной будет работа дознавателя, если он прибудет к месту происшествия одновременно или через непродолжительный промежуток времени за пожарными подразделениями.

По прибытии к месту пожара дознаватель должен приступить к осмотру незамедлительно, еще до полной ликвидации горения, разумеется, если это возможно. Это позволит ему визуально оценить обстановку непосредственно в момент пожара, зафиксировать характер и особенности развития и протекания процесса горения, для составления в последующем наиболее полной картины событий [1].

Дознаватель как правило производит исследование обстановки на месте пожара, намечает границы осмотра и места, откуда рационально осуществлять фото- и видеосъемку.

В дальнейшем фото и видеоматериалы могут быть приобщены к материалам дела как иные документы и как документы подвергнуты осмотру. Несмотря на некоторую уязвимость такого подхода, следует отметить, что иного легального способа закрепления обстановки места происшествия при проверке сообщения об ином происшествии не имеется. В качестве рекомендации хотелось бы отметить, что видеосъемка места происшествия, сопровождаемая комментариями сведущего в расследовании пожаров лица, имела бы большую значимость по сравнению с фотоснимками. Необходимо иметь в виду, что информационная и доказательственная ценность видеосъемки и фотоснимков всецело зависят от качества, условий съемки, а также умения увидеть на пожаре признаки направленности горения или даже очаговые признаки.

Объем пояснительной подписи не ограничен, с одной стороны и не располагает к пространному описанию с другой. Однако, для специалиста или эксперта, равно как и для дознавателя, принявшего материалы проверки или уголовного дела, такая подпись сможет раскрыть содержание кадра.

В настоящее время распространена практика предоставления на исследование не просто сканированные материалы дела, а в месте с ними и фото с места происшествия, но и фото в электронном виде на компакт дисках или флэш накопителях. Такой вид представления информации следует

признать крайне удобным, так как цветопередача монитора намного выше и точнее бумажного носителя.

Для разрешения гражданского иска в уголовном деле необходимо, прежде всего, установить наличие самого состава преступления в действиях обвиняемого, который входит в предмет доказывания по уголовному делу. В пункте 4 статьи 73 УПК РФ к предмету доказывания при производстве по уголовному делу, наряду с другими обстоятельствами относятся характер и размер вреда, причиненный преступлением.

Дознаватель при наличии достаточных данных о причинении преступлением вреда обязан произвести необходимые процессуальные действия, направленные на возмещение потерпевшему причиненного ущерба. К ним относятся: установление характера и размера вреда, причиненного преступлением, установление лиц, несущих материальную ответственность за причиненный вред, установлению лиц, которым непосредственно причинен вред совершенным преступным посягательством, связанным с нарушением требований пожарной безопасности или неосторожным обращением с огнем, принятие мер по обеспечению сохранности уцелевшего, изъятого при пожаре имущества и др. [3, с. 178].

В процессе проверки по факту пожара весьма важное значение имеют объяснения лиц, обладающих какой-либо информацией, связанной с произошедшим происшествием. Таковыми лицами являются очевидцы пожара, пострадавшие, ответственные за пожарную безопасность на объекте, участники тушения пожара и другие.

Также следует отметить, что опрос стоит проводить еще в момент тушения пожара, с той целью, чтобы лица, имеющие интерес в сокрытии достоверной информации о пожаре, не успели придумать факты, опровергающие противоправную сторону деяния.

В рамках предварительной проверки по факту пожара могут быть истребованы необходимые справки, копии договоров и иная документация (схемы и планы объекта, инструктажи по пожарной безопасности и технике безопасности, паспорта на оборудования и схемы их размещения, монтажные схемы, правоустанавливающая документация, договоры аренды, найма помещений и так далее).

Материальный ущерб, причиненный гражданам, определяется на основании документов собственника, по застрахованному имуществу – по данным страховой организации. Учреждения, организации, которым пожаром причинен материальный ущерб, обязаны предоставить документы, устанавливающие величину этого ущерба, определяемого по остаточной стоимости с учетом последней переоценки за вычетом стоимости остатков. Не редко случается, что личные документы граждан, а также документы, устанавливающие стоимость имущества, уничтожаются пожаром, в таком случае дознаватель выносит постановление о проведении судебной оценочной экспертизы, позволяющей установить стоимостный размер наступивших материальных последствий [2, с. 188].

Не редко дознаватель не хочет или не умеет грамотно подтвердить ущерб, причиненный пожаром, и ссылается на слова собственников имущества, не принимает необходимых мер к розыску виновных, не может грамотно собрать, проверить и оценить доказательства.

В связи с вышеуказанным следует:

1. Проводить постоянное повышение квалификации дознавателей ГПС МЧС России;

2. Усилить прокурорский надзор за порядком приема и регистрации сообщений и заявлений о преступлениях, а также на всех остальных стадиях уголовного процесса;

3. Усилить прокурорский надзор за своевременным принятием мер по защите и восстановлению прав пострадавших от преступных посягательств.

В целом, как итог отметим, что всесторонняя защита и восстановление прав потерпевших от преступлений, связанных с нарушением требований пожарной безопасности, а также преступных посягательств, совершаемых путем неосторожного обращения с огнем, обеспечивается полноценно проведенным дознанием по таким делам с использованием всего потенциала уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также неотложным принятием мер со стороны дознания для установления оснований и условий для возмещения вреда и, конечно же, гражданским иском по уголовному делу. В рамках последнего дознаватель должен принять все меры, предусмотренные УПК РФ, которые непосредственно коррелируют с ГПК РФ, чтобы в последующем суд определил объем и порядок возмещения причиненного вреда (ущерба).

Пристатейный библиографический список

1. Григонис В. П. Правоохранительная деятельность Государственной противопожарной службы // Мир юридической науки. – 2015. – № 3. – С. 79-84.
2. Минаева А. В., Ткачев П. А. Возмещение вреда, причиненного вследствие нарушения требований пожарной безопасности (состав ущерба и порядок возмещения) // Российское законодательство в сфере борьбы с пожарами и другими стихийными бедствиями: история и современность: Материалы Всероссийского круглого стола, Санкт-Петербург, 31 октября 2017 года. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 186-190.
3. Ступина С. А. Иск как основной способ обеспечения гражданских прав потерпевшего от преступления: некоторые аспекты современной правоприменительной практики / С. А. Ступина, М. В. Глубокая // Юридическая наука. – 2017. – № 4. – С. 174-180.

ШИЛЬДИНА Мария Васильевна

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

МОДЕЛИ РАСЧЕТНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ В РЕЖИМАХ ОНЛАЙН И ОФЛАЙН

В статье анализируются возможные модели расчетных правоотношений с использованием цифрового рубля. Рассматривается правовая природа платежей с использованием цифровых рублей, совершенных на платформе цифрового рубля в режимах онлайн и офлайн. Автором анализируется момент исполнения обязательств при расчетах цифровой валютой Центрального банка Российской Федерации – цифровым рублем, делается вывод о появлении платежной услуги, осуществляемой в форме цифровых платежей, различии механизма осуществления платежей цифровым рублем онлайн и офлайн, а также о возникновении нового объекта расчетного правоотношения.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая валюта центрального банка, блокчейн, криптовалюта, цифровой рубль, криптоактивы, CBDC.

SHILDINA Mariya Vasiljevna

lecturer of Civil law disciplines sub-faculty of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics

MODELS OF SETTLEMENT LEGAL RELATIONS USING THE DIGITAL RUBLE IN ONLINE AND OFFLINE MODES

The article analyzes possible models of settlement legal relations using the digital ruble. The legal nature of payments using digital rubles made on the digital ruble platform in online and offline modes is considered. The author analyzes the moment of fulfillment of obligations when calculating the digital currency of the Central Bank of the Russian Federation - the digital ruble, concludes about the appearance of a payment service carried out in the form of digital payments, the difference between the mechanism for making payments in digital rubles online and offline, as well as the emergence of a new object of settlement legal relationship.

Keywords: digitalization, central bank digital currency, blockchain, cryptocurrency, digital ruble, crypto assets, CBDC.

Шильдина М. В.

Масштабная трансформация классических форм общественных отношений в цифровые, связанная с национальными целями развития Российской Федерации¹, а также задачи по максимальной интеграции важнейших отраслей экономики, социальной сферы, государственного управления в цифровую среду, обусловили поиск и появление цифровых решений в сфере новых форм расчетов и средств платежа. Именно таковым средством, циркулирующим в цифровой среде, является цифровая валюта Центрального банка. Позиция Банка России в отношении вопроса цифровой валюты Центрального банка Российской Федерации представлена, в частности, в докладе для общественных консультаций «Цифровой рубль», где цифровая национальная валюта определяется как еще одна форма денег, приравненная к наличным и безналичным деньгам². Анализ понятия цифровой валюты Центрального банка не ставился в качестве цели настоящей статьи, в связи с этим, автор не останавливается на данном вопросе. Рассмотрению подлежит модель расчетного правоотношения, возникающего в цифровой среде с использованием цифрового рубля.

Банк России³ предлагает реализовать двухуровневую розничную модель цифрового рубля. Ключевые особенности данной модели состоят в том, что эмитентом цифрового рубля выступает Банк России, при этом цифровой рубль является безусловным обязательством Банка России. Именно

это условие будет отличать цифровой рубль, например, от криптовалюты.

В настоящее время Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»⁴ не содержит положений, которые предусматривали бы правила и представляли возможность Центральному банку создавать обязательства в виде цифровых валют⁵. Вместе с тем, Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» закрепляет положение о том, что валютой Российской Федерации (официальной денежной единицей) является рубль⁶. Таким образом, в Российской Федерации в настоящее время статус валюты закреплен за банкнотами и монетами, эмитированными Банком России. При этом, российская валюта выражена в официальной денежной единице, наделенной статусом «законного платежного средства». Данное обстоятельство является ключевым фактором валюты, а именно дает право должнику исполнять денежные обязательства, передавая валюту кредитору.

Функционирование цифрового рубля планируется с использованием платформы цифрового рубля в двух режимах: онлайн и офлайн. При этом, использование режима онлайн предполагается в случаях открытия и пополнения кошель-

1 Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // «Собрание законодательства РФ», 27.07.2020, № 30, ст. 4884.

2 «Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций (октябрь 2020 года)» (утв. Банком России) // СПС «Консультант Плюс».

3 Концепция цифрового рубля (ред. апрель 2021 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/content/document/file/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения 01.02.2022).

4 Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021). СПС «Консультант Плюс».

5 См. п. 2 ст. 3, ст. 29, ст. 30 Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021). СПС «Консультант Плюс».

6 Ст. 27 Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021). СПС «Консультант Плюс».

ка клиентом (физическим или юридическим лицом)⁷, при необходимости доступа клиента к цифровому кошельку, а также перевода средств между кошельками клиентов, при расчете цифровыми рублями при покупке товаров, в случаях перевода цифровых рублей с онлайн кошелька на офлайн кошелек. Режим офлайн предполагает платеж цифровыми рублями, когда отсутствует доступ к сети интернет.

Кошельки клиентов в цифровых рублях размещаются на специальной платформе цифрового рубля, на которой может быть открыт один кошелек одному клиенту. Доступ к цифровому кошельку может быть осуществлен клиентом через приложение кредитной организации, в которой у него открыт счет.

Зачисление цифровых рублей на кошелек клиента будет являться результатом списания безналичных средств со счета клиента в соотношении один к одному.

Рассмотрев техническую сторону функционирования цифрового рубля, перейдем непосредственно к описанию новых механизмов оборота цифровых рублей, которые также требуют осмысления.

Следует различать два режима циркуляции цифрового рубля. Это расчет цифровыми рублями при совершении покупок с использованием цифровых рублей онлайн и офлайн.

В случае совершения платежей цифровыми рублями онлайн происходит следующий механизм их оборота. У субъекта хозяйственной деятельности на платформе цифрового рубля открыт цифровой кошелек. Для совершения платежа клиенту в рамках мобильного приложения кредитной организации, в которой у него открыт счет, необходимо считать QR-код или иной идентификатор, содержащий информацию о платеже. После подтверждения клиентом (должником) своего распоряжения на совершение платежа (списания цифровых рублей) осуществляется перевод цифровых рублей на платформе цифрового рубля и зачисление их на цифровой кошелек клиента-кредитора. Таким образом, циркуляция цифровых рублей происходит исключительно на платформе цифрового рубля, информация о записях остатков цифровых рублей содержится исключительно на цифровом кошельке клиента-должника и цифровом кошельке клиента-кредитора, при этом, балансы кредитных организаций остаются прежними.

Возникает проблема определения правовой природы такого расчетного правоотношения, поскольку расчет осуществляется в виде транзакции, совершенной на платформе цифрового рубля. С одной стороны, можно сделать вывод о том, что расчет цифровым рублем можно отнести к безналичным расчетам. Однако, целью безналичных расчетов является перераспределение долгов между кредитными организациями, которые образовались у них перед клиентами в силу договоров банковского счета. В рамках осуществления перевода цифровых рублей на платформе цифрового рубля, представляется, что договором банковского счета действия кредитной организации ограничены открытием цифрового кошелька на платформе цифрового рубля, конвертацией безналичных денежных средств в цифровые рубли, отправлением уведомлений о списании цифровых рублей с цифрового кошелька, а также обеспечением работы мобильного приложения, посредством которого клиент-должник дает банку распоряжение на осуществление перевода цифровых рублей на платформе цифрового рубля. Сам же перевод цифровых рублей происходит исключительно в рамках специальной платформы цифрового рубля. С другой стороны, Л. Новоселова отмечает, что следует учитывать тот факт, что «цифровой рубль не является вещью, материальным объектом, он может быть отнесен к безналичным деньгам. Последнее понятие используется в законодательстве, но нигде не раскрывается. Содержание понятия безналичных денег сформировано в юридической литературе и может быть расширено с учетом появления новых технологий, обеспечивающих проведение платежей» [1].

В этой связи, учитывая цифровой базис рассматриваемых правоотношений, можно предположить, что правовая природа расчетов цифровыми рублями онлайн может иметь в своей основе безналичный расчет, но с оговоркой на цифровой элемент. Кредитная организация клиента-должника (плательщи-

ка) осуществляет перевод цифровых рублей с его кошелька на кошелек клиента-кредитора (получателя). В юридическом смысле уменьшение цифровых рублей на цифровом кошельке клиента-должника и увеличение цифровых рублей на цифровом кошельке клиента-кредитора является юридическим механизмом изменения правового состояния двух кредиторов (клиента-должника и клиента-кредитора), когда по отношению к одному из них объем прав требования к кредитной организации увеличивается, а по отношению к другому объем прав требования уменьшается. Здесь необходимо сделать оговорку, что под объемом права требования имеется в виду обязанность кредитной организации по конвертации цифровых рублей в безналичные денежные средства. Можно предположить, что моментом исполнения обязательства является момент зачисления цифровых рублей на онлайн кошелек клиента-кредитора.

Платежи цифровыми рублями офлайн осуществляются без доступа к сети интернет, при помощи заранее созданного плательщиком и получателем цифровых кошельков, размещенных на мобильном устройстве. Перемещение цифровых рублей между онлайн кошельком (расположенным на специальной платформе цифрового рубля) и кошельком на мобильном устройстве будет происходить при подключении к сети интернет. Таким образом, для совершения платежей цифровыми рублями офлайн, плательщик заранее должен перевести цифровые рубли между кошельками. Офлайн переводы будут доступны для расчетов между физическими лицами, между физическими и юридическими лицами.

Сама процедура офлайн перевода планируется выполняться при помощи беспроводной передачи данных небольшого радиуса действия, например, по каналу Bluetooth. В случае достаточного количества цифровых рублей в кошельке плательщика осуществляется перевод необходимой суммы на офлайн кошелек получателя. В этом контексте можно вести речь о том, что моментом исполнения обязательства при расчете цифровыми рублями с использованием офлайн перевода является момент зачисления цифровых рублей на офлайн кошелек получателя.

Возникает проблема определения правовой природы расчетного правоотношения, когда расчет осуществляется между плательщиком и получателем цифровыми рублями офлайн. Значимым является вопрос аналогии офлайн платежей цифровыми рублями и платежам наличными деньгами. Полагаем, что говорить о полном сходстве расчетов цифровыми рублями офлайн с наличными деньгами не совсем представляется возможным. Во-первых, в офлайн платежах цифровым рублем присутствует технологический элемент перевода. Расчет наличными напоминает только «передача» цифровых рублей (имеется в виду перевод платежа напрямую получателю, без посредника, по каналу Bluetooth). Во-вторых, при совершении таких платежей можно говорить об относительной конфиденциальности расчетов, поскольку ввиду отсутствия интернет соединения передача данных о транзакциях третьей стороне не осуществляется.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в случае совершения платежей с использованием цифровой валюты Центрального банка – цифрового рубля, изменяется модель расчетных правоотношений, направленная на исполнение обязательства должника перед кредитором. Это выражается в следующем:

1. Появляется платежная услуга, осуществляемая в форме цифровых платежей.

2. Механизм осуществления платежей онлайн и платежей офлайн различается. В основе онлайн платежей цифровыми рублями лежит базис безналичного расчета, но с оговоркой на цифровой элемент и права требования, которые выражены в обязательстве кредитной организации перед клиентом по конвертации цифровых рублей в безналичные денежные средства. В основе офлайн платежей цифровыми рублями лежит процедура их перевода между кошельками на мобильных устройствах при помощи беспроводной передачи данных небольшого радиуса действия, напоминающая платеж наличными деньгами, но таковой не являющаяся.

3. Возникает новый объект расчетного правоотношения - цифровой рубль.

Пристатейный библиографический список

7 В рамках описания циркуляции цифрового рубля при совершении платежей, под клиентом мы будем понимать физическое или юридическое лицо, совершающее платежи в цифровых рублях.

1. Медведева Т.М., Новоселова Л.А., Новоселов М.А. Правовые риски введения цифрового рубля // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 41.

БЕЛОУСОВА Евгения Владимировна

аспирант кафедры гражданского права Сибирского юридического университета, юрист

ЗАЩИТА ПРАВ СТРОИТЕЛЬНЫХ ПОДРЯДЧИКОВ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ КОНТРАКТУ

В статье рассказывается о способах защиты прав строительных подрядчиков при заключении государственного (муниципального) контракта в рамках Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Автором обосновывается необходимость реформирования действующего законодательства в сфере закупок в части защиты прав подрядных организаций, предлагаются рекомендации по изменению действующих правовых норм в данной сфере.

Ключевые слова: государственный контракт, защита прав, строительство, строительное право, закупки.

BELOUSOVA Evgeniya Vladimirovna

postgraduate student of Civil law sub-faculty Private institution of higher learning of the Siberian Law University, Lawyer

PROTECTION OF THE RIGHTS OF CONSTRUCTION CONTRACTORS UNDER A STATE CONTRACT

The article describes the ways to protect the rights of construction contractors when concluding a state (municipal) contract within the framework of Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013 "On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs". The author substantiates the need to reform the current legislation in the field of procurement in terms of protecting the rights of contractors, offers recommendations on changing the current legal norms in this area.

Keywords: state contract, protection of rights, construction, construction law, procurement.

Строительство и ремонт социально значимых объектов (больниц, школ, детских садов, дворцов культуры, спортивных учреждений и т.д.) необходимы для реализации государственной социальной политики. Такое строительство осуществляется через систему закупочных процедур, установленных в рамках Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон «О контрактной системе»)¹ и положений параграфа 5 главы 37 части 2 Гражданского кодекса Российской Федерации². Заключение государственного (муниципального) контракта играет важную роль не только для заказчика, но и для строительного подрядчика. Прежде всего, государственный заказчик считается более надежным и стабильным контрагентом. Кроме того, чаще всего закупки на строительные работы имеют высокую стоимость, что, бесспорно, привлекает строительные организации. Поэтому сфера государственных (муниципальных) закупок в строительстве всегда вызвала и вызывает особый интерес и у законодателей и контролирующих органов. Прежде всего, это обусловлено тем, что государство является заказчиком большей части социально значимых объектов.

Государственный (муниципальный) контракт выступает как способ взаимодействия подрядчика и заказчика в строительных отношениях. В теории закупок существуют различные классификации государственных контрактов. Например, ряд специалистов предлагают выделять такие типы государственных контрактов, как контракт с фиксированной ценой, контракт с оплатой затрат плюс установленное вознаграждение, контракт с оплатой затрат без вознаграждения и

контракт с оплатой затрат плюс поощрительное вознаграждение [6, с. 547, 548]. Для России характерно применение первого типа контракта. При этом по мнению Т. Р. Григорян, для нашей контрактной системы в строительной сфере можно применить контракт с оплатой затрат плюс поощрительное вознаграждение [3, с. 36]. Исследователь считает, что стимулирование подрядчиков на выполнение качественных работ с уменьшением их стоимости может привести к существенной экономии бюджета. По нашему мнению, такая точка зрения вполне обоснованна.

Как отмечает Р. Б. Куличев, подрядные работы для государственных нужд являются частноправовым способом реализации функции государственного управления [5, с. 8]. Именно через механизм закупочных процедур государство совершает сделки и реализует управленческие функции. Защита прав участников данных отношений также имеет свои особенности.

Так, в рамках статьи 11 Закона «О контрактной системе» правительству РФ предоставляется право установить типовые условия контрактов, подлежащие применению заказчиками при проведении закупочных процедур.

Считается, что типовые контракты позволяют установить единые правила взаимодействия государственных заказчиков и подрядчиков, обеспечить прозрачность системы закупок, бюджетную экономию. Особенно практика применения типовых контрактов распространена за рубежом, где разрабатываются целые библиотеки типовых контрактов. Например, в США библиотека типовых контрактов включает более 100 таких контрактов и стандартных спецификаций по основным направлениям федеральных закупок, в том числе по строительству. В базе данных государственных контрактов Великобритании содержится более 450 наименований контрактов [7, с. 78]. Наиболее развитая библиотека типовых контрактов представлена в Австралии, где все типовые контракты разделены на обязательные и рекомендательные [1, с. 895].

Применение типового контракта в Российской Федерации является обязанностью заказчика в том случае, когда строительная закупка отвечает всем требованиям из инфор-

1 Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 8 апреля 2013 г. – № 14, ст. 1652.

2 Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 года № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 29 января 1996 г. – № 5, ст. 410.

мационной карты типового контракта. Такая информационная карта утверждается вместе с типовым контрактом одним нормативно-правовым актом. В случае, если заказчик не применяет типовой контракт там, где он обязательно должен быть применим, у заказчика возникает риск административной ответственности по части 4.2 статьи 7.30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.³ Также типовой контракт является своего рода страховкой заказчика в ситуации, когда подрядчик предъявляет ему претензии относительно текста и содержания контракта. В этой ситуации заказчик вправе сослаться на нормативный акт, которым утверждена типовая форма контракта.

То есть типовой контракт – это специальный шаблон, который использует заказчик в установленных законодательством о закупках случаях. Традиционно он включает в себя две части – постоянную и переменную. Переменная часть дает возможность заказчику установить ряд условий контракта по своему усмотрению, включить условия конкретной закупки. Если типовая форма содержит приложения к контракту, то у заказчика нет права самостоятельно изменять их перечень и содержание.

В законе «О контрактной системе» не содержится определения типового контракта в строительстве, так же как нет его и в подзаконных актах. В этой связи считаем целесообразным предложить определение типового контракта в строительстве как соглашения, содержащего унифицированные условия, разрабатываемого и утверждаемого в порядке, определенном законодательством о контрактной системе, заключаемого от имени Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований в целях удовлетворения государственных и муниципальных нужд в строительной сфере.

Как справедливо замечает Т. Р. Григорян, в Российской Федерации библиотека типовых контрактов находится пока еще на стадии становления [3, с. 35]. Приказом Минстроя России от 14.01.2020 № 9/пр⁴ утверждены Типовые условия контрактов на выполнение работ по строительству (реконструкции) объекта капитального строительства и информационной карты типовых условий контракта. Данные условия устанавливают обязанности подрядчика и заказчика при заключении контракта. В разделе 1 Приложения № 1 законодатель установил обязанности подрядчика, в том числе (обязанность по возмещению убытков, ответственность за допущенные отступления от проектной и рабочей документации). Однако в данном приказе законодателем не предусмотрены условия об ответственности заказчика. На наш взгляд, необходимо дополнить положения типовых условий положениями об ответственности заказчика за просрочку исполнения обязательства. В соответствии с положениями ч. 5 ст. 34 Закона «О контрактной системе» пеня начисляется за каждый день просрочки заказчиком исполнения обязательства, предусмотренного контрактом. Такая пеня устанавливается контрактом в размере одной трехсотой действующей на дату уплаты пеней ключевой ставки Центрального банка РФ от не уплаченной в срок суммы. При этом ответственность исполнителя по контракту значительно больше. Указанное дополнение необходимо для соблюдения баланса интересов

сторон закупочных отношений и будет способствовать более эффективному исполнению договорных обязательств сторон.

В целях защиты прав заказчиков статьей 104 Закона «О контрактной системе» предусмотрена возможность включения недобросовестного подрядчика в реестр недобросовестных подрядных организаций (далее – РНП). Ежегодно в России расходуются значительные бюджетные средства, заключается большое число государственных и муниципальных контрактов и договоров в сфере строительства, поэтому надежность контрагента имеет первостепенное значение. По мнению П. А. Тихомирова, «РНП – это несколько усовершенствованный по механизму и основаниям включения так называемый черный список, который довольно давно применяется в системах закупок ряда международных организаций и финансовых институтов (Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития, Африканский банк развития, МВФ и др.)» [10].

Многие исследователи, изучая правовую природу РНП, указывают на то, что он является источником общедоступной информации, позволяющим (наряду, к примеру, с картотекой арбитражных дел, опубликованных в сети сведениях о банкротствах) сформировать мнение о конкретной компании, оценить ее деловую репутацию, которая, в свою очередь, служит индикатором благонадежности компании в целом [2, с. 51].

В нашем государстве РНП ведет Федеральная антимонопольная служба и ее территориальные органы. Различается РНП в рамках закона «О контрактной системе» и в рамках Федерального закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ⁵. В иностранных государствах тоже существуют подобные реестры. Например, в Японии такой реестр ведет саморегулируемая организация – Совет по государственным контрактам [9].

В научной литературе встречаются дискуссии относительно правовой природы РНП. Так, В. Никулина [8] предлагает рассматривать включение подрядчика в РНП в качестве штрафной административной санкции. Д. А. Чваненко [12] считает данную меру санкцией, обладающей публично-правовым характером. По мнению Я. В. Калачева [4], включение в РНП нужно рассматривать как санкцию, которая должна отвечать требованиям Конституции РФ, соответствовать принципу юридического равенства, быть соразмерной защищаемым целям и ценностям. В. А. Тищенко [11] в своей статье указывает на то, что включение в реестр является мерой публично-правовой ответственности, обладающей частноправовыми чертами.

Основанием включения подрядчика в РНП является недобросовестное поведение участника закупки. Более детально основания для включения установлены ч. 2 ст. 104 Закона «О контрактной системе».

Если подрядчика включили в такой реестр, то он лишается возможности в течение двух лет участвовать в закупках, что, бесспорно, сказывается на его правовом и экономическом статусе.

На наш взгляд, в целях защиты прав подрядных организаций, целесообразно в статью 104 Закона «О контрактной системе» внести изменение и дополнить ее обязанностью по ведению реестра недобросовестных заказчиков. Подобные реестры действуют в иностранных государствах, например, в США. Такой реестр, прежде всего, необходим для защиты прав подрядных организаций в том случае, когда со стороны

3 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I), ст. 1.

4 Приказ Минстроя России от 14.01.2020 № 9/пр (ред. от 14.10.2021) «Об утверждении Типовых условий контрактов на выполнение работ по строительству (реконструкции) объекта капитального строительства и информационной карты типовых условий контракта» (вместе с «Типовыми условиями государственного или муниципального контракта, предметом которого является выполнение работ по строительству (реконструкции) объекта капитального строительства») (Зарегистрировано в Минюсте России 21.02.2020 № 57585). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 25 июля 2011 г. № 30 (часть I), ст. 4571.

заказчика имеется злоупотребление своим преимущественным положением.

Основанием для включения в реестр недобросовестных заказчиков может быть задержка или неоплата выполненных работ. Часто споры и конфликты между строителями и заказчиками строительных работ вызваны тем, что последние задерживают оплату или не оплачивают выполненные работы, что подтверждается обширной судебной практикой по данной теме. На практике не редко государственные (муниципальные) заказчики ссылаются на недофинансирование или отсутствие денег в бюджете. Поэтому закрепление в законодательстве такого основания создаст для заказчика определенные стимулы к добросовестному поведению, будет способствовать профилактике нарушений прав строительных подрядчиков, что положительно скажется в целом на строительной отрасли.

Также в качестве основания для включения в такой реестр может служить возбуждение уголовного дела в отношении должностных лиц заказчика за коррупционные действия в сфере закупок. По оценкам ученых, государственные закупки считаются одной из самых коррупционных сфер. Это связано, прежде всего, с тем, что от имени заказчиков действуют должностные лица (государственные и муниципальные служащие). Указанные субъекты часто не заинтересованы в эффективности осуществляемых ими для нужд государства (муниципального образования) закупочных процедур, а иногда имеют и личный интерес в виде улучшения своего материального положения при проведении закупки. Стоит отметить, что при постоянном совершенствовании законодательных норм и развитии технических средств, регулирующих закупочные процедуры, появляются и новые коррупционные схемы. Как показывает российская судебная практика, реальные наказания за коррупционные нарушения чаще всего несравнимо малы с размером причиненного ущерба. Поэтому включение в статью 104 Закона «О контрактной системе» такого основания для внесения в реестр, как возбуждение уголовного дела в отношении должностных лиц заказчика за коррупционные действия в сфере закупок, по нашему мнению, положительно скажется и на профилактике коррупционных нарушений в данной сфере. Дополнительно, в целях профилактики коррупции в государственных закупках и защиты прав строительных организаций, можно также предусмотреть возможность ротационной политики назначения специалистов по строительным закупкам на должность. Обязанность ротации кадров заказчика стоит закрепить в статье 38 Закона «О контрактной системе», и осуществлять каждые 5 лет с момента назначения специалиста на должность.

Включение в статью 104 Закона «О контрактной системе» требования о ведении реестра недобросовестных заказчиков будет являться мерой по профилактике нарушений прав подрядных организаций. Кроме того, данная мера положительно отразится на деятельности заказчиков, и будет стимулировать их к более ответственному отношению в рамках договорных обязательств с подрядчиками.

Таким образом, можно сделать вывод, что нормы Закона «О контрактной системе» и законодательство о государственных (муниципальных) контрактах нуждаются в реформировании в части защиты прав строительных подрядчиков. Внесение дополнений в положения типовых условий контрактов на выполнение работ по строительству (реконструкции) в виде положений об ответственности заказчика за просрочку исполнения обязательства, а также включение в статью 104 Закона «О контрактной системе» требования о ведении реестра недобросовестных заказчиков необходимо для соблюдения баланса интересов сторон закупочных отношений и более эффективного исполнения сторонами взятых на себя обязательств в рамках заключенного контракта.

Пристатейный библиографический список

1. Булей Н. В. Отечественный и зарубежный опыт развития контрактной системы в строительстве // Экономика и предпринимательство. – № 1 (ч. 3). – 2014. – С. 892-895.
2. Власова А. С., Удалова Н. М., Кочкурова К. С. Становление «личности» коммерческой корпоративной организации: теоретические и практические аспекты // Право и экономика. – 2015. – № 9. – С. 43-52.
3. Григорян Т. Р. Договорные отношения государственного заказчика в контрактной системе в сфере закупок: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.03. – Москва, 2020. – С. 35-36.
4. Калачев Я. В. Правовая природа реестра недобросовестных поставщиков // Власть Закона. – 2016. – № 2. – С. 232-237.
5. Куличев Р. Б. Правовое регулирование подрядных работ для государственных нужд (на примере города Москвы): Автореф. дис. ... на соиск. учен. степ. кандидата юрид. наук. - Москва, 2014. - С. 8.
6. Линдерс М., Джонсон Ф., Флинн А., Фирон Г. Управление закупками и поставками: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления (080100), «Коммерция» (080300), «Логистика» (080506); пер. с англ. под ред. Ю. А. Щербанина. – 13-е изд. - М.: ЮНИТИ-ДАНА-2017. – С. 547-548.
7. Мустафин Р. Ф. Типовые договоры в рамках законодательства о закупках разных стран // Право и государство: теория и практика. – № 1 (157). – 2018. – С. 76-79.
8. Никулина В. Включение контрагента в реестр недобросовестных поставщиков как вид административной ответственности // Административное право. - 2017. - № 3. - С. 31-36.
9. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития / Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, В. А. Вайпан и др.; отв. ред. Е. П. Губин. - М.: Юстицинформ, 2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Тихомиров П. А. Реестр недобросовестных поставщиков: требуется совершенствование // «Российское конкурентное право и экономика». – 2020. – № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Тищенко В. А. Правовая природа реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) // Baikal Research Journal. - 2018. - Т. 9. № 4.
12. Чваненко Д. А. Включение в реестр недобросовестных поставщиков как вид публично-правовой ответственности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. - 2019. - № 1. - С. 28-32. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ФАРАФОНТОВА Дарья Сергеевна

аспирант Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ МЕЖОТРАСЛЕВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Проведен анализ института алиментных обязательств, его проблем и путей совершенствования на государственном и социальном уровне. Исследование проблематики участников семейных отношений и выплат алиментных обязательств в наше время. Рассматривается проблема содержания несовершеннолетних детей, с указанием пробелов и нерешенных вопросов на законодательном регулировании института алиментных обязательств.

Ключевые слова: алиментные обязательства, взыскание алиментов, российское семейное законодательство, нетрудоспособные, несовершеннолетние дети.

FARAFONTOVA Darya Sergeevna

postgraduate student of the Institute of Public Administration of the RANEPА under the President of the Russian Federation

Фарафонтowa Д. С.

FEATURES OF INTERSECTORAL REGULATION OF ALIMONY OBLIGATIONS

The analysis of the institute of alimony obligations, its problems and ways of improvement at the state and social level is carried out. The study of the problems of participants in family relations and payments of alimony obligations in our time. The problem of the maintenance of minor children is considered, indicating gaps and unresolved issues in the legislative regulation of the institution of alimony obligations.

Keywords: alimony obligations, alimony recovery, Russian family legislation, disabled, minor children.

Углубляясь в Конституцию Российской Федерации, диктующая нам на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, представляя собой главную опору становления и улучшения Российского государства и общества. Потребность оказания поддержки в виде содержания определенной категории граждан исходит по разным социальным показателям и факторам. В разных государствах, обществах есть та категория социума, которая не имеет возможности к самостоятельному поддержанию своих нужд и желаний. Будь то ограниченный возраст, определенные рамки и ограничения здоровья, а также по причине пренебрежения, попечения за ребенком, членом семьи и других категорий родственных отношений.

Говоря о морально-этических представлениях и нормах ответственности любого члена традиционной семьи, точнее говоря об опоре и взаимопомощи, содействии и почитании к каждому члену семьи, а именно по обеспечению пособий и содержания перешли ту грань, где данные вопросы соприкасаются с юридической подчиненностью закрепив это в институте семейного законодательства как алиментные обязательства. Это является более уместным, и в финансовом плане, и с этически-нравственной стороны, возлагая данные обязательства по обеспечению и финансовой поддержки малоимущим, нуждающимся, и нетрудоспособным иждивенцам на лиц, связанные брачными или семейными отношениями. В семейном законодательстве, мы видим, что алиментные обязательства в России основаны на том, что родители должны обеспечивать своих несовершеннолетних или нетрудоспособных детей, даже в случае официального развода и отдельного проживания от указанных лиц. Исходя из лучшего варианта о порядке финансового обеспечения родители обязаны прийти к совместному соглашению и по возможности нотариально его узаконить. В тех случаях, когда взаимного соглашения и компромиссов осуществить не случилось СК РФ в ст. 80 закрепляет, что алиментные обязатель-

ства взыскиваются в судебном порядке (Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. ФЗ № 223 (в ред. от 04.02.2021)).

В то же время, на законодательном уровне устанавливаются возникшие в течение многих столетий этически-нравственные принципы взаимоотношений между членами семьи, где нетрудоспособным детям, пожилым и инвалидам осуществляется финансовая помощь, которая в свою очередь восполняет одну из главных материальных потребностей жизни. В каждой стране законодатель всецело не гарантирует финансового содержания нетрудоспособным гражданам с помощью социума в полной мере, поэтому в интересах государства, осуществление материальной поддержки также от семьи и ее членов в целом.

Добровольная и непринужденная помощь в виде материальной поддержки – как показатель естественного и правильного показателя финансово-экономической функции семьи.

В масс-медиа и прессе достаточно часто и детально комментируются справки и материалы, прописывается статистика из судебной практики, в отношении урегулирования родственных, супружеских взаимоотношений, прописываются права участников (несовершеннолетние дети, нетрудоспособные, старики, инвалиды и т.д.) на унаследование и получение алиментов. Следовательно, алиментные обязательства необходимо рассматривать как правоотношение, в корне которого стоит установленный доктринами правовое обстоятельство. По определенным обязанностям одни члены семьи обязаны предоставлять содержание другим ее членам, а последние вправе получать данное пособие. Исходя из этого, мы видим определяющую цель алиментного обязательства в виде предоставления нуждающемуся лицу всех обязательных и должных требований для комфортного проживания. Также, помимо финансовой составляющей, мы видим воспитательную цель, которая воспитывает и вызывает

в людях чувства не только родительского, но и супружеского долга, долга дочернего и сыновнего, что благоприятно сказывается на осуществлении и укреплении семейных ценностей и самой семьи в целом. Цель алиментного обязательства исходит из главной основы – взаимной и обоюдной материальной финансовой поддержки членов семьи.

Отметим наиболее специфические принципы института алиментных обязательств:

1) доказательства их создания исходят из императивных законов семейного законодательства. (статья. 80 СК РФ обеспечивает обязанность родителей по содержанию своих несовершеннолетних детей, а в статье 116 СК РФ закреплена недопустимость зачета и обратного взыскания алиментов);

2) обладают осложненным субъектным составом участников;

3) являются, как и основными (первой очереди) так и субсидиарными (второй очереди);

4) представляют собой одну из форм публичных отношений;

5) имеют долгосрочные перспективы. Согласно абз. 1 п. 2. ст. 89 СК РФ и абз. 1 п. 1 ст. 90 СК РФ выплата алиментных обязательств супруге (бывшей супруге) мужем (бывшим мужем) производится «в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка» [2, с. 18].

Исходя из долгосрочных перспектив (последний из указанных нами принципов) алиментных обязательств как мы видим на законодательном уровне разрабатывает и закрепляет шансы на внесение корректировок финансовой составляющей алиментных обязательств (т.е. размера алиментов). Варьировать суммами возможно из наименьшего к большему и наоборот. Вместе с тем, дополнительно законодательство предусмотрело допустимость снятия и отстранения от платы алиментных обязательств. Это уже отдельный порядок по процедуре изменения размера алиментных обязательств, который производится в судебном порядке.

Проводя анализ исследования института алиментных обязательств, можно увидеть дискуссионные моменты, затрагивающие правовые вопросы и диктующие нам о более детальных правовых поправках и разработках.

Размышляя на тему размера алиментов, можно отметить, что в соответствии с российским законодательством, он предоставляется и скорее не обязан быть представлен ниже того показателя ухода и существования детей, с расчётом на честность и исполнительность родительского долга со стороны обоих родителей. Таким образом критерии размера алиментных обязательств не должен быть заявлен минимальным нормам установленных государством (миним. прожиточный минимум). Учитывая исполнение законодателя, требования по взысканию алиментов не следует превышать пятидесяти (50 %) заработной платы работника.

Важно пометить, при установлении алиментных обязательств суд учитывает оценку лица (плательщика алиментов), а именно:

1) физическое состояние здоровья;

2) имеются ли лица на иждивении и в каком количестве;

3) разные (иные) определяющие обстоятельства, которые могут повлиять на решение судьи, как пример, прибыль от недвижимости, уточнение всех потребностей ребенка, с предоставлением и обоснованием расчетов по платежам [1, с. 123].

На деле, во время судебного процесса по взысканию алиментов и задолженности по алиментным обязательствам всегда происходят спорные дискуссионные вопросы. Почти всегда оспариванию подлежат постановления и действия судебного пристава исполнителя об определении размера задолженности по алиментным обязательствам. Данные дела оспаривают как правило не только плательщики алиментов, но и получатели алиментов. Должники по алиментам, очень часто обжалуют расчеты судебных приставов-исполнителей,

доказывая и аргументируя, что сделанные расчеты за определенные периоды не корректны, т.к. не получали постоянного дохода. В таких случаях суды рассматривают данные требования и признают незаконными действия судебных приставов, но для этого должно быть полное предоставление доказательств по факту не верных расчётов.

Также, смотря на вышенаписанное, практика показывает, что суд может отказать в удовлетворении исковых требований плательщика по расчету задолженности, в случаях:

1) при все доказательственных фактах, суд не увидел нарушений со стороны судебного пристава при расчетах алиментов и их задолженности;

2) при указании доходов ответчика (плательщика алиментов) были указаны суммы взысканных процентов за пользование чужими денежными средствами, что учли при расчете задолженности;

3) нет доказательственной базы у плательщика алиментных обязательств по факту выплаченных (потраченных) им денежных средствах, (куда тратились) в счет уплаты алиментов или другие нужды;

4) судебный пристав-исполнитель, производя расчет полной задолженности производил индексацию за весь период алиментов, который имеет срок свыше трех лет;

5) судебный пристав-исполнитель при расчете учитывал доход плательщика алиментов в виде имущественного налогового вычета [4, с. 9].

Делая выводы и рассмотрев судебную практику, можно увидеть, что суды в своем большинстве поддерживают сторону несовершеннолетних и нуждающихся, т.к. большинство случаев судебной практики, это должники по алиментным обязательствам, которые уклоняются от уплаты и также пытаются снизить размер алиментных обязательств, указывая всевозможные на то причины.

Далее мы рассмотрим ст. 90 СК РФ, диктует, что получателем алиментных обязательств признается бывшая жена в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка. В этой ситуации наблюдаем, что возможность получения алиментов не влияет на трудоспособность и финансовую составляющую супруги (бывшей супруги). Более того, этот временной этап для женщины выделен как тонкое внутреннее состояние требующий определенную дополнительную поддержку. Принимая во внимание тот факт, что уход и забота за ребенком в данный период времени более благоприятен и наилучший, нежели отдавая ребенка в детское учреждение, и продление отпуска по уходу за ребенком, на время ограничив работу, имеет место поддержки со стороны семейного российского законодательства.

С другой стороны, женщина, воспитывающая ребенка-инвалида, получая негативный, сложно-психологический и финансово затратный опыт материнства, все эти негативные финансовые следствия и ограничения происходят в тот период, когда новоиспеченная мать не имеет должного финансового достатка и прибыли, а когда затраты также происходят на дорогое лечение, обиход ребенка-инвалида, уместно понимать, что объемы затрат увеличиваются, а финансовой прибыли нет, и даже в таких случаях данную ответственность равноправно несут оба родителя. Как следствие, женщина имеет полное право на взыскание алиментов с отца ребенка и одновременно получать поддержку со стороны государства.

Однако, семейное законодательство не дает полную правовую поддержку в отношении отца ребенка (бывшему супругу) от матери ребенка (бывшей супруги), несмотря на то, что он также один воспитывает несовершеннолетнего ребенка, проявляет заботу и опеку, финансовое содержание в течение трех лет со дня рождения ребенка, познавая на себе также психологические и неблагоприятные финансовые последствия. Согласно Конституции РФ, все тяготы и заботы равноправно несут оба родителя, также Семейный Кодекс РФ обращает внимание на выполнение финансовых обяза-

тельств по обеспечению несовершеннолетних детей, проживающих вместе с матерью и отцом, равноправно беря на себя все тяготы и заботы. Стало быть, мы замечаем пробелы в данной норме. Н. В. Соловьева в своих трудах поясняет: «в ситуации, когда дети проживают в учреждении для детей, оставшихся без попечения родителей, обязанность платить алименты возлагается как на отца, так и на мать» [5, с. 12]. Следовательно, источники права указывают нам о юридическом положении супругов.

Наиболее обстоятельно выделила пробелы Т. В. Шершень: «Принцип равенства супругов воплощен в ряде статей Семейного кодекса РФ (ст. ст. 31, 32, 33-39 и др.). Вместе с тем можно найти немало исключений из данного принципа. Наиболее яркий пример – ст. 89 СК РФ: право требовать предоставления алиментов в судебном порядке от другого супруга, обладающего необходимыми для этого средствами, имеет жена в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка. Возникает вопрос: почему законодатель отступил от столь важного принципа равенства супругов в семье и супругу (мужу), осуществляющему уход за общим ребенком до достижения им трех лет, не предоставил права требовать выплаты алиментов на свое содержание?» [6, с. 29]. Соглашаясь с представленной позицией, которая выделяет пробелы, и в свою очередь указывает нам на внесение корректировок в Семейный Кодекс РФ, закрепляя тем самым права и обязанности, возможности для отца ребенка исполняя должный уход за общим ребенком до достижения им трех лет.

Далее рассмотрев еще один спорный момент обязательств по уплате алиментов, содержащие на наш взгляд пробелы и подлежащие юридическим поправкам, это взыскание алиментных обязательств на совершеннолетнего трудоспособного ребенка, получающего высшее профессиональное образование очной формы обучения.

На сегодняшний день законодатель устранил вероятность пролонгации прав на алименты детям при получении высшего профессионального образования по очной форме обучения, являясь трудоспособными, но при этом не имеющих возможности самостоятельно финансово себя обеспечивать. Стоит заметить, что в цивилизованных развитых странах указанные меры имеют место быть, в России эти меры утвердить в СК РФ не удалось, что является немаловажным пробелом. Дети, не имеющие определенного личного дохода (прибыли), воспитанные одним родителем (как правило матерью), весьма часто пребывают в затруднительной, отчаянной ситуации в связи с самостоятельным выполнением собственных полномочий на получение высшего образования.

Соглашаясь во взгляде с О. В. Капитоновой, показывая и отмечая существующую проблему: «необходимость получения материальной поддержки от родителей совершеннолетними трудоспособными детьми связана с тем, что в современном обществе достижение экономической самостоятельности часто происходит позднее достижения совершеннолетия. Не имея права на получение алиментов, дети, воспитывающиеся только одним из родителей, оказываются в менее привилегированном положении, чем те, которые растут в полной семье. Бремя их содержания во время обучения после 18 лет полностью ложится на плечи одного, только совместно с ними проживающего родителя, что вряд ли можно признать справедливым» [3, с. 120].

В основном аргументированность и уместность утверждения в семейном законодательстве данной нормы целесообразно, для получения высшего профессионального образования разрешались бы алиментные обязательства до момента окончания учебного заведения.

Таким образом, подводя итоги и резюмируя выбранные принципы семейного права, регламентирующие институт алиментных обязательств, позволяет нам сделать вывод, что для решения и проработки пробелов в данном институте об-

ратить внимание законодателя на внесение определенных поправок.

Исходя из СК РФ, мы видим противоречия с Конституцией РФ, где указывается, что родители наделены равными правами и обязанностями к своим детям. Поэтому отец, забываящийся и воспитывающий совместное дитя, в том же порядке вправе на алиментные обязательства со стороны супруги (бывшей супруги), материя ребенка.

Учеными, юристами многократно отмечалось и указывалось на пробел и его устранение по взиманию и уплате алиментных обязательств на нуждающегося дееспособного совершеннолетнего ребенка, получающего высшее образование по очной форме обучения, что в свою очередь препятствует реализации конституционных прав на высшее образование в целом. Объективно заявлять и приводить доводы о внесении ограничений на возрастные границы дееспособного ребенка – студента, получающего высшее профильное образование до 22 – 23 лет, но в случае доказанности нужды совершеннолетнего.

Пристатейный библиографический список

1. Арышева И. Н. О необходимости установления минимального размера алиментов в Российской Федерации // Проблемы становления гражданского общества: сборник статей IX Международной научной студенческой конференции. – Иркутск, 2021. – № 2. – С. 122-128.
2. Бесперстова А. А. Возникновение алиментных обязательств в России // Державинский форум. – 2020. – Т. 4. – № 13. – С. 17-23.
3. Капитова О. В. Правовая природа механизма алиментирования в семейном праве Российской Федерации. – М., 2010. – С. 1-133.
4. Мартынова М. А. Понятие и структура алиментных правоотношений // Вестник исполнительного производства. – 2017. – № 2. – С. 8-18.
5. Соловьева Н. В. Правовое регулирование алиментных обязательств в РФ // Исполнительное право. – 2010. – № 2. – С. 11-13.
6. Шершень Т. В. Принцип равенства прав супругов: генезис и некоторые проблемы его реализации в современном семейном праве России // Российская юстиция. – 2010. – № 7. – С. 28-31.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-2-165-205-207

ШЕВЧУК Светлана Степановна

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Северо-Кавказского социального института

ПЕТРОВ Николай Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Северо-Кавказского социального института

ИНСТИТУТ СУБСТИТУЦИИ В НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРАВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье, которая посвящена актуальным проблемам субституции (подназначения наследников) как института наследственного права, рассматриваются сущность и роль завещательного подназначения в российском законодательстве и обращается внимание на особенности его правового регулирования. Прослеживаются история становления и развития данного института и его особенности в различных исторических условиях и правовых порядках. Осуществляется анализ норм института субституции в современном отечественном наследственном праве, обосновывается его значение для наиболее полной реализации принципа свободы завещания.

Ключевые слова: завещание, завещатель, содержание завещания, виды завещательных распоряжений, субституция (подназначение наследника), основания призвания к наследованию подназначенных наследников, права и обязанности подназначенных наследников.

SHEVCHUK Svetlana Stepanovna

Ph.D. in Law, professor of Civil Law and process sub-faculty of the North Caucasus Social Institute

PETROV Nikolay Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil Law and process sub-faculty of the North Caucasus Social Institute

INSTITUTE OF SUBSTITUTION IN INHERITANCE LAW: HISTORY AND MODERNITY

In the article, which is devoted to the actual problems of substitution (sub-assignment of heirs) as an institution of inheritance law, the essence and role of testamentary sub-designation in Russian legislation are considered and attention is drawn to the peculiarities of its legal regulation. The history of the formation and development of this institution and its features in various historical conditions and legal order are traced. The analysis of the norms of the institution of substitution in modern domestic inheritance law is carried out, its significance for the fullest realization of the principle of freedom of will is substantiated.

Keywords: will, testator, content of the will, types of testamentary dispositions, substitution (sub-assignment of the heir), grounds for calling to inheritance of sub-appointed heirs, rights and obligations of sub-appointed heirs.

Положения ст. 1111 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее-ГК РФ), развивая положения о гарантированном ч. 4 ст. 35 Конституции РФ [3] праве наследования, обеспечивают переход имущества (наследства), к другим лицам (наследникам) согласно его воле, выраженной в завещании, наследственном договоре, либо согласно закону, который в данном случае презюмируется как соответствующий личной воле умершего. С установлением различных видов наследственных распоряжений актуальным становится вопрос о выборе конкретного способа распоряжения имуществом на случай смерти, решить который можно только путем сопоставления их определенных преимуществ или недостатков.

Институт субституции, появившись в глубокой древности, продолжает вызывать научный интерес и будоражить умы современных ученых и практиков. В отечественном наследственном праве наследственная субституция - подназначение наследника - относится к одному из видов завещательных распоряжений. Сущность субституции (лат. substitutio) заключается в предоставленной законом возможности завещателя назначить к основному наследнику (наследникам) так называемого запасного наследника, что обеспечивает расширение его правовой свободы. Как справедливо отмечал И. А. Покровский, «свобода посмертных распоряжений составляет вместе со свободой собственности и свободой договоров один из краеугольных камней современного гражданского строя» [7]

Исследуемый институт субституции впервые появляется в римском частном праве. Он предполагал право завещателя назначить в завещании дополнительного наследника, если основной наследник по каким-то причинам не примет наследство. Как и множество прочих гениальных правовых инструментариев, созданных римским правом, субституция явилась той моделью правового поведения, которая придавала необходимую гибкость воле завещателя, и которая способствовала наиболее полной реализации принципа свободы завещания.

Древние римляне не признавали никакого иного основания наследования, кроме ex testamento и ab intestate, объясняя это тем, что наследование по договоренности (по соглашению) лишает завещание его неотъемлемого свойства — отзывности, «сохраняющейся до самого последнего мгновения жизни» [13]. По мнению И. Б. Новицкого подназначение наследника (substitutio) в римском праве являлось примером отлагательного условия. «Наиболее распространенный вид субституции - писал автор - сводился к тому, что в завещании назначался как бы запасной наследник на случай, если назначенный на первом месте по той или иной причине (смерти, нежелания принять наследство и т.п.) не сделается наследником» [5]. Условие, обозначенное сторонами, не должно было быть несомненным, должно быть возможным к наступлению, относиться к будущему и «не противоречить добрым нравам» [13]. Сходные требования к условию вытекают из доктринального толкования современной ст. 157 ГК

РФ. Однако помимо ст. 157, где речь идет только о возможных, случайных условиях в сделке, в Гражданском кодексе появилась ст. 327.1, определяющая правомерность включения в обязательство таких условий, которые полностью зависят от воли одной из сторон (потестативные условия). В доктрине появились различные суждения о соотношении рассматриваемых статей. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 23 июня 2015 г. № 25 в п. 52 [8] также высказал свое отношение к вопросу, признав правомерность условных сделок даже в том случае, когда наступление обстоятельства зависит от поведения стороны сделки, тем самым сделав размытыми границы между ст. 157 ГК РФ и ст. 327.1 ГК РФ.

Применительно к наследственным отношениям ясно одно: поскольку применительно к завещаниям, в том числе совместным, невозможно применение ст. 327.1 ГК РФ ввиду отсутствия обязательно — правовых отношений, то приобретает актуальность лишь использование ст. 157 ГК. И еще: если в отношении наследственных договоров есть прямое указание в законе о включении в них условий, то в отношении завещаний такое указание отсутствует и вопрос становится дискуссионным.

В немногочисленной литературе, посвященной проблематике российских наследственных фондов, к сожалению, не поднимаются также вопросы о допустимости осуществления завещательного отказа или завещательного возложения в пользу существующих или создаваемых на основании завещания наследственных фондов, а также о возможности подназначения фонда в качестве «запасного» наследника на основании ст. 1121 ГК РФ. При этом наследственный фонд в силу прямого указания закона является наследником по завещанию и призывается к наследованию в соответствии с общими положениями наследственного права.

Обращаясь к глубокому анализу римского частного наследственного права, Е. А. Флейшиц отмечала, что *substitutio* допускалось с древнейших времен на случай, если основной наследник не примет наследства, например: *Titius heres esto, si Titius heres non erit Seius heres esto* [9].

Впоследствии институт субституции начал появляться в различных правовых системах, что представляется вполне закономерным, поскольку предусмотренная им возможность подназначения наследника объективно способствовала обеспечению воли завещателя о призвании к наследованию определенных видов субъектов, по минимуму исключая наступление непредвиденных обстоятельств, способствующих призванию к наследованию нежелательных для завещателя наследников [6].

Научный интерес относительно правил суброгации представляет позиция израильского законодателя: наследодатель может завещать свое имущество двум лицам таким образом, что, если указанное первым лицо не вступит в права наследования, право на наследство перейдет ко второму наследнику. Лицо, указанное в завещании вторым, будет иметь право наследования, если первый наследник умрет раньше наследодателя, или будет установлено, что он лишен права наследования, или если он откажется от своей доли в наследстве и этот отказ будет не в пользу супруга, ребенка, брата или сестры наследодателя [1].

В дореволюционном российском наследственном праве также допускалось подназначение наследника (хотя данный термин не приобрел в тот период достаточного распространения), о чем свидетельствует высказывание Г. Ф. Шершеневича: не смотря на то, что в российском законодательстве

запрещается завещателю определять дальнейший переход движимости или недвижимости на случай смерти первого наследника, однако это не противоречит завещаниям, содержащим указание на лицо, которое должно заменить назначенного наследника в случае его смерти до открытия наследства. Если наследник умрет до открытия наследства, то не приобретает наследственных прав. «Следовательно, - заключает автор, - завещательное приложение обращается, минуя первое указанное лицо, непосредственно к замещающему его, которое и является наследником и приобретает наследство прямо от завещателя» [14].

Институт субституции был известен и советскому наследственному праву. В соответствии со ст. 424 ГК 1922 г. предусматривалась возможность составления завещания, в котором на случай смерти назначенного в завещании наследника раньше открытия наследства либо не принятия им наследства, определялось иное лицо из круга законных наследников, призываемое к наследованию.

В ст. 424 ГК РСФСР 1964 г. также предусматривалась возможность подназначения наследника в случае смерти назначенного в завещании наследника раньше открытия наследства либо не принятия им наследства. Законодателем в этот период ограничивалась наследственная субституция кругом определенных законом наследников. Комментируя институт подназначения наследников данного исторического периода, В. И. Серебровский отмечал: «Как при назначении основного, так и при назначении добавочного наследника, - пишет автор, - завещатель, как правило, может сделать свой выбор только из числа наследников по закону, указанных в ст. 418 ГК. При отсутствии наследников по закону завещатель вправе назначить добавочным наследником любое лицо. Однако не допускается назначение добавочного наследника к наследнику, пережившему наследодателя и принявшему наследство» [12].

В отличие от советского наследственного права современный законодатель значительно усовершенствовал институт суброгации, наделив завещателя более широкими правовыми возможностями в сфере формирования своей воли при составлении завещания.

В ч. 2 ст. 1121 ГК РФ закреплены основные правила, позволяющие завещателю воспользоваться правом назначить наряду с основным наследником (наследниками) другого дополнительного наследника (наследников), чем предотвратить реальную возможность призвания к наследованию нежелательных для завещателя наследников. Подназначение наследника как вид завещательного распоряжения вступает в режим реализации при наличии закрепленных законом обстоятельств, который является исчерпывающим и не может быть истолкован расширительно.

Различается два вида недостойных наследников: 1) лица, которые не вправе наследовать; 2) лица, отстраненные судом от наследования по требованию заинтересованного лица. Статья 1117 ГК РФ содержит перечень граждан, которые не вправе наследовать ни по закону, ни по завещанию

Если лицо совершает соответствующие действия по иным мотивам, не направленным на ускорение открытия наследства либо на желательное распределение наследственной массы, то «хотя бы объективно они и влекли такие последствия, указанные действия не могут служить основанием для отнесения наследника к недостойным» [11]. Полагаем, что при этом следует исходить из предположения направленности совершения соответствующих действий на достижение целей, предусмотренных п. 1 ст. 1117 ГК РФ. Бремя

доказывания того факта, что эти действия не были направлены на достижение предусмотренных законом целей, следует возлагать на лицо, оспаривающее признание лица недостойным наследником.

Обязательным условием реализации норм ст. 1117 ГК РФ является необходимость подтверждения данных оснований решением суда [10]. В то же время, если наследодатель завещал имущество таким лицам после того, как они утратили право наследования, они не лишаются права наследования.

Наследодатель вправе, руководствуясь указанным перечнем, предусмотреть в завещании как одно из предусмотренных в нем условий, так и одновременно все условия. В случае непринятия первоначальным наследником наследства по причинам, не указанным в завещании, подназначенный наследник не будет призван к наследованию. В случае подназначения наследника без указания в завещании случаев для призвания к наследованию, он вправе вступить в наследование вместо основного наследника в любом из названных законом случаев.

По вопросу субъектного состава подназначенных наследников в науке имеются разные подходы. Так, А. А. Кирилловых [2] полагает, что публично-правовое образование может быть наследником только вымороченного имущества, но не подназначенным наследником. Круг наследников определен в ст. 1116 ГК РФ, что позволяет публично-правовому образованию быть наследниками по завещанию, а не только наследниками выморочного имущества. В связи с этим полагаем, что толкование норм института субституции дает основание утверждать, что в качестве подназначенного наследника может выступать как гражданин, так и юридическое лицо, а также публично-правовое образование.

Нет сомнений в том, что правила, закрепленные в статье 1121 ГК РФ, значительно расширяют возможности наследодателя в осуществлении права на назначение наследника по сравнению с соответствующими правилами, содержащимися в статье 536 ГК РСФСР 1964 года, поскольку, во-первых, значительно расширен круг назначенных наследников; и, во-вторых, назначение наследника может иметь место не только в случаях, когда основной наследник умирает до открытия наследства, но и в случаях, когда он умирает одновременно с наследодателем или после открытия наследства. При наличии этих обстоятельств к наследованию призывается назначенный («запасной») наследник, желательный для наследодателя.

Следует иметь в виду, что в силу института субституции наследники основного наследника не могут призываться к наследованию: а) по праву представления, если основной наследник умер до открытия наследства или в день открытия наследства; б) в порядке наследственной трансмиссии, если основной наследник умер после открытия наследства, не успев его принять [4].

Подназначенный наследник пользуется теми же правами, что и обычный наследник: он вправе как принять наследство, так и отказаться от него, требовать в судебном порядке признания завещания недействительным полностью или в части, если оно нарушает его права или законные интересы (ст. 1131 ГК РФ). По основаниям и в порядке, установленными в законе (ст. 1117 ГК РФ), он может быть признан недостойным наследником, за исключением того случая, когда за ним признается право на обязательную долю в наследстве.

Подводя итоги проведенного исследования, подчеркнем следующие выводы и предложения.

Институт субституции позволяет значительно расширить содержание принципа свободы завещания, поскольку наряду с правом завещать свое имущество любым лицам, правом отменить или изменить завещание, за завещателем закрепляется обеспеченная законом возможность подназначить наследника, позволяя тем самым предотвратить реальную возможность призвания к наследованию нежелательных для завещателя наследников.

Институт субституции способен реализоваться при наличии следующего сложного фактического состава: факт составления завещания, содержащего распоряжение завещателя о подназначении наследника; факт смерти завещателя; факт непринятия основным наследником наследства по причинам, предусмотренным ст. 1121 ГК РФ; факт принятия наследства подназначенным наследником.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданское законодательство Израиля. – СПб: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 465-466.
2. Кирилловых А. А. К вопросу о завещательной субституции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.juristlib.ru/book_7397.html (дата обращения: 12.02.2022).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru.
4. Наследственное право: постатейный комментарий (Электронное издание. Редакция 1.0) Отв. редактор - Е. Ю. Петров. – М.: М-Логос, 2018.
5. Новицкий И. Б. Римское право. – М.: Теис, 2002. – С. 288.
6. Основные институты гражданского права зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование. Под ред. В. В. Залесского. – М.: НОРМА, 1999. – С. 536.
7. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 1998. – С. 300.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень. Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.
9. Римское частное право: Учебник /Под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. – М.: Юриспруденция, 2002. – С. 187.
10. Савина Т. В. Совершение преступления в отношении наследодателя как основание для отстранения от наследования // Наследственное право. – 2018. – № 1. – С. 18.
11. Сергеев А. П., Толстой Ю. К., Елисеев И. В. Комментарий к ГК РФ. Часть третья. – М., 2002. – С. 21.
12. Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. – М.: Статут, 1997. – С. 130-131.
13. Чезаре С. Курс римского частного права: Учебник / Под ред. Д. В. Дождева. – М.: БЕК, 2002. – С. 278.
14. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. – М.: СПАРК, 1995. – С. 488.

БЕРМАН Алиса Михайловна

ассистент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

УНИФИКАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ: БЛАЖЬ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?*

Европейский союз ведет активную и планомерную политику по унификации правового регулирования различных сфер жизни общества. В связи с ростом влияния и значения цифровых технологий сфера цифровизации также попала в поле зрения Европейского союза. Результатом унификации правового регулирования данной области уже стали Общий регламент по защите данных, Белая книга, проекты Закона о цифровых услугах и Закона о цифровых рынках. И это только начало, так как в этой работе задействовано большое число институтов Европейского союза, что, бесспорно, способствует ускорению таких процессов. В связи с этим возникает вопрос: почему же для Европейского союза имеет такое значение унификация правового регулирования в данной сфере? В настоящей статье автором будет обозначен ряд возможных причин приведения правовых норм к единообразию, а также определены тенденции и направления развития унификации правового регулирования в сфере использования цифровых технологий в Европейском союзе.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровизация, правовое регулирование, унификация, Европейский союз, Белая книга, Закон о цифровых услугах, Закон о цифровых рынках, Общий регламент по защите персональных данных.

BERMAN Alisa Mikhaylovna

assistant of Civil law and process and private international law sub-faculty of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia

UNIFICATION OF THE LEGAL REGULATION OF DIGITAL TECHNOLOGY USE IN THE EUROPEAN UNION: A BOON OR A NECESSITY?***

The European Union is pursuing an active and systematic policy to unify the legal regulation of various spheres of society. Due to the growing influence and importance of digital technology, digitalization has also come to the attention of the European Union. Unification of the legal regulation of this area has already resulted in the General Data Protection Regulation, the White Paper, drafts of the Law on Digital Services and the Law on Digital Markets. And this is just the beginning, because a large number of European Union institutions are involved in this work, which certainly contributes to speeding up the processes. This raises the question of why it is so important for the European Union to unify the legal regulation in this area. In this article, the author will outline a number of possible reasons of adapting a regulatory framework, as well as identify trends and directions of development of unification of legal regulation of digital technology use in the European Union.

Keywords: digital technologies, digitalization, legal regulation, unification, European Union, White paper, Digital Services Act, Digital Markets Act, General Data Protection Regulation.

Мы живем в мире цифровых технологий. В мире, в котором цифровые технологии могут как ускорить экономический рост, улучшить систему здравоохранения, облегчить повседневную жизнь людей, сократить выбросы загрязняющих веществ в атмосферу и принести много другой пользы всему мировому сообществу, так и стать причиной нарушения свобод граждан, источником ограничения конкуренции и орудием в кибервойне. Между этими кардинально противоположными последствиями цифровизации стоит сбалансированное правовое регулирование, которое, не подавляя инновационный прогресс, защищает общество от возможного вреда и вредных последствий «цифрового развития».

На сегодняшний день правовое регулирование в области цифровых технологий еще только формируется. Его формирование осложняется, в первую очередь, тем, что технологии постоянно развиваются, и правовое регулирование находится в «догоняющем» положении по отношению к такому развитию. В связи с этим ключевой целью каждого государства

становится формирование быстро адаптируемого, в какой-то степени даже «каучукового», правового регулирования.

Однако государства не могут существовать в отрыве от мирового сообщества. Для повышения эффективности правового регулирования в области цифровых технологий каждого отдельного государства, их действия между собой должны быть скооперированы, хотя бы в рамках тех международных региональных интеграционных объединений, членами которых они являются. Подобная кооперация возможна благодаря унификации правового регулирования использования цифровых технологий.

Унификация правового регулирования – это «процесс создания и санкционирования единообразных правил поведения, происходящий на межгосударственном и национальном уровнях в правовых рамках, установленных международными и национальными нормами права» [1, с. 31]. При этом результатом процесса унификации права могут стать не только полностью аутентичные тексты норм, действующих в разных правовых порядках, но и приведение этих норм к различной степени единообразия – от сходства в основе или в деталях до полной словесной идентичности [2, с. 3].

Основным же преимуществом региональной унификации является то, что унифицированные акты изначально

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16012.

*** The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16012.

предоставляют национальным законодателям готовую модель продуманного и действенного правового регулирования для решения конкретной проблемы. Вызвано это неспособностью большинства национальных законодателей соответствовать ожидаемому международному уровню качества законодательства. Как, например, отмечает профессор права Калифорнийского университета А. Розетт: «Немногие из крупнейших штатов в США имеют профессионально укомплектованный законодательный орган, способный разрабатывать хорошо продуманные законы по вопросам частного права» [7, с. 690].

Как было уже отмечено ранее, правовое регулирование в области цифровых технологий должно быть максимально адаптивным, а на международном уровне это достигается посредством формирования основных рамок, демократических начал и принципов правового регулирования использования цифровых технологий. Особенно активно политика по формированию сбалансированного подхода к правовому регулированию процессов цифровизации ведется Европейским союзом.

В данном контексте стоит отметить, что Европейский союз часто критикуют за то, что он является достаточно медленной «политической машиной» в силу значительной разветвленности и разрозненности своих институтов. Но когда дело доходит до правового регулирования технологий, все институты вступают в стабильную и устойчивую кооперацию. Этому способствует и содействие со стороны государств – членов Европейского союза, которые также выступают за ужесточение правового регулирования в данной области. Подобное многоуровневое взаимодействие существенно облегчает и ускоряет правовые процессы в данной области. А «подгоняют» эти процессы в том числе и требования граждан, чья обеспокоенность по поводу защиты своих данных в сети, после многочисленных непрекращающихся скандалов, возрастает с каждым годом.

Несмотря на общую скорость развития, данный процесс все равно является постепенным и планомерным. Его начало было ознаменовано принятием Общего регламента по защите данных [6], который преследовал две основные задачи: во-первых, предоставить гражданам контроль над собственными персональными данными; во-вторых, упростить правовую базу для международных экономических отношений путем унификации регулирования в рамках Европейского союза.

В дальнейшем фокус внимания Европейского союза был смещен на правовое регулирование в области искусственного интеллекта. Сперва Европейской комиссией, в феврале 2020 года, была опубликована Белая книга по искусственному интеллекту [9], в которой были аккумулированы предложения по формированию политики, ориентированной на содействие внедрению технологий искусственного интеллекта и предотвращению рисков, возникающих в связи с использованием таких технологий.

Результатом работы в данной области в апреле 2021 года стали Предложения Европейской комиссии к Регламенту, устанавливающему согласованные правила в области искусственного интеллекта [5]. Предложения стали логичным продолжением Белой книги и частично поддержали те опасения, которые были обозначены в ней ранее. Ключевой

целью этого документа стало формирование единого скоординированного европейского подхода к гуманитарным и этическим последствиям развития технологии искусственного интеллекта.

Европейская комиссия ключевой целью в данной сфере видит именно нахождение баланса между гарантией безопасности и соблюдения основных прав человека и стимулированием распространения искусственного интеллекта и инвестирования в область искусственного интеллекта в государствах – членах Европейского союза [8, с. 671].

Следующим последовательным этапом развития правового регулирования использования цифровых технологий в рамках Европейского союза становится разработка проектов Закона о цифровых услугах и Закона о цифровых рынках. Основной их миссией является обеспечение справедливой конкуренции на рынке, учитывающее доминирующее положение ряда компаний, что, в конечном итоге, должно дать небольшим компаниям больше возможностей конкурировать с крупными технологическими платформами, и определение субъекта ответственности (технологические гиганты – интернет-платформы с более чем 45 миллионами пользователей) за контент, публикуемый на интернет-платформах («с большой силой приходит большая ответственность»). При этом стоит отметить, что вопрос распределения ответственности за методы обработки данных и антиконкурентное поведение подвергался многочисленным обсуждениям на протяжении последних нескольких лет и подвергался серьезной критике, что может быть обусловлено, в том числе, и достаточно серьезным лоббированием интересов в данной сфере.

Почему же именно Европейский союз видит своей задачей унификацию правового регулирования в сфере использования цифровых технологий? Причин может быть несколько.

Несмотря на международное значение Европейского союза и его государств – членов в регионе нет по-настоящему глобального технологического гиганта. Среди отдельных цифровых платформ можно привести, например, Spotify, Zalando или Skype, но они не пользуются таким же доминирующим положением на рынке, как американские компании Apple или Amazon. В связи с этим перед Европейским союзом стоит задача по выяснению причин такого положения на рынке и определению возможных путей стимулирования и поощрения развития европейских цифровых платформ. Обусловлено это тем, что доминирующее положение каждой отдельной европейской цифровой платформы будет иметь не только позитивное значение для экономики, но и будет способствовать усилению геополитической роли Европейского союза в целом.

Кроме того, существующая правовая база, как уже говорилось ранее, имеет ряд пробелов и рисков, которые негативно влияют на предоставление цифровых услуг на внутреннем рынке Европейского союза [3, с. 79]. Среди таких проблем можно выделить, например:

- фрагментацию национального регулирования внутри Европейского союза;
- противоречивое и непоследовательное правоприменение;
- недостаточная степень сотрудничества между государствами – членами Европейского союза;

– различные правила государств – членов Европейского союза по защите прав потребителей и предприятий, использующих цифровые услуги;

– правовые барьеры для «входа» на рынок [4].

Не улучшает ситуацию и то, что работа по обеспечению баланса между фундаментальными правами, принципами и свободами единого рынка часто возлагается на национальные суды, что в конечном итоге только множит число дифференцированных и фрагментарных решений.

Европейской парламентской исследовательской службой в 2020 году была проанализирована потенциальная добавленная стоимость, которая может быть достигнута путем совершенствования действующей нормативно-правовой базы Европейского союза в области цифровых услуг. В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы: «Результаты макроэкономического моделирования для двух из четырех пакетов мер политики свидетельствуют о том, что принятие общих мер Европейского союза по усилению защиты прав потребителей и единых правил электронной коммерции, а также по созданию структуры управления и курирования контента, гарантирующей конкурентоспособность бизнеса и защиту прав и свобод, потенциально добавит не менее 76 млрд евро к валовому внутреннему продукту Европейского союза в период с 2020 по 2030 год. Поэтому общая европейская добавленная стоимость от улучшения функционирования единого рынка и адаптации норм коммерческого и гражданского права для коммерческих организаций, работающих онлайн, как показывает качественный анализ, будет значительно выше» [4].

Столь высокий рост рыночной стоимости произведенных в Европейском союзе товаров и услуг для конечного использования может быть обеспечен за счет достижения следующих факторов: (1) согласованность европейской правовой базы приведет к (2) юридической ясности, следствием чего станет (3) более эффективное и действенное правоприменение, а соответственно, будет (4) отлажено функционирование единого цифрового рынка, что в конечном итоге приведет к (5) снижению фрагментации единого цифрового рынка.

В связи с изложенным, отвечая на вопрос о том, является ли унификация правового регулирования в сфере использования цифровых технологий в Европейском союзе бластью или все же необходимостью, можно сделать однозначный вывод в пользу второго варианта. Европейский союз стремится к унификации в данной области для решения проблем влияния цифровизации как на общество, так и на конкуренцию. Унификация правового регулирования в сфере использования цифровых технологий в Европейском союзе – это возможность сформировать и развить согласованную и единообразную европейскую правовую базу, продолжить работу по гармонизации смежных областей европейского рынка и сделать применение правового регулирования более эффективным и действенным, что в конечном итоге благоприятно скажется на функционировании всего цифрового рынка в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Ерпылева Н. Ю. Международное частное право: учебник для вузов; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
2. Проблемы унификации международного частного права: монография / Н. В. Власова, Н. Г. Доронина, Т. П. Лазарева [и др.]; отв. ред. А. Л. Маковский, И. О. Хлестова. - М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2012.
3. Frolova E. E., Ermakova E. P., Protopopova O. V. Consumer protection of digital financial services in Russia and abroad // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. - 2020. - Vol. 1100 AISC.
4. Lomba N., Evas T. Digital services act: European added value assessment: [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/654180/EPRS_STU\(2020\)654180_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/654180/EPRS_STU(2020)654180_EN.pdf) (дата обращения: 15.12.2021).
5. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts: [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0206> (дата обращения: 15.12.2021).
6. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation).
7. Rosett A. Unification, Harmonization, Restatement, Codification, and Reform in International Commercial Law // *The American Journal of Comparative Law*. - 1992. - Vol. 40 (3).
8. Rusakova E. P., Frolova E. E., Gorbacheva A. I. Digital rights as a new object of civil rights: issues of substantive and procedural law // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. - 2020. - Vol. 1100.
9. White Paper on Artificial Intelligence: a European approach to excellence and trust: [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/publications/white-paper-artificial-intelligence-european-approach-excellence-and-trust_en (дата обращения: 15.12.2021).

МАРАХОВСКАЯ Кристина Геннадьевна

студент 2 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

КАРПЕЦ Светлана Игоревна

студент 2 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ЕРМОЛЕНКО Кирилл Игоревич

студент 2 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ХАРАССМЕНТ. КАК БОРОТЬСЯ С ДИСКРИМИНАЦИЕЙ НА РАБОТЕ?

Статья посвящена рассмотрению проблемы дискриминации работников на рабочем месте. Зачастую в трудовой сфере проявляются случаи домогательств, с которыми могут столкнуться сотрудники совершенно любой организации, а это, в свою очередь, приносит вред не только человеку, оказавшемуся в такой ситуации, но и юридическому лицу. В статье проведен анализ такой распространенной формы дискриминации, как харассмент, изучены его виды, способы распознавания, приведены методы борьбы с этим явлением, а также предлагаются рекомендации для решения данной проблемы.

Ключевые слова: харассмент, дискриминация, домогательства, киберхарассмент, сексуальные домогательства, трудоспособность, работники.

MARAKHOVSKAYA Kristina Gennadjevna

student of the 2nd course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

KARPETS Svetlana Igorevna

student of the 2nd course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

ERMOLENKO Kirill Igorevich

student of the 2nd course of the direction of training 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University

HARASSMENT. HOW TO FIGHT DISCRIMINATION AT WORK?

The article is devoted to the problem of discrimination of workers in the workplace. Often in the labor sphere, cases of harassment occur, which employees of absolutely any organization can face, and this, in turn, harms not only the person who finds himself in such a situation, but also a legal entity. The article analyzes such a common form of discrimination as harassment, studies its types, methods of recognition, provides methods to combat this phenomenon, and offers recommendations for solving this problem.

Keywords: harassment, discrimination, molestation, cyber harassment, sexual harassment, disability, employees.

На сегодняшний день люди из разных слоев общества и с различным жизненным опытом составляют рабочее место. Хотя разнообразие в рабочей среде, безусловно, позитивно, оно также увеличивает возможности для дискриминации на работе. Несмотря на прогресс в ее искоренении, она по-прежнему является частью современного делового мира.

Дискриминация на рабочем месте происходит, когда с человеком или группой лиц обращаются несправедливо, путем ущемления их трудовых прав, а также возможностей их реализации. В основном поводом для несправедливого обращения с человеком и демонстрации предубеждения являются специфические особенности лица. Эти характеристики включают расу, этническую принадлежность, гендерную идентичность, возраст, инвалидность, сексуальную ориентацию, религиозные убеждения или национальное происхождение¹.

Одним из проявлений дискриминации в сфере труда является харассмент. В российском законодательстве данная правовая категория не освещена, а сам термин не имеет эквивалента в русском языке и означает достаточно широкий спектр ситуаций: слова, жесты, действия, которые могут обидеть, оскорбить или унижить, создать психологическое давление или недружественную атмосферу для лиц определенной расы, пола, гендера, религии и т. п. [4, с. 116.]. Харассмент на рабочем месте может носить различные названия, такие как "издевательства на рабочем месте", "моббинг", "агрессия на рабочем месте" и др. В русском языке наиболее близкое по значению понятие к харассменту – «домогательство».

Домогательства на рабочем месте – это оскорбительное, унижающее или угрожающее поведение, направленное против отдельного работника или группы работников².

В последнее время вопросы домогательств на работе приобрели интерес среди практиков и исследователей, поскольку харассмент в сфере труда посягает на личную неприкосновенность, способствует понижению работоспособности, причиняет психологический вред работнику. Это делает рабочее место или связь с работой неприятными, унижительными или путающими для работников, на которых направлено такое поведение. Домогательства на рабочем месте распространены, но люди не желают открыто говорить «о случившемся с ними» ввиду латентности такого явления. Это, по своему существу, считается основной причиной того, что до сих пор нет нормы в трудовом законодательстве России, которая гарантировала бы защиту жертв сексуальных домогательств в сфере труда [3, с. 209.]. Помимо этого, многие люди не уверены в том, что является домогательством на работе, поэтому большинство случаев проявления остаются незамеченными и не сообщаются³.

Домогательства на рабочем месте не следует путать с советами или консультациями по поводу выполнения работы или связанного с работой поведения отдельного лица или группы, которые могут включать критические замечания, указывающие на недостатки в работе. Мелкие обиды, досады и отдельные инциденты (если только они не являются чрезвычайно серьезными) не поднимутся до уровня незаконности. Незаконное поведение

1 Discrimination in the workplace: A complete overview and what to do about it. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.betterup.com/blog/discrimination-in-workplace> (дата обращения: 27.01.2022).

2 Maintaining a harassment-free workplace. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20120328034350/http://apsc.gov.au/publications01/harassment.htm> (дата обращения: 28.01.2022).

3 Workplace Harassment- Its Types and Ways to Report. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://blog.vantagecircle.com/workplace-harassment/> (дата обращения: 27.01.2022).

должно создавать рабочую обстановку, которая была бы пугающей, враждебной или оскорбительной для разумных людей⁴.

Существует несколько основных видов домогательства в трудовой сфере, а именно: словесные домогательства, психологические домогательства, киберзапугивание, сексуальные домогательства, физическое домогательство⁵.

Более подробного рассмотрения требует харассмент интимного характера.

Одними из главных характеристик сексуального домогательства выступают нежелательность знаков внимания, а также подчиненное положение жертвы [1, с. 8]. Сексуальное домогательство может включать в себя неприятный физический контакт: излишние и неуместные поглаживания, поцелуи, касания, также пошлые шутки, высказывания с подтекстом о фигуре или внешности, непристойные жесты.

Еще одной характерной особенностью харассмента является постепенное нарастание тенденции, то есть со временем шутки становятся всё пошлее, намёки всё прямее, действия всё наглее и так далее⁶.

Существует ещё одно понятие – киберхарассмент. Это домогательство, осуществляемое с использованием современных технологий. К нему относятся оскорбительные комментарии в социальных сетях, оскорбительные сообщения, в том числе с сексуальным подтекстом, и прочее [2, с. 181].

Как нужно действовать работнику, если он столкнулся с домогательствами?

Для начала, работнику следует написать жалобу на имя руководителя организации с просьбой предпринять какие-либо действия. В случае если это не дало никаких результатов, жалобу можно подать в трудовую инспекцию. Также подвергшийся дискриминации работник может обратиться в полицию, где при наличии достаточных доказательств могут возбудить уголовное дело, даже если в возбуждении уголовного дела будет отказано, то, как правило, самого факта обращения в полицию может оказаться достаточно для прекращения какой-либо дискриминации.

За рубежом гораздо активнее поднимается вопрос, касаемый данной проблемы. Так, Гражданский кодекс КНР⁷, который вступил в силу с 1 января 2021 года, расширил сферу защиты от сексуальных домогательств, теперь и женщины, и мужчины защищены от сексуальных домогательств. Он также предусматривает, что работодатели должны принимать как предупредительные, так и последующие меры для предотвращения и пресечения сексуальных домогательств на рабочем месте.

В Германии сексуальные домогательства на рабочем месте запрещены в соответствии с разделом 2 Общего закона о равном обращении от 2006 года⁸. С 2016 года сексуальное домогательство в форме физического контакта может быть уголовным преступлением в соответствии со статьей 184i Уголовного Уложения⁹.

Однако, например, по-прежнему большинство компаний, входящих в состав DAX 30, не сообщают конкретных цифр, касающихся сексуальных домогательств. Только две компании (Байерсдорф, Континенталь) сообщили об общем количестве 13 случаев в 2018 году. Эксперты уверены, что лишь небольшое число жертв сообщают о домогательствах, не говоря уже о подаче жалоб в суд по трудовым спорам¹⁰.

4 Harassment. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eeoc.gov/harassment> (дата обращения: 29.01.2022).

5 Workplace Harassment - Its Types and Ways to Report. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://blog.vantagecircle.com/workplace-harassment/> (дата обращения: 27.01.2022).

6 Харассмент на рабочем месте: опознать и обезвредить! – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fb.ru/post/stress-management/2018/12/8/39923> (дата обращения: 27.01.2022).

7 Гражданский кодекс Китайской Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202006/75ba6483b8344591abd07917e1d25cc8.shtml> (дата обращения: 02.02.2022).

8 Allgemeines Gleichbehandlungsgesetz. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/agg/> (дата обращения: 02.02.2022).

9 Strafgesetzbuch. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/> (дата обращения: 02.02.2022).

10 CMS Expert Guide on sexual harassment in the workplace. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-on-sexual-harassment-in-the-workplace?compare=germany%2Cchina%2Crussia&focus=russia> (дата обращения: 28.01.2022).

Поэтому судебной практики, связанной напрямую с сексуальными домогательствами на работе и в России немного, точнее ее нет. Сексуальное домогательство в зависимости от обстоятельств дела может рассматриваться либо как дискриминация¹¹, либо как другой вид преступления. Например, в Уголовном кодексе есть статья 133, которая устанавливает ответственность за принуждение к действиям сексуального характера путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей)¹². Следовательно, считать принуждением к действиям сексуального характера можно только если кто-то подвергается домогательствам путем перечисленных в статье способов.

Следует отметить, что в соответствующих случаях сотруднику, как правило, довольно трудно доказать акты дискриминации из-за отсутствия доступных доказательств. И как следствие, если пострадавшие и рискнут обратиться в суд, их вероятнее всего ждет отказ в удовлетворении исковых требований. А в некоторых случаях, иск может сыграть против них, так как есть риск получить обвинение в клевете.

На практике все больше и больше компаний осознают важность устранения сексуальных домогательств на рабочем месте. Даже без законодательных требований компании часто включают в руководство для сотрудников политику по предотвращению и прекращению сексуальных домогательств, а также заявляют, что сексуальные домогательства представляют собой серьезное нарушение правил компании, которое может привести к немедленному увольнению. Это, например, «Мегафон»¹³, или же «КАМАЗ»¹⁴. Некоторые компании также проводят обучение сотрудников по этому вопросу.

Дискриминация на рабочем месте является насущной проблемой, с которой работодатели сталкиваются каждый день. Несомненно, ключом к успеху для любой организации являются ее ресурсы, а это, как правило, ее сотрудники. Тревожная и некомфортная рабочая обстановка может негативно сказаться на производительности организации, отношениях с сотрудниками и репутации в деловом мире. В результате у сотрудников снижается работоспособность, они начинают предвзято относиться к работе. Поэтому необходимо всерьез задуматься над решением данного вопроса и в России, ведь поддержание благоприятной атмосферы в коллективе и практика пресечения домогательств необходимы для роста бизнеса любой компании.

Приставительный библиографический список

1. Балабанов С. С., Саралиева З. Х. Сексуальные домогательства на работе в России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2010. – № 1 (17).
2. Бочаев А. А., Хломов К. Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2014. – № 3.
3. Мирзоян А. А. О проблеме законодательного закрепления понятия «харассмент» в трудовом кодексе Российской Федерации // Economic aspects of industrial development in the transition to a digital economy. – Уфа: Издательство: ООО «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2020.
4. Неужина М. В. Харассмент как одно из проявлений дискриминации в сфере труда // Образование и право. – 2019. – № 5.
5. [kplace?compare=germany%2Cchina%2Crussia&focus=russia](https://www.gesetze-im-internet.de/agg/) (дата обращения: 28.01.2022).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 19. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
7. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
8. Кодекс этики и корпоративного поведения ПАО «МегаФон». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://corp.mega-phon.ru/download/~msk/~moscow/CORP/about/Delovaya_etika/kodeks_etiki_i_korporativnogo_povedeniya_1.pdf (дата обращения: 29.01.2022).
9. Кодекс корпоративной этики ПАО «КАМАЗ». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kamaz.ru/about/compliance/codex/> (дата обращения: 29.01.2022).

ПОЛИНА-СТАШЕВСКАЯ Анна Леонидовна

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ИНСТИТУТ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В СТРАХОВЫХ СПОРАХ: СУДЕБНЫЙ АСПЕКТ*

В статье рассматривается правовая природа механизма доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах на базе анализа судебной практики путем сравнительного метода в хронологическом порядке ее формирования. Исследованы актуальные формы злоупотребления правом в страховых правоотношениях и методы их доказывания, а также наглядно представлена позиция Верховного Суда РФ в отношении института «злоупотребление правом» в страховых спорах. Разобраны эффективные инструменты доказывания, сформулированы предложения по доработке процессуального законодательства РФ в связи с внедрением электронного правосудия. Методологическую базу исследования составляют отдельные элементы системного подхода, положения материалистической диалектики, использованы общенаучные, частнонаучные методы, а также приемы познания, обобщение, анализ и синтез, классификация, экспертные оценки.

Ключевые слова: доказывание, злоупотребление правом, страховые споры, стандарт доказывания.

POLINA-STASHEVSKAYA Anna Leonidovna

postgraduate student of Civil law and process and private international law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

INSTITUTION OF ABUSE OF LAW IN INSURANCE DISPUTES: JUDICIAL ASPECT

The article examines the legal nature of the mechanism for proving the forms of abuse of law in insurance disputes based on the analysis of judicial practice by means of a comparative method in the chronological order of its formation. The current forms of abuse of law in insurance legal relations and methods of their proof are analyzed, and the position of the Supreme Court of the Russian Federation in relation to the institution of "abuse of law" in insurance disputes is clearly presented. The effective instruments of proof have been analyzed, proposals have been formulated to improve the procedural legislation of the Russian Federation in connection with the introduction of electronic justice. The methodological basis of the research is made up of individual elements of the systematic approach, the provisions of materialistic dialectics, general scientific, specific scientific methods, as well as methods of cognition, generalization, analysis and synthesis, classification, and expert assessments are used.

Keywords: proof, abuse of law, insurance disputes, standard of proof.

Складывающаяся в последние годы судебная практика в направлении доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах весьма противоречива. Недостаточная научная проработанность стандартов доказывания и используемых процессуальных инструментов повлекла разные подходы в установлении перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию, механизмов доказывания и сформировала разный правоприменительный подход в страховых спорах. Статья 10 Гражданского Кодекса РФ «Пределы осуществления гражданских прав» [4], с одной стороны, позволяет правоприменителю использовать принцип наивысшей добросовестности как противопоставление злоупотреблению правом, с другой, - не конкретизирует механизм доказывания форм злоупотребления правом.

Актуальность исследования указанного механизма обусловлена также цифровизацией экономики и права, увеличением количества страховых споров, осложненных элементами мошеннических действий, без возможности представления в качестве достаточного доказательства приговора суда, который можно было бы использовать в качестве пренеципии факта злоупотребления правом. Несмотря на введение Федеральным законом от 29 декабря 2012 № 207-ФЗ

в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи 159.5 «Мошенничество в сфере страхования» [14] и принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [10], раскрываемость уголовных дел по страховому мошенничеству не увеличилась. Одной из правовых дискуссий является факт, что для страховых споров доказывание любой из форм злоупотребления ставится правоприменителями в зависимость от наличия приговора суда, как единственного относимого доказательства, что, на мой взгляд, ограничивает принцип равноправия и состязательности сторон гражданского процесса.

Действующее российское законодательство не легализует важнейший принцип страхового права, принцип наивысшего доверия (*ubberimae fidei* или англ. «the utmost good faith» [2]), и он до сих пор сформулирован и исследован только в доктринальном подходе. Указанные обстоятельства также осложняют процесс доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах, так как правоприменитель сталкивается с проблемой достаточности доказательств для установления юридически значимых фактов злоупотребления правом, и поиск объективной истины в этих спорах выходит на первый план.

Следует отметить, что и сам термин «доказывание» не содержится в гражданском процессуальном законодательстве РФ. Учеными-процессуалистами были сформированы два подхода к раскрытию его смыслового содержания. Пер-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270-2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

вая группа ученых (проф. Гурвич М.А. [5], проф. Клейнман А.Ф. [8]) определяют доказывание как процессуальную деятельность сторон (узкое понимание), а вторая группа под доказыванием понимает деятельность лиц, участвующих в деле, и суда по представлению, собиранию, исследованию и оценке доказательств (широкое понимание) (проф. Гурев П.П. [6], проф. Юдельсон К.С. [15]), что представляется верным и аргументированным. В качестве примера следует привести законодательные формулировки термина «доказывание» в зарубежных странах. Так, в гражданском процессуальном законодательстве Франции доказывание понимается как процессуальная деятельность, целью которой является достижение истинного знания об объекте судебного познания. В Англии доказывание - это процессуальная деятельность заинтересованных участников дела по собиранию, представлению и исследованию доказательств в зависимости от стадий процесса. Безусловно, доказывание сопряжено с формами разрешения споров, а также выбором способа защиты нарушенного права. Таким образом, рассматривая доказывание в его широком понимании в рамках настоящего исследования, необходимо раскрыть основную актуальную проблематику доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах. Процессуальное законодательство России и иностранных государств большинства мировых правовых систем сталкивается с подобными тенденциями реформирования, что также влияет на стандарты доказывания [18].

Как отмечает в своих трудах Беков Я. Х., с начала века в постановлениях судов в Российской Федерации начали присутствовать ссылки на ст. 10 ГК РФ, касающиеся дел, сначала о недобросовестной конкуренции, а потом и о злоупотреблениях правом по различным направлениям, в том числе и в страховых спорах [3].

Одна из первых концептуальных позиций Верховного Суда РФ по вопросам злоупотребления правом в страховании была изложена в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан». Так, согласно правовой позиции, изложенной в п. 20 указанного Постановления, при определении условий договора добровольного страхования имущества о франшизе стороны должны действовать добросовестно и не допускать злоупотребления правом. При этом, в пункте 48 Постановления указано, что как злоупотребление правом необходимо квалифицировать бездействие страхователя (выгодоприобретателя), который при наступлении страхового случая не представляет банковские реквизиты, а также сведения, необходимые для осуществления страховой выплаты в безналичном порядке. Указанное толкование дефиниции «злоупотребление правом» в страховых отношениях предопределило вектор и рамки модели доказывания на все последующие годы. Во-первых, высшая инстанция признала наличие проблему и сформировала пример формы злоупотребления правом в страховых спорах как одно из оснований для применения положений ст. 10 ГК РФ. Во-вторых, она закрепила принцип наивысшей добросовестности в части требований к действиям страховщика и сформировала указание для единообразия судебной практики.

Анализ судебной практики за период после утверждения Постановления Пленума от 27 июня 2013 г. свидетельствует, что суды постепенно стали создавать фундамент квалифи-

кации действий страхователя в качестве недобросовестных. Так, например, Апелляционным определением Московского областного суда от 30.10.2013 по делу № 33-23134/2013 во взыскании всех видов штрафных санкций с ОАО «Альфа Страхование» было отказано, так как было установлено, что за выплатой страхового возмещения потерпевший не обращался. Претензия была направлена истцом ОАО АльфаСтрахование в ходе судебного разбирательства настоящего дела. Механизм доказывания формы злоупотребления правом в виде недобросовестных действий, направленных на получение штрафных санкций, был достаточно простым, так как суд в порядке ст. 56 ГПК РФ предложил представить истцу доказательства выполнения досудебного обращения к страховщику, чего не было сделано, что повлекло в последующем отказ в иске. То есть в данном случае доказывание было связано с правильным определением судом обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу.

В дальнейшем, в 2015 году было утверждено Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2015 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», в котором в п.52 было указано, что если одна из сторон для получения преимуществ при реализации прав и обязанностей, возникающих из договора обязательного страхования, действует недобросовестно, в удовлетворении исковых требований этой стороны может быть отказано в той части, в какой их удовлетворение создавало бы для нее такие преимущества (п. 4 ст. 1 ГК РФ). При установлении факта злоупотребления потерпевшим правом суд отказывает в удовлетворении исковых требований о взыскании со страховщика неустойки, финансовой санкции, штрафа и компенсации морального вреда (ст. 1 и 10 ГК РФ) [9].

Таким образом, правоприменитель распространил применимость последствий злоупотребления правом на правоотношения в области обязательного страхования автогражданской ответственности и достаточно широко истолковал границы его применения, что обусловлено особой правовой природой института злоупотребления правом, особенно в страховых спорах, и связано с порядком регламентации правоотношений по ОСАГО, в котором правила поведения сформулированы достаточно четко, но возможна большая вариативность. Например, потерпевший не представляет транспортное средство на осмотр, ссылаясь на его конструктивную гибель и нетранспортабельность, однако при этом продолжает его эксплуатировать. Механизм доказывания такой формы злоупотребления правом основан на использовании института истребования доказательств (ст. 57 ГПК РФ), который позволяет истребовать данные с системы «Поток» и подтвердить факт злоупотребления и представления заведомо недостоверной информации страховщику.

В последующем аналогичные примеры судебных актов с использованием института злоупотребления правом в страховых спорах включались в Обзоры судебной практики Верховного суда РФ [11].

В Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 2017 г., утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017, (ред. от 26.04.2017), включено Определение по страховому спору о взыскании неустойки, в котором суд отменил судебные акты и указал, что поскольку

вопрос о наличии в действиях истицы признаков злоупотребления правом в нарушение статьи 56 ГПК РФ вообще не выносился на обсуждение участников процесса. Таким образом, Верховный суд РФ сформировал предпосылки для стандарта доказывания, не изменяя при этом его независимой роли и сохраняя принципы равноправия и состязательности сторон.

Российская процессуальная доктрина, исследуя вопросы доказывания, рассматривала вопросы доказывания с учетом, что неразрывным звеном злоупотребления правом является интерес как базис субъективного гражданского права, существующий в рамках системы позитивного права, как абстрактное правило [16]. Так, судья Верховного суда РФ Момотов В.В. в своих трудах по противодействию злоупотреблению правом проводил анализ действующего правового регулирования сущности и последствий злоупотребления правом в страховых отношениях, что придало этому вопросу особое значение [7].

В настоящее время практика применения судами нормы о злоупотреблении правом в страховых спорах достаточно обширная, о чем свидетельствуют обращает внимание Скуратовский М.Л. [13], но сохраняется проблема «судебного усмотрения», что ведет к недостижению основной цели судебного процесса - защиты и восстановлению нарушенного права и установлению объективной истины.

Предопределяющим фактором для процесса доказывания в настоящее время также выступает цифровизация всех сфер деятельности и сопутствующая ей проблема отставания судебной системы в использовании электронного правосудия [12], несмотря на утвержденную 15.02.2021 Концепцию информатизации Верховного Суда Российской Федерации. Для целей доказывания в гражданском процессе важным полагаю закрепление в гражданском процессуальном законодательстве требований по модели заблаговременного раскрытия доказательств сторонами и последствий несовершения своевременных процессуальных действий. Также поправки в ГПК РФ при использовании суперсервиса «Правосудие онлайн» должны затронуть вопрос способа оглашения судом определений о назначении судебной экспертизы с целью реализации права на заявление отвода эксперту в порядке ст. 18 ГПК РФ, например, в формате публикации мотивированного определения. В настоящее время суды зачастую не оглашают определение и использовать институт отвода эксперта крайне затруднительно в страховых спорах.

Важным элементом доказывания форм злоупотребления правом выступает «преюдиция», нормативное применение которой закреплено в ст. 61 ГПК РФ, ст. 90 УПК РФ; ст. 64 КАС РФ и ст. 69 АПК РФ. В части гражданского процесса установленные вступившим в законную силу решением суда факты по недействительности или незаключенности договора страхования влекут последующий отказ в иске без дополнительного доказывания. В рамках электронного правосудия допустимо было бы легализовать ссылку на карточку судебного дела без представления заверенных копий судебных актов.

В последние годы наиболее распространенными формами злоупотребления правом в страховании в части имущественных видов выступают завышение стоимости жилых домов, непредставление транспортного средства на осмотр, использование псевдоаваркомов, таинственные повреждения машин, в части личных видов страхования - заведомо лож-

ные сведения о состоянии здоровья; симулирование ожогов, травм. В качестве примера можно привести судебный спор по иску Стадника к ООО «СК «Согласие» о возмещении страхового возмещения за разуконплектацию машины в гараже. В процессе был установлен факт злоупотребления правом со стороны истца путем назначения судебной экспертизы с вопросом о возможности проведения разуконплектации в условиях размеров гаража, истребования доказательств у официального дилера мерседес по проверке последующей установки тех же блоков после заявления об их похищении и продаже машины [1].

Ряд ученых-процессуалистов считают, что квалификация в качестве злоупотребления правом возможна, если действия способны причинять вред в объеме гражданско-правовой ответственности или иметь иную заведомую недобросовестность (злоупотребление правом и гражданско-правовыми обязанностями). Основываясь на такой позиции, в качестве наиболее эффективных процессуальных инструментов доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах можно выделить: заявление встречного иска о недействительности договора страхования при установлении факта заведомо ложных сведений, установление недобросовестности экспертов, использование института отвода эксперта, заявление о подложности доказательств, использование института обеспечения доказательств (объявлений о продаже объекта страхования по иной стоимости), использование права на формулировку вопросов стороне, проверка факта искусственной подсудности.

Вышеперечисленные инструменты процессуального доказывания формируют некий стандарт. Действующее законодательство не содержит такого законодательного понятия. Считаю возможным использовать в практике споров зарубежный аналог такого определения. Например, из английского права, которое так различает стандарт доказывания в гражданском процессе: «баланс вероятностей», который не ограничен пределом; базируется на установленном факте; рассматривает заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав по всей цепочке от оферты до страхового события; другие случаи рассматриваются с точки зрения принципа добросовестности [17].

Заключением исследования, проведенного в статье, можно сделать вывод, что в России не существует определенной правовой позиции и нормативной правовой базы, которая бы позволяла четко и определенно решать правовые вопросы доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах. Недостаточно выработаны и проработаны в правоприменительной практике судов процессуальные инструменты доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах.

Доктринальные исследования процессуалистов, анализ зарубежного законодательства и судебной практики позволяют сформулировать понятие механизма доказывания форм злоупотребления правом в страховых спорах, под которым можно понимать сложную цепочку юридически значимых процессуальных действий лиц, участвующих в деле (выбор формы разрешения спора, подача соответствующего заявления, иска, реализация всех процессуальных прав и выполнение обязанностей, включая заявление ходатайства о назначении судебной экспертизы (психологическая трасология, определения стоимости объекта страхования на момент

заключения договора страхования и установления его характеристик), подачу встречного иска о признании недействительным или незаключенным) и другие, а также действия и решения суда по исследованию и оценке доказательств и принятие решений.

Пристатейный библиографический список

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 24.05.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://oblsud--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=case&case_id=18041661&case_uid=ace95eba-e3f5-4af9-9339-e5d6fbbb7cba&result=1&delo_id=5&new=5.
2. Архипова А.Г. Доктрина *uberrima fides* в страховании и ее воплощение в российском праве // Вестник гражданского права. – 2015. – № 4. – С. 7-8.
3. Беков Я.Х. Подготовка дела к судебному разбирательству в гражданском судопроизводстве. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – С. 176.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=F98A2F9EB4E1ECA08542DCF1B0782B82&base=LAW&n=402655&cacheid=D354E860C9CCF4B56B9741A70852F60E&mode=rubr#9NxK0wSeQCU4yIzY>.
5. Гурвич М.А. Является ли доказывание в гражданском процессе юридической обязанностью? // Советская юстиция. – 1975. – № 5. – С. 16.
6. Гуреев П.П. Судебное разбирательство гражданских дел. – М., 1958. – С. 122.
7. Момотов В.В. Злоупотребление правом: теория и практика противодействия в страховых правоотношениях // Мировой судья. – 2017. – № 11.
8. Клейнман А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. – М.; Л., 1950. – С. 40.
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.10.2019 № 49-КГ19-37, 2-1883/2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=6D44D67EE4A40C86043B34F4F47EF32A&SORTTYPE=0&BASENODE=g3&ts=rAmQ0wSqi0HX4ohF&base=ARB&n=602886&rnd=F98A2F9EB4E1ECA08542DCF1B0782B82#u03R0wSGqUz2iME6>.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=60094E89838C86ABBD329B9D23F83D35&SORTTYPE=0&BASENODE=1-1&ts=4y3K0wSw5kO97gla1&base=LAW&n=389279&rnd=F98A2F9EB4E1ECA08542DCF1B0782B82#QUGK0wS2BQaRAk4k>.
11. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с ОСАГО, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 г., в редакции от 26 апреля 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=F98A2F9EB4E1ECA08542DCF1B0782B82&base=LAW&n=216200&dst=100143&field=134&stat=srcfld%3D134%26src%3D100022%26code%3D10881%26page%3Dtext%26p%3D27%26base%3DMARB%26doc%3D1509062#V4XR0wSiENZAuhV>.
12. Разрешение финансовых споров в странах АТР: (Австралия, Гонконг, Индия, Индонезия, Китай, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, США, Таиланд, Япония) / Ю. А. Артемьева, Е. П. Ермакова, Н. В. Ивановская [и др.]. – Москва: Инфотропик Медиа, 2019. – 416 с. – ISBN 978-5-9998-0311-5
13. Скуратовский М. Л. Подготовка дела к судебному разбирательству в арбитражном суде первой инстанции. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 200.
14. Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета – Федеральный выпуск № 278 (5951).
15. Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. – С. 33.
16. Ermakova, E. P. International Economic Integration and the Evolution of the Principles of Civil Procedure / E. P. Ermakova, E. E. Frolova, E. V. Sitkareva // Lecture Notes in Networks and Systems. – 2021. – Vol. 198. – P. 1589-1597. – DOI 10.1007/978-3-030-69415-9_175
17. Rusakova, E. P. Digital Rights as a New Object of Civil Rights: Issues of Substantive and Procedural Law / E. P. Rusakova, E. E. Frolova, A. I. Gorbacheva // Advances in Intelligent Systems and Computing (см. в книгах). – 2020. – Vol. 1100. – P. 665-673
18. Rusakova, E. P. Challenges of the Judicial Systems of the Russian Federation and People's Republic of China in the Era of the Pandemic / E. P. Rusakova, E. E. Frolova, L. L. Arzumanova // Lecture Notes in Networks and Systems. – 2021. – Vol. 198. – P. 1541-1549. – DOI 10.1007/978-3-030-69415-9_170.

КИТАЕВА Алина Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

ПОЛИВЦЕВА Алевтина Андреевна

студент 3 курса Самарского юридического института

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССАХ

Данная статья имеет своими целями рассмотрение и разъяснение понятия «цифровые доказательства» в рамках гражданского и арбитражного процесса, а также понятие и виды доказательств в Гражданском процессуальном и Арбитражном процессуальном кодексах Российской Федерации на основании анализа существующих точек зрения известных ученых-юристов и процессуалистов. В статье рассматриваются некоторые актуальные проблемы применения цифровых доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Также в рамках рассматриваемой темы авторы данной статьи обращались к нормам применения Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2021).

Ключевые слова: гражданский процесс, цифровые доказательства, арбитражный процесс, ГПК РФ, доказательства по гражданскому делу, федеральный закон, информация, информационные технологии, АПК РФ, отечественное законодательство.

KITAEVA Alina Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Professional disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

POLIVTSEVA Alevtina Andreevna

student of the 3rd course of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

DIGITAL EVIDENCE IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS

This article aims to review and clarify the concept of “digital evidence” in the framework of civil and arbitration proceedings, as well as the concept and types of evidence in the Civil Procedure and Arbitration Procedure Codes of the Russian Federation based on an analysis of the existing points of view of famous legal scholars and proceduralists. The article deals with some topical problems of using digital evidence in civil and arbitration proceedings. Also, within the framework of the topic under consideration, the authors of this article referred to the norms for the application of the Federal Law “On Information, Information Technologies and Information Protection” dated July 27, 2006 No. 149-FZ (as amended on December 30, 2021).

Keywords: civil process, digital evidence, arbitration process, Code of Civil Procedure of the Russian Federation, evidence in a civil case, federal law, information, information technology, agrarian and industrial complex of the Russian Federation, domestic legislation.

Активный процесс цифровизации предполагает внедрение изменений во все сферы деятельности человека, не обходя стороной и судебную систему. Благодаря развитию информационно-технических средств, искусственного интеллекта и самому цифровому пространству, люди стали воспринимать дигитальный мир как часть реального. Эти процессы предполагают должное и своевременное законодательное регулирование.

Изучив ст. 55 ГПК РФ авторы рассматривают понятие доказательства, в том смысле, в котором его преподносит законодатель. Так, доказательствами являются какие-либо сведения о фактах, полученные законным путем, и позволяющие установить имели ли место быть обстоятельства, мотивирующие требования и возражения участников процесса [1, с. 215].

Судебная система активно развивается, внедряя в свою деятельность новые технологии, позволяющие не только совершенствовать, ускорять и упрощать процесс рассмотрения дела судьями, но и расширять сам перечень средств доказывания, благодаря чему участники процесса получают больше возможностей для защиты своих прав [2, с. 135].

Подтверждение этому мы можем найти в позиции уважаемого доктора юридических наук В. В. Яркова, отмечающего большое количество значимых преимуществ использования системы электронного правосудия как повышение

управляемости, улучшение организации работы судов, повышение качества осуществляемого правосудия [3, с. 44].

На данный момент в гражданском процессе допустимыми являются такие виды доказательств как:

- 1) Описанное в ст. 68 ГПК РФ объяснение сторон и третьих лиц;
- 2) Предусмотренные ст. 69 ГПК РФ свидетельские показания;
- 3) Указанные в ст. 71 ГПК РФ письменные доказательства;
- 4) Установленные ст. 73 ГПК РФ вещественные доказательства;
- 5) Растолкованные в ст. 77 ГПК РФ аудио- и видеозаписи;
- 6) Изложенное в ст. 86 ГПК РФ заключение эксперта.

Арбитражный процессуальный кодекс РФ устанавливает такие виды доказательств как:

- 1) ст. 81 АПК РФ объяснение сторон и третьих лиц;
- 2) ст. 88 АПК РФ свидетельские показания;
- 3) ст. 75 АПК РФ письменные доказательства;
- 4) ст. 76 АПК РФ вещественные доказательства;
- 5) ст. 86 АПК РФ заключение эксперта;
- 6) ст. 89 АПК РФ иные документы и материалы.

Описанный ранее процесс цифровизации и информатизации привел к появлению в судопроизводстве такого явления как электронные доказательства в форме файлов определенного типа, например, электронного документа, аудио- или видеозаписи какого-то факта [4].

Изучив отечественные нормативные правовые акты, регулирующие судопроизводство по гражданским делам и арбитражного суда, мы приходим к выводу, что, несмотря на увеличение дел, при рассмотрении которых используется данный вид доказательств, полученный в установленном законе порядке, они не содержат четкого определения понятия «электронные доказательства». Поэтому материалы и документы выполненные, например, в форме графической записи законодатель на данный момент относит к письменным доказательствам и регулирует их ст. 75 АПК РФ и ст. 71 ГПК РФ [5], материалы, предоставленные в форме аудио- или видеозаписи события – ч. 2 ст. 64 АПК РФ и ст. 77 ГПК РФ. При этом законодательство предусматривает в ч. 2 ст. 89 АПК РФ возможность приобщения непосредственно электронных доказательств как иных документов и материалов, благодаря чему у участвующих в процессе сторон и третьих лиц появляются вопросы о представлении данных доказательств.

Отечественные ученые придерживаются разных точек зрения по данному факту. Например, С. П. Ворожбит при рассуждении на данную тему пояснила, что, не смотря на необходимость применения для анализа электронного документа специальных технических средств, данный факт не дает право выделять его как отдельный вид, так как восприятие его содержания происходит посредством понимания письменных знаков, которые используются в обычных письменных документах [6, с. 15].

Иной точки зрения придерживается А. Т. Боннер, который относит цифровые документы к вещественным доказательствам, указывая на положения ст. 76 АПК РФ и ст. 73 ГПК РФ, содержащих в себе формулировку понятия вещественные доказательства, и на их основании делая вывод, что электронное пространство, не имея физически ощущаемой материальной формы, представляет собой материальное явление.

Другая группа ученых считает, что электронные доказательства недооценены и их необходимо дополнительно регулировать законодательством [7].

Так, М. В. Жижина в своей известной работе указывает, что из-за неспецифичной структуры цифрового документа как доказательства анализ должен производить не сам суд, например, получая на руки копии данного документа или заверенные нотариусом изображения в бумажном варианте, а привлеченный эксперт непосредственно в электронном источнике или используя специальные технические средства [8, с. 43].

Так мы можем сделать вывод о том, что данная форма доказательства является сложной для определения ее к какой-то одной группе доказательств, так как кроме того, что получена она должна быть законным путем, отличительной особенностью является именно то, что существует она именно на электронном носителе, и для анализа содержания необходимо использование технических средств. Решение данной проблемы может состоять в устранении законодателем выявленных проблем.

Во-первых, необходимо закрепить определение понятия цифровое доказательство, которое бы не противоречило положениям действующих гражданского процессуального и арбитражного процессуального кодексов, позволяющее охватить существующие на данный момент возможности сохранения и передачи информации. Например, цифровое доказательство представляет собой полученную в установленном законом порядке собираемая доказательства и перенесенную на подходящий для должного хранения и передачи

с использования специальных средств, содержащую определенные постоянные признаки, благодаря которым можно ее идентифицировать, информацию, подлежащую установлению по делу.

Во-вторых, выделить электронные (цифровые) доказательства в перечень доказательств как самостоятельную единицу. А также предусмотреть в данном случае обязательное участие специалиста для их анализа. Так как, проанализировав судебную практику по данным делам, можно увидеть, что стороны не всегда пользуются право привлечения специалиста, что препятствует качественному исследованию представленных доводов.

Пристатейный библиографический список

1. Вершинин А. П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде: учебно-практическое пособие – Москва: Издательский дом «Гордец», 2000. – 248 с.
2. Лагунова А. А. Электронные документы как доказательства в гражданском процессе // Современная наука: инновационный взгляд молодежи: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Пятигорск, 23 марта 2021 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2021. – С. 132–137.
3. Ярков В. В. Электронное правосудие и принципы цивилистического процесса / В. В. Ярков // Закон. – 2011. – № 2. – С. 44–50.
4. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Российская газета. - 2006. - № 165.
5. Киргизова Т. Д., Шумова К. А. Вопросы использования электронных доказательств в арбитражном процессе // Сборник статей XIV Международного научно-исследовательского конкурса, 2018. – С. 133–136.
6. Ворожбит С. П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: специальность 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Санкт-Петербург, 2011. – 25 с.
7. Востриков И. Ю. Электронный документ как доказательство в гражданском процессе // Гражданское судопроизводство в изменяющейся России: материалы Междунар. науч.-практ. конференции. – Саратов, 2007. – С. 374–380.
8. Жижина М.В. Документ как носитель доказательственной информации в современном цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 2. – С. 43–48.

МОГИЛЕВСКИЙ Григорий Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Новосибирского ордена Жукова военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, доцент кафедры административного, финансового и корпоративного права Новосибирского государственного университета экономики и управления

КОМИССАРОВ Алексей Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Новосибирского ордена Жукова военного института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, полковник юстиции

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ ВОЕННО-СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Исходя из анализа краткого исторического аспекта организации и функционирования военно-судебных органов российского государства, современного содержания нормативно-правовой базы и проводимых реформ судебной системы в современных условиях в публикации излагается сущность, роль и место военных судов в судебной системе как одного из двух ее структурных элементов. Наряду с узаконенной организационной структурой военных судов анализируются критерии подсудности судебных дел, рассматриваемых и разрешаемых военными судами.

Ключевые слова: судебная система государства, элементы структуры, военно-судебные органы, осуществление правосудия, исторический аспект, современное состояние и процедура реформирования, подсудность гражданских дел.

MOGILEVSKIY Grigoriy Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the army general I. K. Yakovlev Novosibirsk Military Institute of the National Guard troops of the Russian Federation, associate professor of Administrative, financial and corporate law sub-faculty of the Novosibirsk State University of Economics and Management

KOMISSAROV Aleksey Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Civil law sub-faculty of the Novosibirsk order of Zhukov army general I. K. Yakovlev Military Institute of the National Guard of the Russian Federation, colonel of justice

Могилевский Г. А.

Комиссаров А. В.

TOPICAL ISSUES OF THE ADMINISTRATION OF JUSTICE BY THE MILITARY COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORY AND MODERNITY

Based on the analysis of the brief historical aspect of the organization and functioning of the military judicial bodies of the Russian state, the modern content of the regulatory framework and the ongoing reforms of the judicial system in modern conditions, the publication outlines the essence, role and place of military courts in the judicial system as one of its two structural elements. Along with the legalized organizational structure of military courts, the criteria for the jurisdiction of court cases considered and resolved by military courts are analyzed.

Keywords: judicial system of the state, elements of the structure, military-judicial bodies, administration of justice, historical aspect, current state and procedure of reform, jurisdiction of civil cases.

Актуальность процессуально-правового исследования вопросов осуществления правосудия военно-судебными органами Российской Федерации (далее — военными судами РФ) обусловлена тем, что военные суды РФ, относящиеся к федеральным судам в судебной системе Российской Федерации являются одним из двух ее составных элементов. Это во-первых. И, во-вторых, являясь федеральными судами (как и кассационные суды общей юрисдикции, апелляционные суды общей юрисдикции, верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной

области и автономных округов, районные суды) они составляют систему судов общей юрисдикции, и по сути есть единственные специализированные суды в этой совокупности судебных органов¹.

Иллюстрацией изложенного служит позиция Верховного Суда РФ, который в своем постановлении констатирует следующее: в настоящее время в Вооруженных

1 О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ, 1997, № 1, ст. 1.

Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и федеральных государственных органах Российской Федерации осуществляют правосудие 107 гарнизонных военных судов (в том числе 5 гарнизонных военных судов осуществляют правосудие за пределами Российской Федерации) и 12 окружных (флотских) военных судов. В составе Верховного Суда Российской Федерации действует Судебная коллегия по делам военнослужащих. В военных судах Российской Федерации проходят службу 884 судьи (по штату)².

Динамика рассмотрения судебных дел военными судами РФ с момента их формирования как судебных органов современного российского государства (с его образования в 1991 г.) убедительно свидетельствует об их возрастающих количественных показателях. Так, ежели в 1993 г. военные суды разрешили примерно 3 тыс. заявлений об оспаривании незаконных деяний органов военного управления, командиров (начальников), то в 2001 г. — больше 211 тыс., в 2011 г. — 75 256. За предыдущие три года этот параметр равноправен 60000-70000 публично-правовым спорам об оспаривании военнослужащими, гражданами, которые были уволены с армейской службы, деяний (бездействия) и решений управомоченных субъектов органов военного управления, ущемляющих их права и законные интересы [1].

Вполне уместно отметить так же и то, что военные суды как единственные специализированные суды судебной системы российского государства рассматривают и разрешают судебные дела не только в Вооруженных Силах, а так же и в других войсках, воинских формированиях и органах, где допускается военная служба, например, в войсках национальной гвардии России, Федеральной службы безопасности, Министерстве по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и иных федеральных органах власти. Так, в отношении военнослужащих, проходящих армейскую службу не в Вооруженных Силах России, а в других войсках, воинских формированиях и органах, в которых предусмотрена армейская служба, военными судами рассматривается от 20 до 30 % уголовных, гражданских и административных дел от всех рассмотренных категорий дел. Примерно в таком же процентном соотношении разрешаются споры публично-правового характера и материалы о применении дисциплинарного ареста.

Из изложенного следует, что Вооруженные Силы государства, иные воинские формирования и органы могут успешно действовать и выполнять стоящие перед ними задачи лишь тогда, когда в них поддерживается основанный на законах строгий воинский порядок, когда личность, права и интересы военнослужащих защищены правовыми средствами. Выполнение этих задач возложено

на государственные органы, осуществляющие судебную власть в Вооруженных Силах. Такими органами государственной власти являются военные суды [2].

Проводимый вкратце историко-правовой анализ организации и деятельности военно-судебных органов Российского государства констатирует их социально значимую необходимость как специализированной подсистемы судов в структуре судебных органов. Исходя из применения таких критериев как законодательное закрепление организационно-правовых основ, функциональных особенностей деятельности и статуса должностных лиц военно-судебных органов Н.А. Петуховым обоснованно сформулированы этапы развития военных судов в Российской Федерации:

— первый этап (реформы Петра I, военно-судебные реформы 1864-1867 гг.) характеризуется созданием военных судов в соответствии с отдельными соответствующими историческими принципами государственного судоустройства. Рассматриваемый этап связан с принятием Военного устава 1715-1716 гг., Военно-судебного устава 1867 г.;

— второй этап (с октября 1917 г. до 1991 г.) обусловлен созданием и функционированием военных трибуналов. Этап связан с принятием Положений о революционных военных трибуналах от 1919, 1920 и 1926 гг. и Положений о военных трибуналах 1958 и 1980 гг.;

— третий период (с 1991 г. по настоящее время) характеризуется комплексным и последовательным подходом к законодательному регулированию организации и функционирования военно-судебных органов, где узаконены их структура, а так же полномочия должностных лиц военных судов (постановления Президиума Верховного Совета РСФСР 28 декабря 1991 г. «О военно-судебных органах, дислоцированных на территории РСФСР», 13 января 1992 г. «О военных трибуналах», федеральный закон 3 декабря 1994 г. № 55-ФЗ «О некоторых вопросах создания и функционирования военных судов и органов военной юстиции» [3].

23 июня 1999 г. официально опубликован и вступил в силу Федеральный конституционный закон «О военных судах Российской Федерации» (далее — Закон)³. С его принятием на законодательном уровне завершились реорганизация военно-судебной системы Российской Федерации и создание самостоятельных и независимых от органов исполнительной власти (в том числе и от органов военного управления) судов, способных быть гарантом законности и справедливости в таких важнейших государственных структурах, как Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и федеральные органы исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

В названом нормативном акте узаконена система военных судов, которая состоит из гарнизонных военных судов (как судов первой инстанции), окружных (флотских)

2 О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О создании, об упразднении некоторых военных судов и об образовании постоянных судебных приставств в составе некоторых военных судов»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 июня 2018 года № 24 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 7.

3 О военных судах Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 года № 1-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ, 1999, № 26, ст. 3170.

военных судов (как судов второй инстанции) и Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации (как суда высшей, третьей инстанции). Кроме того, впервые на законодательном уровне определено, что в случаях, предусмотренных международными договорами, допускается создание военных судов за границей российского государства, если там дислоцируются российские воинские формирования, по месту их дислокации.

Число и дислокация военных судов обусловлены учетом территории, где расположены обслуживаемые военные организации, их численного состава и необходимого количества должностных лиц военных судов для обеспечения принципа доступности правосудия военнослужащим и обоснованной процессуально-правовой нагрузкой по разрешению гражданских и уголовных дел, дел публично-правового характера спора, оснований для наложения дисциплинарного ареста военными судами. Это позволяет гарантировать результативность рассмотрения судебных дел и законность судебной защиты военнослужащих, чьи права и интересы нарушены или оспариваются и проходящих армейскую службу в пределах границ соответствующих субъектов России. Вместе с тем достигается решение вопроса оптимизации финансовых расходов на возмещение процессуально-правовых издержек, обусловленных затратами на обеспечение участия к месту организации рассмотрения судебных дел и другим денежными тратами.

Окружные (флотские) военные суды в условиях сегодняшнего дня функционируют в границах узаконенных территориальных округов, состоящих из определенного числа субъектов Российской Федерации, согласно федеральному закону от 27 декабря 2009 г. № 345-ФЗ «О территориальной юрисдикции окружных (флотских) военных судов»⁴. В то же время они не обременены аспектами военно-административного и административно-территориального разделения субъектов Российской Федерации, что отвечает концепции, изложенной в законопроекте ради заново организовываемых апелляционных и кассационных судов.

В 2014 г. в связи с принятием и вступлением в силу федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и на его основании реформирования структуры Верховного Суда Российской Федерации Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации была преобразована в Судебную коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации⁴.

Таким образом, характеризуя современную систему военных судов следует отметить, что подавляющее большинство судебных дел в военных судах по существу рассматриваются по первой инстанции в гарнизонных военных судах. Вышестоящие по структуре над гарнизонными военными судами окружные (флотские) военные суды и Военная коллегия по делам военнослужащих Верховного

Суда Российской Федерации выступали — до 1 октября 2019 г. — в основном в качестве судебных инстанций по пересмотру не вступивших (апелляционное производство) и вступивших (кассационное и надзорное производство) в законную силу судебных постановлений.

В завершение отметим, что судебная реформа, проводимая в Российской Федерации с начала 2010-х гг не обошла стороной и структуру военных судов. Это касается военно-судебных органов апелляционной и кассационной инстанций. Так, с 1 октября 2019 г. функции пересмотра судебных постановлений, не вступивших в законную силу и вынесенных гарнизонными военными судами возложены на специально созданный Апелляционный военный суд (Московская обл. г.о. Власиха). Пересмотр судебных постановлений, вынесенных гарнизонными военными судами, Апелляционным военным судом, вступившими в законную силу осуществляется специально созданным для этого Кассационным военным судом (г. Новосибирск)⁵. Таким образом, функции апелляции и кассации переданы в специально созданные военно-судебные органы. Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что создание и начало функционирования в системе военно-судебных органов Апелляционного и Кассационного военных судов будет способствовать, по мнению авторов, объективности, законности и обоснованности выносимых военными судами судебных постановлений.

Пристатейный библиографический список

1. Лужин К.Н. Военные суды России и государств-участников Содружества независимых государств: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
2. Рыжаков А.П. Правоохранительные органы Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития. М., 2014. С. 23-24.
3. Петухов Н.А. История военных судов России. М.: НОРМА, 2003.

⁴ О Верховном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ, 2014, № 6, ст. 550.

⁵ О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы: федеральный конституционный закон от 29 июля 2018 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ, 2018, № 31, ст. 4811.

ГОНЧАРОВА Лариса Николаевна

доктор экономических наук, доцент кафедры трудового и предпринимательского права Юридического института Научного исследовательского Белгородского государственного университета

СИНЕНКО Владимир Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и предпринимательского права Юридического института Научного исследовательского университета Белгородского государственного университета

НОТАРИАЛЬНОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ

В статье анализируются актуальные вопросы, связанные с нотариальным установлением и удостоверением юридических фактов. Исследуются правовые и фактические возможности нотариата по осуществлению фиксации фактических обстоятельств, являющихся основанием правовых последствий. Обращается внимание на наличие препятствий к расширению нотариальной компетенции в этой области. Сформулирован вывод о том, что нотариат способен взять на себя часть судебных функций по установлению некоторых юридически значимых фактов, однако это потребует определенных законодательных изменений и дополнений.

Ключевые слова: нотариат, нотариальные действия, установление юридических фактов, доказательственная сила, оценка доказательств.

GONCHAROVA Larisa Nikolaevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Labor and business law sub-faculty of the Institute of Law of the National Research Belgorod State University

SINENKO Vladimir Sergeevich

Ph.D. in Law, associate professor of Labor and business law sub-faculty of the Institute of Law of the National Research Belgorod State University

NOTARIAL CERTIFICATION OF LEGAL FACTS

The article analyzes topical issues related to the notarial establishment and certification of legal facts. The legal and factual possibilities of the notary to carry out the recording of the actual circumstances that are the basis of legal consequences are investigated. Attention is drawn to the presence of obstacles to the expansion of notarial competence in this area. The conclusion is drawn that the notary is able to take on part of the judicial functions to establish some legally significant facts, but this will require certain legislative changes and additions.

Keywords: notary, notarial actions, establishment of legal facts, probative value, evaluation of evidence.

Формирование оптимального механизма по защите прав и охраняемых законом интересов участников общественных отношений является актуальным вопросом на любом этапе общественного развития. Правоприменение, являясь ведущей формой реализации права, связано с деятельностью компетентного юрисдикционного органа, призванного регулировать проблемные жизненные ситуации путем их рассмотрения и разрешения в определенном законом процессуальном порядке. Наиболее значимым органом государственной власти, наделенным данными функциями, является суд. Именно на него возложена задача правильного и своевременного рассмотрения и разрешения правовых споров в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций и публично-правовых образований. Вместе с тем, его деятельность довольно тесно связана с реализацией функций органами нотариата.

Одной из наиболее насущных задач в юрисдикционной сфере на современном этапе является реформа судопроизводства, начало которой было положено еще в 1991 году с принятием Постановления Верховного Суда РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР». Повышение судебной нагрузки привело к необходимости модернизации процессуального законодательства. Вследствие этого, упрощение и ускорение судопроизводства стало тем направлением развития, который сегодня выглядит

предпочтительным. Достижению указанных целей может помочь институт нотариата, возникший и развивавшийся до настоящего времени параллельно с судебной деятельностью. Как отмечает Д.Я. Малешин, нотариат на всем протяжении исторического развития юрисдикционной деятельности был прямо и непосредственно связан с судом, оказывая содействие в осуществлении его основных функций [9, 2020, с. 68]. В.В. Аргунов по этому поводу пишет, что место нотариата и нотариальной деятельности всегда было «в одном ряду с судами». Публично-правовые задачи, стоящие перед нотариатом, органично дополняют реализацию судебных функций [2, 2013, с. 70].

Применение права в своей динамике по мнению большинства представителей правовой теории проходит в три этапа, а именно: 1) установление фактической основы спорного правоотношения; 2) определение правовой основы, то есть выбор подлежащей применению к данной ситуации правовой нормы; и 3) осуществление акта юридической квалификации, в результате которой формируется знание о наличии и характере возникшего правоотношения и, соответственно, спорных правах и обязанностях конфликтующих сторон. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что познание фактических обстоятельств является всего лишь промежуточной задачей, от решения которой зависит правильное применение норм материального права и решение спорного вопроса по существу. В рамках правоприменитель-

ного процесса деятельность по установлению обстоятельств, имеющих значение по делу, традиционно именуется доказыванием.

Доказывание как процесс, посредством которого обеспечивается переход от вероятностного суждения по поводу юридически значимых обстоятельств к их истинному объективному знанию, обычно ассоциируется с судебным разбирательством дела. Действительно, можно заметить, что нормы, регулирующие процесс познания фактических обстоятельств дела сконцентрированы и наиболее детально проработаны в кодифицированных нормативных актах, посвященных судопроизводству. Однако правоприменение как форму реализации права осуществляет не только суд, но и иные юрисдикционные органы. Они вынуждены осуществлять познание фактических обстоятельств, поскольку это является обязательным начальным этапом применения правовых норм. Познание осуществляется посредством установления юридических фактов в определенном законом порядке. Однако, некоторые из реальных жизненных обстоятельств, являющихся основанием правовых последствий, подлежат установлению только в судебном порядке в рамках самостоятельного вида судопроизводства, именуемого особым. Его основу составляют дела об установлении юридических фактов, к примеру, факта родственных отношений, нахождения на иждивении и других.

Осуществление судебного порядка объективации юридического факта возможно только при возникновении необходимости реализации предусмотренных законом правовых последствий. Это является одним из обязательных условий принятия соответствующего заявления к производству судом (ст. 265 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), ч. 1 ст. 219 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ)). По справедливому замечанию Н.А. Громошиной, «судебная правоприменительная деятельность как бы вклинивается в правоприменительную деятельность несудебных государственных органов, способствуя тем самым охране прав и интересов субъектов права» [3, 2010, с. 177-178]. Характеризуя данный вид судебной деятельности, В.Н. Протасов также замечает, что «компетентный орган может «вклиниваться» через охранительное правоотношение в регулятивный механизм не только на уровне правоотношения, но и на уровне юридического факта» [11, 1991, с. 57].

Установление юридического факта в судебном порядке в рамках отдельного самостоятельного производства является деятельностью, не характерной для суда. Правосудие в наиболее обобщенном виде ассоциируется с устранением спора между конфликтующими сторонами. Причем в качестве таковых могут быть как субъекты частных, так и публичных отношений. В зависимости от этого выделены отдельные виды судопроизводства: конституционное, гражданское, арбитражное, административное и уголовное. Деятельность суда в процессе осуществления правосудия направлена на применение права, являющегося особой формой его реализации.

Нотариус, также как и суд, при рассмотрении и ведении дел, отнесенных к его компетенции, обязан при совершении нотариального акта определить фактическую основу своего правового решения. Это обуславливает необходимость сбора и оценки фактических данных, что по сути и составляет предмет доказательственной деятельности. Более того, функции нотариата в своей основе базируются на необходимости фиксации фактических обстоятельств с целью создания квалифицированного доказательства, обладающего большей

степенью достоверности, нежели простые письменные документы.

Нотариат, действуя в сфере бесспорной юрисдикции, призван устанавливать или свидетельствовать такие факты, которые являются практически очевидными. В этом состоит основное отличие работы с фактами в сфере нотариальной практики и судебной деятельности. Установление фактов в судебном порядке необходимо в том случае, когда они являются далеко не очевидными и при этом требуется довольно обширный анализ доказательств. На это обращалось внимание как в советской, так и современной правовой науке [13, 1973, с. 14-15; 6, 2008, с. 24.]. Также весьма своеобразна осуществляемая нотариусом оценка доказательств. Она не предполагает той свободы, которая характерна для судебной оценки, осуществляемой исключительно на основе внутреннего убеждения. Причем в отличие от нотариальной оценки является окончательной, поскольку формирование итоговых выводов о наличии либо отсутствии определенных фактических обстоятельств является исключительной прерогативой суда и правосудия в целом [1, 2017, с. 134-135].

Отмеченные особенности работы с фактами и доказательствами в нотариальной практике не позволяют согласиться с позицией некоторых ученых, которые предлагают исключить судебное установление фактов как категорию дел особого производства с передачей данного вопроса в компетенцию органов нотариата [14, 2012, с. 40-45]. Полагаем, что это возможно только по определенным видам фактов с обязательной разработкой нормативной процедуры, в рамках которой они будут устанавливаться [5, 2019, с. 62-63].

Еще одним актуальным на сегодняшний день вопросом, связанным с фактической стороной деятельности нотариуса, является роль и значение нотариальных актов в процедуре судебного доказывания. Это обусловлено тем, что с 2015 года фактам, которые были подтверждены нотариусом при совершении нотариального действия, придана повышенная юридическая сила. В соответствии с ч. 5 ст. 61 ГПК РФ данные факты включены в перечень обстоятельств, освобожденных от доказывания в гражданском процессе. Аналогичные дополнения были сделаны и в текст Арбитражного процессуального кодекса РФ (ч. 5 ст. 69).

Данное изменение имеет логическое обоснование, связанное с тем, что традиционная роль нотариата в латинской нотариальной системе состоит в обеспечении достоверности и подлинности доказательств. В большинстве стран Западной Европы обстоятельства, подтвержденные в нотариальном порядке рассматриваются в качестве аутентичных [12, 2021, С. 55]. В качестве одного из примеров можно привести опыт французского законодательства, в котором установлено правило об особой доказательственной силе совершаемого нотариусом публичного акта [4, 2012; 8, 2011, с. 6-7]. Однако в отечественной правовой системе традиционно придерживались установленного процессуальным законом принципа непредустановленности доказательств, который нормативно закреплен в ч. 2 ст. 67 ГПК РФ в виде правила о том, что «никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы». И только указанные ранее дополнения текста процессуального закона позволили говорить об особой силе доказательств, удостоверенных в нотариальном порядке.

Характеризуя вышеприведенные новеллы, можно высказать предположение о том, что законодатель не вполне корректно определил место правила о предустановленной силе доказательств как об одном из оснований освобождения от доказывания. В том случае, если для какого-либо факта не-

достаточно утверждения о нем со стороны лица, участвующего в деле, а требуется представление доказательств (хотя бы и подтвержденных в нотариальном порядке), то это не может квалифицироваться как освобождение от доказывания. Лицо, заинтересованное в установлении данного факта, должно представить в суд нотариально оформленный документ, который будет рассматриваться как доказательство. Скорее речь должна идти о том, что данная норма представляет собой правило для суда в отношении оценки доказательства. Это говорит о том, что место рассматриваемого нормативного положения в ст. 67 ГПК РФ, посвященной общим основам оценки доказательств, в том числе, их достоверности.

Указанные изменения были встречены юридической общественностью в целом положительно. Вместе с тем, наблюдается и негативная реакция, связанная с возникшими коллизиями в нормах, регулирующих оценку судебных доказательств. Так, в Заклучении Правового управления Аппарата ГД ФС РФ от 10 декабря 2014 г. № 2.2-1/6668 «По проекту федерального закона № 558267-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты» отмечается, что предложенное дополнение «не соответствует нормам главы 6 ГПК РФ, в частности части 2 статьи 67 ГПК РФ, согласно которой никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы».

Критика повышенной доказательственной силы нотариально установленных фактов, установленной в ч. 5 ст. 61 ГПК РФ, звучит и с точки зрения некорректной формулировки, вследствие чего правильное применение данного нормативного положения становится затруднительным. Н.С. Бочарова, на основе анализа 60 судебных дел, в которых использовалось анализируемое правило, сделала вывод о том, что оно было корректно применено только в одном деле. В некоторых из данных примеров использование соответствующего нормативного положения вообще не требовалось. В большинстве случаев неправильное применение явилось следствием того, что оно было истолковано по отношению к факту, который нотариусом не мог быть установлен [7, 2018, с. 698]. О системных нарушениях в толковании и применении правила об установлении факта, подтвержденного нотариусом при совершении нотариального действия, пишет Н.А. Панкратова. Так, было отмечено, что суды зачастую повышенную доказательственную силу нотариальных документов путают с преюдициальной силой судебных актов. Кроме того, встречаются случаи, когда данная норма применяется к юридическим фактам, которые нотариусом при совершении нотариального действия вообще не устанавливались. Более того, в принципе не могли подлежать установлению [10, 2018, с. 34-35].

На основе вышеизложенного можно сформулировать вывод о том, что нотариат способен взять на себя часть судебных функций по установлению некоторых юридически значимых фактов. Вместе с тем, следует четко обозначить пределы компетенции нотариата в этих вопросах, поскольку отсутствие детально разработанной процессуальной формы данного вида нотариальной деятельности не позволяет полностью заместить судебное установление даже по делам, отнесенных к категории особого производства. Также требуется корректировка нормативного правила, предусмотренного ч. 5 ст. 61 ГПК РФ, в части уточнения случаев его применения с перемещением его в ст. 67 ГПК РФ, посвященной оценке судебных доказательств. Необходима конкретизация основания и пределов доказательственной силы нотариальных

актов в целом, а не только применительно к отдельным их видам.

Пристатейный библиографический список

1. Аргунов В.В. Нотариальный акт в судебном доказывании по гражданским делам: историко-теоретический очерк // Вестник гражданского процесса. – 2017. – № 6. – С. 130-148.
2. Аргунов В.В. Производство по установлению фактов, имеющих юридическое значение: в суде или у нотариуса? // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2013. – № 2. – С. 62-70.
3. Громошина Н.А. Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве. Монография. – М.: Проспект, 2010. – 264 с.
4. Грядов А.В. Доказательственная сила нотариального акта в праве России и Франции (сравнительно-правовое исследование). – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 400 с.
5. Зазулина Л.Д. Передача дел об установлении факта признания отцовства в компетенцию нотариусов: возможная модель регулирования и ее преимущества // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 8. – С. 59-63.
6. Калининченко Т.Г. Нотариальная защита прав и законных интересов граждан и юридических лиц // Нотариальный вестник. – 2008. – № 4. – С. 19-27.
7. Комментарий законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный) / А.А. Анисимова, Р.С. Бевзенко, В.А. Белов и др.; под ред. Д.Я. Малешина. – М.: Статут, 2018. – 719 с.
8. Корсик К.А. Доказательственное значение нотариально оформленных документов в российском гражданском судопроизводстве // Нотариус. – 2011. – № 1. – С. 5-8.
9. Малешин Д.Я. Содействие нотариата судебной реформе // Вестник СПбГУ. Право. – 2020. – Т. 11. Вып. 1. – С. 67-86.
10. Панкратова Н.А. Доказательственная сила нотариально оформленных документов (на примере практики применения ч. 5 ст. 61 ГПК РФ) // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 12. – С. 33-35.
11. Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. – М.: Юрид. лит., 1991. – 143 с.
12. Фрик О.В. Создание бесспорных доказательств как одна из основных функций нотариата // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2021. – Т. 18. № 2. – С. 55-63.
13. Чечот Д.М. Неисковые производства. – М.: Юридическая литература, 1973. – 168 с.
14. Шарафетдинов Н.Ф. Установление фактов, имеющих юридическое значение: предложения к проекту федерального закона «Об организации и деятельности нотариата в Российской Федерации» // Нотариальный вестник. – 2012. – №5. – С. 40-45.

МАЛЫШЕВ Сергей Яковлевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики предпринимательства Уфимского государственного авиационного технического университета

КИСЕЛЕВ Николай Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД Уфимского юридического института МВД России

ПРОЦЕСС ДОПУСКА И ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫМ ЛИЦАМ ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ, СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОММЕРЧЕСКУЮ ТАЙНУ

В статье рассмотрены основные проблемы обеспечения режима конфиденциальности информации, в том числе режима коммерческой тайны компании (фирмы), при решении вопроса о предоставлении заинтересованному лицу права (допуск) на доступ к конфиденциальной информации. Проведен сравнительный анализ нормативных правовых актов, регламентирующих процесс допуска и процедуру доступа лица к коммерческой тайне компании (фирмы). Исследована содержательная сторона правоотношений, которые возникают при осуществлении процесса допуска и процедуры доступа лица к конфиденциальной и секретной информации при обеспечении коммерческой и государственной тайн. Обозначены пути решения проблемы обеспечения режима коммерческой тайны при решении вопроса о допуске лица к конфиденциальной информации компании (фирмы).

Ключевые слова: режим коммерческой тайны, государственная тайна, конфиденциальная информация, процесс допуска, процедура доступа.

MALYSHEV Sergey Yakovlevich

Ph.D. in Law, associate professor of Business economics sub-faculty of the Ufa State Aviation Technical University

KISELEV Nikolay Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor of Operational and investigative activities of the internal affairs sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

THE PROCESS OF ADMISSION AND GRANTING INTERESTED PARTIES ACCESS TO INFORMATION CONSTITUTING A TRADE SECRET

The article discusses the main problems of ensuring the confidentiality of information, including the regime of commercial secrets of a company (firm), when deciding whether to grant an interested person the right (admission) to access confidential information. A comparative analysis of regulatory legal acts regulating the process of admission and the procedure for a person's access to a company's (firm's) trade secret has been conducted. The content side of legal relations that arise during the process of admission and the procedure for a person's access to confidential and secret information while ensuring commercial and state secrets is investigated. The ways of solving the problem of ensuring the regime of commercial secrecy when deciding on the admission of a person to confidential information of a company (firm) are outlined.

Keywords: trade secret regime, state secret, confidential information, admission process, access procedure.

В правовых положениях Федерального закона «О коммерческой тайне» отсутствует понятие «допуск к информации, составляющей коммерческую тайну»¹. Такую ситуацию нельзя считать противозаконной, так как в правовых положениях Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»² (далее – Федеральный закон об инфор-

мации), который в соответствии с пунктом 3 Постановления Конституционного суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г. № 25-П³ является базовым законом, устанавливающим правовые основы осуществления права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, применения информационных

Малышев С. Я.

Киселев Н. Н.

1 Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ, принят Государственной Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 9 июля 2004 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (дата обращения: 10.02.2022).

2 Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ, принят Государственной Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 8

июля 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 10.02.2022).

3 Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А. И. Сушкова».

технологий, обеспечения защиты информации, так же отсутствует понятие «допуск к информации».

Однако следует понимать, что процессу предоставления заинтересованным лицам **доступа** к информации, составляющей коммерческую тайну, должен предшествовать процесс **допуска** таких лиц к такой информации. В деле организации охраны конфиденциальности информации при обеспечении коммерческой тайны не может быть одного процесса без другого. Эти процессы взаимосвязаны и взаимообусловлены между собой. Дело в том, что не может быть предоставление определенным лицам конфиденциальной информации (**процесс доступа**) без соответствующей процедуры оформления им права на такой доступ к этой информации (**процедура допуска**). Такая логика вещей основывается на том, что не каждый человек способен хранить тайну, работать в условиях конфиденциальности (негласности). Процедура допуска лица к конфиденциальной информации, прежде всего, предполагает осуществление со стороны обладателя такой информации проверочных мероприятий в отношении конкретного лица, которому намечается оформление права на доступ к сведениям конфиденциального характера.

Необходимо отметить, что отсутствие на законодательном уровне такой правовой категории, как допуск к информации, составляющей коммерческую тайну, приводит к уменьшению, а порой и пренебрежению значения в организации охраны конфиденциальности информации процесса доступа лиц к такой информации. Обладателю информации, составляющей коммерческую тайну, важно знать, что процедура допуска лица к конфиденциальной информации должна состоять из следующих стадий (этапов):

1) стадия проведения в отношении конкретного лица проверочных мероприятий в целях выяснения наличия у него необходимых умений, способностей, личных и деловых качеств работать с конфиденциальной информацией;

2) стадия оформления права лиц на доступ к информации, составляющей коммерческую тайну.

Следует отметить, что понятие «допуск к информации (сведениям, сообщениям, данным)» встречается на законодательном уровне только в правовых положениях Федерального закона «О государственной тайне»⁴.

Наряду с понятием «допуск к государственной тайне» в правовых положениях указанного Федерального закона дается юридическое определение понятия «доступ к сведениям, составляющим государственную тайну», под которым подразумевается санкционированное полномочным должностным лицом ознакомление конкретного лица со сведениями, составляющими государственную тайну. В вопросе о государственной тайне законодатель логично и четко разграничил два процесса (процедуры):

1) процедура допуска к государственной тайне;

2) процесс доступа к сведениям, составляющим государственную тайну.

Что касается вопроса о процедуре допуска лиц к другим видам тайн, то здесь законодатель ограничился лишь указанием на процесс доступа таких лиц к конфиденциальной информации. Так, в статье 2 Федерального закона об информации дается юридическое определение понятия «доступ к информации», под которым понимается возможность получения информации и ее использования. Если обратиться к словарю русского языка С. И. Ожегова, то под понятием «возможность» следует понимать средство, условие, необходимое для осуществления чего-нибудь, возможное обстоятельство [1]. Следовательно, по мнению законодателя, процесс доступа лица к конфиденциальной информации обусловлен определенными **средствами и условиями**, под которыми, на наш взгляд, необходимо понимать процедуру допуска этого лица к такой информации.

Содержание процедуры допуска лиц и граждан к государственной тайне регламентирована в статье 21 Закона РФ «О государственной тайне». Проведем сравнительный анализ правовых положений законодательства о государственной и коммерческой тайнах в целях раскрытия содержательной стороны процедуры допуска лиц к интересующей информации.

В целом можно констатировать, что правовые положения анализируемых законодательных актов, регламентирующих вопросы процесса допуска и процедуры доступа лица к сведениям, составляющим государственную и коммерческую тайны, во многом перекликаются между собой. Важно понимать, что допуск лиц к конфиденциальной информации определяет не просто процедуру оформления им права на доступ к таким сведениям, а характеризует само это **право**, которое может быть у лица (предприятия, учреждения, организации) или не быть, в связи с отсутствием или прекращением данных правоотношений. Например, в статье 23 Закона РФ «О государственной тайне» определены условия прекращения допуска должностного лица или гражданина к государственной тайне. Допуск должностного лица или гражданина к государственной тайне может быть прекращен по решению руководителя органа государственной власти, предприятия, учреждения или организации в следующих случаях:

– расторжения с ним трудового договора (контракта) в связи с проведением организационных и (или) штатных мероприятий;

– однократного нарушения им взятых на себя предусмотренных трудовым договором (контрактом) обязательств, связанных с защитой государственной тайны;

– возникновения обстоятельств, являющихся основанием для отказа должностному лицу или гражданину в допуске к государственной тайне.

В данной ситуации, по нашему мнению, речь идет не о прекращении «процедуры оформления права граждан на доступ к сведениям, составляющим государственную тайну ...», так как логично предположить, что эта процедура давно уже была проведена со стороны «руководителя органа государственной власти, предприятия, учреждения или организации», а именно о прекращении права лица на его доступ к соответствующим сведениям, т. е. прекращение установленных ранее с этим лицом правоотношений доступа к государственной тайне.

4 Закон Российской Федерации «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_10.02.2022.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что **допуск к конфиденциальной информации** – это процесс установления правоотношений лица (физического, юридического) по поводу его доступа к конфиденциальной информации, а **доступ к конфиденциальной информации** – это процедура непосредственной реализации данных правоотношений в целях получения и использования конфиденциальной информации. Допуск к конфиденциальной информации является первичной субстанцией, а доступ к конфиденциальной информации – вторичной. Так, при прекращении допуска лица к конфиденциальной информации «автоматически» прекращается его доступ к такой информации. Однако прекращение доступа лица к конфиденциальной информации не всегда может «автоматически» вести к прекращению его допуска к этой информации (например, доступ к конфиденциальной информации ограничивается временем ознакомления с ней в специальной библиотеке учреждения, организации). Необходимо отметить, что процесса доступа лица к конфиденциальной информации не может существовать без процедуры допуска его к такой информации, и когда в правовых положениях Федерального закона «О коммерческой тайне» законодатель упоминает процесс доступа, то тем самым он одновременно подразумевает наличие процедуры допуска лица к информации, составляющей коммерческую тайну. Нельзя отождествлять между собой рассматриваемые понятия, так как такое отождествление данных понятий не ведет к положительным результатам в деле организации системы охраны конфиденциальной информации в компании.

Принцип добровольности лица в его работе с соответствующей информацией в условиях конфиденциальности (негласности) является важным обстоятельством в деле организации системы охраны конфиденциальной информации. Добровольность лица, его добрая воля и согласие работать в указанных условиях ко многому его обязывает. Однако, если речь идет о государственной тайне, то добровольность лица, его согласие на работу в соответствующих условиях оформляется на стадии процедуры его допуска к соответствующим сведениям, и это положение является правильным и логичным. Но если речь идет о коммерческой тайне, то добровольность лица, его согласие на работу в условиях конфиденциальности (негласности) оформляется на стадии процесса его доступа к соответствующей информации. Данное положение не является однозначно верным и логичным, так как законодатель здесь о допуске не говорит, можно лишь предположить, что он включает эту процедуру в процесс доступа лица к конфиденциальной информации. Добровольность лица, его согласие работать в условиях конфиденциальности (негласности) должны быть определены и оформлены соответствующим образом не на стадии непосредственного «ознакомления определенных лиц с информацией, составляющей коммерческую тайну...» (ст. 3 ФЗ «О коммерческой тайне»), а на более ранней стадии – процедуры оформления права граждан на доступ к конфиденциальной информации, т.е. процедуры допуска.

Прежде чем допустить лицо к ознакомлению с содержанием конфиденциальной информации, первоначально компетентным должностным лицам компании (фирмы)

надо удостовериться в наличии у интересующего лица соответствующего права на такой доступ, т. е. наличие у него **допуска** к определенной тайне. Данное положение достаточно ясно и четко регламентировано в статье 53.1 Трудового кодекса Российской Федерации, где определяется порядок участия представителей работников в заседаниях коллегиального органа управления организации с правом совещательного голоса. Так, в указанной статье определено, что, если для участия в заседании коллегиального органа управления организации требуется наличие **допуска к соответствующей тайне**, указанные представители работников должны получить такой **допуск** в порядке, установленном законодательством Российской Федерации⁵.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что допуск к конфиденциальной информации – это процесс установления правоотношений лица (физического, юридического) в части его доступа к конфиденциальной информации, а доступ к конфиденциальной информации – это процедура непосредственной реализации данных правоотношений в целях получения и использования конфиденциальной информации.

Пристатейный библиографический список

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка/ Издание четвертое исправленное и дополненное – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1960. - С. 88.

5 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ, принят Государственной Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 декабря 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (дата обращения: 10.02.2022).

ТКАЧЕВА Наталья Геннадьевна

соискатель кафедры предпринимательского и энергетического права Казанского (Приволжского) федерального университета

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ СОДЕРЖАНИЯ КАТЕГОРИИ «ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ПРИЕМКИ ТОВАРОВ»

Статья посвящена теоретическим и практическим вопросам приемки товаров. Исследуется понятие приемки товаров, правовая природа приемки, значение данной категории для частного и публичного права. Анализ отношений, связанных с приемкой товара, позволит обратиться к вопросам соотношения и взаимовлияния частного и публичного права. Проанализировано комплексное цивилистическое исследование приемки товаров. На основе проведенного анализа определено соотношение категорий «гражданско-правовое регулирование» и «гражданско-правовой режим», выработано комплексное представление о правовом режиме приемки товаров. В статье проводится общий подход к приемке как к процедуре подтверждения факта исполнения гражданско-правовых обязанностей, связанных с переходом объекта гражданских прав от одной стороны к другой. Затрагиваются также вопросы истории научного анализа приемки товаров.

Ключевые слова: товар, приемка, договор, исполнение договора.

TKACHEVA Natalya Gennadjevna

researcher of the Entrepreneurial and energy law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

ON THE ISSUE OF ESTABLISHING THE CONTENT OF THE CATEGORY "LEGAL REGIME OF ACCEPTANCE OF GOODS"

The article focuses on the theoretical and practical issues of acceptance of goods. It examines the concept of acceptance of goods, the legal nature of acceptance, the significance of this category for private and public law. The analysis of relations involving the acceptance of goods will allow us to address the issues of correlation and mutual influence of private and public law. A comprehensive civilised study of the acceptance of goods has been analyzed. Based on the analysis, the correlation of the categories "civil law regulation" and "civil law regime" has been determined, a comprehensive understanding of the legal regime of acceptance of goods has been developed. The article presents a general approach to acceptance as a procedure for confirming fulfillment of civil obligations related to the transfer of an object of civil rights from one party to the other. The article also addresses the history of scientific analysis of acceptance of goods.

Keywords: goods, acceptance, contract, execution of the contract.

Термин «приемка товаров» считается одним из довольно распространенных, но не нашедшем закрепление в действующем законодательстве. Обычно в качестве цели процедуры приемки товаров указывают проверку соответствия количества и качества поступивших товаров данным транспортным и расчетным документам, удостоверении фактов ненадлежащего исполнения продавцом договорных обязанностей по передаче товара [1].

Вопросы приемки товаров достаточно часто становились предметом правового исследования. Однако при изучении источников специальной литературы в соответствующей области можно выявить некоторые особенности. Так, нет современных специальных комплексных исследований, посвященных приемке товаров. Однако в учебной литературе по коммерческому праву вопросы приемки товара часто исследуются, причем как российскими авторами [2], [1], [6], [13] так и учеными иных стран [3], [17]. В коммерческом праве недостатком при изучении приемки товаров является то, что приемка рассматривается как соответствие комплектности, качества, и количества товара как это закрепляется в договоре купли-продажи. Это объясняется тем, что наиболее распространенным взглядом на коммерческое право является его отождествление с правом торговым¹. В ГК РФ, как это

будет показано ниже, понятие «приемка» применяется применительно к договорам подряда.

Что же касается специальной литературы, то большая часть посвященных приемке работ относится еще к советскому времени. В настоящее время научные исследования в основном посвящены процедуре приемки и носят практический характер [4], [16]. Соответственно, некоторое снижение интереса ученых к приемке товаров объясняется тем, что за время экономических реформ регулирование приемки стало осуществляться не императивными, а диспозитивными нормами. Однако, на наш взгляд, нельзя говорить о снижении экономического значения приемки товаров. Изменения в правовом обеспечении связаны с переходом от советской экономической модели к рыночной. Но большая часть функций приемки осталась, в том числе и те функции, в которых заинтересовано государство как носитель суверенной публичной власти (например, обеспечение нахождения в розничной торговле только товаров, пригодных для потребления и т.д.). Другое дело, что в значительной части интересы публичной власти обеспечиваются усилиями не самой этой власти, а усилиями частных лиц. Частные лица (прежде всего, осуществляющие предпринимательскую деятельность) также заинтересованы в удобном и эффективном механизме приемки. Поэтому в принципе вполне объяснимо современное регулирование таких отношений преимущественно договорами. Здесь можно говорить о вполне естественном в условиях реформ отказе от из-

¹ Эта точка зрения высказывается проф. Б. И. Пугинским, зав. каф. коммерческого права МГУ. Иной взгляд на коммерческое право у В. Ф. Попондопуло (зав. каф. коммерческого права СПбГУ) – отождествление коммерческого и предпринимательского права.

лишнего публичного регулирования и усиления классических, диспозитивных начал в гражданском праве. В полной мере проявляет себя гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. В. Ф. Яковлев, исследуя гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений, указал на его характерные черты: правонаделение, правовую инициативу, юридическое равенство субъектов. Гражданско-правовой метод – способ воздействия на отношения, который является дозволительным, характеризуется наделением субъектов на началах их юридического равенства способностью к правообладанию, диспозитивностью и инициативой, обеспечивает установление правоотношений на основе правовой самостоятельности сторон [5].

Однако современное полное отсутствие комплексных научных исследований приемки товаров никак не может быть оправдано усилением диспозитивных начал в правовом регулировании соответствующей сферы.

«Приемка товаров» - является достаточно распространенным и широко используемым на практике термином, но легальное определение его отсутствует и в нормативных актах приемка рассматривается как общеизвестное понятие.

Авторы учебника по коммерческому праву отмечают, что приемка товаров – это процедура подтверждения факта исполнения гражданско-правовых обязанностей, основанных на договоре купли-продажи [6]. По нашему мнению, здесь сужается понятие и предмет приемки. О приемке можно говорить, когда юридически оформляется не только подтверждение факта исполнения договора купли-продажи, но и иных гражданских договоров. Эту же позиция прослеживается и в литературе по коммерческому праву – авторы приведенного выше учебника отмечают, что приемка – это процедура по удостоверению факта исполнения гражданско-правовых обязанностей, также вытекающих из договоров подряда, хранения, аренды, перевозки. О каких обязательствах и договорах идет речь? Считаем, что приемка – это все-таки процедура подтверждения факта исполнения гражданско-правовых обязанностей, вытекающих из гражданско-правового договора и предусматривающий переход товара от одной стороны к другой [7].

Возникает вопрос, а что же такое товар и что мы будем под ним понимать. В ФЗ от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» содержится самое широкое определение термина «товар», где товар понимается как объект гражданских прав (в том числе работа, услуга, включая финансовую услугу, недвижимость), предназначенный для введения в оборот. Так как из всех изученных нормативных актов это наиболее поздний по времени вступления в силу, прослеживается тенденция постепенного расширения смыслового значения термина «товар» в праве России. Считаем, что определение, содержащееся в ФЗ «О защите конкуренции», пригодно для использования в качестве общего определения товара в гражданском праве России. Данное понимание является достаточно широким для использования применительно к отношениям по приемке. Следовательно, под приемкой будем понимать совокупность действий (юридическую процедуру) по подтверждению факта ис-

полнения гражданско-правовых обязанностей, связанных с переходом от одной стороны к другой объекта (объектов) гражданских прав, предназначенного для введения в оборот. При таком широком подходе к приемке в гражданско-правовом обязательстве можно отнести даже совокупность действий по подтверждению факта исполнения обязанности внесения имущества в уставный капитал юридического лица.

Как правило, обязательства, при реализации которых присутствует приемка, являются возмездными. Тем не менее приемка существует и в безвозмездных обязательствах.

Встает вопрос о соотношении понятий «приемка товара» и «исполнение обязательства» (или договора)². Обобщать эти понятия нельзя. Понятие «исполнение обязательства» - одно из обширнейших в гражданском праве и исследовалось многими цивилистами [8], [15], [14]. Исполнение сформировавшегося договорного правоотношения рассматривается как одна из его отдельных стадий [9]. Исполнение обязательства представляет собой совершение действий (либо в иных случаях воздержание от действий), состоящих из содержания субъективных прав и обязанностей сторон.

Говоря о приемке товара, то, в первую очередь, под приемкой понимают не само исполнение, а лишь совокупность действий по подтверждению факта исполнения гражданско-правовых обязанностей. Также хочется отметить, что исполнение гражданско-правовых обязанностей не всегда связано с движением товара (объекта гражданских прав, предназначенного для введения в оборот). В отдельных случаях в обязательствах нет товара (обязанность воздержаться от определенного поведения, обязательство заключения договора и т.д.) или отсутствует необходимость каких-либо действий, подтверждающих исполнение. На приемку как на один из составляющих элементов исполнения контракта указывают нормы законодательства о контрактной системе. Так, согласно ст. 94 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» исполнение контракта в комплексе определенных мер, реализуемых после заключения контракта и направленных на достижение целей осуществления закупки путем взаимодействия заказчика с поставщиком (подрядчиком, исполнителем) включает в себя, в том числе, приемку, оплату и взаимодействие заказчика с поставщиком (подрядчиком, исполнителем) при изменении, расторжении контракта применении мер ответственности и совершении иных действий в случае нарушения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) или заказчиком условий контракта.

Значение категории «приемка товара» лежит в плоскости действия как частного, так и публичного права. М. Ю. Чельшев впервые обратил внимание на межотраслевую правовую природу приемки в контексте рассмотрения ее как одной из стадий механизма правового регулирования - реализации норм права [10].

2 В ГК РФ нет общих норм об исполнении договоров, правовое регулирование осуществляется главой 22 ГК РФ «Исполнение обязательств».

Как юридическая процедура удостоверения факта исполнения гражданско-правового обязательства приемка имеет, прежде всего, частноправовое значение. В процессе выполнения приемки проводится проверка исполнения обязанностей по следующим показателям: качество, количество, состояние тары и упаковки. Основной целью приемки является обнаружение недостатков полученных товаров.

С точки зрения механизма правового регулирования приемка является актом реализации (исполнения) обязанности покупателя принять товар. Вместе с тем реализация приемки товаров может удостоверить исполнению обязанности (полное или частичное) продавца передать товар в соответствии с заключенным договором [11].

Широко распространенные отношения, связанные с приемкой товаров, имеют на практике огромное значение и для органов публичной власти. Как правило, публично – правовое значение имеют не сами действия по удостоверению чего-либо, а документы, подтверждающие надлежащую либо ненадлежащую приемку (акт приемки товара играет большую роль в налоговом, процессуальном законодательстве, законодательстве о бухгалтерском учете).

Учитывая вышеизложенное, приемку товаров с точки зрения учения о механизме правового регулирования [12] можно рассматривать как правовую категорию, проявляющуюся на нескольких уровнях: а) в нормах действующего законодательства (в широком смысле) о приемке; б) на локальном уровне; в) на договорном уровне, включая договорное закрепление деловых обыкновений; г) реализация (в рамках специальных юридических процедур) правовых и локальных норм и условий договоров.

На основе проведенного анализа можно высказать суждение о том, что гражданско-правовое регулирование отношений по приемке товаров предполагает закрепление в праве специального правового режима приемки, который осуществляется на нормативном, локальном и договорном уровнях. При этом правовой режим приемки товаров можно понимать как выраженные в праве (закрепленные в соответствующих нормах) особенности приемки как юридической процедуры.

Пристатейный библиографический список

1. Андреева Л. В. Коммерческое (торговое) право: учебник. - М.: КНОРУС, 2020. - 328 с. / Информационный банк «Постатейные комментарии и книги Справочно-правовой системы «Консультант плюс».
2. Коммерческое право России: учебник / Б. И. Пугинский. – 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2019. - 471 с.
3. Станкевич Н. Г. Коммерческое право: Тексты лекций. - Гродно: ГрГУ, 2002. - С. 137-142.
4. Сметанников А. Проблемы проверки товара по качеству при его приемке или в пределах гарантийного срока // Хозяйство и право. - 2007. - № 3. - С. 61-67.

5. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. - Свердловск. 1972. - С. 69.
6. Илюшина М. Н., Челышев М. Ю., Ситдикова Р. И. Коммерческое право: Учебное пособие; Практикум; Учебная программа / Под ред. Н. А. Баринова. - М.: Юрайт-Издат, 2002. - С. 155.
7. Давыдова Г. Н. Юридические процедуры в гражданском праве (Общая характеристика): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. - Казань, 2004. - С. 8.
8. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. - М.: Издательство: Статут, 2020. - 351 с.
9. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. - М.: Статут, 2020. - С. 401.
10. Челышев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03. - Казань, 2008. - С. 95.
11. Илюшина М. Н., Челышев М. Ю., Ситдикова Р. И. Указ. соч. - С. 156.
12. Механизм правового регулирования может быть определен как взятая в единстве система правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения / Алексеев С. С. Общая теория права / - М.: Издательство: «Проспект», 2011. - 576 с.
13. Илюшина М. Н., Челышев М. Ю., Ситдикова Р. И. Коммерческие сделки: теория и практика: Учебно-практическое пособие / Под общ. ред. М. Н. Илюшиной. - М.: РПА МЮ РФ, 2005.
14. Иоффе О. С. Обязательственное право. - М.: Госюриздат, 1975. - С. 64.
15. Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных обязательствах. - М.: Юрид. лит., 1984. - С. 140.
16. Вишнякова Н. А. Порядок приемки лекарственных средств специального назначения и вспомогательных веществ по количеству и качеству // Право: теория и практика. - 2004. - № 3. - С. 20-23.
17. Хозяйственное право Украины / Несинова С. В., Воронко В. С., Чебикина Т. С. / Под. ред. С. В. Несиновой. - К.: Центр учебной литературы, 2012. - 564 с.

КИТАЕВА Алина Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

К ВОПРОСУ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ТРУДА

В статье рассматриваются юридические особенности организации дистанционного труда, даётся характеристика принципиально новым положениям законодательства в части регулирования дистанционной работы. Подчёркивается значимость наличия трудового начала в порядке дистанционного найма, что способствует развитию данных форм взаимодействия работодателей и работников.

Ключевые слова: организация труда, дистанционный труд, Трудовой кодекс Российской Федерации, специфика дистанционного труда, правовое регулирование.

KITAEVA Alina Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Professional disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF THE ORGANIZATION OF DISTANCE LABOR

The article discusses the legal features of the organization of remote work, characterizes the fundamentally new provisions of the legislation regarding the regulation of remote work. The importance of having a work start in the order of remote hiring is emphasized, which contributes to the development of these forms of interaction between employers and employees.

Keywords: labor organization, remote labor, Labor Code of the Russian Federation, specifics of remote labor, legal regulation.

В условиях современности сфера труда дистанционных работников характеризуется большим количеством вопросов и вытекающих отсюда проблем. Ряд из них касаются организационных аспектов, однако наиболее проблемной областью является правовое регулирование. По данной причине актуализируется исследование юридических особенностей организации дистанционного труда.

Процесс стремительного развития современных информационных и телекоммуникационных технологий привел к глобальным трансформациям на рынке труда. Появилась возможность иначе организовывать трудовую деятельность, достигая значительной экономии на аренде офисных помещений, организации рабочих мест и затратах. Дистанционный формат работы предоставил возможность работодателям нанимать лучших специалистов, которым не нужно организовывать переезд, менять привычный уклад жизни. В свою очередь, работникам представилась возможность трудиться удаленно по индивидуальному графику, проводить больше времени с семьей.

Применительно к форме организации труда на базе дистанционного сотрудничества и целевого характера действий между работодателем и работником нам видится целесообразным предусмотреть выделение ряда ключевых сторон: юридической, экономической и технической. По справедливому замечанию Е. В. Оганезовой, экономическая и техническая стороны дистанционного труда в должной степени не раскрывают специфику его организации со стороны правовых отношений, которые изначально формируются между работодателем и работником. Поэтому весьма важно исследование юридической стороны [3, 238]. Юридическая сторона дистанционного труда зафиксирована и определена статьей 312.6 Трудового кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой как у работника, так и у работодателя возникает совокупность ответных прав и обязанностей [1].

В организационном контексте с учётом юридических аспектов дистанционный труд характеризуется двумя базовыми отличительными признаками. Сущность первого признака заключается в том, что выполнение работы реализуется в удалённом формате от работодателя, каких-либо структурных подразделений, вне филиала либо представительства; кроме того, исключается выполнение трудовых обязательств на специализированных рабочих местах, на территории или объекте, которые так или иначе связаны с

работодателем. Сущность второго признака заключается в том, что выполнение трудовых обязательств осуществляется посредством использования информационно-коммуникационных технологий. При этом следует отметить, что российским законодателем не была предусмотрена частичная трудовая занятость на дистанционной основе в отличие от многих государств как Старого, так и Нового Света.

В нашей стране дистанционный труд по-прежнему принадлежит к числу относительно новых явлений. В Трудовом кодексе Российской Федерации нормы, регламентирующие труд дистанционных работников, появились только в апреле 2013 года. Достаточно давно законодатели начали заявлять о потребности в урегулировании подобной формы труда, так как она в условиях современности приобретает все большую популярность.

Специфика дистанционного труда получила своё отражение в статье 312.1 ТК РФ [1]. Ранее до внесения поправок в ТК РФ в качестве одной из форм надомного труда выделялась дистанционная занятость, однако мир меняется и законодатель, отвечая потребностям времени, вывел дистанционный труд в отдельную категорию занятости. Правомерность исполнения и использования договоров гражданско-правового характера имеет важное значение для обособления дистанционной занятости и схожих правовых отношений.

При введении новой главы в ТК РФ (49.1) актуализировалось множество вопросов организационного характера:

- какой именно режим труда требуется установить в отношении дистанционных работников;
- каким образом следует осуществлять контроль за процессом работы дистанционных работников;
- каким образом и за что именно применять меры дисциплинарных взысканий к дистанционным работникам.

На представленные выше проблемные вопросы трудовое законодательство России и прочие нормативные правовые акты не дают отчётливых ответов. В связи с этим, можно утверждать, что в трудовом законодательстве нашей страны трудовые отношения с дистанционными работниками остаются не до конца урегулированными нормами права. Вероятно, в ближайшей перспективе законодатель урегулирует сложившуюся ситуацию посредством принятия норм, являющихся, в том числе, и ответами на вопросы, которые напрямую связаны с трудом дистанционных работников.

Составная сторона дистанционного труда характеризуется тем, что работник обязуется: качественно и своевременно выполнять порученную ему работу и выгружать её результаты в серверы компании или иные информационные базы работодателя; выполнять собственные трудовые функции согласно трудовому договору и должностной инструкции, закрепляющей полномочия, функции, задачи и должность работника; вовремя предоставлять работодателю все запрошенные им документы или личные справки в порядке, предусмотренном ими; быть на связи в рабочее время, заранее оговоренное между сторонами. В свою очередь, работодатель при дистанционном сотрудничестве возлагает на себя такие обязательства, как: оборудование рабочего места техникой и программным обеспечением; предоставление доступа к информации, необходимой в рабочем процессе работнику; совершенствование средств связи и коммуникации в отношении работника; своевременная выплата заработной платы работнику за отработанное время и выполненные задачи согласно внутренним положениям организации, табелю рабочего времени и других форм отчетности; защиты информации согласно внутренним нормам и правилам организации; предоставление ежегодного оплачиваемого отпуска или отпуска по временной нетрудоспособности согласно положениям Трудового кодекса Российской Федерации.

Существует важный нюанс для понимания, что выполнение работы происходит также и через сети связи общего пользования, характеристика которых отражается в Федеральном законе от 07.07.2003 года № 126 «О связи» [2]. Как отмечают М. Н. Погорилая, И. В. Кручек, связи общего пользования являются определяемыми территориально либо не определяемыми сетями электросвязи, которые обслуживаются на конкретных территориях, обладают ресурсной нумерацией. Также речь идёт о связях, которые представляется возможным определить лишь за счёт технологии реализации оказания услуги связи [4, с. 178]. Так, сеть связи общего пользования по их сущностному содержанию целесообразно определить как цельную систему взаимодействующих друг с другом сетей электросвязи. На этой основе процесс взаимодействия между работником и непосредственным работодателем может реализовываться с помощью аудио- либо видео-звонков, посредством применения различных мессенджеров. Благодаря сетям связи возможно обмениваться файлами почти всех форматов.

Помимо внесения корректив в ряд статей главы 49.1 Трудового кодекса РФ, которые уточняют вариативность способов взаимодействия работодателя и дистанционного работника на этапе заключения и (либо) изменения трудового договора в процессе выполнения последним своих трудовых функций, данная глава дополнена статьями, закрепляющими перечень дополнительных гарантий касательно оплаты труда дистанционных работников [1], включая отдельные выплаты в виде компенсаций, обеспечение его за счет средств работодателя оборудованием, программно-техническими и прочими требуемыми для выполнения работы средствами. Е. В. Оганезова отмечает, что при дистанционной работе проявляются ключевые характеристики трудового правоотношения. Речь идёт о:

- длящемся, сложном, возмездном, фидуциарном характере;
- основном объекте, в качестве которого по-прежнему выступает собственно процесс труда, а не результат;
- работнике, который интегрируется в трудовой коллектив на базе специальных IT-технологий [3, с. 239].

Представляется, что в контексте главы 49.1 ТК РФ понятие «рабочее место» в ряде случаев используется в научной юридической литературе не в традиционном юридическом смысле, а, скорее, в физическом смысле: речь идёт о «рабочей зоне» дистанционного работника, просторстве для трудовой деятельности в связи с тем, что рабочее место может перемещаться из домашних помещений работника в библиотеку, учебное заведение, парковую зону и т.д. В связи с отмеченным, целесообразно заметить, что дистанционная форма занятости предоставляет достаточно скромные воз-

можности для обеспечения непосредственного контроля за рабочим местом работника.

Также следует отметить, что в ряде компаний положения о дистанционной форме труда представляются локальными документами, которые сформированы самой организацией для констатации конкретных вопросов касательно порядка работы и отдыха работников. С целью модернизации и уточнения условий подобной работы в данных положениях фиксируются: электронные подписи и перечень сотрудников, наделяемых полномочиями в их использовании; разновидности документов, которые можно подписывать электронным способом и в дистанционном формате; порядок взаимодействия между работником и работодателем в условиях неличных контактов – в этом случае речь идёт о специальных внутренних серверах либо социальных площадках; сроки работы и сотрудничества в таком формате; наложение обязанностей на работодателя касательно компенсации трат, которые сопряжены с организацией рабочего места и пользованием платными услугами работника; порядок обеспечения работника техникой, а также оборудованием.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. Невзирая на существенные трансформации в трудовом законодательстве, ориентированные, прежде всего, на сведение к минимуму рисков сверх эксплуатации дистанционных работников, использование дистанционного труда, как нам видится, смещает акценты с регламентации процесса труда, который является основным элементом в характеристике трудовых отношений, на результат труда, на соблюдение сроков выполнения заданий работодателей. И отечественные, и зарубежные учёные приходят к осознанию того, что нетипичные форматы занятости формируют почву для инициирования неустойчивой занятости, которая предполагает краткосрочный характер трудовых отношений, а, следовательно, и снижение уровня страховых социально-обеспечительных предоставлений.

Как нам представляется, значимость последующих исследований юридических особенностей организации дистанционного труда обусловлена не только вынужденной потребностью в переводе многих работников на дистанционный формат работы в условиях борьбы с распространением пандемии COVID-19, но и новшествами в законодательном урегулировании дистанционного труда, а также инновационными возможностями, которые предоставляются в рамках стремительного развития цифровых технологий во всех сферах общественной жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 06.10.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
2. Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О связи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 28. – Ст. 2895.
3. Оганезова Е. В. Юридические особенности регулирования труда дистанционных работников // Вопросы устойчивого развития общества. – 2020. – № 6. – С. 238-242.
4. Погорилая М. Н., Кручек И. В. К вопросу о юридических особенностях организации дистанционного труда // Modern Science. – 2021. – № 2-2. – С. 175-180.

МАЛКЕРОВ Виктор Борисович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного экономического университета

ПРОБЛЕМАТИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

В работе произведен анализ существующей системы нормирования трудозатрат в высших учебных заведениях. Отмечается, что передача полномочий по такому нормированию самой организации содержит предпосылки для определенных злоупотреблений и к снижению результатов работы учебного заведения. В статье приводятся подобные примеры. Автор формулирует предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: преподавательский состав, нормирование труда, премиальное вознаграждение.

MALKEROV Viktor Borisovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Ural State University of Economics

PROBLEMS OF REGULATION OF LABOR RELATIONS OF THE TEACHING STAFF OF A HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

The paper analyzes the existing system of rationing labor costs in higher educational institutions. It is noted that the transfer of powers for such rationing of the organization itself contains prerequisites for certain abuses and to reduce the results of the work of the educational institution. The article provides similar examples. The author formulates proposals for improving legislation

Keywords: teaching staff, labor rationing, bonus remuneration.

Либерализация экономических отношений, осуществленная при переходе к новому типу экономики, затронула и сферу трудовых правоотношений. Многие вопросы, которые при плановой экономике регулировались в централизованном порядке, в настоящее время решаются работником и работодателем самостоятельно. Децентрализация регулирования отношений в сфере труда обусловила и усиление роли локальных нормативных актов. Данная тенденция характерна так же для высших учебных заведений. В рамках данной статьи хотелось бы остановиться на некоторых негативных аспектах, обусловленных значительной свободой, предоставленной вузам, для организации учебного процесса, для избрания наиболее эффективной системы регулирования трудовых отношений преподавательского состава на локальном уровне. Следует отметить, что предоставленные права вузам могут быть использованы не только для повышения эффективности деятельности организации, но и для выстраивания определенных криминальных схем. В качестве примера можно сослаться на уголовное дело, которое было возбуждено по фактам выявленных злоупотреблений в московском филиале РАНХиГС. Были обнаружены случаи фиктивного трудоустройства преподавателей, заработная плата которым начислялась и присваивалась отдельными руководителями института. Сотрудники института участвовали в различных схемах по организации поборов в вузе, а лица отказывавшиеся принимать участие в этом подвергались административному давлению¹. Организации такой масштабной системы финансовых злоупотреблений, скорее всего, предшествовали другие, более мелкие нарушения, выявление которых крайне затруднительно, поскольку сложившиеся реалии предопределяют их высокую степень латентности. К таким нарушениям можно отнести факты «откатов» премиального вознаграждения. Согласно статье 135 Трудового Кодекса РФ, системы оплаты труда организации устанавливают самостоятельно, при этом данная система оплаты труда должна лишь учитывать те минимальные, базовые гарантии, установленные статьей 130 ТК России. Во многих вузах и других организациях принятая на локальном уровне система премирования позволяет руководителям структурных подразделений по своему усмотрению распределять премиальный фонд среди своих подчиненных. Предполагается, что данная система является эффективной и прогрессивной. Ведь пре-

жде всего непосредственный руководитель в наибольшей степени осведомлен обо всех аспектах социальных, психологических и иных отношений, сложившихся в коллективе. На него возлагаются задачи по достижению необходимых показателей вверенной для руководства структуры. Следовательно, передача руководителю структурного подразделения всех полномочий для распределения премиального фонда между подчиненными сотрудниками является верным управленческим решением. Однако, возникает вопрос, возможно ли построение таких схем, когда руководитель структурного подразделения был бы ориентирован на то, чтобы присвоить себе полностью или частично предназначенный для подчиненных премиальный фонд посредством выстраивания схем с «откатами»? Предпосылок для этого может быть много. Например, достижение приемлемых для структурного подразделения показателей возможно добиться и без использования премиального стимулирования, наказание за недостижение запланированных показателей структурой не так значительно в сравнении с теми выгодами, которые лицо получит, выстраивая систему «откатов», вышестоящие руководители, оценивающие деятельность руководителя структурного подразделения, сами вовлечены в систему «откатов» и так далее. Следует отметить, что злоупотребления, связанные с распределением премиального фонда, наверняка являются чрезвычайно латентными в силу множества причин. Это и слабая заинтересованность правоохранительных органов в выявлении таких мелких нарушений, трудность в доказывании факта злоупотребления, нежелание работника оказываться в центре разбирательства и др. Однако, отсутствие реакции на малозначительное деяние может привести к выстраиванию более масштабной криминальной схемы, как, например, в вышеприведенном факте о московском филиале РАНХиГС. Следует признать, что злоупотребления предоставленными правами в сфере регулирования трудовых отношений преподавательского состава могут возникнуть не только при распределении премиального вознаграждения, но и при распределении других ресурсов. Примером этому может служить получивший широкую огласку конфликт в уральском филиале РАНХиГС в г. Екатеринбурге². Вновь назначенный ректор филиала, пытаясь улучшить показатели организации, стал внедрять новые

1 ФСБ завершила расследование дела о миллионных аферах в РАНХиГС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2021/11/29/barziz/> (дата обращения: 15.01.2022).

2 Кухня серпентария ВУЗов – изнутри. На примере Уральского филиала РАНХиГС, в подробностях. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://varjag2007su.livejournal.com/6939131.html> (дата обращения: 27.01.2022).

механизмы стимулирования преподавателей и других сотрудников, что вызвало сильное раздражение у значительной части работников. Внедрение иных показателей стимулирования в рамках примерно одного бюджета организации неизбежно приводит к перераспределению ресурсов от одной группы работников к другой, что и явилось одной из причин конфликта. Специфика учебного заведения заключается в том, что значительную роль в управлении вуза играют общественные организации, например ученый совет вуза. Как правило, туда избираются лица из преподавательского состава, которые занимают должности заведующих кафедр, профессоров и так далее. Очень часто, это люди, которые уже имеют определенные научные и административные достижения. Ученые советы многих вузов обладает высокой степенью возможностей по влиянию не только на установление системы оплаты труда в организации, но и на распределение других ресурсов учебного заведения между сотрудниками. Например, определению трудоемкости того или иного вида учебной нагрузки. Речь идет о соотношении в часах таких разных видов нагрузки как лекции, семинарские и практические занятия, письменные контрольные и курсовые работы, дипломные проекты, практики, экзамены, зачеты и так далее. Так согласно п. 6.4 Приказа Министерства образования и науки Российской Федерации № 1601 от 22.12.2014 г. нормы времени по различным видам учебной деятельности высшее учебное заведение определяет самостоятельно в локальных нормативных актах. Есть основания предполагать, что члены ученого совета могут участвовать в вынесении управленческого решения по данным вопросам с учетом собственных интересов. Являясь руководителями структурных подразделений, например кафедры, члены ученого совета имеют возможность распределять нагрузку между сотрудниками кафедры с учетом возможности запланировать и себе лично удобную структуру нагрузки. Имеется в виду то, что один преподаватель в большей степени занят работой в аудитории читая лекции, проводя семинарские и практические занятия, а другой занят проверкой письменных работ, руководит различными видами практик, дипломными проектами и тому подобное. Кроме того, помимо возможности лично себе запланировать удобную нагрузку, определение структуры нагрузки сотрудникам кафедры является для руководителя, наряду с возможностью распределения премиального вознаграждения, инструментом по управлению сотрудниками данной структурной единицы.

Автор данной статьи анализировал все материалы по поводу конфликта между ректором и частью преподавателей в уральском филиале РАНХиГС, имевшиеся в сети интернета, а также беседовал с преподавателями этого учебного заведения, имеющих противоположные точки зрения по данному вопросу. Если очень коротко охарактеризовать суть позиций, то они сводятся к следующему: сторонники ректора считают, что сложившаяся элита преподавательского состава проводит такие управленческие решения, которые позволяют им получать более высокую заработную плату и иметь более выгодную структуру нагрузки. Это достигается путем завышения роли прежних достижений и минимизирования роли текущих показателей. При этом другая часть преподавателей дискриминируется и теряет стимул к добросовестному выполнению своих обязанностей. Негативным моментом является и то обстоятельство, что условная «элита» преподавательского состава заинтересована в том, чтобы остальные преподаватели не имели высоких научных достижений и заинтересованы в увольнении или не принятии на работу возможных конкурентов, имеющих высокий научный потенциал, но пока еще не успевших получить формальных научных регалий. Противники считают, что увлечение текущими показателями, например количество научных публикаций за данный год, в ущерб тех показателей, которые были достигнуты ранее, может привести лишь к достижению временного улучшения показателей организации, с тенденцией к развитию глубокого кризиса в вузе. По их мнению, теряется смысл достижения фундаментальных личных достижений, например защиты докторской диссертации, коль скоро впоследствии на статус преподавателя это будет влиять мало, а написание и защита такой диссертации ведет к потере временного ресурса и снижает текущие показатели. Предполагается, что факт защиты докторской диссертации или получение сопоставимого научного достижения в прошлом, доказывает высокий уровень квалификации такого работника, его ценность для вуза. Следовательно, такой преподаватель должен иметь преференции перед другими со-

трудниками в силу обладания научного потенциала, который не обязательно выражается в формальных показателях, а выражается в способности дать консультацию менее опытному сотруднику, в способности принимать верные стратегические решения при участии в управлении вузом, в формировании микроклимата учебного заведения и так далее. Отмечая определенную правоту сторонников той или иной точки зрения, автор хотел бы отметить, что баланс между ними найти достаточно сложно. Следовательно, в зависимости от целого ряда субъективных обстоятельств, в том или ином вузе будет преобладать первая или вторая точка зрения, а игнорирование позиции другой стороны приведет к снижению научного потенциала учебного заведения, поскольку в любом случае, какая-то категория преподавательского состава будет чувствовать себя ущемленными в своих правах. А, как следует из определенных научных исследований, если работник считает, что его труд оценивается несправедливо, он начинает показывать более низкие производственные результаты³. По мнению автора, в большинстве высших учебных заведений, традиционно преобладают сторонники второй, «консервативной», точки зрения. Ее противники могут проводить свои решения очевидно тогда, когда будут поддержаны ректором вуза, как в вышеприведенном примере. Возможно ли внутри вуза найти самостоятельный оптимальный баланс между позициями сторон в аналогичных вышеописанному конфликтах? При этом под оптимальным решением понималась бы такое, которое в наибольшей степени способствовало бы раскрытию потенциала всего преподавательского состава вуза и как следствие достижение организацией максимально возможных результатов. Однозначного ответа на этот вопрос нет. По мнению автора данной статьи, можно лишь предположительно что-то утверждать исходя из определенных ковенных данных. Например, по общему уровню правосознания, терпимости к коррупции и так далее в нашем обществе. В России с этим не все благополучно. Существуют проблемы «серой зарплаты», уклонения от налогов. По оценке международной организации Transparency International Россия в 2018 году занимала 138 место в мире по уровню терпимости к коррупции [2]. Можно вспомнить о том, что в России высокий уровень теневой экономики, низкая собираемость налогов. Отмечалось, что по уровню теневой экономики Россия опережает даже ряд стран Африки [1]. Таким образом, можно предположить, что исходя из общего уровня правовой культуры, сторонники разных точек зрения на проблематику управления организацией будут исходить не из интересов данной организации, а исходя из собственных интересов. Отсюда можно сделать предположение, что высокий уровень самостоятельности вузов в вопросах нормирования труда может быть и не благом для системы высшего образования в целом. По мнению автора, хотя бы в государственных высших учебных заведениях нормирование преподавательской нагрузки, то есть определение трудозатрат по различным видам преподавательской деятельности, должно производиться в централизованном порядке. Это должно способствовать снижению уровня конфликтности между сотрудниками вуза, снижению возможностей по выстраиванию криминальных схем, повышению показателей работы членов трудового коллектива из числа профессорско-преподавательского состава. При положительной оценке данной новации, подобную практику можно было бы распространить и на негосударственные вузы.

Пристатейный библиографический список

1. Долбилкин А. В., Петровнина А. М. Особенности теневой экономики в Российской Федерации // Наукосфера. - 2021. - № 7-2. - С. 287.
2. Шеншин А. В., Гордиенко У. Н., Коррупция как угроза национальной безопасности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2021. - № 2 (51). - С. 28.

3 Теория справедливости Стейнса Адамса. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lifemotivation.online/razvitie-lichnosti/samorazvitie/teoriya-spravedlivosti-adamsa> (дата обращения: 27.01.2022).

АНИСИМОВА Мария Алексеевна

магистрант 2 курса направления «Международные финансы и банки» Факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ESG-БАНКИНГА С УЧЕТОМ МИРОВОГО ОПЫТА

В статье анализируются подходы к регулированию ESG-банкинга в России на основе мировых и, в особенности, европейских практик. Российское законодательство в данной сфере формируется с отставанием от мировых тенденций, тем не менее, повестке ESG в банковском секторе уделяется все большее внимание. В статье рассматриваются понятия «Принципов Экватора» как основы международного права в сфере ESG, а также понятие «Принципов ответственного банковского дела» как нового этапа развития регулирования ESG-банкинга. Исследована проблема важности внедрения ESG-принципов в российском банковском секторе. На текущий момент Банк России понимает значимость внедрения и реализации принципов устойчивого развития, как в собственной операционной деятельности, так и в деятельности коммерческих банков для повышения их репутации и устойчивости на мировой арене.

Ключевые слова: принципы устойчивого развития; принципы ESG; ESG-банкинг; регулирование ESG-банкинга.

ANISIMOVA Mariya Alekseevna

magister student on the direction "International finances and banks" of the Faculty of International Economic Relations of the Financial University under the Government of the Russian Federation

REGULATION OF ESG-BANKING IN RUSSIA BASED ON INTERNATIONAL EXPERIENCE

The article analyzes approaches to the regulation of ESG banking in Russia based on world and, in particular, European practices. Russian legislation in this area is being formed with a delay due to faster implementation of the principles in global banking. Nevertheless, even more attention is being paid to the ESG agenda in the banking sector. The article discusses the concepts of "Equator Principles" as the basis of international law in the field of ESG, as well as the concept of "Principles of Responsible Banking" as a new stage in the development of ESG banking regulation. The role of ESG principles implementation in the Russian banking sector is investigated. At the moment, the Bank of Russia understands the importance of introducing and implementing the principles of sustainable development both in its own operational activities and in the activities of commercial banks to improve their reputation and stability on the world stage.

Keywords: principles of sustainable development; principles of ESG; ESG-banking; ESG-banking regulation.

На современном этапе внедрение принципов ESG в практику стало неотъемлемой частью банковского дела. Долгое время банки не были вовлечены в повестку устойчивого развития и его регулирования, поскольку непосредственное воздействие банков на элементы экологической (E — environmental), социальной (S — social) и управленческой (G — governance) ответственности ограничено.

Однако со временем оценка ESG-рисков стала необходима, поскольку они участвуют в цепочке создания стоимости. Реализуя различные финансовые инструменты, банки могут оказывать влияние на климатические, экологические, социально-экономические аспекты. Кроме того, при участии банковского сектора и его поддержки за счет финансирования реализуются экологически- и социально значимые проекты, проекты по развитию чистой энергии и современных технологий, что направлено на соблюдение целей устойчивого развития.

В российской практике принципы ESG еще находятся на начальных этапах своего внедрения в регулирование банковской деятельности. При этом изначально крупнейшие банки были вынуждены начать соблюдать международные и национальные стандарты европейских и других стран в связи с требованиями своих клиентов.

Таким образом, регулирование ESG в российском банковском секторе первое время основывалось на зарубежных стандартах и принципах. Прежде всего, к ним можно отне-

Анисимова М. А.

сти принятые в 2003 году «Принципы Экватора», которые формируют основу для оценки рисков ESG при реализации финансирования инфраструктурных проектов. Данные Принципы установили необходимость прозрачности при их реализации, а также были основаны на стандартах Всемирного банка.

Одним из недавних нововведений в практику регулирования ESG-банкинга в мировом праве стали «Принципы ответственного банковского дела», которые включают в себя 6 основных руководящих принципов, направленных на повышение эффективности функционирования банковского сектора, установление эффективного управления и ответственного банковского дела, а также повышение прозрачности и подотчетности при реализации финансирования банками различных проектов. Данные принципы включают:

- Настройку - установление соответствия стратегии банка Целям устойчивого развития, Парижскому соглашению по климату и другим международным и национальным стандартам,
- Воздействие и целеполагание – установление целевых направлений, в которых будет происходить увеличение положительного воздействия и снижение негативного воздействия на элементы ESG,
- Клиенты и контрагенты – установление ответственной работы с клиентами и контрагентами банка для соблюдения принципов ESG,

- Стейкхолдеры – установление эффективного взаимодействия со всеми заинтересованными сторонами,
- Корпоративное управление и культура – внедрение принципов ответственного банкинга в корпоративное управление и бизнес-культуру,
- Прозрачность и подотчетность – повышение прозрачности банковской деятельности, установление принципов раскрытия информации [4].

В 2021 году «Принципы ответственного банковского дела» были подписаны тремя российскими банками: ПАО «Сбербанк», ПАО «Совкомбанк» и ПАО «КБ «Центр-инвест» [1].

В мировых масштабах ESG-банкинг демонстрирует высокие показатели. С 2017 по 2020 год подразделения по вопросам ESG увеличились на 230 % в 30 крупнейших финансовых институтах по управлению активами. Потенциальный инвестиционный капитал при переходе к реализации ESG принципов составляет 50 трлн долл., при этом только за 4 квартал 2020 года 152 млрд долл. было инвестировано в ESG-фонды, из которых около 80 % пришлось на европейские фонды [4].

Высокая роль европейского сегмента в ESG-банкинге основана на том, что в Европе вопросам устойчивого развития уделяется максимальное внимание, а реализация проектов формирования устойчивой экономики началась давно и более детально проработана в законодательной базе.

Именно поэтому опыт регулирования ESG-банкинга в Европе является особенно актуальным, на который во многом ориентируется российская практика. Кроме того, актуальность европейских принципов для российских банков основана также на более тесных взаимосвязях между Европой и Россией. Крупные нефтегазовые проекты реализуются в данном регионе, налажены тесные торговые связи, поэтому многие клиенты и контрагенты российских банков должны соблюдать принципы устойчивого развития, установленные в Европе для доступа на ее рынок.

В 2014 году была утверждена Директива ЕС по нефинансовой отчетности, которая установила требования раскрытия информации по социальному и экологическому воздействию на окружающую среду. При этом данная Директива постоянно пересматривается и актуализируется [5].

В декабре 2019 года в ЕС была утверждена «Зеленая сделка» – документ, нацеленный на снижение выбросов CO₂ на ближайшие 30 лет.

В 2021 году важным обновлением регулирования в Европе стало принятие решения о необходимости соответствовать постановлению о раскрытии информации об устойчивом финансировании.

Таким образом, все европейское законодательство в сфере ESG-банкинга направлено на соблюдение принципов устойчивого развития, более масштабного внедрения ESG-принципов в банках, а также повышение прозрачности и подотчетности их деятельности [6].

Российское законодательство в данной сфере не является столь же детально проработанным, кроме того, принципы ESG-банкинга еще не охватили всех участников рынка. На текущий момент менее 30 % участников банковского сектора активно участвуют в ESG-повестке [1], однако прогнозируется существенный рост масштабов деятельности в данном направлении в ближайшие три-пять лет. Постепенно происходит установление институциональных предпосылок для наращивания деятельности в направлении соблюдения принципов устойчивого развития – создаются ESG-подразделения и отделы в банках, предлагаются новые «зеленые» банковские продукты и финансовые инструменты, формируются отчеты, соответствующие международным, европейским и российским принципам раскрытия информации в сфере ESG [2].

В целом российское регулирование ESG-банкинга идет во многом с отставанием от международных стандартов. Однако постепенно происходит все более активное законодательное регулирование по соблюдению принципов устойчивого развития в банковском секторе.

В конце 2021 года Банк России сформировал дорожную карту ключевых тактических целей в области устойчивого развития российского банковского сектора на ближайшие три года и на перспективу до 2030 года [3].

До 2024 требуется сформировать необходимую инфраструктуру, создать инструменты для финансирования проектов в области устойчивого развития, стимулировать применение корпоративных принципов, необходимых для усиления роли ESG. Формируются требования и инструменты для регулярного контроля и мониторинга климатических рисков, для внедрения принципов устойчивого развития в деятельности как Банка России, так и коммерческих банков. Приверженность Банка России принципам ESG будет способствовать улучшению репутации Банка России и всего российского банковского сектора на международной арене.

Однако одним из актуальных вопросов остается определенная неравномерность проработки отдельных направлений ESG в законодательном регулировании. Исторически экологические аспекты были более детализировано рассмотрены, за счет включения их во многие природоохранные нормативно-правовые акты.

При этом в 2020 году значимость социального направления ESG возросла на фоне пандемии коронавируса, которая продемонстрировала актуальность и остроту социальной повестки. Именно поэтому на текущий момент все большее внимание как в российской, так и зарубежной практике уделяется необходимости разработке проектов по поддержке социально значимых аспектов ESG-банкинга.

Пристатейный библиографический список

1. Для России переход к ESG-банкингу – вопрос времени. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://asros.ru/news/opinions/dlya-rossii-perekhod-k-esg-bankingu-vopros-vremeni/>.
2. Недорезков В.В. ESG-принципы в деятельности российских кредитных организаций // Развитие рынков «зеленого» финансирования в России и мире. - 2020. - С. 71-74.
3. ЦБ определился с ESG-повесткой на ближайшие три года, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://frankrg.com/54505>.
4. ESG-банкинг в России. Исследование, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/esg-banking-russia.pdf>.
5. Batae, Oana & Feleaga, Liliana & Dragomir, Voicu. (2020). Environmental, social, governance (ESG), and financial performance of European banks. *Journal of Accounting and Management Information Systems*. 19. 480-501. 10.24818/jamis.2020.03003.
6. Bruno, Michelangelo & Lagasio, Valentina. (2021). An Overview of the European Policies on ESG in the Banking Sector. *Sustainability*. 13. 12641. 10.3390/su132212641.

БОГУСЛАВСКАЯ Наталья Ароновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и финансового права Юридического факультета Хабаровского государственного университета экономики и права

Богуславская Н. А.

ФИНАНСОВАЯ ОСНОВА ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ «СИРИУС»

В статье рассматриваются актуальные положения законодательства, регулирующие финансовую основу федеральной территории «Сириус», автором дано определение данной категории, раскрыты основные характеристики бюджета федеральной территории на 2022 год, проанализированы изменения в налоговом законодательстве, предложены направления по совершенствованию бюджетного законодательства в отношении федеральной территории «Сириус».

Ключевые слова: финансовая основа, федеральная территория «Сириус», бюджет, межбюджетные отношения, установление и введение налогов, местные налоги.

BOGUSLAVSKAYA Natalya Aronovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional, administrative and financial law sub-faculty of the Law Faculty of the Khabarovsk State University of Economy and law

FINANCIAL BASIS OF THE FEDERAL TERRITORY "SIRIUS"

The article discusses the current provisions of the legislation governing the financial basis of the federal territory "Sirius", the author gives a definition of this category, discloses the main characteristics of the budget of the federal territory for 2022, analyzes changes in tax legislation, suggests directions for improving budget legislation in relation to the federal territory "Sirius".

Keywords: financial basis, federal territory "Sirius", budget, interbudgetary relations, establishment and introduction of taxes, local taxes.

Основы создания федеральной территории были заложены в ч. 1 ст. 67 Конституции РФ¹, дальнейшее развитие и функционирование федеральных территорий нашло отражение в Федеральном законе от 22.12.2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»² (далее – Федеральный закон №437-ФЗ). Особенности правового статуса федеральной территории исследуются и в научной литературе [1, 2]. Как справедливо отмечают Н.В. Васильева, С.В. Праскова, Ю.В. Пятковская, в настоящий момент в отечественном государственном управлении не имеется какой-либо целостной концепции федеральных территорий [3].

Федеральный закон № 437-ФЗ не дает определение понятию «финансовой основы федеральной территории», ограничиваясь характеристикой экономической основы федеральной территории. Анализ действующего федерального законодательства, общепринятых научных представлений [4, 5], позволяет сделать вывод, что финансовая основа является составным элементом экономической основы.

Ст. 43 Федерального закона № 437-ФЗ, ст. 3 Устава федеральной территории «Сириус» перечисляет источники формирования финансовой основы федеральной территории «Сириус»: бюджет федеральной территории, включая межбюджетные трансферты, предоставляемые из федерального, регионального (краевой бюджет Краснодарского края) и муниципального бюджетов (бюджет городского округа г. Сочи), добровольные отчисления и

пожертвования и иные источники. Полагаем, что в состав финансовой основы федеральной территории «Сириус» следует включить и налоговую систему. Это обусловлено тем, что к компетенции представительного органа федеральной территории отнесено, в т.ч. установление и введение местных налогов.

В связи с этим, предлагаем следующее определение финансовой основы федеральной территории «Сириус» как комплексного правового института, регулирующего однородные общественные отношения, связанные с образованием, распределением, использованием фонда денежных ресурсов (бюджета) федеральной территории «Сириус», а также отношения, связанные с установлением и введением налогов на федеральной территории.

Характеризуя правовое регулирование бюджета федеральной территории «Сириус», можно выделить следующие особенности: на 2022 год принят первый бюджет федеральной территории³; в переходный период в 2022 году при формировании бюджета федеральной территории «Сириус» не действует ряд положений бюджетного законодательства, в том числе, по вопросу о формировании бюджета федеральной территории «Сириус» на три года (в 2022 году бюджет принят на один год); по распределению бюджетных ассигнований по структурным элементам бюджетной классификации расходов (отсутствует отдельное приложение о распределении по разделам, подразделам бюджетной классификации расходов; ведомственная структура расходов отражена в урезанном виде); по срокам внесения проекта бюджета на рассмотрение представительного органа (вместо внесения проекта бюджета федеральной территории не позднее 30 октября

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> 2020. 04 июля.

2 О федеральной территории «Сириус»: Федеральный закон от 22.12.2020 г. № 437-ФЗ (в действ. ред.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> 2020. 22 декабря; 2021. 01 июля; Устав федеральной территории «Сириус»: решение Совета федеральной территории «Сириус» от 19.11.2021 г. № 1-3/16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cloud01.sochisirius.ru/index.php/s/8jxCiXLa6qzQwbJ#pdfviewer>.

3 Совет федеральной территории «Сириус» принял бюджет на 2022 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sirius-ft.ru/news/80> (дата обращения: 17.02.2022).

текущего года⁴, срок внесения установлен 1 декабря) и ряд других⁵.

Доходная часть бюджета федеральной территории «Сириус» может формироваться из налоговых, неналоговых доходов и безвозмездных поступлений. Анализ бюджета федеральной территории «Сириус» на 2022 год⁶ позволяет сделать вывод, что бюджет является сбалансированным, его доходы и расходы составили 3,37 млрд. рублей; доходы бюджета на 2022 год формируются, в т.ч. из безвозмездных поступлений федерального бюджета и бюджета Краснодарского края (субсидий и субвенций, при этом значительную долю в формировании безвозмездных поступлений составляют субсидии); отсутствует государственный долг федеральной территории; сформирован дорожный фонд федеральной территории⁷, источниками формирования которого являются такие же доходные источники, что и у региональных дорожных фондов; предусмотрен резервный фонд Администрации федеральной территории⁸; расходы бюджета направляются по следующим разделам бюджетной классификации расходов и их доля от общего объема расходов составляет: образование (28,9 %), национальная экономика (24,24 %), общегосударственные вопросы (18,16 %), жилищно-коммунальное хозяйство (12,41 %), физическая культура и спорт (9,7 %), социальная политика (4,51 %), здравоохранение (1,54 %), национальная безопасность и правоохранительная деятельность (0,49 %), охрана окружающей среды (0,04 %), культура, кинематография (0,01 %). Таким образом, основными приоритетными направлениями расходов бюджета федеральной территории «Сириус» на 2022 год являются такие направления как: образование, национальная экономика, общегосударственные вопросы, жилищно-коммунальное хозяйство, что обусловлено целями создания данной территории, предусмотренными в ст.1 Федерального закона № 437-ФЗ. Также к особенностям следует отнести то, что отсутствуют отдельные разделы бюджетной классификации расходов в бюджете федеральной территории, которые предусмотрены в региональных бюджетах.

Специфика межбюджетных отношений, характеризующая особенности правового статуса федеральной территории, заключается, в т.ч. в возможности передачи субвенций на делегированные полномочия региональному, местному бюджету из бюджета федеральной территории; предусмотрен и обратный процесс - передача субвенций из регионального бюджета федеральной территории.

4 Положение об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в федеральной территории «Сириус»: решение Совета федеральной территории «Сириус» от 19.11.2021 г. № 1-3/22. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cloud01.sochisirius.ru/index.php/s/xaAXf4gdoqwj5gX#pdfviewer>.

5 Ст. 10 Федерального закона от 29.11.2021 г. N 384-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2022 году» (в действ. ред.) // Российская газета. 2021. 03 декабря.

6 О бюджете федеральной территории «Сириус» на 2022 год: Решение Совета федеральной территории «Сириус» от 27.12.2021 г. № 1-7/40. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cloud01.sochisirius.ru/index.php/s/kmrpQjaEWMNjQA#pdfviewer>.

7 Положение о дорожном фонде федеральной территории «Сириус»: Решение Совета федеральной территории «Сириус» от 19.11.2021 г. № 1-3/23. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cloud01.sochisirius.ru/index.php/s/HCZiyqRBF2LiioE#pdfviewer>.

8 Средства данного фонда направляются на непредвиденные расходы и иные мероприятия, например на неотложные аварийно-восстановительные работы; восстановление инженерных сетей; оказание материальной помощи малоимущим гражданам, ветеранам, инвалидам; выплату разовых премий гражданам за заслуги перед федеральной территорией и др. направления: Положение о порядке формирования и использования бюджетных ассигнований резервного фонда Администрации федеральной территории «Сириус»: Решение Совета федеральной территории «Сириус» от 19.11.2021 г. № 1-3/24. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cloud01.sochisirius.ru/index.php/s/QHYXLCRbzPnnn5M#pdfviewer>.

В Налоговый кодекс РФ в часть первую в настоящее время внесены изменения, затрагивающие полномочия представительного органа федеральной территории в отношении установления налогов⁹, в т.ч. предусмотрены особенности в части установления региональных налогов (налоговые ставки по ним устанавливаются НК РФ, в отличие от местных налогов, где налоговые ставки устанавливаются нормативным правовым актом представительного органа федеральной территории в порядке и пределах, предусмотренных НК РФ).

Анализ Бюджетного кодекса РФ (далее – БК РФ)¹⁰ позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства, регулирующего финансовую основу федеральной территории «Сириус». Полагаем, что формулировка, изложенная в ст. 8 Бюджетного кодекса РФ о том, что положения, установленные в отношении субъектов РФ распространяются и на федеральные территории (за рядом исключений), недостаточна для регулирования данного вопроса о федеральных территориях. Правовое регулирование финансовой основы федеральной территории обладает определенной спецификой, что обуславливает необходимость внесения изменений в действующее законодательство.

В связи с этим, полагаем, что необходимо внести следующие изменения в бюджетное законодательство:

1) внести изменения в ст. 10 БК РФ и включить в структуру бюджетной системы бюджет федеральной территории «Сириус», расположив его после федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов РФ;

2) включить статью 7.1 в БК РФ о бюджетных полномочиях федеральной территории «Сириус»;

3) включить статью 13.1 в БК РФ, закрепив положения о том, что бюджет федеральной территории предназначен для исполнения расходных обязательств федеральной территории; дополнить ст. 13 БК РФ положением о том, что в состав консолидированного бюджета РФ включается, в том числе, бюджет федеральной территории;

4) необходимо включить главу 7.1 в БК РФ о доходах бюджета федеральной территории и предусмотреть ст. 84.1 БК РФ о расходных обязательствах федеральной территории.

Данные изменения позволят внести ясность, будут отражать системность в правовом регулировании финансовой основы федеральной территории «Сириус».

Пристатейный библиографический список

1. Василькова Е.А. Федеральная территория как вид территориальной организации публичной власти в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2021. - №4-2. - С.33-35.
2. Сибилева А.Ю. К вопросу о правовом статусе федеральных территорий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. - Юридические науки. - 2020. - Т. 6 (72). - №3. - С.49-56.
3. Васильева Н.В., Праскова С.В., Пятковская Ю.В. Конституционный статус федеральных территорий в России: теоретические основы законодательного регулирования // Правоприменение. - 2021. - Т. 5. - № 1. - С. 125.
4. Позднякова Е.В. Финансово-экономическая основа местного самоуправления: проблемы укрепления // Евразийский союз ученых (ЕСУ). - 2015. - № 7-5 (16). - С. 137.
5. Пынчук В.А. Некоторые аспекты совершенствования финансовой основы местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. - 2019. - Т. 1. - № 3. - С. 63.
- 9 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (в действ. ред.) // Российская газета. 1998. 06 августа; 2021. 03 декабря.
- 10 Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. (в действ. ред.) № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru 2021. 29 ноября.

КОМАРОВА Людмила Викторовна

доктор философских наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Кубанского государственного университета

ФАРИКОВА Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия

МЕСТО ИНСТИТУТА ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА

В статье исследуется правовая основа финансового контроля в России. Проанализированы основные научные подходы к определению понятия и границ финансового контроля. Охарактеризовано законодательное регулирование финансово-контрольной деятельности органов публичной власти и негосударственных структур. На основе анализа содержания финансового контроля и правовой основы его осуществления разработаны подходы к определению места института финансового контроля в системе российского права на современном этапе.

Ключевые слова: государственное управление, государственный контроль, финансовое право, финансовый контроль, аудит.

KOMAROVA Lyudmila Viktorovna

Ph.D. in philosophical sciences, Ph.D. in Law, associate professor, professor of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Kuban State University

FARIKOVA Ekaterina Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the North-Caucasus branch of the Russian State University of Justice

THE PLACE OF THE FINANCIAL CONTROL INSTITUTE IN THE SYSTEM OF RUSSIAN LAW

The article discusses the legal basis of financial control in Russia. The main scientific approaches to the definition of the concept and boundaries of financial control are analyzed. The legislative regulation of financial and control activities of public authorities and non-state structures is characterized. Based on the analysis of the content of financial control and the legal basis for its implementation, approaches have been developed to determine the place of the institution of financial control in the system of Russian law at the present time.

Keywords: public administration, state control, financial law, financial control, audit.

В условиях развития рыночной экономики и построения правового государства в России особую актуальность обретают вопросы государственного управления в сфере финансовых правоотношений. В современных реалиях одним из ключевых направлений государственного управления становится финансовый контроль, который имеет своим назначением регулирование и упорядочение отношений в области финансовых ресурсов. Как пишет Л.В. Комарова, современная модернизация в России может быть описана как многоуровневый асинхронный процесс, сопровождающийся конфликтами интересов [7]. Те препятствия и барьеры, с которыми сталкивается современная российская экономика, требуют совершенствования правовой основы финансового контроля ввиду значимости отношений, регулируемых нормами публичного права, для общественного развития в целом и преодоления проблем экономической системы в частности. Помимо этого, в научной литературе справедливо отмечается, что «эффективность развития механизма государственного финансового контроля является и критерием, и условием развития гражданского общества и правового государства» [6]. Рассматривая финансовый контроль как разветвленную систему государственного управления, становится очевидным, что от эффективности контрольной деятельности в области финансов зависит благосостояние страны.

Современные научные изыскания в сфере финансового контроля свидетельствуют о том, что имеет место несовершенство законодательного регулирования финан-

сово-контрольной деятельности, а также недостаточность теоретической базы в области изучения основных положений финансового контроля.

В нормах законодательства финансовый контроль рассматривается с позиции публичного права, поэтому законодателем обозначены и урегулированы отношения, связанные с государственным и муниципальным финансовым контролем. Основным источником права в данном случае выступает БК РФ¹, который устанавливает методы осуществления государственного и муниципального финансового контроля, его объекты, определяет круг субъектов такой деятельности, закрепляет виды финансового контроля и т.д. При этом легальная дефиниция финансового контроля в законе отсутствует. В смысле, определенном нормами БК РФ, финансовый контроль – это контрольная деятельность государственных и муниципальных органов в бюджетной сфере, поскольку основная цель контроля состоит в обеспечении соблюдения бюджетного законодательства (ч. 1 ст. 265 БК РФ). Исходя из этого можно сделать вывод о том, что финансовый контроль является институтом бюджетного права. В научной литературе подход к определению понятия финансового контроля как бюджетного контроля также находит свое отражение. Так, по мнению Б.Н. Лопотун, под финансовым контролем понимается «направление деятельности государства, за-

Комарова Л. В.

Фарикова Е. А.

1 Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 29.11.2021 г.) // Российская газета, 1998. 12 августа.

ключающееся в своевременности и точности финансового планирования, обоснованности и, прежде всего, полноты поступления доходов в соответствующие фонды (бюджеты различного уровня бюджетной системы) денежных средств» [10].

Вместе с тем научное понимание финансового контроля зачастую шире, чем представленное в БК РФ. Широкий подход к определению понятия финансового контроля отражает более объемную содержательную составляющую такой деятельности. По мнению Т.А. Боковой, финансовый контроль связан с проверкой правильности, точности и своевременности формирования, распределения и использования денежных средств, главной целью которой является установление законности и эффективности осуществления финансово-экономической деятельности [2]. Как видно, в данном случае финансовый контроль не ограничен лишь бюджетной сферой и распространяется на любые отношения в области финансово-экономической деятельности.

В связи с законодательной и теоретической неопределенностью границ финансового контроля возникают трудности соотношения финансового контроля и таких явлений, как валютный, банковский, налоговый, таможенный контроль. От соотношения указанных категорий зависит и отраслевая принадлежность института финансового контроля.

Ряд авторов полагают, что валютный контроль является разновидностью финансового контроля, поскольку оба вида деятельности нацелены на обеспечение эффективной финансовой политики государства. Особенностью валютного контроля в данном случае, по утверждению А.В. Великановой и П.А. Паулова, является направленность на «обеспечение устойчивости валюты и стабильности внутреннего валютного рынка как фактора прогрессивного развития национальной экономики» [4]. Валютный контроль регулируется специальным законом – Федеральным законом от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»², который устанавливает круг субъектов валютного контроля, их права и обязанности, а также основы правового статуса резидентов и нерезидентов, осуществляющих валютные операции.

Отдельной ветвью государственного управления в сфере финансов признается банковский надзор, под которым понимается вид публично-правовой деятельности, имеющей целью поддержание стабильности и развитие банковской системы страны. Посредством банковского надзора достигается и более глобальная цель – поддержание стабильности всей финансовой системы и национальной денежной единицы [13]. Правовой основой банковского надзора выступают нормы Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»³, поскольку именно Центральный Банк РФ является основным органом, осуществляющим контрольные функции в банковской системе страны.

В науке зачастую к системе финансового контроля относят налоговый контроль, причем отводят ему значимое место по той причине, что «посредством осуществления контрольных функций государственными налоговыми органами обеспечивается не только соблюдение налогового законодательства, но и непосредственное привлечение финансовых ресурсов в государственный бюджет» [5]. Налоговый контроль регулируется положениями НК РФ⁴, в соответствии с которым под ним понимается деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением законодательства о налогах и сборах (ч. 1 ст. 82 НК РФ).

Некоторые авторы рассматривают в системе финансового контроля и таможенный контроль, поскольку «таможенные платежи формируют существенную долю доходной части бюджета РФ» [3]. Особенность таможенного регулирования и контроля состоит в двойной системе правового ре-

гулирования. С одной стороны, на наднациональном уровне таможенный контроль регулируется нормами ТК ЕвразЭС⁵, в котором таможенный контроль определяется как совокупность совершаемых таможенными органами действий, направленных на проверку и (или) обеспечение соблюдения международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования (п. 41 ч. 1 ст. 2 ТК ЕвразЭС). С другой стороны, на внутригосударственном уровне таможенный контроль урегулирован положениями Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶.

Во всех перечисленных случаях речь идет о государственном (а в бюджетной сфере – и муниципальном) финансовом контроле, поскольку такая деятельность осуществляется государственными органами или органами местного самоуправления, т.е. субъектами, наделенными публично-властными полномочиями. При этом разграничение государственного (муниципального) финансового, валютного, налогового и таможенного контроля имеет важное практическое значение по нескольким причинам. Во-первых, нормы бюджетного, валютного, налогового, таможенного законодательства по-разному определяют круг субъектов контрольной деятельности. Если бюджетное законодательство в качестве субъектов финансового контроля на федеральном уровне называет Счетную палату РФ и Федеральное казначейство, то в валютном законодательстве перечень субъектов дополняется Центральным Банком РФ, в налоговом – Федеральной налоговой службой РФ, в таможенном – Федеральной таможенной службой РФ. Указанные органы имеют различную компетенцию, полномочия, объекты контроля и методы его осуществления. Во-вторых, нормы различной отраслевой принадлежности (бюджетного, валютного, налогового, таможенного права) по-разному определяют основы контрольной деятельности в каждой конкретной сфере. В связи с этим, определяя место финансового контроля в системе российского права, необходимо понимать его пределы и содержание, поскольку от этого зависит правовая основа контрольной деятельности в сфере финансов.

Более того, финансовый контроль не ограничивается пределами публичных правоотношений. В науке, помимо государственного и муниципального контроля, выделяют также внутрихозяйственный и аудиторский финансовый контроль [8]. Внутрихозяйственный (внутрифирменный) финансовый контроль – это деятельность специальных подразделений и структур внутри организации, направленная на выявление финансовых нарушений (хищений, недостач) и соблюдение финансовой дисциплины. Например, в акционерном обществе может быть создана ревизионная комиссия, которая занимается проверкой (ревизией) финансово-хозяйственной деятельности общества (ст. 85 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»⁷). Во главе системы внутрихозяйственного финансового контроля, как правило, стоит главный бухгалтер, который осуществляет контроль за правильностью и законностью расходования средств и за качественным оформлением бухгалтерской документации.

Аудиторский контроль (аудит) также является разновидностью негосударственного финансового контроля и заключается в проведении независимой проверки бухгалтерского учета и финансовой отчетности организаций. Оказание аудиторских услуг регулируется Федеральным законом от 30

2 О валютном регулировании и валютном контроле: Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) // Российская газета, 2003. 17 декабря

3 О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) // Российская газета, 2002. 13 июля.

4 Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (часть первая) (ред. от 29.11.2021 г.) // Российская газета, 1998. 6 августа.

5 Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.) // ИПС «Гарант». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/71652992/paragraph/185/doclist/86/>. (дата обращения: 27.01.2022).

6 О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2018. № 32 (часть I). Ст. 5082.

7 Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) // Российская газета, 1995. 29 декабря.

декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности»⁸. Аудит в данном случае представляет собой услуги специализированных аудиторских организаций или отдельных аудиторов, оказываемые на основании договора и имеющие своей конечной целью выражение мнения о достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Следует отметить, что традиционно в России аудит рассматривался как негосударственная контрольная деятельность в сфере финансов. Такой же подход прослеживается в ряде зарубежных стран: в частности, в Германии «финансовый контроль» и «аудит» исследуются в разных плоскостях, когда аудит как хозяйственный контроль не относится к системе финансового контроля, под которой понимается контрольные мероприятия органов публичной власти [9]. Вместе с тем относительно недавно термин «аудит» в российском законодательстве стал использоваться в отношении государственного финансового контроля, поскольку с принятием Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации»⁹ основной орган государственного финансового контроля России был наделен функциями аудита. В данном случае речь идет не об аудиторском сообществе и специализированных организациях, предоставляющих аудиторские услуги, а о государственной деятельности Счетной палаты РФ как органа внешнего государственного финансового контроля в соответствии с нормами бюджетного законодательства и Закона о Счетной палате РФ. Таким образом, современное законодательство трансформировало понимание аудита из исключительно негосударственной деятельности в деятельность как аудиторских организаций, так и государственных органов, обладающих публично-властными полномочиями. При этом роль негосударственного финансового контроля в современной России становится все более значительной. Согласимся с мнением В.А. Сметанниковой о том, что тенденции финансового контроля отражают постепенное сужение области государственного финансового контроля и разрастание сферы влияния негосударственного финансового контроля со стороны аудиторских организаций [12].

Помимо перечисленных разновидностей негосударственного финансового контроля, в науке также выделяют финансовый контроль со стороны коммерческих банков. Как отмечает М.С. Антонцева, возникновение коммерческих банков произошло в результате изменения банковской системы в России в конце XX в., и в современности банковской контроль за деятельностью предприятий стал действенным механизмом обеспечения стабильности функционирования рыночной экономики [1]. В отличие от государственного банковского надзора, который осуществляется Центральным банком РФ, финансовый контроль со стороны коммерческих банков – это деятельность кредитных организаций по контролю соблюдения нормативных актов валютного законодательства и представлению органам валютного контроля (государственным органам) полную информацию о валютных операциях [11].

В результате проведенного исследования можно прийти к выводу о том, что современное законодательство и правовая наука не отражают однозначное и единообразное понимание границ финансового контроля, а потому весьма затруднительно определить место института финансового контроля в системе российского права. По результатам исследования можно сделать несколько основных выводов. Во-первых, финансовый контроль может быть, как государственным (муниципальным), так и негосударственным. Это означает, что сам по себе финансовый контроль может осуществляться как органами публичной власти, так и негосударственными структурами: внутрихозяйственный, аудиторский контроль, а также контроль со стороны коммерческих банков. Во-вторых, несмотря на возрастающую роль негосударственного финансового контроля в современной России, основное место в системе финансового контроля принадлежит контрольной деятельности органов публичной власти. В современном законодательстве государственный (му-

ниципальный) финансовый контроль рассматривается в узком значении как контроль со стороны уполномоченных органов публичной власти, нацеленный на обеспечение соблюдения бюджетного законодательства. При таком подходе финансовый контроль является институтом бюджетного права. В то же время систематическое толкование норм права различной отраслевой принадлежности позволяет сделать вывод о том, что государственный финансовый контроль может рассматриваться в широком значении как деятельность уполномоченных органов, направленная на обеспечение соблюдения бюджетного, валютного, банковского, налогового и таможенного законодательства. В таком случае институт финансового контроля имеет межотраслевой характер, а финансовый контроль представляет собой разветвленную систему государственного управления в различных сферах.

Пристатейный библиографический список

1. Антонцева М.С. Развитие различных видов негосударственного финансового контроля // *Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки*, 2017. № 6. С. 160.
2. Бокова Т.А. Понятие «финансовый контроль». Классификация видов финансового контроля // *Образование и наука в современных условиях*, 2016. № 4 (9). С. 198.
3. Васюк А.В. Таможенный контроль как направление государственного финансового контроля // *Десятые Всероссийские Державинские чтения: сборник статей*. М.: Всероссийский государственный университет юстиции, 2015. С. 131.
4. Великанова А.В., Паулов П.А. Понятие валютного контроля как вида государственного финансового контроля // *Современные научные исследования и разработки*, 2018. № 3 (20). С. 182.
5. Гасымов А.Б. Понятие и принципы налогового контроля, его место в системе финансового контроля // *Theoretical & Applied Science*. 2019. № 1 (69). С. 189-190.
6. Добробаба М.Б., Петренко П.М., Петренко М.М. К вопросу о соотношении государственного и негосударственного финансового контроля в бюджетной сфере // *Современные проблемы и перспективы развития банковского сектора: материалы V Всероссийской научно-практической конференции*. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2020. С. 39.
7. Комарова Л.В. Социальное регулирование макролокальных геоэкономических систем: социально-философский анализ: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Краснодар, 2012. С. 22.
8. Кравченко В.И. Понятие и виды финансового контроля в Российской Федерации // *Проблемы и перспективы развития агропромышленного комплекса России: материалы всероссийской научно-практической конференции*. Благовещенск: Дальневосточный государственный аграрный университет, 2017. С. 156-157.
9. Кукелко Д.В. Соотношение понятий «государственный финансовый контроль» и «государственный аудит» // *Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей*. Томск: Издательство Томского университета, 2011. С. 164.
10. Лопотун Б.Н. Теоретико-правовые аспекты финансового контроля как функции государства // *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*, 2016. № 2 (41). С. 115.
11. Сайфиева С.Н., Соловьева С.В. Особенности взаимодействия государственных ведомств и коммерческих банков России в сфере валютно-финансового контроля и регулирования // *Экономика и социум: современные модели развития*, 2019. Т. 9. № 3 (25). С. 430.
12. Сметанникова В.А. Соотношение государственных и негосударственных видов финансового контроля // *Материалы XXXVII Международной научно-практической конференции*. Астрахань: Научный центр «Олимп», 2018. С. 353.
13. Финансовое право: учебник / Отв. ред. Е.Ю. Грачева, О.В. Болтинова. 2-е издание, перераб. и доп. М.: Проспект, 2020. С. 498.

8 Об аудиторской деятельности: Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) // *Российская газета*, 2008. 31 декабря.

9 О Счетной палате Российской Федерации: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г.) // *Российская газета*, 2013. 10 апреля.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-2-165-242-243

КОРОВОВА Александра Петровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета

САЙГАШКИН Ян Валерьевич

магистрант Самарского государственного экономического университета

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В рамках данной статьи рассматривается проблема формирования финансово-правовой политики государства в условиях цифровизации разных сторон общественной жизни, и в частности, экономической сферы. Финансово-правовую политику предлагается понимать как многоаспектное комплексное явление, относящееся одновременно к нескольким сферам жизнедеятельности современного общества. Высказывается мысль о том, что социальное предназначение финансово-правовой политики состоит прежде всего в реализации финансовой функции государства посредством целенаправленного системного воздействия на сферу финансовых отношений.

Ключевые слова: политика, право, финансово-правовая политика, финансовая сфера, финансовая деятельность, финансово-правовая стратегия, финансовая функция.

KOROVA Aleksandra Petrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of law and philosophy sub-faculty of the Samara State University of Economics

SAIGASHKIN Yan Valerjevich

magister student of the Samara State University of Economics

ON THE ISSUE OF THE FORMATION OF THE FINANCIAL AND LEGAL POLICY OF THE STATE IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Within the framework of this article, the problem of the formation of the financial and legal policy of the state in the conditions of digitalization of various aspects of public life, and in particular, the economic sphere, is considered. Financial and legal policy is proposed to be understood as a multidimensional complex phenomenon that simultaneously relates to several spheres of life of modern society. The idea is expressed that the social purpose of financial and legal policy consists primarily in the implementation of the financial function of the state through a purposeful systemic impact on the sphere of financial relations.

Keywords: politics, law, financial and legal policy, financial sphere, financial activity, financial and legal strategy, financial function.

В обществе, где на первый план выдвигается проблема оборота информации, ее получения, использования и распоряжения ею, особую значимость приобретают вопросы систематизации стратегических правовых идей, формирования правовой стратегии. Наиболее актуальные идеи должны находить свое отражение в официальных документах. Тем более в такой важной сфере, как регулирование финансовых отношений. Так они легче дойдут до своих адресатов.

К этому же побуждают и проводимые в последние годы в российском обществе экономические реформы, стремление поставить экономику на, так сказать, «цифровые рельсы», обеспечить ее преимуществами цифровизации. И здесь никак не обойтись без права, ведь правовые средства являются эффективным инструментом реализации поставленных задач. Привлечение цифровых ресурсов должно протекать в правовом русле, осуществляться на основе действующего законодательства, в соответствии с концепцией правовой политики.

В этих новых условиях важнейшая задача финансово-правовой науки видится в том, чтобы разработать концепцию финансово-правового развития страны как на ближайшую перспективу, так и на будущее с учетом фактически складывающихся отношений, с одной стороны, и обозначенных приоритетов, - с другой. И начать нужно прежде всего с определения понятия финансово-правовой политики, выявить ее природу, специфические черты. Важно установить ее место в государственной политике, то, какую роль она играет в правовой жизни российского общества в условиях активизации процессов цифровизации.

Финансово-правовая политика, как и правовая политика в целом, - явление уникальное. И обусловлено это прежде всего одновременной причастностью сразу к нескольким сферам: политической, правовой и финансовой. С одной сто-

роны, это неизменно порождает сложности в познании такого многопланового явления. С другой же стороны, обращается благом, поскольку исследование на стыке наук дает богатейший материал для выводов, позволяет рассматривать явление всесторонне и объективно.

Обращаясь к истории изучения проблем финансово-правовой политики, отметим, что, если правовая политика в целом исследовалась уже дореволюционными российскими правоведами (пусть и под видом политики права), причем, весьма основательно, то интерес к различным аспектам ее разновидностей (за исключением, может быть, только уголовно-правовой политики) возник в научной среде только к середине 90-х годов прошлого века [5]. При этом финансово-правовая политика нечасто становится объектом всестороннего комплексного исследования. Чаще всего внимание ученых привлекают ее отдельные аспекты. Так, рассматриваются вопросы формирования финансово-правовой политики в конкретной (обычно специфической) области правового регулирования общественных отношений, такой как, допустим, государственные облигационные займы [1]. Изучается финансово-правовая политика, проводимая конкретными субъектами финансовой деятельности, например, Банком России [4], с одной стороны, и в отношении определенных адресатов, например муниципалитетов – с другой [3]. Обстоятельно исследуются в литературе также отдельные разновидности финансово-правовой политики, например, долговая финансово-правовая политика [2].

Понятие «финансово-правовая политика» является устоявшимся и широко употребляемым. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в научной среде отсутствует единый подход к пониманию того, что же представляет собой финансово-правовая политика, какова ее природа, как она соотносится с финансовой политикой государства, с одной

стороны, и с правовой политикой – с другой. Нужно прежде всего определиться с понятиями.

Для целей настоящего исследования были поставлены следующие вопросы. Какова природа финансово-правовой политики? Как соотносятся между собой понятия «правовая политика» и «финансово-правовая политика»? Как связаны финансово-правовая и финансовая политика государства? Какую роль играет финансово-правовая политика в механизме правового регулирования? Кто ее вырабатывает? Как влияет финансово-правовая политика на правовую жизнь общества в условиях формирования цифровой реальности? Какие разновидности финансово-правовой политики можно выделить?

Цель настоящего исследования состояла в следующем. Прежде всего нужно было определить, что же представляет собой финансово-правовая политика, в чем ее специфика. Для этого мы сопоставили ее, с одной стороны, с финансовой политикой, финансовой деятельностью государства, с другой стороны, - с правовой политикой. Установив, что финансово-правовая политика оказывает свое воздействие на разные стороны финансовой сферы, мы попытались выделить отдельные ее разновидности. Далее предстояло выяснить, в чем выражается сущность финансово-правовых идей стратегического характера, каким образом преобразуется их содержание в условиях формирования цифровой экономики и какую роль в этом процессе играет государство. Мы проследили взаимосвязь финансово-правовой политики и правовой жизни общества с тем, чтобы понять, как первая влияет на вторую. Кроме того, одна из задач исследования состояла в том, чтобы установить место финансовой-правовой политики в механизме правового регулирования.

Отправная точка исследования состояла в признании того факта, что финансово-правовая политика – сложное, комплексное явление, поэтому изучать его следует в системе. С одной стороны, финансово-правовая политика относится к финансовой деятельности государства, его финансовой политике, выступает ее частью. С другой стороны, располагая таким ресурсом, как правовые средства, финансово-правовая политика имеет прямое отношение к правовой политике, является разновидностью последней. И, наконец, следовало принять во внимание тот факт, что это прежде всего политика, т.е. определенный образ действий в финансовой сфере, направленных на ее преобразование.

В ходе исследования был сделан вывод о неоднородности финансово-правовой политики, о том, что выработанные финансово-правовые идеи стратегического характера касаются разных областей финансовой деятельности. Структурный метод позволил выявить такие разновидности финансово-правовой политики, как бюджетно-правовая политика, налоговая правовая политика, валютно-правовая политика и другие.

Благодаря функциональному подходу мы смогли установить место финансово-правовой политики в механизме правового регулирования, определить характер ее влияния не только на финансовую сферу, но и на все процессы, протекающие в правовой жизни общества, в целом.

Финансово-правовая политика, прежде всего, принадлежит к сфере реализации финансовой функции государства. Она выступает ориентиром для всей деятельности в сфере национальной экономики. От продуманности финансово-правовой политики, от того, насколько грамотно она выстроена, насколько реалистичны обозначенные в ней цели и задачи, правильно расставлены приоритеты и выбраны эффективные средства, в конечном итоге зависит стабильность и успешное функционирование не только самой финансовой системы страны, но и реализация социальных программ, обеспечение безопасности государства и т.д. Однако финансово-правовая политика не тождественна финансовой политике. Думается, что последнее понятие гораздо шире. Ведь финансовая политика предполагает использование не только правовых средств, но также широкого круга организационных ресурсов.

Финансово-правовая политика относится также и к правовой политике. Во-первых, она осуществляется в сфере правового регулирования финансовых отношений, связана с воздействием на механизм правового регулирования. Во-вторых, финансово-правовая политика подразумевает широкое использование разнообразных правовых средств, например, нормативно-правовых, правоприменительных, правоинтерпретационных актов и т.д. В-третьих, социальное предназначение финансово-правовой политики состоит в том, что она

оказывает целенаправленное преобразующее воздействие на все процессы, протекающие в правовой жизни общества, той ее части, которая связана с финансовой деятельностью. Поэтому все изменения в правовой жизни должны адекватно опосредоваться финансово-правовой политикой. Она должна чутко реагировать на все намечающиеся тенденции. Одной из наиболее ярких тенденций последних лет является активное использование цифровых технологий. И в этих условиях финансово-правовая политика государства уже не может оставаться прежней. Должны корректироваться как ее приоритеты, цели, задачи, так и средства выработки и реализации с учетом быстро входящей в нашу жизнь цифровой реальности.

Поскольку финансово-правовая политика – это, в первую очередь, политика, очевидно, что и природа ее может толковаться сходно. Например, как образ действий, направленных на достижение определенных целей, как целеполагающая, преобразующая деятельность государства в сфере правового регулирования финансовых отношений. Суть этой деятельности состоит в выработке и последовательной реализации особых идей – финансово-правовых идей стратегического характера. Их специфика состоит, во-первых, в том, что они касаются финансовой системы, ее наилучшего устройства, направлены на обеспечение ее стабильности и успешного функционирования. Во-вторых, несмотря на то, что стратегические правовые идеи могут вырабатываться самими разными субъектами, в конечном счете за ними стоит государство. Поэтому финансово-правовые идеи стратегического характера должны быть закреплены в официальных документах, доведены до всеобщего сведения. В-третьих, важнейшим источником таких особых идей выступает юридическая наука. В рамках науки финансового права вырабатываются эффективные рекомендации по совершенствованию механизма финансово-правового регулирования, формируется и концептуально оформляется стратегия развития финансовой системы. Думается, к мнению ученых нужно прислушиваться.

Сфера финансово-правового регулирования не является чем-то однородным. Она включает в себя широкий спектр отношений: бюджетных, налоговых, банковских, денежно-кредитных, валютных и т.д. Поэтому можно выделить такие разновидности финансово-правовой политики, как налоговая правовая политика, бюджетно-правовая политика, банковская правовая политика, валютно-правовая политика и другие виды. Таким образом, финансово-правовая политика может изучаться как в целом, так и в отдельных своих разновидностях.

Финансово-правовая политика – это сложное, комплексное явление, которое не является принадлежностью только правового или экономического развитого государства. Финансово-правовая политика вырабатывается и реализуется от имени государства везде, где есть финансовая система. И успешность функционирования этой системы напрямую зависит от того, насколько грамотно будет выстроена финансово-правовая политика, насколько она будет отвечать требованиям времени.

Пристатейный библиографический список

1. Жмурко И. М. Финансово-правовая политика государства в сфере государственных облигационных займов // Финансовое право. - 2018. - № 4. - С. 7-11.
2. Запорожцев Д. С. Долговая финансово-правовая политика и государственные (муниципальные) гарантии // Правовая политика и правовая жизнь. - 2018. - № 1. - С. 117-122.
3. Миронова С. М. Влияние государственной финансово-правовой политики на муниципальные образования // Актуальные проблемы российского права. - 2020. - № 15(2). - С. 44-53.
4. Решетняк А. Е. Финансово-правовая политика Банка России в отношении микрофинансовых организаций // Правовая политика и правовая жизнь. - 2019. - № 1. - С. 101-107.
5. Химичева Н. И., Покачалова Е. В. Финансово-правовая политика // Правовая политика России: теория и практика: Монография. - М.: Проспект, 2006. - С. 444-488.

ШАРУДИНОВА И. Д.

студент 4 курса Юридического института Дагестанского государственного университета

АЛИЕВА Э. Б.

кандидат экономических наук, доцент кафедры административного, финансового и таможенного права Юридического института Дагестанского государственного университета

СХЕМЫ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ

В данной статье рассматриваются различные варианты серых схем уклонения от уплаты налогов. Авторы статьи выделяют некоторые распространённые схемы дробления бизнеса, их основные черты, на основе изучения сложившейся практики рассмотрения подобных дел судами. Проводится сравнительный анализ дел и позиций судов по рассматриваемой категории дел.

Ключевые слова: «дробление бизнеса», необоснованная налоговая выгода, схемы дробления бизнеса, деловая цель, взаимозависимые лица.

SHARUDINOVA I. D.

student of the 4th course of the Institute of Law of the Dagestan State University

ALIEVA E. B.

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

TAX AVOIDANCE SCHEMES

This article discusses various variants of gray tax evasion schemes. The authors of the article distinguish some common schemes of splitting a business, their main features, on the basis of the study of the existing practice of consideration of such cases by the courts. A comparative analysis of cases and court positions on the category of cases under consideration is made.

Keywords: "splitting of business", unjustified tax benefit, business splitting schemes, business purpose, interdependent persons.

Оптимизация налоговой нагрузки и организация бизнес-процессов зачастую осуществляется путём разделения бизнеса. При этом само по себе подобное разделение при наличии деловой цели и соблюдении требований норм действующего законодательства не является незаконным. Однако чаще всего на практике в своём стремлении уклониться от налоговых обязательств многие предприниматели превращают разделение бизнеса в нелегальную серую схему, умышленно создавая искусственные условия, в рамках которых они могут незаконно применять льготные специальные налоговые режимы, занижать прибыль или завышать показатели по расходам, использовать пониженные налоговые ставки и т.д.

Иначе говоря, налогоплательщики при отсутствии реального экономического смысла выстраивают свою деятельность таким образом, чтобы минимизировать объём своих налоговых обязательств. В данном случае единственной деловой целью дробления бизнеса является уход от налогов. Подобные схемы чаще всего используют в розничной торговле, в сфере бытовых услуг и услуг общественного питания и т.д.

Надо сказать, что несмотря на широкое применение данного инструмента оптимизации налогообложения законодатель до сих пор не решил терминологическую проблему: ни в одном нормативно-правовом акте нет установленного определения понятия «дробление бизнеса». Тем не менее, обобщённую трактовку можно обнаружить в Письме ФНС России от 11.08.2017 N СА-4-7/15895¹, которая характеризует «дробление бизнеса» следующим образом: «факты

1 Письмо ФНС от 11.08.2017 № СА-4-7/15895@ - Текст: электронный. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_256250)

Шамурзаев Т. Т.

Ардашев П. Г.

снижения налогоплательщиками своих налоговых обязательств путем создания искусственной ситуации, при которой видимость действий нескольких лиц прикрывает фактическую деятельность одного налогоплательщика. При этом получение необоснованной налоговой выгоды достигается в результате применения инструментов, используемых в гражданско-правовых отношениях, формально соответствующих действующему законодательству». На практике часто встаёт вопрос о том, когда налоговая выгода является необоснованной. По этому поводу Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ даёт разъяснение: «налоговая выгода может быть признана необоснованной, в частности, в случаях, если для целей налогообложения учтены операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом или учтены операции, не обусловленные разумными экономическими или иными причинами, целями делового характера. В случае наличия особых форм расчетов и сроков платежей, свидетельствующих о групповой согласованности операций, суду необходимо исследовать, обусловлены ли они разумными экономическими или иными причинами (деловыми целями)»². Суды при разрешении споров о незаконном дроблении обращают внимание на практическое определение

consultant.ru/document/cons_doc_LAW_256250 (дата обращения: 30.11.2021).

2 Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» - Текст: электронный. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63894 (дата обращения: 30.11.2021).

«деловой цели», деловой логики, которая предполагает, что разделение производится в целях расширения производства, развития новых направлений деятельности с учетом актуальных потребностей рынка, построения бизнес-модели, увеличения объема продаж и т.д.

Без преувеличения можно констатировать, что существует далеко не одна схема дробления бизнеса, их много и они весьма разнообразны, тем не менее, среди них можно выделить следующие наиболее часто встречающиеся на практике:

1) искусственное разделение одного предприятия на несколько малых, что позволяет сохранить право на применение специального налогового режима (УСН) при формальном соответствии основным предельным значениям показателей, которые установлены налоговыми законодательством. Довольно ярко указанная схема прослеживается в деле ООО «Лидерфуд», который реализовывал ООО «ТД «Беллария» без наценки или с минимальной наценкой (0,11-2,8) товары, в то время как иным лицам наценка составляла 17-24 процентов. Выручка распределялась таким образом, чтобы сумма, облагаемая по общему режиму, была минимальной, а выручка подконтрольного лица поддерживалась в пределах допустимого для УСН уровня, для сохранения права на специальный налоговый режим³.

2) выделение подконтрольного, однако формально самостоятельного предприятия в составе производственной структуры, применяющего специальный налоговый режим, которому головная компания, находящаяся на общей системе налогообложения, сбывает свой товар с минимальной наценкой для дальнейшей его реализации. В результате такого дробления предприятию удаётся уклониться от выплаты налога на прибыль и НДС, перекидывая значительную часть выручки на подконтрольное предприятие. Примером такой схемы является дело ИП Пяташова М. Е., осуществлявшего производство, розничную и оптовую торговлю ювелирных изделий. Предприниматель формально разделил бизнес на ряд взаимозависимых юридических лиц, которые были зарегистрированы им самим же, вели аналогичные виды деятельности с одними и теми же контрагентами и располагались в одном здании, которое принадлежало Пяташову, с целью вывести часть выручки, поступающей от контрагентов, из-под обложения налогами по общей системе⁴.

3) создание предприятия, которое находится под контролем головной организации, осуществляющей перевод основных средств (далее ОС) и работников. Суть схемы состоит в том, что подставная фирма путём формального оказания подрядных услуг, сдачи в аренду ОС, перевода сотрудников и т.д., предоставляет возможность головному предприятию учитывать данные операции в своих расходах, выводить прибыль и, как следствие, необоснованно не исполнять свои налоговые обязательства. В качестве примера можно привести дело ИП Колмакова Ю. А., перераспределявшего полученные доходы на ООО «Корпорация ИФК», в которой он являлся единственным учредителем, путём формального предоставления организации помещений в аренду⁵.

3 Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 27 мая 2021 г. по делу № А12-1688/2021- Текст: электронный. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/3GZlBYp5jNT/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc (дата обращения: 30.11.2021).

4 Постановление Десятого Арбитражного апелляционного суда от 02 июня 2021г. по делу № А41-48348/17-Текст: электронный. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/wzAr9Jew8pVR/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=%D0%D0%9041-48348%2F17+%2F&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=10 (дата обращения: 30.11.2021).

5 Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28 мая 2021 г. по делу № А29-9756/2018-Текст: электронный.

4) использование посредника (агентская схема), предполагающая наличие подконтрольного посредника (агента), который применяет, как правило, упрощенную систему налогообложения и осуществляет продажу, покупку товаров, работ и услуг для контролирующей организации (принципиала) по ее заказу. Довольно последовательно такая схема раскрыта в деле ООО «Сяо-Лун»: ООО осуществляло через подконтрольное лицо ИП Кочеткова С. В. прикрытие поставки древесины неизвестного происхождения путём создания искусственного документооборота комиссионных отношений, легализации древесины при помощи номинального оформления документов⁶.

Нужно отметить, что несмотря на повсеместное злоупотребление налогоплательщиками своими правами путём незаконного дробления бизнеса, налоговые органы эффективно борются с нелегальными схемами. Согласно аналитическим исследованиям Центра taxCOACH®, подготовленным на основе анализа арбитражных дел и позиций Верховного суда с июля 2017 по декабрь 2020 г., в среднем 75 % дел рассматриваются в пользу налогового органа (в отдельно взятом 2019 году – 79 %; в отдельно взятом 2020 – уже 85 %) средний размер взысканий по судебным решениям о дроблении бизнеса неуклонно растёт и в 2020 году составил 49,88 млн. рублей. Суды и налоговые органы весьма тщательно изучают специфику и системность производственных процессов, анализируют движение финансов и систему управления, что повышает эффективность выявления нелегальных схем.

Резюмируя вышеизложенное, несмотря на довольно положительную динамику, говорить о совершенстве правового регулирования схем уклонения от уплаты налогов не приходится, поскольку, очевидно, что законодательство имеет существенные пробелы. До сих пор законодатель не установил четких критериев, которые позволяли бы разграничить факты, когда дробление бизнеса - законно установленное право на свободное осуществление экономической деятельности, а когда - способ избежать выполнения налоговых обязательств путём злоупотребления этим правом.

Ввиду этого, представляется целесообразным, закрепить в законе определения законного и незаконного разделения бизнеса, которые бы позволяли и налоговым органам, и налогоплательщикам понимать, в каких случаях речь идёт об искусственном дроблении, а в каких - о реальном, продиктованном экономическим смыслом и самостоятельностью субъектов, разделении.

Пристатейный библиографический список

1. Дониц С. Р. Новации в сфере налогового администрирования: доктрина «дробления бизнеса» // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/novatsii-v-sfere-nalogovogo-administrirovaniya-doktrina-drobleniya-biznesa>.
 2. Волков А. В., Блинков О. Е. Дробление бизнеса: правовые проблемы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/droblenie-biznesa-pravovye-problemy>.
 3. Зырянова Т. В., Загурский А. О. Налоговые последствия дробления бизнеса // Дискуссия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovye-posledstviya-drobleniya-biznesa>.
- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/4P4h3g5Ci7Ug/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc (дата обращения: 30.11.2021г.)
- 6 Решение Арбитражного суда Забайкальского края от 31 мая 2021г. по делу № А78-10962/2020-Текст: электронный. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/znlgNUnQUHle/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc (дата обращения: 30.11.2021).

ИЛЬИНА Карина Евгеньевна

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

КУРГАНСКАЯ Алина Александровна

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ЧЕРНОВ Юрий Иванович

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ В ОБЛАСТИ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Данная статья посвящена вопросам организации финансового контроля в области миграции. На основе актуальных литературных источников рассмотрены авторские точки зрения по определению понятия «государственный финансовый контроль». Определены особенности организации финансового контроля в сфере миграции. Обозначены слабые стороны действующей системы финансового контроля и пути рационализации деятельности по финансовому контролю.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль, государственное финансирование, бюджетная система, миграция, национальное законодательство.

ILJINA Karina Evgenjevna

student of the Law Faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

KURGANSKAYA Alina Aleksandrovna

student of the Law Faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

CHERNOV Yuriy Ivanovich

student of the Law Faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

FINANCIAL CONTROL IN THE FIELD OF POPULATION MIGRATION

This article is devoted to the organization of financial control in the field of migration. On the basis of actual literary sources, the author's points of view on the definition of the concept of «state financial control» are considered. The features of the organization of financial control in the field of migration have been determined. Weaknesses of the current financial control system and ways of rationalizing financial control activities are identified.

Keywords: state financial control, state funding, budget system, migration, national legislation.

Российская Федерация на протяжении многих лет является привлекательным регионом для мигрантов, в том числе с точки зрения рабочей миграции, обеспечивая финансами экономики сразу нескольких азиатских государств. Сама экономика Российской Федерации отчасти необходима на иностранной рабочей силе, что требует активной работы и рационализации деятельности органов в области миграции.

Организация деятельности любых государственных субъектов, в том числе в области миграции, требует привлечения весомых финансовых ресурсов. В условиях ограниченного финансирования, вызванного неблагоприятной конъюнктурой на рынке энергоносителей, пандемией новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и иными факторами, фундаментально важно обеспечить нормальную работу органов миграции. С этой целью государством используется в том числе инструмент финансового контроля.

В настоящее время организацией и правовым сопровождением миграционных процессов в Российской Федерации занимается Главное управление по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации (ранее – Федеральная миграционная служба). Упразднение Федеральной миграционной службы и образование Главного управления по вопросам миграции, но уже в составе Министерства внутренних дел, определяет специфику организации финансового контроля, в том числе ввиду большей закрытости данной структуры.

Анализ практики проведения государственного финансового контроля в России позволяет сделать вывод, что важным субъектом контроля выступает Счетная палата РФ. Если же рассматривать финансовый контроль в структуре Главного

управления по миграции и, что называется «на местах», то здесь финансовый контроль реализуется исполнительными органами Правительства и самим Главным управлением [5].

В настоящее время внутренний контроль в Главном управлении по миграции МВД осуществляется на основании приказа МВД России от 12 октября 2015 года № 980 «Об утверждении Регламента осуществления внутреннего финансового аудита в системе МВД России и Регламента осуществления ведомственного финансового контроля в системе МВД России».¹

Миграция считается одной из основных составляющих процесса глобализации. В последних отчетах Международной организации по миграции (МОМ) она считается в целом положительным фактором развития как в странах происхождения, так и в странах назначения. В последние годы международная миграция получает все больше внимания со стороны политических структур, СМИ и широкой общественности по всему миру.

Экономический спад и политические изменения в Российской Федерации, включая введение запрета на повторный въезд для мигрантов в случае административных правонарушений, стали одной из причин снижения темпов миграции из стран Средней Азии. Это повлияло главным образом на экономическое положение и доходы, основанные на переводах, в частности в Таджикистане. В результате мигранты

¹ Приказ МВД России от 12 октября 2015 г № 980 «Об утверждении Регламента осуществления внутреннего финансового аудита в системе МВД России и Регламента осуществления ведомственного финансового контроля в системе МВД России».

вернулись в страны своего происхождения, остались в стране нелегально или выбрали другие страны назначения, прежде всего Казахстан. Однако согласно официальной российской статистике с 2016-2017 годов темпы миграции из стран Средней Азии снова начали расти и почти достигли докризисного уровня.

В контексте организации деятельности Главного управления по миграции финансовый контроль реализуется в целях обеспечения оценки надежности осуществления внутреннего финансового контроля, подтверждения достоверности бюджетной отчетности и рационализации бюджетной методологии и бюджетных стандартов, в целях рационализации использования бюджетного финансирования.

Финансовый контроль, реализуемый в структуре Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел позволяет подтвердить законность и рациональность использования бюджетного финансирования и имущества. Финансовый контроль является эффективным инструментом по обеспечению исполнения обязательств управления перед федеральным бюджетом, консолидированным и иным бюджетам.

Результаты финансового контроля являются основной для разработки предложений по рационализации использования финансовых ресурсов внутри управления. Наличие внешнего контроля позволяет снизить вероятность хищений и растрат в структуре Министерства внутренних дел. Внешний контроль также позволяет обеспечить скорейшее раскрытие схем по нецелевому и нерациональному использованию бюджетного финансирования. В случае выявления таких фактов в рамках финансового контроля, осуществляются меры по привлечению к правовой ответственности.

При рассмотрении государственного финансового контроля в области миграции, нельзя не отметить совокупность пробелов, которые не позволяют сделать данную деятельность эффективной и результативной, как следствие, не обеспечивают рациональное использование бюджетных средств в условиях ограниченного финансирования [3].

Государственный финансовый контроль в области миграции сталкивается с одной базовой правовой проблемой: слабое развитие понятийного аппарата финансового контроля, который представлен в Бюджетном кодексе лишь немногословной характеристикой категорий финансового контроля. Иные понятия, связанные с организацией финансового контроля, рассредоточены по совокупности НПА.

Значительная опасность преступлений в области государственного финансирования определяют потребность в расширении полномочий исполнительных органов Правительства в области реализации государственного финансового контроля, в том числе ФНС и ФТС. Представляется актуальным и расширение взаимодействия между контролирующими органами и правоохранительными органами.²

В условиях усложнения хозяйствующей деятельности финансовых субъектов, когда финансовые операции становятся всё более сложными по структуре, а недобросовестные должностные лица нередко прибегают к действиям по сокрытию фактов неправомерного использования бюджетного финансирования, представляется актуальным комплексное исследование поведения хозяйствующих субъектов с целью рационализации действующего законодательства в области бюджетного финансирования.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что обеспечение финансового контроля в области миграции, представляется возможным при реализации следующих условий:

- рационализация бюджетирования, финансового обеспечения и использования финансовых ресурсов субъектами Главного управления по вопросам миграции МВД;
- разработка обновленного законодательства в области государственного финансового контроля, которое бы закладывало единые подходы к реализации данного контроля (в том числе, создание Федерального закона «О государственном финансовом контроле»).

Реализация первого условия потребует организации комплексной работы в области бюджетного процесса. Государству теми или иными мерами потребуются обеспечить большую (в сравнении с текущей) предсказуемость экономических результатов и устойчивое социально-экономическое развитие. В условиях социально-экономической неопределенности (в том числе в рамках пандемии COVID-19) поддерживать эффективность государственных институтов затруднительно, ещё труднее – обеспечивать их развитие. Это потребует от законодателя пересмотра механизмов бюджетирования в сторону рационализации методик бюджетного прогнозирования. Причём речь идёт о рационализации как всего государственного бюджета Российской Федерации, так и ведомственных бюджетов системы Министерства внутренних дел. Рационализация бюджетных процессов, вероятно, может потребовать ужесточения законодательства в области бюджетных преступлений.

Реализация второго условия также потребует комплексной работы в правовой области. Законодателю потребуется преобразовать организации финансового контроля в единый федеральный закон, который будет учитывать сложность современных финансовых операций, будет включать в себя механизмы регулирования новых финансовых форм (например, криптовалют) и учитывать международный опыт и требования международного законодательства в области финансового контроля.

Все эти мероприятия позволят качественно повысить эффективность использования государственных средств и обеспечит необходимые условия для планомерного социально-экономического развития Российской Федерации.

Исключительно комплексная работа может обеспечить устойчивое использование бюджетных средств и национальную безопасность Российской Федерации в неблагоприятных экономических условиях.

Пристатейный библиографический список

1. Афанасьев М. П., Беленчук А. А., Кривоногов И. В. Бюджет и бюджетная система в 2 т. Том 2. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 342 с.
2. Бланкенгель А. Теория и практика конституционного строя в ФРГ // Советское государство и право. – 1989. – № 1. – 102 с.
3. Гриб С. Н. Бюджетная система Российской Федерации. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. – 392 с.
4. Чалдаева Л. А. Финансы, денежное обращение, кредит. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 381 с.
5. Шепелев Д. В., Шепелева Д. В. Правовое регулирование государственного финансового контроля. – М.: Проспект, 2021. – 160 с.

² Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ «Бюджетный кодекс Российской Федерации» в ред. от 01.07.2021 // СПС Консультант-Плюс.

МАГОМАЕВ Алигудин Ахмедбегович

студент 4 курса 1 дбо Юридического института Дагестанского государственного университета

АЛИЕВА Эльмира Башировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры Юридический института Дагестанского государственного университета

ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ САМОЗАНЯТЫХ В РФ

В статье исследуется нововведенный экспериментальный налог на профессиональный доход самозанятых лиц. В ней подчеркивается значимость установленного режима, его необходимость для социального и экономического развития страны. Авторы анализируют преимущества и недостатки специального налогового режима – налога на профессиональный доход, выдвигают рекомендации по совершенствованию и приходят к самостоятельным выводам.

Ключевые слова: налог, самозанятые, налог на профессиональный доход, индивидуальный предприниматель, налоговый отчет.

MAGOMAYEV Aligudin Akhmedbegovich

student of the 4th course 1 dbo of the Institute of Law of the Dagestan State University

ALIEVA Elmira Bashirovna

Ph.D. in Law, associate professor of the Institute of Law of the Dagestan State University

FEATURES OF THE TAXATION OF THE SELF-EMPLOYED IN RUSSIA

The research paper examines the newly introduced experimental tax on the income of self-employed persons. The author emphasizes the importance of the established tax, its necessity for the social and economic development of the country. The authors analyze the advantages and disadvantages of a specialized tax - the tax on professional income, make recommendations for improvement and come to an independent conclusion.

Keywords: tax; self-employed; professional income tax; individual entrepreneur; tax report.

Магомаев А. А.

Алиева Э. Б.

Законодатель в ст. 8 Налогового кодекса РФ закрепляет определение понятия «налог», подразумевая под налогом «обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения, принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований»¹.

Необходимо подчеркнуть, что налог – это платежи, поступающие в бюджет государства и обеспечивающие – работу, медицину, армию, транспортную систему и т. д. Только треть доходов бюджета приходится на налоги на нефть и газ, остальное - на другие налоги. Если люди не будут платить установленные налоги, страна не сможет выполнять свои социальные обязательства. Мы не можем жить только за счет полезно-ископаемых ресурсов.

Государство, следуя принципу законности осуществляемой деятельности и обеспечения социальной справедливости в отношении граждан, осуществляющих зарегистрированную деятельность, а также граждан-самозанятых, ввел налог для самозанятых физических лиц и индивидуальных предпринимателей. Институт самозанятости был юридически создан в 2017 году, поэтому в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации была создана новая

бизнес-единица. Однако до сих пор нет четкого концептуального определения, подразумевающегося под этим институтом. Под самозанятыми принято понимать такие категории граждан, как няни, сиделки, репетиторы, и иные вольнонаемные лица, оказывающие различного рода услуги.

Примечательно, что первые изменения по данному поводу были внесены не в Гражданский кодекс РФ, как того требует здравый смысл, а в Налоговый кодекс РФ, как того требовали временные рамки, установленные Президентом РФ для исполнения поручения, и статья 5 НК РФ, регламентирующая действие актов законодательства о налогах и сборах во времени [2, с. 55].

1 января 2019 года принят закон о самозанятых, который был назван как «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «налог на профессиональный доход»»². То есть, налог для самозанятых введен в качестве эксперимента. В связи с этим необходимо уяснить, какие недостатки и какие преимущества представлены за счет него населению, соответствует ли принципам демократизма, имеет ли перспективы в дальнейшем.

1 «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 02.07.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/fd3039f558e14477ce752eb9789b02a023fbc006/.

2 Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018 № 422-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/.

Введенная в 2019 году экспериментальная система налогообложения для самозанятых имеет следующие преимущества:

1. Самозанятые лица могут законно осуществлять свою деятельность, при этом проходя легкую регистрацию в приложении «Мой налог», который специально создан для самозанятых Российской Федерации.

2. Довольная простота регистрации в качестве налогоплательщика, которая также производится через мобильное приложение.

3. Нет необходимости формировать налоговые отчеты или декларации, в виду того, что это происходит автоматически.

4. Отсутствие обязательности пенсионного страхования граждан. Это можно сделать в добровольном порядке.

5. Граждане Евразийского экономического сообщества - Армении, Беларуси, Казахстана или Кыргызстана - также могут платить НПД. Для этого достаточно получить ИНН внутри России.

6. Физические лица и индивидуальные предприниматели, переходящие на новую частную налоговую систему (самозанятые), могут платить подоходный налог только от самостоятельной деятельности в размере 4 или 6 %. Это позволит легально вести бизнес и получать доход от работы с частичной занятостью без риска быть оштрафованным за незаконную предпринимательскую деятельность.

7. Следует отметить, что законодатель предоставил право на налоговые вычеты лицам, использующим специальный налоговый режим. Налоговый вычет позволяет физическим лицам воспользоваться налоговым вычетом - 1 % от дохода и 2 % от дохода, индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам, но не более 10 000 рублей [1, с. 74-77].

Выделенные преимущества демонстрируют положительность введенной новации и ее тенденцию развития в будущем, однако, стоит отметить, что любая новация в той или иной мере проблематична, имеет свои недостатки, и то, что данный институт находится на стадии апробации означает, что он может быть развит в дальнейшем, демократизирован, а может быть упразднен или придана завуалированная форма антидемократизма.

По нашему мнению, первостепенной проблемой является отсутствие в данном законе, а также в Налоговом кодексе РФ определения понятия «самозанятые», отсутствие перечня услуг, которые выполняются в роли самозанятого. В то же время именно законодательный акцент на четком перечне институтов самозанятости особенно актуален для России, поскольку именно этой группе поручено создание стабильного среднего класса. В виду этого, полагаем, что законодательное регулирование субъектов данного института, определение услуг, при предоставлении которых граждане могут считаться самозанятыми, усовершенствует систему налогообложения, так как граждане в большинстве своем имеют низкую правовую культуру и не знают, можно ли зарегистрироваться им в качестве самозанятого, не желают создавать ИП из-за затруднительной процедуры регистрации, оказывают различного рода услуги и выполняют работы незаконно, соответственно, не выплачивают налоги, что отрицательно сказывается на местном, региональном и федеральных бюджетах.

Вторым, немаловажным недостатком системы налогообложения самозанятых является то, что запрещается нанимать на работу других лиц, то есть, деятельность должна осуществляться самостоятельно. В случае, если необходимы рабочие, то необходимо заключать с ними гражданско-пра-

вовой договор или создавать ИП. В целях демократизации налогообложения считаем оптимальным законодательное разрешение самозанятым на работников в количестве до 3 лиц, что не приравнивает институт самозанятых к статусу индивидуальных предпринимателей.

Следует отметить, что, если вы не платите пенсионные страховые взносы, стаж работы не засчитывается. Если вы не наберете необходимые пенсионные баллы, вы сможете выйти на пенсию в возрасте 70 лет. В этом случае пенсия будет очень маленькой. Это не соответствует гарантиям социальной защиты граждан, равно так же, как то, что самозанятые не имеют права на оплачиваемый больничный отпуск, выплат по беременности и родам, в сравнении с работающими по трудовому договору. Установление таких выплат государством станет положительной тенденцией для развития упоминаемого института. Думается, что в приложении «Мой налог» можно предусмотреть раздел «социальная помощь», при которой государством по болезни, по беременности и родам и другим социально неблагоприятным ситуациям увеличиваются налоговые вычеты для самозанятых лиц.

Таким образом, сочетание отдельных факторов, влияющих на налог на профессиональный доход, создает платформу для регионального экономического развития. Однако, привлекая мало внимания из опыта использования этой системы, необходимо постоянно развивать и совершенствовать вид налога, не усугубляя положение налогоплательщиков. Тогда можно получить максимальный эффект от его выполнения.

Пристатейный библиографический список

1. Клюкович З. А., Мартыненко А. О., Шуйская А. Д. Специфика налога на профессиональный доход для самозанятых граждан в России // Заметки ученого. - 2019. - № 5 (39).
2. Попов А. В. Административно-правовой статус самозанятых граждан: проблемы определения и возможные пути их решения // Научный вестник Омской академии МВД России. - 2018. - № 2 (69).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-2-165-250-252

ЗУБКОВА Мария Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Института права Самарского государственного экономического университета

БРОДЕЦКАЯ Маргарита Анатольевна

магистрант Института права Самарского государственного экономического университета

ДОСРОЧНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ПРАВА ПОЛЬЗОВАНИЯ НЕДРАМИ КАК ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ И ОХРАНЫ НЕДР

В статье рассматриваются основания досрочного прекращения права пользования недрами как обеспечение государственной защиты и охраны недр. В том числе, рассмотрен порядок досрочного прекращения права пользования недрами в соответствии с требованиями действующего законодательства. Кроме того, рассмотрены главные критерии отличия государственных мер воздействия - приостановления и ограничения права пользования недрами. Актуальность проблемы нерационального использования недр для развития человека и здоровья привела к выбору темы исследования в предметной плоскости естественнонаучных аспектов.

Ключевые слова: недропользование; охрана недр; государственная защита недр.

ZUBKOVA Mariya Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activities sub-faculty of the Institute of Law of the Samara State Economic University

BRODETSKAYA Margarita Anatoljevna

magister student of the Institute of Law of the Samara State Economic University

EARLY TERMINATION OF THE RIGHT TO USE THE SUBSOIL AS ENSURING STATE PROTECTION AND PROTECTION OF THE SUBSOIL

The urgency of the problem of irrational use of mineral resources for human development and health led to the choice of a research topic in the subject plane of natural science aspects. The article discusses the legal basis of subsoil use and the grounds for early termination of the right to use the subsoil as ensuring state protection and protection of the subsoil. The procedure for early termination of the right to use the subsoil in accordance with the requirements of current legislation is also described. The differences between the termination and early termination of the right to use the subsoil are determined.

Keywords: subsoil use; protection of the subsoil; state protection of the subsoil.

Для сегодняшней России актуальным остается вопрос недропользования и развитие государственной защиты и охраны недр. Данные вопросы интересуют как отдельных представителей общества, так и органы, и организации государственной власти в целом. На основании чего увеличивается роль и значение государственных программ в части регулирования и организации мероприятий и мер, направленных на охрану и защиту недр и улучшения экологической обстановки в стране.

Ключевой задачей государственного регулирования в вопросах охраны недр выступает их обеспечение и защита с целью формирования благоприятной системы недропользованием как нынешнего, так и будущего поколений, а также реализации конституционных прав, направленных на обеспечение и доступ к недрам всех граждан страны.

Отметим, что вопросы государственного регулирования использования системы недр возложены на различные государственные учреждения и органы на различных уровнях власти. На сегодняшний день государственная система недропользования представляет собой комплекс мер, принимаемых соответствующими субъектами Российской Федерации, направленных на обеспечение соблюдения требований законодательства в этой сфере.

Согласно норм статьи 72 основного закона Российской Федерации вопросы в части охраны недр, а также экологической безопасности и охраны окружающей среды находятся в

совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов¹. Стоит отметить, что управление недрами и их охрана зависят от рационального распределения полномочий со стороны федеральных и административных органов субъектов Российской Федерации. Вопросы рационального использования недр и обеспечение их государственной охраны и защиты организуются в нашей стране с использованием средств ведомственных учреждений, в частности ключевые вопросы ведения находятся в компетенции Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, а также иных федеральных учреждений, агентств и подведомственных им иных организаций.

Федеральная служба по надзору в сфере природопользования, входящая в состав Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, организует и охраняет национальные парки, государственные природные заповедники и федеральные природные заказники. Росприроднадзор выполняет государственные функции в пределах своей компетенции. С момента его создания вдвое увеличилось количество задач, возложенных на Росприроднадзор и его территориальные учреждения. Государственный орган в рамках своей компетенции уделяет особое внимание жесткому соблюдению природоохранного законодательства Российской Федерации, исполнению программ контрольно-надзорной

1 Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм. от 01.07.2020) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

деятельности, выполнению поручений Министерства природы, а также Президента Российской Федерации.

Приоритетными задачами государственного управления в области защиты и охраны недр, выступает формирование среды, исключающей какие-либо возможности нерационального их использования и формирование благоприятной правовой базы, направленной на обеспечение бережного и экономного использования и добычи, сохранности недр с целью удовлетворения потребностей общества и реализации прав каждого гражданина на доступ к недрам. В свою очередь, приоритетной задачей выступает создание государственной системы охраны недр в части их экологической и природной безопасности².

Мониторинг экологической обстановки показывает недостатки и несовершенства системы экологического контроля, а также что увеличивает труднодоступные места и наносит серьезный ущерб окружающей среде, нарушая при этом права граждан.

Вопросы прекращения недропользования отражены в нормах закона Российской Федерации «О недрах»³. Законодательством нашей страны строго установлены факторы, влекущие прекращение права пользования недрами. Кроме того, определены конкретные ситуации, в которых данное право может быть приостановлено или ограничено, а также обстоятельства в которых право недропользования будет прекращено досрочно и полностью.

Необходимо отметить, что рассматриваемые в данной работе ключевые моменты досрочного прекращения, приостановления или ограничения права пользования недрами входят в компетенцию органа, предоставляющего лицензию - Федерального агентства по недропользованию (Роснедра)⁴.

Исследуя вопросы прекращения права пользования недрами отметим, что виды решений о досрочном прекращении, приостановлении и об ограничении права пользования недрами влекут разные правовые последствия их принятия для владельца лицензии⁵.

Решение о приостановлении права пользования недрами не влечет отмену лицензии, но запрещает временно вести основную деятельность на участке недр и получать соответствующую продукцию. Однако, недропользователь обязан обеспечить сохранность скважин, горных выработок и поддерживать всю добывающую инфраструктуру в соответствующем состоянии, обеспечивающем безопасном для населения, недр и окружающей среды.

Ограничение права пользования недрами также не влечет отмену лицензии, но все же в данном случае лицензия сохраняет свое дальнейшее действие лишь в части видов деятельности, неограниченных решением уполномоченного органа. В случае ограничения права пользования недрами недропользователь временно или на постоянной основе не может осуществлять такую деятельность, которая может угрожать безопасности населения, недрам, окружающей среде до тех пор, пока не устранит причины угрозы, послужившие фактором для ограничения пользования недрами.

Таким образом, понятия «приостановление пользования недрами» и «ограничение пользования недрами» имеют существенные отличия, которые заключаются в следующем. Ограничение права пользования недрами носит временный характер. Данный вывод позволяет сформулировать то обстоятельство, что запрет на осуществление деятельности пользователя будет снят, как только причины, вызвавшие наложение такого рода ограничения, будут устранены. Под приостановлением понимается отсутствие возможности осуществлять все виды деятельности на отдельных участках недр, в том числе приобретение конкретных продуктов, но предусмотрено принятие мер в части обеспечения безопасности объектов и инфраструктуры недропользователя для населения и природы.

Следующим инструментом, направленным на ограничение системы недропользования, является «досрочное прекращение пользования недрами». В ходе применения государством данной меры защиты вся деятельность пользователя на участке недр подлежат немедленному прекращению. Кроме того, законодательством в данном случае запрещено получение пользователем соответствующей продукции. В отличие от двух предыдущих мер государственного воздействия, данная мера предусматривает, что фактическое полное прекращение недропользования наступает до окончания срока действия лицензии. Далее, у пользователя возникает необходимость ликвидации либо консервации скважин, горных выработок и соответствующей инфраструктуры. Именно в данном случае, лицензия прекращает свое действие и подлежит снятию с государственного учета.

Законодательно установленные основания досрочного прекращения права пользования недрами можно классифицировать в зависимости от роли пользователя и выделить следующие три группы оснований. К первой группе следует отнести основания, иницируемые самим пользователем, среди них:

- если инициативу досрочного прекращения пользования недрами выразил недропользователь, при этом необходимо его заявление;
- в случае, когда лицензиат – предприятие либо иной субъект хозяйствования, ликвидирован.

Следующую группу составляют основания, вызванные действиями либо бездействием самого лицензиата, таковыми являются:

- случаи возникновения крайне неблагоприятных факторов, таких как угроза безопасности, жизни или здоровью населения, в том числе работников пользователя; а также в случае нанесения или угрозы нанесения вреда окружающей природной среде в результате неблагоприятного воздействия от деятельности лицензиата на предоставленном ему участке недропользования;
- случаи, когда происходит регулярное нарушение принятого порядка и правил пользования недрами;
- случаи, когда недропользователь скрывает или не сообщает достоверную информации в части пользования недрами, а равно предоставляет недостоверную информацию в части пользования недрами в отчетах;
- если за время лицензионного срока недропользователь не приступил к работам, в том числе в части установлен-

2 Лулева Е.В. Экологические императивы в системе правовых предписаний о рациональном природопользовании. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-imperativy-v-sisteme-pravovyh-predpisaniy-o-ratsionalnom-prudopolzovanii/viewer>.

3 Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 10. Ст. 823.

4 Приказ Минприроды России от 29.09.2009 № 315 «Об утверждении Административного регламента Федерального агентства по недропользованию по исполнению государственных функций по осуществлению выдачи, оформления и регистрации лицензий на пользование недрами, внесения изменений и дополнений в лицензии на пользование участками недр, а также переоформления лицензий и принятия, в том числе по представлению Федеральной службы по надзору в сфере природопользования и иных уполномоченных органов, решений о досрочном прекращении, приостановлении и ограничении права пользования участками недр» (с изм. от 19.02.2015, от 31.05.2016) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 10.

5 Спиридонов Д.В. Досрочное прекращения права пользования недрами как один из механизмов правового регулирования пользования недрами. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dosrochnoe-prekraschenie-pravopolzovaniya-nedrami-kak-odin-iz-mehanizmov-pravovogo-regulirovaniya-polzovaniya-nedrami/viewer>.

ных объемов использования недр он также может лишиться права пользования недрами;

– нарушения лицензиатом условий лицензии. К данной группе также необходимо отнести случаи, когда сама лицензия может содержать значимое условие, наступление которого влечет прекращение права пользования недрами.

Последнюю, третью группу, составляют основания, вызванные обстоятельствами, не зависящими от пользователя. К таковым относятся:

– обстоятельства, когда возникли либо есть риск возникновения происшествий природного или техногенного характера: войны, чрезвычайных происшествий, стихийных бедствий и иных крайне опасных ситуаций.

В тоже время необходимо отметить, что в случае, когда причины, ставшие поводом для приостановления или ограничения права пользования недрами, недропользователем устраняются, а все негативные последствия были в полном объеме ликвидированы, то закон предоставляет возможность полного восстановления права пользования недрами. Кроме того, законодательно установлено, что период, на который было приостановлено право пользования недрами в срок действия лицензии не включается.

Возвращаясь к вопросу приостановления права пользования ввиду возникновения угрозы жизни или здоровью работников, населения, ввиду работ, связанных с использованием недр на отведенном участке, отметим, что такие угрозы могут быть вызваны действием двух факторов:

1. Объективных:

- природные условия;
- возникновение чрезвычайных ситуаций по независящим причинам.

2. Субъективных:

- по вине недропользователя.

Участок недропользователю может быть представлен на определенный срок или же бессрочно, при этом срок действия лицензии фактически равносителен сроку, на который предоставляется участок недр. В свою очередь, если недропользователем не организуются работы по продлению лицензионного срока, то наступает факт прекращения пользования недрами. Также владелец лицензии вправе отказаться от пользования недрами. Здесь важно соблюсти единственное условие – недропользователь обязан уведомить о прекращении пользования недрами государственный орган выдавший лицензию в срок не позднее, чем за 6 месяцев до заявленного срока. Отказ от пользования недрами составляется владельцем лицензии самостоятельно. Форма такого отказа не предусмотрена законом и носит произвольный характер. При этом, уполномоченный орган вправе отказать заявителю ввиду несоблюдения последним ряда формальностей (отсутствием необходимых документов, согласно требований отдельных регламентов); в иных случаях – при выполнении заявителем мер, направленных на сохранение выделенного участка недр, право пользования недрами прекращается.

Согласно требованиям закона, в случаях, когда право пользования участком недр переходит от одного лица к другому, требуется соблюдение процедуры переоформления лицензии. Данные положения распространяются при переходе права пользования недрами в связи с реорганизацией или ликвидацией хозяйствующего субъекта, в ведении которого находился участок недр; переоформление такой лицензии предполагает прекращение пользования недрами и возникновение этого права при его восстановлении у нового пользователя.

Подводя итог вышесказанному следует отметить, что государство располагает рядом правовых инструментов воздействия на пользователя недр. В зависимости от характера нарушения, степени тяжести и возможности устранения нарушений, к недропользователю применяются различные по результату воздействия правовые меры. Так, в случае не-

значительных нарушений к недропользователю применимы «мягкие меры», такие как приостановление либо ограничение права пользования недрами. Если же недропользователем допущены серьезные нарушения, в данном случае, государством применяются такие радикальные способы воздействия как досрочное прекращение права пользования недрами⁶. При этом, независимо от примененного правового инструмента, государство всегда ориентировано на главную цель – рациональное использование и охрана недр, исключение возникновения угрозы жизни и здоровью населения, а также чрезвычайных ситуаций. Однако, наиболее эффективной мерой государственного воздействия на нарушителя является досрочное прекращение права пользования недрами. Поскольку именно риск потерять прибыль и понести убытки в связи с прекращением деловой активности побуждает недропользователя соблюдать условия лицензии и все другие требования законодательства. В тоже время, нельзя не могла

Пристатейный библиографический список

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм. от 01.07.2020) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
2. Лунова Е.В. Экологические императивы в системе правовых предписаний о рациональном природопользовании. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-imperativy-v-sisteme-pravovyh-predpisaniy-o-ratsionalnom-prirodopolzovanii/viewer>.
3. Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 10. Ст. 823.
4. Приказ Минприроды России от 29.09.2009 № 315 «Об утверждении Административного регламента Федерального агентства по недропользованию по исполнению государственных функций по осуществлению выдачи, оформления и регистрации лицензий на пользование недрами, внесения изменений и дополнений в лицензию на пользование участками недр, а также переоформления лицензий и принятия, в том числе по представлению Федеральной службы по надзору в сфере природопользования и иных уполномоченных органов, решений о досрочном прекращении, приостановлении и ограничении права пользования участками недр» (с изм. от 19.02.2015, от 31.05.2016) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 10.
5. Спиридонов Д.В. Досрочное прекращения права пользования недрами как один из механизмов правового регулирования пользования недрами. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dosrochnoe-prekraschenie-prava-polzovaniya-nedrami-kak-odin-iz-mehanizmov-pravovogo-regulirovaniya-polzovaniya-nedrami/viewer>.
6. Горохов К.Д. Досрочное прекращение права пользования недрами в структуре правового режима разработки месторождений полезных ископаемых. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dosrochnoe-prekraschenie-prava-polzovaniya-nedrami-v-strukture-pravovogo-rezhima-razrabotki-mestorozhdeniy-poleznyh-iskopaemyh>.

6 Горохов К.Д. Досрочное прекращение права пользования недрами в структуре правового режима разработки месторождений полезных ископаемых. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dosrochnoe-prekraschenie-prava-polzovaniya-nedrami-v-strukture-pravovogo-rezhima-razrabotki-mestorozhdeniy-poleznyh-iskopaemyh>.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-2-165-253-257

КЛЮКАНОВА Лариса Геннадьевна

кандидат юридических наук, кандидат культурологии, доцент кафедры правовой охраны окружающей среды Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются особенности формирования отечественного нормотворчества и некоторые тенденции развития правоприменительной деятельности в сфере обеспечения экологической безопасности городской среды. Анализируются характеристики института экологической безопасности городской среды. Выявлен его комплексный, межотраслевой, междисциплинарный и самостоятельный характер. Формулируется вывод о необходимости совершенствования системы правового регулирования в сфере обеспечения экологической безопасности городской среды, включая целесообразность гармонизации правовых норм, систематизации специального законодательства, упорядочения специальной юридической терминологии и создания новых правовых институтов.

Ключевые слова: экологическая безопасность, городская среда, урбанизационная безопасность, индекс качества городской среды, устойчивое развитие.

KLYUKANOVA Larisa Gennadjevna

Ph.D. in Law, Ph.D. in culturology, associate professor of Legal protection of environment sub-faculty of the of the Law Faculty of the St. Petersburg State University

ENSURING THE ENVIRONMENTAL SAFETY OF THE URBAN MILIEU: MODERN PROBLEMS OF THE LEGAL REGULATION

The article deals with the features of the development of the national rulemaking and some tendencies of the forming of the law enforcement activities in the field of ensuring of the Environmental Safety on the Urban milieu. The characteristics of the institute of the Environmental Safety provided in Urban milieu, its complex, intersectoral, interdisciplinary and independent character are analyzed. The conclusion about the necessity to improve the system of the independent legal regulation in the field of ensuring of the Safe Urban Environment including the harmonization of the legal norms, systematization of the special legislation. streamlining of the development of the special legal terminology and creation of the new legal institutes is formulated.

Keywords: Environmental Safety, Urban milieu, Urban safety, Urban environment quality index, Sustainable development.

Урбанизационные процессы, связанные с расширением городского пространства и ростом его значения, носят глобальный общепланетарный характер, и влекут за собой изменения в политических, административно-управленческих, социально-демографических, научных, экономических, производственных, технических, эколого-значимых, культурных, коммуникационных и информационно-цифровых сферах, что порождает необходимость в разработке гармонизированного с международным, национального системного правового регулирования, гарантирующего устойчивое развитие городской среды.

Становление комплексного эколого-ориентированного правового регулирования, обеспечивающего благоприятные условия жизнедеятельности и рост качества жизни проживающих в условиях городской среды людей, ограничение негативного воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду в городах в интересах настоящего и будущих поколений, и управление ресурсами, несомненно, имеет место в нормах отечественного права. В настоящее время такое правовое регулирование обладает достаточно размытыми характеристиками по причинам: очень широкого межотраслевого охвата разнообразных общественных отношений; вариативности политико-правовых тенденций; объемного перечня нормативных правовых актов, носящего при этом недостаточно системный характер; многообразия правовых институтов; и неполной унификации терминологического ряда.

В целом обозначенное правовое регулирование формируется и развивается преимущественно в нескольких магистральных направлениях – основные тенденции объективируются в экологическом¹, а также и земельном², градостроительном³ и санитарно-эпидемиологическом⁴ законодательствах (каждое из которых самостоятельно, в контекстах решения собственных задач, и в сочетании с эколого-правовыми нормами устанавливают механизмы обеспечения экологической безопасности городской среды).

В то же время, процесс его формирования сопряжен с целым рядом сложно разрешаемых задач: как в сфере нормотворчества, так и в сфере правоприменения.

- 1 Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Российская газета от 12 января 2002 г.
- 2 Земельный кодекс РФ от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Российская газета от 30 октября 2001 г.
- 3 Градостроительный кодекс РФ от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // Российская газета от 30 декабря 2004 г.
- 4 Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Российская газета от 6 апреля 1999 г.; Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 января 2021 г. № 3 «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 2.1.3684-21 «Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru.

В первую очередь обращает на себя внимание вариативность применяемого действующим законодательством терминологического аппарата в рассматриваемой сфере, и одновременно – недостаточная его разработанность.

Урбанизационные процессы объективируются в городах, которые характеризуются: подверженностью естественного природного ландшафта антропогенному и техногенному (включая инженерно-техническому и цифровому) преобразованию; наличием системы административной организации и управления; наличием городской культуры; организацией и управлением земельными ресурсами и землепользованием; планировкой застройки и размещением объектов различного назначения; они являются местом проживания людей; местом концентрации инновационного, промышленного, инвестиционного и научно-технического потенциала, обеспечивающего, помимо прочего, высокий уровень территориальной мобильности и межрегиональной интеграции населения.

Для обозначения таких сложных административно-территориальных образований законодатель применяет целый ряд терминов. В качестве универсально обобщающего – термин максимально широкого содержания: «урбанизированные территории»⁵, обозначающий антропогенно преобразованные территории естественно-природного происхождения, занятые городскими поселениями и промышленными объектами, и связанными с ними инфраструктурными, производственными, инженерными и транспортными объектами, расположенными, как правило, в пределах категории земель населенных пунктов. В ряде случаев особо выделяют «урбанизированные промышленно развитые территории»⁶.

Также применяются такие термины, как: «поселения» (в нормах градостроительного законодательства и законодательства об организации местного самоуправления⁷), подразделяемые на городские и сельские⁸; «населенные пункты» (в нормах земельного законодательства)⁹; «города»¹⁰; «городская среда» (она характеризуется совокупностью природных, архитектурно-планировочных, экологических и других факторов, формирующих среду обитания на определенной

территории и определяющих комфортность проживания на этой территории)¹¹; «мегаполисы»¹² и «агломерации»¹³.

Для целей данного исследования термин «городская среда» представляется наиболее предпочтительным, т.к. обладает наибольшими эколого-значимыми характеристиками.

Приведенное выше разнообразие терминологического ряда не выглядит корректно упорядоченным и нуждается в своем оптимальном структурировании: необходим единый унифицирующий подход.

В настоящее время не выработано и единого подхода к вопросу о том – является ли целесообразным формирование единого комплексного правового института, предусматривающего правовое регулирование правоотношений, обеспечивающих устойчивое экологическое развитие городской среды (и каким термином может быть такой институт обозначен) [4].

Развитие экологической политики и права, во всяком случае, стимулируют современную юридическую технику к созданию новых правовых институтов, применяемых в данной сфере. Появились такие институты, как: «устойчивое развитие территорий» – предусматривающий обеспечение при осуществлении градостроительной деятельности безопасности и благоприятных условий жизнедеятельности человека¹⁴, ограничение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и обеспечение охраны и рационального использования природных ресурсов в интересах настоящего и будущего поколений¹⁵; разрабатывается «устойчивое градостроительство»: согласно правовой позиции, сформированной Конституционным Судом РФ, регламентация градостроительной деятельности направлена в первую очередь на обеспечение комфортной

5 См., например: ст. 4 Модельного закона СНГ «Об экологической безопасности» от 15 ноября 2003 г. № 22-18; Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 30 декабря 2016 г. № 1034/пр «Свод правил СП 42.13330.2016 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений». Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89* // СПС Гарант.

6 См., например: Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 13 июня 2019 г. № АПЛ19-175 // СПС Консультант Плюс.

7 Следует подчеркнуть динамику развития законотворческих процессов в данной сфере – в п. 1 ст. 131 Конституции РФ были внесены изменения (2020 г.), в соответствии с которыми термин «поселения» заменен на термин «территории муниципальных образований» // Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с изменениями от 1 июля 2020 г.) // СПС Гарант.

8 П. 1 ст. 2 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета от 8 октября 2003 г.

9 Ст. 83 Земельного кодекса РФ от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Российская газета от 30 октября 2001 г.

10 Ст. 2 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета от 8 октября 2003 г.; Общероссийский Классификатор объектов административно-территориального деления ОК 019-95 (ОКАТО), утв. Постановлением Госстандарта от 31 июля 1995 г. № 413 // СПС Гарант.

11 П. 1.2. «Методики определения индекса качества городской среды муниципальных образований Российской Федерации», утвержденной Приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 31 октября 2017 г. № 1494/пр // СПС Гарант; Распоряжение Правительства РФ от 23 марта 2019 г. № 510-р « Об утверждении Методики формирования индекса качества городской среды» // СПС Консультант Плюс См. также: Паспорт приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды», утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам. Протокол от 18 апреля 2017 г. № 5 // СПС Консультант Плюс; Существуют и региональные тенденции. Например, под городской средой обитания, согласно Постановлению Правительства Московской области от 17 октября 2017 г. № 864/38 «Об утверждении государственной программы Московской области «Формирование современной комфортной городской среды», понимается совокупность конкретных основополагающих условий, созданных человеком и природой в границах населенного пункта, которые оказывают влияние на уровень и качество жизнедеятельности человека» // СПС Консультант Плюс.

12 См., например: Послание Президента РФ Федеральному собранию от 1 марта 2018 г. // СПС Консультант Плюс.

13 Согласно «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025года», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019г. № 207-р «Крупная городская агломерация» – это совокупность компактно расположенных населенных пунктов и территорий между ними с общей численностью населения 500 тысяч человек – 1000 тысяч человек, связанных совместными инфраструктурными объектами и объединенных интенсивными экономическими, в том числе трудовыми, и социальными связями. // СПС Консультант Плюс.

14 См. подп. «б» п. 8 «Основ государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года», утв. Президентом РФ от 30 апреля 2012 г. // СПС Гарант.

15 П. 3 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // Российская газета от 30 декабря 2004 г.

среды обитания¹⁶, комплексного учета потребностей населения и территорий в развитии и необходима для согласования государственных, общественных и частных интересов в данной области в целях обеспечения благоприятных условий проживания¹⁷.

Для дальнейшего формирования и развития подобных правовых институтов очень важно сохранение их экологически значимой составляющей.

Кроме того, в научных исследованиях стал заметным вопрос о выработке специальных принципов правовой охраны окружающей среды в городском пространстве. Значение статуса принципов, являющихся одновременно и нормами-рекомендациями, и основными стратегическими установками, объективирующими руководящие идеи, характеризующие сущность и содержание отрасли права, чрезвычайно велико для создания и развития специального эколого-значимого правового регулирования.

Можно выявить некоторое противоречие в том, что специального института, предусматривающего правовое регулирование правоотношений, обеспечивающих устойчивое экологическое развитие городской среды как такового еще не существует, а принципы правового регулирования уже обсуждаются академическим сообществом, и даже признается, что они находят свое закрепление в специальных нормах [6]; при этом и в данном вопросе единой концепции и единой терминологии не выработано – в одних случаях формулируются природоохранные принципы градостроительной деятельности¹⁸, в других – принципы охраны окружающей среды в городах [5].

По мнению Н. Л. Лисиной, например, можно выделить такие принципы правовой охраны окружающей среды в городах¹⁹, как: сохранение, поддержание и восстановление благоприятной окружающей среды в городе как элемента качества жизни человека в нем; сочетание экологических, экономических и социальных аспектов развития города – в качестве главного принципа охраны окружающей среды в городах («принцип баланса возможностей и потребностей»); экологически обоснованное планирование развития и застройки территории городов; участие населения в решении вопросов устойчивого развития городов; децентрализация и укрепление позиций органов местного самоуправления в деле охраны окружающей среды городов [5].

В данном контексте также важно отметить приоритеты концепции устойчивого развития, как основы эффективно-

го решения экологических проблем [2] городской среды, которые реализуются как в сфере нормотворчества, так и в правоприменительной деятельности. Устойчивое развитие предполагает процесс изменений в окружающей среде, при котором экономическая деятельность, эксплуатация природных ресурсов, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие личности согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей [10].

Проблематика обеспечения экологической безопасности городской среды приобретает первостепенное значение, поскольку индустриализация и научно-технический прогресс, обеспечивающие жизнедеятельность современного человека, приводят и к негативным экологическим эффектам, и порождает среду с потенциально высокой концентрацией экологически неблагоприятных факторов и экологических рисков²⁰.

Действующее законодательство определяет экологическую безопасность как состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий²¹.

Более широкая трактовка, предлагаемая нормами международного права, определяет экологическую безопасность в качестве системы политических, правовых, экономических, технологических и иных мер, направленных на обеспечение гарантий защищенности окружающей среды и жизненно важных интересов человека и гражданина от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности и угроз возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в настоящем и будущем времени²².

Также она рассматривается в качестве совокупности состояний, процессов и действий, обеспечивающей экологический баланс в окружающей среде и не приводящей к жизненно важным ущербам (или угрозам таких ущербов), наносимым природной среде и человеку²³.

Согласно п. 1 «Стратегии экологической безопасности Российской Федерации» – экологическая безопасность является составной частью национальной безопасности²⁴, но, кроме этого, она может быть рассмотрена и в качестве безопасности личности и общества в целом.

Отметим, что согласно п. 20 указанной Стратегии наличие густонаселенных территорий, характеризующихся высокой степенью загрязнения окружающей среды, относится к внутренним вызовам экологической безопасности.

16 Согласно п. 2.10 Инструкции по экологическому обоснованию хозяйственной и иной деятельности, утвержденной Приказом МПР РФ от 29 декабря 1995 г. № 539. «условия проживания комфортные – это характеристика окружающей среды, при которой обеспечивается благополучное состояние здоровья человека и благоприятные социально-бытовые условия проживания населения» // СПС Гарант.

17 П. 2.1 Определения Конституционного Суда РФ от 15 июля 2010 г. № 931-О-О; см. также: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 15 января 2020 г. № 53-АПА19-47 // СПС Консультант Плюс.

18 Там же.

19 Согласно ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды», охрана окружающей среды – это деятельность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений и некоммерческих организаций, юридических и физических лиц, направленная на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию ее последствий.

20 Экологические риски связаны с действием природных и антропогенных факторов. Понятие содержится в ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» как вероятность наступления события, имеющего неблагоприятные последствия для природной среды и вызванного негативным воздействием хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Российская газета от 12 января 2002 г.

21 Ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Российская газета от 12 января 2002 г.

22 Модельный закон СНГ «Об экологической безопасности» от 15 ноября 2003 г. № 22-18 // СПС Гарант.

23 П. 2.1. Инструкции по экологическому обоснованию хозяйственной и иной деятельности, утвержденной Приказом МПР РФ от 29 декабря 1995 г. № 539 // СПС Гарант.

24 Стратегия утверждена Указом Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС Гарант.

В обеспечении экологической безопасности городской среды усматривается публично значимая задача²⁵, объективирующая в себе всеобщий публичный интерес, обеспеченный общезначимым характером, государственно-правовыми признанием, нормативным закреплением, поддержкой и гарантированностью [1].

Экологическая безопасность как самостоятельный комплексный правовой институт обеспечивается особой системой правового регулирования, закрепленного в нормах специального законодательства. Его межотраслевой характер – и в целом, и применительно к условиям городской среды, предопределяется его корреляцией с институтами санитарно-эпидемиологической, продовольственной, промышленной, энергетической, градостроительной, экономической, цифровой, транспортной и иными видами безопасности, которые также призваны обеспечивать такое состояние среды обитания, при котором отсутствует опасность вредного воздействия ее факторов на человека.

Цели и приоритеты Российской Федерации в сфере обеспечения экологической безопасности городской среды закреплены и в реализуемых Национальном проекте РФ на период с 2018 г. по 2024 г. «Экология»²⁶, Национальном проекте РФ на период с 2018 г. по 2024 г. «Жилье и городская среда»²⁷.

В целом же экологическая безопасность в настоящее время достаточно общепризнанно рассматривается в качестве социально-экологической характеристики соответствующей территории [8], и, в первую очередь – городской среды.

Для корректного толкования содержания института экологической безопасности городской среды, можно предложить такую ее составляющую как «урбанизационная безопасность», которая может быть рассмотрена как состояние защищенности личности и общества в контексте существования на урбанизированных территориях и, особенно – в крупных городах.

В качестве основных составляющих «урбанизационной безопасности» могут быть рассмотрены взаимобулавливающие факторы городской среды: градостроительные, архитектурные, инфраструктурные, техногенные, энергообеспечивающие, управленческие, коммуникационные, инновационно-цифровые, социальные, культурные, рекреационные, логистические; геодемографического положения (в аспекте перспективы роста количества и качества трудовых ресурсов); политико-географического положения (расположение города относительно столицы и границ, и размещения в нем органов публичной власти) и, разумеется, природные. Природная среда здесь определяется факторами существующих природных условий: климатических, геофизических, геологических, гидрологических, геохимических, ландшафтных, биологических. Значение имеют и собственно экологические факторы, определяемые в соответствии с физическими, химическими, биологическими и иными показателями

качества окружающей среды, уровнем загрязнения и видами негативного воздействия на окружающую среду, специфической программы обращения с отходами [7].

К настоящему моменту на международно-правовом и национальном уровнях разработаны самые различные инструменты оценки устойчивости, безопасности и качества жизни людей в городах – рейтинги, индексы, стандарты²⁸. Учитываются и оцениваются такие показатели, как: воздушная среда, водопользование, энергопотребление, обращение с отходами, биотическая среда (растительный и животный мир), управление воздействием на окружающую среду, транспорт и др.

Законодателем разработана такая категория, как Индекс качества городской среды. Индекс качества городской среды согласно положениям отечественного законодательства, представляет собой цифровое значение состояния городской среды населенных пунктов, полученное в результате комплексной оценки количественных и поддающихся измерению показателей, характеризующих уровень комфорта проживания на соответствующей территории²⁹. При этом Индекс оценивает городскую среду в целом, во всей ее полноте, поэтому при его подсчете используется информация, относящаяся к различным аспектам функционирования и применяются самые разноаспектные индикаторы, в том числе такие как: удовлетворение базовых нужд населения, качество жизни, экологическая ситуация, рациональное использование ресурсов, развитие инфраструктуры, эффективность управления, потенциал устойчивого развития и др., при этом одна из базовых ценностей развития города это экологическая безопасность.

Отметим, что современным этапом развития городов стало формирование нового устойчивого эколого-совместимого правового архетипа урбанистики – получившего название «умный город» («smart city»), предусматривающего конвергенцию физического, цифрового и биологического миров [9], при которой эффективно взаимодействуют потоки материалов, энергии, трудовых ресурсов, и информации, а также происходит демократизация информации и развивается прозрачность социально-политических процессов, которые обеспечивают всепроникающие цифровые активы и инновационные технологии, при этом экологическая составля-

28 Например, ISO 18091-2019 Quality management systems, ISO 37120-2014 Sustainable development of communities, ISO 37151-2015 Smart community infrastructures, ISO 37152-2016 Smart community infrastructures, ГОСТ Р ИСО 18091-2016 Системы менеджмента качества; ГОСТ Р ИСО 37120-2020 Устойчивое развитие сообщества и др.

29 См.: Распоряжение Правительства РФ от 23 марта 2019 г. № 510-р « Об утверждении Методики формирования индекса качества городской среды » // СПС Консультант Плюс; Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 31 октября 2017 г. № 1494/п «Об утверждении Методики определения индекса качества городской среды муниципальных образований Российской Федерации» // СПС Гарант; Паспорт национального проекта «Жилье и городская среда» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 г. № 16). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/projects/selection/735/35560/>. Также существуют и региональные программы: см., например, Паспорт регионального проекта «Формирование комфортной городской среды» (город федерального значения Санкт-Петербург) протоколом заседания проектного комитета по направлению региональных проектов в Санкт-Петербурге «Жилье и городская среда» от 19 марта 2021 № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gov.spbu.ru.

25 Определение Верховного Суда РФ от 11 сентября 2020 г. по делу № А43-35725/2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/>.

26 См.: Паспорт национального проекта «Экология» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 г. № 16). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/rugovclassifier/848/events/>.

27 См.: Паспорт национального проекта «Жилье и городская среда» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 г. № 16). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/projects/selection/735/35560/>.

ющая концепции «умных городов», обеспечивающая обеспечение экологических прав граждан, является важнейшей [3]. В качестве примера можно привести программу «Умный Санкт-Петербург», предусматривающую комплексный подход к внедрению информационных технологий управления мегаполисом, гибкий интеграционный процесс развития, включающий цели социально-экономической политики города, обеспечение стабильного улучшения качества жизни горожан, которое имеет интегральный характер и определяется уровнем развития экономики, состоянием городской среды, включая экологическую составляющую³⁰.

Кроме того, чрезвычайно интересно, хотя и несколько спорадически, развивается судебная практика в данной сфере. Судебными решениями осуществлено признание: устойчивости систем водоснабжения и водоотведения в населенных пунктах в качестве имеющих важное значение для безопасности жизнедеятельности населения, функционирования промышленной и коммунально-бытовой инфраструктуры³¹; значения инженерно-технических сетей, входящих в единую систему коммунальной инфраструктуры для обеспечения санитарно-гигиенической и экологической безопасности территории города³²; обязанности служб ЖКХ по оказанию услуг по обеспечению экологической безопасности в городе³³; обязанности соблюдения правил эксплуатации полигонов твердых коммунальных отходов как требование по обеспечению экологической безопасности³⁴; признание того факта, что последствия неблагоприятных воздействий хозяйственной деятельности на окружающую среду в городе (например, воздействия неблагоприятных факторов промышленных загрязнений) приводят к значительным неудобствам жизни и расстройствам здоровья³⁵ и проч.

Таким образом, формирование и развитие системного механизма правового регулирования охраны окружающей среды в городах, включающего закрепление принципов, приоритетов и стратегических задач, создание новых правовых терминов и институтов, объективирующих в себе эколого-значимые факторы устойчивого развития городской среды, является одной из важнейших задач отечественной законотворческой и правоприменительной деятельности, активно реализуемой в современных условиях. В целом же можно признать достаточно результативными существующие законотворческие инициативы, и решения правоприменительной деятельности, а также некоторые социально-культурные достижения в сфере обеспечения экологической безопасности городской среды.

Пристатейный библиографический список

1. Васильева М. И. Публичные интересы в экологическом праве: теория и практика правового регулирования: дисс. ... доктора юрид. наук: 12.00.06. – М., 2003. – 416 с.
2. Вершило Н. Д. Эколого-правовые основы устойчивого развития: дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.06. – М., 2008. – 389 с.
3. Качанов С. А., Пинчук А. В., Соколов Н. А. Принципы реализации концепции «Умный устойчивый город» // Технологии гражданской безопасности. – 2018. – Т.15, № 4(58). – С. 4-12.
4. Клюканова Л. Г. Устойчивые города: комплексное развитие урбанизированных территорий и правовые механизмы обеспечения реализации права граждан на благоприятную окружающую среду // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 1 (128). – С. 213-219.
5. Лисина Н. А. Принципы правовой охраны окружающей среды в городах // Государство и право. – 2019. – № 1. – С. 123-135.
6. Правовое обеспечение благоприятной окружающей среды в городах: научно-практическое пособие / С. А. Боголюбов, Е. С. Болтанова, Г. В. Выпханова и др.; отв. редактор Н. В. Кичигин. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2013. – 336 с.
7. Растяпина О. А. Влияние урбанизации на благополучие городского поселения // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. – 2016. – № 45 (64). – С. 168-187.
8. Хуршудов А. Г. Концепция экологической безопасности ресурсной северной территории // Биологические ресурсы и природопользование. – 1997. – Вып. 1. – С. 87-98.
9. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2016. – 138 с.
10. Декларация ООН по окружающей среде и развитию. 1992 г. // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 2. – М.: Бек, 1996. – С. 132-135.

30 См. раздел 6 Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 г., утвержденной Постановлением Правительства Санкт-Петербурга № 521 от 26 июня 2018 г. // СПС Консультант Плюс; Отметим также и Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 18 июня 2013г. № 400 «Об экологической политике Санкт-Петербурга на период до 2030 года» // СПС Консультант Плюс.

31 Определение Верховного Суда РФ от 30 ноября 2020 г. по делу № А35-11000/2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/>.

32 Определение Верховного Суда РФ от 14 ноября 2014 г. № по делу № 46-13852/2013. <https://sudact.ru/>.

33 Решение Советского районного суда г. Волгограда от 17 февраля 2014 г. № 12-23/2014 по делу № 12-23/2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/>.

34 Решение Боготольского районного суда (Красноярский край) № 2-525/2020 2-525/2020-М-440/2020 М-440/2020 от 17 сентября 2020 г. по делу № 2-525/2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/>.

35 См.: п. 138 Постановления Европейского Суда по правам человека от 9 июня 2005 г. Дело «Фадеева (Fadeyeva) против Российской Федерации» (жалоба № 55723/00) (бывшая Первая секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2006. – № 3. – С. 106-140.

АБДУЛАЕВ Абдула Магомедович

магистр Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ТАИЛОВА Айша Габировна

кандидат юридических наук, доцент Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

В статье анализируется опыт международного сообщества, направленный на противодействие корпоративному коррупционному правонарушению.

Вопрос противодействия корпоративным коррупционным проявлениям занимает приоритетное место в политике противодействия коррупции в зарубежных странах. В ряде стран, например, в Великобритании, недавно были приняты антикоррупционные законы. Кроме того, британские и американские силовики, в частности, признали борьбу с коррупцией в отношении юридических лиц приоритетным направлением.

Ежегодно увеличиваются случаи привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, которые становятся субъектами уголовной ответственности, в том числе за нарушение антикоррупционного законодательства о взяточничестве. Результатом последних изменений в законодательстве ряда стран является то, что юридические лица все чаще признаются субъектами уголовной ответственности по преступлениям по делам о взяточничестве.

Ключевые слова: добровольный отказ, соучастие, институт уголовного права, отграничение, деятельное раскаяние.

ABDULAEV Abdula Magomedovich

master's degree of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

VOLUNTARY REFUSAL TO COMMIT A CRIME: ISSUES OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

The article analyzes the experience of the international community aimed at countering corporate corruption offenses.

The issue of countering corporate corruption takes a priority place in the anti-corruption policy in foreign countries. A number of countries, such as the UK, have recently adopted anti-corruption laws. In addition, British and American security officials, in particular, recognized the fight against corruption against legal entities as a priority.

Cases of bringing legal entities to criminal responsibility, which become subjects of criminal responsibility, including for violation of anti-corruption legislation on bribery, are increasing annually. The result of recent changes in the legislation of a number of countries is that legal entities are increasingly recognized as subjects of criminal liability for crimes in cases of bribery.

Keywords: voluntary refusal, complicity, institute of criminal law, delineation, active repentance.

Истоки института добровольного отказа от преступления можно найти еще в дореволюционном периоде развития уголовного права и уголовного законодательства. В правовой литературе отмечается, что примерно к концу девятнадцатого – началу двадцатого века в российской теории уголовного права оформилась теория преступной деятельности, которая не привела к результату. Эта концепция мало отличается от взглядов на неоконченное преступление, которые существуют в настоящее время. Аналогично настоящему времени, преступление рассматривалось как оконченное, если в нем (в деянии, которое было совершено) можно было выделить все необходимые признаки состава преступления.

Поскольку в случае добровольного отказа уголовной ответственности не наступает, следовательно, речь не идет об освобождении от нее – самого факта уголовной ответственности еще нет и не будет, если поведение субъекта добровольного отказа удовлетворяет установленным уго-

ловным законом критериям. Также разными учеными называются разные признаки добровольного отказа.

В частности, исследователи полагают, что добровольный отказ имеет главными своими признаками его добровольность и окончательность. По нашему мнению, такой признак, как осознание самой возможности довести преступление до конца, можно включить в состав другого признака – добровольности отказа. Добровольность предполагает такое осознание и без него невозможна, следовательно, выделение данного признака дополнительно является излишним. Никаких дополнительных условий объективного характера не ставится как обязательные условия добровольного отказа.

Таким образом, лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с добровольным отказом в том случае, если оно «добровольно приняло решение» об отказе от преступления только по той причине, что осознало объективную невозможность его совершения, наличие препятствий для его совершения.

Спорным является вопрос о том, что считать «доведением преступления до конца» и сам «конец преступления». Представляется, что в данном случае перво-степенное значение должно иметь выяснение умысла преступника, а также исследование объективной стороны, которая может указать, каким был этот умысел. При этом необходимо выяснить, не содержат ли действия субъекта признаки иного состава преступления, поскольку как устанавливает защитник, если преступник хитростью попытается избежать наказания, заявляя, что хотел совершить какое-то иное, более тяжкое преступление, и не совершил его, это не позволит ему избежать уголовной ответственности за уже содеянное.

Добровольный отказ имеет существенные отличия от неоконченного преступления. Статья 29 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает, что преступление можно считать оконченным, если в деянии, которое совершило лицо, есть признаки состава преступления, которое предусматривает УК РФ. Необходимо иметь в виду, что, если преступление неоконченное, все же преступление с юридической точки зрения имеет место быть, хотя оно и не доведено до конца (не окончено). Однако добровольный отказ предполагает, что в принципе нет состава преступления, следовательно, преступления с юридической точки зрения нет (если нет состава другого преступления – но тогда речь идет о законченном преступлении другого состава).

Правовая природа добровольного отказа и неоконченного преступления различается и по сути, и по ряду важных критериев. В связи с изложенным выше еще одной проблемой института добровольного отказа можно назвать то, что статья 31 «Добровольный отказ» УК РФ помещена в главу 6 «Неоконченное преступление». Представляется, что разная правовая природа и критерии, о которых речь шла выше, позволяют сделать вывод о некоторой нелогичности такой структуры кодекса. В литературе высказывалась точка зрения о том, что наличие значительной разницы между институтом добровольного отказа и институтом неоконченного преступления приводит к тому, что неоправданно рассматривать их в одной и той же главе Уголовного кодекса. Они являются взаимоисключающими.

По данным причинам предлагается выделить институт добровольного отказа и поместить его в самостоятельной главе УК РФ.

Различные ученые соглашались, что, добровольно отказываясь, лицо должно осознавать, что имеет возможность продолжить свои преступные действия и довести преступление до конца. Именно по субъективному характеру окончательности добровольного отказа определяется момент прекращения неоконченного преступления, только он позволяет выяснить психическое отношение лица к своему деянию.

Действительно, данный признак по своей природе является именно субъективным, поскольку окончательное прекращение преступления, прежде всего, предполагает факт окончательного отсутствия умысла на совершение в будущем действий по продолжению начатого преступления, то есть лицо, добровольно отказалось и уже не вернется к ранее начатой деятельности.

Рассматривая добровольный отказ соучастников, важно учитывать тот момент, что любой из участников преступной деятельности может быть не ограничен функциями, присущих только одному виду соучастников. Это связано с тем, что соучастники в совместной преступной деятельности могут выполнять одновременно роли исполнителя и подстрекателя, в то же время и пособника и исполнителя, либо же пособника и подстрекателя.

Добровольный отказ при неоконченном преступлении является довольно распространенным явлением. Однако на практике определить его признаки довольно тяжело. Такая ситуация обусловлена сложностью данного института, не способствует решению этой проблемы и отсутствие единых позиций по поводу некоторых вопросов добровольного отказа в теории. В советский период большинство ученых считали, что следует выделять только два признака исследуемого понятия: добровольность и окончательность.

В правовой литературе отмечается, что примерно к концу девятнадцатого – началу двадцатого века в российской теории уголовного права оформилась теория преступной деятельности, которая не привела к результату. Эта концепция мало отличается от взглядов на неоконченное преступление, которые существуют в настоящее время.

Также выделяли так называемое обнаружение умысла, которое понималось как выражение умысла в словах преступника или даже в письменной форме. При этом в теории уголовного права осуществлялся поиск границ покушения, в которых эта стадия преступления, являющаяся предварительной, могла становиться наказуемой. Признак осознания возможности доведения преступления до конца по своей природе является субъективным и зависит от отражения в сознании человека внешних обстоятельств (наличие или отсутствие обстоятельств, препятствующих доведению преступления до конца, должна охватываться сознанием лица), однако это не должно означать полное исключение объективных факторов.

Исследование объективных условий совершения преступления позволяет правоприменительным органам правильно определять наличие или отсутствие добровольного отказа в действиях лица.

Но неправильно считать, что только рассмотрение внешних условий позволяет сделать правильный вывод о добровольности отказа от совершения преступления. Третий признак раз и навсегда прекращения преступного посягательства. Если обратиться к зарубежному законодательству, то можно заметить, что добровольный отказ от преступления регламентирован несколько иначе чем, в российском уголовном законе.

Временная индивидуализация или добровольный отказ, рассматривается в уголовном праве зарубежных стран как ситуация, когда индивидуальный субъект может потенциально отказаться от дальнейшего совершения преступления. Однако необходимо сделать несколько предварительных замечаний, чтобы рассмотреть концептуальную структуру института добровольного отказа от совершения преступления, которая применяется в уголовном праве зарубежных стран, согласованной с соответствующим редуцированным уголовным преследованием.

В УК многих зарубежных стран институт добровольного отказа поляризован вокруг двух различных обоснований: (а) стимул для человека отказаться от преступного пути и способствовать предотвращению преступлений или (б) отражение уменьшения виновности и/или социальной опасности лица, совершившего преступление.

Стимулирование оправдания лица в связи с добровольным отказом от совершения преступления заключается в том, что оно дает человеку возможность пересмотреть свои поступки и их возможные последствия, что, соответственно, может снизить вероятность совершения преступления. Презумпция заключается в том, что социально желательно предоставить намеренным правонарушителям возможность предотвратить последствия своих действий. Рационализация, как, заключается в том, что отказ от преступления частично опирается «на политику закона, направленную на обеспечение стимула для отказа от преступных замыслов тем, кто осуществляет их до того, как они причинят вред». Таким образом, это своеобразный иммунитет от наказания.

Реальность, однако, выглядит совсем иначе в том смысле, что это конкретизированное теоретическое обоснование предполагает знание закона для получения оправдательного эффекта. Таким образом, этот признак должен сочетаться с убеждениями, связанными с предшествующей возможностью совершить преступление и сопутствующей неосознанной ответственностью за возможные последствия.

Квази-оправдательный характер стимулирования при добровольном отказе от преступления в зарубежном законодательстве, предполагает, что лицо изменяет свое преступное поведение в зависимости от критериев дефиниции преступления, и тех возникших обстоятельств, которые подталкивают к отказу от преступного поведения.

Реальность такова, что модель снижения социальной опасности личности в связи с отказом отражает суть любой потенциальной защиты и обоснования оправдания лица отказавшего совершить преступление.

Так согласно Главе 40.10 штата Нью-Йорк добровольный и полный отказ от преступной деятельности признается при обстоятельствах, если обвиняемый вышел из соучастия до совершения посягательства и предпринял все усилия для его предотвращения.

Глава 31 УК ФРГ гласит – не наказываются тот, кто добровольно:

– отказался от попытки склонить к преступлению и предотвратил преступное деяние, совершаемое другим лицом;

Однако даже при наличии данных препятствий, которое лицо фактически не может преодолеть, отказываясь от совершения преступления, считает, что мог бы довести его до конца, институт добровольного отказа, по мнению многих авторов, от совершения преступления должен применяться. Если же, наоборот, препятствия для совершения преступления существуют исключительно в воображении лица и лицо, таким образом, не видит практической возможности продолжить преступное посягательство, нельзя говорить о добровольности подобного отказа [1, с. 47].

Добровольность отказа заключается, прежде всего, в отсутствии принуждения со стороны других лиц, в част-

ности, признается вынужденной, а не добровольным отказом лица, вызванная угрозой со стороны потерпевшего обратиться в правоохранительные органы.

Роль внешних обстоятельств при добровольном отказе довольно ограничена: они косвенно способствуют возникновению у человека желания добровольно отказаться от совершения преступления [2, с. 82].

Кроме того, рассматривая добровольный отказ соучастников, важно учитывать тот момент, что любой из участников преступной деятельности может быть не ограничен функциями, присущих только одному виду соучастников. Это связано с тем, что соучастники в совместной преступной деятельности могут выполнять одновременно роли исполнителя и подстрекателя, в то же время и пособника и исполнителя, либо же пособника и подстрекателя.

Поэтому при добровольном отказе лицо обязано соответствовать поведению, характерному для тех функций, которые оно выполняло. Что же касается соисполнителя, то действующий уголовный закон в настоящий момент не предусматривает отдельной нормы, указывающей на особенности добровольного отказа исполнителя (соисполнителя).

По своим формам добровольный отказ исполнителя совпадает с добровольным отказом самостоятельно лица. Практическая значимость унификации положений о добровольном отказе соисполнителя преступления, по нашему мнению, необходима, поскольку добровольно отказаться от выполнения преступного замысла могут не все соисполнители.

Пристатейный библиографический список

1. Панько К. А. Добровольный отказ от преступления по советскому уголовному праву. - Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1975. - 147 с.
2. Хиллута В. Осознание возможности доведения преступления до конца как признак добровольного отказа // Уголовное право. - 2018. - № 5. - С. 82-89.

АЛИЕВ А. М.

кандидат юридических наук, доцент Дагестанского государственного университета, филиал в г. Хасавюрте, Дагестанского государственного педагогического университета

АЛИЕВА А. И.

кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета

МАРИАНОВ Алихан Абдулаевич

кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного университета (филиала в г. Избербаше), Дагестанского государственного педагогического университета

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье анализируются основы правового регулирования и профилактики и предупреждения правонарушений несовершеннолетних. По мнению авторов, снижение преступности несовершеннолетних в регионе и в Российской Федерации в целом во многом зависит от поддержки государства и общества в решении данной проблемы.

Ключевые слова: преступность, делинквентность, несовершеннолетние, профилактика, система, статистика.

ALIEV A. M.

Ph.D. in Law, associate professor of the Dagestan State University, Khasavyurt branch, Dagestan State Pedagogical University

ALIEVA A. I.

Ph.D. in historical sciences, associate professor of the Dagestan State Pedagogical University

MARIANOV Alikhan Abdulaevich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of the Dagestan State University (branch in Izberbash), of the Dagestan State Pedagogical University

WAYS TO INCREASE THE EFFECTIVENESS OF JUVENILE CRIME PREVENTION

The article analyzes the basis of legal regulation and prevention and prevention of juvenile delinquency. According to the authors, the reduction of juvenile delinquency in the region and in the Russian Federation as a whole largely depends on the support of the state and society in solving this problem.

Keywords: crime, delinquency, juveniles, prevention, system, statistics.

В Российской Федерации насчитывается 29 миллионов детей. Среди них от 150 000 до 200 000 в возрасте от 14 до 17 лет ежегодно совершают преступления. Эти цифры отражаются в официальной статистике, однако значительная часть подростковой преступности остается скрытой. Не менее важным обстоятельством является раскрываемость преступлений.

Ежегодно от 29 до 48 % зарегистрированных в стране преступлений остаются нераскрытыми. Учитывая, что в 2021 году из 3186597 преступлений нераскрытыми остались 1528271, а доля преступлений, совершенных несовершеннолетними, составила 6,8 %, можно сделать вывод, что доля преступлений, совершенных несовершеннолетними, в количестве нераскрытых преступлений составила 110839.

Преступность – это социальная болезнь, а преступность несовершеннолетних особенно опасна. Она характеризуется не только прямым ущербом для общества, но и криминализацией молодого поколения, создавая риск будущего социального упадка. Причины и условия, приводящие к преступности несовершеннолетних, определяются социальной средой, влияющей на формирование личности, а также условиями конкретной ситуации, в которой отражается возможность совершения преступления.

В подростковом возрасте на личность в основном влияет микросреда: семейное окружение, друзья, круг знакомых.

Среди наиболее важных причин, положительно или отрицательно влияющих на преступность несовершенно-

летних, можно назвать социально-экономическое положение семьи, уровень и качество занятости несовершеннолетнего, поскольку эти институты являются важнейшим элементом для получения материальных и культурных благ в социально приемлемых рамках.

И. И. Карпец среди конкретных причин делинквентности «просчеты и ошибки в решении хозяйственных задач и воспитательной работе» [2]. Мы полагаем, что изучение этих причин позволит нам лучше понять, почему те или иные несовершеннолетние встают на путь делинквентности и какие обстоятельства непосредственно провоцируют их антисоциальное поведение.

Одной из основных причин преступности несовершеннолетних в последнее десятилетие стало резкое ухудшение экономической ситуации и рост социальной и классовой напряженности в обществе.

Алиев А. М.

Алиева А. И.

Марианов А. А.

При этом стремительное падение уровня жизни в основном затрагивает молодежь, которая представляет собой наиболее слабую часть общества.

Насилие в семье и жестокое обращение с несовершеннолетними приводит к их вытеснению из семьи на улицу, что влечет за собой новый рост противоправного поведения несовершеннолетних, в основном патерналистского характера. Деформация различных типов ценностей в обществе, вызванная суверенным разделением государства.

Значительно увеличилось количество несовершеннолетних преступников, осужденных за преступления против половой свободы личности и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Особую озабоченность вызывает большое количество заключенных с социально опасными заболеваниями, среди которых значительную долю составляют наркоманы и лица с психическими расстройствами.

Образовательный уровень несовершеннолетних правонарушителей ниже уровня средней школы. Большинство из них имеют только диплом начальной школы. Из-за низкого уровня образования у некоторых несовершеннолетних отсутствует способность различать добро и зло и способность контролировать себя, что является одной из важнейших причин совершения преступлений.

Поскольку большинство несовершеннолетних правонарушителей не имеют элементарных правовых знаний, они не знают, являются ли совершенные ими общественно опасные деяния преступлениями и могут ли они быть привлечены к уголовной ответственности. Некоторые из них имеют некоторые правовые знания, но у них еще не сформировано понятие уважения к закону, поэтому они не могут контролировать и регулировать свое поведение в соответствии с законом, что отличает несовершеннолетних правонарушителей от взрослых.

Профилактика правонарушений среди несовершеннолетних является важным аспектом предупреждения преступности в обществе.

Предупреждение преступлений, совершаемых несовершеннолетними и в отношении них, требует комплексной работы по минимизации недостатков в воспитании детей в семье, образовании, досуге и других организациях, участвующих в развитии несовершеннолетних, а также повышения эффективности работы правоохранительных органов, непосредственно участвующих в предупреждении и пресечении преступлений, и эффективности работы судебной системы.

Значительную часть времени подростков проводит в информационном пространстве. Эта особенность обуславливает необходимость изучения виртуальной деятельности подростков с целью предупреждения или расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними или в отношении них. В настоящее время получить информацию о деятельности подростков в Интернете и выявить каналы их общения можно с помощью доступных программ – «информационных роботов», которые автоматически осуществляют поиск релевантной информации или контента в различных сегментах Интернета, включая социальные сети [3].

Профилактика правонарушений, совершенных несовершеннолетними или с их участием, играет ключевую роль в профилактике преступности несовершеннолетних в целом, включая профилактику правонарушений, сходных по характеру с соответствующими правонарушениями (к соответствующим правонарушениям относятся грабежи и кражи, нападения, нарушения здоровья различной степени тяжести и т.д.).

Профилактика правонарушений, совершенных несовершеннолетними, является одним из наиболее эффективных механизмов борьбы с подростковой преступностью в целом. В основном это связано с тем, что административная ответственность помогает мотивировать несовершеннолетних вести себя более законопослушно, поскольку страх наказания и более сурового преследования отбивает у несовершеннолетних желание совершать преступления в будущем.

Необходимо разделить мнение А. А. Герцензона, который заявляет: «Важную роль в профилактике правонаруше-

ний играет своевременное реагирование на мелкие правонарушения, чтобы не допустить увеличения антиобщественных проступков, а тем более перерастания их в преступления» [1].

Профилактика правонарушений несовершеннолетних – сложная социальная задача. На ее решение направлены усилия государственных органов, органов местного самоуправления и, конечно же, органов внутренних дел.

Важную роль в организации надзора за исполнением прокурорами законов о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних играют указания и приказы Генерального прокурора Российской Федерации. Так, в Приказе Генерального прокурора РФ от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы правоохранительных органов Российской Федерации по борьбе с преступностью» указано, что «прокурорам следует уделять повышенное внимание реализации своих полномочий по профилактике семейной безнадзорности и значимых обстоятельств, способствующих вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий».

Отсутствуют программы, руководства, планы и концепции трудоустройства молодежи, определяющие ее жизненные ориентиры. Развитие этого вопроса не требует больших финансовых ресурсов, нужна лишь воля государства, решимость и согласованность действий.

Существует множество положительных примеров организации досуга несовершеннолетних, в том числе состоящих на учете в отделах по делам молодежи. Лагеря создаются на базе монастырей, военных училищ, учебных заведений МВД России, ФСИН России, МЧС России и других. Опыт, несомненно, положительный, но он недолговечен, и судьба участников после окончания лагерей не отслеживается.

Государство и его органы должны принимать системные меры по борьбе с криминальными субкультурами несовершеннолетних. Эту роль должны играть местные власти и школы в сотрудничестве с правоохранительными органами.

Представляется, что законодательные запреты мало что могут сделать. Необходимо искать другие методы, при этом важную роль должны играть гражданское общество и религиозные организации.

Поощрять участие молодежи из группы риска в художественных, технических, спортивных и других кружках для приобщения их к ценностям национальной и мировой культуры;

Для организации отдыха несовершеннолетних и молодежи необходимо принятие республиканской программы «Развитие физической культуры и спорта» с привлечением значительных ресурсов.

В первую очередь желательно:

– обеспечить восстановление и функционирование сети культурно-досуговых учреждений для детей и молодежи, включая клубы и спортивные отделения по месту жительства;

– ввести в штат соответствующих образовательных и досуговых учреждений должности психологов, педагогов-организаторов, педагогов дополнительного образования и других специалистов для обеспечения целенаправленного и непрерывного воспитательного и реабилитационного процесса как в образовательном учреждении, так и по месту жительства несовершеннолетних.

Пристатейный библиографический список

1. Герцензон А. А. Введение в советскую криминологию. – М., 1965. – С. 17.
2. Карпец И. И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. – М.: Юрид. лит., 1976. – С. 68.
3. Степаненко Д. А., Рудых А. А. Использование открытых информационных технологий для расследования преступлений в отношении несовершеннолетних // Российский следователь. – 2019. – № 4. – С. 16-19.

АХТАМЬЯНОВ Руслан Ренатович

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

НЕЛЮБИН Роман Владимирович

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Уральского юридического института МВД России

ЖУКОВ Николай Иванович

преподаватель кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

В настоящей статье будут рассмотрены проблемы, возникающие при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, сложность их раскрытия и взаимодействия правоохранительных органов с другими службами. Приводится возрастающая статистика преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Так же перечислены основные черты развития наркотических средств через интернет индустрию.

Ключевые слова: раскрытие преступлений, незаконный оборот наркотиков.

AKHTAMYANOV Ruslan Renartovich

lecturer of Fire and tactical-special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

NELYUBIN Roman Vladislavovich

senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

ZHUKOV Nikolay Nikolayevich

lecturer of Fire training sub-faculty of the Omsk Academy of the MIA of Russia

ACTUAL PROBLEMS OF DETECTING CRIMES ARISING FROM DRUG TRAFFICKING

This article will consider the problems arising in the investigation of crimes in the field of drug trafficking, the complexity of their disclosure and the interaction of law enforcement agencies with other services. The increasing statistics of crimes in the field of drug trafficking are given. The main features of the development of narcotic drugs through the Internet industry are also listed.

Keywords: crime detection, drug trafficking.

Проблема незаконного оборота наркотиков является актуальной на протяжении уже многих лет. Несмотря активное ведение борьбы с нелегальным изготовлением, хранением и сбытом наркотических веществ, данная отрасль криминальной сферы продолжает развиваться и применяется для осуществления своей деятельности новые возможности технологических ресурсов. Российский наркорынок регулярно пополняется новыми потенциально опасными психоактивными веществами, вызывающими у человека состояние опьянения, опасное для его жизни и здоровья [1].

За последние десятки лет в катастрофических масштабах повысилась распространение и употребление наркотических и иных психотропных веществ. В России насчитывается более 5 миллионов человек употребляющих наркотики [2]. На это повлияло стремительное развитие в интернет-индустрии. Появилось множество сайтов, где молодые люди и в том числе подростки могут беспрепятственно приобрести наркотики. Один из этих популярных сайтов считается Darknet. «Даркнет» как цифровое пространство, приносящее многомиллиардные доходы использующим его возможности преступникам, сегодня состоит из отдельных секторов, в каждом из которых свой порядок, свод правил, своя валюта, своя аудитория и цензура. Войти в «Даркнет» можно с помощью специализированных браузеров, через зашифрованные мессенджеры и форумы в сетях TOR [3]. Одним из первых сайтов, начавший распространение этих веществ, которые каждый день губит множество жизней является Nudra. На сегодняшний день этот сайт насчитывает около 815 тысяч покупателей. Сам же сайт своим дизайном ничем не отличается от интернет-магазина. Наркотики можно приобрести с помощью бесконтактной оплаты. Покупатель отправляет определенную сумму денег на различные интернет-кошельки: Payeer, WebMoney, Perfect Money, ЮMoney (Яндекс.Деньги), QIWI, PayPal и др. После получения средств свою работу

начинает так называемый «закладчик» – человек который и прячет наркотическое вещество – «закладки».

«Закладка» – порция наркотического вещества, расфасованного в герметичный полиэтиленовый пакетик, который наркокурьер прячет в укромном месте.

Закладчиками могут быть любой человек, как женщина, так и мужчина. Вакансии можно встретить на сайтах, где торгует наркотиками, а также на различных сайтах по поиску работу. Данная вакансия отличается тем, что в нем не нужен опыт работы и достаточно большой зарплатой. На это и обращают внимание молодые люди. По статистике МВД за последний год было выявлено 179,7 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Задержанные обвиняются в ст. 228 (от 4 до 8 лет лишения свободы). Уголовное наказание назначается при обнаружении от 0,2 грамм наркотического вещества.

На такие риски каждый день и идут «кладмены». Средний срок работы составляет всего 2-3 месяца. Только за один человек прячет около 50 закладок. Заработок в неделю составляет от 50 тысяч рублей. Зачастую «закладчики» не знают, что именно он закладывает в тайник. Место должно быть незаметным для остальных, но в легкой доступности для покупателя. Самыми популярными местами для «закладок» являются: цветочные клумбы, мусорные урны, водосточные трубы, подъезды, скамейки в скверах и парках, детские игровые площадки, а также кусты и деревья. Неотъемлемым атрибутом в работе закладчика является мобильный телефон. В различных мессенджерах закладчик сообщает покупателю о местонахождении закладки. Он отправляет описание адреса с фотографией, с покупателем закладчик не встречается, все их общение происходит в социальных сетях. Обычно закладка выглядит как сверток, обмотанный изолентой различного цвета, который лежит согласно описанию.

Использование современных интернет-технологий значительно усложняет работу по расследованию дел связанных с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ – помимо использования анонимных платформ для размещения предложений и связи с продавцами, в данной сфере также широко распространено использование для оплаты криптовалюты, которая не имеет централизованной системы, а использование различных схем по легализации доходов через проведение криптовалюты через сотни других кошельков криптовалют приводит к невозможности отследить куда попадают средства с задействованных в обороте наркотиков криптовалютных счетов. Денежные средства выводятся с помощью бирж криптовалют в специализированные обменники на карты подставных лиц («дропов») и после этого могут обналичиваться в других городах и даже странах. Также используются средства для дополнительной анонимизации операций с криптовалютами (например, сервисы, оказывающие услуги по «смешиванию» транзакций – Bitcoin Mixer), где Bitcoin пользователя смешивается с Bitcoin других пользователей, после чего они распределяются по вновь созданным Bitcoin-кошелькам за 1-3 % от общей суммы. Далее по замыслу Bitcoin разделяется и пересылается на новые адреса, где после многократного повторения данного процесса возвращается на адрес, указанный пользователем» [4].

Прочно создавшаяся нестабильность в обществе, явное понижение качества и уровня жизни, рост безработицы, утрата гражданами жизненных нравственных ориентиров создают объективные условия для наркотизации населения и роста тесно связанной с ней преступностью.

Имеет немаловажное значение удобное географическое положение России для транзита наркотических средств, что привело к лавинообразному росту их контрабанды за последние десятилетия. Большую часть изымаемых на территории страны наркотических препаратов имеют зарубежное происхождение.

Снижение духовной составляющей и нравственных качеств человека в России, активный рост незаконного оборота наркотических товаров и психоделических уничтожающих веществ и злоупотребление ими, распространяющаяся у молодежи, расширяющаяся транзакция международного наркобизнеса в Россию - все это превращается в одну из наиболее серьезных и губительных угроз здоровому социальному становлению, политическому строю страны. Как известно, по общемассовому мониторингу данной проблемы употребление наркотических средств ведет к снижению национальных сил страны, ее экономики и в частности к духовной деградации. С экономической позиции Россия не стоит на первом месте и учитывая, что неработающий контингент является балластом для экономики, то наркотизация в данном случае ведет к большему снижению работоспособности среди населения. Данный перечисленный момент раскрывает лишь одно из направлений угрозы для национальных интересов, но стоит учитывать, что процесс деградации затрагивает практически всех сферы жизни общества, в особенности молодежи. Как правило, лица принимающие наркотические средства не являются полноценными участниками жизни общества и государства, следовательно также безучастны к своей собственной жизни.

Сегодня наркотическую угрозу для России вполне можно поставить в один ряд с национальным терроризмом и распространением оружия массового уничтожения. Создание Федеральной службы наркоконтроля России - это, по сути дела, реакция государства на создавшуюся обстановку. Таким образом, определено головное ведомство, отвечающее за реализацию Российским государством системы мер по противодействию незаконному обороту наркотиков как внутри страны, так и на международном уровне.

Со стороны правоохранительных органов России, в том числе и государственных учреждений, в последнее время прослеживается динамизация деятельности, направленная на сокращение причин и условий, способствующих развитию наркотической субкультуры населения страны и росту тесно связанной с ней наркопреступности.

Очевидной проблемой является сеть интернет, которая является оружием влияния на получение наркотических средств, а также их аналогов. Основной проблемой в данной сети является то, что данный путь является практически

свободным и неконтролируемым. И поэтому необходимо обеспечить совершенствование в нормативно-правовой базе в данной сфере. Нужно учитывать немалую роль средств массовой информации в развитии и распространении наркомании. Поскольку именно через СМИ ежедневно идет воздействие посредством развлекательной среды позитивное представление наркотических средств на сознание молодежи. Особое место в данном аспекте занимает интернет, так как данная сеть намного превосходит все другие средства массовой информации по скорости распространения информации, удобству и другим стандартам. На сегодняшний день очень сложно представить современного человека, который не пользуется сетью интернет. Так как данная сеть представляет собой некое коммуникативное поле, в связи с чем работа человека, его общение, путешествия, покупки не мыслимы без сети интернет.

Немаловажный аспект в данной проблеме составляет географическое положение России, так как существенное воздействие оказывает непосредственно создание собственной сырьевой структуры для производства наркотических средств из элементарных растений, которые включают в себя наркотические вещества. Так, на территории Российской Федерации наиболее широка известна дикорастущая конопля (непосредственно в таких федеральных округах, как Южных, Дальневосточном, Сибирском). Именно на этих землях площадь, которая заселена данным растением составляет около 2 миллиона гектара. Непосредственно доступность растительных компонентов, простота изготовления разнообразных наркотических препаратов привлекают интерес как производителей, так и покупателей. Немаловажную часть данной проблемы составляет активизация процессов засеивания растительных культур на огромных территориях нашей страны под видом развития сельско-хозяйственных культур, что ведет к снижению активизации лечения наркотических процессов.

Причины и условия, способствующие развитию преступности, связанных с наркотиками и злоупотреблением ими, имеют колоссальные корни во многих частных и общих областях жизни человека: политике, экономике, культуре, духовности каждого человека и др. Поэтому их значимость и устранение предполагают полноценный подход с участием широкого круга государственных организаций и учреждений, религиозных, общественных и политических организаций.

Таким образом, раскрытие преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков сталкивается с множеством нерешенных на данный момент проблем, связанных с высокой структурой организации криминального процесса, а также использованием современных информационных технологий.

Пристатейный библиографический список

1. Шиян В.А. Состояние и тенденции преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // Наркоконтроль 2018. № 2 (51).
2. Ткачев И. Смертность от наркотиков в России выросла на 60 % на фоне пандемии // РБК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/18/07/2021/60f1b7cc9a79472c99206f4d>
3. Баньковский А.Е., Деринг А.В. Актуальные проблемы незаконного оборота наркотических средств посредством сети Интернет: современное состояние и перспективы противодействия // Наркоконтроль 2019. № 1 (54).
4. Бальхеев С.А. Криминологическая характеристика субъектов, участвующих в незаконном обороте наркотических средств, совершенном посредством информационно-телекоммуникационной сети интернет // Вестник магистратуры. 2019. № 4-1 (91).
5. Соболев А.В. Проблемы расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков через сеть Интернет // Вестник КРУ МВД России. 2018. № 4 (42).

БАДАМШИН Ильфат Давлетнурович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России

ЛИТВИНА Анастасия Валерьевна

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России

КУЛИЕВ Инал Борисович

преподаватель кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

Развитие технологий в современном мире обуславливает их непосредственное освоение всем прогрессивным человечеством. Этим пользуются не только добросовестные пользователи коммуникационных сетей, но и злоумышленники, преследующие различные противоправные цели. Обозначенные тенденции связаны с быстрым и полномасштабным проникновением информационно-телекоммуникационных технологий во все сферы жизни общества в условиях слабого контроля за виртуальным пространством и происходящими в нем процессами со стороны государства, неспособности последнего адекватно обеспечивать информационную безопасность, неэффективности уголовно-правового механизма защиты от преступных посягательств.

В статье рассмотрены тенденции развития преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, а также особенности противодействия им.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровые технологии, преступность, противодействие преступности.

BADAMSHIN Ilfat Davletnurovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

LITVINA Anastasiya Valerjevna

senior lecturer of Criminal law and criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

KULIEV Inal Borisovich

lecturer of Special disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

CRIMES IN THE FIELD OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES: TRENDS AND COUNTERACTION

The development of technologies in the modern world determines their direct development by all progressive humanity. This is used not only by conscientious users of communication networks, but also by malefactors pursuing various illegal goals. The indicated trends are associated with the rapid and full-scale penetration of information and telecommunication technologies into all spheres of society in conditions of weak control over the virtual space and the processes taking place in it by the state, the inability of the latter to adequately ensure information security, the inefficiency of the criminal law mechanism of protection against criminal encroachments.

The article discusses the trends in the development of crimes in the field of information and telecommunication technologies, as well as the features of countering them.

Keywords: information technologies, digital technologies, crime, crime prevention.

Развитие общества на сегодняшний день крайне сложно представить без внедрения в жизнь достижений научно-технического прогресса. Цифровые технологии проникли практически во все сферы жизнедеятельности современного человека и повсеместно применяются обществом. В то же время, обладая для всего социума бесспорной эффективностью они, в определенной мере, приобретают отрицательное значение в той ее части, что информационно-телекоммуникационные технологии все активнее выступают непременным атрибутом преступных намерений.

Введенные в 2020 году карантинные меры, связанные с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19), способствовали еще большей цифровизации всех сфер жизни.

Дистанционное обучение, удаленный режим работы повлекли за собой увеличение количества пользователей сети Интернет и онлайн сервисов.

Происходящая информатизация общества привела к росту хищений и, соответственно, трансформации их форм. Лидерами среди преступных деяний стали: мошенничество, кража, включая с использованием банковских карт, незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, осуществляемые бесконтактным способом, а также, что само собой соответственно, неправомерный доступ к компьютерной информации. Основная часть преступных деяний совершается при помощи сети Интернет, средств

Бадамшин И. Д.

Литвина А. В.

Кулиев И. Б.

мобильной связи, использованием данных расчетных (банковских) карт.

Стоит отметить, что по сравнению с ростом преступности в сфере информационных технологий, уменьшилось количество таких классических преступлений как грабеж, разбой, квартирные кражи. Можно сказать, что преступники вместе с гражданами перешли на «удаленный» способ совершения преступлений [1].

Для совершения «дистанционных» хищений чаще всего используется сеть Интернет, мобильная связь и IP-телефония. В преступных целях активно применяются расчетные карты и методы «социальной инженерии» с целью получения конфиденциальной информации для последующего тайного проникновения в систему дистанционного банковского обслуживания и совершения хищений со счетов граждан. Интернет и мобильная связь выступают при этом в качестве средства совершения преступления.

Статистические данные, опубликованные на сайте МВД России, подтверждают ситуацию, складывающуюся в рассматриваемой сфере. Так, в 2020 году число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возросло на 73,4%, в том числе с использованием сети «Интернет» – на 91,3%. В 2021 году зарегистрировано их увеличение на 1,4% и 17% соответственно [2].

Несомненно, лидерами в общем объеме IT-преступлений являются мошенничества и кражи:

- в отношении лиц, размещающих объявления на бесплатных торговых площадках (Авито, Юла и т.д.);
- путем вовлечения в финансовые пирамиды, мошенничество в сфере трейдинга (оказания брокерских услуг);
- с использованием IP-телефонии, под видом сотрудников банковских учреждений, правоохранительных органов или государственных служащих, в том числе для решения вопроса по родственнику, попавшему в беду;
- оказание услуг посредством сети (устройство на работу, оказание юридической помощи, получение кредита, получение несуществующего выигрыша или компенсации, приобретение товаров);
- взлом страниц в социальных сетях.

Достаточно актуальной остается проблема хищения денежных средств с использованием банкоматов и платежных терминалов (скимминг и траппинг). Одни из первых способов хищения данных карты при помощи специального считывающего устройства «скиммера» и другой вид мошенничества, именуемый «траппинг» с использованием банкоматов, при котором злоумышленник помещает в кардридер пластиковое устройство (конверт), таким образом, что пластиковая карта владельцу не возвращается.

Появление новых способов и средств совершения преступления приводит к постоянным изменениям в действующем уголовном законодательстве. Как положительный момент можно рассматривать принятие Федерального закона № 111-ФЗ, который в настоящее время предоставляет возможность привлекать фигурантов «дистанционных преступлений» по статье 210 УК РФ, так как он не устанавливает каких-либо правовых различий между понятиями «преступное сообщество» и «преступная организация».

Однако, несмотря на положительную динамику у правоприменителей до сих пор отсутствует единое понимание механизма получения информации, составляющей банковскую тайну. Так, при документировании дистанционных хищений в составе преступного сообщества основное значение имеет своевременное получение информации о движении денежных средств, сохранность которой обеспечивается правовым режимом банковской тайны. Такая информация может быть предоставлена как клиентам, так и государственным органам, на основании и в порядке, предусмотренном законом. Сотрудникам органа дознания, оперативных подразделений и другим должностным лицам, уполномоченным осуществлять ОРД, получающим информацию по операциям, счетам и вкладам на основании ст.ст. 6-9 ФЗ «об ОРД» необходимо наличие судебного решения, в то время как в соответствии со ст. 26 ФЗ «О банках и банковской деятельности» сотрудники предварительного следствия получают данную информацию лишь при наличии согласия руководителя следственного органа. В связи с этим представляется, что получение информации, составляющей банковскую тайну, должно представлять собой единую процедуру, и не ставить органы предварительного следствия в более выгодное положение перед сотрудниками, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность.

Преступная активность в «онлайн» режиме, в соответствии с рейтингом Всемирного экономического форума (ВЭФ), входит в пятерку глобальных рисков, угрожая при этом функционированию множества отраслей. По данным ВЭФ потери мировой экономики от кибератак в течение года могут составить порядка 8 трлн долларов [3].

Безусловно всплеск преступности в сфере IT-технологий не мог остаться без внимания органов государственной власти, в соответствии с чем, были приняты необходимые меры по повышению эффективности борьбы с такими деяниями. В конце 2020 года Генеральной прокуратурой РФ создана межведомственная рабочая группа по противодействию киберпреступности. При этом стоит отметить, что в Российской Федерации уже существует правовой механизм регулирования отношений в сфере IT-технологий. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы определяет особенности реализации политики государства в сфере применения информационно-телекоммуникационных технологий, связанных с эволюцией информационного общества и обеспечением национальных интересов. Данная стратегия позволяет получить свободный доступ не только к национальным, но и к мировым информационным ресурсам, что также обуславливает возможность развития и криминальной деятельности.

Российской Федерацией в рамках Организации Объединенных Наций была инициирована разработка концепции о противодействии использованию IT-технологий в преступных целях. На рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН был внесен проект резолюции, подготовленный 47-ю государствами «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях», которая постановляет учредить комитет экспертов для разработки конвенции по борьбе с киберпреступностью учитывающей уже существующие международные документы. Данный отклик международного сообщества на предложение России свидетельствует о стремлении других стран к борьбе с преступлениями в сфере IT-технологий.

К сожалению, на сегодняшний день отмечается недостаточная подготовленность правоохранительных органов к противодействию преступности в сфере информационных технологий. В связи с изменением современных реалий нуждается в модификации и правовая база, включая методики по расследованию цифровых преступлений.

Для обнаружения и раскрытия преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий помимо представителей правоохранительных структур необходимо активно привлекать специалистов в соответствующей области. Кроме того, нуждается в совершенствовании материально-техническая база следственных органов и органов дознания, программное обеспечение. Правоохранительные органы должны быть на шаг впереди криминальных структур, иметь современное оборудование и новейшие технические разработки.

Немаловажным является правовое просвещение граждан, обучение основам цифрового права, повышение грамотности и опыта в сфере информационных технологий [4].

Таким образом, в последние годы отмечается рост преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, в связи с этим необходимо принятие активных мер как правового, так и организационного характера в борьбе с данным явлением.

Пристатейный библиографический список

1. Соболева А. С. Современное состояние преступности в сфере цифровых технологий // Наукосфера. – 2020. – № 12-1. – С. 330-334.
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 03.02.2022).
3. Лавров С. В. Глобальные проблемы кибербезопасности и международные инициативы России по борьбе с киберпреступностью. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/27585> (дата обращения: 03.02.2022).
4. Саркисян А. Ж. Преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: понятие и особенности // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2020. – № 1. – С. 69-74.

БОНДАРЬ Антон Геннадьевич

старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, капитан полиции

ТЕУНАЕВ Ахмат Сеит-Умарович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России

КРИМИНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ИНФОКОММУНИКАЦИОННЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

В настоящей статье освещаются вопросы использования современной преступностью отдельных видов информационно-коммуникационных инструментов, которые могут быть применены для совершения противоправных деликтов. Авторы анализируют текущее состояние преступности, в соответствии с качественно-количественными показателями статистики Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Достаточно обоснованно приводятся мнения отечественных ученых по существу проблемных направлений настоящей научной работы, вследствие чего формируются определённые выводы и предложения, направленные на нивелирование криминального влияния киберпреступности в целом.

Ключевые слова: киберпреступность, информационные инструменты, интернет, сетевые протоколы, состояние преступности.

BONDAR Anton Gennadjevich

senior lecturer of Law enforcement organization sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, captain of police

TEUNAIEV Akhmat Seit-Umarovich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminology sub-faculty of the Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia

THE CRIMINAL ASPECT OF USING CERTAIN TYPES OF INFOCOMMUNICATION TOOLS

This article highlights the use of certain types of information and communication tools by modern criminals that can be used to commit unlawful tort. The authors analyze the current state of crime in accordance with the qualitative and quantitative indicators of statistics of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

The opinions of domestic scientists on the essence of the problem areas of this scientific work are reasonably cited, as a result of which certain conclusions and proposals are formed, aimed at leveling the criminal influence of cybercrime in general.

Keywords: cybercrime, information tools, internet, network protocols, crime state.

Устойчивое развитие экономических отношений так или иначе, связано с процессами глобализации и информатизации большинства институтов общественности. В условиях современного времени можно с уверенностью утверждать, что широкий спектр общественных отношений неразрывно связан с использованием цифровых средств осуществления безналичных расчетов в рамках осуществления различных финансовых операций, осуществляемых как с участием кредитных организаций, так и без них.

Совершенствование и развитие информационных технологий, расширение сферы их применения, доступность и широкая распространенность среди населения привели к появлению и неуклонному росту преступлений экономической направленности. Согласно статистическим данным ФКУ, «Главный информационно-аналитический центр» МВД России, с января по октябрь 2021 года зарегистрировано 420,7 тысяч преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 75,1 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. Доля выявленных экономических преступлений, которые были совершены в указанной сфере, увеличилась по сравнению с аналогичными периодами прошлых лет: 2017 год – 8671 выявленное преступление, 2018 год – 9700 выявленных преступлений, 2019

год – 9956 выявленных преступлений, январь-октябрь 2021 года – 14728 выявленных преступлений [3].

В настоящей работе мы постараемся уделить особое внимание отдельным видам инфокоммуникационных инструментов.

Интернет-сайт - это совокупность страниц, объединенных одной тематикой, дизайном, а также взаимосвязанной системой ссылок. Каждая страница может содержать в себе видео и фотоизображения, аудиофайлы, рекламные блоки, а также иную информацию. Чтобы получить оперативно-значимую для осуществляемой проверки информацию следует понимать, что для работоспособности сайта необходимо выполнить два условия: зарегистрировать доменное имя и арендовать хостинг.

Организаций-арендодателей хостинга и организаций-регистраторов огромное множество, поэтому для верного направления запроса необходимо правильно получать первоначальные сведения по сайту, или WHOIS-сведения.

WHOIS - сетевой протокол прикладного уровня, базирующийся на протоколе TCP. Основное применение – получение регистрационных данных о владельцах доменных имён, IP-адресов и автономных систем.

Протокол подразумевает архитектуру «клиент-сервер» и используется для доступа к публичным серверам баз данных регистраторов IP-адресов и регистраторов доменных имён. Чаще

Бондарь А. Г.

Теунаев А. С.

всего WHOIS-клиенты реализованы в виде консольных программ [4].

IP-адрес называют статическим (постоянным, неизменяемым), если он назначается пользователем в настройках устройства, такой адрес не может быть присвоен другому устройству. Статические адреса присваиваются провайдером-пользователю в индивидуальном порядке, согласно заявлению и дополнительному договору (плате). Статические адреса обладают более широким спектром возможностей при использовании с их помощью цифрового инструментария.

MAC-адрес это отличительный идентификатор отдельно взятого устройства (сетевой карты, встроенной в материнскую плату, материнской платы мобильного устройства), установление которого при выполнении оперативно-розыскных мероприятий по преступлениям связанным с использованием инфокоммуникационных сетей, является одним из приоритетных направлений проверки.

Холодный кошелек – представляет собой аппаратное устройство для хранения биткойнов или другой криптовалюты в автономном режиме. В свою очередь аппаратное обеспечение – это электронные и механические средства обеспечения связи (вычислений, обработки информации). Холодные кошельки в настоящее время являются самым безопасным способом хранения криптовалюты. Функционал данного мультивалютного инструмента позволяет хранить цифровое имущество в виде различных криптовалют (Bitcoin, Ethereum, Xripple) на одном устройстве. Данное устройство большую часть времени находится в офлайн режиме, тем самым обеспечивается нивелирование уровня угроз взлома и хищения цифрового имущества со стороны киберпреступников, при этом такой кошелек подключается к персональному компьютеру (ноутбуку, планшету, мобильному устройству через Wi-Fi) только в случае необходимости работы с криптовалютой, и только тогда его безопасность может быть подвергнута угрозе.

В частности, одним из самых популярных кошельков по состоянию на 2021 год, является «Ledger Nano S», который позволяет хранить цифровое имущество в виде таких криптовалют как: Bitcoin, Ethereum, Litecoin, Dogecoin, Ripple.

Контролировать баланс данного кошелька можно с использованием приложения Ledger Live. Перед сотрудниками правоохранительных органов встаёт дополнительный вопрос об исследовании мобильного устройства (телефона, планшета), на котором может быть установлено соответствующее приложение или утилита, позволяющая отслеживать баланс, или совершать различные транзакции с цифровым имуществом (криптовалютой). Кроме того, указанный холодный кошелек совместим с «горячими» криптовалютными кошельками, такими как: MyEtherWallet, Metamask, Mycrypto, Guarda Wallet, MyEOS Wallet, Trinity Wallet, Monero GUI. Так, при проведении проверочных мероприятий, связанных с проведением контент-анализа содержимого жестких дисков отдельно взятого персонального компьютера, следует обращать особое внимание на частоту посещения хостингов с приведёнными выше названиями «горячих» криптовалютных кошельков. В качестве примера: Metamask – по своей сути является «desktopным» криптовалютным кошельком, который можно использовать в браузерах Chrome, Firefox и Brave. Он выглядит как расширение для браузера и функционально заключено в наложении взаимодействия между обычными браузерами, и блокчейном Ethereum.

Сотрудникам правоохранительных органов при проведении проверочных мероприятий следует обращать внимание не только на установленные приложения или посещаемые хостинги, но и на содержащиеся в установленных браузерах, специальные утилиты (приложения), позволяющие осуществлять взаимодействие по различным микровалютным операциям.

В качестве одной из форм «холодного» сбережения своих цифровых активов, выступает форма хранения ключей доступа к своим финансово-валютным и крипто-кошелькам на бумажном носителе. В случае если пользователь цифрового актива утратит доступ к какому-нибудь способу хранения, то у него будет последняя возможность восстановить такой доступ, с помощью «Seed-ключа».

Seed-ключ или Seed-фраза - это список последовательности для слов, которые были созданы (генерированы) в качестве приватного ключа для доступа к криптовалютному кошельку.

Мнемоническая фраза обычно составляет от 12 до 24 слов, а в типовом словаре для генерации Seed-фразы существует 2048 слов.

Поиск мнемонической фразы (Seed-ключа) является приоритетным направлением для получения доступа к холодным и горячим криптовалютным кошелькам лица, представляющего

оперативно-значимый интерес для правоохранительных органов. Так, наиболее популярным считается способ хранения Seed-фразы в банковской ячейке.

«Горячими» криптовалютными кошельками, в широком смысле, принято называть онлайн-сервисы, предназначенные для хранения криптографических валют. Термин «горячий» означает, что пользователи таких кошельков имеют безотлагательный доступ к своим активам с любого устройства, имеющего возможность подключения к сети «Интернет».

Горячие кошельки по-прежнему остаются самым удобным вариантом для краткосрочного хранения и использования цифровых активов, при этом содержат в своей структуре ряд недостатков, самым основным из которых является высокий уровень уязвимости для «кибератак» со стороны злоумышленников, желающих завладеть хранящимися на таких кошельках активами. В отличие от холодных кошельков горячие всегда находятся в активном состоянии и не зависят от какого-либо внешнего устройства, а значит более подвержены воздействию извне, а равно и человеческого фактору.

Правоохранительные органы по всему миру достаточно часто сталкиваются с отсутствием практической возможности реализации проверочных мероприятий по документированию противоправных деликтов в инфокоммуникационной сети с использованием криптовалют, ввиду их технологических особенностей, связанных с латентным производством, накоплением и дальнейшим использованием. Киберпреступность, реализующая свои преступные замыслы, основываясь на своей качественной осведомлённости о тактических особенностях и современных возможностях правоохранительных органов, существенно опережает возможности киберполиции по упорядочению сферы деятельности криптовалют и приведению её в законное русло [2].

А. А. Попиков в своей работе отмечает негативные факторы, бесконтрольного использования криптовалют:

- возможность развития теневой экономики за счет криптовалюты;
- возможность сокрытия части своих доходов, что позволяет развивать систему уклонения от налогов;
- возможность совершения нелегальных анонимных операций;
- невозможность заморозки счетов [1].

По нашему мнению, декриминализация сферы инфокоммуникационных технологий, возможна с учетом реализации следующих теоретико-прикладных рекомендаций:

- 1) Необходимо обращать особое внимание на значимость использования личным составом оперативных подразделений МВД России интернет-ресурсов, медиасетей и применения последними комплекса оперативно-проверочных мероприятий с использованием таких сетей;
- 2) Формировать на базе управлений (отделов) по экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России структурные подразделения кибербезопасности;
- 3) Осуществлять на более качественном уровне деятельность по оснащению оперативных подразделений МВД России техническими средствами, специальным оборудованием и имуществом;
- 4) В образовательных учреждениях МВД России при прохождении профессиональной подготовки и повышении квалификации оперативных сотрудников экономической безопасности и противодействия коррупции, особое внимание уделять формированию знаний и компетенций по противодействию преступлениям с использованием криптовалют, виртуальных валют и электронных кошельков, совершаемых в сфере инфокоммуникационных технологий.

Пристатейный библиографический список

1. Попиков А. А. Криптовалюта Bitcoin как финансовый инструмент виртуальной экономики // Вопросы инновационной экономики. - 2016. - № 2. - С. 89-106.
2. Тутоков А. Ю., Бондарь А. Г. Криптовалюта как инструмент для совершения противоправных деликтов // Проблемы экономики и юридической практики. - 2019. - Т. 15. - № 5. - С. 277-280.
3. Статистика и аналитика: состояние преступности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mvd.rf/DeljatInost/statistics.
4. WHOIS. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/WHOIS>.

ВОЙКОВА Наталья Андреевна

кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ФИШИНГ И ИНЫЕ МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ КАК ИНСТРУМЕНТ МОШЕННИЧЕСТВА В СЕТИ*

Вопросы обеспечения кибербезопасности для сокращения числа мошенничества в сети становятся все более актуальными. Компьютерные технологии стремительно развиваются, предоставляя возможность киберпреступникам изыскивать все новые методы для кражи конфиденциальных данных и получения доступа к финансовым средствам физических лиц.

Ключевые слова: фишинг, кибербезопасность, конфиденциальная информация, мошенничество.

VOYKOVA Natalya Andreevna

Ph.D. in Law, associate professor of the RANEPA under the President of the Russian Federation

PHISHING AND OTHER SOCIAL ENGINEERING TECHNIQUES AS A TOOL FOR ONLINE FRAUD

Cybersecurity issues to reduce online fraud are becoming increasingly relevant. Computer technology is rapidly evolving, enabling cybercriminals to find new ways to steal sensitive data and access the funds of individuals.

Keywords: phishing, cybersecurity, confidential information, fraud.

Вопросы обеспечения кибербезопасности для сокращения числа мошенничества в сети становятся все более актуальными, и на данный момент затрагивают те сферы общественной жизни, которые подлежат цифровизации. Традиционные финансовые инструменты, активы и возникающие в связи с ними отношения переносятся в цифровую среду [1, с. 10], [11]. Компьютерные технологии стремительно развиваются, предоставляя возможность киберпреступникам изыскивать все новые методы для кражи конфиденциальных данных и получения доступа к финансовым средствам физических лиц.

Социальная инженерия с разнообразием ее методов известна еще с Древнего Рима, когда с помощью ораторского искусства велись дипломатические переговоры, решались политические и внутригосударственные задачи. В то время социальная инженерия была направлена, как правило, на благо граждан. Однако, в настоящее время, социальная инженерия ассоциируется с теми психологическими приемами, которые позволяют мошенникам получить конфиденциальную или иную закрытую информацию.

Под конфиденциальной информацией автором предлагается понимать информацию, права на которую есть лишь у ограниченного круга лиц. Можно говорить о том, что это определенное свойство информации. Законодатель в настоящий момент не дает определение понятия «конфиденциальная информация». Оно содержалось в утратившем силу Федеральном законе от 20 февраля 1995 года № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», который определял под рассматриваемым понятием «документированную информацию, доступ к которой ограничивается в соответствии с законодательством Российской Федерации» [2].

Действующий Федеральный закон определяет, что «конфиденциальность информации – обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия её обладателя». Согласно этому же закону «информация — сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» [3].

С каждым годом отмечается рост числа мошеннических атак, связанных с социальной инженерией, когда преступ-

ники пытаются обмануть клиентов путем злоупотребления доверием и обмана, чтобы манипулировать ими и заставить их раскрыть свою личную информацию. Представляется, что постоянное появление новых угроз, которые возникают из-за роста киберпреступности, способствует постоянному развитию отрасли информационной безопасности.

Представляется, что информационную безопасность нужно обеспечить с помощью программ, разработанных техническими специалистами. Существуют организации, занимающиеся именно вопросами обеспечения информационной безопасности, — и их специалисты обеспечивают ее на программно-техническом уровне. Результатом работы указанных специалистов будут программы, программно-аппаратные полученные средства для обеспечения информационной безопасности, или, думается, средства защиты. Автор отмечает, что наличие таких программ будет результатом многоэтапной работы: от исследовательской, конструкторской, до инженерной.

Автором подчеркивается обеспечение информационной безопасности на уровне персонала. Представляется, что данная проблема склонна стать одной из важнейших: субъективный, или человеческий, фактор постоянно имеет место быть, и аннулировать его или не принимать во внимание будет безосновательным. Вне зависимости от характеристик информации, ее наполнения, но человек (персонал или пользователь информационной системы, как автором указано выше) будет обслуживать, поддерживать работу такой системы в обозримом, полагаем, будущем. Таким образом отмечаем, что в любой системе, которая даже максимально автоматизирована, оператор или пользователь играют не последнюю роль, и от пресловутого человеческого фактора очень многое зависит. На наш взгляд, человек и его деятельность «не подчинены логике выполнения интеграций вычислительного процесса» [4], и конечно, субъективные «сбои» программы человек всегда необходимо, на наш взгляд, принимать во внимание. Различные факторы и окружающая среда всегда будут влиять на сознание человека, вплоть до его эмоционального состояния или самочувствия. Полагаем, что соблюдение четких правил и технологий, которые выполняет машина, невозможно применить к функционалу человека.

Если рассматривать мошенничество в сети, киберпреступления, появление все большего количества схем по обману граждан и отъема у них денежных средств, то необходимо сказать, что именно факторами, приведенными автором выше, такие как эмоциональное состояние человека, его слабости и легковерие, а в частых случаях – элементарным отсутствием финансовой грамотности, станут факторы

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации № НШ-2668-2020.6 «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке».

для обмана граждан в сфере киберпреступлений и информационной безопасности. Таким образом, для злоумышленника нет оснований пытаться осуществить взлом или иные действия в программном обеспечении, которое направлено на защиту информации. Представляется, что достаточно сыграть на слабостях или эмоциональном состоянии человека, чтобы получить всю информацию [5].

Автор полагает, что злоумышленнику интереснее и эффективнее достать информацию от пользователя, воспользовавшись его слабостями или иными эмоциями, нежели выбирать объектом для взлома машину. Однако необходимо подчеркнуть, что уровень финансовой грамотности, присущий каждому отдельному субъекту, разный, как и эмоциональное состояние человека, его слабости и характер в целом, поэтому единых установок для злоумышленников, или так называемых унифицированных методов социальной инженерии, не может существовать.

Методы социальной инженерии

Автор предлагает рассмотреть лишь несколько возможных способов:

1. «Метод прямого воздействия». Для получения информации методом прямого воздействия необходимо заставить человека врасплох, напугать, или дать понять, что злоумышленник тоже обладает необходимой информацией. Таким образом, в экстренной ситуации, потерпевший может не учесть требования по защите конфиденциальности информации, и сам сообщить все необходимые злоумышленнику данные.

2. «Метод введения в заблуждение» [5]. Общеизвестное название – «фишинг». Ввести в заблуждение, по мнению автора, проще именно тех лиц, у кого есть привычка к пользованию определенными вещами, как например, сайты или какие-либо ресурсы. Обращаем внимание на то, что чем меньше человек пользуется сетью Интернет, тем сложнее ввести его в заблуждение, на наш взгляд: неуверенный пользователь, возможно, не захочет лишиться раз пользоваться услугами каких-то сайтов. Говоря о том, что неуверенного пользователя проще обмануть, — на наш взгляд, тут речь идет уже об уровне финансовой грамотности отдельного пользователя. Мошеннический сайт, разработанный злоумышленником и очень похожий на легальный сайт известной пользователю компании, может собирать данные: от имени пользователя и даты его рождения до персональных данных, номеров и паролей его банковских счетов или карт. Методика едина: для получения информации, которой хочет завладеть злоумышленник, социальным инженером создается сайт, очень похожий на привычный или знакомый пользователю. Злоумышленнику необходимо получить доступ к информации, которую пользователь вводит на сайте. Пользовательский интерфейс поддельного сайта, обратим внимание, полностью повторяет интерфейс легального сайта. Таким образом, пользователь вводится в заблуждение сайтом-близнецом и вводит данные, которые оказываются у мошенника.

3. «Метод обратной инженерии» представляет интерес, поскольку при нем пользователь (потерпевший) сам предоставляет информацию злоумышленнику, такую как персональные данные, данные банковских карт и т.п. Представляется, что для реализации данного метода необходимо владеть полной информацией о пользователе и об окружающем его мире: семья, карьера, увлечения и прочее. Безусловно, это займет определенное время.

4. «Техника использования несуществующих ссылок» заключается в том, что пользователь получает письмо, которое содержит ссылки, перейдя по которым компьютер заражается вредоносным программным обеспечением. Преступник завладевает контактными данными путем обмана, и воспользовавшись доверием человека.

5. «Сбор и анализ информации из открытых источников» [5]. Последним из методов социальной инженерии, который, по представлению автора, стоит рассмотреть в данной работе, является метод сбора информации из открытых источников – метод является наиболее простым и, в ряде случаев, очень эффективным. Под открытыми ис-

точниками автор подразумевает социальные сети, которые с каждым годом набирают популярность, особенно среди молодежи. Необходимо отметить, что сегодняшнее молодое поколение крайне зависимо, по мнению автора, от социальных сетей, и само предоставляет большое количество данных о себе (среди них можно заметить и персональные данные).

6. «Троянский конь» - техника, при которой преступник отправляет пользователю электронное сообщение, содержание которого для «жертвы» является потенциально интересным. Открыв такое письмо из любопытства, пользователь запускает установку вредоносного программного обеспечения, и преступники получают доступ к конфиденциальной информации, содержащейся в компьютере.

7. «Quiproquo» - техника, при которой злоумышленник, представляясь специалистом технической поддержки, обращается в компанию, вынуждает сотрудника провести комплекс действий, якобы оказывая ему помощь в устранении мнимой проблемы. Данные действия проводятся с целью установки вредоносного программного обеспечения.

Полагаем разумным обозначить, что действия злоумышленников по получению паролей и иных данных пользователей еще с 2012 года регулируются статьей 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации: «Мошенничество в сфере компьютерной информации, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей» [6]. В зависимости от конкретных обстоятельств, злоумышленник дополнительно может понести ответственность за совершение таких деяний, как: неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ); мошенничество с использованием платёжных карт (ст. 159.3 УК РФ); вымогательство (ст. 163 УК РФ); незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ); незаконные организация и проведение азартных игр (ст. 171.2 УК РФ); организация деятельности по привлечению денежных средств (ст. 172.2 УК РФ); отмывание денежных средств, приобретенных преступным путем (ст. 174.1 УК РФ).

На первом этапе мошенники получают доступ к данным человека или к информационной системе с использованием методов психологических манипуляций.

На втором этапе с помощью полученного от человека доступа в качестве своеобразного ключа достигают противоправных целей уже с применением компьютерных технологий.

Используя различные средства манипуляции, через социальные сети, телефонные звонки, злоумышленники обманывают людей и получают доступ к конфиденциальной информации.

Согласно данным международного источника Webroot, атаки социальной инженерии являются причиной 93 % утечек конфиденциальных данных [7].

Центральный банк Российской Федерации, утверждая Основные направления развития информационной безопасности финансовой сферы на 2019–2021 гг., констатировал, что единственным способом борьбы с социальной инженерией являются информационные кампании при содействии федеральных и региональных СМИ, что фактически является признанием в бессилии любых технологических систем и способов защиты против данной угрозы [8].

Обосновано полагать, что фишинг является самым популярным видом социальной инженерии, о которой идет речь в первом параграфе. Целью фишинга является получение конфиденциальной информации о физическом лице.

По мнению Д. Г. Калатози, фишингом признается завладение персонализированными сведениями с помощью скромированных веб-ресурсов, массовых рассылки электронных писем и телефонных переговоров [9]. Согласно мнению Далгалы Т. А., фишинг это «использование поддельных сообщений электронной почты для получения личной информации от пользователей [10] Интернета».

Таким образом, можно говорить в том числе и о том, что фишингом является неправомерное получение информации от дискредитированного действиями мошенника пользователя персональных и иных личных данных (а в том числе данных банковских счетов и связанной с ними информации) с целью наживы.

Как упоминалось выше, фишинг выражен разными подвидами. Возможные виды фишинговых атак представлены автором ниже. Автор перечисляет несколько видов возможных атак, учитывая, что таких видов может становиться с каждым днем все больше.

1. **Smishing** – фишинг с помощью СМС;

2. **Vishing** – фишинг с помощью голосовой почты.

С помощью этих моделей злоумышленник может имитировать ответ оператора от какой-либо организации, и сообщать об этом пользователю (жертве). Далее пользователю сообщают, что нужна какая-либо информация о нем (как правило, персональные данные или данные банковских счетов/карт).

3. **Почтовый фишинг.** Такой вид атаки использует технику «spray and pray». Метод заключается в том, что злоумышленник отправляет электронные письма якобы от имени известных организаций. По содержанию письма могут быть любыми, однако, как представляется, в основном это «срочная» информация о взломе аккаунтов пользователей. В этой, как и в других ситуациях, снова выступает социальная инженерия: срочность ситуации (взлом аккаунта) должен лишить пользователя времени на обдумывание и осознание ситуации, то есть вызвать эффект неожиданности, и злоумышленник надеется на некую невнимательность жертвы.

4. **Целевой фишинг (Spear Phishing)**

Тот же указанный выше почтовый фишинг, однако, нацеленный на пользователей внутри одной организации. Как правило, работает эффективнее, поскольку пользователь полагает, что, раз рассылка не имеет отношения к «случайным» лицам, то у него якобы есть отношения с организацией, направившей письмо, и бдительность притупляется. У этого вида фишинга может быть еще одна разновидность – whaling – которая как целевую аудиторию использует именно руководство какой-либо организации. Смысл такого вида целевого фишинга заключается в том, чтобы получить доступ к более конфиденциальной информации.

5. **Pharming (фарминг).** В этом подвиде фишинга злоумышленник атакует серверы доменных имен, перенаправляя пользователя через открытые легальных сайтов на вредоносные веб-сайты. DNS-серверы существуют для того, чтобы направлять запрос на открытие конкретного веб-сайта на соответствующий IP-адрес сервера, где этот сайт размещен. При фарминге атака нацелена на DNS-серверы для подмены сведений об IP-адресах и доменах с тем, чтобы они перешли на сайты с поддельными IP-адресами. Результатом становится ситуация, что данные пользователей становятся открытыми для атаки.

6. **Фишинг в социальных сетях.** Через использование социальных сетей (VK, Instagram и иные) также возможно получить конфиденциальные данные пользователей. Как правило, используется реклама якобы известных и надежных сайтов или страниц в соцсетях, которая «заманивает» пользователя зайти на указанную мошенническую страницу. Наряду с фишингом в социальных сетях, существует фишинг в поисковых системах, которые также, создают ссылки для ввода данных.

Таким образом, отмечается, что крайне необходимо повышать рост компьютерной, а также финансовой грамотности населения, поскольку навыки мошенников по завладению персональными данными или иной необходимой им информацией находятся на высоком уровне. Эти навыки и стремление «заработать» приводят к крайне существенным финансовым потерям населения, что, безусловно, сказывается на их благополучии и чувстве безопасности, а в итоге, и на стабильности экономической системы государства.

Пристатейный библиографический список

1. Ефимова Л. Г. Цифровое право в банковской деятельности: сравнительно-правовой аспект: монография [Текст] / Отв. ред. Л. Г. Ефимова. – М.: Проспект, 2021. – 426 с. – ISBN 978-5-392-32900-7.
2. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» от 20.02.1995 [Текст]: [Федеральный закон, принят Государственной Думой 25 января 1995 года] (утратил силу): Текст Федерального закона опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации от 20 февраля 1995 г. № 8 ст. 609.
3. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 [Текст]: [Федеральный закон, принят Государственной Думой 8 июля 2006 года: одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года] редакция от 2 июля 2021 года): Текст Федерального закона опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. N 31 (часть I) ст. 3448.
4. Лобель Т. / Теплая чашка в холодный день. Как физические ощущения влияют на наши решения. [Текст]. – М.: Альпина Паблишер, 2021. – 259 с. – ISBN 978-5-9614-4886-3, 978-1-4516-9913-5, 978-5-9614-4698-2.
5. Кабанов А. С., Лось А. Б., Суроев А. В. Методы социальной инженерии в сфере информационной безопасности и противодействие им [Текст] / Российский следователь. – 2015. – № 18. – С. 32-37.
6. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 63-ФЗ [Текст]: [Федеральный закон, принят Государственной Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года (редакция от 27.12.2019)]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
7. OfficialwebsiteWebroot. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.webroot.com/us/en>.
8. Центральный банк Российской Федерации / Основные направления развития информационной безопасности кредитно-финансовой сферы на период 2019–2021 годов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/83253/onrib_2021.pdf.
9. Калатоци Д. Г. Правовая ответственность в сфере денежного обращения [Текст] // Финансовое право. – 2020. – № 11. – С. 38–40. DOI: 10.18572/1813-1220-2020-11-38-40.
10. Далгалы Т. А. – Киберкриминология: вызовы XXI века // Российская юстиция. – 2020. – № 10. – С. 19-21. Библиогр.: с. 21 (11 назв.). – ISSN 0131-6761.
11. Фролова Е. Е. Новая экосистема финансового рынка Европейского Союза: цифровизация и устойчивость // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2020. – Т. 24. – № 3. – С. 673-694.

ГУСЕЙНОВ Амирджан Ахмедович

старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

КАРЕЛКИН Евгений Николаевич

кандидат социологических наук, доцент кафедры физической подготовки и спорта Краснодарского университета МВД России

ШАБАЕВ Вадим Владимирович

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России

К ВОПРОСУ О ТАКТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЯХ ПО БОРЬБЕ С КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

На сегодняшний день информационно-коммуникационные технологии, без сомнения, стали значимой частью жизни общества. Любое противоправное вмешательство в их деятельность способно нанести вред не только отдельному гражданину. В связи с этим в последнее десятилетие все больше усилий отдается борьбе с киберпреступлениями. Проблема поиска новых методов расследования и новых технологий подготовки сотрудников органов внутренних дел, способных противостоять киберпреступности, является особенно актуальной. В данной статье приведем, на наш взгляд, действенные предложения специалистов по кибербезопасности.

Ключевые слова: киберпреступление, угроза, противодействие, кибербезопасность.

GUSEYNOV Amirdzhan Akhmedovich

senior lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

KARELKIN Evgeniy Nikolaevich

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Physical training and sports sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

SHABAEV Vadim Vladimirovich

lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

ON THE ISSUE OF TACTICAL ACTIONS TO COMBAT CYBERCRIME

Today, information and communication technologies have undoubtedly become an important part of society's life. Any illegal interference in their activities can harm not only an individual citizen. In this regard, in the last decade, more and more efforts have been devoted to the fight against cybercrime. The problem of finding new investigative methods and new technologies for training law enforcement officers capable of countering cybercrime is particularly relevant. In this article, we will present, in our opinion, effective proposals of cybersecurity specialists.

Keywords: cybercrime, threat, counteraction, cybersecurity.

В обществе укрепляется мысль о том, что киберпреступность становится угрозой национальной безопасности. Таково мнение начальника главного организационно-аналитического управления Генеральной прокуратуры России А. Некрасова: «За последние годы число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, возросло до масштабов, позволяющих говорить о них как об угрозе национальной безопасности» [1].

Специалисты по кибербезопасности с сожалением отмечают [1], что Россия пока занимает первое место в ТОП-5 стран-целей для кибератак: на первом месте среди целей – граждане, на втором – банки, на третьем – финансы, далее – ИТ-компании, телекоммуникация, энергетика, правительство, образование, оборонная промышленность, военные учреждения. Проблему они видят в том, что нет соответствующего реагирования со стороны сотрудников органов внутренних дел в связи с отсутствием должной тактической подготовки по борьбе с киберпреступностью.

В марте 2021 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая на расширенной коллегии МВД России, признал наличие проблем с раскрываемостью киберпреступлений [4]. На сегодняшний день является очень острой проблема поиска новых методов расследования и новых тех-

нологий обучения либо же подготовки сотрудников органов внутренних дел, способных противостоять киберпреступности.

Укажем, что 1 июня 2021 г. Российской секцией Международной полицейской ассоциации совместно с Санкт-Петербургским Горным университетом была проведена международная конференция «Кибербезопасность и проблемы борьбы с новыми видами киберпреступлений» [5]. На ней приводились особенности раскрытия преступлений в сфере компьютерных технологий (В. М. Егоршин, главный сотрудник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ) и решались другие проблемы по обеспечению кибербезопасности.

Наше особое внимание привлеч доклад С. К. Кузнецова «Шпаргалка современного полицейского» [1], в котором автор указывает, что для расследования кибератак современному сотруднику полиции надо знать: ИТ-технологии (современные протоколы и технологии построения систем связи и передачи данных, операционные системы, базы данных, средства разработки); цифровые следы (журналы операционных систем, дампы памяти и сетевого трафика, форматы основных файловых систем операционных систем); основы работы CERT; Darknet (архитектура сети TOR и ее сервисов, механизмы деанонимизации участников сети); средства кибер-

защиты (межсетевые экраны, антивирусное программное обеспечение, средства защиты от DDoS-атак, средства защиты от спама, WAF, DPL и др.).

Действительно, для борьбы с киберпреступностью современный сотрудник полиции должен быть продвинутым специалистом в области информационных технологий. С одной стороны, он должен четко представлять технологию работы компьютерных систем сбора, хранения, передачи и обработки информации, обеспечения защиты всех видов конфиденциальной информации в компьютерных и телекоммуникационных системах в организациях и на предприятиях различных направлений деятельности и форм собственности, знание сетевых технологий, с другой – разбираться в особенностях разработки и эксплуатации информационно-управляющих систем и комплексов, понимать специфику создания их информационного и программного обеспечения. Для расследования киберпреступлений ему придется пользоваться инновационными инструментами в борьбе с киберпреступлениями: централизованными базами данных, мобильными устройствами, AR-/VR-инструментами, возможностями BigData, аналитическими AI-моделями, – без глубоких знаний в области информационных технологий в нынешнее время сложно будет раскрыть киберпреступление.

Таким образом, одним из тактических действий по борьбе с киберпреступлениями должно стать введение в тематику преподаваемых специальных дисциплин, к примеру дисциплины «Тактико-специальная подготовка», соответствующих тем либо организация обучения сотрудников полиции по соответствующей образовательной программе, которую нужно разработать с учетом актуальных запросов общества на обеспечение киберзащиты. Данная подготовка видится одной из форм реализации указания Президента Российской Федерации В. В. Путина во время выступления на пленарном заседании Международного конгресса по кибербезопасности (Москва, 5–6 июля 2018 г.) на то, что планируется «качественно повысить уровень подготовки российских специалистов по противодействию киберпреступности, а для этого активнее внедрять практико-ориентированные подходы, использовать передовой зарубежный и российский опыт» [3].

Говоря об образовании, мы полностью соглашались с мнением о том, что нельзя без знания английского вести работу в сфере борьбы с киберпреступлениями, так как на нем строится вся терминология информационных технологий и ею оперируют киберпреступники.

Следующим тактическим действием по борьбе с киберпреступностью должна стать единая платформа обмена информацией внутри МВД России, а лучше – коллаборация Следственного комитета РФ, МВД, ФСБ, Минобороны России для хранения, защиты информации, безопасного обмена ею.

В своем докладе С. К. Кузнецов привел рекомендации для расследования преступлений, связанных с атаками на биометрию, позволяющую допуск в определенные охраняемые зоны путем сканирования лица, отпечатка пальца, радужки глаза, рисунка пульсирующих вен рук, распознавания голоса. Согласно автору, сотрудник полиции должен знать законы Российской Федерации (115-ФЗ, 149-ФЗ, 152-ФЗ), факторы аутентификации, алгоритмы идентификации и аутентификации, принципы работы нейронных сетей, характеристику их ошибок и возможных уязвимых мест, возможные сценарии использования биометрии, атак на них (подстановка фото/видео, 2D- и 3D-бумажные и силиконовые маски) и технологии защиты (к примеру, многофакторная

аутентификация), возможности применения искусственного интеллекта для создания подделок (синтез голоса, DeepFake).

Чтобы расследовать киберпреступления, совершаемые в отношении детей, необходимо знать основы возрастной психологии, функциональные возможности основных социальных сетей и их приложений, особенности обеспечения приватности и конфиденциальности при работе в социальных сетях, создавать памятки для родителей, в которых разъясняется то, как использовать настройки в современных гаджетах, чтобы обезопасить детей от кибератак, а также выучить язык, который используют дети в социальных сетях, и говорить на нем – понятном современным детям и подросткам языке.

Также С. К. Кузнецов делится опытом создания ИТ-разработок. Искусственный интеллект может оказать большую помощь в охране общественного порядка. Можно создавать ИТ-продукт, изучая преступления, которые совершаются выполнением определенного набора действий. Через камеры слежения искусственный интеллект будет распознавать характерный для преступления алгоритм действий и передавать информацию в соответствующий отдел полиции. Также сотрудникам полиции в тактике слежения способны помочь камеры слежения с внедренным в них искусственным интеллектом, которые по заданным биометрическим параметрам определяют преступников, находящихся в розыске, пропавших без вести людей.

Все перечисленные тактические рекомендации по борьбе с киберпреступлениями мы считаем действенными и требующими скорой реализации. Укажем, что на совершенствование системы кибербезопасности должны направить усилия не только государство и правоохранительные органы, но и научное сообщество. Несмотря на относительно большое количество научных публикаций, тему киберпреступлений все еще можно называть новой. Требуется четко определить понятие «киберпреступление», анализировать все более изощренные методы, формы, средства совершения рассматриваемых преступлений. Особенно большого внимания требует разработка тактики поиска и поимки киберпреступников.

Пристатейный библиографический список

1. Выступление С. Кузнецова на конференции «Кибербезопасность и проблемы борьбы с новыми видами киберпреступлений». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=7SNvwG8oaU8> (дата обращения: 10.01.2022).
2. Генпрокуратура объявила киберпреступность угрозой нацбезопасности [[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/60ab077d9a79475126c29d4a> (дата обращения: 10.01.2022).
3. Пленарное заседание Международного конгресса по кибербезопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://alrf.ru/news/plenarnoe-zasedanie-mezhdunarodnogo-kongressa-po-kiberbezopasnosti/> (дата обращения: 11.06.2021).
4. Путин словами «мы не успеваем» объяснил рост числа преступлений в ИТ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/03/03/2021/603f6ae59a7947b29b0e9b18> (дата обращения: 10.06.2021).
5. Фалалеев М. В Петербурге обсудили новые способы борьбы с киберпреступностью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2021/06/03/reg-szfo/v-peterburge-obsudili-novye-sposoby-borby-s-kiberprestupnostiu.html> (дата обращения: 08.06.2021).

ДАВЛЕТОВ Вадим Илдарович

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

МИЛЮТИН Роман Викторович

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры огневой подготовки Воронежского института МВД России

ЖАБКИН Антон Сергеевич

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России

АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ 293 УК РФ

В статье авторы рассматривают проблемы уголовно-правовой ответственности должностных лиц, а именно сотрудников органов дознания при производстве предварительного расследования. Дифференцированным особенным элементом в данной статье является специальный субъект преступления. Важное значение имеет разграничение состава халатности от иных должностных преступлений в рамках российского уголовного права, специальный субъект является особенным объектом ряда соответствующего вида преступных посягательств.

Ключевые слова: халатность, сотрудники дознания, форма вины, сотрудник ОВД.

DAVLETOV Vadim Ildarovich

lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

MILYUTIN Roman Viktorovich

Ph.D. in Law, lecturer of Fire training sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia

ZHABKIN Anton Sergeevich

Ph.D. in Law, lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

ANALYSIS OF THE CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF OFFICIAL CRIMES ON THE EXAMPLE OF ARTICLE 293 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

In the article, the authors consider the problems of criminal liability of officials, namely employees of the bodies of inquiry during the preliminary investigation. A differentiated special element in this article is a special subject of the crime. It is important to distinguish the composition of negligence from other official crimes within the framework of Russian criminal law, a special subject is a special object of a number of relevant types of criminal encroachments.

Keywords: negligence, inquiry staff, form of guilt, police officer.

Анализ и уголовно-правовую характеристику должностных преступлений начнем с того, что расследования преступлений должностных лиц в силу юридической их сущности исходит из материального права, из положений уголовного закона. Данные преступления имеют ряд отличительных признаков, которые определяют сущность исследуемого преступления. Объект и криминалистическая классификация исходит из определенной схожести преступного посягательства, субъекта преступления — должностного лица, способов его совершения и причиненного вреда. Основные различия заключаются в практической направленности реализации исследования должностных преступлений. Характеризуя должностные преступления по критериям, представляющим криминалистический интерес, следует выделить ряд факторов их объединяющих. К таким факторам относится совершение должностных преступлений в объективно существующей системе органов внутренних дел.

Как нам кажется основной причиной роста преступлений среди сотрудников органов внутренних дел в Российской Федерации является то, что должностные лица в большинстве случаев избегают уголовной ответственности или подвергаются ей, но не в той степени, в которой требуется в обстоятельствах, сложившихся в настоящее время в стране. Подрыв общественного порядка в России ведет к разрушению аппарата управления обществом и государством в целом. В статье рассмотрим на примере сотрудников органов дознания при производстве предварительного расследова-

ния, а также развитие законодательства об ответственности за совершение должностных преступлений. Суть таких преступлений заключается в нарушении правильной деятельности государственных органов, совершаемым сотрудниками органов дознания. Должностные преступления объединяет родовый объект, который можно определить как нормальное функционирование государственной власти, правильное осуществление государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Основной особенностью современного уголовного законодательства является четкое разграничение, классификация субъектов преступлений по определенным признакам. Одним из таких дифференцированных особенных элементов является специальный субъект преступления. Он появляется во многих статьях особенной части Уголовного кодекса РФ, однако наиболее остро встает вопрос об уголовно-правовой ответственности должностных лиц, которые, по какой-либо причине, совершают преступные деяния, в большинстве своем, как раз таки пользуясь своим должностным положением [5].

Естественно, мы с Вами понимаем, что такого рода преступное деяние должно непременно соответствовать всем основным признакам уголовного преступления, перечисленным в ст. 7 УК РФ [3], кроме того, следует отметить, что в отдельных случаях необходимо обращать внимание на квалифицирующие признаки, обязательные для какой-либо конкретной статьи, а также объективные, субъективные и фа-

культуративные элементы. Четкое и точное анализирование и последующее установление данных признаков позволит дать полноценную уголовно-правовую характеристику правонарушительному деянию по составу должностного преступления.

Соответствующая совокупность и конкретизация ранее упомянутых элементов, указана в диспозиции статей, расположенных в рамках главы 30 УК РФ, что в последующем и является индивидуализированной особенностью каждой из них. Однако, правоприменителю следует обратить внимание, что многие спорные практические аспекты рассмотрены в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, принятом 9 июля 2013 года за номером 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [4], не смотря на это реалии современного мира говорят о том, что вопросов остается немало, особенно по вменению данных статей, а способы совершения преступных деяний должностными лицами становятся более изощренными, причем как в индивидуальном порядке, так и в форме соучастия.

Рассмотрим уголовно-правовую характеристику особенностей должностных преступлений на примере статьи 293 УК РФ «Халатность», с учетом того, что уголовно-наказуемые преступные деяния будут совершены сотрудником органа дознания при производстве предварительного расследования.

В диспозиции статьи 293 УК РФ дается четкое сформулированное определение, что из себя представляет халатность, а также санкции, которые будут применяться к преступнику, с учетом вариации последствий, начиная с причинения ущерба, заканчивая причинением смерти по неосторожности двум и более лицам. То есть, исходя из вышеизложенного, мы можем сделать вывод, что состав данного вида преступления по своей конструкции материальный, а преступление будет считаться оконченным с момента наступления хоть одного из последствий, перечисленных в статье 293 УК РФ. Как отмечает в своей работе Рубцова Ю. С., если последствия халатного отношения к службе будут отсутствовать, а сотрудник действительно недобросовестно относился к своим служебным обязанностям, его деяния будут расценены лишь поводом привлечения к дисциплинарной ответственности, а не уголовной [2].

Уточняя объективную сторону совершения данного преступления, стоит отметить, что в большинстве случаев в действиях дознавателей прослеживаются следующие нарушения:

- 1) ненадлежащее выполнение обязанностей, прописанных в должностных инструкциях сотрудника органа дознания;
- 2) нарушение или несоблюдение процессуальных норм при проведении следственных действий в процессе предварительного расследования;
- 3) частичная или полная утрата процессуальных документов, вещественных доказательств, материальных носителей и уголовных дел, которые находятся у него в производстве;
- 4) неисполнение в соответствующем виде указаний прокурора, начальника органа или подразделения дознания по конкретному уголовному делу;
- 5) неправомерный отказ в принятии заявления от гражданина о факте совершенного противоправного деяния;
- 6) намеренное затягивание сроков расследования по каждому конкретному уголовному делу;
- 7) некачественное либо несвоевременное предоставление статистических документов по уголовным делам, находящимся в производстве. Мы перечислили лишь основные сгруппированные правонарушения в действиях дознавателя без конкретизации, на самом деле, как показывает статистика, они абсолютно разнообразные, а вариативность зависит от каждой индивидуальной ситуации.

Обозначая субъект, согласно данной статье, что мы привели лишь пример одного из должностных лиц, ведь перечня сотрудников относящихся к органам внутренних дел, которые в процессе своей трудовой деятельности реально будут реализовывать соответствующие полномочия, закрепленные уголовно-процессуальным законодательством попросту нет. По нашему мнению будет целесообразно в соответствующей норме статьи 293 указать ссылку на Приказ МВД России от 21 ноября 2012 г. за номером 1051, где можно закрепить перечень лиц, относящихся к органам дознания, уполномоченных на производство предварительного следствия в форме дознания.

Что касается субъективной стороны данного преступного посяательства стоит отметить, что основная форма вины – легкомыслие либо преступная небрежность. Мотивы и цели играют немаловажную роль. Согласно аналитическим данным, приведенным в учебном пособии Александра И. В. основными мотивами являются: работа «на показатель», быстрое и беспрепятственное продвижение по службе, лень, эгоизм, нежелание доброкачественно выполнять свою работу, отсутствие интереса к служебной деятельности и служебным обязанностям, отсутствие необходимых навыков и компетенций, а также, в некоторых случаях, корысть [1].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что специальный субъект, преимущественно появляющийся в рамках должностных преступлений, является особым объектом ряда соответствующего вида преступных посятельств. Основная особенность – занимая должность по роду полномочий, возложенных на конкретного человека. Совершение преступных деяний может являться как следствием действительного процесса выполнения работы с безразличием к проблемам гражданского населения, так и самой обыкновенной ленью. Чтобы решить проблему увеличения уровня привлечения сотрудников ОВД по данной статье, мы считаем, необходимо улучшить условия работоспособности соответствующих лиц, найти точки стимулирования их положительной деятельности и усовершенствовать процесс поощрения за добросовестный труд, а также проводить профилактические работы, направленные на воспитание морально-психологических качеств и критериев нравственного развития для выполнения служебно-боевых задач.

Пристатейный библиографический список

1. Муртазин А. И., Преступность сотрудников органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. - 2017. - № 1 (75). - С. 48-51.
2. Давлетов В. И. Оценка фактора риска при принятии управленческих решений, В сборнике: Совершенствование методологии познания в целях развития науки. // Сборник статей Международной научно-практической конференции. - 2019. - С. 133-135.
3. Уголовный Кодекс РФ: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
4. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24.
5. Гусейнов А. А., Пути повышения эффективности деятельности сотрудников полиции в условиях оптимизации кадровых ресурсов // Евразийский юридический журнал. - 2016. - № 5 (96). - С. 247-248.

ЗАХАРОВА Светлана Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Института Академии ФСИН России

КУЗЬМИН Сергей Спиридонович

старший преподаватель кафедры уголовного права Института Академии ФСИН России

ЛАКЕЕВ Алексей Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Института Академии ФСИН России

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ COVID-19

Авторы, понимая чрезвычайность положения, связанного с распространением COVID-19, предприняли попытку анализа возможности уголовно-правового противодействия его распространению. Для этого в статье выделяется круг наиболее распространенных общественно опасных деяний, совершаемых в условиях пандемии, и с позиций действующего уголовного законодательства определяются возможные варианты их квалификации.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, уголовное законодательство, административное законодательство, санитарно-эпидемиологические правила, имитация вакцинации, фальсификация сертификатов.

ZAKHAROVA Svetlana Sergeevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Institute of the Academy of the FPS of Russia

KUZMIN Sergey Spiridonovich

senior lecturer of Criminal law sub-faculty of the Institute of the Academy of the FPS of Russia

LAKEEV Aleksey Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Institute of the Academy of the FPS of Russia

CRIMINAL LAW OPPOSITION TO THE SPREAD OF COVID-19

The authors, understanding the state of emergency associated with the spread of COVID-19, attempted to analyze the possibility of criminal legal resistance to its spread. To this end, the article identifies the most common socially dangerous acts committed in pandemic conditions, and from the point of view of the current criminal law, possible options for their qualification are identified.

Keywords: COVID-19, pandemic, criminal legislation, administrative legislation, sanitary and epidemiological rules, imitation of vaccination, falsification of certificates.

Пандемия COVID-19, охватившая все страны, представляет существенную угрозу жизни и здоровью населения, нормальному развитию экономики и культуры, препятствует проведению социальных реформ, порождает социальные конфликты внутри стран, способствует возникновению, обострению и развитию межгосударственных противоречий и конфликтов. Реальность данных угроз осознано руководством стран и международных организаций, в связи с чем ими предпринимаются значительные усилия: а) по разработке и производству лекарств; б) по разработке эффективных вакцин и вакцинации населения; в) по организации и проведению курсов лечения; г) по разработке и производству средств диагностики; д) по выработке мер, предупреждающих (ограничивающих) распространение вируса, и их реализацию, как правило, связанную с введением соответствующих ограничений по массовости проводимых мероприятий и обеспечению безопасности; е) по обеспечению контроля за выполнением принятых решений и соблюдением установленных правил поведения; ж) по применению мер

правового (в том числе, уголовно-правового) воздействия, предусматривающих ответственность за нарушение правил поведения в период установленных ограничений и др. Данные меры, соответственно, осуществляются в России. При этом, разработка и проведение противодействующих вирусам мер, должны учитывать основные характеристики COVID-19, к которым специалисты относят его чрезвычайную опасность для жизни и здоровья, высокую динамичность и агрессивность, живучесть на основе способности к мутации, гибкость в выборе объекта поражения. Их наличие позволяет предположить перспективу длительного противодействия человечества данному вирусу. С учетом этого необходимо вырабатывать и осуществлять

Захарова С. А.

Кузьмин С. С.

Лакеев А. А.

комплекс необходимых мер, включая меры уголовно-правового воздействия как крайнего средства обеспечения безопасности в условиях распространения вируса. Президент России В. Путин, открывая заседание Государственного Совета по науке и образованию, заявил, что защита от новых инфекций является самой актуальной задачей [1].

Вместе с тем, необходимо понимать, достаточно ли, в том числе уголовно-правовых средств, для решения такой задачи или уголовное законодательство нуждается в совершенствовании. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо а) выявить круг совершаемых общественно опасных деяний, связанных с незаконным распространением COVID-19; б) определить круг уголовно-правовых норм, регулирующих ответственность за их совершение и, в случае необходимости, выработать предложения по их оптимизации.

Вместе с тем, необходимо отметить определенные усилия Верховного Суда Российской Федерации по упорядочению судебной практики в этой сфере, подготовившего в 2020 – 2021 годах три Обзора судебной практики по отдельным вопросам, связанным с противодействием распространению COVID-19, включая и вопросы применения уголовного законодательства.

Анализ сложившейся ситуации, основанный, прежде всего, на сведениях, опубликованных в средствах массовой информации, позволяет выделить следующий круг общественно опасных деяний, имеющих непосредственное отношение к незаконному распространению COVID-19:

1) Нарушение установленных санитарно-эпидемиологических правил.

Такое поведение охватывается признаками ст. 236 УК РФ, которая в апреле 2020 года была изменена с учетом перспективы противодействия распространению коронавируса. Вместе с тем, применение данной статьи остается проблемным, из-за недостаточной определенности признаков состава преступления «массовость заболевания», «создание угрозы массового заболевания».

Для того, чтобы данная норма реально «заработала», необходимо в основу ответственности положить также принцип административной преюдиции и часть первую ст. 236 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности массовое заболевание или отравление людей либо создавшее угрозу наступления тяжких последствий, а также совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию по ст. 6.3 КоАП РФ».

Специфичным для данной нормы является то, что санитарно-эпидемиологические правила могут быть установлены как на федеральном, так и на региональном уровне, что устраняет возможность единообразного подхода в криминализации деяний. В результате такого разнообразия одни и те же деяния в разных субъектах Российской Федерации могут быть как правомерными, так и преступными.

По смыслу закона субъектом преступлений, предусмотренных ст. 236 УК РФ, является общий субъект, включая и лиц, инфицированных COVID-19 или контактировавших с ними лиц, умышленно нарушающих правила,

установленные соответствующим документом (предписанием, постановлением) в отношении таких лиц (Обзор № 3. Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 17.02.2021 г.).

С позиций подходов квалификации, ст. 236 УК РФ является общей по отношению к другим статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за отдельные нарушения санитарно-эпидемиологических правил, и должна применяться при отсутствии последних.

2) Воспрепятствование осуществлению санитарно-эпидемиологических мероприятий.

Воспрепятствование как форма общественно опасного поведения является признаком многих составов преступлений, предусмотренных УК РФ. Их анализ позволяет сформулировать обобщенное понятие воспрепятствования, под которым следует понимать совершенное с прямым умыслом общественно опасное деяние (действие, бездействие), противодействующее осуществлению наиболее значимой законной общественно полезной деятельности или реализации прав и свобод человека и гражданина, причинившее или создавшее угрозу причинения вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законом [2, с. 253]. Сущностью воспрепятствования является противодействие законной деятельности человека (отдельной личности, представителя структур власти, общественных объединений, саморегулируемых организаций и др.) и (или) реализации ими законных прав и свобод. Такое противодействие может быть выражено в различных деяниях. Применительно к рассматриваемой сфере деятельности, направленной на ограничение распространения COVID-19, воспрепятствование осуществлялось, например, в уничтожении путем поджога мобильного пункта вакцинации (г. Абакан), в хищении 320 доз препарата «Спутник-V» с целью его уничтожения (г. Нижний Тагил), в угоне автомобиля медицинской службы, использовавшегося для мобильной вакцинации (г. Тихвин) и в других действиях, включая насилие. Подобные действия, из-за отсутствия специальной нормы, подлежат квалификации по статьям УК РФ, предусматривающим наступившие общественно опасных последствия. Но такая квалификация не отражает сущность таких преступлений, препятствующих распространению коронавируса.

Для устранения данного пробела, учитывая особенности конструирования составов воспрепятствования [3, с. 269-271], представляется целесообразным дополнить УК РФ статьей 236.1 в следующей редакции:

«Статья 236.1. Воспрепятствование санитарно-эпидемиологической деятельности.

1. Воспрепятствование законной санитарно-эпидемиологической деятельности, – наказывается...

2. То же деяние, совершенное с насилием не опасным для жизни или здоровья, а равно совершенное группой лиц, – наказывается...

3. Деяние, предусмотренное частью первой, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, а равно совершенное организованной группой, – наказывается...».

3) Совершение умышленных действий лицом, инфицированным COVID-19, направленных на заражение других лиц.

Данные действия могут быть совершены по отношению к широкому кругу лиц или персонально. Если деяние совершается по отношению к неопределенному кругу лиц, то его квалификация зависит не только от факта нарушенного санитарно-эпидемиологического правила, но и от других обстоятельств: знания субъектом о собственной инфицированности, направленности умысла и степени его реализации, содержания целей и мотивов, наличия соучастия, степени реальности угрозы жизни и здоровью, масштабов последствий. В таком случае деяние может быть квалифицировано, с учетом обстоятельств дела, по ст. 236 УК РФ.

Если же деяние носило персональный характер и было направлено на заражение конкретных лиц, то оно, по нашему мнению, должно быть квалифицировано как преступление против личности. Учитывая наличие в УК РФ специальной ст. 122, предусматривающей ответственность за заражение ВИЧ-инфекцией, а также сопоставимую опасность ВИЧ-инфекции и COVID-19, представляется целесообразным распространить такую ответственность и в отношении коронавируса путем унификации указанной статьи.

Для этого в частях 1-4 и в примечании к указанной статье термин «ВИЧ-инфекция» заменить словосочетанием «ВИЧ-инфекция и другие вирусные инфекции». Данное словосочетание включает COVID-19, что позволит квалифицировать рассматриваемые случаи по ст. 122 УК РФ.

4) Публичное распространение заведомо ложной информации о вреде вакцинации.

Верховный Суд РФ признает распространение информации о COVID-19 общественно значимой и имеющей непосредственное отношение к обеспечению безопасности, жизни и здоровья граждан (Обзор № 1 от 21.04.2020 г.). В соответствии с этим, подобные деяния подлежат квалификации по статьям 207.1 или 207.2 УК РФ, разграничивая их, прежде всего, по факту наступления общественно опасных последствий.

Так, блогер Мысливец был осужден по ст. 207.1 УК РФ за размещение в соцсетях ролика «Мир после вируса, планета после обнуления», в котором навязывалась идея о том, что вакцину от COVID-19 создали как средство сокращения населения Земли (СПС Право.ru / Право-300).

5) Имитация вакцинации с оформлением соответствующей документации.

Подобное деяние характеризуется тем, что лицо («клиент»), уклоняясь от вакцинации, по сговору и при непосредственном участии медицинских работников в установленном порядке оформляют Сертификат, подтверждающий вакцинирование «клиента». Исходя из того, что Сертификат о вакцинации является официальным документом, лицо, его изготовившее, подлежит уголовной ответственности по ч. 1 ст. 327 УК РФ. Если же в таком изготовлении принимало участие несколько медицинских работников, то их действия нужно оценивать с позиций соучастия, учитывая вид соучастника и форму соучастия. При этом, медработники, являющиеся должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих или иных организациях, с учетом обстоятельств дела, могут нести ответственность по совокупности со ст. 201, 285, 286, 290 УК РФ.

В свою очередь, действия «клиента» ложной вакцинации, в случае использования им Сертификата, необходимо квалифицировать по ч. 3 ст. 327, а при наличии коррупционного аспекта – по совокупности со ст. 291 или 204 УК РФ.

Рассмотренные варианты общественно опасного поведения являются наиболее распространенными для сегодняшнего времени, что не исключает их развития в дальнейшем. Представляется вероятным повышение актуальности таких, например, деяний как незаконное проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий, пикетирования, направленных против вакцинации, продажа или использование сертификатов или QR-кодов, принадлежащих другим лицам. В создавшихся условиях все же можно говорить, что уголовное законодательство и складывающаяся судебная практика в сфере противодействия распространению COVID-19, содержат необходимые правовые средства, а те меры по совершенствованию уголовного законодательства, предлагаемые нами, повысят его их эффективность.

Пристатейный библиографический список

1. День науки: о достижениях российских ученых // Российская газета. – 9.02.2022 года.
2. Кузьмин С. С. Воспрепятствование как форма общественно опасного поведения: понятие, признаки, система преступлений (постановка проблемы) // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 4. – 511 с.
3. Кузьмин С. С. Уголовно-правовая характеристика и особенности конструирования составов преступлений, связанных с воспрепятствованием // Экономика, управление, право, образование в XXI веке: проблемы, тенденции и перспективы развития / материалы V11 Международной научно-практической конференции, 20 мая 2021 г. – М.: Изд. ЧОУВО «МУ им. С. Ю. Витте», 2021.

КАДИ Осам И. А

аспирант кафедры уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права Юридического института Российского университета дружбы народов

МАННА Аммар Абдуль Карим

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов

ТЕНДЕНЦИИ БОРЬБЫ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ С МОШЕННИЧЕСТВАМИ, СОВЕРШЕННЫМИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Цель (Object): раскрыть основные тенденции борьбы с мошенничествами, совершенными с использованием информационных технологий.

Методы (Methods): В исследовании использовался всеобщий диалектический (философский) метод, общенаучные и частно-научные методы познания.

Результаты (Findings): Проблемы общего и специального предупреждения мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, для их разрешения вызывают острую необходимость в создании отраслевых специализированных подразделений органов внутренних дел по противодействию киберпреступлениям, в том числе и на районном уровне, поскольку именно такая структура ориентирована на эффективное противодействие кибермошенничествам, в то время как существующая выступает инструментом временного разрешения возникших трудностей посредством приспособления и имитации деятельности. Переориентация органов внутренних дел на значимость виктимологической профилактики мошенничеств, совершаемых с использованием информационных технологий, концентрация основных усилий на возмещение ущерба потерпевшим (отмена транзакций, арест на имущество, в т.ч. на расчетные счета, возвращение похищенных активов и т.д.) вне зависимости от того, привлечен ли преступник к уголовной ответственности или нет, позволит создать условия для экономической невыгодности совершения указанной категории преступлений.

Выводы (Conclusions): Выявлена необходимость законодательного закрепления критериев отнесения программы к вредоносной и наносящей угрозу обществу. Обоснована целесообразность внесения дополнений в гл. 29 УК РФ, включив в диспозицию преступных деяний указание на способ совершения «... посредством использования информационно-коммуникативных сетей».

Ключевые слова: мошенничество, киберпреступления, информационные технологии, кибермошенничество.

OSSAMA Qadi E. A.

postgraduate student of Criminal Law and Criminology, penal law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)

MANNA Ammar Abdul Karim (A.A.K. Manna)

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)

TRENDS IN COMBATING INFORMATION TECHNOLOGY FRAUD

Purpose (Object): to reveal the main trends in the fight against fraud committed using information technology.

Methods: The study used a universal dialectical (philosophical) method, general scientific and private scientific methods of cognition.

Findings: Problems of general and special prevention of frauds committed with the use of information and telecommunication technologies, for their resolution, cause an urgent need for the creation of specialized divisions of the internal affairs bodies to counter cybercrimes, including at the district level, since it is such a structure is focused on effective counteraction to cyber fraud, while the existing one acts as a tool for temporary resolution of the difficulties that have arisen by means of adaptation and imitation of activities. Reorientation of internal affairs bodies on the importance of victimological prevention of frauds committed using information technologies, concentration of main efforts on compensation for damage to victims (cancellation of transactions, seizure of property, including to current accounts, return of stolen assets, etc.) regardless of whether the offender is prosecuted or not, it will create conditions for the economic disadvantage of committing this category of crimes.

Conclusions: The necessity of legislative consolidation of the criteria for classifying a program as malicious and posing a threat to society has been identified. The expediency of making additions to Ch. 29 of the Criminal Code of the Russian Federation, including in the disposition of criminal acts an indication of the method of committing "... through the use of information and communication networks."

Keywords: fraud, cybercrimes, information technology, cyber fraud.

Установление обстоятельств совершения указанного преступления и требует сосредоточить усилия на определение таких юридически значимых фактов, как пространственно-временные факторы, признаки информационной среды совершенного преступления, качественно-количественные характеристики.

Обстановка совершения преступного деяния, характеризуется не только совокупностью внешних условий, в которых действовал преступник, но и историческими, правовыми, социально-экономическими и политическими факторами, конкретными условиями функционирования и деятельности социума, в котором совершено преступление.

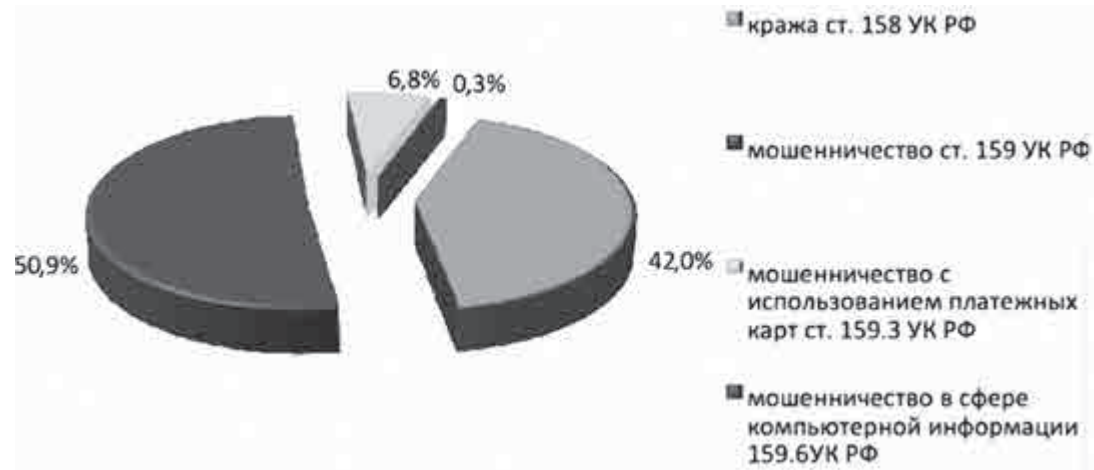

Рисунок 1. Основные виды хищений, совершенных с использованием информационных технологий [5, с. 169].

Необходимо учитывать: технологическое развитие общества, эффективность деятельности государственных институтов, призванных обеспечить информационную и экономическую безопасность.

В настоящее время Комитетом по обороне и безопасности Совета Федерации Российской Федерации разрабатывается законопроект, в рамках которого будут определены понятия компьютерной атаки и кибермошенничества.

Правильная квалификация мошенничеств, совершенных с использованием информационных технологий и отграничения его от других составов преступлений, являются основанием для того, чтобы суд определил степень вины, вид, строгость и соразмерность наказания. Точное и объективное определение состава преступления - одна из государственных гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина.

Необходимо отметить, что для большинства рассматриваемых преступлений характерны следующие особенности: [4, с. 598].

- 1) Умышленное использование в криминальных целях информационно-телекоммуникационных средств.
- 2) Повышенная скрытность совершения преступления.
- 3) Трансграничный характер (преступник находится вне территориальных границ нахождения жертвы).
- 4) Профессиональная подготовленность преступника и интеллектуальный характер преступной деятельности.

Реалии настоящего времени, в мировом масштабе, представлены широким спектром отдельных видов корыстных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Согласно данным Центра жалоб на Интернет преступления (IC-3) Федеральной службы безопасности США, выделяют следующие киберпреступления, наиболее популярные в 2019 году и совершаемые в целях получения финансовой выгоды: [2, с. 86].

- 1) Аукционное мошенничество (Auction Fraud);
- 2) Подделка платежного документа (Counterfeit Cashier's Check);
- 3) Понци/пирамида (Ponzi/Pyramid);
- 4) Пересылка товара (Reshipping);
- 5) Спам (Spam);
- 6) Сторонний получатель средств (Third Party Receiver of Funds).

Компьютерные мошенничества, составляют около одной трети от всех киберпреступных деяний, совершаемых практически во всех регионах мира. Одним из ведущих направлений деятельности полиции, по противодействию с

мошенничествами, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, является их предупреждение.

Предупреждение преступлений в современных условиях характеризуется разнообразной деятельностью уполномоченных субъектов и является по сути сложной, многоуровневой системой.

Однако, меры по предупреждению киберпреступлений, а также обязанности должностным лицам полиции Инструкцией не определены, в связи с отсутствием гласных специализированных подразделений полиции

Положительного результата в данной области достигли зарубежные коллеги из Соединенных Штатов Америки. Так, по мере распространения кибермошенничеств исследователи CERT/CC помогают следователям правоохранительных органов обрабатывать цифровые доказательства, предоставляя навыки, методологии и инструменты.

Программа Cyber Investigation Certificate - это новейшее учебное предложение. Существуют три курса, финансируемые ФБР, которые предлагаются бесплатно для правоохранительных органов и доступны через корпоративный портал правоохранительных органов (LEEP) [1, с. 79].

Первый курс предназначен для полицейских непосредственно реагирующих на сообщения о преступлениях, связанные с цифровыми активами, такими как Координационный центр CERTCERT/CC находится в ведении федерального финансирования Питтсбурга на основе Института программной инженерии (SEI) в университете Карнеги-Меллона. SEI были также созданы компьютеры, сотовые телефоны и планшеты. Обучаемые узнают о возможностях компьютерного и иного оборудования при совершении киберпреступлений.

Около 1500 офицеров по всей стране уже прошли шестичасовой курс обучения. Голливудом создан обучающий фильм из пяти частей, в котором показывают совершённое преступление и то, как оно расследуется. Этот метод наглядно демонстрирует, как необходимо реагировать.

Второй курс ориентирован на начинающих и средних детективов. 100 учебных часов этого курса включают упражнения, которые фокусируются на том, что детектив должен делать в процессе расследования цифрового преступления - например: сбор данных с IP-адреса участвующего компьютера и использование социальных сетей для сбора информации о фигуранте. Как и в случае с курсом «first responders», Голливудом также выпущены четыре одночасовых обучающих фильма.

Третий курс рассчитан на «продвинутых» детективов, охватывающих все более сложные методы, которые используют преступники. На это требуется около 80 учебных часов.

Как видим, уже сейчас очевидна дополнительная необходимость разработки и внедрения системы биометрической идентификации, которая сможет по двум факторам, например, лицо и голос, распознать личность и стать для конкретного человека своеобразным «паролем» для доступа к банковским услугам. Для этого будет достаточно подтвердить биометрию с помощью видеокамеры и микрофона собственного смартфона. Система проанализирует изображение с камеры, выявит то, что может являться лицом человека, проанализирует ключевые точки (до 1500 ед.), преобразует их координаты в шифр и сверит с базой данных, находя в ней аналогичный шифр данного человека. Подобным образом происходит и голосовая идентификация. Здесь сравниваются записанные ранее несколько фраз, сказанные человеком своим голосом с разными интонациями и преобразованные системой в шифр, при совпадении которого также открывается доступ к банковским услугам [3, с. 60].

Выявленные в ходе исследования проблемы общего и специального предупреждения мошенничеств, совершенных с использованием информационных технологий, для их разрешения вызывают острую необходимость в создании отраслевых специализированных подразделений органов внутренних дел по противодействию киберпреступлениям, в том числе и на районном уровне, поскольку именно такая структура ориентирована на эффективное противодействие кибермошенничествам, в то время как существующая выступает инструментом временного разрешения возникших трудностей посредством приспособления и имитации деятельности.

Кроме того, переориентация органов внутренних дел на значимость виктимологической профилактики мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, концентрация основных усилий на возмещение ущерба потерпевшим (отмена транзакций, арест на имущество, в т.ч. на расчетные счета, возвращение похищенных активов и т.д.) в независимости от того привлечен ли преступник к уголовной ответственности или нет, позволит создать условия для экономической невыгодности совершения указанной категории преступлений. Проблема киберпреступности становится настоящей угрозой современного общества и сохраняет следующие тенденции: [1, с. 59].

- рост общественно-опасных деяний, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий;

- использование технологий «Bigdata», «Искусственного интеллекта», «Машинного обучения», т.е. совершение киберпреступлений в автоматизированном режиме;

- с учетом глобальной информатизации мирового общества, появление новых субъектов киберпреступлений, обусловленных трансграничным характером совершаемых противоправных деяний;

- высокий уровень латентности совершенных киберпреступлений;

- неэффективное реагирование государственных правоохранительных органов на кибернетические угрозы и вызовы, обусловленное отставанием в информационно-техническом и законодательно-правовом обеспечении.

С учетом криминологической характеристики и детерминаций мошенничеств, совершенных с использованием ин-

формационных технологий, необходимы методические рекомендации территориальным органам внутренних дел по противодействию указанному виду преступлений, в зависимости от обстоятельств их совершения. Рекомендации должны содержать источники получения оперативно значимой информации, а также способы ее добывания. Впоследствии полученные сведения будут иметь решающее значение для изобличения виновных, доказательства их вины, возмещения ущерба, возбуждения и расследования уголовных дел и их последующего рассмотрения по существу в суде

Из выше изложенного, можно сделать вывод о том, что урегулирование проблем правоприменения федерального законодательства путем оперативного принятия подзаконных нормативных актов и разработки инструктивно-регламентирующей документации, окажут эффективное воздействие на решение сложностей связанных с реализацией норм уголовного закона, содержащих признаки кибермошенничеств, в практической деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Развитие информационных технологий и совершение с их помощью киберпреступлений вызывают острую необходимость постоянного совершенствования уголовного законодательства. Ежегодный стабильный рост регистрируемых мошенничеств, совокупность назревших теоретических и сугубо практических проблем относительно правил квалификации обозначенных деяний определяют актуальность настоящей темы.

Пристатейный библиографический список

1. Буз С.И. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика // Юристы-Правоведь. – 2019. – № 4 (91). – С. 78-82.
2. Гончар В.В. Отдельные аспекты расследования киберпреступлений в финансово-кредитной сфере // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 1. – С. 86-90.
3. Лопатина Т.М. Преодоление противоречий криминологической теории и норм уголовного права на примере компьютерных преступлений // Российский следователь. – 2018. – № 9. – С. 57-60.
4. Лопашенко Н.А. Компьютерное мошенничество - новое слово в понимании хищения или ошибка законодателя? / Под ред. О. А. Кузнецовой, В.Г. Голубцова, Г.Я. Борисевич, Л.В. Боровых, Ю.В. Васильевой, С.Г. Михайлова, С.Б. Полякова, А.С. Телегина, Т.В. Шершень // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – 2019. – № 1. – С. 598-609.
5. Оганов А.А. Оперативно-розыскная характеристика киберпреступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 1. – С. 169-173.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-2-165-282-283

КОМИССАРОВ Артем Евгеньевич

аспирант кафедры уголовного права Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

ЗНАЧЕНИЕ (РОЛЬ) ПРИНЦИПОВ ОТКРЫТОСТИ И ГЛАСНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

В работе рассматривается необходимость соблюдения принципов открытости и гласности образовательными организациями высшего образования России. Раскрывается значение (роль) этих принципов в процессе предупреждения коррупции и ее основного элемента взяточничества в сфере высшего образования, делаются соответствующие замечания и предложения по совершенствованию нормативных правовых документов в исследуемой сфере.

Ключевые слова: принцип открытости, принцип гласности, коррупция, взяточничество, образовательные организации высшего образования, противодействие, предупреждение, преступность и др.

KOMISSAROV Artem Evgenjevich

postgraduate student of Criminal law sub-faculty of the Faculty of Law of the Kazan (Privolzhie) Federal University

THE MEANING (ROLE) OF THE PRINCIPLES OF OPENNESS AND PUBLICITY IN THE PROCESS OF PREVENTING BRIBERY IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA

The paper considers the need to comply with the principles of openness and publicity by educational institutions of higher education in Russia. The significance (role) of these principles in the process of preventing corruption and its main element of bribery in the field of higher education is revealed, relevant comments and proposals are made to improve the regulatory legal documents in the area under study.

Keywords: the principle of openness, the principle of publicity, corruption, bribery, educational organizations of higher education, counteraction, prevention, crime, etc.

Комиссаров А. Е.

Как указано в толковом словаре: «гласность – это открытая и полная информация всего населения о любой общественно значимой деятельности и возможность ее свободного и широкого обсуждения» [1, с. 132], а «открытый – ... Доступный для всех желающих... Искренний, откровенный, выражающий прямо...» [1, с. 472].

Согласно ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом¹.

Государство разрабатывает и внедряет различные нормативно-правовые акты, направленные на развитие и внедрение таких основополагающих принципов демократического общества, как открытость и гласность.

Распоряжением Правительства РФ от 30.01.2014 № 93-р была утверждена Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти, которая разрабатывалась в целях: повышения прозрачности и подотчетности государственного управления и удовлетворенности граждан качеством государственного управления; расширения возможностей непосредственного участия гражданского общества в процессах разработки и экспертизы решений, принимаемых федеральными органами исполнительной власти; качественного изменения уровня информационной открытости федеральных органов исполнительной власти; развития механизмов общественного контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной власти². Особую роль такая деятельность государства приобретает в системном противодействии взяточничеству в тех сферах, где это социальное зло получило особое распростра-

нение, в частности таким наиболее уязвимым местом является сфера высшего образования России.

Основываясь на показателях уровня открытости и гласности органов государственной власти и иных подконтрольных ей организаций и ведомств, в частности по коэффициенту предоставляемой ими информации и ее достоверности, о принятых решениях и иных юридически значимых действиях, можно судить о степени демократичности страны и эффективности мер, направленных на предупреждение коррупции и другим негативным явлениям.

Необходимо предоставить площадки для открытой дискуссии между гражданами, общественными организациями, представителями бизнеса и иными институтами гражданского общества, и государством в обсуждении принимаемых органами власти решений, а также возможность осуществлять их контроль, реализацию и качество. Механизмы такого взаимодействия могут быть различными: это и публичные консультации; интернет-петиции; общественная и научная экспертиза проектов законов; голосование; общественные обсуждения и т.п.

Положительными примерами такого взаимодействия между обществом и государством в Российской Федерации можно считать такие общественно-государственные инструменты, как «Активный гражданин»³ (г. Москва) и «Федеральный портал проектов нормативных правовых актов»⁴, где у граждан имеется возможность участвовать в обсуждении принимаемых проектов нормативных правовых актов.

Основу эффективного функционирования любого демократического государства составляет возможность свободной реализации основополагающего конституционно закреплённого права на образование [2].

1 Конституция Российской Федерации / Российская газета, 1993. – 25 декабря. - № 237.

2 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.01.2014 № 93-р «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти» / «Собрание законодательства РФ», 03.02.2014, № 5, ст. 547.

3 Проект «Активный гражданин». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ag.mos.ru/home> (дата обращения 20.01.2022).

4 Официальный сайт «Федеральный портал проектов нормативных правовых актов». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regulation.gov.ru/projects> (дата обращения 20.01.2022).

Прогрессивное развитие России невозможно без полной реализации гарантированного ст. 43 Конституции Российской Федерации права на высшее образование, где сказано, что каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование⁵.

Соблюдение принципов открытости и гласности особенно необходимо в сфере высшего образования, так как это способствует обеспечению равного доступа к образованию независимо от имущественного, должностного положения лица, иных различий и осуществлению общественного контроля за функционированием системы образования, поддержанию доверия общества к правильному функционированию образовательных организаций высшего образования.

Одним из главных инструментов процесса достижения целей гласности и открытости в сфере отечественного высшего образования, в частности является соблюдение информационной открытости указанными организациями.

Частью 1 статьи 97 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» предусмотрено, что органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и организации, осуществляющие образовательную деятельность, обеспечивают открытость и доступность информации о функционировании системы образования в Российской Федерации⁶.

В экспертном докладе «Открытость государства в России - 2021», представленном Счетной палатой Российской Федерации совместно с АНО «Информационная культура» и «Центром перспективных управленческих решений», который включает в себя созданный на основе авторской экспертной методологии рейтинг открытости федеральных органов исполнительной власти (далее – ФОИВ), уровень открытости Минобрнауки России в 2021 году обозначен как средний (ВАВ), по сравнению с 2020 годом, когда показатели уровня открытости были особенно низкими (ССВ). При этом основа методики осталась неизменной. Как и в предыдущие годы, исследование открытости органов власти проходит по трем направлениям, каждое из которых включает следующие параметры для оценки: 1) открытость информации; 2) открытые данные; 3) открытый диалог. Рейтинг открытости федеральных органов исполнительной власти ведется с целью определения и развития лучших практик ФОИВ в сфере открытости, а также обозначения слабых мест, недостатков и осуществления шагов по их исправлению⁷.

Несмотря на принятие различных нормативно-правовых документов, направленных на развитие и соблюдение принципов открытости и гласности как в целом, так и в частности в сфере высшего образования, все же указанные принципы, которые в первую очередь нацелены на предупреждение коррупции и ее основного элемента-взятничества, не нашли своего полного отражения в соответствующих пунктах Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования - программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, утвержденного приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 21 августа 2020 г. N 1076 «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования - программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» (далее Порядок)⁸.

В связи с этим, считаем целесообразным, внести в этот нормативный документ следующие изменения:

– из подп. 4 пункта 79 Порядка текст, в котором указано, что «в конкурсном списке указываются следующие сведения:

номер страхового свидетельства обязательного пенсионного страхования (при наличии); уникальный код, присвоенный поступающему (при отсутствии указанного свидетельства)»;

– из подп. 4 пункта 79 Порядка, в котором указано, что «в конкурсном списке фамилия, имя, отчество (при наличии) поступающих не указываются»;

– из пункта 96, в котором указано, что «в списке лиц, подавших документы, и в списке поступающих на места в пределах целевой квоты не указываются сведения, относящиеся к приему на целевое обучение в интересах безопасности государства»;

– из пункта 97, в котором указано, что «зачисление на места в пределах целевой квоты лиц, подготовка которых осуществляется в интересах безопасности государства, оформляется отдельным приказом (приказами), который не подлежит размещению на официальном сайте»⁹.

Все указанные положения подлежат исключению, поскольку они противоречат: а) основополагающим принципам открытости и гласности, несоблюдение которых создает благоприятные условия для совершения взяточничества при приеме на обучение и препятствует предупреждению этих коррупционных преступлений; б) ч. 3 ст. 43 Конституции РФ; в) п. 3 ст. 3 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»; г) п. п. 9, 11 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»; д) подп. «л» п. 1 ч. 2 ст. 29 того же Федерального закона.

Указанные спорные положения Порядка в том правовом смысле, в котором они изложены, неизбежно будут способствовать созданию необходимых благоприятных коррупционных условий, в частности взяточничества, которые будут возникать при приеме на обучение в вузы нашей страны.

В связи с обезличиванием таких сведений, как имя, фамилия, отчество поступающего в вуз, становится невозможной гласная, нормальная фактическая конкуренция, состязательность и контроль при поступлении в отечественные образовательные организации высшего образования.

Полагаем целесообразным в интересах безопасности нашего государства оставление спорных положений Порядка применительно к специализированным ведомственным вузам, в которых поступившим и обучающимся на время обучения присваиваются должности (звания) курсанта или слушателя.

Каждый пункт указанных положений Порядка необходимо дополнить примечанием в виде отдельного предложения, в котором указать, что в отношении какого подпункта и пункта действует примечание, следующего содержания: «Примечание. Положение (указать в отношении какого подпункта и пункта действует примечание) применяется только в отношении лиц, поступающих в ведомственные вузы, обучающимся в которых на время обучения присваивается должность (звание) «курсант» или «слушатель» по согласованию ведомственного вуза с Минобрнауки РФ.

Позитивным и важным фактором является то, что законодатель все-таки озабочен соблюдением принципов открытости и гласности в образовательных организациях высшего образования, в связи, с чем и была включена в закон об образовании ст. 29 «Информационная открытость образовательной организации», где дается подробный перечень информации, которая должна быть общедоступна (в том числе через интернет ресурсы). Однако считаем, что для предупреждения взяточничества и в целом коррупции в сфере высшего образования, необходимо полноценное внедрение в указанные образовательные организации принципов открытости и гласности. Следует еще многое предпринять для этого, как на законодательном уровне, так и на практике, так как на сегодняшний день, указанные принципы нередко носят лишь декларативный характер.

Пристатейный библиографический список

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-ое издание. - М.: ООО «А ТЕМП», 2006. - 944 с.
2. Лайченкова Н.Н., Минаева Н.О. Реализация принципа гласности в сфере образования: новое в законодательстве // Информационная безопасность регионов. - 2014. - № 1 (14). - С. 92-94. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipa-glasnosti-v-sfere-obrazovaniya-novoe-v-zakonodatelstve>, свободный (дата обращения 27.01.2022).

9 Там же.

5 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 27.01.2022).

6 Федеральный закон от 29 декабря 2012г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» / Российская газета, 2012. - 31 декабря. - № 303.

7 Официальный сайт «Счетная палата РФ». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Otkrytost-2020.pdf>; [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Otkrytost-2021.pdf> (дата обращения 27.01.2022).

8 Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 21 августа 2020 г. № 1076 «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования - программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» / Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.01.2021).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-2-165-284-286

МАГОМЕДОВА Арапат Исаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

БИЛАЛОВ Билал Алахвердиевич

магистрант 3 курса кафедры уголовного права Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО ДОНОСА

Эффективная защита личности, общества и государства от общественно опасного посягательства обеспечивается не только установлением соответствующих уголовно-правовых запретов, но и путем регламентации правомерного причинения вреда при защите от общественно опасных посягательств, задержании лиц, совершивших общественно опасные деяния, и при устранении опасности. Тем самым обеспечивается реализация положений ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, согласно которой каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. В статье подробно рассмотрена субъективная сторона состава преступления «заведомо ложный донос». Дается детальная характеристика всем признакам субъективной стороны данного состава преступления. Обращается внимание на некоторые нестандартные вопросы, возникающие при квалификации данного преступления.

Ключевые слова: заведомо ложный донос, субъективная сторона, порочащие сведения, репутация, личность, заявление о совершении преступления.

MAGOMEDOVA Arapat Isaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

BILALOV Bilal Alakhverdievich

magister student of the 3rd year of Criminal law sub-faculty of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

THE SUBJECTIVE SIDE OF A KNOWINGLY FALSE DENUNCIATION

Effective protection of the individual, society and the state from socially dangerous encroachment is ensured not only by the establishment of appropriate criminal law prohibitions, but also by regulating the lawful infliction of harm during protection from socially dangerous encroachments, the detention of persons who have committed socially dangerous acts, and the elimination of danger. This ensures the implementation of the provisions of Part 2 of Article 45 of the Constitution of the Russian Federation, according to which everyone has the right to protect their rights and freedoms in all ways not prohibited by law. The article examines in detail the subjective side of the *corpus delicti* "deliberately false denunciation". A detailed description of all the signs of the subjective side of this *corpus delicti* is given. Attention is drawn to some non-standard issues that arise during the qualification of this crime.

Keywords: knowingly false denunciation, defamatory information, reputation, identity, statement about the commission of a crime.

Субъективная сторона преступления является одной из наиболее дискуссионных проблем в науке уголовного права и имеет важнейшее юридическое значение для отграничения преступных деяний от непроступных и для правильной квалификации преступления.

Исходя из сущности преступлений против правосудия все эти деяния однозначно признаются умышленными преступлениями. Однако вопрос о виде умысла не является в литературе столь однозначным. Подавляющее большинство ученых рассматривают преступления против правосудия как совершаемые только с прямым умыслом. Тем не менее, в научной литературе встречаются мнения о возможности совершения таких преступлений и с косвенным умыслом [8].

Что касается состава заведомо ложного доноса, то проблем при определении содержания субъективной стороны: формы вины, вида умысла, цели и мотива преступления – в научной литературе не встречается. Во всех научных публикациях заведомо ложный донос рассматривается как преступление, которое может быть совершено только с прямым умыслом. Такой вывод исследователями делается исходя из указания в диспозиции ст. 306 УК РФ на признак «заведомости», а также исходя из конструкции

состава данного преступления [7]. В связи с тем, что заведомо ложный донос – преступление с формальным составом, психическое отношение виновного устанавливается только к совершаемому деянию, так как общественно-опасные последствия доноса находятся за рамками состава преступления. Интеллектуальный момент умысла при заведомо ложном доносе характеризуется осознанием виновным заведомой ложности сообщаемых сведений о преступлении. По мнению В.С. Калашникова, данный признак выражается в заведомой неправомерности совершаемых действий [4]. Волевой момент умысла при совершении преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ, характеризуется желанием сообщить ложную информацию о преступлении. Осознание неправомерности совершаемых действий заключается в том, что виновное лицо сознает, что его деяние нарушит нормальное функционирование правоохранительных органов, отвлечет их силы и средства на проверку поступившей ложной информации.

Приведенная выше аргументация позволила М.Х. Хабибуллину сделать обоснованный вывод о том, что заведомо ложный донос мыслим лишь как деяние, совершаемое с прямым умыслом [16].

Тем не менее, в научных источниках при рассмотрении интеллектуального момента умысла в составе заведомо ложного доноса недостаточно внимания уделено анализу категории «заведомо». Как справедливо отмечал А.И. Чучаев, установление признака «заведомость» имеет практическое значение, так как позволяет ограничивать рассматриваемое преступление от непреступных деяний [14].

В теории уголовного права до настоящего времени отсутствует единый подход к определению «заведомости», ее понятийное толкование наукой не разработано. Относительно места заведомости в составе преступления исследователи заняли несколько противоположных позиций. По мнению Н.И. Дегтяревой и М. Фаткуллины [11], заведомость является самостоятельным признаком субъективной стороны. В уголовно-правовой литературе советского периода высказывалось предложение о том, что заведомость – это особая форма вины, которая включает в себя признаки косвенного умысла и преступной самонадеянности (легкомыслия)[15]. В процессе развития отечественной уголовно-правовой науки эта позиция была отвергнута, так как она противоречила разработанным теорией советского уголовного права представлениям о форме и содержании вины. По мнению Ш.С. Рашковской заведомость является характеристикой интеллектуального элемента умысла преступления и подчеркивает осознание виновным того или иного обстоятельства[9]. Сходную с Ш.С. Рашковской и наиболее точную и лаконичную характеристику заведомости предложил С.А. Денисов, который, указав, что «признак заведомо выступает в качестве синонима слова осознание и указывает на тот факт, что субъект... отчетливо представляет незаконный характер своих действий...»[3].

По смыслу статьи 306 УК РФ заведомость означает: 1) осознание виновным намеренного искажения истины, которая ему известна; 2) осознание виновным общественной опасности (вредности) поступления искаженной информации в органы предварительного расследования¹. Важно отметить, что у виновного в отношении искажения истины при заведомо ложном доносе должно быть точное знание. Здесь интеллектуальный момент заведомо ложного доноса тесно связан со свойствами информации, передаваемой при совершении рассматриваемого преступления, и объективируется в ней. Иными словами, осознание виновным намеренного искажения истины находит свое отражение в материальном мире – в сообщаемых им ложных сведениях. Ведь при совершении заведомо ложного доноса виновным лицом передается только информация – утверждение, а не предположение, причем эта информация содержит признаки и обстоятельства совершенного или готовящегося конкретного преступления, а не сведения о том, что кто-то вообще совершает преступления. Именно здесь, во взаимосвязи интеллектуального момента умысла и свойств передаваемых сведений, их характеристик, проходит грань между заведомо ложным доносом и клеветой. Если при клевете в отношении заведомой ложности может быть как точное, так и предположительное знание, и, соответственно, клевету может составлять информация общего характера, в том числе и основанная на слухах и сплетнях, то интеллектуальный момент умысла при заведомо ложном доносе образует точное осознание виновным искажения известной ему истины. Виновный осознает, что

передаваемая им конкретная информация – утверждение, а не предположение, предоставляемая как действительная, нанесет более существенный урон интересам правоохранительных органов по сравнению с информацией общего характера или информацией, содержащей предположения или слухи.

Лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за ложный донос, только если оно заведомо знало о невинности того, на кого доносит. Таким образом, данное деяние считается уголовно наказуемым при условии, что ложность сведений заведомо известна сообщившему их лицу. Если это не прослеживается по делу, состав преступления отсутствует.

Установление таких признаков субъективной стороны заведомо ложного доноса как цель и мотив имеет важное теоретическое и практическое значение. Переходя к характеристике цели и мотива заведомо ложного доноса, необходимо отметить, что в научной литературе им уделено недостаточно внимания. Практически во всех научных публикациях указывается, что цели и мотивы доноса могут быть различными, при этом их содержание не раскрывается. Более того, мотив и цель заведомо ложного доноса зачастую не различаются, а наполняются одинаковым содержанием, что вряд ли является правильным, ведь мотив и цель – самостоятельные признаки субъективной стороны, каждый из которых выполняет свою роль при квалификации преступлений.

Цель заведомо ложного доноса как признак субъективной стороны преступления не названа в УК РФ, поэтому согласно господствующим в теории уголовного права представлениям является факультативным признаком субъективной стороны и не влияет на квалификацию преступления. Более того, некоторые авторы критически относятся к цели как к признаку состава преступления, предлагая при конструировании уголовно-правовых норм ограничить использование субъективных признаков и создавать нормы с материальной диспозицией, указывая на признаки объекта и объективной стороны [6].

Некоторые авторы советского периода указывают в качестве цели заведомо ложного доноса - *возбуждение уголовного дела* [10], другие считают что цель в данном составе — *направить следствие и суд по неправильному пути* [5].

М.Х. Хабибуллина и А.В. Федорова считают что, для состава заведомо ложный донос, не имеет значения какую цель преследовал преступник [17].

Цель заведомо ложного доноса тесно взаимосвязана с виной, а именно, с волевым моментом прямого умысла – с желанием сообщить ложную информацию и ввести правоохранительные органы в заблуждение относительно признаков и обстоятельств преступления. По мнению А.В. Галаховой, «особенно ценны характеристики целей в тех случаях, когда закон не называет их в диспозиции нормы, но из ее содержания следует, что они есть». На взгляд автора данной монографии, заведомо ложный донос относится именно к такому составу преступления [1].

Исследуя вопрос о целях заведомо ложного доноса И. Фаргиев указывает, что они могут быть самыми разнообразными, «главное состоит в том, что виновный своими действиями осознанно вводит в заблуждение государственные органы, ведущие борьбу с преступностью, о якобы совершенном преступлении» [19]. Данная позиция, конечно же, имеет право на существование, но, по мнению автора, в ее рамках заведомо ложный донос имеет как минимум две цели: 1) введение в заблуждение государственных органов; 2) другая цель, например, корыстная. При этом преступник должен преследовать две цели, либо одна из

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) [Электронный ресурс] // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

целей должна быть первоочередной, вторая – последующей. Такое положение представляется не совсем теоретически верным. В качестве цели как обязательного признака состава заведомо ложного доноса необходимо рассматривать введение правоохранительных органов в заблуждение относительно признаков и обстоятельств преступления.

Предложенная позиция позволит исключить смешивание содержания цели и мотива заведомо ложного доноса, не производить замену цели преступления при конструировании квалифицирующих признаков состава преступления. Так, смешивание содержания цели и мотива заведомо ложного доноса было характерно для УК РСФСР 1960 г., так как квалифицирующим признаком ч. 2 ст. 180 УК РСФСР являлась корыстная цель данного преступления, а большинство научных публикаций советского периода указывали на корыстный мотив и корыстные побуждения.

Мотив заведомо ложного доноса является факультативным признаком субъективной стороны и не влияет на квалификацию преступления. Необходимо отметить, что мотив и цель преступления тесно связаны между собой, так как формирование преступного мотива предшествует формированию цели. В научной литературе указаны следующие виды мотивов заведомо ложного доноса: зависть, месть, неприязнь, корысть, карьеризм, стремление избежать неприятностей, боязнь разоблачения совершенного преступления [16].

Изучение уголовных дел показало, что наиболее распространенным заведомо ложным доносом из корыстных побуждений является случай, когда человек, покинув место дорожно-транспортного происшествия, делает ложное сообщение в орган внутренних дел об угоне своего автомобиля, намереваясь при этом незаконно освободиться от обязанности возместить причиненный имущественный ущерб или необоснованно получить страховое возмещение. При этом антиобщественные мотивы преступника, обусловленные материальными потребностями, его стремление незаконно обогатиться посредством заведомо ложного доноса значительно повышают степень социальной опасности преступления. Следует отметить, что Уголовный кодекс РСФСР учитывал повышенную степень общественной опасности заведомо ложного доноса при вышеуказанных обстоятельствах (ч. 2 ст. 180 УК РСФСР), в то время как российский законодатель не включил этот уточняющий признак в редакцию ст. 306 УК РФ.

Таким образом, можно сделать следующие обобщающие выводы.

При характеристике субъективной стороны заведомо ложного доноса «заведомость» должно рассматриваться как содержание интеллектуального момента прямого намерения, включающего два взаимосвязанных компонента: 1) осознание лицом умышленного искажения известной ему истины; 2) осознание общественной опасности (вреда) получения правоохранительными органами искажения фактов. Цель является обязательным признаком субъективной стороны заведомо ложного доноса.

В качестве цели заведомо ложных доносов следует учитывать введение в заблуждение правоохранительных органов об особенностях и обстоятельствах преступления.

Заведомо ложный донос, совершенный по корыстным мотивам, представляет повышенную общественную опасность, которая обусловлена стремлением преступника к обогащению. Однако российское законодательство не включило такой квалифицирующий признак в редакцию статьи 306 УК РФ без всяких на то оснований. В связи с этим дифференциация ответственности за заведомо ложные доносы на этом основании субъектив-

ной стороны не производится, расширяя возможности судейского усмотрения в оценке степени общественной опасности таких доносов и вынесении их приговоров.

Пристатейный библиографический список

1. Галахова А.В. Вопросы квалификации преступлений в уголовном праве по признакам субъективной стороны // Российский следователь. - 2010. - № 18. - С. 13-14.
2. Дегтярева Н.И. К вопросу о предмете преступлений против правосудия, связанных с фальсификацией и сокрытием доказательств // Общество и право. - 2009. - № 5. - С. 13.
3. Денисов С.А. Субъективная сторона заведомо ложного доноса // Уголовное право. - 2010. - № 3. - С. 15.
4. Калашников В.С. Возможен ли отказ в возбуждении уголовного дела по преступлениям против правосудия // Российский юридический журнал. - 2010. - № 2 (71). - С. 187.
5. Кузнецов А. Ответственность за заведомо ложный донос // Советская юстиция. - 1969. - № 23. - С. 23.
6. Козлов А.П. Понятие преступления. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. - С. 91-96.
7. Никифоров Б.С. Субъективная сторона в «формальных» преступлениях // Советское государство и право. - 1971. - № 3. - С. 117.
8. Попов Н.А. Принуждение к даче показаний: квалификация и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. - Омск, 2001. - С. 136.
9. Рашковская Ш.С. Преступления против правосудия: Учебное пособие. - М.: Изд-во ВЮЗИ, 1978. - С. 11.
10. Сидорин Н.М. Некоторые вопросы ответственности за заведомо ложный донос // Актуальные вопросы реализации уголовной ответственности. Межвузовский сборник статей. - Куйбышев, 1988. - С. 73.
11. Фаткуллина М., Островецкая Ю. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ // Уголовное право. - 2009. - № 5. - С. 97.
12. Хан-Магомедов Д.О. Ответственность за заведомо ложный донос // Советская юстиция. - 1964. - № 4. - С. 19.
13. Хабибуллин М.Х. Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву. - Казань, 1975. - С. 57.
14. Чучаев А.И. Преступления против правосудия: Научно-практический комментарий. - Ульяновск: Изд-во «Дом Печати», 1997. - С. 45.
15. Чельцов М. Спорные вопросы учения о преступлении // Социалистическая законность. - 1947. - № 4. - С. 8-9.
16. Хабибуллин М.Х. Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву. - Казань, 1975. - С. 59.
17. Хабибуллин М.Х. Вина, мотив и цель заведомо ложного доноса // Социалистическая законность. - 1974. - № 7. - С. 58-59.
18. Федоров А.В. Преступления против правосудия (вопросы истории, понятия и классификации). - Калуга: Изд-во АКФ «Политоп», 2004. - С. 149.
19. Фаргиев И. Заведомо ложный донос (актуальные вопросы судебной практики) // Уголовное право. - 2007. - № 5. - С. 61-65.

МАНУКЯН Алинэ Романовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

АСПЕКТЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

В последнее время вопрос родительских прав и обязанностей приобрел высокую актуальность среди общественности. Часто можно услышать в средствах массовой информации о том, что возрастает количество родителей, лишенных родительских прав. При анализе основных аспектов уголовно-правовой ответственности родителей, не исполняющих надлежащим образом свои родительские обязанности, автором был выделен ряд свойств, образующих состав преступления. Автор статьи выделяет зависимость прав и обязанностей родителей в системе семейных отношений, делая акцент на обязанностях, как факторе защиты наиболее уязвимых членов семьи.

Ключевые слова: уголовно-правовая, состав преступления, ответственность, ненадлежащее, воспитание, обязанности.

MANUKYAN Aline Romanovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of State and civil law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

ASPECTS OF CRIMINAL LIABILITY FOR FAILURE TO PERFORM PARENTAL DUTIES

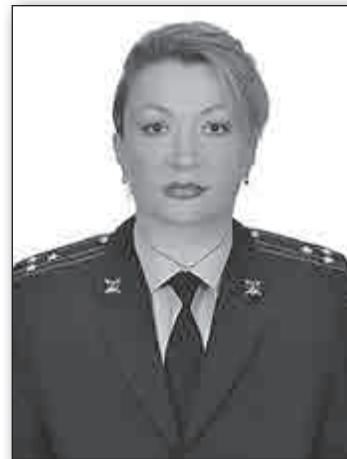
Recently, the issue of parental rights and responsibilities has become highly relevant among the public. You can often hear in the media that the number of parents deprived of parental rights is increasing. In analyzing the main aspects of criminal liability of parents who do not properly perform their parental duties, the author identified a number of properties that make up the crime. The author of the article identifies the dependence of the rights and obligations of parents in the system of family relations, emphasizing duties as a factor in the protection of the most vulnerable family members.

Keywords: criminal law, corpus delicti, liability, improper, education, duties.

Семья выступает в качестве основной ячейки общества, которая способствует становлению и развитию человека как личности. Истоки построения общественных отношений и реализации личности происходят посредством семейного воспитания. Целью построения семейных отношений является формирование новой ячейки общества для продолжения рода. При этом недостаточно только создать союз и воспроизвести потомство необходимо реализовать ряд задач стоящих перед супругами.

Так согласно Семейному кодексу основной задачей семейных отношений в поле правового регулирования является построение внутрисемейного пространства на основе взаимопомощи и ответственности всех членов семьи [1]. В последнее время вопрос родительских прав и обязанностей приобрел высокую актуальность среди общественности. Часто можно услышать в средствах массовой информации о том, что возрастает количество родителей лишенных родительских прав.

Множество дискуссий на тему прав родителей о том, что можно родителю и чего нельзя, но о второй категории зачастую забывают. Несмотря на это категория родительских обязанностей ничуть не уступает по значимости категории прав. Стоит отметить, что Конституция Российской Федерации [2], являясь основным законом государства, закрепляет обязанность родителей заботиться о своих де-

Манукян А. Р.

тях. Забота достаточно обширное понятие, но именно оно включает в себя материальное и морально – нравственное обеспечение необходимое в процессе воспитания.

Родительские обязанности являются сложной многоаспектной категорией, так как каждая выделенная обязанность выступает и в роли права. Так в классификацию родительских обязанностей и одновременно прав родителя входит пять основных видов прав и обязанностей родителя, как субъекта семейных отношений. Обязанность равно каждого родителя на воспитание детей, а именно исходя из статьи 63 Семейного кодекса [1], необходимо отметить, что в данную категорию входит забота о развитии ребенка, как в физическом, так и в морально – психологическом плане. Это необходимо для реализации ребенка и становления его, как личности в системе общественных отношений.

Семейные отношения строятся на взаимосвязи и взаимодействии прав и обязанностей каждого из членов семьи. При этом дети являются наиболее незащищенными субъектами в силу своего возраста, несовершенства психического и физического развития и иных особенностей. Именно поэтому большая часть семейных обязанностей ложится на плечи родителей, как законных представителей ребенка. Для защиты прав детей правоприменитель закрепляет категории ответственности за действия, нарушающие права детей.

Одной из наиболее значимых категорий ответственности выступает уголовно – правовая, закрепленная в статьях 156, 157 УК РФ [3]. Так выделены две нормы, предусматривающие ответственность родителей в первом случае за неисполнение, либо ненадлежащее исполнение родительских обязанностей, во втором случае не уплату средств на содержание детей [4, с. 175]. Стоит отметить, что в первом случае субъектом преступления может быть не только биологические родители, но и лица их замещающие, например опекуны. Норма статьи 157 УК РФ [3] предусматривает ответственность за неуплату финансовых средств на содержание детей, чаще всего это происходит, когда брак родителей расторгнут и назначены алиментные выплаты в пользу того родителя с которым проживает ребенок.

Основные аспекты уголовно-правовой ответственности за неисполнение родительских обязанностей заключаются в детальном рассмотрении состава преступления, предусматривающего назначение наказания за преступное посягательство. Так как обязанности подразделяются на материально-финансовые и социально-физиологические, то ответственность предусматривается диспозициями двух статей Уголовного кодекса. Диспозиция статьи 156 УК РФ [3] декларирует уголовную ответственность за неисполнение, либо ненадлежащее исполнение родительских обязанностей. Объектом данного преступления выделяют интересы детей, а так же их нормальное физическое и психическое развитие, так как преступное посягательство зачастую сопряжено с насильственными действиями, то дополнительным объектом является здоровье несовершеннолетнего ребенка. Субъект преступления может быть, как общим при этом с отсылкой на статус родителя, так и специальный – педагог. Субъективная сторона состава выражается в виде вины в форме прямого умысла, то есть родитель, либо иное предусмотренное диспозицией статьи лицо осознает, что не исполняет обязанности по воспитанию ребенка.

Уголовное законодательство предусматривает ответственность в форме штрафа, либо принудительных работ [5, с. 32-35]. К сожалению, уголовно-правовая ответственность не всегда выступает эффективным методом воздействия на родителя. Необходимо совершенствовать не только аспектные особенности состава преступления, но и систему противодействия и профилактики преступления данной категории.

Норма статьи 157 УК РФ [3] декларирует ответственность родителей за неисполнение обязанности по материальному содержанию несовершеннолетних детей. Ситуация, в которой брак родителей расторгнут, не освобождает от обязанности содержания общих детей [6, с. 21-22]. Так в судебном порядке, либо по нотариальному соглашению родитель с которым не проживает ребенок, обязан выплачивать алиментные платежи на содержание ребенка. Если данная обязанность не исполняется, то родитель привлекается к уголовной ответственности по статье 157 УК РФ [3]. Ответственность выражается в форме исправительных работ, либо лишения свободы сроком до одного года. Материальное содержание ребенка необходимо не только для обеспечения его первичных потребностей, но и для реализации интересов социального и духовного характе-

ра. Именно поэтому законодатель, предусматривает уголовную ответственность за злостное уклонение от уплаты алиментных выплат.

Воспитание детей является основной задачей, которая стоит перед родителями в формировании семейных отношений. Особенности прав и обязанностей родителей выделены в большом количестве нормативно – правовой базы, тем не менее, зачастую роль родительских обязанностей в научной литературе притесняется, что создает пробелы юридического характера. Уголовно-правовая ответственность родителей за неисполнение обязанностей по воспитанию детей является фактором формирования семейных отношений, не нарушающих права детей, как наиболее уязвимых субъектов. Законодатель декларирует нормативно-правовое регулирование в статьях 156 и 157 УК РФ [3], для защиты прав несовершеннолетних детей и обеспечения их интересов.

Пристатейный библиографический список

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021, с изм. от 02.07.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
2. Российская Федерация. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ. - 02.07.2020. - № 1. - Ст. 4398.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: «КонсультантПлюс».
4. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / Под ред. Ф. Р. Сундунова, М. В. Талан. - М.: Статут, 2012. - 943 с.
5. Акиев А. Р., Фисенко Д. Ю. Проблемы квалификации неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и направления совершенствования нормы, предусмотренной статьей 156 УК РФ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. Право. - 2019. - № 4. - С. 31-38.
6. Прокументов Л. М. Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ // Уголовная юстиция. - Право. - 2019. - № 14. - С. 21-24.

МАГОМЕДОВ Башир Гасангусейнович

магистрант 2 курса ОЗО по направлению подготовки «Юриспруденция» Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

ДЕМИРОВ Корчагин Кадырбекович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье проведено исследование проблем использования специальных познаний в раскрытии и расследовании преступлений, которые применяются специальными процессуальными субъектами, обладающими ими, а именно экспертами и специалистами. Анализируется широко дискутируемый в криминалистической научной литературе термин «специальные познания», их использование на практике и в уголовном судопроизводстве, обосновывается важность решения этих проблем для улучшения раскрытия и расследования преступлений с помощью специальных познаний.

Ключевые слова: специальные познания, эксперт, специалист, расследование, раскрытие, преступление, знания.

MAGOMEDOV Bashir Gasanguseynovich

magister student of the 2nd course OZO in the direction of training "Jurisprudence" of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

DEMIROV Korchagin Kadyrbekovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MODERN PROBLEMS OF USING SPECIAL KNOWLEDGE IN THE DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES

The article studies the problems of using of special cognition in revealing and investigation of crimes, which are used by special procedural subjects possessing them, namely experts and specialists; the term "special cognition" widely discussed in criminalistics scientific literature, their use in practice and in criminal proceedings is analyzed, the importance of addressing these problems, to improve revealing and investigation of crimes by means of special cognition is substantiated.

Keywords: special knowledge, expert, specialist, investigation, detection, crime, knowledge.

В нынешнее время, когда развитие правовой реформы необходимо для улучшения раскрытия и расследования преступлений, возрастает значимость специальных познаний. С их помощью можно улучшить качество и точность в этой деятельности лиц, непосредственно обладающих специальными познаниями. С каждым годом в сферу производства всё больше интегрируются новые знания, достижения в науке и технике, а именно их прогресс, помогает в развитии и формировании специальных познаний, которые способствуют более качественному и улучшенному, а главное своевременному раскрытию и расследованию конкретных преступлений.

В наше время, состояние преступности, а именно её профессионализация, глобализация, коммерциализация обуславливают неисчерпаемый характер различных нюансов и вопросов, связанных с использованием и применением специальных познаний, выступающих, в свою очередь, одним из ведущих факторов повышения эффективности расследования преступлений. Совершаемые преступления обретают всё более продуманный характер, раскрытие которых невозможно без привлечения лиц, обладающих различными знаниями [1].

Рассмотрению вопросов изучения специальных познаний посвящено не мало статей и литературы, что

говорит о важности её изучения и анализа, с целью для дальнейшего развития в этой области. В современном уголовном производстве нельзя обойтись без использования достижения естественных, технических и других наук, которые используются процессуальными субъектами.

Необходимо понимать, что специальные познания позволяют обеспечить объективность, всесторонность, полноту предварительного и судебного следствия, а также вынесение законного, обоснованного, а главное справедливого приговора. Но тут же и возникает вопрос: «Так почему же многие преступления остаются не раскрыты?». Проблема заключается в том, что немаловажной причиной является недостаточное обращение за помощью к лицам, которые обладают специальными познаниями и могут поспособствовать их раскрытию, но также и правильность использования этими лицами своих знаний.

Как правильно отмечает О. В. Айвазова, само понятие «специальные знания» в нашем уголовно-процессуальном законе, действующем отсутствует, но при этом стоит заметить, что, но неоднократно употребляется в нормах, которые регламентируют деятельность специалиста и эксперта. Также стоит заметить, что данный термин широко применяется в криминалистической литературе, что говорит нам о важности его использования

процессуальными субъектами, которые обладают этими знаниями [2].

Существуют также и недостатки их использования при раскрытии преступлений, которые проявляются в следующем:

Во-первых, проявляется низкий уровень познаний как у оперативных сотрудников полиции, которые не всегда имеют способность выявлять преступления своевременно, так и следователей (дознавателей), которые не всегда способны собрать необходимое количество доказательств по конкретному уголовному делу, и проблема заключается в том, что именно с них начинается раскрытие и расследование преступлений, и в дальнейшем использовании специальных познаний субъектами их обладающими.

Во-вторых, сама форма и активность взаимодействия субъектов расследования со специалистами и экспертами, которая не отвечает современным требованиям, научным представлениям и реальным возможностям их использования.

В-третьих, само содержание функций специалистов и экспертов не всегда направлено на формирование и представление системы доказательств для принятия законного и обоснованного процессуального решения по конкретному уголовному делу.

В-четвертых, в нынешней практике, в которой приглашают специалистов и экспертов, с целью поспособствовать в раскрытии и расследовании конкретных преступлений говорит нам о том, что не используется настоящий потенциал лиц, обладающих специальными познаниями.

В-пятых, возникает проблема в самих процессуальных субъектах, которые владеют недостаточным количеством специальных познаний в своей деятельности и не всегда могут правильно и грамотно использовать свои знания.

Стоит согласиться с мнением О. С. Кучина и Ю. В. Гаврилина, которые указывают, что причиной пренебрежительного отношения к использованию специальных познаний имеет организационный характер, а их устранение возможно с помощью налаживания взаимодействия между следственными и экспертными службами, они отмечают, что такое возможно, например, с помощью чтений лекций следователям о их возможностях и пользе, которую они могут принести если они будут взаимодействовать. Но тут же на практике возникает проблема в том, что большинство следователей в процессе своей работы имеют нежелание «усложнять» привычную для них схему расследования преступлений. Ведь с проведением экспертиз и привлечением специалистов в процесс раскрытия и расследования, является более сложной процедурой, и эта проблема требует решения не только на организационном, но и на воспитательных уровнях [3].

Важно понимать, что решение выше названных проблем необходимо и потому, что именно благодаря развитию науки и техники методы раскрытия и расследования преступлений обретают новый характер и становится все более легче осуществлять данную деятельность. Большинство вопросов расследования решены могут быть только при помощи использования новейших открытий в сферах

науки и техники, и использования специальных познаний. А. В. Старова отмечает, что наиболее точное достижение результата в расследовании преступлений играют роль именно специальные познания, которые владеют профессиональные субъекты, обладающих определенной квалификацией и знаниями в том или иной области [4].

В заключении можно сделать вывод о том, что проблемы в использовании специальных познаний имеют достаточное множество пробелов и неясностей, которые не дают четкую формулировку в их применении в уголовном судопроизводстве, необходимо решение рассмотренных проблем, ведь их решение позволит облегчить не только работу в раскрытии и расследовании преступлений, а также улучшит качество использования специальных познаний в этой деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Айвазова О. В. Заключение специалиста как специфическая разновидность реализации специальных знаний при расследовании по уголовным делам: некоторые дискуссионные вопросы // Юристы-Правоведь. - 2017. - № 4 (83). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 20.06.2021).
2. Аминев Ф. Г. Об интеграции специальных знаний в судебной экспертизе // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 20-летию кафедры криминалистики. Ответственный редактор Г. М. Меретуков. - Краснодар, 2019.
3. Кучин О. С., Гаврилин Ю. В. Тенденции и проблемы в развитии современной российской криминалистики // Академическая мысль. - 2020. - № 4.
4. Старова А. В. Использование специальных познаний при производстве по уголовному делу // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2019. - № 10-2.

МАРИАНОВ Алихан Абдулаевич

кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного университета (филиала в г. Избербаше), Дагестанского государственного педагогического университета

МИРЗАЕВ З. М.

кандидат юридических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета,

МИРЗАЕВА З. З.

ассистент Дагестанского государственного педагогического университета

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА

Данная статья посвящена криминологическим особенностям личности несовершеннолетних правонарушителей. Рассматривается влияние факторов социальной среды на формирование и становление личности несовершеннолетних правонарушителей. Осуществляется обзор социальной картины преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: преступность подростков, личность несовершеннолетнего преступника, криминогенные причины социальной сферы, морально-психологические характеристики личности несовершеннолетнего.

MARIANOV Alikhan Abdulaevich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of the Dagestan State University (branch in Izberbash), of the Dagestan State Pedagogical University

MIRZAEV Z. M.

Ph.D. in Law, associate professor of the Dagestan State Pedagogical University

MIRZAEVA Z. Z.

assistant of the Dagestan State Pedagogical University

PECULIARITIES OF THE PERSONALITY OF A JUVENILE DELINQUENT

This article is devoted to the criminological features of the personality of juvenile offenders. The influence of social environment factors on the formation and formation of the personality of juvenile offenders is considered. The social picture of juvenile delinquency is reviewed.

Keywords: juvenile delinquency, personality of juvenile delinquent, criminogenic causes of social sphere, moral and psychological characteristics of the personality of a juvenile.

Изучение личности несовершеннолетних преступников является одной из самых важных и в то же время самых сложных проблем в криминологии. Следует отметить, что эта проблема является предметом многих научных и практических исследований. Личность преступника всегда представляет собой одну из наиболее важных областей криминологической характеристики при изучении любого вида преступлений [1].

Характеризуя личность несовершеннолетнего преступника, прежде всего, следует иметь в виду, что личность подростка, не прошедшего социализацию или прошедшего недостаточную социализацию, проявляет как типичные для подростка черты подросткового возраста, так и ряд негативных черт, характерных для личности любого преступника.

В общей структуре личности подростка легко уживаются положительные и отрицательные черты. Важно также отметить, что формирование негативных черт характера у подростка сопровождается интенсивными изменениями в его сознании и физиологии, психологическими особенностями подросткового возраста. Индивидуальное поведение подростка не всегда является выражением его социальной природы и иногда объясняется возрастными особенностями или совершается под влиянием внешних факторов.

Подростковый возраст всегда считается уязвимым, трудным, кризисным и переходным этапом. В этом возрасте физическое и психическое развитие подростка обычно еще не завершено, что проявляется в его действиях и поступках. В подростковом возрасте происходит интенсивное социальное развитие личности, формируется мировоззрение, моральные убеждения, принципы и идеалы, система ценностных

суждений. Неблагополучное окружение подростка часто способствует привитию ему искаженных ценностей, которые облегчают ему участие в антисоциальном поведении, которое он считает приемлемым [7].

Как показывает анализ правоприменительной практики, информация о личности несовершеннолетнего преступника, условиях формирования и воспитания его личности может и должна быть получена на первоначальном этапе уголовного судопроизводства. Однако должностные лица, проводящие проверку по факту правонарушения, отчитываются после получения информации о причастных лицах в соответствии с пунктами 3 и 7 статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса. Часть 1 статьи 73 УПК РФ, в соответствии с частью 1 статьи 73. Часть 1 статьи 73 ГПК РФ не всегда устанавливает обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, в соответствии с частью 2 той же статьи [6].

Анализ судебной практики по делам несовершеннолетних и наше исследование показывают, что «среди несовершеннолетних правонарушителей преобладают лица старшего возраста (16 – 17 лет) – 70,3 %. Доля несовершеннолетних правонарушителей в возрасте 14 – 15 лет составляет 29,7 %. При этом показатели остаются относительно стабильными уже более 10 лет (66,7 – 72,3 % – 16-17-летние; 33,3 – 27,7 % – 14 – 15-летние)» [3].

Исследование личности несовершеннолетних правонарушителей, отбывающих наказание в исправительных колониях, показало, что 92 % правонарушителей отбывают наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления, около 49 % ранее отбывали наказание в исправительных колониях и вернулись в

исправительные учреждения через очень короткое время, из них около 20 % вернулись в третий и более раз. Растет число осужденных, склонных к различным формам деструктивного поведения, постоянно нарушающих существующий порядок отбывания наказания и вовлекающих других осужденных в противоправную деятельность [4].

Причины и условия преступности несовершеннолетних в воспитательных колониях, с одной стороны, весьма специфичны, что связано, прежде всего, с таким видом наказания, как содержание под стражей, и спецификой отбывания данного вида наказания в силу возрастных особенностей несовершеннолетних, а с другой стороны, они отражают комплекс причин преступности несовершеннолетних в целом, связанных с особенностями механизма формирования личности несовершеннолетних правонарушителей.

Как отмечает в своей статье Т. М. Дроздова, сегодня существует большое количество неблагополучных семей, в которых «безнадзорность является важнейшим негативным фактором в формировании личности несовершеннолетних правонарушителей». К сожалению, нежелательное для стабильности общества появление из таких семей лиц с антисоциальным поведением пока не получило должного внимания» [2].

Важным фактором хулиганской преступности среди молодежи является преступность в семье. Исследования показывают, что хулиганские преступления совершают подростки, живущие в неблагополучных семьях. Отсутствие общения, напряженные отношения с родителями и их буйное поведение толкают подростков на улицы и в круги сверстников.

Хулиганы часто происходят из девиантных семей. Это семьи алкоголиков, наркоманов, правонарушителей и т.д.

Криминогенный характер такого явления, как повторение, подчеркивается многими исследователями. Результаты отдельных исследований показывают, что «когда процент рецидивистов увеличивается с 1 до 7 %, общий уровень преступности среди несовершеннолетних возрастает более чем в два раза, а уровень преступности среди школьников – даже в три раза» [5].

Данные о личности несовершеннолетних правонарушителей дают представление о самом преступлении, при этом имеется информация о поле, возрасте, социальном составе правонарушителей, их уровне образования, профессии и работе, социальной активности, семейном положении, а также о морально-психологических характеристиках, взглядах, интересах, потребностях, ценностях и т.д.

Употребление алкоголя и наркотиков родителями, наличие в семье осужденных родственников, тяжелое материальное положение семей, отсутствие материальных, интеллектуально-нравственных, эмоционально-психологических условий для воспитания детей способствуют тому, что толкают их на совершение преступлений. По данным МВД России, в период с 2016 по 2020 год на учете в полиции состояло более 122 000 родителей, оказывающих негативное влияние на поведение своих детей. Тридцать процентов неблагополучных семей систематически злоупотребляют алкоголем, а 40 процентов вовлечены в скандалы и ведут асоциальный образ жизни.

Подчеркивая первостепенное значение воспитательной функции семьи, следует отметить, что именно грубые ошибки воспитания влияют на деформацию личности ребенка. Исследования показали, что родители малолетних правонарушителей, как правило, обладают низкой культурой, эгоистично – потребительским отношением, что определяет неправильную воспитательную позицию по отношению к детям.

С этой точки зрения оправдано создание воспитательных центров с нормальным надзором и воспитательных центров с усиленным надзором.

Мы считаем, что несовершеннолетние, впервые приговоренные к лишению свободы, независимо от тяжести совершенного преступления, а также несовершеннолетние с положительной характеристикой, переведенные туда из воспитательных домов с усиленным надзором после отбывания

там наказания в течение не менее одного года, должны помещаться в воспитательные дома с обычным надзором.

Все сказанное в данной статье позволяет сделать вывод о том, что акты насилия являются результатом взаимодействия личности и среды, при этом влияние социальной среды неочевидно. Криминологическая значимость феномена личности молодого преступника, совершившего насилие, обусловлена тем, что это активный аспект взаимодействия, характеризующийся сознательной и целенаправленной деятельностью.

Недостатки в работе учреждений профилактики и воспитания, ответственных за борьбу с преступностью несовершеннолетних – неэффективность современных методов работы, некавалифицированный персонал, отсутствие заинтересованности специалистов в результатах работы и др. – также способствуют криминоному поведению несовершеннолетних.

Причиной деформации его личности часто является отсутствие нормального, асоциального и социально ориентированного круга общения в семье.

Несомненно, что безделье молодежи, будь то в сфере труда или образования, имеет криминогенное значение. Безделье открывает перед молодыми людьми множество возможностей использовать свои силы, знания и способности преступным образом, т.е. против общественных интересов. Но занятость в сфере образования также не всегда является показателем формирования у несовершеннолетних социально положительных личностных качеств.

Необходимо принять меры по сокращению количества материалов, пропагандирующих насилие и жестокость в СМИ, ограничению доступа к видео- и аудиоматериалам с возрастными ограничениями, запрету и учету безрецептурной продажи видеоигр, содержащих насилие и жестокость, в местах, доступных для несовершеннолетних, а также блокированию пиратских сайтов, позволяющих желающим скачивать игры, компьютерное оборудование и другие материалы.

Пристатейный библиографический список

1. Бельский А. И., Ягодин Р. С. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника // Российский следователь. – 2015. – № 15. – С. 48-50.
2. Дроздов Т. М. Классификация неблагоприятных условий семейного воспитания в формировании личности несовершеннолетнего правонарушителя (по материалам криминологического исследования в г. Краснодаре) // Российский следователь. – 2012. – № 23.
3. Камарницкий А. В. Структурные особенности личности несовершеннолетнего преступника. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=897 (дата обращения: 26.11.2014).
4. Орлова Ю. Р. Основные причины и условия, способствующие совершению преступлений несовершеннолетними в воспитательных колониях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2015. – № 3. – С. 26-30.
5. Орлова Ю. Р., Гусева О. Н. Криминологические особенности личности несовершеннолетних женского пола, совершивших корыстно-насильственные преступления // Юридическая психология. – 2008. – № 4.
6. Терентьева В. А., Раззорова И. Н. Реализация принципов уголовного судопроизводства при освобождении несовершеннолетних от уголовного наказания // Российский следователь. – 2018. – № 11. – С. 42-45.
7. Хисматуллин Р. С., Хабибова А. Р. Необходимость учета судом нравственно-психологических и возрастных особенностей современных несовершеннолетних подсудимых – гарантия реального обеспечения прав и свобод человека и гражданина // Вопросы ювенальной юстиции. – 2015. – № 2. – С. 14-16.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-2-165-293-298

СЕМЧЕНКОВ Игорь Павлович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России

СОРОКИН Игорь Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России

БУРДЕЙНЫЙ Владислав Владимирович

кандидат философских наук, научный сотрудник Западного филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ?

В статье проводится проверка обоснованности утверждения о том, что объектом отдельных видов преступлений являются общественные отношения. Детально проанализированы аргументы и контраргументы теории объекта преступления как общественных отношений, рассмотрены исторические аспекты ее возникновения.

На основе полученных результатов сделан вывод о необоснованности признания общественных отношений объектом преступления, а также показано, что весьма перспективным является признание объектом преступного деяния не общественных отношений между людьми, а социальных возможностей физических и юридических лиц.

Ключевые слова: возможность, объект преступления, общественные отношения, социальная связь, норма права, правоотношение, субъективное право, права человека.

SEMCHENKOV Igor Pavlovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law, criminology and penal enforcement law sub-faculty of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

SOROKIN Igor Sergeevich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Criminal law, criminology and penal enforcement law sub-faculty of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

BURDEYNY Vladislav Vladimirovich

Ph.D. in philosophical sciences, researcher of the Western branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation

THE OBJECT OF THE CRIME: PUBLIC RELATIONS OR POSSIBILITY?

The article checks the validity of the statement that the object of certain types of crimes are public relations. The arguments and counterarguments of the theory of the object of crime as a social relationship are analyzed in detail, the historical aspects of its origin are considered.

Based on the results of the conducted research, it is concluded that the recognition of public relations as the object of a crime is unjustified and it is shown that the recognition of public relations between people as the object of a criminal act is very promising, not social relations between people, but certain social opportunities of individuals and legal entities.

Keywords: possibility, the object of the crime, social relations, social connection, rule of law, legal relationship, subjective law, human rights.

Преамбула. В основе работы лежит понимание того, что человеком движут стремление жить, стремление иметь определенное качество жизни и стремление получить определенные итоговые результаты жизни. Эти стремления порождают множество самых различных потребностей, для удовлетворения которых необходимы соответствующие возможности [14, с. 70]. Вот почему для людей наиболее значимы они сами, а также возможности реализации их стремлений и удовлетворения их потребностей. Все остальное может рассматриваться в качестве ценности не само по себе, а только потому, что обеспечивает наличие возможностей удовлетворения потребностей, реализации стремлений человека. Это первый критерий, используемый нами в решении вопроса о социальной оценке, значимости вещей и явлений действительности.

Для понимания сути второго и не менее важного критерия следует иметь в виду, что позитивной социальной оценки заслуживают не любые, а только нравственные стремления и порождаемые ими потребности. Соответственно этому все вещи и явления внешнего мира могут оцениваться в качестве положительных, если обеспечивают возможности реализации только положительных с нравственной точки зрения¹ стремлений и удовлетворения опре-

1 О понятиях нравственности и нравственного см.: Семченков И.П. Объект преступлений, совершаемых в сфере соблюдения субъективных прав и прав человека // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 1 (164). – С. 278-279 (прим. авт.).

Семченков И. П.

Сорокин И. С.

Бурдейный В. В.

деляемых ими потребностей. Иных критериев признания чего-либо социальной ценностью не существует.

Общая представление о механизме преступного воздействия и парадигма приоритетов социальных ценностей. Учение об объекте преступления не сводимо к одному лишь вопросу о сущности объекта преступного деяния. Истинное его содержание намного шире и охватывает собой представление об объективном механизме совершения преступления.

В советской доктрине уголовного права объектом преступления признавались общественные отношения, которым, по мнению представителей данной теории, в конечном итоге должно причинять вред любое преступное деяние. Это означает, что именно общественные отношения они признавали конечным пунктом преступного воздействия: *преступление → общественные отношения*.

В некоторых случаях, например, при совершении хищения, считалось, что преступление воздействует на общественные отношения не непосредственно, а путем воздействия на чужое имущество в виде материальных предметов действительности: *преступление → предметы материального мира → общественные отношения*.

В этих двух вариантах представлений о механизме преступного воздействия ни отдельный человек, ни вообще какие бы то ни было люди ни в каком качестве не фигурируют и не упоминаются. Это указывает на неспособность данных представлений дать хотя бы какое-нибудь объяснение тому, почему люди осуществляют борьбу с преступностью, затрачивая на это огромные ресурсы и даже рискуя своей жизнью, если никому из нас преступление никакого вреда не причиняет.

При совершении преступлений с конкретными потерпевшими механизм преступного воздействия на общественные отношения имел своим проходным пунктом не материальные предметы, а, вместо этих предметов, человека: *преступление → человек → общественные отношения*.

В этом варианте механизма преступного воздействия человек низведен до уровня вещного предмета материального мира. Это указывает на то, что в рамках теории объекта преступления как общественных отношений они, т.е. общественные отношения между людьми, признавались несравненно более важной ценностью, чем сами люди. По нашему мнению, такая расстановка приоритетов является в корне неверной.

Когда данные недостатки теории объекта как общественных отношений стали очевидными и для ее представителей, они «разработали» понятие «структура общественного отношения», которое имело целью устранение противоречий между положениями этой теории и реальной действительностью. Однако все их подобного рода теоретические «умопостроения» на поверку оказались несостоятельными, были успешно опровергнуты, благодаря чему стало возможным вернуться к такому представлению о механизме преступного воздействия, которое полностью соответствует реалиям социальной действительности и, в том числе, правильной парадигме иерархии социальных ценностей, на вершине которой по праву находится человек, люди, а не отношения между людьми:

1). Преступление в конечном итоге причиняет вред кому-либо из людей, ввиду чего люди и осуществляют борьбу с преступностью: *преступление → человек* (в собирательном значении данного слова);

2). Преступное воздействие на человека осуществляется путем причинения вреда его благам: *преступление → блага человека → человек*;

3). В некоторых случаях преступление воздействует на блага человека и далее на самого человека путем воздействия на материальные предметы внешнего мира или информация: *преступление → материальные предметы, информация → блага человека → человек* [14, с. 14-175].

Проблема неоднозначного понимания сущности объекта преступления. Вопросы общего представления о механизме преступного воздействия не исчерпывают собой всего спектра проблем, присущих учению об объекте преступления. По-прежнему неоднозначным продолжает оставаться решение вопроса о сущности объекта преступного деяния, т.е. о сущности тех благ, причиняя вред которым, преступле-

ние в конечном итоге причиняет вред их обладателям: *преступление → объект преступления (блага) → человек*.

Неоднозначность решения данного вопроса проявляется в том, что основными и дополнительными объектами отдельных видов преступлений признаются: права, свободы и законные интересы личности, общества, государства; жизнь; здоровье; безопасность; общественные отношения; правоотношения; установленный порядок осуществления какого-либо вида деятельности и т.д. Это указывает на то, что в теории современного уголовного права единого философского подхода к пониманию сущности объекта преступления пока не сформировано.

В предыдущей статье было положено начало решению данной проблемы, для чего было проведено исследование сущности объектов преступлений, совершаемых в сфере соблюдения субъективных прав и прав человека. На основании результатов данного исследования установлено, что объектами данных преступлений являются не субъективные права и права человека, а возможности их реализации. В ходе этого исследования особое внимание было уделено преступлениям против жизни, здоровья и собственности, объектами которых были признаны не право на жизнь, право на здоровье и право собственности, а возможности реализации данных прав [15, с. 277-282]. Однако данный вывод оказался несоответствующим теоретическому наследию советского уголовного права, в соответствии с которым объектом этих преступлений признаются не возможность жить или иметь здоровье, не возможность владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, а общественные отношения. Данное обстоятельство предопределило необходимость проверки обоснованности тезиса о том, что объектами преступлений против жизни, здоровья и собственности, как, впрочем, и других преступлений, являются общественные отношения.

Отсутствие аргументов, контраргументы и истоки возникновения теории объекта преступления как общественных отношений. Проверка обоснованности любой теории обычно начинается с проверки аргументов, посредством которых ее авторы подтверждают свои теоретические выводы. Многолетние исследования этого аспекта теории объекта преступления как общественных отношений показали, что ни одного действительно научного аргумента, подтверждающего истинность данной теории, в трудах ученых советского периода не приводится. Тезис о том, что объектом преступления являются общественные отношения, они считают настолько очевидным, что рассматривают его в качестве аксиомы, которая, как известно, в доказательствах своей истинности не нуждается. Отсутствуют какие-либо аргументы в пользу признания объектом преступления общественных отношений и в трудах представителей дореволюционной школы уголовного права. Ни о каких предположениях возникновения данной теории в трудах дореволюционных криминалистов также не упоминается.

Единственное возможное объяснение причин возникновения теории объекта преступления как общественных отношений удалось получить только на основе использования метода историко-правового исследования, которое показало следующее.

В качестве идейного философско-теоретического основания Октябрьской социалистической революции 1917 года было использовано учение К. Маркса и Ф. Энгельса об общественно-экономической формации (ОЭФ), которое, якобы, обосновывало историческую неизбежность крушения капитализма, закономерность перехода к социализму и, в дальнейшем, к коммунизму. В рамках данного учения особая роль отводилась общественным отношениям, которые, по мнению авторов и сторонников данного учения, составляют так называемый базис существования любого общества и которые развиваются по своим особым законам, независимым от воли отдельных личностей.

Данное идейно-философское «обоснование» революции было закреплено в первом уголовно-правовом законодательном установлении советской власти – Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года, в которых объектом уголовно-правовой охраны (объектом преступления) были названы общественные отношения: «Советское уголовное право имеет задачей посредством репрессии охранять систему общественных отношений, соответствующую интере-

сам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходной от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата» [18, с. 64].

Данное понимание сущности объекта преступления нашло свое отражение в одном из первых советских учебников по уголовному праву А.А. Пионтковского, опубликованном в 1924 году, где отмечалось, что: «Объектом всякого преступления в буржуазном уголовном праве являются *общественные отношения* системы капиталистической эксплуатации, охраняемые всем аппаратом уголовно-правового принуждения»; «Советское уголовное право охраняет систему отношений пролетарской диктатуры» [12, с. 129, 130].

С тех пор «идеологически верная» теория объекта преступления как общественных отношений настолько прочно укоренилась в науке советского уголовного права, что даже в 1961 году А.А. Пионтковский по-прежнему продолжал относить к объекту преступления общественные отношения, составляющие базис и надстройку общественно-экономической формации социализма: «Преступление может иметь своим объектом общественные отношения, непосредственно относящиеся к базису и надстройке» [13, с. 134-135].

Не подвергалось сомнению данное принципиальное для социалистического строя решение вопроса и в других работах советского периода. В условиях господства советской идеологии такая критика была невозможной. Между тем, в данной связи и к чести науки уголовного права следует отметить, что несмотря на это отдельные представители советской школы уголовного права, в частности, Б.С. Никифоров [11, с. 69, 106], Е.А. Фролов [17, с. 17, 18, 22] и Н.И. Коржанский [6, с. 51] все равно пытались обосновать вывод о том, что непосредственным объектом преступления является возможность определенного состояния или поведения. «Однако господствовавшая в советское время теория объекта преступления как охраняемых уголовным законом общественных отношений не могла воспринять такого понимания вопроса, отторгла его как чужеродное, причем, даже несмотря на то, что данные авторы всячески пытались «вписать» его в рамки этой теории, не противопоставляя свою точку зрения общему выводу о том, что объектом любого преступления являются общественные отношения» [15, с. 281].

Приведенные выше обстоятельства указывают на то, что теория объекта преступления как общественных отношений действительно научного обоснования не имеет, и возникла она исключительно на основе первого законодательного установления советской власти, пропитанного духом учения об общественно-экономической формации. Однако истинность данного учения была опровергнута самим ходом истории, по причине чего оно давно уже исключено не только из школьных программ, но и из курсов философии в системе высшего профессионального, в том числе юридического, образования: «Концепция О.Э.Ф. вместе с породившей ее идеей линейного прогресса уже принадлежит истории социальной мысли» [10, с. 482]. Это первый контраргумент теории объекта преступления как общественных отношений, который демонстрирует наличие ее научной необоснованности.

Вторым контраргументом теории объекта преступления как общественных отношений является тот факт, что она не соответствует пониманию сущности объекта преступления самими основоположниками марксизма-ленинизма, которые излагали свое понимание сущности преступлений без применения «высокой идеалистической философии», т.е. не прибегая к употреблению таких понятий как «общественные отношения», «базис», «надстройка». «Если один человек наносит другому физический вред, и такой вред, который влечет за собой смерть потерпевшего, – указывал в данной связи Ф. Энгельс, – мы называем это убийством» [8, с. 329-330]. С учетом того, что смерть есть лишение жизни, данное высказывание Ф. Энгельса указывает на то, что, по его мнению, убийство есть лишение жизни другого человека, а это означает, что объектом убийства, т.е. тем благом, на которое оно посягает, является жизнь человека, а не общественные отношения.

Теоретическая основа проверки обоснованности теории объекта преступления как общественных отношений. Приведенные выше контраргументы не заменяют собой непосредственного научного анализа, имеющего своей целью

проверку обоснованности признания общественных отношений объектом отдельных видов преступлений.

В качестве основы такого анализа вместо учения об ОЭФ мы предлагаем простое и понятное системное мировоззрение, согласно которому общество представляет собой социальную систему, элементами которой являются отдельные физические лица. В силу жизненной необходимости и целесообразности в обществе выделяются отдельные подсистемы, например, управления, обеспечения безопасности и т.д. Помимо этого члены общества формируют множество других различных по масштабу групповых социальных образований, которые также представляют собой особые подсистемы общества как системы.

Детализация представлений об обществе как о социальной системе, проводимая путем их дополнения социально-философскими аспектами юридического характера, показывает следующее.

Поведение, деятельность людей в обществе, в том числе и их взаимодействие, регламентируются определенными базовыми правилами, которые устанавливаются обычаями, законами и иными нормативно-правовыми актами. Исполнение этих базовых правил обеспечивается наличием и применением других законов и нормативных актов, которые регламентируют ответственность тех, кто базовые правила поведения и деятельности не исполняет. В некоторых случаях законы и устанавливают правила поведения, и регламентируют ответственность за их нарушение одновременно.

Принимая во внимание ограниченность объема данной статьи, и во избежание громоздких, а потому не очень удобных для восприятия теоретических конструкций, дальнейшая работа по формированию теоретической основы для анализа сущности объектов преступлений против жизни, здоровья и собственности будет проводиться на примере создания теоретической основы для анализа объекта убийства.

В нашем обществе высшей ценностью является человек. Для любого человека главной ценностью является его жизнь. Поэтому для обеспечения сохранности жизни ст. 20 Конституции нашей страны закрепляет право каждого человека на жизнь².

Право на жизнь – это юридически закрепленная теоретическая модель социальной действительности, признаваемая правильной с нравственной точки зрения, согласно которой любой человек должен иметь возможность жить до тех пор, пока жизнь его не будет прекращена по естественным причинам или по воле случая, т.е. без вмешательства других людей. Либо, если совсем кратко, то право на жизнь – это нравственно обоснованное, юридически закрепленное признание правильным того, что каждый человек должен иметь возможность жить... [15, с. 281].

Закрепляя право каждого человека на жизнь, основной закон вменяет каждому его обладателю обязанность осуществлять его таким образом, чтобы это не лишало возможности реализации права на жизнь других его обладателей (ст. 17 Конституции³). Данная совокупность взаимных прав и обязанностей образует собой правоотношение, в котором у каждого его субъекта имеется и свое право на жизнь, и обязанность соблюдать право на жизнь, имеющееся у любого другого лица.

Это правоотношение имеет двойное социальное значение. Во-первых, оно выступает в качестве самостоятельного нравственного регулятора поведения людей в обществе. Во-вторых, оно влечет установление дополнительных правил, обеспечивающих его реализацию. Эти дополнительные правила обеспечительного характера можно разделить на две группы.

В первую группу входят правила, которые предусматривают обязанность совершения действий или предоставляют право на совершение действий, направленных на защиту жизни человека во время совершения посягательства на его жизнь. Обязанность защищать жизнь человека во время совершения такого посягательства предусмотрена для сотрудников силовых министерств и ведомств, а также может быть

2 Здесь и далее, см.: Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] (прин. 12.12.1993, в ред. по сост. на 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.

3 См.: Конституция. Там же.

возложена на договорной основе. Право на действия по защите жизни человека предоставлено уголовным законодательством нашей страны, которое содержит нормы, например, о праве на необходимую оборону.

Вторую группу норм, обеспечивающих действенность установленного Конституцией правоотношения, имеющего своей целью обеспечение возможности осуществления права на жизнь, составляют: 1) нормы уголовного законодательства и иных законодательных актов, которые регламентируют ответственность тех, кто причиняет смерть другим людям; 2) нормы законодательства, регламентирующего деятельность отдельных работников, исполняющих предписания уголовного законодательства и иных законодательных актов по реализации ответственности за совершение убийства.

Все указанные выше нормы и устанавливаемые ими правоотношения вне всяких сомнений являются очень важными и ценными социальными благами. Однако из этого вовсе не следует, что они могут быть признаны объектом убийства. Будучи управленческими решениями (нормы права) и теоретическими моделями «дозволяемого и предписываемого» (правоотношения), они преступному воздействию не подвергаются, а объектом преступления признается только такое благо, которое может подвергаться причинению преступного вреда.

Реализацией данных моделей занимаются конкретные люди, действия которых также являются очень важным социальным благом, – без действий, деятельности данных лиц нормы права будут мертвы. Однако и это благо в качестве объекта убийства также рассматривать невозможно. Так, например, нельзя рассматривать в качестве объекта убийства действия непосредственных защитников потенциальной жертвы. Убийство человека, выбранного виновным в качестве жертвы, направлено на лишение жизни только этого человека и на действия по защите жизни никак не воздействует. Убийство воздействует только на того, кого лишают жизни. Смертоносная причинная связь, имеющая место при совершении данного преступления, очень четко указывает на эту его направленность. Если же лицо, пытающееся совершить убийство, станет оказывать противодействие лицу, защищающему жизнь потенциального потерпевшего, то, в зависимости от характера такого противодействия, оно будет рассматриваться уже как другое преступление, но не убийство изначально избранной жертвы.

Таким образом, из максимально широкого перечня всех благ, которые представляется возможным упомянуть в связи с реализацией права на жизнь и совершением убийства, лишь одно благо может именоваться объектом данного преступления – это жизнь человека, т.е. возможность его дальнейшего существования в нашем мире.

Проверка обоснованности признания общественных отношений объектом отдельных видов преступления. Вместо признания объектом убийства жизни человека наследие идеологизированной части советского уголовного права по-прежнему предлагает считать объектом данного преступления *общественные отношения*, складывающиеся по поводу реализации права на жизнь и обеспечивающие безопасность жизни [5, с. 377].

Первый способ проверки обоснованности признания общественных отношений объектом убийства подразумевает выяснение того, что именно представляют собой общественные отношения как нечто такое, что обеспечивает безопасность жизни человека. Для этого представляется необходимым и достаточным ответить на вопрос о том, что именно обеспечивает эту безопасность, и является ли это «оно» общественными отношениями.

Выше было показано, что безопасность жизни обеспечивается: 1) нормами Конституции и других законодательных актов, которые направлены на обеспечение безопасности жизни; 2) правоотношениями, которые устанавливаются этими нормами; 3) действиями, деятельностью людей, которые осуществляются во исполнение обязанности обеспечивать безопасность жизни либо представляют собой поведение, реализующее право на защиту жизни.

Нормы Конституции – это нормативно закрепленное решение (волеизъявление) народа, нормы иных законодательных актов – решение органов государственной власти, которыми устанавливаются «субъективные права и юриди-

ческие обязанности, представляющие собой модели возможного и должного поведения субъектов права» [16, с. 227].

Решения народа и органов власти, а также устанавливаемые ими комплексы моделей поведения, деятельность преступному воздействию при убийстве не подвергаются. Данное обстоятельство указывает на невозможность признания норм права и правоотношений объектом не только убийства, но и вообще какого бы то ни было иного преступления.

Действия, деятельность по обеспечению безопасности жизни другого человека объектом убийства также не являются. Совершаемое убийство имеет своей мишенью избранную жертву, а не действия, деятельность по обеспечению ее жизни.

Из всего, что обеспечивает жизнь человека, общественными отношениями можно было бы признать только соответствующие действия и деятельность людей, однако они объектом убийства быть не могут.

Второй способ проверки обоснованности утверждения о том, что объектом убийства являются общественные отношения, состоит в поиске ответа на вопрос о сущности общественных отношений в трудах классиков марксизма-ленинизма, учение которых и привело к внедрению данного термина в идеологию, социальную философию, философию права и юриспруденцию. С учетом того, что исследованием теории объекта преступления как общественных отношений мы занимаемся с 1998 года, ответ на данный вопрос для нас никаких затруднений не составляет.

В трудах К. Маркса понятие общественных отношений не приводится, и никаких иных высказываний, проясняющих его понимание сущности общественных отношений, в его творчестве также не содержится.

В трудах В.И. Ленина понятие общественных отношений специально также нигде не сформулировано. Однако в его творчестве имеется одно высказывание, которое, хотя и является посвященным иному вопросу, но достаточно определенно указывает на то, что, по его мнению, общественные отношения представляют собой действия людей: «социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальные личности, из действий которых и слагаются эти отношения» [7, с. 423-424].

Данная позиция В.И. Ленина вновь возвращает нас к трактовке общественных отношений как поведения, деятельности людей, которая уже была рассмотрена выше, и по результатам исследования которой был сделан обоснованный вывод о том, что поведение, деятельность людей по обеспечению сохранности жизни объектом убийства не являются.

Единственным представителем марксизма-ленинизма, который сформулировал понятие общественных отношений, является Ф. Энгельс, причем, сделал он это всего один раз и более никогда к данному вопросу не возвращался: «Под экономическими отношениями, которые мы считаем определяющим базисом истории общества, мы понимаем тот способ, каким люди определенного общества производят средства к жизни и обменивают между собой продукты (поскольку существует разделение труда). Таким образом, сюда входит вся техника производства и транспорта. Эта техника, согласно нашим взглядам, определяет также и способ обмена, затем способ распределения продуктов и тем самым после разложения родового строя также и разделение на классы, отношения господства и подчинения, государство, политику, право и т. д. В понятие экономических отношений включается далее и географическая основа, на которой эти отношения развиваются, и фактически перешедшие от прошлого остатки прежних ступеней экономического развития, которые продолжают сохраняться зачастую только по традиции или благодаря *vis inertiae*, а также, конечно, внешняя среда, окружающая эту общественную форму» [9, с. 174].

Если исходить из данного понимания общественных отношений, то объектом убийства необходимо было бы признать способ производства и распределения благ, уровень развития техники производства и транспорта, разделение общества на классы, отношения господства и подчинения, государство, политику, право, историческое социальное наследие, географические условия, внешнюю среду и т.д., рассмотренные в их совокупности и взаимосвязи.

Однако такая трактовка объекта убийства до сих пор никем, причем, даже самыми активными апологетами теории объекта преступления как общественных отношений, почему-то не осуществлялась. Но почему? Тому есть две причины.

Во-первых, данная трактовка объекта убийства очень далека от реальной действительности и не отражает самого главного, а именно того, что убийство причиняет смерть человеку, лишая его самого ценного из имеющихся у него благ – жизни. Во-вторых, данное понятие общественных отношений в силу присущей ему эклектичности демонстрирует тот факт, что Ф. Энгельс сам достаточно ясного понимания сути базиса общественно-экономической формации не имел, с этим вопросом должным образом не разобрался, ввиду чего и вынужден был использовать для его характеристики изначально весьма неопределенный по своему значению термин «общественные отношения». Законченной теории общественно-экономической формации, – как это справедливо было отмечено Г.Я. Миненковым, – у ее основоположников не получилось [10, с. 482.]. Обнародовать этот факт, подрывающий научный авторитет «классика», в социалистическом обществе было нельзя, по причине чего это высказывание в опубликованных научных трудах в полном его объеме, как правило, не приводится. Из этого высказывания обычно цитируют только его начало – «под экономическими отношениями, которые мы считаем определяющим базисом истории общества, мы понимаем тот способ, каким люди определенного общества производят средства к жизни и обменивают между собой продукты».

Вместе с тем и эти общественные отношения в более узком их понимании, т.е. способ производства и распределения благ, определяемый государственно-политическим устройством общества, объектом убийства также признаваться не могут. Объясняется это тем, что убийство обычного человека государственно-политическое устройство общества и определяемый им способ производства и распределения благ не изменяет. Изменить их может убийство только такого человека, на существовании которого держится все государственно-политическое устройство и определяемый им способ производства и распределения благ (при условии, конечно, что такой человек существует). Однако в этом гипотетическом примере мы будем должны говорить уже о другом преступном деянии с другим названием, которое отличается от убийства тем, что посягает не только на жизнь, а на два объекта преступления одновременно: на жизнь человека и на государственно-политическое и экономическое устройство общества. То есть, в данном примере мы будем говорить о комплексном характере совершаемого преступления, которое, с одной стороны, представляет собой убийство, имеющее своим объектом жизнь человека, а с другой стороны, является деянием, в котором убийство фигурирует в качестве способа посягательства на другой объект – государственный строй и соответствующее ему устройство экономики. Таким образом, и в этом случае мы все равно должны будем признать объектом убийства только жизнь потерпевшего.

Аналогичным образом и преступление против собственности не изменяет экономическое устройство общества, которое Ф. Энгельс называет экономическими общественными отношениями. Данное преступление совершается в рамках установленного и поддерживаемого государством экономического строя, не изменяя его. С учетом этого объектом преступления против собственности также следует признавать не экономические общественные отношения, а возможность владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом.

Третий способ проверки обоснованности тезиса о том, что объектом убийства являются общественные отношения, заключается в рассмотрении точки зрения советских ученых, которые решали вопрос о сущности общественных отношений не так, как это делали сами основоположники марксизма-ленинизма.

Понятие общественных отношений, сформулированное Ф. Энгельсом, не могло быть воспринято советской социальной философией по причине недостаточной его разработанности, о чем уже было сказано выше.

Понимание В.И. Лениным сущности общественных отношений как действий людей не могло быть принято по другим причинам.

Во-первых, трактовка общественных отношений как действий людей является, если позволительно так будет выразиться, очень уж простой и понятной, не содержащей в себе какого-то особого глубинного философского смысла, в силу чего воздвигать такие общественные отношения на высокий пьедестал движущего фактора исторического прогресса было бы весьма непрезентабельно.

Во-вторых, трактовка общественных отношений как действий людей могла привести к опровержению учения об общественно-экономической формации, которое, якобы, обосновывало закономерность перехода от капитализма к социализму и далее, – к коммунизму *вне зависимости от воли отдельных личностей*. Для уяснения этого, на первый взгляд, неожиданного обстоятельства, необходимо принять во внимание следующее. Действия людей всегда есть способ, которым они создают условия (возможности) для удовлетворения своих потребностей, порождаемых стремлением к существованию, развитию и процветанию. При этом, с точки зрения парных философских категорий сущности и явления, действия людей представляют собой явление, в котором они проявляют свою сущность, свое человеческое начало. Из этого следует, что при более глубоком осмыслении вопроса о движущей силе исторического прогресса, такой движущей силой следует признавать уже не действия людей (явление), а их стремление к существованию, развитию и процветанию (один из аспектов сущности человека, который проявляется в этом явлении). В рамках же советской философии движущим фактором социального прогресса признавались общественные отношения, составляющие базис социалистического общества, которые не зависят от воли людей, игнорируют человеческое начало истории и свободу выбора человека [10, с. 482].

Совокупность данных причин привела к тому, что в социальной философии советского периода общественными отношениями стали признавать не действия, деятельность людей, не их взаимодействие, а социальные связи между людьми, возникающие в процессе их деятельности, взаимодействия [2., с. 28], [4, с. 15]. С тех пор понимание сущности общественных отношений как социальных связей продолжает оставаться главенствующим и в постсоветской науке [1, с. 483].

В контексте настоящего исследования это означает необходимость проверки допустимости признания объектом убийства и этого варианта в понимании сущности общественных отношений, т.е. социальных связей между людьми.

Социальные связи представляют собой социальный контакт, посредством которого люди осуществляют взаимодействие, содействие, противодействие, управление, а также все иные виды возможного проявления своей человеческой сущности.

Человек, действующий в рамках социальной связи, старается использовать ее для реализации своих устремлений и удовлетворения возникающих при этом потребностей. Однако стремления людей и определяемые ими потребности с нравственной точки зрения могут быть оценены как *позитивные* или *негативные*.

Если стремления и определяемые ими потребности являются позитивными, то и социальная связь, в рамках которой лицо изыскивает возможности для их реализации и удовлетворения, также оценивается как положительная. Если же нет, то социальная связь в качестве положительной рассматриваться уже не может. Из этого следует, что решение вопроса о социальной значимости социальной связи в конечном итоге всегда зависит от оценки стремлений и потребностей, для реализации и удовлетворения которых она предоставляет возможность. Оценка социальных связей самих по себе, то есть вне зависимости от того, как их наличие отражается на наличии возможностей реализации позитивных стремлений и удовлетворения позитивных потребностей, смысла не имеет.

К вопросу о значимости социальных связей необходимо подходить по аналогии с тем, как мы оцениваем значимость имущества. Предметы собственности мы называем материальными ценностями не потому, что они имеют ценность сами по себе, а потому, что обладание ими предоставляет возможность их использования для удовлетворения наших потребностей, реализации наших стремлений. Именно по-

этому охраняемым уголовным законом благом (объектом преступления) мы называем не имущество, а возможность владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом.

Тот факт, что при совершении подавляющего большинства убийств происходит разрушение социальных связей, существовавших до этого между жертвой и другими людьми, отрицать невозможно. Уничтожение данных связей, при условии их позитивного характера, влечет за собой лишение этих людей имевшихся ранее возможностей удовлетворения своих позитивных потребностей, реализации позитивных стремлений. Однако этот аспект убийства оценивается негативно не потому, что разрушает социальные связи, а только потому, что уничтожение этих связей лишает людей возможности реализации своих стремлений и удовлетворения соответствующих потребностей.

С этой точки зрения еще одним объектом преступления, на который посягает убийство человека, имевшего позитивные социальные связи, имеет смысл признавать не социальные связи как таковые, рассматриваемые сами по себе, а утрачиваемые возможности людей, имевших до совершения убийства социальные контакты с его жертвой.

Эти возможности должны признаваться дополнительным факультативным объектом преступления: *убийство* → *жизнь (основной объект)* → *жертва убийства* → *возможности других лиц (дополнительный факультативный объект)* → *другие лица (дополнительные факультативные потерпевшие)*. Дополнительным факультативным данным объект является потому, что имеет место не во всех случаях совершения убийства, а только тех, в которых разрушаемые этим преступлением социальные связи являются положительными.

Данное понимание объективного механизма совершения убийства является самодостаточным и признания социальных связей объектом преступления не требует.

На этом же уровне философского осмысления следует подходить к пониманию сущности объектов и других преступлений. Из всех земных благ для людей важны лишь их возможности. Всё остальное самостоятельной ценностью не обладает. Если какое-либо деяние обеспечение возможностей не затрагивает, то признавать его преступлением попросту незачем. Какой бы вариант механизма причинения преступного вреда мы ни рассматривали, процесс развития преступной причинной связи все равно будет проходить от преступления к человеку через его возможности: *преступление* → *возможность* → *человек*. Иным образом, т.е. не лишая человека определенной возможности, причинить ему вред нельзя.

Не влияет на правильность данного решения вопроса и трактовка социальных связей как непосредственных или опосредованных зависимостей, возникающих между людьми в процессе их жизни в обществе. Например, это зависимость между уплатой налогов и наличием возможностей, которые обеспечиваются за счет бюджетных средств. И эта, и иные зависимости также могут рассматриваться как ценность не сами по себе, а только в том случае, если задействованы в обеспечении возможности удовлетворения позитивных потребностей, реализации позитивных стремлений людей. *Социальные связи при любом варианте понимания их сущности все равно будут оставаться всего лишь одним из условий, которое может обеспечивать наличие какой-либо возможности человека. При этом оценка социальной связи всегда будет зависеть от содержания поведения людей, между которыми она существует, а это поведение может быть как положительным, так и негативным. Объясняется это тем, что социальная связь представляет собой канал воздействия одних людей на других и не более, ввиду чего оценка социальной связи зависит от оценки того воздействия, которое осуществляется в ее рамках и которое либо обеспечивает позитивные возможности, либо нет. Аналогичным образом оценивается и социальная связь как зависимость между поведением человека, действующего в рамках социальной связи как социального контакта (канала воздействия), и результатом этого воздействия в виде обеспечения или необеспечения соответствующей возможности.*

Выводы. Теория объекта преступления как общественных отношений с научной точки зрения ничем не обоснована и возникла как следствие неуместного внедрения в уголовное право учения об общественно-экономической формации, от

которого давно уже отказалась даже социальная философия. Признание общественных отношений объектом отдельных видов преступлений действительности не соответствует и ничего не объясняет.

Для обоснования борьбы с преступностью и формирования правильного представления о механизме преступного причинения вреда объектом преступления следует признавать возможность удовлетворения позитивных потребностей, реализации позитивных стремлений физических или юридических лиц, народов, всего человечества.

Признание возможности объектом преступления является продуктивным и для объяснения сути преступного бездействия, которое выражается в необеспечении какой-либо возможности. Примером тому является не оказание помощи больному, сущность которого состоит в непредотвращении смерти, вреда здоровью [3, с. 8], т.е. в необеспечении возможности жить, иметь здоровье. Ответственность за преступное бездействие имеет целью понуждение к выполнению обязанности по обеспечению соответствующих возможностей.

Пристатейный библиографический список

1. Андреева И.Н. Общественные отношения // Новейший философский словарь. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, – 1998. – С. 483.
2. Дроздов А.В. Человек и общественные отношения. – ЛГУ, 1966. – 124 с.
3. Дрыженко Д.Б., Семченков И.П. Преступления, совершить которые невозможно // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 1 (47). – С. 7-11.
4. Келле В.Ж. Роль субъективного фактора в совершенствовании социалистических общественных отношений // Философские науки. – 1968. – № 1. – С. 15-17.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Я.Е. Иванова и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. – М., Проспект, 2010. – 1392 с.
6. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны [Предисл. В. Н. Кудрявцева]. – М.: Акад. МВД СССР, 1980. – 248 с.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.1. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. - 5-е изд. – Москва: Госполитиздат, 1958. – XXIV. – 662 с.
8. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.23. 2-е изд. – Москва: Госполитиздат, 1954. – 630 с.
9. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 39. 2-е изд. – Москва: Госполитиздат, 1955. – 640 с.
10. Миненков Г.Я. Общественно-экономическая формация // Новейший философский словарь. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – С. 482.
11. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. – Москва: Госгориздат, 1960. – 229 с.
12. Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР. Часть Общая. Институт советского права. Государств. изд-во. – М., 1924. – 239 с.
13. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. – М., 1961. – 666 с.
14. Семченков И.П. Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2003. – 192 с.
15. Семченков И.П. Объект преступлений, совершаемых в сфере наблюдения субъективных прав и прав человека // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 1 (164) – С. 277-282.
16. Теория государства и права: учебник / Кол. авт.; отв. ред. А.В. Малько. 2-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2007. – 400 с.
17. Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: дис. ... доктора юридических наук. – Свердловск, 1971. – 613 с.
18. Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917-1991 годов. – М.: «Зерцало», 1997. – 591 с.

ТАОВА Лилия Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

ТОЛГУРОВА Зухра Хусейновна

кандидат экономических наук, доцент кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

СТАТЬЯ 106 УК РФ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В содержании статьи произведен анализ убийства матерью новорожденного ребенка, как объекта криминологического исследования, деструктивно влияющего на развитие общественных и морально-нравственных отношений, а также дискредитации уголовно-правового влияния. В статье представлен анализ статистических данных, а также особенности разрешения проблемы детоубийства и необходимости изучения личности женщины, совершившей преступление, при проведении криминологической характеристики преступного деяния.

Ключевые слова: криминологическое исследование, преступление, состав, убийство новорожденного, деструктивное влияние.

TAOVA Liliya Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Special disciplines sub-faculty of the North-Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

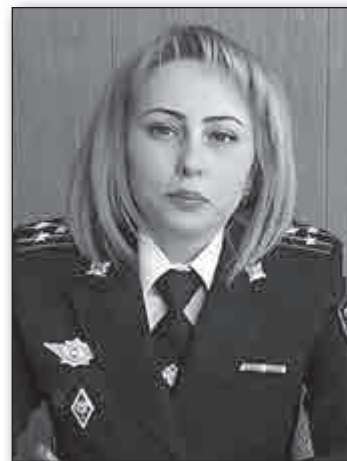
TOLGUROVA Zukhra Huseynovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Special disciplines sub-faculty of the North-Caucasian Institute of Advanced Training of the MIA of Russia (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

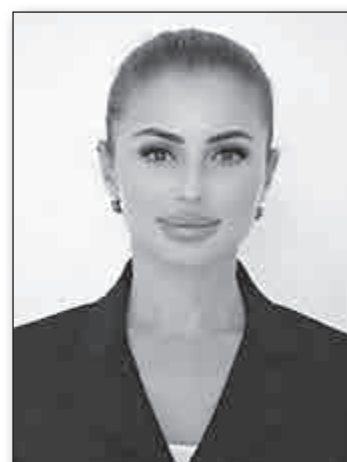
ARTICLE 106 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS AN OBJECT OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH

In contents of article the analysis of murder of the newborn child by mother as object of the criminological research which is destructively influencing development of the public and moral relations, and also discredit of criminal influence is made. The article presents an analysis of statistical data, as well as the peculiarities of solving the problem of infanticide and the need to study the identity of a woman who committed a crime when conducting a criminological characteristic of a criminal act.

Keywords: criminological research, crime, composition, murder of a newborn, destructive influence.

Таова Л. Ю.

Толгурова З. Х.

Криминологическое исследование является важным фактором для анализа преступности в стране [2, с. 5-7]. Оно способствует формированию не только теоретических представлений о преступлении, а также важно для следственно-судебной практики. Особенности криминогенной обстановки определяются на основе статистических данных, представляемых в форме анализа конкретных видов преступления. Так происходит криминологическая дифференциация видов преступлений, которая позволяет определить характер и степень опасности, как группы преступных посягательств, так и отдельного преступления.

В системе преступных посягательств особое место занимают преступления против личности. Государство стремится защитить права и свободы граждан, регулируя общественные отношения по средствам совершенствования законодательных актов. Но, несмотря на попытки государственных органов декриминализовать уровень преступных посягательств статистика показывает рост преступных элементов в сфере нарушения прав и свобод личности. Преступления против личности обладают высокой степенью общественной опасности и занимают первое место среди наиболее криминализованных видов преступления. Так в последние годы возросло число детоубийств, а именно преступлений, предусмотренных статьей 106 УК РФ [1] – убийство матерью но-

ворожденного ребенка. Данная категория преступлений не только образует преступное посягательство, но и деструктивно влияет на общественные отношения. В статье рассмотрим общие особенности состава преступления, а также основные аспекты криминологической характеристики убийства матерью новорожденного ребенка.

В современном уголовно-правовом поле преступления против жизни и здоровья личности занимают особое место. Личность её права и свободы выступают высшей ценностью правового демократического государства. Именно поэтому убийство рассматривается, как наиболее опасное общественное посягательство. Категория детоубийств в современном обществе достигла своего пика, что заставляет задуматься о более тщательном изучении преступления, предусмотренного статьей 106 УК РФ. Оценка статистических данных позволяет сделать вывод о возрастании общественной опасности убийства матерью новорожденного [3, с. 114-116]. При этом, если рассматривать данное преступление со стороны морально – нравственной категории, то необходимо отметить падение морально – нравственного аспекта. Это происходит не только из-за непонимания самого деяния, но и из-за влияния преступного посягательства на общество. Сложно представить, что женщина, выносившая ребенка, может, находясь в состоянии умысла причинить ему вред. Но, опуская соци-

ально – бытовые аллегории для формирования криминологической характеристики преступного деяния необходимо изучить основные особенности состава преступления и на их основе воссоздать характерные черты преступного деяния.

Уголовное законодательство закрепляет юридическую ответственность за преступления против жизни и здоровья личности в главе 16 Уголовного кодекса, выделяя 20 видов преступных посягательств, одним из которых является убийство матерью новорожденного ребенка. Итак, состав преступления является материальным, то есть уголовная ответственность за убийство ребенка наступает с момента его фактической смерти, если происходит ситуация, в которой младенец остается жив, то квалификация происходит с отсылкой на статью 30 УК РФ. При этом, например, если мать оставляет младенца в мусорном контейнере, на улице, на остановке общественного транспорта, то преступление может быть квалифицировано, как оставление в опасности в зависимости от наступивших последствий. Объектом данного преступления выступает жизнь новорожденного ребенка, при этом стоит отметить три вида детоубийства.

Первый заключается в убийстве, совершенном вовремя, либо сразу после родов, то есть в момент рождения плода до момента его полного отделения от матери, либо в первые сутки после родов. Для криминологической характеристики первый вид детоубийства выделяет такие особенности, как желание матери к появлению ребенка и её готовность к его воспитанию. Так при квалификации преступления стоит обратить внимание на личностные особенности матери, как на физиологические, так и на социальные. Физиологические особенности матери заключаются в её возрасте и особенностях организма. Несмотря на то, что субъектом может выступать только женщина, родившая ребенка и достигшая 16 лет, на практике возрастной ценз зачастую ниже. Развитие общественных отношений во многом влияет на половое созревание подростков, тем самым данные следственных органов и СМИ показывают возросшее число беременностей среди девушек, не достигших возраста совершеннолетия. Именно возраст, когда будущая мама сама еще не сформирована, выступает фактором значимым для криминологической характеристики. Так же важным аспектом является желание матери к появлению ребенка, как фактор, влияющий на решение о совершении противоправного деяния. Здесь необходимо отметить сложности законодательного урегулирования вопросов медицинского вмешательства на ранних сроках беременности и социальный критерий осуждения. То есть женщина боится общественного порицания, если отдаст ребенка в специализированное учреждение и решается на совершение преступления. Государство, стараясь решить этот вопрос, во многих регионах вводит специализированные бейби – боксы [4], в которые женщина может положить ребенка, и он не погибнет, а попадет в детское учреждение. Данный метод декриминализации преступности детоубийства позволяет сохранить жизни сотням младенцев, но не решает вопроса с моральной составляющей. При этом, государственные органы, стремясь повысить уровень демографии страны, запрещают медицинские вмешательства без показаний в жизнь плода, то есть даже, если женщина не желает ребенка, либо не имеет возможности к его воспитанию она вынуждена оставить плод. Так, решая одну криминологическую проблему, возникает другая, которая не просто порождает морально – нравственные факторы, понижающие уровень социальной ответственности, но и способствуют росту криминогенности убийства матерью новорожденного.

Второй вид включает в себя особенности социально – бытового характера, то есть убийство в условиях психотравмирующей ситуации для женщины. Для криминологической характеристики важными аспектами в данном случае будет выступать особенности ситуации, в которой находится женщина. Это может быть отсутствие материального обеспечения, отказ отца ребенка от женщины, давление работодателя на женщину. То есть происходит формирование неблагоприятной обстановки, в которой состояние беременности осложняется иными негативными факторами. Решениями данной проблемы для снижения уровня преступности в сфере детоу-

бийства могут выступать образование центров помощи женщинам, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, так как не всегда есть близкие люди готовые прийти на помощь.

Третий вид включает в себя особенности психического здоровья женщины после родов, то есть убийство новорожденного в условиях психического расстройства, не исключающего вменяемость. Криминологическая характеристика при исследовании личности женщины, совершившей данное преступление, включает в себя не только оценку личностных качеств виновной и условий, повлиявших на совершение деяния, но и физиологические особенности протекания беременности и родов. Так могут возникнуть осложнения после сложного родоразрешения и у женщины на фоне гормональных изменений и физиологических особенностей происходит психоз, как фактор, влияющий на совершение преступления. В данном случае пути решения проблемы кроются в своевременном и тщательном медицинском наблюдении.

При этом важным аспектом криминологической характеристики является субъективная сторона преступления, в данном случае выраженная в форме умысла. То есть, несмотря на все смягчающие особенности преступного деяния женщина желает наступления последствий и стремится их осуществить. Анализируя следственно-судебную статистику и случаи, освещенные в СМИ, стоит отметить, что криминогенность детоубийства достигла своего пика, что является не только фактором морально-нравственного разложения общества, но и дискредитирует уголовно – правовую сферу.

Криминологическое исследование убийства матерью новорожденного ребенка дает возможность говорить, что данная категория преступлений имеет высокую общественную опасность, деструктивно влияя на морально – нравственные ценности и дискредитируя правовые аспекты уголовного права. Государственные органы предпринимаяют меры по борьбе с данной категорией преступлений, как с одной из форм, деструктивно влияющих на развитие общественных отношений. При этом меры и средства по борьбе с преступлениями в сфере детоубийства, имеющиеся в арсенале правоохранительных органов на данный момент недостаточно эффективны, что доказывают статистические данные и примеры практического характера. Большое значение для исследования имеет личность женщины, совершившей преступление, как важная составляющая оценки условий, способствовавших преступному деянию. Именно поэтому в первую очередь правоохранительные органы должны изучать личность виновной, ее особенности со стороны криминологии и психологии для успешного раскрытия и расследования преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63 ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.
2. Криминология учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / М. П. Клеймёнов. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. - 399 с.
3. Данилова М. Ю. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика убийства матерью новорожденного ребенка М. Ю. Данилова // Молодой ученый. Юриспруденция. - 2018. - № 38 (224). - С. 114–116.
4. Анализ статистики убийств новорожденных и работы бэйби-боксов в России. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rvs.su/statia/analiz-statistiki-ubiystv-novorozhdennyh-i-raboty-bebi-boksov-v-rossii> (дата обращения: 28. 01.2022).

УЩЕКИН Станислав Николаевич

преподаватель кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России

Ущекин С. Н.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА (ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ) ИЛИ УЧАСТИЕ В НЕМ (НЕЙ)

В статье проводится исследование действующего уголовного законодательства, статистических данных и мнения научных деятелей с целью выявления проблемных вопросов в действующих нормативно-правовых актах, и с целью отыскания оптимальных путей решения обозначенных проблемных моментов. Производится анализ и аналитическое сравнение российского законодательства и законодательства зарубежных стран с целью вынесения аргументированных предложений по устранению недостатков действующего на территории Российской Федерации уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовное законодательство, преступное сообщество, преступная организация, совершенствование, организация преступного сообщества, участие в преступном сообществе.

USHCHEKIN Stanislav Nikolaevich

lecturer of Physical training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

IMPROVING CRIMINAL LEGISLATION PROVIDING FOR LIABILITY FOR ORGANIZING A CRIMINAL COMMUNITY (CRIMINAL ORGANIZATION) OR PARTICIPATION IN IT (HER)

The article conducts a study of the current criminal legislation, statistical data and the opinions of scientists in order to identify problematic issues in the current legal acts, and in order to find the best ways to solve the identified problematic issues. An analysis and analytical comparison of the Russian legislation and the legislation of foreign countries is carried out in order to make well-reasoned proposals to eliminate the shortcomings of the criminal legislation in force on the territory of the Russian Federation.

Keywords: criminal law, criminal community, criminal organization, improvement, organization of a criminal community, participation in a criminal community.

Законодательство России в отношении организованной преступности держит крепкую позицию. Анализируя уголовное законодательство РФ, можно сделать вывод, что любая организованная преступная деятельность, а также совершение преступлений в группе, являются более тяжкими деяниями, чем если бы совершалось то, или иное преступление единолично. На основе анализа статистических данных необходимо сделать вывод о том, что с 2019 года и по настоящее время наблюдается рост количества лиц, состоящих в составе организованной группы или преступного сообщества. По состоянию на декабрь 2021 года указанный показатель вырос на 22 %, по сравнению с 2020 годом, так в 2020 году было выявлено 9764 лиц, состоящих в составе организованной группы или преступного сообщества, а в 2021 году этот показатель составил 11910 лиц¹.

На основе изложенных статистических показателей необходимо сделать вывод об актуальности исследования темы связанной с совершенствованием уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней). Несмотря на совершенствование борьбы с организованной преступностью, законодательство в области борьбы с организованной преступностью до сих пор является несовершенным, в том числе и касательно ст. 210 УК РФ.

Законодательство зарубежных стран регламентирует ответственность за создание преступного сообщества и преступной организации по-разному и имеет свои недочеты, но и российское законодательство в этом плане не идеально. При применении ст. 210 Уголовного кодекса РФ, возникает ряд определенных проблемы, для решения которых в 2010 году было представлено постановление Пленума Верховного суда РФ № 12.

¹ Генеральная прокуратура Российской Федерации, портал правовой статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 01.02.2022).

При решении вопроса о привлечении организаторов и руководителей преступного сообщества и преступной организации к ответственности, необходимо пояснить, что они несут ответственность не только за создание таковых, но и за все преступления, которые данными группами совершаются. Таким образом, организаторы преступного сообщества могут быть привлечены к ответственности за всю совокупность преступных деяний, но с одной оговоркой. Данные преступные деяния не должны попадать под понятие, эксцесс исполнителя. То есть, если руководитель или организатор не знал о том, что его подчиненные совершают те или иные преступные деяния, и они действовали самостоятельно, за такое ответственность нести не будут.

Что касается участников преступного сообщества, они признаются соисполнителями только в тех преступлениях, в которых они участвовали, при этом не важно, какой вклад внесли в совершении данного преступления, и также по ст. 210 УК РФ, как участники преступного сообщества и преступной организации. В связи с данными позициями Пленума Верховного суда РФ, возникает вопрос о правильности такой квалификации, ведь в случае преступного сообщества и преступной организации, их участники несут двойную ответственность, первая по ст. 210 УК РФ за участие в преступном сообществе, а вторая за совершение тех преступлений, которые они совершили в составе данного сообщества.

В науке уголовного права данный факт называется идеальной совокупностью, когда за одно деяние вменяется несколько статей Уголовного кодекса. Данная позиция, с одной стороны, нарушает принцип, согласно которому за одно деяние человек может нести наказание только единожды, но тут вступает факт наличия двойной формы вины. Таким образом, участник преступления, в составе преступного сообщества, виновен по двум статьям. Первая, это вина за участие в преступном сообществе, вторая за то преступление, которое он совершает в составе этого сообщества. Не стоит считать, что деяние происходит одно, так как состав ст. 210 УК РФ усеченный, вина наступает еще до момента совершения самого преступления, а с момента вхождения в данное сообщество.

Исходя из данной концепции, можно судить и о покушении на совершение данного преступления. Покушение на ч. 1 ст. 210 УК РФ возникает с момента возникновения умысла на совершение данного преступления.

В странах общего права вы найдете методологическую модель квалификации участников преступления, которые фактически играют разные роли в качестве соучастников. Например, преступления по общему праву делятся на проступки, преступления и преступления, подпадающие под понятие государственной измены; Сообщники выделяются только в отношении уголовных преступлений, в то время как в случаях проступка или государственной измены все участники признаются соучастниками. Этот факт оправдывается тем, что проступок является слишком незначительным преступлением, чтобы расследовать, кто какую роль в нем сыграл, и что преступления, связанные с государственной изменой, характеризуются повышенным социальным риском, и поэтому назначение соучастников в них не считается оправдано.

При определении ответственности участников преступного сообщества не стоит определять важность и результативность каждого отдельного члена такого сообщества. Такое действие будет с одной стороны не слишком гуманным, но с другой стороны надо исходить из общей цели. Так как форма преступного сообщества наиболее опасна для государства и его граждан, в связи с ее масштабностью и организованностью, следует рассматривать деятельность преступного сообщества в целом, а не в отдельных его частях.

В любом механизме, будь это часы или же живой социум, нет неважных деталей, как и нет не важных людей. Если убрать маленький винтик или шестеренку, то работа всего механизма будет нарушена. Так и в преступном сообществе, все его члены способствуют единой цели, совершение преступлений, и не важно какую роль они при этом выполняли. Если участник преступного сообщества в полной мере осознавал свой статус, что он является участником преступной организации или преступного сообщества, то он должен нести полную ответственность, наравне с другими участниками.

Преступное сообщество занимается заказными убийствами и ликвидацией конкурентов на рынке. Для этого было сформировано специальное подразделение, состоящее из вооруженных киллеров, переговорщиков, предлагающих решить все мирным путем и уборщиков, которые разбирались с последствиями перестрелки, убрали следы присутствия участников сообщества, и также имелась собственная химчистка, для отмыwania крови с одежды.

В данном случае, даже вроде бы незначительная работа уборщика и химчистки, которая встречается везде и, по сути, не является преступлением, в данной ситуации будет являться преступным деянием, потому что они стали элементами цепи и являются участниками преступного сообщества. В связи с этим не стоит разграничивать ответственность участников преступного сообщества между собой, а вменять ответственность относительно их совершенного преступления в составе данного подразделения и за участие в преступном сообществе.

Что касается руководителей преступной организации и создателей, в отношении их уголовной ответственности, они несут ответственность с момента создания таковых сообществ и организаций. Это преступления является продолжительным, так как руководители несут ответственность за всю совокупность преступлений, совершенных за период деятельности преступного сообщества. Это обосновывается тем, что руководители являются координирующим звеном, которое направляет всю деятельность всех членов преступного сообщества.

Для привлечения к ответственности за создание преступного сообщества и преступной организации необходимо установить факт наличия структурированной системы участников преступного сообщества, распределения их ролей, а также умысел на совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Свидетельствовать об этом может факт наличия планов грядущего преступного деяния, покупка оружия, взрывчатых веществ, наркотиков и других запрещенных и ограниченных в обороте предметов и вещей. О наличии структуры и факта наличия участников преступного сообщества, может свидетельствовать пере-

писка, участи в собрании, переговоры, показания участников и т.д.

Проблемой является то, что на практике сложно доказать наличие преступного сообщества, так как нет формальной закреплённости данного формирования, а все связи и договорённости лишь устные. Таким образом на этапе создания в качестве доказательств может выступать лишь показания руководителей и их участников. Поэтому все дела, попадающие на стол суда, по факту создания преступного сообщества идут вместе со статьями предусматривающие те преступления, которые уже совершили в составе данного сообщества.

В 2019 году, было вынесено слишком много оправдательных приговоров по ст. 210 УК РФ. Это также говорит и о сложно доказуемости данных деяний, причем сложность не в том, что преступное сообщество сложно структурировано или совершает слишком много различных преступлений. Сложность в собирании доказательств наличия преступного сообщества.

Подводя итог по всем проблемам, возникающим в ходе разбора уголовно-правового состава ст. 210 УК РФ, предлагаются внести определенные изменения в УК РФ. Во-первых, необходимо дать разъяснение понятий преступное сообщество и преступной организации. Законодательное закрепление данных понятий поспособствует пониманию структуры и формы данных объединений, в том числе о количестве их участников.

Далее, необходимо криминализировать совершение преступных действий по заказу преступного сообщества и преступной организации, даже если лицо не знало, что совершает данные деяния по их поручению. Данное деяние будет рассматриваться, как умышленное, так и неумышленное. Таким образом, лица, совершающие преступные действия по чьему-либо поручению, будут мотивированы узнать личности своих заказчиков, а также данных лиц можно будет привлекать за содействие преступным сообществам и организациям.

В большинстве статей особенной части УК РФ, предусмотрен квалифицирующий признак, как совершение преступлений в составе организованной группы, вместе с тем, Постановление Верховного суда РФ № 12 говорит о необходимости привлечения участников преступного сообщества по ч. 2 ст. 210 УК РФ и по статье согласно совершенным преступным деяниям, с применением квалифицирующего признака, совершенного организованной группой, если такой предусмотрен соответствующей статьей УК РФ.

Таким образом, участники преступного сообщество привлекаются сразу и за участие в преступном сообществе и за совершение преступления в составе организованной группой. Данное положение не находит отражения в международной практике, поэтому данный принцип присутствует только в российском законодательстве, но он описан лишь в постановлении, а не в уголовном законодательстве. В связи с этим, предлагается внести данный принцип в общую часть Уголовного кодекса РФ, дабы у правоприменителей не возникало вопросов в данном плане.

Вместе с тем, в науке уголовного права многие исследователи обосновывают позицию о необходимости

закрепления в статьях Особенной части УК РФ такого квалифицирующего признака как совершение преступления в составе преступного сообщества (преступной организации). При этом некоторые из них одновременно предлагают исключить ст. 210 из уголовного закона².

Данное мнение не отражает действительной необходимости, так как исключение ответственности за создание и участие в преступном сообществе, и добавление квалифицирующего признака совершения преступления в составе преступного сообщества, лишь усугубит ситуацию в отношении борьбы с организованной преступности. В оправдание данного мнения можно изложить следующее суждение. Нет необходимости исключать ст. 210 УК РФ из уголовного законодательства, но можно декриминализовать ч. 2. Ст. 210 УК РФ, и добавить в каждую статью уголовного кодекса квалифицирующий признак, совершение преступления в составе преступного сообщества. Такое положение будет обосновано и в теории должно улучшить борьбу с организованной преступностью, хоть и потребует значительного изменения уголовного законодательства России.

Пристатейный библиографический список

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации, портал правовой статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 01.02.2022).
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. – 10-е изд. – М.: Проспект, 2015. – С. 113.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. И. Рарог. – 10-е изд. – М.: Проспект, 2015. – С. 113.

ОСАДЧАЯ Наталья Георгиевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье исследуется потенциал принудительных работ в ресоциализации осужденных, показано влияние условий отбывания этого наказания на адаптацию осужденных к дальнейшей жизни в свободном обществе. Автор анализирует проблемы применения принудительных работ в современной России, вносит предложения по совершенствованию правового регулирования их применения. В статье обосновывается вывод о том, что трудовая занятость осужденных к принудительным работам из средства воспитательного и исправительного воздействия превращается в средство самореализации осужденного, дающее ему возможность обеспечить полноценный образ жизни в обществе.

Ключевые слова: принудительные работы, уголовное право, наказание, ресоциализация, исправительный центр.

OSADCHAYA Natalya Georgievna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Rostov branch of the Russian State University of Justice

Осадчая Н. Г.

FORCED LABOR AND RE-SOCIALIZATION OF PRISONERS: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article examines the potential of forced labor in the resocialization of convicts, shows the influence of the conditions of serving this sentence on the adaptation of convicts to further life in a free society. The author analyzes the problems of the use of forced labor in modern Russia, makes proposals for improving the legal regulation of their use. The article substantiates the conclusion that the employment of convicts to forced labor turns from a means of educational and correctional influence into a means of self-realization of the convict, giving him the opportunity to ensure a full-fledged lifestyle in society.

Keywords: forced labor, criminal law, punishment, resocialization, correctional center.

Принудительные работы, регулируемые статьей 53.1 УК РФ, на сегодняшний день являются самым «молодым» видом наказания. Закрепленные в кодексе ещё в 2011 году, принудительные работы начали исполняться только в 2017, соответственно уже имеется пятилетний опыт их применения. На момент введения этого наказания в действие было создано всего 4 исправительных центра для его отбывания. Вместе с тем, необходимо отметить, что государством постоянно проводится работа по расширению мест для исполнения этого наказания. Исправительные центры функционируют в Ишиме Тюменской области (создан на базе исправительной колонии № 6 на 100 мест), Георгиевске в Ставропольском крае (создан на базе воспитательной колонии на 144 места), в п. Зеленый Тамбовской области (создан на базе ик3 на 70 мест), Уссурийске Приморского края (создан на базе колонии поселения на 150 мест). Для осужденных организованы рабочие места в производственной и строительной сферах деятельности. Например, в Новосибирске осужденные работают на Мебельной фабрике, инструментальном заводе, в строительной организации. В Кемерово рабочие места для отбывания принудительных работ предоставляет завод железобетонных конструкций, а в Приморском крае осужденные трудятся на рыбоперерабатывающем предприятии. Кроме того, как рассказала начальник уголовно исполнительной инспекции по Новосибирской области Е. В. Ревенко в интервью Радио России «Новосибирск», осужденным предоставляются рабочие места и частные компании, например, жилищно-эксплуатационные участки и клининговые компании. И хотя отбывание принудительных работ так проходит под контролем государства в лице администрации исправительных центров, все же возникает сомнения в правомерности задействования негосударственных организаций для исполнения наказания. Ведь из смысла статьи 43 УК РФ следует, что, поскольку наказание является мерой государственного принуждения, ис-

полняться оно должно только государственными органами. Важным представляется обратить внимание на тот факт, что государство оказывает помощь организациям, предоставляющим рабочие места осужденным к принудительным работам, которая выражается в возвращении им части налогов. Осужденные получают зарплату за свой труд, которая расходуется ими на выплату удержаний по приговору суда, иные выплаты по исполнительным листам, а также на самообеспечение. Осужденные оплачивают свои расходы на еду, одежду, транспорт, коммунальные платежи. Со своей стороны исправительные центры предоставляют им возможность проживания в благоустроенных общежитиях, обеспечивают постельным бельем, кухонными принадлежностями, телевидением, библиотекой. Осужденные, которые ещё не устроились на работу, живут и питаются за счет государства. Они могут без ограничений пользоваться телефонами, а также при наличии личным автотранспортом. Администрация исправительного центра проводит с осужденными воспитательную работу, включая беседы, организацию спортивных мероприятий, походы в театры и музеи. После отбытия одной трети назначенного срока отбывания принудительных работ осужденный может проживать с семьей за пределами исправительного центра. Все это свидетельствует о том, что наказание в виде принудительных работ имеет мощный потенциал ресоциализации осужденного. Считаем, что в случае назначения наказания в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет, а тем более на длительные сроки наказания, целесообразно при наличии к тому оснований, предусмотренных кодексом, заменять неотбытую часть наказания в соответствии со ст. 80 УК РФ на принудительные работы. Это позволит лицу, долгое время бывшему оторванным от социума, влиться в повседневную трудовую, общественную и личную жизнь общества. При отбывании принудительных работ осужденный с одной стороны находится под надзо-

ром государства, получает от него определенную помощь в трудоустройстве и жизнеобеспечении, с другой стороны, он приобретает возможность жить в обществе и по его законам. Осужденный трудится на производстве вместе с обычными законопослушными гражданами, он не ограничен в возможности передвижения по населенному пункту, в котором находится исправительный центр в свободное от работы время, может посещать те же магазины, парки, кафе, культурные центры, что и обычные граждане. Вместе с тем, он находится под надзором государства, ограничен режимом, обязан добросовестно трудиться и соблюдать правила распорядка. В случае же уклонения от отбывания принудительных работ или нарушения порядка их отбывания осужденный может отправиться в места лишения свободы (п. 6 ст. 53.1 УК РФ). Таким образом, осужденный, которому лишение свободы заменено принудительными работами, может постепенно приучаться к жизни в социуме по мере ослабления ограничений и расширения возможностей жизни как обычный гражданин, вплоть до возможности жить за пределами исправительного центра вместе с семьей (ст. 60.4 УИК РФ). Исправить осужденного (ресоциализировать), значит, вернуть его к жизни в обществе с нормализованными социальными представлениями и ожиданиями. Как справедливо отмечает Е. Г. Багреева, в результате успешной социализации «у индивида должны возникнуть субъективное ощущение единства с социальным окружением, осознание своей роли в нем» [1].

Важнейшее значение для ресоциализации осужденных имеет их трудоустроенность, приобретение квалификации на этом рабочем месте и заработная плата. С трудовой занятостью лиц, осужденных за преступление, возникает ряд проблем. Среди основных отметим отвыкание от работы осужденных на длительные сроки лишения свободы, а также факт наличия судимости. К сожалению, сложилось так, что судимость – это клеймо, которое преследует человека и после ее погашения или снятия, всю дальнейшую жизнь. В частности, наличие судимости зачастую мешает устроиться на работу. Поэтому, значительная часть осужденных к принудительным работам, привыкнув к труду на определенном им месте работы, получив квалификацию, зачастую остаются или планируют остаться работать там и дальше, после отбытия наказания. Таким образом, трудовая занятость осужденных из средства воспитательного и исправительного воздействия превращается в средство самореализации осужденного, дающее ему возможность обеспечить полноценный образ жизни в обществе. Об этом потенциале ресоциализации осужденного говорилось в юридической литературе. «Если государство обеспечит исправительные центры достаточным объемом работы, гарантирует осужденным получение достойной заработной платы, пусть даже и с удержаниями, труд может стать желанным для осужденных, следовательно, мера с карательным элементом трансформируется в эффективный инструмент ресоциализации осужденного» [2].

Принудительные работы могут быть назначены в трех случаях:

1. По приговору суда за совершенное преступление в соответствии со статьей 53.1 УК РФ
2. В случае замены лишения свободы более мягким наказанием в соответствии со статьей 80 УК РФ.
3. В случае замены наказания вследствие злостного уклонения от его исполнения в соответствии со статьями 49, 50 УК РФ.

В первом случае принудительные работы назначаются за преступления небольшой и средней тяжести либо тяжкие преступления, совершенные впервые, при замене наказания в виде лишения свободы, назначенного на срок не свыше пяти лет. В соответствии с уголовным законодательством суд не может сразу назначить осужденному принудительные работы. В совещательной комнате при постановлении приговора судья должен сначала назначить виновному лицу наказание в виде лишения свободы на срок не свыше 5 лет, а затем при наличии оснований заменить это наказание на принудительные работы. В любом случае вопрос о наличии или отсутствии возможности замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами в порядке, установ-

ленным ст. 53.1 УК РФ должен быть отражен в приговоре, в противном случае приговор может быть отменён¹. Неудобство в применении этой громоздкой законодательной конструкции не раз отмечалось в юридической литературе» [3]. Особенно целесообразность такого решения законодателя вызывает сомнения в случаях назначения наказания за преступления небольшой и средней тяжести, санкции которых предусматривают возможность назначения наказания в виде лишения свободы максимально до 5 лет. Например, ст.109 УК РФ предусматривает в санкции назначение лишения свободы до трех лет. То есть какой бы срок лишения свободы судья не назначил, возможность замены этого наказания на принудительные работы все равно останется. Представляется более логичным установить в уголовном законе для принудительных работ такой же порядок назначения, как и для других основных видов наказания. По данным судебного департамента про Верховном суде РФ доля принудительных работ в общем числе назначаемых судами основных наказаний не велика. Так в 2018 году из 698291 общего количества осужденных принудительные работы были назначены 1030 осужденным, что составляет 0,15 % от общего числа осужденных. В 2019 году анализируемый вид наказания был назначен 1406 осужденным (0,23 %), в 2020 году – 947 осужденных (0,17 %), в первом полугодии 2021 года – 527 (0,22 %). Полагаем, что столь незначительное количество случаев применения принудительных работ объясняется, в том числе и сложностью механизма их назначения. Чаще всего это наказание назначается за злостное уклонение от уплаты алиментов (ст. 157 УК РФ), преступления против собственности (ст. 158-168), нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному взысканию (ст. 264.1 УК РФ)².

Большинству осужденных к принудительным работам это наказание назначалось в порядке замены лишения свободы на более мягкий вид наказания в соответствии со ст.80 УК РФ. Так, только в 2020 году такая замена была произведена в отношении 7741 осужденных. В этом случае принудительные работы могут отбывать и осужденные за тяжкие преступления. Представляется, что замена принудительными работами лишения свободы, особенно при его назначении на длительные сроки, является важным шагом на пути к ресоциализации осужденного. На встрече с президентом РФ Владимиром Путиным министром юстиции РФ Константин Чуйченко отметил, что применение принудительных работ планируется расширить. Если сейчас в России действует 15 тыс. мест для исполнения наказания в виде принудительных работ, то концу 2024 года Минюстом запланировано создание порядка 100 тыс. таких мест³. Таким образом, по отношению к осужденным к моменту окончания срока отбывания наказания будет в основном выполнена программа адаптации к жизни в свободном обществе.

Пристатейный библиографический список

1. Багреева Е. Г. Социокультурные основы ресоциализации преступников: Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2001.
2. Агашков Е. И. Исправление осужденного как цель уголовного наказания в виде принудительных работ // Безопасность бизнеса. – 2018. – № 2. – С. 35-39.
3. Рагог А. И. Проблемы пенализации: законодательные ошибки и способы их преодоления // Уголовное право. – 2021. – № 3 (127). – С. 34-38.
- 1 См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 30.07.2019 № 205-АПУ19-19. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ukrfkod.ru/pract/apeliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-podelam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rf-ot-30072019-n-205-aru19-19/>.
- 2 Сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sdep.ru (дата обращения: 25.01.2022).
- 3 Яндекс.Новости. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/13573001>.

ПЕТРОВА Галина Олеговна

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

ВОЙНА – ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Статья посвящена одному из губительных для человечества явлений, от которого все цивилизованные государства защищаются с помощью не только армии и флота, но и действующего уголовного законодательства. Рассмотрены уголовно-правовые запреты войны во Франции, Норвегии, ФРГ, Испании, Японии и России. Осуществлен сравнительный анализ уголовного законодательства России и зарубежных государств. Приведены мнения ученых, посвященных классификации преступлений против мира и безопасности человечества. Внесены предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства. Автор отмечает, что Россия реализует национальную политику, связанную с отказом от войны.

Ключевые слова: преступления против человечества, уголовно-правовые запреты войны.

PETROVA Galina Olegovna

Ph.D. in Law, professor of Criminal law and process sub-faculty of the Law Faculty of the N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

WAR IS A CRIME AGAINST HUMANITY

The article is devoted to one of the destructive phenomena for humanity, from which all civilized states are protected not only by the army and navy, but also by the current criminal legislation. The criminal law prohibitions of war in France, Norway, Germany, Spain, Japan and Russia are considered. A comparative analysis of the criminal legislation of Russia and foreign countries has been carried out. The opinions of scientists devoted to the classification of crimes against the peace and security of mankind are given. Proposals have been made to improve the current criminal legislation. The author notes that Russia is implementing a national policy related to the rejection of war.

Keywords: crimes against humanity, criminal law prohibitions of war.

Петрова Г. О.

Люди, как цветы на Земле
все разные и прекрасные.

Развитие человечества связано с преодолением различных «катаклизмов». Это могут быть как природные явления, так и человеческая деятельность. Последняя может вызвать изменения не только в природе, окружающей человека, но и в самом человеке, в человеческом обществе. Самым губительным событием для природы и людей, на наш взгляд, является война.

Что же такое война?

Толковые словари определяют значение слова «война» как межгосударственный конфликт. Следовательно, по законам логики, чтобы не было войны, не нужны государства. Однако, чем сильнее государство, тем больше у него возможностей защититься от вооруженного нападения другого государства. Россия и ее народы как никакая другая страна знает это!

В 20 веке в Первую мировую войну мой дед воевал на юго-западном фронте «За бога, царя и отечество». Во вторую мировую войну – Великую отечественную войну мой отец, балтийский моряк, воевал «За Родину, за Сталина». В настоящее время меняется «идеология» войны. Воюют за ликвидацию тоталитаризма, за демократию. Войны становятся «гибридными».

Однако, государства на международном уровне приняли, подписали и ратифицировали несколько конвенций, посвященных войне. Ее планированию, подготовке, развязыванию, ведению и последствиям. Однако, уголовное право не устанавливает наказания государств за эти деяния, оно лишь закрепляет эту ответственность за отдельными лицами. Отечественный уголовный кодекс включает в себя статьи, санкции в которых применимы

только к физическим лицам (в главе против мира и безопасности человечества).

На сегодняшний день специалисты приходят к выводу о том, что существующие законодательные нормы в области уголовного права нуждаются в совершенствовании, т.к. существуют реальные угрозы не только государству и народу России, но и другим государствам, которые не входят в соответствующий «блок».

За какие же преступления против человечества предусмотрена уголовная ответственность в различных государствах?

В кодифицированном уголовном законодательстве Норвегии в ч. 2 «Преступления» глава 8 «Преступления против независимости и безопасности государства» посвящена наказанию за причастность и развязывание, разжигание войны, за нарушение нейтралитета Королевства [1, с. 48].

Уголовное законодательство Федеративной республики Германия предусматривает наказание за развязывание и ведение агрессивной войны. Это говорит о значении, которое придает законодатель этим чрезвычайно опасным действиям [10, с. 65].

В УК Испании в разделе XXIII установлена санкция за противоречащие Основному закону страны действия Правительства в отношении начала военных действий или подписания мирного договора [8, с. 176]. За такие деяния предполагается наказание в виде лишения свободы на определенный срок.

В уголовном законодательстве Японии прямо запрещается в частном порядке развязывать военные действия против других государств. Особенным образом регламентируется применение вооруженных сил внутри страны [11, с. 36].

В современном уголовном кодексе присутствует большое количество разделов. Эти разделы органично отражают

современные угрозы, которые несут для общества вооружённые конфликты, относящиеся к международным.

Предлагается изменить название раздела XII и главы 34 УК РФ. Именовать их «Преступления против человечества», т.к. все указанные преступления могут привести к гибели человечества. Под человечеством понимаются: «Люди, человеческий род» [4, с. 718].

Это диктуется изменениями, которые происходят в современном мире. На карте мира всё чаще возникают военные конфликты, которые необходимо урегулировать в рамках правового поля. Это сложный процесс, однако он необходим для мирного сосуществования народов и государств [7, с. 218].

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает наказания за более широкий спектр преступлений по сравнению с уголовным законодательством зарубежных государств.

Вводятся в УК РФ новые запреты: ст. 354 прим Реабилитация нацизма и ст. 361 Акт международного терроризма В ст. 354 прим. УК РФ предусмотрено наказание в четырех частях за различные деяния, связанные с реабилитацией нацизма. В ч. 3 ст. 354 прим. УК РФ предусмотрена, на наш взгляд, широкая альтернатива наказаний за три преступления [2, с. 420]:

1) распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества;

2) осквернение символов воинской славы России;

3) унижающее человеческое достоинство обращение по отношению к ветеранам боевых действий.

Своевременным будет установить в настоящее время уголовное наказание в самостоятельных статьях за перечисленные деяния. В УК РФ отсутствует статья, позволяющая наказывать за оскорбление в разделе V11 Преступления против личности. Однако за оскорбление военнослужащего предусматривается наказание в самостоятельной ст. 336 УК РФ. Тем более важно защитить честь и достоинство защитников Отечества, лиц, участвующих в вооруженном конфликте или военных действиях, выполнявших интернациональный долг.

В главе 34 УК РФ законодатель в статьях 353 и 354 указывает как на агрессивную войну, так и в ст. 356 на войну. На международном уровне в Резолюции 29-й Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. было дано понятие агрессии [5, с. 239]:

1. Оккупационные действия, направленные на агрессивное вторжение и захват территории;

2. Применение ВВС в отношении мирного населения, а также использование других видов вооружения;

3. Бомбардировка вооруженными силами одного государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства;

4. Отправка вооружённых группировок, основной целью которых являются диверсионные действия и которые вторгаются в иностранное государство без санкции властей.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова и в ст. 356 УК РФ говорится о войне без указания на ее агрессивный характер [3, с. 116]. Хотелось бы, чтобы не существовало вооруженной борьбы между государствами, международных военных конфликтов, т.е. войны. Решение межгосударственных вопросов и проблем возможно мирными методами и Россия прилагает все усилия, чтобы предотвратить войну. Поэтому надо объединяться не против кого-то, а за позитивное развитие и взаимопомощь, если научились говорить, то надо научиться договариваться, используя дипломатические приемы.

Правовое регулирование – способ взаимодействия в установлении универсального порядка на планете Земля. Подтверждение эти пожеланиям находим еще в Договоре об отказе от войны в качестве орудия национальной политики от 27 августа 1928 г [6, с. 108].

Принимаемая во внимание важность охраняемых объектов, предлагается перенести рассматриваемые преступления из главы 34 в главу 16 УК РФ и переименовать соответствующий раздел и главу – «Преступления против человечества». Действующему же разделу и главе УК РФ присвоить знак «один» и можно переименовать на «Преступления против человека» и соответственно «Преступления против жизни и здоровья человека».

Какие же наказания предусмотрены за совершение преступлений против человечества?

Исторически известны приговоры Нюрнбергского 1945 г. и Токийского 1946 г. судов.

В УК Франции по отношению к физическим лицам за преступления против человечества предусмотрено пожизненное заточение, а юридические лица могут быть также объявлены уголовно ответственными и в качестве наказания предусмотрена конфискация имущества [9, с. 56].

Уголовное законодательство Норвегии в § 97 предусматривает: в отношении преступлений, названных в главе 8, наряду с лишением свободы могут применяться штрафы [1, с. 58].

В УК ФРГ в § 80 подготовка агрессивной войны наказывается пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок не менее десяти лет, а за подстрекательство к агрессивной войне в § 80а предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от трех месяцев до пяти лет [10, с. 67].

Уголовное законодательство Испании предусматривает «Преступления против мира и независимости государства», может быть назначено только наказание в виде тюремного заключения. Сроки наказания за различные преступления установлены в пределах от 6 месяцев до 20 лет. Однако, это не касается иностранных граждан. Для них предусмотрено наказание за перемещение на территорию вражеского государства, в том случае, если такое перемещение не будет разрешено специальным нормативным актом уполномоченного государственного органа [8, с. 178].

В УК Японии в ст. 81 Вызывание внешних осложнений предусмотрено наказание в виде смертной казни. За иные преступления, относящиеся к внешним осложнениям и касающимся внешних отношений, предусмотрены самые различные виды наказания. Самым мягким из них является штраф, а наиболее строгим – смертная казнь. Нередко применяют лишение свободы на определённый срок или тюремное заточение [11, с. 36].

В УК РФ предусмотрены следующие виды наказаний за преступления против безопасности человечества, а именно лишение свободы на определённый срок или пожизненно, обязательные, исправительные или принудительные работы, денежный штраф.

Очевидно, что в России более гуманное законодательство, предоставляющее возможность суду за некоторые преступления наряду с наказанием, связанным с изоляцией субъекта от общества, применять более мягкие наказания.

Пристатейный библиографический список

1. Голик Ю. В. Уголовное законодательство Норвегии. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 120 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. – М.: Юрайт, 2013. – 970 с.
3. Научно-практический комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации. – Н. Новгород: Номос, 1996. – 401 с.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Мир и Образование, 2008. – 1200 с.
5. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. – М.: Юридическая литература, 1982. – 239 с.
6. Сборник действующих договоров. Выпуск V. – М.: Издание НКВД, 1930. – 317 с.
7. Уголовное право России: Учебник для бакалавров / Под ред. А. И. Рарог. – М.: Проспект, 2013. – 484 с.
8. Уголовный кодекс Испании от 23.11.1995 г. / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Ф. М. Решетникова. – М.: Зерцало, 1996. – 219 с.
9. УК Франции. Новый уголовный кодекс Франции. – М.: Юридический колледж МГУ, 1993. – 650 с.
10. Уголовный кодекс ФРГ. – М.: Юридический колледж МГУ, 1996. – 202 с.
11. Уголовный кодекс Японии / Под ред. А. И. Коробеева. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2000. – 132 с.

ЕРЕМИНА Анна Андреевна

магистрант Института государства и права Тюменского государственного университета

ПЕРЕЖОГИНА Галина Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института государства и права Тюменского государственного университета

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ НЕОКОНЧЕННОГО РАЗБОЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В теории уголовного права является дискуссионным вопрос о возможности вменения покушения на разбой. В судебно-следственной практике также отсутствует единое мнение по этому вопросу, поскольку высказываются и поддерживаются диаметрально противоположные позиции. Существующая в доктрине точка зрения, согласно которой покушение на разбой возможно, является спорной и, на наш взгляд, неверной и также не поддерживается большинством ученых. В данной работе мы рассмотрим доводы, которые приводят сторонники существования покушения на разбой, и сделаем собственные выводы.

Ключевые слова: разбой, покушение на разбой, приготовление, нападение, фактическая ошибка, насилие опасное для жизни и здоровья.

EREMINA Anna Andreevna

magister student of the Institute of State and Law of the Tyumen State University

PEREZHOGINA Galina Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the Institute of State and Law of the Tyumen State University

ON THE QUESTION OF THE QUALIFICATION OF AN ATTEMPTED ROBBERY: THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS

In the theory of criminal law, the issue of the possibility of imputation of attempted robbery is debatable. In judicial and investigative practice, there is also no consensus on this issue, since diametrically opposed positions are expressed and supported. The point of view existing in the doctrine, according to which attempted robbery is possible, is controversial and, in our opinion, incorrect and is also not supported by the majority of scientists. In this paper, we will consider the arguments given by supporters of the existence of an attempted robbery and draw our own conclusions.

Keywords: robbery, attempted robbery, preparation, attack, factual error, violence dangerous to life and health.

В уголовно-правовой доктрине встречается мнение о том, что в качестве покушения на разбой можно рассматривать ситуацию, при которой виновное лицо совершает нападение с применением насилия опасного для жизни и здоровья потерпевшего, однако по независящим от него обстоятельствам не совершает хищения.

Надо сказать, что такая позиция находит отражение не только в доктрине, но и в судебных актах. Так, Гороховецкий районный суд приговором от 26.02.2014 по делу № 1-12/2014 признал виновным лицо в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 162 УК РФ. В деле изложены следующие обстоятельства: виновное лицо совершило нападение на потерпевшую с целью хищения находящейся при ней денежной суммы. Преступник соорудил из подручных средств маску и, достав из рюкзака нож, позвонил в квартиру потерпевшей. Далее для реализации преступного намерения виновное лицо, демонстрируя потерпевшей нож, двинулось к ней навстречу. Однако потерпевшая сорвала с нападавшего маску, чем его спугнула. Суд в данном случае пришел к выводу, что виновный не реализовал до конца свой преступный умысел по независящим от

Еремина А. А.

Пережогина Г. В.

него обстоятельствам (а именно не совершил хищение)¹. На наш взгляд, суд допустил грубую ошибку при квалификации деяния, поскольку демонстрация ножа уже является угрозой применения насилия, опасного для жизни потерпевшей, что полностью соотносится с формулировкой: «нападение». Следовательно, деяние надлежало квалифицировать по ч. 2 ст. 162 УК РФ без ссылки на ч. 3 ст. 30 УК РФ.

Такая позиция, выраженная учеными и судами, в корне противоречит положениям Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», в котором разъясняется, что разбой считается оконченным с момента нападения, совершенного с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия². Из этого следует, что недостижение цели,

- 1 Приговор Гороховецкого районного суда Владимирской области от 26.02.2014 по делу № 1-12/2014 // СПС «КонсультантПлюс»
- 2 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2003. - № 2.

указанной в диспозиции 162 статьи УК РФ, на квалификацию не влияет, так как действия по изъятию имущества находятся за рамками объективной стороны данного преступления.

Также некоторые исследователи придерживаются мнения о том, что нападение и насилие нельзя отождествлять и рассматривать совокупно, как единое целое. Следовательно, можно говорить о существовании следующей концепции: «нападение без насилия или насилие без нападения».

Во-первых, по мнению, ряда ученых, нападение не всегда *объективно* совершается с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, хотя *субъективно* воспринимается потерпевшим иначе [23, с. 45]. Соответственно, исходя из этой позиции, ученые предлагают вменять в подобных ситуациях покушение на разбой, поскольку при данных условиях объективная сторона деяния начинает исполняться, однако характер насилия или полное его отсутствие не позволяют рассматривать преступление как оконченное.

По нашему мнению, при такой квалификации возможна подмена составов, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ (грабеж с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозой применения такого насилия) и ч. 1 ст. 162 УК РФ (разбой), если исходить из характера насилия – что противоречит правилам квалификации преступлений с точки зрения теории уголовного права.

Кроме того, отсутствие насилия, на наш взгляд, не свидетельствует о незавершенности преступления, поскольку само по себе нападение по своей сущности тесно связано как минимум с угрозой его применения и автоматически влечет за собой ее выражение – что, исходя из признаков состава 162 статьи УК РФ, влечет окончание преступления. Подобное мнение раньше было выражено А. Гравиной. Она определила нападение «как действие, состоящее из двух последовательных этапов: создание реальной опасности применения насилия и непосредственно насилие». Такая формулировка дает понять, что нападение изначально представляет собой угрозу насилия, которая в дальнейшем может трансформироваться непосредственно в насилие.

Более того, весомым аргументом против существования концепции «нападение без насилия» может выступать тот факт, что в Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 17.01.1999 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» под нападением понимает действия, направленные на достижение результата путем применения насилия либо создания угрозы его применения³. Следовательно, видится, что правоприменитель не разделяет данные понятия, а, наоборот, подчеркивает, что нападение – это действие, которое может реализовываться именно насильственным путем.

Также в доктрине выдвигалось предложение вообще исключить из действующей редакции статьи 162 УК РФ термин «нападение». Р.Д. Шарапов – один из сторонников подобного предложения – считает, что указание в статье только на применение насилия или угрозу его применения будет являться достаточным в данном составе [20, с. 75]. В целом, учитывая указанную выше позицию Пленума Верховного Суда по данному вопросу, можно согласиться с данным предложением,

поскольку, на наш взгляд, термин «нападение» не несет в себе отдельной смысловой нагрузки, однако порождает при этом большое количество споров.

Во-вторых, ряд исследователей, разделяя нападение и насилие, высказывает возражения против признания нападением действия по введению в организм потерпевшего опасных для жизни или здоровья веществ с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние. Данные действия признаются ими насилием, не связанным с нападением. Например, Е.И. Каплан писал: «спайивание спиртными напитками, использование лекарственных препаратов во всех случаях совершается незаметно для потерпевших, и здесь, конечно, нет нападения, а значит, нет и разбоя» [7, с. 56]. Такое мнение поддерживал и С. Кочои. Он говорил о том, что если введению препаратов не предшествовало нападение или само введение вещества в организм не сопровождается насилием, то разбойного нападения быть не может [11, с. 28].

Однако, исходя из анализа Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», можно прийти к выводу о том, что Пленум не проводит разграничений между нападением и насилием, рассматривая данные понятия как неразрывно связанные между собой. Более того, позиция о рассмотрении введения в организм вещества, опасного для жизни и здоровья, в качестве одного из признаков разбоя прочно закрепилась в правоприменительной практике.

Так, можно отметить, что суды при вынесении приговоров не игнорируют разъяснения Пленума Верховного Суда и рассматривают в качестве нападения введение в организм потерпевшего различного рода сильнодействующих веществ. Например, как следует из анализа приговора Московского городского суда от 22.04.2014 по делу № 2-9/14, суд расценил в качестве разбойного нападения действия виновного лица по подмешиванию наркотических средств в напитки потерпевших и последующее хищение их имущества⁴.

Особого внимания заслуживает рассмотрение вопроса о возможности совершения покушения на разбой при фактической ошибке. Считаем целесообразным в отдельности рассмотреть влияние на квалификацию разбоя некоторых самостоятельных видов фактической ошибки.

Первое, на что необходимо обратить внимание, – это ошибка в объекте посягательства. Если быть точнее, споры порождает квалификация деяния, совершенного именно в отношении негодного объекта.

К оценке предлагается следующая ситуация: *лицо ночью врывается в квартиру и в темноте, путая спящего хозяина квартиры с большим предметом, лежащим на кровати, наносит по нему битой несколько ударов с целью последующего хищения имущества*.

Описанный случай вызывает большое количество споров относительно квалификации данного деяния. Ряд ученых поддерживает возможность вменения в подобной ситуации покушения на разбой. Это объясняется тем, что в данном случае насилия, опасного для жизни и здоровья, или угрозы применения такого насилия, как обязательного признака

3 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.1999 №1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 1997. - № 3.

4 Приговор Московского городского суда от 22.04.2014 по делу № 2-9/14 // СПС «КонсультантПлюс»

разбоя, не было и быть не могло в связи с отсутствием годного объекта посягательства.

Однако нам видится, что в описанной ситуации квалифицировать разбой необходимо как оконченный. Приведем следующие доводы в подтверждение нашей позиции:

Во-первых, на наш взгляд, недопустимо отрицать наличие насилия или угрозы его применения в отношении дополнительного объекта посягательства, поскольку необходимо оценивать непосредственно сам факт произведенных действий. Если раскладывать состав разбоя на его составляющие признаки, то можно констатировать следующее: нападение объективно имело место, действия насильственного характера так же объективно были совершены, насилие объективно носило характер опасный для жизни и здоровья, также имелась цель на хищение имущества.

Субъективная составляющая, а именно восприятие лица, в подобном случае значения не имеет по следующим основаниям. Во-первых, нередки ситуации, при которых потерпевшее лицо не имеет возможности субъективно воспринимать угрозу как реальную. Чаще всего это связано с невозможностью полноценного осознания происходящего: нападение на потерпевшего со спины, нападение во время пребывания потерпевшего в состоянии сна, психические отклонения у потерпевшего, препятствующие достоверному восприятию происходящего и так далее. Хотя в науке существуют позиции, что субъективное восприятие лица непосредственно влияет на квалификацию преступления. Например, Б.С.Никифоров указывал, что «о покушении на разбой может идти речь в тех случаях, когда не заведомо для потерпевшего предпринимается безуспешная попытка сбросить на него с высоты тяжелый предмет, ударить во сне или сзади и прочее» [12, с. 88]. А Ю.М. Каракетов предлагает рассматривать как покушение на разбой ситуации, «когда виновный подкрадывается сзади, чтобы нанести удар потерпевшему, прицеливается из огнестрельного оружия» [8, с. 28]. Однако такая позиция противоречит разъяснениям Пленума Верховного Суда, вследствие чего большинством ученых не принимается.

Также считаем необходимым в данном отношении оценить точку зрения Л.В. Ивановой и Н.А. Калашникова, которые указывают, что покушение на разбой имеет место в случае, когда лицо «высказывает угрозу убийством для завладения чужим имуществом, демонстрирует оружие, подкрепляя свою угрозу, однако потерпевший оказывается инвалидом по зрению и слуху» [6, с. 278]. В данном случае, видится, что квалификация деяния также ставится в зависимость от субъективного восприятия потерпевшим. Однако справедливым будет отметить, что при такой ситуации объективно опасность для жизни лица, имеющего инвалидность, все равно имеет место быть, поэтому, на наш взгляд, нельзя делать разграничения в квалификации деяния виновного лица, отталкиваясь от физиологического состояния потерпевшего. В противном случае, подобное разграничение вполне обоснованно может быть расценено как дискриминация лиц, страдающих потерей зрения или слуха.

Продолжая разговор о субъективной составляющей, необходимо отметить, что высказываются точки зрения о том, что в основу оценивания характера насилия или угрозы такого насилия нельзя закладывать субъективный критерий. Всё дело в том, что человеку свойственно неосознанно пере-

оценивать происходящие с ним вещи либо осознанно давать завышенную оценку, склоняя результат в свою пользу вследствие прямой или косвенной заинтересованности в исходе дела. Так, например, В.А. Владимиров и Ю.И. Ляпунов писали, что «нельзя отвлекаться от того обстоятельства, что потерпевшие зачастую склонны переоценивать угрожающую им опасность» [2, с. 116].

Указанная нами позиция подтверждается и судебной практикой. Так, из анализа судебных актов следует, что суды при вынесении приговоров руководствуются именно объективными критериями. Например, в обвинительном приговоре Москаленский районный суд Омской области от 06.05.2016 по делу №1-19/2016 при квалификации деяния в качестве разбойного нападения оценивал такие факторы, как время суток, количество нападавших, отсутствие поблизости иных лиц, замкнутость пространства, агрессивное поведение нападавших, демонстрация оружия и так далее⁵. Исходя именно из этих обстоятельств, суд пришел к выводу, что у потерпевшего были реальные причины опасаться за свои жизнь и здоровье.

Тюменский областной суд в приговоре от 03.08.2015 по делу № 2-23/2015 так же указывал на то, что у потерпевшего имелись основания опасаться за свои жизнь и здоровье. К такому выводу суд пришел так же на основании именно объективных факторов: количества нападавших, согласованности их действий, демонстрации оружия и высказывания угроз⁶.

Во-вторых, необходимо отметить, что законодатель переносит момент окончания преступления на более раннюю стадию, что непосредственно вытекает из самой конструкции данного состава. Следовательно, законодатель, формулируя состав разбоя, выводит при оценке на первое место само действие виновного лица, а не наступившие последствия.

В таком случае, стоит заключить, что все необходимые действия в описанной ситуации были произведены в полном объеме, что свидетельствует, на наш взгляд, об оконченности преступления.

Рассмотрим далее ошибку в личности. По общему правилу ошибка в личности на квалификацию не влияет, но исключение составляют случаи, когда ошибка в личности влечет за собой ошибку в объекте преступления.

Так, например, затруднения в даче квалификации может вызвать ситуация, при которой лицо желает совершить разбойное нападение в отношении представителя власти, но допускает ошибку и совершает разбой в отношении обычного лица.

Видится, что в данном случае покушение на разбой невозможно, поскольку применение насилия либо угроза применения насилия в отношении представителя власти регулируется специальным составом, и покушение будет именно на него. А посягательство, совершенное в отношении обычного лица, будет считаться оконченным разбоем.

Здесь также необходимо отметить, что для наличия специального состава у виновного лица должна быть конкретная цель – причинение вреда именно представителю власти. Поэтому если лицо во время совершения разбойного нападения заблуждается относительно наличия у лица властных

5 Приговор Москаленского районного суда Омской области от 06.05.2016 по делу № 1-19/2016 // СПС «КонсультантПлюс»

6 Приговор Тюменского областного суда от 03.08.2015 по делу № 2-23/2015 // СПС «КонсультантПлюс»

полномочий, то его действия будут квалифицироваться как оконченный разбой.

Следующая ошибка, которая, как нам видится, может вызвать споры относительно возможности вменения покушения на разбой - ошибка в средстве совершения преступления, а именно использование средства непригодного для совершения преступления. Однако Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» дал разъяснения по поводу применения негодных средств совершения преступления. Считаем необходимым в данном случае разграничить три случая возможной квалификации деяния:

1. Лицо совершает разбойное нападение с непригодным оружием, считая, что оно пригодно для совершения преступления, - квалификация производится по направленности умысла: ч. 2 ст. 162 УК РФ – разбой, совершенный с применением оружия, а равно предметов, используемых в качестве оружия;

2. Лицо совершает разбойное нападение с непригодным оружием и заведомо осознает непригодность этого оружия для совершения преступления, при этом потерпевший субъективно воспринимает угрозу как реальную, - квалификация производится по ч. 1 ст. 162 УК РФ – разбой;

3. Лицо совершает разбойное нападение с непригодным оружием и заведомо осознает непригодность этого оружия для совершения преступления, при этом потерпевший также осознает непригодность этого оружия – квалификация производится по ст. 161 УК РФ – грабёж.

Итак, нами были рассмотрены спорные случаи влияния фактической ошибки на квалификацию разбоя. Исходя из вышеуказанного, можем заключить, что фактическая ошибка никаким образом не может влиять на квалификацию разбойного нападения и не позволяет усматривать в действиях виновных лиц признаков покушения на данный состав.

Следующий аспект, на который необходимо обратить внимание – это возможная подмена при квалификации приготовительных действий к разбою на так называемое «покушение» на разбой. Если приготовительные действия по приисканию, изготовлению, приспособлению, приисканию соучастников, стовору особых вопросов не вызывают, то иные умышленные действия при приготовлении к разбою порождают сложности при разграничении приготовления и покушения. Это, на наш взгляд, обусловлено использованием обобщенной формулировки и отсутствием какой-либо конкретизации данных приготовительных действий.

В этой связи довольно показательной является ситуация, при которой виновное лицо выжидает с орудием в руках «жертву» нападения. Нам видится, что указанные действия лица необходимо рассматривать как иные приготовительные действия к разбойному нападению, направленные на создание условий для формирования объективной стороны. Хотя сторонники теории существования покушения на разбой, склонны квалифицировать действия виновного лица не иначе как покушение на разбой. Более того, в этом отношении хочется заметить, что начало объективной стороны по статье 162 УК РФ прочно связано

с началом нападения с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, или с угрозой применения такого насилия. В указанной ситуации лицо не предпринимает действий по нападению, а лишь занимает выжидательную позицию.

Проблема в разграничении приготовления и покушения прослеживается и в судебной практике. Так, например, Президиум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 03.04.2002 № 115п02 оставил без изменения приговор Брянского областного суда от 03.09.2001 в части признания участников группы виновными в совершении покушения на разбой. Суть дела состояла в следующем: *один из участников группы позвонил в квартиру потерпевшего и с целью проникновения в нее попросил потерпевшего обменять валюту. Потерпевший в дверной глазок успел увидеть, как один из преступников надевает маску, поэтому не открыл дверь и позвал на помощь. Преступники, не желая быть застигнутыми на месте преступления, скрылись*⁷. Судами было отмечено, что виновные начали реализовывать свой преступный умысел, однако по независящим от них обстоятельствам не смогли довести преступление до конца. Исходя из этого, действия виновных были квалифицированы как покушение на разбой.

Данная позиция представляется нам спорной, поскольку покушение всегда связано с началом выполнения объективной стороны преступления. В этой связи необходимо обратить внимание на особенность состава статьи 162 УК РФ, которая заключается в том, что с началом выполнения объективной стороны преступление будет считаться оконченным (поскольку состав усеченный). Более того, мы склонны утверждать, что в данном случае действия виновных лиц как раз необходимо расценивать как действия приготовительного характера, поскольку лица, позвонив в дверной звонок и надев маски, всего лишь создали себе условия для выполнения объективной стороны преступления. Подобную позицию ранее высказывал и Е.В. Благов: «при приведенных обстоятельствах содеянное за пределы приготовления к разбою не выходит, так как прибытие на место совершения преступления означает не более чем создание одного из условий совершения преступления» [1, с. 189].

Исходя из вышеописанного, можем сделать следующий вывод: стадию неоконченного разбойного нападения будет образовывать только совершение приготовительных к разбою действий. Дальнейшие действия, выходящие за рамки приготовления, будут образовывать оконченный состав преступления, минуя стадию покушения.

Итак, подводя итог, можем сделать следующие выводы:

Во избежание дальнейших споров представляется возможным рассматривать понятия «нападение» и «насилие / угроза применения насилия» как понятия идентичные по смысловой нагрузке, поскольку нападение в любом случае влечет за собой угрозу применения насилия, а далее с развитием действий может перетекать непосредственно в насилие.

7 Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 03.04.2002 № 115п02 // СПС «КонсультантПлюс»

Фактическая ошибка не оказывает влияния на квалификацию деяния как оконченного разбойного нападения, поскольку неверное представление лица относительно фактических обстоятельств не исключает непосредственного совершения виновным действий, составляющих объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 162 УК РФ. (лучше просто ст. 162 УК РФ)

На стадии неоконченного разбоя возможно совершение только приготовительных действий. Поскольку законодатель переносит момент окончания преступления на стадию покушения, то дальнейшие действия, уже не являющиеся приготовительными, будут образовывать оконченный состав разбоя.

В целях формирования единообразной судебной практики предлагается внести изменение в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» и добавить в него пункт следующего содержания: «При рассмотрении дел о разбое судам следует иметь в виду, что в действующей редакции ст. 162 УК РФ покушение на разбой невозможно ввиду конструкции объективной стороны данного состава».

Пристатейный библиографический список

1. Благов Е.В. Применение уголовного права (теория и практика). СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 505 с.
2. Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Ответственность за корыстные посяательства на социалистическую собственность. М.: Юрид. лит., 1986. 224 с.
3. Гордиенко П.С. Некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики и проблем квалификации разбоя // Молодёжь и актуальные проблемы современной науки. 2018. С. 92-94.
4. Епифанов Б.В. Проблемы модернизации уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления против собственности: разбой // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра (памяти профессора С.Ф. Кравцова). 2017. С. 68-73.
5. Жаренова Е.А. Разбой, совершенный с применением оружия: вопросы квалификации // Вестник МИУ. 2018. № 1 (146). С. 23-26.
6. Иванова Л.В., Калашников Н.А. Ошибки в квалификации разбоя как усечённого состава преступления // Евразийский юридический журнал. 2020. № 2 (141). С. 276-278.
7. Каплан Е.И. Возможен ли разбой без нападения? (спорный вопрос квалификации) // Соц. законность. 1990. № 12. С. 55-56.
8. Каракетов Ю.М. Ответственность за разбой по уголовному законодательству Узбекской ССР. Ташкент: Нукус, 1990. 164 с.
9. Коновалова А.А. Грабеж и разбой как формы хищения чужого имущества // Юридический факт. 2018. № 23. С.8-10.
10. Корецкий В.П. «Усеченные» составы: к вопросу о противоречиях с уголовным законом // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2016. № 1 (81). С.118-123.
11. Кочои С. Разбой (некоторые вопросы квалификации) // Уголовное право. 2000. № 2. С. 28-30.
12. Никифоров Б.С. Уголовно-правовая охрана личной собственности в СССР. М.: АН СССР, 1954. 156 с.
13. Подгайн Ю.А. Нападение в конструкции состава разбоя // Современные проблемы борьбы с преступностью: перспективы и пути решения. 2018. С. 141-144.
14. Редин М.П. Разбой (понятие, конструкция состава) // Современное право. 2007. № 10. С. 96-104.
15. Рылов К.В. Некоторые вопросы квалификации неоконченных преступлений // Учёные труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 3 (26). С. 107-111.
16. Ханова И.В. Разбой: уголовно-правовой анализ // Лучшая научная статья 2018, сборник статей XX Международного научно-исследовательского конкурса. 2018. С. 64-67.
17. Челябова З.М. Вопросы разграничения насильственного грабежа и разбоя: проблемы квалификации // Мониторинг правоприменения. 2018. № 2 (27). С. 63-66.
18. Шалюгина Е.С. Влияние технико-юридической конструкции нормы об ответственности за разбой на эффективность ее правоприменения // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 672-674.
19. Шалюгина Е.С. Отграничение разбоя от смежных составов // Инновационное развитие науки и образования сборник статей III Международной научно-практической конференции. 2018. С. 127-130.
20. Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 298 с.
21. Шляхин Ф.В. Особенности оценки психического насилия и определения момента окончания разбойного нападения // ЧЕЛОВЕК: преступление и наказание. 2012. № 2 (77). С. 37-40.
22. Яни П.С. Вопросы квалификации разбоя. Статья первая // Законность. 2015. № 9 (971). С. 45-50.
23. Яни П.С. Вопросы квалификации разбоя. Статья вторая // Законность. 2015. № 10 (972). С. 34-39.

БАДАМШИН Ильфат Давлетнурович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России

ЛИТВИНА Анастасия Валерьевна

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России

КУЛИЕВ Инал Борисович

преподаватель кафедры специальных дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

О СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИИ ЦЕЛЕЙ НАКАЗАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

На протяжении многих столетий государство стремилось унифицировать наказания за совершение преступлений, в связи с чем преследовало специфические, на определенном этапе развития, цели. Сегодня, по мере совершенствования реализации данного института и модернизации правовой системы государства, цели уголовного наказания в России также подлежат переосмыслению.

В статье анализируются сущность и содержание целей уголовного наказания в рамках действующего законодательства и их возможной альтернативной замены на функции.

Ключевые слова: уголовный закон, цели наказания, осужденный, исправление, предупреждение, функции наказания.

BADAMSHIN Ilfat Davletnurovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

LITVINA Anastasiya Valerjevna

senior lecturer of Criminal law and criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

KULIEV Inal Borisovich

lecturer of Special disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ON THE ESSENCE AND CONTENT OF THE PURPOSES OF PUNISHMENT IN MODERN CRIMINAL LAW OF RUSSIA

For many centuries, the state has sought to unify punishments for crimes, and therefore pursued specific goals at a certain stage of development. Today, as the implementation of this institution improves and the legal system of the state is modernized, the goals of criminal punishment in Russia are also subject to rethinking.

The article analyzes the essence and content of the goals of criminal punishment within the framework of the current legislation and their possible alternative replacement with functions.

Keywords: criminal law, purposes of punishment, convict, correction, prevention, functions of punishment.

Привлечение лица к уголовной ответственности за совершенное виновное общественно опасное деяние в течение долгих лет является одним из самых действенных способов предупреждения преступлений. Наиболее эффективными предупредительными мерами считаются неотвратимость наказания, его адекватность и справедливость, а также весь порядок его наложения в целом.

Государство, повышая уровень и качество жизни своих граждан, совершенствует все подвластные ему сферы общественной жизни, но, как правило, прогресс взаимосвязан с наличием определенного рода преград и затруднений. Кризисы в экономической сфере, расслоение в обществе являются источником возникновения многих проблем, в том числе политических. Исходя из этого, модернизация государственной политики должна происходить в единстве со всеми сферами в совокупности, для чего необходимо отойти от средств и методов, используемых ранее. Важно найти такие способы, которые позволили бы в полном объеме решать поставленные вопросы и достигать целей. И, в первую очередь, это касается

вопросов противодействия и предупреждения преступлений.

На наш взгляд, в современных реалиях необходимо переосмыслить и переформатировать цели уголовного наказания, а также выработать новые способы их достижения в условиях постоянно развивающейся политико-правовой системы государства. Но в то же время нельзя соглашаться с тем постулатом, что в действующей реальности цели уголовного наказания претерпевают кризисное состояние и в целом являются недостижимыми.

Для анализа целей уголовного наказания, в первую очередь, следует определить сущность данного понятия с социальной точки зрения. Но здесь возникает вопрос: возможна ли постановка каких-либо целей перед уголовным наказанием и допустимо ли их достижение?

Бадамшин И. Д.

Литвина А. В.

Кулиев И. Б.

С точки зрения Д. А. Шестакова «в уголовном законе целесообразнее упоминать о функциях, чем о целях наказания, которые закреплены в ст. 43 УК РФ. Наказание как неодолимое не может преследовать никаких целей, однако является исполнителем определенных ролей в общественной жизни» [1].

Сопоставляя понятие «цель» с его содержанием: «итоговый результат, на который направлена деятельность» [2] и поддерживая вышеуказанную позицию, можно согласиться с тем, что наказание, само по себе, не способно преследовать какие-либо определенные цели.

Как известно, действующий УК РФ в ст. 43 законодательно регламентирует цели уголовного наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений.

И если в отношении третьей, заключительной цели, ни у теоретиков, ни у практиков, разногласий во мнениях, а уж тем более бурных дискуссий по концептуальным моментам ее содержания и сущности, практически не возникает, то в отношении первых двух, существует некоторая неопределенность, своего рода диссонанс.

Так, социальная справедливость выступает в качестве многоаспектного социального, правового явления и рассматривается в философии как особый вид справедливости.

Многие авторы полагают, что социальная справедливость представляет собой совокупность общественных институтов, воздействующих на взаимоотношения субъектов во всех сферах общественной жизни.

По мнению Н. А. Беляева, «наказание выступает как возмездие тогда, когда страдания и лишения причиняются виновному за совершенное деяние с целью удовлетворения чувства справедливости общества, против которого совершено преступление» [3]. В. П. Ревин отмечал, что «именно цель восстановления социальной справедливости с наибольшей полнотой выражает социальную сущность наказания» [4].

Необходимо отметить отсутствие единства в толковании рассматриваемого понятия. Данное определение носит, скорее всего, нравственно-оценочный характер и воспринять его содержание возможно лишь сквозь призму других синонимичных понятий, таких как возмещение ущерба от преступления, соразмерность содеянному виновным и т.д.

В юридической литературе имеется немало разнообразных мнений относительно сущности данной цели в российском уголовном праве. Ряд ученых придерживаются того мнения, что она реализуется в процессе исполнения наказания лицом, совершившим уголовно-наказуемое деяние. Другие полагают, что она достигается при восстановлении прав пострадавших от совершенного в отношении них преступления. Мы склоняемся к первой точке зрения, т.к. на наш взгляд восстановление всех прав потерпевшего достаточно редко представляется возможным.

Данная цель реализуется при назначении справедливого и разумного наказания виновному лицу.

Назначение наказания, которое отвечает требованиям не только права, но и нравственности, способствует достижению ресоциализации осужденного, воспитательному воздействию на неустойчивых лиц и моральному удовлетворению потерпевших, а также привитию уважения к закону среди населения, росту авторитета органов государственной власти и в особенности судебной системы.

Таким образом, вполне оправдана постановка восстановления социальной справедливости первой среди иных целей. Она обладает конкретным и неабстрактным содержанием.

Следующая цель – исправление осужденного, по нашему мнению, является особенно актуальной и приоритетной, тем более, если осуществлять ее рассмотрение с позиции достижения при назначении наказания, связанного с изоляцией от общества.

Можно в определенной мере согласиться с Л. Б. Смирновым в вопросах реализации наказания в рамках исправительных учреждений: «Она (колония) утратила свой исправительный потенциал и не способна достигать целей, ставящихся перед таким наказанием, как лишение свободы. Колония переродилась, стала опасной для осужденных и общества, способствует воспроизводству преступности ...» [5].

И действительно, может ли лицо, таким образом, и в таких условиях изолированное от общества, исправиться? Скорее всего, нет. Здесь защищаются, в первую очередь, интересы об-

щества, а не осуществляется исправление преступного лица. А может, следует обратить внимание на постпенитенциарное поведение лица, совершившего преступление, а также обеспечить создание всех необходимых условий, которые бы реально смогли воспрепятствовать совершению им нового преступления?

Преступность – это состояние, при котором в обществе существует угроза нарушения прав и законных интересов граждан. В действительности же зачастую происходят случаи, когда лицо, отбывшее наказание в виде лишения свободы, предпринимает попытки возвращения к прежнему, социально одобряемому образу жизни, однако в итоге, от отчаяния и безысходности, ненависти к не воспринимающему его, инертному обществу, повторно встает на путь совершения преступлений.

Практически не представляется возможным исправить взрослого человека, который преступил закон, с учетом современной уголовно-исполнительной системы. Более вероятным будет не исправление, а его ресоциализация.

Однако создание наиболее комфортных условий для лиц, отбывающих наказание, не является главной целью института ресоциализации. Бесспорно, создание благоприятных условий в местах отбывания наказания намного снизит желание лиц, привлеченных к уголовной ответственности, возвращаться к «сложной повседневной жизни на свободе». В таком случае у данных лиц возрастет желание находиться в исправительных учреждениях и организациях дольше, к тому же за счет средств федерального бюджета.

Безусловно, в местах лишения свободы должны быть регламентированы аскетичные условия содержания данных лиц. Воспитательная работа и труд должны стать главными и стержневыми средствами воздействия на них. Однако в полной мере добиться цели исправления осужденного невозможно, и даже в таких условиях.

Данную проблему необходимо разрешать, начиная с модернизации и коррекции уголовных наказаний на законодательном уровне, т.к. если отсутствуют какие-либо недочеты в государственной сфере, то реализация установлений, содержащихся в нормативных правовых актах, повышается.

Идея «перезагрузки» целей наказания, регламентированных в УК РФ, уже не раз освещалась в юридической литературе. В частности, вышеупомянутый нами Д. А. Шестаков уже выступал с предложением о замене целей на функции уголовного наказания, а именно – ресоциализация осужденного, реституция и удержание лица от совершения новых преступлений.

В данной связи следует отметить, что если цель уголовного наказания «исправление осужденного» будет заменена на функцию ресоциализации лица, совершившего преступление, то вполне возможно она будет воздействовать на преступника и после того, как он отбудет назначенное ему судом наказание, вплоть до того момента, пока вероятность совершения им нового преступления будет сведена к минимуму.

Таким образом, в настоящее время существует объективная необходимость корректировки ст. 43 УК РФ, что, по нашему мнению, будет способствовать оптимизации и модернизации уголовной политики Российской Федерации в сфере реализации уголовного наказания.

Пристатейный библиографический список

1. Шестаков Д. А. От понятия преступности к криминологии закона // Общественные науки и современность. – 2008. – № 6. – С. 139-140.
2. Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения: 28.01.2022).
3. Беляев Н. А. Цели исправления и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. – Л.: ЛГУ. 1963. – С. 259.
4. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. В. П. Ревина. – М.: Юстицинформ. 2016. – С. 219.
5. Смирнов Л. Б. Криминологические проблемы уголовного наказания в виде лишения свободы: коррекция целеполагания, принципов и реализации // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 1 (44). – С. 47-52.

БИЙСОЛТАНОВ Артур

магистр Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ТАИЛОВА Айша Габировна

кандидат юридических наук, доцент Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ПО ЕЕ ПРОФИЛАКТИКЕ

В статье проведено изучение и анализ причин насильственной преступности против личности. Предложены новые направления и формы целенаправленного противодействия насильственной преступности. Направление по изучению насильственной преступности против личности заключается в анализе влияния насильственной преступности на криминогенные ситуации, возникающие в связи с совершением убийств, тяжких телесных повреждений, хулиганства, изнасилований и других насильственных преступлений, анализ причинного комплекса и условий им способствующих. Такой анализ позволит получить представление о состоянии, динамике и структуре насильственной преступности против личности, провести детальный анализ полученных данных, которые будут способствовать выявлению факторов, влияющих на ситуацию с насильственной преступностью против личности.

Ключевые слова: насильственная преступность, противодействие насильственной преступности, уголовное право, профилактика преступлений.

BIYSOLTANOV Artur

master's degree of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

CAUSES AND CONDITIONS OF VIOLENT CRIME AGAINST THE INDIVIDUAL AND DIRECTIONS FOR ITS PREVENTION

The article studies and analyzes the causes of violent crime against the person. New directions and forms of targeted counteraction to violent crime are proposed. The direction of the study of violent crime against the individual is to analyze the impact of violent crime on criminogenic situations arising in connection with the commission of murders, grievous bodily harm, hooliganism, rape and other violent crimes, the analysis of the causal complex and conditions contributing to them. Such an analysis will allow us to get an idea of the state, dynamics and structure of violent crime against the individual, to conduct a detailed analysis of the data obtained, which will contribute to the identification of factors affecting the situation with violent crime against the individual.

Keywords: violent crime, countering violent crime, criminal law, crime prevention.

Эффективная борьба с насильственной преступностью против личности, направленная на ее предотвращение и пресечение, предполагает, чтобы формы проявления насильственной преступности были хорошо изучены.

Направление по изучению насильственной преступности против личности заключается в анализе влияния насильственной преступности на криминогенные ситуации, возникающие в связи с совершением убийств, тяжких телесных повреждений, хулиганства, изнасилований и других насильственных преступлений, анализ причинного комплекса и условий им способствующих. Такой анализ позволит получить представление о состоянии, динамике и структуре насильственной преступности против личности, провести детальный анализ полученных данных, которые будут способствовать выявлению факторов, влияющих на ситуацию с насильственной преступностью против личности.

Изучение и анализ причин насильственной преступности против личности позволяет выработать новые направления и формы целенаправленного противодействия насильственной преступности. Только на этой основе можно правильно определить главные направления в борьбе с насильственной преступностью, разрабатывать и применять правильные и эффективные меры, закреплять определенные успехи.

Заметно изменились и причины преступлений против личности, и условия, способствующие им. В частности, конфликтные отношения на почве имущественных споров (о земле, деньгах и др.), Причиной значительной части преступлений против личности оказывается конкретная жизненная ситуация. С ней связаны почти 2/3 убийств и телесных повреждений. То же можно сказать и о неосторожных преступлениях, посягающих на жизнь и безопасность людей.

При совершении многих преступлений против личности конкретная жизненная ситуация выступает в форме конфликтных отношений между преступником и жертвой. Своевременное выявление и устранение подобных конфликтных ситуаций является важной предпосылкой предотвращения преступлений. Это проблема и практики, и криминологического изучения преступлений против личности. На ней необходимо сосредоточить внимание и усилия не только правоохранительных, но и других государственных и общественных органов, имеющих возможность активно вмешаться в преодоление конфликтных отношений.

«Семейный», «бытовой» характер некоторых насильственных преступлений (преимущественно убийств) и повышенная виктимность взаимоотношений между знакомыми (в случае половых преступлений, телесных повреждений и др.) требуют организации мер по устранению не благоприятной обстановки в семье, привлечению компетентных органов и общественности к разрешению возникающих противоречий, нейтрализации конфликтных ситуаций.

В некоторых случаях для этого недостаточно используются имеющиеся объективные предпосылки. Например, селах, где совершается большая часть телесных повреждений в драке можно взять под непосредственный общественный контроль социальные связи и отношения. Во многих сёлах Дагестана действует совет старейшин, представители которого могли бы оказывать непосредственное воздействие на бытовые конфликты.

Все еще несвоевременно и не самым эффективным образом реагируют на антиобщественные деяния местные органы власти, которые нередко не сигнализируют о них специализированным органам, не вмешиваются вовремя в процесс воспитания подростков с признаками социальной неприспособленности и агрессивности в поведении. Важной задачей является улучшение воспитательной работы и среди родителей, повышение их педагогической культуры. К ним должны приниматься и меры индивидуальной превенции, когда для этого есть юридические основания. (Социальная помощь материально нуждающимся семьям, в которых родители пьянствуют или ведут неправильный образ жизни, помещение детей из неблагополучных семей в интернаты и другие специализированные учебные заведения) [1, с. 256].

В совершении преступлений против личности особенно велика криминогенная роль алкоголя. Значительная часть этих преступлений непосредственно связана с употреблением спиртных напитков исполнителем преступления, а в некоторых случаях - и жертвой.

При совершении насильственных преступлений против личности очень распространены хулиганские мотивы. Обычно они возникают на почве употребления алкоголя и предшествуют совершению значительной части убийств, телесных повреждений и других видов насильственных преступлений против личности. Мотивом половых преступлений является сильное половое влечение, нередко в сочетании с хулиганскими побуждениями. Преступления против личности включают несколько категорий, различающихся по своей фактической и юридической конструкции. Основная их часть совершается умышленно, но

некоторые могут быть совершены и по неосторожности [2, с. 44].

Среди преступлений против личности наибольшую криминологическую и социальную значимость представляют убийства, телесные повреждения и половые преступления. Нет преступления, за исключением хулиганства, в котором столь сильно была бы выражена мотивирующая роль алкоголя, как при совершении убийств. Причем речь идет об употреблении алкоголя не только убийцей, но и жертвой. Значительное большинство убийц не только имеют склонность к алкоголю, но и страдают алкоголизмом.

Телесные повреждения по своей структуре делятся на тяжкие, средние и легкие. Минимальный вес имеют тяжкие телесные повреждения, и именно они определяют характер этого вида преступлений против личности. Как и при совершении убийств, подавляющее число преступников здесь - лица мужского пола. На их долю приходится в среднем около 95 % из числа осужденных.

Оной из характерных черт насильственных преступлений вообще является преобладание среди их субъектов мужчин. Приблизительно половина телесных повреждений наносится лицами в возрасте от 14 до 29 лет. И хотя все преступления совершаются чаще всего именно в этом возрасте, для телесных повреждений он особенно характерен [3, с. 78].

Телесные повреждения характеризуются и достаточно высокой долей рецидива, в том числе и специального рецидива. Здесь наблюдается и нечто характерное для так называемого «пути к преступности»: большая часть рецидивистов, осужденных за убийство, ранее были осуждены за причинение телесных повреждений. Объяснением этому могут служить как характер и темперамент лица, совершившего преступление, так и недостатки в его воспитании, отрицательные воздействия микросреды и не в последнее значение имеет неэффективность назначения и исполнения.

К насильственной преступности относится значительная часть преступлений, связанных с развратом, называемых также половыми, или сексуальными, преступлениями. В общем объеме преступности в нашей стране на долю половых преступлений приходится небольшой процент - 2,5-3 %, из них на долю изнасилований - около 1,5 %.

Тем не менее они усугубляют качественную характеристику преступности и наряду с убийствами, грабежами, хулиганством являются одним из ее «тяжких плодов». И по объему, и по степени общественной опасности изнасилования являются преобладающим видом в группе половых преступлений (50-55 %). За последние годы (2018-2020 гг.) они обнаруживают сравнительно устойчивую тенденцию к сокращению.

Регионально-структурный анализ свидетельствует о неравномерном распределении этих преступлений на территории страны. Несмотря на это, не заметны какие-либо угрожающие зоны, объединенные по общим экономическим, географическим, этническим и другим признакам и по одинаковым или близким специфическим коэффициентам преступности.

Изнасилования являются преимущественно «городскими преступлениями», что отнюдь не означает по-

вышенную активность городского населения при их совершении. Более криминогенны здесь условия жизни в городах.

Грабеж является одним из самых тяжких преступлений против личности. В структуре преступности доля его относительно ничтожна - в среднем ежегодно около 5 % всех осужденных лиц. Но этот факт сам до себе не умаляет криминологического значения грабежа.

Насильственная преступность предполагает специфический вид борьбы с преступностью. Правильная организация и осуществление этой борьбы требуют не только специальных криминологических мер, но и преодоления отставания общественного сознания - политического, нравственного и правового - от развития материальных условий жизни, преодоления сохранившихся отсталых обычаев и традиций среди некоторых этнических групп, неправильных взглядов отдельных граждан на их участие в превенции преступности.

Борьба с насильственной преступностью должна вестись широким фронтом, по различным линиям, различными организациями, органами и ведомствами. Первостепенное значение имеет борьба за недопущение совершения насильственных преступлений против личности.

Для удобства анализа, деятельности правоохранительных органов по борьбе с насильственной преступностью можно поделить ее на несколько больших частей в зависимости от того, проводится ли она до, во время или после совершения преступления. В соответствии с таким избранным автором критерием борьба с преступностью представляет собой деятельность:

а) по сокращению и ликвидации преступности, включая недопущение или предотвращение насильственных преступлений;

б) по раскрытию и расследованию конкретных насильственных преступлений и наказанию лиц, их совершивших;

в) по исполнению назначенных наказаний.

Нужно отметить, что эти три части не только тесно связаны между собой, не только проистекают одна из другой, но в определенных аспектах и взаимообусловлены.

Для эффективности борьбы с насильственной преступностью большое значение имеет правильная организация свободного времени граждан и их культурного отдыха. Криминологические исследования устанавливают, что преобладающая часть грабежей, разбоев и хулиганств совершается в свободное время, а возникновение конфликтов обусловлено его плохой организацией.

Все еще не создан эффективный социальный механизм контроля в условиях городской анонимности. Недооценка, а часто и нарушение норм противоалкогольного законодательства создают предпосылки для возникновения конфликтов в общественных местах. Поэтому здесь необходимы и деятельность органов МВД по охране общественного порядка, и активное участие населения.

Немаловажна и проблема допущения либерализма в деятельности правоохранительных органов: неправомерное применение административных мер по отношению к лицам, совершившим насильственные преступления в быту, чаще всего хулиганство, назначение более мягких

наказаний преступникам с устойчивой антиобщественной направленностью, в том числе и рецидивистам. Для устранения этих недостатков необходимо повысить эффективность прокурорского надзора за законностью.

Не отвечает уровню современных требований и система пенитенциарной ресоциализации, исправления и перевоспитания лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, изучения личности преступника в условиях лишения свободы с целью правильно направить процесс перевоспитания. Существует проблема организации систематического психологического наблюдения за агрессивными преступниками и оказания своевременной психиатрической помощи лицам с явными психическими расстройствами или заболеваниями. Нет разработки научной методики изучения личности преступника в тюремной среде.

Сложная психическая детерминированность насильственной преступности выдвигает требование более эффективного использования в целях ранней профилактики широкой сети здравоохранительных учреждений. В этом отношении особенно полезной может быть деятельность психоневрологических диспансеров, которые могут снизить риск включения в конфликтные ситуации лиц с отклонениями в психике путем строгого их учета и систематического оказания им медицинской помощи.

Пристатейный библиографический список

1. Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации / Под ред. В. Н. Кудрявцева. — М.: Издательство Московского университета, 2016. — С. 256
2. Лунеев В. В: Личность преступника в криминологии. — М.: Волтерс Клувер, 2012. — С. 44.
3. Варданян А. В. Насильственная преступность и ее предупреждение. — М.: ЮНИТИ-ДАНА 2016. — С. 78.

ГУСЕЙНОВ Амирджан Ахмедович

старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

КАРЕЛКИН Евгений Николаевич

кандидат социологических наук, доцент кафедры физической подготовки и спорта Краснодарского университета МВД России

ШАБАЕВ Вадим Владимирович

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России

ПОНЯТИЕ О КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИИ

Лет десять назад киберпреступления не имели такого масштаба, способного навредить большому количеству людей, как в сегодняшний день. С постоянным развитием информационно-коммуникационных технологий, с ростом электронной торговли, различного рода онлайн-услуг растет число киберпреступлений, так как этими ИТ-достижениями активно пользуются и преступники. В связи с этим все больше усилий отдается борьбе с киберпреступлениями. Укажем, что в УК РФ пока нет подобного термина: в главе 28 УК говорится о преступлениях «в сфере компьютерной информации». В связи с этим специалисты разных областей науки пытаются дать определение понятию «киберпреступление». В данной статье приведем обзор мнений о рассматриваемом виде преступления.

Ключевые слова: преступление, киберпреступление, понятие, кибербезопасность.

GUSEYNOV Amirdzhan Akhmedovich

senior lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

KARELKIN Evgeniy Nikolaevich

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Physical training and sports sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

SHABAEV Vadim Vladimirovich

lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

THE CONCEPT OF CYBERCRIME

Ten years ago, cybercrimes did not have such a scale capable of harming a large number of people as they do today. With the constant development of information and communication technologies, with the growth of electronic commerce, various kinds of online services, the number of cybercrimes is growing, as these IT achievements are actively used by criminals. In this regard, more and more efforts are being given to the fight against cybercrime. We point out that there is no such term in the Criminal Code of the Russian Federation yet: chapter 28 of the Criminal Code is devoted to crimes «in the field of computer information». In this regard, experts from various fields of science are trying to define the concept of cybercrime. In this article we will give an overview of opinions about the type of crime under consideration.

Keywords: crime, cybercrime, concept, cybersecurity.

Анализ статьей отечественных научных журналов последнего десятилетия показал, что одно из первых определений понятия «киберпреступление» дается в 2012 году В. А. Номоконовым, Т. Л. Тропиной. Основываясь на рекомендациях экспертов ООН на X конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, авторы предложили следующее толкование: «Киберпреступность – это совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных» [6].

На наш взгляд, дальнейшие трактовки киберпреступления, приведенные в более поздних статьях других исследователей рассматриваемого вида преступления, базируются на данном определении. Так, в 2014 г. Д. Н. Карпова называет киберпреступление актом социальной девиации «посредством любого технического средства с доступом в Интернет» [5].

Из концепции [4] О. А. Зигмунт и А. В. Петровского, изложенной в 2015 г., можно понять, что авторы пытаются

внести в определение большую конкретизацию, указывая на такой признак, как совершение «на определенной территории за определенный промежуток времени», дополняя предмет преступного деяния («компьютерное программное обеспечение, носители компьютерной информации, сетевая информация»), средства совершения преступления («компьютерная техника либо компьютерные, электронно-информационные технологии»).

И. М. Глотина дает более узкое понимание киберпреступления определяет его «подкатегорией компьютерной преступности», а специфику связывает «с использованием компьютеров, сети Интернет или иной компьютерной сети как компонента преступления» [3] (2016).

На наш взгляд, обратную точку зрения высказывает С. Ю. Трофимцева. Она вновь расширяет толкование («преступления, связанные с виртуальной средой» [7] (2017).

В 2019 г. С. И. Буз также определяет киберпреступления достаточно широко: «любое преступление, совершенное с помощью информационных технологий, либо в информационном пространстве» [1].

В статье 2021 года В. Н. Цимбал, С. Г. Ключев намеренно сужают толкование рассматриваемого вида преступления. По их мнению, лексическое значение приставки «кибер-»

тесно связано с цифровым информационным пространством [9].

Обратимся к мнению специалистов, непосредственно связанных с ИТ-технологиями. Разработчики популярного российского интернет-портала и аналитического агентства TAdviser относят к киберпреступлениям противоправные действия, которые совершаются с применением информационно-телекоммуникационных технологий, компьютеров и компьютерных сетей. На сайте <https://www.kaspersky.ru/> неправомерное использование компьютера, компьютерной сети или сетевого устройства видится как цель преступления.

Мы познакомились и со многими другими определениями киберпреступления, представленными, к примеру, в статьях, содержащихся в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», и можем отметить, что до сих пор в научном сообществе нет принятого единого толкования понятия «киберпреступление». В большинстве своем в них говорится о двух типах преступлений: преступных деяниях, совершаемых против информационных технологий, и преступных деяниях, совершаемых с помощью информационных технологий. Обобщив данные, приведенные в изученных статьях, можем указать на то, что все инциденты, связанные с глобальной сетью, характеризуются затрудненностью в их отслеживании.

Для того чтобы понять, насколько опасно киберпреступление, приведем некоторые его специфические особенности, которые выделяет большинство исследователей: быстрота исполнения; интеллектуализированность (для совершения преступления нужны соответствующие познания в ИТ-сфере); доступность информационных ресурсов, низкокзатратность (нужны компьютер или другое, подобное ему, устройство и подключение к сети Интернет); анонимность и ложноперсонифицированность; масштабность; отдаленность киберпреступлений; транснациональность, неотмеряемость государственными границами; глобализация виртуальной криминальной сети; высокая латентность. В связи с этим на сегодняшний день является очень острой проблема поиска новых методов расследования и новых технологий обучения либо же подготовки сотрудников органов внутренних дел, способных противостоять киберпреступности. Считаем, что для противодействия киберпреступлениям требуется соответствующее образование, в процессе которого должны сопрягаться подготовка сотрудника полиции и подготовка специалиста в области информационных технологий. Современный сотрудник органов внутренних дел должен четко представлять технологию работы компьютерных систем сбора, хранения, передачи и обработки информации, обеспечения защиты всех видов конфиденциальной информации в компьютерных и коммуникационных системах в организациях и на предприятиях различных направлений деятельности и форм собственности, знание сетевых технологий, с другой – разбираться в особенностях разработки и эксплуатации информационно-управляющих систем и комплексов, понимать специфику создания их информационного и программного обеспечения.

Мы согласимся с мнением Ю. В. Федоровича о том, что в законодательстве нецелесообразно давать четкое определение рассматриваемому понятию из-за того, что появляются новые виды преступлений, связанных с применением информационных технологий, и введение какой-либо конкретной дефиниции будет ограничивать правоохранительные органы [8].

Пристатейный библиографический список

1. Буз С. И. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика // Юристы-Правоведы. - 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupleniya-ponyatie-suschnost-i-obschaya-harakteristika> (дата обращения: 06.01.2022).
2. Выступление С. Кузнецова на конференции «Кибербезопасность и проблемы борьбы с новыми видами киберпреступлений». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=7SNvwG8oaU8> (дата обращения: 10.01.2022).
3. Глотина И. М. Киберпреступность как теневой бизнес // Вестник Челябинского государственного университета. - 2016. - № 6 (388). Экономические науки. Вып. 53. - С. 51-57. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-kak-tenevoy-biznes> (дата обращения: 25.01.2022).
4. Зигмунт О. А., Петровский А. В. Кибер-и интернет-преступность в Германии и России: возможности сравнительного исследования // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiber-i-internet-prestupnost-v-germanii-i-rossii-vozmozhnosti-sravnitel'nogo-issledovaniya> (дата обращения: 05.01.2022).
5. Карпова Д. Н. Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение // Власть. – 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-globalnaya-problema-i-ee-reshenie> (дата обращения: 05.01.2022).
6. Номоконов В. А., Тропина Т. Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология. Вчера. Сегодня. Завтра. - 2012. - № 1 (24). - С. 47.
7. Трофимцева С. Ю. Проблема выделения дефиниций базовых терминов при анализе киберпреступности // Евразийский юридический журнал. - 2017. - № 7 (110). - С. 75-77.
8. Федорович В. Ю. Что такое «киберпреступление»? // Вестник Московского университета МВД России. - 2020. - № 3. - С. 15-17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chtotakoe-kiberprestuplenie> (дата обращения: 20.01.2022).
9. Цимбал В. Н., Кляев С. Г. Понятие киберпреступления и его содержательная часть. // Вестник Московского университета МВД России. - 2021. - С. 129-132. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kiberprestupleniya-i-ego-soderzhatelnaya-chast> (дата обращения: 20.01.2022).

НИКИФОРОВ Иван Александрович

адъюнкт первого курса заочной формы обучения Академии ФСИН России

УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье проведен анализ проблем назначения судами Российской Федерации уголовного наказания, альтернативного лишению свободы, в виде ограничения свободы. Критикуется судебная практика назначения данного наказания. Приводятся так называемые «пробелы» в его применении. Предлагаются соответствующие изменения и дополнения в уголовное законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: наказание, ограничение свободы, осужденный, уголовно-исполнительная инспекция, преступность, электронный мониторинг, неотбытая часть наказания, розыск, уклонение.

NIKIFOROV Ivan Aleksandrovich

adjunct of the first course of correspondence training of the Academy of the FPS of Russia

CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF RESTRICTION OF FREEDOM: LEGISLATIVE AND LAW ENFORCEMENT PROBLEMS

The article analyzes the problems of imposing by the courts of the Russian Federation a criminal punishment, alternative to deprivation of liberty, in the form of restriction of freedom. The judicial practice of imposing this punishment is criticized. The so-called "gaps" in its application are given. Appropriate changes and additions to the criminal legislation of the Russian Federation are proposed.

Keywords: punishment, restriction of freedom, convict, penitentiary inspection, crime, electronic monitoring, unserved part of punishment, search, evasion.

Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в настоящее время претерпевает существенные преобразования. Одно из них выражается в расширении области применения наказаний и иных мер, не связанных с изоляцией от общества, повышение их эффективности [1]. Если изучить статистику, то можно сделать вывод, что количество лиц, в отношении которых наказание исполнялось уголовно-исполнительными инспекциями, начиная с 2018 года, превышает один миллион человек в год с сохранением тенденции к увеличению. Такая высокая нагрузка связана с тем, что даже минимально короткий срок нахождения человека в местах лишения свободы с большой долей вероятности приобщает его к криминальной культуре, усложняя дальнейшее возвращение в общество. Более того, если заключенный при нахождении в исправительном учреждении не приобрел антисоциальных установок и не стал ассоциировать себя с криминальным миром, то нарушенные социальные связи и сложность в их восстановлении толкает его на новые преступления. Об этом свидетельствует высокий уровень рецидивной преступности.

Наказания же, не связанные с полной изоляцией индивида от общества, к которым, помимо прочих, относится ограничение свободы, не блокируют реализацию значимых ролей в обществе и социального статуса. Данные аспекты говорят о большей гуманности и, что более важно, продуктивности названного вида наказаний в сравнении с лишением свободы при его рациональном применении.

В отечественном уголовном законодательстве ограничение свободы впервые появилось в 1996 году. Оно представляло собой содержание осужденного, достигшего к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста, в специальном учреждении без изоляции от общества. Однако в таком виде суды его ни разу не назначили. В декабре 2009 года рассматриваемое наказание изменилось содержа-

тельно [2] и в обновленном виде оказалось востребованным. Ограничение свободы, согласно статье 53 Уголовного кодекса Российской Федерации, заключается в «установление судом осужденному следующих ограничений: не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. При этом суд возлагает на осужденного обязанность являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, от одного до четырех раз в месяц для регистрации».

Анализ содержания ограничения свободы позволяет сделать вывод о том, что оно имеет общие черты с такими наказаниями, как исправительные и обязательные работы, а также с такими мерами уголовно-правового характера, как условное осуждение (ст. 73 УК РФ) и отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) [3].

Правовой статус осужденных к ограничению свободы, не отличается от правового статуса лиц, приговорённых к условному наказанию. Это показывает сравнение порядка и условий, при которых должно быть отбыто ограничение свободы. Во многих отношениях для условно осужденных и приговоренных к ограничению свободы одинаковы, так как они пересекаются объемом обязанностей, которые могут возлагаться на осужденных.

Отдельно следует обратить внимание, что законодателем предусмотрена возможность использования электронных средств для осуществления контроля за осужденными. Её эффективность, к сожалению, оставляет желать лучшего.

На сегодняшний день в Российской Федерации все активнее применяются средства электронного мониторинга подконтрольных лиц (далее СЭМПЛ) в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Это обусловлено тем, что реформирование уголовно-исполнительной системы подразумевает гуманизацию исполнения уголовных наказаний, и, исходя из этого, к лицам, преступившим закон, по возможности применяют наказания, не связанные с лишением свободы. К числу последних можно отнести и ограничение свободы в качестве одной из мер пресечения.

Лицо, которому назначено наказание, не связанное с лишением свободы имеет больше шансов на успешное исправление, не теряет социально полезных связей. Напротив, нахождение лица в изоляции от общества существенно влияет на (формирование у него отрицательного мышления путем криминального заражения. Как показывает практика, СЭМПЛ является сдерживающим фактором совершения подконтрольными лицами преступлений и других правонарушений.

С помощью данной системы мониторинга появляется возможность в определении границ зоны, которую подконтрольному лицу запрещено покидать. Однако существует ряд случаев, при которых подконтрольному лицу необходимо выйти из установленной зоны. Одним из них является право на получение медицинской помощи. В случае если лечение лица будет протекать в медицинском учреждении, которое располагается в том муниципальном образовании, что и уголовно-исполнительная инспекция, то при осуществлении контрольных мероприятий проблем возникать не будет. Но если лечение лица необходимо проводить в другом городе или другом субъекте Российской Федерации, то появляются определённые трудности. Прежде всего, необходимо определить УИИ, на которую будет возложена обязанность по осуществлению контроля за лицом. Также следует распределить обязанности по осуществлению контроля за подконтрольным лицом между сотрудником, который осуществляет контроль на месте постоянного исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, и сотрудником, который на период лечения является ответственным по обеспечению контроля за лицом.

Остановимся на проблемных вопросах и задачах, от выполнения которых зависит эффективность работы УИИ и контроля СЭМПЛ. В первую очередь следует отметить острую потребность в оборудовании. Кроме того, в качестве проблемного вопроса необходимо выделить недостаточный уровень профессионализма и низкую исполнительскую дисциплину. Это не только создает иллюзии у осужденных и подозреваемых (обвиняемых) в возможности уклониться от контроля электронных средств, но и подрывает уверенность других граждан и широкой общественности в целом в эффективности их использования, а также наносит вред репутации сотрудников УИИ.

Еще одним спорным моментом является осуществление контроля за лицом при помощи использования других средств контроля, к примеру, установка камер видеонаблюдения в том жилом помещении, где совместно с подозреваемым или обвиняемым проживают иные лица родственники), и, исходя из этого, за данными лицами также будет

осуществляться параллельный контроль. Данные действия напрямую противоречат гл. 2 Конституции Российской Федерации, тем самым нарушают право на неприкосновенность личной жизни.

Наряду с этим, существует проблемы по использованию оборудования СЭМПЛ в связи с их недостаточно высокими техническими данными. Так, электронные браслеты функционируют в оптимальном режиме при температуре не ниже 5 градусов Цельсия. Во многих регионах нашей страны климатические условия намного суровее, примером таких районов может служить средняя полоса России, территории Сибири и Крайнего Севера. Из основных недостатков конструкторских решений, используемых в ФГИС СЭМПЛ, можно выделить следующие: недостаточная зона уверенного приема сигнала мобильного контрольного устройства (далее МКУ) ввиду использования сетей связи стандарта GSM мобильных операторов; габаритное, тяжелое и неудобное в использовании МКУ; возможность вскрыть корпус стационарного контрольного устройства (далее СКУ) и МКУ подконтрольным лицом (далее ПЛ), при этом достоверно определить, подвергалось ли устройство воздействию со стороны ПЛ, и подтвердить его вину в причинении вреда оборудованию не представляется возможным; несоответствие разъемов для заряда МКУ и СКУ, что приводит к выходу из строя разъема заряда МКУ; после полной разрядки аккумуляторной батареи возникает необходимость прибытия и вскрытия корпуса контрольного устройства сотрудником УИИ для его запуска; отсутствие индикатора заряда аккумуляторной батареи ЭБ, что не позволяет своевременно организовать замену оборудования [6].

Недостатки электронных браслетов в техническом плане касаются также ситуаций, когда подконтрольному лицу необходимо следить за соблюдением личной гигиены. Руководством по использованию электронного оборудования, примененного к осужденному лицу, а именно электронных браслетов, запрещено погружать рассматриваемые браслеты в воду более чем на 30 секунд, также запрещено помещать их глубже 5 метров. Если, взяв средний срок наказания в виде ограничения свободы (около двух лет), то подконтрольное лицо, в течение периода отбывания своего наказания сталкивается с проблемами по соблюдению правил личной гигиены на должном уровне. Время и сам процесс осуществления водных процедур, как правило, не соответствуют рекомендательным нормам по использованию электронных браслетов, и поэтому принятие душа (ванны, бани) весьма затруднительно, если учесть, что электронный браслет закрепляется на голени ноги осужденного, а ремень на запястье руки.

В использовании и применении СЭМПЛ существует немало проблем и недоработок с технической точки зрения, которые, к сожалению, на сегодняшний день еще не разрешены. По статистике в России с каждым годом все больше и больше судами назначаются наказания без изоляции от общества, ограничение свободы и домашний арест в общей системе применения альтернативных лишению свободы видов наказания занимают не последнее место.

Уголовный кодекс относит ограничение свободы к смешанному виду наказания, то есть оно может назначаться как самостоятельно, так и в качестве дополнения к основному наказанию. Кроме того, в порядке статьи 80 УК РФ неотбытая часть наказания может быть заменена более мягким видом наказания, в том числе и в виде ограничения свободы. Несмотря на все перечисленные преимущества данного вида наказания и эффективность в достижении целей и задач уголов-

но-исполнительной системы, его применение не получило такого широкого распространения в судебной практике, как могло бы из-за ряда существующих проблем. Так, Ю. И. Калинин писал о необходимости отказаться от этого наказания в силу практической несостоятельности и неэффективности такой меры [7].

Сложности в практической реализации данного наказания можно разделить на несколько категорий. Во-первых, проблемы правового характера, связанные с многочисленными пробелами в законодательстве. Так, в соответствии с ч. 6 ст. 53 УК РФ, ограничение свободы не назначается военнослужащим, иностранным гражданам, лицам без гражданства, а также лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории Российской Федерации. Однако, Постановление Пленума Верховного суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» говорит о том, что отсутствие факта регистрации по месту жительства или пребывания не является основанием для вывода об отсутствии у лица места постоянного проживания на территории Российской Федерации [8].

При этом, в реальной действительности возможны ситуации, при которых лицо, осужденное к ограничению свободы, не имеет реальной возможности осуществлять проживание по адресу, указанному в приговоре, например, при расторжении брака, окончании аренды и так далее [9, с. 41]. На Украине этот вопрос решают следующим образом: ст. 61 Уголовного кодекса Украины предусматривает возможность проживания осужденного к ограничению свободы в специализированных учреждениях, не предусматривающих изоляцию от общества, однако, обеспечивающих осуществление за ними надзора [10].

Подобным образом данная проблема разрешается в таких странах как Беларусь (ст. 55 Уголовного кодекса Беларуси) [11] и Таджикистан (ст. 54 Уголовного кодекса Республики Таджикистан) [12]. При этом, в Российской Федерации специализированное место проживания не предусмотрено, что является существенной проблемой. В связи с этим, предлагаем внести дополнения о более простом изменении места проживания, либо предоставления этого места проживания в виде специализированного учреждения открытого типа без изоляции от общества. Также стоит отметить, что как было сказано ранее, ограничение свободы может быть назначено судом как в качестве основного наказания, так и в дополнении к другому. При этом, ни в одной из рассматриваемых выше стран данная карательная мера в качестве дополнительного наказания не рассматривается, что говорит об уверенности иностранного законодателя в успешности достижения цели исправления преступника.

Еще один существенный пробел связан вопросом уклонения от исполнения данного вида наказания и следующей за этим ответственности.

Срок ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания, а также в качестве дополнительного при условном осуждении, исчисляется со дня постановки осужденного на учет инспекцией, в качестве дополнительного вида наказания к лишению свободы, а также при замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы ограничением свободы – со дня освобождения осужденного из исправительного учреждения [13].

В случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде ограничения свободы, назначенного в качестве основного наказания либо избранного в порядке замены неотбытой части наказания в виде лишения свободы

в соответствии со статьей 80 Уголовного кодекса Российской Федерации, уголовно-исполнительная инспекция вносит в суд представление о замене ему неотбытого срока наказания в виде ограничения свободы наказанием в виде лишения свободы. Злостное уклонение осужденного от отбывания наказания в виде ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания, влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации (ч. 5 ст. 58 УК РФ).

Если, в случае назначения ограничения свободы как основного вида наказания, законодатель предусмотрел все аспекты его справедливого исполнения и ответственности за уклонение, то в случае замены неотбытой части наказания в виде лишения свободы в соответствии со статьей 80 Уголовного кодекса Российской Федерации картина совсем иная. Первое, это исчисление срока со дня освобождения из мест лишения свободы, независимо явился осужденный в указанный ему исправительным учреждением срок в уголовно-исполнительную инспекцию, либо нет. Второе, это замена неотбытого срока наказания в виде ограничения свободы наказанием в виде лишения свободы. В соответствии с ч. 5 ст. 53 УК РФ в случае злостного уклонения осужденного от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания, суд по представлению специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, может заменить неотбытую часть наказания лишением свободы из расчета один день лишения свободы за два дня ограничения свободы. Аналогичным образом складывается судебная практика и в случае замены неотбытой части наказания в виде лишения свободы в соответствии со статьей 80 Уголовного кодекса Российской Федерации

Таким образом, срок уголовного наказания осужденного, при уклонении его от исполнения наказания в виде ограничения свободы с момента постановки на учет в уголовно-исполнительной инспекции, и замене обратно на лишение свободы, будет составлять ровно 50% от неотбытой части в исправительном учреждении. В практике ряд осужденных пользуются этим умышленно, в целях сокращения срока уголовного наказания, без каких-либо дополнительных обязанностей в последующем.

Отдельно необходимо остановиться на ограничении свободы, назначаемом, как дополнительный вид наказания. В данном случае законодатель, почему-то, установил уголовную ответственность за злостное уклонение, несмотря на полное сходство с условиями и порядком отбывания с двумя вышеуказанными вариантами назначения данного вида наказания.

В данном случае уголовно-исполнительные инспекции по окончании проведения первоначально-розыскных мероприятий информируют подразделение розыска территориального органа УИС о результатах установления местонахождения осужденного, в целях объявления его в розыск. Также направляется информация в орган внутренних дел для возбуждения уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного частью 1 статьи 314 Уголовного кодекса Российской Федерации. По мнению Г. С. Шкабина, понятие «раскрытие преступлений» во многом сопрягается со смыслом таких словосочетаний, как «розыск лиц, скрывающихся от следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания» [14, с. 80]. В действительности же происходит дублирование функций розыскными подразделениями ФСИН и МВД, так как при возбуждении уголовного дела по

части 1 статьи 314 Уголовного кодекса Российской Федерации, статус осужденного меняется на подозреваемого либо обвиняемого, розыск которых уже подпадает под юрисдикцию сотрудников полиции. Однако, в повседневной деятельности уголовные дела возбуждаются только лишь при совершении и задержании осужденных за совершение очередного преступления, либо задержании сотрудниками подразделения розыска территориального органа ФСИН России. Нередко выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, ссылаясь на отсутствие состава преступления. Арсенал действий розыскных подразделений ФСИН в данном случае очень узок и малорегламентирован. Он заключается лишь только в опросе, вынесении предупреждения и официального предостережения. Сотрудники полиции же, в свою очередь, ввиду того, что санкция статьи 314 УК РФ не предусматривает избрание в отношении подозреваемого, обвиняемого по данному преступлению меры пресечения в виде заключения под стражу, вынуждены отпускать лицо, умышленно скрывающееся от органов, исполняющих наказание и розыскных органов, под подписку о невыезде, что дает ему возможность повторно уклониться от осуществления мер уголовной ответственности.

Анализ теоретико-прикладных проблем применения института ограничения свободы позволяет сделать некоторые выводы о перспективах дальнейшего законодательного совершенствования данного вида наказания. Представляется маловероятным, что ограничение свободы утратит статус наказания и превратится в иную меру уголовно-правового характера, несмотря на незначительное снижение: в 2020 году ограничение свободы, как основной вид наказания, было назначено в 20099 случаях (2019 год – 20420), как дополнительное – в 6919 случаях (2019 год – 8219) [15]. Однако видится вполне обоснованной и логичной декриминализация в будущем деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 314 УК РФ. Существует также вероятность того, что судебная практика обусловит необходимость применения ограничения свободы лишь в качестве основного наказания. Следовательно, можно сделать вывод о том, что ограничение свободы содержит в себе определенный потенциал для дальнейшего законодательного совершенствования.

Пристатейный библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 7.11.2021). IScience.IN.UA «Актуальные научные исследования в современном мире». – Выпуск 10(78), ч. 13.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 27.12.2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» (с изм. от 07.12.2011 г.) // СЗ РФ. – 2009. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6453.

3. Российская Федерация. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // «Собрание законодательства». – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.
4. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учеб. пособие / под ред. И. Д. Козочкина. – М.: Омега-Л, 2003.
5. Первые электронные браслеты заработают в Москве уже весной // Тюрьма и жизнь за решеткой. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tyurma.com>.
6. Зарембинская Е., Удоденко А., Грязнов С. Электронный мониторинг подконтрольных лиц: практика, проблемы, перспективы // Преступление и наказание. – 2014. – № 3. – С. 6-9.
7. Человек и тюрьма. Сб. информационных материалов / Сост. В. Абрамкин. – М., 1998. – С. 44.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 7.11.2021).
9. Комбаров Р. В. Актуальные проблемы исполнения наказания в виде ограничения свободы // Вестник Кузбасского института. – 2019. – № 3. – С. 41-46.
10. УК Украины от 5 апреля 2001 года № 2341-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.07.2021 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109&pos=8;106#pos=8;106/ (дата обращения: 30.10.2021).
11. УК Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.05.2021 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984/ (дата обращения: 01.11.2021).
12. УК Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.04.2021 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325/ (дата обращения: 01.11.2021).
13. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации (Минюст России) от 11 октября 2010 г. № 258 г. Москва «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы». Зарегистрирован в Минюсте РФ 21 октября 2010 г. Регистрационный № 18780.
14. Шкабин Г. С. Цели и задачи предупреждения преступлений в уголовном и оперативно-розыскном законодательстве // Сибирский юридический вестник. – 2015. – № 2. – С. 74-81.
15. Официальный сайт судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79/> (дата обращения: 29.10.2021).

ОССАМА Кади Е. А.

аспирант кафедры уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ В США И РОССИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ КИБЕРПРЕСТУПНИКА В США

Современный мир невозможен без информационных технологий, которые прочно проникли в каждую сферу жизнедеятельности общества и государства. Практически каждый простой шаг, совершаемый нами ежедневно, является частью цифрового пространства и сохраняет о себе информацию в электронном мире. Именно этим и пользуются злоумышленники – сложно переоценить значение и ценность личной информации, которую мы так стремимся оградить от публичности. Учитывая особенности цифрового пространства, следует отметить, что, с одной стороны, специфика этой области требует очень узких знаний и умений, а с другой стороны – повсеместная доступность интернета дает практически каждому человеку возможность получить доступ к скрытой информации. Поэтому субъект киберпреступлений – это не всегда личность, обладающая стандартными характеристиками преступного элемента, в основном это те граждане, которые никогда не были под прицелом правоохранительных органов. Соответственно, изучение личности киберпреступника, сбор сведений о возможных мотивах совершения киберпреступлений, содержание подготовки и пр. становится актуальной задачей в свете наших реалий.

Ключевые слова: интернет, цифровые технологии, киберпреступления, личность преступника.

OSSAMA Qadi E. A.

postgraduate student of Criminal law and criminology, penal law sub-faculty of the Institute of Law Peoples' Friendship University of Russia

CYBERCRIME PREVENTION IN THE US AND RUSSIA: CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTIC IDENTITY OF A CYBERCRIMINAL IN THE US

The modern world is impossible without information technologies, which have firmly penetrated into every sphere of life of society and the state. Every simple step we take every day is part of the digital space and stores information about itself in the electronic world. This is what criminals use. On the one hand, the specifics of this area require very narrow knowledge and skills, and on the other hand, the ubiquitous availability of the Internet gives almost everyone the opportunity to gain access to hidden information. The subject of cybercrime is not always a person with the standard characteristics of a criminal element, mainly these are citizens who have never been under the gun of law enforcement agencies. Therefore, the study of the personality of a cybercriminal, the collection of information about possible motives for committing cybercrimes, the content of training, etc., becomes an urgent task in the light of our realities.

Keywords: Internet, digital technologies, cybercrimes, criminal identity.

Стремительное распространение информационных технологий делает нашу повседневную активность проще, коммуникацию – проще, рост экономики – быстрее, кросс-культуринг – активнее, но и способствует росту числа преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет [5, с. 54].

Цифровизация всех сфер жизнедеятельности общества и государства – неотъемлемая часть повсеместной глобализации и научно-технического прогресса. Реальность такова, что почти каждый человек так или иначе сталкивается с элементами электронного мира, который хранит в себе сведения обо всех нас.

Доступность и распространенность Интернета свидетельствует о том, что каждый человек может получить доступ в цифровое пространство и найти интересующую его информацию. Однако не всегда доступ к такой информации пользователь получает легально – в последние несколько лет стремительно растет число киберпреступлений, связанных с незаконным доступом к частным сведениям, будь то информация, денежные средства и пр.¹

Считается, что субъекты киберпреступлений настолько отличаются друг от друга, что их невозможно объединить

в однородную группу по каким-либо выделенным характеристикам личности преступника или отдельным признакам состава преступления. Т.е. составить криминологический портрет субъектов киберпреступлений практически не представляется возможным [3, с. 115].

Тем не менее, анализ преступлений, совершенных и расследованных в Соединенных штатах, позволяет выделить несколько основных образов преступников в сфере компьютерной информации, базирующихся на довольно интересных личностных особенностях.

Личность киберпреступника под названием «хакер» характеризуется исследовательским интересом и зачастую попытками показать свое превосходство, показать и доказать тем самым свои возможности. С точки зрения психологии, хакерам характерен эскапизм, т.е. стремление уйти от реальности, эмоциональная чувствительность и интровертность. Как правило, хакеры, в силу своего острого аналитического ума и абстрактного мышления, имеют узкий круг общения, в котором эта личность – авторитет. Зачастую выявить хакера позволяют следы, оставляемые им в киберпространстве, например – сетевые контакты [6].

Одной из первых хакерских атак является червь Роберта Морриса, буквально парализовавший работу более шести тысяч компьютеров в США в 1988 году. Компьютерный червь, запущенный хакером, подбирал пароли к учетным записям.

¹ Число киберпреступлений выросло на 94,6 % за 2020 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru-bezh.ru/gossektor/news/20/12/02/chislo-kiberprestuplenij-v-rossii-vyiroslo-na-946-procentov-za> (дата обращения: 31.01.2021).

Роберт Моррис является первым человеком, осужденным в Соединенных Штатах по Закону о мошенничестве и злоупотреблениях с применением компьютера.

Выделяется такая личность киберпреступника как «инсайдер». Для такого субъекта характерно совершение преступления в соучастии с целью использования информации, полученной в силу занимаемой рабочей должности. Считается, что инсайдером становится сотрудник, который каким-либо образом обижен в силу действующей корпоративной культуры или непосредственного отношения руководства.

Сведения, полученные инсайдером, по сути, являются товаром. И за инсайдерскую торговлю назначается уголовное наказание. К примеру, основатель американского хедж-фонда Galleon Group Радж Раджаратнам за инсайдерскую торговлю получил 11 лет лишения свободы.

В Америке распространено понятие «белого воротничка», которое включает в себя следующие категории:

- лица, злоупотребляющие своим рабочим положением в силу чувства обиды на компанию (несогласие с руководством, заработной платой, корпоративной политикой и пр.);
- лица, ранее судимые, а потому ворующие ценные сведения;
- лица, попавшие в сложную ситуацию, и торговля инсайдерской информацией такую ситуацию может исправить.

Например, в 2010 году член комиссии по ядерному регулированию Соединенных Штатов обратился в посольство другой страны с целью продажи правительственной информации. Однако такие действия были пресечены ФБР, и Чарльзу Экклстону назначено наказание в виде лишения свободы на срок до 20 лет.

Другой тип личности киберпреступника – компьютерный мошенник. Такой тип характеризуется высоким уровнем самоорганизации, самостоятельности и инициативности. Как правило, их область – это махинации с банковскими картами и рассылка спама для получения персональных данных пользователей. Одним из известнейших компьютерных мошенников является Роман Селезнев, в составе группы из нескольких лиц взломавший платежную систему Heartland Payments System в 2008 году, что причинило ущерба на сумму более 170 миллионов долларов. Роман Селезнев осужден в Соединенных Штатах и приговорен за продажу и кражу данных кредитных карт на 27 лет.

Американский специалист по борьбе с киберпреступностью Ланс Джеймс полагает, что наибольшее распространение среди компьютерных преступников сейчас получили так называемые script kiddies, т.е. лица, характеризующиеся юным возрастом, непрофессиональными знаниями, наличием свободного времени и целеустремленностью [1, с. 43].

В целом можно отметить, что причиной преступного поведения пользователей компьютерных устройств и сети Интернет является влияние, которое оказывает на них виртуальное пространство и окружающая повседневная среда.

В условиях анонимности в киберпространстве люди не до конца правильно отделяют свои действия и реальную личность полагая, что могут не брать на себя ответственность за поступки, которые совершены в виртуальном мире. Это огромная проблема называется соотношением мира виртуального и реального. В основном к двигателям преступников в сфере компьютерной информации можно отнести корыстные, политические, игровые мотивы. Большинство преступлений с использованием компьютеров совершается людьми, чья работа или интересы лежат в данной области.

Среди ведущих характеристик следует выделить:

- преступник в большинстве случаев – мужчина;
- нет зависимости от семейного положения;
- среди преступников преобладает молодое поколение;
- большую роль имеет уровень образования;
- определяющим фактором является социальное положение, которое киберпреступник стремится улучшить;
- в основном преступления совершаются в одиночку [2, с. 23].

Однако меняется постоянно реальность – меняется и образ киберпреступника. И уже в следующем году мы можем обсуждать те характеристики, которые сегодня остались незамеченными.

Пристатейный библиографический список

1. Джеймс Л. Фишинг. Техника компьютерных преступлений / Пер. с англ. Р. В. Гадицкого. – М.: НТ Пресс, 2008. – 320 с.
2. Макушев Д.И. Криминологическая характеристика личности киберпреступника // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 2. – С. 17-23.
3. Маслакова Е.А. Лица, совершающие преступления в сфере информационных технологий: криминологическая характеристика // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. № 1 (31). – С. 114-121.
4. Поляков В.В., Людкова Н.В. Характеристика личности киберпреступников // Теоретические и практические проблемы организации раскрытия и расследования преступлений: сб. матер. Всерос. науч.-практ. конф. 22 апреля. – Хабаровск, 2016.
5. Решняк М.Г. Современные проблемы действия уголовного законодательства России и отдельных зарубежных стран, связанные с цифровизацией преступной деятельности // Безопасность бизнеса. – 2020. – № 6. – С. 54-61.
6. Ушаков С.И. Преступления в сфере обращения компьютерной информации (теория, законодательство, практика): дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов, 2000.
7. Число киберпреступлений выросло на 94,6 % за 2020 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru-bezh.ru/gossektor/news/20/12/02/chislo-kiberprestuplenij-v-rossii-vyroslo-na-946-procentov-za> (дата обращения: 31.01.2021).

ХАДЖИЕВ Беслан Хабасович

аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ УКЛОНЕНИЯ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ИЛИ НЕИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ АКТОВ

В статье раскрыты понятие и содержание субъекта и субъективной стороны преступления. Проведен анализ субъективных признаков уклонения от исполнения или неисполнения судебных актов. Сделан вывод, что отличительной признаком субъективной стороны исследуемых преступлений является то, что они совершаются с прямым умыслом. Рассмотрено соответствующее уголовное законодательство отдельных европейских стран. Выявлены особенности составов преступлений против правосудия по законодательству отдельных европейских стран. Данные нормы могут быть использованы при совершенствовании уголовного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: невыполнение решений суда, побег, преступления против правосудия, субъект преступления, субъективная сторона.

HADZHIEV Beslan Khabasovich

postgraduate student of Criminal law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

CHARACTERISTICS OF SUBJECTIVE SIGNS OF EVASION FROM EXECUTION OR NON-EXECUTION OF JUDICIAL ACTS

The article reveals the concept and content of the subject and the subjective side of the crime. The analysis of subjective signs of evasion from execution or non-execution of judicial acts is carried out. It is concluded that a distinctive feature of the subjective side of the crimes under investigation is that they are committed with direct intent. The relevant criminal legislation of individual European countries has been reviewed. The peculiarities of the composition of crimes against justice under the legislation of individual European countries are revealed. These norms can be used to improve the criminal legislation of the Russian Federation.

Keywords: non-compliance with court decisions, escape, crimes against justice, the subject of the crime, the subjective side.

Под преступлениями против правосудия, связанные с неисполнением или уклонением от исполнения судебных актов, понимаются общественно опасные, противоправные деяния, нарушающие общественные отношения, обеспечивающие деятельность госорганов по реализации задач и целей правосудия, как непосредственно посягающие на отношения по исполнению судебного акта, так и посягающие на другие охраняемые отношения, но сопряженные с нарушением судебных актов.

Уголовный кодекс РФ содержит две группы норм, целью которых является непосредственная либо опосредованная охрана общественных отношений по реализации судебного акта. Как правило, к числу первых относятся преступления, предусмотренные гл. 31 УК РФ: ст. 312; ст. 313; ст. 314; ст. 314.1; ст. 315; ст. 321 УК РФ¹.

Вторая группа норм предусматривает ответственность за посягательства на другие охраняемые объекты, но при этом они также причиняют вред интересам правосудия. Причем само неисполнение судебного акта законодателем признается либо криминообразующим, либо квалифицирующим признаком.

С учетом указанного обстоятельства, вторую группу составляют следующие преступления: ч. 1, ч. 2 ст. 157 УК РФ; ч. 2 ст. 157 УК РФ; ч. 1 ст. 169 УК РФ; ст. 177 УК РФ.

К субъективным признакам деяния относятся его субъект и субъективная сторона.

Субъективной стороной преступления является психическое отношение субъекта преступления к деянию, которое

он совершает и его последствиям. Субъективная сторона преступления включает следующие элементы: вина, мотив и цель преступления. Обязательным элементом является только вина.

Следует отметить, что признаки субъективной стороны конкретного состава преступления либо называются в диспозиции статьи УК, либо определяются характером преступного посягательства. Они имеют неодинаковое назначение, поскольку вина является обязательным признаком исследуемого состава преступления. Без нее отсутствует состав преступления, а потому не может быть уголовной ответственности.

Вина выражается в психическом отношении лица к совершенному преступлению в форме умысла и неосторожности. Наука уголовного права рассматривает вину лица, проявляющуюся в преступлении как факт объективной действительности (то есть как объективную истину), которую должен установить следователь, прокурор, суд.

Под мотивом преступления понимают внутреннее побуждение, которым лицо руководствуется при совершении преступного деяния. Цель – это источник направленности субъекта, его активности.

Цель составляет базу, то есть психологическую основу, на которой зарождается вина, ведь цель возникает еще до совершения преступления. Именно такой подход и отношение к этим признакам будет иметь весомое значение для теории и практики. Цель является характерным признаком умышленных преступлений, которые совершаются с прямым умыслом.

Субъектом преступления является физически вменяемое лицо, который на момент совершения преступления до-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 25. – 17.06.1996. – Ст. 2954.

стиг возраста наступления уголовной ответственности. Вменяемость нельзя считать предпосылкой вины. Однако так же не можно утверждать, что вменяемость и вина – не связанные между собой понятия. Соотношение между ними можно назвать соотношением формы и содержания, где вменяемость составляет содержание, а вина – форму.

Различные комбинации сознания и воли как отдельных элементов вменяемости образуют различные модификации вины – ее виды. Вменяемость не существует вне вины. При этом вменяемость имеет уголовно правовое значение лишь тогда, когда она оформилась в конкретном виде вины, с которым законодатель связывает наступление уголовной ответственности за определенное преступление.

Вменяемость – это самостоятельная категория уголовного права, она не является зеркальным отражением невменяемости, обладает своими конкретными признаками и является основанием наступления уголовной ответственности.

Отличительной признаком субъективной стороны исследуемых преступлений является то, что они совершаются с прямым умыслом.

Так, 27 июня 2019 года при освобождении по отбытии наказания из ФКУ ИК-2 УФСИН Пащенко Е.С. было выдано предписание о необходимости явки к 09 часам 00 минутам 29 июня 2019 года в Целинный филиал ФКУ УИИ УФСИН России, для постановки на учет.

01 июля 2019 года Е. С. Пащенко прибыл к месту проживания по адресу: <данные изъяты>. Однако, вопреки предписанию, выданному 27 июня 2019 года в ФКУ ИК-2 УФСИН, Е. С. Пащенко, имея прямой преступный умысел, направленный на злостное уклонение от отбывания наказания, умышленно, осознавая последствия своих преступных действий, достоверно зная об установленных судом ограничениях и не желая соблюдать их, преследуя цель злостного уклонения от назначенного ему ограничения свободы, не являлся в Целинный филиал ФКУ УИИ УФСИН, расположенный по адресу: <данные изъяты> для постановки на учет, а 14 августа 2019 года самовольно оставил место жительства по адресу: Республика Калмыкия, Целинный район, пос. Аршан-Булг, ферма № 1, при этом о месте своего пребывания в Целинный филиал ФКУ УИИ УФСИН не сообщил до момента его задержания сотрудниками полиции, то есть до 08 октября 2019 года.

Установленные условия обстоятельства в своей совокупности свидетельствуют о злостном уклонении им, как лицом, осужденным к ограничению свободы, от отбывания наказания, то есть действовал с прямым умыслом².

Кроме того, при уклонении от отбывания наказания и от административного надзора обязательным элементом является наличие цели – уклониться от отбывания наказания и от административного надзора. В остальных деяниях цели и мотивы виновного на квалификацию содеянного не влияют, но могут быть учтены при назначении наказания.

Субъект анализируемых деяний – вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста (по ч. 2 ст. 157, ч. 3 ст. 314, ст. 314.1 УК РФ – 18-летнего возраста).

Субъекты преступлений, предусмотренных ст.ст. 157, 169, 312, 313, 314, 314.1, 315 УК РФ, являются специальными. Например, субъектом преступления по ст. 315 УК РФ является представитель власти, госслужащий, служащий органа местного самоуправления, служащий организации, обязанный исполнять вступившее в законную силу судебное реше-

ние и наделенный полномочиями по исполнению указанной обязанности [1].

Следует отметить, что большинство государств ЕС придерживаются принципа, в соответствии с которым преступление совершается только умышленно, при условии, если в норме не указано, что данное преступление может совершаться по неосторожности.

В связи с изложенным нормы уголовного законодательства государств ЕС, в которых предусмотрена ответственность за невыполнение судебного решения, в зависимости от формы вины, можно поделить на посягательство:

– которые совершаются с умышленной формой вины (ФРГ, Австрия, Франция, Италия, Нидерланды, Швеция, Финляндия, Болгария, Чехия, Хорватия);

– которые совершаются как с умышленной формой вины, так и с неосторожной (Дания, Хорватия).

Проанализируем нормы первой группы. Согласно § 288 «Воспрепятствование принудительному исполнительному производству» УК ФРГ предусмотрена уголовная ответственность лица, которая с намерением воспрепятствовать исполнению судебного решения, в частности, удовлетворению требований кредитора, отчуждает части своего имущества или исключает возможность доступа к нему. В этом случае на умышленность действий виновного указывает намерение. Действия лица, ответственность за которые предусмотрена в § 271 «Нарушение имущественного ареста» УК Австрии, в силу § 7 данного уголовного закона, определяются как умышленные.

Умышленный характер имеет также нарушение лицом, в отношении которого является судебный приказ или судебный приказ о временном запрете, порядке, предусмотренном в соответствующих решениях (раздел 9 (а) УК Финляндии). Совершение деяний, направленных на воспрепятствование выполнению официального решения, ответственность за которые предусмотрена в § 348 УК Словакии, на основании § 15 настоящего уголовного закона определяются как совершенные с умышленной формой вины. Деяния, предусмотренные в ст. 337 «Воспрепятствование правосудию и препятствование вынесению приговора» УК Чехии относительно вмешательства или существенного обременения исполнения решения суда или иного государственного органа способами, указанными в данной норме, совершаются умышленно.

Умышленными являются деяния (невыполнение обязательства, предусмотренное законом в связи с исполнительным производством, другие обязательства, чем те, что содержащихся в исполнительном листе), предусмотренные ст. 288 «Воспрепятствование судебного правоприменения» УК Венгрии. В ст. 244 УК Польши предусмотрена ответственность за невыполнение судебного запрета или невыполнение распоряжения суда об объявлении решения способом, предусмотренным в нем. Данное преступление против совершения правосудия в соответствии со ст. 8 УК Польши является умышленным. За умышленное или из-за халатности невыполнение решения суда, центра или государственного органа, а также несвоевременное выполнение своих юридических обязательств, направленных на защиту ребенка или несовершеннолетнего, предусмотрена наказуемость ответственного работника в (2) ст. 215 УК Хорватии.

В целом исследование субъективной стороны неисполнения судебного решения или похожего на него состава преступления по законодательству государств ЕС дало возможность вычленил подобные и отличные положения по сравнению с национальной нормой данного состава престу-

2 Приговор № 1-3/2020 от 28 января 2020 г. по делу. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: № 1-3/2020. <https://sudact.ru/>.

пления. Характерной особенностью является невыполнение судебного решения по законодательству государств ЕС исключительно с прямым умыслом, о чем и есть прямая указание в диспозициях указанных норм.

Характерным для национального законодателя является определение специальной цели, что является характерной особенностью некоторых норм невыполнение судебного решения по законодательству государств ЕС. Так, например, § 288 УК ФРГ предусматривает совершение действий предусмотренных в диспозиции с намерением воспрепятствовать исполнению судебного решения, в части удовлетворения требований кредитора; ст. 314-7 УК Франции предусматривает совершение деяния, указанных в диспозиции, с целью уклонения от судебных решений; ст. 296 (2) УК Болгарии указывает на необходимость наличия обязательной цели, в частности: совершение деяния, предусмотренного диспозицией, с целью предотвращения / препятствования исполнению судебного решения.

Для выявления определенных расхождений в отношении субъектов совершения преступления невыполнение судебного решения и положений, которые могут быть использованы при совершенствовании УК РФ, мы осуществили сравнительно-правовой анализ соответствующих положений УК государств ЕС. По субъектному составу, в зависимости от признаков субъекта преступные посягательства против невыполнения судебного решения и подобные им по законодательству государств ЕС можно разделить на виды де:

1) субъектом посягательства является любое лицо (Австрия, Франция, Швеция, Чехия, Словакия, Хорватия, Италия, Болгария);

2) субъектом посягательства является специальный субъект (ФРГ, Франция, Испания, Италия, Дания, Люксембург, Бельгия, Нидерланды, Финляндия, Хорватия, Венгрия, Польша, Болгария, Румыния, Словения, Эстония, Литва);

3) субъектом посягательства является ответственный орган так любое лицо (Румыния, Люксембург).

Так, субъектом анализируемого преступления, ответственность за которое предусмотрено ст. 296 УК Болгарии, является лицо, которое препятствует исполнению судебного решения о защите от домашнего насилия (1) или лицо, которое с целью предотвращения или препятствования исполнению судебного решения уничтожает, повреждает, скрывает или присваивает предмет (объект), на который ссылается судебное решение (2). Нормы второй группы характеризуются исключительно специальным субъектом неисполнения судебного решения.

УК Италии в ст. 388 «Умышленное неисполнение решения суда» субъектом преступления определяется специальный субъект-лицо, осуществляющее в отношении своей собственности или собственности третьих лиц, а также лицо, осуществляющее в отношении вверенного ему имущества, мнимые или мошеннические действия во избежание выполнения гражданских обязанностей, вытекающих из обвинительного приговора или уклоняющееся от исполнения решения суда по гражданскому делу, которое касается опеки над детьми или другими лицами с ограниченной дееспособностью (абз. 1, 2, 4). Также предусмотрено, что ответственность несет опекун имущества, находящегося под описью или судебным арестом или арестом в порядке обеспечения иска, который неправомерно отказывается, уклоняется или задерживает выполнение административного акта (абз. 5). Специальным субъектом такого преступления является должник, администратор, генеральный директор, ликвида-

тор юридического лица должника, который уклоняется от ответа или предоставляет ложные сведения об имуществе или денежном обязательстве, подлежащем описи (абз. 6). В таком случае субъектом является лицо, которое наделено определенными полномочиями относительно распоряжения имущества.

Анализ субъекта неисполнения судебного решения по законодательству государств ЕС дает возможность установить ряд сходств и отличий по трактовке субъекта невыполнения судебного решения по УК РФ. В частности, большинство проанализированных норм государств ЕС содержит указание на то, что субъектом неисполнения судебного решения является, в основном, физическое лицо.

Особенностью является также установленная ответственность юридических лиц за невыполнение судебного решения по уголовным кодексам Румынии (ст. 287 УК Румынии) и Люксембурга (ст. 391 УК Люксембурга). Субъектом преступления на законодательном уровне признано юридическое лицо. Также следует отметить, что разновидность специальных субъектов невыполнения суд по законодательству государств ЕС достаточно обширен. В отличие от специального субъекта неисполнения судебного решения по ст. 382 УК (должностное лицо или лицо, обязанное выполнить решение суда), специальными субъектами неисполнения судебного решения по законодательству государств ЕС могут быть: лицо, которому грозит принудительное исполнительное производство (§ 288 УК ФРГ); юридический или фактический руководитель юридического лица (ст. 314-7 УК Франции); должник, администратор, генеральный директор, ликвидатор юридического лица-должника (ст. 388 УК 122 Италии); государственный чиновник, агент или служащий правительства, независимо от должности или чина (ст. 254 УК Бельгии) и др.

Пристатейный библиографический список

1. Сасин А. А. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта как преступление против правосудия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/neispolnenie-prigovora-suda-resheniya-suda-ili-inogo-sudebnogo-akta-kak-prestuplenie-protiv-pravosudiya>.

МАРТЫНЕНКО Александра Игоревна

студент Экономического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ТРАХОВА Фатима Асланбечевна

студент Экономического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

КРИВЕНКО Юлия Александровна

студент Экономического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ЧЕРНОВ Юрий Иванович

студент Экономического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ВОПРОС ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НОВЫЕ ВИДЫ МОШЕННИЧЕСТВА

Работа посвящается анализу вопросов установления ответственности за новые виды мошенничества. Авторы анализируют и истолковывают изменения, внесенные в Уголовный кодекс Российской Федерации, высказывают свои предложения по уточнению редакции статей, а также ответственность за их совершение. Авторы исследуют юридико-технические ошибки, которые допустили законодатели во время установления ответственности за специальные виды мошенничества, а также на основании полученных сведений формируют предложения по внесению изменений как в статьи уголовного кодекса, связанного с новыми видами мошенничества, так и в непосредственную санкцию статьи уголовного кодекса. Целью исследования является повышение эффективности противодействия подобным преступлениям, нахождение и устранение правовых пробелов, которые будут устранены в будущем.

Ключевые слова: мошенничество, ответственность, уголовный закон, уголовный кодекс.

MARTYNENKO Aleksandra Igorevna

student of the Faculty of Economics of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

TRAKHOVA Fatima Aslanbechevna

student of the Faculty of Economics of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

KRIVENKO Yuliya Aleksandrovna

student of the Faculty of Economics of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

CHERNOV Yuriy Ivanovich

student of the Faculty of Economics of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

THE QUESTION OF ESTABLISHING RESPONSIBILITY FOR NEW TYPES OF FRAUD

The work is devoted to the analysis of the issues of establishing responsibility for new types of fraud. The authors analyze and interpret the amendments made to the Criminal Code of the Russian Federation, express their suggestions for clarifying the wording of articles, as well as responsibility for their commission. The authors investigate the legal and technical mistakes that legislators made during the establishment of responsibility for special types of fraud, and also, based on the information received, form proposals for amendments both to articles of the Criminal Code related to new types of fraud and to the direct sanction of articles of the Criminal Code.

Keywords: fraud, liability, criminal law, criminal code.

Конституцией РФ в ст. 35 [1] закрепляется неприкосновенность частной собственности, частная собственность граждан охраняется законом, однако огромное количество преступлений связаны именно с завладением чужого имущества. УК РФ содержит немало составов преступления, так или иначе связанных с незаконным завладением имущества. Огромную долю в таких преступлениях занимает мошенничество. Стоит также сказать, что преступное сообщество не стоит на месте и активно развивается, преступления становятся все более изощренными, появляются новые составы преступлений, которые хотя и взаимодействуют с уже существующими составами, но не регулируют новые виды преступлений в полном объеме.

Мошенничество остается одним из самых распространенных преступлений против собственности в России. В последние годы мошеннические системы стали более изощренными и разнообразными. Мошенничество совершается во всех сферах жизни общества и экономики, используются самые разные психологические и ма-

нипулятивные приемы и методы. Такие преступления раскрываются в жилищной сфере, предпринимательстве, современных технологиях, страховании и даже в сфере услуг и во многих других сферах деятельности граждан. На основании статьи 159 УК РФ [2] под мошенничеством понимается хищение чужого имущества либо приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Мошенничество - более изощренная форма кражи собственности. Каждый вид обмана имеет однородные черты. Хищение или метод хищения — это мошенничество или злоупотребление доверием, независимо от сферы общественных отношений, в которой совершено преступление. Однако законодатель счел необходимым дополнить Уголовный кодекс РФ конкретными положениями, регулирующими ответственность за отдельные виды мошенничества. На основании Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ [3], а именно ст. 1591–1596 УК РФ, мошенничество будет считаться наказуемым, если оно будет совершено в сфере предоставле-

ния займов, при получении платежей, использовании платежных карт в хозяйственной деятельности и т.д.

Вместе с принятием закона возникла проблема его применения на основе анализа практики рассмотрения таких уголовных дел, многие из которых остаются нерешенными. В то же время вопрос об ответственности за отдельные виды мошенничества неоднозначен и неоднозначно воспринимается экспертами, оценивающими реформу уголовного законодательства в этой сфере отношений. Одни авторы выступают за исправление этих дополнений, другие критически оценивают и комментируют упомянутый закон. Но оба, несомненно, пытаются заявить о себе, чтобы улучшить общую ситуацию с противодействием мошенничеству. Критические комментарии по этому вопросу относятся к анализу признаков, характеризующих составы общего и специального мошенничества, поскольку новые правила включают другие объективные и субъективные показатели, связанные только с этими составами, что отличает их от признаков мошенничества, для которых ответственность предусмотрена ст. 159 УК РФ.

Следует отметить, что согласно ч. 3 ст. 17 УК РФ, если преступление предусмотрено по общим и особым правилам, совокупность преступлений отсутствует и наступает уголовная ответственность по особой норме. Это называется конкуренцией, по общим и специальным правилам. В этом случае специальная норма должна содержать все признаки общей нормы, но также должна иметь свои специфические признаки, позволяющие отличить ее от общей нормы. Таким образом, если проанализировать все доказательства существования специальных норм о мошенничестве (статьи 1591-1596 УК РФ), можно заметить, что не все эти правила содержат характеристики, указанные в ст. 159 УК РФ, присутствуют в общей норме. Например, статья 1591 об ответственности в сфере кредитования не содержит указания на объективную сторону преступления, такого как обман; ст. 1594 об ответственности в сфере предпринимательской деятельности не содержит доказательств хищения чужого имущества и т.д.

Большинство комментариев по поводу несовершенства конкретных положений о мошенничестве касаются несоответствия общего принципа и новых элементов такого деяния, различия в определении видов и размеров наказаний за такие правонарушения, а также несовершенства содержания, перечисленного в ст. 1591-1596 УК РФ свидетельствует о злоупотреблениях в различных сферах общественных отношений, что, как справедливо было отмечено, негативно сказывается на применении таких норм на практике. В зависимости от конкретного вида мошенничества, ответственность за который предусмотрена специальными положениями, законодатель по-разному определял как способ совершения такого правонарушения, так и его последствия, что снова приводит к расхождению в определении мошенничества в его классическом понимании. Таким образом, в сноске к ст. 159 УК РФ, прежде всего, под мошенничеством следует понимать хищение чужого имущества, нарушающее права собственника вне зависимости от объема и сферы экономической деятельности и нарушающее права и законные интересы потерпевшего.

Авторы считают, необходимым выделить примечание и определить крупный и особо крупный размер, который будет отличаться от других составов преступления против собственности. Этим будет подчеркиваться внимание законодателя к совершенствованию данной нормы с учетом необходимости ужесточения ответственности за данные виды

преступлений. Целесообразность выделить примечание также поможет упростить и упорядочить работу лиц, активно применяющих право в своей профессиональной деятельности, а также поспособствует более точному пониманию уголовного закона со стороны обычных граждан.

Поэтому важно, чтобы сотрудники правоохранительных органов определял способ мошенничества, поэтому в примечании к статье 159 УК РФ должны быть раскрыты признаки обмана и злоупотребления доверием, так посредством обмана и злоупотребления доверием совершаются мошеннические преступления. Мы считаем, что внесенные выше изменения в статью 159 Уголовного кодекса Российской Федерации могут помочь улучшить ситуацию в целях противодействия разного рода мошенническим действиям.

Подводя краткий итог, можно сказать, что уголовный закон активно развивается, хотя немного и отстает от развития преступности. Принятые поправки в уголовный кодекс в сфере мошенничества безусловно шаг к улучшению уголовного законодательства и уменьшению мошеннических преступлений, однако, внесенные поправки на данный момент не идеальны, имеется ряд вопросов, касающиеся ответственности, с которыми еще только предстоит столкнуться в будущем. Авторы проанализировали ряд новых составов преступления в сфере мошенничества и внесли свои предложения для улучшения уголовного закона и уменьшения количества мошеннических преступлений. Авторы изучили конкуренцию между специальными составами мошенничества и общими, сделав после анализа ряд выводов. Выделение примечания, которое будет указывать на крупный и особо крупный размер, что поможет отличить одно мошенничество от другого, а также выделит признаки обмана и злоупотребления доверием, отличительные признаки которых могут способствовать раскрытию преступлений и более точной квалификации определенных видов мошенничества, что в свою очередь приведет к более точной юридической оценке содеянного и поспособствует установлению справедливой ответственности.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 01.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.
3. Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 декабря 2012 г. № 49 ст. 6752.

ГРИЦЕНКО Никита Сергеевич

аспирант Юридического института Сибирского Федерального Университета, г. Красноярск

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОЛЛЕГИАЛЬНОГО РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ

В статье исследуется динамичный процесс изменения роли коллегиального состава суда в отечественном судопроизводстве. Выделены причины указанных изменений. На основании комплексного анализа данных судебной статистики, норм уголовно-процессуального законодательства и предложенных законопроектов, автор обращает внимание на существующую тенденцию к росту роли коллегиальности при рассмотрении уголовных дел по существу. Автором сделан вывод о необходимости отнесения коллегиального отправления правосудия к правовым традициям уголовного судопроизводства РФ.

Ключевые слова: коллегиальность, коллегиальное правосудие, состав суда.

GRITSENKO Nikita Sergeevich

postgraduate student of the Institute of Law of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF COLLEGIAL CONSIDERATION OF CRIMINAL CASES IN MODERN CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article explores the dynamic process of changing the role of the collegial composition of the court in domestic judicial proceedings. The reasons for these changes are highlighted. On the basis of a comprehensive analysis of judicial statistics, the rules of criminal procedure and the proposed bills, the author draws attention to the current tendency to increase the role of collegiality in the examination of criminal cases on the merits. The author concluded that it is necessary to attribute the collegial administration of justice to the legal traditions of criminal proceedings of the Russian Federation.

Keywords: collegiality, collegial justice, composition proceedings.

Гриценко Н. С.

Институт коллегиального рассмотрения уголовного дела всегда играл особую роль в генезисе отечественного уголовного судопроизводства. Однако с полной уверенностью можно сказать, что рассматриваемый институт не был перманентным.

Под воздействием социально-политических факторов изменялась не только правовая природа и форма коллегиальности, но и ее удельный вес как основной формы состава суда в уголовном процессе: от императивно коллегиальных общинных и церковных судов времен Русской правды [1; 25-26 с.] до прекращения существования коллегиальности как конституционного принципа и Закона РФ от 16.07.1993 № 5451-1, который предусмотрел «решительный поворот от принципа коллегиальности в правосудии к единоличному правосудию, отражающему черты административной юрисдикции, и к освобождению суда от обязанности доказывания, активного поиска истины, свойственных традиции российского судопроизводства» [2; 117 с.].

Действительно ли наука и практика современного уголовного судопроизводства России отдает предпочтение оперативному единоличному рассмотрению уголовного дела, как остро заметил А.Д. Бойков, либо тенденция изменилась. Именно на этом в рамках данной публикации обратим внимание.

Окончание советского периода развития уголовно-процессуального законодательства характеризуется апогеем коллегиальности состава суда при рассмотрении уголовных дел. Статья 154 Конституции СССР 1977 г. декларировала, что рассмотрение как уголовных, так и гражданских дел во всех судах реализуется коллегиально, кроме того, в суде первой

инстанции - с участием народных заседателей¹. Аналогичную норму содержала и статья 10 Закона РСФСР от 08.07.1981 «О судостроительстве РСФСР» (первоначальная редакция)², закрепляя коллегиальный состав суда при рассмотрении всех уголовных дел.

Становление Российской Федерации как суверенного и независимого государства сопровождалось широким спектром институциональных реформ, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства. Так, 16 июля 1993 г. был принят уже упомянутый Закон РФ № 5451-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях», устанавливающий дуализм форм состава суда путем изменения статьи 10 Закона РСФСР «О судостроительстве РСФСР»³. С этого момента рассмотрение гражданских и уголовных дел в судах осуществляется коллегиально и единолично. Несмотря на то, что Закон РФ N 5451-1 вводил также в УПК РСФСР норму о рассмотрении судом (кроме городских и районных судов) с согласия обвиняемого уголовного дела в составе трех профес-

1 Конституция СССР 1977 г. (принята на внеочередной VII сессии Верхов. Совета СССР IX созыва. 7 окт. 1977 г.) // Ведомости Съезда нар. депутатов СССР и Верхов. Совета СССР от 12 окт. 1977 г. № 41. Ст. 617.

2 О судостроительстве РСФСР: Закон РСФСР от 8 июля 1981 г. // Ведомости Съезда нар. депутатов РСФСР от 16 июля 1981 г. № 28. Ст. 976.

3 О внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»: Закон РФ от 16 июля 1993 г. // Ведомости Съезда нар. депутатов РФ и Верхов. Совета РФ. 1993. № 33. Ст. 1313.

сиональных судей, уголовная юстиция активно использовала нововведение законодателя о единоличном рассмотрении дела. Это подтверждается данными судебной статистики: в первой инстанции коллегиальным составом суда в 1993 г. рассмотрено 77 % уголовных дел, в 1994 г. - 63 %, в 1995 г. - 64 %, 1996 г. - 61 % [6; 52 с.]. Критически по этому поводу описал ситуацию С.А. Пашин о том, что «нормы сосредотачиваются вокруг действующего единолично профессионального судьи, с каждым годом разбирающего в упрощенном порядке все большее количество дел. Получается, что коллегиальное рассмотрение дел — это особый порядок разбирательства, и урезанные формы судопроизводства его вытесняют» [3; 48 с.].

Современный УПК РФ 2001 года продолжил тенденцию к упрощению организации и деятельности судей при рассмотрении уголовных дел. Так, в первоначальной редакции УПК РФ 2001 года допускалось единоличное рассмотрение уголовных дел о преступлениях, максимальное наказание за которых не превышает десяти лет. В УПК РФ в редакции от 29.05.2002 законодатель вообще не устанавливает никаких ограничений, позволяя судьям судов общей юрисдикции рассматривать уголовные дела по любой категории преступлений, помимо дел, подсудных коллегии в составе профессионального судьи и двух народных заседателей при наличии ходатайства обвиняемого [4; 5 с.].

Кроме того, начиная с 01.01.2004 институт народных заседателей упразднился, а на замену ему приходила коллегия из трех профессиональных судей федерального суда общей юрисдикции⁴. Трудно не согласиться со справедливым мнением А.Д. Назарова о том, что «сначала исчезли институты народных заседателей, общественных защитников и общественных обвинителей, передачи материалов дела в товарищеский суд, а виновного - на поруки трудовому коллективу, а сейчас явно прослеживается тенденция единоличного рассмотрения уголовных дел и сокращение юрисдикции суда присяжных» [5; 120 с.]. По мнению автора, сведение к минимуму законодателем коллегиальности, а также участия представителей общественности в отправлении правосудия является ярким проявлением обвинительного уклона.

Однако впоследствии вектор законодателя меняется на противоположный: в целях совершенствования правосудия, законности и обоснованности принимаемых судебных актов нормативно расширяются условия для коллегиального рассмотрения уголовных дел.

Так, Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» рассмотрение уголовных дел в апелляционном порядке осуществляется судом в составе трех профессиональных судей за исключением судов районного звена, в кассационное рассмотрение уголовных дел также осуществляется коллегией в составе не менее трех судей.

Федеральным законом от 6 ноября 2011 г. № 292-ФЗ установлен перечень составов преступлений, уголовные дела по

которым по ходатайству обвиняемого рассматриваются коллегией из трех профессиональных судей. Указанный перечень в дальнейшем расширен Федеральными законами от 5 июня 2012 г. № 54-ФЗ, от 23 июля 2013 г. № 217-ФЗ.

Ярким примером демократизации и возрастания роли коллегиальности является также и распространение в уголовном судопроизводстве народного элемента: Федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ предусмотрел возможность рассмотрения уголовных дел с участием шести присяжных заседателей. Именно о суде присяжных как об особой форме коллегиальности, влекущей наименьший риск судебных ошибок, различных злоупотреблений и имеющей наибольшую независимость, было указано еще в Концепции судебной реформы РСФСР⁵.

Об устоявшейся тенденции свидетельствует и анализ принятых и отклоненных законопроектов.

Так, Костромской областной Думой был предложен на рассмотрение Государственной Думе РФ законопроект № 444431-4, содержащий в себе положение об изъятии обязанности рассмотрения уголовных дел в первой инстанции в городских, районных и приравненных к ним судах коллегией из трех судей. Уголовные дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, по предложению инициатора законопроекта, должны рассматриваться коллегией из трех судей Верховного Суда Российской Федерации, верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа. Как указано в пояснительной записке, главным аргументом субъектом законотворческой инициативы являлась неостребованность указанной нормы в Костромской области и неоправданное содержание в ряде районных судов трех единиц федеральных судей⁶.

Однако авторы законопроекта не учли, что предложенные положения нарушают принцип, на основании которого установлена возможность рассмотрения уголовного дела коллегией из трех судей, а именно - тяжесть совершенного преступления. Кроме того, предлагаемые изменения повлекут дополнительную нагрузку на суды общей юрисдикции субъекта Российской Федерации, так как при наличии ходатайства обвиняемого о коллегиальном рассмотрении коллегии указанного суда должна будет рассмотреть все уголовные дела абсолютно любой степени тяжести.

Таким образом, предложенный законопроект не только противоречил существующим уголовно-процессуальным нормам, но и нарушал порядок становления института рассмотрения уголовных дел коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции, о чем было указано в заключении Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству по рассматриваемому законопроекту. В связи с изложенным, законопроект был отклонен.

5 Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_40216.html.

6 Законопроект № 444431-4 «О внесении изменений в статью 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (об уточнении процессуальных полномочий судьи федерального суда общей юрисдикции и коллегии из трех судей федерального суда общей юрисдикции)» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/916965-7> (дата обращения 11.02.2022).

4 О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 29 мая 2002 г. № 59-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон „О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации“»: Федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52 (Часть I). Ст. 4924; Собр. законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2028.

Признавая важнейшую роль коллегиальности в современном уголовном процессе, необходимо проанализировать актуальное состояние единоличного в судебной стадии уголовного судопроизводства.

По нашему мнению, коллегиальное рассмотрение благоприятствуют принятию более объективного решения по существу, минимизируя количество судебных ошибок и исключая «возможность бесконтрольного усмотрения, произвола и злоупотреблений со стороны единолично действующего судьи» [7; 45 с.].

Тогда как единоличный состав суда, на наш взгляд, наиболее полно демонстрирует свою эффективность при рассмотрении (апелляционном пересмотре) промежуточных решений. Данный тезис подтверждается данными судебной статистики.

Так, в 2018 году судами субъектов РФ рассмотрены в апелляционном порядке жалобы и представления на 187 545 промежуточных судебных решений по уголовным делам, а в 2019 году – на 196 121 такое решение. Из количества промежуточных судебных решений, которые были рассмотрены в порядке апелляции, отменены или изменены в кассационном порядке: в 2018 году – 2167 решений (1,16 %), в 2019 году – 2482 решения (1,27 %)⁷.

На основании низкого процента обжалований рассмотренных в апелляционном порядке судами субъектов РФ жалоб и представлений на промежуточные судебные решения, законодатель распространил нормы о единоличном рассмотрении апелляционных жалоб и представлений на промежуточные решения, принятые в качестве суда первой инстанции судом субъекта РФ, на действующий с 01.10.2019 апелляционный суд общей юрисдикции и апелляционный военный суд.

Также рассматриваемый Федеральный закон от 21.12.2021 № 426-ФЗ сохраняет принцип вариативности состава суда в зависимости от тяжести преступления: Рассмотрение уголовных дел в кассационном порядке о преступлениях небольшой и средней тяжести, а также уголовных дел с кассационными жалобой, представлением на промежуточные решения осуществляется судьей кассационного суда общей юрисдикции, кассационного военного суда единолично⁸.

Резюмируя вышеизложенное, можно прийти к следующим выводам.

1. Институт коллегиальности исторически был присущ российскому правосудию с древнейших времен и в большей или меньшей степени получил свое распространение на каждом этапе развития отечественного уголовно-процессуального законодательства. Пройдя длительный путь эволюции, под воздействием исторического опыта и опыта зарубежных стран, коллегиальность нашла свое отражение в современном УПК РФ, что позволяет относить коллегиальность к одной из правовых традиций, отражающей тенденции и закономерности развития российской юстиции.

2. Анализ актуального законодательства, судебной статистики и предложенных законопроектов свидетельствует о возрастающей роли коллегиального состава суда (коллективом из трех профессиональных судей, коллективом присяжных заседателей и судьей федерального суда общей юрисдикции) при рассмотрении уголовных дел по существу.

3. Единоличный состав суда позволяет, минуя снижение качества принимаемых решений и уровня правовых гарантий участников уголовного судопроизводства, сократить сроки рассмотрения жалоб и представлений на промежуточные судебные решения и оперативно принимать решения об отмене или изменении неправосудных судебных решений и о восстановлении нарушенных прав сторон.

4. Последовательное и гармоничное совершенствование коллегиального и единоличного в уголовном судопроизводстве позволяет сохранить баланс между снижением временных, материальных и трудовых судебных издержек и повышением качества отправления правосудия.

Пристатейный библиографический список

1. Бабенко В. Н. Судебная система России: история и современность: 2-е изд., перераб. и доп. / РАН ИНИОН. М-во юстиции РФ. – М.: Рос. правовая академия, 2007. – 264 с.
2. Бойков А.Д. Третья власть в России: очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990-1996 гг. – М., 1997. – 264 с.
3. «В 2016 году законодатель работал, как бешеный принтер» [Текст] / С. Пашин // Уголовный процесс. – 2017. – № 1. – С. 46-51
4. Кашепов В.П. О преобразовании статуса суда в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. – 2002. – № 12. – С. 3-7.
5. Назаров А.Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда: монография. – М., 2002. – 321 с.
6. Ничипоренко Т.Ю. Единоличное рассмотрение судьей уголовных дел: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998. – 307 с.
7. Стецовский Ю.И. Судебная власть. Учебное пособие. – М.: Дело, 1999. – 400 с.

7 Пояснительная записка к Законопроекту № 1145538-7 «О внесении изменений в статью 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (о составе суда при пересмотре промежуточных судебных решений в апелляционном и кассационном порядке)» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/1145538-7> (дата обращения 13.02.2022)

8 Федеральный закон от 21.12.2021 № 426-ФЗ «О внесении изменений в статью 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

ДОМОВЕЦ Светлана Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ ХИЩЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКСПРЕСС-ДОСТАВКИ ТОВАРОВ И ГРУЗОВ ПО РОССИИ И МИРУ И МЕХАНИЗМАХ ИХ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье предпринята попытка рассмотреть основные способы совершения преступлений против собственности, таких как кража, мошенничество в сфере доставки товаров и грузов по России и миру. Автором приводится перечень основных способов хищения чужого имущества, пересылаемого с помощью служб экспресс-доставки товаров и грузов. Кроме того, статья содержит информацию о механизме выявления данных преступлений и алгоритме дальнейших действий с целью установления обстоятельств и лиц, их совершивших.

Ключевые слова: служба экспресс-доставки, способ совершения преступления, груз, товар, клиент, заказчик, мошенник, курьер, фишинг.

DOMOVETS Svetlana Sergeevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminalistics sub-faculty of the Training and Scientific Complex of Preliminary Inquiry in Law Enforcement Agencies of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

ABOUT SOME METHODS OF COMMITTING THEFT IN THE FIELD OF EXPRESS DELIVERY OF GOODS AND CARGO ACROSS RUSSIA AND THE WORLD AND MECHANISMS FOR THEIR DETECTION AND INVESTIGATION

The article discusses the main ways of committing crimes against property, such as theft, fraud in the delivery of goods and cargo in Russia and the world. The author provides a list of the main methods of stealing someone else's property sent using express delivery services for goods and cargo. In addition, the article contains information about the mechanism for detecting these crimes and the algorithm for further actions in order to establish the circumstances and persons who committed them.

Keywords: express delivery service, method of committing a crime, cargo, goods, client, customer, fraudster, courier, phishing.

В современном мире тенденции сферы обслуживания развиваются настолько стремительно, что за ними порой сложно угнаться. Все более популярными становятся механизмы доставки товаров или документов с помощью различных курьерских служб и сервисов. Так, например, еще вчера переслать какую-либо посылку или груз в другой город или страну было возможно только с помощью Почты России или с кем-то из знакомых, направляющихся в нужный регион, а сегодня уже активно работают специализированные организации, занимающиеся перевозкой товаров или документов в максимально короткие сроки. Эти сервисы удобны как для организаций (в первую очередь, интернет-магазинов, маркет-плейсов (таких как Ozon, Wildberries и пр.), так и для физических лиц.

Безусловно, это очень облегчает процесс пересылки, поскольку серьезно развита сеть курьерской доставки и пункты приема и выдачи находятся в шаговой доступности.

Но как это часто бывает, кроме плюсов есть и минусы. Данная сфера не является исключением, в ней также регулярно совершаются преступления, как и в любой другой сфере, имеющей дело с денежными средствами.

В данной статье хотелось бы рассмотреть некоторые способы совершения имущественных преступлений в сфере экспресс-доставки товаров и грузов по России и миру и механизмы их выявления и расследования.

Способ совершения преступления является одним из важнейших элементов криминалистической характеристики. Под криминалистической характеристикой преступлений понимают систему криминалистически значимых сведений о типичных, закономерно связанных между собой элементах определенных категорий преступлений и условиях их совершения [2].

Для успешного раскрытия, расследования (в некоторых случаях и предупреждения) имущественных преступлений в сфере экспресс-доставки товаров, грузов и документов необходимо установление возможного способа совершения данного преступления. Именно от этой информации может зависеть направление дальнейшего расследования.

Итак, в процессе функционирования вышеназванного сервиса существует ряд пробелов, которые способствуют со-

вершению преступлений (в частности, мошенничество, кража) как сотрудниками, так и иными лицами (чаще всего получателями товара).

Одним из самых распространённых и простых способов совершения хищения является получение ранее оплаченной посылки (груза) лицом, не являющимся заказчиком, по поддельным паспортам, доверенностям или справкам об утере паспорта. Механизм выдачи посылки таков: лицо прибывает в пункт выдачи и, предъявив сотруднику документ, получает посылку. Если сотрудник не добросовестный или по каким-то причинам не требует паспорт у клиента, это еще больше упрощает дело.

Далее, клиент, предъявив поддельный паспорт, справку или доверенность, получает посылку. Важным моментом является тот факт, что посылка должна быть заранее оплачена заказчиком.

При рассмотрении данной ситуации возникает вопрос: откуда преступнику (недобросовестному получателю), не являющемуся заказчиком товара, известно о заказе, сроках его прибытия в пункт выдачи и о паспортных данных заказчика? Вариантов несколько:

- 1) слив базы данных клиентов сотрудником службы доставки;
- 2) наличие сообщника из числа сотрудников (или бывших сотрудников) службы доставки;
- 3) получение данной информации из иных источников (подслушал в транспорте, на работе у коллеги, иным случайным образом).

Выявляется факт хищения таким способом, как правило, только тогда, когда за посылкой приходит настоящий заказчик.

В редких случаях заказчик может не прийти (командировка, госпитализация, забыл, передумал и пр.), тогда факт хищения останется незамеченным.

Обсудим некоторые особенности расследования данных хищений, а также определим, какие следственные действия необходимо произвести в первую очередь.

Облегчает ситуацию то, что обязательным условием функционирования пунктов выдачи товаров является наличие камер видеонаблюдения (в зале пункта выдачи това-

ра с голосовым сопровождением, на складе – без такового). Данные записи помогут установить признаки внешности преступника, если они не были умышленно скрыты или изменены или если преступник не занимал положение, препятствующее его идентификации (отворачивался, наклонял голову вниз, прятал лицо под маской (в условиях пандемии), в шарф и т. д.).

В случае, если лицо все же возможно рассмотреть на записях камер, необходимо составить фоторобот.

В ходе допроса сотрудника пункта выдачи заказов должны быть установлены следующие обстоятельства:

- точная дата и время получения товара;
- регламент выдачи заказов;
- способ оповещения заказчика о прибытии посылки;
- документ, предъявленный преступником, и на какое имя;
- содержимое посылки, стоимость имущества;
- признаки внешности лица, получившего посылку;
- особенности его речи, походки или иные отличительные признаки;
- поведение (часто бывает, что такие получатели устраивают скандалы, если сотрудник просит предъявить документ или снять медицинскую маску для сравнения фото в паспорте с реальной внешностью клиента);
- один или несколько было получателей;
- на транспортном средстве или пешком;
- впервые получатель появился или регулярно получает посылки (проверить по записям камер или может сотрудник пункта выдачи запомнил, что уже видел этого человека);
- кто еще из сотрудников находился в офисе получения/выдачи посылки для подтверждения полученной информации.

В случае если личность преступника установлена, и он задержан, необходимо произвести его допрос, обыск по месту жительства, выемку документов и полученного имущества, назначить технико-криминалистическую экспертизу документов с целью установления подлинности или поддельности предъявленных в ходе получения заказа документов.

При производстве допроса задержанного лица необходимо узнать следующую информацию:

- откуда преступнику стало известно о прибытии заказа в конкретный пункт выдачи заказов;
- откуда информация о содержимом посылки;
- с кем из сотрудников службы экспресс-доставки имеется связь, посредством чего был присвоен и подтвержден чужой идентификационный номер;
- если имеется факт сговора с действующим или бывшим сотрудником пункта выдачи, от кого и за какое материальное вознаграждение была получена персональная информация о заказчике, заказе и сроке получения;
- однократность или регулярность преступных действий;
- посредством какой социальной сети был установлен контакт с сотрудником службы доставки, имеется ли переписка с просьбой выдать персональные данные заказчиков (клиентов).

Перечень вопросов может расширяться в зависимости от объема получаемой информации.

Назначение технико-криминалистической экспертизы документов поможет установить способ изготовления или подделки документов и использованные для этого технические средства, восстановления содержания поврежденных документов, исследования материалов документов (бумаги, красителей), подлинность или поддельность предъявляемых документов [1, с. 142]. В случае если будет установлена подлинность документа, необходимо установить, откуда он у преступника.

Итогом обыска по месту жительства задержанного лица должно быть обнаружение имущества, полученного по поддельным документам, а также непосредственно эти документы.

В случае, если имущество обнаружено, но нет документов, подтверждающих их стоимость, необходимо назначение и производство судебно-бухгалтерской экспертизы, которая поможет установить сумму материального ущерба [3, с. 168].

Следующим распространенным способом является обращение лица (мошенника) к сотруднику службы экспресс-доставки (например, в социальных сетях есть специальные группы), с просьбой за материальное вознаграждение под-

твердить персональный «айди» (определенный информационный набор символов, который подтверждает личность клиента, как правило номер его мобильного телефона), чтобы в дальнейшем отслеживать передвижение груза и получить его. В данном случае за вознаграждение сотрудник (бывший) службы доставки может также «слить» базу данных с паспортными данными.

Случаи передачи третьим лицам на платной основе сведений об отправлениях и их адресатах, персональных данных, содержимого посылок/отправлений, в том числе сведений из служебных программ, содержащих всю информацию о деятельности службы доставки, не редки (как правило, они совершаются бывшим работником пункта выдачи заказов). Доступ к служебным информационным программам есть только у действующих сотрудников, кроме того, пароли доступа меняются регулярно (примерно раз в два – три месяца). Также часто причастны к данной незаконной деятельности (оказание справочной помощи, информационной и т. д.) действующие работники пунктов выдачи заказов. Совершение противоправных действий, а также доступ к сведениям о персональных данных, отправлениях и их адресатах, содержимого посылок/отправлений становится возможным по причине несоблюдения требований информационной безопасности – несвоевременное удаление учетных записей, паролей уволенных работников, доступ к внутренним системам служебных программ пунктов выдачи заказов третьих лиц, нарушение либо полное отсутствие периодичности смены паролей доступа к внутренним системам служебных информационных программ.

В данном случае особое внимание должно быть обращено на допрос сотрудника службы экспресс-доставки, а также представителя службы безопасности данной организации.

При допросе сотрудника службы безопасности в обязательном порядке должно быть выяснено:

- каковы требования информационной безопасности данной организации;
- кто за нее отвечает;
- какой документ регламентирует правила оборота персональной информации;
- кто имеет доступ к этой информации;
- как осуществляется прекращение доступа сотрудника к данной информации в случае увольнения;
- как часто меняются пароли доступа к информационной базе данных;
- выявлялись ли случаи «слива» базы данных, каким способом это было осуществлено, по каким информационным или интернет-каналам.

Кроме того, возможно привлечение к производству допроса специалиста в области компьютерных технологий для дачи консультаций или пояснения показаний допрашиваемого.

Грамотное и профессиональное изучение способов совершения преступлений в сфере экспресс-доставки товаров и грузов безусловно способствует эффективному их расследованию.

Пристатейный библиографический список

1. Домовец С. С. Особенности расследования уклонения от уплаты налогов строительными организациями. Учебное пособие. - Волгоград, 2010.
2. Криминалистика: учебник / Под ред. А. А. Закатова, Б. П. Смагоринского. - М., 2003.
3. Тришкина Е. А. О некоторых способах хищений денежных средств с банковских карт, как способ мошенничества в банковской сфере // В сборнике: Научный фундамент практической деятельности по расследованию преступлений. Сборник статей Международной научно-практической конференции. - Волгоград, 2017. - С. 168.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-2-165-336-338

ДОРОСИНСКАЯ Анна Михайловна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

МЕХАНИЗМ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ ДОЗНАВАТЕЛЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ СТАТЬЕЙ 427 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РФ, КАСАЮЩИЙСЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В данной статье автором проведено исследование норм уголовно-процессуального законодательства, которые затрагивают механизм действий и решений дознавателя, предусмотренный статьей 427 Уголовно-процессуального кодекса РФ, касающийся прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия. Детально рассмотрен вопрос о возможности данного прекращения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого. Автором предлагается внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс, касающиеся такого прекращения. Представлена авторская позиция о том, что прекращение с применением принудительной меры воспитательного воздействия должно применяться к несовершеннолетнему только при совершении им преступления впервые. Помимо этого, обосновано, что прекращение уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего должно сопровождаться тщательным сбором, закреплением и оценкой доказательств, учетом возрастных особенностей, физического и психологического состояния несовершеннолетнего.

Ключевые слова: несовершеннолетний, преступление, предварительное расследование, исправление, наказание, принудительные меры воспитательного воздействия.

DOROSINSKAYA Anna Mikhaylovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

THE MECHANISM OF ACTIONS AND DECISIONS OF THE INTERROGATING OFFICER, PROVIDED FOR BY ARTICLE 427 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION, REGARDING THE TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION AGAINST MINORS WITH THE USE OF A COMPULSORY MEASURE OF EDUCATIONAL INFLUENCE

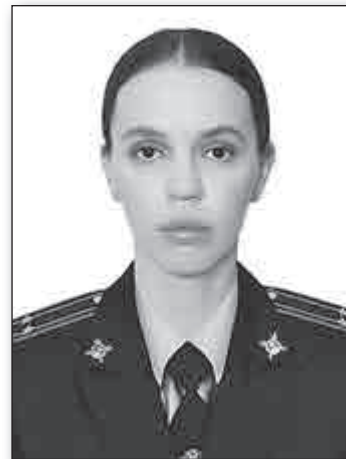
In this article, the author conducted a study of the norms of criminal procedure legislation that affect the mechanism of actions and decisions of the interrogating officer, provided for in Article 427 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, regarding the termination of criminal prosecution against a minor with the use of a compulsory measure of educational influence. The issue of the possibility of this termination in relation to a minor suspect is considered in detail. The author proposes to amend the Code of Criminal Procedure regarding such termination. The author's position is presented that termination with the use of a compulsory measure of educational influence should be applied to a minor only when he commits a crime for the first time. In addition, the termination of criminal prosecution against a minor should be accompanied by a thorough collection, consolidation and evaluation of evidence, taking into account the age characteristics, physical and psychological state of the minor.

Keywords: minor, crime, preliminary investigation, correction, punishment, compulsory measures of educational influence.

На сегодняшний день существует определенный механизм борьбы с преступностью. Зачастую несовершеннолетними совершаются тяжкие и особо тяжкие преступления, что вызывает определенную проблематику, как со стороны государства, так и конкретно со стороны правоохранительных органов. Именно поэтому такой механизм является бескомпромиссным.

Для того чтобы максимально объективно и всесторонне исследовать характер причиненного вреда и квалифицировать преступное деяние, необходимо дифференцировать уголовную ответственность и индивидуализировать наказание.

При индивидуализации наказания учитываются все особенности характера деяний, например, совершено ли преступление впервые или это рецидив; совершено ли оно одним лицом или группой лиц; существуют ли такие меры воздействия на лицо, которые могут освободить лицо от уголовной ответственности. В данном вопросе большое значение приоб-

Доросинская А. М.

ретает постпреступное поведение лица, которое совершило противоправное деяние.

Большую значимость в совершении противоправных действий и назначении наказания, занимает несовершеннолетнее лицо. В данном случае, как на международном уровне, так и на национальном, все действия субъектов уголовного судопроизводства должны быть направлены не на назначение наказания, а на исправление несовершеннолетнего лица.

Международное регулирование вопроса, связанного с уголовным судопроизводством в отношении несовершеннолетнего, нашло свое отражение и в национальном (российском уголовно-процессуальном праве), а именно в УПК РФ в ст. 427. Данная норма закрепляет в себе положения о гарантиях прав несовершеннолетнего лица, в отношении которого возбуждается уголовное дело. Приоритетное направление – это не наказать лицо, а попытаться с помощью мер воспитательного воздействия исправить поведение и криминальную

сторону мировоззрения несовершеннолетнего. Данный вопрос также находит свое отражение и в ст. 90 УК РФ.

Государство в отношении несовершеннолетних развивает политику некарательного регулирования. Это связано с возрастными особенностями несовершеннолетних лиц, совершивших противоправное деяние.

Безусловно, принудительные меры воспитательного воздействия отличаются тем, что они применимы только к несовершеннолетним, которые совершили преступное деяние и которые могут повлиять на данное лицо с целью исправления его преступного поведения. Обязанность контролировать их применение лежит на государстве в лице государственных органов.

Не следует забывать и о такой отличительной черте, как специфические, ограниченные сроки применения такой меры. Назначение такой меры может освободить лицо от ответственности и, конечно же, наказания. Такие черты обуславливают социализацию лица, к которому были применены такие меры, исходя из особенностей возраста.

Механизм последовательных действий и решений дознавателя, который нашел свое закрепление в статье 427 Уголовно-процессуального кодекса, представляет собой определенный порядок.

Во-первых, принятию итогового решения в рамках предварительного расследования всегда предшествует анализ и оценка собранных в рамках уголовного дела всех доказательств. Не составляет исключение и принятие, рассматриваемого нами решения в отношении несовершеннолетнего. В соответствии с кодексом данное решение в рамках производства дознания вправе принимать дознаватель с согласия прокурора. При этом возникает вопрос о возможности принятия решения о рассматриваемом прекращении дознанием к подозреваемому. Так, в шестой части 427 статьи говорится о подозреваемом, в том числе, а в первой части лишь только о таком субъекте как обвиняемый, без указания на подозреваемого. В связи с чем, что является и логичным в рамках проведения расследования в форме дознания, предлагаем предусмотреть возможность принятия вышеуказанного решения и к подозреваемому.

Аналогичной позиции придерживаются и некоторые правоприменительные органы. Так, МВД по Республике Крым неоднократно (исх. № 7/4631 от 17.03.2020 и № 7/6672 от 14.04.2020) обращалось в Прокуратуру Республики Крым с письмом о выработке единой правоприменительной практики по рассматриваемому нами прекращению уголовных дел, в том числе и в отношении подозреваемого. Однако, в силу отсутствия прямого указания на подозреваемого в ч. 1 ст. 427 УПК РФ, а также Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2000 № 7 Прокуратура Республики Крым полагает возможным применить положения первой части статьи 427 УПК РФ исключительно к несовершеннолетнему обвиняемому, что является дополнительной гарантией соблюдения прав несовершеннолетнего.

Вместе с тем, по нашему мнению, если на момент принятия решения дознавателем в материалах дела установлены обстоятельства, предусмотренные как основания для принятия решения, предусмотренные ст. ст. 73, 421 УПК РФ, а кроме этого: тяжесть совершенного преступления (небольшая или средняя), доказано, что возможно исправление обвиняемого без наказания, рациональность применения воспитательных мер, с решением согласен обвиняемый и законный представитель, то привлечение несовершеннолетнего подозреваемого в качестве обвиняемого дополнительных гарантий не создаёт. Таким образом, было бы целесообразно предусмотреть возможность такого прекращения и в отношении подозреваемого. В связи с чем полагаем необходимым ч. 1 ст. 427 УПК РФ дополнить словом «подозреваемого», изложив ее в следующей редакции: «Если в ходе предварительного расследования уголовного дела о преступлении небольшой

или средней тяжести будет установлено, что исправление несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого может быть достигнуто без применения наказания, то».

Следует также учесть тот факт, что не предусмотрено обязательным условием для того, чтобы освободить несовершеннолетнего от уголовной ответственности, совершение преступления исключительно в первый раз.

На сегодняшний день, при принятии решения о прекращении уголовного преследования с мерой воспитательного воздействия не обращается внимание на неоднократность совершенных несовершеннолетним преступлений, что на наш взгляд, является недопустимым. Ранее в УПК РСФСР данное решение принималось только в случае, если преступление совершалось впервые, – это являлось обязательным условием.

Многие специалисты не перестают утверждать, что это условие повлияло бы положительно, тем самым преступность среди несовершеннолетних начала бы значительно снижаться. Однако сейчас подростки могут чувствовать определенную безнаказанность, если повторно совершают преступления и освобождаются от уголовной ответственности. Для устранения иллюзии безнаказанности было бы целесообразно сохранить возможность принятия такого решения лишь для несовершеннолетних, совершивших преступление впервые, внося уточнение в ч. 1 ст. 427 УПК РФ и дополнить ст. 90 УК РФ условием, при котором несовершеннолетний может быть освобожден от уголовной ответственности: только если он совершил преступление небольшой или средней тяжести, но при обязательном условии, что он совершил данное деяние впервые.

Вопрос о возможности исправления обвиняемого без применения наказания на практике среди дознавателей носит оценочный характер и решается различными способами, как правило – это получение характеризующих материалов из различных организаций и учреждений, должностных лиц. На наш взгляд, разъяснения Пленума Верховного суда по данному вопросу, позволило бы решить данную проблему и выработать единый порядок подтверждения в материалах уголовного дела возможности исправления обвиняемого без применения наказания.

Во-вторых, проанализировав и оценив собранные доказательства, дознаватель должен получить согласие на принятие решения от обвиняемого и его законного представителя. На данный момент уголовно-процессуальным кодексом не регламентирована форма и порядок получения такого согласия, поэтому среди дознавателей подразделений дознаний по Республике Крым нет единого образца среди этого решения. Одни принимают согласие на принятие решения в виде заявления, а другие – делают отметку об этом в протоколе допроса. Для исключения таких разногласий при расследовании уголовных дел дознавателями считаем необходимым законодательно закрепить форму согласия несовершеннолетнего и его законных представителей в виде отобранных от них заявлений. При это, конечно же, от дознавателя требуется разъяснение порядка прекращения и последствий принятия такого решения.

Вопрос получения согласия на принятие решения о прекращении преследования предусмотрен только в отношении обвиняемого (подозреваемого) и его законных представителей, но при это абсолютно не учитывается мнение потерпевшего, ущемляя таким образом его права. Вышеперечисленное позволяет прийти к выводу, что необходимо в УПК ввести обязанность дознавателя, который осуществляет производство по делу, получать согласие потерпевшего на принятие соответствующего решения.

В-третьих, выполнив вышеуказанные действия, дознаватель должен систематизировать материалы уголовного дела и соответствующим образом их оформить, в соответствии со

всеми предусмотренными требованиями уголовно-процессуального кодекса.

В-четвертых, после систематизации и оформления, дознаватель выносит постановление о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной ч. 2 ст. 90 УК РФ.

Изученные материалы уголовных дел позволили сделать вывод, что среди дознавателей нет единообразия при составлении рассматриваемого постановления. В ст. 427 УПК РФ, мы считаем, необходимо указать, что данное постановление должно составляться по требованиям ст. 213 УК РФ.

Также, соглашаясь с мнением Пугашовой Г.Н. [6], в связи с тем, что дознаватель немало времени проводит с несовершеннолетним, то мы считаем, что при составлении постановления о прекращении уголовного дела он может высказать свое мнение о целесообразности применения к подростку принудительных мер воспитательного воздействия.

В-пятых, дознавателю необходимо решить ряд вопросов, связанных с прекращением уголовного преследования, а именно: с мерой пресечения, с изъятыми предметами и документами, с наложением ареста на имущество и другими.

Следующий этап механизма, в-шестых, это ознакомление и вручение копии решения дознавателем обвиняемому, его законному представителю и иным заинтересованным лицам.

Необходимо закрепить обязанность лица, проводящего дознание, ставить в известность всех заинтересованных лиц о принятом решении, в том числе на обжалование и на заявление ходатайств. Также, если данные лица будут возражать, то это необходимо фиксировать в соответствующем протоколе.

Что касается разъяснений оснований о прекращении уголовного дела заинтересованным лицам, то необходимо в ч. 3 ст. 213 УПК РФ обязать дознавателя фиксировать факт разъяснения оснований прекращения преследования и поступившие при этом возражения от заинтересованных лиц в протоколе – протокол ознакомления с основаниями прекращения уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия.

При наличии заявленных ходатайств от заинтересованных участников, дознавателю необходимо ознакомить их с материалами уголовного дела.

В-седьмых, после выполнения всех вышеперечисленных действий, дознаватель составляет представление об устранении причин и условий, способствовавших совершению несовершеннолетним преступления в соответствии со статьей 158 уголовно-процессуального кодекса.

В-восьмых, составленное постановление о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия необходимо согласовать с прокурором.

Что касается дознавателя, он вправе участвовать в судебном заседании, однако на практике данные должностные лица очень редко присутствуют на судебных заседаниях. Мы считаем, что присутствие дознавателя на судебном заседании по делу в отношении несовершеннолетних должно быть обязательным. Так как при расследовании уголовного дела при изучении материалов и подготовке их к передаче в суд дознаватель на протяжении длительного времени общается с несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым и может сориентировать суд при принятии решения, делая его тем самым более мотивированным и целесообразным по отношению к данному лицу.

Подведя итог вышесказанному, мы считаем, что в механизм, рассматриваемого нами прекращения уголовного преследования необходимо включить следующие аспекты:

– во-первых, знакомить всех заинтересованных лиц с принятым решением, а также фиксировать их возражения в протоколе;

– во-вторых, ввести в ст. 90 УК РФ условие, при котором несовершеннолетний может быть освобожден от уголовной ответственности: только если он совершил преступление небольшой или средней тяжести, но при обязательном условии если он совершил данное деяние впервые.

Пристатейный библиографический список

1. Авалиани К.А. Особенности досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.09; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад.]. – Кемерово, 2009. – 237 с.
2. Батыщева Е.В. Вопросы прекращения уголовного дела (преследования) в отношении несовершеннолетнего в связи с применением принудительной меры воспитательного воздействия // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 4 (34). – С. 48-51.
3. Глушков А.И. Проблемы прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия (на основе отечественного и зарубежного законодательства) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2018. – № 3. – С. 226-234.
4. Леонова К.И. Диденко В.И. Особенности производства предварительного расследования в отношении несовершеннолетних. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-proizvodstva-predvaritelnogo-rassledovaniya-v-otnoshenii-nesovershennoletnih/viewer> (дата обращения: 10.01.2022).
5. Михайлова Т.Н., Загорьян С.Г., Цыреторов А.И. Особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних лиц. – Восточно-Сибирский институт МВД РФ. – Иркутск, 2020.
6. Пугашова Г.Н. Процессуальные и организационные особенности прекращения уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lawtheses.com/protsessualnye-i-organizatsionnye-osobennosti-prekrascheniya-ugolovnogo-presledovaniya-s-primeneniem-prinuditelnoy-mery-v#1> (дата обращения: 10.01.2022)
7. Таболина К.А., Джейранова З.Р. Совершенствование процедуры применения принудительных мер воспитательного воздействия // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 9. – С. 106-114.

ЗАЙЦЕВА Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации следственной работы Волгоградской академии МВД России

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА

Статья посвящена отдельным вопросам организации доследственной проверки и тактическим особенностям расследования фальшивомонетничества на современном этапе. Проанализирован бесконтактный способ сбыта фальшивых купюр, алгоритм доследственной проверки, а также обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовным делам рассматриваемого вида.

Ключевые слова: фальшивомонетничество, денежные знаки, информационные технологии, сбыт.

ZAYTSEVA Elena Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Organization of investigative activity sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

CRIMINAL PROCEDURAL FEATURES AND ORGANIZATIONAL AND TACTICAL ASPECTS OF COUNTERFEITING INVESTIGATION

The article is devoted to certain issues of the organization of pre-investigation verification and tactical features of the investigation of counterfeiting at the present stage. The contactless method of selling counterfeit bills, the algorithm of pre-investigation verification, as well as the circumstances to be proved in criminal cases of the type in question are analyzed.

Keywords: counterfeiting, money, information technology, sales.

Фальшивомонетничество относится к числу преступлений в кредитно-финансовой системе, наносит ущерб экономике и экономическим связям как внутри страны, так и во внешнеэкономической деятельности. Следственно-судебная практика свидетельствует о том, что к уголовной ответственности в основном привлекаются не изготовители фальшивых купюр и организаторы, а рядовые сбытчики.

В настоящее время контингент лиц, занимающихся фальшивомонетничеством, существенно изменился, стал более организован и структурирован, среди фальшивомонетчиков прослеживается четкая иерархия и строгое распределение обязанностей [1].

Развитие информационных технологий и телекоммуникационных технологий не могло не повлиять на способы сбыта поддельных денег. В связи с этим, широкое распространение получил «бесконтактный» способ сбыта фальшивых купюр, где полностью исключен контакт лиц, изготавливающих подделки и сбывающих их, с приобретателем. Такой способ считается безопасным с точки зрения обнаружения указанных лиц и поэтому получает все большую популярность у преступников.

Алгоритм действий бесконтактного сбыта определен таким образом, что фальшивомонетчики размещают в сети «Интернет» объявления о продаже фальшивок, в том числе, в настоящее время используется для этих целей TOR-браузер. У подобных интернет-площадок существует свой рейтинг, с форумами, на которых происходит обмен информацией о надежности продавца и качестве продаваемого ими товара. Данные объявления и обсуждения на форумах видит покупатель, связывается в сети с продавцом, высказывая свои намерения о покупке товара, оговорив количество поддельных денежных средств, сумму, за которую осуществляется их

продажа, способы оплаты и передачи ему подделок. Оплата, как правило, происходит через электронные платежные системы, такие как, «WebMoney», «Яндекс.Деньги», «Qiwi-кошелек» и другие, либо перечисление денег осуществляется через систему переводов «WesternUnion», «UNIstream», «Корона» и т.п. Как правило, регистрация данных платежных систем не персонализирована, либо осуществляется на подставных лиц, которые ничего не знают о незаконной деятельности фальшивомонетчиков. Одним из способов оплаты покупки поддельных денежных знаков в настоящее время также стало использование криптовалюты и иных виртуальных активов, где последние выступают платежным средством и перечисляются в оговоренном размере из криптокошелька покупателя на счет криптокошелька продавца. Выявление такого рода транзакций и персонализация криптокошельков в настоящее время затруднена, ввиду отсутствия должного законодательного закрепления криптовалюты как платежного средства и отсутствия регламентации ее оборота на территории государства; в связи с чем, оплата покупок фальшивых денежных купюр таким способом находит все большее распространение.

После перечисления денежных средств продавец сообщает, где и когда покупатель может забрать «покупку». Также для доставки подделок используются различные транспортные компании, в деятельность которых входит доставка грузов по всей территории государства без проверки их содержимого, а также «Почта России».

Одним из факторов, обеспечивающих успешное расследование дел рассматриваемой категории, является их своевременное возбуждение. Материалы доследственной проверки должны быть полными и содержать достаточные данные, указывающие на признаки состава преступления [2].

Доследственная проверка по фактам выявления фальшивомонетничества проводится подразделениями УЭБиПК и состоит из следующих мероприятий:

- рапорт сотрудника полиции об обнаружении признаков преступления или принятие в установленном законом порядке заявления о преступлении;
- назначение экспертного исследования с предоставлением эксперту денежных средств, изъятого оборудования (материалов) [3];
- опрос заявителя;
- установление и опрос свидетелей, очевидцев;
- установление и опрос сбытчика (изготовителя) поддельных денежных знаков и ценных бумаг.
- осмотр места происшествия (мест обнаружения, изъятия, изготовления, хранения поддельных денег и ценных бумаг).

При реализации указанных выше мероприятий и оценки их результатов формируется комплекс доказательств, в том числе, на основании которого в последующем будет приниматься решение о возбуждении уголовного дела и решаться вопрос о квалификации действий подозреваемых в изготовлении, хранении, перевозке или сбыте поддельных денег.

Основной доказательственной базой при расследовании фальшивомонетничества являются непосредственно обнаруженные поддельные купюры. Также в ходе проведения следственных действий по данным уголовным делам необходимо акцентировать внимание на следующих материальных объектах:

- литература специфичной тематики и личные записи преступников;
- полиграфическое оборудование (печатные станки, клише, прессы, резак для бумаги), копировальная и компьютерная техника, копиры, принтеры, фотооборудование и фотопринадлежности, нумераторы, трафареты, литейные формы и др.;
- краска, тушь, химические реактивы, клей;
- специальная бумага или заготовки, идентичные размеру денежных купюр;
- наличие специфичных запахов химической природы (при использовании отдельных способов фальшивомонетничества);
- повышенное потребление электроэнергии;
- части материалов, сырья, использовавшиеся при изготовлении денежного знака (ценной бумаги) на одежде подозреваемого;
- следы пальцев рук, микрообъекты, следы биологического происхождения на материалах, сырье, заготовках, техническом оборудовании.

При расследовании преступлений рассматриваемого вида подлежат доказыванию следующие обстоятельства:

- действительно ли был факт совершения преступления, связанный с изготовлением либо сбытом поддельных денежных средств;
- преступные действия совершались единолично или преступление имеет групповой характер;
- объем изготовленных (сбытых) фальшивых денежных средств и ценных бумаг;
- место и время изготовления поддельных денежных средств;
- вид (номиналы, валюта, названия) фальшивых денежных средств и ценных бумаг;

- данные о личности преступников;
- способ совершения преступления (изготовления, подделки, сбыта);
- данные о месте хранения фальшивых денег, ценных бумаг, сырья и оборудования, используемых для их изготовления;
- как и кем осуществлялся поиск каналов сбыта поддельных денег или ценных бумаг в сети Интернет;
- порядок и способ расчетов за сбытые фальшивки;
- какому лицу (лицам) сбывались поддельные купюры;
- имел ли сбытчик умысел на совершение преступления;
- объем, номиналы, вид валюты сбытых ранее фальшивых купюр;
- роль и обязанности каждого члена преступной группы;
- установление лиц, обладающих информацией о совершенных, совершаемых или готовящихся к совершению преступлений, связанных с изготовлением и (или) сбытом поддельных денег или ценных бумаг.

Перечень неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также порядок их проведения, определяются конкретной следственной ситуацией. Она характеризуется объемом и достоверностью, имеющейся у следователя и оперативного работника исходной криминалистически значимой информации.

Пристатейный библиографический список

1. Наумова О. В. Оперативно-розыскная характеристика личности фальшивомонетчика // Российский следователь. - 2016. - № 14. - С. 39-44. – Доступ из СПС «Консультант Плюс».
2. Зайцева Е. В., Дронова О. Б. Организационно-тактические особенности расследования преступлений экономической направленности // Вестник Волгоградской академии МВД России. - 2014. - Выпуск 3 (30). - С. 86-90.
3. Звягин И. С. Назначение и производство судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с подделкой денежных билетов Банка России // Вестник Воронежского института МВД России. - 2018. - № 4. - С. 236-242.

КОРНАКОВА Светлана Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета

КААК Антонина Павловна

аспирант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Байкальского государственного университета

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «СООБЩЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ»

В статье анализируется понятие «сообщение о преступлении», которое в нормах УПК РФ не раскрывается, но это делается в подзаконных актах. По мнению авторов, ситуацию, когда уголовно-процессуальное понятие раскрывается лишь на межведомственном уровне, нельзя признать оправданной, поскольку могут возникнуть трудности в достижении единообразной регламентации некоторых процессуальных вопросов. Делается вывод, что осмысление уголовно-процессуального понятия не должно предполагать его собирательного толкования, а иметь исключительное разноточение вполне конкретное и однозначное содержание, для чего необходимо отразить его определение в ст. 5 УПК РФ.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, сообщение о преступлении, толкование, правовое определение.

KORNAKOVA Svetlana Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Baikal State University

КААК Antonina Pavlovna

postgraduate student of Criminal process and prosecutor's supervision sub-faculty of the Baikal State University

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT OF «REPORTING A CRIME»

The article analyzes the concept of "reporting a crime", which is not disclosed in the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, but this is done in by-laws. According to the authors, the situation when the criminal procedural concept is disclosed only at the interdepartmental level cannot be considered justified, since difficulties may arise in achieving uniform regulation of certain procedural issues. It is concluded that the understanding of the criminal procedure concept should not assume its collective interpretation, but rather have a very specific and unambiguous content excluding the discrepancy, for which it is necessary to reflect its definition in Article 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: criminal proceedings, reporting of a crime, interpretation, legal definition.

Корнакова С. В.

Каак А. П.

Установление эффективного механизма организации работы правоохранительных органов на этапе приема и рассмотрения сообщения о преступлении является одной из важнейших задач государства [1, с. 23; 2, с. 27]. Содержание данного этапа призвана раскрывать ст. 144 УПК РФ. Тем не менее, в указанном нормативном правовом акте само понятие «сообщение о преступлении» не раскрыто. Необходимо отметить, что в указанной норме данное понятие использовано несколько раз, но определение этому понятию законодателем трактуется в разных значениях.

Так, в ч. ч. 1 и 5 ст. 144 УПК РФ под сообщением о преступлении подразумевается не только повод для возбуждения уголовного дела, о котором идет речь в п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, но и любой другой повод, перечисленный в ч. 1 этой статьи.

В свою очередь, в ч. 2 анализируемой статьи в этом отношении речь идет только об одном, являющимся одной из форм сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученного из иных источников – о распространенном в СМИ сообщении о преступлении.

В следующей норме (в ч. 4 ст. 144 УПК РФ) рассматриваемый термин использован уже по другому – в значении заявления о преступлении.

Из изложенного напрашивается вывод о том, что для инициации начала уголовного преследования уголовно-процессуальными средствами может проверяться любой повод. При этом поступление любого из них означает императивную обязанность незамедлительной на него реакции государственных органов [3, с. 36].

Кроме этого, отдельными внутриведомственными нормативными правовыми актами также регламентируется понятие сообщение о преступлении. Так, в соответствии с п. 2.2.1. Инструкции МВД РФ¹, сообщение о преступлении – «сообщение, изложенное в устной форме, в котором содержится информация об обстоятельствах, указывающих

1 Приказ Министерства внутренних дел России от 29.08.2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // Российская газета. – 2014. – № 260.

на признаки совершенного или готовящегося преступления; анонимное сообщение, содержащее данные о признаках совершенного или готовящегося террористического акта».

На наш взгляд, с точки зрения логической правильности в приведенном определении совершена ошибка слишком узкого содержания, оно не охватывает все предусмотренные законом случаи.

Более широкие формулировки приведены в других внутриведомственных актах. Так, в соответствии с приказом «О едином учете преступлений»² под сообщением о преступлении понимаются – «заявление о преступлении, явка с повинной, рапорт об обнаружении преступления, к которым относятся процессуальные и иные документы, предусмотренные нормами УПК РФ: заявление потерпевшего или его законного представителя по уголовному делу частного обвинения; письменное заявление о преступлении, подписанное заявителем; протокол принятия устного заявления о преступлении; протокол следственного действия, в который внесено устное сообщение о другом преступлении; протокол судебного заседания, в который внесено устное сообщение о другом преступлении; заявление о явке с повинной; протокол явки с повинной; рапорт об обнаружении признаков преступления».

Аналогичное по содержанию понятие приведено в пп. 1 п. 4 Инструкции по организации в органах ФСБ приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иной информации о преступлениях и событиях, угрожающих личной и общественной безопасности³.

Заметим, что в вышеуказанных документах имеются ссылки на главу 57 УПК РФ, утратившую силу еще в 2007 году. Указанное нарушение юридической техники, по не приведению действующих внутриведомственных нормативных правовых актов в соответствие с нормами федерального законодательства, указывает на их несовершенство и отсутствие должного контроля со стороны органов, их издавших.

Таким образом, рассматриваемое понятие в УПК РФ не раскрывается, но его можно найти во внутриведомственных приказах, утверждающих инструкции государственных органов Российской Федерации, уполномоченных на прием и рассмотрение сообщений о преступлениях. При этом, в законодательстве отсутствует однозначное толкование этих понятий, что является препятствием приведения правоприменительной практики к единообразию, более того встречаются случаи, когда анализируемые понятия заменяются синонимичными понятиями, такими как «принятие сообщения о преступлении», «разрешение сообщения о преступлении», «проверка сообщения о преступлении».

2 Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) «О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») (Зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2005 № 7339) // Российская газета. – 2006. – №13.

3 Приказ ФСБ РФ от 16.05.2006 № 205 «Об утверждении Инструкции по организации в органах Федеральной службы безопасности приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иной информации о преступлениях и событиях, угрожающих личной и общественной безопасности» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 09.10.2006 № 8364) // Российская газета. – 2006. – № 236.

Как представляется, ситуацию, когда уголовно-процессуальное понятие раскрывается лишь на межведомственном уровне, нельзя признать оправданной. Безусловно, принятие различными органами правопорядка подзаконных актов призвано более полно регулировать их деятельность с учетом присущих им специфики и особенностей, но это не означает, что в федеральном законодательстве можно «опустить» определение важных с точки зрения организации процессуальной деятельности понятий.

В связи с этим нами разделяется позиция ряда теоретиков, критически оценивающих регулирование такой «важной стадии» в большей степени на уровне различных ведомственных актов. Следствием такого положения могут быть трудности в достижении единообразной регламентации некоторых процессуальных вопросов, что, в свою очередь, вряд ли может способствовать укреплению законности [4, с. 11].

Наличие сложностей в одинаковом и правильном толковании, а, значит, и применении норм закона, в первую очередь, для самих сотрудников правоохранительных органов, недопустимо с позиции единообразного понимания цели уголовного судопроизводства. В этой связи трудно не признать обоснованной позицию А. В. Будченко, подчеркивающим необходимость регулирования вопросов уголовного судопроизводства исключительно самим уголовно-процессуальным законом. Во-первых, именно он является законом специального назначения. И, во-вторых, как это предписывается положениями ст. 1 УПК РФ» [5, с. 53].

Таким образом, сообщение о преступлении – это информация о совершенном или готовящемся к совершению деянии, запрещенном уголовным законодательством, при поступлении информации о котором, должностное лицо органа расследования обязано совершить юридически значимые действия, предусмотренные УПК РФ. Думается, что осмысление уголовно-процессуального понятия не должно предполагать его собирательного толкования, а иметь исключительное разноточное вполне конкретное и однозначное содержание, для чего необходимо отразить его определение в ст. 5 УПК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Гуджабидзе Г.А. Обеспечение прав и законных интересов личности на стадии возбуждения уголовного дела // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2018. – № 1 (19).
2. Варпаховская Е.М. Полисемичность явки с повинной в практике российского уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019. – № 3 (25).
3. Зеленская Т.В. Актуальные вопросы обеспечения прав и интересов лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019. – № 3 (25).
4. Анюров Ф.Ф. Регистрация и учет преступлений в органах внутренних дел (правовые и организационные аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
5. Будченко В. Проверка поводов для возбуждения уголовного дела // Законность. – 2008. – № 11.

МАСЛЕННИКОВА Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии права и управления ФСИН России

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье раскрываются основные положения международных договоров, иных нормативных документов, регламентирующих международное сотрудничество в сфере уголовного преследования. Раскрываются такие понятия, как возбуждение и осуществление уголовного преследования. Рассматриваются разные точки зрения ученых в отношении понятий «возбуждение уголовного преследования» и «осуществление уголовного преследования». Анализ учебной литературы показал, что одни авторы считают, что в основе указанных понятий лежит определение момента с чего начинается возбуждение уголовного преследования и когда начинается его осуществление. Так, многие авторы считают, что возбуждение уголовного преследования начинается с момента возбуждения уголовного дела, а осуществление уголовного преследования начинается с вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, а именно только документ предшествует возбуждению уголовного преследования. Другие авторы считают, что возбуждение уголовного преследования — это часть уголовного преследования. Проведен анализ международных нормативных документов по вопросам оказания правовой помощи в сфере уголовного преследования.

Ключевые слова: уголовное преследование; международные нормативные документы; правовая помощь; подозреваемые в совершении преступления; возбуждение уголовного преследования.

MASLENNIKOVA Ekaterina Aleksandrovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia

IMPLEMENTATION OF CRIMINAL PROSECUTION IN THE FIELD OF INTERNATIONAL COOPERATION

The article reveals the main provisions of international treaties and other normative documents regulating international cooperation in the field of criminal prosecution. Such concepts as initiation and implementation of criminal prosecution are revealed. The different points of view of scientists in relation to the concepts of "initiation of criminal prosecution" and "implementation of criminal prosecution" are considered. The analysis of the educational literature showed that some authors believe that the basis of these concepts is the definition of the moment when the initiation of criminal prosecution begins and when its implementation begins. Thus, many authors believe that the initiation of criminal prosecution begins from the moment of initiation of a criminal case, and the implementation of criminal prosecution begins with the issuance of a decision on the initiation of a criminal case, namely, only the document precedes the initiation of criminal prosecution. Other authors believe that the initiation of criminal prosecution is this is part of the criminal prosecution. The analysis of international normative documents on the provision of legal assistance in the field of criminal prosecution is carried out.

Keywords: criminal prosecution; international regulatory documents; legal assistance; suspects in the commission of a crime; initiation of criminal prosecution.

Правовая система иностранных государств предшествует опыту по обмену информацией в сфере уголовного преследования.

Анализ нормативных документов в сфере международного сотрудничества по уголовному преследованию показал, что во всех документах, а именно в Минской конвенции, международных договорах, Конституции Российской Федерации, Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных Наций об отправлении правосудия, Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции и другие регламентированы понятие, условие правовой помощи в сфере уголовного преследования. Но, ни в одном международном документе не раскрывается понятие «уголовное преследование».

Итак, в соответствии с международным договором заключенным между нашим государством и Латвией, регламентировано, что государство возбуждает уголовное дело в отношении подозреваемых лиц в совершении преступления по основаниям предусмотренным законодательством того государства, на территории которого находится такое лицо [1].

Анализ Минской конвенции показал, что по поручению другого государства данное государство начинает уголовное преследование в отношении подозреваемого лица в совершении преступления.

Анализ учебной литературы в сфере уголовного преследования показал, что остается дискуссионным вопросом среди ученых в различие между понятиями возбуждение уголовного преследования и осуществления уголовного преследования.

В юридической литературе существуют разные точки зрения по поводу понятия возбуждения уголовного преследования.

Одни авторы считают, что уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, а постановление о возбуждении уголовного дела есть акт возбуждения уголовного преследования. Другие ученые придерживаются мнения, что актом возбуждения уголовного преследования будет постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого. Анализ норм уголовно-процессуального законодательства нашего государства показал, что в российском законодательстве не закреплены данные понятия. Таким образом, так и остается дискуссионным вопросом возбуждение уголовного преследования — это возбуждение уголовного дела или предъявление обвинения или поддержание обвинения в суде.

Другие авторы считают, что сначала будет возбуждение уголовного дела, затем предварительное следствие, а после и уголовное преследование. Это может быть только в том случае, если материал у следователя обладает полнотой собранных доказательств вследствие чего возможно и возбудить уголовное преследование в отношении лица, совершившего преступление. А тогда актом возбуждения уголовного преследования является постановление о привлечении такого лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого.

Анализ международных нормативных документов показал, что взаимодействие в сфере уголовного преследования осуществляется в соответствии с Минской конвенции каждая сторона (государство) обязуется по поручению другой стороны (государство) осуществлять в соответствии со своим законодательством уголовное преследование против собственных граждан, подозреваемых в совершении преступления. Так же регламентировано, что уголовное преследование возбужда-

ется только в отношении конкретного лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления [2].

Ошибочно утверждать, что в соответствии с полученными материалами необходимыми для уголовного преследования те лица, которые указаны в поручении в отношении всех и необходимо проводить уголовное преследование.

Данное процессуальное действие проводится в отношении конкретного лица.

Таким образом, в поручении об осуществлении уголовного преследования необходимо указывать сведения лица, в отношении которого необходимо провести уголовное преследование.

Уголовное преследование проводится в соответствии с нормами процессуального законодательства только в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершение преступления. Для этого необходимо соответствующими нормами того государства, на территории которого возбуждено уголовное дело собрать полноту и достоверность данных, доказательств, которые указывают на совершение преступления тем или иным лицом.

В соответствии со ст. 80 Минской конвенции регламентирован порядок оформления поручения об уголовном преследовании.

Анализ процессуальных документов нашего государства, Минской конвенции показал, что осуществление уголовного преследования на территории российского государства возложено на Генерального прокурора нашего государства. После получения поручения об уголовном преследовании Генеральный прокурор РФ выносит постановление о возбуждении уголовного преследования после проведенной проверки на обоснованность и законность полученного поручения. В некоторых случаях Генеральный прокурор РФ может поручить следственным органам нашего государства провести дополнительное расследование.

Учитывая нормы Минской конвенции основанием к производству уголовного преследования, является полученное ходатайство от соответствующих органов другого государства. Данное ходатайство является процессуальным документом, составленным в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства РФ и нормами международного законодательства по вопросам оказания правовой помощи.

Данный документ должен содержать все сведения об учреждении или органе от которого направляется ходатайство, а также информацию о совершенном преступлении, указанным в материалах уголовного дела, времени, месте его совершения, положение законодательства на основании которого осуществляется уголовное преследование, а также в соответствии с которым данный факт является преступным деянием, данные лица, совершившее преступление, размер ущерба, причиненный данным преступлением. Так же к ходатайству прикладываются материалы уголовного дела, являющиеся доказательствами по данному делу и указывающие на конкретное лицо, которое совершило преступление.

Так же в ходатайстве указывается заключение международного договора по оказанию правовой помощи между определенными государствами.

В ходе отправления ходатайства об осуществлении уголовного преследования на территории РФ к такому документу прикладываются все материалы уголовного дела возбужденного на территории того государства, где было совершено преступление. Оформляются соответствующие материалы на основании уголовно-процессуального законодательства РФ и передаются для производства дальнейшего расследования в следственные органы РФ.

Уголовное преследование начинается с момента поступления в Генеральную прокуратуру РФ следующих процессуальных документов: самого уголовного дела и материалов, являющихся основанием к началу движения уголовного преследования.

Действия и мероприятия, проводящие в сфере уголовного преследования, не должны выходить за рамки тех поручений, которые указаны в запросе. Все процессуальные мероприятия необходимо проводить в соответствии с нормами уголовно-процессуального кодекса РФ совместно с законодательством другого государства. В данном случае мероприятия по уголовному преследованию будут проводиться на основе принципов, закрепленных нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Взаимосвязь теории с практикой показывает, что практическая деятельность в сфере уголовного преследования отличается и не всегда соответствует нормам законодательства нашего государства и зарубежного.

Так, в 90-х годах поступило поручение из Генеральной прокуратуры Украины в наше государство об уголовном преследовании в отношении гражданина Иванова И. И., который является подозреваемым в совершении преступления с соответствующими материалами уголовного дела.

Следственными органами Украины проведено расследование преступления, в ходе которого было установлено, что Иванов И. И. совершил преступление. Данное лицо является гражданином РФ и по собранным следствием Украины сведениям, находится на территории РФ. В целях привлечения данного лица к уголовной ответственности, необходимо было провести уголовное преследование на территории РФ. Так же следствием Украины было установлено, что Иванов И. И. уклоняется от ответственности. В соответствии с нормами международного документа об оказании правовой помощи, а именно Минской конвенции, в Генеральную прокуратуру РФ было отправлено поручение об уголовной ответственности (ст. 72, 73). В результате чего было установлено местонахождение подозреваемого Иванова И. И. и данное лицо было признано обвиняемым. Вскоре, после проведенных соответствующих следственных мероприятий уголовное дело с обвинительным заключением было направлено в прокуратуру, а затем в суд. Суд вернул уголовное дело с обвинительным заключением и в качестве основания указал на необходимость передачи данного дела в следственные органы Украины, так, как нарушены, были основания передачи уголовного дела из одного государства в другое (ст. 80 Минской конвенции).

При рассмотрении материалов уголовного дела было установлено, что не продлены сроки следствия.

Таким образом, был ряд нарушений в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства РФ и международных документов.

Учитывая нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ, суд не мог отказаться от принятия уголовного дела. В соответствии со ст. 214 УПК РФ судья должен был принять одно из решений, перечень которых является исчерпывающим [3]. Необходимо было при установлении постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования незаконным или необоснованным направить постановление об исполнении своего решения прокурору РФ или удовлетворить ходатайство или жалобу прокурора.

Учитывая нормы российского законодательства и международных документов в сфере уголовного преследования, а также применение теории на практике, возникает ряд вопросов, которые необходимо регламентировать законодательством РФ и иностранного государства.

На практике следственные органы сталкиваются с такими случаями, когда подозреваемого заключают под стражу, а он является гражданином того государства, на территории которого он задержан.

Таким образом, возникает вопрос, если лицо совершившее преступление на территории одного государства находится после совершения им преступления на территории другого государства, гражданином которого он является, может ли данное государство в отношении такого лица возбуждать уголовное дело.

Такие примеры не единичны, что требует их скорейшего законодательного регулирования.

Пристатейный библиографический список

1. Договор Российской Федерации и Латвийской Республики о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам // ФЗ РФ от 17 декабря 1994 года № 66-ФЗ.
2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (ред. от 28.03.1997) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.07.2021).

МУСИНА Карима Рашидовна

магистрант 2 курса Московского университета им. С. Ю. Витте

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ОБЫСКА КАК СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

В условиях периодического изменения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту УПК РФ)* повышение качества досудебного и судебного разбирательства, а также работы правоохранительных органов в сфере понимания и использования производства обыска в ходе уголовного процесса требуют комплексной работы над теорией и рекомендациями. Целью и задачами исследования являются анализ понятия и сущности обыска как следственного действия, определение цели и задач обыска как следственного действия. Методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания. Делается вывод, что при производстве обыска возникает достаточно большое количество проблем, среди которых определены проблемы, возникающие в связи с отсутствием законодательного определения обыска, а также проблемы при определении основания производства обыска.

Ключевые слова: доказательство, следственное действие, обыск, изъятие, цель и задачи обыска, юридическое основание обыска, лицо, ведущее расследование, конституционные права, жилище.

MUSINA Karima Rashidovna

magister student of the 2nd course of the S. Yu. Witte Moscow University

TO THE QUESTION OF THE ESSENCE OF THE SEARCH AS AN INVESTIGATIVE ACTION

In the context of periodic changes in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), improving the quality of pre-trial and judicial proceedings, as well as the work of law enforcement agencies in the field of understanding and using search operations during criminal proceedings require comprehensive work on theory and recommendations. The purpose and objectives of the study are to analyze the concept and essence of the search as an investigative action, to determine the purpose and objectives of the search as an investigative action. The methodological basis of this study is a set of methods of scientific cognition. It is concluded that a sufficiently large number of problems arise during the search, among which the problems arising from the lack of a legislative definition of the search, as well as problems in determining the basis of the search, are identified.

Keywords: evidence, investigative action, search, seizure, the purpose and objectives of the search, the legal basis of the search, the person conducting the investigation, constitutional rights, housing.

Особенность обыска, как следственного действия, состоит в том, что при их производстве происходит принудительное изъятие отдельных предметов, документов, которые впоследствии могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу. Проведение обыска может быть связано с ограничением конституционного права граждан, например, права на неприкосновенность жилища.

Первоначально следует обратить внимание на то, что законодателем не дается определения понятия обыска, а определяются основания и порядок производства данного следственного действия.

Цель обыска совпадает с целью, для которой проводятся все следственные действия, однако при этом имеет определенную специфику. Если рассматривать обыск, который проводится уже после того, как по делу были допрошены свидетели и потерпевший, то такой обыск может ставить своей целью и проверку данных полученных в ходе проведения иных следственных действий [6].

В советский период ученые неоднократно указывали на недостаток в регламентации законодателем обыска, в частности на то, что в нормах уголовно-процессуального законодательства не давалось четкое определение данному следственному действию.

В 1961 году А.Р. Ратиновым было сформулировано понятие обыска, которое является общепризнанным. Признание данного ученым определения, проявляется в том, что в дальнейшем авторами предпринимались попытки дополнить определение какими-то дополнительными признаками, но суть такого определения осталась неизменной.

По мнению, А.Р. Ратинова под обыском следует понимать такое следственное действие, сущность которого состоит

в принудительном обследовании объекта, которое проводится в целях отыскания и изъятия предметов, имеющих значение для дела, а также обнаружения разыскиваемых лиц.

Р.С.Белкин уточняет данное определение путем дополнения перечнем объектов, которые подлежат изъятию в ходе производства обыска [3].

В настоящее время, ученые в ходе исследований, также делают попытки сформулировать понятие обыска.

Так, С.А. Шейфер предлагает более расширенное определение обыска, в котором отражаются как познавательный, так и принудительный характер обыска. По его мнению, под обыском следует понимать принудительное обследование объекта, которое основано на наблюдении и осуществляется на основании положений действующего законодательства. При этом автором выделяется такой целью обыска как отыскание и изъятие вещественных доказательств, а также разыскиваемых лиц и трупов [8].

В действующем УПК РФ нормы, которые устанавливают процессуальный порядок производства обыска находятся в главе 25. Положения данной главы регламентируют основания и порядок проведения обыска.

Для того, чтобы охарактеризовать познавательную сущность обыска необходимо понимать, как отражаются следы преступления в материалах уголовного дела. Здесь важное значение имеют методы научного познания эмпирического уровня.

Так, например, на основании анализа тактических приемов, которые могут применяться в ходе производства обыска, можно установить, что при производстве обыска используется метод наблюдения, который проявляется в том, что при производстве обыска может осуществляться наблюдение за поведением субъекта, у которого проводится обыск и в результате такого наблюдения можно установить моменты, когда обыскиваемый находится в стрессовой ситуации или

* Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 177-ФЗ // Российская газета. № 249. 22.12.2001.

сильно нервничает, что позволяет сделать вывод о том, что поиск идет в правильном направлении.

Также при производстве обыска допускается применение метода измерений. Обращаясь к положениям ст. 166-167 УПК РФ можно говорить и о том, что применяется метод описания ходов и результатов обыска.

Вопросы о производстве обыска получили свое закрепление в главе 25 УПК РФ. Для уяснения отдельных положений данной главы, необходимо обращаться к принципам уголовного процесса, а также к процессуальному статусу его участников. В качестве примера можно привести проведение обыска в помещении адвоката, правила которого закреплены в положениях отдельной статьи.

Таким образом, в соответствии с положениями российского уголовного процессуального закона (ст. 182 УПК РФ) общая уголовно-процессуальная модель поиска содержит следующие основные положения: Первым положением является положение о необходимости основания для производства обыска.

Вторым положением то, что поиск осуществляется на основании решения следователя либо суда, в зависимости от вида обыска, а также статуса лица, у которого такой обыск проводится;

Третьим положением является правило о необходимости предлагать добровольно выдавать предметы, документы и ценности, подлежащие конфискации;

Четвертое положение состоит в том, что любые помещения могут быть открыты во время процесса поиска, если владелец отказывается открыть их добровольно;

Пятое положение касается необходимости соблюдения о фиксации и упаковке изъятого.

Основываясь на анализе взглядов ученых на природу поиска, представляется возможным определить понятие «поиск». Поиск в системе следственных действий может рассматриваться как обыск и как обязательное обследование отдельных объектов и лиц с целью обнаружения и захвата объектов и документов, имеющих отношение к делу, а также обнаружения разыскиваемых лиц и трупов.

Задачи обыска вытекают из цели данного следственного действия и позволяют ее конкретизировать и достичь в ходе производства обыска.

Задачами обыска являются:

1. поиск и изъятие предметов доказательной ценности, которые являются: орудиями и средствами преступности; предметами преступных деяний и т.п. Для достижения такой задачи следователь может привлечь к участию в обыске лиц, которые обладают специальными познаниями и могут осуществлять помощь в изъятии отдельных предметов.

2. Обнаружение разыскиваемых лиц, а также материалов, характеризующих личность и облегчающих поиск;

3. Поиск имущества, которое может обеспечить компенсацию за материальный ущерб и подлежать конфискации. Кроме того, во время обыска должны быть обязательно изъяты предметы, которые запрещены к обращению.

Также приведенный перечень может быть расширен за счет задачи по установлению источника получения других доказательств. Для решения такой могут привлекаться специалисты кинологи, оперативные сотрудники.

Из вышеуказанных задач вытекает четвертая задача, сущность которой состоит в выдвижении следственных версий о совершенном преступлении и лице, его совершившем.

Пятой задачей является задача по решению вопроса о приобщении изъятого к материалам уголовного дела. В тех случаях, когда изъятое к объектам расследования отношения не имеет, следователь может принять решение о выделении материалов для проведения дополнительной проверки.

И последней задачей является проверка иных источников доказательств по делу. В качестве примера можно привести обыск, который производится после показаний свидетеля, который обнаружил орудие преступления.

Во многих случаях обыск является срочным следственным действием и должен быть незамедлительно осуществлен, как только это станет необходимым, чтобы не допустить, чтобы заинтересованные лица более глубоко скрыли или уничтожили следы преступления.

Основной целью поиска, который осуществляется в ходе производства обыска, является сбор доказательств. Также можно провести поиск, чтобы найти разыскиваемых людей и трупы.

Обыск является следственным действием, которое относится к группе первоначальных следственных действий. При проведении обыска каждый изъятый предмет подлежит осмотру, фиксации (путем фотосъемки), упаковке. Кроме того, каждый предмет должен быть надлежащим образом (опечатан и скреплен подписями понятых и участвующих лиц) упакован.

Итак, обыск является следственным действием, который, как правило, проводится на первоначальном этапе расследования уголовного дела. Законодателем в нормах уголовно-процессуального законодательства не дается определение данного следственного действия, а указывается только на основания и порядок его производства, что вызывает определенные затруднения в практической деятельности.

И в заключении следует обратить внимание на значение обыска как вида следственного действия. В целом значимость обыска проявляется в том, что благодаря закреплению данного следственного действия, лица, ведущие расследование получили возможность проводить принудительное обследование, в результате которого могут быть изъяты предметы, орудия и средства совершения преступления [5].

Фактическое основание для производства обыска должно складываться из трех составляющих.

Первой составляющей фактических оснований является цель обыска. В данном случае, по уголовному делу должны быть установлены факты, которые подтверждают наличие похищенного имущества и его приметы, либо установлены приметы орудия совершения преступления. Также к цели, как составляющей фактических оснований можно отнести и данные от оперативных служб о возможной причастности субъекта к совершению иных преступлений, поэтому лицо, ведущее расследование может прийти к выводу о том, что проведение обыска необходимо даже в тех случаях, когда в рамках дела изъяты были уже все доказательства совершенного преступления.

Второй составляющей являются допустимые источники, которые могут содержать информацию, на основании которой делается вывод о том, что проведение обыска было бы целесообразно или даже необходимо. Таким источниками могут выступать протоколы допросов, рапорта оперативных сотрудников и иные источники.

Третьей составляющей является объем фактических данных, на основании которых делается предположительный вывод о том, что цель обыска может быть достигнута. Данная составляющая является самой сложной и фактически совпадает с законодательной формулировкой о необходимости наличия достаточных данных.

Вопросы достаточных данных стали предметом научных исследований. Авторам предлагается достаточно специфичные подходы к определению достаточности.

Так, У.Н. Ахмедова указывает на необходимость анализа всех доказательств, которые были получены в ходе расследования, а также проанализировать и те материалы, которые были предоставлены оперативными подразделениями [1].

Такая позиция в целом соответствует сложившейся позиции как теории, так и в правоприменительной деятельности. Но далее автор отмечает необходимость принимать меры к установлению мотивации лица на совершение преступления, а также его индивидуальные психологические особенности, что может позволить выделить специфику объекта поиска.

С одной стороны, с такой позицией можно согласиться, но использовать такой подход можно на стадии, когда проведение обыска не является неотложным следственным действием.

В тех случаях, когда решение о производстве обыска принимается в течении небольшого промежутка времени после совершения преступления, либо после того, как правоохранительным органам стало известно о том, что такое преступление совершено, объективно очень сложно составить психологический портрет подозреваемого.

В таких ситуациях более целесообразно основываясь на факторе внезапности проводить обыск, так как это может

позволить достичь результата, а именно в ходе обыска будут изъяты предметы, которые впоследствии могут быть использованы в качестве доказательств. Попытки установить психологический портрет подозреваемого могут привести к тому, что доказательства будут утрачены. Кроме того, использование психологических особенностей личности больше характерно для тактики обыска.

Такой позиции придерживаются Сапрунов А.Г. и Данильян Э.С., в работе которых отмечено, что в тех случаях, когда обыск не является внезапным, это приводит к тому, что такой обыск может стать неэффективным. Однако, проведения обыска не может быть бесосновательным. Это означает, что решение должно быть основано на том, что по месту производства обыска могут быть обнаружены предметы, которые имеют значение для дела.

Далее авторы обращают внимание на необходимость подготовки к производству данного следственного действия, которая состоит в том, что должна быть собрана вся возможная информация, а также при производстве обыска должны быть применены необходимые технические средства [4].

Обыску присуща познавательная сторона, что проявляется в том, что при производстве обыска лицо, ведущее расследование может получить фактические данные, а также сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Также при производстве обыска появляется возможность изъять предметы, документы, орудия и средства совершения преступления, т.е. изъять доказательства, которые впоследствии могут быть использованы по делу.

Следует отметить, что на первоначальном этапе, т.е. на этапе принятия решения о необходимости производства обыска, лицо, ведущее расследование только может предположить о том, что производство обыска позволит получить необходимые доказательства. Такое предположение, основывается на внутреннем убеждении следователя (дознателя), а также на основе данных, полученных в ходе расследования [2].

Проведя обыск, лицо, ведущее расследование, может обнаружить такие предметы, которые впоследствии позволят проверить версии по делу, изъять определенные предметы, а затем уже сделать выводы, в том числе и выводы о наличии или отсутствии в действиях субъекта признаков состава преступления. Как показывает практика, в тех случаях, когда задержано лицо, у которого изъяты наркотические средства, по месту жительства такого лица в большинстве случаев принимается решение о необходимости производства обыска.

Юридическое основание зависит от вида обыска, который планируется провести.

На основании анализа норм уголовно-процессуального законодательства можно выделить три вида обыска. Первым видом является личный обыск, сущность которого состоит в том, что обыск проводится у физического лица. Наиболее распространенным является проведение личного обыска в отношении лиц, которые были задержаны в порядке ст. 91-92 УПК РФ, а также тех лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Вторым видом обыска является обыск помещений либо отдельных участков местности. Наиболее распространенным является проведение такого вида обыска в помещениях офисов, складов и иных помещений.

И третьим видом обыска является обыск в жилище. Более подробно данные виды обыска будут рассмотрены во второй главе работы.

Данная классификация позволяет правильно оформлять решение о производстве обыска, т.е. определять необходимость получения судебного разрешения на производство обыска либо возможность проведения такого обыска на основании решения, которое принимается следователем.

В тех случаях, когда обыск проводится в жилище, т.е. в помещении, используемом для постоянного или временного проживания необходимо разрешение суда. В тех случаях, когда обыск проводится в помещении для его проведения достаточно постановления следователя.

И в заключении хотелось бы обратить внимание на положения ст. 182 УПК РФ в части определения субъекта, который проводит обыск и управомочен принимать решение о производстве обыска. При буквальном толковании данной статьи можно сделать вывод, что такими полномочиями за-

конодатель наделяет только следователя, что не соответствует сложившейся практике.

Решение о производстве обыска может быть принято и по делам, которые находятся в производстве дознавателя. Если обратиться к положениям ст. 165 УПК РФ, то в рамках данной статьи законодатель закрепляет право на обращение в суд с ходатайством о производстве обыска в том числе и дознавателя.

Таким образом налицо неточность в формулировании положения ст.182 УПК РФ, которые необходимо исключить путем дополнения положений ст. 182 УПК РФ о том, что обыск проводится не только следователем, но и дознавателем.

Заключение: Одним из следственных действий является обыск. Недостатком законодательной регламентации обыска в нормах уголовно-процессуального законодательства является отсутствие законодательного закрепления понятия исследуемого следственного действия, что ведет к различному толкованию. Для устранения данного недостатка предлагается дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом 22.1 в котором закрепить следующее понятие обыска: «Обыск — это принудительное следственное действие, заключающееся в обследовании помещений, участков местности, транспортных средств, граждан или их одежды в целях отыскания и изъятия предметов, имеющих значение для дела, а также обнаружения разыскиваемых лиц и трупов».

Для того, чтобы был проведен обыск необходимо наличие двух оснований. Такие основания получили название фактического и юридического основания. Под фактическими основаниями следует понимать достаточные данные, которые позволяют сделать вывод о необходимости проведения обыска. Юридическим основанием является постановление следователя о производстве обыска или постановление суда о разрешении обыска.

Пристатейный библиографический список

1. Ахмедов У.Н. Доказывание мотива национальной и расовой ненависти или вражды по делам о преступлениях против жизни и здоровья / Под ред. докт. юрид. наук, проф. В. В. Трухачева. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 192 с.
2. Горлова Ю.А. Обыск и выемка: актуальные вопросы тактики производства // В сборнике: Проблемные вопросы экономической безопасности России. – 2020. – С. 27-29.
3. Савенко Е.М. Возникновение и развитие обыска и выемки в уголовном процессе России // В сборнике: Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке. Сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции курсантов и слушателей вузов МВД России, студентов гуманитарных вузов, адъюнктов, аспирантов и соискателей. Отв. ред. К.А. Плясов. – 2018. – С. 421-427.
4. Сапрунов А.Г., Данильян Э.С. Специфика производства обыска при проверке розыскных версий // Общество и право. – 2011. – № 3. – С. 274-279.
5. Смирнов А.А. Обыск: особенности производства в современных условиях // Крымский Академический вестник. – 2020. – № 13. – С. 160-164.
6. Тимошук О.В. К вопросу проведения осмотра места происшествия // В книге: Победа ковалась всеми: исторические и криминалистические аспекты Сборник тезисов докладов курсантов и слушателей, посвященный 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: электронный ресурс. – 2015. – С. 52-54.
7. Фасхутдинов Р.Ф. Особенности производства обыска // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. – 2019. – № 1. – С. 485-488.
8. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. – Самара: Самарский университет, 2004. – 228 с.

ПОГОРЕЛЬСКИЙ Андрей Александрович

старший преподаватель Оренбургского государственного университета

ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И НЕВМЕНЯЕМЫХ: ЭВОЛЮЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ УСЛОЖНЕННЫХ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫХ ФОРМ

В статье автор обращается к вопросу о том, какой путь прошла идея дифференциации уголовного судопроизводства, и каким образом формировались современные требования к процессу доказывания и его содержанию в существующих в настоящее время формах дифференцированных производств – в отношении несовершеннолетних и в отношении невменяемых. Уделено особое внимание таким моментам, как возникновение особого отношения к данным категориям участников уголовно-правовых отношений и становление особых уголовно-процессуальных форм доказывания при расследовании в их отношении уголовных дел. Продемонстрирована тенденция развития российского законодательства на пути к усложнению порядка производства, нашедшая воплощение в УПК РСФСР 1960 г. по делам, как в отношении несовершеннолетних, так и в отношении невменяемых лиц.

Ключевые слова: история российского уголовного судопроизводства, производство в отношении несовершеннолетних, производство в отношении невменяемых, процессуальная форма.

POGORELSKIY Andrey Aleksandrovich

senior lecturer of the Orenburg State University

CRIMINAL PROCEEDINGS AGAINST MINORS AND THE INSANE: THE EVOLUTION OF THE FORMATION OF COMPLICATED DIFFERENTIATED FORMS

In the article, the author addresses the question of which way the idea of differentiation of criminal proceedings went, and how modern requirements for the process of proof and its content were formed in the currently existing forms of differentiated proceedings – in relation to minors and in relation to the insane. Special attention is paid to such moments as the emergence of a special attitude towards these categories of participants in criminal law relations and the formation of special criminal procedural forms of evidence in the investigation of criminal cases against them. The tendency of the development of Russian legislation towards the complication of the procedure of production, embodied in the Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1960 in cases both in relation to minors and in relation to insane persons, is demonstrated.

Keywords: history of Russian criminal proceedings, proceedings against minors, proceedings against the insane, procedural form.

Погорельский А. А.

Представляет интерес обращение к становлению и эволюции в российском законодательстве норм, касающихся ответственности несовершеннолетних и невменяемых и регламентации правил производства в их отношении уголовных дел.

Справедливыми являются суждения ученых о том, что в российском государстве заботе о будущем поколении всегда уделялось повышенное внимание, и проявление такой заботы к несовершеннолетним правонарушителям, их нравственному оздоровлению, являлось неизменной обязанностью законодателя [1, с. 60; 2, с. 21; 3, с. 148]. Между тем, обращение к историческим данным показало, что в российском законодательстве долгое время лица, не достигшие совершеннолетнего возраста, в отдельную категорию субъектов правоотношений не выделялись. Правовые акты законодательства царской России не содержали регламентации правил, которые бы защищали права и интересы несовершеннолетних, а, значит, и отсутствовала отдельная регламентация процесса установления их ответственности.

Об исключительном отношении к уголовному преследованию и наказанию как малолетних, так и невменяемых свидетельствует законодательство периода правления Петра I. В частности, указание на обязательность учета малолетнего возраста или «лишения ума» совершившего преступление лица содержалось в Артикуле воинском 1715 г. в отношении наказания за воровство [4, с. 363]. При этом считалось, что психическое заболевание – вещь очевидная, а потому установление его наличия по внешним проявлениям поведения лица представлялось возможным без обращения к помощи врачей [5, с. 166]. Привлечение последних для освидетельствования душевнобольных стало обязательным в связи с

Указом Александра I «О не предании суду поврежденных в уме людей, учинивших в сем состоянии смертоубийство», согласно которому повреждение в уме «через врачебную управу следует удостоверять» [4, с. 364]. Вообще в дореформенный период в России обращение с психически неполноценными лицами сводилось не столько к лечению, сколько к изоляции [6, с. 151].

Российская правовая действительность получила новый виток развития с принятием судебных Уставов 1864 г. (далее – УУС). В нем по-прежнему не было норм, указывающих на особенность предварительного следствия в отношении лиц, не достигших совершеннолетнего возраста или невменяемых, но некие предпосылки этого все же имелись. Так, не достигшие четырнадцатилетнего возраста лица и слабоумные не подлежали присяге (ст. 706 УУС); устанавливалось правило, что в любом случае, когда подсудимый в момент совершения преступления не достиг семнадцати лет, ставить на разрешение суда вопрос о том, совершено ли преступление с полным разумением (ст. 759 УУС). Способом установления возраста обвиняемого при отсутствии возможности его документального подтверждения (из метрических книг, ревизских сказок и т.д.) являлось привлечение к участию в производстве по делу сведущего лица – судебного врача (ст. 413 УУС). Понятий «эксперт» или «экспертиза» УУС не содержал, но в этом правовом акте уже регламентировалось та особая форма деятельности сведущих лиц, которая сегодня именуется судебной экспертизой [7, с. 135].

Изложенное свидетельствует о том, что именно судебными реформами в судопроизводстве были заложены основы формирования норм, регламентирующих производство в отношении несовершеннолетних и психически больных лиц.

Дальнейшее совершенствование законодательства в плане особого отношения к совершившим запрещенное законом деяние несовершеннолетним, было осуществлено Законом от 2 июля 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних» [4, с. 342]. Благодаря данному акту несовершеннолетние были не только наделены дополнительными процессуальными гарантиями, но и впервые было закреплено их особое процессуальное положение. Так, к значимым изменениям порядка досудебного производства следующие: 1) впредь дела о преступлении несовершеннолетнего (10 – 17 лет) в соучастии с взрослыми подлежали отдельному рассмотрению (ст. 207-1 УУС); 2) появилась особая форма уголовно-процессуальной деятельности, направленной на разрешение вопроса о «разумении» несовершеннолетнего – «установление степени умственного и нравственного развития и сознания преступности учиненного деяния» (ст. ст. 356-1–356-6 УУС); 3) закреплены более гуманные способы применения пресекающих мер (ст. 416-1); 4) родители (воспитатели) несовершеннолетнего имели право «просить предъявления и дополнения заключенного следствия» (ст. 476-1 УУС).

В свою очередь, на этапе «подготовительных суду распоряжений» к существенным изменениям относится закрепление обязательности участия защитника (ст. 566-1 УУС), ключевым моментом принятия которого послужило выраженное особым мнением убеждение министра юстиции об абсолютной беспомощности данной категории лиц перед законом и судом. Данное условие было настолько важным, что для Сената его отсутствие являлось достаточным для отмены приговора [8, с. 217].

Особая забота законодателя проявилась и в закреплении правила об обязательном участии в суде и допущении к даче объяснений их законных представителей (ст. 681-1 УУС).

Можно сделать вывод, что внесенные в УУС изменения и дополнения являлись предпосылками к формированию особого порядка производства в отношении лиц, не достигших совершеннолетнего возраста и появлению механизма освобождения от наказания лиц, имеющих психические расстройства.

Советский период развития отечественного уголовно-процессуального законодательства также характеризуется особым отношением к невменяемым. В первом советском уголовно-процессуальном законе отдельная глава была посвящена определению психического состояния обвиняемого (гл.16 УПК РСФСР 1922 г.) и вопросам его установления психиатрической экспертизой. При производстве по таким делам, как и сегодня, основным процессуальным средством доказывания являлось назначение и производство экспертизы, окончательная оценка результатов которой принадлежала суду. Тем не менее, признанное невменяемым лицо, занимая положение обвиняемого, подсудимого, по УПК РСФСР 1922 г. самостоятельным процессуальным статусом в ходе производства по делу не наделалось.

Вместе с тем после событий 1917 г. достижения, которыми характеризовалось дореволюционное законодательство, детально регламентировавшее производство дел в отношении несовершеннолетних, было утрачено. Уголовно-процессуальный закон 1922 г. не содержал норм, регламентирующих производство в отношении не совершеннолетних, такие дела рассматривались административными комиссиями о несовершеннолетних, поэтому на их разрешение зачастую влияли субъективные оценки членов этих комиссий [9, с. 1436]. Поэтому вряд ли можно было говорить о надлежащей защищенности прав несовершеннолетних.

Тем не менее, в УПК РСФСР 1922 г. все же нашли отражение некоторые моменты, наделяющие производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних определенными особенностями. В частности, в ст. 14 предписывалась необходимость медицинского освидетельствования в случаях, когда были основания полагать, что обвиняемый является несовершеннолетним, а также впервые было закреплено положение о законных представителях, в качестве которых, в числе прочих, могли выступать родители и опекуны (п. 7 ст. 23).

Уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних в 1930 – 1940-е гг. оценивается исследователями как практически не отличающееся от судопроизводства в отношении взрослых [12, с. 1437]. Тем не менее, специфика исследования проявлялась в таких являющихся обязательными мерах, как точное установление возраста несовершеннолет-

него и вовлекших его в преступную деятельность взрослых лиц, при этом установление последнего каралось для этих лиц тюремным заключением не ниже 5 лет.

Таким образом, производство в отношении несовершеннолетних и невменяемых лиц в этот период времени отличалось от обычного хода производства необходимостью привлечения к нему сведущих лиц для медицинского освидетельствования и обязательного установления определенных сведений о личности привлекаемых к ответственности, которые свидетельствовали о некоторых особенностях предмета доказывания при производстве по таким делам.

В этом отношении УПК РСФСР 1960 г. стал более прогрессивным. Во-первых, это первый уголовно-процессуальный кодекс, содержащий самостоятельную норму, отражающую предмет доказывания (ст. 68). Во-вторых, данным актом впервые все вопросы рассматриваемых видов производства были сгруппированы в самостоятельных главах (гл. 32 и гл. 33). В-третьих, регламентация производства по данным категориям дел стала более детальной, в частности, появились норма, закрепившая обязательность производства предварительного следствия и особые предметы доказывания (ст. 392 и ст. 404), норма, отразившая основания применения принудительных мер медицинского характера (ст. 403), норма об обязательности участия защитника в деле (ст. 47 и ст. 405), а так же о возможности участия в допросе несовершеннолетнего педагога (ст. 397).

Таким образом, нами продемонстрирована тенденция развития российского законодательства на пути к усложнению порядка производства, нашедшая воплощение в УПК РСФСР 1960 г. по делам, как в отношении несовершеннолетних, так и в отношении невменяемых лиц. Установлено, что на каждом из рассмотренных этапов развития российского уголовного судопроизводства вопросы дифференциации процессуальной формы соответствовали тем представлениям о должном, которые господствовали в правовом сознании законодателя того времени.

Пристатейный библиографический список

1. Мищенко Е. В. Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел: дис. ... докт. юрид. наук. – Оренбург, 2014.
2. Корнакова С. В., Корягина С. А. Современные тенденции насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. – № 1.
3. Корнакова С. В., Корягина С. А. Современные тенденции и причины корыстных и корыстно-насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Baikal Research Journal. – 2016. – Т. 7. – № 2.
4. Российское законодательство X – XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма. В 9-ти т. Т. 4 / Отв. ред.: Маньков А. Г. – М.: Юрид. лит., 1986.
5. Машинская Н. В. Возникновение и развитие процессуальной формы производства по делам о преступлениях несовершеннолетних в досоветский период // Вестник Владимирского юридического института. – 2012. – № 1 (22).
6. Шарапатова А. Е. Принудительные меры медицинского характера: развитие отечественного законодательства // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2008. – № 2 (2).
7. Смолькова И. В. Участники современного Российского уголовного судопроизводства. – М.: Юрлитинформ, 2017.
8. Четвертый съезд представителей русских исправительных заведений // Журнал министерства юстиции. – 1895. – № 9.
9. Марковичева Е. В. Эволюция производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: от Устава Уголовного Судопроизводства до Уголовно-процессуального кодекса РФ // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 7 (44).

ПОПОВ Денис Павлович

преподаватель кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности Челябинского государственного университета

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматриваются теоретико-прикладные проблемы функционально-правового устройства современного уголовного судопроизводства. На основе анализа теории, действующего УК РФ, УПК РФ, ведомственных нормативных правовых актов и практики их применения, обращается внимание, что, несмотря на отказ законодателя от принципа установления по уголовному делу объективной истины, и замена его принципом состязательности, процессуальные функции участников досудебного производства, существенно не изменились. Автор обосновывает положение о том, что вследствие нерационального реформирования, современное уголовное судопроизводство оказалось в функционально дифференцированном состоянии.

Ключевые слова: досудебное производство, дознаватель, следователь, прокурор, процессуальные функции, полнота, всесторонность и объективность, объективная истина, состязательность, функциональная дифференциация.

POPOV Denis Pavlovich

lecturer of Criminal process and expert activity sub-faculty of the Chelyabinsk State University

FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF MODERN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article deals with theoretical and applied problems of the functional and legal structure of modern criminal proceedings. Based on the analysis of the theory, the current Criminal Code of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, departmental regulatory legal acts and the practice of their application, attention is drawn to the fact that despite the refusal of the legislator from the principle of establishing objective truth in a criminal case, and replacing it with the principle of competition, the procedural functions of participants in pre-trial proceedings have not changed significantly. The author substantiates the position that due to irrational reform, modern criminal proceedings have turned out to be in a functionally differentiated state.

Keywords: pre-trial proceedings, inquirer, investigator, prosecutor, procedural functions, completeness, comprehensiveness and objectivity, objective truth, competitiveness, functional differentiation.

Стремление к установлению объективной истины традиционно (и не оспоримо) признавалось в императорской, советской и российской теории и практике уголовного процесса в качестве одного из наиболее значимых ориентиров всей следственно-прокурорско-судебной деятельности. Однако, действовавший на протяжении многих десятилетий принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, возлагавший на властных участников уголовного процесса, обязанность выявлять уличающие и оправдывающие, смягчающие и отягчающие ответственность обвиняемого обстоятельства, запрещавший названным участникам перелгать бремя доказывания на обвиняемого и использовать недопустимые методы расследования (насилие и угрозы), в новейшем уголовно-процессуальном законодательстве оказался не востребованным, по причине постановки проблем дефицита состязательности в механизме правового регулирования уголовно-процессуальных отношений, и вытекающей из данной проблемы необходимости расширения прав, свобод и гарантий участников уголовного судопроизводства, прежде всего действующих на стороне, выполняющей функцию защиты от уголовного преследования.

Принятая 12 декабря 1993 г. Конституция Российской Федерации, провозгласила осознание всего российского процессуального законодательства (ч. 3 ст. 123). Во исполнение названной конституционной нормы, вступивший в законную силу 01.07.2002 г. УПК РФ в ст. 15 закрепил, что уголовно-процессуальная деятельность во всех без исключения стадиях, осуществляется на основе разделения функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, которые отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо [1].

Закрепление названного положения и отказ в новом УПК РФ от требования о необходимости установления

по каждому уголовному делу объективной истины, отмечает Л. В. Головкин, не более чем на уровне символов обозначил выбор отечественного законодателя в пользу американского вектора развития, и отказ от характерной для нас европейской уголовно-процессуальной традиции [6, с. 63-64]. В реалиях же правоприменительной деятельности предложенные законодателем состязательные символы, оказались не применимы, поскольку реальный механизм их обеспечения в уголовно-процессуальном законодательстве, за 20 лет их существования, так и не сформирован [3, с. 141-142].

В процессуальной теории на этот счет справедливо отмечается, что несмотря на провозглашение состязательности отраслевым принципом, стадия возбуждения уголовного дела состязательней не стала, по причине отсутствия как стороны обвинения, так и самого обвинения, и доказательств его подтверждающих. Не стало состязательным и предварительное расследование, ввиду отсутствия такого её признака как, отделение функций обвинения и защиты от функции разрешения дела по существу [9]. Принципиально не изменились (по сравнению с советским этапом) и базовые положения нового уголовно-процессуального законодательства, на что указывает оставшаяся неизменной инфраструктура следственно-прокурорских органов в досудебном производстве и их доминирующее положение [2, с. 86], концепция единого уголовного дела, институты доказательственного права и др. [5, с. 125]. Вследствие чего вывод о состязательности современного уголовного процесса базируется не на «изысках» формальной логики, а обязан своей аргументацией, небрежности законодателя, повлекшей издержки законодательной техники [4, с. 28].

С приведенной критикой ученых, на наш взгляд, безусловно следует согласиться, в том числе и исходя из соображений юридико-технического характера оформления

принципа состязательности в уголовно-процессуальном законодательстве.

Буквальное и системное исследование диспозиций норм, закрепленных в ст. 15 УПК РФ, указывает на следующие их правовые характеристики.

Исходя из содержания части 1, статья 15 является декларативной нормой, т.е. нормой, провозглашающей принцип уголовно-процессуального права. Декларативность данной нормы, свидетельствует об универсальности принципа состязательности и распространении его действия в равной степени как на досудебное, так и судебное производство по уголовным делам.

По методу правового регулирования, нормы, содержащиеся в ст. 15 следует отнести к полноценно императивным, прямо предусматривающим, что уголовное судопроизводство осуществляется только на основе состязания (ч. 1), строго предусмотренных законом сторон (обвинения и защиты) (ч. 2), которые равноправны перед независимым судом, разрешающим их правовой спор по существу (ч.ч. 3 и 4).

С точки зрения степени законодательной определенности, положения частей 2, 3 и 4 ст. 15 УПК РФ, являются абсолютно-определенными, т.к. законодательно формулируют единственно возможный (для сторон и суда) право-обязывающий вариант поведения: сторона обвинения – поддержать сформулированное обвинение; сторона защиты – опровергнуть предъявленное обвинение; правосудие – разрешить спор сторон. Данные положения указывают, что по способу правового регулирования ст. 15, является право-запрещающей, поскольку суду запрещается действовать на стороне обвинения или защиты, также, как и участникам стороны обвинения запрещено выполнять функцию защиты, а участникам стороны защиты, соответственно функцию обвинения.

Отмеченные характеристики положений ст. 15 УПК РФ (декларативность, императивность, абсолютная определенность, обязывающий и запрещающий характер) позволяют предложить единственно возможный вариант её толкования.

Состязательность, является универсальным и общеобязательным принципом уголовного судопроизводства, отражающим идею законодательного распределения участников уголовного процесса по направлениям уголовно-процессуальной деятельности, за счет указания их уголовно-процессуальных функций, участники каждой из которых выполняют строго предусмотренный законом вид правоприменительной деятельности, имеющей своим назначением доказать перед независимым судом обоснованность или необоснованность обвинения.

В свою очередь, из правового смысла примененных законодателем терминов и выражений (функции обвинения, защиты и разрешения дела отделены друг от друга; суд не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, стороны обвинения и защиты равноправны перед судом и др.), можно сделать вывод, что режим состязательности рассчитан на строгое разведение участников по сторонам в условиях их объективно-правового равенства (при представлении доказательств, участия в их исследовании, отсутствия тайности, т.е. полной осведомленности о действиях противной стороны). Отсутствие любого из названных элементов (например, стороны обвинения или суда, рассматривающего дело по существу, неосведомленности подозреваемого о том, какими доказательствами располагает против него следователь) указывает на то, что протекающие правоотношения не являются состязательными, однако, являются уголовно-процессуальными. Приведенное положение, свидетельствует о том, что, провозгласив состязательность судопроизводственным отраслевым принципом, законодатель раскрыл его сущность и регламентировал механизм реализации только применительно стадии судебного разбирательства. Предшествующая же стадия (досудебное производство) по смыслу ч. 1 ст. 15 УПК РФ, также является состязательной, однако правовой

механизм реализации данного принципа законодатель не раскрыл.

Обозначенные лингво-логические и юридико-технические проблемы законодательной интерпретации принципа состязательности, инициировали попытки ученых дифференцировано подходить к определению целей уголовного судопроизводства для различных его частей. Для досудебного производства – это установление объективной истины с учетом требований всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, для судебного разбирательства – установление истины формальной [8, с. 57].

Приведенные соображения можно признать вполне обоснованными, даже несмотря на то, что принципиальные положения об установлении объективной истины по каждому уголовному делу, не нашли своего прямо законодательного отражения. Положения, составляющие сущность данного принципа, не исчезли бесследно, а трансформировались в иные, не менее обязательные для властных участников уголовного процесса положения.

Например, уголовно-процессуальная деятельность следователя, как особый вид правоприменительной деятельности, регулируется не только нормами УПК РФ, но и принятыми в соответствии с последним, ведомственными нормативно-правовыми актами.

Так, например, отдельными приказами № 5 от 15.01.2011 г.¹ и № 2 от 15.01.2011 г.² Следственного комитета и МВД России № 1 от 09.01.2018 г.³, прямо закрепляются положения о том, что основным направлением деятельности следственного органа, является реализация функции предварительного расследования, основной задачей которой выступает всестороннее, полное и объективное расследование обстоятельств уголовного дела.

Фрагменты данной задачи, помимо названных ведомственных НПА, можно встретить также в отдельных положениях уголовного и уголовно-процессуального законодательства, например, в ч. 4 ст. 152 УПК РФ и ч. 2 ст. 154 УПК РФ. За воспрепятствование деятельности дознавателя, следователя и прокурора по проведению всестороннего, полного и объективного расследования уголовного дела частью 2 ст. 294 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность.

Анализ отчетов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Феде-

- 1 Приказ Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 5 «Об установлении объема и пределов процессуальных полномочий руководителей следственных органов (следственных подразделений) системы Следственного комитета Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257488/> (дата обращения: 10.03.2021).
- 2 Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 г. № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» // Официальный сайт Следственного комитета РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sledcom.ru> (дата обращения: 01.05.2017).
- 3 Приложение № 1 к приказу МВД России от 9 января 2018 года № 1 «Об органах предварительного следствия в системе МВД России» «Типовое положение о следственном управлении (отделе) управления на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации по федеральному округу, следственном управлении (отделе) линейного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, подчиненного Министерству внутренних дел Российской Федерации, главному следственному управлению (управлению, отделе) министерства внутренних дел по республике, главному управлению, управлению Министерства внутренних дел Российской Федерации по иному субъекту Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/550739081#> (дата обращения: 20.02.2021).

рации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам, по ч. 2 ст. 294 УК РФ за 12 месяцев 2019 г. было осуждено 20 человек⁴, за 6 месяцев 2020 г. осуждено 6 человек⁵. В свете приведенной судебной статистики можно констатировать алогичную ситуацию, при которой, прямо предусмотренной законом обязанностью по установлению объективной истины нет, но за воспрепятствование в её установлении, уголовная ответственность и приговоры есть.

Приведенные выше обстоятельства, позволяют констатировать, что в результате проведенных нововведений российский уголовный процесс находится в состоянии антагонизма идеи и реальности, который в исходных положениях заявлен как процесс трехфункционального состязательного типа, тогда как фактически эта форма раскрывается только в части судебных стадий [7, с. 99], оставляя за пределами понимания, деятельность участников, осуществляемую в досудебном производстве. В свою очередь, эти же обстоятельства позволяют констатировать, что отечественное уголовное судопроизводство, в настоящее время пребывает в функционально дифференцированном состоянии. В нем существует система уголовно-процессуальных функций отличная от системы, закрепленной в ст. 15 УПК РФ, т.е. объективно существующая, но не признанная законом. Скажем, для выполнения какой функции следователь выносит постановление о возбуждении уголовного дела – обвинять и доказывать обвинение, или расследовать (исследовать) обстоятельства уголовного дела и принять решение в соответствии с требованиями ч. 4 ст. 7 УПК РФ? Какую функцию реализует прокурор, прекращая уголовное дело установив непричастность подозреваемого к преступлению (п. 3 ч. 1 ст. 226 УПК РФ) – обвинения, защиты или разрешения дела? Какую из функций выполняет руководитель следственного органа, давая следователю согласие на обжалование решений прокурора в порядке, предусмотренном ст. 221 УПК РФ – обвинения, защиты или разрешения дела?

Ответ на любой из приведенных вопросов наглядно покажет, что сформулированная законодателем в ст. 15 УПК РФ парадигмальная система направлений процессуальной деятельности, не является объективной.

Функциональная дифференциация современного уголовного судопроизводства, на наш взгляд, выражается, в существовании в отечественном уголовном судопроизводстве двухуровневой системы различных, но самостоятельных процессуальных функций, предназначенных для потребностей различных производств по уголовному делу (досудебному и судебному).

Первый уровень функций, возникает и осуществляется в ходе досудебного производства по уголовному делу. Образующая данный уровень группа уголовно-процессуальных функций прямо не отражена в законе, однако, объективно существует (предварительного расследования уголовного дела, процессуального контроля, судебного контроля, прокурорского надзора).

Второй уровень, представляет собой группу уголовно-процессуальных функций, прямо предусмотренных законом

и вытекающих из принципа состязательности. Данные функции имеют производный характер, т.е. результаты реализации первичной группы функций определяют возникновение и соответственно осуществление функций обвинения, защиты от него и разрешения уголовного дела, в ходе судебного разбирательства.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174 ФЗ (в ред. от 30.12.21) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.
2. Азаренок Н. В. К вопросу о типе современного российского уголовного процесса // Российский юридический журнал. – 2010. – № 3. – С. 83-88.
3. Азаренок Н. В. Обусловленность состязательности в уголовном процессе // Российский юридический журнал. – 2013. – № 4 (91). – С. 141-142.
4. Азаров В. А., Ревенко Н. И., Куземабаева М. М. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография. 2-е изд., стер. – Омск, 2008. – 559 с.
5. Александров А. С., Лапатников М. В., Терехин В. В. От полусостязательности – к полной инквизиционности: эволюция постсоветского уголовно-процессуального права // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 2 (36). – С. 124-127.
6. Головкин Л. В. Российский уголовный процесс и объективная истина // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексева (г. Санкт-Петербург, 28-29 июня 2014 года). – СПб.: «ЦСПТ», 2015. – С. 63-64.
7. Давлетов А. А. Об оптимальном типе современного российского уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2011. – № 2. – С. 98-100.
8. Деришев Ю. В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. – Омск: Омская академия МВД России, 2004. – 340 с.
9. Давыдов П. М. Принципы советского уголовного процесса. – Свердловск, 1957. – С. 35, 38.

4 Отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2019 г. Раздел 17 (Гл. 31). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения: 02.04.2021).

5 Отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 6 месяцев 2020 г. Раздел 17 (Гл. 31). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5460> (дата обращения: 02.04.2021).

ПЫЛЕНКО Игорь Павлович

кандидат юридических наук, доцент кафедры судопроизводства Государственного морского университета имени адмирала Ф. Ф. Ушакова

КУЛИКОВСКАЯ Ирина Сергеевна

старший преподаватель кафедры гражданского и международного права Государственного морского университета имени адмирала Ф. Ф. Ушакова

ГРИГОРЬЕВ Алексей Вячеславович

курсант 4-го курса направления «Юриспруденция» Государственного морского университета имени адмирала Ф. Ф. Ушакова

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАПИТАНАМИ МОРСКИХ И РЕЧНЫХ СУДОВ

В настоящей статье исследованы проблемы правовой регламентации и правоприменения в сфере осуществления неотложных следственных действий капитанами морских и речных судов, актуальные, прежде всего, в силу существования уголовно наказуемых деяний, которые были совершены в местах, удаленных от органов, занимающихся предварительным расследованием, так как высока вероятность утраты следов и иной информации доказательственного характера. Проанализирована сложившаяся правоприменительная практика, выявлены особенности применения уголовно-процессуального законодательства. Ряд выявленных пробелов и их всесторонний анализ указывают на необходимость совершенствования действующего законодательства в рассматриваемой области.

Ключевые слова: капитан морского и речного судна, подследственность, проблемы правоприменения, предварительное расследование, неотложные следственные действия, правомочия капитана морского и речного судна, уголовно-процессуальное законодательство, правоприменительная практика.

PILENKO Igor Pavlovich

Ph.D. in Law, associate Professor of Judiciary sub-faculty of the F. F., Ushakov State Maritime University

KULIKOVSKAYA Irina Sergeevna

senior lecturer of Civil and international law sub-faculty of the F. F. Ushakov State Maritime University

GRIGORJEV Aleksey Vyacheslavovich

cadet of the 4th course of the direction «Jurisprudence» of the F. F. Ushakov State Maritime University

CRIMINAL PROCEDURE OF PRELIMINARY INVESTIGATION BY THE CAPTAINS OF SEA AND RIVER VESSELS

This article examines the problems of legal regulation and law enforcement in the field of urgent investigative actions by captains of sea and river vessels, relevant primarily due to the existence of criminally punishable acts that were committed in places remote from the bodies involved in the preliminary investigation, as there is a high probability of loss of traces and other evidentiary information. The author analyzes the current law enforcement practice, identifies the peculiarities of the application of criminal procedure legislation. A number of identified gaps and their comprehensive analysis indicate the need to improve the current legislation in this area.

Keywords: captain of a sea and river vessel, investigation, problems of law enforcement, preliminary investigation, urgent investigative actions, powers of the captain of a sea and river vessel, criminal procedure legislation, law enforcement practice.

Актуальность проводимого исследования обеспечена, прежде всего, тем, что в рамках современных реалий уголовно-процессуального законодательства не урегулирован вопрос о статусе должностных лиц, приведенных в части 3 статьи 40 УПК РФ, в системе действующих органов, уполномоченных осуществлять досудебное расследование. Кроме того, УПК РФ в большинстве случаев регламентирует процедуру и наделяет следственные органы юридической компетенцией, отграничивает указанные органы от следственных органов, разъясняя, что, если является самостоятельным, отдельным учреждением со своей компетенцией, отличной от

правомочий следственных органов.

Советское процессуальное законодательство в сфере уголовного права раскрывает суть современной позиции законодателя, обуславливая процессуальные аспекты и процедуру дознания и органов, его осуществляющих. В данном аспекте становится ясно, что должностные лица (ч. 3 ст. 40 УПК РФ), их процессуальный статус, права и обязанности, находятся в переходном периоде и требуют законодательной регламентации, которая приведет к единому пониманию.

Пыленко И. П.

Куликовская И. С.

Григорьев А. В.

Усиление процессуальных отличий, и как итог, завершение формирования уголовно-процессуального статуса таких структур, существенно увеличат отличия последних от органов дознания. Сравнительно-правовой анализ действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан, сравнение доктринальных основ, делают акцент о необходимости имплементации ряда норм, в том числе и норм, регламентирующих полный объем полномочий в вопросах осуществления дознания органами и должностными лицами, перечисленными в ч. 3 ст. 40 УПК РФ.

Идея завершенности статуса должностных лиц (ч. 3 ст. 40 УПК РФ) носит эталонный характер, малоисполнимый, в реалиях действующего уголовного и процессуального отраслей права. Однако, отказать от ее претворения в жизнь равносильно отказу от принципов, на которых зиждется применимость днорм действующего законодательства.

Следующей законодательной проблемой представляется то, что в различных государственных актах не предусмотрен единообразный подход к правовой регламентации статуса должностных лиц (ч. 3 ст. 40 УПК РФ), в том числе капитанам морских и речных судов.

Всесторонний анализ деятельности капитанов судов, совершающих дальние рейсы, выявлена непоследовательность и «неточность» в формулировках положений внутреннего судоходства, международных актов в сфере торгового мореплавания, а также ряде других нормативных актов. Такое положение дел, обосновывает целесообразность формирования вокруг УПК РФ, единого подхода, применяемого законодателем и в иных отраслях права, что позволит на практике согласовать положения всех иных правовых актов, непосредственно затрагивающих исследуемую сферу.

Уголовно-процессуальное законодательство дает возможность наделять капитанов (шкиперов) и иных должностных лиц правом возбуждать, при необходимости, уголовные дела и проводить ряд неотложных мероприятий, обеспечивающих полноту следствия. В силу ч. 19 статьи 40 УПК РФ под неотложными следственными действиями следует понимать действия следственного органа, либо должностного лица, на которого возложены аналогичные функции, после возбуждения уголовного дела, которое подлежит расследованию в обязательном порядке, так как первоочередной является необходимость выявления и установления доказательств, их обнаружение и фиксация [1].

Не менее интересным является тот факт, что в определении, указанном законодателем отсутствуют проблемные моменты, и теоретическое обоснование рассматриваемой нормы - вполне логично, так как при проведении предварительного следствия, если отсутствует необходимость «неотложного» реагирования, то все мероприятия осуществляются в рамках производства дознания (об этом говорит ссылка в статье 150 УПК РФ к гл. 21,22, 24-29 УПК РФ, которые применимы при осуществлении дознания).

С другой стороны, согласно действующему законодательству и правоприменительной практике, должностные лица, предусмотренные законодателем (ч. 3 ст. 40 УПК РФ), полномочны производить только неотложные следственные действия, которые возможны только в том случае, если уголовное дело относится к категории дел, требующих обязательного расследования.

В свою очередь, в случаях, когда нет необходимости в производстве предварительного следствия, должностные лица, предусмотренные в ч. 3 ст. 40 УПК РФ, не имеют указа-

ний на проведение неотложных следственных мероприятий, а, следовательно, полномочий нет.

Из поля зрения законодателя выпал целый блок уголовных дел, возбужденных должностными лицами, указанными в части 3 статьи 40 УПК РФ, по которым производство в рамках предварительного следствия является необязательным.

Таким образом, например, что если одним из должностных лиц, указанных в части 3 статьи 40 УПК РФ, было возбуждено дело по статье 228.1 УК РФ «Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества», то производство неотложных следственных действий будет иметь место и должно быть проведено.

Однако, если дело будет возбуждено также указанными субъектами по части 1 статьи 228 УК РФ, то производство следственных действий невозможно, так как указанные субъекты уполномочены производить только неотложные следственные действия, а статус неотложных в данной ситуации утрачивается, в виду того, что по данной категории дел производство предварительного следствия необязательно. Нет никакой проблемы при осуществлении своей уголовно-процессуальной функции органами дознания, однако возникает пробел при выполнении элементов предварительного расследования субъектами, указанными в части 3 статьи 40 УПК РФ.

Особенность этой версии заключается в том, что в случае совершения преступления на судне, которое не подлежит обязательному расследованию в аспекте указания действующего уголовно-процессуального законодательства, уполномоченное лицо - капитан, не вправе осуществлять предусмотренные неотложные действия процессуального и криминалистического характера, в силу существования необходимости полноценного расследования происшествия на судне.

Вышеуказанные положения имеют основания для своего существования. Но следует учесть, что в отличие от невозможности производства неотложных следственных действий, предварительное следствие по которым не является обязательным, не порождает всевозможных препятствий для возбуждения уголовного дела субъектами, перечисленными в части 3 статьи 40 УПК РФ.

Сопряженным уголовно-процессуальным полномочием капитанов судов следует признать право на задержание последними лиц, подозреваемых в совершении преступления на борту, по которому возбуждено соответствующее производство.

В соответствии со статьей 91 УПК РФ, орган дознания вправе задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии есть некоторые причины, предусмотренные законом. Необходимость задержать подозреваемое лицо должностными лицами иногда не являющимися государственными лицами, а также наделенными ограниченными властно-распорядительными полномочиями в отношении неопределенного круга лиц непреклонно увеличивается, в том числе и в условиях неотложности, в какой начинает функционировать их уголовно-правовой статус.

Если считать положение о том, что к органам дознания в силу основ уголовно-процессуального закона относятся должностные лица, указанные в части 3 статьи 40 УПК РФ, в

том числе капитаны морских и речных судов, то на них возлагаются полномочия по задержанию подозреваемого. Однако УПК РФ отдельно не указывает рассматриваемую категорию должностных лиц в части 1 статьи 91 УПК РФ.

В свою очередь неявно обосновывает право на арест Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103 «О задержании подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления». Статьей 7 анализируемого нормативно-правового акта установлено, что в случаях, когда задержание подозреваемого в совершении преступления осуществляется в соответствии с УПК РФ капитанами судов, последние вынуждены обеспечить надлежащее содержание задержанным в специально отведенных помещениях, предусмотренных для таких целей, либо переоборудованных и соответствующих требованиям, предъявляемым к подобным помещениям.

Согласно ч. 4 ст. 31 УК РФ¹, при обнаружении на судне следов преступления, предусмотренного действующим законодательством Российской Федерации, капитан судна полномочен задержать лицо, подозреваемое в совершении такого преступления, до передачи его компетентным органам в ближайшем порту или населенном пункте.

Акцентируя внимание на анализируемой ситуации, капитан уполномочен задерживать лиц, которые подозреваются в совершении преступных действий на борту судна. Характеризуя содержание ч. 4 ст. 31 КВВТ РФ, бросается в глаза факт, что нормативный акт является специальным законом в рассматриваемой сфере, а именно, в сфере морского и внутреннего водного транспорта.

Основания задержания подозреваемого, совершившего действия с преступной составляющей, систематизированы в статье 91 УПК РФ, и являются исчерпывающими, по смыслу законодательного массива.

Однако с учетом положений УПК РФ, не противоречащих его существу, КВВТ РФ предусматривает специфическую закономерность, увеличивая ее до объемов «не подпадающих под действие» УПК РФ: капитан судна обязан задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления, при обнаружении на судне, находящемся в дальнем плавании, признаков преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации.

Это правило идентично правилу об основаниях для возбуждения уголовного дела, изложенному в статье 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: «Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки уголовного правонарушения».

После сравнительного исследования ч. 4 ст. 31 КВВТ РФ и ч. 2 ст. 140 УПК РФ, можно констатировать, что основания задержания по стандарту КВВТ РФ даже шире, чем основания для возбуждения уголовного дела, в силу того, что согласно ст. 140 УПК РФ указывает на необходимость «достаточных данных, свидетельствующих о признаках преступления», когда ч. 4 ст. 31 указывает исключительно на факт следов преступления.

Вышеуказанное позволяет сделать заключение, что даже отсутствие оснований возбуждения уголовного дела, не ис-

ключает возможность капитаном судна дальнего плавания задерживать лицо, подозреваемое, либо уличенное в совершении преступления. В сложившейся ситуации осуществить задержание возможно и до возбуждения уголовного производства, однако, такое положение дел не соответствует требованиям норм процессуального права. Данное противоречие представляется неприемлемым и должно интерпретироваться в сторону УПК РФ, закрепляющего общепроцессуальные положения.

По своему существу ч. 4 ст. 31 КВВТ РФ содержит в себе ряд оснований ч. 1 ст. 91 УПК РФ, расширяя границы анализируемой нормы, основания указанные в ч. 4 ст. 31 КВВТ РФ предшествуют основаниями ч.1 ст.91 УПК РФ, не требуя обязательного их наличия.

Согласно содержанию статьи 91 УПК РФ дознаватель, следователь, либо орган дознания обладают правом задерживать лицо, в отношении которого есть основания его задержания. Необходимо принять решение о его задержании или, соответственно, не задержании должностным лицом, на такое решение оказывают влияние условия сложившейся ситуации, также делается акцент на «служебной необходимости» при выборе действенных уголовно-процессуальных мер.

В ч. 4 ст. 31 КВВТ РФ, напротив, предусмотрены случаи обязательного задержания лица, которое могло быть причастно или совершило преступное деяние, если такие основания будут выявлены.

Контекстное сравнение норм вышеуказанных кодексов, раскрывает особенности процессуального положения капитана морского судна, как самостоятельной единицы, относительно органов дознания и полномочий, которыми они наделены. Такое сравнение еще раз регламентирует нерешенность исследуемого вопроса.

При этом, положения о задержании, предусмотренные ч. 4 ст. 31 КВВТ РФ, обосновывают необходимость осуществления задержания в описанной ситуации. Суть проблемы заключается в том, что судно, находясь в рейсе, то есть далеко от берега и порта приписки - обособлено от общества, при этом капитан является единственным лицом - представителем государственной власти, полномочным осуществить досудебные процессуальные мероприятия. Закрытое пространство и ограниченность условий для членов экипажа могут повлиять на выявление или наоборот сокрытие следов преступления. Влияние могут оказывать друг на друга отдельные члены экипажа, влияя и на результаты предварительного расследования, фиксацию следов и результат расследования.

Факторы влияния лица, совершившего преступление, могут быть сравнены по степени влияния с допрошенными и недопрошенными лицами в судебном заседании. При этом капитан судна, как и пристав-исполнитель, должен предпринять все возможные меры, чтобы обеспечить общение среди лиц опрошенных и неопрошенных судом, с целью исключения влияния на мнения последних.

При задержании также актуальной проблемой остается срок, на который задерживаются подозреваемые лица, специально уполномоченными должностными лицами (ч. 3 ст. 40 УПК РФ). Общепринятый срок задержания, согласно действующим нормам процессуального права, составляет 48 часов с фактического задержания (положение закреплено в Конституции РФ). Истечение сорока восьми часового срока влечет освобождение задержанного, за исключением случаев избрания к нему иных мер пресечения, будь то заключение под стражу, либо продление судом срока ареста на 72 часа.

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LA W&n=408084&dst=-100001#fQlt7xSspaQov5pL1> (дата обращения: 10.02.2022).

Применение вышеуказанных положений достаточно проблематично к применению уполномоченными на то должностными лицами (ч. 3 ст. 40 УПК РФ), так как указывается место совершения преступления, место содержания лица, невозможность в дальнейшем передать арестованное лицо соответствующему органу государственной власти, либо передать на другое судно, следующее в порт. Однако, и об освобождении данного лица, даже на судне, речь не идет.

Проблемным остается вопрос получения информации о телефонных, интернет и иных соединениях между абонентами, которые могут подозреваться в совершении преступных действий, особенно находясь в дальнем плавании. Решение такого вопроса необходимо оставить для разрешения специальными органами и службам, обеспечив лишь заключение подозреваемого под стражу, чтобы исключить рецидивы в его действиях. Уполномоченные лица на судне должны обеспечить соблюдение всех условий, чтобы максимально полно сохранить существующие доказательства, и в дальнейшем обеспечить их применение без ущерба процедуре доказывания, не нарушая права лиц - участников процессуального судопроизводства.

Вышеуказанное позволяет сделать вывод, что на законодательном уровне не регламентирована однозначная позиция касательно должностных лиц (ч. 3 ст. 40 УПК РФ) в вопросе задержания и осуществления ряда иных процессуальных действий. Преодоление указанных противоречий возможно посредством определения в специализированном нормативно-правовом акте, или непосредственно УПК РФ, фундаментальных положений уголовного судопроизводства, приводимого в исполнение отдельной категорией должностных лиц, о которых идет речь в настоящем исследовании.

В части наделения компетенцией ряда должностных лиц, в области производства необязательных следственных действий, отмечается пробел в законодательстве. Данная проблема проявляется и при формировании правоприменительной практики.

В рамках совершенствования уголовно-процессуального законодательства, следует установить для должностных лиц, к которым относятся и капитаны морских и речных судов, возможность осуществления необходимых следственных действий, в рамках производства по уголовному делу, а не использовать категорию «неотложные следственные действия» с целью восполнения пробелов в уголовно-процессуальном массиве. Законодательство также не имеет четкой позиции в отношении должностных лиц, указанных в ч. 3 ст. 40 УПК РФ по поводу использования задержания и выполнения иных процессуальных действий.

Выявленные в исследовании проблемы и противоречия уголовно-процессуального законодательства требуют регламентации и закрепления в УПК РФ и специализированных законах фундаментальных и равных основ осуществления процессуальных действий, и компетенции в целом, непосредственно для всех должностных лиц, о которых идет речь в ч. 1 ст. 40 УПК РФ.

Исключительное определение единых начал осуществления процессуальных действий, как для капитанов дальнего плавания речных и морских судов, так и для иных категорий лиц, указанных в ч. 1 ст. 40 УПК РФ, единые основания задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, позволят сформировать действенные уголовно-процессуальные правовые основы регламентации их деятельности.

Вопросы процессуального статуса должностных лиц (ч. 3 ст. 40 УПК РФ) остаются нерешенными и по настоящее время, что подтверждается отсутствием единого законодательного подхода к решению сложившихся практических проблем. Отрицается сам факт существования такого института, так как могут быть попораны основные права и свободы человека и гражданина, особенно учитывая экстремальность складывающихся ситуаций.

Существование выявленных проблем обусловлено отсутствием специальной подготовки капитанов морских и речных судов в области осуществления уголовно-процессуальных действий и проведения ряда неотложных следственных действий. На судне также, зачастую, отсутствуют технические и криминалистические средства, которые могут поспособствовать осуществлению расследования. Не менее проблематичным остается составление и оформление процессуальных документов, так как для этого необходимо наличие специальных профессиональных знаний, умений и навыков, в том числе, навыков использования специального программного обеспечения и профессиональных справочно-информационных систем.

Для решения выявленных проблем целесообразно разработать основные положения, представленные в инструкции по осуществлению дознания капитанами судов дальнего плавания, при расследовании отдельных видов преступлений, совершенных на судне во время плавания, обеспечить наличие на борту специализированного криминалистического оборудования для проведения неотложных следственных действий, а также гарантировать доступ к специализированным программам, бланкам уголовно-процессуальных документов, компьютерным программам и сети Интернет.

Поступательное решение существующих проблем, всестороннее исследование проблем на теоретическом научном уровне, надлежащее техническое и организационное обеспечение, и, в целом, создание условий для выполнения неотложных процессуальных и криминалистических мероприятий капитаном судна, обеспечат экстерминацию существующих проблем правоприменительной практики.

Пристатейный библиографический список

1. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). - 9-е изд., перераб. - Специально для системы ГАРАНТ, 2014. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://base.garant.ru/57571740/> (дата обращения 10.02.2022).
2. Семенов А.В., Литвин Т.А., Куликовская И.С. Вопросы правового обеспечения транспортной безопасности на морском транспорте // Вестник государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова. - 2021. - № 2 (35). - С. 73.
3. Семенов А.В., Куликовская И.С., Нурджанян А.Э., Попандопуло Ф.Г. Международно-правовое регулирование обеспечения безопасности морского судоходства // Заметки ученого. - 2021. - № 6-1. - С. 509.

СТЕПАНЕНКО Юрий Сергеевич

кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, подполковник полиции

ПРИМЕНЕНИЕ АРЕСТА КАК ВИДА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

В статье рассматривается вопрос применения ареста как вида уголовного наказания. Автор анализирует современное состояние применения уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы и рассматривает некоторые проблемы исполнения наказания в виде ареста. Кроме этого, автором предложены условия, при которых возможен перевод уголовного наказания ареста из виртуального состояния в реально используемое.

Ключевые слова: концепция совершенствования уголовно-исполнительной системы, либерализация судопроизводства, демократизация и гуманизация процессов назначения и отбывания уголовного наказания, ресоциализация осужденных, правопослушное поведение, эффективность наказания, уголовное преследование, криминальные привычки, девиантное поведение, декриминализация социума, альтернатива наказанию в виде лишения свободы, уголовное наказание в виде ареста.

STEPANENKO Yuriy Sergeevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of Philosophy and socio-humanitarian disciplines sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

THE USE OF ARREST AS A TYPE OF CRIMINAL PUNISHMENT

The article deals with the issue of the application of arrest as a type of criminal punishment. The author analyzes the current state of the application of criminal penalties, alternative to imprisonment, and considers some problems of execution of punishment in the form of arrest. In addition, the author suggests conditions under which it is possible to transfer the criminal punishment of arrest from a virtual state to a real one.

Keywords: the concept of improving the penal enforcement system, liberalization of judicial proceedings, democratization and humanization of the processes of assigning and serving criminal sentences, resocialization of convicts, law-abiding behavior, the effectiveness of punishment, criminal prosecution, criminal habits, deviant behavior, decriminalization of society, alternative to punishment in the form of imprisonment, criminal punishment in the form of arrest.

В Российской Федерации более двадцати пяти лет реализуется концепция совершенствования правосудия, предусматривающая либерализацию и гуманизацию уголовного судопроизводства с целью развития для населения более эффективной и доступной судебной защиты прав граждан от уголовного преследования [1]. При анализе изменений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства прослеживается тенденция изменения задач, поставленных перед пенитенциарными органами, в рамках исполнения уголовных наказаний. Очевидно, что основное внимание законодателем было уделено разработке альтернативных наказанию в виде лишения свободы на определенный срок видов уголовных наказаний, с целью снижения общего количества лиц, содержащихся в местах изоляции от общества. При этом, не менее важной задачей, поставленной перед уголовно-исполнительной системой России, помимо главной – кары за содеянное, определена задача профилактики рецидивной преступности. Закрепление в законодательстве подобных новшеств базировалось на статистических данных, констатирующих тот факт, что чем дольше осужденный находится в изоляции, тем сложнее ресоциализировать лицо, освобожденное от отбывания уголовного наказания. Изменение психологии осужденного, окончательное разрушение морально-нравственных устоев, присущих правопослушному социальному обществу, накопление в местах лишения свободы криминальных привычек и другие негативные факторы приводят в последующем к стойкому девиантному поведению лиц, освобожденных от отбывания наказания, и, следовательно, большому проценту осужденных, повторно привлекаемых к уголовной ответственности. Практика показала, что назначение наказания в виде лишения свободы на определенный срок, в определенных случаях, крайне негативно влияет на процессы ресоциализации лиц, осво-

бодившихся от отбывания наказания, и, исходя из этого, на процессы декриминализации всего социума страны. Именно разрешением указанной проблемы можно объяснить те глобальные изменения, направленные на демократизацию, либерализацию и гуманизацию процессов назначения и отбывания наказаний, можно объяснить появившиеся в 1996 году новаций в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. Об этом свидетельствует сокращение более чем в два раза численности лиц, содержащихся в учреждениях пенитенциарной системы России – с 1060 тысяч лиц в 1999 году до 494 тысячи осужденных в 2020 году. Кроме этого, в 1996 году в Уголовном кодексе РФ появляются новые уголовные наказания, предназначенные для использования в качестве альтернативы наказанию в виде лишения свободы.

Из всего комплекса уголовных наказаний, появившихся в 1996 году, и облегчающих, по сравнению с наказанием в виде лишения свободы на определенный срок, положение лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, в настоящее время активно используются три наказания. Нужно отметить, что эти наказания не начали исполняться пенитенциарными органами одновременно после вступления Уголовного кодекса РФ в законную силу, а вводились в действие постепенно, по мере создания условий для их исполнения. Так, наказание в виде обязательных работ было введено в действие с 2005 года и показывает свою крайнюю эффективность. Только за последние пять лет к данному виду наказания было привлечено более 590 тысяч осужденных. С начала 2010 года по октябрь 2020 года к уголовному наказанию в виде ограничения свободы, назначенного в качестве основного наказания, привлечено более 218 тысяч лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и свыше 68 тысячам осужденных данное наказание назначено в качестве дополнительного [2]. Последним на сегодняшнее время введенным в действие уго-

ловным наказанием стало наказание в виде принудительных работ. К данному наказанию за период с января 2017 года по январь 2021 года было привлечено более трех тысяч осужденных.

Единственным уголовным наказанием, не введенным в действие с 1996 года по настоящее время, является наказание в виде ареста. Объясняется это тем обстоятельством, что в гражданском обществе и среди законодателей отсутствует единое мнение о необходимости начала применения ареста в России. Связаны эти споры со сложностями реализации этого вида наказания, а также с аргументами либеральной общественности о чрезмерной жесткости данного наказания.

По замыслу законодателей уголовное наказание в виде ареста представляет собой исключительно основное наказание, выражающееся в содержании осужденного за совершение преступления небольшой или средней тяжести в помещении камерного типа (в арестном доме) на срок от одного до шести месяцев. Согласно изменениям в федеральном законодательстве (ст. 1 ФЗ № 371 от 24.11.2014г. «О внесении изменений в статью 54 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 69 и 72 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации») арест не может быть назначен лицам, которым на момент совершения преступления не исполнилось восемнадцать лет. Кроме этого, указанное наказание не назначается беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет. В связи с кратковременностью исполнения наказания в виде ареста, законодателем исключена возможность во время отбывания наказания получение осужденными общего или профессионального образования и такое средство исправления как привлечение осужденных к общественно-полезному труду, за исключением работ по хозяйственному обслуживанию арестного дома.

Одной из сложностей в реализации данного наказания является установленная законодателем правило о месте отбывания наказания. Согласно ч. 1 ст. 68 УИК РФ осужденный к аресту должен содержаться в пределах территориального образования (город, район, округ) где проходил над ним суд. Понятно, что строительство в каждом населенном пункте арестного дома представляется затруднительным, в связи с чем законодатель мог бы расширить территорию места нахождения арестного дома пределами территории субъекта Российской Федерации. Аргументы правозащитников о небюджетных тратах родственников осужденного на приобретение билетов на авиационный или железнодорожный транспорт, с целью реализации права на краткосрочное или длительное свидание, можно игнорировать по причине отсутствия таковых.

Обсуждая целесообразность введения в действие уголовного наказания в виде ареста, критики данного наказания, как правило, приводят следующие аргументы:

- при соразмерном с лишением свободы сроке уголовного наказания, учитывая условия отбывания ареста приравненных к условиям общего режима в тюрьме, наказание в виде ареста выглядит более жестким;
- за исключением встреч для оказания юридической помощи, свидания при назначении наказания в виде ареста запрещены;
- за исключением предметов первой необходимости и одежды по сезону, получение посылок, передач и бандеролей запрещено;
- перемещение осужденного по территории арестного дома без конвоя запрещено;
- возможность получения образования, при отбывании наказания в виде ареста, не предусмотрено.

Вместе с тем, не стоит забывать, что нижняя планка уголовного наказания в виде ареста составляет всего один месяц, что в купе с элементами «шокового» исправительного воздействия может позитивно влиять на процесс исправления

лица, подвергнутого уголовному наказанию. Представляется, что такие жесткие условия отбывания наказания в минимально возможные сроки также будут являться останавливающим фактором в контексте профилактики совершения новых преступлений в связи с тем, что лицо, отбывшее наказание в виде ареста уже утратило иллюзии сформированные общественным мнением или средствами массовой информации об условиях содержания осужденных в местах изоляции и в полной мере осознает последствия повторного привлечения к уголовной ответственности, при этом осознавая, что, в связи с рецидивом, срок изоляции от общества возрастет.

Так же считаем несостоятельным мнение противников введения наказания в виде ареста о том, что данное наказание будет способствовать распространению криминальных привычек преступного мира, будет выступать в роле своеобразного «тюремного университета» в связи с тем, что законодателем предусмотрено назначение указанного наказания лицам, совершившим преступление небольшой и средней тяжести исключительно впервые. Исходя из этого, исключается физическая возможность передачи опыта отбывания уголовного наказания в местах изоляции от общества от лица, повторно привлекаемого к уголовной ответственности, к лицу, впервые осужденному. Учитывая ситуационный фактор психологического давления на лицо, впервые привлеченное к ответственности, «шоковый» характер применяемых правоограничений, незначительность совершенного деяния и поставленную перед пенитенциарными органами задачу профилактики рецидивной преступности, можно рассмотреть вопрос о целесообразности, установленного в настоящее время законодателем, максимально возможного срока наказания в виде ареста в сторону его снижения. Кроме этого, несомненным преимуществом наказания в виде ареста является тот факт, что в помещениях камерного типа легко решается вопрос раздельного содержания осужденных мужчин и женщин, а также отдельного содержания лиц, привлеченных к уголовной ответственности по различным составам преступлений.

Таким образом, наказание в виде ареста может быть рассмотрено в качестве реально применяемого на практике уголовного наказания при совершении преступлений небольшой и средней тяжести в отношении лиц, впервые привлекаемых к уголовной ответственности, деяние которых не попадает под определение уголовного проступка. Срок отбывания указанного наказания в арестном доме может составлять от одного до двух месяцев. Учитывая «шоковый» характер применяемых правоограничений, осужденный, за минимально возможное время, осознает тяжесть последствий совершенного им деяния, посредством чего органами, исполняющими наказание, решается задача правопослушного поведения лица, после освобождения от отбывания уголовного наказания. Приобщение осужденного к криминальным ценностям за столь короткое время наказания, а также учитывая наличие факта отдельного и раздельного содержания некоторых категорий осужденных, не происходит.

Пристатейный библиографический список

1. Степаненко Ю. С. Некоторые вопросы реформирования уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2014. – № 1 (84). – С. 253.
2. Лебедев В. М. Осуждению не подлежит // Российская газета. – 2020. – № 231 (8285). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <https://rg.ru/2020/10/13/glava-verhovnogo-suda-predlagaem-vnesti-v-zakonponiatie-ugolovnyj-prostupok.html> (дата обращения: 24.01.2022).

СМОЛИНА Мария Михайловна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

СОСНОВСКИЙ Александр Александрович

студент 4 курса Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫЕ В МОЛОДЕЖНОЙ СФЕРЕ: ПРИЧИНЫ И ПРОФИЛАКТИКА

Статья рассматривает одну из наиболее глобальных и опасных угроз не только для Российской Федерации, но и для всего мира – экстремизм, а именно преступления экстремистской направленности, совершаемые в молодежной сфере. Распространение экстремистских взглядов среди молодежи чрезвычайно опасное явление, так как молодежь – это ресурс национальной безопасности, будущее страны. Стоит отметить, что данная категория граждан наиболее подвержена влиянию негативных факторов, существующих в обществе. Причинами вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность являются разнообразные факторы, такие как: социально-экономические, политические, психологические. Важным аспектом борьбы с распространением данной опасной тенденции среди молодежи является профилактика, главным субъектом которой должно быть государство.

Ключевые слова: экстремизм, молодежная сфера, причины, профилактика, преступления экстремистской направленности, социально-экономические факторы, психологические факторы, политические факторы, особенности молодежного экстремизма.

SMOLINA Mariya Mikhailovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal law and criminalistics sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

SOSNOVSKIY Aleksandr Aleksandrovich

student of the 4th course of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

EXTREMIST CRIMES COMMITTED IN THE YOUTH SPHERE: CAUSES AND PREVENTION

The article considers one of the most global and dangerous threats not only for the Russian Federation, but for the whole world – extremism, namely extremist crimes committed in the youth sphere. The spread of extremist views among young people is an extremely dangerous phenomenon, since young people are a resource of national security, the future of the country. It should be noted that this category of citizens is most susceptible to the influence of negative factors that exist in society. The reasons for the involvement of young people in extremist activities are a variety of factors, such as: socio-economic, political, psychological. An important aspect of the fight against the spread of this dangerous trend among young people is prevention, the main subject of which should be the state.

Keywords: extremism, youth sphere, causes, prevention, extremist crimes, socio-economic factors, psychological factors, political factors, features of youth extremism.

Экстремизм на современном этапе представляет актуальную угрозу государственной безопасности как в Российской Федерации, так и в иных странах мира.

Если говорить про Россию, то можно отметить, что по статистическим данным, предоставляемым Министерством внутренних дел Российской Федерации, прослеживается неутешительная динамика роста случаев экстремизма на территории страны, так как в период с января по сентябрь 2021 года число вышеуказанных преступлений увеличилось более чем на 30 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года.

В последние годы наблюдается опасная тенденция, а именно, распространение экстремистских взглядов в молодежной среде. Данный факт представляет угрозу, так как именно данная категория граждан является ресурсом национальной безопасности, которые отвечает за дальнейшее развитие страны в различных сферах жизни всего общества.

Среди особенностей молодежного экстремизма можно выделить следующие:

1. Экстремистские взгляды и установки в молодежной сфере обуславливаются неопределенностью.

Почвой для приверженности молодых людей экстремистским взглядам является их неопределенность. В силу того, что молодежь в большинстве случаев не имеет четких взглядов и установок на состояние общества на современном этапе, своего места в социуме и т.д., данная неопределенность и используется заинтересованными лицами для вовлечения молодых людей в экстремистскую деятельность.

2. Молодежный экстремизм распространяется в группах, в которых действует культ насилия и жестокости.

3. Экстремизм распространяется в тех молодежных группах, где отсутствует надлежащее правовое воспитание и как следствие молодые люди не ориентированы на законопослушный образ жизни, не уважают действующие в обществе нормы и установки, институт государственной власти.

Молодежь представляет собой социально-демографическую группу, которая в зависимости от своей специфики, подвержена влиянию факторов, что и является причиной вовлечения молодых людей в занятие экстремистской деятельностью.

Социально-экономические факторы обуславливают проявление экстремизма, и основываясь на анализе данных

Смолина М. М.

Сосновский А. А.

причин можно сделать вывод, что основными из них являются такие как:

1. Низкий уровень материального положения населения.

Социально-экономические факторы, в частности, низкий уровень материальной обеспеченности населения, являются одним из важнейших базисов для порождения общественных конфликтов.

Низкий уровень материального положения достаточно большого слоя населения приводит к социальному неравенству, что в дальнейшем влечет деградацию правосознания граждан, отсутствие приверженности патриотическим взглядам и прочее [1].

2. Высокий уровень безработицы.

Безработица в молодежной среде имеет ряд особенностей и обуславливается определенными причинами. Во-первых, молодые сотрудники в большинстве случаев не представляют для работодателей ценность, так как они не владеют достаточным уровнем теоретических и практических знаний и качеством профессиональной подготовки, которые требуются для приема на работу.

Во-вторых, достаточно распространенной причиной является то, что профессиональные кадры, которых подготавливают учебные учреждения, не соответствуют потребностям общества на том или ином этапе времени, ввиду того, что-либо определенная профессия не востребована, либо специалистов в данной области избыточное количество и, следовательно, высокий уровень конкуренции, в большинстве случаев работодатели отдадут предпочтение уже опытным сотрудникам.

Также можно выделить такую причину – несоответствие условий труда и уровня заработной платы, существующей на рынке труда, желаниям молодых специалистов.

Необходимо отметить, что причин безработицы в молодежной среде достаточно большое количество, наиболее распространенными, на наш взгляд, являются вышеперечисленные.

3. Изменение ценностных ориентаций молодежи.

Говоря о данной причине необходимо сказать о том, что на современном этапе в молодежной среде являются достаточно распространенными явлениями такие как: приверженность ценностям, которые не являются приемлемыми для российского общества, навязывание со стороны различных сект, организаций культа насилия, отрицания норм, установленных законодательством Российской Федерации и т.д.

4. Широкое использование сети Интернет.

Интернет на данный момент достаточно часто используется для распространения среди обширной аудитории экстремистских взглядов, убеждений, размещения информации о различных экстремистских организациях, об их деятельности и т.д.

Следующими факторами, обуславливающими проявление экстремизма в молодежной сфере, являются психологические факторы:

1. Высокий уровень внушаемости.

В данном случае речь идет о подверженности взглядам и ценностям авторитетных лиц, которыми могут быть как старшие по возрасту лица, так и сверстники.

2. Выраженная агрессивность.

Причинами агрессивности в молодежной среде могут быть такие как: особенности нервной системы, влияние СМИ, низкий уровень образования, социальное окружение и прочие.

3. Эмоциональные особенности молодежи.

Достаточно распространенной проблемой в эмоциональной сфере молодых людей является ситуация, когда происходит явное расхождение между реальным и идеальным «Я», который формируется в сознании молодых людей в силу амбиций, но не опираясь на реально существующие способности, условия и возможности. В данном случае такой человек становится в большинстве случаев чрезвычайно подвержен собственным эмоциям, которые в результате могут подвигнуть на совершение действий, явно противоречащих общепринятым общественным установкам и ценностям, например, при помощи совершения преступлений экстремистской направленности.

Еще одной группой факторов, влияющих на возникновение в молодежной сфере экстремистских взглядов, являются политические, такие как:

1. Недоверие государственной властью и недовольство государственной политикой.

Опасностью данной тенденцией является то, что в молодежной сфере достаточно распространено мнение о том, что привлечь внимание государственной власти к своему мнению по поводу направления развития страны в политической сфере возможно только путем выражения явного протеста государству, которое выражается в пропаганде идеологии насилия, жестокости, в результате совершения преступлений, экстремистской направленности.

2. Поддержка различных молодежных экстремистских организаций со стороны ряда иностранных государств.

В данном случае можно говорить о том, что экстремистские организации, в которые вовлекается молодежь, используются как средство для достижения политических целей определенных зарубежных государств, заинтересованных в подрыве общественной безопасности, нравственности и государственной безопасности страны в целом.

Изложив основные причины совершения преступлений экстремистской направленности в молодежной среде, необходимо сказать о профилактике данного явления.

Профилактикой преступлений экстремистской направленности выступает деятельность в сфере разъяснительно-предупредительной работы [2], которая заключается в целенаправленной борьбе по искоренению причин данного явления, и главная роль в данной сфере отводится именно государству.

Государство в рамках профилактики преступлений экстремистской направленности, совершенных молодежью, должно осуществлять контроль за различными организациями, которые функционируют на территории Российской Федерации, а также за ее пределами, с целью своевременного выявления проявлений экстремистских взглядов, чтобы не допустить их негативное влияние на молодое поколение.

Также государству необходимо осуществлять социальную политику в сфере решения проблемы безработицы среди молодежи, например, с помощью взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, учреждений профессионального образования, а также общественных организация для обеспечения молодежи рабочими местами с достойными условиями труда и заработной платой.

Еще одним направлением профилактики преступлений экстремистской направленности, совершенных в молодежной сфере, является правовое воспитание личности, начиная с малолетнего возраста. Так как на современном этапе наблюдается тенденция того, что традиционные ценностные ориентиры теряют свою актуальность, в молодежной среде все больше проявляется правовой нигилизм, необходимо уделять достаточно внимание для повышения правосознания граждан Российской Федерации.

В заключение необходимо сделать вывод, что молодежный экстремизм имеет ряд особенностей, которые основываются на специфике данной социально-демографической группы, делающей ее подверженной влиянию негативных факторов, как внутренних, так и внешних.

На современном этапе преступления экстремистской направленности, совершенные в молодежной сфере, не являются редкостью, что свидетельствует о том, что социальная политика государства в направлении профилактики экстремистских взглядов должна охватывать достаточно обширные сферы жизнедеятельности общества, так как причины приверженности молодежи экстремизму многочисленны и разносторонни.

Пристатейный библиографический список

1. Кузнецов А. А. Понятие, признаки и сущность экстремизма как социального явления (по результатам социологического исследования представлений граждан об экстремизме) // Вестник Прикамского социального института. – 2021. – № 2 (89). – С. 213-218.
2. Иванчук О. В., Забириков Р. В. Феноменологический анализ понятий «экстремизм», «молодежный экстремизм», «профилактика молодежного экстремизма» // Наука и инновации в современном мире: Сборник научных статей / Научный редактор А. С. Старун. – Москва: Издательство «Перо», 2019. – С. 57-61.

СУЛЕЙМАНОВ Таят Алиевич

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

НАЗАРКИН Евгений Валерьевич

доцент Института Академии ФСИН России

ДАНИЛОВА Ирина Юрьевна

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

МАСЛЕННИКОВА Екатерина Александровна

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Уголовно-процессуальный институт возбуждения уголовного дела не всегда регулирует моменты, связанные с осуществлением уголовного преследования двух и более лиц в рамках одного уголовного дела, несмотря на совершенствование закона и постоянное внимание ученых и практиков, что приводит к спорным ситуациям в следственной практике. Осуществление уголовного преследования без возбуждения уголовного дела является существенным нарушением УПК РФ и нарушает права и интересы участников уголовного процесса. При этом возбуждение уголовного дела остается обязательной первоначальной стадией уголовного процесса. Полагаем, что предложение авторов о внесении дополнений в УПК РФ объясняют практическую значимость исследуемого вопроса.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, уголовное преследование, постановление о возбуждении уголовного дела, сроки предварительного следствия, допустимость доказательств.

SULEYMANOV Talyat Alievich

associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

NAZARKIN Evgeniy Valerjevich

associate professor of the Institute of the Academy of the FPS of Russia

DANILOVA Irina Yurjevna

associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

MASLENNIKOVA Ekaterina Aleksandrovna

senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS AND CRIMINAL PROSECUTION: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

The Institute of Criminal Procedure for the initiation of criminal proceedings does not always regulate the issues related to the prosecution of two or more persons in the same criminal case, despite the improvement of the law and the constant attention of scientists and practitioners, which leads to controversial situations in investigative practice. Carrying out criminal prosecution without initiating a criminal case is a significant violation of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and violates the rights and interests of participants in the criminal process. At the same time, the initiation of a criminal case remains a mandatory initial stage of the criminal process. We believe that the authors' proposal to amend the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation explains the practical significance of the issue under study.

Keywords: initiation of a criminal case, head prosecution, resolution on the initiation of a criminal case, the timing of the preliminary investigation, the admissibility of evidence.

Относительно различных аспектов по разрешению противоречий на этапе возбуждения уголовного дела исследователями и учеными рассмотрены практически все возможные проблемные вопросы. И очередное обращение к данной проблеме, на первый взгляд, может показаться изложением известных позиций, точек зрения, повторением материала прошлых лет. При всей очевидности сказанного, тем не менее в следственной практике еще возникают спорные вопросы, связанные с регулированием уголовно-процессуальных отношений на искомой стадии, на которые нет однозначного ответа [1. с. 35]. Если подобные вопросы возникают, то задача исследователей и законодателя высказаться по искомым моментам и дать разъяснения по возникшей проблеме.

Сущность излагаемой проблемы заключается в следующей дилемме: допустимо ли в рамках возбужденного уголовного дела в отношении одного подозреваемого привлечение другого лица в качестве подозреваемого и осуществления его уголовного преследования. Действующий УПК РФ отмеченный факт никак не регламентирует, понятно, что УПК РФ не может

предусмотреть всех нюансов, возникающих в следственной практике. Вместе с тем, следователь и дознаватель, при принятии решения по уголовному делу, может ссылаться только на действующие нормативные акты. По данной позиции получается пробел в законе с самого начала его применения. Соответственно, ставится на разрешение подобная ситуация с вопросом как быть? Исследуемый вопрос не является формальным, так как в подобной ситуации неисполнение регламента закона о возбуждении уголовного дела затрагивает интересы потерпевшего, подозреваемого, вопросы реабилитации обвиняемого, в отношении которого уголовное преследование прекращено по основаниям, указанным в п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ [2]. В ходе подготовки настоящей статьи авторы пришли к выводу, что при возникновении такой ситуации единого практического подхода не выработано. Позиция ВС Российской Федерации по данной ситуации носит двоякий характер: в кассационном определении ВС Российской Федерации от 25.09.2006 г. по делу № 14-о06-29 принято решение, согласно которому признается законным задержание подозреваемого и предъявление обвинения лицу, в

отношении которого уголовное дело не возбуждалось, и, наоборот, определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС Российской Федерации от 04.09.2013 г. № 5-ДШЗ-48 гласит, что применение мер принуждения, производство процессуальных действий следует оценивать незаконным, если они применялись к подозреваемому по уголовному делу, которое было возбуждено в отношении другого лица.

Неоднозначность ситуации заключается в том, что уголовное дело возбудили в отношении подозреваемого (А), допросили его в качестве подозреваемого, но в ходе первоначальных следственных действий было установлено, что преступление совершило другое лицо (В). В резолютивной части постановления о возбуждении уголовного дела следователь принял решение возбудить уголовное дело в отношении гражданина А., что означает начало уголовного преследования в отношении гражданина А. Суть вопроса заключается в том, что возможно ли привлечь гражданина В. к уголовной ответственности и осуществлению его уголовного преследования в рамках данного уголовного дела.

Наше мнение, как исследователей, сводится к следующему. Если уголовное дело было возбуждено в отношении одного подозреваемого, то привлечь другое лицо в рамках данного уголовного дела в качестве подозреваемого невозможно. Это противоречит принципу персонализации уголовного преследования в отношении конкретного лица. Мы считаем, что необходимо прекратить уголовное дело в отношении гражданина А. и возбудить новое уголовное дело в отношении гражданина В. Понятно, что подобное решение не всегда приемлемо для следственного подразделения (вопросы реабилитации в отношении гр. А.). Иначе трудно объяснить, как осуществлялось уголовное преследование в отношении гражданина В. без возбуждения уголовного дела [3. с. 223.]. Более того, ч. 4 ст. 146 УПК РФ обязывает следователя уведомить лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело. Также невозможно привлечь лицо в качестве обвиняемого, если в отношении него не возбуждалось уголовное дело. Постановление о возбуждении уголовного дела является правовым основанием для начала уголовного преследования конкретного лица. Производство предварительного расследования без возбуждения уголовного дела повлечет недействительность собранных по делу доказательств [4. с. 105]. Здесь теоретически, на будущее, можно предложить в подобных случаях возбуждать уголовное дело с формулировкой в постановлении «в отношении конкретного лица и других неизвестных лиц». Тогда возможно было бы прекратить уголовное преследование в отношении гражданина А. и начать уголовное преследование в отношении гражданина В. в рамках одного уголовного дела. Предлагаемое нами решение возможно не по всем составам УК РФ, так по ст. 264 УК РФ подобная формулировка возможна в редких случаях, например, в момент ДТП один гражданин управлял ТС, а другой пытался выхватить руль у водителя. То есть, есть составы преступлений, где постановление о возбуждении уголовного дела с формулировкой в отношении конкретного лица и других неизвестных лиц не всегда возможно.

В любом случае, если есть повод и основание для возбуждения уголовного дела, следователь обязан возбудить уголовное дело (ст. 146 УПК РФ). При установлении нового лица, причастного к совершению расследуемого преступления, возможно два варианта принятия решений следователем: первый вариант – возбуждение уголовного дела в отношении нового подозреваемого и прекращение ранее возбужденного уголовного дела, по которому проводилось расследование. Но, как отмечалось ранее, такой вариант не всегда приемлем из-за ведомственных подходов. Второй вариант, если состав преступления допускает, в постановлении о возбуждении уголовного дела указывается формулировка о возбуждении уголовного дела в отношении подозреваемого и неизвестных лиц. Такой вариант решения, как нам представляется, позволит в будущем, в ходе предварительного расследования, привлекать иных лиц к уголовной ответственности без вынесения индивидуального постановления о возбуждении уголовного дела.

Как иной вариант решения вопроса можно предложить выделить уголовное дело в отношении гражданина В. в отдельное производство. Принять подобное решение в отношении гражданина В. не представляется возможным, так как логическое толкование ст. 155 УПК РФ предусматривает основание для выделения уголовного дела в отдельное производство в случае совершения лицом иного преступления, не связанного с расследуемым уголовным делом. В нашей ситуации принять

такое решение в отношении гражданина В. по данному преступлению невозможно, так как законом подобное основание не предусмотрено. Постановление о выделении уголовного дела в отношении В. в отдельное производство не может служить основанием для осуществления уголовного преследования. Таким основанием является только постановление о возбуждении уголовного дела. Из сказанного также требует разъяснения порядок исчисления сроков предварительного следствия при выделении уголовного дела в отдельное производство. Нам представляется, что срок предварительного следствия по уголовному делу в отношении гражданина В. следует исчислять со дня возбуждения уголовного дела. Если впоследствии это дело будет соединено с другим уголовным делом, то срок предварительного расследования будет исчисляться по уголовному делу, которое имеет наиболее длительный срок расследования (ч. 4 ст. 153 УПК РФ).

Данный эпизод порождает еще один немаловажный вопрос: допустимость реализации доказательств по прекращенному уголовному делу. Для следственной практики вопрос применения доказательств в уголовном деле, взятых из прекращенного уголовного дела, ждет своего разрешения. Если мы предлагаем по исследуемой ситуации прекратить уголовное дело в отношении гражданина А. и возбудить уголовное дело в отношении гражданина В., то встает вопрос о допустимости использования доказательств, взятых из прекращенного уголовного дела. Прекращение уголовного дела влечет прекращение уголовного преследования. Реализация доказательств из прекращенного уголовного дела в отношении А. при расследовании уголовного дела в отношении В. нам представляется вполне возможным, так как требования, предъявляемые к доказательствам (допустимость, относимость), остаются в силе [5. с. 562]. Оформить это действие можно постановлением о производстве выемки копий документов из уголовного дела в отношении гражданина А. Копии процессуальных документов заверяются подписью следователя и печатью следственного подразделения (ст. 1581 УПК РФ). После чего копии документов приобщаются к уголовному делу в отношении гражданина В. и могут служить доказательством по уголовному делу. На основании изложенного можно предложить внести поправку в ч. 4 ст. 146 УПК РФ об обязательности возбуждения уголовного дела, если в отношении лица осуществляется уголовное преследование.

Пристатейный библиографический список

1. Стельмах В. Ю. Правовая сущность стадии возбуждения уголовного дела. // Общество и право. - 2020. - № 3 (73). - С. 33-39.
2. Верховный Суд РФ запретил предъявлять обвинения по новым составам без возбуждения уголовного дела. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/29559/ (дата обращения: 11.01.2021).
3. Мирзоян Г. А. Понятие уголовного преследования // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2021. - № 3-1. - С. 222-225. doi: 10.24412/2500-1000-2021-3-1-222-225. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-ugolovnogo-presledovaniya> (дата обращения: 08.01.2022).
4. Мисник И. В., Перякина М. П. Возбуждение уголовного дела как стадия российского уголовного судопроизводства. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2021. - № 2. - С. 104-114. doi: 10.24412/2312-3184-2021-2-104-114.
5. Чирков Ф. В. Оценка относимости и допустимости доказательств в ходе окончания предварительного следствия с прекращением уголовного дела. // Политический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. - 2011. - № 70. - С. 561-574.).

СУХИНИН Александр Витальевич

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Калмыцкого государственного университета

ЦЕБЕКОВА Гияна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Калмыцкого государственного университета

БАСАНОВ Владимир Васильевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Калмыцкого государственного университета

МУШАЕВ Бадма Цеденович

магистрант 2 года обучения профиля «Уголовный процесс, судебная власть, адвокатура, прокуратура» Калмыцкого государственного университета

РЕАБИЛИТАЦИЯ КАК ФОРМА ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ

В настоящей статье анализируется вопрос развития законодательства о реабилитации как форме восстановительного правосудия. Раскрывается определение «реабилитация». Обозначены элементы реабилитации. В статье раскрыты требования, предъявляемые к реабилитации. Проанализированы проблемные аспекты применения законодательства о реабилитации, а также обозначен порядок возмещения вреда по делам о реабилитации.

Ключевые слова: реабилитация, возмещение вреда, восстановление прав гражданина, возвращение наград, компенсация морального вреда.

SUKHININ Aleksandr Vitaljevich

Ph.D. in Law, professor of Criminal law and process sub-faculty of the Kalmyk State University

TSEBEKOVA Gilyana Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and process sub-faculty of the Kalmyk State University

BASANOV Vladimir Vasiljevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and process sub-faculty of the Kalmyk State University

MUSHAEV Badma Tserenovich

magister student of the 2nd year of study of the profile "Criminal procedure, judicial power, advocacy, Prosecutor's office" of the Kalmyk State University

REHABILITATION AS A FORM OF RESTORATIVE JUSTICE

This article analyses the development of legislation on rehabilitation as a form of restorative justice. The definition of «rehabilitation» is explained. The elements of rehabilitation are indicated. The requirements for rehabilitation are disclosed. The problematic aspects of the application of the legislation on rehabilitation, as well as the procedure for compensation in rehabilitation cases were analyzed.

Keywords: rehabilitation, compensation for harm, restoration of citizen's rights, return of awards, compensation for moral harm.

Понятие «реабилитация» имеет немецкие корни и происходит от слова «rehabilitation», т.е. возвращение в прежнее состояние; восстановление [1, с. 1663].

Реабилитация известна в уголовно-процессуальном законодательстве. Ее основное назначение – это восстановление прав, а также свобод лица, который незаконно либо необоснованно был подвергнут уголовному преследованию. Реабилитация представляет собой меру ответственности государства за действия должностных лиц, которая выражается не только в восстановлении прав реабилитируемого лица, но и возмещении вреда.

В качестве элементов реабилитации необходимо обозначить следующее:

1. Отмена незаконного процессуального решения.
2. Устранение последствий от применения незаконного процессуального решения.
3. Возмещение вреда, причиненного в результате незаконных процессуальных решений.

Реабилитация как форма восстановительного правосудия известна и в международно-правовых актах. Так, в Римской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, Международном пакте о гражданских

и политических правах, подписанного в г. Нью-Йорк 19 декабря 1966 года, Конвенции против пыток и других жестоких и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, подписанного в г. Нью-Йорк 10 декабря 1984 года, говорится о право лица на возмещение вреда, причиненного в результате применения незаконного процессуального решения. Такие лица именуются «жертвами судебных ошибок».

Уголовно-процессуальное законодательство восприняло положения международного права. Так, в части 4 статьи 11 УПК РФ говорится о возможности возмещения вреда лицу, причиненного в результате незаконных действий должностных лиц органов преследования.

О. А. Ветрова и С. В. Меркулов отмечают, что в важном выступает вопрос уяснения перечня лиц, которые имеют право претендовать на реабилитацию. Для этого авторы обозначили несколько положений, которые имеют значение для определения такого круга лиц.

Во-первых, правом на реабилитацию обладают лица, перечень которых прописан в норме статьи 46 УПК РФ.

Во-вторых, в ранее действовавшей редакции УПК РФ у лица, который привлекался к уголовному преследованию по

делам частного обвинения, отсутствовала возможность реабилитации [3, с. 38].

В судебной практике неоднократно отмечался тот факт, что возмещение государством вреда, который был причинен в результате незаконного уголовного преследования, имеет четкую направленность, а именно защита пострадавшего лица.

В-третьих, дискуссионной в научной литературе является вопрос относительно применения частичной реабилитации в отношении лиц, которые прописаны в рамках нормы части 2 и 2.1 статьи 133 УПК РФ.

В уголовно-процессуальном законодательстве говорится о том, что право на реабилитацию возникает только в случае полной либо частичной отмены приговора суда (об этом прямо указывается в пункте 4 части 2 статьи 133 УПК РФ). Несмотря на это укажем, что в судебной практике нередко применяется частичная реабилитация, которая допускается при самостоятельном обвинении.

Самостоятельным признается обвинение, которое может поддерживаться в качестве самостоятельного производства. Представляется, что самостоятельность обвинения должно выступать в качестве предмета доказывания при применении частичной реабилитации.

В-четвертых, термин «реабилитация» не следует толковать расширительно. Данное утверждение ведет к тому, что применение реабилитации не представляется возможным в отношении лиц, которые на незаконных основаниях были подвергнуты мерам процессуального принуждения.

С другой стороны, представляется, что вред в ходе реализации мер принуждения может быть причинен не только в отношении участников уголовного судопроизводства, которые прописаны в рамках части 2 статьи 111 УПК РФ, но и в отношении других лиц, которые не были наделены процессуальным статусом.

В порядке уголовного судопроизводства рассматриваются следующие требования:

1. О возмещении вреда. Но данный пункт имеет ряд исключений. В частности, в порядке уголовного судопроизводства не рассматриваются иски о компенсации морального вреда в денежном эквиваленте);
2. О восстановлении трудовых, пенсионных и иных прав гражданина;
3. О возвращении данному гражданину наград, которых он был лишен.

Предусмотренная главой 18 УПК РФ процедура с точки зрения действующей модели правового регулирования является ускоренным, сокращенным производством, предназначенным для скорейшего рассмотрения требования реабилитированного в условиях отсутствия спора о его субъективном праве на возмещение вреда и о фактических обстоятельствах, предопределяющих размер возмещения (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 года №28-П)¹.

Правоотношения, связанные с реализацией права на реабилитацию, регулируются также ГК РФ (ст.ст. 151, 1070, 1099-1101).

В целом стоит отметить следующий порядок возмещения вреда, причиненного действиями государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов.

Первая стадия характеризуется направлением в суд заявления с указанием характера вреда, который был причинен действиями государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов. В заявлении также обосновываются иски требования, приводятся доказательства.

Если истец неправильно определит ответчика, то это не может служить основанием для отказа в иске, либо его возвращении или оставлении без движения. Суд во время подготовки дела к судебному разбирательству разрешает вопрос о надлежащем ответчике в лице Российской Федерации и привлекает к участию орган прокуратуры, который в соответствии с нормами процессуального законодательства наделен полномочиями по выступлению от имени государства.

Вторая стадия выражается в рассмотрении принятого заявления в суде по правилам, которые описаны в ГПК РФ. Верховный Суд Российской Федерации отмечает, что рассмотрение заявления об оспаривании действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов должно осуществляться в соответствующем суде общей юрисдикции [4, с. 3].

В случае, если суд удовлетворит заявление потерпевшей стороны, то взыскание осуществляется с Российской Федерации и за ее счет.

Предмет доказывания по делам о возмещении вреда составляют следующие обстоятельства:

- 1) факт причинения вреда;
- 2) вина причинителя вреда;
- 3) причинно-следственная связь между незаконными действиями (бездействием) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов и причиненным вредом.

Незаконный либо законный характер действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов не могут признаваться преюдициальными. Только суд в рамках отдельного производства уполномочен признавать те или иные действия государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов в качестве незаконных.

На третьей стадии происходит исполнение судебного решения. Важность этой стадии вызвана тем, что, согласно анализу ст. 1081 ГК РФ, Российская Федерация как ответчик имеет право взыскать с сотрудников государственных органов, органов местного самоуправления сумму возмещенного вреда в регрессном порядке.

Государственный орган либо орган местного самоуправления как ответчик может от имени Российской Федерации обратиться в суд за возмещением вреда в регрессном порядке.

В БК РФ содержится два порядка исполнения судебных актов о взыскании из казны (бюджета).

В первом порядке исполнение судебных решений связано с возмещением вреда, который был причинен незаконными действиями должностных лиц государственных (муниципальных) органов. Субъектом взыскания выступает государственная либо муниципальная казна.

Во втором порядке исполнение судебных решений связано с договорными обязательствами государственных (муниципальных) учреждений.

Исполнение судебного решения, в свою очередь, также проходит несколько этапов. На первом этапе осуществляет-

¹ Вестник Конституционного Суда РФ. – 2018. – № 1.

ся проверка поступивших к исполнению документов. После проверки начинается этап исполнения.

Проверку документов осуществляют органы, которые уполномочены на возмещение вреда. Ими выступают соответствующие подразделения Федерального казначейства [5, с. 169].

После проверки исполнительных документов происходит выплата по ним. Для обоих порядков этап выплаты различен [5, с. 170].

В целом стоит отметить, что взыскание по делам о возмещении вреда можно максимально упростить. Это можно сделать при помощи реализации возможности направления исполнительных документов на взыскание в Федеральное казначейство. Это позволит ускорить процесс взыскания. Взыскателю останется лишь предъявить суду реквизиты банковского счета для перевода денежных средств.

Недостаток порядка выплат связана с тем, что до сих пор правовое регулирование в рассматриваемой сфере осуществляется в рамках Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, который был утвержден указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года. Это Положение до сих пор действует в части, не противоречащей положениям УПК РФ и другим законам.

В Положении говорится, что возмещению подлежит ущерб, который был причинен в результате следующих незаконных действий: привлечение к уголовной ответственности; незаконное применение такой меры пресечения как заключение под стражу; незаконное наложение административного взыскания в виде ареста или исправительных работ. Возмещение происходит в полном объеме. Вина должностного лица не обязательна.

В случае, если в суде от имени публично-правового образования принимал участие финансовый орган, то возмещение причиненного вреда осуществляется в 3-х месячный срок после поступления исполнительного документа [2].

Вопросы исполнения судебных актов по рассматриваемой категории дел урегулированы нормами приказа Минфина России от 15 августа 2006 года № 271². Согласно данному Порядку, Минфин России производит выплаты по искам о возмещении вреда, который был причинен в результате незаконных действий должностных лиц публично-правовых образований [6, с. 11]. В государственном бюджете Российской Федерации на эти цели отведена отдельная строка.

Ответственность за неправомерные действия (бездействие) должностных лиц публично-правовых образования должна обладать признаком неотвратимости. В гражданском законодательстве отсутствует специальное регулирование правовых оснований, которые позволили бы главным распорядителям средств федерального бюджета от имени Российской Федерации предъявить регрессные требования к виновным должностным лицам органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда [7, с. 31].

Правом на судебное представительство интересов Российской Федерации обладают специально уполномоченные на это органы государственной власти. Право судебного

представительства может быть подкреплён в нормативно-правовом акте. Получается, что помимо финансовых органов (ст. 1071 ГК РФ) в суде могут выступать и другие специально уполномоченные органы государственной власти.

Полномочия главного распорядителя бюджетных средств раскрываются в рамках ст. 158 БК РФ. В этой статье не говорится о полномочии на выступление в суде от имени Российской Федерации в качестве представителя ответчика по искам к Российской Федерации о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

Применению подлежит норма ст. 1070 ГК РФ, которая выступает в качестве специальной нормы по отношению к ст. 1071 ГК РФ. Статья 1070 ГК РФ субъектом возмещения вреда называет Министерство финансов РФ.

Таким образом, право на реабилитацию прописано в рамках уголовного судопроизводства, однако возмещение вреда осуществляется по правилам, прописанным в гражданском законодательстве Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3 / Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – М., 1998. – 1744 с.
2. Лермонтов Ю. М. Постатейный комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс», 2015.
3. Ветрова О. А., Меркулов С. В. К вопросу о проблемах реализации института реабилитации в уголовном процессе России // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2021. – № 1. – С. 37-43.
4. Берлин А. Верховный Суд РФ об исполнительном производстве // ЭЖ-Юрист. – 2015. – № 49. – С. 3.
5. Казна и бюджет / Р. Е. Артюхин, А. В. Богданова, Ю. В. Гинзбург и др.; отв. ред. Д. Л. Комягин. – М.: Наука, 2014. – 501 с.
6. Комягин Д. Л. Правовое регулирование возмещения вреда от незаконных действий государственных органов и их должностных лиц: хроника проб и ошибок // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 10. – С. 43-54.
7. Скобычкина Н. Р. Возмещение вреда, причиненного федеральными государственными органами, а также их должностными лицами: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2007. – 246 с.

² Приказ Минфина РФ от 15 августа 2006 года № 271 «Об организации работы в Министерстве финансов Российской Федерации по исполнению судебных актов о взыскании денежных средств по искам к Российской Федерации в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ЦЕБЕКОВА Гиляна Владимировна

доцент кафедры уголовного права и процесса Калмыцкого государственного университета

НАКТАНОВ Константин Константинович

доцент кафедры уголовного права и процесса Калмыцкого государственного университета

БАСАНОВ Владимир Васильевич

доцент кафедры уголовного права и процесса Калмыцкого государственного университета

АДЯЕВА Сувсанна Олеговна

магистрант 2 года обучения профиля «Уголовный процесс, судебная власть, адвокатура, прокуратура» Калмыцкого государственного университета

РОЛЬ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОГО ЭКСПЕРТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В настоящей статье анализируется процессуальное положение эксперта в рамках уголовного судопроизводства. Раскрыто теоретическое обоснование понятия «специальные знания», обозначены права и обязанности эксперта, а также уяснение значения заключения эксперта в качестве разновидности доказательств по уголовному делу. Обозначена классификация специальных знаний, которая дается в научной литературе. В статье раскрыты методы оценки и анализа экспертных выводов. Более того, проанализированы вопросы, которые должны быть исследованы судом и органами расследования перед тем, как начать изучение экспертных выводов.

Ключевые слова: эксперт, судебная экспертиза, расследование уголовных дел, процессуальный статус, специальные знания, внутреннее убеждение.

TSEBEKOVA Gilyana Vladimirovna

associate professor of Criminal law and process sub-faculty of the Kalmyk State University

NAKTANOV Konstantin Konstantinovich

associate professor of Criminal law and process sub-faculty of the Kalmyk State University

BASANOV Vladimir Vasiljevich

associate professor of Criminal law and process sub-faculty of the Kalmyk State University

ADYAEVA Suvsanna Olegovna

magister student of the 2nd 2 years of study in the profile "Criminal process, judiciary, advocacy, prosecutor's office" of the Kalmyk State University

THE ROLE OF A FORENSIC EXPERT IN CRIMINAL PROCEEDINGS

This article analyzes the procedural position of an expert in the framework of criminal proceedings. The theoretical substantiation of the concept of "special knowledge" is revealed, the rights and obligations of the expert are indicated, as well as the clarification of the meaning of the expert's conclusion as a kind of evidence in a criminal case. The classification of special knowledge given in the scientific literature is indicated. The article discusses methods of evaluation and analysis of expert conclusions. Moreover, the issues that should be examined by the court and the investigating authorities before the examination of the expert findings are analyzed.

Keywords: expert, forensic examination, investigation of criminal cases, procedural status, special knowledge, inner conviction.

В настоящее время раскрытие преступлений и расследование уголовных дел связано с массой возникающих вопросов, решение которых осуществимо лишь с использованием особенных приемов, знаний и методов. К ним относятся, прежде всего, совокупность специальных умений и навыков, которые получают в результате целеустремленной профессиональной подготовки и опыта работы. Впоследствии они используются в качестве механизма анализа и сбора информации о преступлении. Поэтому современный уголовный процесс без производства судебных экспертиз, представить практически невозможно.

Недостаточно эффективное использование инструментов судебно-медицинской экспертизы в процессе расследования и доказывания преступлений, является одной из причин низкой раскрываемости преступлений. Решение сложившейся проблемы может быть осуществлено, в том числе, с помощью более масштабного вовлечения и эффективного использования правоохранительными органами и судом специальных знаний, в форме судебной экспертизы. Судебно-медицинские эксперты способны внести неоценимый вклад в деятельность следственных органов и суда при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, что существенно усиливает значимость судебных экспертиз в

процессе расследования и доказывания в рамках уголовного дела.

Необходимо отметить, что современное уголовно-процессуальное право, как в своей теоретической, так и практической составляющих, имеет ряд нерешенных проблем, среди которых и низкая раскрываемость преступлений. Одной из причин сложившейся ситуации является недостаточно эффективное использование в доказывании результатов судебно-медицинских экспертиз, ненадлежащую их оценку. Все это объясняется наличием существенных пробелов в законодательном регулировании вопросов, связанных с назначением и производством судебно-медицинских экспертиз, оценкой результатов экспертного исследования.

Отсутствие механизма применения специальных знаний и четко разработанной теоретической базы негативно отражается, в первую очередь, на практическом применении навыков, умений и знаний специалистами и экспертами в процессе судебного разбирательства и расследования. В связи с этим важным выступает расширение форм научного исследования для поиска новых решений в сфере применения специальных знаний по уголовным делам.

При производстве судебных экспертиз важную роль приобретает реализация свидетелями и потерпевшими

своих прав. К сожалению, анализ отечественного уголовно-процессуального законодательства и практики применения показывает, что права рассматриваемой группы лиц в ходе производства судебных экспертиз являются ограниченными. Права обвиняемого (подозреваемого) намного шире.

Судебно-медицинский эксперт в соответствии с положениями УПК РФ выступает в качестве лица, который:

1) имеет специальные знания;

2) было назначено в качестве эксперта для производства судебно-медицинской экспертизы по правилам, определенным действующим уголовно-процессуальным законодательством (часть 1 статьи 57 УПК РФ).

Из указанного определения видно, что судебно-медицинский эксперт должен обладать специальными знаниями. В рамках федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» раскрывается понятие «специальные знания». Под ними вышеуказанный закон понимает знания в науке, технике, искусстве или ремесле.

В научной теории существует мнение о выработке двух форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: процессуальная и непроцессуальная [1, с. 442].

Также и В. Г. Гончаренко разделяет формы процессуальных знаний на процессуальные и непроцессуальные. Однако существует в научной литературе и иное мнение. К примеру, В.В. Циркаль и В.К. Лисиченко считают, что использование непроцессуальных форм применения специальных знаний в рамках уголовного судопроизводства является неприемлимыми. Полученные таким образом доказательства являются недопустимыми и незаконными [2, с. 62].

Мы считаем, что позиция В. В. Циркаля и В. К. Лисиченко является не до конца проработанной. В правоприменительной практике непроцессуальные формы использования специальных знаний применяются достаточно активно. Е. В. Лазарев указывает, что в ходе расследования следственные органы нередко обращаются к специалистам для получения консультаций, которые могут помочь в расследовании уголовного дела. Если не использовать этот механизм, то расследование будет протекать дольше и с меньшей эффективностью [3, с. 26].

Говоря о классификации форм применения специальных знаний, В. Н. Махов отмечал, что многие авторы процессуальные и непроцессуальные формы перечисляют в одном ряду, причиной чего является отсутствие четкого определения содержания данных форм в законе. Соответственно, такие проблемы могут «привести к серьезным нарушениям норм уголовно-процессуального законодательства, неполноте следствия из-за утраты доказательственного значения имеющих отношение к делу данных, полученных с нарушением установленного порядка использования специальных знаний» [4, с. 23].

А. Ю. Шумилов указывает, что «суть основных различий по вопросу выделения форм применения специальных знаний заключается в том, что ряд авторов лишь перечисляют таковые формы без каких-либо оснований, в то время как другие указывают различные основания таковой классификации (с учетом субъекта применения, доказательственного значения полученных результатов, процессуального положения лица, применяющего специальные познания и ряда других)» [5, с. 26].

Кроме данной классификации, которой придерживается значительное количество ученых, научной литературе известны и другие.

Вопросам исследования форм использования специальных познаний посвящали свои труды такие ученые, как В. Д. Арсеньев, А. И. Винберг, В. К. Лисиченко и другие [6]. В то же время, видится необходимым отметить, что, в основном, более ранние исследования носили отрывочный и неполный характер, поскольку содержали, как правило, перечисление форм использования специальных знаний.

Аналогично Е. И. Зуевым выделялось пять форм применения специальных знаний, но при этом в отличие от предыдущего автора, им не выделялась такая форма, как непосредственное применение специальных знаний следователем,

взамен ее он выделял привлечение специалистов к анализу причин и условий, способствующих совершению преступлений [6].

И. Л. Петрухиным разграничение форм использования специальных знаний в стадии следствия по основаниям не проводится, он лишь перечисляет в качестве таковых форм экспертизу, ревизию и участие специалиста [7, с. 49].

В целом, стоит отметить, что специальные знания практически во всех формах могут применяться как в стадии доследственной проверки сообщения о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, так и в ходе расследования уголовного дела.

Центральная роль в реализации специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений отводится судебно-медицинскому эксперту.

Таким образом, специальные знания в уголовном судопроизводстве могут применяться в различных формах, при этом наиболее распространенной классификацией является деление их на процессуальные и непроцессуальные. Однако мы согласны с позицией тех авторов, которыми предложена более широкая классификация таковых форм, которая может быть использована и при рассмотрении форм применения специальных знаний по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними.

Судебно-медицинский эксперт имеет целый ряд полномочий. К примеру, судебно-медицинский эксперт имеет право ознакомиться с материалами, которые содержатся в уголовном деле. Однако, материалы ограничиваются лишь предметом проведения судебно-медицинской экспертизы.

Более того, судебно-медицинский эксперт «может запросить дополнительные материалы, необходимые для дачи заключения. К примеру, дополнительные образцы для сравнительного исследования, изъятые вещества, предметы, протоколы следственных действий, содержащие информацию, необходимую для экспертного исследования, и т.п. В ходатайстве эксперта о необходимости предоставления дополнительных материалов судебно-медицинский эксперт должен обосновать невозможность дачи заключения без запрашиваемых материалов» [8, с. 219].

Судебно-медицинский эксперт также обладает правом по привлечению к экспертизе других экспертов. Однако, для этого ему надо направить соответствующее ходатайство либо в суд, либо следователю.

Судебно-медицинский эксперт после производства экспериментальной части экспертизы в заключении должен изложить ответы на вопросы, поставленные перед ним следователем либо судом. Эксперт ограничен предметом экспертизы, т.е. он не имеет права выходить за рамки поставленных перед ним вопросов.

Ограничение прав эксперта не допускается. В случае ограничения эксперт может обжаловать незаконные действия.

Одним из судебно-медицинского эксперта выступает право на отказ от дачи заключения. Это возможно в случае, если вопросы, поставленные следователем перед экспертом, не охватываются уровнем знаний эксперта. Вторым случаем отказа выступает нехватка материалов для производства экспертизы.

Исходя из смысла п. 1 ст. 17 УПК РФ дознавателем, судьей, следователем, оцениваются доказательства в соответствии со своим внутренним убеждением, которое основывается на доказательствах, которые присутствуют в уголовном деле, а также при этом руководствуясь законом и совестью. Как и любое другое доказательство, вывод судебно-медицинского эксперта оценивается, анализируется и изучается на основе общих принципов оценки доказательств.

Внутренние убеждения необходимо рассматривать как уверенность лиц, которые принимают решения, имеющие процессуальное значение, относительно достаточности, достоверности и допустимости доказательств, а также выводов, которые сделаны на основе совокупности этих доказательств [8, с. 220]. Однако это ни в коем случае не означает свободу суда или следователя в своих выводах относительно степени доказанности материалами дела тех или других значимых

для его разрешения обстоятельств. Им, прежде всего, необходимо руководствоваться теми нормами уголовно-процессуального законодательства, которые определяют порядок оценки, проверки, фиксации и получения доказательств.

Никакое доказательство, в том числе и вывод судебно-медицинского эксперта, не имеет для суда и органа расследования предварительной установленной силы (п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»)¹.

Суду и органам расследования при изучении выводов судебно-медицинского эксперта, необходимо выяснить:

- значительность обстоятельств, которые для разрешения уголовного дела были установлены экспертом;
- соблюдение относительно назначения, подготовки и производства судебно-медицинской экспертизы процессуального порядка;
- уровень обоснованности экспертом своих выводов;
- наличие оснований для проведения повторной или дополнительной экспертизы;
- наличие противоречий между выводами эксперта и материалами уголовного дела;
- соответствие содержания и структуры экспертного вывода нормам уголовно-процессуального законодательства;
- степень раскрытия поставленных перед экспертом вопросов;
- степень использования экспертом научно обоснованных приемов и методов;
- не вышел ли эксперт за пределы области своих знаний;
- степень использования объектов и материалов уголовного дела, представленных в распоряжение эксперта.

Предоставленный компетентным лицом экспертный вывод подлежит оценке и анализу сначала отдельно, а затем в совокупности с другими доказательствами.

При этом, необходимо учитывать следующие обстоятельства:

Во-первых, данные о лице эксперта;

Во-вторых, полнота исследования, научная обоснованность и характер экспертных выводов.

Данные о лице эксперта должны выясняться на первом этапе проведения судебной экспертизы. При изучении полноты экспертного исследования, суд и орган расследования должны обращать внимание на материалы уголовного дела и объекты, которые были использованы экспертом. Требуется сопоставить описание исследуемых объектов с перечнем, объектов и материалов уголовного дела, которые представлены на судебную экспертизу.

Сомнения «в достоверности экспертных выводов возникают у суда и органа расследования главным образом в связи с противоречиями этих выводов, которые являются, собранными и оцененными как полностью достоверные доказательства, которые есть в распоряжении суда и органа расследования. Сомнения в достоверности экспертных выводов решаются путем допроса эксперта или назначения повторной экспертизы» [9, с. 9].

Вопрос «о научной обоснованности вывода эксперта возникает, как правило, в случаях, когда:

- выявлено противоречие между выводами экспертного вывода и имеющимися в уголовном деле доказательствами;
- выявлено несоответствие экспертных выводов характеру и обстоятельствам получения объектов

Прежде всего, необходимо еще раз убедиться в правильности процессуального оформления объектов судебной экспертизы, это гарантирует бесспорность их происхождения и использования в доведении. Объекты и материалы уголовного дела, которые представлены на судебную экспертизу, также подлежат оценке» [9, с. 9].

После оценки и анализа вывода эксперта «орган расследования обязан провести ряд действий процессуального

характера, которые связаны с применением полученной экспертной информацией. К дальнейшим действиям процессуального характера суда и органа расследования, после проведения экспертизы, следует отнести:

- допрос эксперта, который проводил исследование;
- назначение (при необходимости) повторной или дополнительной судебной экспертизы – ознакомление участников уголовного судопроизводства с заключением эксперта и его показаниями» [9, с. 9].

По результатам допроса судом или следственными органами выносится решение о назначении повторной или дополнительной экспертизы, либо принимается первоначальное экспертное заключение в качестве доказательства.

Таким образом, процессуальные основы статуса судебно-медицинского эксперта закреплены уголовно-процессуальным законодательством РФ. В силу специфики рассматриваемой разновидности экспертизы она выполняет широкий круг процессуальных задач. Главная задача судебно-медицинской экспертизы – получение доказательств по уголовному делу. Судебно-медицинская экспертиза оформляется заключением судебно-медицинского эксперта, который является доказательством по уголовному делу.

Пристатейный библиографический список

1. Бишманов Б. М. Использование специальных знаний в процессуальной и служебной деятельности // Черные дыры в Российском Законодательстве. – 2002. – № 4. – С. 440-446.
2. Лисиченко В. К., Циркаль В. В. Использование специальных знаний в следственной и судебной практике. – Киев: КГУ, 1987. – 100 с.
3. Лазарев Е. В. Подготовка, назначение и производство ревизий и судебно-бухгалтерских экспертиз при расследовании преступлений в сфере экономики: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2009. – 229 с.
4. Махов В. Н. Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1993. – 54 с.
5. Жданов С. П., Шумилов А. Ю. Использование специальных познаний в выявлении преступлений, совершаемых во внешнеэкономической деятельности: учеб.-практ. пособие. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2011. – 99 с.
6. Данилова Л. С. Формы применения специальных бухгалтерских знаний уголовном процессе России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/bux/31372> (дата обращения 17.01.2022).
7. Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. – М.: Юрид. лит., 1964. – 266 с.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный). Т. 1: Общая часть / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов и др.; отв. ред. В. М. Лебедев. – М.: Юрайт, 2017. – 792 с.
9. Клевно В. А., Максимов А. В. К вопросу о классификации и терминологии экспертных ошибок // Судебная медицина. – 2017. – № 2. – С. 8-11.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 2.

ДАВЫДОВСКАЯ Марина Владимировна

адъюнкт Факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России

СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ КАК СПОСОБ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В настоящей статье обосновывается право суда на сбор доказательств путем производства судебно-следственных действий. Рассматриваются вопросы, связанные с отсутствием нормативного регулирования общих правил их производства. Обращается внимание на необходимость расширения перечня судебно-следственных действий, предусмотренных главой 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК).

Ключевые слова: состязательность, судебное разбирательство, сбор доказательств, следственные действия, судебно-следственные действия, общие правила производства следственных действий.

DAVYDOVSKAYA Marina Vladimirovna

adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Scientific-pedagogical Personnel of the Academy of Management of the MIA of Russia

FORENSIC INVESTIGATIVE ACTIONS AS A WAY OF COLLECTING EVIDENCE

This article substantiates the right of the court to collect evidence by conducting judicial investigative actions. The issues related to the lack of regulatory regulation of the general rules of their production are considered. Attention is drawn to the need to expand the list of judicial investigative actions provided for in Chapter 37 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter - the CPC).

Keywords: adversarial proceedings, judicial proceedings, collection of evidence, investigative actions, judicial and investigative actions, general rules of investigative actions.

В действующем УПК отражена попытка заложить состязательную модель уголовного судопроизводства, свойственную больше для стран с англо-американской системой права. Такой модели свойственна активная позиция сторон как обязательное условие движения процесса и относительно пассивная роль суда, выступающего в качестве арбитра в споре между сторонами. Впрочем, пассивная роль суда остается в прошлом даже в странах с классической состязательностью, на смену ей приходит постсостязательный процесс с активной позицией суда в реализации полномочий по судебному контролю на предварительном расследовании и установлении истины в судебном разбирательстве [21, с. 53].

Однако на момент принятия УПК законодатель находился под мощным влиянием западных партнеров, окончательная редакция кодекса производилась под патронатом США, которые, надо полагать, испытывали стремление привить России собственные, нередко не самые лучшие представления об образе жизни вообще и правового регулирования в частности [15, с. 146-147].

На первоначальной редакции УПК сказались и ряд правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд), который в конце XX века активно поддерживал англо-американский тип состязательности [3]. Справедливости ради заметим, что впоследствии отношение высшего органа конституционного контроля к роли суда в уголовном судопроизводстве последовательно пересматривалось. Так, усилиями Конституционного Суда в уголовное судопроизводство вернулись нормы о праве суда возвращать уголовное дело прокурору по широкому кругу оснований, о правилах устранения фундаментальных нарушений уголовно-процессуального закона после вступления приговора в законную силу; широких полномочиях суда в сфере доказывания и др.

Тем не менее, в УПК появился принцип состязательности, действие которого на стадии предварительного расследования объяснить весьма затруднительно [4, с. 14], что же

до судебного производства, то для обеспечения в его ходе равенства сторон вполне достаточно одноименного общего условия судебного разбирательства. Обратим внимание, что, судя по контексту, Конституция Российской Федерации (ч. 3 ст. 123) предусматривает состязательность и равноправие сторон исключительно для судебного разбирательства, поскольку трудно представить, чтобы авторы Конституции уравнивали уголовное судопроизводство с одной стороны, и гражданское, арбитражное, административное с другой.

Уголовное судопроизводство публичная сфера, включающая в себя систему досудебных процедур, она никак не может осуществляться на тех же концептуальных основах, которые призваны защищать в первую очередь частный интерес.

Мало того, даже в судебном разбирательстве действие принципа состязательности в уголовном процессе должно проявляться с особенностями, поскольку в публичной сфере суд обязан нести полную ответственность за правильное установление обстоятельств по уголовному делу, за обоснованность итогового решения. Активность сторон, безусловно, и здесь определяет границы деятельности суда, однако, в неизмеримо меньшей степени, чем в гражданском (арбитражном) процессе.

Положения закрепленные в ст. 15 УПК, действительно, дают основания видеть в суде лишь пассивного участника судопроизводства, активность которого минимальна, задача которого лишь разрешить спор между сторонами. Распространено мнение что, выполняя активную роль в процессе познания, суд неизбежно встанет на сторону обвинения [5], [10, с. 130]. Так ли это? Разве активная роль суда в доказывании свойственна только советскому уголовному судопроизводству, от достижений которого поспешили отказаться на рубеже нынешнего и прошлого века?

Отечественному уголовному судопроизводству с середины XIX века была присуща активная роль суда. Руководящая роль суда в правильном установлении обстоятельств по уголовному делу была заложена еще в Уставе уголовно-

го судопроизводства 1864 года (ст.613). Установление судом истины предусматривалось в УПК РСФСР 1923 года (ст.257) и УПК РСФСР 1960 года (ст.243). Таким образом, советский уголовный процесс воспринял и развил лучшие традиции пореформенного российского уголовного судопроизводства в части роли суда в правильном установлении обстоятельств по уголовному делу.

Несмотря на то, что положения ст. 15 УПК остаются неизменными, тогда как его нормы под влиянием Конституционного Суда существенно корректируются, толковать положения принципа состязательности, очевидно, следует с учетом правовых позиций высшего органа конституционного контроля.

В своих постановлениях Конституционный Суд неоднократно подчеркивает, что суд как орган правосудия не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы и обязан обеспечивать в судебном разбирательстве соблюдение требований, необходимых для вынесения правосудного – законного, обоснованного и справедливого – решения, исследовать по существу фактические обстоятельства дела¹. При проверке конституционности ст. 15 УПК Конституционный Суд разъясняет, что суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, а создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч. 3 ст. 15 УПК)². Делаем вывод, что активная роль суда никак не свидетельствует о том, что он занимает позицию одной из сторон в процессе. Такая роль необходима для принятия законного, обоснованного и справедливого судебного решения.

Поскольку ст. 15 УПК не меняется, надо полагать, что законодатель теперь полагает активную роль суда вполне допустимой и формулировками принципа состязательности в его современном виде.

О том же свидетельствуют положения гл. 37 УПК, которая даже в первоначальной редакции предусматривала право суда по собственной инициативе осуществлять отдельные действия по собиранию доказательств, которые на предварительном расследовании именуются следственными.

Единого мнения о том, как именовать действия суда, аналогичные предусмотренным гл.гл. 24-27 УПК, нет. Предлагается именовать их как «судебные действия следственного характера» [7], [22], [19]», «судебные действия [26, с. 126]», «следственно-судебные действия [23, с. 282]».

1 По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.К. Михайлова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июня 2021 г. // Справочно-правовая система Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_387518; см. По делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 апреля 2021 г. // Справочно-правовая система Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382210/.

2 См. По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ в связи с запросом депутатов Государственной Думы от 29 июня 2004 г. № 13-П // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2804. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48286/.

Определения следственных действий в УПК нет. Спорен и их перечень. Вместе с тем, использование в законе термина «следственные действия», как представляется, обусловлено не субъектом, их производящим, а исследовательским (следственным) характером этих действий. Именно посредством этих действий следы события отыскиваются, воспринимаются и становятся доказательствами.

Ряд действий суда, которые гл. 37 позволяет ему осуществлять (допрос, производство судебной экспертизы, осмотр вещественных доказательств, осмотр местности и помещения, следственный эксперимент, предъявление для опознания, освидетельствование) отвечают тем же признакам, которые характерны для следственных действий на предварительном расследовании. Они носят процессуальный характер, их производство урегулировано УПК, в их ходе должностным лицом осуществляются однородные и взаимосвязанные поисково-познавательные, а также удостоверяющие мероприятия; в результате производства данных действий могут быть получены доказательства.

Возможность производства судом следственных действий оспаривается, например, С.Б. Россинским, который указывает, что суд не может быть субъектом их производства, поскольку это влечет смешение принципиально различных процедур – досудебных и судебных, и может вызвать процессуальную путаницу. Кроме того, условия производства таких действий в суде принципиально отличаются от условий их производства в ходе предварительного расследования [20, с. 110-111]. Относительно субъектов производства следственных действий подчеркнем, что данный признак значим только в смысле необходимости их производства должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу. Вряд ли имеются достаточные основания ограничивать субъектов производства следственных действий следователем (тем более, учитывая, что и в ходе расследования производство их может и дознаватель).

Безусловно, условия и правила следственных действий, производимых судом, отличаются от условий и правил производства следственных действий в досудебном производстве, однако это лишь основание для дополнительного процессуального регулирования, учитывающего эти особенности, а никак не для отрицания следственного характера действия.

В ходе судебного разбирательства именно суд является уполномоченным субъектом, собирающим доказательства, отвечающим за соблюдение требований закона, обеспечивающих допустимость доказательства, в том числе требований по фиксации сведений. Протокол судебного заседания подписывается председательствующим в судебном заседании и до его подписания доказательства не существует. Таким образом, отрицать следственный характер ряда действий, производимых судом в ходе судебного разбирательства, нет никаких оснований [12, с. 81]. Вместе с тем, учитывая особенности условий производства следственных действий в судебном разбирательстве (не по причине особого субъекта!) полагаем, что наиболее приемлемое их наименование – судебные-следственные действия.

Действительно, исходя из положений ст. 273 УПК, в ходе судебного следствия осуществляется исследование доказательств, однако это означает лишь то, что доказательства, которые собраны в ходе предварительного расследования должны получить дополнительную легитимацию в судебном разбирательстве, что и является собиранием судом доказательств [11]. Относительно доказательств, полученных судом впервые, то их также необходимо исследовать с участием сто-

рон. Таким образом, термин «исследование доказательств» для судебного разбирательства означает учет законодателем особенностей производства в судебных стадиях, в которых существенная роль в изучении сведений об обстоятельствах значимых для уголовного дела, отводится сторонам. По сути, исследование доказательств в судебном разбирательстве – это их собирание.

Отметим, что судебно-следственные действия могут быть произведены судом не только в судебном производстве, но и в ходе судебного заседания в досудебном производстве. В частности, положения ст. 125¹ УПК предусматривают полномочия суда исследовать в судебном заседании имеющиеся в уголовном деле доказательства, свидетельствующие о фактических обстоятельствах уголовного дела, по правилам, предусмотренным гл. 37 УПК. Нет никаких оснований полагать, что законодатель исключает возможность в рамках процедур, предусмотренных ст. 125¹ УПК, произвести судебно-следственные действия³ [1, с. 111], [25, с. 38], [24].

К сожалению, до настоящего времени остается нерешенным вопрос о способах установления судом значимых обстоятельств в ходе судебных заседаний в досудебном производстве, производимых по иным основаниям, кроме указанных в ст. 125¹ УПК. В самом деле, рассматривая жалобы на действия (бездействие), решения должностных лиц, осуществляющих досудебное производство; или их ходатайства о производстве действий, ограничивающих конституционные права личности, осуществляет ли суд доказывание, собирает ли доказательства [8]? Вряд ли можно найти серьезные аргументы против производства в ходе таких судебных заседаний отдельных действий, которые принято именовать следственными. Например, почему бы не осуществлять получение устной вербальной информации от участников судебного заседания по правилам допроса, или не осуществлять полноценный осмотр предметов и документов. Кроме того, принципиального отличия по процедуре ст. 125¹ УПК от иных форм судебного контроля в ходе досудебного производства не заслуживает. Представляется, что законодателю следовало бы внести соответствующие изменения в ст.ст. 108, 118, 125, 165 УПК.

Положения ч. 1 ст. 86 УПК не содержат каких-либо ограничений для суда в возможности собирать доказательства путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК. Можно было предположить, что суд должен иметь право производить любые действия, которые для предварительного расследования именуется следственными. Однако, законодатель склонен толковать закон исключительно буквально, а гл. 37 УПК предусматривает производство в судебном разбирательстве лишь некоторых судебно-следственных действий.

Между тем, в литературе отмечается, что производство судом судебно-следственных действий, прямо не предусмотренных УПК, встречается [6, с. 57-58]. Очевидно, такая потребность может возникнуть. Вместе с тем, производство действий, прямо не предусмотренных гл. 37 УПК, влечет риски отмены или изменения приговоров. При этом, вряд ли имеются серьезные аргументы против указания в гл. 37 УПК и на другие судебно-следственные действия, которые могут быть произведены судом. В самом деле, по какой причине в ходе судебного разбирательства допускается производство

осмотра помещения, но не предусматривается производство обыска, тем более, что после появления в УПК правил о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц по решению суда (т.е. принудительно), отличие осмотра помещения от обыска усматривается только в основаниях (при обыске отыскиваются индивидуально-определенные предметы, или предметы определенной групповой принадлежности).

Почему в гл. 37 УПК не нашли отражение положения о допустимости в ходе судебного следствия производства проверки показаний на месте, при этом представив возможность производства следственного эксперимента. Учитывая, что с точки зрения организации производства указанных действий они не имеют существенных различий, а по сути, в широком смысле проверка показаний на месте вообще может рассматриваться как разновидность следственного эксперимента [2, с. 9].

В литературе справедливо указывается на важность законодательного разрешения производства в ходе судебного разбирательства очной ставки, которую нельзя заменить допросом ввиду различия целей указанных действий [13, с. 133].

Поиск аргументов законодателя, не предусмотревшего производство в ходе судебного следствия ряда судебно-следственных действий, позволяет предположить, что такой подход обусловлен принудительным характером некоторых из их (обыск, выемка). Однако и такое предположение вряд ли имеет под собой серьезные основания. Освидетельствование также предполагает принуждение, тогда как его производство гл. 37 УПК предусматривается. Возможно, законодатель усомнился в возможности организовать принудительные судебно-следственные действия в ходе выезда суда из зала судебного заседания. Однако, и это не большая проблема. Очевидно, что к производству таких следственных действий (равно как и к производству осмотра местности, помещения) в большинстве случаев необходимо привлекать должностных лиц органов дознания. Прямо такая возможность сегодня в законе не предусмотрена, что существенно снижает потенциал судебно-следственных действий. Заметим, что их производство в суде вообще регламентировано слабо. Например, на стадии судебного разбирательства не распространяются нормы, регулирующие производство предварительного расследования, а следовательно, и ст. 164 УПК, предусматривающая общие правила производства следственных действий. Эту законодательную лаку необходимо закрывать. Кроме того, следовало бы предусмотреть, что по собственной инициативе суда возможно производство любых судебно-следственных действий [15, с. 61], поскольку сегодня такое право суда прямо предусмотрено только для допроса подсудимого в отсутствие другого подсудимого (ч. 4 ст. 275 УПК), допроса эксперта (ст. 282 УПК), производства судебной экспертизы (ст. 283 УПК). Конституционный Суд, подчеркнув, что суд является субъектом собирания доказательств, не посчитал недопустимым допрос свидетеля, произведенный судом по собственной инициативе [9].

По неясной причине осмотр вещественных доказательств осуществляется по ходатайству сторон (ст. 284 УПК). Относительно остальных судебно-следственных действий законодатель оставляет вопросы: он указывает на их производство по постановлению (определению) суда, однако не проясняет, допустимо ли суду по собственной инициативе принимать такое решение.

Таким образом, суд выступает полноценным субъектом собирания доказательств. Назрело решение законодателя

3 Ряд авторов полагают, что суд должен быть прямо наделен правом на проведение следственных действий в рамках досудебного производства.

прямо разрешить суду по собственной инициативе производить любые судебные-следственные действия, а также предусмотреть общие правила их производства в ходе судебного разбирательства.

Пристатейный библиографический список

1. Абдумаджидов Г.А. Расследование преступлений: (процессуально-правовое исследование). – Ташкент: Узбекистан, 1986. – 190 с.
2. Баев О.Я., Солодов Д.А. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации: практическое пособие. – М.: Эксмо, 2010. – 240 с.
3. Божьев В. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. – М.: Юридическая литература, 2000. – № 10. – С. 9-11.
4. Головкин Л.В. Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головкин. – М.: Статут, 2016. – 1276 с.
5. Зайцев О.А., Пастухов, П.С. Об активной роли суда в уголовно-процессуальном доказывании // Уголовное право. – 2014. – № 6. – С. 84-88.
6. Кузин, Е.Б. К вопросу об открытости перечня судебных действий следственного характера // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2011. – № 27 (244). – С. 55-58.
7. Курочкина, Ю.С., Татьяна Л.Г. Система судебных действий следственного характера // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2016. – Т. 26. Вып. 1. – С. 132-134.
8. Лазарева, В.А. Судебное производство по жалобе на действия и решения органа предварительного расследования: вопросы доказывания // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 3. – С. 31-35.
9. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 марта 2003 г. № 104-О // Справочно-правовая система Гарант. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/5124797/>
10. Петрухин И.Л. Состязательность и правосудие (к 100-летию М.С. Строговича) // Государство и право. – 1994. – № 10. – С. 128-137.
11. Победкин А.В. К дискуссии о доказательственном значении протокола судебного заседания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2018. – № 2 (37). – С. 90-95.
12. Победкин А.В. Некоторые вопросы собирания доказательств по новому уголовно-процессуальному законодательству России // Государство и право. – 2003. – № 1. – С. 57-64.
13. Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании. Дис. ... докт. юрид. наук. – М.: Московский университет МВД России, 2005. – 464 с.
14. Победкин, А.В. Традиции доказывания в отечественном уголовном процессе (почему состязательность не принцип уголовного процесса) // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича. Материалы конференции: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. 2020. – М.: Юрлитинформ, 2020. – С. 78-83.
15. Победкин, А.В. Уголовный процесс: состояние вне права: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 243 с.
16. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности положений пункта 2 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.К. Михайлова от 15 июня 2021 г. // Справочно-правовая система Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_387518
17. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой от 13 апреля 2021 г. // Справочно-правовая система Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382210.
18. Постановления Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ в связи с запросом депутатов Государственной Думы от 29 июня 2004 г. № 13-П // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2804. // Справочно-правовая система Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48286
19. Россинский, С.Б. Судебные действия познавательного характера как объекты уголовно-процессуального регулирования // Российский судья. – 2014. – № 10. – С. 36-41.
20. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. – Москва: Юридическое издательство «Норма», 2021. – 408 с.
21. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. – СПб.: Наука, 2000. – 222 с.
22. Стародумов С.В. Судебные действия следственного характера при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2018. – 206 с.
23. Хайдаров, А. А. Следственно-судебные действия: проблемы регламентации // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 2. – С. 282-288.
24. Хижняк Д.С. Процессуальные и криминалистические проблемы развития тактики следственных действий (теоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2003. – 26 с.
25. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 206 с.
26. Шурухнов Н.Г. Особенности действий, проводимых в процессе судебного разбирательства, и их отличия от следственных действий // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 5. – С. 125-129.

БЯКИНА Светлана Игоревна

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России

КАРХАНИНА Людмила Владимировна

преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Самарского юридического института ФСИН России

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ИНСПЕКЦИЯМИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ И НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОСУЖДЕННЫХ ОТ ОБЩЕСТВА

Учитывая положения международных стандартов, продолжая дальнейшую гуманизацию уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, в Российской Федерации все чаще применяются меры принуждения, которые не связаны с реальным лишением свободы подозреваемых, обвиняемых и осужденных. В связи с этим, по мнению авторов, является необходимым совершенствование действующего законодательства.

В статье рассматривается порядок осуществления уголовно-исполнительными инспекциями контроля за подозреваемыми, обвиняемыми, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, а также проблемные аспекты исполнения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничения свободы. Анализируются проблемы, связанные с профилактической и воспитательной работой, проводимой в отношении указанных категорий граждан.

Ключевые слова: уголовно-исполнительные инспекции, меры пресечения, уголовные наказания, подозреваемый, обвиняемый, осужденный, проблемные аспекты, осуществление контроля, исполнение наказаний.

BYAKINA Svetlana Igorevna

adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the FPS of Russia

KARHANINA Lyudmila Vladimirovna

lecturer of Criminal and penal law sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION BY PENITENTIARY INSPECTIONS OF PREVENTIVE MEASURES AND PUNISHMENTS NOT RELATED TO THE ISOLATION OF CONVICTS FROM SOCIETY

Taking into account the provisions of international standards, continuing the further humanization of criminal, criminal procedure and penal enforcement legislation, coercive measures are increasingly used in the Russian Federation that are not related to the actual deprivation of liberty of suspects, accused and convicted persons. In this regard, according to the authors, it is necessary to improve the current penal enforcement legislation.

In the article, the authors consider the procedure for the implementation of criminal enforcement inspections of control over suspects, accused in respect of whom a preventive measure in the form of house arrest has been chosen, as well as problematic aspects of the execution of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities, restrictions on freedom. The problems associated with preventive and educational work carried out in relation to these categories of citizens are analyzed.

Keywords: penitentiary inspections, preventive measure, criminal penalties, suspect, accused, convicted, problematic aspects, exercising control, execution of punishments.

В соответствии с законодательством Российской Федерации уголовно-исполнительные инспекции (далее – УИИ) являются учреждениями, которые исполняют ряд уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, а также осуществляют контроль за реализацией определенных мер пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых.

Согласно статистическим данным ФСИН России за пятилетний период количество лиц, прошедших по учетам УИИ, увеличилось в 1,1 раза (2015 г. – 853 531 чел., 2016 г. – 871 786 чел., 2017 г. – 989 228 чел., 2018 г. – 1 034 029 чел., 2019 г. – 1 003 165 чел., 2020 г. – 941 961 чел.)¹.

При этом в 1,4 раза увеличилось количество лиц, которые были сняты с учета УИИ, в связи с осуждением за совершение нового преступления (2015 г. – 11 549 чел., 2016 г. – 10 652 чел., 2017 г. – 15 692 чел., 2018 г. – 19 002 чел., 2019 г. – 19 413 чел., 2020 г. – 16 732 чел.)².

Рассматривая представленные статистические данные, можно прийти к выводу о том, что рост повторной преступности в русле увеличения численности правонарушителей, прошедших по учетам УИИ, предопределяет необходимость разработки обоснованных методов и способов работы с анализируемым контингентом в плоскости наук уголовно-правового цикла, а также решения актуальных проблем, возникающих в деятельности правоприменителей.

В юридической литературе существует достаточно большое количество научных работ [1 – 3], которые вносят теоретический и практический вклад в дальнейшее исследование обозначенной проблематики. Вместе с тем, в настоящее время существует необходимость подробного рассмотрения проблемных аспектов реализации УИИ не только уголовных наказаний, но и мер пресечения. Одной из таких мер, предусмотренных статьей 98 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) является домашний арест.

Анализируя официальную статистику, мы приходим к выводу о том, что количество подозреваемых (обвиняемых), в отношении которых судом избрана мера пресечения в виде домашнего ареста (состоящих на учете УИИ на конец отчет-

1 Официальный сайт ФСИН России. Характеристика лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru> (дата обращения: 10.01.2022).

2 См.: там же.

ного периода) с 2016 г. по 2020 г. возросло в 1,4 раза (2016 г. – 5642 чел., 2017 г. – 6753 чел., 2018 г. – 6614 чел., 2019 г. – 6709 чел., 2020 г. – 7921 чел.)³.

Рассмотрим некоторые проблемные вопросы осуществления сотрудниками УИИ контроля за данной категорией лиц.

Во-первых, в случае избрания судом домашнего ареста, законодатель не уточняет на кого возлагается обязанность доставить подозреваемого (обвиняемого) в место исполнения данной меры пресечения. Представляется, что подозреваемый (обвиняемый) может либо самостоятельно прибыть в место его нахождения под домашним арестом или может быть доставлен туда следователем, дознавателем, сотрудником УИИ.

В соответствии с приказом Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ и ФСБ России от 31.08.2020 г. № 189/603/87/371 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определённых действий, домашний арест или залог», УИИ при получении постановления суда незамедлительно приступает к осуществлению контроля за подозреваемыми (обвиняемыми) в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста. При этом УИИ осуществляет регистрацию постановления в день его поступления в инспекцию и постановку подозреваемого (обвиняемого) на учет. При первом посещении подозреваемого (обвиняемого) по месту жительства УИИ разъясняет ему порядок осуществления за ним контроля, его права и обязанности, а также о возможности замены избранной ему меры пресечения иной, более строгой.

Следовательно, УИИ может осуществлять контроль за подозреваемым (обвиняемым), в том числе доставлять его в место исполнения меры пресечения, только после регистрации постановления суда и постановки подозреваемого (обвиняемого) на учет. Это закономерно исключает возможность осуществления УИИ доставки подозреваемого (обвиняемого) в жилое помещение из суда, в случае избрания ему меры пресечения в виде домашнего ареста.

Полагаем, что данный проблемный вопрос необходимо разрешить следующим образом: предусмотреть возможность самостоятельного следования подозреваемого (обвиняемого) в место исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста после окончания судебного заседания. При этом суду, целесообразно письменно уведомить подозреваемого (обвиняемого) о том, что в случае, если он не прибывает в место исполнения меры пресечения или совершит иные действия, которые будут свидетельствовать об его уклонении, то домашний арест может быть заменен более строгой мерой пресечения – заключением под стражу.

Во-вторых, ст. 107 УПК РФ устанавливает, что местом содержания подозреваемого (обвиняемого) под домашним арестом признается:

- жилое помещение, в котором он проживает в качестве собственника или на иных законных основаниях;
- лечебное учреждение с учетом состояния его здоровья.

При этом необходимо рассмотреть ситуацию, когда УИИ организует доставку подозреваемого (обвиняемого) за пределы муниципального образования, в котором он проживает, на территорию субъекта, где осуществляется расследование уголовного дела. В особенности это касается регионов, маршрут следования до которых составляет более суток. В подобном случае законодатель не определяет, что будет являться местом исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста.

В-третьих, в соответствии с ч. 7 ст. 107 УПК РФ суд может установить подозреваемому (обвиняемому) запрет использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».

Вместе с тем, в настоящее время порядок осуществления УИИ контроля за выполнением подобного запрета подозреваемым (обвиняемым) в полной мере не определен и вызывает затруднения. Если также учитывать, что подозреваемый (обвиняемый) в большинстве случаев проживает не один, а с иными лицами, например с родственниками, которых нельзя ограничить в пользовании средствами связи и интернета, то отследить нарушения установленного запрета представляется вообще невозможным.

В-четвертых, законодатель предусматривает возможность замены меры пресечения в виде домашнего ареста иной, более строгой в том случае, если подозреваемый (обвиняемый) допускает нарушения условий ее исполнения (ч. 14 ст. 107 УПК РФ). В зависимости от того на какой стадии рассмотрения находится уголовное дело, существует два варианта реализации этого законодательного положения. Первый – ходатайство об изменении меры пресечения в суд направляет следователь или дознаватель по информации, которая поступила с УИИ. Второй – в случае, если назначено судебное разбирательство, УИИ направляет представление в суд.

Полагаем, что было бы целесообразно предусмотреть положение, согласно которому УИИ как контролирующий орган могла бы самостоятельно направлять представление в суд, независимо от того на какой стадии находится рассмотрение уголовного дела.

Далее перейдем к проблемным аспектам, затрудняющим исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества:

– Законодатель предусматривает два варианта исчисления срока уголовного наказания в виде лишения права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью (далее – ЛПЗОД или ЗОД), в зависимости от того, назначено ли оно в качестве основного или дополнительного к наказаниям связанным, и не связанным с изоляцией осужденных от общества (ч. 1 ст. 36 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ)).

При этом если осужденный злостно уклоняется от отбывания основного вида наказания, не связанного с лишением свободы, то в соответствии с ч. 3 ст. 49 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), ч. 4 ст. 50 УК РФ, ч. 5 ст. 53 УК РФ оно может быть заменено на принудительные работы или лишение свободы. В этом случае возникает вопрос: как исчислять дополнительный вид наказания в виде ЛПЗОД или ЗОД, при замене неотбытой части основного наказания, учитывая ч. 2 ст. 36 УИК РФ? Согласно данному законодательному положению при назначении этого вида наказания в качестве дополнительного к принудительным работам или лишению свободы – срок исчисляется со дня освобождения из исправительного центра (далее – ИЦ) или исправительного учреждения (далее – ИУ). Считаем, что нужно внести уточнение, согласно которому при замене основного наказания в виде обязательных работ, исправительных работ и ограничения свободы более строгим, течение срока дополнительного наказания в виде ЛПЗОД или ЗОД должно приостанавливаться и возобновляется со дня освобождения осужденного из ИЦ или ИУ.

– Согласно п. «б» ст. 57 УИК РФ к осужденным, отбывающим наказание в виде ограничения свободы, может применяться мера поощрения в виде досрочного снятия ранее наложенного взыскания. При этом в приказе Минюста РФ от 11.10.2010 г. № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы» разъясняется, что при наличии у осужденного двух взысканий, первым снимается то, которое наложено ранее, то есть – предупреждение (п. 54). В связи с этим неоднозначна си-

3 См.: там же.

туация, когда осужденный совершает нарушение после применения к нему соответствующей меры поощрения. Таким образом, у осужденного снято взыскание в виде предупреждения, но остается наложенным официальное предостережение.

Пункт «а» ч. 4 ст. 58 УИК РФ устанавливает, что злостно уклоняющимся от отбывания ограничения свободы признается осужденный, который допустил нарушение после применения к нему взыскания в виде официального предостережения. Следовательно, в данном случае не совсем понятно, должно ли влиять применение меры поощрения в виде досрочного снятия ранее наложенного взыскания на признание осужденного злостно уклоняющимся, или нет. С одной стороны, осужденный допускает повторное нарушение, что является достаточным основанием для признания его уклоняющимся от отбывания наказания. С другой стороны, взыскание в виде предупреждения снято, можем ли мы учитывать нарушение, взыскание за которое снято? Полагаем, что в случае применения к осужденному меры поощрения в виде досрочного снятия ранее наложенного взыскания, если уже применены оба (предупреждение и официальное предостережение), целесообразно учитывать это при решении вопроса о признании осужденного злостно уклоняющимся от отбывания ограничения свободы.

В свете утверждения и принятия Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года⁴, в которой в качестве целей указаны профилактика совершения преступлений, а также совершенствование воспитательной работы с осужденными, актуальным видится совершенствование правовой регламентации данных направлений применительно к деятельности УИИ.

С практической точки зрения, профилактическая работа с осужденными, состоящими на учете в УИИ, осуществляется посредством проведения сотрудниками определенных мероприятий. Наиболее распространенными из них являются: прогнозирование поведения состоящих на учете граждан по методике «Портрет», беседы, контроль осужденного по месту жительства, работы, учебы, в том числе с участием сотрудников органов внутренних дел, информационный обмен с заинтересованными органами и учреждениями, применение мер взыскания, использование предусмотренных законом технических средств контроля и надзора, проведение первоначальных розыскных мероприятий. Перечисленные виды деятельности имеют стандартизированный механизм реализации, не учитывают личности конкретного правонарушителя. В связи с этим, целесообразным было бы внедрение в деятельность сотрудников УИИ иных научно обоснованных методов криминологического прогнозирования, закрепление на законодательном уровне профилактического учета отдельных категорий осужденных.

Дискуссионным является вопрос о профилактической работе сотрудников УИИ в отношении лиц, к которым применены меры пресечения. В нормативных правовых актах, регламентирующих их реализацию, обязанность сотрудников по профилактике с их стороны правонарушений не вменяется. С одной стороны, это вполне логично, поскольку такие лица, еще не осуждены, на них распространяется принцип презумпции невиновности, следовательно, не нуждаются в обеспечении такие цели уголовно-исполнительного законодательства, как исправление и предупреждение совершения новых преступлений. С другой стороны, практическая деятельность УИИ свидетельствует об обратном. Так, с лицами, которым назначены меры пресечения проводятся беседы, на-

правленные на разъяснение ограничений, установленных судом, применяются технические средства надзора и контроля – система мониторинга подконтрольных лиц, разъясняется ответственность за их умышленное повреждение, уничтожение, что по своей сути, является профилактикой преступного поведения. В том случае, если примененное к гражданину оборудование в виде электронных браслетов и контрольных устройств повреждается или утрачивается, ведется исковая работа, направленная на возмещение причиненного ущерба. В отдельных субъектах Российской Федерации существует практика привлечения лиц, к которым применена мера пресечения в виде домашнего ареста, к ответственности по ст. 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в том случае, если они нарушают правила эксплуатации оборудования. Все вышперечисленное есть не что иное, как профилактика дальнейшего преступного поведения.

Воспитательная работа с осужденными, состоящими на учете УИИ, с одной стороны, дополняет профилактическую работу с правонарушителями, а с другой – является отдельным направлением работы сотрудников УИИ. Имеется целый ряд проблем, связанных с ее реализацией. В первую очередь, это проблемы правового регулирования. Так, законодательно не определен единый алгоритм проведения воспитательной работы с осужденными, не обособлены отдельные категории правонарушителей, требующие акцентированного проведения воспитательной работы, например, несовершеннолетние. Актуальным остается уровень профессиональной подготовки сотрудников в данном направлении, наличие определенных психолого-педагогических знаний.

Вышесказанное не позволяет ожидать самоустранения указанных проблем, необходим комплексный подход к их решению. Представляется, что на первый план выдвигается устранение и восполнение существующих пробелов в подзаконных актах, регулирующих исполнение отдельных мер пресечения и наказаний без изоляции осужденных от общества, а также создание необходимой правовой базы для проведения индивидуальной профилактической и воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в УИИ. В дальнейшем это послужит ориентиром для правоприменителя и позволит приблизиться к снижению уровня повторной преступности среди рассматриваемых категорий лиц.

Пристатейный библиографический список

1. Бабаян С. Л. Стимулирование исправления осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 3 (86). – С. 105-110.
2. Лядов Э. В. Исполнение и отбывание уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 8-5. – С. 47-52.
3. Уткин В. А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. – Томск: Изд. дом Том. гос. ун-та, 2018. – 240 с.

⁴ О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2021. – № 20. – Ст. 3397.

ОВСЯННИКОВА Татьяна Алексеевна

ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе, ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва

САЙФУЛЛИН Ранис Рауфович

научный сотрудник Центра исследования проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе, ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья посвящена изучению связи между ресоциализацией осужденных и уровнем рецидивной преступности. Авторами сделан вывод о том, что получение новой профессии, трудовых навыков осужденными во многом определяет их будущее в постпенитенциарный период и помогает им в исправлении и ресоциализации в обществе. Решение проблем трудовой адаптации и ресоциализации лиц, готовящихся к освобождению из мест лишения свободы, осуществляется на основе комплексно-целевого подхода, ориентированного на конечный социальный результат.

Ключевые слова: постпенитенциарный период, трудовая адаптация, ресоциализация, профориентация, рецидив, осужденный.

OVSYANNIKOVA Tatyana Alekseevna

leading researcher at the Center for the study of problems of management and organization of the execution of sentences in the penal system, FКУ Research Institute of the FPS of Russia, Moscow

SAYFULLIN Ranis Raufovich

senior researcher at the Center for the study of problems of management and organization of the execution of sentences in the penal system, FКУ Research Institute of the FPS of Russia, Moscow

CORRUPTION IN THE PENAL SYSTEM: STATISTICS, DETERMINANTS, LEVELING MEASURES

The article is devoted to the study of the relationship between the resocialization of convicts and the level of recidivism. The authors conclude that the acquisition of a new profession and work skills by convicts largely determines their future in the post-penitentiary period and helps them in correction and resocialization in society. The solution of the problems of labor adaptation and re-socialization of persons preparing for release from prison is carried out on the basis of a comprehensive and targeted approach focused on the final social result.

Keywords: postretirement period, labor adaptation, resocialization, career guidance, recidivism, convict.

Овсянникова Т. А.

Сайфуллин Р. Р.

Введение

Актуальность темы исследования. В настоящее время в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС) ведется планомерная и системная работа, направленная на решение проблем трудовой адаптации и социальной реабилитации осужденных, и в связи с этим происходит переориентирование производства органов и учреждений, исполняющих наказания. В России создана прочная законодательная база по регулированию труда осужденных, на основе которой, осуществляется большая работа по совершенствованию форм и методов организации такого труда [1].

Основная часть

Исправительные учреждения располагают собственными производственными площадями и объектами, где выполняются различные работы, выпускаются товары легкой промышленности, изделия деревообработки, металлообработки, продовольствие и сувенирная продукция. Несмотря на огромный список в более, чем 100 тысяч наименований выпускаемых товаров, трудоустройство осужденного сопряжено с определенными трудностями. Многие из них до осуждения не имели образования, специальности и опыта трудовой деятельности. Обеспечивая трудовую адаптацию, исправительные учреждения способствуют приобретению осужденными профессий, повышению квалификации, что имеет огромное значение для подготовки к жизни после ос-

вобождения. Кроме того, трудовая деятельность дает осужденным возможность возместить материальный ущерб, причиненный преступлениями. Особо следует подчеркнуть, что уровень трудовой занятости осужденных оказывает непосредственное положительное влияние на морально-психологический климат и оперативную обстановку в исправительных учреждениях [2].

Администрация исправительных учреждений изыскивает возможности трудоустроить осужденных не только с учетом имеющихся профессий (специальностей), но и старается организовать рабочие места, на которых приобретаются навыки профессий, которые будут востребованы в регионе после освобождения. Такие действия позволят значительно снизить уровень рецидивной преступности и помогут обрести иной образ жизни после выхода на свободу. Несомненно, в снижении рецидива преступлений немаловажную роль играет социальная адаптация лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Отбывая уголовное наказание, осужденный находится в условиях принудительной изоляции от общества, разрываются привычные родственные связи, происходит некоторая десоциализация личности. Зачастую бывшие осужденные не могут самостоятельно восстановить утраченные социальные связи. И в данном случае следует понимать, что среди причин, способствующих росту рецидивной преступности, нужно выделить и недостаточную работу по социальной адапта-

ции бывших осужденных и по взаимосвязанной с ней трудовой адаптации.

По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, в 2018 г. 58,3 % всех преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления. Общее количество зарегистрированных в Российской Федерации преступлений к 2018 г., по сравнению с 2008 г., постепенно уменьшилось почти вдвое. На этом фоне доля преступлений лиц, ранее совершавших преступления увеличилась в 1,9 раза: с 16,3 % в 2008 г. до 31,6 % в 2018 г. В совокупности лиц, ранее совершавших преступления, доля ранее судимых снизилась в 1,5 раза: с 79,4 % в 2008 г. до 51,6% в 2018 г. С учетом того, что к «лицам, ранее совершавшим преступления» относятся как ранее судимые лица, так и освобожденные от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, можно сделать вывод об увеличении численности тех, кто за предыдущее преступление был не осужден, а освобожден от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Коэффициент рецидивной преступности на 100 тыс. чел. повысился с 367,3 в 2008 г. до 431,7 в 2018г. В Российской Федерации в 2018 г. совершивших преступление впервые было 210 924 чел., во второй раз – 83 707 чел., в третий и более раз – 166 292чел [3].

Ресоциализация осужденных – это длительный, последовательный, многоступенчатый и сложный процесс. Работа в данном направлении должна проводиться с первых дней нахождения осужденного в местах лишения свободы и до его освобождения. А зачастую она не должна прекращаться и в постпенитенциарный, как в наиболее рецидивоопасный период. Процесс ресоциализации предполагает изменение ценностно-нормативных ориентаций. Ценностно-нормативная система личности включает ценности и нормы, регулирующие поведение социальных групп и отдельного человека в социуме, и может служить точкой отсчета при выборе комплекса действий и достижений в социальном развитии. Из особенностей личности любого человека немаловажное значение имеют содержательные и ценностные ориентации. Они оказывают влияние на отношение к окружающей действительности и принятие социальных ценностей общественных групп, выбор поведения и устойчивости личности. На основе сформированных целей и задач ресоциализации выбираются возможные пути достижения, содержание и последовательность действий.

Успешная подготовка осужденного к жизни в обществе возможна только при проведении ряда практических мероприятий. По нашему мнению, основным направлением мероприятий по ресоциализации является подготовка к трудоустройству бывшего осужденного. Ведущие ученые-криминологи сходятся во мнении, что между отсутствием оплачиваемой работы и ростом числа преступлений существует причинно-следственная связь. Данные исследования «РИА-Аналитика», проведенного на основе официальной статистики Росстата, показывают, что увеличение безработицы в Российской Федерации на 100 человек приводит к появлению 44 новых преступлений в год [4].

Анализ следственной практики свидетельствует, что многие, из числа освободившихся из мест лишения свободы, не имеют постоянного места проживания, а также возможности трудоустроиться. В соответствии с методологией Международной организации труда 5,8 % рабочей силы на 1 января 2021 года определено Росстатом безработными. Неквалифицированные работники не пользуются спросом на рынке труда. Оставшись без средств к существованию, встречая трудности при трудоустройстве на работу, они нередко решают свои проблемы, вновь совершая преступления.

В сборнике Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Состояние преступности в России» сказано, что «Большинство выявленных [за совершения преступлений лиц] (64,1 %) не имели постоянного источника дохода». Отмечено, что около 30 % человек, совершивших преступления, совершают бывшие осужденные, а действия каждого седьмого признаны рецидивом [5].

Обществу необходимо уделять серьезное внимание ресоциализации осужденных, оказывать содействие в трудоустройстве. Это целенаправленный и кропотливый процесс возвращения осужденного к жизни в обществе и к соблюде-

нию норм права. Не случайно одна из приоритетных задач уголовно-исполнительной системы состоит в создании условий для успешной адаптации бывших осужденных к общественной жизни.

Государственные учреждения занятости населения заинтересованы в помощи всем трудоспособным гражданам, в том числе имеющим судимость. Но люди с судимостью встречают предвзятое отношение, которое неспроста переломить, доказывая свою профессиональную пригодность работодателю. Кроме того, существует ряд установленных законом ограничений при выборе места работы.

В связи с этим перед администрацией исправительных учреждений встает задача в реализации комплекса мер по оказанию помощи осужденным для получения необходимых трудовых навыков, повышения квалификации, получения рабочей специальности, получения первого или дополнительного образования, требуется проведение профориентационной работы, а также содействие в трудоустройстве лицам, освобождающимся из мест заключения.

На сегодняшний день для обучения и труда осужденных в территориальных подразделениях ФСИН России имеются все возможности. В системе ФСИН функционирует 307 федеральных казенных профессиональных образовательных учреждений, 566 центров трудовой адаптации осужденных, 80 производственных мастерских, 7 государственных унитарных предприятий исправительных учреждений [6].

Исправительные учреждения зарекомендовали себя как надежные поставщики продукции для государственных и коммерческих организаций. Перечень производимых товаров ежегодно пополняется за счет освоения новой и конкурентоспособной продукции, организуются новые рабочие места. Около 40 % товаров производится для внутрисистемных нужд.

Заключение

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что получение новой профессии, трудовых навыков осужденными во многом определяет их будущее в постпенитенциарный период и помогает им в исправлении и ресоциализации в обществе. Решение проблем трудовой адаптации и ресоциализации лиц, готовящихся к освобождению из мест лишения свободы, осуществляется на основе комплексно-целевого подхода, ориентированного на конечный социальный результат, при организованном тесном сотрудничестве органов и учреждений уголовно-исполнительной системы с органами внутренних дел, территориальными органами занятости населения, предприятиями и организациями.

Пристатейный библиографический список

1. Минязева Т. Ф. Трудовая адаптация осужденных // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2009. – № 5. – С. 106-113.
2. Чернышев В. В., Терехин В. И. Трудовая адаптация осужденных в УИС: социально-экономические результаты деятельности // В сборнике: Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Сборник научных трудов. – Новокузнецк, 2016. – С. 51-55.
3. Филиппова О. В. Криминологическая характеристика рецидивной преступности // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 38. – С. 87-98.
4. РИА рейтинг // Исследования. – 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://riarating.ru/countries_study/20110511/373035708.html (дата обращения: 27.01.2022).
5. ТАСС // 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/9955911> (дата обращения: 27.01.2022).
6. Федеральная служба исполнения наказаний // Управление организации производственной деятельности и трудовой адаптации осужденных. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/structure/adaptation/> (дата обращения: 27.01.2022).

НАЗАРКИН Евгений Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Института Академии ФСИН России

СУЛЕЙМАНОВ Таят Алиевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Института Академии ФСИН России

ЗАХАРОВА Светлана Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Института Академии ФСИН России, подполковник внутренней службы

МАСЛЕННИКОВА Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ОПОЗНАНИЯ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА

В настоящей статье рассматриваются особенности организации и проведения опознания в ходе расследования дезорганизации деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы России, обеспечивающих изоляцию от общества. Указаны особенности подготовки и проведения следственного действия. Предложены отдельные организационно-тактические рекомендации, приемы подготовки и проведения опознания по уголовным делам данной категории.

Ключевые слова: опознание, опознающий, опознаваемый, особенность, следователь, тактический прием, дезорганизация деятельности учреждения.

NAZARKIN Evgeniy Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of the Academy of the FPS of Russia

SULEYMANOV Talyat Alievich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of the Academy of the FPS of Russia

ZAKHAROVA Svetlana Albertovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Institute of the Academy of the FPS of Russia, lieutenant colonel of the internal service

MASLENNIKOVA Ekaterina Aleksandrovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of the Academy of the FPS of Russia

FEATURES OF THE PREPARATION AND CONDUCT OF IDENTIFICATION DURING THE INVESTIGATION OF THE DISORGANIZATION OF THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS PROVIDING ISOLATION FROM SOCIETY

This article discusses the features of the organization and conduct of identification during the investigation of the disorganization of the activities of institutions of the penal system of Russia, providing isolation from society. The features of the preparation and conduct of the investigative action are indicated. Separate organizational and tactical recommendations, methods of preparation and identification in criminal cases of this category are proposed.

Keywords: identification, identifying, identifiable, feature, investigator, tactical technique, disorganization of the institution's activities.

Преступление по ст. 321 УК РФ, совершаемое в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы России на протяжении многих лет, остается одним из достаточно часто встречаемых. Так, например, в 2010 г. их количество, зарегистрированных в УИС России, было 153 [1, с. 103]. В 2020г. в учреждениях, исполняющих наказание, было зарегистрировано 144 преступления (примерно 25% от общего числа зарегистрированных преступлений) [2, с. 52]. Соответственно, эффективность раскрытия и расследования данного преступления остается весьма актуальным и в настоящее время.

Преступление конкретного тюремного характера совершается в исправительных учреждениях, как правило, в условиях полной или частичной очевидности, учитывая также тот факт, что количество стационарных и переносных видеорегистраторов на данных территориях имеет достаточно плотную и «перекрывающую» зону оперативной видимости концентрацию (наблюдаемость).

При раскрытии и расследовании дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от

общества (ст. 321 УК РФ), как преступления, совершенного в исправительном учреждении, особую значимость в тактике проведения следственных и иных действий при расследовании, приобретает опознание. Это обстоятельство основано на том, что очевидные и возможные участники преступного события устанавливаются достаточно оперативно на основании выше приведенного обстоятельства об очевидности. Поэтому, по нашему мнению, одним из этих процессуальных и тактических решений по установлению причастности всех участников преступления, способа его совершения, предполагаемых мотивов преступления, преступных действий (степени и роль участия в преступном событии), поведения, для органа расследования является возможность проведения опознания.

Потерпевшими по данной категории дел в исправительных учреждениях могут быть: младшие инспектора отдела режима и охраны учреждения, оперативные работники, сотрудники иных отделов и служб учреждения, врачи и медсестры, осужденные, вставшие на путь исправления, вольнона-

емные работника и иные лица, находящиеся на территории исправительного учреждения.

Объектами опознания в совершении преступления лица могут быть подозреваемые, обвиняемые, если данное следственное действие происходит на последующем этапе расследования, после предъявления обвинения, а также различные предметы (которые могут выступать в уголовном деле как вещественные доказательства, например, орудия преступления, предметы забытые, отнятые или приведенные в негодность преступником).

Существуют несколько основных видов предъявления для опознания: в натуре; по его фотоизображению; в условиях, исключающих видимость опознаваемым опознающего. На территории исправительного учреждения, тактически и психологически правильным представляется проведение опознания по последним двум указанным выше формам. Это может быть связано с теми негативными факторами, которые оказывают влияние не только на проведение конкретного следственного действия – опознания, но и на проведение расследования преступления в целом. К ним относятся: «отрицательное» воздействие на опознающего других осужденных, не только участников преступления, но и криминалитета спец контингента; естественную ограниченность (замкнутость) территории исправительного учреждения; высокая концентрация осужденных, что связано с моментом организации проведения отдельного следственного действия по существу; закрытый режимный характер исправительного учреждения (подчинения действий спец контингента и администрации, всего происходящего определенному строгому режиму его функционирования); в некоторых случаях отдаленность учреждения от места расположения органа расследования (временной и транспортный факторы); возможное сокрытие преступления всеми способами отдельными осужденными и др.

В ходе подготовки к проведению опознания в условиях исправительного учреждения, при его планировании его организации и проведения, лицу, ведущему расследование, рекомендуется провести следующие мероприятия: решить вопрос о рациональности и целесообразности проведения данного следственного действия, выбрать форму его проведения; сбор сведений об участниках опознания с целью прогнозирования их поведения; составление краткого плана проведения следственного действия и его элементов: места, времени проведения, участников, технико-криминалистических средств фиксации хода и результата опознания; содействие администрации учреждения в организации доставки осужденных на место опознания, обеспечение их безопасности в ходе проведения действия, предварительное удаление всех нежелательных лиц с места опознания (в случае проведения опознания в натуральном виде); организация подбора понятых, в основном из числа вольнонаемного состава исправительного учреждения; проведение предварительного допроса опознающего с целью установления условий, длительности, обстановки наблюдения преступления и преступника, физиологических свойств опознающего, связанные с особенностью, памяти, речи, характера и т.п.; выбор тактических приемов проведения опознания и его фиксации.

В условиях совершения дезорганизующих действий на территории исправительного учреждения представляют интерес такие виды опознания как: опознание потерпевшим самого злоумышленника, предмета, орудия (оружия, как он его воспринимал), условий на месте преступления, возможных свидетелей преступления и с пониманием (учетом) расположения камер видеонаблюдения, действий преступника и их реальные угрозы, а равно и их последствия после совершения преступного события.

Помощь в организации подбора статистических лиц для опознания или похожих предметов могут оказать администрация учреждения в лице его оперативного сотрудника, «прикрепленного» к конкретному расследованию.

В случае отказа опознающего от опознания злоумышленника-осужденного ему следует предложить опознание по фотоизображениям из трех лиц, помещенных в протокол опознания. Как тактический прием использовать присвоенные фотоснимкам изображенных лиц номеров в произвольном расположении, без какого-либо акцента на преступнике.

Если учреждение располагает специальным помещением для скрытого наблюдения лица в помещении или возможен вывоз опознающего и опознаваемого в такое помещение органа расследования, то нужно непременно воспользоваться данным способом опознания как наиболее прогрессивным. В этом случае, опознаваемым лицам можно предложить выполнить какие-либо действия, их положения, походку, взмахи руками и др. Создать те условия, в которых происходило преступление и был контакт опознающего и опознаваемого.

Опознание предмета, используемого при совершении преступления, целесообразно провести в натуральном виде, с составлением (оформлением) протокола опознания по фотоснимкам.

При предъявлении осужденного в натуре, минимум с двумя другими осужденными, схожими с ним по общим признакам внешности, побледнений имеет право занять любое из предложенных мест среди опознающих (он постарается, конечно же, как-то затеряться среди них, либо с наиболее худшими условиями наблюдения). Если в ходе опознания опознающим злоумышленника есть реальные предпосылки для мести ему с его стороны либо со стороны других осужденных места заключения (которые выясняются, в том числе, и на предварительном допросе опознающего), последнего следует перевести после опознания в СИЗО или другое исправительное учреждение.

Такие виды опознания, как опознание транспортных средств, трупа, по голосу, речи, походке, помещений встречается при расследовании дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества в пенитенциарных учреждениях достаточно редко. В этом случае необходимо организовать и провести их по общему алгоритму тактики проведения опознания с учетом специфики исправительного учреждения.

Для фиксации опознания следователь использует свои технические возможности (фотоаппарат, видеокамера, работающие со штатива) или привлекает специалиста-криминалиста с фото- видео фиксируемым оборудованием, либо технико-криминалистические возможности средств визуальной фиксации оперативного отдела исправительной учреждения.

Подводя краткий итог исследованию особенностей подготовки и проведения опознания в ходе расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, отметим следующее. Существует ряд особенностей в тактике подготовки и проведения опознания лиц (предметов) в условиях исправительного учреждения: преобладания выбора формы опознания лица – по фотоснимкам, либо в условиях, исключающих видимость опознаваемого опознающим; оказание помощи администрации учреждения в организации самого опознания на территории исправительного учреждения, подборе понятых, статистов, предметов опознания, обеспечения безопасности участников опознания, проведения опознания вне исправительного учреждения и др.

Пристатейный библиографический список

1. Легостаев С. В. К вопросу о предупреждении дезорганизации мест лишения свободы // Человек: преступление и наказание: науч. журн. / Академия ФСИН России. – 2010. – № 1 (68). – С. 103-106.
2. Федотова Е. Н. Современное состояние пенитенциарной преступности в России// Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2020. – № 8 (219). – С. 50-55.

РОМАН Егор Михайлович

курсант Юридического факультета Академии права и управления ФСИН России

ЮНУСОВ Самур Абдулжабарович

старший научный сотрудник центра исследования проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

КОРРУПЦИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ: СТАТИСТИКА, ДЕТЕРМИНАНТЫ, МЕРЫ НИВЕЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются актуальные статистические данные о коррупционных проявлениях в УИС, сформированные на отчете, составляемом судебным департаментом при Верховном Суде РФ. Дана их объективная оценка со ссылками на ученых-правоведов, а также на действующие нормативно-правовые акты. Определены детерминанты коррупционных преступлений в пенитенциарных учреждениях, одним из которых выступает низкое материальное стимулирование. В заключении предложены методы их нивелирования на основе плотного взаимодействия с отдельными институтами гражданского общества.

Ключевые слова: коррупция, статистические данные, детерминанты коррупции, борьба с коррупцией, пенитенциарные учреждения.

ROMAN Egor Mikhaylovich

cadet of the Faculty of Law of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia

YUNUSOV Samur Abdulzhabarovich

senior researcher of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the penal system, FKU Research Institute of the FPS of Russia

CORRUPTION IN THE PENAL SYSTEM: STATISTICS, DETERMINANTS, LEVELING MEASURES

The article discusses current statistical data on corruption in the criminal justice system, formed on the report compiled by the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Their objective assessment is given with references to legal scholars, as well as to the current regulatory legal acts. The determinants of corruption crimes in penitentiary institutions have been identified, one of which is low financial incentives. In conclusion, methods of leveling them based on close interaction with individual institutions of civil society are proposed.

Keywords: corruption, statistical data, determinants of corruption, fight against corruption, penitentiary institutions.

Введение

Актуальность темы исследования. К сожалению, в наши дни остро стоит коррупционная проблема. Это подтверждают не только заявления высокопоставленных лиц и резонансные коррупционные преступления, но и статистические данные, отражающие существующую ситуацию в обществе: коррупция присутствует как «на низах», так и в «высших» эшелонах власти. Действительность такова, что мы не в состоянии в короткие сроки победить коррупцию, хотя это задача и неоднократно подчеркивалась на встречах с В.В. Путиным. Мы можем говорить о ее нивелировании, то есть о существенном снижении коррупционных проявлений.

Изучая данную проблему, мы приходим к выводу, что коррупционные проявления не зависят от положения, занимаемого государственным служащим, ни от его ведомственной принадлежности. Безусловно, необходимо предпринимать меры по ее противодействию во всех сферах, но к сожалению, не существует уникального механизма. Поэтому необходимо разрабатывать меры, которые будут эффективны в конкретном ведомстве. В связи с этим мы проведем анализ существующей коррупционной проблемы в уголовно-исполнительной системе.

Теоретическую основу исследования составили работы таких ученых, как Антошин В.А., Везломцев В.Е., Грудцын Л.Ю., Каинов А.С., Максимов В.К. и др.

Анализ научной и нормативной литературы позволил нам выявить ряд **противоречий**:

– между возросшей потребностью в эффективных методах противодействия коррупции в РФ и недостаточной теоретической разработанностью этой проблемы;

С учетом указанных выше противоречий **проблема исследования** состоит в научном осмыслении и обосновании оптимальной системы мер противодействия коррупции в уголовно-исполнительной системе России.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие при проявлении коррупции в уголовно-исполнительной системе.

Предметом исследования выступают возможные оптимальные методы нивелирования коррупционной проблемы в уголовно-исполнительной системе России.

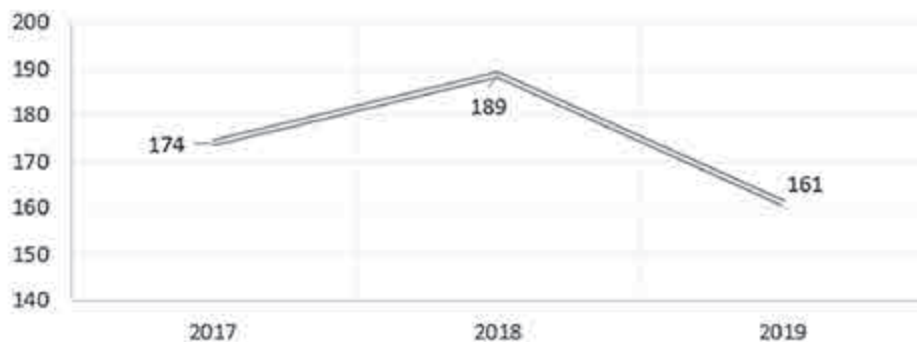
Цель исследования: осуществить анализ коррупционной проблемы в уголовно-исполнительной системе на сегодняшний день, а также определении оптимальных способов ее решения.

Для достижения поставленной цели исследования определены следующие **задачи**:

1. Изучить статистические данные коррупционной проблемы в УИС;
2. Определить детерминанты коррупционных проявлений в учреждениях и органах, исполняющих наказания;

Диаграмма 6

ЧИСЛО ОСУЖДЕННЫХ ДОЛЖНОСТНЫХ
ЛИЦ ПО ОСНОВНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ
ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
СОТРУДНИКАМИ УИС

3. Дать оценку методам противодействия коррупции в УИС.

Научная новизна исследования заключается в комплексном исследовании актуальных статистических данных коррупционной проблемы в уголовно-исполнительной системе России, а также разработке уникальных методов ее противодействия.

Основная часть

Анализ коррупционной проблемы необходимо начинать с выяснения актуальных данных о проявлениях коррупции как в правоохранительных органах в целом, так и в уголовно-исполнительной системе в частности.

Обратимся к официальным статистическим данным. Так, ч.2 сводной формы № 10.4.1., составленная судебным департаментом при Верховном Суде РФ отражает род деятельности лиц, совершивших коррупционные преступления. Среди них: сотрудники службы исполнения наказаний, следователи, судьи, работники органов прокуратуры, а также сотрудники иных правоохранительных органов.

Для нашего исследования важен именно сотрудник именно уголовно-исполнительной системы, который должен демонстрировать образец правопослушного поведения, тем самым, своим примером способствовать исправлению осужденных.

На рис.1 представлена статистика осужденных должностных лиц уголовно-исполнительной системы за совершение преступлений коррупционной направленности. Исходя из данных о числе осужденных по основной квалификации по приговору, отражающих общее число осужденных по коррупционным статьям, мы можем сказать, что в процентном отношении коррупционеры УИС относятся к общему числу коррупционеров как: в 2017 г. - 1,8 %, в 2018 г. - 2 %, в 2019 г. - 1,89 %. Приведенные цифры позволяют наглядно отразить коррупционную ситуацию в УИС. Получается, что ежегодно каждое 50-е преступление совершается сотрудником УИС.

Также считаем необходимым показать наибольший удельный вес трех коррупционных преступлений: ст. 204 УК

РФ¹ (Коммерческий подкуп), ст. 290 УК РФ (Получение взятки), ст. 291 УК РФ (Дача взятки). Согласно рис. 2, число данных преступлений, совершенных сотрудниками УИС 2017 г. – 57 %, 2018 г. – 61 %, 2019 г. – 61 %. Это означает, что при должной профилактике данных составов преступлений, реально снизить преступность в УИС почти в 2-3 раза. (См. Диаграмму 6.)

Не менее важной детерминантой коррупционных правонарушений выступает низкий уровень материального стимулирования сотрудников УИС. Служба в УИС пока не считается достаточно престижной, а заработная плата меньше среднего дохода в крупных городах. Это выступает основным мотивом увольнения сотрудников УИС и понижает требовательность к персоналу. В УИС коррупция является порождением не только внутренних факторов, но выступает логической проекцией нашего общества [4]. Эффективность борьбы с этим явлением напрямую зависит от проведения антикоррупционной политики. В этой ситуации поддержка общественности выступает определенным драйвером повышения эффективности борьбы с коррупцией.

Как считают многие ученые, наиболее существенной функцией гражданского общества является контроль за деятельностью государственных органов [1]. Согласно ст. 38 Закона РФ № 5473-1² и УИК в РФ³ предусмотрено 5 видов контроля за деятельностью учреждений и органов УИС: ведомственный контроль; судебный контроль; контроль органов государственной власти и органов местного самоуправления; прокурорский надзор за соблюдением законов администрацией учреждений и органов, исполняющих наказания, а также контроль общественных объединений. Нас интересует именно общественный контроль, который является предтечей гражданского контроля, осуществляемый на основании Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ⁴. Данные

1 «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2 Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // СПС «КонсультантПлюс».

3 «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 № 1-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

4 Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 № 76-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»

организации имеют право посещать учреждения без специального разрешения наряду с Генеральным прокурором РФ. В их полномочия входит проведение беседы с осужденными, помощь в их исправлении в законодательно закрепленных формах, содействие в совершенствовании материально-технической базы учреждения, создание попечительского совета и др. Данный институт гражданского общества не обладает полномочиями других контролирующих органов: он не имеет права вмешиваться в оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность, также ему запрещено оказывать какое-либо содействие осужденным. Данные комиссии образуются не с целью проверки деятельности учреждений, а для проверки соблюдения прав осужденных в местах лишения свободы [2].

Стоит отметить, что работа в данном направлении ведется. Так, 4 августа 2006 г. был издан Указ Президента РФ № 842⁵, положивший начало формированию общественных образований при органах государственной власти и взаимодействию с ними. В уголовно-исполнительной системе существует ведомственный документ, регламентирующий создание данного института. В частности, это Приказ ФСИН от 1 октября 2013 г. № 542, утверждающим Положение об Общественном совете при органах УИС⁶. Указанный орган осуществляет свою деятельность постоянно и выполняет лишь консультативную функцию, а принятые им решения носят лишь рекомендательный характер. Главная цель создания Общественного совета - привлечение общественности к участию в решении задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, а также вопросов по защите прав и законных интересов не только осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах, но и сотрудников и ветеранов УИС.

Говоря о роли гражданского общества в деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, необходимо отметить важнейшую тенденцию, наметившуюся за последние годы - возрастание роли религии, в том числе различных религиозных организаций, в жизнедеятельности осужденных в рамках гуманитарно-воспитательного воздействия на них, предусмотренного Концепцией федеральной целевой программы «Развитие УИС (2017-2025 годы)»⁷. Так, Постановлением Правительства РФ от 17 октября 2014 г. № 1063 «О внесении изменений в приложение к Постановлению Правительства РФ от 24 марта 2007 г. № 176»⁸ была введена должность помощника начальника тер-

риториального органа ФСИН по организации работы с верующими. Именно этот документ стал исходной точкой для налаживания взаимодействия между религиозными организациями как институтами гражданского общества и учреждениями и органами, исполняющими уголовные наказания, как исполнительным органом власти [3]. Несмотря на ряд положительных черт данного сближения, выраженных в доступности реализации права на свободу вероисповедания, возможности совершения религиозных обрядов и воспитательном воздействии религии, имеются спорные вопросы, касающиеся процедуры отправления религиозных культов, рации питания, соблюдении ряда режимных требований. Безусловно, функционирование данного института создает дополнительные гарантии обеспечения и защиты прав осужденных на свободу вероисповедания в местах лишения свободы, что является важным при создании гражданского общества в РФ, но не стоит забывать и о преградах, которые стоят на пути реализации данного института.

Заключение

Взаимодействие с институтами гражданского общества - неотъемлемая часть деятельности уголовно-исполнительной системы, направленная как на контроль за исполнением наказаний, так и на решение ряда возникающих проблем, в том числе и коррупционных. Именно поэтому стоит говорить о важности работы пенитенциарного ведомства с отдельными институтами гражданского общества.

Пристатейный библиографический список

1. Везломцев В. Е., Терещенко Т. Г. Понятие коррупции и правовое регулирование противодействия коррупции в пенитенциарных системах России и Республики Беларусь // Международный пенитенциарный журнал. - 2015. - № 3. - С. 81-84.
2. Везломцев В. Е., Бурукин В. В. Равноправный диалог гражданского общества с государством как атрибутивное условие в борьбе с коррупцией // Евразийский юридический журнал. - 2017. - № 10 (113). - С. 364-367.
3. Везломцев, В. Е. Социально-философское и нормативистское теоретизирование о коррупции в классическом и постклассическом дискурсе // Евразийский юридический журнал. - 2017. - № 6 (109). - С. 318-320.
4. Смирнов А.М. Основные факторы, детерминирующие преступления коррупционной направленности в уголовно-исполнительной системе // Бюллетень науки и практики. 2019. № 5.

5 Указ Президента РФ от 4 августа 2006 г. № 842 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам» // СПС «КонсультантПлюс».

6 Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 1 октября 2013 г. № 542 «О создании Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы и утверждении его состава» // СПС «КонсультантПлюс».

7 Распоряжение Правительства РФ от 23.12.2016 № 2808-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017-2025 годы)» // СПС «КонсультантПлюс».

8 Постановление Правительства РФ от 17.10.2014 № 1063 «О внесении изменения в приложение к постановлению Правительства Российской Федерации от 24 марта 2007 г. № 176» // СПС «КонсультантПлюс».

РЕПИНА Анна Андреевна

адъюнкт Академии права и управления ФСИН России

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ИСПРАВИТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В статье рассматриваются общие вопросы назначения и исполнения наказания в виде исправительных работ по законодательству Республики Казахстан. Проводится сравнительная характеристика исправительных работ и штрафа, выявляются схожие и различные элементы. Рассматриваются вопросы досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания в виде исправительных работ в связи с ухудшением состояния здоровья осужденного.

Ключевые слова: наказание, исправительные работы, штраф, освобождение, болезнь.

REPINA Anna Andreevna

adjunct of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia

SOME FEATURES OF ATTRACTING CONVICTS TO CORRECTIONAL LABOR UNDER THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The article deals with general issues of the appointment and execution of punishment in the form of correctional labor under the legislation of the Republic of Kazakhstan. A comparative characteristic of correctional labor and a fine is carried out, similar and different elements are identified. The issues of early release from further serving a sentence in the form of correctional labor due to the deterioration of the convict's health are considered.

Keywords: punishment, correctional labor, fine, release, illness.

В уголовном законодательстве Казахстана имеется 8 видов наказаний, которые могут применяться в качестве основного вида наказания к лицам, совершившим уголовные правонарушения, причем 5 видов наказаний могут применяться в качестве наказаний за совершение уголовных проступков и 6 видов наказаний могут применяться в качестве наказаний за совершение уголовных преступлений. Стоит отметить, что штраф, исправительные работы и привлечение к общественным работам могут назначаться в качестве основного наказания как для преступников, осужденных за совершение уголовных проступков, так и за совершение уголовных преступлений. При этом в целом концепция построения уголовного законодательства сводится к расширению сферы назначения наказаний не связанных с лишением свободы, в то время как лишение свободы в качестве единственно возможного вида наказаний осталось лишь для узкого ряда преступлений: преступления, совершаемые в составе организованных преступных групп, связанные с причинением смерти человеку, особо тяжкие преступления, в том числе террористические, коррупционные, а также воинские преступления, совершенные в военное время либо в боевой обстановке¹.

В данной статье хотелось бы подробнее рассмотреть такой вид наказания как исправительные работы, назначаемые по законодательству Казахстана, а также выявить те особенности исполнения наказания, которые могли бы использоваться в качестве передового опыта зарубежными странами.

Анализируя действующий в стране Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее – УК РК), принятый в 2014 году, стоит отметить, что 72 % статей особенной части, в которых

отражены составы уголовных правонарушений в качестве одной из санкций, содержат наказание в виде исправительных работ [1, с. 21]. Популярность назначения наказания в виде исправительных работ обусловлена тем, что осужденный имеет возможность без изоляции от общества и своей семьи своими непосредственными действиями доказать свое исправление, предпринять меры к восстановлению социальной справедливости и возмещению ущерба, причиненного преступлением.

Особенность назначения данного вида наказания по действующему УК РК заключается в том, что наказание в виде исправительных работ может быть назначено только лицу, имеющему основное место работы. В первую очередь такое ограничение связано с самим понятием наказания в виде исправительных работ, обозначаемое законодателем как денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных УК РК, в размере, соответствующем определенному количеству месячных расчетных показателей, установленных законодательством Республики Казахстан и действовавших на момент совершения уголовного правонарушения. Данное понятие закреплено в ст. 42 УК РК. При этом денежные средства в размере, установленном судом в пределах от 10 до 50 % заработной платы (денежного содержания) за вычетом средств, подлежащих периодической уплате (взысканию) в счет алиментов, возмещения вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, а также смертью кормильца ежемесячно удерживаются работодателем и перечисляются в Фонд компенсации потерпевшим.

Стоит четко отличать данный вид наказания от штрафа, который также представляет собой денежное взыскание. При этом размер штрафа может определяться как в размере, соответствующем определенному количеству месячных расчетных показателей, установленных законодательством Республики Казахстан и действовавших на момент совершения уголовного правонарушения, так и в размере, кратном

¹ Информация госорганов Республики Казахстан к резолюции Совета по правам человека 24/12 «Права человека при отправлении правосудия, включая правосудие в отношении несовершеннолетних». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/RuleOfLaw/OverIncarceration/Kazakhstan.pdf> (дата обращения: 20.02.2022).

сумме или стоимости взятки, сумме переданных денег или стоимости переданного имущества, стоимости похищенного имущества, сумме полученного дохода или сумме не поступивших платежей в бюджет. Данное понятие закреплено в ст. 41 УК РК. Суд в своем решении указывает не только размер штрафа, но и срок его погашения, который в случае существенного ухудшения материального положения осужденного может быть отсрочен на срок от 1 месяца до 1 года, а общий срок уплаты штрафа без учета отсрочки не может превышать 3 лет. В случае уклонения от добровольного исполнения наказания в виде штрафа с осужденного денежные средства могут быть взысканы в принудительном порядке, а неуплаченная часть штрафа может быть заменена иным более строгим видом наказания. При этом штраф не подлежит замене на исправительные работы, так как в данном случае основная составляющая часть обозначенных видов наказания едины – денежные взыскания.

Интересен тот факт, что из анализа статей 41 и 42 УК РК следует, что штраф может назначаться всем лицам, в том числе не имеющим постоянного места работы, а также лицам, основной доход которых составляют разного рода пособия. Исправительные работы, согласно п. 5 ст. 42 УК РК, наоборот назначаются лишь трудоспособным гражданам, а при утрате трудоспособности осужденный подлежит освобождению от дальнейшего отбывания наказания либо неисполненная часть наказания заменяется аналогичным по сути наказанием в виде штрафа.

Еще одной особенностью исполнения наказания в виде исправительных работ по законодательству Казахстана является исполнение указанного вида наказания Службой пробации по основному месту работы осужденного. Кроме того, Служба пробации проводит регулярные беседы с осужденным, направленные на формирование законопослушного поведения, контролирует его трудоустройство в случае увольнения с прежнего места работы, а также направляет материалы в суд в случае уклонения осужденных от исполнения, назначенного судом наказания [2, с. 21]. При сокрытии осужденного с места жительства, местонахождение которого не известно сотрудникам Службы пробации проводят первоначальные розыскные мероприятия и вносят в суд представление об объявлении такого осужденного в розыск [3, с. 76].

За совершение осужденным нарушений установленного порядка условий исполнения наказаний в виде исправительных работ Служба пробации выносит осужденному предупреждение о замене исправительных работ. При этом низкое качество работы осужденного, халатное отношение к труду не может рассматриваться в качестве нарушения порядка и условий отбывания, в том числе не может рассматриваться в качестве нарушения порядка и условия исполнения наказания увольнение осужденного по отрицательным основаниям, например за совершение прогула. В данном случае, для того чтобы материалы личного дела не были направлены в суд для замены наказания иным более строгим видом наказания осужденному достаточно будет повторно трудоустроиться в течение трех месяцев. Сделать это можно как самостоятельно, так и по направлению Службы пробации в службу занятости. Данный срок видится разумным с учетом общей обстановки на рынке труда в Казахстане.

Особый интерес представляет порядок освобождения осужденных от дальнейшего отбывания наказания по состоянию здоровья. Так, если осужденный будет признан инвалидом 1 или 2 группы, а также при непрерывной болезни осужденного свыше 4 месяцев Служба пробации вносит в

суд представление об освобождении его от дальнейшего отбывания наказания [4, с. 199]. Действительно такой поход законодателя к исполнению наказания оправдан, так как лица, утратившие трудоспособность, не имеют в дальнейшем исполнять трудовые функции по основному месту работы должным образом. А лица, проходящие длительный курс лечения, попросту создают мнимую нагрузку на сотрудников Службы пробации на протяжении длительного времени без реального отчисления денежных средств в Фонд компенсации пострадавшим.

Представляется, что такой опыт освобождения от исполнения от наказания может быть полезен в рамках реформирования уголовного законодательства других стран, например России, где освобождение от дальнейшего отбывания наказания возможно лишь для тех осужденных, чье заболевание попадает под четкий закрытый перечень заболеваний, при этом не учитывается необходимость длительного лечения. Такое положение дел порождает нахождение на учете в контролирующем отбывание наказания органе лиц, которые формально и являются осужденными к исправительным работам и подлежат привлечению к отбыванию наказания, фактически же кроме переписки с учреждениями иной работы с ними не ведется, что в целом не способствует достижению целей уголовного законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Акимжанов Т. К. О необходимости дальнейшего совершенствования уголовного законодательства Республики Казахстан // Уголовная ответственность и наказание: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова, Рязань, 18 мая 2018 года / Под редакцией В. Ф. Лапшина. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. – С. 17-24.
2. Донскова Т. В. Особенности исполнения наказания в виде исправительных работ в Республике Казахстан // *Colloquium-journal*. – 2019. – № 6-8 (30). – С. 20-21.
3. Шабанов В. Б., Буданова Л. Ю. Зарубежный опыт исполнения приговоров об осуждении лиц к наказаниям без изоляции от общества // Государство и право в XXI веке: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 26-27 ноября 2020 года / Редколлегия: Т. Н. Михалёва (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Белорусский государственный университет, 2021. – С. 71-81.
4. Габараев А. Ш. Порядок исполнения уголовного наказания в виде исправительных работ в Республике Казахстан // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 6. – С. 198-199.

ТИТОВА Оля Зокировна

доцент кафедры философии и общегуманитарных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России, полковник внутренней службы

К ВОПРОСУ О ПРОХОЖДЕНИИ АДАПТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ФСИН РОССИИ

В статье рассматривается прохождение адаптации сотрудниками исправительных учреждений ФСИН России. Автор обосновывает необходимость разработки программы адаптации служащих, полноценного прохождения всех этапов.

В статье проанализирована необходимость проведения исследований личностных и профессиональных качеств нового сотрудника, его знаний, умений и навыков. Автор обращает внимание на то, что материальное стимулирование, безусловно, играет не последнюю роль в деле мотивации сотрудников

Ключевые слова: прохождение адаптации, профессиональные качества, наставник, программа сопровождения.

TITOVA Olya Zokirovna

associate professor of Philosophy and general humanitarian disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia, colonel of the internal service

THE ADAPTATION PROCESS OF CORRECTIONAL OFFICERS OF THE RUSSIAN FEDERAL PENITENTIARY SERVICE

The article deals with the adaptation of penal officers of the Russian Federal Penitentiary Service. The author substantiates the necessity to develop an adaptation programme for officers, to pass all the stages in full.

The article analyzes the necessity of conducting research of personal and professional qualities of a new penal officer, his knowledge, skills and abilities. The author draws attention to the fact that financial incentives certainly play an important role in motivation.

Keywords: onboarding, professional qualities, mentor, support programme.

В процессе реформирования уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) России особое внимание уделяется кадровому вопросу. Деятельность сотрудников исправительных учреждений (далее – ИУ) протекает в условиях, приближенных к экстремальным, поэтому серьезные требования предъявляются как к их профессиональным знаниям и умениям, приобретение которых происходит еще в процессе обучения, а закрепление – в процессе работы с лицами, находящимися в местах лишения свободы, так и к личностным качествам.

Служба в УИС предполагает высокий уровень стресса, обусловленный постоянным контактом с преступившими закон. В этой связи прохождение адаптации вновь прибывших сотрудников к условиям ИУ сопряжен с определенными затруднениями объективного и субъективного характера.

За последние годы Федеральной службой исполнения наказаний России (ФСИН России) было принято значительное количество правовых актов, касающихся вопросов поступления граждан на службу в УИС. В том числе в них подчеркивается необходимость использования современных психолого-педагогических методов при адаптации новых сотрудников [4, с. 230-235].

Проблема профессиональной адаптации сотрудников УИС в настоящее время является очень актуальной, так как эффективность деятельности системы напрямую зависит от степени профессионализма её сотрудников, возлагаемых на них задач и возможности их планомерной реализации. Кроме того, отсутствие внимания к проблемам профессиональной адаптации сотрудников УИС зачастую приводит к значительной текучести кадров, что также негативно влияет на деятельность системы.

В ИУ ФСИН России применяется процедура постепенной профессиональной адаптации новых сотрудников к службе. Предполагается при этом, что такая процедура будет достаточно длительна и хорошо подготовлена руководством учреждения, что позволит сотруднику эффективно выполнять свои служебные обязанности.

Однако, как показал анализ, в настоящее время процесс профессиональной адаптации новых сотрудников УИС недостаточно эффективен и нуждается в совершенствовании [2, с. 260-266]. Необходимо стандартизировать данный процесс, осуществлять контроль прохождения новым сотрудником всех его стадий. Для этого кадровым службам необходимо разработать Положение об адаптации, в рамках которого необходимо сформировать программу сопровождения, прописать все этапы профессиональной адаптации, информацию о наставниках, их обязанностях и вознаграждении, ответственных за адаптационный процесс лиц.

Целесообразно разрабатывать программу сопровождения для каждого нового сотрудника, основываясь на его личных и профессиональных характеристиках. Очевидно, что работа с новым сотрудником, который уже имел опыт службы в УИС, будет одной, а с теми сотрудниками, которые такого опыта не имеют, или вообще являются молодыми специалистами, только что окончившими учебное заведение, – другой.

Для разработки программы сопровождения необходимо, в первую очередь, проводить исследование личностных и профессиональных качеств нового сотрудника, его знаний, умений и навыков. Основываясь на полученной информации, далее следует прописать основные этапы его профессиональной адаптации, назначить наставника.

Программа сопровождения должна быть составлена до того, как новый сотрудник приступит к своим служебным

обязанностям, и распространяться, как минимум, на период испытательного срока. Это позволит свести возникновение потенциальных проблем и непредвиденных ситуаций (рисков) к минимуму.

Программа сопровождения должна включать несколько важных этапов:

1. введение в должность, знакомство с должностными обязанностями;

2. разработка и ведение Плана адаптации сотрудника при прохождении испытательного срока;

3. получение сотрудником отсутствующих навыков (при необходимости);

4. осуществление контроля уровня адаптации и удовлетворенности служебной деятельностью за отчетные периоды, введение при необходимости дополнительных точек контроля;

При разработке программы сопровождения важно понимать, что понятие «профессиональная адаптация» включает в себя три составляющих:

- профессиональная;
- социально-психологическая;
- социально-организационная.

Чтобы приспособление нового сотрудника к условиям службы в ИУ было успешным, необходимо тесное его взаимодействие с кадровой службой, наставником и непосредственным руководителем. Так, роль кадровой службы прослеживается в аспектах организационной и социально-психологической адаптации сотрудника. При этом взаимодействие с наставником и руководителем имеет большое значение в профессиональной и социально-психологической сферах.

Именно от того, насколько качественная помощь будет оказана вновь принятому сотруднику со стороны непосредственного руководителя, наставника, отдела кадров и коллег, будет зависеть успешность его профессиональной адаптации в уловоно-исполнительной системе.

Социально-психологическое сопровождение включает в себя:

– изучение условий служебной деятельности, межличностного взаимодействия вновь поступившего сотрудника и наставника;

– анализ целей, задач совместно с наставником и непосредственным руководителем, объективно необходимых функций и предпосылок продуктивного выполнения конкретных профессиональных действий новым сотрудником в конкретных условиях.

– организация проведения с новыми сотрудниками тематических занятий в рамках.

Новому сотруднику зачастую необходима помощь психолога для того, чтобы максимально безболезненно войти в новый коллектив и наладить общение с коллегами. Это во многом обусловлено тем, что, как уже было отмечено выше, профессиональные группы сотрудников УИС довольно закрытые, в связи с чем необходим особый подход к процессу адаптации в них новых сотрудников [3, с. 118].

Работая со вновь пришедшим сотрудником, психолог обязан проработать с ним такие важные психологические проблемы, как:

– несоответствие представлений о службе у сотрудника её реальным условиям;

– несоответствие личностных качеств нового сотрудника тем требованиям, которые к нему предъявляются со стороны руководства и коллектива;

– отсутствие, либо недостаточность важных и нередко весьма специфичных навыков служебного общения;

– неумение грамотно выстраивать служебные и внеслужебные отношения с коллегами;

– недостаток необходимых знаний, умений и навыков, которые влияют на результативность службы.

Говоря о совершенствовании процесса профессиональной адаптации вновь принятых сотрудников ИУ, необходимо также затронуть вопрос о мотивации.

В заключении следует отметить, что материальное стимулирование, безусловно, играет не последнюю роль в деле мотивации сотрудников. Сравнительно высокая оплата труда сотрудников исправительных учреждений, с одной стороны, может препятствовать текучке кадров, однако, с другой стороны, если сотрудник не имеет иной мотивации работать в УИС, кроме материальной, то в определенный момент и она уже не будет его стимулировать остаться служить в системе. Кроме того, высокий уровень оплаты труда также не является гарантией того, что сотрудники будут выполнять свои профессиональные обязанности на максимально высоком уровне. Рост эффективности служебной деятельности возможен лишь в том случае, если сотрудник получает удовлетворение от своей работы.

Пристатейный библиографический список

1. Гурьев М. Е. Теоретический анализ проблем профессиональной адаптации в отечественной психологической литературе // Основные вопросы теории и практики педагогики и психологии. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 179-183.
2. Дьяков В. И., Селиванова Д. А. Теоретические подходы к проблеме профессиональной адаптации // Таможенное дело в спектре науки и образования. сборник научных трудов. Федеральная таможенная служба, госуд. образовательное учреждение высшего проф. образования «Российская таможенная академия», Владивостокский филиал. – Владивосток, 2018. – С. 260-266.
3. Емельянова О. Я., Шершень И. В. Проблема профессиональной адаптации // Современные проблемы экономики и менеджмента. Материалы международной научно-практической конференции: выпуск сборника посвящен 100-летию МОТ, 100-летию ВГУ. ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»; АНОО ВПО «Воронежский институт высоких технологий», Воронежское региональное отделение «Академия труда и занятости». – 2017. – С. 118.
4. Кравченко А. И. Значение социально-психической адаптации в профессиональной деятельности сотрудников УИС // Наука в современном обществе: закономерности и тенденции развития: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2019. – С. 230-235.

КОРНАКОВА Светлана Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета

САМОЙЛОВА Жанна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета

ТАК ЛИ НЕСОВМЕСТИМЫ ИДЕИ ПОИСКА ИСТИНЫ И СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ?

В статье анализируется категория объективной истины, которая до принятия в 2001 г. действующего уголовно-процессуального закона была провозглашена целью уголовного судопроизводства. Критически оцениваются взгляды о несовместимости истины и состязательности, отстаивается идея о необходимости стремления уголовно-процессуальной деятельности к поиску истины. Делается вывод, что у России собственной путь развития и ей незачем копировать чуждый ей законодательный опыт других стран.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, истина, состязательность, доказанность обстоятельств дела.

KORNAKOVA Svetlana Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Baikal State University

SAMOYLOVA Zhanna Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Baikal State University

ARE THE IDEAS OF THE SEARCH FOR TRUTH AND COMPETITION IN CRIMINAL PROCEEDINGS SO INCOMPATIBLE?

The article analyzes the category of objective truth, which, before the adoption of the current Criminal Procedure Law in 2001, was proclaimed the goal of criminal proceedings. The views on the incompatibility of truth and competition are critically evaluated, the idea of the need for criminal procedural activity to seek the truth is defended. It is concluded that Russia has its own path of development and it has no need to copy the legislative experience of other countries that is alien to it.

Keywords: criminal proceedings, truth, adversarial nature, evidence of the circumstances of the case.

Корнакова С. В.

Самойлова Ж. В.

Истина — категория довольно основательная, корни ее происхождения упираются еще в античную философию. Впервые истину как понятие ввел Парменид, он связывал ее с противопоставлением мнению. С тех пор полемики по поводу точности определения, видов, сути и в целом существования истины не прекращались. Истина является одним из «трех китов» философии (наравне с вопросом о смысле жизни и добре и зле), именно поэтому ее изучением занимался практически каждый философ. Так, например, Платон считал истину сверхэмпирической идеей. Аристотель придерживался мнения о том, что «истина есть соответствие вещи и интеллекта (лат. Veritas est adaequatio rei et intellectus)» [1, с. 54].

Интерпретируя и развивая мысли этих двух великих философов, опираясь на их взгляды, все новые учения и теории возникали у мудрецов. Один из ярких представителей средневековой философии Августин проповедовал учение о том, что истинные понятия и суждения являются врожденными, в дальнейшем эту концепцию поддержал Рене Декарт. Фома Аквинский, напротив, был приверженцем школы Аристотеля и развил его учение с позиции глобального единства познающего разума и верующего мышления. Большинство видели истину в идеале, считая ее достижимым пределом (Б. Спиноза, И. Фихте, Г. Лейбниц) [2, с. 72].

Итак, если обобщить все вышесказанное, то истиной можно считать соответствие знаний (мыслей) действительности.

Именно в таком понимании обосновывается необходимость стремления к истине в уголовном судопроизводстве

многими современными учеными [3, 4, 5]. Тем не менее, возникает вопрос: если необходимость установления объективной истины обоснована, то чем же ее тогда считать? Целью уголовного судопроизводства в целом, принципом или же результатом?

Обратимся к относительно недавней истории. В советский период действовал УПК РСФСР, в котором установление объективной истины было целью всего уголовного судопроизводства. Цель — это своего рода стремления, смысл существования, в данном случае уголовного судопроизводства. Цель — это нечто стабильное, что практически всегда остается одним и тем же, редко происходит изменение цели.

Получается, что с советским периодом все понятно: и с целью, и с принципом, и с результатами. Так что же считать целью уголовного судопроизводства на данный момент? В УПК РФ нет четко сформулированной цели, да и задач, к сожалению, тоже. Обычно их теоретически обосновывают, исходя из ст. 6 УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства.

Понятие назначение уголовного судопроизводства впервые появилось в УПК РФ. В уголовно-процессуальной литературе наряду с термином «назначение» используются термины «цели» и «задачи». В соответствии со справочными источниками, «цель» — это предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить, «задача» — это то, что требует исполнения, разрешения. Не вдаваясь в полемику по поводу соотношения указанных понятий, следует отметить, что в науке уголовного процесса единства мнений нет, либо полное отрицание понятия «цель» и использование категории

«задача», либо полное отождествление указанных понятий. Некоторые авторы пришли к выводу об идентичности понятий «назначение» и «задача», другие приравнивают «назначение» к «цели». Следует поддержать позицию авторов, согласно которой «задача», «цель» и «назначение» являются однопорядковыми, но не синонимичными [6, с.32]. Категория «назначение» отвечает на вопрос, на что направлена деятельность, предназначение, цель; категория «принцип» – на какой основе должна осуществляться уголовно-процессуальная деятельность. Таким образом, назначение уголовного судопроизводства – то к чему надо стремиться при осуществлении уголовного судопроизводства [7, с. 28].

В действующем УПК РФ исключен принцип всесторонности, объективности и полноты исследования обстоятельств уголовного дела (ст. 20 УПК РСФСР), предписывавший достижение объективного знания о прошлом преступном событии.

Чем руководствовались законодатели, когда решили проигнорировать столь важный постулат судопроизводства? Приоритетным при введении нового УПК РФ (2001г.) был принцип состязательности судебного производства, а также презумпция невиновности. По мнению законодателя, поиск «объективной истины» противоречил бы новому направлению закона. В обосновании этой идеи приводились различные доводы. В частности, что в состязательном процессе объективной истине, связанной с определенной идеологией, места нет, поскольку в уголовно-процессуальном познании она недостижима [8, с. 72].

На наш взгляд, согласиться с вышеприведенным мнением, значит согласиться с тем, что справедливого решения суда в принципе быть не может. К тому же, о какой идеологии идет речь? Разве только в советском союзе говорили об объективной истине, разве это было связано только с политикой коммунизма? Как было показано выше, эти идеи задолго до В.И. Ленина и К. Маркса выдвигали многие признанные и авторитетные ученые, к тому же само марксистское учение возникло не абстрагировано, а на основе диалектики Гегеля.

Кроме этого, известно выражение «Discussio mater veritas est» – «В споре рождается истина». Почему же тогда объективная истина противопоставляется состязательному уголовному процессу? Парадокс. Состязательный метод (или как его еще называют метод процедурной справедливости) состоит из оспаривания сторонами защиты и обвинения суждений друг друга, путем предъявления доказательств, включая их исследование перед судом. Каждая сторона собирает и предъявляет доказательства, которые непосредственно требуются для разрешения дела судом. Судебный процесс проходит в виде спора, где каждая сторона сообщает и отстаивает свою версию событий, при этом опровергая версию оппонента по определенным процедурным правилам, где выбор единственно верной версии представляется суду [9, с. 94]. Условием для разрешения дела по существу является отсутствие разумных сомнений. Ведь если суд и стороны, в том числе будут соблюдать общие строгие правила доказывания, при этом действуя на благо истины (и справедливости), то и результат будет истинным. Именно в таком понимании состязательного процесса, на наш взгляд, отчетливо видится его направленность на гармонию с объективной истиной и принципом всестороннего, объективного и полного установления всех обстоятельств дела.

Как справедливо замечает А.В. Победкин, невозможность установления в некоторых случаях объективной истины нормативно закрепленными средствами, может свидетельствовать о необходимости их совершенствования, но отнюдь не об отказе от цели и целесообразности полного разрешения проверенной, научно обоснованной системы гарантий правильного установления обстоятельств по уголовному делу [10, с. 215].

Основой правоприменения должно быть установление всех обстоятельств дела в соответствии с действительностью, поскольку любые факты и обстоятельства, которые вменяются в вину лицу, согласно презумпции невиновности, должны быть доказаны.

К сожалению, высказывания о несовместимости идей поиска истины и состязательности взялись за основу возникновения современного УПК РФ, полагаясь и ориентируясь при этом на опыт США. Но разве их законодательство можно считать идеальным и безошибочным? В Германии и Франции также действует состязательный уголовный процесс, но при этом они смогли найти в законе «местечко» для объективной истины. Почему же Россия должна равняться

именно на Америку? Неужели там нет судебных ошибок, а может там не действует принцип «кто красноречивее, тот и прав»? А где же тогда место справедливости? Может, поэтому народ России в большинстве своем не верит ни в суд, ни в достижение справедливости легальным способом, ни власти в целом. Это ли не показатель?

Заметим, что большая часть участников процесса юристами не являются, а значит, могут не обладать соответствующими правовыми знаниями и опытом. Между тем, результат судебного заседания такими участниками, как подсудимый, свидетели, потерпевшие и т. д. обязательно оценивается и чаще всего в категориях «справедливости – несправедливости». При этом оценке подлежат как каждое отдельное решение судьи, так и итоговое решение по делу, которые, по мнению обывателя, должны быть основаны на установлении того, что имело место в действительности, а, значит, на истине. Несмотря на то, что подобного рода оценки являются субъективными, их значение велико, поскольку затруднительно признать эффективной деятельность суда, которая воспринимается участниками процесса как несправедливая. Нельзя не учитывать, кроме этого, что эта оценка далее нередко распространяется на всех представителей судейского сообщества, всю судебную систему и действующее законодательство, подрывая веру в закон и правосудие.

Заметим, что современный УПК РФ часто сравнивают в негативном аспекте с советским еще и потому, что в последнем были ясно и грамотно прописаны задачи, например, защиты публичных интересов, предупреждения преступлений, воспитательная задача. Почему-то из действующего кодекса были исключены все социальные цели: предупреждение преступлений, воспитательное значение, защита государственных интересов и другие. Что касается УПК РСФСР, то там эти цели были прописаны довольно четко (ст. 2). Но даже если не брать во внимание советский закон, то можно сравнение провести с ГПК РФ, в котором присутствует в качестве одной из задач укрепление правопорядка и законности, а также формирование уважения к суду, предупреждение правонарушений.

Поэтому достаточно фанатично копировать чужое устройство, пора направить все силы на выделение своих особенностей, самобытности. Существует древняя буддийская мудрость, призывающая осуждающего надеть обувь человека, которого он осуждает, и пройти его путь. Кто бы не осуждал Россию, у нее собственный, достойный путь, который длится в разы больше, чем путь молодых стран колонистов. И у нас многому стоит поучиться.

Пристатейный библиографический список

1. Спиркин А. Г. Философия для технических вузов. – М.: Юрайт, 2014.
2. Философия: учебник для вузов / Под общ. ред. А.А. Атанова, В.А. Туева [и др.]; БГУ. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2015.
3. Мерецкий Н.Е. Проблемы доказывания в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2018. – № 1 (19).
4. Козьявин А.А. Уголовно-процессуальная деятельность суда и его телеологическая основа // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – №4 (18).
5. Воскобитова Л.А., Россинский С.Б. Вопросы познания в современном уголовном судопроизводстве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9. № 1.
6. Принципы современного российского уголовного судопроизводства: монография / Науч. ред. И.В. Смолькова; отв. ред. Р.В. Мазюк. – М.: Юрлитинформ, 2015.
7. Литвинцева Н.Ю. Права личности в уголовном судопроизводстве. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2016.
8. Александров А.С. Критика концепции объективной истины // Уголовный процесс. – 2012. – № 6 (90).
9. Корнакова С.В. Состязательность – условие равноправия сторон в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2009. – № 1 (7).
10. Победкин А.В. Моральные победы – не считаются? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 4 (5).

МАНУКЯН Алинэ Романовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОБЩИХ ПРАВИЛ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Проблемы практики производства следственных действий всегда были актуальны. Законодательство давно не менялось в значительном объеме, а данному вопросу необходимы, на наш взгляд, новые разработки. Несмотря на наличие правил производства, существует ряд тактических проблем. В содержании статьи исследуется уголовно-процессуальная категория следственных действий, как основа уголовного судопроизводства, а так же основные проблемы тактики производства следственных действий. Рассматриваются конкретные практические примеры производства следственных действий с ошибками, которые отрицательно влияют на систему судопроизводства.

Ключевые слова: проблемы, уголовное судопроизводство, ошибки, следственные действия, правила.

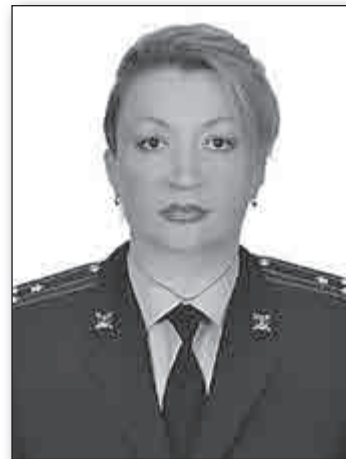
MANUKYAN Aline Romanovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of State and civil law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

PROBLEMS WITH THE APPLICATION OF GENERAL RULES FOR INVESTIGATIVE ACTIONS

The problems of the practice of conducting investigative actions have always had their relevance from ancient times to this day. Legislation has not changed significantly for a long time, and this issue needs, in our opinion, new developments. Despite the presence of production rules, there are a number of tactical problems. The content of the article explores the criminal procedure category of investigative actions as the basis of criminal proceedings, as well as the main problems of investigative tactics. Specific practical examples of conducting investigative actions with errors that negatively affect the judicial system are considered.

Keywords: problems, criminal proceedings, errors, investigative actions, rules.

Манукян А. Р.

Динамика, уровень и структура преступности являются определяющими факторами концепции противодействия преступности. Они позволяют получить достоверную информацию по состоянию преступности, следовательно, по проблемам и недостаткам профилактической работы. Именно в форме анализа показателей преступности за последний год предлагаем раскрыть приоритетные направления борьбы и проблемы противодействия преступности.

Системное и целенаправленное осуществление мер по противодействию преступности позволяет повысить эффективность правозащитной деятельности по предупреждению нарушений законности и отстаиванию государственных и общественных интересов. В тесном взаимодействии с исполнительными, правоохранительными и иными государственными органами ОВД последовательно и принципиально направляет усилия на принятие конкретных мер по противодействию преступности, используя имеющиеся полномочия по укреплению законности, решению наиболее важных вопросов социальной и экономической жизни общества. Проводимая работа в свою очередь способствует оздоровлению криминогенной ситуации.

Уголовно-процессуальное законодательство выступает правовым путеводителем в разрешении юридических дел. Законодатель закрепил норму, регулирующую производство следственных действий в статье 164 УПК РФ [1], как одну из наиболее действующих категорий в уголовном судопроизводстве. Следственные действия являются основой уголовного судопроизводства, именно их производство позволяет получить достоверные, объективные доказательства и достичь цели уголовного судопроизводства. Законодатель четко регламентирует производство каждого следственного действия, закрепляя определенные правила во избежание нарушений прав участников процесса. Несмотря на наличие

правил производства, существует ряд тактических проблем. Проблемы практики производства следственных действий всегда имели свою актуальность с давних времен и по сей день. Законодательство давно не менялось в значительном объеме, а данному вопросу необходимы, на наш взгляд, новые разработки. Начинать следует с их правовой модернизации, чтобы обеспечить единство правоприменительной практики, заканчивая углубленным исследованием структуры следственных действий. Это гарантирует защиту прав и свобод лиц, которые в любом контексте имеют отношение к уголовно-процессуальному делу в силу разнообразных причин.

Обратимся к ошибкам, совершаемым при проведении такого следственного действия, как осмотр места происшествия. Стоит отметить тот факт, что именно при этом следственном действии невозможно в дальнейшем исправить допущенные ошибки. Конечно, незначительные погрешности подлежат корректировке, что напрямую зависит от обстоятельств и времени их обнаружения [3, с. 33]. Если следователь неграмотно определил границы пространственного осмотра, то можно упустить важные следы преступления, т.к. они раскинуты за рамками конкретной местности. Важно ориентироваться на осматриваемом участке открытой местности относительно нахождения всех местных предметов.

Следующая ошибка при производстве рассматриваемого следственного действия заключается в организации состава следственно-оперативной группы, выезжающей на осмотр. Зачастую, весь осмотр ложится на плечи следователю, хотя, например, ч. 1 ст. 178 УПК РФ [1], в ходе производства осмотра трупа предусматривает наличие специалиста. Так как специалист-криминалист отсутствует, не применяются криминалистические инструменты во время работы со следами. Следователи могут ошибаться в техническом приме-

нии средств (фотосъемки, видеосъемки, взятие следов пальцев рук и т.д.), забывают указать в протоколе осмотра места модель фотоаппарата, характеристику объектива и др.

Также важно уделить внимание ошибкам, совершаемым при изъятии предметов с места происшествия. Имеется общее правило, согласно которому малогабаритные предметы, которые заключают в себе следы преступления, полностью изымаются с перспективой дальнейшего экспертного анализа, потому что в ходе копирования следов имеется риск их потерять. «Процесс изъятия предметов с места происшествия требует следования соображениям рациональности и их доказательственной значимости» [4, с. 145].

Теоретические аспекты построены на оценки состава преступления и его особенностей, а также анализа квалифицирующих признаков. Практические аспекты криминологической характеристики включают совокупность данных о преступном деянии. В общей совокупности криминологическая характеристика выделяет особенности совершения преступлений в сфере мошенничества и условия им способствующие. Так причинами на современном этапе развития общественных отношений выступают социально-экономические разногласия и материальная неудовлетворенность, то есть преступник стремится достичь корыстной цели для достижения, как ему кажется справедливости.

Важно отмечать не только теоретические проблемы, возникающие при проведении следственных действий, но и анализируя практические ситуации выделять факторы стагнации процесса судопроизводства. Именно на практике чаще всего возникают проблемы с проведением судебной экспертизы. Согласно ч. 3 ст. 195 УПК РФ [1] должностное лицо, уполномоченное к проведению и назначению судебной экспертизы обязано оповестить и ознакомить участников с фактом проведения данного следственного действия. Если правовой регламент нарушается это приводит к ошибкам в производстве следственного действия, что влечет нарушения прав участников. Зачастую следователи стараются скрыть свои ошибки оформляют протокол ознакомления задним числом, это приводит к тому, что суд часто признает заключение эксперта недопустимым доказательством. Тем самым, казалось бы, не большая, но серьезная оплошность приводит к тому, что следствие затягивается, в этом заключается главная причина нарушения. При этом происходит нарушение прав участников судопроизводства, а именно они лишаются возможности заявлять отвод эксперту, ходатайствовать о проведении экспертизы в другом учреждении, тем самым могут сомневаться в подлинности результатов экспертизы. В таких случаях потерпевшая сторона лишается возможности контролировать ход расследования.

В связи с особенностями работы в условиях эпидемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) внедряются в уголовный процесс новые формы сбора доказательств в дистанционном режиме – посредством видеоконференцсвязи. Совместно с заинтересованными органами исполнительной власти сформирована концепция о возможности применения систем видеоконференцсвязи при производстве предварительного расследования, а также инициировано предложение по использованию электронных документов, в том числе при ознакомлении участников уголовного судопроизводства с копиями материалов уголовного дела, содержащимися на электронных носителях, и вручении копии обвинительного заключения в электронном виде.

Особое внимание уделяется методическому и аналитическому обеспечению приоритетных направлений процессуальной деятельности, в том числе расследования преступлений, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий, в финансово-кредитной сфере, оборонно-промышленном комплексе, в сфере долевого строительства, а также дистанционных мошенничеств. Активизирована работа по обобщению и внедрению положительного опыта расследования преступлений и производства отдельных следственных действий.

В 2020 году проведено 1,8 млн экспертных исследований, в том числе 1,2 млн судебных экспертиз. Уменьшение их числа в значительной степени обусловлено сокращением коли-

чества экспертиз традиционных видов. Отмечен рост количества назначенных экспертиз специальных видов (на 2,6 %), в том числе товароведческих – более чем в 5 раз. Обеспечено оснащение ЭКП основными видами криминалистической техники. В целом с 2018 по 2020 год в органах внутренних дел открыты 103 новые экспертные лаборатории по наиболее востребованным направлениям (радиотехнические, фоноскопические, психофизиологические, ДНК-анализа и другие).

Из ряда мелких и не всегда видимых ошибок в проведении следственных действий формируется система нарушений прав участников судопроизводства. Можно привести следующий пример из судебной практики.

Гражданин А. совершил убийство. Был произведен осмотр места происшествия, в результате которого была обнаружена и изъята пуля. Исходя из логики расследования, следователю необходимо было направить находку на судебно-баллистическую экспертизу. Из своих личных логических соображений он этого не сделал. Сторона защиты узнала об этом только в момент ознакомления с материалами рассматриваемого уголовного дела, до этого момента факт нахождения пули был вообще не известен [5].

Особенно важным является осуществление производства следственных действий в строгости с положениями закона, так как обратное, когда происходит отступление от общих правил производства следственных действий, может повлечь такие распространенные ошибки, как: неверное составление протокола следственного действия; нарушение конституционных и процессуальных прав участников следственных действий; нарушение порядка производства следственных действий и разные другие упущения.

Вероятно, общим правилам производства следственных действий необходимо отвести не отдельную норму, а целую главу в УПК РФ, которая должна иметь такие положения, которые отражают выбор и производство отдельных следственных действий, и исходят из их целей, оснований, их процессуальное оформление, а также нормы, которые закрепляют под разными аспектами структуру правил и (или) границ поведения как следователя, так и других лиц, в отношении которых осуществляется следственное действие или которые по разным причинам принимают участие в них. Такая регламентация общих правил производства следственных действий даст возможность не только участникам, которые вовлечены в уголовно-процессуальную деятельность, реализовать свои права, но и обеспечение следователя грамотным выполнением своих обязанностей.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // Российская газета. - № 249. - 22.12.2001.
2. Приговор № 1-18/2021 от 8 июня 2021 г. по делу № 1-18/2021.
3. Усова Ю. И., Ипатова А. Ю. Общие правила производства следственных действий: проблемы применения // Центральный научный вестник. - 2020. - Т. 5. - № 11 (100). - С. 32-34.
4. Цагалаев В. Б. Проблемы допущения ошибок при производстве следственных действий // Аграрное и земельное право. - 2019. - № 7 (175). - С. 144-147.
5. Дело № 96/8937 // Архив Волгоградского областного суда.

ГАУЖАЕВА Виктория Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры специально-технической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

ПРОКОФЬЕВА Елена Васильевна

доцент кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России

К ВОПРОСУ О РОЛИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В РАССЛЕДОВАНИИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

В статье авторы дают общее понятие криминалистической характеристики и раскрывают содержание криминалистической характеристики личности, совершившей нарушение правил охраны окружающей среды. Интерес к данной теме продиктован тем, что в связи с малой изученностью данного вопроса привлечение к ответственности виновных лиц значительно затруднено.

Новизна статьи видится в авторском подходе в изложении имеющегося материала, его обобщении и систематизации.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, криминалистическая характеристика личности, нарушение правил охраны окружающей среды, расследование.

GAUZHAIEVA Viktoriya Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Special and technical training sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

PROKOFJEVA Elena Vasiljevna

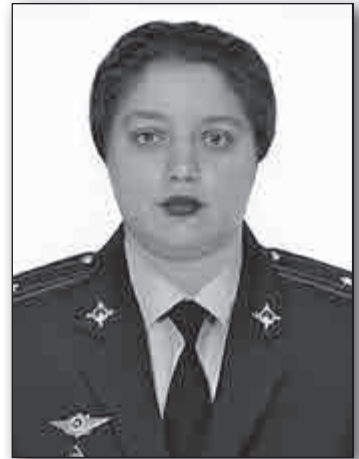
associate professor of Criminalistic technique sub-faculty of the Educational and Scientific Complex of Forensic Expertise of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

TO THE QUESTION OF THE ROLE OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE CRIMINAL'S PERSONALITY IN THE INVESTIGATION OF VIOLATIONS OF ENVIRONMENTAL PROTECTION RULES

In the article, the author gives a general concept of forensic characteristics and reveals the content of the forensic characteristics of a person who has committed a violation of the rules of environmental protection. The interest in this topic is dictated by the fact that due to the lack of knowledge of this issue, it is significantly difficult to bring the guilty persons to justice.

The novelty of the article is seen in the author's approach in the presentation of the available material.

Keywords: forensic characteristics, forensic characteristics of the individual, violation of environmental protection rules, investigation.

Гаужаева В. А.

Прокофьева Е. В.

Поскольку мы живем в бурно развивающемся обществе, в эпоху научного прогресса, и масштабной разработки имеющихся природных ресурсов, появления новых технологий и производств для создания современных материалов, важным становится вопрос защиты и охраны окружающей природной среды, сохранения экологии для будущих поколений. В связи с этим, актуальным вопросом, поднимающимся в криминалистике, становится привлечение к ответственности виновных лиц, выявление и изучение их личности на этапе расследования.

Изучение криминалистической характеристики личности, совершившей нарушение правил охраны окружающей среды является актуальной темой исследования, так как до сих пор в криминалистике не сложилось четкого определения данного понятия. Само понятие криминалистической характеристики впервые появилось в 60-х годах 20 века в работах А. Н. Колесниченко и Л. А. Сергеева, которые увидели в ней значимый комплекс признаков преступлений [1, с. 81]. В 80-х годах 20 века В. К. Гавло впервые вводит данный термин в криминологию, которая изучает характеристику личности преступника в несколько отличном аспекте. В контексте экологических проблем данный вопрос исследовали Н. А. Духно, Ю.Г. Корухов, О. А. Яковлева и другие.

При расследовании любого преступления важное значение приобретает личность преступника, его половая принадлежность, социальное положение, уровень доходов, а также возраст, с которого наступает уголовная ответственность.

Еще в 90-е гг. 20 века часть экологических преступлений относилась к числу неосторожных (даже авария, произошедшая на Чернобыльской АЭС). Однако, в связи с огромным шагом вперед в развитии техники, технологии, различных производств, возросла потребность в утилизации отходов, объем которых также значительно увеличился, и вопросы квалификации неосторожности преступления претерпели значительные изменения, а в условиях сниженного иммунитета это может иметь тяжелые последствия [2, с. 158-161]. И, хотя они имеют место быть, сегодня экологические преступления являются следствием пренебрежительного отношения к правилам охраны и защиты окружающей среды и жадной наживы. Понимание того, что определенные действия способны причинить вред жизни и здоровью, как людей, так и животных [3, с. 99-105], и наряду с этим, принятие недопустимых решений при отсутствии необходимой квалификации, опыта и образования позволяет расценивать нарушение правил охраны окружающей среды, как умышленные.

Правильная оценка обстановки совершения противоправного деяния позволяет определить свойственные личности черты преступника. Это позволяет организовать оперативные меры по его розыску, задержанию и последующему изобличению. Любые противоправные действия отражают

индивидуальные психологические особенности человека, их совершившего, и могут дать информацию о его социальном положении, прошлом криминальном опыте, специальных знаниях и т.д.

Теория криминалистики предлагает два направления изучения личности лиц, совершающих преступления в сфере экологии:

– по оставленным на месте преступления следам, позволяющим идентифицировать личность подозреваемого и быстро задержать;

– по выявленным в ходе расследования жизненным установкам, ценностным приоритетам, психофизиологическим особенностям, общественным взглядам, которые способствуют налаживанию с преступником необходимого контакта, с целью получить правдивые показания.

По итогам проведенной работы, учитывая характерные следы преступления и типичные черты, свойственные преступникам, разрабатываются психологические портреты личности подозреваемых и модели их поведения.

Как отмечают многие авторы, немаловажной составляющей криминалистической характеристики является способ совершения преступления. Экологические преступления, в подавляющем большинстве случаев, совершаются умышленно, и, как правило, складываются либо из неправомерных действий, либо бездействий преступника.

Обвиняемыми обычно выступают руководители, которые нередко перекладывают свою вину на других, чаще всего рядовых работников либо вышестоящие органы. В качестве «объективных» причин виновные называют «вынужденность» пренебрегать правилами охраны окружающей среды, незнание нормативных положений и своих должностных обязанностей. Парадоксальным, на наш взгляд, является признание себя виновным наряду с отрицанием факта наступления вредных последствий.

Допрос подозреваемого в совершении экологических преступлений требует специальной подготовки. Поэтому следователю целесообразно проконсультироваться с узкими специалистами, которые при необходимости могут принимать участие в допросе и оказывать помощь в понимании тех или иных формулировок, факторов и обстоятельств, составив четкий план, в котором должен быть определен круг вопросов, их содержание и последовательность.

Немаловажное значение при составлении характеристики личности виновного имеют данные биографического характера, сфера интересов, юношеские увлечения. При допросе обвиняемого в совершении экологического преступления, помимо общих вопросов, касающихся ответственных лиц, технологических процессов, оборудования, порядка обезвреживания и утилизации отходов, выясняются сведения, характеризующие его личность, стаж работы в данной должности, уровень образования и опыта, и прочие вопросы. На этом основании делается вывод о степени его ответственности и вины.

«Экологический преступник» может иметь любой уровень образования, быть безработным или признанным компетентным сотрудником. В любом случае, способность и предрасположенность причинять вред охраняемым объектам природопользования, характеризует его личность как общественно опасную.

Экологические преступления, как правило, совершаются организованной группой лиц, так как зачастую речь идет о достаточно крупных прибылях (особенно в случаях, захоронения вредных отходов, незаконной вырубки деревьев) и в одиночку реализовать всю схему практически нереально, поскольку задействуются существенный человеческий и технический ресурс. В таком случае первостепенное значение приобретает установление всех звеньев преступной цепочки, поскольку работники, непосредственно осуществляющие эксплуатацию очистных и иных сооружений, производство, хранение, транспортировку или захоронение отходов, в подавляющем большинстве случаев - лишь рядовые исполнители.

Зачастую, наказание, которое настигает нарушителей, наносящих непоправимый вред окружающей природной среде, является несоответствующим законам логики. Ведь наносимый урон и устранение его последствий в большинстве случаев требует колоссальных затрат, как финансовых, так и материальных. А виновные лица «отделяются» по сути легким испугом в виде штрафов и условных сроков. Несовместимость экологического законодательства дает повод вновь и вновь его нарушать, причем дерзко и беспринципно, не-

редко переходя на иной уровень характера и общественной опасности осуществляемых действий [4, с. 134-136].

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что основным мотивом преступлений, связанных с загрязнением атмосферы является корысть. Как отмечали в своих работах О. Л. Дубовик и А. Э. Жалинский еще в 1988 г. в основе причин совершения экологических преступлений лежит получение материальной выгоды [5, с. 81].

В случае совершения нарушений в экологической сфере подозрение падает в первую очередь на сотрудников и руководителей предприятий, а также должностных лиц, ответственных за соблюдение природоохранных правил. Как теоретики (Тарайко В. И., Чаланова К. А., Бозова К. Ю.), так и практики выделяют три основные группы личности экологических преступников:

– частные лица, совершающие преступления как самостоятельно, так и в составе группы лиц;

– руководители организаций;

– работники органов государственной или муниципальной служб.

В основе такого разделения положен социальный статус нарушителей.

Можно говорить о разделении лиц на различные группы по самым разным критериям: социально-демографическому, образовательному, уголовно-правовому и т. д. С одной стороны, все лица, совершившие экологические преступления, по этим критериям отличаются друг от друга, с другой - они по тем же причинам схожи между собой, что обуславливает признак их устойчивости [6].

В ходе изучения личности, допускающей нарушения правил охраны окружающей среды сделан вывод, что типичная тактика поведения обвиняемых — это либо отрицание своей вины, либо перекладывание ее на других. В основном руководители обвиняют подчиненных, и ссылаются на большую опытность компетентных работников, безоговорочное им доверие, распространённой причиной может быть «незнание» опасностей нарушения и требований нормативных документов применительно к определенным видам отходов. Часто преступники умаляют опасность и последствия своих действий, прикрываясь интересами производства и указаниями вышестоящих должностных лиц. Обобщенный анализ содержания самой минимальной совокупности признаков, свойственных всем преступникам, т. к. преступность имеет социальный характер и социальную обусловленность, которая реализуется через личность. В этом смысле основной характеристикой всех лиц, совершающих экологические преступления, будет являться низкий уровень экологической культуры и воспитания, так как природные ресурсы являются не только объектом посягательства, но и нашим наследством будущим поколениям.

Пристатенный библиографический список

1. Файзуллина А. А., Шаихов Ф. Ф. Понятие криминалистической характеристики преступлений и ее значение для раскрытия и расследования преступлений // Южно-уральские криминалистические чтения: доклады Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 20 декабря 2016 года. - Уфа: Башкирский государственный университет, 2016. - С. 81-85.
2. Аккаева Х. А. Особенности предупреждения нарушений санитарно-эпидемиологических правил в условиях пандемии // Пробелы в российском законодательстве. - 2021. - Т. 14. - № 3. - С. 158-161.
3. Чудинов Р. А. Субъективное отношение к природе как характеристика самоактуализирующейся личности // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. - 2013. - № 15. - С. 99-105.
4. Бураева Л. А., Дадова З. И. Биологический терроризм: понятие, сущность, проявления // Пробелы в российском законодательстве. - 2020. - № 2. - С. 134-136.
5. Дубовик О. Л., Жалинский А. Э. Причины экологических преступлений. - М.: Наука, 1988. - 238с.
6. Тарайко В. И. Анализ личности экологического преступника // Вестник Северного (Арктического) Федерального Университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. - 2017. - С. 108-114. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-lichnosti-ekologicheskogo-prestupnika/viewer/> (дата обращения: 17.12.2021).

НАГОЕВА Марина Ауесовна

доктор педагогических наук, профессор кафедры специально-технической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

О ПОЛУЧЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ В ХОДЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

В статье говорится о необходимости получения информации от эксперта на осмотре мест происшествия для розыска преступника по «горячим следам». Особое внимание уделяется методике выявления и фиксации скрытых следов посредством использования современных экспертных методик для точной ориентации объектов на местности при осмотре места происшествия.

Кроме того, описываются наиболее частые ошибки следователей и доказывается необходимость развития практики осмотра места происшествия с применением технико-криминалистических средств.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, технико-криминалистические средства, вещественные доказательства, эксперт, следователь.

NAGOEVA Marina Auyesovna

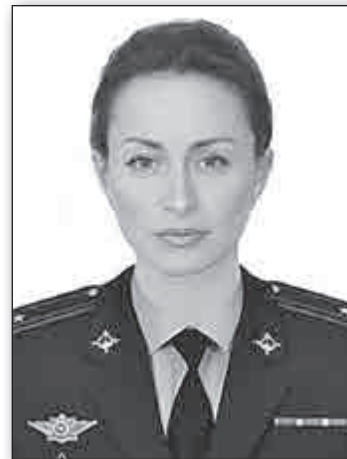
Ph.D. in pedagogical sciences, professor of Special technical training sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

ABOUT OBTAINING CRIMINALLY SIGNIFICANT INFORMATION DURING THE INSPECTION OF THE SCENE

The article stated the need to obtain information from an expert on the inspection of the scene to search for the criminal in the "hot pursuit". Particular attention is paid to the methodology of identifying and fixing hidden traces through the use of modern expert techniques for the accurate orientation of objects on the ground when examining the scene of an accident.

In addition, the most frequent mistakes of investigators are described and the need for the development of the practice of examining the scene with the use of technical and forensic means is proved.

Keywords: inspection of the scene, technical and forensic means, material evidence, expert, investigator.

Нагоева М. А.

Основной задачей, стоящей перед экспертно-криминалистическими подразделениями органов дел, является целенаправленная работа по применению криминалистических средств и методов по заданиям следственных, оперативных аппаратов и подразделений дознания с целью обнаружения, фиксации, изъятия исследования следов и вещественных доказательств выполнение которой зависит от четкого взаимодействия всех подразделений, задействованных в этой работе.

В современных условиях необходимость создания надежной доказательственной базы обусловила придание экспертизам важнейшей роли при расследовании уголовных дел и поиск новых подходов к организации деятельности экспертно-криминалистических подразделений, развитию их структуры, в первую очередь – на уровне органов внутренних дел.

Согласно анализу уголовных дел при раскрытии и расследовании преступлений, модернизируется работа по созданию и полномасштабному развертыванию приоритетных направлений экспертных исследований, обеспечивающих, в том числе с использованием взрывных устройств и огнестрельного оружия:

- медико-криминалистических;
- взрывотехнических;
- пожарно-технических;
- фоноскопических;
- автоматизированных дактилоскопических идентификационных систем.

Однако имеющиеся успехи в работе экспертно-криминалистических подразделений не дают оснований для самоуспокоенности [1]. Так при анализе итогов работы экспертно-криминалистических подразделений отмечались серьезные недостатки:

- в практическом взаимодействии со следователями, сотрудниками криминальной полиции при работе по раскрытию и расследованию преступлений и изобличению виновных;
- ослаблен контроль за качеством работы специалистов на местах происшествий по обнаружению, фиксации и изъятию вещественных доказательств;
- эксперты крайне редко участвуют в формировании версий, планировании расследования преступлений;
- не изжиты случаи поверхностного подхода к исследованию объектов экспертиз;
- неполного использования всего арсенала имеющихся методик, что приводит к увеличению числа ошибочных заключений экспертов.

Сущность участия эксперта-криминалиста и специалиста в производстве следственных действий, заключается в осуществлении профессиональной помощи при осмотре места происшествия, воспроизведении действий, обстановки и иных обстоятельств конкретного события с совершением необходимых опытных действий [2]. Так при следственном эксперименте, при котором производятся соответствующие опыты, назначением которых является получение и проверка доказательств по делу, соответствующая оценка и проверка

следственных версий о возможности существования определенных обстоятельств, имеющих значение для расследования уголовного дела.

С помощью следственных действий лицам, осуществляющим предварительное расследование возможно получить и закрепить в материалах дела надежные фактические данные об обстоятельствах расследуемого происшествия.

Как показывает практика, своевременное подключение экспертов к планированию, подготовке и проведению следственных действий во многих случаях позволяет избежать назначения экспертиз и уменьшить нагрузку на экспертно-криминалистические подразделения, так же сокращаются сроки расследования.

При раскрытии преступлений и розыске лиц, их совершивших, большое значение имеет фиксация признаков внешности человека [3]. Наиболее распространенным способом фиксации указанных признаков является описание внешности по методу словесного портрета. Однако анализ практики розыска преступников показывает, что многие признаки внешности характеризуются как средние и поэтому использовать их достаточно эффективно для установления личности преступника бывает трудно, а часто и просто невозможно, так как в памяти человека создаются совершенно различные мысленные образы по одним и тем же признакам.

Более совершенным методом использования признаков внешности устанавливаемого является создание его субъективного портрета, когда имеется возможность вести розыск не только на основании информации о признаках внешности, но и по субъективному портрету - изображению разыскиваемого лица [4].

Основой субъективного портрета является мысленный образ внешности неизвестного лица, запечатленный в сознании видевших его людей.

Определение запаха человека в представленных на исследование одорологических объектах — важный аспект криминалистической одорологии, отвечающий интересам практики.

Известно, что свойства запахового комплекса человека, с одной стороны, обусловлены наследственностью (индивидуализирующие и определяющие вид особи компоненты — устойчивый, сохраняющийся в течение жизни признак), а с другой — подвижными, изменяющимися условиями существования индивида (определяют случайные свойства его запахового комплекса), которые учитываются при исследовании лишь как возможные помехи в работе с собаками-детекторами. Не успевшие улетучиться запаховые следы человека издавна используются в розыске преступников, но только появление возможности консервирования запахов с последующим их анализом принципиально расширяет перспективы установления причастных к преступлениям лиц по их запаховым отображениям.

В настоящее время разработана экспертная методика лабораторной одорологической идентификации человека при достижении объективного контроля со стороны исследователей за сигнальным поведением применяемых собак-детекторов. В этой связи обеспечение достоверности кинологического исследования делает возможным использование запаховых следов в уголовном судопроизводстве в качестве полноценных вещественных доказательств, экспертное исследование которых ведет к индивидуальной идентификации человека.

Необходимо отметить определенную специфику обращения с вещественными образованиями, не обнаруживаемыми визуально и даже с помощью технических средств. Кроме запахов, этой же особенностью характеризуются следы металлизации, наркотических веществ и другие объекты, не воспринимаемые человеком непосредственно, уголовно-процессуальный статус которых никем не оспаривается. Ряд ученых-криминалистов указывают, что обнаружение вещественных доказательств проводится, как правило, в ходе следственных (судебных) осмотров [5]. Однако если для этой цели нужны специальные криминалистические познания и сам факт наличия материального объекта требует особого исследования и вывода специалиста, то задача обнаружения вещественных доказательств может быть решена экспертом в лабораторных условиях. Именно таким образом выявляют текстильные волокна наложений, следы металлизации, запаховые следы и другие объекты, обнаружение которых невозможно или затруднено в процессе осмотра.

Эксперты и в дальнейшей своей профессиональной деятельности будут максимально реализовывать достижения науки и техники в борьбе с преступностью.

Пристатейный библиографический список

1. Барсукова Т. В. Неотложные следственные действия и ошибки при их производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Воронеж, 2003. - 35 с.
2. Еникеев М. И., Черных Э. А. Психология осмотра места происшествия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2009. - 68 с.
3. Тхакумачев Б. Ю. Тактико-организационные особенности участия специалиста при производстве следственных действий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Нальчик, 2005. - 134 с.
4. Шепель Н. В. Взаимодействие следователя с сотрудником экспертно-криминалистического подразделения при раскрытии и расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Барнаул, 2006. - 89 с.
5. Якимов Н. И. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2011. - 52 с.

СТАНОВАЯ Ольга Владимировна

преподаватель кафедры криминалистики Учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

ЧЕТВЕРОУС Алексей Николаевич

старший преподаватель кафедры огневой и физической подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ВЕЩЕСТВЕННЫМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ, СОДЕРЖАЩИМИ СЛЕДЫ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПОСЛЕДУЮЩИМ НАЗНАЧЕНИЕМ И ПРОВЕДЕНИЕМ ДНК-ЭКСПЕРТИЗ

Анализ следственной и экспертной практики показывает, что при осмотрах мест происшествий очень часто изымаются вещественные доказательства со следами биологического происхождения, такими как кровь, пот, волосы, слюна, сперма и т.д., по которым впоследствии назначаются ДНК-экспертизы.

Однако при работе с данными объектами, как на осмотрах мест происшествий, так и в лабораториях при производстве экспертиз нередко возникают ошибки, связанные с их обнаружением, фиксацией, изъятием, упаковкой, что в дальнейшем может привести либо к утрате следа, либо к выводу о невозможности решения вопроса, а также к загрязнению объекта исследования биологическими следами посторонних лиц.

В статье рассмотрены и разъяснены типичные ошибки, встречающиеся при работе со следами биологического происхождения, даны некоторые практические рекомендации по их изъятию и работе с ними.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, следы биологического происхождения, ДНК-экспертиза, изъятие вещественных доказательств.

STANOVAYA Olga Vladimirovna

lecturer of Criminalistics sub-faculty of Criminology of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the MIA of the Russia

CHETVEROUS Aleksey Nikolaevich

senior lecturer of Fire and physical training sub-faculty of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

FEATURES OF WORKING WITH MATERIAL EVIDENCE CONTAINING TRACES OF BIOLOGICAL ORIGIN, ASSOCIATED WITH THE SUBSEQUENT APPOINTMENT AND CONDUCT OF DNA EXAMINATIONS

An analysis of investigative and expert practice shows that during inspections of incident sites, material evidence with traces of biological origin, such as blood, sweat, hair, saliva, semen, etc., is often seized, for which DNA examinations are subsequently ordered.

However, when working with these objects, both at inspections of the scene of incidents and in laboratories during the production of examinations, errors often occur related to their detection, fixation, seizure, packaging, which in the future can lead either to the loss of a trace, or to the conclusion that solution of the issue, as well as to contamination of the object of study with biological traces of unauthorized persons.

The article discusses and explains the typical errors encountered when working with traces of biological origin, some practical recommendations are given for their removal and work with them.

Keywords: examination of the scene, traces of biological origin, DNA examination, seizure of physical evidence.

В настоящее время в следственной практике широкое значение получило назначение ДНК-экспертизы. Данная экспертиза назначается практически по всем уголовным делам и по различным преступлениям: кражи, причинения вреда здоровью, убийства, изнасилования и др.

Назначение ДНК-экспертиз вносит свои коррективы в правила работы с вещественными доказательствами, на которых находятся следы биологического происхождения.

При осмотре мест происшествий практически всегда на различных объектах обнаруживаются следы биологического происхождения, такие как кровь, сперма, слюна, пот, волосы и др. В последующем по данным объектам в большинстве

случаев назначаются ДНК-экспертизы, которые в настоящее время являются наиболее актуальными, а также позволяющими выявить конкретное лицо причастное к совершению преступления или совершившее его.

Следует знать и помнить о некоторых основных правилах проведения осмотра места происшествия и изъятия вещественных доказательств, которые диктует последующее назначение ДНК-экспертизы.

При осмотре и работе с вещественными доказательствами следует всегда использовать медицинские стерильные перчатки, медицинские маски и желательны одноразовые шапочки. Данное правило касается всех лиц участвующих

Становая О. В.

Четвероус А. Н.

в осмотре места происшествия, а также лиц, осматривающих вещественные доказательства или проводящих работу с ними.

Перчатки «защищают» вещественные доказательства прежде всего от следов пота, а также других биологических следов лица, производящего осмотр объекта или работающего с объектом. Не допускается при работе в стерильных перчатках с объектами, дотрагиваться руками до лица и других частей тела, на которых имеются следы пота, а также других объектов, и что особенно важно личных вещей - сотовых телефонов, ключей и др., на которых помимо следов пота могут быть и другие следы биологического происхождения. Потому что впоследствии на перчатках остаются следы пота и другие следы биологического происхождения, находящиеся на телефонах, ключах и др. объектах. А это могут быть не только следы пота, но и следы слюны, крови и др. Все это приводит к контаминации (загрязнению) объекта исследования биологическими следами других лиц (проводящих осмотр или работу с объектами), которые содержат их ДНК.

В дальнейшем при производстве экспертизы это ведет к выявлению ДНК-профиля не только лица, которое может быть причастно к совершению преступления, но и ДНК-профиля лица, проводившего осмотр или работу с объектами. А если биологический след преступника ничтожно мал, или содержит малое количество ДНК, то этом случае может быть выявлен только ДНК-профиль лица, проводившего осмотр или работу с объектом.

Кроме того, в крови и других биологических выделениях человека содержатся возбудители различных инфекций, таких как ВИЧ, сифилис, гепатит, туберкулез и др., которые наносят серьезный вред здоровью человека и вызывают заболевания, для успешного лечения которых применяются дорогостоящие, и имеющие побочные эффекты препараты. Поэтому перчатки необходимо использовать еще и для того, чтобы максимально защититься от вышеуказанных заболеваний. На практике нередко встречаются случаи заражения экспертов, например туберкулезом. Так как лица совершившие преступления зачастую принимают наркотики, ведут бродячий образ жизни, могут являться ранее судимыми, то это повышает вероятность того, что они могут иметь вышеуказанные заболевания, возбудители которых находятся в их биологических выделениях.

При работе с вещественными доказательствами, содержащими следы биологического происхождения (будь то осмотр места происшествия, изъятие объекта, упаковка или осмотр объекта экспертом), следует избегать лишних разговоров и обязательно использовать медицинскую маску. При разговоре слюна может попадать на окружающие объекты и, следовательно, вызывать контаминацию любых объектов. В следах слюны содержится достаточно большое количество ДНК, что ведет в дальнейшем при производстве экспертизы к выявлению ДНК-профиля лица, чьи следы слюны попали на объекты.

Одноразовые шапочки также необходимо использовать при работе с вещественными доказательствами, содержащими следы биологического происхождения. Это позволяет избежать случайного попадания волос лица, проводящего осмотр или работу с объектами, на вещественные доказательства.

Несоблюдение этих правил приводит к ошибкам - когда вместо ДНК преступника эксперт «находит» ДНК лиц, участвующих в осмотре места происшествия, или лиц, проводящих экспертизы до проведения экспертизы ДНК.

Нередко у экспертов, работающих на месте происшествия, возникает вопрос: следует ли изымать целиком вещественное доказательство со следами биологического происхождения, или допустимо сделать смыв, соскоб и т.д. Из практики проведения экспертиз ДНК можно сказать, что лучше всего изымать вещественное доказательство со следом биологического происхождения целиком, так как в этом случае у эксперта, проводящего экспертизу ДНК, имеется возможность работать с данным следом исходя из своего опыта работы со следами биологического происхождения на различных объектах. В этом случае, вероятность получения ДНК-профиля лица, оставившего след крови, даже размером 0,1 x 0,2 см велика.

Случай из экспертной практики: Гражданин П. нанес гражданину С. ножом телесные повреждения легкой степени тяжести. С места происшествия скрылся, взяв нож с собой, после чего помыл нож. Впоследствии гражданин П. был задержан, у него был изъят нож. При проведении экспертизы на обухе ножа было обнаружено одно пятно вещества бурого цвета, овальной формы, размерами 0,1 x 0,2 см. В результате проведения экспертизы ДНК, были сделаны следующие выводы: «На обухе ножа, представленного на исследование, имеется пятно крови, овальной формы, размерами 0,1 x 0,2 см (объект № 1), которое произошло от гражданина С. «

Смывы следует делать только в очень редких и исключительных случаях, поскольку при проведении данных действий теряется часть следа биологического происхождения. Если рассматривать след крови, имеющий достаточно маленькие размеры, с которого был сделан смыв на марлевый тампон, то в последующем при проведении экспертизы может случиться так, что возможно будет установить лишь наличие и вид крови, а для выделения ДНК-профиля, количество ДНК окажется недостаточным. Также в процессе проведения смыва след можно и «потерять».

Несоблюдение этих, казалось бы, простых правил на практике приводит к непоправимым ошибкам.

В заключении, как итог всему вышесказанному, хочется привести в пример высказывание заместителя руководителя отдела медико-биологических исследований Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации Фроловой С. А. в фильме «Проведение экспертиз методом ДНК-анализа»: «Используйте перчатки, шапочки и маски. И это будет большой наш успех в раскрываемости уголовных дел.»¹.

Соблюдения важных и простых правил при работе с вещественными доказательствами, содержащими следы биологического происхождения, не только на местах происшествий, но и в лабораториях, несомненно, будет способствовать расследованию и раскрытию преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Проведение экспертиз методом ДНК-анализа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Eq7nUhXJaYU> (дата обращения: 06.02.2022).

1 Проведение экспертиз методом ДНК-анализа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Eq7nUhXJaYU> (дата обращения: 06.02.2022).

ЮСУПОВ Артур Мансурович

аспирант кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ И ЛИЦАМИ, УЧАСТВУЮЩИМИ В ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ В КРЕДИТНО-ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ

Статья посвящена особенностям взаимодействия следователя на проверочном этапе рассмотрения сообщения о преступлении в кредитно-финансовой сфере. Выделены общие задачи и основные принципы взаимодействия следователя на этом этапе, особенности производства определенных следственных действий, в ходе производства проверки, идущей до возбуждения дела. Освещены основные проблемы взаимодействия следователя с иными органами на первоначальном этапе рассмотрения сообщений о преступлении в кредитно-финансовой сфере. Приведен анализ действующих норм уголовно-процессуального законодательства, имеющиеся проблемы при применении уголовно-процессуального института взаимодействия следователя с субъектами, принимающими участие на доследственном этапе в проверке сообщения о преступлении.

Ключевые слова: незаконная банковская деятельность, следователь, орган дознания, доследственная проверка.

YUSUPOV Artur Mansurovich

postgraduate student of Criminology sub-faculty of the Institute of Law of the Bashkir State University

INTERACTION OF THE INVESTIGATOR WITH THE AUTHORITIES AND PERSONS INVOLVED IN THE PROCEDURAL ACTIONS WHEN CHECKING THE REPORT OF A CRIME IN THE CREDIT AND FINANCIAL SPHERE

The article is devoted to the peculiarities of the investigator's interaction at the verification stage of consideration of a crime report in the credit and financial sphere. The general tasks and basic principles of the investigator's interaction at this stage, the peculiarities of the production of certain investigative actions, during the production of the inspection, going before the initiation of the case, are highlighted. The main problems of the investigator's interaction with other authorities at the initial stage of consideration of reports of a crime in the credit and financial sphere are highlighted. The analysis of the current norms of the criminal procedure legislation, the existing problems in the application of the criminal procedure institute of the investigator's interaction with the subjects participating in the pre-investigation stage in the verification of a crime report is given.

Keywords: illegal banking activity, investigator, body of inquiry, pre-investigation check.

Результатом проведения доследственной проверки по сообщению о преступлении в банковской сфере должно стать выявление места и времени совершения предполагаемой незаконной банковской деятельности (далее – НБД), которые определяются следователем по имеющимся в деле оперативного учета и иным материалам, подтверждающим значительную величину ущерба, причиненного преступлением физическим и юридическим лицам, а также – государству. Кроме того, устанавливается возможность и реальность фактов извлечения крупного дохода по месту физического нахождения, а также работы в виде собственно осуществления НБД [1]. На этом этапе следователь проверяет повод и выявляет наличие оснований, как это предусмотрено статьями 140-141 УПК РФ, что в совокупности с проблемами принятия правильного процессуального решения, требуют от следователя организации взаимодействия с органами и должностными лицами дознания, экспертами, специалистами и иными лицами, привлекаемыми на стадии доследственной проверки.

При этом общие положения криминалистической методики проверки сообщения о преступлении могут выступить в качестве концептуальной основы формирования родовой (групповой) и видовой методики расследования преступлений в рассматриваемой сфере, так как в обоих случаях применяются общие криминалистические категории, средства и методики [2].

Общие задачи взаимодействия на анализируемом проверочном этапе – формулируются, исходя из требований действующего законодательства:

– защита прав и законных интересов граждан и юридических лиц, потерпевших от преступлений, а кроме того

– личности от незаконного и необоснованного ограничения прав и свобод;

– координация (согласование) доследственных действий и ОРМ всеми участниками взаимодействия;

– достижение эффективности работы, т.е. стремление получить максимальный результат при минимуме затрат времени и ресурсов путем оптимизации расстановки (задействования) сил и средств, использование новейших применимых методов.

Взаимодействие на данном этапе строится на базе совокупности принципов:

– законности, приоритета прав и свобод человека и гражданина;

– планового характера и комплексности процессуальной деятельности следователя и ОРМ;

– тесного взаимодействия следователя с ему оперативным подразделением;

– независимости, самостоятельности и ответственности следователя за процессуальные решения и действий, как и ОРМ, осуществляемые на доследственном этапе.

Определенные сложности вызывает взаимодействие следователя с экспертами – криминалистами. В этой связи Е. Р. Россинская и А. М. Зинин обосновано отмечают насущность задачи унификации законодательства о судебно-экспертной деятельности независимо от вида процесса [3].

Положения ст. 144 УПК РФ позволяют следователю назначать судебную экспертизу в ходе проверки сообщения о преступлении, то есть до возбуждения уголовного дела. К сожалению, эти положения используются крайне редко, поскольку после возбуждения уголовного дела в случае заявления ходатайства стороны защиты или потерпевшего

следователь обязан назначить дополнительную либо повторную экспертизу. Указанное порой является причиной затягивания сроков расследования уголовных дел и тратой сил, времени судебно-экспертных организаций и средств государственного бюджета [4].

Традиционно, до принятия следователем в рамках его полномочий процессуального решения в порядке ст. 140-146 УПК РФ при выявлении достаточных данных, которые бы указывали на признаки НБД, большую часть работы, а именно – поиск, предварительную проверку и оценку полученных материалов осуществляют сотрудники отделов по противодействию преступлениям в сфере экономики.

В данном случае такая предварительная проверка не имеет критериев полноты, а в определенной мере, и объективности, т.к. объективно, т.е. доказательно, на этом этапе подтвердить выявленный факт НБД не требуется. Собранные материалы должны лишь содержать достаточные данные, указывающие на признаки преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ.

Когда сбор материалов осуществляется на основе оперативных данных, их реализация требует соблюдения предусмотренного регламента, в части ознакомления оперативным работником, в соответствии с требованиями ФЗ «Об ОРД» начальника следственного органа, а также следователя, для получения их оценки их с позиции достаточности полученных данных для вынесения процессуального решения в рамках статей 140-146 УПК РФ.

При сплошной проверке ежедневно поступающих в дежурную часть ОВД заявлений и сообщений о происшествиях и преступлениях важную роль играет организация взаимодействия в рамках, создаваемых в отделах полиции дежурных следственно-оперативных групп (СОГ) в составе дежурных сотрудников ОВД: следователя ОВД, оперативного работника, специалиста-криминалиста, а также участкового уполномоченного полиции. Также к работе в составе дежурной СОГ привлекаются (при необходимости) инспектор-кинолог и сотрудник ГИБДД.

Следователь, действуя в составе оперативной группы и взаимодействуя с её членами, а также – в целом с органом дознания, имеет полномочия на дачу на месте происшествия устных поручений оперативным сотрудникам, направляя действия которых по получению дополнительной информации, ОРМ. Если возникает потребность в производстве следственных, а также прочих, предусмотренных законом процессуальных действий, либо в интересах проверки необходимо содействие сотрудников ОВД, следователь имеет полномочие направить запрос руководителю органа дознания об уголовно-процессуальной помощи (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ и ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Такие требования следователя, а также его поручения и запросы на последующем этапе обязательны для соответствующих отделов ОВД, а также других лиц и организаций (ч. 4 ст. 21 УПК РФ).

Рассматриваемую совокупность норм УПК РФ в составе ч. 4 ст. 21, п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 1 ст. 144 УПК РФ российские авторы определяют как отраслевой уголовно-процессуальный институт взаимодействия следователя с ОВД [5] на рассматриваемом этапе. Учитывая, что указанные нормы прямо не регламентируют процесс и/или порядок рассматриваемого взаимодействия, это фактически игнорирует межотраслевую специфику отношений.

Комплексный анализ действующих сегодня норм анализируемого уголовно-процессуального института взаимодействия следователя со всеми субъектами, принимающими участие на последующем этапе в проверке сообщения о преступлении выявляет дефицит информации в части оснований для дачи следователем примененных в этой ситуации поручений органу дознания. В той же мере здесь не просматривается сколько-нибудь определенный процессуальный порядок вынесения описываемого поручения, равно как и не

указаны временные рамки его исполнения. То же касается и объема, который определяется для производства следственных и всех прочих процессуальных действий (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), планируемых и проводимых на этапе до возбуждения уголовного дела.

В этой ситуации усматривается противоречие между уголовно-процессуальными нормами, которые дают право органу дознания вести ОРМ на этапе проверки сообщения и, соответственно, содержанием ст. 13 ФЗ «Об ОРД», где указаны (перечислены) субъекты ОРД.

Принимая во внимание положения ч. 1 ст. 152 УПК РФ предварительное расследование должно идти по месту совершения деяния, которое содержит (что выявляется до следственной проверкой) признаки преступления. Закон допускает, если в этом есть необходимость, проводить следственные действия в других местах, которые, как установлено, могут указать на события или причастных лиц, следователь может как производить их лично, так и поручить органу дознания.

Если применить аналогию к рассматриваемому в параграфе этапу, то следователь в данном случае полномочен давать поручения органу дознания выполнять отдельные действия, когда, по объективным причинам лично их выполнить не в состоянии. На практике обычно это осмотр места происшествия, а также осмотры и изучение предметов и документов, а также иные, допустимые законом для данного этапа действия. Также аналогично порядку действий в ходе предварительного следствия, может быть рассчитан и срок исполнения поручения следователя органом дознания. В данном случае, при проверке сообщения о преступлении он не может выходить за рамки предельно допустимых процессуальных сроков, регламентированных для анализируемой стадии (3, 10, 30 суток).

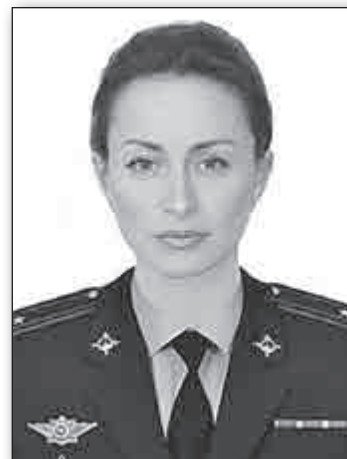
Помимо производства определенных следственных действий, в ходе производства проверки, идущей до возбуждения дела, следователь полномочен давать органу дознания разного рода поручения на осуществление конкретных, точно им указанных процессуальных действий, когда по объективным причинам сам он их выполнить не может. Принимая во внимание смысл ч. 1 ст. 144 УПК РФ под «иными» процессуальными действиями подразумеваются получение разного рода объяснений (статус которых остается предметом дискуссии), а также истребование и последующее исследование, равно как и изъятие документов и предметов в порядке, который определен УПК РФ.

Пристатейный библиографический Список

1. Олимпиев А. Ю., Стражникова О. М. Методические рекомендации по расследованию преступлений в кредитно-банковской сфере (статья 172 УК РФ) // Вестник МУ МВД России. - 2019. - № 2. - С. 170-177.
2. Халиков А. Н. Теория и практика выявления и расследования должностных преступлений: криминалистический аспект: дисс. д-ра юрид. наук. - Уфа, 2011. - С. 503.
3. Россинская Е. Р., Зинин А. М. История становления и развития института судебной экспертизы в России // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. - 2015. - № 12. - С. 18-37.
4. Аминев Ф. Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: автореф. дис... канд. юрид. наук. - Уфа, Башкирский государственный университет, 2016. - С. 164.
5. Супрун С. В., Мирземетов С. А. Взаимодействие следователя органов внутренних дел с оперативным подразделением МВД России при проверке сообщений о преступлениях // Вестник СПбУ МВД России. - 2014. - № 4 (64). - С. 48-54.

НАГОЕВА Марина Ауесовна

доктор педагогических наук, профессор кафедры специально-технической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

Нагоева М. А.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЛЕДОВ ПЕРЧАТОК

В настоящей научной статье исследованы вопросы применения технико-криминалистических средств, позволяющих повысить эффективность поиска следов пальцев рук при производстве следственных действий.

Представлены результаты способов выявления следов перчаток различной давности, указанной группы, известными и новыми альтернативными методами, и средствами. При работе со следами перчаток необходимо учитывать то обстоятельство, что эти следы зачастую содержат в себе более мелкие детали, чем следы папиллярных узоров, поэтому с ними нужно проявлять еще большую осторожность, чтобы отображения деталей следа (переплетения ткани, вязки и др.) не были уничтожены или забиты излишним количеством порошка.

Следы перчаток могут быть успешно использованы в раскрытии и доказывании преступлений, создании на их основе доказательственной базы.

Ключевые слова: криминалистика; следы пальцев рук; идентификация; экспертная деятельность, следы перчаток.

NAGOEVA Marina Auyesovna

Ph.D. in pedagogical sciences, professor of Special technical training sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

TOPICAL ISSUES OF GLOVE TRACE RESEARCH

In this scientific article, the issues of the use of technical and forensic tools to improve the efficiency of the search for traces of fingers in the production of investigative actions are investigated.

The results of methods for detecting traces of gloves of various ages, the specified group, known and new alternative methods and means are presented. When working with traces of gloves, it is necessary to take into account the fact that these traces often contain smaller details than the traces of papillary patterns, therefore, even greater care should be taken with them so that the displays of trace details (fabric interlacing, knitting, etc.) are not destroyed or clogged with an excessive amount of powder.

Glove marks can be successfully used in the detection and proof of crimes, the creation of an evidence base based on them.

Keywords: criminalistics; finger marks; identification; expert activity, glove marks.

Согласно статистическим данным МВД РФ в январе – сентябре 2021 года зарегистрировано 1521,5 тыс. преступлений, или на 1,2% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 34 субъектах Российской Федерации, снижение – в 51 субъекте [1].

Следы пальцев рук по-прежнему остаются одним из самых эффективных и распространенных способов идентификации личности. Однако прежде чем приступить к работе со следами, необходимо их обнаружить и выявить. С такой проблемой специалистам часто приходится сталкиваться при осмотре места происшествия. Не каждую группу следов пальцев рук возможно выявить при помощи имеющихся традиционных технико-криминалистических средств. Так на сегодняшний день остается актуальным вопрос о совершенности преступлений лицами в перчатках.

Исследование следов перчаток в криминалистической практике приобрело большую актуальность после многочисленных литературных публикаций и выпуска различного рода кино- и видеопроизведений об использовании правоохранительными органами дактилоскопических объектов, в первую очередь следов рук, для установления лиц, причастных к совершению преступления. Из анализа экспертной практики за последние годы криминалисты сделали однозначный

вывод: одним из перспективных направлений раскрытия и доказывания преступлений является поиск следов перчаток на местах происшествий и их исследование в криминалистических лабораториях органах внутренних дел, создание банка данных и оперативно-справочных коллекций.

Работа со следами перчаток строится аналогично работе со следами рук [2]. Для обнаружения и изъятия следов перчаток на месте происшествия применяется та же методика. Проведенные эксперименты и практика показывают, что в основном выбор порошков, жидких и газообразных реактивов для выявления, усиления и фиксации следов перчаток зависит от материала следообразующей поверхности. Хорошие результаты дают магнитные порошки на основе железа, окиси цинка, порошок алюминия, топаз, малахит. Следы на бумаге и картоне могут быть успешно выявлены такими реактивами, как пары йода, нингидрин, азотно-кислородное серебро.

При работе со следами перчаток необходимо учитывать то обстоятельство, что эти следы зачастую содержат в себе более мелкие детали, чем следы папиллярных узоров, поэтому с ними нужно проявлять еще большую осторожность, чтобы отображения деталей следа (переплетения ткани, вязки и др.) не были уничтожены или забиты излишним количеством порошка. Надо проявлять осторожность также при

чистке следа кисточкой, чтобы не стереть его особенности или сам след.

Обнаружив на месте происшествия следы, перчаток, не следует сразу же делать вывод, что следы пальцев искать не стоит. Практика показывает, что даже опытные преступники, работая в перчатках, все-таки могут, в зависимости от обстоятельств, оставить и следы рук; когда же преступление совершается группой лиц, то часть из них прикрывает руки, а часть работает без прикрытия. На стадии предварительного исследования решаются вопросы, пригоден ли след для сравнительного исследования, оставлен он верхней одеждой человека или перчатками, какой частью верхней одежды человека мог быть оставлен след (или перчаткой на какую руку); по возможности определяется расположение тела, пальцев и ладоней рук человека относительно следовоспринимающего объекта. Данный вопрос очень важен в дальнейшем при сравнительном исследовании следа с представленным объектом, так как зачастую на месте происшествия специалистами изымаются фрагментарные следы небольшого размера.

Изучая следы перчаток на месте происшествия, можно ответить на такие вопросы, как: из какого материала изготовлены перчатки; какими швами они сшиты; отобразились ли в следах какие-либо особенности, которые можно использовать для розыска преступников; не могли ли на перчатках преступника остаться частицы вещества с поверхности, на которой обнаружены следы, и др. Решение этих вопросов важно для организации розыска преступников по «горячим следам».

По следам перчаток можно в определенной степени сузить круг подозреваемых лиц. В него будут входить лица, имеющие определенные перчатки (кожаные, трикотажные вязаные, трикотажные шитые и др.) [3]. Все эти вопросы входят в компетенцию специалиста-криминалиста и могут быть успешно разрешены уже в ходе осмотров мест происшествия на стадии предварительного исследования обнаруженных следов перчаток.

Для розыска преступника по «горячим следам» полезна полученная специалистом в результате исследования информация о дефектах перчаток либо других характерных особенностях, которые отобразились в следах. Успех поисков оперативников во многом зависит от двух факторов: уровня их осведомленности об этих дефектах и особенностях; от оперативности передачи специалистом криминалистической информации и быстроты ее использования в розыскных мероприятиях. В противном случае дефекты и другие особенности перчаток могут быть подвергнуты изменениям либо быть полностью уничтожены, как и сами перчатки. С учетом этого, при проведении оперативно-розыскных мероприятий специалисты ориентируют оперативный состав на необходимость соблюдения максимальной осторожности и зашифрованности. В случае необходимости оперативного получения сравнительных образцов проверяемых перчаток привлекается специалист ЭКП, который использует уже имеющуюся отработанную методику и следовоспринимающий материал.

После предварительного исследования следы перчаток на месте происшествия нужно обязательно сфотографировать с масштабной линейкой. При этом необходимо показать предмет, на котором находятся следы, общий вид следов и каждый след в отдельности с увеличением [4]. Изымаются следы перчаток так же, как и следы рук. Предпочтение отдается изъятию следа с объектом-следоносителем для сохране-

ния микропризнаков и получения в лабораторных условиях качественных фотоснимков.

В случае, когда по не зависящим от специалиста причинам не удастся изъять след вместе с объектом, следы перчаток копируются с помощью дактилоскопической пленки либо ленты скотч (с неровных и шероховатых поверхностей). Следы, выявленные светлым порошком, лучше изымать на темную дактилоскопическую пленку, а темным порошком – на светлую. В крайнем случае допускается изъятие следов, сформированных темным порошком, на темную дактилопленку.

Со экспертами-трасологами проводятся занятия, где детально изучаются идентификационные признаки перчаток, начиная с общих признаков, характеризующих и конкретизирующих материал перчаток и способы их изготовления, признаки отделки трикотажного полотна и вязанных печаток; а также детально отрабатываются частные признаки: естественные и производные признаки, признаки носки и другие дефекты. Эксперт на всех этапах работы с перчатками, представляемым в качестве сравнительного образца принимает меры к сохранению микроволокон и биологических выделений с рук для их дальнейшего использования при проведении исследований.

Следы перчаток могут быть успешно использованы в раскрытии и доказывании преступлений, создании на их основе доказательственной базы.

Недооценка следов перчаток объясняется тем, что некоторые эксперты не умеют работать с такими объектами, не уделяют им серьезного внимания, а акцентируют свое внимание на поиск и изъятие следов рук, рассчитывают на некавалифицированного преступника.

Однако, как показывает экспертная практика значение следов перчаток велико. По ним есть возможность установить групповую принадлежность перчаток, сузить и ограничить круг подозреваемых лиц, производить розыск скрытых преступников, идентифицировать перчатки.

Пристатейный библиографический список

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-сентябрь 2021 года // Министерство Внутренних Дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр».
2. Корноухов В. Е., Анциферов В. К., Морозов Г. П. и др. Дактилоскопическая экспертиза: Современ. состояние и перспективы развития. - Красноярск: Изд-во Краснояр. унта, 1990. - С. 42-48
3. Харламова О. А. Особенности применения современных дактилоскопических порошков для выявления следов пальцев рук на различных поверхностях // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. - 2015. - № 2. - С. 61-65.
4. Прокофьева Е. В., Якутина О. С. Новые возможные средства выявления следов пальцев рук, в том числе оставленных жировыми загрязнениями // Криминалистическая техника. - Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2017. - С. 71-73.

АХИЯРОВ Роберт Айратович

старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

НИКОЛАЕВ Николай Юрьевич

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Уральского юридического института МВД России

КОШЕВЕЦ Геннадий Владимирович

начальник учебного отдела Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России

О ВОПРОСАХ ГОТОВНОСТИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ К ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ СИТУАЦИЯМ

Ежедневно сотрудники органов внутренних дел выполняют свои обязанности по защите жизни и здоровья граждан, сохранение имущества, обеспечение безопасности и общественного порядка, в том числе применяя огнестрельное оружие и специальные средства. Важным условием является готовность сотрудника органов внутренних дел исполнять обязанности в условиях чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, когда каждое действие, прием и правила жизнеобеспечения от неблагоприятных внешних факторов, будут влиять на сохранение жизни и здоровья себя и окружающих граждан. Поэтому готовность сотрудника к различным чрезвычайным ситуациями на территории России является важной составляющей для обеспечения безопасности граждан и общественного порядка.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, безопасность, регион, место, сотрудник, жизнь, здоровье.

AKHIYAROV Robert Ayratovich

senior lecturer of Fire and tactical-special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

NIKOLAEV Nikolay Yurjevich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

KOSHEVETS Gennadiy Vladimirovich

head of the training department of the Ufa school for training of specialists-cynologists of the MIA of Russia

ON THE ISSUES OF READINESS OF AN EMPLOYEE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES FOR EMERGENCY SITUATIONS

On a daily basis, employees of the internal affairs bodies carry out their duties to protect the life and health of citizens, preserve property, ensure security and public order, including using firearms and special means. An important condition is the readiness of an employee of the internal affairs bodies to perform duties in emergency situations of a natural and man-made nature, when every action, reception and rules of life support from adverse external factors will affect the preservation of life and health of themselves and surrounding citizens. Therefore, the employee's emergency preparedness for various emergencies on the territory of Russia is an important component for ensuring the safety of citizens and public order.

Keywords: emergency, security, region, location, employee, life, health.

Сотрудники органов внутренних дел ежедневно выполняют задачи, стоящие перед ними, в том числе в условиях чрезвычайных ситуаций. Деятельность сотрудников органов внутренних дел имеет существенную специфику, так как в указанных условиях им необходимо не только уметь применить оружие, специальные средства, следить за соблюдением норм действующего законодательства, но и по возможности использовать приемы и правила жизнеобеспечения себя и окружающих граждан не только от преступников и правонарушителей, но и от неблагоприятных внешних факторов, которые могут произойти на территории нашей страны, в том числе незнакомого региона (отдых, командировка). В связи с этим сотрудник полиции должен быть готов к разным ситуациям и ему обязательно пригодятся глубокие теоретические знания, тактическая, огневая, техническая и физическая подготовка, морально-волевые и психологические качества [2; с. 21].

Согласно Государственного доклада «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2020 году» [1; с. 13] число погибших людей в результате чрезвычайных ситуаций в 2020 году составляет 326 человек, из которых: при чрезвычайных ситуациях техногенного характера пострадало – 322 человека, что является 98,8 % от общего количества погибших; при чрезвычайных ситуациях природ-

ного характера – 4 человека, что составляет 1,2 % от общего количества погибших. Количество людей, пострадавших в результате чрезвычайных ситуаций в 2020 году составило 6 257 человек, из которых: при чрезвычайных ситуациях техногенного характера пострадало – 1 727 человек, что составляет 27,6 % от общего количества пострадавших; при чрезвычайных ситуациях природного характера – 4 366 человек, что составляет 69,8 % от общего количества пострадавших; при чрезвычайных ситуациях биолого-социального характера – 164 человека, что составляет 2,6 % от общего количества пострадавших.

Анализируя апробированные данные вероятных угроз чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, которые безусловно подвергают опасности жизнь и здоровье сотрудника полиции и иных граждан стоит отметить, что приведенные ниже угрозы возникают во внештатных ситуациях и при критически внешних угрозах. Естественно их наступление не всегда удаётся прогнозировать, однако в силах подготовиться к их наступлению.

К первой группе угроз относятся чрезвычайные ситуации природного характера. К общим угрозам природного характера относятся: гелиокосмические (магнитные бури), геолого-геоморфологические (сели, обвалы, землетрясения, цунами, потоки вулканических лав и пепла, камнепады, оползни, водо-снежные потоки, лавины), климатические или

гидрологические (тайфуны, смерчи, ураганы штормы, снегопады, метели, изморозь, обледенение, засухи).

Анализируя наиболее вероятные угрозы природного характера, в которые может попасть сотрудник органов внутренних дел при выполнении оперативно-служебных задач стоит отметить: сели, обвалы, оползни, землетрясения, бури, ураганы, сильный дождь, сильный снегопад, крупный град, засуха, сильное наводнение, паводок, крупные природные пожары.

Вторая группа угроз – чрезвычайные ситуации техногенного характера: аварии и техногенные катастрофы (взрывы, обрушение зданий, затопления, пожары, нарушения систем жизнеобеспечения, крушение транспортных средств, выбросы опасных веществ (радиоактивных, химических, биологических)).

Наиболее вероятные угрозы техногенного характера: дорожно-транспортные происшествия с тяжкими последствиями, взрывы в зданиях, на коммуникациях, технологическом оборудовании промышленных объектов; взрывы в зданиях и сооружениях жилого, социально-бытового и культурного назначения; аварии грузовых и пассажирских поездов; аварии грузовых и пассажирских судов; авиационные катастрофы, аварии с выбросом (угрозой выброса) аварийно-химически опасных веществ; аварии с выбросом (угрозой выброса) радиоактивных веществ; внезапное обрушение зданий, сооружений, пород; обрушение зданий и сооружений жилого, социально-бытового и культурного назначения; аварии на коммунальных системах жизнеобеспечения.

По нашему мнению, стоит кратко рассмотреть наиболее встречающиеся природные чрезвычайные ситуации и перечислить места Российской Федерации, где их возникновение возможно с большей вероятностью.

Оползень, явление преимущественно распространено в горных районах, на территориях таких Республик (Адыгея, Дагестан, Ингушетия и т.д.), краях (Красноярском, Забайкальском), областях (Иркутской, Курганской, Сахалинской, Свердловской и т.д.), Кольском полуострове, Курильских островах.

Сели распространены, в частности, в Республиках (Бурятия, Дагестан, Крым, Чеченской Республике), краях (Камчатском, Краснодарском).

Возникновение такого явления как обвал можно наблюдать в Республиках (Бурятия, Крым) и Камчатском крае.

Землетрясение наблюдается на Северном Кавказе, отдельных территориях Дальнего Востока и Сибири.

Бури и ураганы чаще всего встречаются в Камчатском, Приморском и Хабаровском краях, в Сахалинской области, Чукотском автономной округе и Курильских островах.

Сильный дождь и сильный снегопад могут наблюдаться практически во всех регионах Российской Федерации.

Наибольший риск возникновения чрезвычайной ситуации, связанных с крупным градом возможен в следующих Республиках (Крым, Северная Осетия-Алания), краях (Краснодарский, Ставропольский), области (Оренбургская и Самарская).

Засуха более вероятна в Республике Крым, Краснодарском крае, Астраханской, Белгородской, Брянской, Калужской, Курской, Липецкой, Орловской и Смоленской областях.

Среди больших городов лидерами по затоплениям являются: Усурийск (Приморский край), Благовещенск (Амурская область), Великий Устюг (Вологодская область) и Аткарк (Саратовская область).

Больше всего от природных пожаров страдают в Республике Марий Эл и Республике Саха (Якутия) — в них регулярно вводится режим чрезвычайной ситуации. Напряженная ситуация в Республике Мордовия, Иркутской, Сахалинской, Свердловской и Челябинской областях, а также в Чукотском автономном округе.

Рассматривая техногенные чрезвычайные ситуации, стоит отметить, что их возникновение возможно практически в каждом регионе нашей страны, где находятся любые системы жизнеобеспечения, производства и проходят дороги, железнодорожные пути, речное и морское судоходство.

Так, согласно данным Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России) [1; с. 27] по виду источников чрезвычайных ситуаций техногенного характера:

– аварий на коммунальных системах жизнеобеспечения составляет в 2020 г. – 12, в 2019 г. – 6;

– аварий грузовых и пассажирских поездов составляет в 2020 г. – 8, в 2019 г. – 10;

– авиационных катастроф в 2020 г. – 28, в 2019 г. – 28;

– ДТП с тяжкими последствиями было в 2020 г. – 82, в 2019 г. – 119;

– взрывов в зданиях и сооружениях жилого, социально-бытового и культурного назначения составляет в 2020 г. – 11; за 2019 г. – 11.

Аккумулируя данные в области возможных чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, стоит отметить, что каждый федеральный округ, субъект и даже город имеет свои специфические особенности. Обуславливаются они климатическими условиями, инфраструктурой, географическим положением и ландшафтом, которые и влияют на возникновение чрезвычайных ситуаций.

Проанализировав каждую территориальную единицу через призму возможных угроз, необходимо сказать, что Уральский федеральный округ признан самым благоприятным и безопасным для проживания, отдыха и для ведения сельского хозяйства. Здесь не наблюдаются природные и техногенные катастрофы глобального характера, однако сильные ветра, наводнения и паводки могут встречаться. Возникшие чрезвычайные ситуации, естественно, наносят глобальный материальный, моральный и физический ущерб. Поэтому стоит обратить особое внимание на способы и меры защиты населения от природных и техногенных опасностей.

Стоит отметить, что противостоять стихийным бедствиям во многих случаях не представляется возможным, однако обеспечение комплексных мер по противодействию чрезвычайным ситуациям разработать реально.

По нашему мнению, необходимо проводить более глубокую и эффективную работу при подготовке обучающихся на занятиях по профессиональной и служебной подготовке сотрудников органов внутренних дел, в целях их подготовки к максимально приближенным и возможным чрезвычайным ситуациям в регионе.

Пристатейный библиографический список

1. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2020 году». - М.: МЧС России. ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2021.
2. Проблемы и алгоритмы обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел в ситуациях, связанных с применением огнестрельного оружия: учебно-практическое пособие / А. А. Романов, Р. А. Ахияров, В. И. Давлетов, Р. Р. Музафин; Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. - Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2020. - 31 с.

БОГДАНОВ Алексей Викторович

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации деятельности органов внутренних дел Центра командно-штабных учений Академии управления МВД России

КОЧНЕВ Александр Александрович

слушатель 2 факультета Академии управления МВД России

РОЛЬ СОВРЕМЕННОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОПТИМИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются актуальные вопросы совершенствования информационно-аналитической работы в органах внутренних дел Российской Федерации, в части определения перспектив внедрения современного программного обеспечения в единую систему информационно-аналитического обеспечения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации (ИСОД МВД России). Существенное увеличение информационных массивов, требующих обработки, структурирования и анализа, в рамках повседневной деятельности органов внутренних дел, обуславливает необходимость дальнейшей оптимизации ресурсов ИСОД МВД России. При этом важное значение имеет обеспечение оперативного доступа к ресурсам ИСОД МВД России уполномоченных должностных лиц системы МВД России со своих автоматизированных рабочих мест (АРМ). Внедрение современного программного обеспечения позволит расширить возможности ИСОД МВД России и обеспечить к её ресурсам санкционированный доступ пользователей АРМ.

Ключевые слова: информационно-аналитическая работа, автоматизированное рабочее место, органы внутренних дел, программное обеспечение, информационные технологии, информационная система.

BOGDANOV Aleksey Viktorovich

Ph.D. in Law, associate professor of Organization of the activities of the internal affairs bodies sub-faculty of the Center for Command Staff Trainings of the Academy of Management of the MIA of Russia

KOCHNEV Aleksandr Aleksandrovich

student of the 2nd Faculty of the Academy of Management of the MIA of Russia

THE ROLE OF MODERN SOFTWARE IN THE PROCESS OF OPTIMIZING INFORMATION AND ANALYTICAL WORK IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with topical issues of improving information and analytical work in the internal affairs bodies of the Russian Federation, in terms of determining the prospects for the introduction of modern software into the unified system of information and analytical support for the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (ISOD of the Ministry of Internal Affairs of Russia). A significant increase in information arrays requiring processing, structuring and analysis, within the framework of the daily activities of the internal affairs bodies, necessitates further optimization of the resources of the ISOD of the Ministry of Internal Affairs of Russia. At the same time, it is important to ensure prompt access to the resources of the ISOD of the Ministry of Internal Affairs of Russia by authorized officials of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia from their automated workstations (APMs). The introduction of modern software will expand the capabilities of the ISOD of the Ministry of Internal Affairs of Russia and provide authorized access to its resources for ARM users.

Keywords: information and analytical work, automated workplace, internal affairs bodies, software, information technology, information system.

Информационно-аналитическая работа является одним из важных направлений в практической деятельности системы МВД России. От ее качества в значительной степени зависит успешное выполнение поставленных перед органами внутренних дел задач по обеспечению общественного порядка и противодействию преступности. В настоящее время приказом МВД России от 26 сентября 2018 г. № 623, в целях совершенствования информационно-аналитической работы в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, утверждена Инструкция по организации информационно-аналитической работы в управленческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Данной Инструкцией определены основы организации и осуществления информационно-аналитической работы в органах внутренних дел.

Представляется справедливым суждение П. Н. Жуковой, В. А. Насоновой о том, что автоматизация информационно-ана-

литического обеспечения деятельности является приоритетным направлением в развитии системы МВД России [3, с. 21]. В. А. Колесников озвучил тезис о прямой взаимосвязи эффективности ведомственного управления и качественного информационно-аналитического обеспечения деятельности органов внутренних дел [4, с. 103].

В этой связи полагаем возможным отнести к числу важнейших направлений совершенствования информационно-аналитической работы в органах внутренних дел – использование в служебной деятельности органов (организаций, подразделений) в системе МВД России возможностей интегрированных банков данных аналитической информации ориентирующего, стратегического, доказательственного характера.

Информационные технологии в настоящее время активно проникли во все сферы деятельности современного общества, их использование прочно вошло в практику функциониро-

Богданов А. В.

Кочнев А. А.

вания всех без исключения социальных систем и институтов. Широко применяются информационные технологии и в деятельности российской полиции, причем область их применения ежегодно возрастает, что обусловлено их стремительным ростом и высокой степенью модернизации. Вместе с тем внедрение информационных технологий в систему МВД России существенно затрудняют ряд материально-технических и организационных проблем, которые снижают положительную динамику данного процесса. Так, к числу проблемных вопросов в рассматриваемой сфере можно отнести следующие:

– отсутствие автоматизированных рабочих мест у ряда сотрудников, либо одно автоматизированное рабочее место (далее по тексту – АРМ) на несколько сотрудников;

– несоответствие имеющихся автоматизированных рабочих мест предъявляемым техническим требованиям на современном этапе, не поддерживающие программное обеспечение, находящееся в пользовании системы МВД России;

– появление отечественного программного обеспечения (операционные системы Astra Linux, Мой Офис), влекущее возникновение ряда проблем, одной из которых явилось отсутствие практического опыта работы с данным программным обеспечением сотрудников ОВД.

Анализ приведенной выше проблематики позволяет прийти к выводу о том, что помимо совершенствования технического оснащения АРМ, необходимо введение в вузах ведомственного профиля и в системе профессиональной подготовки личного состава органов внутренних дел курсов обучения работе с внедряемым программным обеспечением.

Информационно-аналитическая работа органов внутренних дел строится на системной основе, что предполагает наличие целей, задач и принципов её организации. Необходимость её постоянного совершенствования разделяется такими учеными – специалистами как А. Д. Ульяновым [7], А. В. Богдановым [1], Е. Е. Новичковой, В. Г. Сорокой [6] и другими.

Стремительность развития информационных и телекоммуникационных технологий предопределила заметное отставание в законодательном регулировании возникших в этой связи социальных отношений. Например, как справедливо отмечено Н. В. Лукашовым, функциональные возможности размещения и передачи информации в сети Интернет обусловили появление огромного спектра до настоящего времени нерешенных проблем в сфере авторских прав, защиты персональных данных, отдельных аспектов деятельности средств массовой информации и многие другие [5, с. 181].

Важнейшим условием эффективной организации информационно-аналитической работы в системе МВД России, на наш взгляд, является создание интегрированных банков данных аналитической информации, автоматизация информационно-аналитического обеспечения деятельности полиции, что лежит в основе вектора развития системы МВД России.

Информатизация деятельности органов внутренних дел в рамках единого информационного пространства МВД России, легла в основу концепции создания единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации (ИСОД МВД России), состоящей из совокупности прикладных сервисов обеспечения повседневной и оперативно-служебной деятельности полиции. Данная система выступает технологической платформой для дальнейшего развития современных информационных технологий органов внутренних дел, путем расширения перечня действующих сервисов и совершенствования уже функционирующих. В качестве автономного направления развития автоматизации информационно-аналитического обеспечения органов внутренних дел нами предлагается рассматривать организацию оперативного доступа сотрудников к сервисам ИСОД МВД России.

Текущие изменения в деятельности органов внутренних дел, обусловленные появлением новых форм и способов совершения преступлений и другими качественными изменениями оперативной обстановки, обуславливают необходимость совершенствования системы их информационного обеспечения, внедрением в неё новых современных информационных технологий. Как справедливо отмечено А. А. Долгополовым, А. А. Белоконом совершенствование деятельности органов внутренних дел, на основе внедрения новейших информационных технологий, не сводится исключительно к решению технических задач. Так, анализ эмпирической базы свидетельствует о важном значении вопросов их административно-правового регулирования, которое определяет способность имеющихся ин-

формационных технологий стать основой информационного обеспечения деятельности полиции [3, с. 16].

В соответствии с ч. 1 ст. 12.1 Федерального Закона Российской Федерации от 27.06.2006 года № 149-ФЗ (в редакции от 30.12.2021г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» к числу приоритетных задач развития федеральных органов исполнительной власти государства отнесены следующие:

– переход на использование отечественного офисного программного обеспечения, включенного в единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных;

– применение отечественной инфраструктуры, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме, при использовании возможностей «облачных» технологий хранения и передачи информации.

Решение данных задач определяет необходимость создания передового современного программного обеспечения и использование его в деятельности органов государственной власти, в систему которых включены, в числе прочих, также органы внутренних дел.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам:

1. Успешному решению задач информационно-аналитической работы в органах внутренних дел будет способствовать интеграция автоматизированных централизованных оперативно-справочных, розыскных и криминалистических учетов в единое ведомственное информационно-телекоммуникационное пространство на платформе ИСОД МВД России, с предоставлением возможности оперативного доступа к её информационным ресурсам (интегрированным банкам данных федерального и регионального уровня) сотрудников органов внутренних дел непосредственно с рабочих мест в режиме реального времени.

2. Используемые в системе МВД России информационные технологии в настоящее время не позволяют в полном объеме аккумулировать в ИСОД МВД России необходимую служебную информацию, а также обеспечить к ней оперативный доступ уполномоченных должностных лиц, что требует разработки и использования в информационно-аналитической работе ведомства передового программного обеспечения.

Пристатейный библиографический Список

1. Богданов А. В. Роль и место системного анализа в процессе управления органами внутренних дел Российской Федерации // В сборнике: Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы. Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. - Москва, 2021. - С. 58-64.
2. Долгополов А. А., Белоконов А. В. О теоретических проблемах административно-правового регулирования информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел // Общество и право. - 2016. - № 3 (57). - С. 165-170.
3. Жукова П. Н., Насонова В. А. Направления улучшения информационно-аналитического обеспечения деятельности органов внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. - 2018. - № 3. - С. 21-24.
4. Колесников В. А. Информационно-аналитическое обеспечение процесса управления в органах внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. - 2018. - № 1 (79). - С. 102-106.
5. Лукашов Н. В. Правовые и организационные основы повышения эффективности оперативного взаимодействия граждан и полиции с использованием современных информационных технологий // Труды Академии управления МВД России. - 2017. - № 3. - С. 181-183.
6. Новичкова Е. Е., Сорока В. Г. Аналитическая работа в ОВД и пути ее совершенствования // Правопорядок: история, теория, практика. - 2019. - № 2 (21). - С. 11-15.
7. Ульянов А. Д. Совершенствование информационно-аналитической работы в территориальных органах МВД России // Труды академии управления МВД России. - 2020. - № 2 (54). - С. 30-40.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-2-165-405-407

ГОНЧАРЕНКО Елена Вячеславовна

медицинский психолог, старший лаборант Астраханского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации

ТАЙСАЕВА Светлана Борисовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

ДЕЕВ Александр Александрович

следователь-криминалист отдела криминалистики следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Астраханской области, майор юстиции

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ (PROFILE) СИТУАТИВНОГО РАСТЛИТЕЛЯ В ПСИХОЛОГО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

В статье приведен практический случай ситуативного растлителя по типологии К. Ланнинга. Описана работа психолога с конкретным случаем в практике клинического психолога и следователя. Аппелируя к научным воззрениям и правоприменительной практике, авторы приводят в пример портрет психопатизированной личности, делают собственные выводы о возможности и важности использования классификации К. Ланнинга в профессиональной деятельности следователей и психолога.

Ключевые слова: ситуативный растлитель, психологический портрет, психопатическая личность.

GONCHARENKO Elena Vyacheslavovna

medical psychologist, senior laboratory assistant of the Astrakhan State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

TAYSAEVA Svetlana Borisovna

Ph.D. in psychological sciences, associate professor of Psychology sub-faculty of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics

DEEV Aleksandr Aleksandrovich

investigator-criminologist of the Criminalistics Department of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Astrakhan Region, major of justice

PSYCHOLOGICAL PORTRAIT (PROFILE) OF A SITUATIONAL MOLESTER IN PSYCHOLOGICAL AND FORENSIC PRACTICE

The article presents a practical case of a situational molester according to the typology of K. Lanning. The work of a psychologist with a specific case in the practice of a clinical psychologist and an investigator is described. Appealing to scientific views and law enforcement practice, the authors cite as an example a portrait of a psychopathic personality, draw their own conclusions about the possibility and importance of using K. Lanning's classification in the professional activities of investigators and psychologists.

Keywords: situational molester, psychological portrait, psychopathic personality.

По мнению этолога, нейроэндокринолога Стэндфордского университета Р. Сапольски, некоторая группа людей патологически путает секс с насилием, и это присуще только человеческому виду [3].

Д.Н. Исаев и В.Е. Каган выделяли насильственную гетеросексуальную педофилию, которая проявляется непреодолимым половым влечением к девочкам 6-12 лет, а сексуальная активность простирается от прикосновений до попыток близости и насилия. Симптоматическая педофилия, по мнению этих авторов, возникает эпизодически у психопатических личностей, неспособных контролировать свои импульсы, у душевно больных или умственно отсталых, у хронических алкоголиков, у лиц не способных к установлению сексуальных контактов со взрослыми, а также в связи со слабостью морально-этических барьеров [4].

Криминолог К. Ланнинг и психиатр П.Э. Дитц классифицируют растлителей на истинных педофилов, предпочитающих секс с детьми и делающих их предметом своих фантазий, и лиц сексуальные влечения и фантазии которых направлены в первую очередь на взрослых, но прибегают к сексу с детьми ради осуществления какой-то потребности: например, чувства неполноценности. Авторы классифицируют эти два типа преступников как растлителей по предпочтению (истинные педофилы-растлители) и ситуационные растлители детей (для которых ребенок – скорее случайная, нежели выбранная жертва) [2].

К. Ланнинг разделяет ситуативных растлителей на четыре типа:

1) Подавленные преступники – растлевают собственных или доступных детей. У них низкая самооценка и секс с несовершеннолетними это замена половых отношений с взрослыми, пользуются лаской или подкупом, контакты связаны с серьезными стрессорами;

2) морально неразборчивые – растлевают своих дочерей и сыновей, доступных детей. Способны манипулировать, используя ласку и угрозы, чтобы добиться желаемого. Агрессивно ведут себя с партнером, склонны к импульсивным поступкам, не проводят градации между собственным возрастом и ребенком. Часто имеют криминальное прошлое по другим преступлениям или девиантное поведение (драки, кражи, мошенничество);

3) Сексуально неразборчивые растлители не проводят возрастных ограничений между собой и ребенком. Действия сексуального характера с несовершеннолетними нужны им, чтобы преодолеть скуку. Подобный опыт для них является новым и возбуждающим. Криминолог называет их «сексуалами-экспериментаторами», поскольку они готовы перепробовать все. Могут заниматься групповым сексом с взрослыми, меняться партнерами, использовать садомазохистские способы для удовлетворения либидо. Через определенное время в свои утехы начинают вовлекать детей и подростков. Эти преступники имеют по сравнению с другими высокое со-

циально-экономическое положение в обществе. Если другие растлители увлекаются деткой порнографией, эти собирают разнообразную эротическую коллекцию [2];

4) Неполноценный-социальный аутсайдер. В пубертате почти не имеют друзей, во взрослом возрасте проживают с родителями или старшими родственниками. Детей используют для замены ровесника. Испытывают не естественное сексуальное влечение, а сексуальное любопытство, потому что не уверены в партнерских отношениях. Если увлекаются порнографией, то предпочитают изображения взрослых. Аутизируются от общества, в аффективной ярости способны на пытки и убийство жертвы, если гнев и враждебность не находят выхода.

Приведем практический случай ситуативного растлителя по типологии К. Ланнинга, которую используем в своей работе. В 2021 году следственным управлением Следственного комитета по Астраханской области была проведена процессуальная проверка по факту установления действий сексуального характера против несовершеннолетней А. 2006 г. р. Мужчина 1990 г. р. после ночной вечеринки в кафе с супругой и ее племянницей пришел в квартиру и, когда девочка уснула, рукой стал гладить ее ягодицы. После пробуждения, она постаралась освободиться от домогательств С. и покинула жилплощадь в стрессовом состоянии. Пробежав большое расстояние без верхней одежды домой, рассказала об инциденте бабушке и матери. Законный представитель (мать) обратилась в СУ СК АО с заявлением.

Психологический анамнез несовершеннолетней А. 2006 г. р. Девочка от 1 родов, естественным путем, в срок, патологии при рождении не было, закричала сразу. Моторное развитие: ползать начала с 7 месяцев, садиться к 5 месяцам, ходить начала с года. Росла и развивалась по возрасту. Проживает в полной семье, есть брат 7 лет и сестра 3 лет. Отношения в семье хорошие, теплые, агрессию между членами семьи отрицает. Озвучивает, что периодически может наругать матери и не выполняет ее просьбы, за это родители могут поругать и не пустить гулять. Отец официально работает, уровень дохода средний, мать домохозяйка, имеют собственный дом, подсобное хозяйство. Учится в 9 классе, успеваемость средняя. Когнитивные процессы и интеллектуальное развитие по возрасту, патопсихологического продукта мышления не диагностируется. Конфликты, буллинг, остракизм со стороны соучеников отрицает. Из хобби и увлечений: до подросткового возраста занималась творчеством, выступала в различных конкурсах. В неформальных молодежных движениях не участвовала, проводила свободное время и досуг с одноклассниками и ровесниками. Табакокурение, употребление наркотиков отрицает. Рассказывала о двух эпизодах употребления алкоголя, со слов: «попробовала мартини, шампанское на прошлый Новый год, и коньяк, но начинает сразу тошнить». Часто навещала тетю и бабушку по линии отца, нравилось бывать у них в доме, изредка ночевала. Интимных отношения не было. Делится со специалистом, что стыдно проходить судебную экспертизу, потому что мужчины-гинекологи ее смущают, и она стесняется. Попросила психолога сопроводить ее, результаты экспертизы подтвердили слова А.

Психологический анамнез С. 1990 г. р. Родился и воспитывался в полной семье, упоминает, что отец властный, авторитарный, занимал в прошлом высокий пост на работе, в настоящее время с родственниками контакт не поддерживает. Закончил 9 классов, успеваемость была удовлетворительной, учеба не нравилась, часто прогуливал занятия со сверстниками, получал замечания по поведению, рано начал курить, пробовал алкоголь. После окончания школы поступил в кооперативный техникум по специальности повар-технолог, но был отчислен за неуспеваемость со 2 курса. После отчисления устроился в ночной клуб охранником. Со слов, с друзьями открыли магазин по продаже автомобильных деталей, «вложили свои деньги, но хозяйкой была знакомая». После того, как

были выявлено мошенничество с доходами торговой точки, «поехали на стрелку с хозяйкой и ее братом-ментом», в ходе конфликта выстрелил в лицо из травматического оружия в лицо полицейскому. Был привлечен к уголовной ответственности, отбывал наказание. В местах лишения свободы познакомился с будущей супругой, которая также отбывала наказание. После освобождения супруги и рождения первого ребенка переехали в Астрахань. Устраивался несколько раз на работу, в том числе по протекции брата жены, но увольнялся на почве конфликтов с работодателями. Последнее место работы связано с ремонтом и обслуживанием трубопровода; со слов, «я здесь на хорошем счету, платят хорошо». Женат, двое детей: дочери 5 лет, сыну 1 год 8 месяцев, супруга не работает, занимается воспитанием детей. Проживают на жилплощади тещи, но имеет в собственности однокомнатную квартиру. Со слов, «после тяжелой работы можем с женой выпить по одной, две баночки пива». С родственниками жены конфликтные отношения.

Из беседы с опрашиваемым С. 1990 г. р. Объективно: Изначально мужчина напряжен, взвинчен, нервозен и максимально тревожен в беседе. Жалуетесь на здоровье, на моральное состояние. Рассказывает, что шокирован происходящим, не спал 2 ночи и вызывал скорую из-за «серьезного заболевания - ВСД». Показывает психологу новую упаковку препарата «Эналаприл», достает демонстративно таблетку и просит разрешение ее принять. На вопрос: «Измерял ли он давление перед беседой?» отвечает отрицательно. Мимика при этом страдальческая, детально повествует о своем заболевании, стрессе, госпитализации в городскую больницу. Старается разжалобить и вызвать сочувствие к себе болезненным состоянием. По его госпитализации ранее была уточнена информация. Гражданин С. отказался от дальнейшего пребывания в лечебном учреждении, после оказания медицинской помощи покинул его самостоятельно. Примечание: Вегетосудистая дистония, или, правильнее, вегетативно-сосудистая дисфункция (ВСД) – распространенное в лечебно-диагностической практике обозначение разнообразных по происхождению и проявлениям, но функциональных в своей основе вегетативных расстройств, обусловленных нарушением регуляции вегетативных функций [1]. ВСД не является заболеванием, это синдром, который не угрожает жизни. Ранее мужчина с аналогичными жалобами в ЛПУ не обращался, не наблюдался амбулаторно у врача. На вопрос о травмах головы, ЧМТ, поясняет, что «по голове в драках в молодости получал». На вопрос: «Было ли недержание мочи в детстве или подростковом возрасте?» отвечает: «Иногда бывало по детству».

Учитывая высокие маркеры стресса при знакомстве (побледнение кожных покровов, гипердыхание, изменение голосовых модуляций) психологом для определения базовой линии поведения было предложено С. рассказать о своей биографии (нейтральные темы). При повествовании оживает, проявляет активность в беседе, длительно и детально рассказывает о своей юности, молодости, жене и детях. Уверяет, как сильно любит супругу, «на других даже не смотрел, они не интересны». На вопрос: «Поднимаете ли руку на жену?» отвечает: «Изредка бывает, за дело». Эмфатизирует, характеризует себя трудолюбивым, работающим, «кормильцем» в семье. В речи много самопрезентации, о своих заслугах и достижениях на работе. Озвучивает, что много известных людей города знают его, как спортсмена и «хорошего парня». Речь направлена на себя, много местоимений «я», «мое», «обо мне». В вербальной продукции много шаблонных и заготовленных фраз о своем положительном образе (заучиваний), желает произвести впечатление.

О своем криминальном прошлом, говорит изначально неохотно, затем подает информацию в выгодном для себя свете. Привлечение к уголовной ответственности преподносит как «ошибку молодости». Уверяет, что исправился и получил хорошую репутацию в местах заключения, «все понял

и осознал», в преступлении «виноваты другие». Неохотно рассказывает, как выстрелил в лицо полицейского из травматического оружия. Преподносит себя как «ребенок развала Советского Союза», «мы же в 2000 жили, бардак был», «полицейский занимался рэкетом», тем не менее, признает, что числился в молодежной группировке, «регулюровал конфликты». В местах заключения познакомился с будущей женой, которая отбывала наказание, «мужа хотела убить, молодая была». Со слов, «влюбился в нее сразу», освобождился раньше, «я там работать остался, а она беременная была». Затем после освобождения супруги и рождения совместного ребенка семья переехала из Сибири в Астрахань.

Родственников жены характеризует как «плохие люди». Подчеркивает в беседе, что мать несовершеннолетней А. «работает проституткой», ее лучшая подруга наркоманка. На вопрос достоверные ли это сведения, уходит от ответа обобщением «теща и супруга болтают, что Н. родила двоих младших детей не понятно от кого». Братьев супруги и тещу оценивает, как склочных, агрессивных, «алкоголичка, бухает», «дрался с ними». На вопрос: «Какое отношение к Вам со стороны родственников А.?» ответ: «Они мне все завидуют, я работаю, мы живем хорошо, получаю 95 тысяч, мне мстят», «хотят А. девственность продать». По характеристике А. поясняет: несовершеннолетняя единожды сообщила его супруге: «Повзрослею, уведу меня», «пьет, может 0,5 бутылки выпить водки». На вопрос: «Воспринимаете ли Вы А. как привлекательную девушку?» отвечает: «Никак ее не воспринимаю». Примечание: употребление алкоголя в большом количестве А. отрицает, после крепкого коктейля в кафе, у нее началась рвота, после чего «чувствовала себя очень плохо, тошнило всю дорогу, хотелось спать». На вопрос: «Считаете ли Вы себя привлекательным мужчиной?» нивелирует ответ: «Я в робе, фуфайке, какой я привлекательный?». На комплимент психолога о его физической форме, внешнем виде, распыляется в улыбку, микровыражение эмоции искренней радости по FACS. На вопрос: «Склоны ли Вы к агрессии?» ответ: «Я импульсивный, у меня повышенное чувство справедливости». На вопросы о зоосадизме отвечает: «Я собак не трогаю, но могу что-нибудь сделать из-за детей».

События с 8 по 9 декабря 2021 года излагает следующим образом. «Поехали в кафе в полночь, где А. напилась», далее на такси отправились на квартиру, чтобы продолжить времяпровождение и распить алкоголь. Несовершеннолетняя спиртное не употребляла, сразу уснула на кровати, супруги «занились любовью» в прихожей, затем в 6 утра уснули на диване. Далее А. проснулась и пошла «подышать свежим воздухом», «я вышел спросить, как себя чувствует, а потом она исчезла». После возвращения с супругой в дом тещи ушел на работу, «звонит жена и говорит про дичь А.». «Мы поругались, я поехал в село к однокурснице в стрессе», по возвращению на следующий день, «почувствовал себя плохо и вызвал скорую». Сухо, по существу описывает хронологию событий, избегая детализации, в мимике удерживает «Roker face», контролирует информацию, проверяет взглядом «поверила, не поверила». Наблюдается диссоциация, с высокими маркерами стресса (сбивчивое беспокойное дыхание, изменение тона голоса «дает петуха», жесты-самоадапторы руками, отсутствие иллюстраторов, дистанцирование), пьет воду (сухость во рту). Затем начинается жаловаться – «не спал 3 ночи», выписали успокоительное, но не помнит название препарата. На вопрос: «Согласны ли Вы пройти полиграф?» отвечает: «Придется проходить, но будет ли толк? Я ведь себя плохо чувствую!». На проективный вопрос: «Как Вы считаете, чего заслуживают взрослые мужчины, которые вступают в интимные отношения с несовершеннолетними?» отвечает: «Конченые люди, у меня у самого дочь. Ничего не заслуживают». На вопрос: «Совершали ли Вы какие-либо действия сексуального характера по отношению к А.?» ответ: «Нет не совершал», затем начинает громко рыдать, уходит в философский ответ рассказывает о религиозности, посещении храма и помощи бедным. Пьет лекарство, отмечается тремор в

руках, затем резко успокаивается и начинает рассказывать о своем положительном образе, в речи отмечается «забалтывание», «перетягивание одеяла на себя», много самопрезентации. На просьбу психолога, проверить его пульс, дает руку, отмечается перипитроз. На вопрос: «Хотите я скажу свое субъективное мнение о Вас и этой истории?», соглашается, получает ответ: «Я Вам верю», в мимике микровыражение радость + презрение «улыбка надувателя» по FACS, пьет воду.

Из полученных сведений сформировался портрет психопатизированной личности. У С. наблюдались истероидные и эпилептоидные черты характера: демонстративность, надменность, высокомерие, склонность к манипуляциям, вязкость, педантичность. Когда нужно «спустить пар» С. шел на конфликты, физическую и вербальную агрессию. Недостаточный субъективный контроль и трудности с саморегуляцией способствовали формированию девиантных форм поведения. Мужчина избивал супругу, дрался с родственниками, мог проявлять жестокость к животным, в юношеском возрасте принимал участие в противоправных нарушениях в составе молодежной криминальной группировки, был осужден за ранее совершенное преступление. У С. были выявлены эмоционально-волевые нарушения детерминированные органическими поражениями головного мозга (лобный и лимбический отдел) полученные при травмах (драки) или в пренатальном периоде (энурез). В алкогольном опьянении был расторможен, аффективно реагировал.

Сексуальная ориентация и полоролевая идентичность не нарушены, без патологии. Жил в официальном браке, имел двух детей, интимные отношения были регулярными. Отмечено, что у подростка и супруги С. астеническое телосложение, одинаковый рост и вес. Установлено, что несовершеннолетняя в день произошедших событий нарядилась в одежду своей тети (идентификация со взрослой женщиной). Низкие морально-этические барьеры способствовали совершению действий сексуального характера по отношению к А. По типологии К. Ланнинга С. относится к морально-неразборчивым ситуативным растлителям.

Таким образом, мотивы растления несовершеннолетних, особенности формирования личности, поведенческие реакции, ложь или сокрытие фактов, вербальная продукция во время опросной беседы имеют существенное отличие с истинными педофилами. Ситуативные растлители имеют несколько или один случай действий сексуального характера с детьми в анамнезе. Ими могут оказаться родственники, ближайшие знакомые, они часто действуют в алкогольном опьянении или в стрессе. Группами риска становятся члены семьи, ребенок с гипопекой, психотравмированные дети и с нарушениями психического развития. Дети младшего возраста, которыми легко манипулировать и заставить молчать, чаще боятся озвучить информацию родителям. Старшие подростки, если рассчитывают на помощь взрослых, способны озвучить факт домогательства либо самостоятельно обратиться в органы власти.

Пристатейный библиографический список

1. Береславская Е.Б. Вегетососудистая дистония. Современный взгляд на лечение и профилактику. – М.: ИГ «Весь», 2008. – 170 с.
2. Дуглас Д., Олшейкер М. Психологический портрет убийцы. Методики ФБР. – М.: Родина, 2019. – 432 с.
3. Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. – М.: Альпина нон-фикшн, 2021. – 776 с.
4. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчикова Н.В. Судебная сексология. – М.: Бинном, 2020. – 648 с.
5. Ekman P., Friesen W. V., Hager J. C. Facial Action Coding System: the Manual. 2th ed. Salt Lake City: Research Nexus eBook; 2002.

КАРИМОВА Гульназ Юрисовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России

РОЛЬ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ БЕСПРИЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье перечислены отдельные мероприятия по предупреждению правонарушений и преступлений несовершеннолетних. Обозначена роль участкового уполномоченного полиции в профилактике беспризорности и правонарушений несовершеннолетних. Раскрыты основные формы несения службы участкового уполномоченного полиции по работе с несовершеннолетними. Предлагается рассмотреть вопрос о дальнейшей систематизации законодательной базы в области предупреждения асоциального поведения несовершеннолетних и возможности повышения квалификации сотрудников и работников государственных органов и общественных организаций, обладающих полномочиями по обеспечению правопорядка среди подростков.

Ключевые слова: несовершеннолетние, органы внутренних дел, субъекты профилактики, правонарушение, беспризорность, профилактические мероприятия.

KARIMOVA Gulnaz Yurisoyna

Ph.D. in Laws, associate professor of Administrative and legal disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

THE ROLE OF THE DISTRICT POLICE COMMISSIONER IN THE IMPLEMENTATION OF MEASURES TO PREVENT HOMELESSNESS AND JUVENILE DELINQUENCY

The article lists individual measures to prevent offenses and crimes of minors. The role of the district police commissioner in the prevention of homelessness and juvenile delinquency is outlined. The main forms of service of the district police commissioner for work with minors are disclosed. It is proposed to consider the issue of further systematization of the legislative framework in the field of prevention of antisocial behavior of minors and the possibility of professional development of employees and employees of state bodies and public organizations with the authority to ensure law and order among adolescents.

Keywords: minors, internal affairs bodies, subjects of prevention, offense, homelessness, preventive measures.

Каримова Г. Ю.

Изучением проблем административной ответственности, в том числе несовершеннолетних, в нашем государстве занимались такие ученые, как Ю. М. Козлов, В. В. Кириухин, Н. Н. Пестов, А. С. Ускова и др.

В настоящее время действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) устанавливает определённый возраст, по достижении которого наступает административная ответственность. Согласно статье 2.3 части 1 КоАП РФ «административной ответственности подлежит лицо, достигшее к моменту совершения административного правонарушения возраста шестнадцати лет»¹.

В основе преступности несовершеннолетних многими отмечается возраст, проявляющийся в недостатке жизненного опыта, максимализм, ориентация на неформальную группу, стремление к самоутверждению, пропагандируема в социальных сетях криминальная субкультура. Несовершеннолетние, как правило, совершают групповые правонарушения и преступления, в отличие от взрослых.

Проблемам противодействия преступности и правонарушениям несовершеннолетних уделяется достаточно внимания как в законодательстве Российской Федерации, так и в правоприменительной практике субъектов профилактики путем претворения в жизнь различных программ и мероприятий [3].

Так, на территории Российской Федерации действуют социальные программы, направленные на социальную ре-

абилитацию несовершеннолетних, совершающих противоправные деяния и в реализации которых ключевую роль выполняют комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН и ЗП), такие как: «Не оступись!», целью которой является недопущение правонарушений и преступности, рецидива преступлений несовершеннолетних, а также их реабилитация и индивидуальное сопровождение социальными работниками в судах. Другой, не менее важной программой является «Дружественное детям правосудие». Цель ее заключается в рассмотрении дел против несовершеннолетних преступников с учетом их индивидуальных и возрастных особенностей, а также создание, развитие и распространение института социальных работников в судах в субъектах Российской Федерации.

КДН и ЗП учувствуют в рамках этих программ путем создания и внедрения социальных проектов, направленных на социализацию и реабилитацию несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом.

Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, осуществляются и другие программы по профилактике социального неблагополучия детей.

Межведомственная комиссия по делам несовершеннолетних при Правительстве Российской Федерации ежегодно проводит всероссийскую межведомственную профилактическую операцию «Подросток». Основная цель – это профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Операция «Подросток» проводится органами системы профилактики беспризорности и правонарушений несовершеннолетних субъектов РФ и органами местного самоуправления, прокуратурой, общественными и религиозными организациями, при помощи средств массовой информации

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) от 30.12.2001 № 195-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.10.2021).

и др. КДН и ЗП осуществляют координацию деятельности по организации и осуществлению операции этих органов и учреждений. КДН и ЗП при органах исполнительной власти субъектов РФ создаются рабочие группы, состоящие из представителей органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, для более эффективной организации и реализации Межведомственной операции. Цель создания этих групп — это подготовка плана проведения операции в субъекте, а также контроль за его осуществлением. Этот план утверждается председателем соответствующей КДН и ЗП.

Все профилактические мероприятия, проводимые в рамках операции, проводятся поэтапно и под условными названиями. В каждом субъекте Российской Федерации устанавливаются этапы в зависимости от сложившейся ситуации.

Особую роль в системе органов внутренних дел в предупреждении правонарушений и беспризорности несовершеннолетних выполняет участковый уполномоченный полиции. Несмотря на то, что участковый уполномоченный полиции не относится к специализированному субъекту предупреждения правонарушений несовершеннолетних и не проводит самостоятельно отдельных мероприятий по профилактике беспризорности и безнадзорности подростков, тем не менее его повседневная оперативно-служебная деятельность, реализуемая посредством форм несения службы, сложно переоценить.

Одной из наиболее важных форм несения службы участкового уполномоченного полиции, согласно положениям Инструкции² по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке (далее – Инструкция), является профилактический обход обслуживаемого административного участка. Следует отметить, что в целях профилактики преступлений и административных правонарушений несовершеннолетних при осуществлении профилактического обхода уделяется особое внимание несовершеннолетним лицам, которые прямо или косвенно могут быть потенциальными правонарушителями. Участковый уполномоченный полиции во время профилактического обхода должен обращать внимание на молодежь, информировать о возможных действиях, которые могут квалифицироваться как преступления или административные правонарушения. Он должен выявлять молодежные группировки, которые способны вести асоциальный образ жизни и совершать противоправные деяния.

Также немаловажным направлением деятельности участкового уполномоченного полиции является рассмотрение обращений граждан. В процессе основной деятельности по рассмотрению обращений граждан участковый уполномоченный полиции должен уделять особое внимание тем сообщениям, которые касаются несовершеннолетних. Практика показывает, что из отдельных обращений можно вычленив важную информацию, которая может способствовать предупреждению беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних. К сожалению, некоторые из таких обращений, которые поступают в подразделения участковых уполномоченных полиции, остаются без должного внимания. Работа в указанном направлении имеет огромное значение и, вместе с тем, отнимает значительные временные ресурсы. В связи с этим, необходимо констатировать, что модернизация указанного направления деятельности участковых позволит высвободить дополнительное время, которое можно будет использовать на основные направления, в том числе профилактическое [1]. Следует отметить, что существует необходимость при выявлении в обращении признаков относительности к отношениям, связанным с предупреждением беспризорности и безнадзорности, сразу же осуществлять под-

ключение всех заинтересованных субъектов. Такая практика позволяет исключить случаи, когда на административном участке проживают семьи, в которых несовершеннолетние являются безнадзорными и о которых даже не информированы органы опеки и попечительства, администрация образовательных организаций, иные участники системы профилактики [2].

Кроме того, из сообщений и заявлений граждан, которые поступают в подразделения участковых уполномоченных, является огромное количество административных правонарушений и преступлений, в том числе, которые совершаются несовершеннолетними или с их участием, а также в отношении указанных субъектов.

Важной формой предупреждения беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних представляется форма несения службы, связанная с осуществлением индивидуальной профилактической работы. Следует отметить, что индивидуальная профилактическая работа участкового уполномоченного полиции является приоритетной формой несения службы в процессе профилактики любых преступлений и административных правонарушений, а также негативных социальных явлений, среди которых беспризорность и безнадзорность. В соответствии с действующим законодательством индивидуальной профилактической работой проводится с отдельными категориями граждан. К сожалению, действующая Инструкция не закрепляет отдельную категорию граждан, а именно несовершеннолетних или семьи, которые допускают нарушения в области защиты прав несовершеннолетних, в связи с тем, что указанная задача возложена на подразделения по делам несовершеннолетних. Вместе с тем, участковый уполномоченный полиции не должен забывать о необходимости осуществления постоянного контроля за категориями граждан, которые допускают подобные нарушения в семье, а также несовершеннолетними, которые допускают совершение административных правонарушений и преступлений.

Для успешного выполнения участковым уполномоченным полиции необходима совершенная законодательная база. Анализ законодательных актов, которые регламентируют вопросы профилактики беспризорности и правонарушений несовершеннолетних, показал, что необходима их систематизация на всех уровнях. В особенности это касается ведомственного правового регулирования. Так, целесообразно разработать соответствующую инструкцию о взаимодействии заинтересованных субъектов, в том числе участковых уполномоченных и подразделений по делам несовершеннолетних, которая включала бы в себя и алгоритмы деятельности участкового уполномоченного полиции и других служб и подразделений полиции по предупреждению беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних. Особое внимание важно уделять повышению квалификации сотрудников и работников государственных органов и общественных организаций, обладающих полномочиями по обеспечению правопорядка среди подростков. Сотрудники полиции обязаны проходить стажировку, профессиональную подготовку. Это также относится и к выпускникам образовательных организаций МВД России и сотрудников, имеющих перевод в подразделения ПДН со стажировкой продолжительностью один месяц под контролем наиболее подготовленного сотрудника ПДН

Пристатейный библиографический список

1. Маркина Э. В., Сосновская Ю. Н. Проблемные вопросы, связанные с организацией деятельности участкового уполномоченного полиции по рассмотрению и разрешению обращений граждан // Вестник экономической безопасности. - 2017. - № 2. - С. 153-156.
2. Биккинин И. А., Мурзаков Ю. А., Филиппов Н. Л. Проблемы управления работой участкового уполномоченного полиции с обращениями граждан // Наука Красноярья. - 2020. - Т. 9. - № 3-2. - С. 7-14.
3. Каримова Г. Ю. Содержание основных мероприятий, проводимых субъектами профилактики в отношении несовершеннолетних правонарушителей // Modern Science. - 2021. - № 9-2. - С. 97-101.

² ³ О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29 марта 2019 № 205 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2021).

КУМЫШЕВА Марина Кадировна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

АБАЗОВА Елена Хабаловна

старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института (филиала) Краснодарского университета МВД России

ОСОБЕННОСТИ И ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ПОЛИЦИЕЙ

Настоящая статья посвящена особенностям и порядку применения мер административного принуждения сотрудниками полиции. По своей сути данные меры предполагают некое вмешательство в зону комфорта граждан и своей целью имеют посягательство на права и свободы человека как личности, и тем самым являются наиболее восприимчивым методом государственного управления. Эффективность и законность применения мер административного принуждения во многом определяет отношение общества к власти, доверие граждан, определяет легитимность власти. Тем самым важную роль в ее применении играет полиция. Авторами проведен анализ данной правовой нормы, а также проведена некая классификация мер принуждения, позволяющая выделить особенности и порядок их применения.

Ключевые слова: административное принуждение, метод убеждения, законность и правопорядок, полиция, общественный порядок и общественная безопасность.

KUMISHEVA Marina Kadirovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Law enforcement sub-faculty of the North-Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

ABAZOVA Elena Khabalovna

senior lecturer of Law enforcement sub-faculty of the North-Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

FEATURES AND PROCEDURE FOR THE APPLICATION OF ADMINISTRATIVE COERCION MEASURES BY THE POLICE

This article is devoted to the specifics and procedure for the application of administrative coercion measures by police officers. At their core, these measures involve some kind of interference in the comfort zone of citizens and their goal is to encroach on the rights and freedoms of a person as an individual, and thus assume the most receptive method of public administration. The effectiveness and legality of the application of administrative coercion measures largely determines the attitude of society to the authorities, the trust of citizens, determines the legitimacy of the authorities. Thus, the police play an important role in its application. The authors conducted an analysis of this legal norm, as well as carried out a certain classification of coercive measures, which allows us to identify the features and procedure for their application.

Keywords: administrative coercion, method of persuasion, legality and law and order, police, public order and public safety.

Говоря об административном принуждении, как об одном из методов государственного управления, следует всегда иметь в виду его особенности и порядок применения, поскольку данная методика управления тесно взаимосвязана с физическими, психическими и иными ограничениями физических лиц, причем правом применения этого метода управления массами обладают четко определенные органы государственной власти. Их действия, безусловно, основаны на общепринятых и сложившихся в обществе правилах поведения, которые закреплены в существующих законах. Наука административного права, содержит в себе основы данной методике, ее основные принципы существования, а также формирует и формулирует особенности и порядок ее применения на основе систематических исследований данной области науки. Вместе с тем, четкие нормы закреплены в действующем законодательстве, и особая роль в этом отводится к следующим нормативным правовым актам: Конституция Российской Федерации, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, Федеральный закон «О полиции», и др.

В настоящей статье авторы проводят анализ особенностей и порядка применения административного принуждения органами полиции. Следовательно, при формировании авторской мысли необходимо будет опираться на существующую практику применения мер административного принуждения сотрудниками полиции, анализ действующего административного законодательства в данной области, особенности применения мер административного принуждения сотрудниками полиции, а также выявление ошибок в порядке их практического применения.

Изучая понятие административного принуждения, необходимо дать полное его определение, которое позволит раскрыть его особенности и порядок применения. По мнению автора, наиболее полно понятие административного принуждения отражено в следующей формулировке: «административное принуждение — это метод государственного управления, в основе которого лежат нормы административного права, комплекс средств физического, психического или какого-либо другого воздействия, которые применяются уполномоченными на это субъектами в установленном зако-

Кумышева М. К.

Абазова Е. Х.

ном порядке для обеспечения общественной безопасности и общественного порядка» [2]. Данная мера является обязательной и направлена на обеспечение безопасности граждан, соблюдению их прав и законных интересов, а также общественного порядка.

Как известно, применяется она органами полиции в зависимости от конкретной ситуации, сложившейся в обществе. Применение мер административного принуждения сотрудниками полиции должны отвечать законности, что зачастую может не соответствовать действительности в каждом конкретном случае. Именно поэтому, необходимо более детальное раскрытие понятия законности, которое нам может дать Федеральный закон «О полиции». Так в ч. 2 ст. 6 закона указано, что всякое ограничение прав, свобод и законных интересов граждан, а также прав и законных интересов общественных объединений, организаций и должностных лиц допустимо только по основаниям и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом [3]. Также нормы данной статьи указывают на то, что полиция осуществляет свою деятельность на основе закона, и сотруднику полиции запрещено какими бы то ни было способами (подстрекательство, принуждение, склонение и т.д.) принуждать к совершению противоправных действий. Подобное, к сожалению, имеет место быть, и в погоне за результативностью теряется эффективность применения полицией мер административного принуждения, которое определяется не количественными показателями, а качественными, основанными на законе. Да, органы полиции наделены большими полномочиями в области применения мер административного принуждения, но использование этих мер без методов убеждения по мнению авторов не станет эффективным механизмом борьбы с административными правонарушениями. Только в совокупности применение мер административного принуждения и при соблюдении законности могут дать должный результат. Пренебрежение совокупностью методов воздействия на правонарушителя, приводит к формированию негативного отношения населения к деятельности полиции.

Для полной картины мер административного принуждения необходима классификация их по содержанию и целям. Так мерами, ограничивающими свободу граждан, являются задержание, доставление и привод, мерами, направленными на ограничение прав на имущество, является арест товаров, изъятие документов, арест и задержание транспортного средства, а к мерам ограничивающими права и свободы как граждан, так и юридических лиц, можно отнести личный досмотр, досмотр и изъятие вещей и транспортных средств, медицинское освидетельствование и т.д. проведение подобной классификации, позволяет определить порядок применения мер административного принуждения, поскольку каждый из них имеет свои особенности применения. И сотрудник полиции должен знать порядок применения той или иной меры принуждения и лишь опираясь на нормы закона может в полной мере и в рамках своих полномочий применить ту или иную меру административного принуждения в отношении правонарушителя. Надо отметить, что меры административного принуждения должны применяться сотрудниками полиции, во-первых, с целью пресечения административного правонарушения, во-вторых, установления личности правонарушителя, в-третьих, составления соответствующих протоколов и иных процессуальных документов, которые в-четвертых, обеспечивают своевременное и правильное (основанное на законе) рассмотрение и разрешение дела об административном правонарушении по существу, которое завершается исполнением постановления об административном правонарушении. Учитывая данные специфические свойства мер административного принуждения, необходимо отметить, что институт административного принуждения тесно взаимосвязан с институтом административной ответственности, которая выражается в негативных последствиях для правонарушителя. Это соответствует конкретным целям и задачам административного принуждения. Следовательно, меры, применяемые полицией в самой сути, являются правильными и необходимыми средствами защиты от противоправных посягательств на общественный порядок. Так, например, при патрулировании общественных мест, сотрудники полиции могут стать очевидцами противоправных действий граждан, нарушающих общественный порядок, выражающийся в распитии алкогольных напитков (ст. 20.20 Кодекса об административных правонарушениях

РФ [1]), а применение в отношении нарушителей мер административного принуждения в виде задержания, доставления в отделение полиции для составления протоколов об административном правонарушении или в медицинское учреждение для проведения медицинского освидетельствования могут являться единственными правильными и законными мерами принуждения в данной конкретной ситуации, поскольку нарушители, находясь в возбужденном эмоциональном состоянии, вызванном действием алкоголя, могут попытаться избежать ответственности, и скрыться с места совершения правонарушения.

Необходимо также учитывать, что для применения мер административного принуждения, сотрудникам полиции необходимы соответствующие законные основания, т.е. некие юридические обстоятельства (факты), вызывающие первичную реакцию сотрудников полиции на обстоятельства, имеющие значение по отношению к охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. К таким фактам следует отнести само административное правонарушение; поведение правонарушителя, отклоняющееся от установленного законом правопорядка; возникновение потенциальных угроз природного, техногенного и биологического характера (аварии, катастрофы, наводнения, пожары, землетрясения и т.д.), и, по сути, оценка сотрудника полиции возникшей ситуации. Все перечисленные критерии реакции сотрудника полиции на происходящее, направлены как ранее уже было отмечено на соблюдение общественного порядка и общественной безопасности, а его действия направлены на восстановление порядка путем принуждения субъекта противоправного поведения к выполнению законных требований сотрудника полиции.

Таким образом, можно сказать что особенности и порядок применения мер административного принуждения формируют их сущность, которая по мнению Д. Г. Запрутина, «заключается в применении должностными лицами органов внутренних дел на основании и в порядке, установленных федеральным законом, мер индивидуального, обязывающего характера в целях предупреждения, пресечения нарушений законодательства, причинения вреда охраняемым законом интересам, а также привлечения лиц, виновных в совершении административных правонарушений, к административной ответственности» [4, с. 35].

Учитывая правоприменительную практику и практику применения мер административного принуждения, авторы считают безусловным и необходимым условием их применения сотрудниками полиции в четком соответствии с действующим законодательством, возможностью правильной и должной оценки ситуации, умением применять, наряду с мерами принуждения, мер убеждения в отношении правонарушителей, с целью недопущения посягательства на общественный порядок и общественную безопасность, а также пресечение нарушения правопорядка.

Пристатейный библиографический список

1. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.
2. Административное принуждение в деятельности полиции. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://spravochnick.ru/pravo_i_yurisprudenciya/administrativnoe_prinuzhdenie_v_deyatelnosti_policii/ (дата обращения: 01.02.2022).
3. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О полиции». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/1a77f21f40b6c8b64003f9cd4c97f2fac833635d/ (дата обращения: 05.02.2022).
4. Запрутин Д. Г. Меры административного принуждения, применяемые полицией в отношении граждан // Вестник Омского университета. Серия «Право». - 2019. - Т. 16. - № 2. - С. 34-39.

МАСЕЙЧУК Юрий Маратович

доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки, Уфимского юридического института МВД России

БАЙРАМОВ Санан Аджисаятович

старший преподаватель кафедры огневой и технической подготовки Уральского юридического института МВД России

МАРЧЕНКО Константин Сергеевич

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Воронежского института МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОГНЕВОЙ И ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматриваются актуальные проблемы огневой и тактико-специальной подготовки на современном этапе обучения курсантов и слушателей в образовательных учреждениях МВД России. Приведены некоторые способы их решения. Раскрываются способы поддержания и усовершенствования профессиональных навыков в условиях ограничений посещения практических занятий и дистанционного обучения. Также описываются факторы-раздражители, которые необходимо тренировать курсантам и слушателям в целях преодоления стрессовых ситуаций и потери самообладания.

Ключевые слова: стрельба, оружие, огневая и тактико-специальная подготовка, актуальные проблемы, обучение стрельбе.

MASEYCHUK Yuriy Maratovich

associate professor of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

BAYRAMOV Sanan Adzhisayatovich

senior lecturer of Fire and technical training sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

MARCHENKO Konstantin Sergeevich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia

ACTUAL PROBLEMS OF FIRE AND TACTICAL-SPECIAL TRAINING AT THE PRESENT STAGE

The article deals with the actual problems of fire and tactical special training at the present stage of training cadets and trainees in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Some ways of their solution are given. The ways of maintaining and improving professional skills in conditions of restrictions on attending practical classes and distance learning are revealed. It also describes the factors-stimuli that cadets and students need to train in order to overcome stressful situations and loss of self-control.

Keywords: shooting, weapons, fire and tactical special training, actual problems, shooting training.

Современный мир предполагает тесное взаимодействие людей друг с другом, поэтому он немалозначим без конфликтов, споров и, к сожалению, правонарушений. Именно поэтому так необходима подготовка квалифицированных сотрудников полиции. Стоит отметить, что сотрудникам часто приходится сталкиваться с хорошо подготовленными правонарушителями: как физически, так и юридически. Чтобы грамотно вести работу с данной категорией лиц, полицейским необходимо владеть всеми нормами законов, обладать тактикой меткой стрельбы, быть физически развитым и в целом, представлять собою пример законопослушного гражданина.

Преступник никогда не стоит на месте: он постоянно совершенствуется и ищет новые способы обхода правоохранительных органов. Именно поэтому необходимо разрабатывать новые и улучшать имеющиеся приёмы и навыки помимки нарушителей.

Огневая подготовка сотрудников ОВД является одним из приоритетных направлений их профессиональной подготовки. Практика применения и использования огнестрельного оружия в деятельности органов внутренних дел показывает, что эффективность решения любой задачи при помощи оружия, будь то вооруженное сопротивление, самооборона или освобождение заложников, зависит, прежде всего, от хорошей психологической, правовой физической и огневой подготовленности, а также высоких морально-волевых качеств сотрудников ОВД [1].

В данной статье мы рассмотрим актуальные вопросы и проблемы огневой и тактико-специальной подготовки кур-

сантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России.

Базовые навыки меткой стрельбы у будущих сотрудников закладываются еще со скамьи подготовки в образовательных учреждениях МВД России. Знания, получаемые там, приобретаются комплексно, т.е. совокупность практических и теоретических занятий дают именно такой эффект. Огневая подготовка является одним из важнейших разделов служебно-боевой подготовки сотрудников органов внутренних дел, направлена на формирование, развитие и совершенствования навыков и умений, необходимых для уверенного владения оружием при выполнении оперативно-служебных задач [2].

Рассмотрим наиболее актуальные проблемы:

Проблема № 1: Ограничения, связанные с новой коронавирусной инфекцией и переход, в связи с этим на дистанционное обучение.

До того момента, как весь мир узнал, что такое “коронавирус”, в образовательных организациях проводились различные практические и теоретические занятия на базе стрелковых тирах и тактических полигонах. После того, как каждый курсант или слушатель успешно сдаёт зачёт по материальной части устройства оружия, а также знания нормативно-правовой базы, мер безопасности, запретов и ограничений при проведении стрельб, осуществлялся переход к получению самых важных навыков – практических. Стрельба вхолостую, стрельба на электронных стрелковых тренажёрах типа «СКАТТ» и «Рубин» и т.п., представляющих собою установки, в основе которых лежит принцип определения

координат при помощи инфракрасного излучателя, размещенного в корпусе электронного мишени, и приёмника инфракрасного излучения, закрепляемого на оружии. Данные с приёмника (сенсора) поступают в вычислительный блок тренажёра, который преобразует их для последующей передачи в персональный компьютер. Попадая в компьютер, данные обрабатываются программно-аппаратным комплексом SKATT, которая отображает их на экране монитора в виде траектории прицеливания и расположения пробоины на мишени - именно эти тренажёры помогают обучающимся оттачивать первоначальные навыки правильной стрельбы и в режиме реального времени понимать и исправлять ошибки при стрельбе [3].

Так как ситуация с заболеваемостью ухудшилась, обучающимся перевели на дистанционное обучение. Таким образом, курсанты и слушатели лишились возможности посещения практических занятий по огневой и тактико-специальной подготовки, что наложило свой след на профессиональную подготовку будущих сотрудников. Вследствие таких ограничений ухудшаются навыки стрельбы и владения оружием, а также страдает возможность взаимодействия с другими людьми, что немаловажно для тактико-специальной подготовки.

Но и в условиях ограничений посещения практических занятий и дистанционного обучения необходимо находить способы поддержания и усовершенствования профессиональных навыков, например:

1. «освободившееся» время от практических занятий необходимо посвятить более подробному и качественному изучению теоретической части огневой и тактико-специальной подготовки, ведь именно эта часть обучения личного состава даёт возможность осознания и понимания действий, производимых на стрельбищах и в боевой обстановке;

2. освоение мультимедийных комплексов и приложений: существуют специализированные аппаратно-программные комплексы и приложения, при использовании которых симулируется реальный процесс стрельбы, где стрелок может изучить внешнюю и внутреннюю баллистику, процесс производства выстрела, понять автоматику различных видов оружия, понять принципы правильного прицеливания и т.п.;

3. самостоятельные тренировки в домашних условиях, с применением различных макетов оружия либо электронных стрелковых тренажёров. Данные способы помогают обучающимся освоить приемы и правила стрельбы без использования боевого оружия, даже вне пределов тира; ощутить положение тела в пространстве, понять правильную изготовку, натренировать приемы и способы правильного прицеливания, закрепить правильный хват оружия, а также укрепить необходимые мышцы человека для стрельбы.

Таким образом, можно сделать вывод, что пандемия – не повод останавливать процесс обучения. При достаточном желании и дисциплине в период ограничений, можно не только поддерживать свой навык владения оружием, но и даже его преумножать, постоянно совершенствуясь, как в теоретических, так и в физических аспектах.

Проблема № 2: Психологическая неготовность сотрудников полиции к применению огнестрельного оружия.

Согласно специфике деятельности, законодательно установленных полномочий практически все сотрудники полиции несут службу с табельным оружием. Такая специфика деятельности требует специальных умений и навыков в необходимый момент аккумулировать резервные и компенсаторные ресурсы организма, которые не только позволяют предвидеть возможные ситуации, но и способствуют психологической устойчивости сотрудника полиции, применяющего огнестрельное оружие.

В связи с этим, курсантам и слушателям необходимо тренировать не только практический навык стрельбы, но и психологическую устойчивость, чтобы в стрессовых ситуациях не терять самообладания. Факторами-раздражителями являются:

– громкие звуки при производстве выстрела. Необходимо наработать навык, который позволит не обращать внима-

ние на посторонние шумы (соседний выстрел, отвлекающие посторонние звуки, звуки сирен, криков и т.п.);

– неуверенность в себе вследствие недостаточной высокой практической подготовленности. Следует тренировать свои психофизиологические качества при воздействии неблагоприятных факторов, стресса и волнения, а также постоянно совершенствовать практические навыки приемов и правил стрельбы и тактико-специальной подготовки;

– недостаточное знание нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность сотрудников полиции, а также боязнь ответственности из-за неверных действий при обращении с оружием. Постоянное изучение, понимание и подробный разбор действующих нормативно-правовых актов, и вносимые поправки в действующие законы и нормативно-правовые акты даст уверенность в своих действиях;

– неспособность сфокусироваться на поставленной задаче. Необходимо учиться сосредотачивать свое внимание на выполнении определенного алгоритма действий с оружием, совладать со своими переживаниями и стрессом перед и во время стрельбы. Уметь критически мыслить и в случае «плохого» выстрела быстро найти решение для корректировки стрельбы. [4]

Таким образом, современные проблемы огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников ОВД имеют разносторонний характер, выраженный как в проблеме самообразования сотрудников органов внутренних дел, так и в проблемах корректировки программы обучения, связанные с новой коронавирусной инфекцией и дистанционного обучения. Необходимо оперативно вносить изменения в образовательный процесс и постоянно его совершенствовать для качественной и профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Пристатейный библиографический список

1. Масейчук Ю. М., Актуальные проблемы подготовки спортсменов-стрелков в образовательных организациях МВД России В сборнике: Совершенствование огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов // Сборник материалов Всероссийской конференции. - Орёл, 2021. - С. 133-135.
2. Масейчук Ю. М., Муртазин А. И. Основы безопасного обращения с оружием в практической стрельбе. В сборнике: Совершенствование методики преподавания специальных профессиональных дисциплин в образовательных организациях МВД России // Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Редколлегия: А. С. Дудко, А. А. Фролов, Ю. А. Напалков [и др.]. - Краснодар, 2021. - С. 138-141.
3. Масейчук Ю. М., Приемы психологической саморегуляции и методы, способствующие развитию профессиональных навыков и мастерству стрельбы сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. - 2021. - № 2 (41). - С. 23-24.
4. Романов А. А., Масейчук Ю. М., Вагапов Т. Х. Совершенствование самостоятельной подготовки обучающихся по основам профессиональной деятельности (в части изучения профессиональных модулей). Учебное пособие. - Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2020. - С. 20-22.

СТЕПАНОВА Айгуль Ахметзямилевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России

СОДЕРЖАНИЕ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

Статья посвящена анализу содержания контрольно-надзорной деятельности ОВД в сфере миграции, через рассмотрение форм и методов данной деятельности, а также функции, реализуемые путем создания нормативных правовых актов в отношении неопределенного круга лиц.

Ключевые слова: контрольно-надзорная деятельность, миграция, органы внутренних дел, миграционные правоотношения, преступления, административные правонарушения, миграционная ситуация.

STEPANOVA Aigul Ahmetzyamilevna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional law sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

THE CONTENT OF THE CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE FIELD OF MIGRATION

The article is devoted to the analysis of the content of the control and supervisory activities of the Department of Internal Affairs in the field of migration, through consideration of the forms and methods of this activity, as well as functions implemented by creating regulatory legal acts in relation to an indefinite circle of persons.

Keywords: control and supervisory activities, migration, internal affairs bodies, migration legal relations, crimes, administrative offenses, migration situation.

Анализ содержания контрольно-надзорной деятельности ОВД в сфере миграции осуществлялся через рассмотрение форм и методов такой деятельности.

Под формой реализации рассматриваемого вида правоохранительной деятельности предложено понимать сходные по своей сущности и правовой природе правовые действия, реализуемые специально уполномоченными субъектами, с помощью которых реализуется контрольно-надзорная деятельность ОВД в сфере миграции. При этом методы такого вида деятельности представляют собой способы практического осуществления целей, выполнения задач и функций деятельности ОВД в сфере миграции.

Исходя из вышеизложенного, стоит сказать, что основными правовыми формами осуществления контрольно-надзорной деятельности органов внутренних дел в сфере миграции являются правотворческая и правоприменительная. Правотворческая функция реализуется путем создания нормативных правовых актов в отношении неопределенного круга лиц. Правоприменительная же – осуществляется путем вынесения индивидуальных актов управления.

Неправовые формы способствуют ведению статистики, сбору информации, формированию и ведению информационных баз данных.

В связи с тем, что одной из сторон миграционных правоотношений является государство в лице уполномоченных органов, стоит сказать, что данные правоотношения регулируются путем применения императивного метода. Публичность правоотношений предполагает применение принудительной силы государства.

Следует сказать, что применение правовых форм и методов правового регулирования в сфере миграции должно преследовать одну из главных целей российской правовой системы – предупреждение преступлений и административных правонарушений.

Можно определить наиболее эффективные формы и методы, среди которых отметим такие, как:

– правотворчество, соответствующее экономической, социальной и политической ситуации в стране, направленное на устранение коллизий и пробелов;

– повышение значимости применения неправовых форм путем мониторинга данных, с целью использования необходимой информации и повышения результативности проведения оперативно-профилактических мероприятий;

– проведение профилактической работы по предупреждению совершения правонарушений и преступлений в сфере миграции;

– осуществление работы с диаспорами, представляющими интересы иностранных граждан, особенно из миграционно-опасных стран в целях активизации получения оперативно-значимой информации в отношении находящихся в субъекте Российской Федерации иностранных граждан.

В ходе рассматриваемой темы установлено, что сложившееся положение дел не позволяет объективно оценить миграционную ситуацию в стране и спрогнозировать ее возможные изменения, а также создает риск осложнения криминогенной ситуации. Кроме того, в условиях поэтапного ослабления режимных ограничений, нарастания негативных тенденций в социально-экономической сфере, прогнозируемого увеличения количества прибывающих в нашу страну мигрантов, особенно из стран СНГ, формируются дополнительные риски в области обеспечения правопорядка и общественной безопасности, которые требуют принятия адекватных мер реагирования.

Принимая во внимание введенные постановлением Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 4381 ограничения для осуществления контрольно-надзорной деятельности в 2020 году¹, территориальным органам МВД

1 Об особенностях осуществления в 2020 году государственного контроля (надзора), муниципального контроля и о внесении изменения в пункт 7 Правил подготовки органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля

России следует активнее использовать полномочия, предоставленные ФЗ «О полиции»².

В ходе рассмотрения данной темы следует подчеркнуть необходимость осуществления мониторинга и анализа содержащихся в имеющихся информационных учетах данных об иностранных гражданах и иных сведений, которые могут способствовать выявлению лиц, незаконно проживающих на территории России. В том случае, если в отношении них должно быть принято решение о нежелательности их пребывания в России, необходимо осуществить ряд действий, а именно:

- провести опрос, в том числе на предмет установления адресов их фактического местонахождения (осуществления трудовой деятельности), установления обстоятельств совершения ими нарушений законодательства Российской Федерации, семейного положения и т.д.;

- вести списочный учет таких иностранных граждан.

В целях оперативного реагирования на изменения миграционной ситуации, осложнения криминогенной обстановки, в том числе после завершения действия Указа необходимо:

- проводить совместно с иными правоохранительными органами проверки мест компактного пребывания (проживания) иностранных граждан, мест осуществления ими трудовой деятельности с целью выявления и пресечения каналов нелегальной миграции, административных правонарушений со стороны иностранных граждан;

- принимать решения о не разрешении въезда в отношении иностранных граждан, находящихся за пределами Российской Федерации, при выявлении соответствующих оснований с учетом того, что Указом не установлен прямой запрет на вынесение таких решений.

В целях выявления, пресечения и предупреждения совершения правонарушений, связанных с несоблюдением работодателями требований миграционного законодательства, исполнение которых Указом не приостановлено, необходимо провести анализ количества разрешительных документов для осуществления трудовой деятельности, выданных иностранным гражданам до издания Указа, и количества поступивших уведомлений от работодателей о заключении трудовых договоров³.

В случае, если в ходе оперативно-служебной деятельности, в том числе при проведении проверок в местах пребывания (проживания) иностранных граждан и в местах осуществления ими трудовой деятельности выявлены иностранные граждане, осуществляющие трудовую деятельность, необходимо проводить опрос иностранных работников с целью установления их работодателей, проверки по имеющимся информационным учетам на предмет поступления от работодателей уведомлений о заключении трудовых договоров, а в случае установления факта осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами с визовым въездом

– проверки на предмет наличия у работодателя разрешения на привлечение и использование иностранных работников;

С целью выявления проблемных вопросов и выработки организационно-правовых мер совершенствования реализации контрольно-надзорной деятельности ОВД в сфере миграции по данной теме были проанализированы результаты осуществления территориальными органами МВД России контрольно-надзорных функций в сфере миграции в 2020 году. Сделан вывод о том, что в ряде территориальных органов МВД России не отражены отдельные аспекты работы в рамках

Анализ статистических сведений показал, что территориальными органами МВД России была активизирована работа по выявлению недобросовестных работодателей, привлекающих ВКС. Так, по итогам 2020 года количество принятых решений о запрете привлечения ВКС возросло на 75,9 % по сравнению с показателем аналогичного периода.

Проведенный комплекс мероприятий, направленных на своевременную профилактику, выявление и пресечение нарушений миграционного законодательства, позволил сохранить контроль за миграционной ситуацией и не допустить всплеска преступности в среде мигрантов.

Пристатейный библиографический список

1. Об особенностях осуществления в 2020 году государственного контроля (надзора), муниципального контроля и о внесении изменения в пункт 7 Правил подготовки органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 438. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.09.2021).
2. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.09.2021).
3. О концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы: Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.09.2021).

ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 438. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.09.2021).

2 О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

3 О концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.09.2021).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-2-165-416-418

ТЕЛИГИСОВА Софья Сармановна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, капитан полиции

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО ВЫПОЛНЕНИЯ ИМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящей статье дан анализ понятий «профессиональная компетентность», «ценностные ориентиры», раскрываются сущностные характеристики «общепрофессиональных компетенций», «универсальных компетенций» и «профессиональных компетенций» сотрудников правоохранительных органов как прямого результата проектирования «профессиональной компетентности», обосновывается использование ценностно-ориентированного (аксиологического) подхода в качестве методологического основания исследования.

Ключевые слова: ценностные ориентиры, интегративное качество личности, личностно-ориентированная парадигма, аксиологический подход, профессиональная компетентность, общепрофессиональные компетенции, универсальные компетенции, профессиональные компетенции.

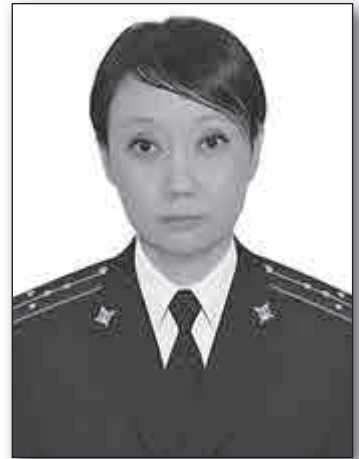
TELIGISOVA Sofya Sarmanovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Criminal process sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, captain of police

THE PROCESS OF FORMING THE VALUE ORIENTATIONS OF THE PERSONALITY OF A LAW ENFORCEMENT OFFICER FOR THE EFFECTIVE PERFORMANCE OF THEIR PROFESSIONAL ACTIVITIES

This article analyzes the concepts of «professional competence», «value orientations», reveals the essential characteristics of «general professional competencies», «universal competencies» and «professional competencies» of law enforcement officers as a direct result of designing «professional competence», justifies the use of a value-oriented (axiological) approach as a methodological basis for research.

Keywords: value orientations, integrative personality quality, personality-oriented paradigm, axiological approach, professional competence, general professional competencies, universal competencies, professional competencies.

Телигисова С. С.

Происходящие в российском обществе социальные и экономические преобразования, развитие международных отношений и членство России в международных организациях оказывает существенное воздействие на профессиональную подготовку сотрудников полиции, что проявляется, прежде всего, в новых целевых установках, обновлении содержания образования и критериях его качества в образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России).

В российском обществе сформировались новые требования к сотруднику правоохранительных органов как субъекту деятельности, к его личностно-профессиональным качествам [9]. Подобный социальный заказ диктует необходимость исследования «профессиональной компетентности» у сотрудника правоохранительной системы.

Значимость этого интегративного качества личности повышается в связи с переходом от традиционной к личностно-ориентированной парадигме образования [6], когда государству и обществу нужны высоко профессиональные, т.е. компетентные специалисты, способные самостоятельно принимать решения с учетом изменяющейся ситуации и готовые взять на себя ответственность за их осуществление, умеющие ставить цели и конструировать пути их достижения [7].

В настоящее время государством предъявляются высокие требования, как к действующим сотрудникам пра-

воохранительных органов, так и к выпускникам ведомственных образовательных организаций, которые должны не просто обладать «положительным имиджем», но и иметь высокий уровень сформированных «общепрофессиональных», «универсальных» и «профессиональных компетенций» [10].

Рассматривая значение термина «компетенция», который происходит от латинского «competere» и означает «соответствовать», «подходить», необходимо его отличать от значения термина «компетентность» (в переводе с английского «competence» – способность, круг умений, правомочий). Лишь на первый взгляд, «компетенция» и «компетентность» являются схожими понятиями. Однако, эти термины имеют различное смысловое значение и могут применяться в разном контексте.

Так, компетентность подразумевает совокупность знаний, их наличие у сотрудника как профессионала. Компетенция представляет собой конкретное умение использовать знания в ходе трудовой деятельности.

Применительно к профессиональной деятельности сотрудников полиции нам представляется целесообразным, следуя требованиям нового федерального государственного образовательного стандарта [10], сформировать у них на должном уровне следующие виды компетенций: универсальные, общепрофессиональные и профессиональные, которые в комплексе позволяют на профессио-

нальном уровне выполнять им свои функции в интересах законности и правопорядка, противостоять современной криминальной преступности.

На наш взгляд, только целостный комплекс сформированных у действующих сотрудников полиции вышеуказанных универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций позволит говорить нам о наличии и (или) об отсутствии у конкретного сотрудника полиции профессиональной компетентности – как совокупности знаний, умений и навыков.

Примечательно, что «социальный заказ» государства в лице Министерства внутренних дел Российской Федерации ориентирован на то, чтобы изначально у поступивших на службу в правоохранительные органы кандидатов был сформирован хотя бы минимальный уровень профессиональной компетентности, поскольку сама специфика профессиональной деятельности в полиции сопряжена с эмоциональным и физическим напряженным, ненормированным графиком работы, с ежедневным контактом с представителями как преступного мира, так и гражданами, ведущими асоциальный образ жизни.

В связи с этим, справедливо подчеркнуть, что процесс формирования профессионально значимых компетенций необходимо заниматься еще «в стенах» федеральных государственных образовательных организаций, находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации, когда обучающиеся, будучи курсантами, проходят непрерывное обучение, причем процесс обучения в настоящее время ведется в зависимости от их конкретной специальности (в частности, специализации и профиля образовательной программы), по которым они обучаются, а следовательно, к их специальной профессиональной подготовке могут применяться различные квалификационные требования [10].

Именно квалификационные требования были положены в качестве основополагающих направлений, определяющих минимальный перечень профессиональных компетенций у курсантов и выпускников образовательных организаций МВД России, формируемых вне зависимости от специализации, на которой они обучаются.

Так, образовательный процесс в организациях системы МВД России в настоящее время выстроен таким образом, чтобы за период обучения курсанты смогли овладеть минимальным перечнем «универсальных», «общепрофессиональных» и «профессиональных компетенций», которые в совокупности как раз и формируют «профессиональную компетентность» сотрудника правоохранительных органов.

Далее предлагается разобрать по отдельности составляющие компоненты «профессиональных компетенций». К примеру, «профессиональные компетенции» будущего сотрудника правоохранительных органов состоят из следующих видов (компонентов):

- правотворческая профессиональная компетенция, под которой следует понимать способность вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, предложения об изменении, дополнении, отмене или принятии законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации;

- правоприменительная профессиональная компетенция, под которой понимается способность соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, принимать меры к их реализации и восстановлению нарушенных прав;

- правоохранительная профессиональная компетенция, под которой понимается способность решать задачи профессиональной служебной деятельности по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений и иных правонарушений, в том числе совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий;

- оперативно-служебная профессиональная компетенция, под которой понимается способность осуществлять с позиции профессиональной этики и морали выбор норм поведения в конкретных служебных ситуациях; давать нравственную оценку коррупционным проявлениям и другим нарушениям норм профессиональной этики; взаимодействовать с гражданами с учетом этнокультурных и конфессиональных различий; соблюдать правила вежливости и культуры поведения в профессиональной служебной деятельности, нормы и правила служебного этикета;

- профилактическая профессиональная компетенция, под которой понимается способность проводить в порядке, установленном законодательными актами, профилактические мероприятия в целях выполнения задач, возложенных на подразделения по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите;

- консультационная профессиональная компетенция, под которой понимается способность оказывать консультационную помощь гражданам и организациям по вопросам, входящим в компетенцию подразделения, в том числе разъяснять права, обязанности и ответственность участникам уголовного судопроизводства;

- организационно-управленческая профессиональная компетенция, под которой понимается способность взаимодействовать с представителями федеральных органов государственной власти, государственных органов субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных организаций, контролирующими органами.

Далее перейдем к рассмотрению «универсальных компетенций» будущего сотрудника правоохранительных органов, в ядро которых входят следующие виды компетенций:

- системное и критическое мышление, под которым следует понимать способность осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, вырабатывать стратегию действий;

- командная работа и лидерство как способность организовывать и руководить работой команды, вырабатывая командную стратегию для достижения поставленной цели;

- инклюзивная компетенция как способность использовать базовые дефектологические знания в социальной и профессиональной сферах.

Разбирая ядро «общепрофессиональных компетенций», целесообразно выделить следующие компоненты:

- правоприменительная деятельность – способность оперировать основными общеправовыми понятиями и

категориями, анализировать и толковать нормы права, давать юридическую оценку фактам и обстоятельствам; способность составлять процессуальные и служебные документы; способность применять нормы материального и процессуального права в точном соответствии с правовыми принципами и действующими нормативными правовыми актами с учетом специфики отдельных отраслей права, принимать обоснованные юридические решения в соответствии с действующим законодательством РФ;

– правоохранительная деятельность – способность выполнять должностные обязанности по обеспечению законности и правопорядка при соблюдении норм права и нетерпимости к противоправному поведению; способность выявлять, пресекать преступления и административные правонарушения; способность использовать технико-криминалистические методы и средства, тактические приемы производства следственных действий, формы организации и методику раскрытия и расследования отдельных видов и групп преступлений;

– профилактическая деятельность – способность осуществлять профилактику, предупреждение правонарушений, выявлять и устранять причины и условия, способствующие их совершению;

– информационно-коммуникационные технологии для профессиональной деятельности – способность понимать принципы работы современных информационных и телекоммуникационных технологий и использовать их для решения задач профессиональной деятельности.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что каждый вид компетенций включает в себя набор конкретных знаний, умений и навыков, которые в идеале позволят как действующему сотруднику правоохранительных органов, так и курсанту как будущему выпускнику образовательных организаций системы МВД России эффективно и грамотно выполнять свои профессиональные функции и должностные обязанности по противодействию криминальным проявлениям современной преступности.

Пристатейный библиографический список

1. Безносков С. П. Профессиональная деформация личности. – СПб.: Речь, 2004. – 272 с.
2. Братусь Б. С. Нравственное сознание личности: (Психол. исследования). – М.: Знание, 1985. – 64 с.
3. Дружилов С. А. Психология профессионализма. – 2-е изд., испр., доп. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2017. – 360 с.
4. Зеер Э. Ф. Психология профессий. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Академический проект, 2003. – 336 с.
5. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Психология профессиональных деструкций. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005. – 240 с.
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 1. – Ч. 2. – Ст. 212.
7. О Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р // Рос. газ. 2015. – 8 июня.

8. Передня Д. Г. Имидж полиции России, эмпирический анализ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2016. – № 1 (76). – С. 112-123.
9. Приказ МВД от 26 июня 2020г. № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации».
10. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 26 ноября 2020 г. № 1456 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования», зарегистрированный Министерством юстиции Российской Федерации № 63650 от 27.05.2021 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400719549/> (дата обращения: 23.12.2021).
11. Сагаповский В. Н. Аксиология творчества // Наука. Искусство. Культура. – 2012. – № 1.
12. Слостенин В. А., Чижакова Г. И. Введение в педагогическую аксиологию: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Изд. Центр «Академия», 2003. – 192 с.
13. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. – М.: Наука, 1994. – 560 с.
14. Стражи порядка: мониторинг отношения общества к российской полиции. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/strazhi-porjadka-monitoring-otnosheniyaobshchestva-k-rossiiskoi-policii> (дата обращения: 23.12.2021).
15. Тимофеева С. В. Аксиологический подход в образовании – наиважнейший фактор воспитания духовного и творческого начал в личности // Вестник КрасГу. 2009. № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/> (дата обращения: 23.12.2021).
16. Шохин В. К. / Аксиология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Пред. Науч.-ред. совета В. С. Стёпин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010. – 2816 с.

УРУСОВ Замир Хасанович

старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН ПРИ РАСПРОСТРАНЕНИИ ИМИ ИНФОРМАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ В ОТНОШЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ (ПОЛИЦИИ)

Автор статьи в предлагаемом материале настаивает на том, что нормы административного законодательства, конкретизирующие ответственность для граждан при распространении ими информации в социальных сетях в отношении должностных лиц (полиции), характеризуются рядом проблемных аспектов. В числе проблем следующие: правовая основа ответственности, в контексте правонарушений в социальных сетях, только формируется; конкуренция положений Кодекса об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ) и уголовного законодательства; низкая эффективность расследования и судебных разбирательств по административным делам в отношении граждан при распространении ими информации в социальных сетях; неэффективность назначаемого наказания и др. Данное обстоятельство позволило автору высказать рекомендацию о необходимости совершенствовать нормы КоАП РФ в данной области с учетом практики их применения, что необходимо не только для безопасного функционирования российского государства, но общества и личности, в целом.

Авторский подход к проблеме свидетельствует о новизне статьи.

Ключевые слова: административная ответственность, граждане, должностные лица, сотрудники полиции, социальные сети.

URUSOV Zamir Khasanovich

senior lecturer of Law enforcement organization sub-faculty of the North Caucasus Institute (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

FEATURES OF BRINGING CITIZENS TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY WHEN THEY DISSEMINATE INFORMATION ON SOCIAL NETWORKS IN RELATION TO OFFICIALS (POLICE)

The author of the article insists in the proposed material that the norms of administrative legislation specifying responsibility for citizens when they disseminate information on social networks in relation to officials (police) are characterized by a number of problematic aspects. Among the problems are the following: the legal basis of responsibility, in the context of offenses in social networks, is just being formed; competition between the provisions of the Code of Administrative Offenses (hereinafter referred to as the Administrative Code of the Russian Federation) and criminal legislation; low efficiency of investigation and judicial proceedings in administrative cases against citizens when they disseminate information on social networks; inefficiency of the punishment imposed, etc. This circumstance allowed the author to make a recommendation on the need to improve the norms of the Administrative Code of the Russian Federation in this area, taking into account the practice of their application, which is necessary not only for the safe functioning of the Russian state, but society and person in general.

The author's approach to the problem testifies to the novelty of the article.

Keywords: administrative responsibility, citizens, officials, police officers, social networks.

Активное развитие социальных сетей является повседневной реальностью. Вряд ли можно найти человека, который хотя бы раз в своей жизни не использовал возможности интернет-технологий для поиска необходимых сведений. Более того, социальные сети необходимы современному человеку для общения, поддержания человеческих взаимоотношений, что особенно актуализируется в условиях распространения коронавирусной инфекции, когда многие граждане были вынуждены общаться между собой исключительно через социальные сети. Социальные сети необходимы для работы, распространения рекламы или используются исключительно как развлечение.

Многие граждане размещают в социальных сетях информацию разного содержания. Не исключены ситуации, когда размещающие информацию, сами не догадываются, что нарушают законодательство. Подобная тенденция не может не требовать соответствующего государственного контроля. Особенно в ситуациях, когда количество граж-

дан, привлеченных к административной ответственности за незаконную активность в сети Интернет, только увеличивается. Не изменили ситуацию и корректировки КоАП РФ, усилившие ответственность за разглашение информации с ограниченным доступом, а также об ответственности за разглашение сведений в отношении должностных лиц, в числе которых и сотрудники полиции.

В Российской Федерации каждому человеку гарантирована свобода мысли, слова и массовой информации (ст. 29 Конституции РФ). Несмотря на конституционную гарантию, декларируемое право нельзя считать абсолютным, ведь в том случае, если возникнет конфликт с другими правами, конкретизированными в Конституции РФ, данное право может ограничиваться. Речь идет о конституционной статье 23, которая является гарантом защиты чести и доброго имени.

Сотрудники полиции призваны защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, противодействовать преступности, охранять общественный порядок, собственность

Урусов З. Х.

и обеспечивать общественную безопасность. Вполне закономерно, что любая информация, распространяемая в социальных сетях, особенно если она является недостоверной, негативным образом сказывается на уровне доверия общества к деятельности полиции. Однако, как считают некоторые парламентарии, «практика распространения в социальных сетях информации, относительно сотрудников полиции их частной и личной жизни, только расширяется. Подобное положение вещей не могло не требовать незамедлительного вмешательства для того, чтобы не допустить пренебрежения в борьбе с преступностью и ликвидировать плохое влияние на работу правоохранительных органов» [1].

В настоящее время пользователи социальных сетей не должны забывать о возможных санкциях, которые могут быть применены к ним в том случае, если они распространяют или планируют распространить информацию в отношении должностных лиц, в частности сотрудников полиции. Например, если гражданин распространяет в сети Интернет информацию, оскорбляющую достоинство полицейского, это может быть расценено, как мелкое хулиганство, что грозит нарушителю, в рамках ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ, штрафными санкциями в размере 30-100 тыс. руб. А если распространяемая информация, под видом достоверных сообщений, повлекла негативные последствия, это является основанием для того, чтобы вменить гражданину штраф в размере 30-100 тыс. руб. (ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ). Если в информации, размещенной в социальной сети, будут выявлены сведения унижающие честь и достоинство сотрудника полиции, выраженное в неприличной форме, это повод привлечь гражданина к ответственности по ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ за оскорбление, содержащееся в публичном выступлении и взыскать с него штраф в размере от 3 до 5 тысяч рублей. Федеральный закон № 99-ФЗ, которым в КоАП РФ внесены изменения, оговаривает, что замена штрафа предупреждением недопустима [2].

Административное правонарушение при распространении информации в социальных сетях, в том числе и относительно должностных лиц (полиции) – это правонарушение, которое допускают граждане в области оборота информации. Данное правонарушение является общественно опасным, противоправным и виновным деянием, выражающимся в форме действия и посягающее на установленный порядок управления через социальные сети. Именно такого определения предлагаем придерживаться в рамках данной статьи.

Структурно процесс привлечения к административной ответственности может быть представлен следующим: после того, как дело об административном правонарушении возбуждено и составлен протокол, данное дело подлежит рассмотрению. После этого этапа должно быть вынесено постановление, которое в случае необходимости пересматривается (обжалуется) и на завершающем этапе исполняется. Несмотря на логичность и последовательность этапов привлечения к административной ответственности относительно социальных сетей не все так прозрачно.

Сегодня правовая основа ответственности, в контексте правонарушений в социальных сетях, только формируется, что не может не порождать проблемные аспекты применения административно законодательных положений. Первая проблема видится в неопределенности интернет отношений и местоположения участвующих в данных отношениях субъектов. Социальные сети, предоставляющие гражданам обширные возможности для получения и распространения информации, позволяют им оставаться максимально анонимными. Граждане, которые в социальных сетях распространяют информацию, в том числе и в отношении сотрудников полиции, по факту могут это делать, физически находясь в любом регионе страны или другом государстве. Это делает затруднительным применение правовой нормы конкретного государства [3].

Не менее значимой проблемой видится конкуренция положений КоАП РФ и уголовного законодательства. Например, квалифицируя совершенное административное правонарушение, может возникнуть трудность при определении такой категории, как «существенный вред». Данная категория оценочная и находится в области правового поля двух указанных законов.

Низкая эффективность расследования и судебных разбирательств по административным делам в отношении граждан при распространении ими информации в социальных сетях, в том числе и в отношении сотрудников полиции, позволяет данный факт считать не менее значимой проблемой, чем вышеуказанные. Сложности в данном случае обусловлены следующим: видимые материальные следы приготовления и совершения правонарушения трудно или невозможно выявить; трудно определить время совершения правонарушения. Например, некоторые правонарушения могут иметь место не с момента, когда такая информация получена, а с момента, когда определенное событие наступило. В частности, это касается разглашения информации ограниченного доступа.

Не следует забывать, что совершенное административное правонарушение, в социальных сетях, расследуется по истечении определенного времени после того, как правонарушение совершено, т.е. информация размещена на сайте. Это не только свидетельствует о ретроспективном характере расследования, но и снижаются возможности установления лиц, причастных к совершению данного правонарушения [4].

Проблемой видим назначение и исполнение административного наказания за распространение гражданами информации в социальных сетях, в том числе в отношении сотрудников полиции. Придерживается мнения, что санкции, которые устанавливают ответственность за правонарушения в социальных сетях, не эффективны. Увеличение штрафных санкций в целом, не соответствуют достижению целей административного наказания.

Гражданин, которого привлекли к административной ответственности, может не признавать свою вину по факту распространения информации. В случае не согласия с обвинением, когда, по мнению гражданина, информация, им размещенная, не является утверждением факта, а представляет исключительно выражение мнения, он наделен правом в течение 10 дней подать апелляционную жалобу. Если апелляционная жалоба не будет удовлетворена, у гражданина есть полугодовое право обжаловать ограничение свободы выражения мнения и сопутствующие нарушения в Европейском Суде по правам человека.

Материал, систематизированный в статье, позволяет утверждать о том, что положения административного законодательства, устанавливающие ответственность для граждан при распространении ими информации в социальных сетях в отношении должностных лиц (полиции), характеризуются рядом проблемных аспектов. Что требует совершенствования норм КоАП РФ в данной области с учетом практики их применения. В первую очередь нужно гармонизировать нормы, касающиеся регулирования отношений в социальных сетях, что необходимо не только для безопасного функционирования российского государства, но общества и личности, в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Президент РФ подписал закон о запрете на публикацию данных о частной жизни и работе силовиков. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/news/494501> (дата обращения: 29.09.2021).
2. Федеральный закон от 01.04.2020 № 99-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Доступ из правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Актуальные проблемы привлечения к административной ответственности за правонарушения в информационной сфере. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urfac.ru/?p=2079> (дата обращения: 29.09.2021).
4. Безручко Е. В., Рысай Б. Г. Некоторые проблемы административной ответственности в сфере связи и информации // ЮП. - 2020. - № 1 (92).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-2-165-421-423

ГОНЧАРЕНКО Елена Вячеславовна

медицинский психолог, старший лаборант Астраханского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации

ТАЙСАЕВА Светлана Борисовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

БАННИКОВ Дмитрий Владимирович

заместитель руководителя следственного отдела по Трусовскому району г. Астрахани Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Астраханской области, капитан юстиции

ЛОЖЬ КАК ПСИХОТРАВМИРУЮЩИЙ ФАКТОР У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГА И СЛЕДОВАТЕЛЯ

В статье показано как в ходе следственных действий и работы психолога выявляется ложь. Описана работа с конкретным случаем детского обмана в практике клинического психолога и следователя. Апеллируя к научным воззрениям и правоприменительной практике, авторы приводят в пример психологические портреты, делают собственные выводы о возможности и важности личного участия, понимания, сочувствия как нравственной, моральной и гуманистической модели отношения к детям в профессиональной деятельности следователей и психолога.

Ключевые слова: детская ложь, психотравма, подросток, психологический портрет.

GONCHARENKO Yelena Vyacheslavovna

medical psychologist, senior laboratory assistant of the Astrakhan State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

TAYSAEVA Svetlana Borisovna

Ph.D. in psychological sciences, associate professor of Psychology sub-faculty of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics

BANNIKOV Dmitriy Vladimirovich

Deputy Head of the Investigation Department for the Trusovsky District of the city of Astrakhan of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Astrakhan Region, captain of justice

LIE AS A PSYCHOTRAUMATIC FACTOR IN A MINOR IN THE PRACTICE OF A PSYCHOLOGIST AND INVESTIGATOR

The article shows how lies are revealed in the course of investigative actions and the work of a psychologist. The work with a specific case of child deception in the practice of a clinical psychologist and investigator is described. Appealing to scientific views and law enforcement practice, the authors cite psychological portraits as an example, draw their own conclusions about the possibility and importance of personal participation, understanding, empathy as moral, moral and humanistic – model of attitudes towards children in the professional activities of investigators and psychologists.

Keywords: children's lies, psychotrauma, teenager, psychological portrait.

Виктимология – социально-психологическая область знания, изучающая различные категории людей – жертв неблагоприятных условий социализации. Предметом социально-психологической виктимологии является изучение детей и взрослых, оказавшихся в сложных жизненных ситуациях и требующих специальной социальной и психологической помощи [4]. Виктимология – это развивающееся комплексное учение о лицах, находящихся в кризисном состоянии (жертвах преступлений, стихийных бедствий, катастроф, различных форм насилия, аддиктивного поведения и т. д.) и мерах помощи таким жертвам. Наиболее важные стрессоры по типу «удара судьбы»: физическая агрессия со стороны других людей, конфликты с соучениками, в том числе остракизм, буллинг, тяжелая болезнь членов семьи, алкоголизация и наркотическая зависимость родственников, плохие социально-экономические условия жизни, низкая успеваемость, проблемы адаптации в учебном учреждении, способны формировать хроническую тревогу, низкую самооценку, нервозность и депрессивное состояние у подростков.

Такие дети нередко из-за излишней доверчивости, максимализма, гипоопеки и отсутствия поддержки и эмпатии в семье могут виктимизироваться и вовлекаться в

различные, в том числе и сексуальные преступления. К сексуальным посягательствам в отношении детей относят вовлечение зависимых, неразвитых детей и подростков в сексуальную активность, сущности которой они не понимают, и на которую они не способны дать согласие [5]. Если в семье царят вербальная и физическая агрессия, доминирующее поведение родителя, эмоциональная холодность и безразличие по отношению к ребенку, завышенные требования, то возникает невротическое чувство страха и вины за то, что их окружение морально и нравственно их осуждает. В основном, они испытывают искреннее отвращение и презрения к насильнику, чувство стыда при рассказе о половом акте и сексуальных домогательствах. Отмечено, что сама жертва крайне редко приходит в следственные органы и рассказывает о происшествии, а родители совершенно случайно узнают об этом от других лиц.

Само по себе следственное действие для любого подростка является стрессовым фактором. Мероприятия: беседа с ним и с законным представителем, видеосъемка с показаниями ребенка, ретроспектива событий вызывают ситуативную тревогу и психоэмоциональное напряжение. Дети часто испытывают дискомфорт перед взрослыми, стыд при воспоминаниях

ниях о событиях, связанных с сексуальными действиями. В таких ситуациях на помощь следователю приходит психолог.

Психолог оказывает помощь следствию согласно статьям 191, 58, 168 УПК РФ [1]. Специалисту необходимо иметь такие личностные качества как доброжелательность и любовь к детям. Прежде всего, нужно расположить ребенка к себе, нейтрализовать механизмы психологической защиты (отрицание, вытеснение) и наладить правильный раппорт в коммуникации. Работа с несовершеннолетними, у которых было сексуальное насилие или совершены его попытки, требует от специалиста эмпатии и хорошей интуиции. Идеально если есть дополнительное образование и профессиональная подготовка по криминальной психологии, а также, навыки распознавания обмана по вербальному, невербальному поведению. Это позволяет выявить конфабуляцию, феномен ложной памяти или неискренность человека.

П. Экман, известный исследователь в области психологии лжи, в своей книге «Лгуны и фантазеры. Правда о детской лжи» утверждает, что «дети иногда действительно лгут про случаи сексуального насилия» [7].

Психотравмированные подростки, которые страдают от деструктивных детско-родительских отношений в семье, где родители алкоголизируются или употребляют наркотики, существует физическая и вербальная агрессия могут давать ложные показания по отношению к родственникам. Условная выгода от таких заявлений заключается в том, что внутриличностный конфликт, страх, гнев и отчаяние формируют реакцию избегания от стрессора и ребенок самостоятельно принимает решение покинуть эту семью и избавиться психологически от угрозы или ситуации, вызывающей отрицательные эмоции.

Хотим описать один из случаев из нашей практики – пример детского обмана, причиной которого явилась хронической психотравма подростка. В 2021 в Следственное управление Следственного комитета Астраханской области РФ от органов социальной поддержки одного из районов г. Астрахани поступило обращение. В нем было указано, что при помещении несовершеннолетней О. 2007 г. р. в реабилитационный центр подросток написал заявление о действиях сексуального характера со стороны отчима. Для процессуальной проверки этого обращения был приглашен медицинский психолог ГБУЗ АО «Областная детская клиническая больница имени Н. Н. Силищевой». Беседа была проведена не только с ребенком, но и с отчимом и матерью для составления психологических портретов.

Психологический портрет несовершеннолетней О. 2007 г.р. Объективно: первоначально, девочка напряжена в кабинете следователя, фиксируются признаки высокого стресса (микровыражения страха в мимике, напряженная поза, множество жестов-самоадапторов, гипердыхание, гипергидроз ладоней). Отмечено, что постоянно вытирает потные руки об одежду, поглаживает колени, прикасается к лицу. При дружеском подбадривании, эмпатии со стороны специалиста уровень стресса снижается и устанавливается положительный раппорт. Эмоциональный фон лабильный: хорошо переключается с эмоции на эмоцию, мимика живая, выразительная. Внешний вид опрятный, одежда чистая, девочка умытая и причесанная, подростковой демонстративности в одежде, поведении не отмечается. Часто отвлекается на телефон, тербит его. Интеллектуальный уровень и эрудиция по речевой продукции невысокие. Словарный запас обедненный, страдает активное внимание, мышление конкретное, уровень абстрагирования низкий, патопсихоло-

гического продукта в мышлении не выявлено. Эмоционально-волевая сфера незрелая, ребенок социально и педагогически запущен. Интересы: иногда рисует, играет в гаджеты, не читает, увлечений нет, дополнительных развивающих и творческих занятий не посещает. Свободное время проводит в играх с братом и младшей сестрой, занятий и обязанностей по дому не выполняет. Аддиктивные и девиантные поступки (алкоголизация, сексуальные контакты, кражи, побеги из дома) отрицает. Рассказывает, что изредка прогуливает школу с братом, «гуляют по улицам». В неформальные подростковые компании не входит. О любви рассуждает как о платонических отношениях, о мужской привлекательности судит по киногероям из фильма «Сумерки».

На вопрос: «Какие у тебя отношения с родителями?» отвечает, что ее «бесит», что родители пьют пиво, сознается, что может грубить им по этому поводу, их образ жизни ей надоел. Нервничает, увеличивается количество жестов-самоадапторов, появляется гипердыхание. В мимике эмоция печали по FACS, а в пантомимике поза «черепahi». На контрольные вопросы: «Было ли такое, что отчим дотрагивался до ее интимных частей тела?», «Было ли такое, что отчим подходил и обнимал ее?», «Было ли такое, что отчим ее целовал?», «Было ли такое, что отчим говорил ей комплименты как взрослой?», «Было ли такое, что отчим проявлял к ней сексуальный интерес?» дает отрицательные ответы, которые активно сопровождаются полными жестами – эмблемами головой «Нет». В ответах телом не дистанцируется, в мимике микровыражение печали по FACS, гипердыхание. Вербальное и невербальное поведение на контрольных вопросах были полностью конгруэнтны и соответствовали сказанному. Поясняет, что написала заявление на родственников с целью «подольше остаться, потому что домой неохота, они пьют».

Дополнительно, психологом был проанализирован текст заявления девочки, исполненный рукописно на листе формата А4 (ксерокопия). Можно отметить, что в контексте «он до меня домогался сильно меня лапал завесе», авторский текст сохранен. Слово «домогался» – домогался относится к речевой продукции взрослого человека. Слово «лапал» характерен для сленга людей с активным платоническим и сексуальным опытом. Также отмечено, что текст написан в состоянии высокого эмоционального напряжения, присутствуют лингвистические конструкции речевой деятельности другой языковой личности (инициалы, хронологические даты, речевые конструкции). Во время написания девочку направляли в оформлении письма, вносили собственные коррективы. Документ выполнен в соавторстве.

Психологический портрет матери О. По речевой продукции уровень интеллекта снижен, эрудиция, словарный запас невысокие. Мать неласковая, формальная, эмпатии к ребенку не проявляет, одергивает, посмеивается над дочерью. Создается, что сожитель нередко ее избивал, но в беседе всячески оправдывает, называет «кормильцем» и главой семьи. Категорически отрицает его причастность в действиях сексуального характера к дочери. Обвиняет в заговоре против ее семьи своих сестер, которые против их отношений. Говорит, что те сознательно настраивают девочку против нее и мужа из-за того, что родственникам не нравится их употребление спиртного. Не допускает предположений, что риски виктимизации ребенка высокие со стороны лиц мужского пола. В пояснении ситуации работают защитные механизмы: отрицание и проекция на других людей своих комплексов и поступков. Чувство любви и привязанности к сожителю превалирует над детско-родительскими отношениями.

Психологический портрет отчима О. 1990 г.р. Родился и вырос в полной семье, есть родной сиблинг (сестра). Отношения с родителями со слов не поддерживает: изредка созванивается с матерью. Оговаривается, что родители любят сестру больше, «все только ей, а мне ничего», в отношениях с сестрой элементы соперничества и ревности. Рассказывает, что участвовал в драках в подростковом и юношеском возрасте, были ушибы мягких тканей головы, ЧМТ отрицает.

В анамнезе: ночной энурез до пубертатного периода, в подростковом возрасте поджигал с компанией сверстников сено, зоосадиизмом не страдал. Закончил общеобразовательную школу, 9 классов, учился удовлетворительно, отучился в ПТУ по специальности «тракторист-машинист». Далее проходил военную службу, служил год в ракетных войсках. После возвращения из армии поконфликтовал с отцом и переехал в Астрахань. Официально не трудоустроен, зарабатывает на жизнь «шабашками», ремонтом автомобилей. Познакомился с сожительницей на свадьбе, далее стали проживать вместе с 2012 года на ее жилплощади. Воспитывал ее старших детей с раннего детского возраста, есть совместный ребенок дошкольного возраста. Признается, что между ним и женой были драки, женщина обращалась в полицию и его «привлекали по хулиганке». Часто употребляют алкогольные напитки, «можем выпить полторашку, две после работы». Сознается, что детям не нравится употребление спиртных напитков. Падчерица могла вылить пиво в раковину, часто случались конфликты по этому поводу. В алкогольном опьянении становится агрессивным. На вопросы, которые касались действий сексуального характера по отношению к несовершеннолетней, отвечал отрицательно. Установки на запирательство, утаивания и искажения информации не выявлено. Стремился к сотрудничеству с психологом. Во время обсуждения сексуальных тем сработал механизм адаптации к стрессу, не избегал «опасных» тем, сотрудничал, был ассоциирован к обсуждению события, детализировал его.

Интеллектуальный уровень невысокий по вербальной продукции часто не понимает значение терминов и слов, требуется разъяснение сказанного. Учитывая хронический алкоголизм, ушибы головы речь идет об органических поражениях головного мозга. Эмоционально-волевая сфера незрелая, склонен к аффекту, гневу, эмоционально неустойчив. Морально-нравственные ценности инфантильные. Рисунок поведения характерен для психопатизированной личности.

В практике детских психологов регулярно наблюдаются дети с психосоматическими нарушениями, органическими неврозами, которые маскируются под расстройства вегетативной нервной системы и соматические заболевания, патогенезом для которых является стресс-фактор. На развитие группы психосоматических заболеваний огромное значение влияет внутриличностный конфликт, негативный опыт человека и травматические переживания. Психосоматика — термин, который в широком смысле обозначает различные взаимодействия между физическим состоянием и психикой. По мнению известного отечественного психиатра Б. Д. Карвасарского, формирование симптомов при психосоматических болезнях зависит от ряда факторов: неосознанного внутри- или межличностного конфликта, неудовлетворения какой-либо потребности; особенностей личности и темперамента; способов переработки эмоций, установления основных защитных механизмов; индивидуального опыта, условий жизни; вида и силы актуальной психотравмы [3].

Второй путь избегания стрессора — это сознательный обман. Ложь как социокультурный феномен был описан

Н. Хамфри. В статье «Социальная функция интеллекта» он предположил, что «человек развивался не потому, что взял в руки орудие труда, а под влиянием таких факторов, как необходимость предугадывать поведение своих сородичей и вводить их в заблуждение» [6]. Из-за психологической незрелости для переработки болезненного личного опыта, агрессии, внутренний мир ребенка лишается гармонии, введение в заблуждение может являться «ложью во спасение» и реакцией «Беги» на угрожающий фактор. В случае с О. несовершеннолетняя предпочла обмануть взрослых, чтобы остаться в реабилитационном центре, где получила помощь, поддержку и душевное тепло неравнодушных людей.

Дж. Дуглас, американский криминолог, указывает на сострадание жертве в следственных мероприятиях. Положительным результатом такого рода эмоциональной вовлеченности является то, что она — как минимум до некоторой степени — служит залогом того, что дело будет расследовано тщательно, неравнодушно и деликатно [2]. Личное участие, понимание, сочувствие — это нравственная, моральная и гуманистическая модель отношения к детям в профессиональной деятельности следователей и психолога.

Пристатейный библиографический список

1. Гриненко А. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. — М.: Проспект, 2021. — 1288 с.
2. Дуглас Дж. Сексуальные маньяки. Психологические портреты и мотивы. — М.: Бомбора, 2021. — 367 с.
3. Карвасарский Б. Д. Психотерапевтическая энциклопедия. — СПб.: Питер Ком, 1998. — 752 с.
4. Малкина-Пых И. Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. — СПб.: Питер, 2018. — 832 с.
5. Ткаченко А. А., Введенский Г. Е., Дворянчиков Н. В. Судебная сексология. — М.: Бином, 2020. — 646 с.
6. Хамфри Н. «Социальная функция интеллекта». В «Точки роста в этиологии» / Под ред. П. П. Г. Бейтсон и Р. А. Хайнд. — Кембридж: Cambridge University Press, 1976. — С. 303-317.
7. Экман П. Луны или фантазеры. Правда о детской лжи. — СПб.: Питер, 2017. — 272 с.

АХТАМЬЯНОВ Руслан Ренартович

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

БАЙРАМОВ Санан Аджисаятович

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Уральского юридического института МВД России

ЯКУШЕВ Алексей Вадимович

преподаватель кафедры огневой подготовки Восточно-Сибирского института МВД России

ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В настоящей статье будут рассмотрены проблемы, возникающие при расследовании преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий, сложность их раскрытия и взаимодействия правоохранительных органов с другими службами. Приводится возрастающая статистика преступлений в сфере IT-технологий по сравнению с 2021 годом. Так же перечислены основные черты киберпреступности.

Ключевые слова: информация, технологии, раскрытие, взаимодействие, правоохранительные органы, IT-технология, киберпреступность.

AKHTAMYANOV Ruslan Renartovich

lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

BAYRAMOV Sanan Adjisayatovich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

YAKUSHEV Aleksey Vadimovich

lecturer of Fire training sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia

THE MAIN THREATS IN THE FIELD OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

This article will consider the problems arising in the investigation of crimes in the field of information and communication technologies, the complexity of their disclosure and the interaction of law enforcement agencies with other services. The increasing statistics of crimes in the field of IT technologies in comparison with 2021 are given. The main features of cybercrime are also listed.

Keywords: information, technologies, disclosure, interaction, law enforcement agencies, IT technology, cybercrime.

В современном мире информация стала главным ресурсом в эпоху научно-технического развития. В Доктрине информационной безопасности РФ подчеркивается значимость безопасности в различных сферах человечества. Особое внимание уделяется информационным технологиям, которые стремительно внедряются в повседневную жизнь человека, тем самым облегчая работу человеческой жизнедеятельности. Информационно-технические процессы, которые подвергаются автоматизированной обработке, позволяют заменить ручной труд на технический, что отражается на показателях времени и ресурсах трудовой деятельности.

В рамках всемирного экономического форума было отмечено, что человечество переживает четвертую информационную революцию, в результате которой информационные ресурсы становятся наиболее значимыми, а информационные технологии вносят кардинальные изменения во все сферы общественной жизни, в том числе в социальное взаимодействие между государствами, экономические модели и политическую деятельность [1].

Однако вместе с новыми возможностями, открываемыми благодаря технологиям, мы также сталкиваемся и с новыми угрозами и проблемами. Более того, из-за слишком стремительного развития новых сфер, мы не всегда можем своевременно среагировать на появление новых угроз или предотвратить их. Так, в настоящее время уделяется огромное внимание информационным средствам, подвергающиеся модернизационным процессам, которые должны

соответствовать требованиям эксплуатации и одновременно гарантировать безопасность в их применении.

Перед специалистами стоит ряд задач по обеспечению защиты, как самих средств, так и информационной среды. По мнению А. В. Парамонова «Важность и роль цифровой среды в современном обществе осознают многие субъекты международной арены. Осознание всего потенциала управления, владения и возможностей внесения изменений в виртуальные процессы выступает современным и весьма интересным геополитическим инструментом, завладеть и реализовать который стремятся многие государства» [2]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что информационные угрозы в настоящее время являются актуальной проблемой, которые требуют непрерывного анализа и сравнения, в течение нескольких промежутков времени. Методы и средства, которые необходимо применить для защиты информации конфиденциального характера должны рассматриваться как теоретически, так и практически одновременно применяя всевозможные способы защиты.

Одним из последствий стремительного развития информационных технологий является появление такого явления как киберпреступность. По мнению Т. А. Тропиной, киберпреступность – это совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, и против компьютерных систем, компьютерных сетей или компьютерных данных.

Данное определение достаточно точно отражает сущность рассматриваемого явления, кроме того, киберпреступность обладает такими характерными чертами как:

– нестандартность способов совершения – многообразие способов и приемов совершения киберпреступлений дает возможность злоумышленникам к усложнению и комбинированию преступных схем, а применение методов социальной инженерии способствует еще большему усложнению состава преступления;

– автоматизация преступных деяний – благодаря технологическим возможностям современных устройств, происходит автоматизация не только полезных процессов, но и элементов преступных методов;

– анонимность деяний – вследствие использования злоумышленниками различных маскирующих программ возникает трудность в определении их IP-адресов;

– сложность раскрываемости данного вида преступлений – в совокупности все вышеперечисленных факторов, а также их высокая латентность приводит к низкой раскрываемости киберпреступлений;

– взаимодействие различных преступных сообществ – то есть благодаря развитию средств коммуникаций, в том числе анонимной, в сети Интернет взаимодействие между преступными сообществами стало проявляться в активной форме;

– высокие доходы преступной деятельности – из-за широкого охвата объектов киберпреступлений, доходы складываются больше, чем при обычных преступлениях [3].

К сожалению, в современном мире преступления в сфере компьютерных технологий стремительно увеличивается. «За последнее десятилетие выросло количество атак на цепочки поставок. Такая неутешительная тенденция продолжается. В I квартале текущего года в Интернете совершено на 51,6 процента больше преступлений, чем год назад. Число преступлений во всей IT-сфере увеличилось на 33,7 процента», — сказал премьер-министр Михаил Мишустин в видеообращении к участникам международного онлайн-тренинга по кибербезопасности Cyber Polygon.

В июне 2021 года в МВД сообщили, что по данным о состоянии преступности в России по итогам пяти месяцев 2021 года было установлено — существенная часть преступлений совершается с применением IT-технологий. В январе — мае их зарегистрировано на 25,7 процента больше, чем год назад [4].

Коэффициент раскрываемости такого рода преступлений значительно ниже, так как большинство из них совершаются с использованием сети Интернет и средств мобильной связи, что позволяет преступникам находиться удаленно от места совершения преступления, с использованием различных программных продуктов для сокрытия личности. Это обеспечивает им анонимность, что во много раз усложняет работу правоохранительных органов по раскрытию такого рода преступлений.

Немаловажным элементом для успешного раскрытия данных преступлений является проведение компьютерно-технической экспертизы. Благодаря результатам данной экспертизы сотрудники ОВД имеют возможность собрать полную доказательственную базу для успешного раскрытия преступлений. При проведении следственных действий важно учесть знания и навыки в области компьютерной техники. При определении термина «криминалистический дубликат» понимается процесс копирования с любого материального носителя. Примером практического применения информационных навыков является проведение копии жесткого дис-

ка любой организации, которая содержит конфиденциальную информацию.

Значимость киберпреступлений в сфере правоохранительной деятельности так же актуализирована. Введение таких понятий как – «информационный терроризм» и «кибертерроризм» приобретают международную значимость. Эти виды способствуют внедрению ложной информации через сети Интернет для создания противоречивого представления информации разного характера. Поэтому часто возникают международные конфликты носящие политический или государственно-экономический характер. Синонимом к вышеуказанным дефинициям становится термин - «преступность виртуального пространства». Особенности данных преступлений являются факторы анонимности преступных деяний, сложностью проведения оперативно-розыскных мероприятий, в целом судебное разбирательство. В юрисдикцию Уголовного кодекса РФ попадают нормы, определяющие ответственность с применением элементов киберпреступлений.

Таким образом, для раскрытия киберпреступлений необходимо задействовать не только сотрудников правоохранительных органов, но и экспертов и специалистов в области информационных технологий. Так как из-за специфичности данной области появляется необходимость в таких экспертах, обладающих знаниями узконаправленного характера и имеющих в основном техническую специальность.

Исходя из вышеизложенного материала, можно сделать вывод, о целесообразности модернизации подразделений в правоохранительных органах, обладающих соответствующими компетенциями и технологическими средствами для самостоятельного раскрытия такого рода преступлений и привлечения в эти подразделения специально подготовленных кадров, имеющих как юридическое образование, так и техническую специальность.

Пристатейный библиографический список

1. The World Economic Forum. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/> (дата обращения: 18.01.2021).
2. Парамонов А. В., Харин В. В. Некоторые аспекты обеспечения национальной безопасности в информационной сфере // Актуальные проблемы государства и права. - 2021. - № 17. - С. 4.
3. Самурханов М. С. Понятие и особенности киберпреступности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2020. - № 4-3. - С. 2.
4. Аскерова Т. Число преступлений в Интернете с начала года выросло на 50 % // Парламентская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/chislo-prestupleniy-v-internete-s-nachala-goda-vyroslo-na-50.html/> (дата обращения: 19.01.2021).

ЖУКОВ Азамат Заурбекович

кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

ИНГУШЕВ Черим Хажпагович

кандидат педагогических наук, старший преподаватель Института педагогики и психологии Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова

ШКАХОВА Фазилия Абдулаховна

преподаватель Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова

МАХОВ Ислам Артурович

студент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова

Жуков А. З.

Ингушев Ч. Х.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ ЭКОСИСТЕМЫ СБЕРБАНКА

Сбербанк является одним из лидеров на российском рынке в части разработки инструментов, обеспечивающих кибербезопасность. В последние годы Сбербанк позиционирует себя как и высокотехнологичная компания, которая предоставляет не только банковские услуги, но и услуги небанковского характера. Важнейшим компонентом является экосистема Сбербанка, которая активно развивается. Разработка и внедрение экосистемы привели к росту количества киберпреступлений. Рост количества киберпреступлений требует разработки новых механизмов, обеспечивающих кибербезопасность не только самого банка, но и дочерних обществ. Это сложная работа, которая требует системного, высокопрофессионального подхода. Создание эффективной системы информационной безопасности для экосистемы – задача сложная, так как каждое дочернее общество имеет свои бизнес-особенности, которые необходимо учитывать при разработке и внедрении механизмов по обеспечению кибербезопасности.

Ключевые слова: Сбербанк, экосистема, кибербезопасность, дочерние общества, менеджмент, информация, риск, домен.

ZHUKOV Azamat Zaurbekovich

Ph.D. in technical sciences, senior lecturer of Internal affairs in special conditions sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

INGUSHEV Cherim Khazhpagovich

Ph.D. in pedagogical sciences, senior lecturer of Pedagogy and psychology sub-faculty of the H. M. Berbekov Kabardino-Balkar State University

SHKAKHOVA Fazilya Abdulakhovna

lecturer of the H. M. Berbekov Kabardino-Balkar State University

MAKHOV Islam Arturovich

student of the H. M. Berbekov Kabardino-Balkar State University

Шкахова Ф. А.

Махов И. А.

TOPICAL ISSUES IN THE DEVELOPMENT OF CYBERSECURITY IN THE SBERBANK ECOSYSTEM

Sberbank is one of the leaders in the Russian market in terms of developing cybersecurity tools. In recent years, Sberbank has positioned itself as a high-tech company that provides not only banking services, but also non-banking services. The most important component is the Sberbank ecosystem, which is actively developing. The development and implementation of the ecosystem has led to an increase in cybercrime. The growth in the number of cybercrimes requires the development of new mechanisms that ensure the cybersecurity of not only the bank itself, but also its subsidiaries. This is a difficult job that requires a systematic, highly professional approach. Creating an effective information security system for the ecosystem is a difficult task, since each subsidiary company has its own business features that must be taken into account when developing and implementing mechanisms to ensure cybersecurity.

Keywords: Sberbank, ecosystem, cybersecurity, subsidiaries, management, information, risk, domain.

Сбербанк на данный момент является не просто кредитно-финансовой организацией, а в определенной степени высокотехнологической компанией, которая предоставляет широкий спектр услуг банковского и небанковского плана. Следует отметить, что услуги ориентированы на удовлетворение потребностей как физических, так и юридических лиц. Сбербанк активно развивает экосистему, которая включает дочерние общества, компании, функционирующие в постоянном взаимодействии друг с другом по важнейшим вопросам бизнеса, маркетинга и технологий. Расширение экосистемы актуально особенно в условиях пандемии, когда общество оказалось в условиях необходимости использования онлайн-технологий [3, с. 92].

Центральный Банк Российской Федерации ведет работу по обеспечению кибербезопасности банковского сектора, как в нормативно-правовом, так и информационном направлениях. Основные мероприятия ЦБ РФ по обеспечению кибербезопасности банковского сектора:

- создание аутсорсинговой компании, выполняющей функции по обеспечению информационной безопасности некрупных банков;
- разработка Положения № 683-П, значительно ужесточающего требования к банкам по защите информации [1];
- реализация пилотного проекта, направленного на подтверждение электронной почты клиентов банка;
- усиление надзора за нарушение киберзащиты, внедрение анализа риск-профиля по уровню информационной безопасности;
- реализация программы «Основные направления развития ИБ кредитно-финансовой сферы на период 2019 – 2021 годов» [2].

Однако, несмотря на проводимые мероприятия, количество кибератак увеличивается с каждым годом. Для понимания системы киберзащиты экосистемы Сбербанка необходимо понимать структуру и механизмы взаимодействия компаний на данной платформе. Экосистема – это система компаний и их продуктов, услуг, функционирование которых в рамках данного сервиса осуществляется в соответствии с принципами, которые установлены банком в рамках его технологических платформ. Основная цель их взаимодействия – это формирование наиболее лучших сервисов и продуктов для клиентов. Основой экосистемы является технологическая платформа собственной разработки, которая позволяет в режиме реального времени с применением открытых интерфейсов и кода, облачных ресурсов проводить анализ с целью определения лучшего предложения для клиента. Самым главным вызовом является обеспечение непрерывной работы и максимальной защиты продуктов экосистемы Сбербанка. В состав экосистемы входит более 60 дочерних компаний, которые имеют свою специфику и масштабы деятельности, информационно-технологическую структуру, уровень кибербезопасности. Компоненты экосистемы тесно взаимосвязаны между собой. Так каждая компания не просто разделяет риски кибербезопасности, но и оказывает влияние на них. Инцидент, который произошел в одном из дочерних обществ, негативным образом сказывается на функционировании всей экосистемы. Кроме того,

это приносит материальный и репутационный ущерб участникам экосистемы. Если в дочернем обществе произошел инцидент кибербезопасности с утечкой данных, в наименовании инцидента употребляется слово «Сбербанк», то информация очень быстро распространится в средствах массовой информации, социальных сетях, что станет причиной негативного отношения клиентов, как к банку, так и экосистеме. Именно в целях обеспечения непрерывного функционирования бизнес-процессов экосистемы Сбербанка разработаны решения, которые направлены на управление кибербезопасностью и повышение уровня эффективности каждой дочерней организации. Разработан комплекс методических инструментов, направленных на повышение уровня кибербезопасности ДО. Комплекс включает 4 компонента:

1. Профилирование кибербезопасности.
2. Оценка текущего уровня зрелости КБ.
3. План развития КБ.
4. КПЭ «Индекс КБ».

Изучим каждый из компонентов.

И.1 Профилирование кибербезопасности.

В целях определения конкретных требований и разработки рекомендаций по информационной безопасности необходимо проводить профилирование организаций с учетом особенностей ее экономической деятельности и применения требований регулятивного характера. Как только компания начинает входить в экосистему начинается формирование профиля. Профиль определяет целевой уровень зрелости информационной безопасности и требования, которым необходимо следовать для достижения более высокого уровня кибербезопасности.

И2. Оценка текущего уровня зрелости кибербезопасности.

В целях определения векторов развития кибербезопасности необходимо проанализировать уровень зрелости кибербезопасности дочерней организации на текущий момент времени. Банк разработал собственную методику оценки. Основой данной методики является методология СММИ, которая предполагает проведение оценки кибербезопасности по одному из 5 уровней зрелости: 1 – начальный; 2 – управляемый; 3 – определённый; 4 – измеримый; 5 – оптимизируемый. Предусмотрен и уровень 0, связано это с тем, что некоторые компании не занимаются обеспечением кибербезопасности. В свою очередь каждый из доменов имеет свои направления. Важнейшим компонентом, определяющим развитие экосистемы Сбербанка, является план развития кибербезопасности. Это необходимо, так как развитие информационных инструментов провоцирует и рост количества киберпреступлений.

И3. План развития кибербезопасности ДО (план достижения целевого уровня зрелости).

Реализация программы позволяет достигать целевого уровня зрелости в оптимальные сроки. Целью программы является также ликвидация GAP по каждому из 26 направлений кибербезопасности. Мероприятия разрабатываются для каждого направления на основе рекомендаций, отраженных в отчете по оценке зрелости кибербезопасности. Перечень мероприятий включает: кадровые решения; разработку нормативных документов; приме-

нение инструментов защиты. В плане определяются все ключевые показатели по каждому мероприятию: уровень приоритета; срок исполнения; ответственное лицо за реализацию от дочернего общества. Со стороны банка проводится регулярный мониторинг реализации плана развития дочерним обществом: общество предоставляет банку информацию о проведенной работе. Важно отметить, что специалисты банка содействуют реализации плана, оказывают помощь дочернему обществу. Банк выступает в этом процессе как эксперт, осуществляет работу консультативного характера, оказывает поддержку и при совершении дочерними обществами закупок [5, с. 49].

И4. КПЭ «Индекс КБ».

Индекс является своего рода критерием оценки эффективности системы управления кибербезопасностью в рамках всей системы управления. Также он входит в состав показателей, характеризующих эффективность деятельности отдельного общества. Индекс является одним из компонентов модуля общей оценки функционирования ДО. На совете директоров ДО принимает «Индекс КБ». «Индекс КБ» необходимо принять, так как его отсутствие ограничивает доступ к данным компаний экосистемы. Для расчета оценки КПЭ «Индекс КБ» разработана сложная табличная функция. Данная система очень гибкая, в нее можно вносить изменения под определенные стандарты КБ, соблюдая такие параметры как:

- выполнение плана по направлению информационной безопасности в установленные сроки;

- ключевые решения по кибербезопасности согласуются с банком: кадровые вопросы; разработка и внедрение проектов в области кибербезопасности; приобретение и внедрение новых средств защиты информации; открытие информации по ИТ-проектам;

- оперативность передачи информации о крупных инцидентах в области информационной безопасности и о процессе расследования;

- предоставление отчетности по кибербезопасности в установленные сроки.

КПЭ «Индекс КБ» является своего рода элементом стимулирования для руководителей дочернего общества в части регулярного мониторинга состояния кибербезопасности компании, выделению требуемых ресурсов. Таким образом, это инструмент повышения качества управления кибербезопасностью обществ экосистемы.

Экономическая сфера подвержена кардинальным изменениям и такая ситуация требует разработки новых направлений в части менеджмента в сфере информационной безопасности компаний экосистемы. Сбербанк регулярно занимается разработкой и внедрением новых механизмов и инструментов для мониторинга и контроля степени зрелости кибербезопасности дочернего общества. В работу по развитию кибербезопасности активно вовлекают топ-менеджмент компаний. Помимо контрольных функций банк выполняет работу и по оказанию помощи обществам в части развития кибербезопасности, определяет для конкретного дочернего общества целевой уровень зрелости процессов кибербезопасности, ориентируясь на специфические факторы риска информационной безопасности. Разработка стратегического плана развития кибербезопасности по достижению опре-

деленного уровня зрелости осуществляется с участием Сбербанка. Важно, что Сбербанк выполняет и функции контроля по достижению показателей кибербезопасности. В целом Сбербанк – это организация, которая имеет достаточно высокий уровень безопасности среди российских компаний. Работа Сбербанка направлена не только на защиту себя и своих клиентов, но и на локальное и глобальное взаимодействие по противодействию киберпреступности.

Пристатейный библиографический список

1. Положение Банка России от 17 апреля 2019 г. № 683-П «Об установлении обязательных для кредитных организаций требований к обеспечению защиты информации при осуществлении банковской деятельности в целях противодействия осуществлению переводов денежных средств без согласия клиента».
2. Основные направления развития информационной безопасности кредитно-финансовой сферы на период 2019-2021 годов (утв. Банком России).
3. Быканова Н. И., Быканова Н. И., Формирование экосистем банков в условиях цифровизации банковского пространства // Экономика. Информатика. – 2020. – Том 27. № 1. – С. 91-100.
4. Жуков А. З. Проблема роста количества экономических преступлений в Российской Федерации путем использования информационных технологий в условиях глобализации // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – № 3. – С. 119-121.
5. Иванович М. Н. Экосистема ПАО Сбербанк. Продукты экосистемы для юридических лиц // Достижения науки и образования. – 2020. – С. 49-50.

КАНОКОВА Ляна Юрьевна

преподаватель кафедры специально-технической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, капитан полиции

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОИСКОВОЙ ТЕХНИКИ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН

В работе представлена информация об основных видах опасных и взрывоопасных объектов, а также о том, какие меры принимаются с целью их обнаружения. Техническое оснащение: назначение, примеры, характеристики, - и вопросы, с которыми сталкиваются правоохранительные органы в ходе его использования. А также анализируются некоторые принципы действия, технические характеристики, особенности и условия применения этих средств, выделяются основные проблемные моменты и негативные факторы, связанные с их применением.

Ключевые слова: средства обнаружения взрывчатых веществ, металлоискатели, рентгеновские установки.

KANOKOVA Lyana Yurjevna

lecturer of Special technical training sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, captain of police

PROBLEMS OF USING SEARCH EQUIPMENT TO ENSURE THE SAFETY OF CITIZENS

The paper provides information on the main types of dangerous and explosive objects and what measures are taken to detect them. Technical equipment: purpose, examples, characteristics, -and the issues law enforcement agencies face in using it. And also some principles of operation, technical characteristics, features and conditions for the use of these tools are analyzed, the main problematic points and negative factors associated with their use are highlighted.

Keywords: means of detection of explosives, metal detectors, x-ray installations.

В наши дни противодействие преступным посягательствам, осуществляющимся с использованием взрывных устройств и оружия (Далее по тексту – ВУ), приобретает особую актуальность, о чём свидетельствует увеличение численности и мощности террористических группировок, в том числе в Сирии, недавно подобные события происходили на территории Казахстана, в России регулярно происходят антитеррористические операции по предупреждению террористических актов на территории различных городов [1]. Масштабной популяризации названных преступлений содействует сформировавшаяся текущая в Российской Федерации, равно, как и в мире в целом, общественно-политическая и экономическая ситуация. Реализация мер по предупреждению, пресечению, а в крайних случаях и по ликвидации угроз, расследованию преступлений, связанных с использованием оружия, взрывчатых веществ (Далее по тексту – ВВ) и ВУ занимает одно из высоких в плане приоритетности задач, поскольку одно преступление, которое не удалось предотвратить может унести за собой неопределённое количество жизней людей. Так, во время взрыва автобуса в г. Волгоград в 2013 году по данным сайта Президента РФ погибло 6 человек и 33 пострадало; а во время операции по спасению заложников в школе Беслана по сообщению Минздрава республики Северной Осетии от 6 сентября 2004 года - был опознан 201 погибший человек и 337 человек находилось на госпитализации. Имеются примеры и более масштабных актов массового убийства людей, что также подтверждает обоснованность в повышенном интересе к указанной теме.

Так, например, статистика свидетельствует, что за январь – октябрь 2015 года зарегистрировано 1392 преступления террористической направленности, что составляет около 53 % в приросте по сравнению с показателями прошлого, 2014 года [2].

Отметим, что службы и аппараты ОВД не всегда способны своевременно реагировать на оперативную обстановку, что в том числе требует использования средств нейтрализации ВУ. По данным практического применения подобных технических средств, многие из них, помимо преимуществ, имеют ряд недостатков, некоторые из которых при определённых сочетаниях факторов могут нести критический характер для исхода определённых мероприятий. А потому в обстановке усиленной террористической угрозы необходимо мобилизовать силы и средства в том числе ОВД для успешного выполнения поставленных перед правоохранительными органами задач по обеспечению безопасности общества и государства. В этой связи особое внимание следует уделить как самим техническим средствам поиска, так и приёмам, способам и методам работы с ними в целях повышения эффективности работы по розыску, локализации и обезвреживанию взрывоопасных объектов, а также уменьшения затрат времени и иных ресурсов за счёт нейтрализации последствий ошибок в конструкции устройства либо его эксплуатации.

Проводя анализ веса правонарушений, связанных с применением ВУ, заметим, что несмотря на их маленький удельный вес – средне статистически это менее 7 % от общего количества совершаемых преступлений за кон-

Канокова Л. Ю.

кретный отчётный период – опасность проблемы ничуть не уменьшается, равно как и моральный, физический и материальный вред, ими порожаемый, который по масштабам может в разы превышать вред от отдельно взятых преступлений с большим удельным весом.

Из реальных примеров практики становится очевидным, что преступники далеко не всегда реализуют свой преступный замысел, однако в большинстве случаев избежать последствий их деятельности не удаётся, хотя в последнее время деятельность правоохранительных органов становится более эффективной. К примеру, одна взорванная машина представляет собой материальный ущерб, оцениваемый примерно от 500 тысяч рублей до 1 миллиона рублей, если судить о среднем арифметическом стоимости легковых транспортных средств. Соответственно физическое уничтожение людей, животных, зданий, транспортных средств, товаров, какого-либо имущества в принципе влечёт за собой вред, исчисляемый только в финансовом эквиваленте как минимум несколько миллионов рублей [3]. Также стоит понимать, что время идёт, преступность совершенствуется и те средства совершения преступления, которые были актуальны 10-15 лет назад сейчас уже могут практически или вообще не использоваться.

Существует большое количество предметов, способных нанести огромный ущерб в руках преступников, это могут быть различные виды оружия: холодное и огнестрельное, ВУ с различным принципом действия детонаторов, наркотические вещества, боевые отравляющие и иные опасные химические соединения, боеприпасы, информация, например, компрометирующего характера, электронное техническое оборудование, люди, в том числе и их трупы, равно как и животные, и другие объекты, подлежащие обнаружению в связи с совершением уголовно наказуемых деяний.

Для того, чтобы скрыть столь обширный спектр предметов, требуется большое количество всевозможных тайников, маскировочных средств, а также применение большого количества приёмов, способов и методов осуществления деятельности по сокрытию, а если учитывать и то, что зачастую информации о человеке, который располагает искомыми объектами, немного либо она отсутствует в принципе, то к поисковым устройствам предъявляются серьёзные требования, поскольку далеко не во всех ситуациях уместно применение точечных, то есть малого радиуса действия, устройств, гораздо более востребованы в такой обстановке устройства, имеющие расширенный радиус поиска, а значит и более мощные, чувствительные. В то же время такие характеристики чаще сопряжены с увеличением показателя громоздкости, соответственно и мобильности, количества обслуживающего персонала и так далее, что является проблемой, которая заслуживает отдельного внимания.

К средствам поиска, о которых идёт речь, относятся такие технические устройства, как металлообнаружители, детекторы, регистрирующие испарения, образуемые ВВ, нелинейные локаторы, одорологические, то есть запаховые, детекторы и некоторые другие устройства [6].

Вопрос, связанный с необходимостью скорейшего обнаружения взрывоопасных объектов, обусловлен в том числе наличием у каждого без исключения человека средств

мобильной связи, обширной радиосетью, интернетом и прочих источников электромагнитных волн, являющихся потенциальными средствами подачи сигнала для определённых типов детонаторов к подрыву заряда. Например, некоторые террористы устанавливают мобильное средство связи в качестве составной части детонатора и при совершении звонка на данное мобильное устройство производится замыкание электросети и соответственно подрыв ВВ [7]. Ещё одна причина – любопытство, на которое иногда рассчитывают террористы, когда минируют обычные предметы быта, а если учесть, что мирные граждане ничего не подозревают, то эффективность такого способа минирования многократно возрастает. Так, ребёнок может поднять заряженную игрушку, взрослый не заметит проводку от растяжки или поднять лежащий на полу новенький телефон. Заминировать можно почти любой объект, даже документы, в которые достаточно расположить всего несколько граммов взрывчатки. Для примера, знаменитая мина «Лепесток» весит всего 37 граммов, а её размеры: 12 x 6,5 см, что близко по значению к среднестатистическому смартфону.

Поиск может осуществляться с помощью аэрозольных комплектов химического поиска ВВ. Одним из представителей подобного класса обнаружителей газообразных паров ВВ является «Expray» (ОСТ-731), с помощью которого производится регистрация различного рода подобных веществ, среди которых наиболее распространённые – нитроцеллюлоза, тротил, нитроглицерин, динамит, тетрил, оксид пикрина; а индикация производится путём регистрации изменения цвета тестовой полоски, если этого не происходит, то паров ВВ в данном месте, скорее всего, нет. Приведём некоторый пример, связанный с количественными характеристиками концентрации ВВ: если при температуре воздуха выше нуля градусов по Цельсию установить в грунте противотанковую мину, то на глубине около 5 см концентрация паров ВВ над поверхностью земли достигает отметки в 10.7 – 10.8 грамм на 1 литр воздуха, и совершенно логично, что при отсутствии физических помех, например, того же грунта концентрация паров будет в несколько раз выше.

И всё же довольно часто предпочтение отдают служебным собакам, специально обученным поиску ВУ по запаху ВВ, входящих в их состав. Однако существует ряд недостатков у подобного рода газоанализаторов: физическая форма, психическое состояние, возраст, уровень натренированности и перерыв в упражнениях (должен быть не более 1-2 месяцев, иначе это может значительно или критически повлиять на результативность деятельности кинолога, работающего с конкретной собакой), температура воздуха, при условии, что её повышение до отметки +25 – 30 °С ограничивает время работы до 30-40 минут с перерывом на 1-2 часа отдыха; собаку могут отвлекать шум, лишние запахи, люди, техника и прочие факторы [9, с. 97].

Ещё одним привлекательным для террористической деятельности объектом считаются аэропорты, вокзалы, метро и иные места скопления людей, особенно в «час пик». Так, теракт в аэропорту «Домодедово» 24 января 2011 года, а также другие подобные преступления заставили государство всерьёз задуматься об увеличении безопасности подобных объектов, благодаря чему увеличилось количе-

ство оборудования с различными характеристиками, обслуживающего персонала, сотрудников, обеспечивающих безопасность объекта охраны.

Необходимо понимать, что количество людей в подобном месте очень большое, а потому усиленный режим проверки должен одновременно быть сопряжён и с приемлемой пропускной способностью в целях обеспечения комфорта пассажиров, также рассчитывается экономическая целесообразность применения конкретных мер, которая в том числе включает в себя и расчёт возможного ущерба в случае, если такое оборудование будет отсутствовать, и по этой причине произойдёт теракт. Так, в качестве составляющего комплекса защиты часто используются специальные рамочные металлодетекторы, в России – это отечественная модель серии «Кордон», как раз специально созданная для установки в местах, где предполагается массовое скопление людей и необходим высокий уровень пропускного режима.

При этом, системы досмотра включают в себя как системы досмотра посылок, багажа и грузов, так и персональные системы досмотра, позволяющие изолировать потенциально опасное лицо, в отношении которого имеются подозрения в наличии у него запрещённых предметов, для детального осмотра, а при необходимости и досмотра, имеются и специальные помещения, в том числе блокирующие поступление электромагнитных волн, позволяющие снизить риск детонации ВУ, если оно работает путём дистанционной активации.

Так, при досмотрах в аэровокзальных комплексах «Домодедово», «Шереметьево» и «Внуково» работают 6 единиц специального оборудования, которое используется для обнаружения паров взрывчатых и наркотических веществ, и все они входят в комплекс «Рубежи защиты», состоящий из таких элементов, как:

- въездные шлагбаумы на привокзальной площади;
- входы в аэровокзальный комплекс;
- зал аэровокзального комплекса;
- предполётный досмотр в зонах спецконтроля;
- стерильная зона до трапа самолёта;
- послеполётный досмотр.

Можно сделать вывод, что в современности значение человеческого фактора велико, однако постепенно лидирующая роль отдаётся техническим устройствам, что связано, в том числе со значительным повышением объёма работы в области обеспечения безопасности общества, в том числе осуществляемого путём поиска опасных и взрывоопасных, запрещённых к обороту вещей, а именно: ВУ, оружия – как холодного, так и огнестрельного, ВВ и иных вещей, которые по свойствам и характеристикам схожи с перечисленными предметами. Следует отметить, что современный уровень научных разработок позволил создать уникальные и надёжные комплексы, предназначенные для нейтрализации взрывных устройств, в то же время, практика позволила выделить их слабые стороны, способные в ряде случаев повлечь за собой угрозу общественной безопасности. Поэтому целесообразнее всего использовать принцип комплексности применения данных технических средств, что позволит покрыть все возможные каналы нелегальной доставки искомых объектов. Что касается выбора того, средства, которое предпочтительно приме-

нить, то следует разобраться в обстановке, где оно будет использоваться, что предполагает изучение рельефа, наличия посторонних отвлекающих факторов или шумов, климатических факторов, технических характеристик самого устройства, а также предполагаемый искомый предмет.

Пристатейный библиографический список

1. Белозеров Ю. Н. Незаконный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. – М.: ВШ, 2016. – С. 74.
2. Сайт МВД РФ. Состояние преступности - январь-октябрь 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.ru/folder/101762/item/6765514/>. (Дата обращения 8 декабря 2016 г)
3. Пономаренко Д. В. современные возможности автоматической информационно-поисковой системы маркировочных обозначений взрывных устройств промышленного изготовления // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 15.
4. Антитеррор. Технические средства антитеррора. Информационные материалы. – М.: ДГСК МВД, 2016. – С. 55
5. Семенов А. Ю., Швырев А. В. Взрывы и обнаружение взрывных устройств (вопросы организации и методики работы): метод. рекомендации. – М.: МЦ МВД, 1991. – С. 67.
6. Поиск и обезвреживание взрывных устройств. Сборник материалов. – СПб.: Аэропорт, 2016. – С. 95.
7. Кочетков М. Какие средства поиска нужны для обеспечения правопорядка? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.epochtimes.ru/content/view/77578/9>. Дата обращения 03.11.2016.

КОДЗОКОВА Ляца Арсеньевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

КУМЫШЕВА Марина Кадировна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

Современная система противодействия терроризму не ограничивается выявлением и пресечением террористической деятельности. Учитывая комплексность и сложность такого анализируемого преступного деяния как терроризм, представляется необходимым исследовать современные механизмы противодействия терроризму с учетом теоретико-правовых основ данного процесса и достижений правоприменительной практики в данной сфере. Помимо этого, представляется целесообразным не ограничиваться национальной системой борьбы с терроризмом в России и проанализировать международные стандарты по заявленной проблематике.

Ключевые слова: терроризм, кибертерроризм, противодействие, глобализация, преступления, современность, борьба.

KODZOKOVA Lyatsa Arsenjevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Organization of law enforcement activities sub-faculty of the North Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

KUMISHEVA Marina Kadirovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Law enforcement sub-faculty of the North-Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

INTERNATIONAL LEGAL MECHANISMS FOR COUNTERING TERRORISM

The modern system of countering terrorism is not limited to the detection and suppression of terrorist activities. Given the complexity and complexity of the analyzed criminal act as terrorism, it seems necessary to investigate modern mechanisms for countering terrorism, taking into account the theoretical and legal foundations of this process and the achievements of law enforcement practice in this area. In addition, it seems advisable not to limit ourselves to the national system of combating terrorism in Russia and analyze international standards on the stated issues.

Keywords: terrorism, cyberterrorism, counteraction, globalization, crimes, modernity, struggle.

Глобализационные процессы, происходящие в современном мире, всесторонне влияют на развитие различных сфер жизнедеятельности общества и государства. Посредством организации эффективного международного сотрудничества отдельные страны и регионы достигли серьезных положительных изменений в экономике, финансах и т.д. [4] Исследование международных правовых основ противодействия терроризму следует начать с универсальных международных стандартов в данной сфере, основным из которых является Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 года. Данный международный документ, несмотря на достаточно давнее время его принятия, до сих пор не теряет своей актуальности и целиком и полностью соответствует всем критериям базового акта в анализируемой сфере. В соответствии с указанным нормативно-правовым актом является организация заключения специальных двусторонних и многосторонних соглашений и приведение внутригосударственного законодательства согласно международным стандартам [1].

Одни авторы акцентируют внимание на противодействии отдельным видам терроризма (религиозный терроризм, кибертерроризм и т.д.), другие уделяют особое внимание проблемам совершенствования международного и внутригосударственного законодательства в указанной сфере, третьи – оценивают эффективность современных механизмов противодействия терроризму. Однако учитывая комплексность и сложность анализируемого преступного деяния, представляется необходимым исследовать современные механизмы противодействия терроризму с учетом теоретико-правовых основ данного процесса и достижений правоприменительной практики в данной сфере. Помимо этого, представляется целесообразным не ограничиваться национальной системой борьбы с терроризмом в России и проанализировать международные стандарты по заявленной проблематике.

Несмотря на активную деятельность международных организаций и национальных контртеррористических учреждений, единого понятия терроризма в настоящее время не выработано.

Кодзокова Л. А.

Кумышева М. К.

Анализ основных видов терроризма, существующего в современном мире, позволяет сделать вывод о многогранности и многоаспектности данного преступного явления. Большое количество классификаций также свидетельствуют о динамичности развития данного преступного деяния и постоянного появления новых его видов, что в целом обусловлено изменениями, происходящими в современном мире.

В 1999 году, ООН стала той организацией, которая впервые привлекла внимание мирового сообщества не только к проблеме выявления преступлений террористической направленности, но и к экономическим факторам, влияющим на развитие терроризма в современном мире. Ярким примером региональной международной организации, которая также активно как ООН занимается созданием и развитием международных стандартов противодействия терроризму в современном мире, является Совет Европы. Учитывая меньший масштаб деятельности указанной организации и региональный характер ее функционирования, проблема терроризма достаточно давно нашла отражение в нормативно-правовых актах. Они не были полностью посвящены проблемам контртеррористической деятельности, а затрагивали ее косвенно, наравне с противодействием иным преступным деяниям (коррупция, торговля людьми и др.). Договоры и акты мягкого права регламентировали взаимную правовую помощь и особенности передачи осужденных лиц, экстрадиции и т.д. [2].

В рамках деятельности Совета Европы также была разработана Контртеррористическая стратегия на 2018-2022 годы для оказания помощи государствам-членам: профилактика: набор показателей для оценки риска того, что террористический акт может быть осуществлен радикализированными лицами; повышение осведомленности и другие практические инструменты для предотвращения радикализации, ведущей к терроризму, для использования, в частности, преподавательским составом; политические руководящие принципы по предотвращению и противодействию террористической публичной провокации, пропаганде, радикализации, вербовке и обучению, в том числе в Интернете; руководство по оценке риска, представляемого осужденными террористами, и противодействия пропаганде терроризма в тюрьмах.

Еще одним примером региональной международной организации, которая в своей деятельности уделяет внимание противодействию терроризму, является СНГ. Страны – участники СНГ в 1999 году подписали в Договор о сотрудничестве в борьбе с терроризмом. Указанный акт предусматривает как теоретические основы организации контртеррористической деятельности, так и регламентирует отдельные региональные особенности функционирования стран в рамках международного сотрудничества по заявленной проблематике. Договор о сотрудничестве в борьбе с терроризмом является частью правовых систем государств-членов СНГ, которые помимо организации контртеррористической деятельности на основе указанного акта осуществляют международное сотрудничество в данной сфере, в том числе и в двустороннем порядке.

Ведущую роль среди нормативных актов в данных странах занимает уголовное законодательство, которое ре-

гламентирует особенности привлечения к ответственности за совершение соответствующих преступных деяний. Необходимость принятия специальных актов в контртеррористической сфере данные государства отрицают с целью предотвращения дублирования схожих норм, которые уже действуют в рамках правоохранительной и иной деятельности.

В системе органов ООН также существует целый ряд специальных органов, приоритетным направлением деятельности которых является противодействие терроризму в современном мире. Координатор по борьбе с терроризмом выполняет следующие функции: координация работы Совета по борьбе с терроризмом; координация с соответствующими подготовительными органами Совета, Комиссии и ЕСВД; обеспечение того, чтобы ЕС играл активную роль в борьбе с терроризмом; улучшение связи между ЕС и третьими странами. Данные органы следует также разделять на органы общей и специальной компетенции. При этом органами общей компетенции являются те, функционал которых не ограничивается контртеррористической деятельностью. Органы специальной компетенции – это основные субъекты противодействия терроризму на международном уровне, которые обладают особыми функциями в анализируемой сфере. Органы специальной компетенции действуют на основании международных стандартов в сфере противодействия терроризму и их деятельность, как правило, связана с контролем соблюдения нормативных положений указанных актов. Особое значение для национальной системы противодействия терроризму имеет уголовное законодательство и особенности привлечения к ответственности лиц, совершивших данные противоправные деяния. [3]

В рамках данного исследования региональные механизмы следует рассматривать в двух аспектах: международный и внутригосударственный. Международным аспектом регионального противодействия религиозному терроризму является организация и проведение контртеррористической деятельности в отдельных регионах, которые наиболее подвержены распространению идеологии терроризма.

В 2005 году и в Совете Европы появился единый комплексный международный акт, регламентирующий контртеррористическую деятельность – Конвенция о предупреждении терроризма, которая предусматривает два направления деятельности. Указанный акт постоянно совершенствуется с целью соответствия современным преступным реалиям. Используя комплексный подход, Совет Европы работает над тем, чтобы помочь государствам-членам более эффективно бороться с терроризмом путем укрепления и совершенствования их национального законодательства, а также содействия международному сотрудничеству. При полном уважении прав человека и верховенства закона Совет Европы постоянно работает над улучшением международного сотрудничества в деле привлечения террористов к ответственности.

Международные исследования показали, что в современном мире количество совершаемых террористических актов с каждым годом стремительно возрастает. Россия в данном рейтинге занимает 33 место из 160 стран, в которых были проведены соответствующие исследования. Ситуа-

ции в государствах, занимающих лидирующие позиции в указанном рейтинге, подтверждают активное развитие религиозного терроризма в современном мире.

На основе анализа правовой литературы и правоприменительной практики следует отметить, что на протяжении последнего десятилетия активно развивается религиозный терроризм. Данная разновидность террористической деятельности тесным образом связана с религиозными убеждениями людей, что позволяет преступным группировкам серьезно манипулировать сознанием человека посредством распространения террористической идеологии под видом религиозных постулатов. При этом, в современном мире существует множество религий, и реализация права человека на свободу вероисповедания не всегда осуществляется в рамках правового поля.

Внутригосударственный аспект регионального противодействия религиозному терроризму подразумевает организацию системы борьбы с указанной разновидностью терроризма в отдельных регионах каждого конкретного государства. Так, например, в Российской Федерации контртеррористическая деятельность осуществляется не только на федеральном уровне, но и к противодействию указанному преступному деянию активно привлекаются органы власти и общественные организации субъектов Российской Федерации. [4]

Анализируя региональную практику противодействия религиозному терроризму в Российской Федерации следует отметить следующие положительные черты:

1) организация контртеррористической деятельности на региональном уровне позволяет учитывать специфику данной территории и лиц, которые на ней проживают;

2) региональные органы и организации, к компетенции которых относится противодействие терроризму, обладают большей информацией в связи с постоянной работой в данном направлении и способны быстрее принимать решения в экстренных ситуациях;

3) профилактические меры противодействия терроризму, проводимые в рамках региональной политики, являются более доступными и учитывают имеющийся уровень духовно-нравственных ценностей населения.

Серьезное значение в сфере противодействия терроризму приобретает организация и проведение контртеррористической деятельности на региональном уровне. Анализ региональных практик противодействия религиозному терроризму позволяет сделать вывод о том, что данные механизмы являются весьма эффективными, так как их организация учитывает специфику конкретной территории и особенности поведения лиц, которые на ней проживают, что положительно влияет на борьбу с терроризмом не только в конкретном регионе, но и в отдельных государствах и мире в целом. [5] Контртеррористическая система России отличается комплексным подходом и вовлечением в данный процесс широкого круга государственных органов и некоммерческих учреждений. Особое значение для анализируемой системы имеет деятельность по противодействию распространению террористической идеологии, так как именно на ее основе происходит активное развитие терроризма в современном мире.

Особое значение для системы противодействия терроризму имеет предупредительная и профилактическая

деятельность, которая осуществляется с целью предотвращения совершения террористических актов и развития террористической деятельности в целом. Предупредительные и профилактические меры, как правило, применяются к следующим категориям лиц: наиболее уязвимые категории населения (молодежь, безработные и т.д.); лица, проявляющие интерес к террористической идеологии; лица, ранее привлекаемые за правонарушения и преступления террористической направленности. К настоящему моменту создана весьма масштабная национальная система противодействия терроризму, которая функционирует на основе действующих международных стандартов в данной сфере и внутригосударственного права, которое характеризуется наличием специальных нормативно-правовых актов по контртеррористическим вопросам и механизмами, регламентированными смежным законодательством.

Пристатейный библиографический список

1. Апетик Е. Н. Терроризм: понятие и сущность // Постулат. - 2019. - № 2 (40). - С. 11-17.
2. Бугаев Р. А., Иванова С. И. Терроризм: к определению понятия // Государство и общество в современной политике: Сборник научных статей материалов 6-й Международной научно-практической конференции. Воронежский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2019. - С. 41-43.
3. Волеводз А. Г. Международно-правовая криминализация международного терроризма // Вестник МГИМО Университета. - 2014. - № 2. - С. 155-161.
4. Манукян А. Р., Гутиева И. Г. Теоретико-правовые основы противодействия терроризму в современном мире // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 1 (164). - С. 251-252.
5. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Противодействие идеологии современного терроризма // Управление консультирование. - 2018. - № 5 (113). - С. 8-18.

КОРКМАЗОВ Алим Викторович

кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

Коркмазов А. В.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ, КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассмотрены вопросы противодействия экстремизму и терроризму – двум самым опасным для общества и государства явлениям. Эмиссары экстремизма и терроризма расширяют свои границы путем вербовки новых членов, готовых к совершению экстремистских и террористических преступлений. Их ряды также постоянно пополняются активными участниками, которые беспрепятственно снабжают международные экстремистско-террористические организации оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами, транспортными средствами и техникой, а также необходимыми документами, вербовщиками и пособниками, которые финансируют масштабные и крупные террористические операции. Во всем мире наблюдается неуклонный рост числа жертв террористических актов и акций насильственного экстремизма. Обобщая вопросы противодействия феноменам экстремизма и терроризма, следует особую значимость придать вопросам предупреждения и профилактики данных преступлений.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, противодействие, профилактика, национальная безопасность.

KORKMAZOV Alim Viktorovich

Ph.D. in pedagogical sciences, lecturer of Law enforcement agencies sub-faculty of the North Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM AS A PRIORITY FOR ENSURING NATIONAL SECURITY

The article deals with the issues of countering extremism and terrorism - the two most dangerous phenomena for society and the state. Emissaries of extremism and terrorism expand their borders by recruiting new members who are ready to commit extremist and terrorist crimes. Their ranks are also constantly replenished by active participants who freely supply international extremist-terrorist organizations with weapons, ammunition, explosives, vehicles and equipment, as well as the necessary documents, recruiters and accomplices who finance large-scale and major terrorist operations. There has been a steady increase in the number of victims of terrorist attacks and violent extremism around the world. Summarizing the issues of countering the phenomena of extremism and terrorism, special importance should be attached to the prevention and prevention of these crimes.

Keywords: extremism, terrorism, counteraction, prevention, national security.

Переломный этап характерный для современности детерминировал изменившиеся взаимоотношения между государствами в сторону обострения противоречий, разрешение которых все чаще происходит силовыми методами. При этом поползновения со стороны ряда государств-участников Североатлантического Альянса, в частности Великобритании и США, привели к новой гонке вооружений, которая усилила антироссийские движения, обострив военные конфликты вблизи российских границ. В этой связи Российская Федерация вынуждена разворачивать целенаправленную деятельность по обеспечению национальной безопасности, и основной акцент здесь делается на осуществление противодействия экстремизму и терроризму. Масштабы данных негативных явлений в последние годы имеют тенденцию к росту.

Экстремизм и терроризм – два опасных для общества и государства явления, получившие особое распространение в 21 веке. Это проблема, решением которой занимается большинство стран мира, и пытаются противодействовать общими усилиями.

Первые крупные террористические атаки в нашей стране пришлось на конец 1990-х и на начало 2000-х годов. Первопричиной распространения терроризма и увеличение числа террористов в России послужили Чеченские кампании 1994 и 1999 годов. Именно в этот период на территорию России прибыло большое число террористов-исламистов, которые воспользовались дестабилизированной обстановкой в Чеченской Республике, где и начали продвигать свои учения в мас-

сы. Это и стало предпосылкой небывалого роста террористов на территории России, в частности очень плотное их насаждение произошло республиках Северного Кавказа.

Однако, окончание Чеченских кампаний к полному искоренению терроризма не привело. Еще в течение нескольких лет после войны террористические и экстремистские группировки, являющиеся запрещенными на территории Российской Федерации, продолжали осуществлять террористические атаки. Самые громкие из них, унёсшие жизни многих людей: атака театра на Дубровке, захват больницы в Буденновске и школы в Беслане, взрывы в метро Москвы и Санкт-Петербурга, атака на правоохранительные структуры в Нальчике [2], [7], [8].

В истории Российского государства 1990-2000-е гг. ознаменовались распадом Советского Союза и появлением России – нового, независимого государства, с другими целями и ценностями. На смену командно-административной экономике пришла смешанная, которая к гражданам оказалась более гуманной. Ее рычаги позволяли свободно производить, продавать и покупать товары без тотального вмешательства со стороны государства, как это было в Советском Союзе, где все производство было сосредоточено в руках государства, без права на частную собственность. После резкого изменения курса экономического развития страна в первые годы испытывала колоссальный экономический кризис. Обесценивание валюты, отсутствие предприятий, экспорта, безработица и многое другое. Все эти факторы в совокупности привели к появлению и усилению самых различных бандит-

ских группировок по всей стране. При таких условиях слабо можно себе представить перевооружение армии и полиции, обучение новых квалифицированных сотрудников правоохранительных органов. Именно в этот период экстремисты и террористы наблюдающие все трудности которое испытывает государство наносили массированные удары. С каждым днём большое количество молодых людей пополняли ряды террористических организаций. Вместо того чтобы помочь своей стране развиваться, становиться лучше и сильнее они причиняли непоправимы ущерб [4], [6].

Впоследствии, когда механизмы рыночной экономики начали приносить первые плоды и экономическая ситуация в стране выровнялась внимание устремилось на противодействие терроризму и экстремизму, которые вольготно чувствовали себя на протяжении более двадцати лет. Для этого нужно было полностью перевооружить армию, внести законодательные изменения в работу правоохранительных органов и совместными силами осуществить непримиримую борьбу с нависшей угрозой общественной безопасности и государственному устройству. Было выделено большое количество средств на развитие полиции, появились новые отряды специального назначения, которых ранее не было. Изменения коснулись и формирования новых квалифицированных кадров. Приведена в действие система выработки новых знаний на основе полученного опыта в период Чеченских войн и атак террористов. В совокупности государство стало располагать не ослабленной армией и полицией, а высококвалифицированными военными и правоохранительными структурами, кадры которых в полной мере обучены методам борьбы с экстремизмом и терроризмом [1], [3], [4].

Общественная опасность экстремизма и терроризма, а также необходимость осуществления борьбы с ними нашли отражение в Указе Президента РФ «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в РФ» в качестве одного из ведущих направлений государственной правоохранительной деятельности.

Международный терроризм и насильственный экстремизм постоянно расширяют свои границы путем вербовки в свои ряды новых членов, готовых к совершению террористических актов. Их ряды также постоянно пополняются активными участниками, которые беспрепятственно снабжают международные экстремистско-террористические организации оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами, транспортными средствами и техникой, а также необходимыми документами, вербовщиками и пособниками, которые финансируют масштабные и крупные террористические операции. Во всем мире наблюдается неуклонный рост числа жертв террористических актов и акций насильственного экстремизма.

Однако, нельзя не отметить и позитивные сдвиги, произошедшие в противодействии указанным деструктивным явлениям. Так, в Российской Федерации в последние годы наблюдается тенденция к сокращению числа террористических и экстремистских преступлений. За первое полугодие 2021 года правоохранителями было предотвращено 27 таких преступлений, в том числе 18 террористических актов. Также наблюдается прогресс по многим направлениям выявления и ликвидации «спящих» ячеек террористом, а также пресечения каналов финансирования международных экстремистских и террористических организаций и поставок им оружия. Однако, как отмечают сами правоохранители, изложенное еще не является поводом для самоуспокоения, поскольку обеспечение безопасности общества и государства остается одной из приоритетных задач и предметом особой ответственности Министерства внутренних дел РФ.

Таким образом, мы приходим к пониманию того, что борьба с терроризмом и экстремизмом может вестись не только в открытую, когда государство нейтрализует преступников, используя свою военную мощь. Мы также свидетели развития законодательства, которое подразумевает, как наказание, так и даёт шанс на исправление совершённых ошибок.

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия изжить данные деструктивы полностью пока не удалось никому. Вместе с тем борьба осложняется тем, что методы террори-

стов и экстремистов постоянно меняются, а боевики задействуют новые способы совершения террористических актов.

Отягчающим обстоятельством можно назвать появление новых видов терроризма и экстремизма – атомного, биологического, генетического, экологического и др.

Сегодня большое внимание уделяется профилактическим мерам, в числе которых в качестве эффективных зарекомендовали себя тематические беседы со школьниками и учащимися высших учебных заведений, где сотрудники органов по противодействию экстремизму и терроризму показывают молодежи истинное лицо этих явлений, то какую опасность они представляют, и какой вред наносят и государству, и обществу. Сотрудники правоохранительных органов совместными усилиями с другими государствами разрабатывают новые пути решения данной проблемы [2], [7].

В целом, обобщая вопросы противодействия феноменам экстремизма и терроризма, следует особую значимость придать вопросам предупреждения и профилактики данных преступлений. Для этого перед правоохранителями ставится ряд задач, решение которых позволит реализовать данное направление:

1. Принимать участие в разработке и реализации комплексных программ, обеспечивающих предупреждение экстремизма и терроризма.

2. Принимать участие (в пределах своей компетенции) в разработке мер по устранению социальных, экономических и других факторов, создающих предпосылки к совершению экстремистских и террористических преступлений.

3. Информировать население через СМИ о состоянии и мерах по предупреждению экстремистских и террористических преступлений.

4. Повышать уровень профессионализма правоохранителей посредством изучения, обобщения и реализации положительного опыта по предупреждению и профилактике появления феноменов экстремизма и терроризма [5], [8].

Обобщая изложенное, еще раз подчеркнем глобальность и деструктивность идеологии терроризма и экстремизма, искоренение которой является приоритетной задачей для мирового сообщества.

Пристатейный библиографический список

1. Гедутошев Р. Р., Корсаков Ю. В., Абазова М. В. Основные направления противодействия терроризму и экстремизму в современных условиях // Журнал прикладных исследований. - 2021. - Т. 2. - № 5. - С. 185-189.
2. Жамборов А. А. Современный терроризм и экстремизм как потенциальная угроза безопасности государства // Пробелы в российском законодательстве. - 2021. - Т. 14. - № 3. - С. 32-36.
3. Камергоев Б. М. Роль государственного управления в области обеспечения безопасности по противодействию терроризму // Вопросы российского и международного права. - 2019. - Т. 9. - № 8-1. - С. 114-120.
4. Кормазов А. В. «Терроризм» и «экстремизм» как опасность современных реалий // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 8 (159). - С. 398-399.
5. Магомедов М. Н., Бозиева Ю. Г. О способах противодействия молодежному экстремизму // Государственная служба и кадры. - 2021. - № 1. - С. 146-147.
6. Мухтаров Д. Д., Галимов С. А. Проблемные аспекты правового регулирования противодействия терроризму // Пробелы в российском законодательстве. - 2021. - Т. 14. - № 4. - С. 37-40.
7. Тарчоков Б. А., Тарчокова М. А. О факторах, детерминирующих современный экстремизм в условиях глобализации // Образование и право. - 2021. - № 6. - С. 347-351.
8. Факов А. М. Деятельность органов внутренних дел в сфере локализации терроризма в условиях глобализации информационного пространства // Пробелы в российском законодательстве. - 2020. - Т. 13. - № 4. - С. 91-93.

КУЧМЕЗОВ Расул Абдулмуталифович

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

Кучмезов Р. А.

ЭКСТРЕМИЗМ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

В статье рассмотрены проблемы противодействия экстремисткой идеологии, распространяемой в сети интернет. Проанализирована опасность данного явления для нормального развития государства и общества. Установлено, что, невзирая на имеющиеся в отечественной правовой доктрине достаточно разработанные меры противодействия экстремизму, совершаемому в сети, до сих пор не найдены способы повышения качества борьбы с данным явлением со стороны правоохранительных органов. Свидетельством тому являются ежегодные отчеты территориальных органов внутренних дел, отмечающие рост экстремистских лозунгов в сети интернет. А высокий уровень латентности данных преступлений дает основание предполагать их еще большее количество, а также трудности, с которыми сталкиваются правоохранители при их выявлении. Предложены меры по повышению эффективности противодействия и снижению количества данных преступлений.

Ключевые слова: сеть интернет, экстремизм, публичный призыв, противодействие, профилактика.

KUCHMEZOV Rasul Abdulmutalifovich

Ph.D. in pedagogical sciences, senior lecturer of Law enforcement agencies sub-faculty of the North Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

EXTREMISM ON THE INTERNET: LEGAL BASIS AND PROBLEMS OF COUNTERACTION

The article deals with the problems of countering extremist ideology distributed on the Internet. The danger of this phenomenon for the normal development of the state and society is analyzed. It has been established that, despite the sufficiently developed measures to counter extremism committed online in the domestic legal doctrine, ways to improve the quality of combating this phenomenon by law enforcement agencies have not yet been found. Evidence of this is the annual reports of the territorial bodies of internal affairs, noting the growth of extremist slogans on the Internet. And the high level of latency of these crimes gives reason to assume their even greater number, as well as the difficulties that law enforcement officers face in identifying them. Measures are proposed to increase the effectiveness of counteraction and reduce the number of these crimes.

Keywords: administrative case, court session, administrative punishment, decision, protocol.

На сегодняшний день одной из значимых проблем, стоящих перед нашим государством выступает широкое распространение экстремистской идеологии в глобальной сети интернет. Опасность экстремизма состоит в воспрепятствовании нормальному развитию государства и общества, возбуждении вражды и ненависти к представителям другой нации и вероисповедания, в осуществлении подрывной деятельности в отношении государственной власти, с целью разжигания конфликта в обществе. Кроме того, предпринимаемые государством и правоохранительными структурами меры противодействия указанному явлению зачастую оказываются неэффективными [5].

Конституция РФ является главенствующим нормативно-правовым актом регулирующим вопросы противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершаемым в интернет-пространстве. Так, в ст. 19 гарантируется равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальной принадлежности, происхождения, социального и должностного положения, места жительства, убеждений, отношения к религии, принадлежности к общественным объединениям и др. обстоятельств; в с. 29 установлен запрет на осуществление пропаганды и агитации, призывающих к социальной, расовой, национальной и религиозной ненависти и вражде [1]. Данные конституционные положения в полной мере коррелируют с международными стандартами и международными правовыми актами, ратифицированных РФ в разные периоды времени.

Таким образом, невзирая на имеющиеся в отечественной правовой доктрине достаточно разработанные меры проти-

водействия экстремизму, совершаемому в сети, до сих пор не найдены способы повышения качества борьбы с данным явлением со стороны правоохранительных органов. А конституционно провозглашенный запрет на дискриминацию повлек за собой установление уголовной ответственности за экстремизм в сети интернет в положениях действующего УК РФ (ст.ст. 280, 281.1, 282, 282.1-282.3), который предположительно должен снизить количество подобных преступлений под страхом применения уголовной ответственности [4]. Это, в свою очередь, обеспечить стабилизацию правопорядка в обществе.

В целом же позиция отечественного законодателя детерминируется в необходимости дифференциации ответственности за производство и распространение экстремистских материалов, в т.ч. на интернет-ресурсах, что нашло отражение в установлении административной ответственности согласно нормам КоАП РФ (ст.20.29) [2].

Следует также обратить внимание и на такой документ, как Стратегия противодействия экстремизму в РФ до 2025 г., которая содержит основы правовой политики борьбы с экстремизмом в сети интернет и ставит главной целью отечественного курса защиту основ конституционного строя РФ, общественной безопасности, прав и свобод граждан от экстремистских угроз. Достижению цели способствует совершенствование действующего законодательства и правоохранительной практики в сфере противодействия экстремизму, а также выработка и реализация прогрессивных мер профилактики, выявления и пресечения экстремистских преступлений и правонарушений.

Определение экстремизма и экстремистской деятельности, организационных основ и принципов противодействия экстремизму, основания и порядок привлечения к ответственности за экстремистские деяния, вопросы международного сотрудничества по борьбе с данным явлением нашли закрепление в основном нормативно правовом акте – Законе «О противодействии экстремистской деятельности» [3].

Как мы выше отмечали, противодействие экстремизму зачастую происходит некачественно и неэффективно, поскольку правовая политика РФ, касающаяся разрешения данной проблемы, носит несовершенно характер. Свидетельством тому является ежегодные отчеты территориальных органов внутренних дел, отмечающие рост экстремистских лозунгов в сети интернет. А высокий уровень латентности данных преступлений, дает основание предполагать их еще большее количество, а также трудности, с которыми сталкиваются правоохранители при их выявлении.

Так, в последние 10 лет в глобальном информационном пространстве участились случаи распространения публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности путем размещения информационных ресурсов, одобряющих насилие. Этот контент находит одобрение у пользователей сети, которые репостят их во все социальные сети. Отслеживание и пресечение подобных актов задача трудноразрешимая, поскольку обширность сетевого пространства не допускает тотального контролирования. Вдобавок существующая нехватка специалистов данного профиля в правоохранительных органах и огромная рабочая нагрузка, которая ложится им на плечи, препятствует также пресечению подобных преступлений [5], [7].

Решение данной проблемы, по нашему мнению, целесообразно начать с обращения к гражданам с активной социальной позицией с целью оказания им помощи правоохранительным органам в борьбе с экстремизмом, выражающейся в виде своевременного реагирования населения на акты экстремизма в виртуальной и реальной жизни. Данная работа должна проводиться сотрудниками правоохранительных органов, и состоит она в привлечении различных институтов гражданского общества, отдельных граждан, органов государственной власти и местного самоуправления, представителей высших и средних профессиональных образовательных организаций противодействию экстремизму. Кроме того, расширение кадрового обеспечения правоохранительных органов, в т.ч. создание специальных структурных подразделений по борьбе с экстремизмом, также является эффективной мерой противодействия данному явлению.

Отягчающим обстоятельством также можно назвать невозможность установления лиц, распространяющих публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности в сети интернет, для последующего привлечения их к ответственности. Главной причиной тому является, что при установлении IP-адреса распространителя указанного контента, след ведет за пределы территории РФ. Противодействие данному явлению, считаем необходимым осуществить путем заключения двухсторонних международных договоров между РФ и сторонними государствами. Для этого необходимо предусмотреть возможность привлечения правоохранителей иностранного государства к расследованию уголовного дела об экстремистских преступлениях, если будет установлено, что IP-адрес преступника отслеживается на территории данного государства. Установив лиц, распространяющих публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности в сети интернет, и назначив им соответствующую ответственность, реализуется мера предупреждения совершения новых экстремистских актов.

Отдельно стоит упомянуть и сознательное игнорирование экстремистских проявлений со стороны правоохранителей, по причинам их профессиональной деформации, усталости, отсутствия желания и мотивации к выполнению своих профессиональных обязанностей. Недопущению указанного могут способствовать психологические семинары, лекции, тренинги профессионального роста сотрудников, задействованных в противодействии экстремизму [5], [6].

Помимо перечисленного, определенные сложности возникают также при квалификации преступлений экстремистской направленности по причине, вызванной недостатком уголовно-правовых знаний, а также недостаточного опыта у следователей детерминируется в неправильную квалификацию действий виновных лиц. Здесь решение проблемы

лежит в плоскости организации дополнительного профессионального обучения сотрудников, привлекающихся к противодействию экстремизму.

Со своей стороны хотим отметить, что эффективным противодействием экстремизму выступает его профилактика, которую целесообразно начинать с подрастающего поколения. Так, считаем необходимым для обучающихся общеобразовательных учреждений в возрасте 10-17 лет на регулярной основе проводить уроки толерантности, формировать терпимость по отношению к представителям иной национальности и вероисповедания, организовывать мероприятия, направленные на сплочение детского коллектива. Также для указанного контингента обучающихся должна быть реализована возможность работы психолога, особенно с подростками, имеющими склонность к насилию и оправдывающим насильственные методы решения проблем, с целью своевременного предотвращения совершения ими экстремистских преступлений. Каждый конфликт, возникающий в стенах образовательных организаций на почве национальной, расовой и иной неприязни, должен подвергаться анализу специалиста [6], [7], [8].

В заключении отметим, что современный экстремизм, распространяемый посредством глобального информационного пространства, характеризуется широкими масштабами, тенденцией роста, как транслируемого контента, так и вовлечения новых членов в экстремистские организации.

В структуре экстремистских преступлений выделяются публичные призывы, содержащие экстремистские лозунги и участие в экстремистской деятельности. Противодействие им осуществляется государством и правоохранительными органами, которое не всегда эффективно. Для повышения эффективности необходимо совершенствование действующего законодательства и правоохранительной практики в сфере противодействия экстремизму, а также выработка и реализации прогрессивных мер профилактики, выявления и пресечения экстремистских преступлений и правонарушений. Полагаем, что внесенные нами предложения будут способствовать эффективности противодействия, а вместе с тем, и снижению количества данных преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.02.2022).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.02.2022).
3. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.02.2022).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.02.2022).
5. Бережная А. И., Яцышина Ю. В., Юсифзаде Д. Н. О. Война и ненависть в сети: правовые основы и проблемы противодействия интернет-экстремизму // Оригинальные исследования. - 2020. - Т. 10. - № 6. - С. 355-367.
6. Камергоев Б. М. Проблемы противодействия молодёжному экстремизму в сети интернет // Проблемы экономики и юридической практики. - 2019. - Т. 15. - № 3. - С. 67-69.
7. Мишин А. М. Проблемы противодействия экстремизму в сети интернет // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 2 (141). - С. 389-390.
8. Павлинова Е. Ю. Проблемы противодействия экстремизму в сети интернет // Закон и власть. - 2019. - № 2. - С. 50-53.

НОСАТОВ Юрий Николаевич

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры УДПОООП Академии управления МВД России

УВАРОВ Максим Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры УДПОООП Академии управления МВД России

ВНОВЬ К ВОПРОСУ ВЫБОРОВ КАК ПРАВОВОГО ОСНОВАНИЯ ДЛЯ НЕПРАВОВОГО ДОСТИЖЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

В данной статье предпринята попытка дать юридическую оценку достижения государственной власти посредством «цветной революции». Анализируются этапы достижения государственной власти вышеуказанным способом. Определяется роль выборов в легитимизации государственной власти, достигнутой деструктивными технологиями. Формируется ключевой понятийно-категориальный аппарат в рамках избирательных технологий и цветных революций.

Ключевые слова: избирательный процесс, выборы, «цветные революции», деструктивные силы, протестные акции.

NOSATOV Yuriy Nikolaevich

Ph.D. in Law, Deputy Head of UDPOOOP sub-faculty of the Academy of Management of the MIA of Russia

UVAROV Maksim Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of UDPOOOP sub-faculty of the Academy of Management of the MIA of Russia

BACK TO THE ISSUE OF ELECTIONS AS A LEGAL BASIS FOR THE UNLAWFUL ACHIEVEMENT OF STATE POWER

This article attempts to give a legal assessment of the achievement of state power through the «color revolution». The stages of achieving state power in the above way are analyzed. The role of elections in the legitimization of state power achieved by destructive technologies is determined.

Keywords: electoral process, elections, «color revolutions», destructive forces, protest actions.

Носатов Ю. Н.

Уваров М. А.

Одним из признаков демократического государства является признание единственным источником власти его народа, а высшим непосредственным выражением власти народа являются свободные выборы [1].

При этом данное утверждение должно носить не декларативный характер, а иметь правовую регламентацию и действительное выражение. То есть демократическое государство, если оно является таковым, должно обеспечить правовой режим свободных, законных выборов и не позволить кому-либо присвоить государственно-властные полномочия путем различных противоправных манипуляций, в том числе и в ходе избирательного процесса [4, с. 53]. Результатом или «продуктом» законно протекающего избирательного процесса является юридическое закрепление волеизъявления граждан. Только в следствии, указанных юридических факта субъект (индивид или политическая партия) должен наделяться определенными правами и в той или иной мере получать доступ к государственной власти.

Между тем в современном мире все чаще к власти приходят политические элиты или отдельные личности не в результате избирательных процедур, а в следствии про-

цессов, получивших название «цветных», «весенних» или «бархатных» революций [2, 15-20]. Такие факты имели место в Тунисе, Алжире, Йемене, Ливане, Марокко, Египте, Тунисе [7, с. 7-11]. Не редко указанные процессы, с той или иной степенью успешности имели место на постсоветском пространстве. В качестве примеров можно привести события в Грузии (2003 г.), Киргизии (2005, 2010 гг.), Украина (2004, 2014 гг.) [6, с. 13, 14, 15] и др. Следует отметить, что не все эти попытки принесли успех их инициаторам, не достигли своей цели попытки «эстетических революций» в Азербайджане (2005 г.), Армения (2008 г.), Молдавия (2009 г.). В этой череде стран особое место занимает Беларусь, ее особое место обусловлено тем, что попытки неправовой смены власти там предпринимались не однократно и исход последней из них пока не ясен. Поэтому события в Беларуси будут положены в основу данной работы.

Необходимо подчеркнуть, что термин «цветные революции» и их аналоги, о сущности которых у исследователей нет единства мнений (являются ли они по сути революциями, переворотами и т.д.), мы в данной работе будем использовать в «формальном» значении – т. е. мы не настаиваем, что это была именно революции, а используем их

только как общепризнанные дефиниции, определяющие имевшие место отдельные события, которым присущ ряд общих характеристик. Ограничивая себя по цели и объемам работы все признаки приводить не будем, отметим только, что наиболее значимым признаком для этой работы является «противоправный способ достижения государственной власти».

Проведенное нами исследование событий, как в Беларуси, так и в других странах, позволили нам выявить некоторые закономерности протекания этих процессов (ход исследования, промежуточные выводы и умозаключения будут в дальнейшем изложены в монографическом издании). Так в частности авторы отметили: несмотря на то, что при проведении «цветных революций» те или иные политические силы приходят к власти не в соответствии с правовыми установлениями (напомним в демократическом, правовом государстве единственным правовым способом достижения власти является законно протекающий избирательный процесс), а вопреки им, но при этом все же события в той или иной мере все равно связаны с выборами. То есть стартом для начала «цветной революции», а с юридической точки зрения к противоправному приходу к власти, служит начало избирательной кампании. Можно возразить, что некоторые «цветные революции», начинались после объявления результатов выборов (например, «Оранжевая революция» Украины). По мнению авторов, точка зрения, что «Оранжевая революция» началась с «объявления о победе Януковича на выборах в ноябре 2004 г.» [3, с. 34]. Протестные акции, последовавшие после объявления о результатах выборов, это уже активная стадия, видимая часть «айсберга», предшествовала же этому кампания по дискредитации избирательного процесса, действующей государственной власти и некоторых кандидатов на пост высшего должностного лица в государстве [5].

Для легитимизации противоправного захвата власти, придания видимости ее законности ее достижения, деструктивные силы в первую очередь оспаривают законность действующей государственной власти [8, с. 281-282]. С этой целью дискредитируют сам институт выборов, создавая устойчивое общественное мнение о том, что это не правового инструмента, а источник манипуляций.

Так, например, в Республике Беларусь в 2020 году накануне досрочного голосования деструктивными силами активно использовались новые формы и методы проведения акций, которые были направлены на радикализацию не только столичного, но и регионального электората. Протестные настроения в регионах усиливались на фоне призывов дезорганизации выборов путем:

- неприятия участия в досрочном голосовании;
- проведения экзит-поллов, в том числе проводимых новым способом (путем тайного осуществления фотосъемки мобильными устройствами бюллетеня и направления его фотоизображения на заранее созданный сайт для последующей подготовки радикальных (фейковых) прогнозов исхода выборов посредством накопления статистических данных с целью манипулирования сознанием избирателей о якобы заранее сфальсифицированных результатах выборов);
- использование белых браслетов (и иной атрибутики) на руках с целью визуализации протестного настроения избирателей.

Вышеуказанные технологии использовались как для дискредитации избирательной кампании, так и в качестве поводов для последующего вовлечения населения в проведение протестных акций и последующих массовых беспорядков.

Примером, нам также могут послужить уже отмеченные события в Республике Беларусь имевшие место в 2020 году. В самом начале избирательной кампании по выборам Президента была развернута широкомасштабная деятельность по оказанию информационного воздействия на сотрудников органов внутренних дел и членов их семей, которая осуществляется преимущественно через различные Интернет-ресурсы и платформы и выражается в виде публикации оскорблений, клеветнических сведений, угроз в связи с исполнением служебных обязанностей, публичного распространения личных данных, сведений о месте службы и проживания.

В последующем такому воздействию стали подвергаться также члены участковых и областных избирательных комиссий, особенно из числа преподавателей и администрации учреждений образования, судьи, депутаты Национального собрания Республики Беларусь, корреспонденты государственных средств массовой информации.

Анализ проводимых в 2020 году в Республике Беларусь несанкционированных акций и массовых нарушений общественного порядка, направленных на дестабилизацию общественно-политической ситуации в государстве, свидетельствует, что основной информационной интернет-площадкой для белорусских пользователей, используемой для нагнетания протестных настроений, дискредитации органов власти и управления, а также координации действий участников и сторонников протестного движения является один из мессенджеров. Использовались мессенджер-каналы, объединяющие подписчиков как по направленности циркулируемого контента («97%», «страна для жизни» и др. так и по территориальному признаку (мессенджер-каналы отдельных населенных пунктов, районов столицы и областных центров), направления» профессиональной деятельности (медицина, транспорт, образование, торговля, строительство и др.), принадлежности к крупным предприятиям страны, а также иным объединяющим признакам (водители, велосипедисты и др.).

Следующим этапом захвата власти и ее легитимизации является свержение (вынуждение уйти) действующей власти и формирование новой псевдо законной (квазиправовой) власти.

Рассмотрим этот этап также на примере событий в Беларуси, где в августе 2020 года акции протеста имели характер массовых беспорядков, сопровождались насилием в отношении сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск.

В столице и областях республики отмучались многочисленные факты размещения незарегистрированных бело-красно-белых флагов (самодельных ленточных аналогов) как в окнах квартир многоэтажных жилых домов, так и на фасадах зданий, а также в других общественных местах.

Деструктивными силами предлагался общий стратегический план мер достижения заявленных целей основными целями которого являлись:

- уход законно избранного главы государства (*смещение законной власти*), а также проведение новых выборов

(при этом по нашему глубокому убеждению если результаты их не устроят, то они выборы вновь признают недействительными);

– освобождение всех политических заключенных (то есть освобождение преступников и правонарушителей способствовавших противоправному достижению власти);

– честный суд над всеми виновными в убийствах, пытках и избияниях белорусов (как мы выше уже указывали признание преступной должностных лиц действующей власти, в первую очередь представителей правоохранительных органов и силового блока).

Декларируя деятельность по мирному достижению заявленных целей, директивный прожект одновременно предусматривал мероприятия, результатом реализации которых была эскалация напряженности в обществе, подготовка и проведение силовых акций (например, создание местных сил правопорядка, групп волонтеров, но пресечению провокации, групп разведки и др.).

В создававшихся на первоначальном этапе квазивластных структурах со стороны оппозиции находились в большей степени гуманитарии и лица таких же профессий. При этом призывы к самоорганизации были направлены на привлечение в их ряды экономистов, юристов, управленцев, представителей IT-сферы.

План был направлен на максимальное вовлечение протестных масс в широкомасштабную кампанию, по дискредитации действующей власти, дезорганизации работы государственных структур по основным направлениям их деятельности, расшатыванию внутривластной ситуации и провоцированию долгосрочного политического и экономического кризиса в стране.

При этом анализ предлагавшихся Планом мероприятий показывал, что деструктивными силами для поддержания активности протестов, вовлечения в эти мероприятия новых сторонников были использованы триггеры. Такими триггерами могли быть как возмущения по поводу новых подробностей «зверств и репрессий» силовиков, так и триггеры иного типа - победы, какие-то достижения революционеров.

Таким образом, подводя итоги вышесказанному можно сделать ряд выводов.

Во-первых, с юридической точки зрения, «цветные революции» зачастую являются не чем иным как противоправным способом достижения власти.

Во-вторых, противоправное достижение государственной власти представляет собой последовательность следующих этапов:

дискредитация института выборов;

делегитимизация действующей власти через дискредитацию результатов выборов и правоохранительной системы;

формирование новой псевдо законной (квазиправовой) власти;

легитимизация оппозиции с помощью выборов.

В-третьих, для легитимизации незаконно достигнутой государственной власти предпринимаются попытки использовать правовой институт выборов.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Рос. газ. 2009. № 7.
2. Красинский В.В. Выборы как механизм захвата политической власти и реализации иностранной внешней политики // Военно-юридический журнал. 2006. № 3. С. 15-20.
3. Лэйн Д. Оранжевая революция: народная революция или революционный переворот? // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С.31-53.
4. Носатов Ю.Н. Правовые и организационные основы деятельности органов внутренних дел по обеспечению правопорядка в период проведения предвыборной агитации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 309 с.
5. Смирнов Д.Н. Реализация средств делегитимизация в ходе «оранжевой» революции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. № 5 (45). С. 171-177.
6. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А., Кундетов А.И., Трофимов Д.А. Исследование деструктивных технологий «цветных революций» и профилактика возможности их применения в Российской Федерации: Пособие. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2014. 86 с.
7. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование. М.: Издательство Норма. 2019. 192 с.
8. Приходько, Н. Ю. Проблемы правового противодействия преступности // Евразийский юридический журнал. 2020. № 12 (151). С. 281-282.

РОМАНОВ Антон Александрович

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

СОБОЛЕВ Андрей Георгиевич

начальник кафедры огневой подготовки Уральского юридического института МВД России

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ ВЫЯВЛЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ УГРОЗЫ СНАЙПЕРА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ГОСЗАЩИТЫ

В статье рассматриваются особенности организации антиснайперской защиты в деятельности подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите. Большая дистанция, на которой совершается нападение, значительно затрудняет выявление снайпера, а также защиту от него. Деятельность по выявлению снайперов и противодействие им в условиях повседневной городской жизни значительно отличается от антиснайперской подготовки военных подразделений. Последнее требует изучения особенностей деятельности снайперов и выработки рекомендаций для сотрудников подразделений госзащиты, по тактике противодействия им.

Ключевые слова: государственная защита, снайперская засада, защищаемое лицо, антиснайперская защита, угрозоноситель.

ROMANOV Anton Aleksandrovich

Ph.D. in Law, Deputy Head of Fire and special tactical training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

SOBOLEV Andrey Georgievich

Head of Fire training sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

ABOUT SOME METHODS OF REVEALING A POTENTIAL THREAT OF A SNIPER IN THE ACTIVITIES OF STATE PROTECTION UNITS

The article discusses the features of organizing a sniper ambush and carrying out attacks on a protected person in a residential area. The identification of these features makes it possible to develop measures and approaches to the organization of anti-sniper protection, planning and reconnaissance of routes and places to visit the protected person. The considered features allow both to identify the places of possible placement of sniper ambushes, and to identify snipers by characteristic features.

Keywords: state protection, sniper ambush, protected person, anti-sniper protection, threat carrier.

В соответствии с положениями Федерального закона от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и Федерального закона от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» в качестве мер безопасности лицам, в отношении которых принято решение о применении мер государственной безопасности, может быть назначена мера безопасности «личная охрана, охрана жилища и имущества». Реализация указанной меры осуществляется сотрудниками подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите (далее – госзащиты). Способ реализации данной меры предполагает напряженную работу сотрудников госзащиты по выявлению и нейтрализации угроз защищаемому лицу различного характера. Одной из наиболее опасных угроз является угроза совершения нападения с огнестрельным оружием на большой дистанции – нападения снайпера.

Деятельность снайперов представляет серьезную угрозу безопасности как защищаемых лиц, так и сотрудников подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите (далее – госзащиты). Мероприятия сотрудников госзащиты по противодействию снайперской угрозе, как и любая специальная операция органов внутренних дел, должны начинаться планироваться и проводиться заблаговременно (до начала передвижения или осуществления «личной охраны» на объекте нахождения защищаемого лица (далее – ЗЛ)), продолжаться во время непосредственной реализации меры безопасности и оканчиваться анализом проведенных мероприятий и эффективности действий по антиснайперской защите после их завершения. Знание особенностей снайперских нападений, применяемого снайперами оружия и тактики подготовки засад позволяют вы-

работать ряд требований к организации антиснайперской защиты.

На первоначальном этапе сотрудники госзащиты должны определить все места пребывания ЗЛ. К таким относятся: место жительства, временное безопасное место, место работы, места частого посещения, место проведения следственных или судебных действий и т.д. Указанные места необходимо изучить с точки зрения оценки направлений для возможной атаки снайпера, зафиксировать все потенциально опасные направления.

В местах расположения ЗЛ такими местами с точки зрения угрозы нападения снайпера, в первую очередь, являются окна. Окна должны полностью закрывать плотные шторы или жалюзи. Притом как в светлое, так и в темное время суток. Плотность штор не должна оставлять возможность в темное время суток при включенном в помещении освещении угадывать силуэты находящихся внутри людей. Между шторами и жалюзи не должно оставаться щелей.

В местах наиболее частого посещения ЗЛ выявляются окна и иные открытые участки, доступные для наблюдения и ведения огня с дистанций от 50 метров и более. Задача подразделения госзащиты состоит в возможно полном исключении таких мест путем организации визуальных помех или физического блокирования угрозы нападения с указанных направлений для всех перечисленных мест.

Также определяют маршруты движения ЗЛ между указанными местами. Особую опасность представляют открытые пространства от здания до автомобиля при посадке/высадке из него. Как показывает опыт изучения случаев нападения снайперов на охраняемых лиц, наибольшее число таких нападений совершено именно в момент выхода из здания [1]. Это вполне объяснимо, ведь внутри помещения защищают стены, при передвижении в автомобиле маршрут

может быть построен непредсказуемым для нападающего образом. А если же потенциальная жертва регулярно посещает какой-либо объект, то снайперу остается лишь получить подтверждение, что жертва прибыла туда и дожидаться, когда она начнет выходить.

Далее определяются наиболее вероятные места расположения снайперской позиции с учетом мест пребывания ЗЛ и маршрутов его передвижения. На данном этапе организации защитных действий необходимо изучить прилегающую местность на предмет возможного размещения снайперской засады. Выявив все места, которые потенциально могут быть удобно использованы для нападения снайпером, сотруднику госзащиты необходимо рассчитать дальнейшие свои действия таким образом, чтобы избежать этих мест. То есть, изменить место посадки/высадки ЗЛ, построить маршрут передвижения таким образом, чтобы он не пролегал через указанные места. Если же полностью избежать таких мест не удастся, то следует действовать в зоне потенциально возможного нападения с учетом данной угрозы.

Осуществляется также производство оперативно-технического осмотра объектов посещения ЗЛ и прилегающей территории (в том числе мест возможного нахождения снайперской засады). Так, во время скрытного обхода мест, потенциально удобных для расположения снайпера, можно обнаружить следы подготовки засады либо позиции, откуда велось наблюдение за ЗЛ [3. С. 105-106]. Выявление таких мест позволит разыграть оперативно-тактическую комбинацию и задержать преступника с оружием в момент выхода его на позицию.

О подготовке снайперской позиции могут свидетельствовать следы вскрытия дверей или отсутствие замков на люках чердаков или подвалов (при наличии окон в подвальных помещениях, выходящих на место высадки ЗЛ). Для выявления следов проникновения в помещения, удобные для организации снайперской позиции, можно на дверях и входах оставить собственные «маячки». При повторном обходе отсутствие маячков выдаст, что кто-то приходил в это место.

На уже подготовленной снайперской позиции угрозоноситель может заблаговременно спрятать оружие, чтобы не рисковать, передвигаясь с ним непосредственно накануне нападения. Для выявления спрятанного оружия в ходе обхода целесообразно применение досмотровой техники (зеркала, эндоскопы, металлоискатели, фонари и т.д.).

При подготовке снайперской позиции на открытых участках местности ее демаскирующими признаками могут являться следы на снегу или сломанные корки льда на лужах и мелких водоемах, сорванная или примятая трава, следы свежих земляных работ, сломанные ветви кустов и деревьев. Также могут быть выявлены следы обустройства снайперской позиции.

Также следует помнить, что до нападения снайпер, как правило, подробно изучает маршруты, распорядок ЗЛ, присматривает несколько точек для расположения засады, а также пути отхода. Часто снайпер работает не один. Сообщники помогают ему следить за потенциальной жертвой, дают информацию о ее прибытии, направлении движения и т.д. Таким образом, на прилегающей к месту возможного нападения снайпера (как заблаговременно, так и непосредственно накануне нападения) можно обнаружить подозрительных лиц, которые ведут наблюдение, возможно, фотографируют или ведут видеозапись момента прибытия ЗЛ. В отношении таких наблюдателей целесообразно организовать проверку с применением оперативно-разыскных мероприятий, контрнаблюдения. Не исключено, что это позволит выявить и задокументировать признаки готовящегося нападения и, таким образом, задержать угрозоносителя до его попытки совершить нападение.

Наблюдая за прилегающей территорией, также необходимо выявлять лиц, которые могут быть снайперами. По внешним признакам их выявить достаточно сложно, однако здесь действуют общие правила выявления лиц, вынашивающих преступные намерения. Для этого, в частности, применяются методы профайлинга. Это могут быть лица, озирающиеся, высматривающие по сторонам, стремящиеся оставаться неприметными и открыто не показывать свое лицо, скрыться от внимания находящихся рядом сотрудников полиции и т.п. Кроме того, особенности снайперского

оружия могут позволить выявить его на подходе снайпера к своей позиции. Так, подозрение должны вызывать люди с длинными чехлами, коробками, свертками, в которых могло бы разместиться снайперское оружие.

Следующим этапом следует определить перечень технических мероприятий по противодействию снайперу. При расчете места высадки (посадки) ЗЛ также необходимо учитывать расположение конструкций, создающих визуальные помехи для наблюдения и прицеливания с мест потенциальных снайперских позиций (навесы, козырьки подъездов, деревья, рекламные щиты и т.п.) [2].

Большой потенциал для повышения эффективности обеспечения безопасности ЗЛ при угрозе снайпера имеет применение специальных технических средств выявления оптических приборов наблюдения (прицеливания) и постановка оптических помех (засветка оптики угрозоносителя лазерным лучом). При этом необходимо учитывать возможности таких технических средств. Так, например, если применяется комплекс «Антиснайпер», то его оператор должен просмотреть окружающее пространство с его применением непосредственно перед появлением в зоне поражения ЗЛ. Это связано с тем, что снайпер, как правило, не будет выявлять имеющиеся оптические приборы задолго до нападения, воспользуется ими непосредственно накануне прицеливания и выстрела.

Накануне сопровождения ЗЛ также следует просмотреть окружающее пространство с позиции, на которой даже непродолжительное время ЗЛ будет находиться на открытом пространстве. Осмотр территории следует делать как в направлении потенциальных снайперских позиций, так и рядом расположенных объектов. В отношении потенциальных мест снайперских позиций осмотр целесообразно производить с применением приборов наблюдения, технических средств (например, квадрокоптеров, приборов выявления приборов встречного наблюдения и т.п.).

Учитывая, что для производства точного выстрела профессиональный снайпер должен сделать поправку на силу и направление ветра, де-маскирующим признаком готовящегося нападения снайпера может являться установка маячков ветра. Это могут быть повязанные на деревьях, столбах и т.п. ленточки, небольшие куски материи, флажки. Такие маячки устанавливаются, как правило, недалеко от места выхода ЗЛ.

Целесообразно, чтобы указанные предварительные обходы и обследования территории производил сотрудник госзащиты, обладающий навыками снайпера (конечно, при его наличии в составе подразделения госзащиты). Имеющиеся у него профессиональные знания и навыки помогут ему быстрее выявить потенциальную позицию снайпера, произвести предварительные расчеты для стрельбы и соответствие условий для нападения, выявить признаки подготовки позиции снайпера.

Соблюдение приведенных выше мер профилактического, организационно-технического характера способно исключить возможность нападения на защищаемое лицо со стороны снайпера, а также позволить выявить потенциального угрозоносителя еще на этапе подготовки нападения. Также сотрудникам госзащиты необходимо определить тактику перемещения ЗЛ. Однако в рамках настоящей статьи этот вопрос рассматриваться не будет.

Пристатейный библиографический список

1. Гусейнов А.А., Журавлев А.С. Учет опасных мест при разработке запасных маршрутов передвижения защищаемого лица при реализации меры безопасности «личная охрана» // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 6 (157). – С. 410-411.
2. Гусейнов А.А., Зайцев Н.В. Разработка маршрутов передвижения защищаемого лица при реализации меры безопасности «личная охрана»: учебно-практическое пособие; Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2020. – 31 с.
3. Козлов С.Н. «Антиснайпинг» (организация противодействия снайперу): учебно-практическое пособие. – 2 изд. – М.: Академический проект, 2019.

ТАРАН Александр Николаевич

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Краснодарского университета МВД России

ОГРЫЗА Александр Витальевич

начальник кафедры профессионально подготовки Уфимского юридического института МВД России

ТАРАН Кирилл Александрович

курсант Краснодарского университета МВД России

ПРОБЛЕМА ХАРАКТЕРИСТИКИ САМООБОРОНЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

В статье рассматриваются понятия самообороны и сопоставление характеристик самообороны в российском законодательстве. Законодательство Российской Федерации выделяет критерии самообороны как преступления, не разъясняет дефиниции превышения допустимой обороны, а также не даёт чёткого разъяснения терминологии данных аспектов. Приводится практика зарубежных стран по данному вопросу. Исходя из вышеперечисленного, необходимо выделить, что для улучшения российского законодательства требуются изменения и пути регламентации в сфере самообороны.

Ключевые слова: самооборона, необходимая оборона, пределы самообороны, общественность.

TARAN Aleksandr Nikolaevich

senior lecturer of Professional training sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

OGRYZA Aleksandr Vitaljevich

Head of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

TARAN Kirill Aleksandrovich

student of the Krasnodar University of the MIA of Russia

THE PROBLEM OF SELF-DEFENSE CHARACTERISTICS IN RUSSIAN LEGISLATION

The article discusses the concepts of self-defense and the comparison of the characteristics of self-defense in Russian legislation. The legislation of the Russian Federation identifies the criteria of self-defense as a crime, does not clarify the definition of exceeding the permissible defense, and also does not provide a clear explanation of the terminology of these aspects. The practice of foreign countries on this issue is cited. Based on the above, it is necessary to highlight that in order to improve Russian legislation, changes and ways of regulation in the field of self-defense are required.

Keywords: self-defense, necessary defense, limits of self-defense, the public.

Каждый человек имеет множество прав и обязанностей находясь на территории Российской Федерации (далее – РФ), если рассматривать аспект прав, то следует отметить: право на сохранение чести, достоинства, здоровья и жизни. Данные права гарантируются Конституцией РФ каждому человеку, и защищаются законом. Вследствие чего следует необходимо рассмотреть понятие самообороны, которое регламентируется в Уголовном кодексе РФ, а именно в статье 37 «Необходимая оборона». Согласно данной статье - «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» [6, с. 11]

Исходя из данной статьи, следует выделить следующее – конкретного понятия из уголовного закона про самооборону не существует. Также существует статья 108 УК РФ о превышении пределов необходимой обороны, которая не поясняет значение термина самооборона, но под превышением пределов необходимой обороны следует понимать применение мер самообороны, не соответствующих опасности посягательства. Вследствие чего у людей возникает множество различных трактовок самообороны.

Для правильного применения мер самообороны необходимо знать все признаки необходимой обороны, знания которых даст юридическую невиновность защищающегося лица. Согласно статье 37 УК РФ к таким признакам относятся:

1) Наличие посягательства. Данный признак основывается на начале посягательства без его вреда общественным отношениям. Посягательство будет существовать только при условии, если существует реальная угроза и вероятность воплощения данной угрозы. К реальности угрозы стоит относить угрозы по средствам слов, жестов, оружия и других действий, которые вызывают у потерпевшего страх своей безопасности или окружающих. Так же исходя из вышеперечисленного следует выделить, что если посягательство закончилось, то потерпевший не имеет прав на применение мер обороны, так как это, согласно закону, будет считаться нападением.

2) Защита должна носить соразмерный характер. Данный признак подразумевает равенство действий и степени опасности посягательства к действиям обороняющегося лица. На бытовом уровне это объясняется примером: если на вас нападают с ножом, то вы не имеете права использовать в целях защиты огнестрельное оружие, а вот если, простив вас используют огнестрельное оружие то тогда вам разрешено использовать огнестрельное оружие для самообороны [4, с. 220].

3) Вред разрешается причинять только посягающему лицу. Для правомерности действий защиты следует конкретизировать субъекта посягательства, так как если вред будет причинён третьим лицам вследствие ошибок защищающегося, то это будет считаться как нарушение. Поэтому защищающийся должен анализировать последствия своих действий для избежание нанесения вреда третьим лицам [1, с. 993].

Исследуя гражданский кодекс РФ, следует обратиться к статье 12 и 14, где разъясняются способы защиты гражданских прав и понятие «самозащита гражданских прав». Данное разъяснение описывает возможности человека, права которого были нарушены, где он имеет право на их защиту не только посредством обращения в государственные службы, но и самостоятельно. Даная описание не подходит понятию самообороны, так как основывается на гражданско-правовых отношениях.

Термин «самооборона» – является бытовым и существует в сознании людей, не требуя разъяснения, так поясняют многие учёные. В законах такого термина нет, но существует ряд других похожих понятий, которые косвенно схожи, но не конкретизируют данное понятие. Существует множество источников, научной литературы, высказываний по поводу значения термина «самооборона». Так, например, самый распространенный информационный ресурс «Википедия» под самообороной дает понятие: «ответные действия или комплекс противодействий, которые направлены на защиту себя и (или) окружающих и (или) своего имущества от действий другого человека, в случае возникновения угрозы» [2].

Но следует рассмотреть и другие трактовки данного понятия. Согласно Международному праву «Самооборона – это применение силы, осуществляемое государством в ответ на преступное вооруженное нападение» [3]. Данное определение не подходит для правосознания обычных граждан, поэтому исходя из вышеперечисленных высказываний и толкований следует дать общее определение самообороне – это ответные действия потерпевшего направленные на обеспечение защиты своей жизни, здоровья и (или) окружающих по средствам применения всех возможных орудий для оказания сопротивления.

Юридическая характеристика самообороны основывается на соразмерности действий стороны защиты и нападения. Это обозначает что ответственность наступает только в случае превышения ответных действий по опасности и характеру наносимого вреда. Но государственные органы часто упускают влияние стресса на организм человека, где человек, находясь в стрессовом состоянии, не будет определять размер наносимого вреда, даже со специальной эмоциональной подготовкой сотрудники ОВД так же подвергаются влиянию стресса и не всегда в состоянии определить степень наносимого вреда при самообороне.

Для решения данной проблемы необходимо также воспользоваться практикой зарубежных стран, так их законодательная база эффективно решает данный вопрос. Некоторые страны создают свои специальные правовые-нормы, к примеру Соединённые Штаты Америки (далее - США). В исследуемой стране действуют особые принципы - «мой дом – моя крепость» и «стой на своём месте». Данные системы позволяют гражданам эффективно обороняться и защищать свои права. Но необходимо отметить, что в США каждый может получить личное огнестрельное оружие без затруднений, что

позволяет эффективно действовать вышесказанным принципам [5, с. 219].

Закон диктует свои требования и правила, которые самообороняющийся должен выполнять, но не прописывает чёткой характеристики самообороны. Акт защиты с юридического аспекта очень трепетен, так как нет чёткого разъяснения к каждой ситуации, что требует вести индивидуальное разбирательство по каждому делу. Законодательство не выделяет критерии самообороны как преступления, не разъясняет дефиниции превышения допустимой обороны, а также не даёт чёткого разъяснения терминологии данных аспектов. Исходя из вышеперечисленного необходимо выделить, что для улучшения Российского законодательства требуются изменения в сфере самообороны. При введении корректировок необходимо использовать мнение общественности, проводить социальные опросы, привлекать к доработке специалистов разных правовых сфер и т.п. При внесении изменений необходимо также использовать практику зарубежных стран, где существуют эффективные механизмы регуляции данной сферы. Знаменитым механизмом является «Мой дом – моя крепость», который показал свою эффективность при изучении сферы самозащиты. Применяя все перечисленные факторы в совокупности, будет решена данная проблема, что в дальнейшем спасёт множество жизней людей и позволит каждому чувствовать себя в безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Пархоменко С. В., Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Векторы уголовной политики в сфере правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния // Всероссийский криминологический журнал. - 2019. – Т. 13. - № 6. - Ст. 992-1001.
2. Самооборона. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Самооборона> (дата обращения: 28.11.2021).
3. Самооборона в международном праве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/encJaw/2021/САМООБОРОНА> (дата обращения: 28.11.2021).
4. Смирнов М. А. Актуальные проблемы необходимой обороны в законодательстве Российской Федерации // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. - Т. 5. - № 2 (10). - С. 216-220.
5. Сысоев Артем Александрович, Мамедова Амина Омаровна, Быкова Полина Владиславовна, Гергокова Диана Владимировна Проблема в определении превышения допустимой самообороны // StudNet. - 2020. - № 8.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

ТХАЗЕПЛОВ Тимур Мухамедович

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры огневой подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

ПРИЕМЫ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ О ВНЕШНЕМ ОБЛИКЕ ЧЕЛОВЕКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Габитоскопия является отраслью криминалистической техники, которая помогает в установлении личности и при расследовании преступлений террористической направленности. Установление психологического контакта с очевидцами и свидетелями является крайне важным в большинстве случаев решающим условием успешной работы по созданию субъективного портрета.

Ограниченное время, которое отводится для изготовления портрета, затрудняет установление психологического контакта. Как правило, составление субъективного портрета — это разовое, относительно непродолжительное мероприятие. Но вместе с тем оно в большинстве случаев представляет собой часть такого процессуального действия, как допрос, целью которого является получение информации о внешнем облике искомого лица. Поэтому установление психологического контакта, доверительной атмосферы располагает очевидца к работе, стимулирует его способность к актуализации мысленного образа. В целом ряде случаев предварительное тестирование может стать составной частью установления психологического контакта, так как многие люди очень заинтересованно относятся к такого рода действиям.

Ключевые слова: габитоскопия, субъективный портрет, расследование, эксперт, фоторобот.

TKHAZEPIOV Timur Mukhamedovich

Ph.D. in economical sciences, senior lecturer of Fire training sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of the police

TECHNIQUES FOR OBTAINING INFORMATION ABOUT A PERSON'S APPEARANCE IN THE INVESTIGATION OF TERRORIST CRIMES

Habitoscopy is a branch of forensic technology that helps in the identification and investigation of terrorist crimes. Establishing psychological contact with eyewitnesses and witnesses is extremely important in most cases, a crucial condition for successful work on creating a subjective portrait.

The limited time allotted for the production of the portrait makes it difficult to establish psychological contact. As a rule, the compilation of a subjective portrait is a one-time, relatively short event. But at the same time, in most cases it is part of such a procedural action as an interrogation, the purpose of which is to obtain information about the appearance of the person being sought. Therefore, the establishment of psychological contact, a trusting atmosphere disposes an eyewitness to work, stimulates his ability to actualize a mental image. In a number of cases, preliminary testing can become an integral part of establishing psychological contact, since many people are very interested in such actions.

Keywords: habitoscopy, subjective portrait, investigation, expert, sketch.

Создание субъективных портретов является важным видом криминалистической работы, проводимой в различных правоохранительных органах при расследовании преступлений террористической направленности. При этом практически все существующие в нашей стране системы изготовления субъективных портретов рассчитаны в основном на воссоздание внешнего облика лиц европеоидного антропологического типа [7]. Однако в настоящее время перед криминалистами очень остро встала проблема создания субъективных портретов монголоидного и негроидного антропологических типов. Это вызвано постоянно расширяющимися международными связями нашего государства, большим притоком в страну иностранцев и, соответственно, ростом преступлений, совершаемых как в отношении иностранцев, так и ими самими.

Очевидно, что, не имея в штате экспертно-криминалистического отделения, специально выделенного для изготовления субъективных портретов сотрудника, экспертно-криминалистическое подразделение не может обеспечивать постоянно растущую потребность оперативно-следственных подразделений в составлении субъективных портретов. В

какой-то мере помогают привлекаемые для изготовления портретов художники, но далеко не всегда им удается создать портрет. Не имея специальной подготовки по работе с очевидцами, не зная особенностей природы субъективных портретов, художники порой изготавливают похожие изображения по преступлениям, совершенным заведомо разными лицами.

Указанная проблема имеет ряд важных аспектов, к которым можно отнести, во-первых, отсутствие специализированных технико-криминалистических средств изготовления субъективных портретов монголоидов и негроидов и, во-вторых, психологические особенности восприятия человеком лиц других рас. Известно, что в результате восприятия человека человеком у наблюдателя возникает целостный образ. Однако в подавляющем большинстве случаев различие в расе между объектом восприятия и наблюдателем самым негативным образом оказывается на формировании мысленно-зрительного образа в процессе запоминания. Очевидец запоминает не образ конкретного индивидуума, а образ представителя другой расы. Структура построения мысленно-зрительного образа резко меняется, фиксируются не наи-

более информативные элементы внешнего облика, а расовые признаки человека. Создаваемая затем портретная композиция будет отражать в лучшем случае лишь антропологический типаж искомого лица [1].

Решение первой задачи может быть обеспечено созданием информационного банка-массива элементов внешности лиц монголоидного и негроидного антропологических типов [5], [6].

Вторая задача комплексная, она охватывает положения криминалистики, психологии, социологии и некоторых других наук, использование которых позволит в конечном итоге наиболее точно воссоздать облик устанавливаемого лица [8], [9]. Особенно важна при этом психологическая сторона проблемы, так как применение психологических приемов, в частности различных тестов, позволяет изучать с большой степенью объективности структуру личностных особенностей очевидца и на основе полученной информации строить дальнейшую работу с ним.

Все более широкое привлечение для работы по изготовлению субъективных портретов внештатных художников и прием на работу в органы внутренних дел для этой цели лиц, имеющих художественное образование, требуют организации для них специальной подготовки [1].

Успех работы по изготовлению субъективных портретов во многом зависит от предварительной работы по отбору очевидцев, могущих реально участвовать в работе по воспроизведению внешнего облика разыскиваемого.

Хочется отметить, что при этом необходимо анализировать не только полноту восприятия признаков внешности, но и психологические особенности личности очевидцев. Необходимо также отметить, что выбор технических средств для изготовления портретов определяется тем, насколько хорошо очевидец запомнил внешний облик разыскиваемого [2].

Эксперты-криминалисты подчеркивают важность своевременного составления портрета, поскольку мысленный образ, основанный на непосредственном восприятии признаков внешности скрывшегося, довольно скоро вытесняется в памяти очевидца ассоциативным, особенно быстро формируемым в ходе контактов с другими очевидцами по делу, предъявлением фотоальбомов и т. п. [4].

При анализе составленных субъективных портретов было указано о важности распознавания преднамеренного заблуждения, которое удастся выявить при анализе условий восприятия и личности очевидца. По нашему мнению, работа с потерпевшими, побывавшими в состоянии стресса, не имеет перспективы даже спустя несколько дней, поскольку внешний облик запоминается очень искаженно.

Эксперты криминалисты поделились опытом изготовления субъективных портретов по делам о преступлениях террористической направленности. В таких случаях полезно широкое распространение репродукций портретов среди населения, поиск с их помощью так называемых «двойников», т. е. людей, похожих на разыскиваемого.

По делу о совершении террористического акта, попытки изготовить субъективный портрет преступника не давали желаемого результата - не удавалось добиться сходства, которое бы удовлетворяло очевидцев [3].

В связи с этим был подобран так называемый «двойник» — молодой человек, очень похожий, по уверению свидетелей, на преступника, и уже на основе внешнего облика двой-

ника был изготовлен рисованный портрет (анфас и в профиль). Репродукции портрета, а их было отпечатано 10-12 тысяч, расклеили на улицах города, в общественных местах, на транспорте, опубликовали в местных газетах, раздали сотрудникам полиции. Круг поисков расширился, и в нескольких десятках километров от города был выявлен похожий молодой человек, который и совершил данные преступления.

Данный пример свидетельствует, что при недостатке исходной информации, необходимой для изготовления субъективного портрета, целесообразно осуществлять поиск «двойника» - прототипа и уже его внешний облик использовать для получения портрета.

Пристатейный библиографический список

1. Антонов В. С., Зинин А. М., Ерзунов Г. И. Криминалист-художник — новая специальность в органах внутренних дел / Сборник МВД СССР. - 1991. - № 1. - С. 78-80.
2. Гончаренко В. И. Научно-технические средства в следственной практике. - Киев, 1984
3. Грановский Г. А. Основы трасологии (Особенная часть). - М., 1974
4. Осмотр места происшествия: Справочник следователя. - М.: Юридическая литература, 1979.
5. Селиванов Н. А., Терсбилов В. И. Первоначальные следственные действия. - М.: Юрид. литература, 1969.
6. Следы на месте происшествия: Справочник следователя. - М.: ВНКЦ МВД СССР, 1991.
7. Смыслов В. И. Осмотр места происшествия. - М.: ВЮЗИ, 1980.
8. Снетков В. А. Элементы технико-криминалистической ситуации осмотра места происшествия. - М., 1984
9. Справочник криминалиста. Ч. I (Описание предметов) / Под ред. А. И. Миронова. - М.: ВНИИООП МООН РСФСР, 1966.

ШОГЕНОВ Тимур Мухамедович

кандидат экономических наук, заместитель начальника кафедры деятельности ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

БУРАЕВА Людмила Александровна

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры деятельности ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

КУЧМЕЗОВ Арсен Нурбиевич

старший преподаватель кафедры физической подготовки Ростовского юридического института МВД России, подполковник полиции

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ПРЕСЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАДИКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ, ВОВЛЕКАЮЩИХ МОЛОДЕЖЬ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье авторами рассматриваются актуальные проблемы вовлечения молодежи в террористическую деятельность, которые на современном этапе представляют реальную угрозу общественной безопасности, что подтверждается трагическими событиями ушедшего 2021 года. Проанализированы основные детерминанты экстремизма в молодежной среде, в том числе активизация деятельности радикальных сообществ террористической направленности, которые, пропагандируя религиозный, этнический и политический экстремизм, оказывают деструктивное влияние на несформировавшееся сознание молодого поколения. Отмечены основные меры, направленные на профилактику экстремизма и терроризма в молодежной среде и противодействия вовлечению молодежи в совершение преступлений террористической направленности.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, радикальные сообщества, преступления террористической направленности, террористический акт, молодежная среда, несовершеннолетние, деструктивное идеологическое воздействие, профилактические меры.

SHOGENOV Timur Mukhamedovich

Ph.D. in economical sciences, Deputy Head of Internal affairs in special conditions sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

BURAEVA Lyudmila Aleksandrovna

Ph.D. in physical and mathematical sciences, associate professor of Internal affairs in special conditions sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

KUCHMEZOV Arsen Nurbievich

senior lecturer of Physical training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

ON TOPICAL ISSUES OF SUPPRESSING THE ACTIVITIES OF RADICAL COMMUNITIES INVOLVING YOUNG PEOPLE IN THE COMMISSION OF TERRORIST CRIMES

In the article, the authors consider the actual problems of involving young people in terrorist activities, which at the present stage pose a real threat to public safety, which is confirmed by the tragic events of the past 2021. The main determinants of extremism among young people are analyzed, including the intensification of the activities of radical communities of terrorist orientation, which propagandizing religious, ethnic and political extremism have a destructive effect on the unformed consciousness of the younger generation. The main measures aimed at preventing extremism and terrorism among young people and countering the involvement of young people in the commission of terrorist crimes are noted.

Keywords: extremism, terrorism, radical communities, terrorist crimes, terrorist act, youth environment, minors, destructive ideological influence, preventive measures.

В последние годы все большее беспокойство вызывает рост преступлений террористической направленности, совершаемых молодыми людьми под влиянием социально-экономических, политических и иных детерминант, а также

деструктивного воздействия различных радикальных сообществ, ведущих активную пропаганду в молодежной среде. Попадая под влияние молодежных группировок экстремистско-националистической направленности, молодые люди

Шогинов Т. М.

Бураева Л. А.

Кучмезов А. Н.

оказываются вовлеченными в преступную деятельность радикальных групп, которые активно используют российскую молодежь в своих политических интересах. Согласно данным Прокуратуры РФ, количество зарегистрированных преступлений террористического характера неуклонно растет [1]. По данным федеральной службы безопасности РФ на 31 августа 2021 года насчитывается уже 36 организаций, которые по решению Верховного суда РФ признаны террористическими [2] и 89 организаций (на 23 ноября 2021 года), в отношении которых, в соответствии с Федеральным законом № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [3], принято решение о ликвидации или запрете. По оценкам специалистов членами радикальных сообществ, как правило, являются молодые граждане, возраст которых не превышает 30 лет [4]. Как правило, для осуществления террористических актов преступные сообщества используют молодых людей, а в большинстве случаев – несовершеннолетних, которые в силу физиологических и социально-психологических особенностей наиболее восприимчивы к деструктивному идеологическому воздействию и зачастую уверены, что выполняют важную задачу по очистке страны от проблем, среди которых: социальная несправедливость, безработица, бедность и многие другие.

К особо значимым детерминантам экстремизма в молодежной среде, можно отнести следующие:

- широкое распространение криминальной субкультуры среди молодежи и ее вовлечение в преступную деятельность;

- обострение социальных проблем молодежи;

- популяризация так называемого «исламского фактора» (пропаганда среди молодых мусульман идей религиозного экстремизма, организация их обучения в странах исламского мира и последующая вербовка международными экстремистскими и террористическими организациями);

- усиливающееся влияние и активная пропаганда зарубежных молодежных группировок экстремистско-националистической направленности;

- неспособность института семьи обеспечить должный уровень социализации среди молодежи;

- использование в деструктивных целях психофизиологических особенностей молодых людей: нетерпимости, агрессии, максимализма, которые активно используются идеологами молодежных группировок экстремистско-националистической направленности для осуществления террористических акций;

- использование возможностей Интернет-пространства в целях информационного обеспечения радикальных сообществ и групп.

Таким образом, вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности происходит в результате аккумуляции ошибок, упущений и недостатков, относящихся к социализации подростков: в семье, дошкольных и общеобразовательных учреждениях. Это подтверждают трагические события ушедшего 2021 года. 11 мая случилась трагедия в Казани, которая потрясла всех. В результате стрельбы в Казанской гимназии, которую устроил 19-летний Ильназ Галябиев, погибли 9 человек, потерпевшими признаны более 600 человек. В гимназию, в которой он ранее обучался, казанский стрелок пришел с охотничьим ружьем, вооружившись 500 патронами, и произвел около 30 выстрелов в направлении учеников. Виновник бойни имел при себе самостоятельно изготовленное взрывное устройство с поражающими элементами, которое утром 11 мая привел

в действие. После ареста преступник вел себя неадекватно, называл себя богом, отказывался от родителей и призывал к убийствам. Никто из близких и знакомых не догадывался о намерениях Галябиева, однако родные заметили, что начиная с 2021 года он стал вести себя агрессивно, перестал посещать колледж, вследствие чего 26 апреля был отчислен из-за академической задолженности. За несколько дней до нападения на гимназию Галябиев открыл телеграм-канал, в котором выложил внушающие ужас посты: «Я как бог, хочу, чтобы все признали себя моими рабами. Я явился в этот мир в облике человека, чтобы избавиться от всех вас» [5].

Не успели опомниться от трагедии в Казани, как случилось новое чрезвычайное происшествие – массовый расстрел в здании Пермского университета. Инцидент случился 20 сентября 2021 года, в результате чего погибло 6 человек. 18-летний Тимур Бекмансуров, совершивший преступление, перед атакой опубликовал пост в социальной сети «ВКонтакте», в котором заявил о переполняющем его гневе и ненависти к людям, преступник с 10-го класса копил деньги на огнестрельное оружие и мечтал о нападении. Судебно-психиатрический эксперт Артем Гилев отметил, что у стрелка было расстройство личности, обусловленное его окружением, положением в обществе, низким уровнем социального развития и финансового благополучия [6].

После произошедшего предлагалось ужесточить правила оборота оружия, закон о психиатрической помощи, увеличить штат школьных психологов и охраны. Однако все предлагаемые меры не гарантируют, что трагедия не повторится вновь.

В феврале 2022 года в Кабардино-Балкарии был задержан 16-летний подросток, готовивший нападение на школу. Несовершеннолетний подозреваемый изучал материалы в глобальной сети по изготовлению взрывных устройств, схеме и точки расположения видеокамер в образовательном учреждении. В телефоне подростка были найдены красноречивые доказательства – разработанные планы нападения. Также было установлено, что школьник взаимодействовал с праворадикальной украинской группировкой «МКУ» (маньяки: культ убийства), которая придерживается радикальных форм расизма и мизантропии. Аналогичное преступление планировалось подростком из Твери, в рамках оперативной работы с которым удалось получить информацию о возможном нападении на школу в Нальчике [7].

В 2021 году силами федеральной службы безопасности РФ были задержаны участники радикальной группы «МКУ» по всей стране. По установленным данным преступное сообщество было создано гражданином Украины 21-однолетним Егором Красновым, который используя глобальную сеть под псевдонимом «Егор Яковлев» призывал своих сторонников к активизации террористической деятельности на территории Российской Федерации. При задержании 13 участников группы в Геленджике и еще одного в Ярославле при обыске были обнаружены средства нападения (ножи, заточки, короткие биты, мини-арбалеты). Помимо этого, по данным ФСБ, молодые преступники даже проводили специальные тренировки: как организовывать массовые убийства и собирать самодельные взрывные устройства. После тренировок сторонники преступной группы выполняли различные задания по вербовке новых участников, совершение убийств и поджогов, в частности нападений на органы власти [8].

Следует отметить активизацию радикальных сообществ экстремистской направленности в интернет-пространстве, которые помимо ведения собственных сайтов, активно про-

пагандирующих идеологию экстремизма, национализма и терроризма, используя все популярные социальные сети и веб-ресурсы, что отмечается многими авторами [9, 10]. На информационном пространстве глобальной сети размещаются призывы к совершению преступлений экстремистской и террористической направленности против людей другой национальности или вероисповедания, иностранных граждан, а также подробные инструкции по изготовлению взрывных устройств, совершению террористических актов, «националистических» убийств, которыми могут воспользоваться молодые люди с асоциальным поведением. В соответствии с изменениями, внесенными в закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [11], был упрощен порядок ограничения информационных веб-ресурсов, которые ведут призывную экстремистскую деятельность. Однако радикальные молодежные сообщества ищут обходные пути для своей деятельности, используя социальные сети, закрытые чаты и сообщества, мессенджеры.

Складывающаяся обстановка требует комплексных шагов, в первую очередь, со стороны государственных структур, которые в пределах своей компетенции в приоритетном порядке должны активизировать профилактические, в том числе воспитательные, пропагандистские меры, направленные на предупреждение вовлечения молодых людей в деятельность радикальных сообществ. Это в значительной степени позволит не допустить формирования у подростков стойкой направленности на совершение противоправных действий. Помимо мер, предпринимаемых государственными структурами, значительная роль в профилактике экстремизма и терроризма в молодежной среде принадлежит муниципальным организациям, учебным и научным заведениям. Подросткам следует прививать основы толерантности путем организации, например, уроков толерантности, просветительских программ и семинаров по вопросам толерантности. Необходимо консолидация усилий образовательных организаций, использование потенциала обучающихся, студенческих общественных организаций, что обеспечит формирование широкого комплекса воспитательно-профилактических мер.

Пристатейный библиографический список

1. Портал правовой статистики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 15.02.2022).
2. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 15.02.2022).
3. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Особенности профилактики и борьбы с проявлениями экстремизма и терроризма в молодежной среде. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cao.mos.ru/countering-extremism/features-for-the-prevention-and-suppression-of-manifestations-of-extremism-and-terrorism-in-the-youth/> (дата обращения: 15.02.2022).

5. Трагедия в Казани: как «тихий студент» готовил нападение и кем были его жертвы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cosmo-ru.turbopages.org/cosmo.ru/s/lifestyle/society/tragediya-v-kazani-kak-tihiy-student-gotovil-napadenie-i-kem-byli-ego-zhertvu/> (дата обращения: 15.02.2022).
6. Расстрел в вузе Перми унес жизни шести человек: фотохроника. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/photo/gallery/25496-487913.html> (дата обращения: 22.01.2022).
7. В Кабардино-Балкарии задержан готовивший нападение на школу подросток. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2022/02/15/schoolshoot/> (дата обращения: 18.02.2022).
8. «Маньяки. Культ убийств»: кто стоит за задержанными неонацистами. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/2538960> (дата обращения: 18.02.2022).
9. Шогенов Т. М., Бураева Л. А. Экстремизм – актуальная угроза национальной безопасности Российской Федерации: понятие и проявления // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 9 (148). – С. 409-411.
10. Кучмезов А. Н., Токбаев А. А. О некоторых аспектах противодействия террористическим проявлениям на Северном Кавказе в конце XX века // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – № 2. – С. 117-119.
11. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 01.01.2022) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ЯКОВЛЕВ Николай Михайлович

кандидат юридических наук, доцент кафедры арктического права и права стран Азиатско-Тихоокеанского региона Юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Саха (Якутия)

ПРАВООЩИТНАЯ РАБОТА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ДОБРОГО ИМЕНИ П.А. ОЙУНСКОГО, ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ, ДЕПУТАТА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ ЯКУТИИ

Автор, раскрывая правозащитную деятельность органов прокуратуры, в результате которой была восстановлена историческая справедливость в отношении незаконно политрепрессированного государственного деятеля ЯАССР П. А. Ойунского, разъясняет, что в условиях правового государства в России все без исключения россияне могут в любое время рассчитывать на правовую защиту прокуроров, профессия которых - утверждать и защищать добро, побеждать и наказывать зло.

Ключевые слова: государственный и общественный деятель П.А. Ойунский. Политреабилитация. Органы прокуратуры.

YAKOVLEV Nikolay Mikhaylovich

Ph.D. in Law, associate professor of Arctic law, Asia Pacific law sub-faculty of the Faculty of Law of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, honored lawyer of the Russian Federation, honored lawyer of the Republic of Sakha (Yakutia)

HUMAN RIGHTS WORK OF THE PROSECUTOR'S OFFICE TO RESTORE HISTORICAL JUSTICE AND THE GOOD NAME OF P.A. OYUNSKY, A STATESMAN AND PUBLIC FIGURE, DEPUTY OF THE SUPREME SOVIET OF THE USSR FROM YAKUTIA

The author, revealing the human rights activities of the prosecutor's office, as a result of which historical justice was restored in relation to the illegally politically repressed statesman of the YASSR P. A. Oyunsky, explains that under the rule of law in Russia, all Russians, without exception, can at any time count on legal protection from the lawlessness of prosecutors, whose profession is to affirm and protect good, to overcome and punish evil.

Keywords: statesman and public figure P.A. Oyunsky. Political rehabilitation. Prosecutor's offices.

Яковлев Н. М.

В 2022 году Республика Саха (Якутия) торжественно отмечает 100-летний юбилей со дня образования Якутской Советской Социалистической Республики (ЯАССР).

Одним из выдающихся политических и государственных деятелей ЯАССР, которые стояли на истоках создания государственности ЯАССР является Платон Алексеевич Ойунский. Молодое поколение якутян и студенты СВФУ им. М.К. Аммосова почти не знают о правозащитной деятельности органов прокуратуры, в результате которой была восстановлена историческая справедливость в отношении незаконно политрепрессированного Платона Алексеевича, первого председателя правительства Якутской Республики в 1922 году.

Автор убежден в том, чтобы подрастающее поколение якутян и студенты ВУЗов должны знать о неопределимой и правозащитной деятельности органов прокуратуры в восстановлении исторической справедливости и возвращении доброго имени незаконно осужденных жертв политрепрессий в Якутии.

30 октября 2017 года Владимир Владимирович Путин в церемонии открытия мемориала памяти жертв политических репрессий «Стена скорби» на проспекте Академика Сахарова сказал следующее:

«Для всех нас, для будущих поколений, что очень важно, важно знать и помнить об этом трагическом периоде нашей истории... Это страшное прошлое нельзя вычеркнуть из национальной памяти и, тем более, невозможно ничем оправдать, никакими высшими так называемыми благами народа... Политические репрессии стали трагедией для всего нашего народа, для всего общества, жестоким ударом по на-

шему народу, его корням, культуре, самосознанию. Последствия мы ощущаем до сих пор.

Наш долг – не допустить забвения. Сама память, чёткость и однозначность позиции, оценок в отношении этих мрачных событий служат мощным предостережением от их повторения¹.

Сложная дополнительная проверка проводилась прокуратурой ЯАССР по делу П.А. Ойунского – Слепцова. Органам прокуратуры предстояло объективно и обоснованно доказать, что во время следствия протокол допроса П.А. Ойунского с «признанием» - это результат жесточайших пыток и нечеловеческих истязаний.

К чести прокуроров они успешно своей задачей справились.

Исследуя правозащитную деятельность органов прокуратуры в восстановлении исторической справедливости, светлой и доброй памяти П.А. Ойунского, депутата СССР от Якутии и других государственных деятелей ЯАССР, подвергнутых политрепрессиям, анализируя материалы уголовных дел, показаний «обвиняемых» протоколов судебных заседаний, надзорных реабилитационных производств позволяют делать следующие выводы:

После XX съезда партии реабилитация видных партийных, государственных и военных деятелей становилось самым приоритетным направлением органов прокуратуры и судов. В июне 1954 года была создана правительственная комиссия

1 Выступление Президента РФ В.В. Путина в церемонии открытия мемориала памяти жертв политических репрессий «Стена скорби» на проспекте Академика Сахарова // Сайт Президента РФ. 30 октября 2017 года.

в Якутии по пересмотру дел осужденных за контрреволюционные преступления. На заседаниях комиссии 1954-1959 гг. было рассмотрено много политических дел. В 50-е годы в основном в первую очередь были реабилитированы видные работники партии, государства, военные, известные общественные и творческие деятели.

Прокуроры 50-х годов проделали огромную работу по реабилитации жертв сталинских репрессий. Каждое дело подвергалось тщательному и всестороннему исследованию с дачей объективной оценки факта и эпизода предъявленного обвинения. Особую сложность представляли так называемые «признания» арестованных своей вины, поэтому прокуроры важное значение уделяли критическому анализу таких «признательных» показаний. При изучении следственных дел прокуроры обращали внимание на дату ареста, первый протокол допроса, который отражает личные анкетные данные арестованного, его собственные взгляды по тем или иным вопросам, обвинительные заключения, внесудебные материалы, кассационные жалобы, поданные после суда, из мест заключения, материалы дополнительной проверки при решении вопроса реабилитации.

Прокуроры понимали, что доказательства невиновности часто содержались в других уголовных делах. Поэтому объективную, целостную картину сталинских репрессий по политическим мотивам можно представить лишь на основе комплексного изучения огромного количества следственных документов по многочисленным уголовным делам и сведений из различных исторических источников. О громадной работе прокуроров того времени можно судить по материалам архивных уголовных дел и надзорных производств.

Исследователь, имея перед собой документы, тем более фальсифицированные, обязан знать их происхождение и обстоятельства возникновения, относиться к ним осторожно и критично и целенаправленно искать фактические данные, которые каким-то образом показали бы их подлинную цену; задаваться вопросом: насколько объективно отражены в них события, изучаемые вопросы и исторические процессы? А документы периода сталинских репрессий, которые непосредственно касаются жизни и поведения узников тюрем, требуют выводов, обобщений, оценок, характеристик только на основе сопоставления, тщательного анализа всех обстоятельств, учета конкретно- исторической обстановки того времени.

Имея в виду эти обстоятельства, исследователь должен учитывать, что в годы сталинских репрессий от арестованных по политическим мотивам так называемые «признания» в контрреволюционной деятельности» практические все без исключения были получены в результате применения нечеловеческих пыток, избиений и издевательств, которые смогли выдерживать единицы.

Работники НКВД показания обвиняемых в протоколах допросов сами отпечатывали, вносили изменения, корректировали, состыковывали разные показания разных обвиняемых по эпизодам. Следователи заранее готовили тех, которые соглашались давать показания. Подследственным, в основном это были замученные и истерзанные люди, давали инструктаж о том, каким образом писать, кого включать в число «врагов народа», заранее подсовывая готовый список. Следователи сознательно изменяли и дополняли протоколы. Поэтому «признательные» показания по таким политическим делам стандартные и однотипные. *Работники НКВД эти свое «творчество» называли «признательными» показаниями, лично данными обвиняемыми во время предварительного следствия.* Почти все протоколы были отпечатаны на пишущей машинке. *А протокол, отпечатанный на машинке - это полностью сочиненный в органах НКВД следственный документ, который измученный пытками и насилием, ничего не соображающий человек подписывал.*

Ойунский был арестован 3 февраля 1938 года в г. Иркутске органами НКВД, когда он возвращался из Москвы после участия на сессии Верховного Совета СССР депутатом которого он являлся. Ему было инкриминировано обвинение в том, что он являлся одним из руководителей антисоветской националистической организации в Якутии, которая якобы

ставила своей целью свержения советской власти и восстановления капиталистического строя под протекторатом Японии. В этих целях Ойунский якобы проводил вредительскую подрывную работу в системе народного хозяйства ЯАССР, сообщал и передавал шпионские сведения в пользу японских разведывательных органов, а также якобы вел работу по подготовке вооруженного восстания против советской власти.

Ойунский суду предан не был. Он скончался в тюрьме. Ввиду чего 3 декабря 1939 года его уголовное дело прекращено по нереабилитирующим основаниям, за смертью обвиняемого.

В тюрьме П.А. Ойунский объявил головку - это был его протест, его бунт. Платон Алексеевич уходил не сломленным, бунтующим против тирании сталинизма из нового мира, за счастливое будущее которого посвятил всю свою пламенную жизнь, ради торжества идеи социализма сознательно поступил в партию большевиков и этой же партией раздавленный.

Прокурорская проверка подтвердила, что П.А. Ойунский был арестован и привлечен к уголовной ответственности незаконно. В связи, с чем 15 декабря 1955 года прокурор ЯАССР постановление органов НКВД ЯАССР о прекращении дела за смертью обвиняемого Ойунского отменил и его дело полностью прекращено за отсутствием состава преступления. Тем самым Ойунский П.А. полностью реабилитирован [1].

Значительный резонанс у общественности Якутии вызвали «правдивые» публикации И.А. Ласкова в газете «Молодежь Якутии». Он, спекулируя на протоколах допросов П.А. Ойунского, подписанные им самым, приходит к выводу о добровольности дачи показаний, о предательстве обвиняемого и сотрудничестве его с органами НКВД. Поверхностный анализ, проведенный Ласковым без комплексного подхода к исследуемой теме, искажал историческую правду и привел его к неправильной интерпретации при изложении фактов, касающихся дело П.А. Ойунского.

Автор изучал много архивных материалов уголовных дел и реабилитационных надзорных производств в отношении жертв политических репрессий 1924-2000 гг., в том числе 40 томов по «центральному делу», а также шести томное дело П.А. Ойунского.

В 1955 году проведенными проверками органами КГБ и прокуратуры показания осужденных, отказавшихся от признательных показаний, как в отношении себя, так и в отношении других, о том, что к ним на следствии в органах НКВД применялись незаконные методы следствия, меры физического, психологического и морального принуждения, что заставило их оклеветать себя и других лиц находили полное подтверждение.

Установлено, что в годы репрессий в НКВД ЯАССР широкомасштабно практиковались незаконные методы следствия. Для получения «признательных» показаний арестованных избивали, лишали сна, пытали и т.п. Большинство арестованных под жесточайшими пытками вынуждены были подписывать состряпанные следователями «признательные» показания. Ойунский не стал исключением. Такова жестокая логика трагедии людей, ставшие жертвой сталинских репрессий.

Скрупулезный анализ всех материалов дела Ойунского показывает, что он никого не предавал, что касается ареста первого секретаря Якутского обкома П.М. Певзняка и осужденных с ним 25 ответственных работников, то показания П.А. Ойунского никакого отношения к этому делу не имеют и никакой роли не сыграли [2].

Поэтому исследователь приходит к твердому заключению, что вывод И.А. Ласкова о предательстве и сотрудничестве П.А. Ойунского с репрессивным аппаратом НКВД не подтверждается объективными и обоснованными доказательствами по делу.

Следует специально подчеркнуть, что согласно частному определению Верховного суда ЯАССР по «Центральному делу», были арестованы начальник Адданского сектора НКВД ЯАССР Вилинов, начальник следственного отдела НКВД ЯАССР Мавленко, начальник отделения Петров, на-

чальник отдела Беляев, а также врид наркома внутренних дел ЯАССР того времени Дорофеев. Им в вину были вменены необоснованные массовые аресты невинных советских граждан и применение к арестованным запрещенных законом методов ведения следствия, при этом они в своих показаниях подробно описывали незаконные методы ведения допросов арестованных «врагов народа».

Вилинов и Мавленко в 1942 году Военным трибуналом были осуждены к 8 годам в исправительно-трудовом лагере. Врид НКВД ЯАССР Дорофеев и начальник отдела Беляев осуждены в 1940 году Военной коллегией Верховного суда СССР: Дорофеев – к расстрелу, Беляев – к 15 годам ИТЛ. Петров в 1939 году осужден к 10 годам ИТЛ. На следствии они признали в незаконных арестах граждан, фальсификации дел и допущении ими недозволенных методов следствия [3].

В 1956 году по результатам проверки, произведенной прокуратурой ЯАССР, - был привлечен к партийной ответственности и снят с должности заместитель председателя КГБ при Совете Министров Ахчагныров с увольнением из системы КГБ за применение им в 1938 году незаконных методов при расследовании в период его работы помощником оперуполномоченного [4].

По ходатайству обкома профсоюза рабочих местной промышленности и коммунально – бытовых предприятий об аннулировании персональной пенсии местного значения Ахчагнырову И.Ф. Совета Министров ЯАССР постановлением от 25 января 1990 года № 42 отменить постановление Совета Министров ЯАССР от 27.07.78 (протокол № 8) о назначении этой пенсии Ахчагнырову И.Ф. Прекратить выплату ее с 1 февраля 1990 [5].

П.А. Ойунский стоял у истоков создания государственности в форме автономной республики. В 1921 году он лично подготовил проекты «Декларации прав и обязанностей трудящихся ЯАССР», «Положение об автономии Якутской республики» и проделав колоссальную работу он обеспечил подготовку важнейших нормативных документов по учреждению республики. В результате 27 апреля 1922 года стала возможным образование автономной республики – первая в истории у народов Якутии государственность, появилось первое правительство- Совет народных комиссаров во главе с Ойунским и были образованы наркоматы. В январе 1923 года на первом Всеякутском Учредительном съезде Советов сформирован верховный орган власти республики – Центральный исполнительный комитет, первым председателем которого был избран П.А. Ойунский.

В 1937 году П.А. Ойунский избирается депутатом Верховного Совета СССР первого созыва. Это знак всенародного признания его заслуг перед республикой, его выдающейся роли в «экономическом раскрепощении трудящихся» и в «духовном раскрепощении» народа. Депутатские полномочия открывали перед ним новые возможности для реализации не только творческих, но и общегосударственных замыслов, идей, связанных с возрождением культуры родного народа. Платон Алексеевич стал жертвой той политической системы, за которую он боролся. Однако репрессивная сталинская машина прервала не только депутатскую деятельность, но и оборвала целеустремленную работу большого человека, крупного политика, любимого сына народов Якутии. Он был деятелем широкого размаха, общепризнанным лидером масс, одним из творцов первой государственности. Платон Алексеевич оставил глубокие раздумья о путях исторического развития своего народа, о наступившей новой эпохе, о роли и месте конкретных личностей в истории. Питательной основой для его размышлений по многим вопросам исторического прошлого родного народа стал богатырский эпос саха- олонхо. И не случайно: он считал, что « олонхо определило мировоззрение древнего якута, оно же освещает нам и весь древний период жизни якута, его до историю». Народы Якутии сохранили в своей памяти «доверие и любовь» к нему, и сегодня его имя вновь возрождается, как имя одного из лидеров нации, дела и мысли которого и ныне составляют органическую часть действующего интеллектуального потенциала республики. На нынешнем этапе развития общества ценности, за которые боролся Платон Алексеевич,

отражают естественное право любого народа на свободу и счастливую жизнь, соответствуют общемировым идеалам, а их роль и значение непреходящи. Именно поэтому его имя принадлежит всему народу саха, и народ саха и сегодня продолжает гордиться своим великим сыном [6].

М.К. Аммосов, П.А. Ойунский, С.М. Аржаков, И.Н. Барахов, С.В. Васильев и другие их сподвижники составляли единую когорту революционеров- большевиков, которых сама эпоха выдвинула на передний край революционных преобразований общества. Все они были достойны этой исторической миссии и оставались, верны этим идеалам до последних минут своей жизни. И, спустя столько лет, группировать этих деятелей по рангам, кто был из них главным или второстепенным, как это пытаются делать отдельные историки, и, с подачи, некоторые современные политики, является, мягко говоря, несправедливым и неуместным. Каждый из них с одинаковым стремлением боролся и отдал за будущее своего народа свою жизнь [7].

На современном этапе развития правового государстве в России благородная правозащитная деятельность органов прокуратуры по восстановлению исторической справедливости и доброго имени незаконно репрессированных по политическим мотивам дает твердые гарантии, будет обеспечено реальное и строжайшее соблюдения конституционных прав и свобод человека гражданина.

Все без исключения россияне могут в любое время рассчитывать на правовую защиту от беззакония прокуроров, профессия которых - утверждать и защищать добро, побеждать и наказывать зло.

Пристатейный библиографический список

1. Наряд № 4 по проверке дел жертв политических репрессий. Архив прокуратуры Республики Саха (Якутия). - Якутск, 1956. С. 31.
2. Пестеров В.И. От обвинения НКВД ЯАССР П.А. Слепцова – Ойунского в контрреволюционной и антисоветской деятельности / См. кн. П.А. Ойунский: взгляд через годы. - Новосибирск, НИЦ ОИГТМ, 1998. - С. 58-59.
3. Наряд прокуратуры ЯАССР № 32 по пересмотренным делам жертв политических репрессий. Архив прокуратуры Республики Саха (Якутия). - Якутск, 1956. - С. 200-210.
4. Наряд прокуратуры ЯАССР. Дело № 4в, докладные и представления по пересмотру политических дел. Архив прокуратуры Республики Саха (Якутия). – Якутск, 1956-1959. - С.
5. Николаев И., Ушницкий И. Центральное дело. Хроника сталинских репрессий в Якутии. - Якутск, 1990. - С. 154.
6. Иванов В.Н. Платон Алексеевич Ойунский: государственный деятель и мыслитель / См. кн. П.А. Ойунский: Взгляд через годы. - Новосибирск: НИЦ ОИГТМ, 1998. - С. 5-18.
7. Аржаков С.М. Страницы жизни и деятельности: Сборник документов и материалов / Сост. П.И. Докторов, Н.Н. Малышева, В.М. Назаров и др. - Якутск, 1999. - С. 4-5.

ЮНУСОВ Абдулжабар Агабалаевич

доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права международного и европейского права Академия права и управления ФСИН России

ЮНУСОВ Муслим Абдулжабарович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Академия права и управления ФСИН России

АХВЕРДЯН Арутюн Гайкович

преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института Академии ФСИН России

ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНИЕ СВОБОДЫ В ФОКУСЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Свобода – одна из ключевых и трудных тем в философии и в правовой науке. За все время существования человеческой цивилизации сформировано большое количество мнений и идей, связанных с данным термином. В связи с этим, авторами рассмотрены идеи и представления разных мыслителей и ученых касаясь свободы личности, а также ее сущность на современном этапе развития общества.

Ключевые слова: свобода, личность, человек, государство, общество, социум, права, обязанности, право, закон.

YUNUSOV Abdulzhabar Agabalaevich

Ph.D. in Law, professor of Theory of state and law and international and European law sub-faculty of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia

YUNUSOV Muslim Abdulzhabarovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia

AKHVERDYAN Harutyun Gaykovich

lecturer of Civil law and process sub-faculty of the Institute of the Academy of the FPS of Russia

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF FREEDOM IN THE FOCUS OF HUMAN AND CITIZEN RESPONSIBILITIES

Freedom is one of the key and difficult topics in philosophy and in legal science. During the entire existence of human civilization, a large number of opinions and ideas related to this term have been formed. In this regard, the authors consider the ideas and ideas of various thinkers and scientists with regard to individual freedom, as well as its essence at the present stage of development of society.

Keywords: Freedom, personality, person, state, society, society, rights, duties, law, law.

«Право — математика свободы» В.С. Нерсесянц

Начиная с зарождения человеческой цивилизации идеи свободы имели большое значение для человека. Свобода представляет собой одну из важнейших культурных ценностей, но за тысячелетия развития социума нет единого понимания термина свобода.

Исторически среди ученых сложились разные варианты и мнения по поводу интерпретации понятия свободы. Данной проблемой занимались такие ученые и философы как Аристотель, Платон, Ф. Ницше, Д. Бернет, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов и т.д.

Стоит отметить, что очень большой вклад в развитие философии права В.С. Нерсесянц. В своих трудах активно защищал идею прав и свобод человека и гражданина. Владик Сумбатович для всех поколений ученых-правоведов являлся примером преданности своему делу и настоящего безграничного таланта, которого в большей мере интересовали философия Древней Греции.

Он полагал, что категория философского изучения, свобода берет свое начало в период античности и проявлял солидарность с мнением Сократа и Платона, которые считали, что каждый волен выбирать судьбу. В свою очередь, Владик Сумбатович комментировал также и мысли Аристотель, которые включил в свои труды такое понятие как «политическая свобода от деспотизма», в рамках исследования концепции прав человека.

Рассматривая данную тему можно обозначить, что в период апологетики во многих произведениях западных Отцов и Учителей Церкви звучат высказывания о том, что Бог создал человека свободным и самовластным. Подобное утверждение мы находим у Иустина Философа, Тертуллиана и других мыслителей первых веков. Причем человек, по мысли Иринея Лионского, изначально обладает возможностью сохранять свою свободу (*libertas*) «и не только в делах, но и в вере» [2, С. 58].

В дальнейшем свобода начала трактоваться несколько шире. Например, наиболее адекватное понимание свободы с точки зрения религиозной философии, по мнению профессора Поздновой С.П., содержится у С.Л. Франка: «Свобода означает совокупность условий, при которых окружающие лицо объекты подчиняются воле индивидуума, свобода есть понятие отрицательное, она есть всегда свобода от чего-нибудь, или отсутствие определенной зависимости [5, С. 38].

Так, можно согласиться с данной позицией ввиду того, что индивид вполне способен понимать и осознавать, и давать оценку своим поступкам. Все это оказывает существенное влияние на разум и волю личности, в связи с чем она изменяется в заданном социумом направлении. В эпоху активного развития государственности и закона на каждого человека ложится не только моральная, но также и юридическая ответственность за те действия, которые совершает индивид. Основанием такой ответственности являются не-

выполнение человеком и гражданином предначертанных им конституцией и другими законами государства.

Затрагивая тему свободы, Полозова В.П. пишет о том, что человек ищет выгоды для себя (врожденная «недоброжелательная общительность»). Как разумное существо человек свободен, но это свобода не только для добра, но и для зла. Человек не свободен как явление природы, естественное существо, определяемое законами природы. Он может быть чрезвычайно изобретателен, но он не может навязать природе другие законы. Он не свободен как чувственное существо со своими восприятиями, переживаниями, страданиями. Человек живет, действует в определенный момент времени, «в каждый момент времени, в котором я действую, я никогда не бываю свободным» [6, С. 73].

По мнению историка и философа Г.П. Федотова, «четыре понятия, взаимно связанных, в сущности разные аспекты одной идеи определяют философскую тему русского философа Н.А. Бердяева: Личность, Дух, Свобода и Творчество». Г.П. Федотов считал политическую свободу и свободное творчество неотъемлемой частью культурного созидания [8, С. 8].

Сущность духа по форме есть свобода как наличие отношения к самому себе и независимость от некоего другого, т.е. «абсолютная отрицательность понятия как тождества с собой» [1, С. 25].

Таким образом, мы видим, что тема свободы личности была достаточно актуальна во все времена. Но особенно, на наш взгляд, она получила актуальность в наше время. Это связано в первую очередь с активным развитием права и государственности, попытками правового урегулирования всех сфер общественной жизни. В связи с этим свобода человека обретает свои более осязаемые и видимые черты.

По мнению Стефанова А.Ю., свобода в философском понимании предстает в двояком виде. С одной стороны, как явление психологического порядка, с другой стороны, как общественное явление. В последнем случае она проявляется в том или ином поведении человека и получает оценку со стороны других людей. Поэтому свобода в философском понимании выступает в двух основных смыслах: как внутренняя свобода и как свобода внешняя [1, С. 93].

Большое значение обязанностям в жизни общества и свободе личности отводил американский политолог Френсис Либер, он писал: «Там, где существует большее знание права или ему уделяется более интенсивное внимание, чем совпадающим и соразмерным обязанностям, происходит беда... Истинное условие права – это обязанность... Обязанности увеличиваются со свободой человека» [9, р. 1723]. Мера свободы адекватна с мерой обязанностей, они должны идти равномерно, то есть любая свобода ограничена обязанностями, установленными законом.

Я полностью согласен с данным пониманием обязанностей, так как полное осознание и принятие своих обязанностей дает человеку возможность в полной степени представить границы своих свобод, что в свою очередь обеспечит соблюдение границ свободы иных членов общества.

Так, подтверждением данному обстоятельству является высказывание, которое приписывают британскому политику Б. Дизраэли: «Свобода означает ответственность. Вот почему большинство людей боится свободы». В свою очередь между свободой и ответственностью стоят обязанности, ибо из-за неисполнения обязанности всегда наступает ответственность. В свободе содержится основа любой ответственности – выбор человека, исполнять обязанности или не исполнять. Именно

он напрямую связан с обязанностями, которые в конечном счете проявляются через его действия.

Исходя из вышесказанного, право представляет собой определенный ограничитель, возможный в исполнении обязанностей, и выраженный в действии индивида, тем самым ограничивая свободу. А именно получается, возлагаемая на гражданина свобода ограничивается исполнением обязанностей, тем самым предоставляя ему право выбора. Таким образом, можно говорить о том, что обязанности современного человека и есть те самые границы дозволенного, которые создают весь комплекс свобод.

Дальнейшие идеи, связанные с развитием понимания свободы в контексте философии неотделимы от конструкции «свобода, обязанности, ответственность», и данная модель неизменима во все времена, и даже в период глобализационных процессов, происходящих в мир. Однако свободы личности во все времена будет означать свободную волю человека, совмещенную с пониманием исполнения обязанностей и наступления ответственности за свой выбор. Именно эта форма способна дать образ свободы.

Пристатейный библиографический список

1. Гегель Г. В. Ф. Философия духа // Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977. 471 с.
2. Дьяченко О.Н. Свобода как фундаментальное основание человеческой личности в западноевропейской средневековой философии // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2017. № 4. С. 58-62.
3. Нерсисянц В. С. Философия права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 256 с.
4. Нерсисянц В. С. История политических и правовых учений: учебник для вузов. М.: Юр.Норма: ИНФРА-М, 2020. 704 с.
5. Позднева С.П. Свобода бытия человека в русской религиозной философии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10. № 4. С. 31-35.
6. Полозова В.П. Нравственная свобода человека в философии канта // Вестник Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии. 2016. № 2 (10). С. 72-74.
7. Стефанов А.Ю. Право и свобода (некоторые вопросы теории и философии права) // Сибирский юридический вестник. № 2. 2004. С. 91-95
8. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. 269 с.
9. William N. Eskridge Jr. The relationship between obligations and rights of citizens // Yale Law School Legal Scholarship Repository. 2001. № 1. P. 1721-1751.

ЗОРИНА Наталья Сергеевна

старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ПРИЧИНЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

В данной статье рассмотрены причины противоправного поведения в подростковом возрасте. Определены основные понятия аутодеструкций. Выделены детерминанты аутодеструктивного поведения и их факторы, которые приводят к противоправным действиям. Детерминантами противоправного поведения чаще всего являются личностные особенности подростка, такие как: неприятие себя, эмоциональный дискомфорт, зависимость от других, ощущение бессмысленности жизни, самооценности, повышенная значимость других по сравнению с собой, низкая нервно-психической устойчивости, чрезмерная выраженность защитных механизмов, формой реализации которых является аутодеструкция. Таким образом, в статье предлагаются профилактические меры по противоправному поведению подростков, которые помогут предотвратить данную проблему.

Ключевые слова: аутодеструктивное поведение, противоправное поведение, противозаконные действия, суицидальное поведение, саморазрушающее поведение, аутоагрессивное поведение, подростковый возраст, преступление, парасуицид.

ZORINA Natalya Sergeevna

senior researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

Зорина Н. С.

CAUSES AND PEDAGOGICAL PREVENTION OF ILLEGAL BEHAVIOR IN ADOLESCENCE

This article discusses the causes of illegal behavior in adolescence. The basic concepts of autodestructions are defined. The determinants of autodestructive behavior and their factors that lead to illegal actions are highlighted. The determinants of illegal behavior are most often the personal characteristics of a teenager such as: self-rejection, emotional discomfort, dependence on others, a sense of meaninglessness of life, self-worth, increased importance of others compared to themselves, low neuropsychic stability, excessive severity of protective mechanisms, the form of implementation of which is autodestruction. Thus, the article suggests preventive measures for the illegal behavior of adolescents that will help prevent this problem.

Keywords: auto-destructive behavior, illegal behavior, illegal actions, suicidal behavior, self-destructive behavior, auto-aggressive behavior, adolescence, crime, parasuicide.

На сегодняшний день аутодеструктивное поведение становится довольно частым явлением, особенно среди подростков. Ведь именно в подростковом возрасте происходит формирование личности и ценностных ориентиров. Аутодеструктивное поведение выражается в виде саморазрушения личности и проявляется в злоупотреблении спиртными напитками, наркотиками и в суицидальных наклонностях, что в дальнейшем может привести и к противозаконным действиям.

Прежде всего, аутодеструктивное поведение выражается в качестве отклоняющего состояния от психологических норм, что в дальнейшем приводит к саморазрушению организма путем нанесения вреда различными формами аутодеструкций.

Многие исследователи считают, что переходный возраст считается самым противоречивым, ведь именно в этот период происходит стремление к социальному и личностному развитию и самосознанию. У подростка появляются негатив к окружающим, протесты, данные формы самоутверждения могут возникнуть, когда взрослые относятся к подростку как к маленькому ребенку. Именно в этом возрасте происходит формирование личности и собственного достоинства, кото-

рое выражается в самоутверждении подростка, где они желают показать себя самостоятельными перед взрослыми. И тем самым подросток не замечает своего аутодеструктивного поведения, что в последствии влечет за собой к противоправным деяниям.

Аутодеструктивное поведение выражается в склонности к курению, токсикомании, но в целом, данная форма относится к более взрослому возрасту. Подростки, как правило, выражают аутодеструкции в форме употребления наркотиков и алкоголя, в самопорезах, в игровой и компьютерной зависимости, в пищевых злоупотреблениях и отказах пищи, но зачастую прибегают к возможности суицидального поведения и самоубийства [1].

В социально-правовом аспекте алкоголизм – форма отклоняющегося поведения, выражающаяся в злоупотреблении спиртными изделиями [2].

Подростки, употребляя алкоголь, становятся более агрессивными, жестокими. Также они теряют контроль над собой, что приводит к преступному деянию. Ведь чаще всего противоправные действия совершаются на фоне употребления спиртных напитков, наркотических средств. Находясь в состоянии опьянения, они теряют контроль над своими дей-

ствиями, начинают проявлять агрессию и зачастую могут совершить насильственные домогательства.

Несовершеннолетний, который совершил преступление, отличается от взрослого преступника тем, что, как правило, он не представляет себе ни истинной, ни социальной значимости своих действий, ни их возможных результатов, ни последствий, которые могут наступить для него лично. Он не всегда в полной мере и правильно понимает все защищенные законом стороны и элементы социальных отношений. Зачастую несовершеннолетние не осознают действительной ценности объекта посягательств [3].

Классическая форма определения аутодеструктивного поведения представляет собой разновидность девиантного поведения, которое отклоняется от установленных общественных и социальных норм и правил и направлено на причинение прямого или косвенного вреда собственному психическому здоровью, что в дальнейшем приводит к противоправным действиям.

Яковлев Александр Максимович предложил свое определение: противоправное поведение – социально опасное поведение индивидов или групп, подконтрольное их сознанию или воле, движимое мотивами корысти, ненависти, агрессивности, нарушающее существующее в обществе правовые нормы и влекущее юридические последствия [4].

Несомненно, стоит выделить причины противоправного поведения у подростков.

Прежде всего влияет ближайшее окружение подростка, с кем он проводит время в школе, во дворе. Большинство подростков стремятся проявить лидерство, они проявляют издевательства над слабыми, устраивают драки, что в последствии приводит к противозаконным действиям.

Стоит также выделить кризисную ситуацию в семье, где у родителей низкий финансовый достаток. Такие дети, испытывают безнадежность, у них проявляется враждебность и социальная зависть, что в дальнейшем приводит к мотивации преступлений, таких как грабежи и хулиганства. Многие подростки просто на просто испытывают нужду добывать средства существования. Они любым путем пытаются удовлетворить свои потребности.

Личностный фактор, который проявляется в активном-избирательном отношении индивида к предпочитаемой среде, к нормам, ценностям своего окружения, к педагогическим воздействиям семьи, школы, общественности, а также в личных ценностных ориентациях и личной способностью к саморегулированию своего поведения.

Длительная незанятость старших подростков, оставивших учебу, отсутствие организованного досуга. Бесконтрольное проведение досуга. Отсутствие контроля со стороны родителей, опекунов провоцирует старших подростков на совершение преступлений [5].

Несомненно, стоит сказать, что подростковый возраст представляет собой сложный период в жизни человека. Именно в этот период у подростков преобладает нестабильный эмоциональный фон, они восприимчивы к окружающему миру и ранимо реагируют на жизненные ситуации, которые происходят среди них. В этот период подростки могут пребывать в конфликте со своим сознанием, где часто происходят неопределенности.

Человек испытывает внутренний конфликт между необходимостью развиваться и желанием оставить все как было

раньше, на предыдущем этапе. Однозначно, подростку тяжело связать отрицательный опыт с уже сформировавшимся устойчивым образом, как зачастую умеют делать взрослые, когда происходит кризисная ситуация.

Божович Л. И. утверждает, что основой психологической задачи подросткового возраста является его активное формирование личностной идентичности, то есть осознание своего представления «Кто я?». Подросток является человеком, который прежде всего зависим от взрослых, и когда происходит формирование подросткового периода, то он должен самостоятельно стать независимым, исполнительным, ответственным, самостоятельным взрослым, способным к сотрудничеству. Для достижения этой цели подростку необходимо научиться развивать независимость, принимать решения, определять свои ценностные и смысловые ориентации, уметь справляться с жизненными трудностями и преградами [6].

И тем самым, если подросток сможет правильно сформировать все свои знания и навыки, которые необходимы взрослому человеку, то добьется успеха. Ведь подросток меняет свое отношение не только к семье, но изменения очевидны и с его окружением, такие как; одноклассники, друзья по секциям и кружкам.

Стоит сказать, что именно в школе проявляется и негативное воздействие, и положительное влияние на личность подростка и его развитие. Прежде всего благоприятное воздействие школы проявляется в успешном будущем подростка, он с легкостью сможет определиться с профессией, он знает, как вести себя в коллективе и ему не составляет труда адаптироваться к новым условиям.

Но стоит отметить, что школа не способна дать подростку моральные принципы, нормы и правила поведения уже в готовом виде. Данные понятия формируются и в семье, и среди окружения. И чтобы выявить формы отклонения у подростков, нужно обязательно проводить комплексную работу, как психологическую, социальную, так и педагогическую. И специалисты, которые работают в школе, несут большую ответственность за своих учеников, какими они станут в будущем.

Причины появления аутодеструктивного поведения подростков связаны не только с переходным возрастом, но и обстоятельствами, при которых происходит формирование личности у подростка.

Несомненно, именно семья является основой социального развития, где ребенок получает поддержку близких, взаимопонимание и уважение по отношению друг к другу, а также удовлетворяет свои материальные и бытовые потребности. Именно фрустрация и приводит их к тревожности, нервно-психическому дискомфорту, девиантному поведению. Ведь если в семье часто происходят конфликты между родителями, где присутствуют нездоровые отношения с оскорблениями, то может начать проявляться девиантное поведение у подростка. Ребенок усваивает негативные проявления поведения, у него могут формироваться искаженные нравственные представления, а невольное участие в конфликтах, негативные переживания, иногда порождают стрессовые состояния, приводящие к неврозам, замкнутости, замедленному психическому развитию [7].

Таким образом из вышесказанного, можно сделать вывод, что существует множество разных факторов, которые

способны спровоцировать формирование аутодеструктивного поведения, которые в последствии может привести к противоправным действиям. И, следовательно, данные формы возникновения необходимо рассмотреть. Аутоагрессивное поведение – это поведение, которое вызывает агрессию, направленную человеком на самого себя. Выделяют 2 вида аутоагрессивного поведения – самоубийство (суицид), которое является наиболее опасной формой поведения – преднамеренное стремление к смерти путем ее осознания, и парасуицидальное поведение – саморазрушительное или причиняющее вред самому себе.

По мнению И. А. Алексеевой само желание умереть встречается не так часто у подростков, но практически всегда, подросток, испытав какие-либо трудности и опустив руки начинает проявлять нежелание «так жить» либо пытается таким образом заполучить должное ему внимание, воздействуя на окружающий [8].

Следовательно, стоит отметить следующие причины аутодеструктивного поведения:

- сложные отношения или их отсутствие с другими людьми;
- психологическое состояние подростка (стресс, неуверенность в себе, взволнованность, психологическая травма);
- неблагоприятное семейное положение;
- недостаток внимания и поддержки со стороны родственников
- наличие зависимости у подростка.

Таким образом для повышения психологической устойчивости и социальной адаптации нужно создать комплексные меры по профилактике личности подростков с противоправным поведением. Данную систему мер по профилактике необходимо проводить в образовательных учреждениях, именно специалисты и педагоги помогут справиться ученикам с риском аутодеструктивного поведения. Профилактическая работа с подростками может проводиться в виде терапии, техники интеграции, где будет формироваться развития лидерских качеств и умение творческого самовыражения, развитие коммуникативных навыков, способностей профессионального самоопределения и повышения личной эффективности.

Также эффективным методом работы с подростками являются групповые дискуссии, тренинги и ролевые игры. Именно групповые занятия помогут подросткам как систематизировать свой собственный опыт, научиться показывать собственную индивидуальность, так и учитывать другую точку зрения. Большим преимуществом групповых занятий психопрофилактической работы также являются возможность охвата большего числа подростков, соответствие этих форм работы задачам подросткового возраста – самопознанию через взаимодействие с другими людьми.

Следует отметить, что для предупреждения противоправного поведения подростков нужно привлечь образовательные учреждения, где педагоги, психологи и другие специалисты смогут разработать специальные программы, которые можно устраивать в классный час. Например, воспитательные лекции, беседы, дискуссии, где ученики смогут оценить не только свои поступки, события и действия, но и также обсудить поступки окружающих. Организовать просмотр фильмов, где речь пойдет именно про запрещенные вещества, такие как «Мир без наркотиков», «Молодежь про-

тив наркотиков». Чем больше будет привлечен подросток к социально-культурной деятельности, тем быстрее удастся предотвратить проявления противоправного поведения подростков.

Несомненно, стоит сказать, что профилактическая работа должна проводиться не только с учениками, но также и ее родителями, где будут проводиться тематические родительские собрания, в которых будет даваться информация (что такое аутодеструктивное поведение? Как определить признаки аутодеструктивного поведения? Как бороться с аутодеструктивным поведением?).

Таким образом из вышесказанного можно сделать вывод, что только при совместных усилиях, возможно преодолеть данную проблему. Если в образовательных учреждениях будут организованы профилактические меры с учениками и также с родителями проводиться просветительская работа, то есть возможность предотвратить появление противоправного поведения у подростков.

Пристатейный библиографический список

1. Сенкевич Л. В., Янышева В. А. Особенности интеллекта и личностной сферы девиантных подростков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2007. – № 2.
2. Казаков О. П. Личность несовершеннолетнего как объект социальной профилактики алкоголизма и наркомании // СОТИС – социальные технологии, исследования. – 2012. – № 1. – С. 74–78.
3. Зубарев С. М. Уголовно-исполнительное право. Конспект лекций. Юрайт, Юрайт – Москва, 2013.
4. Яковлев А. М. Преступность и социальная психология. – М.: Юрид. лит., 1999.
5. Алексеев С. А. Профилактика противоправного поведения. – СПб.: Питер, 2009.
6. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – М.: НПО «Модэк», 2009.
7. Зиннуров Ф. К. Профилактика и коррекция девиантного поведения детей и подростков в новых социально-культурных условиях XXI века. – Казань: Центр инновац. технологий, 2012.
8. Алексеева И. А., Новосельский И. Г. Жестокое обращение с ребенком. Причины. Последствия. Помощь. – М.: Генезис, 2006.

ВАСЬКИНА Алина Александровна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

МОНАХОВ Герман Дмитриевич

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

КОВАЛЕНКО Екатерина Витальевна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

АНТИДОПИНГОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ПОНЯТИЕ, ЦЕЛИ, СТРУКТУРА

В данной работе авторами были проанализированы основные антидопинговые организации, которые на сегодняшний день функционируют на международном пространстве и в Российской Федерации. Были рассмотрены самая крупная международная организация, осуществляющая координацию борьбы с применением допинга в спорте, – Всемирное антидопинговое агентство (ВАДА) и национальная организация, которая занимается регулированием данного вопроса на уровне Российской Федерации – Российское антидопинговое агентство (РУСАДА). Авторами были изучены основные направления деятельности вышеуказанных антидопинговых организаций и их структура. В завершении исследования авторами был сделан вывод о том, что именно действующая структура ВАДА и РУСАДА позволяют наиболее эффективно связывать их деятельности, связывать два уровня по контролю за допингом – международный и национальный, реализуемые ими направления деятельности максимально отвечают потребностям спортсменов в поддержании честной конкуренции в спорте.

Ключевые слова: антидопинговые организации, Всемирное антидопинговое агентство, Российское антидопинговое агентство, Всемирный антидопинговый кодекс, Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте; контроль за соблюдением антидопинговых правил.

VASKINA Alina Aleksandrovna

student of the Law School of the Far Eastern Federal University

MONAKHOV Herman Dmitrievich

student of the Law School of the Far Eastern Federal University

KOVALENKO Ekaterina Vitaljevna

student of the Law School of the Far Eastern Federal University

ANTI-DOPING ORGANIZATIONS: CONCEPT, GOALS, STRUCTURE

In this paper, the authors analyzed the main anti-doping organizations that currently operate in the international space and in the Russian Federation. The largest international organization coordinating the fight against doping in sports – the World Anti-Doping Agency (WADA) and the national organization that regulates this issue at the level of the Russian Federation – the Russian Anti-Doping Agency (RUSADA) were considered. The authors studied the main activities of the above-mentioned anti-doping organizations and their structure. At the end of the study, the authors concluded that it is the current structure of WADA and RUSADA that allows them to most effectively link their activities, link two levels of doping control - international and national, the activities they implement maximally meet the needs of an athlete in maintaining fair competition in sports.

Keywords: Anti-Doping organizations, World Anti-Doping Agency, Russian Anti-Doping Agency, World Anti-Doping Code, International Convention against Doping in Sport, monitoring compliance with anti-doping rules.

Определение понятию «антидопинговая организация» содержится в п. 2 ст. 2 Международной конвенции от 19.10.2005 о борьбе с допингом в спорте, и раскрывается оно следующим образом: «антидопинговая организация – это юридическое лицо, ответственное за установление правил, касающихся разработки, осуществления или обеспечения соблюдения любого элемента процесса допинг-контроля»¹.

Помимо дефиниции п. 2 ст. 2 вышеуказанного правового акта предусматривает перечень наименований некоторых наиболее значимых международных антидопинговых организаций: Всемирное антидопинговое агентство, Международный олимпийский комитет, Международный паралимпийский комитет. Предложенный список не является

исчерпывающим, поскольку в данной норме содержится указание на наличие самых разнообразных организаций, комитетов, осуществляющих деятельность по борьбе с допингом как на международном, так и на национальном уровне.

Главная цель деятельности вышеперечисленных организаций состоит в борьбе с применением допинга в спорте. Для её достижения они осуществляют допинг-контроль², создают

¹ Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте от 19 октября 2005 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/doping_in_sport.shtml.

² Определение понятия «допинг-контроль» дано во Всемирном Антидопинговом Кодексе: «допинг-контроль (doping control): все стадии и процессы, начиная с планирования распределения тестов и заканчивая окончательным решением по апелляции и обеспечением соблюдения последствий, включая все стадии и процессы между ними, включая, но не ограничиваясь: тестирование, расследования, предоставление информации о местонахождении, терапевтическом использовании, сбор проб и обращение с ними, лабораторный анализ, обработка результатов и проведение расследований или разбирательств, связанных с нарушениями статьи 10.14 (статус в течение срока дисквалификации или временного отстранения)».

различные программы, направленные на формирование в сознании людей мысли о важности честного и здорового спорта, расследуют всевозможные случаи нарушения антидопинговых правил, а по их результатам принимают решение о применении (неприменении) санкций в отношении спортсменов, а также иных лиц, к числу которых относятся и тренера.

Всемирное антидопинговое агентство.

Всемирное антидопинговое агентство (ВАДА) – международная независимая организация, основанная 10 ноября 1999 году при содействии Международного олимпийского комитета и правительств некоторых стран мира.

Основные направления деятельности ВАДА³.

Его основные цели заключаются в защите права спортсменов на участие в соревнованиях, свободных от допинга, а также в обеспечении создания согласованных, скоординированных и эффективных антидопинговых программ как на международном, так и на национальном уровнях в отношении профилактики допинга. В соответствии с положениями Всемирного антидопингового кодекса для их достижения ВАДА осуществляет следующие виды деятельности:

Во-первых, финансирование и управление научными исследованиями.

С 2001 года ВАДА выделило на научные исследования 83 миллиона долларов. ВАДА стремится к увеличению объема исследований, направленных на разработку новых и усовершенствование существующих методов обнаружения в организме запрещенных веществ, а также к более детальному изучению допинговых угроз, таких как генный допинг, пептидные стимуляторы рекомбинантных генов.

Регулярно работает программа WADAGrants, в которой участвуют научно-исследовательские проекты, предоставляемые университетами, колледжами, частными фирмами, профильными и непрофильными организациями. Лучшие проекты получают полное финансирование от ВАДА. В дополнение к программе исследовательских грантов, ВАДА финансирует важнейшие темы по методам обнаружения новых допинговых веществ в рамках Целевой исследовательской программы.

Социальная научно-исследовательская программа WADA's Social Science Research Grant Program способствует изучению поведенческих аспектов в употреблении допинга и разработке стратегии по предотвращению использования стимулирующих веществ.

Для решения постоянно меняющихся научных проблем в борьбе с допингом в спорте и оценки новых достижений в области антидопингового тестирования и анализа ВАДА организует научные встречи и симпозиумы, на которые собираются ученые и эксперты со всего мира. Под эгидой ВАДА формируются рабочие группы экспертов для решения конкретных научных проблем, связанных с обнаружением допинговых веществ и методов их применения.

Во-вторых, поддержка образовательной деятельности.

Во Всемирном антидопинговом кодексе образование определяется как «процесс обучения, направленный на прививание ценностей и формирование поведения, соот-

ветствующего спортивному духу, а также на предотвращение умышленного и неумышленного применения допинга».

Образование представляет собой одну из важнейших стратегий антидопинговой профилактики. На обязательность его применения указывает Всемирный антидопинговый кодекс и принятый в соответствии с ним Международный стандарт по Образованию, вступивший в силу совсем недавно – 1 января 2021, который более подробно раскрывает роль Всемирного Антидопингового агентства в осуществлении образовательной деятельности.

Так, ВАДА должно поддерживать свои заинтересованные стороны в разработке и предоставлении эффективных образовательных программ. Антидопинговые образовательные программы распространяются не только на спортсменов, но и на их ближайшее окружение, в частности, и на тренеров.

Таким образом, тренеры, поскольку именно они выступают в качестве главных советчиков по вопросам, непосредственно связанным с допингом, должны проводить со спортсменами нравственно-обучающие работы, эффективность которых может зависеть и от их осведомленности о содержимом различных образовательных программ. Кроме того, атмосфера мотивации, которая во многом создается тренером, может стать важным фактором в процессе принятия решения по поводу выбора методов, способствующих достижению высоких спортивных результатов. Также по итогам исследований ВАДА было выявлено, что жесткое неприятие допинга со стороны тренера является одним из наиболее удерживающих факторов.

В-третьих, развитие антидопинговых лабораторий.

Развитие антидопинговых лабораторий состоит в том, чтобы гарантировать, что антидопинговые лаборатории будут проводить забор проб и последующий их анализ честно и беспристрастно с применением общепринятых методов, в какой бы стране не проводились спортивные мероприятия.

В соответствии с требованиями Всемирного антидопингового кодекса пробы могут анализироваться только в лабораториях, аккредитованных ВАДА в сотрудничестве с Международной организацией по аккредитации лабораторий. В настоящий момент во всем мире аккредитовано 34 лаборатории.

В Международном стандарте для лабораторий и стандарте ISO/IEC 17025 определены критерии и требования, которым антидопинговым лабораториям необходимо соответствовать для аккредитации или повторной аккредитации.

ВАДА следит за деятельностью аккредитованных антидопинговых лабораторий при помощи программы внешней оценки качества (EQAS). Участие в EQAS обязательно для всех лабораторий, аккредитованных ВАДА. Программа внешней оценки качества ВАДА (EQAS) позволяет оценивать компетентность лабораторий посредством непрерывного контроля за их деятельностью.

В-четвертых, осуществление контроля за соблюдением Всемирного антидопингового кодекса и международных стандартов.

В-пятых, наблюдение за программами допинг-контроля и обработкой результатов на крупных спортивных событиях.

В-шестых, развитие национальных и региональных антидопинговых программ.

³ Всемирный антидопинговый кодекс (утв. на Всемирной конференции по борьбе с допингом в спорте в Йоханесбурге 15 ноября 2013 года).

Структура ВАДА⁴.

ВАДА обладает особой структурой, обеспечивающей наиболее эффективное осуществление вышеперечисленных видов деятельности. Оно состоит из Учредительного Совета ВАДА, Исполнительного комитета ВАДА, постоянных комитетов ВАДА и экспертно-консультативных групп ВАДА.

1) Учредительный Совет ВАДА (Совет ВАДА)⁵ – высший директивный орган, действующий в составе 38 человек. Данный орган заведует вопросами организации своей деятельности, формирования Исполнительного комитета ВАДА, приобретения недвижимости

2) Исполнительный комитет ВАДА (Исполком ВАДА)⁶ – орган, действующий в составе 14 человек, который руководит программами ВАДА путем предоставления консультативных рекомендаций и принятия решений по вопросам, которые не закрепляются за Учредительным Советом уставом вышеуказанного агентства.

3) Пять постоянных комитетов ВАДА⁷: Комитет спортсменов, Комитет по соответствию, Комитет по образованию, Финансово-административный комитет, Комитет по исследованиям, медицине и здоровью, которые подотчетны Исполнительному комитету. Их деятельность направлена на разработку экспертных консультаций и рекомендаций Исполкому ВАДА и руководству ВАДА в отношении контроля за соблюдением Всемирного антидопингового кодекса и принятых в соответствии с ним международных стандартов и правил спортсменами и антидопинговыми организациями, проведения образовательных стратегий и мероприятий, формирования бюджета, финансирования, финансовой и административной политики, здравоохранения, медицины и исследований.

Экспертно-консультативные группы ВАДА⁸ – это органы, созданные для предоставления технических консультаций и экспертных рекомендаций и указаний по вопросам этики, исследований, связанным с чистым спортом, борьбы с генным и клеточным допингом, аккредитации и переаккредитации антидопинговых лабораторий, толкования и применения Всемирного антидопингового кодекса и международных стандартов, разработки программ, повышающих эффективность деятельности национальных антидопинговых организаций, постоянным комитетам ВАДА и руководству ВАДА.

Экспертно-консультативные группы не обладают достаточной полнотой правового статуса в агентстве, и поэтому, хотя задачи и обязательства могут быть делегированы им, обязанность нести ответственность за принятые решения и совершенные действия остаётся возложенной на орган, их создавший (например, постоянные комитеты ВАДА).

Далее перейдём к рассмотрению Российского антидопингового агентства «РУСАДА». На уровне каждого конкретного государства создаются свои организации, обладающие

полномочиями по принятию и реализации антидопинговых правил, осуществлению сбора проб, послетестовых процедур и проведению обработки результатов. В России борьбу с применением допинга в спорте возглавляет Российское антидопинговое агентство «РУСАДА».

Российское антидопинговое агентство «РУСАДА» – российская национальная антидопинговая организация, целью которой является выявление и предупреждение нарушения антидопинговых правил на территории Российской Федерации.

Основная миссия РУСАДА состоит в защите фундаментального права спортсменов на участие в соревнованиях, свободных от допинга. Для её достижения агентство осуществляет самые разнообразные виды деятельности, которые, в свою очередь, подробно раскрываются в Уставе Ассоциации Российское антидопинговое агентство «РУСАДА»⁹, а также на официальном сайте РУСАДА¹⁰:

1) планирование тестирования;

Одной из основных задач любой антидопинговой организации является разработка эффективного плана распределения тестов, в котором количество проб распределено по видам спорта, спортивным дисциплинам, уровням спортсменов, типам тестирования, видам проб и лабораторным анализам, в соответствии с требованиями Международного стандарта по тестированию и расследованиям¹¹.

Антидопинговая организация обязана убедиться, что персонал спортсмена (в частности, тренеры)¹² не вовлечен в разработку плана распределения тестов в отношении связанного с ним спортсмена.

2) отбор проб с целью допинг-контроля;

Отбор проб – это процедура отбора биологических проб (мочи и крови) у спортсменов.

Исходя из смысла ст. 5.1 Международного стандарта по тестированию и расследованиям спортсмен может быть осведомлен о прохождении процедуры отбора проб в любое время и в любом месте без предварительного уведомления.

Согласно ст. 5.2. Международного стандарта по тестированию и расследованиям, РУСАДА уполномочено проводить соревновательное и внесоревновательное тестирование всех спортсменов, не ушедших из спорта (включая временно отстраненных спортсменов и спортсменов, отбывающих срок дисквалификации), которые являются гражданами, резидентами, обладателями лицензии или членами спортивных организаций Российской Федерации, либо иностранных

9 Устав Ассоциации Российское антидопинговое агентство «РУСАДА» (Утверждён Собранием Учредителей Некоммерческого партнерства Национальная антидопинговая организация «РУСАДА» от 21.11.2007 г.): – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sport.lenobl.ru/media/content/docs/12131/Устав%20РАА%20РУСАДА%20-%20редакция%2031.05.2017.pdf>.

10 Российское антидопинговое агентство. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusada.ru/> (дата обращения: 31.01.2022).

11 Международный стандарт по тестированию и расследованиям (Утверждён Исполнительным комитетом ВАДА 2003 г.) (с последними изменениями от 01.01.2021): – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusada.ru/upload/iblock/d44/Стандарт%20по%20тестированию%20и%20расследованиям_А5_2021%20Декабрь-7.pdf.

12 В соответствии с Приказом Минспорта России от 18.06.2015 № 638 «Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил» любой тренер входит в состав персонала спортсмена.

4 World Anti-Doping Agency. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wada-ama.org/en> (дата обращения: 31.01.2022).

5 Там же.

6 Там же.

7 Там же.

8 World Anti-Doping Agency. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wada-ama.org/en> (дата обращения: 31.01.2022).

спортсменов, которые находятся на территории Российской Федерации.

Российские спортсмены также могут быть протестированы по распоряжению национальной антидопинговой организации страны, на территории которой они находятся, и по распоряжению международной федерации, правила которой на него распространяются, также организатора крупных спортивных мероприятий или Всемирного антидопингового агентства.

При проведении процедуры отбора проб могут присутствовать лишь некоторые категории лиц, способствующие, во-первых, более комфортному её прохождению спортсменами (например: переводчик, представитель спортсмена с инвалидностью или несовершеннолетнего спортсмена), а, во-вторых, поддержанию порядка и обеспечению законности её осуществления, следовательно, тренеры не могут являться участниками данного процесса.

Отбор проб на миссиях, запланированных РУСАДА, проводят инспекторы допинг-контроля РУСАДА, а также представители аккредитованных ВАДА международных организаций, предоставляющих услуги отбора проб с целью допинг-контроля, или представители других национальных антидопинговых агентств.

1) обработка результатов;

При получении информации о неблагоприятном результате анализа или ином нарушении антидопинговых правил РУСАДА обязано инициировать процедуру обработки результатов, основной целью которой является однозначное установление факта нарушения и, при необходимости, определение наказания в соответствии с требованиями Всемирного антидопингового кодекса.

2) расследование возможных случаев нарушения антидопинговых правил;

Данным вопросом занимается Отдел по расследованиям нарушения антидопинговых правил, его деятельность регламентируется законодательством РФ, Общероссийскими антидопинговыми правилами, Международным Стандартом по тестированию и расследованиям.

3) реализация образовательных программ;

Информация, которую предоставляет РУСАДА при реализации образовательных программ, основана на положениях Всемирного антидопингового кодекса.

Целевая аудитория образовательных антидопинговых мероприятий – спортсмены и тренеры, врачи и фармацевты, родители и другие заинтересованные лица.

4) проведение информационных кампаний и популяризация идеалов здорового и честного спорта.

Согласно Уставу РАА РУСАДА органами управления Агентства являются:

1. Общее собрание членов – высший орган управления. К компетенции Общего собрания членов Агентства относится принятие решений по определению приоритетных направлений деятельности Агентства, принципов формирования и использованию его имущества, избранию Наблюдательного совета и досрочному прекращению его полномочий, назначению Генерального директора и досрочному прекращению его полномочий, по реорганизации и ликвидации, принятию в члены и исключению из членов Агентства, вопросам финансово-хозяйственной деятельности, о направлении прибыли Агентства и т.д.

2. Наблюдательный совет – коллегиальный орган управления Агентства. Его основной задачей является контрольная деятельность за исполнительными органами Агентства, информационная, финансовая и иная поддержка деятельности Агентства.

3. Генеральный директор – постоянно действующий единоличный исполнительный орган управления Агентством. Генеральный директор Агентства в своей деятельности подотчетен Общему собранию членов и Наблюдательному совету Агентства.

Таким образом, в данной работе нами были рассмотрены основные направления деятельности Всемирного антидопингового агентства («ВАДА») и Российского антидопингового агентства («РУСАДА»), а также была рассмотрена структура этих организаций. Можем сделать вывод о том, что именно существующие в настоящее время направления деятельности и структурные элементы, связывающие в единую систему органы по борьбе с допингом на международном уровне со сходными органами в национальных государствах, позволяют эффективно осуществлять контроль за соблюдением положений международных документов, касающихся борьбы с допингом, а также, что наиболее важно, способствовать сохранению духа и истинному замыслу любых спортивных состязаний.

Пристатейный библиографический список

1. Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте (принята 19 октября 2005 года).
2. Всемирный антидопинговый кодекс (утв. на Всемирной конференции по борьбе с допингом в спорте в Йоханесбурге 15 ноября 2013 года).
3. Устав Ассоциации Российское антидопинговое агентство «РУСАДА» (Утверждён Собранием Учредителей Некоммерческого партнерства Национальная антидопинговая организация «РУСАДА» от 21.11.2007 г.).
4. Приказ Министерства спорта России от 18.06.2015 № 638 «Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил».
5. Международный стандарт по тестированию и расследованиям (Утверждён Исполнительным комитетом ВАДА 2003 г.).
6. World Anti-Doping Agency. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wada-ama.org/en> (дата обращения: 31.01.2022).
7. Российское антидопинговое агентство. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusada.ru/> (дата обращения: 31.01.2022).

ГАЙСИНА Люция Мугтабаровна

доктор социологических наук, профессор кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета

БАРАНОВ Евгений Юрьевич

магистрант по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью» Уфимского государственного нефтяного технического университета

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КОММУНИКАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И НАСЕЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АДМИНИСТРАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА БИРСКИЙ РАЙОН РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Установление необходимого эффективного диалога между населением и лицами, представляющих государственную власть и органами местного самоуправления обращено на разрешение актуальных гражданских проблем. Основная цель данной работы заключается в рассмотрении коммуникационного взаимоотношения между администрацией муниципального района Бирский район и жителями города Бирск методами социологического анализа. В процессе анализа сделан вывод о том, что главное условие эффективной деятельности управления является своевременное информирование граждан о принятых решениях и получения обратной связи у населения. В работе представлены основные данные глубинного интервью, рассмотрены форматы и особенности коммуникативного взаимодействия между местной администрацией и населением города.

Ключевые слова: политическая коммуникация, публичная политика, государство и общество, социологический анализ.

GAISINA Lyutsiya Mughtabarovna

Ph.D. in sociological sciences, professor of Social and political communications sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

BARANOV Evheniy Yurjevich

magister student of the master's program «Advertising and Public Relations» of the Ufa State Petroleum Technological University

LEGAL BASIS COMMUNICATIVE INTERACTION OF GOVERNMENT BODIES AND POPULATION AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL RESEARCH (ON THE EXAMPLE OF THE ADMINISTRATION OF THE MUNICIPAL DISTRICT OF THE BIRSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

The necessity to establish a productive dialogue between the population and the local government bodies is aimed at solving the most pressing problems for citizens. The main purpose of this work is to determine the relationship between the administration of Birska and the population using the methods of sociological research. It is important to note that the effectiveness of the work of the local government depends on promptly informing people about the decisions being made and receiving feedback from the citizens. This paper presents the results of a survey conducted among the population of the city of Birska, the current features of communicative interaction between the administration of Birska and the population of the town.

Key words: political communication, public policy, state and society, sociological analysis.

В настоящее время для улучшения государственного и муниципального управления приобретает потенциал гражданского участия в деятельности органов власти. Другими словами, курс российского государства лежит на укрепление связи с населением и совершенствованием работы органов власти. Налаживание механизма двустороннего общения является предрасположением к улучшенному государственному управлению в целом.

Прозрачность действий органов политической власти, использование электронных способов взаимодействия с народом, открытый доступ ко всей государственной информации — это важнейший фактор, формирующий взаимное доверие. Из последних социологических исследований имеются ощутимые трудности в данной области практики.

Актуальность исследования заключается в том, что с развитием информационного общества и преобразовани-

ем государственного и муниципального управления возросла роль общедоступности информации. Отметим, что в последнее время все большую распространенность получают концепции формирования работы органов государственной власти с помощью информационно-коммуникационных технологий. Они представляют новые пути улучшения эффективности управления и поднятие его на абсолютно новый уровень.

Основная цель административной реформы нашей страны - организация эффективной системы управления общественными процессами. Поэтому главную роль в этом вопросе имеет местное самоуправление как форма, с помощью которой население осуществляет свою власть как непосредственно, так и передавая право принимать решения своим представителям [5]. Под органом местного самоуправления понимается такой орган муниципаль-

ного образования, который формируется на основании непосредственного волеизъявления населения или представительным органом муниципального образования и наделяется своими собственными полномочиями для решения определенных задач местного значения. Исходя из положений ст. 12 Конституции Российской Федерации, органы местного самоуправления не входят в систему государственных органов власти [1].

Информационно-коммуникативное сопровождение государственной и муниципальной политики разбирают В. Б. Зотов и В. И. Голованов. Они подчеркивают, что для того, чтобы местные сообщества могли участвовать в выработке муниципальной политики и в процессе муниципального управления, они должны быть прежде всего хорошо информированы о социально-экономическом положении муниципального образования, о задачах, которые ставит перед собой местная власть, о роли, которую может сыграть каждое сообщество в решении этих задач. В связи с этим деятельность муниципальной власти должна иметь открытый характер [4].

Коммуникация в административной системе официально, юридически регламентируемое целенаправленное движение индивидуальных субъектов управления к социальной общности при сохранении за ними определенной самостоятельности и индивидуальности.

Как известно, цели вступления государственных и муниципальных органов и институтов в процесс коммуникации, следующие: информирование, воздействие, убеждение, а также описание текущей обстановки [3, с. 92-96].

В целях изучения коммуникационного взаимодействия администрации муниципального района Бирский район Республики Башкортостан и населения города Бирск в период от 2020-2021 гг. было проведено социологическое исследование. Основным методом сбора данных явился социологический опрос. Опрос проводился среди населения и экспертов г. Бирск (анкетный опрос, экспертный опрос). В качестве экспертов были выбраны муниципальные служащие, руководители ряда общественных организаций города Бирск, представители СМИ. Генеральная совокупность составляет 46 245 человек, проживающих в городе. Количество опрошенных составило 387 человек разных категорий, что позволяет говорить о репрезентативности полученных данных и обоснованности сделанных выводов.

Для оценки уровня осведомленности граждан о работе администрации и лояльности населения был использован вторичный анализ данных (результаты мониторингов, опросов, анкетирований, наблюдений и т. д.). С помощью программы SPSS была проведена обработка базы данных социологического опроса.

По итогам опроса среди населения города Бирск (n=376), 51,5 % всех респондентов в 2020 году, и 55,0 % - в 2021 году дали положительный ответ на вопрос о желании получать больше информации о деятельности местных органов власти. Соответственно отрицательный ответ составлял 48,5 % респондентов в 2020 году и 45 % в 2021 году. Таким образом имеется нарастание - хоть и незначительное - в доле участников исследования, которые хотят

быть более информированными о деятельности местного органа власти.

Оптимизация коммуникационного взаимодействия между органом местной власти и обществом предполагает выбор наиболее популярных среди населения способов и каналов информирования. С целью выявления наиболее приоритетного канала информирования горожан был задан соответствующий вопрос. Согласно результатам исследования, существенная доля респондентов предпочитают быть информированными через СМИ - 41 %. Тем не менее, 30 % опрошенных выбирают получение информации через электронные средства коммуникации и официальный сайт. 27 % - предпочитают принимать участие в личных встречах с представителями администрации. Опрошенные, которые дали ответ «Другое» на вопрос о необходимых мерах, рекомендовали устраивать встречи государственных служащих с гражданами.

Участники исследования также оценили работу по улучшению имиджа местной администрации. Приоритетными каналом информирования для респондентов стали пресс-службы и отделы по связям с общественностью при государственных органах. Исследование показало, что больше половины респондентов (62,2 %) согласны с тем, что ведется работа над имиджем местной администрации. Однако, эта работа, по мнению жителей, ведется не очень эффективно. Одна треть опрошенных выразили свое согласие с высказыванием «Улучшать имидж госорганов должны СМИ, а не сами госорганы». В то время как большая часть населения (88,9 %) заметили, что пресс-службы, отдел по связям с общественностью помогают развитию имиджа органа власти.

Таким образом, опрос населения показал, что более половины опрошенных хотят получать больше информации о деятельности местной администрации. Большая часть населения города не осведомлены достаточной информацией о деятельности местного органа власти, а также о возможностях коммуникативного взаимодействия.

Проводя исследование на данную тему, нельзя обойти стороной опрос экспертов, так как взгляд с их стороны даст более четкую картину восприятия проблемы. Экспертами выступили муниципальные служащие (n=7), руководители общественных объединений города (n=3), представители СМИ (n=1), областями специализации которых являются вопросы муниципального управления. В целях изучения практики взаимодействия с населением города, им был задан ряд вопросов, связанных с оценкой условия и уровней взаимодействия местной городской власти и населения.

Определенную роль в принятии управленческих решений и выстраивание эффективной деятельности местного органа власти играет население города. К сожалению, практика социального участия граждан реализуется на недостаточно высоком уровне. При этом эксперты отмечают, что достаточно высок уровень социальной активности в молодежной среде.

Среди экспертов был задан вопрос «Какими средствами граждане могут влиять на политику?». Согласно полученным данным, участие в партиях и общественных движениях является самой эффективной возможностью влияния на местную политику - 40 %. 23 % респондентов

отметили активное участие в выборах. За поддержку талантливой политики отдали голос 9 % опрошенных. 13 % опрошенных не верят в возможность влиять на политику каким – либо образом, 5 % - сторонники самоуправления по месту работы, и 10 % видят возможность влияния на политику через местные органы власти.

Эксперты так же отметили необходимость привлечения представителей общественности к процессу разработки и принятия управленческих решений на городском уровне. Опрошенные выделяют всестороннее информирование как приоритетная мера вовлечения граждан в диалог с местным органом власти - 80 %. 74 % опрошенных считают, что формирование общественных приемных необходимо для решения гражданских проблем. 70 % респондентов поддерживают инициативу приглашения граждан к обсуждению проблем. Эксперты считают необходимым публиковать отчеты о деятельности администрации и о проводимой текущей политике - 36 %. Всего 22 % полагают, что социальные медиа являются эффективной мерой взаимодействия, а 2 % выступают за создание новой административной структуры.

Произведенный анализ дает возможность определить следующие выводы. Существует усложняющий отношения фактор в рамках взаимодействия органов местного самоуправления с населением такой как: отдаленность власти от граждан.

В условиях социальных взаимодействий население оказывает органам местной власти лояльное отношение, без инициативных стремлений к активным формам участия. Напомним, что местный уровень власти означает максимальную близость власти и общества, при этом население готово на контакт с органами местного самоуправления в случае необходимости.

Главная проблема коммуникационного взаимодействия в городе Бирск, исходя из нашего исследования — это плохая осведомленность граждан о работе исполнительной власти. Несмотря на данный факт, население города не стремится к получению большей осведомленности по этому вопросу. В свою очередь, органам власти требуется вести активную деятельность с гражданами по усилению информированности о деятельности администрации.

В настоящее время имеется реальная проблема озабоченность властей своей социальной поддержкой, открытостью, информационной доступностью [2], [6], [7].

В ходе исследований было выявлено, что без использования инструментов постоянного мониторинга мнения жителей региона не представляется возможным оценить ни степень причастности населения к пространству публичной политики, ни уровень его осведомленности о текущих политических процессах.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. - 1993. - № 237.
2. Гайсина Л. М., Баранов Е. Ю. Социально-коммуникативные технологии как элемент правовой культуры // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 2 (153). - С. 409-410.
3. Демин Д. В. Организация коммуникаций в органах муниципальной власти // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. - 2017. - № 6. - С. 92-96
4. Зотов В. Б., Голованов В. И. Система муниципального управления в схемах: учебное пособие: изд. 4-е, доп. и перераб. - М.: Юстицинформ», 2018. - 166 с.
5. Гайсина Л. М. Формирование современной системы управления персоналом нефтегазовых предприятий России: оценки и перспективы. - Уфа: Издательство «Восточная печать», 2015. - 256 с.
6. Gaisina L. M., Dorozhkin Yu. N., Iakupova G. A., Gainanova A. G., Gainanova E. I., Averkina E. V. The Impact of the social demographic Characteristics of the rural young Family on the territories' development. A study case-the Republic of Bashkortostan // Scientific Papers. Series "Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Development". - 2018. - Vol. 18. - Issue 3. - P. 139-149.
7. Гайсина Л. М. Социальная устойчивость российских нефтегазовых компаний в условиях кризиса // Вестник Башкирского университета. Научный журнал. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. - Т. 16. - № 4. - С. 1368-1371.

САДЫКОВА Хадия Нургалиевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики и организации производства Тюменского индустриального университета

ПУРТОВА Ирина Александровна

старший преподаватель кафедры прикладной механики Тюменского индустриального университета

МОТИВАЦИЯ ТРУДОВОГО ПОВЕДЕНИЯ: МНЕНИЕ РАБОТНИКОВ НЕФТЯНОЙ КОМПАНИИ

В статье представлен анализ ответов сотрудников четырех структурных подразделений ООО «ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь», полученных во время опроса, проведенного в указанных подразделениях в 2019 г. Анкета включала несколько блоков вопросов, которые затрагивали различные аспекты трудовой деятельности персонала. Это вопросы мотивации трудового поведения, оплаты и условий труда и др. Результаты исследования представляют интерес для руководителей всех уровней, поскольку они смогут их учесть для повышения производительности труда работников и удовлетворенности их от участия в трудовой деятельности.

Ключевые слова: мотивация персонала, потребность к труду, трудовое поведение, удовлетворенность, заработная плата, условия труда, ООО «ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь».

SADYKOVA Khadiya Nurgalieva

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Economics and organization of production sub-faculty of the Tyumen Industrial University

PURTOVA Irina Aleksandrovna

senior lecturer of Applied mechanics sub-faculty of the Tyumen Industrial University

MOTIVATION OF WORK BEHAVIOR: OPINION OF OIL COMPANY EMPLOYEES

The article presents an analysis of the answers of employees of four structural divisions of LLC LUKOIL-Western Siberia, received during a survey conducted in these divisions in 2019. The questionnaire included several blocks of questions that touched on various aspects of the work of personnel. These are issues of motivation of labor behavior, remuneration and working conditions, etc. The results of the study are of interest to managers at all levels, since they will be able to take them into account to increase the productivity of workers and their satisfaction from participating in labor activity.

Keywords: personnel motivation, need for work, labor behavior, satisfaction, wages, working conditions, ООО LUKOIL-Western Siberia.

Введение. Сегодня современные компании, не зависимо от организационно-правовой формы собственности, вынуждены эффективнее использовать трудовые способности своих сотрудников. Для этого разрабатываются и внедряются современные технологии на всех этапах производственной деятельности, например, происходит техническое переоснащение рабочих мест, обучение и развития персонала. Лидером в нефтяной отрасли является всемирно известная корпорация ПАО «ЛУКОЙЛ», которая была создана в ноябре 1991 г. Согласно стратегии развития в ПАО «ЛУКОЙЛ», основной целью заявлено получение максимальной прибыли от вложенных средств. При этом в корпорации особое внимание уделяется развитию кадров, внедрению современных технологий, новых методов повышения нефтеотдачи пластов, защиту окружающей среды и другие направления деятельности. Особое внимание уделяется уровню инженерного интеллекта специалистов структурных подразделений. Р. Маганов, вице-президент Компании, делится в книге «Вертикаль», что в компании работают высококвалифицированные специалисты, причем не все из них устраиваются в компанию для повышения высокой заработной платы. Наши исследования тоже это подтверждают, ниже представлены ответы работников по данному аспекту. Он отмечает, что большинство претендентов на вакантные должности ориентированы на отлаженную и сплоченную работу команды корпорации. Каждый работник, поступив на работу, сразу знакомится с возможными перспективами своего развития, это вселяет в него надежду в свое будущее, доверие к Компании и повышает ответственность за исполнение возложенных обязанностей.

За последние десять лет опубликовано много работ, в которых рассматривается деятельность дочерних подразде-

лений компании. Представители научного сообщества активно анализируют следующие направления деятельности дочерних подразделений компании: внедрение современных способов разработки нефтяных месторождений, модернизация процессов добычи нефти, инвестирование на охрану и защиту окружающей природной среды, финансовая безопасность, система управления человеческими ресурсами и пр. Наиболее полным зданием, в котором рассмотрены практически все аспекты деятельности Компании освещены в книге Черникова Н. Н. Автор на основе интервью с президентом и вице-президентами нефтяной компании изложил все этапы ее развития, перспективы роста [6]. Экспортные поставки составляют треть от добытой нефти, остальная направляется на переработку в российские дочерние подразделения. В результате появляются авиакеросин, кокс, бензин, битум, высокосортные масла, серная кислота, так необходимые российской промышленности. Открыты нефтехимические предприятия, где производятся присадки к базовым маслам, пластики, искусственные волокна, лекарства и многое другое [6]. Так, исследования А. И. Войтенко и Н. И. Лисовец выявили, что представители старшего поколения испытывают сложности в ходе внутрифирменного обучения на современных технологических платформах, что связано с отсутствием контакта обучающегося и преподавателя [1].

И. А. Морозова, С. К. Волков, И. А. Бритвин провели подробный анализ внутренней и внешней социальной ответственности Волгоградского регионального управления ООО «Лукойл-Энергосети». Первая затрагивает вопросы создания комфортных условий труда (охраны труда, промышленная и пожарная безопасность, страхование персонала), а внешняя предполагает благотворительность, спонсорство и пр. по-

мощь [3]. С. В. Грицуновой, Ю. А. Седых удалось выделить важные аспекты в совершенствовании системы управления человеческими ресурсами подразделения: профессиональное обучение, переобучение персонала, формы морально- и материального стимулирования, социальные льготы и компенсации [2]. А. Н. Силин и Н. Г. Хайруллина провели анализ системы управления на основе анкетного опроса работников ТНК-ВР, ОАО «Газпром». Исследования авторов выявили наличие высокой потребности к труду у большинства сотрудников данных компаний. По их мнению, именно внутренняя потребность к труду позволяет формировать эффективный механизм мотивации кадрового потенциала. Следует отметить, что в работах отсутствуют результаты социологических исследований, проведенных в подразделениях ПАО «ЛУКОЙЛ» [4], [5].

Методологической базой послужили результаты анкетного опроса, проведенного в рамках гранта с Благотворительным фондом компании среди сотрудников ООО «ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь». В опросе приняли четыре категории работающих в ТПП Когалымнефтегаз, Повхнефтегаз, Покачефтегаз и Урайнефтегаз, расположенных на территории Тюменского Севера. Анкета была разработана и представлена в службу управления персоналом, сотрудники которой в короткие сроки провели опрос осенью 2019 г. и позволили выявить основные аспекты, связанные с мотивацией трудового поведения сотрудников (например, ценностные ориентации; условия трудовой деятельности; условия оплаты и охраны труда; продвижение по служебной лестнице и др.). В опросе участвовало 177 сотрудников, из числа 75 % мужчины.

На отношение к труду влияют условия труда на рабочем месте, размер зарплаты, возможности продвижения по служебной лестнице, но и внутренние потребности конкретного человека, например, особенности воспитания, жизненные ценности и др. Самыми важными ценностными ориентациями остаются для большинства сотрудников семейное счастье и благополучие, собственное здоровье, вопросы образования и воспитание детей, кроме того здоровье родных и близких, возможность полноценного отдыха и общения с друзьями и родственниками.

Не случайно каждый четвертый сотрудник самым значимым мотивом своей трудовой деятельности назвал наличие сложной и трудной работы. Пятая часть опрошенных указала, что для них важно иметь гибкий режим рабочего дня. Одновременно более 95 % опрошенных мотивированы хорошими отношениями с руководителем, возможностью интересно работать, комфортной рабочей обстановкой. От 92 до 94 % респондентов признались, что для них значимо, чтобы работа позволяла развивать свои способности, получать дополнительные стимулы, при этом присутствовало справедливое распределение выполняемых работ, а также признание, когда работа выполняется своевременно и качественно.

В целях исследования проведем анализ трудовой деятельности респондентов. Для этого выявим, соответствуют ли устремления сотрудников целям ПАО «ЛУКОЙЛ». Анализ показал, что у 85,3 % сотрудников они соответствуют поставленным целям. Только около семи процентов опрошенных ответили отрицательно, а 10 % затруднились ответить на данный вопрос. На основании ответов участников опроса в зависимости от места работы можно сформулировать вывод, что удовлетворенность работой чаще высказывают работники ТПП Когалымнефтегаз и Повхнефтегаз, реже - работники ТПП Урайнефтегаз.

Следующий индикатор позволил определить отношение работников к тому, как определяется размер зарплаты в структурных подразделениях. 75 % респондентов признались, что размер зарплаты определяется специалистами внимательно. Одновременно каждый пятый высказал про-

тивоположный ответ. Проведенное исследование показало, что позитивные ответы преобладают у работников ТПП Повхнефтегаз и Покачефтегаз, где, по мнению участников опроса, зарплата рассчитывается внимательно. Выявлено, что противоположную точку зрения высказали четверть сотрудников ТПП Когалымнефтегаз и Урайнефтегаз, где размер зарплаты определяется не внимательно.

Результаты опроса подтвердили, что у большинства сотрудников уровень квалификации и полученного образования соответствуют тем обязанностям, которые на них возложены. Каждый десятый признался, что уровень полученного образования не соответствует возложенным на него обязанностям.

В ходе исследования важно было узнать, повлияет ли увеличение заработной платы на отношение к работе. Анализ ответов показал, что три четверти сотрудников станут лучше работать при условии повышения заработной платы. Одновременно десять процентов работников не станут лучше работать, если им повысят заработную плату.

В завершении мы узнали оценки работников об опасности потерять работу. 56,6 % респондентов заявили, что опасаются потерять работу. При этом 29,3 % не опасаются ее потерять. Анализ ответов показал, что чаще опасаются потерять работу рабочие и руководители (каждый второй опрошенный). Среди категории служащих таких всего 1,8 %. Как видим, специалисты реже опасаются потерять рабочее место.

Заключение. В ходе анкетного опроса удалось провести анализ условий, которые влияют на трудовое поведение сотрудников исследованных ТПП. Это поможет руководителям структурных подразделений более эффективно использовать кадровый потенциал и повысить отдачу в процессе трудовой деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Войтенко А. И., Лисовец Н. И. Методы повышения квалификации управленческого персонала на примере учебного центра ООО «Лукойл-Центрнефтепродукт» // Новое поколение. – 2013. – № 6. – С. 101-110.
2. Грицунова С. В., Седых Ю. А. Анализ системы управления персоналом территориальных генерирующих компаний Ростовской области и оценка их эффективности // Инженерный вестник Дона. – 2015. – № 1. – Ч. 2. – С. 101-110.
3. Морозова И. А., Волков С. К., Бритвин И. А. Особенности реализации концепции корпоративной социальной ответственности российскими промышленными предприятиями (на примере ООО «Лукойл-Энергосети» // Региональная экономика. – 2013. – № 42. – С. 7-16.
4. Силин А. Н., Хайруллина Н. Г. Управление персоналом в нефтегазовой компании: учебное пособие. – М.: ЦентрЛитНефтеГаз, 2008. – 305 с.
5. Хайруллина Н. Г., Устинова О. В. Профессиональное развитие муниципальных служащих: Учебное пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2005. – 88 с.
6. Черников Н. А. Вертикаль. – М.: Смена, 2000. – 320 с.

ХАЙРУЛЛИНА Нурсафа Гафуровна

доктор социологических наук, профессор Тюменского индустриального университета

ГОЛЬЦОВА Евгения Викторовна

кандидат философских наук, доцент Иркутского государственного университета

ВЗАИМОСВЯЗЬ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ

В декабре 2021 года в Иркутске прошла международная научно-практическая конференция «Взаимосвязь глобальных и региональных воздействий в системе современных обществ: трансформации социальных пространств, социально-демографические изменения и пандемические процессы».

Ключевые слова: глобальные и региональные проблемы, устойчивое развитие, научное сообщество, пандемия коронавирусной инфекции.

KHAIRULLINA Nursafa Gafurovna

Ph.D. in sociological sciences, professor of the Tyumen Industrial University

GOLTSOVA Evgeniya Viktorovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of the Irkutsk State University

INTERRELATION OF GLOBAL AND REGIONAL IMPACTS IN THE SYSTEM OF MODERN SOCIETIES

In December 2021, Irkutsk hosted an international scientific and practical conference "The relationship of global and regional impacts in the system of modern societies: transformations of social spaces, socio-demographic changes and pandemic processes."

Keywords: global and regional issues, sustainable development, scientific community, coronavirus pandemic.

В Иркутске прошла международная научно-практическая конференция, в работе которой приняли участие более 140 ученых из Сербии, Республики Беларусь, Луганской Народной республики и 25 регионов Российской Федерации.

В приветственном слове ректор Иркутского государственного университета профессор А. Ф. Шмидт подчеркнул актуальность проводимого мероприятия, связанную с возникающими глобальными и региональными проблемами, которые оказывают воздействия в достижении устойчивого развития современных обществ. По его мнению, конференция направлена на конструктивное взаимодействие и сотрудничество представителей научного сообщества в условиях глобальной пандемии коронавирусной инфекции. Заместитель министра образования Иркутской области Е. А. Апанович обратила внимание на необходимость проведения учеными высших учебных заведений качественных исследований происходящих социально-демографических процессов, а сопредседатель организационного комитета конференции, д.социол.н., проф. Т. И. Грабельных на то, что в современном мире прослеживается нарушение «социального равновесия», которое приводит к необратимым последствиям. Она указала на взаимосвязь усиления глобальных и региональных воздействий, которые особенно заметны в свете реализации концепций национальной и региональной безопасности.

Пленарную сессию открыла д.с.н., проф. Н. Л. Смакотина (МГУ, г. Москва) с докладом «Социальные трансформации в контексте глобальных процессов и проблем». Докладчик отметила «откат» эпохи глобализации, раскрыла содержание социальных трансформаций на глобальном уровне, основными среди них названы высокая подверженность рискам, рост неопределенности и нестабильности, ослабление социальных границ, увеличение роли финансовых рынков и др. Глобальные связи и процессы находятся в области критических значений, что осложняет реализацию государственно-управленческой практики и негативно отражаются на уровне и качестве жизни населения, их социальном состоянии.

В совместном докладе д.социол.н., доц. Кибакин М. В. (Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва) представил результаты эмпирических исследований, позволившие осмыслить перспективы трансформации российского цивилизационного пространства на примере современной молодежи. В ходе анкетных и экспертных опросов, фокус-групп и глубинных интервью, проведенных в 2019-2021 гг., выявлены качественные и количественные аспекты цивилизационной идентичности молодежи. Например, показано наличие в молодежной среде патриотически настроенных людей (59,9 %), идентифицирующих себя как будущих участников реализации российской цивилизации. Д.ф.н., доц. Цветкова И. В. (Тольяттинский государственный университет)», (г. То-

лвятти) подняла проблему социализации современных подростков в сетевых сообществах. Исследования докладчика показали, что девушки являются более активными пользователями социальных сетей: они чаще выкладывают информацию о своей повседневной жизни, оценивают публикации других участников, заводят личные знакомства. Выявлено, что анонимность общения в социальной сети меняет не только структуру самосознания подростков, восприятие других людей, но и восприятие себя на основе созданных (зачастую выдуманных) символов, формирует основу для манипулирования индивидуальным и групповым сознанием подрастающего поколения.

К.ю.н., доц. Ардашев Р. Г. (Академия управления МВД России, г. Москва) затрагивает противоположную проблему – трудности виртуализации жизненного пространства россиян и в первую очередь представителей среднего и старшего поколения. Результаты интернет-опроса россиян выявили неуверенность в завтрашнем дне у большинства из них (92 %) из-за новых форм взаимодействия в виртуальном пространстве. В ходе глубинных интервью представители старшего поколения высказали надежду, что им не придется осваивать новые виртуальные коммуникации, в этом не уверены представители среднего поколения: они обеспокоены появлением новых форм профессионализации, развития, которые не смогут освоить. Напротив, молодежь чувствует себя уверенно, виртуальное пространство открывает для них новые возможности.

Директор Научного центра проблем здоровья семьи и репродукции человека, член-корреспондент РАН, проф. Рычкова Л. В. (г. Москва) в своём докладе раскрыла феномен «инфодемии», которая не просто сопровождает пандемию, а замещает ее в информационном поле, снижая эффективность профилактических мероприятий. В обществе формируется паническая, нерациональная модель поведения населения, в результате которой россияне боятся прививаться и отказываются прививать детей, наблюдается увеличение противников вакцинации среди молодёжи, снижение уровня вакцинации детей «календарными» вакцинами. Результаты исследования здоровьесберегающих практик молодежи в условиях пандемии, проведенные д.с.н., проф. Н. Л. Антоновой (УрГУ, г. Екатеринбург), выявили негативное отношение молодёжи к вакцинации. В качестве причин негативной мотивации молодежь называет недостаточную проверку вакцин, вероятность побочных эффектов в первую очередь на репродуктивную функцию, агрессивная пропаганда вакцинации в СМИ, а также принудительный ее характер. Несмотря на это, использование средств индивидуальной защиты остается главным инструментом сохранения здоровья россиян и безопасности государства.

Одновременно с секционными заседаниями в рамках международной конференции работала молодежная секция «Глобальный вызов или глобальный кризис социальных пространств современного мира?», в которой приняли участие около сорока бакалавров, студентов и магистров российских вузов. В докладах был представлен

широкий спектр научных подходов и технологий социологической и междисциплинарной направленности, отражающих как позитивные тенденции, так и социальные противоречия современного мира, в том числе социально-демографические проблемы, усугубившиеся в связи с пандемией коронавирусной инфекции и в России.

БАЙРУШИНА Флорида Фатиховна

старший преподаватель Уфимского государственного нефтяного технического университета

БЛАЖЕНКОВА Наталья Михайловна

доктор экономических наук, профессор Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ МОНИТОРИНГА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Тенденции развития социально-экономических систем, формирующих национальную экономику, закреплены в документах, формируемых в рамках Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации». На основании положений этого важного документа определяются базовые социально-экономические системы, иерархически распределённые по уровням государственного управления: система федерального уровня, уровня субъекта Российской Федерации и уровня муниципального образования. Понятно, что приоритеты управления на этих уровнях отличаются друг от друга, что по определению должным образом формирует перечень и структуру показателей, определяющих специфику мониторинга функционирования этих систем.

В современном мире имеют место глобальные социально-экономические изменения, которые происходят в большинстве как развитых, так и развивающихся стран, причина которых кроется в стремительном развитии цифровых технологий так называемой «третьей волны» и в привлечении в управленческую сферу информационных систем, технологии искусственного интеллекта, аналитики больших данных и пр. Поэтому формирование современной системы государственного управления, опирающейся на современные технологии мониторинга, на сегодняшний день сверхактуальна.

Ключевые слова: мониторинг, социально-экономическое развитие, цифровизация, статистические данные, информатизация, федеральные проекты.

BLAZHENKOVA Natalya Mikhaylovna

senior lecturer of the Ufa State Petroleum Technical University

BAKHRUSHINA Florida Fatihovna

Ph.D. in economical sciences, professor of the Ufa State Petroleum Technical University

DIGITALIZATION AS A FACTOR IN MONITORING THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

Trends in the development of socio-economic systems that form the national economy are fixed in the documents formed within the framework of the Federal Law "On Strategic Planning in the Russian Federation". Based on the provisions of this important document, the basic socio-economic systems are defined, hierarchically distributed by levels of government: the system of the federal level, the level of the subject of the Russian Federation and the level of municipal education. It is clear that management priorities at these levels differ from each other, which by definition properly forms the list and structure of indicators that determine the specifics of monitoring the functioning of these systems.

In the modern world, there are global socio-economic changes taking place in most of both developed and developing countries, the reason for which lies in the rapid development of digital technologies of the so-called "third wave" and in the involvement of information systems, artificial intelligence technology, big data analytics, etc. in the management sphere. Therefore, the formation of a modern public administration system based on modern monitoring technologies is extremely urgent today.

Keywords: monitoring, socio-economic development, digitalization, statistical data, informatization, federal projects.

Сегодня во всём мире наблюдается стремительное развитие цифровых технологий и, как следствие этого, рост вычислительной и аналитической мощности информационных систем, представляющих огромные возможности, позволяющие вырабатывать на основе анализа достоверной и полноценной информации безошибочные оптимальные решения в области управления социально-экономическими процессами в различных отраслях экономики, способствующих повышению её уровня, как в регионах, так страны в целом.

Наблюдаемое неравномерное экономическое развитие и, как следствие, неравномерный рост благосостояния в различных регионах Российской Федерации, можно

объяснить низкой достоверностью и неполнотой получаемой информации о состоянии как производственно-экономических процессов, степени оптимального природопользования, так и уровня межтерриториальной, межрегиональной конкуренции, определяющей ограничение производственно-экономических связей между регионами, а также ограничение доступа к имеющимся источникам ресурсов. Таким образом, для своевременного и разумного подхода к решению возникших вопросов в этой области необходимо использование новейших и действенных аналитических методов контроля и управления, к которым относятся, в том числе, мониторинг для форми-

Блаженкова Н. М.

Байрушина Ф. Ф.

рования прогноза социально-экономического состояния и развития региона и выработки соответствующих управленческих мероприятий [1]. Социально-экономическое развитие региона является следствием экономического роста, что способствует повышению качества жизни населения, обеспечению роста благосостояния и защищенности от угроз [2]. Вместе с тем процесс анализа уровня развития региона является в большей степени субъективным, так как существует множество методик, предлагаются различные комбинации показателей, а полученные результаты не позволяют принять четкие решения. Это вызвано использованием количественных характеристик выбранных показателей и отсутствием полного учета данных [3].

Отсутствие точной и своевременной информации, адекватной проблемам достижения стратегических приоритетов, является одной из наиболее частых причин слабого управленческого воздействия на региональное развитие [4]. Большое значение в данном случае приобретает формирование системы постоянного мониторинга развития экономической системы, базирующегося на диагностическом подходе.

По результатам мониторинга Министерство экономического развития России определяет рейтинг регионов и оценивает деятельность менеджмента экономического субъекта. Все это необходимо для обеспечения конкурентоспособности региона, его стабильности и устойчивости.

Мониторинг социально-экономического состояния и уровня развития региона необходим для решения органами государственного управления регионом следующих социально-экономических задач:

- 1) эффективная организация сбора информации и выбор оптимального количества из имеющихся разнообразных экономических показателей, характеризующих социально-экономическое развитие региона;
- 2) объективный анализ изменения социально-экономической ситуации в регионе;
- 3) прогнозирование, с высокой степенью точности, направлений развития, протекающих в регионе социально-экономических процессов и явлений.

Для разрешения перечисленных вопросов необходима организация региональных систем эффективного и достоверного мониторинга с целью получения реальных экономических показателей и данных для объективной оценки состояния и прогнозирования социально-экономического развития, чтобы иметь возможность объективного подхода к решению перечисленных вопросов. При этом упомянутая система мониторинга и прогнозирования должна отвечать следующим требованиям:

- 1) постоянный мониторинг состояния экономики и прогноз социально-экономического развития региона должен стать неотъемлемой составной частью функционирования органов государственного управления регионом;
- 2) возможность своевременного выявления негативных тенденций, снижения или нивелирования их воздействия на экономическую ситуацию, а также для обеспечения эффективного и созидательного функционирования органов государственного управления;
- 3) мониторинг, проводимый органами государственного управления, должен проводиться по следующим основным направлениям:

– мониторинг имеющегося социально-экономического потенциала в регионе, а также оценка эффективности его использования;

– мониторинг показателей качества жизни населения, пребывающего на территории данного региона;

– мониторинг вклада в решение социально-экономических проблем, имеющихся в регионе и стране в целом;

– направление определения источников информации для мониторинга, т.к. его информационной основой должна быть достоверная социологическая и статистическая информация [6].

Чтобы иметь возможность получения своевременной достоверной информации, на современном этапе необходимо использовать новейшие цифровые технологии и современные, новейшие аналитические информационные системы.

Вопросам цифровизации экономик регионов, процессам формирования современного информационного общества и цифровой революции, особенно в последнее время, уделялось много внимания. В июне 2019 г. на заседании Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам утвержден паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»¹. Программа ускоренного внедрения цифровых технологий была внесена в число основополагающих национальных вопросов развития Российской Федерации на современном этапе, а цифровая повестка приобрела высочайший государственно-политический статус.

Проекты программы предусматривают достижение определенных целевых показателей, направленных на развитие цифровой экономики, с помощью информационных потоков первичной информации, которые позволяют:

- 1) своевременно осуществлять сбор информации и анализировать предложенные показатели;
- 2) реагировать на негативные отклонения индикаторов органами государственной и муниципальной власти;
- 3) получать отчеты в виде данных, характеризующих резервы роста экономики региона;
- 4) представлять полученные данные общественности и соответствующим органам власти;
- 5) принимать управленческие решения и корректировать соответствующие целевые ориентиры.

Все это позволит осуществить цифровизация процесса мониторинга социально-экономического развития региона, которая должна осуществляться на основе следующих принципов:

- 1) использование разработанных показателей;
- 2) непрерывность мониторинга;
- 3) централизованный сбор данных;
- 4) доступность лицам, принимающим решения, всех данных;
- 5) оперативность отслеживания отклонений и принятия соответствующих решений;

1 Цифровая экономика Российской Федерации: программа: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 32. – Ст. 5138; Официальный интернет-портал правовой информации. — [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

Таблица 1. Цели и этапы использования методов мониторинга экономики региона для применения современных информационных технологий цифровизации

Цели	Метод	Этапы
Получение качественной и сгруппированной информации для мониторинга	Сводка и группировка социально-экономических явлений и процессов	Первоначальный этап сбора и подготовки информации для мониторинга СЭР региона
Использование полученных результатов для оценки изучаемого явления в пространстве и времени	Балансовый	Аналитический этап
	Сравнительный и статистический анализ	
	Регрессионный анализ	
Составление надежных прогнозов и процессов на основе изучения тенденций развития региона	Экспертные оценки	Заключительный этап
	Моделирование и прогнозирование	

б) использование конкретных инструментов управления регионом.

Представленные в таблице 1 цели, методы и этапы мониторинга экономики региона обеспечивают возможность применения современных информационных технологий цифровизации, формирование надежной информационной базы [5].

Эффективность и результативность практического использования мониторинга СЭР региона находится в зависимости от принципиальных основ построения и функционирования системы диагностики, установления четких правил их применения, таких как создание всеобщей, доступной, безопасной и устойчивой информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных и использование преимущественно отечественного программного обеспечения информационно-аналитических систем государственными органами, органами местного самоуправления и организациями, что и необходимо для проведения мониторинга социально-экономического развития регионов.

Цифровизация всех аспектов современного общества и экономики, безусловно, ставит новые задачи и перед официальной статистикой и влечет за собой качественные изменения в формировании спроса на статистическую информацию, определяющую исходные данные для мониторинга развития региона, не только со стороны ее традиционных потребителей, но и практически всех слоев общества.

На сегодняшний день необходимо использовать возможности цифровых технологий таким образом, чтобы статистика не была обременительной для респондентов, поступление данных, как первичного материала, для соответствующей статистической обработки не требовала особенно больших временных затрат на заполнение анкет или составления отчетов по установленным формам. Главное, упрощая обычные процедуры сбора статистической информации для достоверной оценки производственно-экономического уровня, необходимо не спровоцировать обеднения разнообразия оценок, необходимых для достаточно полного описания российского общества и экономики. В то же время, необходимо учитывать меняющийся спрос на статистические данные, так как итоги мониторинга социально-экономического развития региона требуются все большему количеству пользователей, которые имеют различные требования к составу его показателей [6].

Пристатейный библиографический список

1. Демешко Т. С. Понятие, сущность, задачи мониторинга и прогноза в системе управления регионом // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. – 2020. – № 13. – С. 57-63.
2. Морозова Н. В, Васильева И. А. Исследование стратегических сил и интересов в процессе разработки и реализации стратегии социально-экономического развития региона // ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова», Чебоксары, Россия.
3. Любаненко А. В. Методика стратегического анализа социально-экономического развития муниципального образования // Вестник кибернетики. – 2006. – № 5. – С. 156-160.
4. Зенченко С. В. Диагностика уровня финансово-экономического развития региона // Вестник Северо-Кавказского Государственного технического университета. – 2008. – № 4. – С. 121-126.
5. Когут А. Е. Информационные основы регионально-социально-экономического мониторинга / А. Е. Когут, В. Е. Рохчин. – СПб., 1995. – 143 с.
6. Барт А. А., Рыбкина М. В., Залозный И. В. Влияние цифровой экономики на экономический рост Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 5-2. – С. 236-241.
7. Грачев С. А. Моделирование влияния цифровизации на развитие социально-экономических систем // Вопросы инновационной экономики. – 2021. – Том 11. – № 2. – С. 443-454.

БЫСТРОВ Андрей Владимирович

доктор технических наук, профессор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

ТАЛАТИН Евгений Андреевич

аспирант Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

В статье описывается современное состояние энергетических рынков и тенденции устойчивого развития предприятий ТЭК. Определяется специфика устойчивости ТЭК. Отражается графическая интерпретация системы внешних и внутренних факторов, предопределяющих устойчивость ТЭК. Описывается роль государства и инноваций в достижении равновесного состояния ТЭК. Констатируется необходимость механизма оценки состояния энергетических предприятий по заданным показателям.

Ключевые слова: устойчивое развитие, устойчивость, топливно-энергетический комплекс, энергетические рынки, пандемия, избыток предложения, углеродоемкость, система управления.

BYSTROV Andrey Vladimirovich

Ph.D. in technical sciences, professor of the G. V. Plekhanov Russian Economic University

TALATIN Evgeniy Andreevich

postgraduate student of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics

SUSTAINABLE DEVELOPMENT AS A STRATEGIC IMPERATIVE FOR THE DEVELOPMENT OF ENTERPRISES IN THE FUEL AND ENERGY COMPLEX

The article describes the current state of energy markets and trends in the sustainable development of fuel and energy enterprises. The peculiarities of the fuel and energy complex stability are determined. The graphical interpretation of the system of external and internal factors that determine the stability of the fuel and energy complex is reflected. The role of the state and innovation in achieving the equilibrium state of the fuel and energy complex is described. It is stated that there is a need for a mechanism for assessing the state of energy enterprises according to given indicators.

Keywords: sustainable development, sustainability, fuel and energy complex, energy markets, pandemic, supply surplus, carbon intensity, management system.

Энергетические рынки мирового уровня в настоящем характеризуются негативными тенденциями развития. Во многом это связано с теми обстоятельствами, что меняется их структура за счет вовлечения на рынки все в большем количестве стран развивающегося типа. Усиливается конкурентная борьба государств при стремлении получить необходимый объем энергоресурсов. Функционирование рынков сопровождается множеством рисков, неопределенность которых постоянно растет, а нефтяное ценообразование при этом достаточно динамично. Энергоресурсные поставки регулярно находятся под угрозой, межстрановое эколого-климатическое взаимодействие носит неоднозначный характер. Это обуславливает масштабность задач предприятий ТЭК, обуславливающих необходимость с одной стороны освоения новых месторождений, а с другой стороны обеспечения эффективного функционирования экономической системы с энергетической точки зрения. Для этого требуется технически перевооружить ТЭК, внедрить технологии, позволяющие энергоэффективно добывать и перерабатывать ресурсы [3, с. 3].

Значительное влияние на состояние энергетических рынков и компаний ТЭК оказала начавшаяся в 2020 году коронавирусная пандемия. Уже в первые месяцы пандемии значения ключевых фондовых индексов упали на треть. Ки-

тайская промышленность по производственным показателям оказалась на уровне ниже прошлого года (спад почти на 14%). Мировая экономика вступила на путь рецессии. Аналогичная ситуация проявилась и на рынке нефти, цены на которую стали ниже, чем почти два десятилетия назад. Сделка ОПЕК+ была разорвана, что обрушило цены на нефть и обусловило рыночную конкуренцию между ее участниками. Рост российской нефтедобычи в феврале составил чуть больше 3%, а розничные цены марта несильно изменились по сравнению с февралем. Мировые цены на газ продолжили снижаться, сократившись на треть. В России снизились объемы добычи газа и угля на 3% и 8% соответственно, как и их экспорт (на 12% и 6% соответственно). Снизилась и стоимость газа как на европейской, так и на азиатской территории. Мартовские события способствовали переходу Адыгейской ветряной электростанции к оптовому рынку электроэнергии и мощности. Достижение целей устойчивого развития становится все более актуальным, особенно для предприятий ТЭК, функционирование которых достаточно рискованно с социально-экологической точки зрения. Измерение устойчивости развития в рамках единого подхода невозможно ввиду отсутствия такового. Российские предприятия ТЭК в данном контексте лидируют в рейтингах национального уровня. Вызванные пандемией события на мировом энергетическом

рынке способны привести к рекордному избытку предложения [4, с. 3-6].

2021 год ознаменовался тенденцией глобального экономического восстановления вопреки новой коронавирусной волне. Значимым событием стали меры США, в рамках которых для борьбы с негативными последствиями пандемии принят обширный стимулирующий пакет.

В 1 квартале 2021 года цены на нефтяном рынке впервые возросли с начала пандемии, также начали расти котировки во многом благодаря ОПЕК+, заявившей о возможности сохранить уровень добычи нефти, восстановить экономику.

Если рассматривать февральские цены на газ, то можно отметить их снижение на азиатской и европейской территориях более чем на 60% и 15% соответственно и повышение на территории США. В России добыча газа и угля, а также их экспорт незначительно возросли. Одним из новых энергетических вызовов в 2021 году стала проблема углеродных выбросов, обусловившая обсуждение возможностей появления пограничного углеродного сбора, что потребует реализации ряда мероприятий федерального и корпоративного уровней. Ключевой мировой идеей становится сокращение «углеродного следа» в составе производимых продуктов и обеспечить энергосбережение, в том числе за счет применения низкоуглеродных технологий. Следует отметить отдельные российские предприятия, которые готовы инвестировать в низкоуглеродное производство «чистой» энергии. Уже около двух лет ПАО «Татнефть» активно сокращает свои выбросы, а также с 2021 года участвует в исполнении международной инициативы Science Based Targets initiative по реализации соответствующей программы сокращения выбросов углерода. Через 30 лет ПАО «Татнефть» планирует стать углеродно-нейтральным предприятием, постепенно снижая объемы углеродных выбросов: через четыре года на 10%, еще через девять лет на 20%. Другим примером является ПАО «Газпром», которое, стремясь сберечь энергетические ресурсы и обеспечить эффективность энергопотребления, реализует экологический менеджмент, или ПАО «Северсталь», которое нацелено снизить углеродные выбросы в течение двух лет на 3% по отношению к уровню 2020 года [2, с. 21]. Устойчивое развитие ТЭК имеет определенную специфику, которая обуславливается некоторыми ограничениями. Ключевым является исчерпаемость энергетических ресурсов природного происхождения, которая определяет необходимость оценивания экологических рисков предпринимаемых в настоящем действий.

Отсюда вытекает необходимость поиска таких критериев, которые позволили бы оценить то, насколько устойчиво ТЭК функционирует и развивается. Сформировалось два подхода к определению указанных критериев, один из которых предполагает дифференциацию природных ресурсов и их воспроизводственной динамики, а другой – эколого-экономическую ориентированность. Систему критериев, согласно первому подходу, образуют показатели, характеризующие максимально возможные темпы замедления исчерпаемости энергоресурсов природного происхождения, которые не возобновляются; минимизацию потерь с помощью применения технологий малоотходного и ресурсосберегающего производства и потребления. Показатели эколого-экономического подхода связаны с сокращением природоемкости в экономике, инвестиционных вложений

в нересурсосберегающие предприятия и их доли на рынке. Этот подход ориентирован на то, чтобы общественное развитие с экономической точки зрения стало экологизированным, минимально нагружающим окружающую среду. Он предусматривает меры искусственного ограничения потребления энергоресурсов, которые невозможно восстановить. Указанный подход реализуется в США, которые закупают нефть в других странах и не разрабатывают собственные месторождения нефти. ТЭК несет определенную ответственность перед обществом, что и определяет устойчивость его развития и то, насколько оно будет результативным с точки зрения достижимости социально-экономических и технико-экологических целей. В подобных условиях миссия предприятий ТЭК трансформируется, и они уже не нацелены на то, чтобы только получать прибыль. Трансформация проявляется в изменении роли прибыли: она не является самоцелью, а выступает в качестве средства достижения ЦУР. Большое значение в обеспечении устойчивости развития ТЭК имеют инновации, выступая его ключевым источником. Под устойчивым развитием можно понимать такую системную организацию, при которой внешние вызовы не нарушают равновесное состояние системы, способной устойчиво развиваться, а при необходимости претерпевать качественные трансформационные переходы от одного состояния к другому, используя результаты инновационной деятельности. Рассматриваемое устройство экономической системы способно обеспечить государство, которое должно воздействовать на инновационный потенциал ТЭК с целью побуждения энергетических предприятий к инновационной активности. Роль государства при этом тройственная: во-первых, оно является партнером предприятий ТЭК, во-вторых, обладая значительными ресурсами, гарантирует им перспективы функционирования, и наконец, в-третьих, организует взаимодействие бизнес-структур с представителями науки и совершенствует институциональную базу их партнерства [5, с. 126-128].

При макро- и микроизмерении устойчивости требуется учитывать целый комплекс различных критериев, прежде всего количественных. Эти критерии могут быть финансовыми, экономическими, социальными, правовыми или экологическими. Устойчивость ТЭК предопределяет система внешних и внутренних факторов, которую можно графически отобразить на рис. 1.

Успешность устойчивого развития ТЭК зависит от целенаправленности управленческих действий в данной области, что невозможно без наличия конкретного механизма оценки состояния энергетических предприятий по заданным показателям. Этот механизм должен быть призван оказать содействие в определении текущих позиций предприятий ТЭК, их изменении с течением времени, а также того, каковы позиции этих предприятий в будущем. При наличии результатов подобной оценки становится прозрачным выбор направленности инвестиционных вложений и формирование подходящего для обеспечения устойчивости развития условий. Устойчивой система может быть только тогда, когда она способна вернуться к равновесному состоянию вне зависимости от происходящих во внешней среде изменений, но в рамках действующих норм, а также имеет возможности самостоятельно регулировать свое неустойчивое состояние в целях собственной подстраховки в будущем [1, с. 192-194]. Для современного состояния энергетических рынков харак-

Рисунок 1 – Система внешних и внутренних факторов устойчивости ТЭК

терны негативные тенденции, связанные с последствиями коронавирусной пандемии и нарастающим энергетическим кризисом, что влияет на тенденции устойчивого развития предприятий ТЭК, которые подстраиваясь под новые энергетические реалии и экономические условия, вынуждены трансформировать механизмы своего функционирования.

Устойчивость развития предприятий ТЭК приобретает некоторые специфические черты, имеющие двойной характер. С одной стороны, определенное воздействие оказывает истощаемость природных энергетических ресурсов, подталкивая предприятия ТЭК к поиску альтернативных источников энергии. С другой стороны, характер самой деятельности предприятий ТЭК меняется в сторону экологоориентированности общественно-экономического развития. Устойчивость ТЭК предопределяется системой внешних и внутренних факторов, в совокупности отражающих финансово-экономические, правовые, социальные и экологические аспекты функционирования предприятий ТЭК. Достижение равновесного состояния ТЭК невозможно без непосредственного участия в данном процессе государства, а также без применения необходимых для этого инноваций. Роль государства при этом проявляется в трех направлениях: государство – партнер ТЭК, государство – гарант устойчивости ТЭК и государство – организатор институциональных взаимодействий и изменений в сфере ТЭК. Измерение устойчивости ТЭК на макро- и микроуровнях осуществляется с помощью различных критериев и показателей, которые лежат в основе формирования механизма оценки состояния энергетических предприятий. Устойчивое развитие представляет собой стратегический императив развития предприятий ТЭК.

Пристатейный библиографический список

1. Бороухин Д.С. Экономическое обеспечение устойчивого развития системы электроэнергетики в условиях модернизации экономики России // Вестник МГТУ. 2011. Том 14. № 1. С. 187-194.
2. Вызовы углеродного регулирования // Энергетический бюллетень. 2021. № 94. 21 с.
3. Генш Т.Р. Совершенствование механизмов обеспечения устойчивого развития предприятий топливно-энергетического комплекса России: автореф. дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. – М., 2013. 25 с.
4. Измерение устойчивого развития в ТЭК // Энергетический бюллетень. 2020. № 82. 27 с.
5. Мозговая Е.С. Формирование потенциала устойчивого развития топливно-энергетического комплекса // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. № 4. С. 125-128.

ВАСИЛЬЕВ Артем Юрьевич

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Финансово-экономический факультет, Департамент общественных финансов, ООО «АТП-215 УСМР», финансовый директор, МО, г. Балашиха

ВНЕДРЕНИЕ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КОНТРОЛЬНЫХ И ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ ЗА РАСХОДАМИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Внедрение риск-ориентированного подхода в деятельность органов государственной власти приведет к более эффективному использованию финансовых ресурсов. Таким образом, важным этапом развития данного подхода является внедрение его в органы государственного финансового контроля. В целях повышения качества жизни населения государство разрабатывает целевые национальные проекты. В результате воздействия тех или иных факторов происходит изменение динамики и характера при реализации национальных проектов, поэтому возникает необходимость выявления, оценки и мониторинга рисков формы потенциально негативных трендов, в рамках обеспечения минимального воздействия негативных факторов. Риск-ориентированный подход определяет общие принципы, цели, задачи и сферу применения.

Ключевые слова: Счетная палата Российской Федерации, риск-ориентированный подход, бюджет, ориентированный на результат, эффективность и целесообразность использования финансовых ресурсов, расходы федерального бюджета, государственный финансовый контроль.

VASILJEV Artem Yurjevich

Financial University under the Government of the Russian Federation, Faculty of Finance and Economics, Department of Public Finance, LLC "ATP-215 USMR", Finance Director, MO, Balashikha

INTRODUCTION OF A RISK-BASED APPROACH WHEN CONDUCTING CONTROL AND EXPERT-ANALYTICAL MEASURES FOR THE COSTS OF IMPLEMENTING NATIONAL PROJECTS

The introduction of a risk-based approach in the activities of public authorities will lead to a more efficient use of financial resources. Thus, an important stage in the development of this approach is its introduction into the state financial control bodies. In order to improve the quality of life of the population, the State develops targeted national projects. As a result of the impact of certain factors, the dynamics and nature of the implementation of national projects change, therefore, there is a need to identify, assess and monitor the risky form of potentially negative trends, within the framework of ensuring minimal impact of negative factors. The risk-based approach defines the general principles, goals, objectives and scope of application.

Keywords: Accounting Chamber of the Russian Federation, risk-oriented approach, result-oriented budget, efficiency and expediency of using financial resources, federal budget expenditures, state financial control.

В современной мировой практике ежедневно ведется разработка совершенной модели управления государственными ресурсами. Главная цель – перейти от затратной модели, к модели, ориентированной на результат с минимальными рисками, что дает возможность оптимизировать государственные ресурсы.

Таким образом, использование такого подхода, как риск-ориентированный, приведет к более эффективному функционированию органов государственной власти.

С недавних пор, последней тенденцией расходования средств бюджета происходит за счет такого инструмента, как Национальные проекты. Рассмотрим определение национальных проектов. С 2018 года появился «новый» инструмент обеспечения социально-экономических целей Российской Федерации – Национальный проект. Данный инструмент не имеет особой новизны, но тем не менее является одной из важнейших единиц достижения национальных целей до 2025 года.

Рассмотрим внедрение риск-ориентированного подхода в работу органов внешнего государственного финансового контроля (аудита). Для этого обратимся к российской практике.

Внедрение концепции риск-ориентированного подхода в практическое функционирование такого органа, как Счетная палата Российской Федерации (далее – Концепция), начинается с утверждения на Коллегии Счетной палаты Рос-

сийской Федерации 22 июня 2021 года данной Концепции¹. В Концепции разработаны определенные принципы, а также цели и, соответственно задачи, и сфера их применения. Далее - направления развития подхода и совершенствования его при планировании. Утверждаются задачи, а именно описываются принципы применения подхода; определяются основные цели и непосредственные задачи подхода; описывается, где и как будет применяться. Вводится ряд терминологии, способствующей определить основные определения, используемые при организации деятельности Концепции.

Основные определения:

- объекты аудита – это такие объекты, которые входят в положения внешнего государственного аудита (контроля), прописанные в статье 15 и статье 23 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации»;

- область риска – это сфера социально-экономической деятельности Российской Федерации и (или) деятельности объектов аудита, в рамках которой любые процессы и явления;

1 Концепция разработана с учетом положений Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации», отдельных положений международных и российских стандартов менеджмента рисков (ISO 31000:2018, ГОСТ Р ИСО 31000:2019), а также концептуальных основ управления рисками COSO ERM.

- риск – это неопределенность, при которой заданная цель может быть не достигнута, а также отклонение фактического состояния от ожидаемого;

- агрегированный риск – это взаимодействие большого количества рисков объектов аудита или областей рисков между собой;

- аудиторский риск² – это возможность не точной формулировки или вероятность, приведенная после проведения мероприятий, итоги которых могут оказаться ошибочными;

- генеральная совокупность рисков – реестр рисков, который относится к объектам аудита и областям рисков;

- заинтересованные стороны – это должностные лица, которые могут повлиять на ход контрольных, а также экспертно-аналитических мероприятий, с целью получения личной выгоды;

- ключевые индикаторы риска – это показатели, позволяющие нужным образом измерить риски и (или) дать возможность отслеживать уровни рисков и (или) прогнозировать вероятность появления рисков и как итог, возможные последствия от реализации рисков;

- критерии риска – это набор основных индикаторов и других признаков риска, на которых основывается возможно определить уровень риска;

- модель зрелости системы управления рисками – это инструментарий, который позволяет оценить стадию процессов формирования системы в целом, а также происходящие усовершенствование и доработку ее практической реализации;

- процесс оценки факторов рисков – это деятельность, в которую входит описание внешних и внутренних факторов, анализ их структурной составляющей, а также определение степени их влияния;

- градация рисков по степени их реализации – это комплексная оценка вероятности осуществления отдельно взятого риска относительно других рисков;

- риск-аппетит – это максимальная степень вероятности реализации риска, который готова принять компания при достижении стратегических целей;

- риск-культура – это принятая в организации система принципов и убеждений, которая формирует правила в сфере управления рисками;

- управление риском – это процесс воздействия на минимизацию влияния факторов риска или блокирование факторов в целях его устранения;

- уровень зрелости системы управления рисками – это стадия развития системы по управлению рискам;

- уровень риска – это величина основных показателей отдельного риска, полученная по итогам его оценки;

- характер риска – это характеристика риска, которая определяет направления и степень его воздействия на достижение заданных целей.

Таким образом, разобрав определения, можно сделать вывод, что проделана работа не просто для внедрения Концепции в Счетную палату, а для полного функционирования деятельности органа внешнего финансового контроля в области экспертно-аналитических и контрольных мероприятий.

Проведение официальных мониторингов эффективности национальных проектов и создание единого централизованного информационного ресурса, включающего данные о ходе реализации программы, мероприятиях, ключевых заседаниях и достижениях в области риск-ориентированного подхода.

Концепция позволит повысить эффективность мероприятий, проводимых Счетной палатой при реализации национальных проектов за счет:

- оптимизации ресурсов Счетной палаты. Концентрация внимания будет охватывать в первую очередь объекты с высокими уровнями рисков;

- увеличения доли тех контрольных и экспертно-аналитических мероприятиями, которые являются более подверженные риску реализации;

- увеличения гибкости и скорости реагирования на новые вызовы. Мониторинг рисков позволит следить за изменением деятельности объектов аудита, позволит адекватно оценивать риски.

Мониторинг рисков позволит Счетной палате управлять рисками объектов аудита за счет предварительного изучения и проведения контрольного мероприятия. Существует ряд задач, за счет которых функционирует мониторинг управления рисками, а именно – последующая проверка рекомендаций Счетной палаты по итогам проведения проверки; проведение анализа возникновения рисков, идентификация новых рисков и последующая их переоценка; разработка рекомендаций.

Данная Концепция была разработана для реализации положений Стратегии развития Счетной палаты на 2018-2024 годы³.

Подводя итог, можно утверждать, что внедрение риск-ориентированного подхода в деятельность органа внешнего финансового контроля усовершенствует деятельность как самого органа внешнего финансового контроля, так повысит эффективность функционирования органов государственного власти в целом. Постепенно решатся задачи по исключению нецелевого и неэффективного расходования бюджетных средств, повысится доходность бюджета.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации» от 05.04.2013 № 41-ФЗ.
2. Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ.
3. Концепция риск-ориентированного подхода в Счётной палате Российской Федерации (утверждена Коллегией Счетной палаты Российской Федерации (протокол от «22» июня 2021 г. № 44К).
4. Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://audit.gov.ru/> (дата обращения: 14.01.2022).
5. Официальный сайт Milknews. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://milknews.ru/longridy/prostyimi-slovami/risk-orientirovanny-podhod.html> (дата обращения: 13.01.2022).

² Содержание понятия «аудиторский риск» при проведении финансового аудита (контроля) представлено в пункте 2.2.3 стандарта внешнего государственного аудита (контроля) СГА 103 «Финансовый аудит (контроль)» и разделе 2 Методических указаний по оценке существенности и рисков в ходе контрольных мероприятий, осуществляемых в виде финансового аудита.

³ Концепция является основой для развития риск-ориентированного подхода во внутренних нормативных и методических документах Счётной палаты, регламентирующих планирование и осуществление контрольной и экспертно-аналитической деятельности Счётной палаты.

ГАЛЯУТДИНОВ Рустем Флюорович

старший преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, подполковник полиции

ЧЕМБАРISOV Тимур Ильгизович

преподаватель цикла профессиональной служебной и физической подготовки Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России, майор полиции

СОВРЕМЕННЫЕ СХЕМЫ МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье приведены основные виды мошеннических схем, применяемых в области современных информационных технологий. Автор обращает внимание на статистические данные, характеризующие масштаб и степень общественной угрозы рассматриваемых преступлений, а также на способы защиты от указанных посягательств. Большое внимание уделено необходимости применения превентивных мер для борьбы с преступлениями в сетевом пространстве.

Ключевые слова: цифровые технологии, мошенничество, фишинг.

GALYAUDINOV Rustem Flyurovich

senior lecturer of Special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

CHEMBARISOV Timur Ilgizovich

lecturer of the cycle of professional service and physical training of the Ufa school for training of specialists-cynologists of the MIA of Russia, major of police

MODERN FRAUD SCHEMES USING INFORMATION TECHNOLOGIES

The article presents the main types of fraudulent schemes used in the field of modern information technology. The author draws attention to the statistical data characterizing the scale and degree of the social threat of the crimes in question, as well as to the methods of protection against these encroachments. Much attention is paid to the need to apply preventive measures to combat crimes in the network space.

Keywords: digital technologies, fraud, phishing.

Динамичное внедрение цифровых технологий в различные сферы общественной жизни, переход на дистанционный режим работы в связи с эпидемией короновирусной инфекции способствовал росту новых методов совершения преступлений с использованием информационных технологий, создал дополнительные криминальные угрозы для экономической отрасли нашей страны. По данным МВД России, количество преступлений в названной категории по сравнению с прошлым годом увеличилось на 73,4 %, в том числе с использованием Интернета – на 91,3 %, при помощи средств мобильной связи – на 88,3 %¹. При этом следует обратить внимание, что речь идет только о зарегистрированных преступлениях, в то время как их реальное число несомненно превышает официальные цифры.

Мошенничество — это хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём обмана или злоупотребления доверием. Относится к наиболее часто совершаемым в России преступлениям, за время вынужденной самоизоляции количество совершаемых мошеннических действий возросло на 36 %.

Указанная противозаконная деятельность преследуется законом независимо от места совершения - в реальной или виртуальной среде. Злоумышленники постоянно разрабатывают все новые и новые способы хищения чужого имущества. Рассмотрим наиболее распространенные из них.

1. Мошенничество, связанное с розыгрышами лотерей и выдачей призов. Суть схемы мошенничества состоит в том, что потенциальной жертве направляется электронное пись-

мо, либо поступает телефонный звонок, в котором сообщается о выигрыше крупной суммы денег или дорогостоящего приза. Условием для получения выигрыша является перевод определенной суммы денежных средств на указанные злоумышленниками электронные счета под предлогом необходимости уплаты налоговых или таможенных платежей и т.д. После получения денег мошенники прекращают контакты с потерпевшим.

Возможна и другая схема мошенничества, когда пользователи сети получают предложение участвовать в бесплатной многообещающей лотерее, в которой можно выиграть ценные призы. В действительности, впоследствии за приз необходимо внести денежный взнос, либо заключить платную подписку.

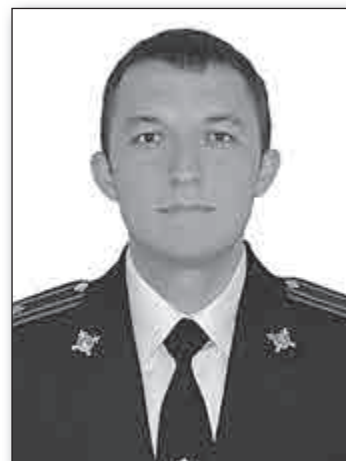
2. Мошенничество на электронных досках объявлений и в интернет-магазинах. Существуют различные вариации мошеннических схем: от простого обмана с непоставкой товара или неоплатой покупки до фишинга и других приемов социальной инженерии. Преступники могут выдавать себя за продавцов или покупателей на известных онлайн-площадках. Также мошенниками создаются поддельные сайты под известные веб-ресурсы. Для привлечения своих жертв мошенники предлагают заниженные цены, большие скидки, выгодные условия поставок и требуют, как правило, перечисления предоплаты.

Распознать мошенническую схему помогут следующие индикаторы: нерезально низкие цены на товары, отсутствие контактных данных продавцов, отсутствие реальных отзывов покупателей вне указанного сайта, возможность оплаты и доставки только наложенным платежом.

3. Мошенничество с цифровыми играми. Особой внимательности требует использование приложений цифровых игр. Как правило, в базовой версии они бесплатны. Но при

Галяутдинов Р. Ф.

Чембарисов Т. И.

1 Число интернет-преступлений в России выросло на 91 %. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4654110> (дата обращения: 30.09.2022).

дополнительных покупках, которые предлагаются при использовании игрового приложения, могут произойти незамеченные денежные списания.

4. Мошенничество на онлайн-сайтах знакомств. Злоумышленники подбирают жертву, ведут с ним электронную переписку с аккаунта, оформленного на одинокую девушку. Затем под различными предлогами выманивают деньги. Переписка ведется в основном студентами лингвистических ВУЗов. После получения денежных средств переписка прекращается.

5. Фишинг. Происходит от английского слова «fishing», что буквально переводится как «рыбалка» с приманкой. Суть схемы в том, что мошенники в сетевом пространстве вылавливают обманным путем конфиденциальные данные, такие как номера кредитных карт, код безопасности (CVV2 или CVC2), PIN-коды или пароли.

Используемых схем для получения мошенниками нужных сведений очень много.

Интернет-мошенники могут выступать под видом серьезных компаний. Их адрес электронной почты или веб-сайт выглядит как электронная почта или веб-сайт известных банков или интернет-магазинов. Фишинговое сообщение предлагает потенциальной жертве посетить веб-сайт (сделав щелчок на ссылку в письме) и ввести свой пароль или личную информацию.

Фишинговые сообщения можно распознать следующим образом:

- запрашивается конфиденциальная информация, такая, как пароли, PIN-коды, TAN-коды,
- используются разные шрифты и размеры шрифтов в тексте электронного сообщения,
- имеет другую окраску фон сообщения,
- имеются грамматические и орфографические ошибки в сообщении электронной почты, а также на веб-сайте,
- у отправителя «странный» адрес, либо сообщение отправлено в копию многим другим получателям,
- в письме обращаются к пользователю не по имени,
- в электронном письме содержится информация, что запрашиваемые данные должны быть введены в течение короткого времени.

Нередко мошенники представляются сотрудниками банков или налоговых органов. Под видом сбоя в базе данных, начисления бонусов или подключения к социальной программе, злоумышленники требуют сообщить им реквизиты карты, код безопасности и одноразовый пароль. Получив доступ к необходимой информации, мошенники снимают деньги со счета потерпевшего. Другая типичная схема, это когда мошенники в фишинговом сообщении указывают на наличие ошибок в представленных налоговых декларациях или на наличие просроченного налога, который нужно немедленно оплатить во избежание штрафных санкций.

6. «Нигерийские письма». Схема мошенничества, следующая: злоумышленники отправляют электронные письма, в которых содержатся истории, суть которых сводится к одному — необходимость оказания помощи для осуществления прибыльной сделки. Бонусом за такую помощь получателю письма служит определенный процент от суммы сделки. Впоследствии у потерпевших выманивают средства под предлогом на налоговые сборы, пошлины или оформление бумаг.

7. Мошенничество, связанное с действиями брокерских контор. В середине 2021 года ЦБ России привел статистику, согласно которой в 2020 году было выявлено 1549 субъектов с признаками незаконной деятельности². При этом четверть из них составили нелегальные форекс-брокеры. В прошлом году тренд получил развитие, так за I квартал 2021 года ЦБ России выявил еще 124 компании, имеющие признаки нелегальных форекс-дилеров³.

Очень часто мошенники, специализирующиеся на инвестициях, пытаются одновременно сыграть и на росте популярности брокерской деятельности, и на шумихе вокруг криптовалют. Нет никаких реальных гарантий того, что деньги действительно будут переведены в обмен на крип-

товалюту и зачислены на электронный кошелек клиента. В большинстве своей массе они сразу же переводятся на счета третьих подставных лиц, а обманутого клиент получает доступ к некоей интернет-странице, на которой лишь симулируется активная торговая деятельность.

8. Мошенничество с помощью социальных сетей. Злоумышленники взламывают персональную страницу пользователя в социальных сетях или мессенджере, отправляют сообщения с просьбой оказать помощь и срочно перевести денег, играя на чувстве жалости и страхе последнего.

Рассмотренные способы мошенничества в сетевом пространстве интернета не являются исчерпывающими, существует множество вариаций приведенных схем, мошенниками регулярно изыскиваются новые механизмы хищения денежных средств. В зависимости от способа, размера причиненного ущерба и характеристики субъекта преступной деятельности действия мошенников могут квалифицироваться по статьям 159 «Мошенничество», либо 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации» Уголовного кодекса РФ.

В случае совершения преступления эффективность его расследования напрямую зависит от своевременности обращения пострадавшего в компетентные правоохранительные органы. В первую очередь необходимо зафиксировать все точки соприкосновения и взаимодействия с преступниками. Это могут быть электронный адрес сайта или почты, контактный номер телефона, физический адрес местонахождения офиса злоумышленников и т.д. В случаях, когда мошенничество связано с хищением денежных средств или кражей конфиденциальной банковской информации, самым первым шагом должен стать звонок обслуживающему банку и блокировка карт.

Особое внимание необходимо обратить на то, что сбор и проверка доказательственной базы является прямой обязанностью правоохранительных органов.

Некоторые эксперты рекомендуют после заявления в правоохранительные органы провести самостоятельную работу по организации противодействия преступникам, например, обратиться в компетентные органы соответствующей доменной зоны. Их список представлен на официальном сайте Координационного центра доменов .RU/.РФ.

В целом же, чтобы не стать потерпевшей стороной противоправных действий, совершенных с помощью цифровых технологий, следует не только быть осведомленным в алгоритме действий при взаимодействии с правоохранительными органами, но и применять определенные превентивные меры. Невзирая на существование широкого спектра возможностей для противодействия указанным преступлениям, большинство аналитиков склоняются к выводу, что именно превентивные меры являются наиболее результативным способом борьбы с преступлениями в сети интернет.

Особое внимание следует сосредоточить на правилах использования персональных данных в цифровом пространстве. Необходимо крайне продуманно подходить к вопросу о том, какие персональные данные раскрывать и распространять в информационно-телекоммуникационных сетях. Главная ошибка потерпевших полагать, что неправомерное использование персональных данных напрямую связано только с хакерскими атаками. Согласно последним статистическим данным, 90 % утечек данных происходит по вине самого субъекта персональных данных.

Пристатейный библиографический список

1. Число интернет-преступлений в России выросло на 91 %. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4654110> - 30.09.2022.
2. Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.cbr.ru/analytics/currency_control/2020 - 30.09.2022.
3. Число финансовых пирамид в России выросло вдвое. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://secretmag.ru/news/chislo-finansovykh-piramid-v-rossii-vyroslo-vdvoe.htm> - 30.09.2022.

2 Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.cbr.ru/analytics/currency_control/2020 - 30.09.2022.

3 Число финансовых пирамид в России выросло вдвое. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://secretmag.ru/news/chislo-finansovykh-piramid-v-rossii-vyroslo-vdvoe.htm> - 30.09.2022.

ЗАЙЦЕВ Алексей Геннадьевич

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга и предпринимательства Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

МАСЕГОВ Петр Николаевич

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры инноватики и прикладной экономики Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ПОЛТОРЫХИНА Светлана Валерьевна

кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой «Финансы и кредит» Набережночелнинского филиала Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ СИСТЕМЫ РЕГИОНА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕЛИНЕЙНОЙ ДИНАМИКИ

В статье приводится теоретический анализ развития институциональной теории. В статье осуществлена систематизация взглядов представителей институционализма на роль государственного регулирования. Институциональный подход рассматривается с точки зрения его методологии по отношению к реализуемым отношениям собственности. В качестве основы теоретической модели взаимоформирования институтов и технологических систем предлагается схема возникновения нелинейных процессов (взаимоформирования) институциональных и производственных систем в процессе смены технологических укладов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, институциональная система, производственная система, нелинейная динамика, отношения собственности, институциональная среда, институциональный подход.

ZAYTSEV Aleksey Gennadjevich

Ph.D. in economical sciences, associate professor, professor of Marketing and entrepreneurship sub-faculty of the I. S. Turgenev Oryol State University

MASHEGOV Petr Nikolaevich

Ph.D. in economical sciences, professor, professor of Innovation and applied economics sub-faculty of the I. S. Turgenev Oryol State University

POLTORYKHINA Svetlana Valerjevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, Head of Finance and credit sub-faculty of the Naberezhnye Chelny branch of the V. G. Timiryasov Kazan Innovative University (IEP)

INSTITUTIONAL AND PRODUCTION SYSTEMS OF THE REGION: A THEORETICAL MODEL OF THE EMERGENCE OF NONLINEAR DYNAMICS

The article provides a theoretical analysis of the development of institutional theory. The article systematizes the views of representatives of institutionalism on the role of state regulation. The institutional approach is considered from the point of view of its methodology in relation to the implemented property relations. As the basis of the theoretical model of the mutual formation of institutions and technological systems, the scheme of the emergence of nonlinear processes (mutual formation) of institutional and production systems in the process of changing technological patterns is proposed.

Keywords: sustainable development, institutional system, production system, non-linear dynamics, property relations, institutional environment, institutional approach.

Неотъемлемым условием устойчивого развития современной экономики выступает процесс формирования экономических институтов, отличающихся своим качеством. Институционалисты оперируют междисциплинарным подходом и, анализируя экономику, учитывают множество внеэкономических факторов. Представители же неоинституционализма принимают за основу холистический подход, согласно которому действия и установки отдельных индивидов определяют социальные целостности, но не являются равноценными, в то время как законы, управляющие этими целостностями, не сопоставимы с закономерностями человеческого поведения. Необходимо отметить, что институты, обладающие специфическими особенностями, в части своего существования характеризуются особенностями предпринимательств. В данном случае идентификация (выявление) институтов с точки зрения нестандартных подходов к толкованию институтов имеет недостатки, одним из которых является возможность трактования произвольного экономического явления как института. Иными словами, возникает проблема идентификации институтов [5, с. 106]. По мнению У. Нила, существует возможность наблюдать составные элементы институтов посредством применения дедуктивного метода при

определении института. Для этого необходимо пронаблюдать коррелированное поведение и на этой основе сформулировать гипотезу о возможности существования правила, регулирующего подобное поведение. Далее следует проверить сформулированную гипотезу, опросив акторов о причинах наблюдаемого поведения. При выявлении сходств в их ответах можно утверждать о том, что регулирование поведения осуществляется благодаря функционированию определенного института [6]. Можно также выделить концепцию идентификации релевантных институтов, разработанную А. Грейфом, и идею В. М. Ефимова, согласно которой выявление институтов осуществляется посредством дискурсивного анализа. Первый подход предполагает, что идентификация институтов возможна при совместном и последовательном использовании методов индуктивного и дедуктивного анализа. При индуктивном методе исследования выявляются наблюдаемые свойства институтов, а затем на этой основе осуществляется их идентификация и классификация. Иными словами, констатируются те или иные наблюдаемые свойства институтов. Кроме наблюдаемых свойств, институты могут иметь и ненаблюдаемые характеристики. На основе выявленных наблюдаемых или ненаблюдаемых свойств мож-

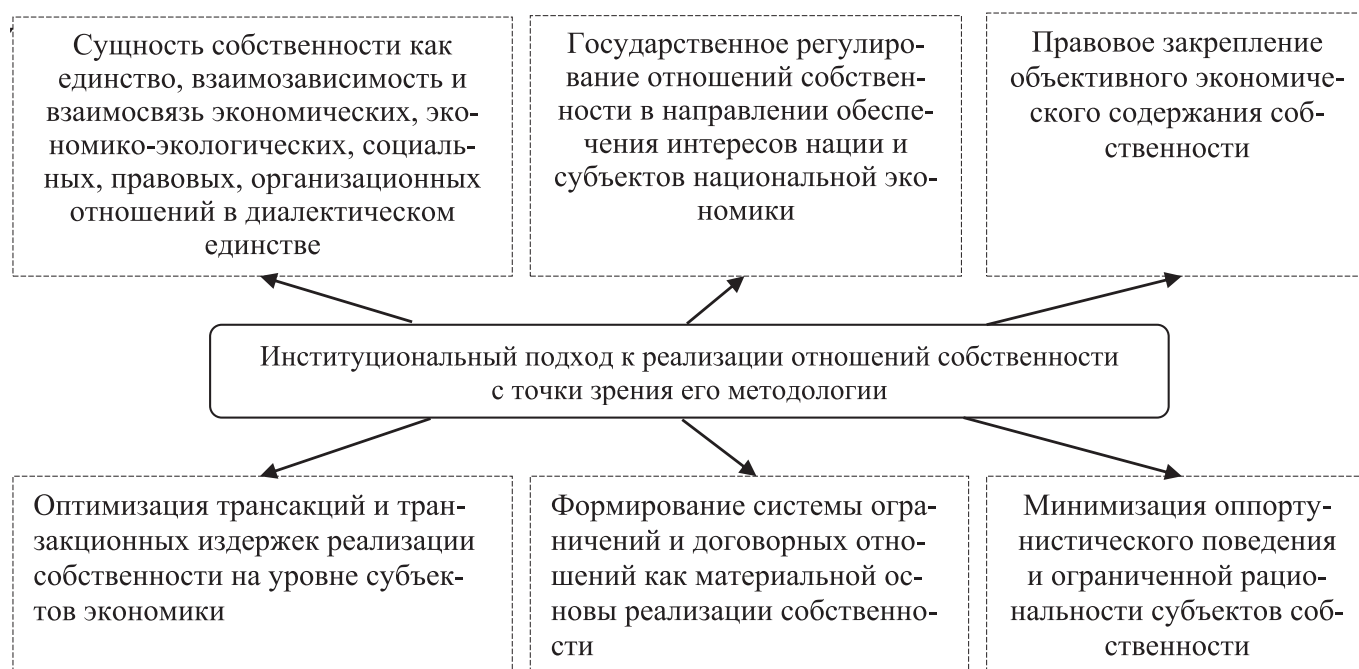

Рисунок 1. Институциональный подход к реализации отношений собственности с точки зрения его методологии [4]

но сделать предположение о существовании какого-либо института, иными словами, определить гипотезу. Далее следует осуществить ее формализацию с помощью контекстуальных моделей, а также ее оценку. В конечном итоге станет возможным принятие решения о достоверности гипотезы и необходимости ее изменения [1].

Следует также рассмотреть институциональный подход к реализации отношений собственности с точки зрения его методологии (рис. 1), применение которой позволяет определять структурные, правовые, экономические, эколого-экономические, социальные, организационные ее составляющие, используемые на практике. В данном случае институциональный подход играет роль механизма, позволяющего комплексно производить оценку трансформационных последствий развития отношений собственности, а также определять наиболее перспективные направления их совершенствования.

В условиях современной экономики институциональный подход проявляется и при организации межмуниципального сотрудничества, реализация которого осуществляется в такой институциональной среде, которая иерархически выстроена различными институтами и институциональными связями. Такая институциональная среда включает в себя институты-нормы, институты-контракты и институты-организации, функции которых реализуются в условиях муниципального, регионального или федерального уровней [3, с. 59].

Исходя из вышеизложенного и учитывая классическую схему регулирования национальной экономики открытого типа, можно охарактеризовать процесс регулирования современной экономики на основе институционального подхода. В основе данного механизма лежит координация институционального подхода и процесса исследования регулирующей функции современного государства. При этом в целях характеристики достаточно сложных экономических явлений и выявления причин их возникновения необходимо формирование новых взглядов на рыночные и государственные «провалы». Причем достаточно важным аспектом является учет взаимозависимости, возникающей между экономиками разных государств, а также учет наличия значительных международных последствий от принимаемых национальными регуляторами решений для экономики других государств. Данный аспект проявился в условиях мирового финансового кризиса. Кроме того, он имеет место быть и в условиях современной экономики в виде комплекса санкций, которые позволяют оказывать институциональное давление или нетрадиционно регулировать национальные экономики.

Количественная оценка степени взаимомодернизации институциональных и производственных систем затруднительна. Несмотря на то, что имеется математический

аппарат выявления причинности (первоочередности) во временных рядах в виде коэффициента Грейнджера, затруднительно построить соответствующие ряды вследствие того, что статистические показатели носят интервальный характер, а институциональные точечный, кроме того, лаги институциональных изменений могут иметь как плюс, так и минус относительно момента утверждения законодательного акта. Это обусловлено тем, что инфорсмент может обеспечивать реализацию законодательной нормы до ее отмены («неработающий закон») или, наоборот, нефункционирование ее после введения, так как акторы еще не готовы к ее использованию.

Таким образом, структурный анализ рассматриваемого явления позволил учесть все его положительные и отрицательные моменты, что и послужило толчком к тому, что был предложен и апробирован методологический подход исследования влияния институтов на технологическое развитие экономических систем. Его особенность заключается в том, что рассматривается не только собственно институт, представляющий собой некий формальный юридический конструкт, но и правоприменение данного института в виде наиболее распространенных деловых практик, которые реализуют акторы в процессе ведения хозяйственной деятельности вне зависимости от того, кто выступает инициатором данной практики: государство в виде инициатора субинститутов инфорсмента или хозяйствующие субъекты, реализующие институт на основе принятых обычаев деловой деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. - 536 с.
2. Кучиц И. О. Значимость институционального подхода в процессе регулирования национальной экономики // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. - 2015. - № 5. - С. 101.
3. Миронова О. В. Об институциональных методах и подходах в российской практике межмуниципального сотрудничества // Вестник АГТУ. - 2015. - № 2. - С. 59.
4. Рогач С. М. Методология институционального направления реализации отношений собственности на природные ресурсы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2015. - № 6-1. - С. 221-222.
5. Ширяев И. М. Подходы к идентификации институтов в институциональной экономике // JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES. - Т. 9. - № 1. - С. 106.
6. Neale W.C. Institutions // Journal of Economic Issues. - 1987. - Vol. 21. - № 3. - P. 1177-1206.

КОТ Екатерина Михайловна

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой бухгалтерского учета и аудита Уральского государственного аграрного университета

РУЧКИН Алексей Владимирович

кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической теории Уральского государственного аграрного университета

РУЩИЦКАЯ Ольга Александровна

доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента и экономической теории Уральского государственного аграрного университета

УЧЕБНО-ОПЫТНЫЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ АГРАРНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: АНАЛИЗ РИСКОВ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКЕ

В статье авторы анализируют основные риски присоединения учебно-опытных производственных хозяйств к аграрным образовательным учреждениям, выделяя последствия, связанные с потерей статуса сельскохозяйственного производителя. На основе статистики и действующего законодательства выделяются ключевые негативные факторы для последующей деятельности аграрных образовательных учреждений (на примере АО «Учебно-опытное хозяйство «Уралец»). Авторами разработаны основные рекомендации по внесению изменений в действующее законодательство для полноценной хозяйственной деятельности рассматриваемых подразделений, утративших статус юридического лица вследствие ликвидации и передачи имущественных комплексов образовательным организациям.

Ключевые слова: статус сельскохозяйственного производителя, присоединение, ликвидация, хозяйства, аграрные образовательные учреждения.

KOT Ekaterina Mikhailovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, Head of Accounting and audit sub-faculty of the Ural State Agrarian University

RUCHKIN Aleksey Vladimirovich

Ph.D. in sociological sciences, associate professor, associate professor of Management and economic theory sub-faculty of the Ural State Agrarian University

RUSCHITSKAYA Olga Aleksandrovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, Head of Management and economic theory sub-faculty of the Ural State Agrarian University

TRAINING AND EXPERIMENTAL PRODUCTION UNITS OF AGRARIAN EDUCATIONAL INSTITUTIONS: ANALYSIS OF RISKS AND PROPOSALS FOR STATE SUPPORT

In the article the authors analyze the main risks when training and experimental production units join agrarian educational institutions, emphasizing the consequences connected with the loss of agricultural producer status. On the basis of the statistics and the current legislation, the key negative factors for future activities of agricultural educational institutions (on the example of JSC "Educational and Experimental Farm "Uralets") are revealed. The authors have worked out the main recommendations to make changes in the current legislation for full-fledged economic activity of the divisions under consideration that have lost the status of a legal entity due to liquidation and transfer of property complexes to educational organizations.

Keywords: status of agricultural producer, incorporation, liquidation, farms, agrarian educational institutions.

Введение в проблему

Аграрные образовательные учреждения, исходя из требований федеральных государственных образовательных стандартов и профессиональных стандартов, реализуют обучение студентов сельскохозяйственных специальностей через производственно-академические стратегии и мероприятия [4]. В результате прикладные (практические) мероприятия в процессе преподавания-обучения в области агропромышленной сферы имеют значение для реализации и професси-

онализации обучающихся с целью улучшения и/или понимания технологий, методов и циклов сельскохозяйственного производства. Таким образом, важность использования дидактических стратегий, позволяющих студентам осмысленно воспринимать знания, приведет к тому, что студенты, изучающие сельскохозяйственную инженерию, агрономию или механику, добьются больших результатов в процессе обучения [1]. Реализация образовательных проектов посредством сельскохозяйственной практики на базе учебно-опытных

Кот Е. М.

Ручкин А. В.

Рущицкая О. А.

производственных подразделений аграрных образовательных учреждений может восприниматься как альтернатива стратегиям преподавания-обучения, которые могут быть использованы для достижения значимых учебных процедур в классе. По этой причине те методы, которые приходят из агрономической школы и позволяют перенести эту область в реальный контекст, могут рассматриваться как биолого-сельскохозяйственная модель [3].

С другой стороны, экономический анализ образования и системы образования в совокупности с производственным процессом. По существу, было проведено мало исследований о том, как позиционировать эту функцию в сельском хозяйстве, где образование сочетается не только с практикой, но и реальным сектором экономики [2]. Сегодня данный вопрос является особо актуальным, поскольку ведется присоединение учебно-опытных производственных хозяйств к аграрным университетам, а правового механизма регулирования именно экономической (хозяйственной) деятельности не предусмотрено.

Результаты исследования

В соответствии с поручением Правительства Российской Федерации от 13.11.2020 г. № ДГ-П13-14590¹, во исполнение поручения Росимущества от 22.04.2021 года № 09-АП/12880² Распоряжением ТУ Росимущества в Свердловской области от 28.04.2021 года № 66-340-р «О решениях внеочередного собрания акционеров акционерного общества «Учебно-опытное хозяйство «Уралец»³ было принято решение о ликвидации Общества.

Цель добровольной ликвидации АО «Учебно-опытное хозяйство «Уралец», как и иных учебно-опытных хозяйств, осуществляющих деятельность в форме акционерных обществ (далее – учхозы) – передача их имущественных комплексов в образовательные организации высшего образования, подведомственные Минсельхозу России (далее – образовательные организации).

Таким образом, имущественный комплекс АО «Учебно-опытное хозяйство «Уралец», после добровольной ликвидации будет передан Уральскому государственному аграрному университету (далее Уральский ГАУ).

В связи с этим проблема отсутствия с 2017 года правового механизма государственной поддержки учебно-опытных производственных подразделений аграрных образовательных учреждений становится особо злободневной.

Отметим, что Федеральным законом от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»⁴ гарантированы принципы доступности и адресности мер государственной поддержки научных организаций, профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования, которые в процессе научной, научно-технической и (или) образовательной деятельности осуществляют производство сельскохозяйственной продукции, ее первичную и последующую (промышленную) переработку.

Согласно статье 6 данного закона для реализации государственной аграрной политики могут применяться следующие меры (в части, интересующие нас):

1) предоставление бюджетных средств сельскохозяйственным товаропроизводителям, научным организациям, профессиональным образовательным организациям, образовательным организациям высшего образования, которые в процессе научной, научно-технической и (или) образовательной деятельности осуществляют производство сельскохозяйственной продукции, ее первичную и последующую (промышленную) переработку в соответствии с перечнем, указанным в части 1 статьи 3 настоящего Федерального закона, в соответствии с законодательством Российской Федерации;

2) применение особых налоговых режимов в отношении сельскохозяйственных товаропроизводителей (научные и образовательные учреждения не включены в данную меру).

Перечисленные меры государственной поддержки остаются недоступными для профильных образовательных организаций высшего образования, имеющих в своей структуре учебно-опытные производственные подразделения сельскохозяйственной направленности.

Как мы уже сказали – данная проблема стала еще более актуальной в свете решения Правительства Российской Федерации о передаче имущественных комплексов Учхозов в аграрные университеты.

Действующие Учхозы, как хозяйствующие субъекты используют:

- статус сельскохозяйственного товаропроизводителя, предусмотренный статьей 3 Федерального закона от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»;

- меры государственной поддержки, действующие на территории субъекта РФ (субсидии на поддержку сельскохозяйственного производства по отдельным подотраслям растениеводства и животноводства, в том числе на возмещение части затрат на поддержку собственного производства молока, поддержку племенного животноводства, несвязанную поддержку растениеводства, элитное семеноводство и другие, в том числе на техническое перевооружение);

- систему налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей, предусмотренную главой 26.1. Налогового кодекса Российской Федерации⁵ (единный сельскохозяйственный налог),

- льготы по отдельным видам налогов

- субсидии на мероприятия в обеспечении кадрами.

В настоящее время Учхозы, находясь в процессе ликвидации, уже потеряли право получать субсидии, несмотря на то что целью ликвидации является присоединение к аграрным университетам, а не ликвидация предприятия. Это приводит к образованию дополнительной кредиторской задолженности, поскольку данные льготы позволяли получать существенную поддержку на развитие хозяйств (таблица 1).

Согласно Правилам предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ (постановление Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 № 717)⁶ установлено, что средства выделяются

1 Поручение Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2020 г. № ДГ-П13-14590. Документ опубликован не был.

2 Поручение Росимущества от 22 апреля 2021 года № 09-АП/12880. Документ опубликован не был.

3 О решениях внеочередного собрания акционеров акционерного общества «Учебно-опытное хозяйство «Уралец»: распоряжение ТУ Росимущества в Свердловской области от 28.04.2021 года № 66-340-р. Документ опубликован не был.

4 О развитии сельского хозяйства: Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ (с изм. от 02.07.2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 1 (часть I). – Ст. 27.

5 Налоговый Кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (с изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.

6 О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия: Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 (с изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 32. – Ст. 4549.

Таблица 1. Расчетные показатели субсидирования и налоговых льгот по АО «Учебно-опытно хозяйство «Уралец»»

Наименование меры государственной поддержки	Расчетная сумма за 2021 год (тыс. руб.)
Субсидия на молоко	12 503
Субсидия на поддержку племенного скотоводства	2 280
Субсидия на несвязанную поддержку растениеводства	1 760
Субсидия на семена элиты	197
Льготы по земельному налогу	350
Всего	17 090

на поддержку сельскохозяйственного производства по отдельным подотраслям растениеводства и животноводства и на стимулирование развития приоритетных подотраслей агропромышленного комплекса, в том числе научным и образовательным организациям – в виде грантов в форме субсидий.

На уровне субъекта РФ можно увидеть, что государственные программы включают в себя целевые показатели по хозяйствам всех категорий, в том числе и учитываются показатели структурных подразделений аграрных образовательных учреждений (пример, Государственная программа Свердловской области «Развитие агропромышленного комплекса и потребительского рынка Свердловской области до 2025 года (постановление Правительства Свердловской области от 23.10.2013 № 1285-ПП). Даже, находясь в стадии ликвидации и не получая государственную поддержку, учхозы участвуют в отчете по целевым показателям согласно государственным программам субъектов РФ.

В то же время Порядок предоставления субсидий на поддержку сельскохозяйственного производства по отдельным подотраслям растениеводства и животноводства и стимулирование развития приоритетных подотраслей агропромышленного комплекса и развитие малых форм хозяйствования и Постановление Правительства Свердловской области от 15 февраля 2017 года № 76-ПП прямо исключают государственные учреждения, к которым относятся образовательные организации высшего образования, из категории лиц, имеющих право на получение субсидий из федерального и областного бюджетов.

Решением Думы Белоярского городского округа от 29.11.2006 № 96⁷ установлена льгота для сельскохозяйственных предприятий по земельному налогу в виде уменьшения на 50 процентов (аграрные образовательные учреждения не могут воспользоваться данной льготой).

Согласно Правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета субъектам Российской Федерации на реализацию мероприятий, направленных на оказание содействия сельскохозяйственным товаропроизводителям в обеспечении квалифицированными специалистами, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 31.05.2019 № 696⁸, предусматривается:

7 Об установлении на территории Белоярского городского округа земельного налога: Решение Думы Белоярского городского округа от 29 ноября 2006 г. № 96 (ред. от 27.03.2019 г.) // Новое знамя. – 2006. – № 51.

8 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696 (с изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2019. – № 23. – Ст. 2953.

– возмещение индивидуальным предпринимателям и организациям независимо от их организационно-правовой формы, являющимся сельскохозяйственными товаропроизводителями, начиная с 2021 года – 90 процентов фактически понесенных в году предоставления субсидии затрат по заключенным с работниками ученическим договорам и по заключенным договорам о целевом обучении

– возмещение индивидуальным предпринимателям и организациям независимо от их организационно-правовой формы, являющимся сельскохозяйственными товаропроизводителями, начиная с 2021 года – 90 процентов фактически понесенных в году предоставления субсидии затрат, связанных с оплатой труда и проживанием студентов.

Аграрные образовательные учреждения не могут воспользоваться данной поддержкой, хотя вопрос обеспечения квалифицированными специалистами учебно-производственных подразделений также для нас актуален.

Выводы и обсуждение

Данные вопросы могут быть урегулированы 2 вариантами:

1 вариант: Выделение субсидий за счет средств федерального бюджета и бюджета субъектов РФ (наиболее приемлемый);

2 вариант: Выделение субсидии на иные цели из средств федерального бюджета.

Согласно 1 варианта представляется целесообразным инициировать внесение в соответствующие нормативные правовые акты Российской Федерации и нормативные правовые акты субъектов РФ изменений в части механизма реализации указанных мер.

Направить в Министерство сельского хозяйства Российской Федерации для рассмотрения следующие предложения:

1. Внести изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 № 717 «О государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» и изложить подпункт «д» пункта 5 Правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку сельскохозяйственного производства по отдельным подотраслям растениеводства животноводства (приложение № 7 к Государственной программе) в новой редакции: «д) научным и образовательным организациям – в виде грантов в форме субсидий на поддержку производства и (или) реализацию сельскохозяйственной продукции собственного производства по направлениям, указанным в подпункте «б», подпункте «в» (для научных и образовательных организаций, включенных в перечень, указанный в подпункте

кте «в» настоящего подпункта) и подпункте «г» настоящего пункта.».

2. Внести изменения в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, утвержденную постановлением Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 № 717, в части увеличения лимитов бюджетных средств, доводимых до Минсельхоза России, на предоставление субсидии на цели, указанные в пункте 3 и подпункте «д» пункта 5 Правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку сельскохозяйственного производства по отдельным подотраслям растениеводства и животноводства.

3. Внести изменения в пункт 2 статьи 6 Федерального закона от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства», изложив его в новой редакции:

«2) применение особых налоговых режимов в отношении сельскохозяйственных товаропроизводителей, научных организаций, профессиональных образовательных организаций, образовательных организаций высшего образования, которые в процессе научной, научно-технической и (или) образовательной деятельности осуществляют производство сельскохозяйственной продукции, ее первичную и последующую (промышленную) переработку в соответствии с перечнем, указанным в части 1 статьи 3 настоящего Федерального закона, в соответствии с законодательством Российской Федерации;»

или:

«2) применение особых налоговых режимов в отношении организаций, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи;».

Направить в субъекты Российской Федерации для рассмотрения следующие предложения:

1) Внесения изменений в Государственную программу субъекта РФ, в части софинансирования расходных обязательств субъекта РФ, связанных с реализацией мер государственной поддержки Аграрных Университетов.

2) Внесения изменений в Порядок предоставления субсидий на поддержку сельскохозяйственного производства в части отнесения аграрных образовательных учреждений к категории лиц, имеющих право на получение субсидий.

3) Заключение между Минсельхозом России и субъектом РФ соглашения о предоставлении субсидии в целях софинансирования расходных обязательств, связанных с реализацией мер государственной поддержки Аграрных Университетов.

4) Проработки аналогичных мер государственной поддержки в части предоставления Аграрным Университетам целевых субсидий на техническое перевооружение.

Согласно 2 варианта – Выделение субсидии на иные цели из средств федерального бюджета необходимо предусмотреть дополнительное финансирование из средств федерального бюджета, внести соответствующие изменения в Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 28.12.2020 № 797 «Об утверждении Порядка определения объема и условий предоставления из федерального бюджета субсидий на иные цели федеральным государственным бюджетным учреждениям, в отношении которых Министерство сельского хозяйства Российской Федерации осуществляет функции и полномочия учредителя, и признании утратившими силу некоторых нормативных правовых актов Министерства сельского хозяйства

Российской Федерации»⁹. Предусмотреть методику расчета субсидии на иные цели аналогично порядку предоставления субсидий в субъектах РФ.

Без мер государственной поддержки собственные учебно-производственные подразделения могут стать убыточным и неконкурентоспособным по отношению к сельскохозяйственным товаропроизводителям, имеющим такую поддержку. Это экономический аспект данного процесса.

С образовательной точки зрения, присоединение учебно-опытных производственных хозяйств позволит студентам полноценно связать теорию с практикой. Для этого образовательный опыт в условиях реальной хозяйственной деятельности, направленной на получение экономической выгоды, даст возможность студентам соотнести и использовать полученные навыки позже в профессиональной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Angel Lara M. A., Coria Gil N.A.B., De Dios León G.E. Educational Project as a Biological-Agricultural Model for the Teaching of Agronomy at the Universidad Veracruzana in Orizaba-Córdoba Región // Journal of Higher Education Theory and Practice. – 2021. – Vol. 21(15). – Pp. 193-196.
2. Arai K. The Economics of Education. – Tokyo: Springer-Verlag, 1998.
3. Ohe Y. Emerging environmental and educational service of dairy farming in Japan: dilemma or opportunity? // WIT Transactions on Ecology and the Environment. – 2007. – Vol. 106. – Pp. 425-436.
4. Ohe Y. Evaluating jointness of multifunctional agriculture: the educational function of dairy farming in Japan // WIT Transactions on Ecology and the Environment. – 2006. – Vol. 98. – Pp. 337-346.

⁹ Об утверждении Порядка определения объема и условий предоставления из федерального бюджета субсидий на иные цели федеральным государственным бюджетным учреждениям, в отношении которых Министерство сельского хозяйства Российской Федерации осуществляет функции и полномочия учредителя, и признании утратившими силу некоторых нормативных правовых актов Министерства сельского хозяйства Российской Федерации: Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 28 декабря 2020 г. № 797 // Российская газета. – 2021. – 13 января.

КУПРИКОВ Никита Михайлович

кандидат технических наук, директор АНО Научно-информационный центр «Полярная инициатива», научный сотрудник Института 9 Национального исследовательского университета «Московский авиационный институт»

ДОРОНИН Денис Олегович

заместитель директора АНО Научно-информационный центр «Полярная инициатива», г. Москва

ЕКИМОВ Андрей Иванович

руководитель аппарата АНО Научно-информационный центр «Полярная инициатива», г. Москва

КУПРИКОВА Елизавета Михайловна

техник АНО Научно-информационный центр «Полярная инициатива», г. Москва

КУПРИКОВ Михаил Юрьевич

доктор технических наук, профессор, научный руководитель АНО Научно-информационный центр «Полярная инициатива», заведующий кафедрой 904 Национального исследовательского университета «Московский авиационный институт»

СФЕРА ТУРИЗМА И СОПУТСТВУЮЩИХ УСЛУГ: АКТУАЛЬНОСТЬ ФОНДА ДОКУМЕНТОВ ПО СТАНДАРТИЗАЦИИ

Рассматривается современное состояние фонда стандартов в сфере туризма и сопутствующих услуг. Проанализированы свыше 50 документов национальной системы стандартизации в сфере туризма и сопутствующих услуг, 50 международных стандартов, разработанных в рамках деятельности технического комитета ISO/TC 228. Даются рекомендации по формированию текущих работ ТК 401, а также перспективной (отраслевой) программы стандартизации в сфере туризма и сопутствующих услуг на среднесрочную перспективу.

Ключевые слова: туризм, документы по стандартизации, стандарты.

KUPRIKOV Nikita Mikhailovich

Ph.D. in technical sciences, Director of the ANO Scientific and Information Center «Polar Initiative», researcher of the Institute 9 of the National Research University «Moscow Aviation Institute»

DORONIN Denis Olegovich

Deputy Director of the ANO Scientific and Information Center «Polar Initiative», Moscow

EKIMOV Andrey Ivanovich

Head of the Staff of the ANO Scientific and Information Center «Polar Initiative», Moscow

KUPRIKOVA Elizaveta Mikhailovna

technician of the ANO Scientific and Information Center «Polar Initiative», Moscow

KUPRIKOV Mikhail Yurjevich

Ph.D. in technical sciences, professor, scientific director of the ANO Scientific Information Center «Polar Initiative», Head of the Department 904 of the National Research University «Moscow Aviation Institute»

TOURISM AND RELATED SERVICES: RELEVANCE OF THE FUND OF STANDARDIZATION DOCUMENTS

The current state of the standards fund in the field of tourism and related services is considered. More than 50 documents of the national system of standardization in the field of tourism and related services, 50 international standards developed in the framework of the activities of the ISO/TC 228 technical committee are analyzed. Recommendations are given on the formation of the current work of TC 401, as well as a promising (sectoral) standardization program in the field of tourism and related services for the medium term.

Keywords: tourism, standardization documents, standards.

Весной 2021 года в системе технических комитетов по стандартизации Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии был создан технический комитет по стандартизации № 401 «Туризм и сопутствующие услуги» (далее – ТК 401) [1]. Создание ТК 401 было обусловлено необходимостью проведения качественной ревизии действующих документов по стандартизации, устанавливающих требования и порядок оказания туристских услуг. Отметим также, что ТК 401 является «зеркальным» техническим комитетом технического комитета Международной организации по стандартизации (ИСО) «Туризм и сопутствующие услуги» (Tourism and related services – ISO/TC 228).

Основные направления деятельности, стоящие перед ТК 401: формирование общих требований и утверждение их в виде нормативов; актуализация фонда стандартов в сфере туризма и сопутствующих услуг в целях повышения их качества; создание безопасных и доступных условий для

экотуризма; формирование сертификационного базиса (доказательной базы) для подтверждения соответствия туристских услуг и продуктов; представительство интересов России в техническом комитете Международной организации по стандартизации «Туризм и сопутствующие услуги» (Tourism and related services – ISO/TC 228); содействие развитию новых видов туризма (сельский, промышленный, этнотуризм и др.); другие задачи – содействующие исполнению Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года [2].

Деятельность ТК 401 имеет необходимую экспертную основу, поскольку в его состав входит более 30 организаций, в том числе: поставщики туристских услуг и продуктов; заинтересованные федеральные органы исполнительной власти; организации – разработчики документов по стандартизации; организации, имеющие органы по сертификации или ведущие системы по сертификации услуг и продукции.

Как уже отмечалось, первоначальной ключевой задачей для формирования программы работ вновь созданного технического комитета является анализ фонда ранее разработанных (действующих и отмененных) документов национальной системы стандартизации.

В фонд стандартов, отнесенных к деятельности ТК 401, входят национальные стандарты, ранее разработанные техническими комитетами по стандартизации: ТК 199 «Туристские услуги и услуги средств размещения»; ТК 342 «Услуги населению», ТК 035 «Услуги в области любительского дайвинга». Указанные технические комитеты в настоящее время либо прекратили свою деятельность, либо сократили разработку документов национальной системы стандартизации по направлению туристских услуг.

Авторы данной статьи проанализировали свыше 50 документов национальной системы стандартизации в сфере туризма и сопутствующих услуг, а также 50 международных стандартов, разработанных в рамках деятельности технического комитета ISO/TC 228. В ходе исследования были выделены следующие факторы документа по стандартизации: статус действия; информация о сроке действия; статус гармонизации документа национальной системы стандартизации в сфере туризма и сопутствующих услуг с аналогичным международным стандартом.

Кроме того, были рассмотрены документы ISO/TC 228, а также часть действующих региональных стандартов CEN/CENELEC. По итогам проведенного анализа были сделаны следующие выводы о состоянии фонда ТК 401: действующих документов национальной системы стандартизации в сфере туризма и сопутствующих услуг – 45; действующих международных стандартов – 36; показатели гармонизации проанализированных действующих национальных стандартов по отношению к международным: 24 % идентичны актуальным версиям международных стандартов; 2 % модифицированы; 2 % неэквивалентны; 15,5 % идентичны устаревшим версиям международных стандартов; 55,5 % не имеют действующего международного аналога. В настоящее время в разработке ISO/TC 228 находится 11 проектов международных стандартов.

В проанализированном фонде действующих национальных стандартов не представлены документы, регламентирующие новые направления туризма (промышленного, сельского, этнотуризма, студенческого). Отменен национальный стандарт, определяющий требования к средствам размещения, слабо представлена тематика экологического туризма (всего 2 документа).

Следующей важной задачей стало определение научно-технического уровня национальных стандартов, отнесенных к фонду ТК 401. В соответствии с п. 23 основополагающего национального стандарта ГОСТ Р 1.12–2020 «Стандартизация в Российской Федерации. Термины и определения» под оценкой научно-технического уровня стандарта понимают «определение полноты требований стандарта или его проекта и степени их соответствия мировому уровню развития науки и техники, в том числе сравнение этих требований с требованиями аналогичного международного стандарта, региональных стандартов и (или) национальных стандартов экономически развитых стран» [3].

В документах национальной системы стандартизации не существует методики оценки научно-технического уровня стандарта. Вместе с тем, исходя из установленного ГОСТ Р 1.12–2020 определения указанного понятия, оно (понятие) подразумевает экспертную оценку соответствия установленным в документе требованиям требованиям, установленным в актуальных международных стандартах, а также соответствие современным реалиям национальной экономики и государственного регулирования.

Таким образом, данная оценка может быть выражена в дихотомии экспертного заключения, выраженного оценками: «соответствует» и «не соответствует». Проанализировано 55 документов национальной системы стандартизации, в том числе с учетом актуальной редакции ФЗ «Об основах туристской деятельности» [4]. Установлено «несоответствие» требованиям актуальных международных стандартов, а так-

же несоответствие современным реалиям национальной экономики и государственного регулирования 39 документов. Установлено «соответствие» в 16 документах национальной системы стандартизации.

Основные задачи актуализации фонда национальных стандартов: в части приведения в соответствие с Федеральным законом от 20.04.2021 № 93-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»; в части приведения в соответствие с Федеральным законом от 09.03.2021 № 45-ФЗ «О внесении изменений в статьи 3-1 и 3-3 ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»; в части приведения в соответствие с Федеральным законом от 24.03.2021 № 48-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»; в части актуализации терминологического аппарата; в части сопряжения с существующими лучшими практиками отрасли и в целях формирования «инструментов бенчмаркинга туристических услуг и инфраструктуры».

Кроме того, значительная часть документов по стандартизации в области туризма носит общий характер и не раскрывает основных вопросов оказания услуг туристам и экскурсантам. Выбор и определение способов, форм и методов туристского обслуживания предприниматели в области туризма решают самостоятельно, что нарушает единообразный подход к соблюдению стандартов туризма и гостеприимства. Поэтому предприятия (в отдельных случаях регион в целом) вынуждены самостоятельно разрабатывать стандарты, регулирующие обслуживание туристов. В связи с этим ряд национальных стандартов требует значительного пересмотра с учетом изменений в российском законодательстве в сфере туризма, например введения обязательной классификации гостиниц, аттестации экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков, инструкторов-проводников и т.д.

По итогам проведенного анализа можно сформулировать следующие рекомендации для формирования программы работ ТК 401 и перспективной (отраслевой) программы по стандартизации в сфере туризма и сопутствующих услуг.

Представляется целесообразным включить в проект перспективной (отраслевой) программы стандартизации в сфере туризма до 2025 года работы по таким направлениям, как: разработка комплексов стандартов для расширения фонда действующих документов национальной системы стандартизации в сфере туризма и сопутствующих услуг в целях нормативно-технического сопровождения развития новых видов туризма (промышленного, сельского, этнотуризма, студенческого); расширение фонда стандартов в сфере экологического туризма, в том числе с учетом специфики особо охраняемых природных территорий России; разработка идентичных и модифицированных международным национальных стандартов для обеспечения их гармонизации; пересмотр действующих национальных стандартов, срок действия которых превышает 5 и более лет; подготовка предложений для проведения международных работ по стандартизации, на основе созданного задела при разработке национальных стандартов. В программах также необходимо учесть проведение работ по межгосударственной стандартизации для их реализации в рамках МТК 199 «Туристская деятельность и услуги средств размещения» МГС СНГ.

Пристатейный библиографический список

1. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 22.03.2021 № 381 «Об организации деятельности технического комитета по стандартизации «Туризм и сопутствующие услуги»».
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2019 № 2129-р «Об утверждении стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года».
3. ГОСТ Р 1.12–2020. Стандартизация в Российской Федерации. Термины и определения.
4. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 № 132-ФЗ.

NURIEV Bulat Damirovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of World economy and international economic relations, associate professor of State and municipal administration sub-faculty of the State University of Management

DOĞAN Seden

doctor of tourism, associate professor of the University "May 19", Samsun, Republic of Turkey

LEGAL ASPECTS OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND ROBOTICS IN THE FIELD OF OUTBOUND TOURISM BETWEEN RUSSIA AND TURKEY

The article analyzes the legal possibilities of using artificial intelligence and robotics in tourism between Russia and Turkey, which are provided for by the modern legislation of the Russian Federation. For example, the authors have taken the Draft law "On tourism and tourism activities in the Russian Federation", which is expected to be considered by the legislative bodies soon. The study states that modern digital technologies are almost not regulated in the Draft. However, the initiatives of the legislator open up vast opportunities in the use of artificial intelligence in international tourism. It is assumed that the active use of artificial intelligence and robotics will raise interstate cooperation in outbound tourism to a qualitatively new level.

Keywords: tourism, Russian Federation, Republic of Turkey, artificial intelligence, robotics, Federal law "On tourism and tourism activities in the Russian Federation", system of guaranteeing the rights of tourists.

НУРИЕВ Булат Дамирович

кандидат философских наук, доцент кафедры мировой экономики и международных экономических отношений, доцент кафедры государственного и муниципального управления Государственного университета управления

ДОГАН Седен

доктор туризма, доцент, Университет «19 Мая», г. Самсун, Турецкая Республика

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И РОБОТОТЕХНИКИ В СФЕРЕ ВЫЕЗДНОГО ТУРИЗМА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ТУРЦИЕЙ

В статье анализируются правовые возможности применения искусственного интеллекта и робототехники в сфере туризма между Россией и Турцией, которые предусматривает современное законодательство Российской Федерации. В качестве примера авторами взят Проект закона «О туризме и туристической деятельности в Российской Федерации», который, как ожидается, будет рассматриваться законодательными органами в ближайшее время. В исследовании констатируется, что применение современных цифровых технологий почти не регламентируется в Проекте, однако инициативы законодателя открывают широкие возможности в сфере использования искусственного интеллекта в международном туризме. Предполагается, что активное применение искусственного интеллекта и робототехники поднимет межгосударственное сотрудничество в сфере выездного туризма на качественно новый уровень.

Ключевые слова: туризм, Российская Федерация, Турецкая республика, искусственный интеллект, робототехника, Федеральный Закон «О туризме и туристической деятельности в Российской Федерации», система гарантирования прав туристов.

Introduction

Currently, the draft of the Law "On Tourism and Tourism Activities in the Russian Federation" (from now on referred to as the draft), which many experts call innovative, is awaiting consideration in the parliament of the Russian Federation [1]. The project was prepared in December last year. It is expected that this law will be adopted in 2022. It should be recalled that until now, tourist activity in Russia has been regulated by the Federal Law "On the basics of tourist activity in the Russian Federation", which was adopted back in 1996. Of course, this document is outdated and does not meet the requirements of today. First of all, this is due to digital transformations in the tourism sector. The digitalization of tourism has led to a radical revision and reassessment of the interaction mechanism between the leading players – the end-user of services, a travel agency, a tourist operator, a hotelier, a transport company, and the state.

However, our analysis of the draft showed that the issues of regulating the digitalization of tourism had not found a worthy place in the draft, given the fact that today digital innovations are actively used in other areas of human activity, such as medicine, education, registration of civil law transactions, etc. Nevertheless, it should be noted that this draft clearly defines those areas where artificial intelligence and robotics can find their application soon, including in the field of international tourism and cooperation between the Russian Federation and the Republic of Turkey.

Problem statement

The rapid development of the tourism sector in Turkey began in the 80s of the last century [2]. The result of the balanced and competent economic policy of the Republic of Turkey's authorities is that for almost thirty years, Turkey has been a leader in the structure of outbound tourism in Russia. Moreover, Russian tourists form an essential part of the inbound tourism structure in Turkey, as evidenced by numerous statistics.

In the field of tourism, the interests of Turkey and Russia overlap in many ways. Of course, tourism takes a special place for the Republic of Turkey, given that this sphere occupies a significant part of the import of services. For example, according to the Ministry of Culture and Tourism of the Republic of Turkey, 26,743,180 tourists visited the country during January-November in a difficult year for tourism in 2021 [3], while the country's population today is about 85 million people. In the Russian Federation, the situation is somewhat different. The fact is that the country's authorities are aimed at developing, first of all, domestic tourism, which is reflected in such an important document as the "Strategy for the development of tourism in the Russian Federation for the period up to 2035" approved by the Russian Government in 2019. Nevertheless, Turkey's popularity among the Russian population is so high that the state's initiatives in this area remain, admittedly, ineffective.

As we see it, mutually beneficial cooperation between the two countries in the field of outbound tourism has reached the stage when there is a need to move to a qualitatively new level of its regulation. Furthermore, because digitalization of almost all business areas is currently being observed, it is the active use of digital technologies that will contribute to further development in this area.

Literature Review

The peculiarity of the problem we are investigating is its fragile knowledge, which is quite understandable. Artificial intelligence and robotics in tourism are a new direction for world science. However, at the time of the study, we have not identified any scientific papers where the designated problem occupies a central place.

Nevertheless, it must be recognized that the themes and problems that overlap with the object of our research in many ways have been actively studied over the past few years. A large number of monographs, articles, textbooks, and manuals have been published on several related problems, for example, artificial intelligence and robotics, digital economy [4], digital law [5], or Russian-Turkish outbound tourism, both in Russia and Turkey [6] and in other countries [7].

Theory and methods of research

The topic of this research has a pronounced interdisciplinary character, being at the junction of such spheres of knowledge as the theory of public administration, economic theory, and jurisprudence.

When preparing the article, the authors used the following research methods. Firstly, the analysis of theoretical sources was actively involved as the primary general scientific method of cognition. The latest works of well-known Russian and Turkish experts in international tourism, world economy, and legal regulation of tourism were reviewed and studied. The conclusions and main provisions of monographs and scientific publications published over the past two years were summarized. Special attention was paid to the critical general theoretical issues of digital transformations. Secondly, the authors used an extensive regulatory framework. In particular, the legal acts of the Russian Federation were considered. Recall that the analysis of the legal norms corresponds to a scientific method in jurisprudence. Thirdly, considering that the study considered the issue of supporting the tourism business and the tourist consumer, the authors used a modeling method that is actively used in economic research. Furthermore, finally fourthly, the so-called concrete historical method allowed us to look at the development of the designated problem in dynamics, taking into account those views and views that were relevant relatively recently.

Findings

The results of our research can be conditionally combined into three groups that are inextricably linked. Taken together, these results allow us to come to conclusions that will be outlined in the final part of this paper. The first group of our conclusions has the most direct relation to the conceptualization of artificial intelligence and its application possibilities in economics and entrepreneurship. The following group of results of our study allows us to conclude which related areas of tourism artificial intelligence and robotics can be used. Finally, and in the last part of the presentation of our results, we will talk about what opportunities the Draft Law provides to the Russian and Turkish sides for the active use of artificial intelligence, which, in the end, will be beneficial to both countries.

Artificial intelligence is one of the types of digital technologies, which in Russia is called end-to-end. End-to-end digital technologies is a relatively new term in Russian science, making it very difficult to identify the generally accepted interpretation of this concept. Nevertheless, we can draw the following conclusion, given the albeit small, but quite fruitful experience of analyzing the term we are considering. All types of digital technologies can be divided into two groups. The first group includes so-called specialized digital technologies, which are limited due to the specifics of their use. The second group consists of those types of digital technologies, which in human activity are practically unlimited. These digital technologies can find their application in everyday life, covering the broadest

range of users. They can be successfully applied in scientific research, in the economic life of society, in the field of culture and education, in political technologies, in construction, and the field of national security. Such universal digital technologies are usually referred to as end-to-end.

In Russian science, which technologies should be included in the list of end-to-end digital technologies is also largely debatable. However, as a rule, digital technologies include: the Internet of things, artificial intelligence and machine learning (Artificial intelligence & Deep learning), technologies based on the principles of distributed ledger (Blockchain), cloud computing services and computing (Cloud computing), smart complexes and devices (Smart everything), Big Data, virtual and augmented reality (Augmented & additive reality), modern bioengineering technologies (Biotech), cybersecurity systems (Cybersecurity), social networks and digital twins (Facebook, VK, Twitter & Digital twins).

However, the domestic and foreign literature analysis, which is devoted to the legal regulation of end-to-end digital technologies, allows us to conclude that not all of the above digital technologies are among the end-to-end digital technologies.

Based on the above, in this research paper, we will focus on analyzing artificial intelligence and robotics. Also, quite interesting is how the concepts of artificial intelligence and robotics relate. In the academic environment, the most popular point of view states that "at the beginning of the development of robotics, it was assumed that the robot performs actions only according to algorithms previously set by the program. On the contrary, artificial intelligence is the next stage in the development of robotics and programming (their special part), which gives the robot the ability to independently make a "new" decision that was not previously included in the program"[8]. However, the analysis of Russian, Turkish and English-language scientific literature allows us to state that scientists have not yet managed to define both concepts clearly and unambiguously. For this reason, in this paper, the categories artificial intelligence and robotics will be used by us as synonyms.

So, artificial intelligence and robotics is a type of end-to-end digital technology characterized by the possibility of application in various fields of human activity. As we see it, there is a need to consider which areas have taken shape within the framework of tourism activities. The use of artificial intelligence and robotics is possible in the future.

Types of economic activity of subjects of the tourism industry, which can be systematized most succinctly and clearly as follows:

- tourist activity (tourist services): services of tour operators (tour operator activity); services of travel agents (travel agent activity);
- excursion activities (excursion services): services of tour guides, guides, guides-interpreters (excursion activities); services of tourism instructors.
- hotel activity (hotel services): services of collective accommodation facilities; services of specialized accommodation facilities; services of individual accommodation facilities.
- tourism promotion services: services of tourist information centers; advertising services; services of organizers of specialized exhibitions, fairs, etc.
- transport activities (carrier services): transportation services on tourist and sightseeing and walking routes.
- catering services.
- other services in the tourism industry: spa services; entertainment and sports industry services; insurance services; cultural services; other services.
- other economic activities of the subjects of the tourism industry: the activities of individuals and non-profit organizations aimed at realizing the rights of citizens in the field of tourism and the tourism industry.

It should also be taken into account that tourism activities may vary depending on the purpose, according to which economic activity is divided into entrepreneurial and non-entrepreneurial. At the same time, entrepreneurial activity is an independent activity carried out at its own risk, aimed at systematically obtaining profit from the use of property, the sale of goods, works, or the provision of services by persons registered in this capacity following the procedure established by law (for example, tour operators,

travel agents, hotels, etc.). Therefore, "not a business" is an independent, carried out at your own risk (except as required by law) activity aimed at achieving economic, social, and other results without intent to profit from the use of property, sale of goods, works or services by persons registered following the law (for example, the provision of paid services museums, theatres, libraries, state and municipal ownership).

As we see it, artificial intelligence and robotics can soon find wide application in all spheres and directions of outbound tourism, performing the functions of a universal regulator.

As mentioned above, artificial intelligence is not discussed in the draft, which significantly reduces its relevance level. Nevertheless, many project provisions open up vast opportunities for the practical use of the latest end-to-end technologies. One of these areas is the "system of guaranteeing the rights of tourists", which we will focus on in more detail.

Guaranteeing the rights of tourists is the block of issues in modern international tourism, the solution of which depends on the popularity of specific destinations. Recall that in tourism, a destination is a territory that offers a particular set of services that meet the needs of a tourist, satisfying his demand for transportation, overnight accommodation, food, entertainment, etc., and has become the purpose of his journey.

So, the draft we are considering states that "the system of guaranteeing the rights of tourists is a system of interrelated legal, financial and organizational measures aimed at providing emergency assistance, as well as compensation for real damage caused to a tourist and (or) another customer of a tourist product in the cases and the manner established by this Federal Law." Article 37 of the draft is entirely devoted to this issue.

It is noteworthy that, in the draft, the system of guaranteeing the rights of tourists is considered exclusively in the context of outbound tourism, which only increases the importance of the problem we have identified. The main participants of the system are the final consumer of the tourist product, tourist operators participating in the system of guaranteeing the rights of tourists, the administrator of the system of guaranteeing the rights of tourists, and the authorized federal executive authority. As you can see, there are no travel agencies among the participants. According to Russian legislation, tourist operators differ from travel agencies in that the latter cannot form a tourist product but only sell it. The primary purpose of creating the system is to ensure the system's functioning of guaranteeing the rights of tourists, including providing emergency assistance to tourists and compensation to tourists and (or) other customers of the tourist product for actual damage.

As we see it, from the point of view of protecting the rights of tourists traveling from Russia to Turkey or from Turkey to Russia, achievements in the digital sphere can find the most comprehensive application. For example, the starting point should be creating a single portal on the Internet, to which participants from other countries will be able to connect in the future. The portal's functions should include the possibility of a tourist getting in direct contact online with a representative of a travel agency or a travel operator, public authorities, law enforcement agencies, and medical institutions. Of course, these functions should be performed in at least three languages: Russian, Turkish and English.

Conclusions

As a conclusion from our research, we can, as we see it, designate the following two provisions.

Firstly, the further development of tourism, including international tourism, is no longer conceivable without the active use of end-to-end digital technologies, including artificial intelligence and robotics. The use of digital technologies in international tourism is a mutually beneficial phenomenon for all parties, but first of all, for the end-user of a tourist product to reduce the cost of travel and guarantee compliance with his rights. The introduction of digital technologies in international tourism between Russia and Turkey will undoubtedly increase the number of tourists in both directions and increase the quality level of the tourist product.

Secondly, the expected adoption of a new federal law in Russia, "On Tourism and tourism activities in the Russian Federation", as we see it, does not contain those key provisions

that would regulate the use of digital innovations. However, on the other hand, the draft opens up opportunities for their use in certain areas and directions directly related to international tourism. One of these areas is to protect the rights of a tourist traveling to another country. As we see it, this direction could become a starting point for forming a fundamentally new approach in the development of tourism between Russia and Turkey, in which artificial intelligence and robotics could take their rightful place.

The bibliographic article list

- [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/72806.html> (date of access: 12.01.2022). (In Russian).
- Nuriev B. D., Kapitanets J. V., Pshenichnikova N. A. The tourism sector of the Turkish economy in the 1980s.: law discourse // Eurasian law journal. - 2019. - № 11. - P. 93-96. (In Russian).
- [Electronic resource]. - Access mode: <https://yigm.ktb.gov.tr/TR-9851/turizm-istatistikleri.html> (access date: 14.01.2022). (In Turkish).
- Smirnov E. N., Lukyanov S. A. Formation and development of the global market of artificial intelligence systems // The economy of the region. - 2019. - № 1. - P. 57-69. (In Russian).
- Smirnov E. N., Pospelov S. V., Nuriev B. D. On the impact of digital transformations on the regulation of international electronic commerce // Discussion. - 2021. - Issue 107. - P. 21-28. (In Russian).
- Demirezen B. Artırılmış gerçeklik ve sanal gerçeklik teknolojisinin turizm sektöründe kullanılabilirliği üzerine bir literatür taraması // Uluslararası turizm araştırmaları global is-International journal of tourism research. - 2019. - № 1. - P. 1-26. (In Turkish).
- Vidyullata Shekhar Jadhav, Dr. Shivaji Mundhe D. Information technology in Tourism // International Journal of Computer Science and Information Technologies. - 2011. - № 2 (6). - S. 2822-2825.
- Laptev V. A. The concept of artificial intelligence and legal responsibility of his work // Right. Journal of the Higher School of Economics. - 2019. - № 2 - P. 79-102. (In Russian).

Пристатейный библиографический Список

- [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/72806.html> (дата обращения: 12.01.2022).
- Нуриев Б. Д., Капитанец Ю. В., Пшеничникова Н. А. Туристический сектор турецкой экономики в 1980-е гг.: правовой дискурс // Евразийский юридический журнал. - 2019. - № 11. - С. 93-96.
- [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://yigm.ktb.gov.tr/TR-9851/turizm-istatistikleri.html> (дата обращения: 14.01.2022).
- Смирнов Е. Н., Лукьянов С. А. Формирование и развитие глобального рынка систем искусственного интеллекта // Экономика региона. - 2019. - № 1. - С. 57-69.
- Смирнов Е. Н., Пospelov С. В., Нуриев Б. Д. К вопросу о влиянии цифровых трансформаций на регулирование международной электронной коммерции // Дискуссия. - 2021. - Вып. 107. - С. 21-28.
- Demirezen B. Artırılmış gerçeklik ve sanal gerçeklik teknolojisinin turizm sektöründe kullanılabilirliği üzerine bir literatür taraması // Uluslararası global turizm araştırmaları dergisi-International journal of tourism research. - 2019. - № 1. - С. 1-26.
- Vidyullata Shekhar Jadhav, Dr. Shivaji D. Mundhe Information technology in Tourism // International Journal of Computer Science and Information Technologies. - 2011. - № 2 (6). - С. 2822-2825.
- Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2019. - № 2 - С. 79-102.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-2-165-491-492

СКВОРЦОВА Вера Александровна

старший преподаватель кафедры таможенных операций и таможенного контроля Российской таможенной академии

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ВЫБОРА ОБЪЕКТОВ КОНТРОЛЯ НА ЭТАПЕ ПОСЛЕ ВЫПУСКА ТОВАРОВ

В статье рассматриваются вопросы применения методик выбора объектов таможенного контроля, проблемы и пути совершенствования организационно-экономического механизма выбора объектов контроля после выпуска товаров, автоматизации выбора объектов таможенного контроля в таможенном администрировании. Показано, что для совершенствования организационно-экономического механизма таможенного администрирования необходима корреляция между собой всех применяемых методик, приводящая к выбору объектов контроля, начиная с анализа участников ВЭД с последующим выбором конкретных товарных партий, относящихся к перспективным отраслям экономики, и наоборот, с анализа секторов ВЭД, в рамках которых совершены таможенные операции с товарами, отнесенными к области повышенного риска, с последующим ранжированием участников ВЭД, у которых наибольшие значения интегрального показателя. Автором также обосновывается необходимость разработки технологии автоматизации всего цикла процесса выбора объектов, от момента подачи предварительной информации до контроля после выпуска товаров.

Ключевые слова: методика выбора объектов таможенного контроля, совершенствования организационно-экономического механизма, таможенный контроль после выпуска товаров, автоматизация, таможенный мониторинг.

SKVORTSOVA Vera Aleksandrovna

senior lecturer of Customs operations and customs control sub-faculty of the Russian Customs Academy

IMPROVING THE ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM FOR SELECTING OBJECTS OF CONTROL AT THE STAGE AFTER THE RELEASE OF GOODS

The article deals with the application of methods for selecting objects of customs control, problems and ways to improve the organizational and economic mechanism for choosing objects for the provision of public services, automating the selection of objects of customs control in the customs administration of the Russian Federation. It is shown that in order to improve the organizational and economic mechanism of customs administration, it is necessary to correlate all the applied methods of selecting an object, leading to the choice of objects of control, starting with the analysis of foreign economic activity participants, followed by the selection of specific consignments related to promising sectors of the economy and vice versa, from the analysis sectors of foreign economic activity, within which customs operations were performed with goods classified as high-risk areas, with subsequent ranking of foreign economic activity participants with the highest values of the integral indicator. The author also substantiates the need to develop a technology for automating the entire cycle of the process of selecting objects, from the moment of submission of preliminary information to control after the release of goods.

Keywords: methodology for selecting objects of customs control, improving the organizational and economic mechanism, customs control after the release of goods, automation, customs monitoring.

В связи с изменениями подходов к организации и проведению таможенного контроля после выпуска товаров, повышения качества и эффективности таможенного контроля на основе высокотехнологичных решений, упрощение и облегчение взаимодействия между таможенными органами и бизнесом, снижению административной нагрузки на участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД), Распоряжением Правительства Российской Федерации от 10.02.2018 № 207-р в Стратегию развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года (распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. № 2575-р законодатель расширил применение таможенными органами иных форм (мер) таможенного контроля, отличных от таможенной проверки.

Итак, предпринятые изменения законодательства были достаточно успешными, но оставили резерв для повышения эффективности таможенного контроля после выпуска товаров. Статистика Федеральной таможенной службы (ФТС России) за девять месяцев 2021 года показывает, что за 9 месяцев 2021 года проведено 1400 таможенных проверок и 6047 иных форм таможенного контроля, в сравнении с аналогичным периодом 2020 года повысилась эффективность проверочных мероприятий. Так, общая сумма доначисленных денежных средств составила 18,9 млрд. рублей; общая сумма взысканных денежных средств составила 10,4 млрд. рублей; средняя сумма доначислений по результатам одной таможенной проверки составила 13,52 млн. рублей. Стратегически важным фактором совершенствования организационно-экономического механизма проверочной деятельности является возможность повышение ее экономической эффективности, исключение случаев проведения нерезультативных проверок и проверок с низкой бюджетной эффективностью, оценка экономической эффективности таможенной проверки и как следствие правильно выбранный объект таможенного контроля.

С 2018 года законодателем предусмотрено формирование в специальном программном средстве КПС «Постконтроль» базы данных «потенциальных» объектов таможенного контроля, получаемых путем автоматического поиска в центральной базе данных деклараций на товары сведений об аналогичных и (или) идентичных товарах при выборе объектов контроля после выпуска товаров по которым были выявлены нарушения таможенного законодательства. Таким образом формируются и учитываются результаты ранее проведенных таможенных проверок. Дальнейшая формализация процесса находит отражение в виде информационно-аналитической справки (ИАС), которая может являться также основанием для разработки проекта профиля риска. Недостатком данного подхода выявления объекта контроля является то, что проводится дополнительная аналитическая работа по оценке рисков, присутствует «человеческий фактор» при принятии решения по выбору объекта контроля, что неизбежно приводит к ошибкам и увеличению времени принятия решения по выявленным признакам нарушения. Рассматривая статистику ФТС России по результатам применения мер по минимизации рисков в соответствии с профилями рисков периода 2017-2019гг видим, что в 2019 году таможенных платежей и штрафов доначисление на сумму 1,43 млрд. руб., в 1,6 раза превышает аналогичный показатель 2018 года; возбуждено 279 дел об АП, а количество заведенных уголовных дел - 25 превышает показатель в 4 раза 2017 год. Рассмо-

Скворцова В. А.

Таблица 1 Сравнительный анализ методик выбора объектов контроля после выпуска товаров

Методика (преимущества)	Недостатки	Направления совершенствования
1.Получение из базы данных деклараций на товары сведений об аналогичных и (или) идентичных товарах с нарушениями таможенного законодательства.	Проводится дополнительная аналитическая работа по оценке рисков, присутствует «человеческий фактор».	Формирование автоматического профиля рисков по признакам нарушения законодательства
2.Получение сведений о движении товаров на внутреннем рынке (от импортера до конечного получателя товара) из национальной системы прослеживаемости (по разрывам товарных цепочек).	Методика охватывает перечень товаров, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 01.07.2021 № 1110 «Об утверждении перечня товаров, подлежащих прослеживаемости», что ограничивает сферу ее применения	Расширение перечня товаров (утверждение списка товаров), подлежащих прослеживаемости на всей территории ЕАЭС.
3.Риск-категорировании участников ВЭД на основе расчета баллов по критериям (сведения из ФНС России в т.ч.)	Наличие возможности для недобросовестного бизнеса приспособиться к критериям, заложенным в программное средство	Создание цифрового двойника участника ВЭД, применение меры «таможенный мониторинг» для УЭО и лиц низкого уровня риска
4. Сравнение показателей «зеркальной статистики» со странами - торговыми партнерами Российской Федерации	Не дает объект контроля, указывает вектор (направление) объектов контроля.	Взаимообмен данными об экспорте/импорте со странами-торговыми партнерами РФ

тренная положительная динамика итоговых значений 2019 года показывает результативность применения в организационно-экономическом механизме выбора объектов таможенного контроля применения мер по минимизации рисков, содержащихся в профилях рисков, разработанных на технологическую операцию «после выпуска товаров» и подтверждает необходимость применения профилей рисков на этапе после выпуска товаров в качестве оснований для инициирования проверок в качестве автоматического инструмента выбора объекта [2, с.45].

В применении таможенными органами модели выбора объектов на основе сведений о движении товаров на внутреннем рынке (от импортера до конечного получателя товара) из национальной системы прослеживаемости (по разрывам товарных цепочек) используется математическая модель оценки критериев риска, используемых в программном средстве (расхождение сведений в счетах-фактурах, количестве товара, реализуемого на рынке с сведениями, заявленными в декларациях на товары и т.д.). Ранжированные таким образом товарные партии по трем категориям риска нарушения таможенного и налогового законодательства (высокий, средний, низкий) позволяет концентрировать усилия таможенных органов на высокорисковых объектах таможенного контроля всей задекларированной партии с учетом выявленных признаков нарушения законодательства. Рассмотренная методика охватывает перечень товаров, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 01.07.2021 № 1110 «Об утверждении перечня товаров, подлежащих прослеживаемости», что ограничивает сферу ее применения.

Сравнительный анализ данных статистики внешней торговли со странами - торговыми партнерами Российской Федерации (так называемых показателей «зеркальной статистики») дает возможность выбрать те сектора экономики, где риск неплаты таможенных платежей в полном объеме максимально велик. Применение данной методики направлено на выявления потенциального риска материального ущерба Федеральному бюджету Российской Федерации и выявляет отрасли экономики, куда необходимо направить усилия для выбора объектов контроля. Уместно применять метод статистического анализа в целях определения степени устойчивости характера выявленного потенциального риска в отрасли или отраслевой товарной группе и использовать динамику аналогичных показателей «зеркальной статистики» за предшествующие периоды для оценки степени вероятности риска нарушения законодательства.

Путем использования механизмов таможенного и налогового администрирования применяется методика по выбору объектов таможенного контроля после выпуска товаров основанная не автоматическом риск-категорировании участников ВЭД. При расчете учитывается баллы, по заданным критериям, в том числе полученные из ФНС России (отсутствие основных средств, представление «нулевой» налоговой или бухгалтерской отчетности, непредставление налоговой или бухгалтерской отчетности, отсутствие связи по адресу регистрации, массовый

адрес регистрации, имеется массовый учредитель или руководитель, недействительный паспорт учредителя или руководителя и др.). Максимальный интегральный показатель указывает на объект контроля после выпуска. Несовершенством методики можно считать возможность недобросовестных участников ВЭД приспособиться к критериям, заложенным в программное средство. В таблице 1 представлен сравнительный анализ применяемых в организационно-экономическом механизме методик выбора объектов контроля.

Рассмотренные модели выбора объектов контроля должны коррелировать между собой и приводить к выбору объектов контроля, начиная с анализа участников ВЭД с последующим выбором конкретных партий товаров и наоборот, начиная с анализа секторов экономики ВЭД, в рамках которых совершены таможенные операции с товарами, отнесенными к области повышенного риска, с последующим ранжированием участников ВЭД по максимальной величине значения интегрального показателя.

Совершенствование организационно-экономического механизма выбора объектов контроля заключается в автоматизация и взаимосвязи рассмотренных методик в КПС «Постконтроль», что приведет к автоматическому выбору конкретных участников ВЭД и товарных партий и в значительной степени к сужению перечня потенциальных объектов контроля.

Кроме того, профессиональным сообществом неоднократно выражалась необходимость использования системы контроля, выбор объекта которого начинается с этапа подачи предварительной информации о товаре с автоматическим выбором конкретного участника ВЭД [1, 54] и заканчивается этапом после выпуска товаров. Обусловленность такого подхода связана с тем, что данные ФТС России за 9 месяцев 2021 по доначисленным и взысканным денежным средствам (18,9 млрд. рублей и 10,4 млрд. рублей соответственно) имеют существенные расхождения (8,5 млрд. рублей). Причиной разрыва показателей зачастую бывают неучтенные должностными лицами, открывающими проверку такие факторы, как отсутствие денег на едином лицевом счете (организация не бюджетно эффективна, не имеет денег и движимого имущества). Создание цифрового двойника, как совокупности информации о субъекте проверки, систематизированной по времени, критериям и управляемым искусственным интеллектом нивелирует эту проблему.

Пристатейный библиографический список

1. Афонин П.Н., Кузьмичева Р.А. К вопросу о нормативно-правовом обеспечении таможенного контроля после выпуска товаров // Бюллетень инновационных технологий. 2020. - Т. 4. № 3 (15). - С. 54-60.
2. Афонин П.Н., Афонин Д.Н. и др. Деятельность таможенных органов в условиях цифровой экономики // Бюллетень инновационных технологий. 2018. - Т. 2. № 4 (8). - С. 43-46.

ГАЛЯУТДИНОВ Рустем Флюорович

старший преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, подполковник полиции

НАСЫРОВ Рамиль Расилевич

преподаватель цикла профессиональной служебной и физической подготовки Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России, майор полиции

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ И СОЦИАЛЬНУЮ АДАПТАЦИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДРОСТКОВ

В статье рассмотрены основные виды рисков и преступлений, связанных с воздействием в современных условиях интернет-ресурсов на подростков, не достигших совершеннолетнего возраста. Автор обращает внимание на возможные негативные последствия и степень общественной угрозы рассматриваемых противозаконных действий. Особое внимание уделено мерам, необходимым для разработки и применения организационных действий в сфере профилактики правонарушений среди несовершеннолетних в информационном пространстве.

Ключевые слова: риски и угрозы в информационном пространстве, несовершеннолетние подростки, профилактика интернет нарушений.

GALYAUDINOV Rustem Flyurovich

senior lecturer of Special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

NASYROV Ramil Rasilevich

lecturer of the cycle of professional service and physical training of the Ufa school for training of specialists-cynologists of the MIA of Russia, major of police

INFLUENCE OF MODERN INFORMATION RESOURCES ON SOCIALIZATION AND SOCIAL ADAPTATION OF MINOR TEENAGERS

The article discusses the main types of risks and crimes associated with the impact of Internet resources on teenagers under the age of majority in modern conditions. The author draws attention to the possible negative consequences and the degree of public threat of the considered illegal actions. Particular attention is paid to the measures necessary for the development and application of organizational actions in the field of prevention of delinquency among minors in the information space.

Keywords: risks and threats in the information space, underage teenagers, prevention of Internet violations.

В современных условиях важным элементом социализации и социальной адаптации несовершеннолетних детей становится интернет. С одной стороны, широкое использование интернета позволяет значительно расширить границы мировоззрения ребенка, удовлетворить потребность в межличностном общении, с другой стороны ведет к возникновению рисков отрицательного воздействия на психологическую составляющую, эмоциональное самочувствие и здоровье подростка.

Аналитики выделяют следующие основные виды рисков, связанных с использованием несовершеннолетними интернет – ресурсов [1]:

1. Риски контентного характера возникают при использовании противоправной информации в сети. К ним могут быть отнесены электронные ресурсы, пропагандирующие насилие, агрессию, нецензурную лексику, информацию, разжигающую расовую ненависть, пропаганду анорексии и булимии, суицида, азартных игр, наркотических веществ и т.д.

2. Коммуникационные риски возникают в процессе межличностных общений пользователей, включают в себя возможность подвергнуться оскорблениям и нападкам со стороны других членов сообщества. Примерами таких угроз могут быть кибербуллинг, кибертроллинг с использованием

различных социальных чатов, онлайн-мессенджеров, сайтов знакомств, форумов и блогов.

Важно отметить, что отличительной чертой кибербуллинга, кибертроллинга является определение цели, являющейся основополагающей для совершения таких психологических манипуляций.

Главной целью кибертроллинга является попытка спровоцировать и эпатировать других пользователей сетей, вызывая у них эмоциональный отклик на определенные высказывания, чаще всего в письменной форме.

Кибербуллинг — это преследование, запугивание посредством сообщений оскорбительного или агрессивного характера; социальное бойкотирование с помощью различных интернет-сервисов. Для указанного преступления характерна периодичность осуществления дестабилизирующих действий в отношении жертвы; наличие умысла принести ущерб жертве, как психологический, моральный, так и физический; злоупотребление своей силой или влиянием, положением в интернет-сообществе. Поводом для кибербуллинга могут служить внешность, сексуальная ориентация и активность в интернете.

3. Электронные и технические риски связаны с возможностью столкнуться с онлайн-мошенничеством, вирусными

Галяутдинов Р. Ф.

Насыров Р. Р.

атаками или спам-атаками, хищением паролей или персональной информации, установкой программ-шпионов, созданием ложных страниц и профилей и т.д.

4. Потребительские риски связаны с процессом приобретения товаров, работ, услуг в интернет-магазинах. Включают в себя риск распространения контрафактной и фальсифицированной продукции, хищение денежных средств посредством онлайн банковских операций и т.д.

5. Интернет-зависимость возникает при патологической, непреодолимой тяги несовершеннолетних к чрезмерному использованию интернет-ресурсов, характеризуется навязчивой потребностью к общению в социальных сетях.

Интернет создает характерную для подросткового возраста иллюзию бегства в виртуальное пространство. В связи с этим особую обеспокоенность в настоящее время вызывает распространение угроз, связанных с вовлечением несовершеннолетних в опасные группы и сообщества, целью которых является:

- привлечение детей и подростков с определенными психическими наклонностями в выполнение опасных заданий, доводящих в конечном итоге до самоубийства (так называемые группы «смерти»);

- распространение среди несовершеннолетних подростков идеи о несправедливости мира и их особом предназначении в его переустройстве, в конечном итоге вовлечение в незаконную экстремистскую деятельность;

- привлечение не достигших совершеннолетия подростков к незаконной деятельности по распространению и сбыту наркотических и других запрещенных веществ [2].

Распространение этих угроз очень сложно контролировать, так как злоумышленники контактируют через закрытые социальные сети, применяют ухищренные способы распространения информации о себе. Вместе с тем можно выделить следующие возможные негативные последствия у подростков вследствие столкновения с подобными угрозами:

- возникновение стрессовых ситуаций;
- развитие неустойчивой эмоциональной психики;
- формирование асоциального поведения;
- снижение волевой активности;
- моральный упадок, культурная дезориентация;
- социальное отчуждение;
- формирование интернет-зависимого поведения.

В этих условиях одной из самых эффективных мер по предупреждению негативного воздействия сетевых ресурсов на психику и здоровье подростков является профилактическая работа, направленная на обучение и повышение знаний подростков об угрозах в информационном пространстве и мерах защиты от неё. Субъектами такой работы могут выступать общественные организации, образовательные учреждения, правоохранительные органы.

В социальных сетях, мессенджерах, сервисах электронной почты необходимо предпринять меры к реализации следующих организационных действий:

- ограничить общий доступ к персональным сведениям в виде информации о геолокации, номере телефона, об образовательном учреждении, в котором учится ребенок;

- обеспечить функцию приватности, сохранив в результатах поиска внутри сетевых ресурсов или внешних поисковых систем только информацию, касающуюся фамилии и имени, фотографии и даты рождения;

- интересоваться при регистрации на сайте возрастом пользователя и, в случае необходимости предоставить возможность подключения родителей для совместного управления аккаунтом;

- дать пользователям возможность настройки предварительной проверки комментариев других пользователей перед публикацией в личном профиле;

- внедрить по умолчанию функцию, способствующую ограничению взаимодействия детей с запрещенным информационным контентом;

- создать механизм контроля, дающий возможность родителям отслеживать список друзей ребенка, его местонахождение и социальную активность;

- оградить несовершеннолетних пользователей от рекламы, ориентированной на вовлечение детей в противоправные действия и в политическую деятельность.

На информационных сайтах общественного, политического, либо другого характера необходимо реализовать следующие меры:

- до просмотра видео – и фотоматериалов, другого контента, в котором может содержаться запрещенная для детей информация, разместить текстовый или графический знак информационной продукции для предупреждения о недопустимости просмотра данного контента детьми;

- предусмотреть возможность подачи жалобы в администрацию ресурса о нарушении законодательства в сфере информационной защиты детей.

На интернет – сервисах, направленных на реализацию товаров, работ, услуг, включая игры и приложения к ним, целесообразно реализовать следующие меры:

- при реализации товаров, работ, услуг, запрещенных для отдельных возрастных категорий в соответствии с ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», обязательно запрашивать дополнительную информацию о покупателе в части фамилии, имени, отчества, возраста, телефона и, в случае необходимости отказать в продаже товара или оказании услуг;

- при предоставлении товаров и услуг, ориентированных на взрослый контингент, давать только краткую информацию, включающая возрастную маркировку, текстовое предупреждение о недопустимости просмотра данного товара или услуги до момента согласия пользователя об ответственности за последствия просмотра подробной информации;

- разработать процедуру контроля, который позволял бы родителям получать историю приобретенных ребенком товаров, работ, услуг.

В поисковых информационных системах рекомендуется реализовать следующие организационные меры:

- выработать механизм предупреждения пользователей о нежелательном для детей контенте, выдающемся в результатах поиска;

- не выводить персональные данные детей в форме ссылок на аккаунты в социальных сетях.

Важным направлением профилактики преступлений против несовершеннолетних является оказание консультационной помощи несовершеннолетним, а также их родителям. Острая потребность возникает в ней, когда ребенок уже столкнулся с преступником в виртуальном пространстве и не имеет стандартного набора знаний о необходимой модели поведения в такой ситуации.

Учитывая огромный образовательный потенциал интернет-ресурсов, особую значимость приобретает разработка и оперативная модификация с учетом изменений в области информационного пространства специальных методических пособий и обучающих программ по повышению цифровой компетентности для подростков и их родителей.

Пристатейный библиографический список

1. Солдатова Г., Рассказова Е, Зотова Е. Интернет-риски. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://detectionline.com/helpline/risks> (дата обращения: 13.02.2022).
2. Калинина Н. В. Риски и угрозы современной интернет – среды и их профилактика среди несовершеннолетних. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://int-school.ru/Information_Security/1-riski_i_ugrozy_sovremennoj_internet-sredy_i_ikh_.pdf (дата обращения: 13.02.2022).

КРУЖИЛИН Петр Алексеевич

соискатель Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО (У) МИД России

ВАЛЮТА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЦЕНООБРАЗОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ В АЗИИ

На сегодняшний день в Азии происходят масштабные трансформации в нефтегазовой отрасли. Эти трансформации затрагивают, в частности, аспект валюты контракта и валютных рисков в международной торговле энергоресурсами. Несмотря на политическую подоплеку, в этом процессе существует значительная экономическая составляющая. Цель статьи – раскрыть ее и дать общее видение происхождения цены углеводородов и основных механизмов ценообразования в этой сфере на примере азиатского рынка и сотрудничества РФ и КНР. Также оценены выгоды торговли энергоресурсами в национальных валютах и основные тенденции по переходу на расчеты в национальных валютах в исследуемой сфере в АСЕАН и в многостороннем формате РИК.

Ключевые слова: Россия, Китай, энергетика, нефть, газ, ценообразование, валюта.

KRUZHILIN Petr Alekseevich

competitor of the International Institute for Energy Policy and Diplomacy of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

CURRENCY AND ITS IMPACT ON PRICING AND PROSPECTS FOR THE OIL AND GAS INDUSTRY IN ASIA

Today, large-scale transformations in the oil and gas industry are taking place in Asia. These transformations affect, in particular, the aspect of the contract currency and currency risks in international trade in energy resources. Despite the political background, there is a significant economic component in this process. The purpose of the article is to reveal it and give a general vision of the origin of the price of hydrocarbons and the main pricing mechanisms in this area on the example of the Asian market and cooperation between the Russian Federation and China. Also, the benefits of trade in energy resources in national currencies and the main trends in the transition to settlements in national currencies in the studied area in ASEAN and in the multilateral RIC format were assessed.

Keywords: Russia, China, energy, oil, gas, pricing, currency.

Введение

Мировые рынки нефти и газа – самые крупные товарные рынки [1]. Исходя из этого, валюта, которая доминирует на этих рынках имеет значительно больший вес и на других товарных рынках, вследствие того, что помимо большого объема, энергетические рынки обладают еще одной важной характеристикой – они являются рынками поставки базовых ресурсов для значительной части других отраслей (например производство полимеров во многом опирается на нефтяную промышленность, химическая промышленность в значительной степени обслуживает переработку сырья, производимого нефтегазовой промышленностью и т.п.).

В связи с этим, колебания цен на энергоресурсы, основными из которых, несмотря на активное продвижение альтернативных источников энергии, продолжают оставаться углеводороды, исключительно сильно влияет на экономику в целом. В условиях противостояния КНР – одного из крупнейших потребителей энергоресурсов в мире, и США, нового производителя нефти и газа, вследствие бума сланцевой нефти и сланцевой революции, санкций против России, одного из ключевых игроков на нефтегазовом рынке, крупнейшего поставщика углеводородов на мировой рынок, введенных США и Евросоюзом, колебания цен и объемов поставок энергоресурсов на мировой рынок, а особенно на динамично развивающиеся рынки, оказывают сильное влияние на экономику рассматриваемых стран. Так как экономика РФ и КНР напрямую зависит от цен на энергоносители, возни-

кают тенденции роста глобальных рисков в международной торговле нефтью и газом. Одним из таких рисков с недавнего времени стал валютный риск.

До 2018 года функционировала негласная договоренность о расчетах по энергоносителям в долларах. Она сформировалась в 1974 году соглашением между США и Саудовской Аравией, затем расширилась на ОПЕК. Тем не менее, она не полностью устраивала страны-экспортеры нефти, не входящие в ОПЕК, поскольку стимулировала формирование и поддержание главенства США и, следовательно, доллара, в энергетической сфере, хотя до начала сланцевой революции (и даже в пиковые периоды добычи сланцевых углеводородов) США не являлись серьезным игроком на мировом рынке углеводородов. В условиях накалившихся взаимоотношений между КНР и США, а также готовности РФ к сотрудничеству в энергетической сфере и политике «поворота на восток», проводимой из-за санкций, возникла возможность сформировать новый механизм торговли и ценообразования на азиатском рынке углеводородов.

Специфика ценообразования на мировом рынке углеводородов

Специфика ценообразования на мировом рынке углеводородов заключается в том, что на мировом рынке нефти цены устанавливаются экспортерами, но под влиянием в большей степени не финансовых, а политических факторов [2]. Известно, что весь процесс нефтедобычи делится на upstream, midstream, downstream, при этом, каждый из вы-

деленных этапов представляет собой часть механизма расчета себестоимости нефти и нефтепродуктов для конечного потребителя [3]. Тем не менее, они не являются ориентирами для формирования цены – единственным исключением может служить сланцевая нефть с ее запредельными издержками upstream [4]. Основным показателем, на основе которого формируется цена на нефть, являются биржевые котировки, в частности, нефтяные фьючерсы. Вследствие этого возникает четкая корреляция между ценой на нефть и ожиданиями политической нестабильности в основных ее экспортерах. Эта зависимость позволяет наиболее сильным геополитическим игрокам формировать ожидания на рынке нефти путем политических решений. Таким образом, возникает ряд возможностей для стран-экспортеров также оказывать влияние на цены на нефть (например, повысить ее – нефтяное эмбарго арабских стран в 1973 г. и прочие нефтяные кризисы XX века [5]). В современных условиях это возможно в том случае, если основные страны-экспортеры нефти поддержат решения нефтяного картеля – ОПЕК. В случае, если решения ОПЕК пойдут вразрез с интересами других экспортеров нефти, страны ОПЕК могут потерять долю на ряде региональных энергетических рынков, вследствие чего, основные решения ОПЕК так или иначе согласуются со стратегическими интересами стран-экспортеров, не входящих в картель.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что ценообразование на мировом рынке нефти носит характер картельного, его экономическая составляющая незначительна. На газовом рынке складывается схожая ситуация, но с той оговоркой, что цена на газ менее волатильна вследствие долгосрочных контрактов, на основании которых и производится продажа газа [6], [20].

С точки зрения оценки влияния вышеописанных явлений на валюты возникает синергетический эффект – чем больше страна полагается на экспорт/импорт углеводородов в мировой торговле, тем менее стабильной является ее валюта, и тем больше она зависит от доллара США. Китай в современных условиях готов к радикальным изменениям глобальной валютно-финансовой системы во избежание давления со стороны США и доллара и продвижение собственных финансовых инструментов, основанных на юане. На сегодняшний день юань становится одной из основных валют расчета в Азии, также растет доля расчетов в национальных валютах между КНР и другими странами. Особенно это актуально в контексте энергетического диалога КНР и РФ.

Российско-китайское энергетическое партнерство

Ценообразование в рамках российско-китайского энергетического диалога можно разделить на несколько этапов, описанных ниже.

1) Upstream – активные инвестиции китайских компаний в российскую нефтегазодобывающую отрасль, в частности, строительство совместных предприятий (Ямал-СПГ [7]) ведет к росту экспортных возможностей РФ и более глубокой интеграции КНР в нефтегазовые глобальные цепочки добавленной стоимости. В свою очередь, это способствует развитию китайских технологий в сфере горизонтального бурения, крекинга, шельфовой нефтедобычи, а также химической промышленности в целом. Все вышесказанное ведет к удешевлению добычи нефти и газа, что отражается на их экспортной цене в странах ЕАЭС, где политический фактор менее значим при торговле энергоресурсами. Более того, это

способствует заключению контрактов на поставку нефти и газа в КНР по более выгодной для китайской стороны цене [8].

2) Midstream - строительство нефтепроводов Восточная Сибирь - Тихий Океан (ВСТО-1 и ВСТО-2) и газопровода «Сила Сибири» способствуют росту экспорта энергоресурсов в Китай из РФ. Рост предложения и относительно стабильный рост спроса на энергоресурсы ведет к тому, что товарооборот в этой сфере между РФ и КНР растет [9]. В рамках сопряжения ЕАЭС и ОПОП было достигнуто соглашение о взаиморасчетах в национальных валютах, которое планируется расширить и на нефтегазовый экспорт РФ. Оценка эффекта от этого соглашения будет приведена ниже.

3) Downstream – один из крупнейших китайских НПЗ – Дацин НПЗ, расположен в непосредственной близости от российской границы, что способствует повышению эффективности нефтепереработки российских углеводородов в КНР в целом. При этом возникает тенденция экспорта нефтепродуктов из КНР в РФ, формируется тесное партнерство в приграничных регионах, такое как, например, в Белоруссии на Мозырском НПЗ). При этом цена переработки нефти в КНР несколько ниже, чем стоимость транспортировки нефтепродуктов с крупных сибирских НПЗ (например, того же Иркутского НПЗ) на территории Дальнего Востока, в особенности, Хабаровского края и о. Сахалин [10]. Стоит отметить, что несмотря на положительное влияние приграничной торговли и, соответственно, промышленного развития приграничных территорий на торговый оборот РФ и КНР, для России жизненно важным является создание собственных мощностей по переработке нефти. В рамках этого исследования близкое расположение китайских НПЗ к российской границе способствует снижению транзакционных издержек на обслуживает трубопроводов сырой нефти на территории КНР, что также способствует снижению конечной стоимости нефтепродуктов для китайских корпоративных потребителей. Помимо этого, развиваются китайские торговые инструменты в сфере углеводородов, в частности, большую роль в этом играет китайский рынок нефтяных фьючерсов [11].

Таким образом, прямая торговля без валюты-посредника способствует значительному удешевлению конечных продуктов нефтепереработки на территории КНР и Дальнего Востока. С учетом объемов поставок российской нефти в КНР (около 1,5 млн.барр. в сутки [12]) при средней стоимости нефти марки Urals в первом полугодии 2020 года на уровне \$66,34 за баррель [13], общий объем китайского импорта российской нефти составил \$17,912 трлн. Для того, чтобы оценить эффект от торговли в национальных валютах необходимо рассчитать кросс-курс юаня к рублю по доллару за тот же период и прямой курс юань/рубль (Таблица 1).

При этом прямой курс валютной пары ¥/₽ составляет 9,54 [14]. Исходя из вышеприведенных расчетов, получается, что прямой курс выгоднее РФ как экспортеру углеводородов, также он выгоден КНР в рамках продвижения юаня на мировой валютный рынок, так как на сегодняшний день, будучи одной из резервных валют, юань не соответствует этому статусу по объему операций с ним. Используя те же данные, рассчитаем чистые потери РФ от экспорта нефти с валютой контракта доллар за первое полугодие 2020 года (Таблица 2).

Таким образом, чистый доход РФ от перехода на расчеты в национальных валютах с КНР составит 44,5 триллиона

Таблица 1. Расчет кросс-курса валютной пары юань-рубль за первое полугодие 2020 г.

Валютная пара	Курс	Стоимость импорта в котируемой валюте (трлн. ед)	Стоимость импорта в базовой валюте (трлн. ед)
USD / ¥	7,1176	127,4904	17,912
USD / Р	65,42	1171,803	17,912
¥ / Р	9,1913	1171,803	127,4904

Источник: рассчитано автором

Таблица 2. Суммы нефтяного экспорта в зависимости от валютных условий контракта

Сумма экспорта по кросс-курсу	Сумма экспорта по прямому курсу	Чистые потери от экспорта по к.-к.
1171,803	1216,2589	44,4559

Источник: рассчитано автором

рублей только в нефтегазовой сфере. В этом контексте рассматривать газовые контракты стоит только в долгосрочном периоде, поскольку на сегодняшний день срок большинства газовых контрактов РФ и КНР превышает горизонт в 5 лет.

Азиатские энергетические рынки

Стоит отметить, что в Азии в целом складывается достаточно противоречивая ситуация с валютированием сделок в сфере энергетики [15], [21]. Это связано с тем, что несмотря на подавляющее влияние рынка углеводородов на энергетическую отрасль, формируется новая сфера – альтернативная энергетика (зеленая энергетика). Стоит отметить, что в отличие от углеводородов, цена на электроэнергию формируется в основном через призму стоимости ее выработки, т.е. амортизация основных фондов генерирующего предприятия, а также инвестиции в ОФ играют значительную роль. Азиатские банки развития, а также китайские ТНБ играют значительную роль в финансировании проектов в сфере зеленой энергетики. Как показывает статистика, большая часть кредитов Азиатского банка инфраструктурных инвестиций выдается в юанях [16], что делает стабильность юаня одним из факторов развития зеленой энергетики в Азии. При этом, в этой сфере очень серьезную нишу занимает КНР – как в смысле инвестиций, так и в плане разработки продуктов для зеленой энергетики.

Также стоит рассмотреть перспективы развития расчетов в национальных валютах в Азии. На сегодняшний день наиболее перспективным в этом смысле выглядит АСЕАН и трехсторонний формат Россия-Индия-Китай. Энергетический диалог в АСЕАН в большей степени находится на уровне свободной торговли энергоресурсами, поэтому ограничен в перспективах. Более того, можно с уверенностью утверждать, что АСЕАН с точки зрения энергетики в Азии является и будет являться нетто-потребителем энергоресурсов, в том числе и китайской сланцевой нефти в случае успешной ее разработки [17].

Гораздо интереснее в этом контексте формат РИК. Он включает в себя 2 крупнейших и наиболее динамично развивающихся энергетических рынка Азии, а также 2 валютных рынка с интересными перспективами развития – рынок юаня и рупии. Стоит отметить, что финансовые инструменты в нефтегазовой сфере также играют важную роль в ценообразовании – обычно в странах, обладающих собственными

торговыми площадками, волатильность цен на углеводороды снижается из-за возможности торговли ими на национальном рынке в национальной валюте, чья волатильность в большей степени определяется внутренними, а не внешними факторами. Таким образом, РИК может стать площадкой не только для политико-экономического диалога, но и для энергетического сотрудничества и распространения механизма ценообразования на энергоресурсы с меньшей политической составляющей, продвигаемой Россией и КНР в последние годы [18].

Выводы

На сегодняшний день доминирующее положение на энергетическом рынке с точки зрения валюты контракта занимает доллар. Это, очевидно, создает ряд преимуществ для США, но замедляет развитие стран Азии, в особенности в условиях разрыва ГЦДС между США и КНР в условиях торговой войны и Россией и западными странами в условиях санкций. Эта ситуация создает предпосылки для передела сфер влияния на энергетическом рынке, формирует возможности для наиболее динамично развивающихся экономик создавать свои рынки и торговые площадки энергоресурсов.

Наиболее активно эту возможность использует Китай, создав на базе Шанхайской фондовой биржи инструментарий торговли нефтяными фьючерсами, а также сформировавший и развивающий механизм замещения доллара в нефтегазовых контрактах юанем. Одним из стратегических партнеров КНР в этой задаче является РФ, которая также стремится к уменьшению роли доллара в мировой валютной системе и к выходу из длительного периода замедления развития путем переориентации экономики на сотрудничество с КНР и совместное развитие технологий в ряде отраслей, в частности, нефте-газодобыче.

Взаиморасчеты в национальных валютах, а также инвестиции в энергетическую и зеленую энергетику в юанях способствуют сокращению транзакционных издержек и повышению эффективности международной, особенно трансграничной торговли. Помимо этого, они способствуют снижению валютных рисков.

Стоит отметить, что наибольших успехов в этом направлении добились РФ и КНР, тогда как в основном торговля энергоресурсами в Азии все равно ведется в долларах. Также,

необходимо отметить, что основные инвестиции в регионе также производятся в долларах, хотя и наблюдается тенденция увеличения доли юаня.

Пристатейный библиографический список

1. Exclusive: China taking first steps to pay for oil in yuan this year - sources // Reuters. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-china-oil-yuan-exclusive/exclusive-china-taking-first-steps-to-pay-for-oil-in-yuan-this-year-sources-idUSKBN1H51FA> (дата обращения: 08.02.2022).
2. Бородач Ю. В. К вопросу о ценообразовании на мировом рынке нефти в современных условиях // Финансы, денежное обращение и кредит. - 2015. - № 4. - С. 99–109.
3. Косвенно следует из: Политика ценообразования в отраслях нефтегазового комплекса. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://works.doklad.ru/view/JNHxVPpdDWE/all.html> (дата обращения: 08.02.2022).
4. Economics of North American Oil and Gas Shale Plays // The Energy Consulting Group. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.energy-cg.com/economicsofshaleplays.html> (дата обращения: 08.02.2022).
5. The 1973 Arab Oil Embargo: The Old Rules No Longer Apply. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.npr.org/sections/parallels/2013/10/15/234771573/the-1973-arab-oil-embargo-the-old-rules-no-longer-apply> (дата обращения: 08.02.2022).
6. Outlook for the Long Term Contracts in a Globalizing Market // The Oxford Institute for Energy Studies. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unecsc.org/fileadmin/DAM/energy/se/pp/geg/gif5_19Jan2015/s1_1_Yafimava.pdf (дата обращения: 08.02.2022).
7. Ямал СПГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yamallng.ru> (дата обращения: 08.02.2022).
8. China-Russia Energy Relations: Better Than Ever // The National Bureau of Asian Research. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nbr.org/publication/china-russia-energy-relations-better-than-ever/> (дата обращения: 08.02.2022).
9. Азарова А. И. Влияние факторов развития нефтяной отрасли на ценообразование нефти // Проблемы учета и финансов. – 2012. – № 1 (5). – С. 35-53.
10. Россия увеличит экспорт нефти в Китай // Газета «Ведомости». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/01/12/747646-rossiya-uvelichit-eksport-nefti-kitai> (дата обращения: 08.02.2022).
11. Qiang Ji, Dayong Zhang China's crude oil futures: Introduction and some stylized facts // Finance Research Letters. – 2019. – № 28. – С. 376-380.
12. Китай сократил в феврале закупки российской нефти // Газета «Ведомости». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/03/28/797704-zakupki-rossiiskoi-nefti> (дата обращения: 08.02.2022).
13. Средняя цена на нефть Urals снизилась почти на 2,5 % // Росбалт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rosbalt.ru/business/2019/06/03/1784696.html> (дата обращения: 08.02.2022).
14. Курс китайского юаня (CNY) // Рамблер.Финансы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://finance.rambler.ru/currencies/CNY/?updated> (дата обращения: 08.02.2022).
15. Фьючерсам в юанях не удалось завоевать мировой рынок нефти // Газета «Ведомости». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/03/27/797561-fyuchersam-zavoevat-nefti> (дата обращения: 08.02.2022).
16. Mathews John A., Selden Mark China: The Emergence of the Petroyuan and the Challenge to US Dollar Hegemony // The Asia-Pacific Journal. – 2018. – № 16. – Issue 22. – P. 1-12.
17. Китай форсирует добычу сланцевой нефти, но соперничать с США не может // Ntftgaz. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://neftgaz.ru/news/dobycha/452332-kitay-forsiruuet-dobychu-slantsevoy-nefti-no-sopernichat-s-ssha-ne-mozhet/> (дата обращения: 08.02.2022).
18. The Emerging Russia-Asia Energy Nexus // The National Bureau of Asian Research. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/special_report_74_emerging_russia-asia_energy_nexus_dec2018.pdf (дата обращения: 08.03.2021).
19. Salygin V., Guliev I., Chernysheva N., Sokolova E., Toropova N., Egorova L. Global shale revolution: successes, challenges, and prospects // Sustainability. – 2019. – Т. 11. – № 6. – P. 1627.
20. Миронова И. Ю. Механизмы ценообразования на газ в мире: обзор по регионам, проблематика глобализации и выводы для России. – СПб, 2015. – 47 с.
21. China aims for dollar-free oil trade // Asian Review. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://asia.nikkei.com/Economy/China-aims-for-dollar-free-oil-trade> (дата обращения: 08.03.2021).

ГАЙДАЙ Мария Константиновна

доктор социологических наук, доцент, начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

ГАЛЬЦЕВ Сергей Александрович

кандидат философских наук, профессор, доцент кафедры физической культуры Иркутского национального исследовательского технического университета

КУРИЛО Светлана Николаевна

старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки, Уфимского юридического института МВД России

РОЛЬ СЕМЬИ В ОХРАНЕ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье обращено внимание на защиту прав и свобод детей и подростков со стороны семьи. Авторами поднимаются проблемы современной семьи, рассматриваются факторы, которые оказывают отрицательное влияние как на воспитание несовершеннолетних, так и на защиту их прав и интересов. Отмечается, что изменения, происходящие в обществе, не могут не затрагивать и институт семьи, который на протяжении веков сопровождает жизнедеятельность человека и общества, придавая последнему стабильность и возможность восполнять новые поколения, реализуя репродуктивную функцию семьи. Подчеркивается роль сознательного и последовательного процесса привития молодежи семейных ценностей и традиций в процессе воспитания с целью защиты ее прав, в том числе права жить и воспитываться в полноценной традиционной семье.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, традиционная семья, несовершеннолетние, защита прав несовершеннолетних.

GAYDAY Mariya Konstantinovna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor, Head of Philosophy and humanities and social sciences sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia

GALTSEV Sergey Aleksandr

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, Head of Physical culture sub-faculty of the Irkutsk National Research Technical University

KURILO Svetlana Nikolaevna

senior lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

THE ROLE OF THE FAMILY IN PROTECTING THE RIGHTS OF MINORS

The article draws attention to the protection of the rights and freedoms of children and adolescents by the family. The authors raise the problems of the modern family, consider factors that have a negative impact both on the upbringing of minors and on the protection of their rights and interests. It is noted that changes taking place in society cannot but affect the institution of the family, which for centuries accompanies the life of man and society, giving the latter stability and the opportunity to make up for new generations, realizing the reproductive function of the family. The role of the conscious and consistent process of instilling family values and traditions in young people in the process of education in order to protect their rights, including the right to live and be brought up in a full-fledged traditional family, is emphasized.

Keywords: family, family values, traditional family, minors, protection of rights of minors.

Сегодня уделяется большое внимание защите прав и интересов несовершеннолетних граждан нашей страны. Охрана материнства и детства, особое внимание к молодежи, воспитание подрастающего поколения – все это составляющие современной молодежной политики государства. Так, согласно ч. 2 ст. 7 Конституции Российской Федерации в России «обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства». В п. ж ст. 37 Конституции РФ говорится, что «защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях» находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Защита прав и законных интересов несовершеннолетних находит наибольшее отражение в семье. Семья, как известно, является «ячейкой» общества. Подобная трактовка семьи знакома практически всем благодаря развитию в стране исторического материализма. К «классической» трактовке семьи можно отнести следующее. «Семья является одним из институтов общества, придающим ему стабильность и возможность восполнять население в каждом следующем поколении» [3, с. 3].

Для создания здоровых условий жизни и воспитания в семье, значение имеет не только помощь семье, оказываемая со стороны государства, но и ее прочность, устойчивость. В исто-

рии человечества в зависимости от эпохи изменялись место, роль, функции семьи [2]. В свое время место так называемой большой семьи заняла семья малочисленная, которую принято называть нуклеарной. На сегодняшний день мы видим явную трансформацию «классической» семьи. Подобные преобразования семьи рассматриваются весьма неоднозначно. Одни считают изменения «мутацией» семьи, а соответственно, уходом от традиций и вплоть до деградации общества, т.е. изменения, которые происходят в парной семье, рассматриваются в негативном, деструктивном свете. Ведь семья является элементом воспроизводства населения и играет важную роль в демографическом развитии общества. Другие (в основном оптимистически настроенные) полагают, что просто пришло новое время с новыми устоями, с новой (однополой, «гражданской» и т.д.) семьей. Однако прочность и устойчивость семьи, семьи как основы для воспитания детей и как следствие – будущего поколения россиян в таких условиях, достаточно спорны. Содействия в укреплении семьи, как это было в прежние периоды, в том числе советского прошлого, со стороны государства сегодня практически нет несмотря на то, что забота о семье является одной из важнейших задач современного государства. Причины невмешательства государства в дела семьи объективны, ведь сегодня семья – это закрытая, приватная, в чем-то даже сакральная часть общества, и вмешательство в ее сферу может быть расценено как нарушение прав личности супругов. В этом отношении уместно привести слова И. А.

Хоменко, которая отмечает: «Для науки изучение семьи всегда имело амбивалентный характер, так как семья является относительно закрытой, а сегодня еще и автономной, системой. Вмешательство государства в дела семьи происходило только в том случае, если семья становилась деструктивной. Это означает, что многие проблемы, которые могли быть решены еще на этапе их зарождения, к моменту вынужденного интереса государства имели уже разрушительный характер как для семьи, так и для ее отдельных членов» [4]. Стоит согласиться с мнением автора статьи, которая указывает, что к тому времени, когда государством проявляется интерес к проблеме семьи, последние приобретают уже неотвратимый разрушительный характер, что негативно сказывается на всех ее членах. Отметим, что больше всего здесь страдают несовершеннолетние, которые лишаются права жить и воспитываться в полноценной семье, с двумя родителями. А следствием потери данного права являются не только проблемы материального характера, но и неразрешенный характер духовно-ценностных проблем, наносящий нередко невосполнимый урон детской психике и ценностно-мотивационной сфере подрастающего человека.

На сегодняшний день к проблемам семьи относятся рост числа разводов, связанное с этим снижение рождаемости и увеличение неполных семей. В социологии, психологии и философии поднимают проблему одиночества. В понимании семьи исторически сложилось, что главные управленческие функции и большинство прав имеет мужчина как глава семейства. Отголоски подобных традиций видны и сегодня: женщина, вступая в брак, в большинстве случаев, берет фамилию мужа. Влияние традиций осталось, а обязанности по «содержанию» жены и семьи не все мужчины и не всегда выполняют. Вот и пришлось женщинам отстаивать равенство в правах и обязанностях. Но эмансипация женщин не решила проблем, семьи. Другой аспект этой же проблемы – упрощение процедуры развода. В разных странах к этому процессу проявляется свое отношение. Некоторые в упрощении юридической процедуры развода видят подрыв основ семейных традиций. Другие винят женщину, желавшую уравниваться в правах и в возможностях с мужчиной. Третьи же вообще говорят о возможности «уведомительного порядка» расторжения брака, когда супруги при отсутствии взаимных материальных и иных претензий уведомляют соответствующие органы о решении расторгнуть брак и заключить «разводный контракт» (некий аналог брачного контракта). В мировой практике в этом плане сложнее обстоит дело с церковными браками. Поэтому не существует единой системы решения проблемы разводов, особенно в тех случаях, когда происходит столкновение религиозных и светских нормативных систем. Рост числа разводов и увеличение неполных семей, как отмечено выше, оказывает отрицательное воздействие на реализацию родителями защиты прав и свобод своих детей.

К своеобразным проблемам современной семьи следует также отнести так называемую демократизацию нравов или деградацию культуры сексуального общения. Хотя для большинства современных российских семей супружеская верность является важным доводом совместных отношений, а адюльтер – веское основание для развода, тем не менее, в конце прошлого – начале нынешнего века, в том числе и благодаря засилью западной псевдокультуры, некоторые семьи стали свободнее смотреть на «нетрадиционное» семейное общение («заключение» договоренности о взаимной половой свободе (в научной литературе встречается под названием «открытый брак»), пары сексуальных меньшинств – «однополый брак», встречаются «виртуальные браки» и т.д.). Религия на подобные вещи смотрит более консервативно, расценивая подчас даже чтение эротической литературы как измену. Подобная вестернизация в области демократизации и упрощения семейных ценностей, неоднозначно отражается на восприятии семьи, ее ценностей и предназначения. К примеру, по данным исследователей «от 12 до 27 % принявших участие в опросе, проводимом кафедрой педагогики и психологии семьи Герценовского университета, к членам семьи относят и животных» [4].

Как отмечалось выше, к проблемам современной семьи относится увеличение числа неполных семей. Разлад в супружеских, семейных отношениях, нередко завершающийся разводом и разрушением семьи, неблагоприятно отражается на детях и идет в разрез с защитой их прав. В России с советских времен (а может быть и ранее) сложился такой порядок, что при разводе ребенок остается с матерью. Причем лишит мать родительских прав на практике очень сложно. В большинстве своем с разводом родителей заканчивается общение ребенка с

отцом и его родственниками. Причины этого неоднозначны, а последствия очевидны. В то же время социально-экономические, политические и культурные условия развития молодежи во многом коррелируют с теми условиями жизни, которые создаются в семье для полноценного становления человека. И значение здесь имеет не только материальный достаток семьи, но и духовная составляющая, формирование личностных качеств детей и подростков на примере «здоровых» отношений матери и отца в семье. Поэтому деятельность по укреплению семьи и семейных традиций в российском обществе должна стать неотъемлемой частью социальной политики государства. Специалисты в области семьи отмечают, что «Снижение репродуктивных установок российской молодежи будет способствовать убыванию страны в геометрической прогрессии, так как сегодня практически не ведется системная государственная работа по формированию семейных ценностей и воспитанию ответственных родителей» [4].

Защита прав несовершеннолетних в семье предполагает материальное обеспечение родителями детей при отсутствии их экономической самостоятельности, воспитание сознательного отношения к учебе и как следствие – работе, что будет способствовать скорейшей социализации несовершеннолетнего во взрослой жизни, независимой от родителей.

С ростом числа разводов, увеличением неполных семей, а также снижением роли семьи в защите прав несовершеннолетних коррелирует проблема детской беспризорности и преступности несовершеннолетних. Общественная опасность преступности несовершеннолетних заключается в том, что она является резервом взрослой преступности. Преступность несовершеннолетних имеет свою специфику, а ее изучение и минимизация весьма актуальны, в связи с тем, что затрагивают судьбу будущего поколения. От реализации и разработки превентивных мер зависит состояние и тенденции развития преступности завтрашнего дня, а также эффективность защиты прав и свобод самих несовершеннолетних. Являясь важным социальным резервом любой страны, несовершеннолетние заслуживают особого внимания со стороны общества и государства. Наличие поведения, отклоняющегося от нормы, принятой в обществе, со стороны молодежи (в частности, лиц от 14 до 18 лет) иллюстрирует слабую эффективность социальной и молодежной политики, неразвитость рычагов социального включения подростков в жизнедеятельность общества, проблемы как в семейном воспитании, так и в школьном. Относительно несовершеннолетних, преступивших уголовный закон, стоит отметить, что их психовозрастные характеристики говорят о незавершенном процессе формирования личностных качеств. К числу психовозрастных и социальных особенностей здесь могут быть отнесены: высокий уровень эмоциональности и неумение его сдерживать, неразвитость волевых качеств личности, неуравновешенность характера, высокая степень зависимости от непосредственного социального окружения и подверженность негативному примеру псевдоавторитетов. Их побуждения, интересы, стремления сводятся к потребительству, вытесняя сострадание и общественно полезные цели. Они хотят «веселой жизни», взять от мира, вселенной, общества все, ничего не отдавая взамен. В преодолении такого подхода к социальной действительности высока роль семьи. Именно семья, а также школа должны уделять особое внимание воспитанию детей, что создаст прочную основу для реализации защиты их прав и свобод.

Пристатейный библиографический список

1. Киселева Елена Викторовна Семья как социокультурная ценность // Вестник славянских культур. - 2016. - № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-kak-sotsiokulturnaya-tsennost> (дата обращения: 26.01.2022).
2. Кузнецов А. А., Курило С. Н. Семья как объект научного исследования: современный взгляд // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 10 (161). - С. 533–535.
3. Осинский И. И., Глыкова Э. В. Бурятская городская семья на рубеже XX–XXI веков. Социологический анализ. - Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. - 352 с.
4. Хоменко И. А. Современная семья: состояние и перспективы развития // Universum: Вестник Герценовского университета. - 2011. - № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-semya-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 25.01.2022).

ГУТОРОВ Юрий Александрович

преподаватель Нижегородской духовной семинарии

ПЕШКОВ Алексей Адольфович

кандидат философских наук, доцент Нижегородской духовной семинарии

ПЛАКСИН Виктор Александрович

преподаватель Нижегородской духовной семинарии

ВОСПРИЯТИЕ ЛИЧНОСТИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ИСТОРИОСОФИИ ЕВРАЗИЙЦЕВ

Личность Александра Невского в Советской России, особенно в период начала становления государства, практически не изучалась. Однако в эмигрантской среде его жизнь и политическая деятельность вызывали пристальное внимание со стороны исследователей, среди которых особенно выделялись Г. В. Вернадский и Н. А. Клепинин. Для евразийцев фигура князя Александра Невского была притягательна, поскольку воплощает в себе все положительные качества государя и персонифицирует культурные, политические и государственные идеалы евразийства.

Ключевые слова: евразийство, история России, Александр Невский, Г. В. Вернадский, Н. А. Клепинин.

GUTOROV Yuriy Aleksandrovich

lecturer of the Nizhny Novgorod Theological Seminary

PESHKOV Aleksey Adolfovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of the Nizhny Novgorod Theological Seminary

PLAKSIN Viktor Aleksandrovich

lecturer of the Nizhny Novgorod Theological Seminary

THE UNDERSTANDING OF THE PERSONALITY OF ALEXANDER NEVSKY IN THE HISTORIOSOPHY OF THE EURASIANS

The personality of Alexander Nevsky in Soviet Russia, especially in the period of the beginning of the formation of the state, was practically not studied. However, among the emigration, his state activity and biography attracted the attention of researchers, among whom G. V. Vernadsky and N. A. Klepinin especially stood out. For the Eurasianists, the figure of Prince Alexander Nevsky was attractive as it embodies all the positive qualities of the sovereign and personifies the teaching of Eurasianism.

Keywords: Eurasianism, History of Russia, Alexander Nevsky, G. V. Vernadsky, N. A. Klepinin.

«Евразийство — крупномасштабный проект, в рамках которого были подняты такие проблемы, которые во многих отношениях до сих пор не утрачивают своей значимости. Он легитимно претендует на то, чтобы его воспринимали как самодостаточную, действительную и даже всеобъемлющую концепцию, затрагивающую культурологию, историософию, геософию, религию и политику» [3].

В опубликованной в 1925 году статье «Два подвига святого Александра Невского» евразиец Г. В. Вернадский производит сравнительный анализ жизненного пути современников, по литических деятелей XII века — Александра Невского и Даниила Галицкого: «Двое сильнейших русских князей этого времени сделали выбор по-разному. Даниил Галицкий выбрал Запад и с его помощью попытался вести борьбу против Востока. Александр Невский выбрал Восток и под его защитой решил отбиваться от Запада» [2]. Вернадский отмечает, что князь Даниил не отличался последовательностью в политике, при этом помощь, оказанная римским папой, была лишь номинальной. Галицкие земли в конечном итоге были захвачены соседними племенами, в то время как князь Александр Невский, наладивший дипломатические связи с монгольским ханом Батыем, сумел сохранить культурно-конфессиональную идентичность русских земель, укрепить свою великокняжескую власть и искоренить внутренние беспорядки.

Вернадский, соглашаясь с Трубецким и Савицким, также полагал, что опасность с Запада была более значительной, чем от монголов [2]. Такая позиция, на наш взгляд, является умозрительной, так как нет данных, свидетельствующих о нанесенном немцами или шведами значительном ущербе, в то время как разорение русских княжеств монгольскими набегами было запечатлено в хрониках. Возможно, Вернадский имел в виду потенциальную угрозу. Вернадский, таким

образом, прямо указывает на важность религиозной составляющей (православия) в процессе сохранения культурной идентичности русского народа. Соответственно, он считал исторически правильным и обоснованным выбор Александра Невского в пользу религиозно нейтрального монгольского «протектората».

Первым из двух подвигов Александра Невского, о которых пишет Г. В. Вернадский, является победа над «латинством» (шведами и немцами), одержанная князем на северо-западных рубежах. Некоторыми историками подвергается сомнению масштаб военных побед Александра Невского [6], расценивая столкновения на Неве и Чудском озере как рядовые приграничные стычки. Однако для Вернадского, очевидно, сам факт военного противостояния натиску западной цивилизации является важным. Это, по его рассуждению, является знаковым событием, наряду со вторым подвигом Александра Невского — «хождение во Орду», ради прекращения дальнейших монгольских набегов.

Г. В. Вернадский, в целом соблюдая рамки исторической действительности, искусно вписал в концепт «евразийства» личность почитаемого в русском обществе святого благоверного князя Александра Невского. Ф. Шенк отмечает: «Александр Невский прекрасно подходил евразийцам в качестве фигуры идентификации. В его биографии отражаются центральные, программные элементы их учения. Александр с его милитаристской западной и дипломатичной восточной политикой, кажется, уже предвосхитил в XIII в. евразийскую политическую программу. Память евразийцев об Александре Невском определялась, в частности, тремя элементами: во-первых, его святостью и описанием мы-группы как православной сакральной общины; во-вторых, внятной антизападной позицией и четким образом врага в лице латинской/католической Европы и, в-третьих, реинтерпретацией мон-

гольского ига и положительной оценкой политики Александра по отношению к восточным завоевателям» [7].

Одним из значительных трудов евразийцев, посвященных личности князя Александра Невского, является вышедшая в 1927 году в Париже книга «Святой и благоверный великий князь Александр Невский», автором которой является Н. А. Клепинин (1899-1941). Как и обозначенная выше статья Г. В. Вернадского, данный труд является историософским, что подчеркивается в рецензии, написанной В. Н. Ильиным (журнал «Путь» № 8 за 1927). Ильин пишет, что в задачи рецензента не входит разбирать книгу с точки зрения исторической щепетильности, так как задание ее явно историософское, что и выполнено с успехом; при этом рецензент особо обратил внимание на главное достоинство труда: правильно почувствованная и верно решенная проблема национально-святого.

Клепинин неизменно именуется князя «святой Александр», что подчеркивает трепетное отношение автора к объекту его исследования. Он обосновывает идею о том, что сражение с католическим воинством, пришедшим с Запада, было верным и благочестивым деянием. Небесные вмешательства в сражения, о которых говорит житие князя, является, по его мысли, легитимацией антизападной политики Александра Невского. Данная мысль укладывается в концепт идеологии евразийцев об опасности западной агрессии.

Важным для осмысления личности Александра Невского являются его отношения с младшим братом – князем Андреем. Известно, что после смерти Ярослава Всеволодовича в 1247 году великий хан Гуюк, вопреки воле хана Батя, благоволившего к Александру, передал Андрею ярлык на великое княжение во Владимире. Однако в 1252 году ярлык был передан Александру, прибывшему на Дон к сыну Батя Сартаку, управлявшему тогда Волжской ордой. Одновременно на владимирские земли вторглась так называемая «Неврюева рать» с карательной экспедицией. Андрей попытался оказать сопротивление, но был разбит и затем бежал в Швецию. Историография оценивает данные события в разном ключе. Так, по предположению В. Н. Татищева, Александр будто бы убедил благоволившего к нему Сартака в том, что Андрей утаивает часть положенной монголам дани [1] – «выхода». И тогда-то, согласно Татищеву, Сартак направил своего родственника, царевича Неврюя, наказав виновного, а ярлык на великое княжение передал Александру. Некоторые историки объясняют немилость Сартака отказом князя Андрея ехать в Орду [5], однако это не раскрывает причину вызова князя в столь дальний путь.

Клепинин отрицает любую причастность Александра Невского к интригам против своего брата, ссылаясь на то, что нельзя приписывать князю Александру тех настроений, которые ему чужды и противоречат всему его облику.

По мнению В. Н. Ильина, в своем труде Н. А. Клепинин «очень хорошо оттенил... три стихии: ярко враждебный Православию Запад..., могучую стихию Востока, включившего в себя на время русскую стихию..., и пробивавшуюся сквозь них Россию, ревностно оберегавшую и Православие, и свой великодержавный замысел» [4].

В целом, можно отметить параллели между концепцией Г. В. Вернадского и Н. А. Клепинина. Оба мыслителя считают, что монгольское завоевание выбросило русские земли из орбиты европейской истории, однако одновременно Русь была включена в огромный торгово-хозяйственный механизм гигантской монгольской империи, простирившейся практически по всей Евразии от Дуная до Китая.

Историософские рассуждения Г. В. Вернадского и Н. А. Клепинина базировались на общем методологическом подходе, что русская политическая система в XIII веке находилась в процессе деградации и не могла сформировать организованное и эффективное сопротивление монгольскому нашествию. «Монгольский» фактор, по мнению этих авторов, будто бы остановил процесс разложения русской государственности через включение русских земель в структуру общественно-политических и экономических отношений монгольской империи. Однако с исторической точки зрения влияние монгольской государственности на русскую политическую традицию представляется весьма спорным.

Монгольская государственность была молодым явлением – масса кочевых племен, организованных в войсковые соединения личностью Чингисхана, еще только находились на стадии разложения родоплеменных отношений. Более того,

монгольская империя просуществовала лишь небольшой промежуток времени, распавшись сначала на четыре относительно крупных Орды, а те, в свою очередь, еще на несколько десятков мелких ханств. В подобной ситуации было бы неправильно заявлять о стержневом значении монгольского владычества для возрождения русской государственности.

Русские княжества не входили в состав монгольской империи: князья самостоятельно управляли своими территориями, имели свой административный аппарат и воинские формирования (дружины). Зависимость русских земель можно условно сопоставить с вассальной – монгольский хан даровал избранному русскому князю «ярлык на великое княжение», а тот должен был контролировать вверенные ему пространства и своевременно присылать дань. Возможно, подобная ситуация объяснялась тем, что удобная для передвижения кочевых племен степная зона простиралась лишь на юге русских земель, и неудобный для передвижения рельеф местности создавал неудобства монголам для содержания собственных наместников, чиновничьего аппарата и охранных гарнизонов. Покорность русских князей достигалась не только угрозой жестокого возмездия, но и системой аманатов-заложников – как правило, это были княжеские дети, которых удерживали в плену годами.

Система господства Золотой Орды над русскими княжествами была основана, таким образом, не на существовании какой-то военно-политической организации, а на угрозе карательных походов за любое проявление непокорности. Баскаки выступают не в качестве наместников, обеспечивавших подчинение местного населения ордынской власти при помощи собственных вооруженных отрядов, а как представители хана, которые только контролировали деятельность русских князей и доносили хану о случаях неповиновения. По доносам баскаков хан или направлял татарское войско для карательного похода, или вызывал непокорного князя на суд в Орду. Именно на эту сторону деятельности баскаков обращал внимание Б. Д. Греков. По его мнению, русские князья были поставлены под контроль ханской власти, и контроль этот осуществляли баскаки.

Подводя итог, можно отметить, что жизнь и деятельность Александра Невского являет собой персонализацию учения евразийцев, так как объединяет в себе основные аспекты их идеологической платформы:

- мирное сосуществование с монгольским государством (Александр Невский путем дипломатических переговоров избавил Русь от окончательного разграбления, а также при помощи монголов прекратил междоусобные конфликты между русскими князьями);
- военные успехи в столкновениях с западными агрессорами (победа над шведскими интервентами на реке Неве и над Ливонским орденом на Чудском озере);
- благочестивая жизнь князя, прославленного в 1547 году в лике святых как чудотворца.

Пристатейный библиографический список

1. Андрей Ярославич // Русский биографический словарь: в 25 томах. - СПб.-М., 1896-1918. - Т. 1. - С. 120.
2. Вернадский Г. В. Два подвига св. Александра Невского // Евразийский временник. Кн. 4. - Прага, 1925. - С. 318-337.
3. Гуторов Ю. А. Евразийская интеграция: этнический аспект. // Труды Нижегородской духовной семинарии. - Нижний Новгород, 2021. - № 19 (19) – С. 361-377.
4. Клепинин Н. А. «Св. и благоверный великий князь Александр Невский» // Путь. Орган русской религиозной мысли. - 1927. - № 8. - С. 158.
5. Селезнёв Ю. В. Вокняжение Александра Невского в 1252 г.: политические реалии и их отражение в русской письменной традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. - 2009. - № 1 (35). - С. 36-41.
6. Фенел Дж. Кризис средневековой Руси: 1200-1304 / Пер. с англ. Вступ.ст. и общ. ред. А. Л. Хорошкевич и А. И. Плигузова. - М., 1989. - С. 470.
7. Шенк Ф. Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263-2000). - М.: Новое литературное обозрение, 2007. - С. 624.

КОЛГАНОВ Сергей Витальевич

кандидат философских наук, доцент Национального исследовательского университета «Московский авиационный институт»

ГЛУХОВ Петр Сергеевич

кандидат философских наук, доцент Национального исследовательского университета «Московский авиационный институт»

МИР КАК КОМПЬЮТЕРНАЯ СИМУЛЯЦИЯ

Активное развитие технологий виртуальной реальности стремительно меняет окружающий мир, а также представления человека о самой реальности. Эта работа дает ценную информацию, о том, как создание метавселенных будет преобразовать наш мир. В статье затрагивается вопрос о мире как симуляции. Создание метавселенных – это новое явление, расширяющее наши возможности, позволяющее вести активную жизнь и в виртуальной реальности. Автор подробно рассматривает те области человеческого бытия, в которых использование новых цифровых технологий приведет к глобальным изменениям в жизни людей и всего человечества.

Ключевые слова: симуляция, метавселенная, виртуальная реальность, матрица, компьютерные технологии, реальность.

KOLGANOV Sergey Vitaljevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of the National Research University «Moscow Aviation Institute»

GLUKHOV Peter Sergeevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of the National Research University «Moscow Aviation Institute»

THE WORLD AS A COMPUTER SIMULATION

The active development of virtual reality technologies is rapidly changing the world around us, as well as human ideas about reality itself. This work provides valuable information about how the creation of virtual reality will change our world. The article addresses the issue of the world as a simulation. The creation of metaverses is a new phenomenon that expands our capabilities, allowing us to lead an active life in virtual reality. The authors examine in detail those areas of human existence in which the use of new digital technologies will lead to global changes in the lives of people and all mankind.

Keywords: simulation, metaverse, virtual reality, matrix, computer technology, reality.

Что есть реальность? Этот вопрос не предполагает простого ответа, особенно, если вспомнить восточную теорию о тотальной власти над нами всеобъемлющей иллюзии – майи, или тот переворот, который совершил в XVIII веке в западной философии самый цитируемый в мире философ Иммануил Кант.

Согласно гносеологии Канта, всякое знание начинается с опыта, но к одному лишь опыту не сводится. Часть наших знаний порождается самой познавательной способностью. Мир, таким образом, делится на доступные знанию явления и непознаваемые «вещи в себе». Мир «вещей в себе» принципиально недоступен человеку, и «о том, каковы они могут быть сами по себе, мы ничего не знаем, а знаем только их явления, т.е. представления, которые они в нас производят, действуя на наши чувства» [1].

Сейчас много говорят о технологиях дополненной реальности, которые внедряются на производстве, в компьютерных играх (в частности, игра Pokemon Go) и т.п. Но Кант еще в XVIII веке обосновал теорию, согласно которой реальность такого рода всегда присутствует в нашей жизни – именно человек особым образом раскрашивает неведомый ему мир «вещей в себе», и они превращаются, благодаря формам восприятия реальности свойственным человеку, в «вещи для нас». И Кант аргументировал существование человека в мире такой дополненной реальности настолько убедительно, что это открытие посчитали

таким же переворотом в философии, какой произвел в астрономии Николай Коперник.

Насколько воспринимаемый нами мир отличается от мира действительного? Эта проблема рассматривалась философами прошлого столь обстоятельно, что в настоящее время мыслители предпочитают не устраивать диспуты на данную тему, т.к. прямо противоположные подходы к ее решению уже давно обозначены. В философии сенсуализма, воспринимаемая через ощущения действительность принимается пределом реального, а в рационалистической традиции проблема природы познаваемой реальности переходит в проблему природы теоретической реальности, т.е. того, что стоит за теоретическими предположениями.

В квантовой механике, например, мы имеем волновую функцию, являющуюся главной характеристикой квантового объекта. Одни считают, что волновая функция отображает некое реально существующее поле, другие – что она отображает вероятностное поведение отдельных квантовых объектов, третьи утверждают, что она отображает статистические свойства больших совокупностей (или ансамблей) квантовых объектов. Всё, что мы знаем с большой или меньшей степенью уверенности – это математические свойства волновой функции, её спектры излучения. А выйти за пределы этого не представляется возможным.

Решение проблемы соответствия знания и реальности осложняется и тем, что наш язык, как способ транс-

ляции истинных знаний, не просто описывает внешнюю реальность. Зачастую такое соответствие отображается в виде ряда промежуточных понятий, уравнений и формул. Чему, например, соответствуют многомерные пространства линейной алгебры или иррациональные числа? Чему соответствуют обычные действительные числа? На одни из поставленных вопросов можно довольно легко подобрать ответы и указать вид соответствия, на другие же ответить внятно практически невозможно, поскольку приведённые понятия играют лишь инструментальную роль. Они – это способ описать (донести; понять) некий процесс так, чтобы наш разум смог воспринять полученную информацию и оперировать ею.

Неявным следствием обозначенной проблемы является то, что «объективная реальность» может быть больше похожей на сон, чем мы когда-то это предполагали. Во сне, пока вы не проснетесь, вы не поймете реального различия между вашим «внутренним» я и «внешней» реальностью сна. Только потом к вам приходит понимание, что очевидное разделение во сне различных форм бытия является иллюзией, потому что всё создано более глубоким и фундаментальным порядком, – нерушимой целостностью нашего собственного подсознания, воспринимающего адекватно всю эту «целостность». Если здесь нет разделения на ментальный и физический миры, то те же подходы можно применить и к объективной реальности. Но, с точки зрения физика Ф. Дэвида Пита, все это не означает, что материальная вселенная является иллюзией, потому что и неявное, и проявленное играют роль в создании реальности, не всегда нами наблюдаемой [3].

Стоит рассмотреть здесь в качестве примера теорию симуляции. Теория симуляции – это философская концепция, сформулированная шведским мыслителем Ником Бостромом [5]. По мысли ученого, окружающая нас Вселенная может быть заранее запрограммированной компьютерной реальностью. Симуляция, о которой мы не знаем, также должна воздействовать на каждого индивидуально – это потому, что смоделированные люди живут в искусственно созданном мире.

Теория симуляции мира имеет много сторонников. Они часто иллюстрируют эту гипотезу, используя аргумент сновидений. Этот довод популяризировал еще Декарт, считающийся отцом современной философии. Аргумент сновидения основан на признании неспособности отличить состояние бодрствования от сновидения. Когда человек видит сон, он обычно этого не осознает. Во время сна переживания, производимые мозгом, кажутся реальными. Только после пробуждения вы можете осознать, что этого переживания не было в реальном мире. Однако аргумент сна ставит под сомнение реальность того, что мы переживаем, когда просыпаемся. Сторонники этой философии предполагают, что если мы не можем отличить сон от реальности, возможно, мы никогда не проснемся, т.е. мы постоянно живем в мире симуляции.

Теория симуляции включает в себя еще одну популярную концепцию «мозга в колбе». Теория «мозга в колбе» напрямую связана с всеобъемлющей теорией симуляции. Это понятие относится к мысленному эксперименту, сформулированному американским философом Хилари Патнэмом [2]. Он предлагает исходить из того,

что разум человека находится вовсе не в голове, а в закрытом контейнере. Согласно рассматриваемой теории, мозг, который находится в колбе, через нервные окончания подключен к суперкомпьютеру. Это стимулирует восприятие раздражителей, создающих иллюзии людей, переживаний и, наконец, всего мира. Такой процесс может быть, как индивидуальным, так или коллективным. Невозможно различить, живет ли кто-то самостоятельно или управляется электрическими импульсами, возбуждающими разум. Такая позиция считается современной формой скептицизма, то есть недоверчивого и критического отношения.

Сторонники теории симуляции оправдывают нереальность жизни и через другие доказательства идеи симуляции. Одним из дополнительных аргументов, которые они приводят, является размер Вселенной и возраст Земли. Космос – это огромное пространство с миллиардами планет, галактик и звезд. Земля – лишь малая часть этой Вселенной. Если исходить из теории вероятностей, то во Вселенной должны быть и другие цивилизации. Несмотря на огромные шансы найти следы существования инопланетных цивилизаций, человек еще ни разу с ними не встречался. Сторонники идеи мира как симуляции считают, что это связано с тем, что инопланетяне не были запрограммированы на нашу иллюзию.

Возраст Земли также важен с точки зрения моделирования. Предполагается, что нашей планете 4,5 миллиарда лет. Если во Вселенной есть цивилизация, которая развивается в 3 раза дольше, чем земная, то она, вероятно, обладает гораздо более продвинутыми технологиями. Таким образом, высокое развитие инопланетной цивилизации может привести нас к идее созданного ими симулированного мира, в котором мы в настоящее время находимся.

Еще одной причиной рассмотрения людей в качестве симулятивных существ является также их структура. У каждого человека есть своего рода код-ДНК. Таким образом, можно полагать, что мы представляем собой набор информации, которую можно разбить на первичные элементы, просчитать и подвергнуть различным трансформациям. Теоретически задуманный таким образом человеческий организм мало чем будет отличаться от компьютерной программы. Сам Космос и управляющие им законы также можно уподобить компьютерному приложению, написанному «космическим» программистом.

Но можно найти и контраргументы, ставящие под сомнение теорию моделирования. Среди доказательств реальности нашего мира есть тезис о том, что создание иллюзии, охватывающей весь Космос, невозможно из-за его размеров. Доказательством реальности мира является даже тот факт, что мы можем подвергать сомнению реальность. Жизнь в симуляции, вероятно, была бы запрограммирована так, чтобы заставить людей поверить, что это есть единственная реальность. Следовательно, в симуляции не было бы места для рассуждений о реальности мира и нас самих.

Таким образом, у теории жизни как симуляции, кроме яростных сторонников, есть и масса критиков. Они подчеркивают, что все доказательства в пользу симуляции – просто философские изыски.

Тема моделирования мира широко отображается и в искусстве – особенно в киноискусстве. Мир в форме компьютерного программного обеспечения является темой многих научно-фантастических фильмов. Самый известный фильм этого жанра – «Матрица», рассказывающий историю Нео – компьютерного хакера. Главный герой этого киношедевра обнаруживает, что мир, в котором он живет, всего лишь образ, программа, созданная коллективом машин. Теория моделирования присутствует и в других кинофильмах на аналогичную тему, где их герои перемещаются в виртуальную реальность или внутрь компьютерной системы (фильмы: «Тринадцатый этаж», «Трон» и др.).

Теория симуляции – это экстраординарная философская мысль, которая терзает наши умы и самое интересное в этой теории то, что ее нельзя в конечном итоге считать однозначно истинной или ложной. Так что мы, вероятно, никогда не узнаем правильного ответа на вопрос «живем ли мы в мире симуляции?»

Благодаря техническому прогрессу сегодня видение игрового мира не кажется таким уж нереальным. ИТ-решения, такие, как создание все более сложной виртуальной реальности, дают пищу для размышлений о том, где находится граница в применении технологий и действительно ли мы живем в мире симуляции.

Одно правило «матрицы» в действительности настоящего времени точно действует: в ней все более активно смешиваются два мира – мир реальных объектов и мир виртуальный. Стоит осмыслить вопрос, а какое будущее в результате этого перед нами приоткрывается? И в каком направлении сейчас дрейфует вся наша земная цивилизация?

Высокие технологии продолжают стремительно менять как окружающий нас мир, так и представления человека о самой реальности. Когда в июле 2021 года сооснователь Facebook Марк Цукерберг объявил о намерении создать метавселенную, он отметил, что на ее разработку уйдет пять – десять лет. Но она будет стоить тех усилий, которые в нее будут вложены, т.к. в будущем многие станут ее обитателями. Цель по аудитории метавселенной Facebook – миллиард человек к концу десятилетия. Метавселенная (слово «мета» в пер. с греч. «за пределами») – это новое явление, расширяющее наши возможности, позволяющее вести активную жизнь не только в реальном мире, но и в многочисленных виртуальных реальностях. Первое представление о метавселенной возникло в 1992 году в романе Нила Стивенсона «Лавина» [4]. Эта книга повествует о том, что в XXI веке на Земле вся власть перейдет к нескольким государствам-корпорациям, а в них кроме реального мира существует и мир виртуальный.

Через активное развитие технологий виртуальной реальности в метавселенной у человека появляется больше свободы, поэтому там он сможет выбирать для себя атрибуты совершенно иного (неземного) образа жизни. В условиях рыночной экономики, чем глубже люди будут погружаться в виртуальную реальность, тем больше усилий компании должны будут направлять на разработку цифровых продуктов, удовлетворяющих текущие (пусть даже самые безумные) запросы потребителей. Предметом покупок в виртуальной реальности станут вещи

постоянно расширяющегося цифрового мира. Важно задаться таким вопросом, а будут ли люди в таком виртуальном мире овладевать различными навыками по максимуму, развиваться?

Но каким бы не представлялось наше будущее, мы вступили в него, объединив материальную и духовную природу с помощью цифровых технологий. Бытие цивилизации – непрерывный материально-духовный процесс. Как и материальная жизнь, мир образов обладает собственной структурой (пространством) и временем (ритмом), зависимым от взаимодействия социальных и природных факторов. Этот мир – информационная реальность общества. Мы все активнее используем разные трансформационные технологии для перевода объектов с одного уровня на другой, с предметного плана на план энергоинформационный (виртуальный), в соответствии с волей человека, изменяя при этом и основополагающие характеристики реальности.

Пристатейный библиографический список

1. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука / Собр. соч. в 6 т. – Москва, 1965. – Т. 4. Ч. 1. – 544 с.
2. Патнэм Хилари. Разум, истина и история. – Москва: Праксис, 2002. – 296 с.
3. Пит Ф. Д. Синхронность мост между материей и умом / Стивен Волинский. Квантовое сознание, 1997. – 203 с.
4. Стивенсон, Н. Лавина / Пер. с англ. А. Комаринец. – Москва: АСТ, 2019. – 480 с.
5. Bostrom By Nick. Are you living in a computer simulation? // Published in Philosophical Quarterly. – 2003. – Vol. 53. – № 211. – Pp. 243-255.

КОСТИНА Ольга Викторовна

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Саратовской государственной юридической академии

ШУГУРОВ Марк Владимирович

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Саратовской государственной юридической академии

АПОФАТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОСТОЧНО-ХРИСТИАНСКОЙ ЭСТЕТИКИ: АКТУАЛЬНОСТЬ ТРАДИЦИИ*

В статье анализируется отображение восточно-христианской апофатической парадигмы, имеющей мощную религиозно-мистическую основу, в эстетической компоненте христианской культуры. Актуализация данного отображения особо значима с точки зрения расширения горизонтов современной духовности и приоткрывания новых онтологических перспектив. Особое внимание уделено концепции Е. Н. Трубецкого «умозрение в красках», а именно его иконичному пониманию искусства, связанного со спецификой отечественного эстетического видения и одновременно отражающего смысловую почву для интерпретации апофатической (анагогической) тональности культуры.

Ключевые слова: средневековая эстетика, апофатика, религиозно-мистический опыт, иконичность, русская философия, духовность.

KOSTINA Olga Viktorovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of Philosophy sub-faculty of the Saratov State Law Academy

SHUGUROV Mark Vladimirovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of Philosophy sub-faculty of the Saratov State Law Academy

APOPHATIC FOUNDATIONS OF ORIENTAL CHRISTIAN AESTHETICS: THE RELEVANCE OF TRADITION

The article analyzes the reflection of the Eastern Christian apophatic paradigm, which has a powerful religious and mystical basis, in the aesthetic component of Christian culture. The actualization of this reflection is an especially significant from the point of view of expanding the horizons of modern spirituality and opening up new ontological perspectives. Particular attention is paid to the concept of E. N. Trubetskoy "speculation in colors", namely his iconic understanding of art, associated with the specifics of Russian aesthetic vision and at the same time reflecting the semantic ground for the interpretation of the apophatic (anagogical) tone of culture.

Keywords: medieval aesthetics, apophaticism, religious and mystical experience, iconicity, Russian philosophy, spirituality.

Костина О. В.

Шугуров М. В.

Актуальность обращения к исследованию апофатических основ восточно-христианской эстетики и выявления ее парадигмы с точки зрения их значимости для современности во многом определяется кризисным характером эстетического измерения бытия современного человека и общества. Подобного рода исследование предполагает совмещение двух контекстов, а именно размышления о трансцендентном источнике наших онтологических вопрошаний в «режиме ослабленности бытия» (Дж. Ваттимо, Дж. Капуто), а также необходимости продумывания возможности продуктивных стратегий эстетического опыта в целом и искусства в частности.

Проработка апофатического всегда была делом искусства, а именно его вдохновенных попыток заглянуть за край бытия и говорить языком божественных намеков и символов. Использование апофатического метода позволяло преодо-

леть разрыв между онтологическими уровнями бытия и переходить к его целостности. Эстетика как таковая вступала здесь на удивительную стезю сложного, достаточно антиномичного пространства соединения утверждения и отрицания. Иными словами, эстетика становилась апофатической и оказывалась своего рода составной частью отрицательного богословия как особого праксиса религиозно-мистического опыта. Это находило свое отражение в том, что иконическое отображение невидимого Бога было визуальным указателем на необъектное, т.н. на иное имя Абсолюта. В данном случае мы имеем дело с «умозрением в красках», свидетельствовавшего о том, что оригиналу соответствует образ, который является частью онтологической системы воплощения, даже если он представлен антиномически (Д. П. Мануссакис).

С учетом сказанного целью статьи выступает анализ «прорастания» апофатической парадигмы в эстетической компоненте христианской культуры, что весьма актуально и полезно для расширения горизонтов видения и понимания специфики современной духовности с точки зрения приоткрывания новых онтологических перспектив.

Как нам представляется, современность остро нуждается не в «прирученных» сущностях, которые редуцируют объ-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44095 («Многообразие теологических, философских и научных подходов к постижению феномена христианского религиозно-мистического опыта: горизонты и пределы междисциплинарного синтеза»).

ем опыта человеческого бытия до некоторых очевидных данных, а в бесконечном стремлении за пределы эмпирического опыта, где пребывает божественное иное, в беспокойном стремлении к которому берет свое начало подлинная духовность и религиозность. В этом случае апофатизм выступает в качестве одного из продуктивных направлений не только теологического, но и научного дискурса. Как отмечают современные российские философы, путь последовательных отрицаний «...очищает наши понятия и не позволяет нам мыслить в их ограниченных значениях» [1, с. 9]. Апофатическая направленность мышления как таковая действует не просто в ситуации критического подозрения как отрицания, но и в сложных условиях онтологической неопределенности, когда мы нуждаемся не столько в «ясном как солнце» сообщении, сколько в косвенных жестах и намеках на неизречаемую полноту мира. Например, П. Адо точно характеризует апофатизм как «символ неизречаемой тайны бытия» [2, с. 215]. Предтеча негативной теологии, по его мнению, – это аферетический метод абстракции, означающий отсечения того, что не столь важно с сущностной точки зрения. Дело в том, что привнесение разнообразия в бытие не всегда означает увеличение его полноты. Кроме этого, данный метод позволяет преодолеть разрыв между онтологическими уровнями бытия.

Дальнейшая эволюция религиозно-духовных интенций привела к смене афайресиса апофатикой. Это явственно заметно в творчестве Дамаскина. Приведем здесь выразительную цитату из его творений: «Скорее, более свойственно говорить [о Нем] через удаление всего» [3, с. 80]. Собственно, это понимание трансцендентного как принципа, управляющего вещами, который вынесен за пределы космоса. Трансцендентное не принадлежит разнообразию этого мира, но оно его задает, что в основных чертах прослеживается у Платона в приводимых им характеристиках запредельного Блага.

Следует отметить, что П. Адо предпринял рассмотрение прорастания апофатической парадигмы на материале вполне современной философии Л. Витгенштейна. Согласно последнему, экзистенциальная полнота мира невыразима в языке: она принадлежит пространству мистического, как смысл мира, который лежит вне этого мира. Подобные парадоксы свидетельствуют о силе апофатической традиции, которая фиксирует невозможность сделать трансцендентное объектом дискурса: это не вещь мира, лежащая среди вещей. Специальным образом подчеркнем закономерный характер сближения мистического и апофатического. П. Адо указывает, что именно мистический опыт находится в основе негативной теологии, а не наоборот [2, с. 226]. Мистический опыт – это целый «сонм» необычайных трансцендентальных событий, означающих встречу и соприкосновение с таинственной трансценденцией. В рамках религиозной оформленности мистического чувства, изначально имеющего т.н. «океанический» характер, трансценденция воспринимается в духе монодуалистического панентеизма: она пребывает вне мира, но мир пребывает в ней.

Таким образом, мистический слой религиозного опыта задает отрицательное, т.е. апофатическое богословие, и становится его живительной имманентной основой. Кроме этого, данный опыт стал основой для философствующих богословов, ставших весьма заметным явлением в панораме средневековой западноевропейской мистики. Обращение к последней у раннего М. Хайдеггера было обусловлено поиском нетеоретического, т.е. необъективирующего способа мышления. Так, С. Коначева делает вывод о том, что «...в полагании теологической дифференции Хайдеггер оказывается в парадоксальной близости с описанным Лосским восточно-христианским апофатизмом, мыслящим Бога за пределами бытия» [4, с. 324]. У М. Хайдеггера в вычеркивании бытия содержится мощный апофатический потенциал мысли, поскольку бытие не может мыслиться в привычном ряду кате-

гориальных определений, т.к. оно ускользает от всех жестких дефиниций, что в чем-то аналогично концепции трансфинитности Непостижимого по С. Л. Франку. Поэтическая онтология Хайдеггера неслучайно открывается как пространство божественных знаков. Тот, кто способен их распознать, и есть поэт. Поэзии ведомы особые состояния души – божественный энтузиазм, когда все границы кажутся условными перед неведомой силой божественного слова.

Отметим, что апофатическое является способом «уловить» ту неуловимость целого, которое невозможно ни редуцировать к другому, ни выявить в качестве положительного объекта мысли. В этом смысле проработка апофатического всегда была делом искусства и основой его вдохновенных попыток заглянуть за край бытия, а также говорить языком божественных намеков и символов. «Сказывание поэта – это перехват намеков богов, чтобы затем передавать дальше эти знаки своему народу», – отмечал М. Хайдеггер [5, с. 21].

Образцом такого восхождения к Божественным именам является учение Дионисия Ареопагита, чьи творения – авторитетный источник восточной и западной линии христианства. Г. Флоровский называет его не столько мыслителем, сколько созерцателем, в котором «спекулятивное дерзновение внутренне обуздано ...пафосом неизреченности и живым литургическим чувством» [6, с. 125]. Как известно, влияние Ареопагитик сильнее всего сказалось на позднейшем мистико-символическом объяснении богослужения и богослужебных действий, а также в византийской и западной европейской литургической письменности. В дополнение к этому тексты Псевдо-Дионисия Ареопагита стали той плодородной почвой, на которой позже выросли «высокие» цветы не только европейской, но и русской средневековой книжности и искусства.

«Имя Божие есть Сам Бог, но Бог Сам – не имя» [7, с. 69]. Этот принцип лежит в основании символической линии текстов Псевдо-Дионисия Ареопагита. Символический путь понимания позволяет преодолеть пропасть между тварью и Творцом, выстроить божественную иерархию, которая организуется как возможность общительности высшего начала низшим. Эти «божественные изваяния» – свидетели так устроенного целокупного бытия, которое организуется вокруг светового центра высшей причины. «Таким образом, – пишет А. Ф. Лосев, – бытие представляет собою абсолютную бесконечность света с бесконечным убыванием этого света по мере удаления от центра. Все бытие есть разная степень света, начиная с абсолютной полноты в центре и кончая темной материей, уводящей на периферии в бездну небытия и мрака» [7, с. 132]. Это средневековое мировоззрение, с точки зрения А.Ф. Лосева, показывает, что бытие и есть в разных степенях приближения к Абсолюту «напряженный символ».

В этом символическом измерении открываются два пути познания в богословии: апофатика – путь решительного отрицания всех тварных характеристик, а также возвышение всех определений, прилагаемых к миру – катафатика. В целом они восходят к идее несоизмеримости Бога миру. В основании символического видения лежит попытка «схватить» полноту и бесконечность Бога как высшей причины. Описывая мир мистическими символами, т.е. вычеркивая положительные характеристики Бога, мы приближаемся к парадоксальной ситуации неизмеримой измеримости. Прочитаем Ареопагитики, где провозглашается тайна и сокрытие мира, нежели его обнаружение и явность: «Знание сущего, говорит он, относящегося к Богу неведения не обнаруживает и явным не делает, но больше его покрывает и скрывает» [8, с. 353].

Со своей стороны эстетика реализует апофатический импульс Богопознания в искусстве иконописи, храмовой архитектуре, духовном пространстве литургии. В этой связи символизм есть путь выражения мистического богословия, теснейшим образом связанного с культом. Поскольку весь Бо-

жественный мир есть жизнь, совершенная как Благо и Свет, то вполне можно говорить об эстетике Псевдо-Дионисия Ареопагита: прекрасное является здесь в лучших традициях платонической философии не только законом для красоты, но и целого космоса, который отливается в божественную иерархию. Причастность к благому и прекрасному определяет степень существования вещи. В этой связи следует указать на большую роль несходных, неподобных образов в эстетике Ареопагитиков, которые призваны косвенным жестом указать на отличие Божественного мира от мира чувственного и видимого. Эти образы – анагогические. Они возводят человека к истине первообраза; впоследствии это стало ведущей идеей византийской эстетики [9, с. 92]. Антиномизм мышления Ареопагита обращает нас не уже не к греко-римской осязаемой телесности, но к молитвенной иконографии с ее ощущением бездны, столь же непроходимой, как и «различие вещи и личности, мертвого и живого, природы и человека, холодного безразличия стихии и тайного огня интимных глубин духа» [7, с. 139].

Неподобный образ скрывает истину под завесой божественных знаков, символов и намеков, поэтому максимальное удаление в этом измерении обозначает приближение к Божественной сути в парадоксальной позиции между речением и невозможностью говорении о Боге. Тогда следует вести речь о неподобии применительно не только к апофатическим образам, но и к подобным, т.е. катафатическим образам. Ареопагит не раз указывает на то, что даже в утвердительной, т.е. катафатической части изложения, все имена не могут приблизить человека к пониманию Бога, «который ничем из названного не является»¹.

Подчеркнем, что неподобный образ есть принцип существования иконы как символ мистического пути к Божественному. По точному замечанию С. Аверинцева, человек здесь не уравнивает свою жизнь в удовлетворении духовной жажды, не уравнивает в правах сущность и видимость, когда неясно, «...где кончается норма веры и начинается простая артистическая условность» [10, с. 271]. Чувствование и промышление в категориях Иного дает силу существовать на границе между видимым и невидимым, трансцендентным и имманентным. Подобное задание для всей православной традиции работает на всем пространстве искусства, порождая фигуры парадокса и напряженного символизма, т.к. Бог, говоря словами Ареопагита, не есть что-то сущее, но выше сущего. «По сути, иконография представляет собой описание через неподобное, где неподобное (в данном случае – оптически воспринимаемое) выступает в качестве средства выражения выражаемого; неподобие столь же характерно для иконы, как мимесис – для живописи и скульптуры»².

В свою очередь, размышляя об апофатическом импульсе православной традиции в целом, предельным образом акцентирующей смысловую линию Иного (все вещи видимые суть явленные образы невидимых – по известной формуле византийского искусства), следует указать на постановку вопроса об иконичности российской культуры как таковой, исходящей из описания мира сквозь призму двойного видения. Однако принцип иконического мышления не связан только с иконой как отдельным памятником: здесь подразумевает

ся ответ на вопрос – как должен описываться мир, в котором возможна икона. С точки зрения А.М. Лидова, важнейший элемент русской, да и византийско-славянской идентичности как таковой – иконическое сознание, которое сохраняется в культурной памяти и задает определенные принципы описания реальности, которая не дана как окончателная, но предстает как образ иного мира [11, с. 103-104; 12].

Иконичность как характеристика отечественной культуры сплавалась с особыми условиями существования эстетического сознания на Руси. С одной стороны, за внешней красотой в искусстве всегда видели глубину, которую трудно описать словами. С другой же стороны – красота и искусство было более значимы для древней Руси, чем абстрактная, не облеченная в конкретные формы искусства духовность [13, с. 27]. Специфика древнерусского эстетического сознания – софийность, единство искусства, красоты и мудрости, которая будет присутствовать и в формулах всеединства русской философии. Вот почему художество как «умозрение в красках» было отнесено по ведомству Божественной истины, мудрости. В дополнение к этому русская философия была часто представлена не научными трактатами, а художественными текстами. Все это доставляло русскому человеку духовную радость и эстетическое наслаждение. Рублевская интерпретация тринитарного строения мира не менее важна для истории философии, чем гегелевская триада или кантовская трихотомия [14, с. 141].

Такова идейно-эстетическая почва для понимания иконы как таковой и иконичности в отечественной культуре, где земное виделось в перспективе небесного, а видимое – в перспективе невидимого. Сила неподобного иконописного образа делала иконы высочайшими произведениями отечественной духовности. В иконе катафатика и апофатика объединялись для передачи вести Божественной Благодати. Всегда икона как феномен богословской мысли искала золотую середину, и интуиция иконописцев стремилась к адекватному способу ее выражения [15, с. 74]. С богословской и эстетической точки зрения совершенные моленные образы – это святые, выражающие глубочайшее внутреннее содержание культуры, их символическое устройство в качестве окна в пространство Божественного мира.

В обозначенном измерении такой представитель отечественной религиозной философии, как Е. Н. Трубецкой воспроизводил данную линию иконичного ядра культуры, рассматривая при этом икону не просто как отдельный памятник культуры, но как святыню и более того как характернейшее исполнение отечественной духовности, выражение души русского народа. На его работы, посвященные иконе, повлияли Первая мировая война и русская революция 1917 г. Поэтому призыв к миру и победе над звероподобным образом жизни есть призыв к иной жизненной правде, которая максимально воплощена в храмовом устройстве мира: череда событий земной жизни становится оправданной только в перспективе «царства вечного смысла». В этом значении символ неизречаемой тайны бытия (сущностная характеристика негативной теологии, по П. Адо), воплощенной в иконе, является достоянием апофатической традиции, как и, собственно, весь символический строй иконы.

Трубецкой обращает наше внимание на то беспросветное духовное мещанство, которое надвигается на современный мир. Вот почему не происходит встречи двух миров, а искусство утрачивает трансцендентное измерение глубины и «... все выражает необычайно плоскостное и плоское мироощущение» [16, с. 243]. Русский мыслитель полагал, что в зрелости житейского благополучия и комфорта в земной жизни минимизирует влечение к запредельному, уменьшает апофатические характеристики искусства, нейтрализует разницу между добром и злом. Все это чрезвычайно актуально звучит и сегодня в мире вечного потребления и редукций смыслового поля культуры к внешнему, успешному, ней-

1 Николаева Н. Г. «Тусклое стекло» неподобных образов: символический мир Ареопагитик. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tuskloe-steklo-nepodobnyh-obrazov-simvolicheskiy-mir-areopagitik/viewer> (дата обращения: 24.01.2022).

2 Аванесов С. С. Иконическое мировоззрение // Икона в русской словесности и культуре. Материалы XIII Международной научной конференции «Икона в русской словесности и культуре» (Москва, 26–28 января 2017 г.). – М., 2017. – С. 8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.domrz.ru/upload/iblock/3cc/3cc58993dd0182b37883dcdefca5f53e.pdf> (дата обращения: 26.01.2022).

тральному, банализирующего мир духовных градаций. Когда источник высоких смыслов становится ресурсом, мы начинаем двигаться в парадигме прагматизма и потребления. Не случайно, что икона требовала особенной чистоты авторских помыслов и исполнений, молитвенной направленности души к высшему Божественному благу. Более того Трубецкой называл художников духовидцами. Это достаточно показательная характеристика, чтобы в одном слове отлить весь спектр значений «умозрения в красках», метафизику русского религиозного искусства.

Приведем прекрасную характеристику, сформулированную П. Флоренского: «Так и иконы – “видимые изображения тайных и сверхъестественных зрелищ”, по определению св. Дионисия Ареопагита. И икона всегда или больше себя самоё, когда она — небесное видение, или меньше, если она некоторому сознанию не открывает мира сверхчувственного и не может быть называема иначе как расписанной доской» [17, с. 100]. В созвучии с Флоренским Трубецкой указывает, прежде всего, на смысловую красоту иконы, а не на видимый, поверхностный эстетизм. «В ней, — пишет мыслитель, — мы находим живое, действенное соприкосновение двух миров, двух планов существования» [16, с. 221]. Эта предельная высота понимания иконы свойственна вершинам церковной жизни. Трубецкой размышляет о храмовой природе иконы, которая подчинена архитектурному замыслу в культуре. Храм есть прообраз единения всех существующих, что замыслил Бог в своей Премудрости как живое архитектурное целое. Отсюда – символизм, который задает красоту и мощь религиозным символам, которые свидетельствуют о грядущем храмовом или соборном человечестве, поскольку в действительности соборность еще не осуществлена, в ней царит раздор и хаос.

Действительно, архитектоника иконописного пространства включает всю ансамблевость строения древнерусской культуры, где синтез искусств свидетельствует об единстве замысла всех художеств, прославляющих Творца. В этом измерении действие отъятия (Дионисий Ареопагит) всего несущественного, пропускание сквозь сокровенную красоту Божественного рождает мир строгих онтологических образов иконы. Они могут показаться поверхностному наблюдателю неживыми, однако строгие, традиционные условные иконописные формулы свидетельствуют не о плоти, возведенной в абсолют, но о Духе.

Нельзя не отметить, что эстетические воззрения Е. Н. Трубецкой являются органическим продолжением его главной философской темы – «смысл жизни», когда события земной жизни оправданы только в свете ее вечного измерения («горение ко Христу») в единстве трансцендентного и имманентного. Автор задает определенное направление развитию философско-богословских исследований иконы, соединяя богословскую и эстетическую линию понимания иконы, открывая заново древний язык иконописных образов. Поэтому трактовку «умозрения в красках», сформулированную русским мыслителем, можно рассматривать как связанное с общими традициями в отечественной культуре понимания иконичности в качестве смысловой почвы для интерпретации апофатической (анагогической) тональности культуры в целом, так и ее отдельных философско-эстетических интерпретаций в частности. Мистическая глубина иконы есть результат тех духовных прозрений, которые были бы невозможны без понимания апофатических стратегий «неподобного символа».

Новое открытие символического строя древней иконы, предполагающего синтез мистического богословия и эстетики, впоследствии будет связано с авангардными движениями XX века. Это демонстрирует определенную преемственность в следовании традиции апофатической эстетики, предполагающей проникновение в символическую энергетику иконы. Актуализация данного синтеза и одновременно следование

традиции в рамках современной культуры может стать ресурсом духовного обновления человека и общества.

Пристатейный библиографический список

1. Гуревич П., Спирина Э. Наука в горизонте апофатики // Философская антропология. – 2019. – Т. 5. – № 1. – С. 6-25.
2. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. – Челябинск: Социум, 2010. – 288 с.
3. Дамаскин И. (св.) Точное изложение православной веры. – М.: «Лодья», 2004. – 465 с.
4. Коначева С. Боговидение и мышление о бытии: Владимир Лосский и Мартин Хайдеггер // HORIZON. – 2018. – Т. 7. – № 2. – С. 312-336.
5. Хайдеггер М. О поэтах и поэзии: Гельдерлин. Рильке. Трагль. – М.: Водолей, 2017. – 240 с.
6. Флоровский Г. (протоиерей) Византийские отцы V–VIII в. – Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2006. – 335 с.
7. Лосев А. Ф. Избранные труды по имяславью и корпусу сочинений Дионисия Ареопагита. – СПб: Изд-во Олега Абышко; Университетская книга. – СПб., 2009. – 224 с.
8. Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии. Тексты. – СПб.: «Глаголь», 1994. – 370 с.
9. Бычков В. В. Малая история византийской эстетики. – Киев: «Путь к истине», 1991. – 407 с.
10. Аверинцев С. Другой Рим: Избранные статьи. – СПб.: Амфора, 2005. – 366 с.
11. Лидов А. М. Икона и иконическое в сакральном пространстве // Икона в русской словесности и культуре: сб. статей. – М.: Паломник, 2012. – С. 103-104.
12. Лепяхин В. В. Икона и иконичность. – СПб.: Успенское подворье Оптиной пустыни, 2002. – 400 с.
13. Бычков В. В. Эстетическое сознание Древней Руси // Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI–XVII века / Под ред. В. В. Быčkova. – М.: Ладомир, 1996. – 560 с.
14. Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X–XVII вв.: Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 288 с.
15. Языкова И. К. Богословие иконы (учебное пособие). – М.: Изд-во Общедоступного Православного Университета, 1995. – 212 с.
16. Трубецкой Е. Два мира в древнерусской иконописи // Философия русского религиозного искусства XVI – XX вв.: Антология / Общ. ред. Гаврюшина Н. К. – М.: Издательская группа «Прогресс – Культура», 1993. – 399 с.
17. Флоренский П. Избранные труды по искусству. – М.: Изд-во «Изобразительное искусство», 1996. – 335 с.

УРЯДОВ Артём Владимирович

аспирант кафедры философии и политологии Факультета философии и социологии Башкирского государственного университета

Урядов А. В.

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Жизнь, как явление, представляет собой уникальный объект для научного и философского исследования. В силу специфичности этого явления, его анализ отличается от исследования всего остального мира. Главной особенностью жизни, как предмета философского анализа, остаётся тот факт, что это самоанализ. Гегель Г. В. Ф. не считал жизнь рядовой категорией, жизнь — это идея, то есть основание бытия человека, в котором происходит общение людей. Важным фактором которой является субъектность. Жизнь — это предмет самоанализа и способность к субъектному воздействию, такому как познание. Этот вопрос в значительной степени исследуется герменевтикой, феноменологией и другими областями философского знания. Человек привык делать акцент на феномен знания, процесс познания, влияние внешнего воздействия на познавание, анализировать субъективность и объективность полученных результатов. Но на субъектности жизни (человека, как активно воздействующего исходя из своих замыслов) мы делаем меньший акцент. А ведь это является существенным различием жизни, от не жизни. Активное воздействие на материю, исходя из своих интересов и замыслов, — есть способ существования жизни, его бытия.

Ключевые слова: жизнь, смерть, система, диалектика, жизнь вообще, человек, анализ, самоанализ, бытие.

URYADOV Artyom Vladimirovich

postgraduate student of Philosophy and political science sub-faculty of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF LIFE AND DEATH

Life, as a phenomenon, is a unique object for scientific and philosophical research. Due to the specificity of this phenomenon, its analysis differs from the study of the rest of the world. The main feature of life as a subject of philosophical analysis remains the fact that it is introspection. Hegel G. W. F. did not consider life an ordinary category, life is an idea, that is, the basis of human existence, in which people communicate. An important factor of which is subjectivity. Life is a subject of introspection and the ability to subjectively influence, such as cognition. This question is largely investigated by hermeneutics, phenomenology and other fields of philosophical knowledge. A person is accustomed to focus on the phenomenon of knowledge, the process of cognition, the influence of external influence on cognition, analyze the subjectivity and objectivity of the results obtained. But we place less emphasis on the subjectivity of life (of a person as actively acting on the basis of his plans). But this is the essential difference between life and non-life. Active influence on matter, based on one's interests and intentions, is a way of existence of life, its being.

Keywords: life, death, system, dialectic, life in general, man, analysis, introspection, being.

Замыслы и интересы могут быть присущи лишь «живым» системам и лишь ими воплощаться, и через них становиться наличным бытием. У камня нет замысла или возможности его воплотить в наличное бытие. Паук, человек или такой вид «живой» системы, как государство, имеют замыслы и возможности к их наличному воплощению. Структурный уровень организации живой системы сохраняет признаки замысла соответствующего уровня сложности на различных уровнях системы. Исходным замыслом любой живой системы является выживание.

Мы не находимся в потоке жизни, мы и есть часть этого потока. То есть жизнь — это не внешнее явление, а мы. Не жизнь, как внешнее, протекает во времени, а мы течём и развиваемся, представляя собой течение жизни. Жизнь — одна из форм бытия и движения. Но она обладает ярко выраженным качеством. Другие формы были выделены человеком, добыты его чувствами и разумом. То есть через получение данных о внешнем. С жизнью иначе, у нас есть внутренний опыт проживания. В наличии жизни у человека нет сомнений. Принцип сомнений Декарта Р., который закрепляет существование в «акте сомнения» - «Cogito ergo sum» (мыслью значит существую). Для Фихте очевидно существование «Я». Так или иначе всё это, в чём мы не можем усомниться, является жизнью, или её продуктом, её качеством [1]. Человек сам является жизнью и способен понять её не только посред-

ством восприятия чувствами или рефлексией разума, человек способен распознавать жизнь посредством самоанализа.

Но человек не единственная форма жизни, а значит мы способны взглянуть на неё и со стороны. По сути, жизнь — это выход на реальность, о жизни мы можем сказать больше, чем о всём остальном. Бытие жизни фиксируется как внешнее, физическое и социальное [2]. И явление «существования» жизни не оставляет сомнений. Изучая такие формы движения, как механическое, физическое, химическое, биологическое, социальное, мы изучаем жизнь в разных аспектах. По сути, все наши знания являются изучением жизни, так как у человека нет возможности полноценно выйти за рамки живого и войти в неживое бытие, чтобы «видеть мир его глазами».

Кроме того, жизнь сложна, является представителем самоорганизующихся систем, материи, духа, психики и мира познания, жизнь краеугольный камень познания для человека. Нам недоступен лишь опыт смерти — окончания жизни, отсутствия жизни. Но не доступен, как личный опыт «потустороннего», даже его отсутствия и «опыт» несуществования.

Жизнь является выходом на реальность [3]. Человек окружён огромным количеством иллюзий, некоторые из которых полезны, другие вредны. Числа не существуют в природе, но мы считаем, что перед нами «фактически 5 яблок», это полезная иллюзия, числа — это продукт мышления.

Даже факт количества искажается через призму восприятия, мы не познаём «вещь в себе». Примером вредной иллюзии может быть кажущееся наличие выбора, которого у вас нет. Или иллюзия отсутствия выбора, когда он есть.

Наше представление о чём-то есть ничто иное как иллюзия. Лишь наша жизнь есть для нас, и как представление, и как личное, опытное бытие [4]. В иллюзорном мире нашего сознания, лишь жизнь настоящая, надёжная, реальная.

Жизнь как предмет философского анализа специфичный предмет. Специфика самоанализа, как показано выше, даёт нам огромные перспективы и выход на реальность. А изучение внешнего, по отношению к жизни, мира можно трактовать как «расширение самоанализа», ограниченный выход за рамки. Жизнь, как предмет философского анализа, включает в себя рассмотрение внешнего и внутреннего [5]. То есть является объектом анализа и самоанализа. Так как жизнь обладает субъектностью, но также имеет разнообразие «я», которые становятся внешними друг другу. Жизнь, как активное начало, обладающее субъектностью, имеет замыслы и возможности к их наличному воплощению. Наряду с наличием более распространённых качеств, таких как системность и развитие.

Философский анализ категории жизни в китайской философии, так же представляет собой пищу для размышлений. Поскольку все сущее представляет собой лишь непрерывный процесс перетекания форм и модусов единой субстанции, то вопрос о смерти вообще может быть снят: есть только переходы от одних состояний пневмы-ци к другим, но не уничтожение чего-то сущего. Конечно, конкретные формы и модификации исчезают, но эти исчезновения никак не затрагивают собственно сущего ци и только глупец (но никак не мудрец), отождествляющий свое «я» с той или иной модификацией сущего, может говорить о пневме. Для мудреца, напротив, существует лишь радостное ожидание некоего нового приключения, удивительного превращения, когда он может стать или печенью мыши или лапкой насекомого или и тем, и другим одновременно.

Важным аспектом в исследовании жизни философией, является определение её смысла для индивида и общества. Бытие жизни представляет собой огромнейший по количеству составляющих процесс, что позволяет нам познавать окружающий мир через сравнение «я» с «другой». Процесс познания в таком случае ограничен тем, что включено в явление жизнь, так как без проявленного или отсутствующего качества в нас, мы не имеем точки опоры для сравнения.

Экзистенциальное понимание смерти Хайдеггером, по сути своей, является более близкое к реальности, так как речь идёт о большей полноте бытия. Рациональные или религиозные взгляды на проблему жизни и смерти, отдаляются над вопросом, чтобы посмотреть со стороны. Экзистенциальное бытие жизни и смерти является более целокупным взглядом на проблематику, он ближе к реальности. Но, стоит отметить, что, для глубокого понимания вопроса, следует изучать все эти взгляды, и прожив их поэтично, можно получить чёткое представление по теме. Это огромная исследовательская база стала подготовительной платформой для новой философии жизни, которую следует знать, для понимания масштабов происходящих сегодня событий. Разносторонний взгляд на жизнь как предмет философского анализа в немецкой философии, диалектично перетекающий из строгой рациональности в иррациональность, преподносит нам появление в проблематике жизни смерти такой категории, как воля, в частности воля к жизни, воля мира, воля к власти. Волевой аспект проблематики жизни и смерти позволил родиться ей в философию жизни.

Самоорганизация есть специфика жизни и определяет её путь, как мирового явления. Традиционная мудрость предполагает, что вещь жива, если она автономна, метаболизируется, и воспроизводит себя. И. Кант видел разницу

между машиной и организмом в том, что в машине части существуют друг с другом, но не друг для друга; Части организма работают вместе, и производят организм: каждая часть есть причина и следствие, и в этом смысле организм есть, по Канту, самоорганизующаяся сущность. Более современные определения придают свой собственный поворот этому основному шаблону. Л. Маргулис и Д. Саган видят жизнь как то, что является аутопоэтической. От греческого «я» (auto) и «делание» (poiein), аутопоэтическая жизнь постоянно производит себя, занимается самообслуживанием. С. Кауфман определяет жизнь как эмерджентное свойство автокаталитического набора химических реакций, который самовоспроизводится и способен выполнять по крайней мере один термодинамический рабочий цикл. А Д. Макфадден считает жизнь «системой, которая использует внутренние скатовые самоизмерения для захвата низкоэнтропийных состояний, которые поддерживают состояние системы против термодинамического распада. В каждом из этих определений ключевым понятием является понятие самоорганизации [6]. Жизнь считается чем-то особенным, чем-то, что сделано из неживых частей, но в целом неким образом сделано самим собой. Жизнь становится жизнью, делая что-то с собой.

Подводя итоги заметим, что субъектность является существенным различием жизни, от не жизни. Активное воздействие на материю, исходя из своих интересов и замыслов, – есть способ существования жизни, его бытия. Жизнь проявляет своё подлинное бытие в произвольном взаимодействии с миром. Замыслы и интересы могут быть присущи лишь «живым» системам и лишь ими воплощаться, и через них становиться наличным бытием. Общим, исходным замыслом эффективных живых систем является – выживание, вне зависимости от структурного уровня (от человеческой клетки, до государства).

Жизнь — это не внешнее явление, а мы. Не жизнь, как внешнее, протекает во времени, а мы течём и развиваемся, представляя собой течение жизни. Человек сам является жизнью и способен понять её не только посредством восприятия чувствами или рефлексией разума, человек способен распознавать жизнь посредством самоанализа, экзистенциального проживания. Изучение внешнего, по отношению к жизни, мира можно трактовать как «расширение самоанализа», ограниченный выход за рамки. Нам недоступен лишь опыт смерти – окончания жизни, отсутствия жизни. Но не доступен, как личный опыт «потустороннего», даже его отсутствия и «опыт» несуществования. Жизнь краеугольный камень познания для человека.

Пристатейный библиографический список

1. Диаров В. О. Генезис проблемы детерминации в эволюции // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 8 (159). - 519 с.
2. Диаров В. О. Онтологическая диалектика эволюции в контексте биотехнологии // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 3 (154). - С. 508-509.
3. Елхова О. И., Кудряшев А. Ф. Мягкий детерминизм событий виртуального мира. // Евразийский юридический журнал. - 2019. - № 10 (137). - С. 438-440.
4. Диаров В. О. Глобальный характер эволюции // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 10. - 740 с.
5. Диаров В. О. Связь биологии и онтологии через призму диалектики эволюции, актуальные проблемы теории и практики коммуникации // Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции. - Уфа, 2020. - С. 51-55.
6. Урядов А. В. Эволюция жизни в небиологической системе // Вестник Башкирск. ун-та. - 2020. - № 1.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-2-165-512-514

HASSAN ALI

postgraduate student of the Faculty of Humanities of the Russian State Social University

THE CHURCH'S STRUCTURE OF THE SUB-APOSTOLIC ERA AND CHRISTIAN PERSECUTION

The establishment of the church's identity for Christianity had only begun during the life and after the resurrection of Jesus Christ according to the historical facts of first century, but the transition of its ideals had begun to take effect into a different model of the church. The sub-apostolic era meant that there was no longer a leader in a fleshly form to represent the fate of Christianity or the gentiles to whom the message was newly introduced and who were now intended to carry on the message of its teachings. The resulting dispersal that the Christians faced from the severe persecution that they endured, because of the new doctrine introduced by Christ, still did not negate the church's transparency for a revolutionizing change that would eventually form a solidified foundation of its intended purpose and structure. This article will attempt to demonstrate the primitive church's structure, which became manifested during and after the sub-apostolic era and the impending persecution for the followers of early Christianity.

Keywords: Christians, Christianity, Church, structure, persecution.

ХАССАН АЛИ

аспирант Гуманитарного факультета Российского государственного социального университета

ЦЕРКОВНАЯ СТРУКТУРА ДООПОСТОЛЬСКОЙ ЭПОХИ И ГОНЕНИЯ НА ХРИСТИАН

Исторические факты первого века нашей эры свидетельствуют о начале осмысления идентичности христианской церкви, которая началась именно при жизни и после воскресения Иисуса Христа, но изменение ее идеалов связано с формированием понимания новой модели церкви. Субапостольская эпоха исходила из установки, что невозможно существование нового типа религиозного лидера в плотской форме, который определял бы судьбу христианства или язычников, недавно воспринявших послание Иисуса Христа и которые теперь должны были его нести другим людям. Последовавшее за этим рассеяние, где христиане подвергались жестоким преследованиям из-за нового учения, созданного Христом, все же не смогло подорвать готовность церкви к революционным изменениям, которые в конечном итоге сформировали прочную основу осмысления ее предназначения и структуры. В этой статье будет предпринята попытка продемонстрировать структуру ранней христианской церкви, которая сформировалась во время и после доапостольской эпохи в условиях преследования последователей раннего христианства.

Ключевые слова: христиане, христианство, церковь, структура, преследование.

Хассан Али

Introduction. For all intents and purposes, it is necessary to enunciate the relevance of what is meant by the "structure" as it pertains to the mention of the church in the following discourse. The word structure can mean a literal building or even a conglomeration of Christians in a common place, where one can assume it to be an expression of solidarity among the prevalent ideals of its disciples. However, more aligned to the sense of this word in the mention of this article, applies to the nature of being, according to the teachings of Jesus Christ.

Keeping this facet in mind, the transition of time for the church between the first and second centuries marks the reference point whereby the original apostles, including Paul, began to construct the foundation and structure of the Christian church. By alluding to this concept of structure, it asserts this notion of "orthodoxy" that has become so well aligned with the doctrine of the Christian church that has been prominent for centuries. Only until the absolute interpretation of its theology had been questioned and broken by the Protestant movement, did its precepts remain a formidable basis for its establishment.

Roughly between the time in which the saints that had consisted of all who contributed to the significance of Christianity, namely between John to Ignatius of the sub-

apostolic era, did this structure finally emerge as a pillar for understanding among all Christians, among which Paul played the most integral role in defining its ideology to the first missionaries of the Christian church; according to its history and tradition. During this time, the Christian church and other witnesses of its strengthening and formation, "saw a firm connection between orthodox Christian belief and orthodox organization, liturgy and conduct" [2, p. 139] that was made possible by the former teachings of Jesus Christ, which were passed down and preached by all of his disciples.

Various offices and positions; acts and tolerances; texts and teachings derived from some semblance of structure for the church. The first order of necessity that had been preserved for the sake of leading many souls to the proper call of Christianity; disclosure of the new covenant and decrees that was made possible by Jesus Christ and the integration of a sound model that would justify the cause for Christianity had been devised in two ways of ministry. According to the text:

We find the continuance of two types of ministries that had grown up in the wake of Paul's missionary journeys and had also been accepted in some non-Pauline churches. The main division was not between 'charismatic' or 'non-charismatic' –

all baptized Christians were potentially men of the Spirit – but the residential and itinerant ministries [2, p. 139].

Materials and Methods. We learn from Paul that there were to be two groups, from which Christians would carry out their duties as believers in proclaiming the message of the church. The author of the text: *The Rise of Christianity* defines these two groups as essentially residential and itinerant possibilities, as a means of building a church for the sake of Christianity. Some measures of the residential missionaries were to allow the basic teachings of the Spirit: to imbue others with the divine inclination to heed the words of Christ; express his plan of redemption as hope from the imminent judgment of the world; as well as granting the ability to aspire “toward the mark for the prize of the high calling of God in Christ Jesus” [1. Phil 3:14]. The interpretation of their capabilities was fairly localized when it played a factor in dealing with others and spreading the word. In addition, the motivating facets of conduct was an extremely important measure in keeping respect, a congenial decorum and the right etiquette toward the church’s establishment, its rituals and expectations.

Results. The alternative to the preceding form of ministry that differs in responsibility, locale, experience, indoctrination according to the Spirit; etc.; falls into the category of itinerant missionary work of which, “the latter group included Paul’s disciples Timothy and Titus, who had major regional responsibilities, the one in Asia and the other in Crete, and Aristion and John of Ephesus, whose role was supervisory and itinerant” [2, p. 139]. These members formed an oversight committee of sorts, that created stability for the Christian fellowship of residential believers within their territorial areas.

In Paul’s writings to the associated entities that were being forged by time and external factors impinging upon the church, he besought with great effort and difficulty the important task of illustrating the type of appearance or life of one bound to the church must have before God and the face of all men. Paul encouraged the cultivation of men and women who called themselves Christians, to have a spiritual understanding of what it means to live a life that is befitting of the church. His writings to the various churches imbued and educated its members and leaders with a sense of zealous empowerment that would eventually have a tremendous effect on the foundational structure of the church that would last centuries later.

Pursuant to Paul’s writings, the other disciples of this sub-apostolic era, such as John, Luke, Peter, etc., all contributed to the teachings of the early Christians disciples, particularly with relationship to the standards that ought to be held by the higher, members of the church. Even more remarkable is that, though the times spent apart among these itinerant, main members of Christ’s church, innumerable outweighed the time that they had spent in the company of each other; as there had never been a time when they all were together with the exception of possibly once even after the resurrection of Christ, their messages to the Christians were always unified in ideology; synonymous in doctrine and uncannily parallel in ideals.

Paul, John and Luke all outlined the expectations of the higher counsels of the church that would later be assumed by the office titles, such as: “Bishops, Presbyters and Deacons” [2, p. 139]. Moreover, there are multiple texts that were also

recovered during the time of these apostles, which offers a non-canonical account of the lives of these ministry leaders and how they must be portrayed before God, the church and even public. These precepts are found in every detail to address the liturgies prescribed to its members that outlines:

“The offerings and services He has commanded to be performed carefully, and not to be done in a haphazard or disorderly way, but at fixed times and seasons. Where and by whom he desires them to be performed he has himself fixed according to His most excellent counsel, in order that things may be done in holy wise according to His good pleasure and be acceptable to his will” [3, p. 8].

Many other rituals and customs are also explained and urged to be recognized by the church in the reckoning of its structure. Other sources included by Didache, Clement and Ignatius were also very compelling in sequence, teaching and influence; that served to be monumental works in the establishment of the Church that has lasted even until today.

Discussion. Concomitantly, the early Christians during the rise of the church during the sub-apostolic era gave similar impressions as the Christians of today; who are known to set themselves apart by projecting the source of a sound undeniable and predominant doctrine that prevails among its believers and their church. Their efforts were usually distinctive in trying to establish a prized feature among the disciples of this faith, that has constituted a separatist opinion of themselves; along with a passion to be isolated from all other unlikely cultures and faiths that taint the ideology of Jesus Christ. “Indeed, Irenaeus shows Christians regarded ‘Romans and other nations’ as separate from themselves” [2, p. 181].

It was especially recognized as a feature among the early Christians to be different in this regard, which sometimes gave the impression to other spectators, as a type of fanaticism associated with their rules of conduct and lifestyle. According to Lucian of Samosata “Christianity was a ‘new-fangled cult.’ Its adherents were fanatics, but the authorities controlled the situation [2, p. 177]. This is not to say that the unity among Christians has always been of the utmost importance to successfully defy the grounds of any conflict or dissonance among themselves. On the contrary, there are in fact several resulting offsets to the solidarity among Christians that namely occur in light of the many discrepancies that has always existed among its members. “The Christians might quarrel among themselves, but (like the Jews before them) they appeared to be hostile to everyone else” [2, p. 178].

Moreover, they are well-known for the varying interpretations of the precepts that are tantamount to the belief system of Christianity. Needless to say, disagreement and conflict have been synonymous with the term Christianity since its early beginnings, that in more ways than one, have affected the lives of its apostles and the early church of Christianity since its inception. For this reason, the question of Christianity encouraged significant persecution of its members, particularly during the imperial reign of the Greco-Roman Empire. These undisclosed reasons for the religious persecution of the early church and the devastation that ensued upon the early Christians during the era of Roman domination have been topics which have compelled many controversial

and speculative agendas that often require thorough and accurate investigation.

As the Christians became more distinctive as a growing sect out of the basis of Judaism, they began to reorganize and implement various aspects to the structure of the religion of Christianity, that would create a unique identity of its own. "Between 135 and the end of the century, Christians attained a self-identity based on their sacred literature, the New Testament, their distinctive liturgy, their rule of faith, and their wide-ranging organization" [2, p. 162]. To some the Christians were compliant and posed no threat to the Roman Empire. Of course, many other religious groups had their own dislikes and discrepancies about the functionality and stability of imperial Rome, which was no different than the Christians of that time.

Cynics, Jews and Christians were united in exposing and criticizing the weak points of the imperial system. Cynics had long denounced the institution of the emperor, and in 71 Cynic philosophers had been expelled from Rome for preaching antimonarchic, if not anarchic tenets. Jewish leaders also had their own tradition of hostility to Rome's ways of government [2, p. 171].

However, the Christians hardly appeared to be defiant to the authority of Rome; especially since Jesus gave the instruction to: "Love the Lord your God with all your heart and with all your soul and with all your mind and with all your strength.' The second is this: 'Love your neighbor as yourself.' There is no commandment greater than these" [1. Mark 12:30-31]. Jesus also provided the activity and mindset with which to pursue the will of God by indulging in the appropriate attitude towards the authority of Rome when he stated: "Render therefore unto Caesar the things which are Caesar's; and unto God the things that are God's" [1. Matt. 22:20-22].

As Christians drew themselves into this sort of dialogue among themselves to uphold their beliefs over the authority of Rome, they achieved two desirable outcomes that unfortunately led to their persecution, though many willingly accepted it as a mere opportunity and responsibility to enter martyrdom and sainthood. The first outcome was that they became noticeably attached to the critical nature of other religious denominations and philosophers who despised and criticized Rome for their leadership. Secondly, the Christians became a target for those who perceived them to be less than subtle in acquiring many members to their creed and could easily be alleged as dangerous and starting a revolution. Many individuals such as Celsus, didn't regard the Christians as just being harmless.

He was an educated man, a Platonist, as he had taken the trouble to read some of the writings of the Christians and of late Judaism...Celsus accused the Christians of being a revolutionary sect, bound to each other by oaths, and intent on subverting the established order of society. They were an offshoot of Judaism [2, p. 177].

Conclusion. In the wake of discovery, the main problem that the Christians were having influenced their ability to subvert attention. This was usually compromised by the success of being profoundly noticed through their general defiance of Rome's authority as sovereign and the acceptance of multifaceted accounts of God, rather than the Christian faith. "The basic problem concerned Christians' attitudes towards

the protecting deities of the world in which they lived" [2, p. 178].

Acknowledgment of Christianity as a possible threat to Rome gradually became more realized, as the enemies of its doctrine grew more and more agitated by their growing success among everyday individuals. According to Celsus:

"Their targets were artisans, slaves, the women and children in major households, and gullible and stupid people, prepared to be taken in by propaganda. Going around from marketplace to marketplace dressed as beggars, the Christians missionaries were plying their disruptive trade" [2, p. 179].

For the most part, until the time that persecution of the Christians became more critical, most individuals of high office generally accepted the attitude of the Christians as inconsequential, if not a contributing factor to their allegiance toward Rome. "As the second century wore on, the enmity between the populace and the authorities increased. Most, if not all, provincial governors took their religion for granted and had a tendency to identify it with loyalty to the empire" [2, p. 180].

By the time the governors and other high office officials; including the emperor understood the truth about Christianity, they felt betrayed by the faith of the Christians and sought ways to rid their empire of such heresies against imperial Rome. "When, therefore, officials heard outbursts such as 'I do not recognize the empire of this world. Rather I serve that God whom no man has seen,' they had not the slightest doubt that the Christians deserved punishment." [2, p. 181].

From this moment forward, during the mid-second century, Christians were condemned as cannibals, atheists and advocates of incest. They were made public spectacles by being tortured and brutalized in the most inhumane ways. "Christians became the object of terrible outbursts by the populace, which the authorities were unable or willing to control" [2, p. 181]. Things continued this way for Christians until the authorities themselves became the orchestrators of atrocious fates endured by the Christians. The Roman Colosseum and other amphitheatres were put to use for the public, governors and the emperors, who would enjoy themselves by witnessing the demise of the followers of Christianity. "Those who recanted were to be freed if they were not guilty of any criminal offense, but those who persisted were to be condemned to the beasts, or if Roman citizens, were to be beheaded" [2, p. 183].

Bibliography

1. The Bible. Biblegateway.com. www.biblegateway.com. Accessed January 26, 2022.
2. Frend W.H.C. The Rise of Christianity. – Philadelphia: Fortress Press, 1984. Eusebius.
3. The History of the Church. Translated by G. A. Williamson. Penguin. – New York, 1989.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasioffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сноска — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от сутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.